

Анна А. Зализняк

**РУССКАЯ СЕМАНТИКА
В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ**

STUDIA PHILOLOGICA

S T U D I A P H I L O L O G I C A

Анна А. Зализняк

**РУССКАЯ СЕМАНТИКА
В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ**

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

МОСКВА 2013

УДК 811.161.1
ББК 81.031
3 23

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 13-04-16050

Рецензенты:
чл.-корр. РАН В. А. Плунгян, д. ф. н. Д. О. Добровольский

3 23 **Зализняк Анна А.**

Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. — 640 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-9551-0692-2

Книга посвящена исследованию русской лексической семантики в типологической, диахронической и межкультурной перспективе. Книга обобщает результаты исследований автора в области русской лексической и словообразовательной семантики, русской языковой картины мира и семантической типологии. Центральной теоретической проблемой является многозначность языковых единиц, которая рассматривается в синхронном аспекте (полисемия), а также в диахроническом (семантическая эволюция) и в типологическом (типология семантических переходов). Строится концептуальный аппарат описания многозначности, позволяющий адекватно отобразить недискретное по своей природе явление, каковым предстает многозначность в языке: центральное место в нем занимает понятие *концептуальной схемы* и множества ее реализаций. Механизм объединения разных языковых значений в одну языковую форму моделируется при помощи понятия *семантического перехода*, позволяющего отобразить существующие регулярные связи между значениями слова в синхронии, диахронии и словообразовании. Рассматривается также ряд вопросов, находящихся на границе семантики с поэтикой, семиотикой и теорией коммуникации.

Для широкого круга лингвистов.

ББК 81.031

*При оформлении переплета использована картина
Камиля Писсаро «Бульвар Монмартр в Париже», 1897*

ISBN 978-5-9551-0692-2

© Анна А. Зализняк, 2013
© Языки славянской культуры, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	11
-----------------	----

Глава I

ФЕНОМЕН МНОГОЗНАЧНОСТИ

1. Многозначность как центральная проблема семантики	15
1.1. Многозначность, полисемия и виды неоднозначности	18
1.2. Неоднозначность и языковая игра	23
1.3. Типы некаламбурного совмещения значений	24
1.4. Способы представления многозначности	30
1.5. Значение языковой единицы как реализация ее «концептуальной схемы»	34
1.5.1. Инвариант vs. исходное значение	34
1.5.2. Понятие концептуальной схемы	36
1.6. Предварительные итоги	38
2. Внутренняя форма слова	41
2.1. Понятие внутренней формы слова	41
2.2. Типы внутренней формы	43
2.3. Внутренняя форма слова и его значение	44
2.4. Этимология и народная этимология	46
2.5. Внутренняя форма и семантический инвариант	49
3. Метафора как источник многозначности	51
3.1. Метафора с лексикографической точки зрения	51
3.1.1. О двух способах интерпретации метафорических словосочетаний ...	51
3.1.2. О множественности «вещных коннотаций» абстрактных имен	54
3.1.3. «Телесная метафора души» в описании эмоций	57
3.2. Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности	59

Глава II

РУССКАЯ СЕМАНТИКА

В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1. Семантика глагола <i>бояться</i> в русском языке	68
1.1. Экспозиция	68
1.2. <i>Бояться 1</i> и <i>бояться 2</i>	69

1.3. Синтаксис и семантика предложений с глаголом <i>бояться</i>	72
1.3.1. Конструкция с подчиненным инфинитивом	72
1.3.2. Конструкция с именным дополнением	75
1.4. Postscriptum	78
2. О семантике сожаления	79
2.1. Сожаление: о плохом или о хорошем?	79
2.2. Модель мира сожалеющего субъекта	82
2.3. Все могло быть иначе...	84
2.4. <i>Жалко расставаться</i>	89
2.5. Сожаление и раскаяние	92
2.6. Вместо заключения	93
2.7. Postscriptum	94
2.7.1. Еще раз о совмещении значений	94
2.7.2. Сожаление и жалость	97
2.7.3. Концептуальная схема сожаления	99
2.7.4. Глагол <i>сожалеть</i> в лексикографическом аспекте	101
3. Наречие <i>напрасно</i> : семантика и сочетаемость	105
3.1. Значение неэффективности действия ('напрасно 1')	106
3.2. Оценочное значение ('напрасно 3')	109
3.3. Значение ошибочности мнения ('напрасно 2')	111
3.4. К проблеме инварианта	117
4. Праздник жизни проходит мимо	118
4.1. <i>Мимо 1</i> и <i>мимо 2</i>	118
4.2. <i>Пройти мимо</i> и <i>миновать</i>	124
4.3. Концептуальная схема 'мимо' и ее реализации	125
5. Глагол <i>мочь</i>	131
5.1. Об одном идиоматическом значении глагола <i>мочь</i>	131
5.2. Система значений глагола <i>мочь</i>	135
5.2.1. Объективное значение	135
5.2.2. Пермиссивное значение	139
5.2.3. Эпистемическое значение	140
5.3. Некоторые итоги	142
6. Глагол <i>говорить</i>	145
6.1. Семантические роли и их исполнители	145
6.2. Смысл 'говорить' в системе языка	152
6.3. Словарная статья глагола <i>говорить</i>	155
6.4. Структура многозначности глагола <i>говорить</i>	165
7. Глагол <i>считать</i>	169
7.1. <i>Считать</i> и <i>думать</i> : два типа мнения	169
7.2. <i>Считать</i> как лингвоспецифичное слово	175
7.3. Глагол <i>считать</i> с типологической точки зрения	178

Глава III
ФРАГМЕНТЫ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

1. Отражение «национального характера» в лексике русского языка	185
1.1. Языковая картина мира и методы ее реконструкции	185
1.2. <i>Собираться</i>	187
1.3. <i>Стараться</i>	193
1.4. <i>Удалось — успел</i>	195
1.5. <i>Получилось — вышло — сложилось</i>	199
1.6. <i>Довелось — посчастливилось — повезло</i>	202
1.7. <i>Угораздило — умудрился</i>	205
1.8. Вместо заключения	208
2. Преодоление пространства в русской языковой картине мира	210
2.1. Глагол <i>добираться</i> : словообразовательная и аспектуальная семантика	210
2.2. Преодоление пространства	216
2.3. Глагол <i>добираться</i> : семантическая эволюция	218
3. <i>Компактность vs. рассеяние</i> в метафорическом пространстве русского языка	220
4. <i>Счастье и наслаждение</i> в русской языковой картине мира	226
4.1. Предварительные замечания	226
4.2. <i>Радость</i> и <i>удовольствие</i>	227
4.3. <i>Ум</i>	228
4.4. <i>Счастье</i>	231
4.4.1. <i>Счастье</i> : значение и семантическая эволюция	231
4.4.2. <i>Счастье</i> : сочетаемость и употребление	233
4.4.3. Русская мифология счастья	235
4.4.4. Межъязыковые сопоставления	236
4.5. <i>Наслаждение</i>	238
5. О семантике щепетильности: <i>обидно, совестно и неудобно</i>	241
5.1. Концепт <i>обиды</i> в русской языковой картине мира	241
5.2. <i>Обидно</i>	249
5.3. <i>Совестно</i> и <i>неудобно</i>	252
5.3.1. <i>Совестно</i>	252
5.3.2. <i>Неудобно</i>	254
6. К семантике межличностного взаимодействия	256
6.1. <i>Друг, общение, отношение, просьба</i>	256
6.2. <i>Чувства и эмоции</i>	260
7. Русский союз <i>а</i> как лингвоспецифичное слово	263
7.1. Вводные замечания	263
7.2. Семантика союза <i>А</i> : значение сопоставления	264
7.3. <i>А</i> несоответствия: к проблеме переводимости	268
8. Русская семантика в типологической перспективе (к вопросу о термине «языковая картина мира»)	271

8.1. Языковая семантика и картина мира	272
8.2. Языковая картина мира и семантическая типология	274
8.3. Один фрагмент русской языковой картины мира	277

Глава IV
**РУССКАЯ СЕМАНТИКА В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ
 И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

1. Русские культурные концепты в европейской лингвистической перспективе: слово <i>проблема</i>	285
2. <i>Юмор</i> и <i>остроумие</i> в европейской культурной перспективе	293
2.1. <i>Юмор</i>	293
2.2. <i>Остроумие</i>	294
2.3. <i>Смешной</i>	296
3. Об эффекте ближней семантической эволюции	300
3.1. Вводные замечания	300
3.2. Типы ситуаций ошибочного понимания	304
3.3. <i>Инвалид</i>	305
3.4. <i>Перевод</i>	307
3.5. Вместо заключения	310
4. Константы и переменные семантики глагола <i>отдыхать</i>	312
4.1. <i>Дышать</i> и <i>отдыхать</i>	312
4.2. Значения глагола <i>отдыхать</i>	315
4.3. Эффект ближней семантической эволюции	318
4.4. Направление семантической деривации	320
4.5. Словообразовательная и аспектуальная семантика	321
4.6. Дальнейшая семантическая эволюция	323
5. Концептуализация <i>памяти</i> и <i>забвения</i> в русском языке	327
5.1. Предварительные замечания	327
5.2. <i>Забывать</i>	330
5.2.1. Внутренняя форма глагола <i>забыть</i>	330
5.2.2. <i>Забывать</i> и <i>забывать</i> : аспектуальная семантика	332
5.3. <i>Помнить</i>	334
5.3.1. <i>Помнить</i> и <i>знать</i>	334
5.3.2. <i>Помнить что</i> и <i>помнить как</i>	338
5.3.3. <i>Помнить</i> vs. <i>вспоминать</i>	339
5.3.4. <i>Помнить</i> в безличной конструкции	342
5.4. Вместо заключения	343
6. Предикаты ошибочного мнения в свете семантической типологии: глагол <i>мнить</i>	345
7. <i>Вздор</i> : слово и дело	353
8. <i>Льстить</i> : семантическая эволюция и актуальная полисемия	361
9. Общение между людьми в межкультурной перспективе: <i>гости</i> vs. <i>party</i>	366
10. Русское <i>разочарование</i> в европейском контексте: история и современность	376

Глава V

ТИПОЛОГИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ

1. Семантическая деривация в синхронии и диахронии	387
1.1. Семантическая деривация и семантическая реконструкция	389
1.2. Семантический переход и семантическая параллель	393
2. Проект «Каталога семантических переходов»	397
2.1. Примеры семантических переходов	397
2.2. Структура словарной статьи «Каталога»	399
2.3. Ограничение материала	401
2.3.1. Степень регулярности перехода	401
2.3.2. Величина смысловой дистанции	403
2.3.3. Многочленные семантические переходы	404
2.4. Проблема семантического калькирования	405
3. Семантический переход как объект типологии	410
3.1. Семантический переход как расширение понятия полисемии	411
3.2. Семантическая типология как типология семантических переходов	414
3.3. Проблемы идентификации семантических переходов	420

Глава VI

ГРАНИЦЫ СЕМАНТИКИ: ПОЭТИКА, СЕМИОТИКА, ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

1. К проблеме универсальности чувств и переводимости их имен: <i>любовь</i> и <i>сочувствие</i> в романе Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» ..	431
1.1. <i>Любовь</i>	433
1.1.1. <i>Любовь</i> в русском языке	433
1.1.2. <i>Любовь</i> в романе М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия»	438
1.2. <i>Сочувствие</i>	440
1.2.1. <i>Soucít</i> в романе М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия»	440
1.2.2. <i>Сочувствие</i> в русском языке	443
2. Тождество и подобие в значении русского творительного падежа	447
2.1. К проблеме инварианта	447
2.2. Тождество или подобие?	449
2.2.1. Творительный сравнения	450
2.2.2. Творительный образа действия	453
2.2.3. Творительный предикативный	455
2.3. Метаморфоза	458
3. Метасемантизация исходного текста в советских мультфильмах- экранизациях 40—50-х годов	462
4. Реконструкция «истинного смысла» реплик в конфликтном диалоге	468
5. О семантике непонимания	477
6. Переписка по электронной почте как лингвистический объект	485
6.1. Электронная переписка как особый коммуникативный жанр	486

6.2. Спонтанная письменная речь	488
6.3. Семиотические проблемы транслитерации	491
7. Семантика кавычек	495
8. Тексты А. Платонова как лингвистический источник	502
9. Дневник: к определению жанра	509
9.1. Дневниковеды, дневниковеды и постмодернизм	509
9.2. Фигура адресата	512
9.3. Дневник среди других речевых жанров с косвенным адресатом	515
9.4. Прочие жанровые признаки дневника	519
10. Второе лицо: семантика, грамматика, нарратология	524
10.1. Несобственно-адресатные значения формы 2-го лица	525
10.2. Повествование от 2-го лица как прием	531
11. Об одной гибридной повествовательной форме современной прозы	536
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	545
<i>Литература</i>	551
<i>Предметный указатель</i>	603
<i>Указатель лексем</i>	613

ОТ АВТОРА

Когда в начале 90-х мне довелось впервые встретиться с французским языком как реальным средством коммуникации и выражения мыслей, я с удивлением обнаружила, что некоторые мысли по-французски не выражаются — и не потому, что в этом языке чего-то не хватает, а потому, что в этом нет нужды: по-французски не говорят «я собираюсь» или «я постараюсь» <нечто сделать> — потому что по-французски так не думают (а думают «я намереваюсь...» или «я попытаюсь...») — что, как выясняется, далеко не одно и то же, и в некоторых случаях подмена приводит к совершенно абсурдному результату). Влияет ли в данном случае мышление на язык или язык на мышление, сказать трудно, но одно бесспорно: люди, говорящие на французском языке, *так не думают*. Точнее: думать они, конечно, могут что угодно, но для этих мыслей во французском языке нет готовой формы выражения. И такого рода несоответствий довольно много, и, как оказывается, они выстраиваются в некую систему. Эти впечатления совпали по времени с выходом книги Анны Вежбицкой «Semantics, Culture and Cognition» [Wierzbicka 1992], в которой высказывались некоторые соображения о русском «семантическом универсуме», очень точно совпавшие с результатами моих наблюдений. Так возникла работа о русских «непереводимых» словах [Зализняк, Левонтина 1996], положившая начало определенному направлению анализа семантической системы русского языка (см. [Зализняк Левонтина, Шмелев 2005; 2012], а также Главы III и IV данной книги).

Книга посвящена исследованию русской лексической семантики в типологической, диахронической и межкультурной перспективе. Сегодня очевидно, что главное и неотъемлемое свойство семантики единиц естественного языка — это их многозначность, которая обнаруживает себя в различных аспектах: синхронном, диахроническом, типологическом, дискурсивном. В книге предлагается концептуальный аппарат описания многозначности, позволяющий адекватно отобразить недискретное по своей природе явление, каковым предстает многозначность в языке: центральное место в нем занимает понятие *концептуальной схемы* и множества ее реализаций. Главным героем книги является русский язык: актуальная семантика его глаголов и существительных, наречий и союзов, словообразовательных моделей и словоизменяемых категорий, которая рассматривается в типологической перспективе, т. е. на фоне тенденций, выявляемых путем анализа сходных или, наоборот, контрастирующих особенностей сопоставимых единиц европейских языков, с одной стороны, и фактов истории русского языка — с другой.

Книга обобщает результаты моих исследований в области русской лексической, грамматической и словообразовательной семантики, русской языковой картины мира и семантической типологии, проводившихся на протяжении многих лет. Мои представления о принципах описания языковой семантики в течение этого времени менялись, и их эволюция в целом отражает общее направление изменений, произошедших за последние три десятилетия в мировой лингвистике. В частности, произошло смещение внимания с выявления различий в значении языковой единицы и поиска тех контекстных условий, в которых эти различия порождают дискретную смысловую

оппозицию, — на поиски общей концептуальной конфигурации. В центре внимания сегодня оказывается выявление путей семантической деривации — универсальных или лингвоспецифичных, — связывающих между собой разные значения, заключенные языком в одну языковую единицу. Механизм объединения разных языковых значений в одну языковую форму моделируется при помощи понятия *семантического перехода*, позволяющего отобразить существующие регулярные связи между значениями слова в синхронии, диахронии и словообразовании. Эволюция применяемого метода анализа не отменяет представления о многозначности как о множестве различных явлений некой единой сущности (которая в актуальной версии модели называется «концептуальной схемой»). Остается неизменным также убеждение в возможности адекватного описания сколь угодно диффузной семантической материи, а также в том, что эта адекватность может быть достигнута не за счет формализации метаязыка, а за счет ясности мысли и точности ее выражения — в том числе, средствами обычного русского языка.

Книга состоит из шести глав. Поскольку и тематически, и концептуально все сюжеты данной книги тесно между собой переплетены, распределение по главам является до некоторой степени условным. В первой, теоретической главе на материале русского языка рассматриваются некоторые общие проблемы анализа языковой семантики. В Главе II семантика ряда русских глаголов и наречий анализируется в лексикографическом аспекте. В главах III и IV обсуждается семантика тех лексических единиц русского языка, которые содержат наиболее интересную информацию о русской языковой картине мира; здесь особенно существенна оказывается диахроническая, межкультурная и типологическая составляющая. Глава V посвящена обсуждению понятия семантического перехода и принципов соответствующего раздела семантической типологии. В главе VI собраны исследования, находящиеся на стыке семантики с прагматикой, поэтикой, семиотикой, теорией коммуникации и теорией нарратива. Чтобы читатель мог проследить сдвиг исследовательского фокуса и эволюцию применяемого метода, статьи внутри каждой из глав упорядочены по хронологическому принципу; поэтому наиболее точное определение ключевых понятий иногда оказывается в последнем разделе главы.

Все исследования, проводившиеся после 2005 г., опираются на материалы Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru); в тексте книги они имеют помету «ruscorpora».

Некоторые разделы книги представляют собой в разной степени переработанные варианты опубликованных ранее статей, в том числе, в составе книг: *Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина. А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира.* М., 2005; *Анна А. Зализняк. Многозначность в языке и способы ее представления.* М., 2006; *Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина. А. Д. Шмелев. Константы и переменные русской языковой картины мира.* М., 2012; некоторые публикуются впервые.

Следующие разделы книги основаны на статьях, написанных в соавторстве: раздел II.5 — с Е. В. Падучевой; раздел III.1 — с И. Б. Левонтиной, разделы III.3, IV.7, 8, 10 — с А. Д. Шмелевым, разделы III.7 и VI.5 — с И. Л. Микаэлян.

Исследования, результаты которого вошли в данную книгу, в разное время поддерживались РГНФ, РФФИ, ИНТАС, ОИФН РАН.

Работа по подготовке к публикации данной книги была осуществлена при поддержке РГНФ, грант № 11-04-00105а.

Глава I

ФЕНОМЕН МНОГОЗНАЧНОСТИ

1. Многозначность

КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СЕМАНТИКИ

Одним из важнейших итогов развития семантической теории последних трех десятилетий является то, что многозначность «стала восприниматься не как отклонение от нормы, а как одно из наиболее существенных свойств всех значимых единиц языка, как неизбежное следствие основных особенностей устройства и функционирования естественного языка» [Плунгян, Рахилина 1996: 4]. Показательно, что именно феномен многозначности с самого начала был центральной проблемой когнитивной лингвистики (см., напр., [Deane 1988]).

То, что единицам языка свойственна многозначность, было известно лингвистам всегда. Однако отношение к этому факту в разные эпохи было различным. В частности, в отечественном языкознании важная роль многозначности в функционировании языка всегда признавалась в рамках «традиционного» направления; наоборот, в структуралистских концепциях многозначность слова рассматривалась как некое досадное обстоятельство, с которым нельзя не считаться, но от которого в семантическом описании следует как можно раньше и радикальнее избавиться (ср. выражение *maîtriser la polysémie*, букв. ‘обуздать, укротить’ в [Lerot 1985])¹. Отчасти данью этой идеологии является принятый в Московской семантической школе термин *лексема* в понимании «слово в определенном значении» (см., например, [Апресян 2000б: XXVII; Мельчук 1997]), который создает иллюзию решения именно этой задачи — избавления от многозначности: в исходной точке анализа множество употреблений описываемого слова разбивается на непересекающиеся подмножества (соответствующие разным «лексемам»), после чего исследователь имеет дело уже только с этими *лексемами*, т. е. с единицами, «свободными» от многозначности (ср. [Николаева 1997б: 270])².

¹ Ср. [Geeraerts 1985: 30] и введенный там же термин «полисемioфобия», созданный по аналогии с термином Ж. Жильерона «омонимioфобия» и указывающий на представление о том, что полисемия — это такое же «патологическое» и требующее устранения явление в языке, как омонимия.

² Тот факт, что термин *лексема*, несмотря на откровенное противоречие между его содержанием и его внутренней формой, прочно вошел в лингвистический обиход (хотя все же не является общепринятым — см. определение *лексемы* в [Булыгина, Крылов 1990]), связан, по-видимому, не столько с устойчивостью вызвавшей его к жизни идеологии, сколько с отсутствием какого-либо другого однословного обозначения для идеи «слово в определенном

В некотором смысле противоположным является «инвариантный» взгляд на многозначность, который в своей крайней форме состоит в том, что всякая языковая единица имеет одно значение, а наблюдаемая полисемия сводится к «*suī generis* оптической иллюзии, возникающей при взаимодействии “настоящего” значения и определенного контекста» [Плунгян 2000: 96]. Впрочем, как справедливо отмечается в цитированной работе В. А. Плунгяна, при внешней противоположности указанных подходов их объединяет то, что полисемия является источником «теоретического дискомфорта», что «хорошее» описание должно быть свободно от полисемии.

Однако сейчас можно с уверенностью сказать, что одной из составляющих произошедшей в последние два десятилетия смены парадигмы является перенос центра тяжести семантической теории с с и н о н и м и и, бывшей в 60—70-е гг. XX в. базовой категорией семантики, на п о л и с е м и ю. Заметим, что здесь важно изменение именно методологической установки, общего взгляда на феномен языкового значения — вспомним популярное в свое время понимание смысла как инварианта синонимических преобразований, опирающееся, в частности, на идеи Якобсона³. Дело в том, что граница между синонимией и полисемией — это, в значительной степени, вопрос концептуализации; так, к числу «синонимических средств языка» (ср. подзаголовок книги [Апресян 1974]) относятся, например, различные преобразования, связанные с меной диатезы, — а именно такого рода преобразования как варианты реализации потенциалов одного слова являются важнейшим полем разработки современной теории полисемии. Да и сама «Лексическая семантика» до сих пор является одним из основополагающих исследований в области многозначности, в том числе р е г у л я р н о й м н о г о з н а ч н о с т и, которая, очевидно, находится в центре интересов сегодняшней семантики.

В лингвистике имеется несколько базовых оппозиций, касающихся принципиального устройства языка в целом, на фоне которых формируется отношение к многозначности. Это, прежде всего:

1. Дискретность VS. градуальность. Это противопоставление является наиболее глобальным; оно существенно для всех уровней и аспектов функционирования языка. В области структуры многозначности это касается статуса отдельного значения слова: образуют ли разные значения слова множество дискретных единиц или непрерывный континуум, в котором одно значение «плавно переходит» в другое⁴.

2. Гумбольдтовское противопоставление *ergon vs. energeia*: строит ли человек в процессе говорения грамматические формы, словосочетания и предложения по неким формулам или образцам — или запоминает их в готовом виде? До относительно недавних пор сторона «*energeia*» была общепринятой, однако в последнее время

значении», необходимость которого очевидна в рамках любой семантической теории (ср.: [Перцов 2001: 19]). Дальнейшую полемику по этому вопросу см. в [Апресян 2009: 409 и сл.].

³ См. [Jakobson 1955; Падучева 1974: 10—33; Мельчук 1974/99: 10] и др.

⁴ Ср. полемику на эту тему в [Апресян 1974: 179—180; Перцова 1988; Кибрик 1996; Перцов 1996; 2001: 31—33]. Надо сказать, что оппозиция «дискретности» и «диффузности» как самого языкового значения, так и способов его представления продолжает оставаться одной из наиболее «горячих точек» современной теоретической лингвистики, см., в частности, материалы международной конференции «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы» (МГУ, 1995) и ее обсуждение на страницах журнала «Вопросы языкознания» 1996, № 2. См. также [Гак 1998: 16—21] о недискретности языковых явлений как факторе плюрализма лингвистических описаний.

теории в духе Б. М. Гаспарова [Гаспаров 1996] пошатнули этот постулат, причем как среди сторонников, так и среди противников этих теорий.

3. Является ли язык системой «чистых значимостей», где значение каждого знака определяется его местом в системе оппозиций, или любое слово в каждом своем употреблении выражает тот единственный смысл, который вкладывает в него говорящий и который составляет результирующую бесконечного числа факторов (в частности, опирается на неповторимый индивидуальный опыт говорящего). В связи с этим: способен ли слушающий воспринять тот смысл, который хочет ему передать говорящий? Возможна ли вообще идентификация смыслов?⁵

Однако, как кажется, для всех этих вопросов не следует искать единого ответа, общего для всех языковых единиц во всей полноте их функций. В языке, очевидно, есть дискретное и градуальное, воспроизводимое и порожаемое, объективно-системное и субъективно-поэтическое. Нельзя забывать также и о различиях в способе усвоения и пользования языком различными говорящими в зависимости от их ментального склада (в частности, тех, которые в лингвистике принято связывать, в свете работ Вяч. Вс. Иванова об асимметрии полушарий мозга [Иванов 1995], с относительной доминантностью того или другого полушария; ср. также понятие *когнитивного стиля обучения* в [Clair, Raffler-Engel (eds) 1982]). Действительно, наряду с подсознательным отождествлением структуры родного языка со структурой языка вообще (о чем много писали), весьма распространенной методологической аберрацией среди лингвистов является отождествление своего способа владения языком с единственно возможным. В частности, спор о том, усваивает ли человек в процессе овладения языком правила или готовые блоки, равно как и оппозиция выросших из того и другого постулата теорий, покоятся, как кажется, на неверной предпосылке о единственности способа усвоения и пользования языком для всех говорящих.

В работах [Плунгян, Рахилина 1996; 2000; Плунгян 2001a] развивается подход к описанию сильномногозначных единиц (предлогов и приставок), объединяющий преимущества атомистического словарного и холистического когнитивного подходов. Авторы исходят из того, что центральной проблемой при описании полисемии является нахождение границы, отделяющей область воспроизводимого от области порождаемого — того, что «запоминается» и того, что «конструируется» [Плунгян, Рахилина 1996: 5—6]. Если следовать мысли авторов, то описание полисемии должно включать две части: тому, что находится по одну сторону указанной границы, будет соответствовать нечто вроде перечня готовых толкований (которые, по предположению, говорящий «помнит», если он владеет значением данного полисемичного слова — или должен запомнить, если он хочет им овладеть); тому же, что находится по другую сторону — нечто вроде перечня «инструкций», т. е. операций по преобразованию смыслов, которыми, по предположению, говорящий на данном языке умеет — или, соответственно, хочет научиться — пользоваться. Такая постановка вопроса представляется совершенно правильной. Следует, однако, иметь в виду, что среди прочих трудностей, стоящих на пути разграничения «воспроизводимого» и «порождаемого», имеется еще и та, что обсуждаемая граница, по-видимому, будет

⁵ Идея принципиальной нетождественности смысла самому себе является аксиомой для некоторых направлений семиотической мысли, ср.: [Лотман 1996б; Есо 1990; Курицын 2001]. См. также прим. 35 в разделе VI.4.

проходить по-разному не только для слов разных семантических и грамматических классов, но, скорее всего, и для разных говорящих.

Одна из наиболее фундаментальных связей, формирующих семантическую структуру языковых единиц всех уровней — метафорический перенос из наблюдаемого мира физических явлений в мир ненаблюдаемых идеальных сущностей (внутренних состояний человека, логических и прочих «абстрактных» отношений и понятий). Это касается как полнозначных слов, где данный перенос имеет системный и всеохватывающий характер, так и значений служебных слов и морфем (предлогов, приставок); при этом существенно, что исходное пространственное значение почти всегда является в той или иной форме и степени актуальным и для производного непространственного. Не случайно именно эта двойственность является одним из основных инструментов поэтической техники самых разных эпох и стилей (и может быть также конституирующим принципом на уровне текста).

Характеризуя общие теоретические установки данного исследования, можно сказать, что основными идейными истоками для него послужили: Московская семантическая школа; методы «концептуального анализа», применяемые в рамках направления (возглавляемого Н. Д. Арутюновой), обозначившего себя как «Логический анализ языка»; работы Анны Вежбицкой. Что касается когнитивной лингвистики, связываемой с именами М. Джонсона, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Л. Талми и др., чьи работы вошли в российский лингвистический обиход в начале 1990-х годов, то близость некоторых ее идей и методов к тем, которые реализованы в данном исследовании, можно определить, пользуясь оппозицией, актуальной для семантической типологии, скорее не как «заимствование», а как «параллельное развитие». Да и в целом не будет преувеличением сказать, что отечественная семантика по существу всегда была «когнитивной».

1.1. Многозначность, ПОЛИСЕМИЯ И ВИДЫ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ

Для обозначения лингвистического феномена, являющегося предметом настоящего исследования, в русской традиции существует три термина — *многозначность*, *неоднозначность*, *полисемия*. Термин *многозначность* указывает просто на существование у некоторой единицы более одного значения; термин *полисемия* иногда рассматривается как синоним термина *многозначность* — ср. систему отсылок в словарях [ЛЭС 1990], а также словоупотребление в [Апресян 1974; 1995д; 1995е]. В предметном указателе С. А. Крылова ко 2-му изданию «Лексической семантики» Ю. Д. Апресяна термин *полисемия* указан как маргинальный член синонимического ряда, ядерным членом которого является *многозначность* (ср. противоположное направление отсылки в словаре [Баранов, Добровольский 1993]). Однако здесь необходимо сделать следующие уточнения. Во-первых, под *полисемией* обычно понимают лишь лексическую многозначность, в то время как термин *многозначность* не содержит этого ограничения (так, мы можем говорить о *многозначности* русского творительного падежа, но не о его *полисемии*). Во-вторых, под *полисемией* понимается чисто парадигматическое отношение: факт наличия у слова более одного значения; между тем *многозначность* может быть и синтагматической: многозначностью

может быть названа, в том числе, возможность одновременной реализации, у той или иной языковой единицы, двух (или более) значений. Названные различия проявляются также в функционировании соответствующих прилагательных: *полисемичным* может быть только слово как единица словаря, а *многозначным* может быть выражение и целое высказывание; многозначность, таким образом, сближается с *неоднозначностью* (тем самым, термин *многозначность* охватывает как сферу полисемии, так и сферу неоднозначности)⁶.

Под *неоднозначностью* языкового выражения или речевого произведения (текста) понимают наличие у него одновременно нескольких различных смыслов. В зависимости от того, какого рода эти смыслы, различают лексическую неоднозначность (ср. *проехать остановку*: ‘преодолеть расстояние’ и ‘миновать точку’; *переизбрать Петрова*: ‘избрать Петрова на другой срок’ и ‘избрать другого человека на пост Петрова’) и синтаксическую неоднозначность, ср. известные примеры *amor patris, ee портрет, мать любит дочь*; *flying planes can be dangerous* (‘летающие самолеты могут быть опасны’ и ‘летать на самолетах может быть опасно’); *мужу изменять нельзя* и т. п. Ю. Д. Апресян различает языковую неоднозначность (лексическую и синтаксическую) и речевую, возникающую в высказывании из-за неопределенности тех или иных параметров ситуации [Апресян 1974: 176—178]. Последний тип неоднозначности иллюстрируется такими примерами, как *Джон прострелил себе руку* или *Гусар зазвенел шпорами* (которые могут обозначать как намеренное, так и ненамеренное действие), возможностью осмысления вопросительного предложения определенного типа как «экзаменационного» вопроса и др. Как кажется, однако, разграничение здесь должно быть проведено несколько иначе. С точки зрения характера неоднозначности возможность непрямого использования вопросов типа *В каком году родился Пушкин?* находится в том же ряду, что и другие сдвиги иллюкутивной функции вопроса (*Не могли бы вы передать мне соль?*, *Не знаете ли вы, который час?*, *Сколько мне еще ждать?*, *Куда же ты уходишь?* и т. п.). Во всех этих случаях одно и то же предложение может использоваться в разной иллюкутивной функции — и, соответственно, иметь разный смысл. Возможность выражать два разных смысла обеспечивается здесь, как при синтаксической или лексической неоднозначности, устройством языка; два различных смысла не могут «иметься в виду» одновременно, и нормально слушающий способен произвести выбор нужного понимания (в работе [Перцова 1988] такая неоднозначность названа дизъюнктивной). Если же все-таки он ошибается, т. е. неправильно разрешает неоднозначность (например, на вопрос *Не знаете ли вы, который час?* отвечает *Знаю*), имеет место коммуникативная неудача — так же, как и в том случае, когда человек, например, принимает экзаменационный вопрос за обычный (ср. анекдот, в котором на вопрос учителя *В каком году родился Пушкин?* ученик отвечает *Мне бы ваши заботы, господин учитель!*).

Что же касается фраз типа *Гусар зазвенел шпорами*, то здесь, по-видимому, представлен иной тип неоднозначности. В отличие от всех предыдущих примеров, где

⁶ Интересно, что в немецком языке имеется лишь два слова *Mehrdeutigkeit* и *Polysemie*, при этом первое соответствует как русскому *многозначность*, так и *неоднозначность*; в английском языке значение русских трех терминов иначе распределяется между двумя — *ambiguity* и *polysemy*: слово *ambiguity* соответствует русскому *неоднозначность*, а *polysemy* — русским *полисемия* и *многозначность*.

варианты прочтения взаимно исключают друг друга, в данном случае оба обсуждаемых понимания — намеренное и ненамеренное — вполне совместимы в том смысле, что для понимания таких фраз слушающий, вообще говоря, не обязан производить выбор. Просто некоторые аспекты ситуации могут остаться нам неизвестны (а именно, совершил человек данное действие намеренно или нет — так же как по какой причине, с какой целью, каким способом и т. д. он его совершил)⁷. Иными словами, здесь имеет место не собственно неоднозначность, а скорее неопределенность (недоопределенность) некоторого параметра и, вследствие этого, неполнота представления о ситуации (ср. противопоставление понятий *ambiguity* и *vagueness* в англоязычной традиции). Аналогичным образом неполнота информации (недостаточность контекста) может не позволить сделать выбор между результативным и нерезультативным общефактическим значением несов. вида во фразах типа *Кто строил этот завод?* (строительство может быть доведено или не доведено до конца), ср. [Падучева 1996: 33]; между перфектным (т. е. с сохранением результата до момента речи) и аористическим пониманием формы прош. времени сов. вида (*Мой дядя сломал ногу*).

Тем самым если языковая неоднозначность — это способность слова, выражения или конструкции иметь, в разных условиях, различные смыслы, т. е. это свойство языковых единиц (причем, как уже говорилось, имеющее решающее значение для их функционирования), то речевая неоднозначность — это реализация данного свойства в конкретном высказывании. Речевая неоднозначность может быть ненамеренной (и тогда она либо будет разрешена в ходе дальнейшей коммуникации, либо произойдет коммуникативная неудача), но она может быть и намеренной, т. е. использоваться как прием (см. ниже).

Неоднозначность как сосуществование множества различных осмыслений художественного текста признается некоторыми исследователями его ингерентным свойством: именно одновременное присутствие двух различных пониманий (слова, выражения или текста в целом) и создает новый смысл [Якобсон 1975; Есо 1962; Empson 1963]. Тем самым смысл поэтического текста никогда не равен не только буквальному, но и *передаваемому* (по Грайсу) смыслу: то, что «хотел сказать» автор поэтического текста, — если такую постановку вопроса вообще считать правомерной, — это именно результирующая взаимодействия всех смыслов, явных и неявных. Из множества примеров из авторов разных эпох, которые здесь могут быть процитированы, приведем лишь один: *Париж? — И я с тобой парю*⁸. Соединение идей *Парижа* и *парения*, которые сливаются фонетически в форме 2-го л. от глагола *парить*, на семантическом уровне дает новое воплощение русского парижского мифа; все три идеи являются составляющими смысла данного текста. Ср. также, например, анализ семантики ненормативных словосочетаний в языке А. Платонова в работах [Левин 1990/98; Бобрик 1995; Михеев 2003], анализ метафорических выражений у О. Мандельштама в [Успенский 1994б].

Неоднозначность поэтического текста может иметь различную природу — она может порождаться как неоднозначностью отдельных слов и форм, так и неоднозначностью текста в целом: это иносказания, аллюзии, разного рода интертекстуальные эле-

⁷ О неоднозначности, связанной с контролируемостью ситуации, см. [Зализняк 1992: 65—69].

⁸ Обращение к даме, находящейся в Париже (из устной речи).

менты, наличие одновременно двух разных планов описания (двух разных сюжетов или ситуаций, с которыми соотносится один и тот же текст)⁹ и др. Неоднозначность последнего типа является, в частности, конституирующим свойством текстов таких жанров, как пословица, поговорка и загадка, ср.: *Тише едешь — дальше будешь*; *На воре шапка горит*; *Кто ходит утром на четырех ногах, днем — на двух, а вечером — на трех?* (загадка Сфинкса) и т. д. Одним из важнейших источников поэтической неоднозначности является метафора, основанная на одновременном присутствии двух денотативно различных, но концептуально тождественных планов изображения (см. об этом подробнее разделы I.2, VI.2). Неоднозначность поэтического текста может порождаться также неочевидностью буквального смысла — как в случае с первой строфой «Евгения Онегина», см. [Михайлова 2000; Перцов 2000б]; ср. также [Гаспаров 1994] о значении слова *очки* в стихотворении Б. Пастернака «Зеркало».

Важным источником поэтической неоднозначности является оживление внутренней формы (в результате чего слово приобретает дополнительный смысл, в той или иной степени отличный от его буквального смысла, что создает своеобразный стереоскопический эффект). При этом происходит восстановление исходного, обычно пространственного, образа или физического явления, послужившего основой для построения абстрактного концепта, например¹⁰:

- (1) И вот еще почему всякая большая любовь с точки зрения устроенного быта *пре-ступна* (Пришвин. Дневники).

Возможна и более сложная игра, ср.:

- (2) ...а пониже сквозил, как в глубокой воде, расплывчато-темный прислон стула, ставимого так ввиду *поползновения* дверей медленно, с *содроганиями*, развезжаться (В. Набоков. Тяжелый дым).

В примере (2) оба выделенных слова по своей внутренней форме восходят к физическим явлениям, но в стандартном русском языке имеют лишь переносное значение, относящееся к сфере внутренних состояний человека. Здесь же эти слова использованы в окказиональном переносном значении, возвращающем их в сферу физических объектов; при этом стандартное значение, относящее к миру внутренних состояний человека, здесь также присутствует¹¹.

«Поэтическая» неоднозначность может порождаться также неочевидностью оценки или авторской позиции; наличием разных «уровней осмысления» художественного произведения — бытового, социально-исторического, индивидуально-психологического, философского и т. д. (ср., например, разбор рассказа Бунина «Легкое дыхание» в [Выготский 1968]); жанровой неопределенностью (ср. [Gugel 1967] о жанре LI стихотворения Катюлла); неопределенностью референции личных местоимений

⁹ Не имея возможности останавливаться на этом подробнее, приведем лишь следующие примеры. Иносказание: «Ныне Узкое поглощено Москвой. Но по-прежнему в окрестностях его самый лучший воздух, поскольку *господствующие ветры здесь веют с запада в сторону столицы*, а не из нее» (Г. Аксенов. Вернадский. М., 2001. С. 390). Речь здесь идет, очевидно, не только об экологии. Примером параллелизма планов повествования может служить стихотворение О. Мандельштама «Я вернулся в мой город, знакомый до слез», где описывается одновременно возвращение в город и возвращение в детство, см. [Успенский 1994б: 248].

¹⁰ В примерах здесь и далее курсив мой. — А. З.

¹¹ Ср. аналогичное употребление слова *потрясенный* у Д. Самойлова, приводимое в статье [Береговская 2003]: *Как потрясенное растение, я буду шелестеть листом.*

мений (в частности, в лирической поэзии) и многими другими факторами. Однако даже краткий обзор этой интереснейшей темы, к сожалению, выходит за рамки данной работы. К компетенции лингвистики поэтическая неоднозначность относится в той мере, в какой она основана на языковой неоднозначности — см., в частности, работы [Якобсон 1975; Лотман 1970; Падучева 1982; 1996: II; Николаева 1997а; 1997б; Успенский 1994б; Левин 1990/98; 1998а; Перцов 2000а; Зализняк 1998].

Главное отличие «бытовой» неоднозначности от поэтической состоит в том, что при практической речевой коммуникации из двух возможных пониманий некоторого выражения одно является правильным, а другое — неправильным относительно намерений говорящего, и более широкий контекст (речевой или ситуативный) должен позволить слушающему выбрать правильное понимание; в противном случае происходит провал коммуникации. «Избегай неоднозначности» — один из коммуникативных постулатов Г. П. Грайса [Грайс 1985: 223]. Таким образом, с точки зрения коммуникативной функции языка актуальная неоднозначность высказывания является «браком» в речепроизводстве, помехой, которая ведет к неудаче речевого акта и должна быть по возможности устранена. Неоднозначность такого рода может возникать, в том числе, за счет отсутствия у слушающего необходимых презумпций, а также при несовпадении *инференций* слушающего (того, что он «извлекает», *infers*) с *импликатурами* говорящего (тем, что говорящий в свое высказывание «закладывает», *implies*), ср. [Bybee et al. 1994: 285; Падучева 2004: 101]). Однако в этом смысле нельзя разделить высказывания на однозначные и неоднозначные: у некооперативного (невнимательного, не включенного в происходящее) слушателя любое высказывание может приобрести «паразитическое» понимание; действительно, количество логически мыслимых (но в контексте реального речевого акта по тем или иным причинам неуместных, и тем самым нормально сразу отвергаемых) пониманий у практически любого высказывания просто поражает воображение. Причем часто именно буквальный смысл оказывается наиболее абсурдным (и «нормально» говорящими автоматически отвергается). Это свойство языковой коммуникации обыгрывается в текстах Л. Кэрролла (ср. [Падучева 1982]), а также, например, в легенде о пражском Големе — человеке, который был создан пражским раввином из глины для защиты евреев от обидчиков; говорить он вообще не умел, а его способность понимать ограничивалась буквальным смыслом. Поэтому, когда жена раввина велела ему *натаскать в дом воды*, он стал носить из колодца воду и выливать ее на пол, а с торговкой яблоками вышел следующий эпизод:

(3) — Ишь чего выдумал! — возмутилась торговка. — *Хочет, чтобы за его гроши я ему отдала весь ларек!*

Немного поразмыслив, Голем решил, что женщина права. *Это именно то, чего он хочет*. Он поднял ларек вместе со всеми яблоками и торговкой впридачу на плечо и двинулся домой¹².

Разрешение потенциальной неоднозначности на всех уровнях (прежде всего, морфологическом и синтаксическом) является одной из главных проблем автоматического анализа текста, которая до сих пор сохраняет свою актуальность (см. [Иорданская 1967; Демьянков 1985; Секерина 1996] и в особенности [Богуславский и др. 2003]). Как оказывается, «то, что с легкостью делает человек в процессе понимания текста, опираясь при выборе интерпретации неоднозначных элементов на здравый

¹² Кувшин с медом. Еврейские легенды и сказки. М., 1991. С. 75.

смысл, знания о мире и широкий контекст коммуникации, пока недоступно никаким компьютерным системам» [Богуславский и др. 2003: 40]. На уровне лексического значения термин *неоднозначность* в этой области иногда используется как синоним термина *омонимия*: когда неоднозначность предстает как *помеха* при решении задач анализа, различие между полисемией и омонимией оказывается несущественно.

1.2. НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

Эксплуатация языковой неоднозначности — излюбленный прием рекламы. Этот прием представляет собой языковую игру, а достигаемый с ее помощью эффект основан на удовольствии, получаемом от успешной игры (ср. [Пирогова 2000]). «Успехом» адресата рекламы как партнера в этой игре является обнаружение им обоих смыслов, одновременно присутствующих в том или ином рекламном тексте. Обратим внимание на то, что удовольствие это — чисто семиотической природы. Действительно, «второй смысл» часто бывает в той или иной степени «неприличным»¹³, но в общем случае это совершенно необязательно, ср.:

- (4) а. Какая *связь* между Москвой и Подмосковьем? — Московская сотовая;
 б. *С нашей обувью* вы не расстанетесь никогда [надпись под изображением мужчины и женщины, связанных друг с другом шнурками их ботинок];
 в. Где возникает атмосфера *близости* и душевного тепла? Конечно, на диване [изображен небольшой диван, на котором два человека сидят близко друг к другу];
 г. *Не оставляйте вещи без внимания*. Новый большой каталог ИКЕА, и т. п.

Тем самым функционально реклама ближе к поэтическому тексту, чем к текстам практической коммуникации, где неоднозначность оценивается отрицательно и по возможности избегается. На языковой неоднозначности построен также эффект определенного класса анекдотов, ср.:

- (5) а. Письмо из Центра *не дошло* до Штирлица. Он прочитал еще раз: опять *не дошло*.
 б. Встречаются Брежнев и Андропов на том свете, Брежнев спрашивает: «Ну и кто же там в Кремле сейчас главный?» — «А Миша Горбачев». — «Ну и кто его *поддерживает*?» — «А никто не *поддерживает*, он сам ходит».
 в. — Дяденька Хрущев, это вы *запустили ракету*?
 — Я, мальчик.
 — А сельское хозяйство?
 — Кто тебя научил такое говорить?
 — Папа.
 — Так вот кажи папе, что я умею *сажать* не только кукурузу.

Эффект анекдота может быть также построен на употреблении одних и тех же слов попеременно то в прямом, то в переносном значении, ср.:

- (6) Ну что это за *цирк*? Это *бордель* какой-то, а не *цирк*. Вот у моего дяди в Жмеринке был *бордель*, так это был *цирк!*, и т. д.

См. также [Attardo 1994: 133—138].

Возможность возникновения *неоднозначности* (прежде всего, каламбура) является наиболее очевидным свидетельством *многозначности* данной языко-

¹³ Это обстоятельство отразилось в значении слова *двусмысленный*, ср. *двусмысленная шутка*, т. е. 'имеющая неприличный смысл'; *говорить двусмысленности* и т. п.).

вой единицы (ср. [Апресян 1974: 180—187]). Другими словами, если употребление некоторого слова в некотором контексте создает эффект каламбура, сталкивающий два различных понимания, это означает, что эти два понимания соответствуют двум разным значениям интересующего нас слова. Так, из содержащих каламбур фраз *шел дождь и два студента; один был в шляпе, другой — в хорошем настроении* следует существование в русском языке по крайней мере двух значений у глагола *идти* и у конструкции *быть в*. Возможность столкновения, противопоставления некоторых двух значений в некотором контексте не означает, однако, невозможности нейтрализации этого противопоставления в другом контексте (см. об этом ниже).

Каламбур, конечно, не является ни необходимым, ни достаточным условием многозначности: достаточным — потому что каламбур не различает полисемии и омонимии (ср.: *Хорошую вещь браком не назовут*), необходимым — просто потому, что далеко не всегда значения многозначного слова могут быть соединены в каламбуре. Однако, с точки зрения задачи различения близких смыслов каламбур безусловно может рассматриваться как доказательство наличия оппозиции, и тем самым двух разных значений.

Помимо каламбура, имеется еще несколько типов некаламбурного совмещения значений, которые необходимо различать.

1.3. ТИПЫ НЕКАЛАМБУРНОГО СОВМЕЩЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ

Остановимся сначала на самом понятии совмещения значений¹⁴. К сожалению, этот термин не имеет единого общепринятого понимания, и это порождает досадные недоразумения — ср., например, полемику в [Санников 1999: 181—183] в отношении работы [Перцов 1996]. Действительно, нельзя не согласиться с мнением В. З. Санникова, что «каламбурное обыгрывание слов (в том числе и обыгрывание многозначности слов) не имеет отношения к вопросу о единстве слова, наличии инварианта и т. д.» [Санников 1999: 183]. Но это совершенно справедливое утверждение несколько не опровергает мнения Н. В. Перцова о том, что возможность совмещения значений является доказательством проницаемости границ между отдельными значениями слова, аргументом в пользу существования инварианта [Перцов 1996: 27—30]. И дело здесь не только в том, что помимо многозначности, каламбур может быть построен на омонимии или паронимии (аргумент В. З. Санникова), а еще и в том, что каламбурное и некаламбурное совмещение значений — это два разных явления. Если каламбур сталкивает и противопоставляет — безразлично, значения одного слова, омонимы или любые другие внешне сходные вещи (омофоны, омографы, случайно совпавшие формы, само слово и словосочетание, возникшее в результате его паразитического переразложения, ср. шутки типа «Когда цветочник бывает предателем? — Когда он продает *на Турции*», игру «Почему не говорят...?» т. п.) — то некаламбурное совмещение значений (возможное, заметим, только для разных значений многозначного слова, но не для омонимов), наоборот, их объединяет.

Нас будет интересовать далее лишь некаламбурное совмещение значений. Здесь возможны, как минимум, следующие типы.

¹⁴ Наиболее подробно разные типы совмещения значений проанализированы в работе [Перцова 1988]; см. также [Перцов 2000а; 2001: 31—32].

1. «Склеивание». Объединение в одном слове (в пределах одного высказывания) двух отчетливо различных, но при этом не взаимоисключающих его пониманий, не создающее никакого специального эффекта: «неоднозначность» в таких случаях обнаруживает лишь лингвист, поставивший перед собой задачу идентификации словарного значения. Случаи «склеивания» двух разных значений одного слова обычно не замечаются ни говорящим, ни слушающим, но при их обнаружении «расклеивание» не представляет ни малейшего труда и проходит совершенно безболезненно для смысла предложения в целом. Этот случай может быть проиллюстрирован уже обсуждавшимися в лингвистической литературе примерами (7), (8).

(7) Пустое *сердце* бьется ровно, / В руке не дрогнул пистолет (Лермонтов)¹⁵.

(8) Через край полная *аудитория* была беспокойна и издавала глухой, сдавленный гул (А. Герцен).

В примере (7) в слове *сердце* «склеиваются» значения 'центральный орган кровообращения' (*сердце бьется*) и 'этот орган как символ средоточия чувств' (*пустое сердце*); в (8) слово *аудитория* употреблено одновременно как обозначение помещения и множества находящихся в ней людей. В работе [Перцова 1988: 65] пример (7) справедливо охарактеризован как случай конъюнктивной неоднозначности (т. е. предполагающей одновременное наличие двух прочтений), при этом ненамеренной со стороны говорящего.

В этой связи интересен следующий пример, разбираемый в работах [Перцов 1994; 2000а; 2001]:

(9) Фигурно иль буквально: всей семьей,
От ямщика до первого поэта,
Мы все *поем* уныло. [...] (Пушкин. Домик в Коломне).

Н. В. Перцов усматривает здесь некаламбурное объединение значений на основе семантического инварианта, включающего смыслы 'эстетическое', 'приятное', 'ритмичность' и 'человеческий голос' [Перцов 2001: 36].

Анализ Н. В. Перцова вызывает некоторые возражения. Прежде всего, структура многозначности глагола *петь* претерпела со времени Пушкина существенные изменения, а именно, для нас значение 'исполнять голосом музыкальное произведение' является основным и практически единственным для этого глагола, значение 'читать / сочинять стихи' (*Там пел Мицкевич вдохновенный*) — абсолютно устаревшим, а значение 'воспевать, восхвалять (в стихах)' (*Он пел поблекший жизни цвет / Без малого в осьмнадцать лет*) — книжно-архаичным¹⁶. Соответственно, сегодня характер совмещения значений этого глагола оказывается иным, чем он был в языке Пуш-

¹⁵ В [Урысон 1997б: 113] данный пример иллюстрирует утверждение, что слово может выступать «в некоем промежуточном значении, которое объединяет в себе компоненты разных (словарных) толкований». Представляется, однако, что здесь имеет место как раз с о в м е щ е н и е (одновременное выражение) двух разных значений на уровне данного высказывания; никакого «промежуточного значения» у слова *сердце* при этом не возникает. Вообще термин «промежуточное значение», представляется не совсем удачным: для характеристики употреблений, обладающих одновременно признаками двух различных значений (это явление особенно характерно для семантики приставок, см. разделы III.1—2), более уместна была бы метафора *объемлющего* пространства.

¹⁶ Последнее значение является наиболее древним. Согласно О. Н. Трубачеву, семантическая деривация 'поить' → 'петь, воспевать' восходит к языческому обряду жертвенного возлияния (см. [Фасмер 1996, III: 350]).

кина, что существенно затрудняет анализ. В Словаре языка Пушкина все три перечисленных выше значения — без различия между ними — помещены внутри первого (основного) значения этого глагола, которое дается без толкования [СЯП, III: 333]. В качестве отдельного значения предлагается ‘творить, слагать стихи (о поэте)’, но, судя по примерам, последовательного различия (по сравнению с первым значением) здесь не проводится.

Далее, хотя в данном примере эффекта каламбура, действительно, не возникает, нельзя согласиться с тем, что совмещение значений здесь «несмотря на предупреждение в первой строке, большинством читателей не замечается» [Перцов 2000а: 58]. В этих строках Пушкин безусловно обыгрывает возможность соединения очевидно различных смыслов, и не заметить этого может лишь очень невнимательный читатель. Совмещение значений здесь — это прием, целью которого (возможно, не единственной и даже не истинной) является создание иллюзии единства. Что же касается инварианта, то одно из двух совмещаемых здесь значений глагола *петь* — это ‘сочинять стихи’ или ‘читать/сочинять стихи’, т. е. смысловой компонент ‘человеческий голос’ здесь либо отсутствует, либо является факультативным, и тем самым он не может входить в инвариант (между тем исключение данного компонента из предполагаемого инварианта уж слишком явно противоречило бы основному значению глагола *петь*). Возможность некаламбурного совмещения значений, как кажется, опирается в данном случае скорее не на инвариант, а на устойчивое европейское культурное клише «поэт — певец», восходящее к реальному совмещению этих функций. Это клише в «развернутой» форме присутствует, например, в известных пушкинских строчках:

- (10) Поэт по лире вдохновенной
 Рукой рассеянной бряцал.
 Он *пел* — а холодный и надменный
 Кругом народ непосвященный
 Ему бессмысленно внимал.

Эта эксплицитная двойственность навязывает прочтение глагола *петь* как содержащего совмещение значений (‘исполнять голосом музыкальное произведение’ и ‘читать стихи’).

2. «Сплав». Этот тип совмещения значений особенно характерен для поэзии. Речь идет о том, что два, вообще говоря, отчетливо различных значения как бы соединяются в одно; при этом ощущение их разности тоже сохраняется, и именно на этом основан эффект: разные вещи предстают как одна (в частности — совмещение прямого и переносного значения одного слова, как в примере (12)), и из этого соединения возникает новый, третий смысл. Приведем два таких примера (курсив мой. — А. З.):

- (11) Еще Мандельштам пытался мне объяснить, что такое *узнавание*. [...] Он думал не только о процессе, т. е. о том, как протекает узнавание того, что мы уже видели и знали, но о вспышке, которая сопровождает *узнавание* до сих пор скрытого от нас, еще неизвестного, но возникающего в единственно нужную минуту, как судьба. Так *узнается* слово, необходимое в стихах, как бы предназначенное для них, так входит в жизнь человек, которого раньше не видел, но словно предчувствовал, что с ним переплетется судьба (Н. Мандельштам. «Вторая книга»).

Согласно словарным определениям, слово *узнавание* может означать либообретение *нового*, либо восстановление *старого* (т. е. отождествление с образом, имеющимся в памяти). Данное употребление, очевидно, не относится ни к одному из них: речь

идет (приблизительно) об узнавании нового, которое субъективно ощущается как обретение уже имевшегося ранее¹⁷. Однако никакой проблемы с пониманием того, что имеется в виду, не возникает; с другой стороны, очевидно, что необходимости в пересмотре словарного толкования слова *узнавание* также нет. Другой пример:

- (12) Все стало тяжелее и громаднее, потому и человек должен быть *тверже* всего на земле и *относиться* к ней, как алмаз к стеклу (О. Мандельштам. О природе слова).

В (12) для обоих выделенных слов значение, которое они выражают в данном тексте, является результатом некоего синтеза разных словарных значений этих слов. Здесь имеет место именно синтез — а не «мерцание» (ср. ниже): свойство *твердости* человека, о котором идет речь, — предстает как «сплав» прямого и переносного значения данного слова. То же верно для употребленного в этом примере глагола *относиться*. Для сравнения приведем другой пример употребления этого глагола в аналогичной конструкции, где «сплава», однако, не происходит: два значения остаются противопоставленными, создавая эффект языковой игры:

- (13) После испытаний графита, привезенного с завода, Игорь Семенович Панасюк сказал Курчатову: «Эти образцы *относятся* к нейтронам, как голодные волки к ягнятам»¹⁸.

3. «Мерцание» («осцилляция»). Другой вариант «поэтического» совмещения значений — то, что в лингвистике принято называть «осциллирующими» значениями (см. [Апресян 1974: 179] со ссылкой на известную книгу Г. Стерна и др.): имеются в виду употребления, когда два или более различных значения присутствуют в слове одновременно, что создает эффект «мерцания» (т. е. как бы попеременно обнаруживает себя то одно, то другое значение). Ср. пример такого употребления глагола *видеть*, разбираемый в [Апресян 1995г]:

- (14) Вот мы и встали в крестах да в нашивках, / В снежном дыму. / Смотрим и *видим*, что вышла ошибка, — / И мы — ни к чему! (А. Галич. Ошибка)

В обоих случаях глагол *видеть* имеет одновременно два разных значения (на что указывают разные элементы контекста) — зрительного восприятия и знания-понимания (видения «мысленным взором»).

4. Особым случаем поэтического некаламбурного совмещения значений можно считать явление, которое Т. М. Николаева называет «**принципом тернарной семантики**». Оно состоит в том, что

одна и та же лексическая единица (иногда — просто слово) в случае 1-м имеет значение X, в случае 2-м имеет значение Y, а в 3-м случае — как бы и X и Y одновременно. То есть в одном случае [речь идет о тексте «Слова о полку Игореве». — А. З.] *галки* — это просто птицы галки, в другом — это обозначение половцев, в третьем — остается неясным, то ли это галки, то ли половцы [Николаева 1997а: 41].

Список типов поэтического совмещения значений, вероятно, может быть продолжен (см., в частности, примеры в [Перцова 1988]). Это, однако, выходит за пределы настоящего обсуждения; здесь мы ограничимся лишь тем соображением, что поэти-

¹⁷ Ср. также: *Все было встарь, все повторится снова, / И дорог нам лишь узнаванья миг* (О. Мандельштам. Я изучил науку расстаивая) [*узнавание* того, что было (т. е. старого) — но не с нами (тем самым, нового)].

¹⁸ Т. е. их *съедают*. Пример из газетной статьи о создании в СССР атомного реактора (речь идет о поиске графита с минимальным сечением *захвата нейтронов*); цит. по [Вайль, Генис 2001: 107].

ческое совмещение значений (по крайней мере, наши типы 2 и 3), будучи вполне очевидным аргументом в пользу «единства слова», не является ни в коей мере аргументом против принципа дискретности представления многозначности в словаре (то, как и в словарные значения совмещаются, обычно нетрудно установить — труднее бывает описать эффект их совмещения, но это, по-видимому, выходит за рамки задач лексикографии). Тем более поэтическое совмещение значений не служит аргументом против принципа, что «в норме» в каждом конкретном употреблении реализуется какое-то одно значение слова (см. ниже): поэтический язык именно нарушает эту «норму», чем и достигается эффект.

Если поставить задачу перечислить все типы случаев, когда под одной «оболочкой» в высказывании скрывается несколько разных смыслов, то к этому списку следует добавить, с одной стороны, каламбур, т. е. создающее комический эффект соединение (обычно намеренное) двух очевидных различных смыслов, ни один из которых не «имеется в виду» (так как в намеренном каламбуре имеется в виду — рассмешить, и только)¹⁹. С другой стороны (т. е. с содержательно противоположного полюса), к этому списку примыкает соединение двух смыслов, расчленение которых в пределах данного высказывания невозможно (т. е. может быть произведено лишь на основании каких-то других контекстов — то, что по-английски называется *vagueness*). Примером здесь может служить выражение *бороться с еретиками* [Апресян 1974: 181], в котором реализованы одновременно два разных значения (*бороться с кем-то за что-то* и *бороться с чем-то*). Такие случаи неточно было бы называть *совмещением* значений; более принято их обозначать словом *синкретизм* или *неразличение* (впрочем, последовательности в употреблении этих терминов нет). Однако еще точнее было бы говорить, что в таких случаях слово имеет одно значение, но просто это значение — более высокого уровня, на котором признак, различающий значения более низкого уровня, не релевантен²⁰.

Так, например, у глагола *бояться* отчетливо противопоставлены два значения: «эмоциональное», где на первом плане находится чувство страха, основанное на представлении о негативном характере некоторого события (*бояться 1*), и «ментальное» значение вероятностной оценки (*бояться 2*); см. подробнее раздел II.1. Для этих двух значений различен эффект взаимодействия с отрицанием. Так, во фразе

(15) Я не боюсь съезжать с этой горы

реализовано первое, «эмоциональное» значение (= ‘не испытываю страха’), а во фразе

(16) Верой в будущее не боюсь / Показать тебе краснобаем (Б. Пастернак)

представлено «ментальное» значение: *не боюсь показать* значит ‘не считаю вероятным, что это произойдет’.

¹⁹ Ср. о каламбуре в [Падучева 1982: 85]: «Высказывание, допускающее два или несколько осмыслений, которые все «имеются в виду» [...], следует признать семантически аномальным: назначение такого высказывания состоит не в том, чтобы выразить какой-либо из его смыслов, а в том, чтобы обратить внимание слушающих на игру смыслов друг с другом».

²⁰ По существу та же самая проблема рассматривается в работах [Урысон 19976; 1998a], где обсуждается явление «несостоявшейся полисемии»: речь идет о лексикографической трактовке таких «лексем» с дизъюнкцией в толковании, для которых в значительной части употреблений выбор не детерминирован (ср. дизъюнкцию ‘пространство’ или ‘поверхность’ в толковании слова *небо*).

Противопоставленность этих двух значений глагола *бояться* в русском языке подтверждается возможностью языковой игры, примером которой может служить следующий эпизод, рассказанный В. Б. Шкловским [курсив мой. — А. З.]²¹:

- (17) Маяковскому передали, что Брюсов якобы сказал о нем «*Боюсь*, что из Маяковского ничего не выйдет».
Владимир Владимирович очень забавно показывал, как Брюсов спит и просыпается ночью с воплем:
— *Боюсь, боюсь!*
— Ты чего *боишься?*
— *Боюсь*, что из Маяковского ничего не выйдет²².

Между тем в других случаях, в том числе под отрицанием, выбор между этими двумя значениями оказывается невозможен — и при этом не в силу недостаточности контекста, а потому что данная оппозиция отсутствует в смысловом задании. Например, произнося фразу

- (18) Я не *боюсь* остаться одна,

говорящий может иметь в виду, что ли бо этого не произойдет, ли бо это не будет плохо (причем такая эксплицитная дизъюнктивность присутствует лишь в нашем толковании; самим говорящим она может и не осознаваться). См. также о совмещении разных значений *сожалеть* в разделе П.2.7.1.

Иными словами, в некотором контексте может оказаться несуществен признак, который различает два значения в других контекстах (и дает основание лексикографу различать их в словарном описании). Ср. в этой связи следующие высказывания Д. Н. Шмелева: «Семантическая структура целого ряда слов характеризуется тем, что отдельные значения, отчетливо отграничиваемые друг от друга в определенных позициях, в других позициях оказываются совместимыми, выступающими нераздельно» [Шмелев 1973: 77]. И далее:

Речь идет не о специальном приеме поэтического (часто просто каламбурного) использования слов в контексте, обнажающем их многозначность, а о том, что в обычных условиях речевого общения выделяемые значения не полностью и безусловно отграничены друг от друга [...] Подобная «д и ф ф у з н о с т ь» отдельных значений не создает затруднений для речевого общения, не делает высказывание двусмысленным, так как позиционная обусловленность различных значений многозначного слова сочетается с (также позиционно обусловленной) возможностью «совмещения» некоторых из них в определенных контекстах [Там же: 80].

Обратим внимание на употребление кавычек при слове *совмещение*.

Что «совмещение значений» — явление не просто не периферийное, но в некотором смысле конституирующее для семантической системы языка, следует из того, что именно так происходит семантическая эволюция: в течение какого-то времени два значения совмещаются, не различаясь, а потом расходятся, обычно за счет того, что одно из них инкорпорирует элемент значения контекста, в результате чего различие

²¹ В. Шкловский. О Маяковском. М., 1940 (цит. по [Сарнов 2002: 11]). Этим примером я обязана С. А. Крылову.

²² Весьма показателен следующий затем комментарий В. Б. Шкловского: «В этой остроте обычный метод Маяковского: перестановка ударения на второстепенное слово, переосмысливание этого слова и разрушение обычного значения». Действительно, произведенная Маяковским подмена употребленного Брюсовым глагола *бояться 2* глаголом *бояться 1* сопровождается переносом на него фразового ударения: *бояться 2*, будучи глаголом пропозициональной установки, является безударным (и в этом смысле «второстепенным»).

становится уже не позиционным, а ингерентным — ср. известный пример Бенвениста *le faucon vole la perdrix* «сокол преследует и хватает на лету куропатку» [Бенвенист 1954/74: 333]. Нам сейчас очевидно, что «лететь» и «воровать» — это два разных смысла (более того, в современном франц. языке глагол *voler* распадается на два омонима), но ведь когда-то они выражались одновременно и нерасчлененно.

С указанной оговоркой (т. е. если случаи синкретизма считать одним значением) можно согласиться с утверждением, что «в норме каждое многозначное слово используется в высказывании в каком-то одном из своих значений» [Апресян 2000б: XXVII—XXVIII].

В связи с проблемой совмещения значений следует упомянуть также явление, в некотором смысле обратное: «расслоение» единого значения под давлением контекста, когда повтор слова навязывает нам его прочтение в разных смыслах. Помимо известных примеров квазитавтологий вида ‘А есть А’, широко обсуждавшихся в литературе (см. [Wierzbicka 1987с; Булыгина, Шмелев 1997: 437—451]), приведем примеры квазипротиворечий вида ‘А есть не А’, ср.:

- (18) И, чтобы кончить о Д. И. Знаю только, что умер он у Старого Пимена и что работал до последнего дня. Да и не *знала бы* — *знала бы* (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена);
- (19) *Acquéirir à force d’immobilité une sorte de hâle doux sur le visage et le corps, attendre sans attendre que les vacances soient finis* (F. Sagan. Un certain sourire).

Изучение механизмов семантической деривации, «вынуждаемой» такого рода контекстами, является интересной задачей, которая выходит за рамки настоящего обсуждения.

1.4. СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МНОГОЗНАЧНОСТИ

Среди существующих на сегодняшний день способов представления многозначности, применяемых разными авторами, назовем следующие:

1. Иерархически упорядоченный (= многоуровневый) набор частных значений (традиционные толковые словари, Толково-комбинаторный словарь А. К. Жолковского и И. А. Мельчука; Ю. Д. Апресян).

2. Множество частных значений с заданным отношением производности (= семантической деривации), связывающих их с исходным значением, т. е. схема Куриловича (Е. В. Падучева, «семантические мосты» И. А. Мельчука, В. Туровский — операции над толкованием).

3. И н в а р и а н т (\approx общее значение) и в той или иной степени выводимые из него варианты (= частные значения), реализующиеся в разных контекстных условиях, т. е. схема Якобсона (Н. В. Перцов).

4. Значение слова как набор семантических компонентов, или компонентов толкования, имеющих вид утверждений на семантическом метаязыке (А. Вежбицкая). Сравнение этих наборов выявляет общее и различное в значении синонимов в пределах одного языка, переводных эквивалентов в разных языках, а также разных значений одного слова (каждому из которых сопоставляется свой набор)²³.

²³ Полисемии А. Вежбицкая придает меньшее значение; ср., однако, ее описание разных значений англ. слова *soul* в [Wierzbicka 1992a: 36—38], глаголов *to ask, to tell* и др. в [Wierzbicka 1987a], слов *правда* и *неправда* в [Вежбицкая 2002].

5. Образ-схема, или схематический образ (image schema): картинка, позволяющая, по предположению, когнитивно адекватным образом представить как значение слова, так и структуру его многозначности: разные значения «выбирают» (профилируют, выдвигают на первый план) разные части схемы в качестве центральных, оставляя прочие за пределами поля зрения или на его периферии, что отражает устройство нашего зрительного восприятия и других когнитивных процессов (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Л. Талми, Р. Лангакер, Л. Янда, и др.).

6. Абстрактная схема и набор формальных операций ее логического преобразования, в результате применения которой получают частные значения (Д. Пайар).

Не ставя перед собой задачу сделать обзор перечисленных концепций, остановимся лишь на некоторых существенных моментах.

Среди принципов когнитивного подхода к многозначности могут быть названы следующие (см. [Lakoff 1987; Smith 1999] и др.).

1. Все языковые единицы многозначны.

2. Для многозначной языковой единицы не существует единого ядерного (инвариантного) значения, такого, что все остальные являются его вариантами.

3. Значение языкового выражения может быть представлено в форме его схематического образа (образ-схемы).

4. Значения языкового выражения образуют категорию, имеющую радиальную структуру, в которой центральный элемент связан со всеми остальными посредством трансформаций образ-схемы (т. е. ментальных операций, позволяющих говорящему связать концептуально близкие конфигурации как варианты одной базовой образ-схемы), а также метафоры.

5. Нецентральные (производные) значения не могут быть предсказаны на основании центрального, но они мотивированы центральным значением, трансформациями образ-схемы и метафорическими переносами.

6. Между описанием полнозначных слов и служебных слов и морфем нет принципиальной разницы.

Среди этих принципов особенно важным представляется противопоставление выводимость vs. мотивированность. Действительно, производное значение называется выводимым, если для него существует правило вывода (вида «всякий раз, когда имеется совокупность условий А, происходит процесс, приводящий к результату В»). Такие правила в семантике есть, но их очень мало. Мотивированностью производного значения называется наличие некоторой прозрачной содержательной связи между состояниями А и В. По-видимому, следует согласиться с тем, что семантическая производность в общем случае обладает свойством мотивированности, но не обладает свойством выводимости. Действие механизмов семантической деривации определяется взаимодействием столь большого количества факторов, что предсказать его в общем случае не представляется возможным. Другое дело, что когда известно, что тот или иной семантический переход уже произошел в некотором слове, то знание механизмов мотивации (семантической деривации) позволяет нам объяснить, почему этот переход имел место в данном слове, но не, например, в другом, близком по смыслу (ср. [Dirven 1985: 27]). Так, например, в

[Розина 2002] приводится весьма убедительное объяснение того факта, что у глагола *подогреть* появляется жаргонное значение, переносящее его в область межличностных отношений (= ‘дать взятку’), а у глагола *согреть* никакого подобного значения нет. Другими словами, знание механизмов семантической деривации позволяет нам выявить возможные, допустимые с точки зрения внутренней логики языка пути семантического развития; использует ли реально язык данную возможность, предсказать нельзя.

В целом нельзя не признать значительные достижения когнитивной лингвистики в исследовании феномена языковой многозначности. Идея взаимодействия фигуры и фона, профиля и базы как порождающего принципа для многозначности безусловно продвигают нас в познании этого языкового феномена. Особенно успешно данный концептуальный аппарат может быть применен к анализу сильномногозначных служебных слов и морфем — прежде всего, предлогов и приставок (см., например, обзор [Филипенко 2000] о предлогах, книгу [Janda 1986] о приставках и др.). Имеются, однако, некоторые сомнения относительно эффективности распространения когнитивного концептуального аппарата на исследование таких слов абстрактной семантики, абстрактное значение которых является исходным (а не производным) — например, слов типа *знать* или *ждать*, *жалко* или *напрасно*. Да и относительно таких слов, как *необходимый* или *неизбежный*, нет уверенности в том, что описание их значения должно апеллировать к словам *обойти* и *избежать* в их исходном, пространственном значении (ср. ниже о различной компетенции разных носителей языка, в том числе и в отношении внутренней формы). Конечно, когнитивный подход может быть расширен и на такие случаи, однако, как представляется, за пределами пространственной метафоры (т. е. описания значения приставок, предлогов, глаголов физического действия, предметных имен и некоторых других классов слов) он оказывается не то чтобы не эффективен, но эффективен лишь в той мере, в какой он теряет свою специфику, отличающую его от более традиционных методов семантического анализа.

Другое сомнение в правомерности когнитивного подхода связано с тем, что апелляция к устройству сознания (cognition) требует умения с ним обращаться, которое в общем случае выходит за рамки компетенции лингвиста. При этом, хотя языковая способность безусловно является частью когнитивной деятельности человека, ни откуда не следует, что разные виды когнитивной деятельности устроены одинаково (и тем самым сведения о протекании других когнитивных процессов, даже если бы мы ими располагали, все равно не могут быть непосредственно применены к языку). Поэтому, как кажется, наоборот, чем глубже наше понимание семантической структуры языка, механизмов овладения и пользования языком, тем больший вклад вносит лингвистика в когнитивную науку.

Данное соображение тем более существенно, что помимо обращения непосредственно к устройству сознания, все остальные принципы когнитивной лингвистики в реальности широко применяются в разных направлениях отечественной семантики²⁴. Имеются в виду такие постулаты, как: влияние на язык социального, психологического, культурного и прочих «внешних» факторов, зависимость языковой структуры от концептуализации мира и наоборот, лингвоспецифичность концептуальных структур, отраженных в значении слов каждого языка, размытость границы между

²⁴ Ср. [Паршин 1996: 31] о том, что когнитивную лингвистику характеризует «смена познавательных установок» в большей степени, чем новые методы исследования.

языковым и энциклопедическим знанием, взаимопроникновение разных уровней языка — синтаксиса, морфологии и лексики (ср. перечень принципов когнитивной лингвистики, приводимый в [Rudzka-Ostyn 1993: 1—2]). Эти принципы реализуются, в частности, в работах в области языковой концептуализации и семантики лингвоспецифичных слов (ср. [Шмелев 2002a] и др., а также Главу III). Исследования в области концептуального анализа и моделирования семантики абстрактных существительных при помощи анализа их метафорической сочетаемости и нахождения лингвистического аналога в мире физических явлений (принципы которого были изложены в работах [Арутюнова 1976; Успенский 1979]) фактически реализуют центральный постулат когнитивной лингвистики — ср., например, работу [Туровский 1991a] и многие другие позднейшие публикации серии «Логический анализ языка». Близка когнитивной лингвистике и идея построения концептуальной схемы (см. ниже), объединяющей не только разные значения многозначного слова, но также и разные слова — ср. такие ряды, как *сожалеть, жалеть, жаль, жалко; обидеть, обидно, обида* (разделы II.2. и III.5) и анализ в англ. слов *go, gone, away* [Langacker 2002: 6]. Здесь уместно также упомянуть рассмотрение конверсивов в одном ряду с другими типами диатетических сдвигов, происходящих внутри одного слова, в работах Е. В. Падучевой, которое восходит к имеющей давнюю традицию проблематике прототипической ситуации и различных способов ее лексикализации (ср. [Fillmore 1968; 1977; Апресян 1974; Кибрик 1980] и др.). Общей с когнитивной лингвистикой является идея (разрабатываемая, в частности, в настоящем исследовании) различной «фокусировки внимания», «выдвижения на первый план» того или другого участника ситуации и/или семантического компонента как порождающего принципа полисемии — ср. термин «профилирование» в когнитивной лингвистике, напр. [Langacker 2002: 5], термин *windowing of attention* [Ungerer, Schmid 1996: 218; Talmy 2000: 76—77] и др.

Идея, что многозначность порождается актуализацией, в различных условиях, различных аспектов (семантических компонентов) значения слова, развивается в работах Е. В. Падучевой [Падучева 1998; 1999; 2000; 2004]. Сходные идеи высказывались и другими учеными — ср., например, работы [Гуревич 1988: 27; Гак 1998: 30, 238]. Одна из первых попыток описания средствами формального метаязыка типовых отношений семантической деривации, связывающих одно значение многозначного слова, принимаемое за исходное, с остальными его значениями, содержится в статье [Туровский 1985]. Модели семантической деривации для широкого круга русской базовой лексики описаны в работах [Кустова 2001; 2002; 2004; Розина 1999a,б; 2002; 2005]. О близости понятий *регулярной многозначности (семантической деривации)* и понятия *трансформации образ-схемы (image-schema transformation)* см. [Филипенко 2000: 33]; ср. также [Рахилина 2000a: 5]. Наконец, сама идея неких схематизированных образов как «кирпичиков», из которых строятся языковые значения (ср. [Goddard 1998: 79—80]) по существу весьма близка к идее «семантических примитивов» Анны Вежбицкой.

Действительно, представляется весьма правдоподобной гипотеза, что базовые элементы опыта, из которых строятся языковые концепты, существуют на невербальном уровне, и поэтому любая попытка перевести эту информацию в вербальную форму обречена на неудачу. Однако перевод в визуальную форму точно также не может быть произведен без потерь. Особенно сомнительно это в случае «кинестетических»

(т. е. непосредственно отражающих наш сенсомоторный опыт) схем²⁵ — ср. анализ английских предлогов *in* и *out* на основании опыта восприятия тела как «контейнера» в [Lindner 1983]. «Картинки», таким образом, обнаруживают явное преимущество лишь в тех случаях, когда кодируемый фрагмент опыта — изначально визуальной природы (по-видимому, именно так обстоит дело в случае пространственных наречий и предлогов, ср. весьма убедительный анализ англ. предлога *over* в [Dewell 1994]). С другой стороны, «когнитивная адекватность» любой такой модели практически не верифицируема. Аргументом против разного рода «картинок» служит также тот общеизвестный факт, что в лингвистике графические репрезентанты идей автора за редкими исключениями бывают понятны лишь самому автору — во всяком случае, они ничего не проясняют по сравнению со своей вербальной версией. Например, в работе [Рахилина 2000б], где обсуждается вопрос о преимуществах графического способа представления пространственной информации, в частности, при необходимости выяснения локализации того или иного объекта (с чем нельзя не согласиться), никакой «картинки», однако, читателю не предлагается. В статье [Плунгян, Рахилина 2000: 118—119] предлагаемый весьма условный графический образ лишь сопровождает его вербальный аналог (с каковым реально и работают в дальнейшем авторы).

1.5. ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ЕЕ «КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СХЕМЫ»

1.5.1. Инвариант vs. исходное значение

Существует, как известно, два способа представления многозначности, ориентированных на сохранение «единства слова» — общее значение по Якобсону [1936/1985], ср. близкое понятие *инварианта* в [Якобсон 1958/1985], с одной стороны, и главное значение по Куриловичу [1962: 264] — с другой. В обоих случаях единство слова обеспечивается деривационными связями, соединяющими все частные значения; принципиальное различие между ними состоит в том, что схема Куриловича предполагает манипулирование с «реальными» значениями, обнаруживающими себя в конкретных употреблениях, в то время как принятие схемы Якобсона означает обращение к ненаблюдаемой семантической сущности, находящейся на ином уровне абстракции и требующей иного метаязыка, чем тот, который используется при лексикографическом описании. И тот и другой способ представления обладает рядом преимуществ и недостатков, которые много обсуждались в литературе (см., напр., [Wierzbicka 1980b; Вежбицкая 1996; Перцов 2001; Падучева 2000]), здесь нет нужды эти аргументы воспроизводить.

Наша позиция по отношению к семантическому инварианту состоит в том, что он существует в той мере, в какой его удастся убедительным образом сформулировать (т. е. найти формулу, которая была бы в достаточной мере содержательна, с одной стороны, и операциональна — с другой). При этом под семантическим инвариантом следует понимать, безусловно, не буквально «то общее, что имеется в толкованиях всех значений данного слова», а некоторую более неформальную общность. Удачным образцом инварианта может служить формула «свобода (человека X): ‘возможность

²⁵ См. [Johnson 1987; Lakoff 1987; Deane 1988].

Х-а делать то, что Х хочет» [Перцова 1988: 48]. Такого рода формула, однако, может быть найдена далеко не всегда. Часто бывает так, что формулировка семантической общности требует невыраженности некоторых противопоставлений, встроенных в значение слов, а также коммуникативно нерасчлененных утверждений. Так, например, семантический инвариант *сожаления* предполагает ценностное сравнение двух ситуаций, которое не может быть передано словами *лучше* или *хуже*, так как каждое из них дополнительно фиксирует перспективу, — которая, на уровне инварианта, должна оставаться неопределенной. Все это, разумеется, может быть достигнуто средствами естественного языка, однако полученная таким образом формула может оказаться слишком громоздкой, так как избавиться от уже содержащихся в словах смыслов гораздо труднее, чем выразить какие угодно новые оттенки, и фактически такая формула будет просто содержать перечень всех возможных реализаций (ср., в случае *сожаления*: ‘А лучше, чем В’, ‘В хуже, чем А’; ‘А хорошо (а В плохо)’, ‘В плохо (а А хорошо)’ и т. д.). Поэтому в подобных случаях удобнее оказывается невербальный способ представления (в рассматриваемом примере — изображение ценностной шкалы, на которой расположены два сравниваемых события). Наконец, в весьма значительной части случаев многозначность может быть вполне адекватно описана в терминах исходного значения (определяемого толкованием или через прототип) и мотивированных производных значений, которые получаются при помощи преобразований исходного значения, в той или иной степени предсказуемых.

Итак, наш основной тезис состоит в том, что в языке сосуществуют разные механизмы, обеспечивающие единство значения языковой единицы; соответственно, множественным должен быть и способ их представления. Другими словами, в каких-то случаях предпочтительным (т. е. более адекватным объекту) является описание, при котором различаются исходное и производные значения, рассматриваемые как сущности одного и того же порядка (схема Куриловича), в других — очевидны преимущества способа описания, различающего два уровня — скрытый и явный (схема Якобсона). То же верно и в отношении имеющего уже достаточно длительную традицию противопоставления «классического» и «прототипического» подхода к категоризации (ср. [Вежбицкая 1996: 201])²⁶. Иногда одно и то же слово нуждается как в прототипическом, так и в признаковом анализе — ср. [Там же: 210] о словах *мебель* и *птица*. Здесь уместно вспомнить также определение *брака*, предложенное Т. М. Николаевой [устное сообщение] в 70-е годы. А именно, отношения между мужчиной и женщиной называются *браком*, если выполнены любые два условия из следующих трех: (1) регистрация в ЗАГСе; (2) наличие сексуальных отношений; (3) ведение совместного хозяйства. (Будучи вполне «структурным», это определение является одновременно и «прототипическим»: оно делает шаг к представлению о браке как градуальной категории, ср. [Арутюнова 1996: 79] о выражениях типа *как бы муж*; о синонимии фраз *Он живет как бы один* и *Он живет как бы не один*.) Соответственно, *жена X-а*, очевидно, может быть определена как «женщина, находящаяся в браке с X-ом» (ср. [Кронгауз 1991]). Ср., однако, иную формулу, предложенную В. М. Тихомировым [устное сообщение]: *моя жена* = «женщина, которую я называю своей

²⁶ Ср. также доклад М. Монелья на конференции «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы» (МГУ, 1995), где вводится противопоставление прототипических и непрототипических глагольных предикатов: предикаты первого типа идентифицируются с опорой на прототип, второго — путем верификации условий, предъявляемых толкованием.

женей». Эти два определения, очевидно, взаимно дополняют друг друга, и не имеет смысла спорить о том, какое «лучше».

1.5.2. Понятие концептуальной схемы

Напомним, что предлагаемая в настоящем исследовании модель многозначности имеет своим объектом непредметную лексику: прежде всего, это глаголы, а также отглагольные и другие непредметные имена, качественные прилагательные, наречия. Мы будем говорить о словах, хотя то же принципиальное устройство присуще многозначности предлогов и глагольных префиксов²⁷; некоторые принципиальные моменты могут быть распространены также на устройство многозначности граммем.

Предлагаемый в данной работе способ представления той сущности, которая обеспечивает единство слова, назван *концептуальной схемой*. Этот термин объединяет несколько разных конкретных метаязыковых техник — как уже давно и широко применяемых в лингвистике, так и новых — на функциональной основе: все эти техники имеют целью представить все значения многозначного слова как единое целое. В качестве концептуальной схемы могут выступать в том числе: инвариант, общее значение, прототипический сценарий (*scenario*, см. [Wierzbicka 1999]) — в тех случаях, когда удастся выявить, найти формулу, которая была бы одновременно в достаточной мере содержательна и операциональна, и при этом не содержала бы фиксированного значения тех параметров, которые должны на этом уровне оставаться неопределенными.

Устройство концептуальной схемы может быть различным; это зависит от типа слова и характера его многозначности. Для сильномногозначных слов пространственного значения (пространственных предлогов и наречий, глаголов движения, а также глагольных приставок) концептуальная схема включает некоторый пространственный образ (при этом реальная «картинка» по причинам, изложенным выше, предлагается далеко не всегда), на который накладывается определенная концептуальная структура, задающая возможности «выдвижения» тех или иных ее фрагментов, на основе чего возникают реальные частные значения (ср. наше описание предлога и наречия *мимо*, приставок *за-*, *у-*, а также глагола *добираться*). Для многозначных слов непространственного значения (предикатов, относящихся к «идеальной» сфере) концептуальная схема обычно представляет собой набор семантических компонентов плюс некое неформальное описание прототипической ситуации. Реально присутствующие в языке частные значения получаются из концептуальной схемы при помощи выбора некоторого подмножества этого набора компонентов и установления коммуникативной иерархии между ними (ср. описания для *бояться*, *говорить*, *собираться*, *сожалеть*, *сочувствовать* и др.). Обратим внимание на то, что концептуальная схема отличается от исходного значения, в частности, отсутствием в ней информации об относительной коммуникативной значимости компонентов. Соответственно, в тех случаях, когда компонентов немного или их коммуникативная иерархия несущественна

²⁷ Ср. [Киселева, Папар 1998: 11] о том, что «дискурсивные» и полнозначные слова могут быть описаны в рамках одного и того же подхода. Ср. также трактовку глагольной приставки как оператора, или предиката высшего порядка, по отношению к глаголу в [Плунгян 2000; Spenser, Zaretskaja 1998a,b]).

(в частности, если компонент всего один), то концептуальная схема может совпасть с исходным значением.

Следующий шаг семантической деривации состоит в возможном метафорическом переосмыслении тех или иных компонентов.

Способ представления многозначности при помощи концептуальной схемы является в некотором смысле дополнительным к способу, при котором отношения семантической деривации связывают одно из реальных значений слова, принимаемое за исходное, с остальными, производными. Модель порождения производных значений из исходного более эффективна в случаях относительно регулярной многозначности (некоторые типы метафорического переноса, сдвиги, связанные со сменой диатезы, изменением категориальной принадлежности актанта и некоторых других — ср. работы Е. В. Падучевой). Понятие концептуальной схемы оказывается более эффективным для тех слов, чья многозначность, по той или иной причине, не может быть описана в рамках модели порождения производных значений из исходного, но при этом семантическое единство слова достаточно велико, чтобы задача его экспликации была осмысленна. Для выявления этого единства бывает необходимо использовать метаязык, отличающийся от естественного тем, что в нем остаются не выраженными какие-то противопоставления, встроенные в значение слов естественного языка (используемых также в метаязыке толкований), и используются коммуникативно не расчлененные утверждения. Еще одно существенное свойство концептуальной схемы, отличающее ее, например, от общего значения, состоит в том, что концептуальная схема может быть единой для нескольких разных слов.

Таким образом, одна модель позволяет более точно проработать детали, другая — более ясно увидеть целое. По этой причине обращение к концептуальной схеме может оказаться уместным даже и в тех случаях, которые вполне адекватно описываются в рамках модели порождения производных значений из исходного; более того, при описании той или иной реализации концептуальной схемы в конкретном значении иногда оказывается удобнее выводить одно значение из другого, принимаемого за исходное — имея в виду при этом общую концептуальную схему, которая стоит за всеми значениями.

Используемые в концептуальной схеме семантические компоненты бывают двух основных типов: это могут быть обычные утверждения на метаязыке, приближающиеся к естественному, и тогда они же присутствуют в толковании реальных частных значений (напр., ‘Х считает, что Р плохо’). С другой стороны, в концептуальной схеме могут использоваться более абстрактные формулы или их невербальные репрезентанты — так, например, устроен оценочный компонент в концептуальной схеме *сожале-ния* (см. выше). В целом можно сказать, что чем больше разброс значений языковой единицы, чем сильнее ее концептуальная схема отличается по своей форме от реального толкования. Для сильномногозначных единиц одна концептуальная схема может охватывать даже не все ее значения, а лишь один семантический блок; таково, например, наше описание выбранного блока значений русского творит. падежа (ср. также [Плунгян, Рахилина 1996]). Иногда концептуальная схема представляет собой единую формулу, близкую к тому, что принято называть семантическим инвариантом (ср. наше описание для *напрасно, мочь*). Для слабомногозначных (однозначных) слов концептуальная схема просто совпадает с толкованием (ср.: *раскаянье, жалость*).

Значение слова, которое оно имеет в конкретном употреблении, является результирующей двоякого рода операций над компонентами, составляющими его концептуальную схему: с одной стороны, это выбор наиболее существенных семантических компонентов и их упорядочение по признаку коммуникативной значимости (презумпция, ассерция, импликация и др.); с другой стороны — переосмысление выбранных компонентов, обусловленное изменением таксономического класса актантов. Взаимодействие этих операций обеспечивает конкретный набор правил семантической деривации, порождающих — в той или иной степени регулярную — многозначность.

1.6. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Как представляется, решение задачи описания многозначности надо искать на пути, который предполагает разведение вопросов о том, как реально устроена многозначность (т. е., как ей пользуются говорящие при синтезе и анализе речи, в том числе — какие частные значения «запоминаются», какие порождаются по тем или иным схемам или образцам, а какие и вовсе не осознаются как различные) и о том, как следует ее описывать в словаре (имеется в виду словарь-справочник, адресатом которого не является лингвист — в отличие от словаря как популярного в последнее время жанра лингвистического исследования). Наш тезис состоит в том, что словарное представление значения многозначного слова не должно стремиться отразить то, в каком виде информация о многозначности хранится в сознании говорящего и то, как он ею пользуется.

Причин тому несколько.

Во-первых, мы не знаем, в каком виде информация о многозначности хранится в сознании говорящего.

Есть основания полагать, что онтологически развитие многозначности проходит путь не от «конкретного» к «абстрактному», а скорее от самого общего представления, в котором метафорически или метонимически мотивированные переносы вообще не осознаются как порождающие отдельные сущности, — к постепенному расчленению и оппозиции частных значений. Об этом свидетельствуют данные как онтогенетического, так и филогенетического характера — ср., с одной стороны, исследования в области семантики древних языков (в частности, [Иванов 1999: 550] о синкретизме др.-греч. φρένες [Swadesh 1972: 183—185], а также [Brock 1996: 165—174] о теологических спорах сирийских христиан, имеющих лингвистическую основу)²⁸ — и, с другой стороны, исследования в области овладения языком (см. [Barrett 1995] с дальнейш. библиогр.). Так, известно, что, с одной стороны, трех-четырёхлетний ребенок отвергает употребление взрослыми слов в переносном значении (ср.: *Молоко не может убежать, у него же нету ног* [Цейтлин 2000: 199]); с другой стороны, в детской речи, например, желудь и предмет, внешне напоминающий желудь — это одно и то же (ср., впрочем, значение таких слов как *шар* или *круг* в обычном «взрослом» языке). Называя капли смолы на елке *слезами, которыми*

²⁸ По-видимому, первыми осознали существование переносного значения древние греки, давшие ему название «метафора» (т. е. «перенос») — см.: Аристотель. *Поэтика*, 21.

*елка плачет*²⁹, ребенок не делает ничего принципиально иного, чем когда он собачьи уши называет тем же словом, что и свои; словом *бабах* двухлетний ребенок может обозначать ‘удар’, ‘больно’, ‘звук удара’, а также ‘мяч’ и вообще любой ‘шарообразный предмет’. Во всех этих случаях нет метафоры и метонимии, потому что нет как такового переноса. Другими словами, ребенок отвергает метафору постольку, поскольку он способен ее обнаружить; ему нужно не подобие, а тождество (капля смолы в форме слезы — это и есть слеза); ср. о тождестве, подобии и метаморфозе в разделе VI.2.

Во-вторых, как уже упоминалось выше, есть серьезные основания полагать, что способ хранения и манипулирования этой информацией у разных людей различен — в зависимости как от ментального склада (когнитивного стиля), так и от других факторов — социального, возрастного, профессионального³⁰.

В-третьих, как показывает практика обращения с разного рода словарями (как двуязычными, так и толковыми), любое сколь угодно совершенное толкование дает менее ясное представление о значении слова, чем ряд хорошо подобранных примеров употребления данного слова в искомом значении³¹. По-видимому, объяснение этого феномена состоит именно в том, что значение слова «хранится» у говорящего не в форме набора значений, репрезентируемых своими толкованиями. (В частности, если и существует язык *lingua mentalis*, то говорящему он еще более недоступен, чем исследователю.) При этом следует иметь в виду, что многие контекстно обусловленные различия говорящим вообще не замечаются (в частности, различия, касающиеся таксономического класса актанта, ср. анализ глагола *разбить* в [Падучева 2002]). Тем самым как постулируемые значения, так и описание правил их порождения представляют собой моделирование метаязыковой деятельности лингвиста в большей степени, чем языковой компетенции говорящего. Иными словами, не исключено, что не только толкование, но и само частное значение — это элементы метаязыка описания и только его.

При этом реальное функционирование многозначной языковой единицы является результирующей столь многих факторов, что наиболее адекватное представление об этом феномене мы можем получить лишь имея в своем распоряжении несколько разных, взаимодополняющих или даже альтернативных способов описания. Таких способов описания должно быть как минимум два:

1) классическое словарное описание в виде списка дискретных значений (где в центре внимания должен находиться подбор примеров, охватывающих все релевантное множество употреблений данного слова);

²⁹ Ср. в поэзии: *Прозрачной слезой на стенах проступила смола* (О. Мандельштам. За то, что я руки твои не сумел удержать...). Ср. [Цейтлин 2000: 195] о сходстве механизмов детского и поэтического речевого творчества.

³⁰ Непосредственное отношение к обсуждаемой проблеме имеет также тот общеизвестный факт, что способность к языкам, т. е. способность быстро и без труда научиться понимать и говорить на иностранном языке, обычно не совмещается со способностью строить и применять алгоритмы (т. е. с тем, что условно называется «аналитическим мышлением»). Поэтому лингвисты редко бывают настоящими полиглотами, и этот факт удивляет только непрофессионалов.

³¹ Аналогичным образом, текст, записанный в фонетической транскрипции, нам гораздо труднее понимать, чем в орфографической записи.

2) осмысление этого списка, представляющее собой гипотезу о том, как данная система значений хранится в сознании говорящего и используется им.

Представление многозначности в виде множества частных значений — с установленной между ними иерархией и выявленными моделями семантической деривации или без них — всегда будет несовершенным (в смысле — неадекватным фактам), и это несовершенство обусловлено не недостатком нашей добросовестности или проницательности, а природой многозначности, которая устроена недискретно в языке как системе: при реализации в речи недискретность существенно убывает, но не устраняется вовсе. Это, однако, ни в коем случае не означает, что от «словарного» способа представления многозначности следует отказаться.

Итак, существуют две разные задачи. Одна состоит в том, чтобы оптимальным образом организовать информацию, нужную для пользователя. Другая — в том, чтобы понять, как устроена многозначность в языке, а это означает провести, тем или иным образом, границу между воспроизводимым и порождаемым и выявить механизмы семантической деривации, которыми пользуется говорящий (и, соответственно, производящий обратную операцию слушающий) в зоне «порождения». Что касается первой задачи, то, по-видимому, оптимальным на сегодня является метод представления значения слова в форме «лексикографического портрета» (см. [Апресян 1995г]). Для решения второй задачи представляется эффективным использование, наряду с моделью порождения производных значений из исходного, модели, оперирующей понятием концептуальной схемы и ее реализаций.

2. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА

Важная роль внутренней формы слова в формировании структуры его многозначности определяется тем обстоятельством, что для всех морфологически производных слов внутренняя форма является одновременно исходной точкой семантической деривации. Цель данного раздела состоит в обосновании тезиса о продуктивности использования понятия внутренней формы слова в семантическом моделировании. Как представляется, понятие внутренней формы слова, принадлежащее «традиционной» лингвистической парадигме, можно (оставаясь при этом в рамках классического определения А. А. Потебни «способ, каким выражается содержание») адаптировать к нуждам современной семантики, характеризуемой ясно осознаваемой потребностью в таком семантическом представлении слова, которое было бы ориентировано на учет всех релевантных парадигматических связей слова с другими словами и, в частности, тем или иным способом отражало бы интуитивно ощущаемую связь между различными его значениями. Подобно тому как содержание художественного произведения неотделимо от его формы (то, как выражено содержание, есть часть того, что выражено) — значение слова включает в себя информацию о том, как оно выражено, т. е. свою **внутреннюю форму**. Тем самым возникает задача эксплицирования той составляющей значения слова, которой оно обязано своей внутренней форме, причем современная семантика безусловно располагает инструментами, достаточными для ее решения. Ниже анализируется понятие внутренней формы и ее типы, рассматривается связь внутренней формы слова с его этимологией, со структурой его многозначности и с семантическим инвариантом.

2.1. ПОНЯТИЕ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

Внутренняя форма слова — это осознаваемая говорящими мотивированность значения слова значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т. е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения заключенного в данном слове концепта. Иногда в том же значении используется термин *мотивировка* (напр. [Маслов 1998]); несколько шире используется термин *мотивация* [Толстая 2002].

Термин *внутренняя форма слова* был введен в лингвистический обиход в середине XIX в. А. А. Потебней. Словосочетание *внутренняя форма* восходит к русскому

переводу термина В. фон Гумбольдта *innere Sprachform* («внутренняя форма языка»), однако по существу здесь речь идет о разных вещах. О содержательном соотношении этих терминов надо сказать следующее. Гумбольдт под *внутренней формой языка* имел в виду нечто вроде «духа народа» (ср. его же понятие *nationeller Sprachsin* «национальное языковое сознание»), заключенного в строю его языка и воздействующего — в разных языках по-разному — на его «внешнюю форму» (т. е. звуковую оболочку). Дело в том, что сам Гумбольдт определения понятию *innere Sprachform* не дает, и поэтому в его последующих интерпретациях много противоречивого; в частности, смешивается понятие *внутренней формы языка* и *внутренней формы слова*. Как считает Г. В. Рамишвили [Гумбольдт 1984: 19], сила этой традиции сказывается и в заглавии известной книги Г. Г. Шпета «Внутренняя форма слова» [Шпет 1927] (так как книга посвящена на самом деле внутренней форме языка). При этом в любом случае не следует забывать, что это понятие было сформировано в рамках господствовавшей в ту эпоху глоттогонической эволюционистской парадигмы (т. е. проблематики причин языковой эволюции и расхождений между языками). Заметим, что те же общие установки характерны для А. С. Шишкова, ср.: «Надлежит вникать в те переходы из одних понятий в другие, с ними смежные, какими ум человеческий в каждом языке при составлении одного руководствовался, когда из общего всем им корня каждый народ по собственным своим соображениям производил ветви» («Опыт рассуждения о первоначальном единстве и разности языков», цит. по [Виноградов 2000: 63]).

Возвращаясь к Гумбольдту, отметим, что его понятие *innere Sprachform* ближе всего к тому, что сейчас называют *языковой картиной мира*. У Гумбольдта есть, кроме того, понятие *sprachliche Weltansicht* (которое Бодуэн де Куртенэ предлагал переводить как «языковое мировидение», но, возможно, даже более точным переводом было бы «языковое видение мира»). Соотношение между этими двумя понятиями состоит в том, что первое представляет собой своего рода конституирующий принцип формирования второго, т. е. *sprachliche Weltansicht* несколько шире, чем *innere Sprachform*³².

А. А. Потебня в работе 1862 г. «Мысль и язык» писал:

В слове мы различаем: *внешнюю форму*, т. е. членораздельный звук, *содержание*, объективируемое посредством звука, и *внутреннюю форму*, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание. При некотором внимании нет возможности смешать содержание с внутренней формой. Например, различное содержание, мыслимое при словах *жалование*, лат. *annuum*, *pensio*, франц. *gage*, может быть подведено под общее понятие платы; но нет сходства в том, как изображается это содержание в упомянутых словах: *annuum* — то, что отпускается на год, *pensio* — то, что отвешивается, *gage* первоначально — залог, ручательство, вознаграждение и проч., вообще результат взаимных обязательств, тогда как *жалование* — действие любви [...], подарок, но никак не законное вознаграждение, не следствие договора двух лиц [Потебня 1976: 175]³³.

³² Я благодарна С. А. Крылову и В. И. Постоваловой за интересные соображения, высказанные при обсуждении данной проблемы.

³³ Интересно отметить, что в своем более позднем (1874) и более известном труде «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебня, ссылаясь на Штейнталя, употребляет термин *внутренняя форма слова* в совершенно ином значении — как содержание языкового знака, в противоположность его *внешней форме* — звуковой оболочке [Потебня 1958: 47]. Это словупотребление не получило продолжения.

Ср. другой пример, из [Гак 1998: 202]: русск. *спасательный жилет*, англ. *life jacket*, нем. *Schwimmweste*: в разных языках для номинации одного и того же объекта выбираются разные аспекты ситуации его использования (спасения при аварии).

Итак, внутренняя форма — это «след» того процесса, при помощи которого языком было создано данное слово, по выражению Ю. С. Маслова — «сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» [Маслов 1998: 113]. Например, в слове *окно* «движение мысли» состоит либо в метафорическом переносе («окна у дома — как глаза у человека»), либо в метонимическом (окно — это как бы продолжение нашего глаза, ср. *глазок* «маленькое окошко, в которое смотрят, приставив к нему глаз»). Слово *воспитание* отсылает к идее *питания*; здесь при формировании понятия был использован механизм синекдохи: питание ребенка — это, очевидно, составная часть его воспитания.

Особая теория внутренней формы имеется у П. Флоренского [Флоренский 1973], который трактует ее одновременно как «душу слова» и как «факт личной духовной жизни» человека, пользующегося данным словом.

2.2. ТИПЫ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ

Итак, наличие внутренней формы у некоторого слова означает наличие у него определенного типа деривационно-ассоциативных смысловых отношений. В зависимости от того, какая сущность является вторым термом этого отношения, имеет смысл различать разные типы внутренней формы. Первый можно назвать *словообразовательным* (когда отношение устанавливается с другим словом); второй — *эпидигматическим* (когда вторым термом отношения является другое значение того же слова)³⁴; кроме того, внутренняя форма может быть смешанного, словообразовательно-эпидигматического типа. Внутренняя форма любого типа может быть оригинальной и калькированной (см. раздел V.2.4).

Внутренняя форма *словообразовательного* типа имеется у слов, образованных от какого-то другого слова по некоторой относительно живой словообразовательной модели — это значит, что, вообще говоря, любое слово, имеющее деривационную историю, имеет внутреннюю форму словообразовательного типа (ср.: *домик*, *пере-писать*, *пар-о-воз*; ср. также: *ход*, *бег*, нем. *Gang* от *gehen* — но не, например, *пир* от *пить* или *жир* от *жить*, так как эти связи для современного языка не актуальны). Так, два омонима *заходить* — глагол сов. вида со значением «начать ходить» <по комнате> и глагол несов. вида, имперфектив к *зайти* <за угол, в самую чашу> (см. [Зализняк 1995]) — имеют разную деривационную историю и, что в данном случае одно и то же, разную внутреннюю форму.

Внутренней формой *эпидигматического* типа обладают слова, имеющие «прямое» и «переносное» значение, при условии, что исходное значение у данного слова тоже актуально, например: *нос* (корабля), *яблоко* (глазное) и т. п., *источник* («причина»), *осел* («глупый человек»), *ведро*, *стакан*, *мешок* в значении меры объема и т. п.

В значительной части случаев внутренняя форма бывает смешанного типа. Например, такие слова, как *ручка* (дверная), *ножка*, *спинка*, *ушко* (игольное) и т. п., непо-

³⁴ Термин «эпидигматический» употребляется здесь в узком смысле — см. прим. 1. в разделе V.1.

средственно соотносятся не со словом *ручка*, *ножка* и т. д., а со словом *рука*, *нога* и т. д. Здесь имеет место связь эпидигматического типа: метонимический перенос или перенос по функции. Кроме того, слово *ручка* имеет деривационную историю (оно образовано присоединением суффикса *-к-*, который имеет здесь иное значение, чем в *ручка* ‘маленькая рука’, ср. [Спиридонова 1999: 19—20]) и тем самым слово *ручка* (дверная) имеет также внутреннюю форму словообразовательного типа.

Другой случай внутренней формы смешанного типа представлен словами абстрактной семантики, состоящими из двух или более морфем и имеющими переносное значение, возникшее путем метафорического переосмысления пространственных категорий и других параметров материального мира. При этом здесь возможны два варианта. Первый вариант: само слово абстрактной семантики не имеет «конкретного» значения — его имеют лишь составляющие данное слово морфемы. Таковы, например, русские слова *впечатление*, *влияние*, *содержание*, *представление*, *предположение*, *отношение* и т. п. (многие такие слова представляют собой кальки с иноязычных образцов — см. раздел V.2.4). Второй вариант: присутствуют оба значения, ср.: *волнение* (<на море> и ‘внутреннее беспокойство’), *вывод* (<войск> и «логическая операция») и т. п.

2.3. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Покажем на примере русского глагола *предполагать*, как многозначность слова может быть заложена в его внутренней форме. Слово *предполагать* состоит из приставки *пред-* и глагола *полагать*, имеющего переносное значение ‘иметь мнение’. Тем самым общая схема его значения такова: ‘иметь мнение, предшествующее чему-то’. Этим «чем-то» может быть: 1) действие (самого субъекта); 2) знание (получение информации); 3) другое мнение.

Первый случай соответствует значению ‘намерение’. Это значение было у существительного *предположение* вплоть до XIX в.: оно является вполне живым, например, в языке Пушкина; что касается глагола *предполагать*, то значение ‘иметь намерение’, в конструкции с подчиненным инфинитивом, отмечается и в современных словарях, ср. словоупотребление типа *Что ты предполагаешь делать в субботу?* Действительно, намерение — это некоторая идея, имеющаяся у человека перед действием, т. е. то, что человек «полагает перед действием». Однако одновременно намерение — это то, что человек «полагает перед собой» (ср. нем. *vorhaben* «намереваться», букв. ‘иметь перед’), и эта интерпретация тоже задается внутренней формой: если глагол *полагать* рассматривается в его исходном значении ‘класть’, а приставка выступает в исходном пространственном значении.

Во втором случае *предположение* — это мнение о верифицируемых пропозициях, которое человек формирует при отсутствии знания, т. е. до получения достоверной информации («мнение-предположение» по [Дмитровская 1988]).

Наконец, в третьем случае *предположением* оказывается мнение, предшествующее другому мнению или утверждению, т. е. мнение, истинность которого принимается и не проверяется (что соответствует лингвистическому термину *пресуппозиция*). Предшествование здесь понимается не столько во временном, сколько в онтологическом ключе — хотя предшествование во времени здесь тоже имеется.

Часто бывает так, что внутренняя форма указывает на те же особенности заключенного в слове концепта, которые обнаруживает семантический (концептуальный) анализ. Приведем интересное в этой связи рассуждение известного литовского логика Р. Павилениса, занимавшегося проблемой смысла и понимания.

Именно это свойство *с в я з а н н о с т и* концептов концептуальной системы, образования целого, [...] конструктивного преодоления дистанции, различий, контрастов, любого другого вида *н е с о в м е с т и м о с т и* и составляют существенную природу смысла и понимания. [...] Показательно, что эта простая идея «связанности», «приближения», «достижения» лежит в этимологических корнях множества языковых выражений, покрывающих семантическое поле смысла и понимания (напр., лат. *comprehendere*, англ. *to catch, to follow, to seize*, франц. *saisir, comprendre*, нем. *fassen, ergreifen, begreifen*, польск. *pojmwac*, лит. *pagauti, suprasti* и т. д.)³⁵. То, что всегда имеется дистанция между субъектом и объектом понимания, подобным образом отражено в этимологии таких выражений, как нем. *verstehen* или англ. *understand*, тогда как очень показательные лит. выражения *prasmė* ‘смысл’ и *suprasti* ‘понимать’ говорят нам, что понимание есть преодоление этой дистанции, приближение объекта понимания к субъекту, освоение его субъектом. Нетрудно опознать в данном «семантическом поле» идею направленности, интенциональности — сам по себе отличительный признак смысла. Поэтому не представляется просто исторической случайностью то, что, например, франц. *sens* обрело как значение ‘смысл’, так и значение ‘направление’ [Павиленис 1986: 242—243].

(Обратим внимание на то, что в этом рассуждении совершенно на равных правах выступает апелляция к внутренней форме и к семантической деривации.)

Существует точка зрения, что внутренняя форма должна рассматриваться как компонент семантической структуры (см., напр., [Варина 1976: 238]); по-видимому, все же следует присоединиться к более осторожному мнению, высказанному в [Баранов 1998: 151], что внутренняя форма может «поддерживать» актуальное значение слова, но может и противоречить ему.

Действительно, с одной стороны, бывает так, что даже непрозрачная внутренняя форма несет в себе информацию о построении концепта. Так, согласно Фасмеру, слово *обидеть* произошло из *об-видеть*, где предлог *об-* имеет значение ‘вокруг, огибая, минуя’, ср.: *обнести* <кого-то угощением> ‘пронести мимо, не дать’, *обделить, обвесить*. Слово *обидеть*, тем самым, имеет внутреннюю форму ‘обделить взглядом, не посмотреть’. И действительно, как показывает семантический анализ этого слова, именно недостаток внимания составляет прототипическую ситуацию возникновения того чувства, которое обозначается русским словом *обида* — в отличие, например, от английского *offence* (см. раздел III.5 или [Зализняк 2000a]). С другой стороны, бывает, что, наоборот, абсолютно прозрачная внутренняя форма «не прочитывается» носителями языка. Так, например, в ходе обсуждения вопроса о возвращении городу Санкт-Петербургу его изначального названия выяснилось, что далеко не для всех людей, говорящих по-русски, актуальна связь топонима *Ленинград* с антропонимом *Ленин*. Ср. в этой связи замечание М. М. Покровского о том, что внутреннюю форму человек более ясно видит в иностранном языке, чем в родном; например, иностранец в большей степени, чем немец, склонен усматривать

³⁵ Заметим, что концепт понимания может строиться и противоположным образом — на основе идеи *расчленения*, как, напр. в др.-исландском *skilinn* ‘понимающий’, букв. ‘разделяющий’, *skil* ‘понимание’ [Топорова 1994: 27], ср. также русские слова *разум, рассудок*, русское разговорное *сечет* = ‘понимает’. О метафорических моделях понимания см. в частности [Плунгян 1991; Иомдин 2006]. О приставке *раз-* в связи с метафоризацией разделенности в пространстве см. [Зализняк, Шмелев 2003] или раздел III.3.

связь между нем. *sich brüsten* ‘хвастаться’ и *Brust* ‘грудь’ (в особенности, имея в виду выражение *sich in die Brust werfen* ‘бить себя в грудь’) [Покровский 1959: 55]. Иногда внутренняя форма ничего не говорит о значении слова или даже вводит в заблуждение (ср. [Трубачев 1988: 215]).

С этой точки зрения интересна история слова *субъект*.

В основе латинского обозначения *subjectum* (являющегося калькой с греческого ὑποκείμενον)³⁶ лежит метафора подчиненного положения субъекта по отношению к предикату: внутренняя форма слова *sub-jectum* указывает на то, что обозначаемая им сущность подвергается действию, производимому предикатом (т. е. действию предикцирования, приписывания признака). Однако эта метафора (и соответственно, внутренняя форма) оказывается не актуальна во всех прочих значениях слова *субъект*. Она отсутствует также в термине *подлежащее* — несмотря на калькированную морфологическую структуру этого слова, отсылающую к идее подчиненности и, более того, на наличие в русском языке причастия *подлежащий*, значение которого соответствует его внутренней форме (ср.: *подлежащий уничтожению; сведения, не подлежащие разглашению* и т. п.). В оппозиции «субъект — объект» в силу вступают совершенно иные свойства субъекта: его преимущество с точки зрения одушевленности, активности, способности воздействия на объект и т. д. *Субъект* в этом смысле означает «главный»; так, подлежащее, т. е. грамматический субъект — это один из двух главных членов предложения (наряду со сказуемым) — в противоположность другим именным членам, второстепенным. Аналогичным образом, семантический субъект — это главный участник ситуации. Наоборот, в оппозиции «субъект — предикат» перечисленные свойства субъекта, которые противопоставляют его объекту, несущественны — не случайно одним из синонимов термина (*логический*) *субъект* является *предмет* (соответствующее латинскому *objectum*).

2.4. ЭТИМОЛОГИЯ И НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Понятие «внутренней формы» важно еще и потому, что оно имеет под собой вполне определенную психолингвистическую реальность. Дело в том, что представление, что «истинным» значением слова является его «исходное» значение, необычайно глубоко укоренено в сознании говорящих. Достаточно вспомнить, что с этимологии началась наука о языке (еще в XIX в. слово *этимология* употреблялось в значении ‘грамматика’), при этом само слово *этимология*, обозначающее сейчас науку о происхождении слов, образовано от греч. ἔτιμος ‘истинный’. Вообще надо сказать, что этимология — область языкознания, в наибольшей степени подверженная злоупотреблениям, о чем свидетельствуют хотя бы такие образцы этого жанра, как *этруски = это русские*, *Азия = аз и я*, ср. многочисленные примеры в статье [Зализняк А. А. 2000]. Такого рода этимологизирование существовало ис-

³⁶ Букв. «лежащее под»; как известно, в латинском переводе этого слова из-за отсутствия употребительной формы причастия от глагола *jaceo* ‘лежать’ было использовано причастие от глагола *jacio* ‘бросать’, в результате чего внутренняя форма этого слова была переосмыслена как «брошенное под», «подверженное», ср. польскую кальку *podmiot*, а также соответствующее лат. *objectum* слово *przedmiot*, заимствованное русским в форме *предмет*, см. [Виноградов 1994: 536].

покон веков и составляет, по-видимому, неотъемлемую часть человеческой языковой компетенции.

Внутренняя форма, найденная в результате народной этимологии, может влиять на реальное функционирование языка. Примером тому может служить глагол *довлеть*, который под влиянием аналогии, связавшей его с со словом *давление* (ср.: *терпеть* — *терпение*, *стареть* — *старение*), и одновременно с опорой на семантическую деривацию, т. е. актуальную полисемию глагола *давить* (ср.: *Не надо на него давить* = ‘пытаться повлиять, вынудить к принятию какого-то решения’) практически утратил исходное значение ‘быть достаточным’ и управление <чему>: в современном разговорном языке этот глагол употребляется лишь в значении ‘давить, подавлять, тяготеть’ и имеет управление <над кем/чем> (*Прошлое довлело над его жизнью*); т. е. глаголы *давить* и *довлеть* являются в современном языке паронимами. (Однако отношение между исконным и «современным» значением глагола *довлеть* не является семантической деривацией — см. раздел V.1.)

Как считает Д. Н. Шмелев, «подлинные отношения производности и сближения, основанные на случайных звуковых совпадениях, не разделены в самом языке четкой границей» [Шмелев 1973: 200]. Действительно, в истории языка довольно часто происходит совпадение этимологически различных (т. е. омонимичных), но фонетически и семантически близких слов. В некоторых случаях такое совпадение бывает столь разительно, и системные связи между такими словами столь прочны, что отсутствие между ними генетической связи удивляет даже лингвистов. Так, слово *пекло*, родственное латинскому *pix* ‘смола’ (а возможно, даже и просто заимствованное из уменьшительной формы *picula*, см. [Фасмер 1996, III: 226]), в современном языке по праву входит в словообразовательное гнездо глагола *печь* (пример из [Булыгина, Шмелев 1999]; ср. там же о скрывающем в себе два омонима слове *страсть*: ‘сильное чувство, страдание’ и ‘страх’). Лат. слово *amicus*, образованное от предлога *am* ‘около’, впоследствии было вовлечено в орбиту слов *amare* и *amor* и даже, возможно, способствовало сдвигу в значении *amare* [Пизани 2001: 115—116], и т. п. Нидерландский глагол *verduwen* ‘преодолевать’ возник в результате смешения двух этимологически различных слов — со значением ‘отталкивать’ и ‘переваривать’ [Geeraerts 1985: 33]. Примеры такого рода могут быть умножены (ср. также [Бенвенист 1954/74: 332] о том, что формально тождественные слова могут ассоциироваться по значению и создавать новое семантическое единство).

Важно подчеркнуть, что у одного слова может быть несколько различных актуальных для языкового сознания внутренних форм, которые сосуществуют, не вступая в противоречие (ср. явление множественности словообразовательной структуры слова, описанное в [Тихонов 1970]). Они могут даже не противоречить этимологии: так, слово *тоска* в русском языке связано этимологически со словами *тщетно* (см. [Шимчук 1991]) и *тошно* (см. [Фасмер 1996, IV: 90]), и связь с обоими этими словами актуальна — ср., с одной стороны, выражение *тоска тщетности* (А. Платонов) и примеры типа «Ах, няня, няня, я тоскую, / Мне тошно, милая моя» (Пушкин); см. подробнее [Зализняк 1998].

Рассмотрим еще один очень важный пример. Русский глагол *отворить* возник в результате переразложения глагола *от-ворить* (с основой **verti*), который был переосмыслен как содержащий основу *творить*: *от-творить* (см. [Фасмер 1996,

III: 169—170)]³⁷. В результате чего по аналогии возникли глаголы с другими приставками — *затворить*, *растворить* и *притворить*, — производные как морфологически, так и семантически от глагола *отворить*, имеющего внутреннюю форму *от-творить*. При этом удивительно, что все эти три глагола не только не несут на себе никаких следов своего «ненатурального» происхождения, но и более того, их внутренняя форма имеет параллели как минимум в литовском и в немецком языках. Так, в литовском языке имеются глаголы *atidaryti* ‘открыть’, *uždaryti* ‘закрыть’, *pridaryti* ‘прикрыть’³⁸, в немецком — *aufmachen* ‘открыть’ и *zumachen* ‘закрыть’, образованные и в том, и в другом языке от глагольной основы со значением ‘делать’³⁹. Кроме того, в самом русском языке по крайней мере глаголы *растворить* и *притворить* входят в системные эпидигматические связи: глагол *растворить* имеет другое значение (<сахар в воде>), которое связано со значением *растворить* <окно>, как кажется, отношением обычной полисемии; *притворить* связано с *притвориться* (т. е. ‘приблизиться, сделаться ближе’, ср. аналогичную семантическую деривацию в слове *сходство*)⁴⁰. В обоих случаях, однако, на самом деле имела место вторичная смысловая ассимиляция.

Сказанное, конечно, не означает, что реальная этимология ничем не отличается от «народной», а также прочих типов вторичных смысловых связей. Хотя различного рода сближения этимологически не родственных слов могут влиять на реальную историю слова, эволюцию его значения и формы, задача этимологии состоит, в частности, в том, чтобы выявить эти вторичные схождения и отличить их от случаев генетического родства. К сожалению, авторитет В. Н. Топорова немало способствовал тому, что его идея о «полиэтимологичности» слова, изложенная в известной статье [Топоров 1986], была подхвачена, в несколько прямолинейном понимании, в качестве оправдания сомнительных и даже фантастических этимологий. Как представляется, смысл идеи Топорова — не в том, что этимология принципиально неотличима от других видов ассоциативно-деривационных связей, а в том, что поскольку реальная история слова бывает необычайно сложна, то — в особенности когда речь идет о дальнейшей этимологии — исследователь не должен отвергать те гипотетические сближения, реальность которых на основании имеющихся на данный момент в нашем распоряжении фактов невозможно доказать.

³⁷ Поскольку приставка *о-* здесь семантически неуместна, следует предположить, что *от-творить* было интерпретировано как возникшее из *от-творить*.

³⁸ На существование этих слов обратил мое внимание А. Д. Шмелев.

³⁹ Ср. также укр. *відчинити* ‘открыть’, соответствующее по внутренней форме русскому *от-творить*.

⁴⁰ Ср. *Он думал о твари, творении, творчестве и притворстве* (Пастернак. Доктор Живаго).

2.5. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ

В статье [Перцов 1996] в связи с проблемой утраты единства значения слова в лингвистических описаниях обсуждается описание полисемии русского глагола *выйти* в статье [Апресян 1995б] и предлагается для этого глагола следующий семантический инвариант: ‘физически или абстрактно переместиться из некоторого замкнутого физического или абстрактного пространства в другое [как правило, более открытое] [с достижением некоторого результата]’.

Эта формула требует, как кажется, следующих уточнений. Во-первых, «абстрактное пространство» — это, обычно, «состояние»: *быть замужем, быть генералом, быть в отставке* и т. д.⁴¹ Одновременно «движение» применительно к «абстрактному пространству» интерпретируется как «изменение состояния». Поэтому мы говорим *выйти замуж, в генералы, в отставку*, а также: *выйти из состояния покоя (задумчивости, апатии), выйти из строя* (= ‘из состояния нормального функционирования’), *из терпения, из повиновения* и т. п. Во-вторых, компонент ‘более открытое’ является обязательным, а не факультативным. В-третьих, смысл ‘с достижением результата’, по-видимому, вообще не входит в инвариантное значение данного глагола, и его следовало бы заменить на что-то вроде ‘и это хорошо’ — компонент, который возникает в результате усиления имплицитной положительной оценки, содержащейся в идее открытого пространства.

Вообще нетрудно показать, что все значения глагола *выйти* (перечисленные, например, в [Апресян 1995б]) получаются в результате комбинации двух типов операций: (а) выбор (= помещение в фокус) тех или иных элементов концептуальной схемы ситуации перемещения из более замкнутого в более открытое пространство (а именно, исходного и конечного пространства перемещения) и (б) метафорическое переосмысление выбранных элементов схемы, вызванное изменением таксономического класса актанта [Падучева 2002]. Глагол *выйти* является идеальным образцом для демонстрации операции выбора элемента, так как концептуальная схема содержит два «равноправных» элемента (исходное и конечное пространство перемещения), которые в реальном значении должны быть как-то иерархически упорядочены, потому что фокус должен быть один. Так, даже в исходном пространственном значении фразы типа *Она вышла из дома в сад* или *Корабль вышел из гавани в открытое море* представляют собой «монтаж» двух «кадров»: (1) *вышла из дома* и (2) *вышла в сад*; (1) *вышел из гавани* и (2) *вышел в открытое море*. В переносных значениях такое «склеивание» невозможно (так как основание переноса должно быть одно); соответственно, переносные значения делятся на те, где в фокусе находится исходное пространство («откуда» — их меньшинство, ср.: *Вся мука вышла* ≈ ‘ее больше нет там, где я нахожусь’), и те, где в фокусе конечное пространство («куда»: *окна выходят на юг; выйти замуж, в генералы, на пенсию; выйти на начальника; выходит, я был прав*), ср. [Падучева 2004: 99].

⁴¹ Ср. параллелизм понятий «пространство» и «состояние» в исследованиях по семантике приставок; так, в работе [Свединская 1997] в качестве одного из элементов инвариантного значения приставки *вы-* названо: «пространство для глаголов в ситуациях, связанных с перемещением X; состояние для глаголов в ситуациях, связанных с изменением X».

До сих пор речь шла о семантическом инварианте глагола *выйти*. Однако, как легко заметить, примерно к той же формуле мы бы пришли, если бы попытались описать внутреннюю форму этого глагола. Обратим внимание на то, что частично это сделано, хотя и без упоминания термина «внутренняя форма», в обсуждаемой статье Ю. Д. Апресяна, где отмечается, что приставка *вы-* в контексте глаголов перемещения имеет следующее обобщенное значение: «переместиться из замкнутого пространства в более открытое» [Апресян 1995: 491]⁴². Сюда следует добавить лишь перенос значения в глаголе *идти* (имеющий универсальный характер). О глаголе *выйти* см. также раздел I.3.2.

Мы, однако, предпочитаем говорить не об инварианте (т. е. формуле, сводящей воедино все разнообразие употреблений слова), а о концептуальной схеме; различие, в данном случае состоит в том, что такие переносы, как «пространство» → «абстрактное пространство», «движение» → «абстрактное движение» выносятся за пределы этой общей схемы в область ее реализаций, в результате чего инвариантная часть оказывается проще, а представление в целом — яснее.

⁴² В работе [Апресян 1999: 43] в подтверждение этой формулы приводится тот факт, что можно сказать *Он вышел из комнаты в коридор*, но не **Он вышел из коридора в комнату*. Относительно допустимости обсуждавшихся в данной связи фраз типа *Выхожу покурить в туалет* (А. Галич) надо сказать, что она не противоречит предложенной формуле, просто большая «открытость» пространства-цели в данном случае реализуется в функциональном ключе; ср. [Апресян 2009: 412].

3. МЕТАФОРА КАК ИСТОЧНИК МНОГОЗНАЧНОСТИ

Как известно, два самых богатых источника лексической многозначности — это метафора и метонимия. Интерес к метонимии резко возрос в последние годы (см., в частности, [Бирих 1996; Падучева 1998; 1999а; 1999б; 2000а; 2004]). В нашей работе метонимия не рассматривается. Что касается метафоры (которая является не только источником многозначности, но еще и универсальным инструментом когнитивной деятельности), то поскольку со времен Аристотеля интерес к ней теоретиков языка никогда не ослабевал, то даже краткий обзор существующих теорий метафоры мог бы составить содержание не одной книги. В данном разделе излагаются лишь некоторые соображения, касающиеся метафорического переноса как средства построения абстрактных концептов и лексикографической трактовки порождаемой ею многозначности.

3.1. МЕТАФОРА С ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ *

3.1.1. О двух способах интерпретации метафорических словосочетаний

Одним из распространенных приемов семантического анализа является исследование метафорической сочетаемости слов абстрактной семантики, выявляющее «чувственно воспринимаемый», «конкретный» образ, сопоставляемый в наивной картине мира данному «абстрактному» понятию и обеспечивающий допустимость в языке определенного класса словосочетаний (будем условно называть их «метафорическими»). Так, например, из существования в русском языке сочетания *его гложет тоска, тоска заела, тоска напала* можно сделать вывод о том, что тоска в русской языковой картине мира предстает как некий хищный зверь. Этот прием был применен в книге [Арутюнова 1976: 93—111], далее, независимо, предложен в статье [Успенский 1979] (где этот реконструируемый конкретный образ был назван «вещной коннотацией»), а также в известной книге [Lakoff, Johnson 1980]. В последние десятилетия этот прием получил широкое распространение, оказавшись одной из составляющих метода

* В основу данного раздела положены статьи [Зализняк 2000в; 1999а].

концептуального анализа, применяемого в рамках направления «Логический анализ языка»; он же является одним из центральных принципов когнитивной лингвистики (см. [Johnson 1987; Lakoff 1987; Kövecses 1990] и др.).

Парадигматическим объектом применения этого приема являются обозначения эмоций (ср., напр., [Kövecses 1990]) — именно потому, что эмоции обычно только через уподобление и можно описать (ср. [Иорданская 1970: 7; Wierzbicka 1972: 59]). В статье [Апресян В., Апресян Ю. 1993] такой подход к описанию эмоций, т. е. реконструкция метафоры, обеспечивающей осмысленность словосочетания, назван «метафорическим» — в противоположность «смысловому» (т. е. собственно толкованию). Одновременно в этой статье отмечается ограниченность возможностей данного подхода, обусловленная двумя обстоятельствами. С одной стороны, на основании одних и тех же словосочетаний могут быть реконструированы различные метафоры; так *лопнуть* может не только шар, но также струна, шина, перчатка и т. д. — поэтому мотивирующий образ бывает не всегда ясен. Ср., напр., *лопнул авторитет* и *лопнуло терпение*: первое — видимо, скорее как шар, второе — скорее как струна, хотя, вообще говоря, это неизвестно. С другой стороны, наоборот, одно и то же слово может в разных сочетаниях обнаруживать совершенно различные и несовместимые друг с другом мотивирующие образы (например, *душа* — живое существо и мешок, закрепленный внутри тела; *время* — жидкость, ценная вещь, живое существо и т. д.; ср. [Перцова 1990; Михеев 1999]).

Однако это обстоятельство — разнообразие, и даже противоречивость образов, реконструируемых на основе сочетаемости, — как я постараюсь показать ниже, во-первых, коренится в природе вещей (т. е. является закономерным, а не случайным обстоятельством) и, во-вторых (в силу «во-первых»), нисколько не компрометирует сам метод.

Итак, речь идет об анализе словосочетаний, устроенных следующим образом. Имеется «главное» слово (чаще всего, существительное), обозначающее «абстрактную» сущность (эмоцию, внутреннее состояние, свойство и т. п.), и второй член словосочетания (неважно, подчиненный или подчиняющий) — например, прилагательное или глагол, — имеющий в качестве основного «конкретное» значение (т. е. значение физического действия или свойства), например: *чистая совесть*, *лопнуло терпение*.

В более общем виде интересующий нас объект может быть охарактеризован как словосочетание, состоящее из двух элементов, таких что: один из них — назовем его «первым» — обладает тем или иным категориальным семантическим признаком, определяющим его сочетаемость, например: [— одушевленность] или [— физический объект], а «второй» элемент — по крайней мере, в своем исходном значении — осмыслен только в контексте с противоположным значением данного категориального признака. Например («второй» элемент выделен разрядкой): *время летит*, *наступила осень*, *лопнуло терпение*, *уколы совести*, *чистая совесть*, *тяжело на душе*, *подойти к чему-то с душой*, *уйти от ответственности*, и т. п. (Глаголы *лететь*, *наступить* в их исходном значении требуют одушевленного субъекта, глагол *лопнуть* — наоборот, неодушевленного, *чистым* и *тяжелым* может быть физический предмет, *уйти от* требует одушевленного дополнения и т. д.).

Интерпретация подобных выражений с сохранением исходного значения обоих элементов невозможна, так как между ними имеется категориальное рассогласование. Для восстановления семантической правильности есть два пути: либо второй элемент (имеющий исходно «конкретное» значение) понимается в переносном значении и тем самым оказывается согласованным по нужному категориальному признаку с первым, либо второй элемент сохраняет свое исходное «конкретное» значение, но применяется оно не к самому этому «первому элементу» (обозначающему «абстрактную» сущность), а к некоторому его «конкретному» заместителю (маленький грызун вместо совести, полый шар вместо авторитета и т. д.). В первом случае говорят, что слово (имеется в виду наш «второй элемент» словосочетания) употребляется в переносном, производном, метафорическом значении (ср.: *наступить* <о весне>, *лететь* <о времени>); во втором — что само словосочетание основано на уподоблении или метафоре (*тоска* — *разбойник*, *страх* — *хищный зверь*, *совесть* — *маленький грызун*, *авторитет* — *полый шар*, и т. д.). Эти два способа интерпретации в конечном счете сводятся к одному и тому же: метафорическому уподоблению (вопрос лишь в том, насколько «живой» является данная метафора, какую часть пути к «стиранию» она прошла). Однако это уподобление при двух разных типах интерпретации выполняет разную функцию, и это различие оказывается весьма существенным с лексикографической точки зрения. В зависимости от того, какой путь в каждом конкретном случае мы выбираем, мы должны признавать или не признавать у слова особое переносное, метафорическое значение. Так, прилагательные *глубокий*, *острый*, *яркий*, *сладкий*, *горький* и т. п. имеют переносные значения («переносящие» соответствующие физические признаки в нематериальную сферу), и эти значения обычно отмечаются в словарях. Значение выражения *на него напала тоска* также, по-видимому, следует описывать без апелляции к какому-то материальному прообразу — т. е. у глагола *напасть* следует признать значение типа лексической функции InserOper1 [Мельчук 1974/99: 100] от определенных существительных (*тоска*, *хандра*, *страх*, *уныние* и т. д.). Ср. также: *наступила осень*, *пришла весна* и т. п. Однако уже менее очевидно, следует ли усматривать особое переносное значение, например, для глагола *погрузиться* — при интерпретации сочетаний типа *он погрузился в уныние* (*раздумья*, *учебу*). Ср. также: *столкнуться с противоречием*, *добраться до сути*, *прийти к выводу* и т. п. С другой стороны, очевидно, что интерпретация сочетаний типа *раздавлен горем*, *обрушились несчастья*, *лопнуло терпение*, *голос совести* и т. п. будет более эффективна, если ввести в рассмотрение второй план — «материальных заместителей» упомянутых абстрактных сущностей и происходящих с ними наблюдаемых событий (и тем самым никаких переносных значений — по крайней мере, на основании приведенных словосочетаний — у слов *раздавлен*, *обрушиться* и т. д. усматривать не следует).

3.1.2. О множественности «вещных коннотаций» абстрактных имен

Оставив в стороне первый тип интерпретации (при котором метафора оказывается инкорпорирована в значение слова), обратимся ко второму: именно он лежит в основе того, что было названо «метафорическим подходом». Речь идет о таком способе интерпретации (и, соответственно, методе анализа), при котором мы исходим из того, что выражения типа *раздавлен горем* вводят в рассмотрение две ситуации (соответствующие тому, что в теории метафоры называют «source» и «target»): одна, «невидимая», «абстрактная», представление о которой мы хотим передать (т. е. являющаяся нашей целью — target), и другая, «видимая», «конкретная», сходство с которой является источником (source) информации, средством создания нужного представления.

Представить себе — значит «поставить перед собой», — чтобы увидеть. Как, однако, мы можем увидеть то, что является невидимым, чего как раз *представить себе* и нельзя? Для этого и нужна метафора: чтобы представить себе то, что увидеть трудно или невозможно, мы представляем себе то, что увидеть легко, и говорим, что то по х о ж е на это.

Однако редко бывает так, чтобы некоторый абстрактный объект во всех своих отношениях был подобен некоторому конкретному объекту. Гораздо чаще искомый невидимый предмет обладает н е с к о л ь к и м и свойствами, и при этом конкретного, «представимого» объекта с тем же набором свойств найти не удастся. В таком случае каждое свойство — будучи сущностью еще более абстрактной и невидимой, — как бы «вырастает» в отдельный предмет, которым оно репрезентируется. Так, например, *горе* и *отчаянье*, с одной стороны, и *размышления* и *воспоминания* — с другой, обладают некоторым свойством, которое репрезентируется образом *водоема*: первые два могут быть *глубокими*, а во вторые два человек *погружается*. Если попытаться описать искомое свойство, не используя метафору (что оказывается значительно труднее), то, видимо, оно состоит в том, что перечисленные внутренние состояния делают для человека недоступным контакт с внешним миром — *как если бы* он находился на дне водоема. Другое свойство перечисленных (а также многих других) внутренних состояний репрезентируется образом *живого существа*, обладающего властью над субъектом или подвергающего его насилию (ср. употребление глаголов: *предаваться, поддаваться, отдаваться* <чему-то>, *быть во власти* <чего-то> и т. п. *Размышления* и *воспоминания*, кроме того, могут *нахлынуть* (образ *волны*) — здесь опять возникает водная стихия, но представляет она уже другое свойство: внезапность наступления этих состояний (плюс идея полной поглощенности — примерно та же, что в *погрузиться*).

Таким образом, каждое абстрактное имя вызывает к жизни представление не об одном конкретном предмете, а о целом ряде различных предметов, обладая одновременно свойствами, репрезентируемыми каждым из них. Тем самым, нет никакой необходимости в том, чтобы «вещные коннотации», восстанавливаемые из разных словосочетаний с одним абстрактным именем, складывались в единый образ, и нет ничего удивительного в том, что в действительности этого не происходит. Тот факт, что на

основании сочетаемости некоторого слова абстрактной семантики ему оказывается сопоставлен целый ряд совершенно различных и несводимых воедино образов, ни в коей мере не опровергает реальности существования каждого из них — как и не компрометирует соответствующего метода анализа. Более того, попытка составить из разных метафорических словосочетаний единый образ подобна истории из известной индийской сказки, где несколько слепых, пытаясь составить представление о слоне, ощупывали каждый какую-то одну его часть (ноги, хобот и т. д.) и сравнивали ее с известными им предметами (колоннами, веревкой и т. д.). Сам слон — невидимый для слепых, как для нас невидима, например, совесть — состоит из присущих ему частей тела, которые вполне складно друг к другу присоединены; нескладным окажется существо, составленное из предметов, в виде которых части его тела представились слепым.

Н. Д. Арутюнова, исследуя представления русского языка о *совести*, приходит к выводу, что сочетаемость этого слова возникает «путем объединения и скрещивания ряда несовместимых с точки зрения естественных законов мироздания образов» [Арутюнова 1976: 97]; см. также обсуждение этого вопроса в [Апресян 1995: 354]. Как легко убедиться, каждый из них — это «материализация» какого-то из свойств, приписываемых совести. Так, представление о том, что *совесть* — это «маленький грызун», восстанавливаемое на основании сочетаний с глаголами *грызть*, *кусать*, *царапать*, *вонзять зубы*; *угрызения совести* (идея «маленький» по-видимому возникает из-за того, что *совесть* в этих контекстах мыслится как находящаяся внутри человека), отражает свойство совести доставлять определенного рода неприятные ощущения. Какого именно рода — только через сравнение и можно описать: *как будто* тебя кусает или царапает маленький зверек (ср. ниже о «телесной метафоре души»). Сочетания *чистая/нечистая совесть*, *пятно на совести* основаны на более общей метафоре, репрезентирующей *дурное* через *грязное*; они отражают свойство совести быть как бы индикатором дурного в собственных помыслах и поступках и одновременно местом хранения воспоминаний о них. Чтобы человеку чувствовать себя хорошо, совесть у него должна быть чистой — как воротнички и ногти. (В этом случае сами слова *чистый* и *пятно* развивают переносное значение, ср. слова: *запятнать*, *незапятнанный*, употребляющиеся только в переносном значении.)

Наконец, сочетаемость с глаголами *говорить*, *велеть*, *увещевать*, *дремать*, *пробуждаться*, выражения *укоры совести*, *голос совести* и др., основанные на уподоблении совести человеку, отражают еще одно свойство совести — ее способность управлять мыслями, чувствами и поступками человека (ср. о совести как органе торможения в [Апресян 1995: 352]). Возможно, у совести можно обнаружить еще какие-то свойства, которые репрезентируются еще какими-то объектами. На самом деле, если внимательнее просмотреть даже на список, приводимый Н. Д. Арутюновой, то окажется, что «образов», или «обликов» у совести — не три, а больше: так, сочетание *уколы* (в отличие от *уколов*) *совести* соотносит совесть не с человеком, а скорее с предметом (существом), имеющим шипы или иголки.

Представляется также натяжкой и реконструкция единого образа для *горя*, предлагаемая В. А. Успенским: «тяжелая жидкость, заполняющая некоторый бассейн, на дне которого находится человек» [Успенский 1979: 146]. Во-первых, подобную ситуацию вообще трудно себе представить. А во-вторых, она не объясняет таких сочетаний, как *раздавлен горем* или *горе обрушилось* (и то и другое говорится скорее о чем-то твердом; *обрушиться* может также и поток воды — но не на человека, находящегося на

дне водоема) или *хлебнуть*, *испить горя* (*хлебнуть* воды может только человек, находящийся на ее поверхности, даже если он тонет; когда человек находится глубоко под водой, он уже не может *хлебнуть* — ни тем более *испить* этой воды).

Как кажется, *горе* обладает рядом свойств, репрезентанты которых не обязательно связаны с водой. Так, первое свойство имеет физическим аналогом свойство ‘быть тяжелым’ (‘чтобы представить себе это ощущение души, представь себе, что на твое тело давит какой-то тяжелый предмет’ — ср.: *раздавлен, подавлен горем, горе сломило, горе обрушилось, согнулся под тяжестью своего горя, не вынести горя* и т. д.)

О другом свойстве *горя* (отраженном в словосочетании *глубокое горе*) уже шла речь выше: как будто человек погружается глубоко под воду или опускается в глубокую яму — т. е. остальной мир для него перестает существовать, как и он — для остального мира. (Здесь, кроме того, присутствует общая метафора движения вверх/вниз, используемая для описания движения по шкале «хорошо / плохо», в частности, и в области эмоциональных состояний, ср.: *сникнуть, воспрянуть духом, упадок духа, поднять настроение* и т. д.)

Что касается словосочетаний *испить* и *хлебнуть горя*, то здесь, скорее всего, исходной является вообще не идея «жидкого» а идея «горького» (подкрепляемая фонетически: *горе* — *горький*). Сочетание *испить горя*, возможно, имеет источником библейское *испить чашу страданий* или *испить горькую чашу*. Тем самым связь *горя* с идеей жидкости в данном случае — не по сходству, а по смежности.

Горе обладает и другими свойствами — например, оно может *иссушить* человека. Хотя представление этого свойства связано с идеей жидкости, но она выступает здесь в иной функции. По-видимому, здесь участвует ассоциация влажности с чувствительностью, а сухости — с бесчувственностью (ср.: *сухой прием, душевная черствость*). Отсутствие в человеке, *иссушенном горем*, этой материально-идеальной влаги, возможно, связывается также с пролитыми слезами.

Рассмотрим еще один пример. *Терпение* предстает в русском языке в виде ряда разнородных предметов. В частности, имеются словосочетания, так или иначе включающие идею жидкости — при этом все они на самом деле указывают на различные свойства. Так, выражение *терпение иссякло* говорит лишь о том, что терпение — это частный случай ресурсов (см. ниже), т. е. исходная связь с высохшим источником здесь вряд ли актуальна; в выражении *имей хоть каплю терпения* очевидно, *капля* означает просто ‘очень малое количество’. Капля как «мера» терпения, возможно, связана с выражением *последняя капля, переполнившая чашу терпения*. Сочетание *терпение лопнуло* указывает на другое свойство терпения (внезапно уничтожаться, производя эффект, подобный взрыву), представляемое нашему воображению другим предметом — натянутой струной или надутым до предела воздушным шариком. Сочетание *испытывать терпение* мотивировано, видимо, идеей «испытывать на прочность» некоторое техническое сооружение (например, мост или шасси у автомобиля). Наконец, *терпение* — это ресурсы, которые необходимо иметь, чтобы делать определенные вещи (как деньги, продовольствие или стройматериалы) — соответственно, им надо *запаситься*, его нужно *иметь*, оно может *кончиться* или его может *не хватить*, его можно *потерять*. Если дело идет очень медленно, и его продвижение в большей степени зависит от обстоятельств, чем от собственных усилий, то терпение оказывается как бы оружием против могущего охватить уныния или отчаяния: *вооружись терпением*. Наконец, можно *вывести кого-то из терпения*, из чего следует, что

терпение — это некое пространство, внутри которого человек нормально находится. Метафоризируемое таким образом свойство связано с имеющейся в *терпении* идеей нормы — ср. другие сочетания, воспроизводящие идею «выхода за предел»: *выйти из себя, вывести из себя, выйти из строя* и т. п. Все это — различные аспекты, свойства того невидимого предмета, который мы хотим *представить* — себе и другим. Каждое из них вырастает в свой зримый образ; какие-то из этих образов совместимы между собой, какие-то другие — нет.

Наконец, последнее замечание состоит в следующем. Как оказывается, далеко не все свойства предстают в виде законченных и определенных предметов: сочетание *испытывать терпение* вызывает в воображении целый ряд предметов, причем довольно разнородных и объединяемых лишь функционально — так же, как, например, *нечистая совесть* апеллирует просто к чему-то грязному, что нормально должно быть чистым. Ясность зрительного образа тем самым как бы размывается: нельзя представить себе «нечто чистое» или «нечто испытываемое на прочность» — это есть уже результат абстракции отождествления. С другой стороны, может быть, это в таком случае и не нужно? Может быть, достаточно сказать, что слово *чистый* употреблено здесь в «переносном» значении (ср. то же значение в сочетаниях *с чистой душой, чистые помыслы*)? Когда мы говорим *время летит* или *процесс пошел* — разве мы вообще обращаемся в нашем воображении к образу летящей птицы или человека, отправляющегося в путь?

Чтобы проинтерпретировать выражение *чужая душа — потемки* совершенно не обязательно представлять себя в темной комнате; *потемки* в чувственно воспринимаемой форме представляют идею «не знаю». *Чужая душа — потемки* значит просто: мы не знаем, что происходит в чужой душе, мы не можем этого узнать; но вместо «мы не можем узнать» говорится «мы не можем увидеть». Эта подстановка не случайна: она отсылает к известному семантическому переходу ‘видеть’ → ‘знать’ (см. Главу VI).

Последняя группа примеров возвращает нас к альтернативному способу интерпретации метафорических выражений, при котором одному из элементов приписывается переносное значение.

3.1.3. «Телесная метафора души» в описании эмоций

Как уже говорилось, свойства абстрактных объектов, в частности, внутренних состояний, вырастающие в наивной картине мира в предметы, далеко не всегда можно перевести на «обычный» (не метафорический) язык. В связи с этим в работе [Апресян В., Апресян Ю. 1993] было введено понятие «телесной метафоры состояний души»: на основании сходства симптоматики определенных физиологических и эмоциональных состояний предлагается ввести в толкование обозначений эмоций компонент ‘душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает его тело, когда человек находится в таком-то физическом состоянии’ и формулируются толкования для четырех эмоций, основанные на таком уподоблении (соответственно, *страх — холод, страсть — жар, жалость — боль, отвращение — неприятный вкус*).

Само понятие «телесной метафоры души» представляется необычайно плодотворным, и его применимость безусловно выходит за пределы толкования эмоций.

Имеется по крайней мере три сферы, где оно себя обнаруживает (которые в конечном счете сходятся): это внутренняя форма обозначений эмоций (которая часто оказывается основана именно на такой метафоре), фразеология и синхронная полисемия «физическое действие / состояние — душевное состояние».

Многие обозначения эмоций в русском языке основаны на уподоблении ощущений души ощущениям тела. Так устроены, в частности, русские слова *горе*, *печаль*, *жалость*, *стыд*, *омерзение*. По данным этимологических словарей, *горе* связано с *горький* (т. е. ‘душа испытывает нечто подобное тому, что испытывает тело, когда оно чувствует горький вкус’). Эта связь сохранилась, ср.: *горе горькое*, *горькие слезы*, *горькая участь*; *ох, горько мне; еще горше*. Существительное *печаль* связано с глаголом *печь*: ‘душа испытывает нечто подобное тому, что испытывает тело, когда его жжет (печет)’; *жалость* связана с идеей боли, мучения (родственно нем. *quälen* [Фасмер 1996: II, 34]); *стыд* и *омерзение* — с идеей холода (ср., соответственно, *стужа* и *мороз*); о *стыде* и *стуже* см. [Арутюнова 1997].

Примеры такого рода находим и в других индоевропейских языках. Широко распространенным является обозначение страха и некоторых других отрицательных эмоций через метафору тесноты, сжатия, ср., напр., франц. *angoisse* и нем. *Angst* из лат. *angustia* ‘теснота’. Само слово *эмоция* (соотв., англ. *emotion*, франц. *émotion*, etc.) восходит к лат. глаголу *emoveo*, имеющему, среди прочего, значение ‘трясти’ (напр. *muros fundamentaque*). Эта идея продолжает воспроизводиться в новых европейских языках, ср. русск. *потрясти*, *потрясающий*, *поразить* (от *разить* = ‘ударять’), франц. *choquer*, *frapper* и т. п. Идею, лежащую в основе подобных наименований, можно сформулировать так: ‘когда человек испытывает эмоцию, его душа чувствует нечто подобное тому, что ощущает его тело, когда его встряхивает / ударяет’. Примеры подобного рода легко умножить.

С другой стороны, *тело* является одним из способов метафорического представления *души* (т. е. является одной из ее «вещных коннотаций»). Это уподобление возможно и в явном виде, ср.:

Рылеев заметил, что ему самому стыдно. Это был стыд смерти, подобный чувству обнаженности: как одежда снимается с тела, так тело — с души (Мережковский);

Или еще похоже на «магнитное состояние»: в тело ясновидящей вонзают иголку, а она ее не чувствует. Так он [Рылеев] вонзал в душу свою иглы, пробовал одну за другой, — не уколет ли? Страх не колол, а злоба? [...] А стыд? Бывало раскаленным железом жег стыд, когда вспоминал, как на очной ставке Каховский ударил его по лицу. Еще одну последнюю, самую острую иглу попробовал — жалость. Вспомнил Наташу (Мережковский).

Уподобление «душа — тело» лежит в основе, с одной стороны, огромного количества фразеологических сочетаний и, с другой, является источником переносного значения, т. е. порождает синхронную полисемию «физическое действие / состояние — душевное состояние». Синхронную полисемию указанного типа содержат, в частности, слова: *дурно*, *тошнит*, *больно* (*боль*), *покой*, *стеснение*, *волнение*, *возмущение*, *расстраивать* (см. значения 1.1 и 2 в [Иванова 1991]; *загореться* <какой-то идеей>, *гореть* <чем-то> (ср. значения 4.3. и 5 в [Апресян В. 1991]), *пылать*. Имеется, кроме того, множество слов, утративших исходное «физическое» значение или уже образованных на основе переносного — таких как *пыл*, *спокойствие*, *беспокойство*, *потрясающий*, *стесняться*, *возмущаться*, *трогательный*, *душещипательный* и т. п. Душевные свойства, описываемые прилагательными, практически все основаны на

такого рода уподобления: *мягкий, жесткий, теплый, горячий, холодный, черствый, грубый, колючий, сухой* и т. д.

Имеются также другие выражения и устойчивые сочетания, представляющие душевные ощущения через телесные: *тяжело/легко на душе; душевная боль; душевные раны, ранить; потрясение, удар, тронуть, душа замирает, истомить душу, душевное томление; подавленность, доветь* (в актуальном для современного русского языка «неправильном» значении, в котором оно связывается с *давить*); *тяжесть свалилась с души; камень с души свалился, оторвать от души, надрывать душу (надрыв), сердце кровью обливается; сжимать, щемить, терзать, глодать, теснить, стеснять, трогать, язвить душу; хватать, брать за душу, задеть за живое.*

Особенно обращает на себя внимание уподобление «страсть — жар» и, наоборот, «равнодушие — холод», ср.: *внутренний жар, жар души; горячая (пламенная) любовь, горячий, пылкий, вспыльчивый <человек>, пыл, пылать, остыть, охладеть, постылый* (= «нелюбимый»); *холоден, холодок, холодный <тон, взгляд, обращение и т. п.>, теплый <прием>* и т. д.

3.2. МЕТАФОРА ДВИЖЕНИЯ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Как неоднократно отмечалось исследователями, ненаблюдаемый внутренний мир моделируется языком по образцу наблюдаемого внешнего, материального мира. Основным механизмом построения концептов этого ненаблюдаемого мира является метафора, а ядро «материальной» лексики, служащей основой для метафорического переноса, составляют производные от глаголов, в своем основном значении описывающих движение или расположение в пространстве, ср.: *предположение, представление, вывод, довод, предпосылка, состояние; полагать, надлежать, находить <что...>, исходить <из чего-то>* и т. п. Метафорическому переносу в ментальную сферу подвергаются также некоторые «простые» физические действия, ср. внутреннюю форму таких слов, как *содержание, выражение, образ* (от *разить* ‘ударять’), *впечатление* и т. п. Оставшаяся часть лексики интеллектуальной сферы обеспечивается неметафорическими средствами — корнями со значениями: ‘видеть’ (*рассматривать, взгляды, воззрения, точка зрения* — ср. [Арутюнова 1989]), ‘знать’ (*знать, ведать*), ‘иметь мнение’ (*думать, судить, гадать, сомневаться, мнение*), ‘говорить’ (*отрицать, противоречить, соответствовать*). Заметим, что все перечисленные значения попадают в список семантических примитивов А. Вежибицкой в одной из его последних версий (см., напр., [Wierzbicka 1996]).

В данном разделе рассматривается лексика, метафорически изображающая один фрагмент ненаблюдаемого идеального мира, а именно, переносные значения, относящиеся к сфере интеллектуальной деятельности человека и возникшие на основе глаголов движения.

Мыслительная деятельность представлена языком как процесс (ср.: *процесс мышления, ход мысли*), т. е. изначально концептуализуется при помощи метафоры движения, заключенной в самом слове *процесс* — от лат. *pro-cedo* ‘идти вперед’. В [Арутюнова 1979: 165] различаются три «трассы» движения мысли, которым соответствуют три основных значения существительного *мысль*: 1) из мирового

пространства к голове человека (*мысль пришла мне в голову, пронеслась в голове*)⁴³; 2) от человека к предмету его размышлений (эта трасса отведена для *мыслей* во множ. числе: *все его мысли были устремлены на науку*); 3) от некоторого исходного пункта рассуждения к его цели. Только последняя трасса представляет собой именно «ход мысли»: от постановки задачи к ее решению, от посылки к заключению и т. д., т. е. собственно внутреннюю логику развития мысли⁴⁴. Действительно, метафора *пути* является, по-видимому, наиболее детально разработанной языком для представления процесса мышления.

Глаголы движения участвуют в описании внутренних состояний человека двояким образом. С одной стороны, они входят в состав более или менее фразеологически связанных сочетаний, метафорически представляющих события и состояния ментальной сферы при помощи метафоры перемещения некой абстрактной сущности ментальной природы: *мысль пришла в голову, мелькнула, пронеслась в голове; зашел ум за разум; сойти с ума, прийти к мнению / заключению, впасть в заблуждение, погрузиться в раздумье, взять в толк, прийти в недоумение, принять к сведению / во внимание, довести до чего-то сведения / сознания* и т. п. Вопрос о том, употреблен ли здесь глагол движения в прямом, кинетическом⁴⁵, или в переносном, ментальном, значении (ср. выше, раздел I.3.1.1) не имеет единого решения и представляет собой отдельную лексикографическую проблему, см. [Zalizniak 2012].

С другой стороны, глаголы движения могут иметь собственное переносное значение, соотносимое с ментальной сферой: *я н а х о ж у этот план нереалистичным; из этого сл е д у е т, что я был прав; в е з е т же людям* и т. п.

Предметом рассмотрения в настоящей работе является только последний класс случаев — хотя между этими двумя классами нет четкой границы, поскольку переносные значения обычно возникают именно из таких фразеологически связанных значений, распространяясь за пределы вызвавшего их к жизни контекста. Итак, мы включаем в рассмотрение, например, глагол *дойти* в выражении *до меня дошло* и т. п. и не включаем — в выражении *дойти до сути*.

Среди переносных значений ментальной сферы, возникших на базе глаголов движения⁴⁶, следует различать две основные группы — в соответствии с той ролью в актантной структуре данного предиката, которая отведена субъекту ментальной установки. Первую группу составляют предикаты, где субъект занимает позицию подлежащего (*избегать* <чего>, *склоняться* <к чему-то>, *полагать* <что>, *исходить* <из чего-то>; *возводить* <что-то к чему-то> и т. п.); такие глаголы описывают результаты ментальных операций, производимых человеком над каким-то объектом, а также различные внутренние состояния человека (*разойтись* = ‘прийти в возбужденное со-

⁴³ Ср. также итал. *mi è piovuta nella testa una idea*, букв. ‘мне пролилась дождем в голову идея’.

⁴⁴ Материал о сочетаемости слова *мысль* с глаголами движения см. в [Урысон 1997а; Кобозева 1993].

⁴⁵ Возвращаясь к исходному значению греческих слов, в качестве прилагательного от слова *движение* мы будем использовать термин *кинетический*, оставив термин *динамический* (исходно — от существительного со значением ‘сила’) для обозначения категории семантической классификации предикатов.

⁴⁶ Имеются в виду в том числе образованные от глаголов движения приставочные глаголы, которые сами не имеют кинетического значения (как, например, глаголы НСВ *находить* или *походить*).

стояние', *заблуждаться* и т. п.). К ней примыкает небольшая группа глаголов с субъектом в дательном падеже (*мне пришлось* <что-то сделать>).

Другую группу составляют предикаты, описывающие разного рода «идеальные» (логические, причинные, генетические, деонтические и др.)⁴⁷ отношения между объектами, и при этом потенциальный субъект, устанавливающий эти логические отношения, не выражен (для него вообще не предусмотрено место в актантной структуре этих предикатов), ср.: *походить* (= 'быть похожим'), *восходить* <к XIV веку>, *выходит* <что ты был прав>; *идти* <кому-то> (Платье тебе *идет*), *следует* <из чего-то что-то> или <кому-то что-то сделать> и т. п. Эти значения находятся, безусловно, на периферии ментальной сферы и относятся к ней в той мере, в какой описываемые отношения являются производными от интеллектуальной деятельности этого невыраженного субъекта.

Интересующее нас переносное значение везде основано на метафоре перемещения в пространстве, но в первом случае она применяется к субъекту ментального состояния, а во втором — к его объекту (т. е. в первом случае «движется» субъект, во втором — объект).

Среди глаголов движения наиболее продуктивными в порождении ментальных значений являются основы *идти/ходить* и *вести/водить*⁴⁸.

Рассмотренные глаголы движения реализуют две разные схемы метафорического переноса. Первая, собственно метафора движения, — где метафоризируется именно перемещение в пространстве (*выходить, находить*), и вторая, где метафорически переосмысливается не само движение, а взаимное расположение объектов⁴⁹, описываемое, однако, также в терминах движения (*подходить, приходить, сходить, расходить*).

Возникновение ментального значения у предикатов с исходным значением «приближения» может сопровождаться изменением модели управления (*идет, подходит, близок* и т. п. — *кому*, а не *к кому*) — по образцу других экспериенциальных предикатов с дативным субъектом, описывающих внутренние состояния (*нравится, кажется, нужно* и т. п. — *кому*)⁵⁰. Это происходит в том случае, когда речь идет о «близости» объекта к субъекту, которая осмысливается как определяемая некими внутренними свойствами субъекта (и в этом сходство с внутренними состояниями). В таком переносном значении, которое не касается внутреннего состояния, так же как и в исходном кинетическом, модель управления остается *к + дат. пад.* Ср., с одной стороны: *близкие мне люди*, и, с другой: *люди, близкие к администрации президента* и *сидеть близко к двери*. Ср. также ниже глаголы *идти* и *подходить*.

Здесь необходимо сделать следующее замечание, касающееся аспектуального поведения приставочных глаголов движения в русском языке, так как ее понимание необходимо для правильного восстановления путей семантической деривации переносных значений.

⁴⁷ Все эти значения мы условно здесь называем ментальными (в широком смысле).

⁴⁸ Многие производные от *идти* и *вести* образуют пары с конверсным соотношением, ср.: *восходить* — *возводить* (традиция *восходит/возводится* к XIV веку), *происходить* — *производить* (*происходит/производится* отбор) и т. п.

⁴⁹ Ср. переносные значения прилагательных *далекий* и *близкий*.

⁵⁰ Аналогично: *Мне* (а не *ко мне*) пришла в голову идея — ср. [Розина 1999б].

По общему правилу, согласно которому всякий русский глагол, возникший путем префиксации, является глаголом сов. вида (см. подробнее [Зализняк, Шмелев 2000: 78]), все приставочные глаголы с основой *-идти (-йти)*, т. е. образованные от глаголов определенного движения, относятся к сов. виду. Между тем глаголы с основой *-ходить* могут быть как сов. и несов. вида, ср.: *заходить за хлебом по дороге домой* (несов. вид) и *заходить по комнате* (сов. вид); к несов. виду относятся глаголы, полученные путем имперфективации (ср.: *зайти за хлебом — заходить за хлебом*), а к сов. виду — по тому же общему правилу, которое было процитировано выше, — глаголы, полученные префиксацией глаголов неопределенного движения (ср.: *за + ходить* = ‘начать ходить’); омонимия здесь возникает из-за совпадения основы вторичного имперфектива глагола определенного движения с соответствующим глаголом неопределенного движения; для большинства глаголов движения она отсутствует, ср.: *заехать* (сов. вид) — *заезжать* (несов. вид), но *заездить* (= ‘начать ездить’ или ‘измучить’ сов. вид). см. подробнее [Зализняк, Шмелев 2000: 92].

Отметим, что переносные значения ментальной сферы возникают только на базе глаголов определенного движения.

Глаголы с производным ментальным значением бывают как совершенного, так и несовершенного вида. Все приставочные глаголы несов. вида представляют собой морфологический имперфектив от соответствующего приставочного глагола сов. вида (который может реально в данном значении отсутствовать). Для глаголов несов. вида характерно стативное значение — значение итогового состояния; в некоторых случаях здесь возникает квазисинонимия с соответствующим глаголом сов. вида (*Выходит, что я оказался прав* и *Вышло, что я оказался прав*), ср. [Падучева 1999].

Ниже приводится перечень наиболее важных ментальных значений приставочных глаголов, образованных от основы *идти (-йти)*. Значения идентифицируются при помощи примеров (т. е. толкования обычно не предлагается). В некоторых случаях обсуждается путь семантической деривации, т. е. содержание метафоры движения в формировании данного концепта. Для глаголов сов. вида, имеющих лишь тривиальный имперфективный коррелят (т. е. возникающий лишь в контексте обязательной имперфективации, см. [Зализняк, Шмелев 2001]), форма несов. вида не приводится; для глаголов сов. вида, входящих в «полноценную» видовую пару, указываются оба члена пары; для глаголов несов. вида, имеющих потенциальный видовой коррелят сов. вида (см. [Там же]), последний указывается в скобках.

Восходить [Эта традиция *восходит* к XIV веку].

Входить (войти) <во что-то> [В стоимость путевки *входит* питание].

Выйти [Так *вышло*, что отвечать пришлось мне] (см. об этом значении в разделе III.1). Тривиальный имперфектив: [Всегда так *выходит*, что отвечать приходится мне].

Выходить (выйти) [*Выходит, (что) я был прав*]. В работе [Апресян 1995б: 501] для этого значения предлагается следующее толкование: *Выходит, что P* = ‘Существует цепочка умозаключений, конечным выводом которой является суждение P’. Это толкование хорошо отражает характерную особенность анализируемого значения, состоящую в том, что говорящий здесь занимает отстраненную и даже слегка враждебную позицию к излагаемому выводу (даже если он сам является его автором — в этом случае присутствует некоторое недоумение). Эта настороженность связана, по-видимому, с невозможностью проследить всю эту цепочку умозаключе-

ний — что, в свою очередь, обеспечивается метафорой движения, заключенной в глаголе *выходить*.

В работе Н. В. Перцова метафора движения, на которой основано приведенное выше толкование, описывается следующим образом: «Цепочка умозаключений интерпретируется как маршрут некоего мысленного перемещения, конечным пунктом которого является делаемый вывод Р» [Перцов 1996: 45]. Однако, как кажется, цепь умозаключений не является «маршрутом мысленного перемещения», так как перемещается здесь, безусловно, не субъект ментальной установки (как в слове *вывод* и других словах с основой *вести*), а ее объект — некий идеальный «предмет» логической природы. В данном случае, это представление о положении вещей, которое из неизвестного становится известным, так сказать, «выходит наружу», т. е. как бы перемещаясь по темному коридору, оказывается на открытом пространстве, где оно становится *видно*, т. е. *известно*, — ср. ту же метафору в глаголах *обнаружиться* и в самом выражении *выйти наружу* в переносном смысле⁵¹.

Итак, метафора, лежащая в основе обсуждаемого значения глагола *выходить* — следующая: нечто вроде непрозрачной трубы с отверстием на конце, по которой некий «предмет» (= верифицируемое суждение) движется к «выходу»; что с ним происходит в этой трубе, мы не знаем (отсюда — неполное доверие к этому выводу, о чем шла речь выше)⁵².

Дойти/доходить [Это до него очень долго *доходило*, но наконец *дошло*] (предельная видовая пара). Метафора: объект (= мысленное представление) движется по направлению к субъекту и достигает его.

Идти (пойти) <кому-то> или <к чему-то> [Это платье тебе *идет*]. Метафора приближения объекта к субъекту. Характерно изменение модели управления, ср. выше.

Исходить <из чего-то> [Я *исхожу* из того, что он порядочный человек]: Метафора: начальная точка пути, по которому движется субъект. Морфологически *исходить* — имперфектив от глагола *изойти*, который, однако, не имел соответствующего значения (см., напр., [СРЯ XVIII, 9: 58]). Возможно, это семантическая калька с немецкого *ausgehen* <von etwas>, возникшая в XIX в. у глагола несов. вида, уже имевшего другие стативные значения.

Находить (найти) [Я *нахожу*, что она очень мила]. Переход от кинетического значения *найти* <на что-то> (*нашла* коса на камень) к ментальному осуществляется через посредство промежуточного звена — значения обнаружения (потерянного) предмета (*найти* иголку в стоге сена). Переход от значения обнаружения к значению мнения осуществляется, по-видимому, через конструкцию с творительным предикативным, ср.: *Я пришел к нему вчера и нашел его вполне здоровым* (= ‘узнал, что он здоров’ и/или ‘пришел к мнению, он что здоров’).

Подходить (подойти) <кому-то> или <к чему-то> [Эта квартира мне не *подходит*; Иван и его жена очень *подходят* друг другу; Занавески *подходят* к обоям]. Глагол со

⁵¹ На уподоблении «известное — видимое» (и, наоборот, «неизвестное — невидимое») основано значение множества других слов и выражений, ср.: *оказаться, проясниться, очевидный, явный*, ср.: *тайное становится явным* (= ‘известным’), *пролить свет* <на что-то> (= ‘сделать известным’), *осветить факты, свет истины* и т. д. — с одной стороны, и *темный* (= ‘невежественный’ и ‘непонятный’), *чужая душа потемки*: ‘нельзя увидеть’ (= ‘неизвестно’), что в ней происходит’ и т. д. — с другой, не говоря уже о прочих свидетельствах устойчивости данного соотношения в индоевропейских языках.

⁵² См. критику этой точки зрения в [Апресян 2009: 414].

стативным значением *подходить* образует потенциальную пару с *подойти* [Вот этот арбуз вам *подойдет*? Джинсы не *подошли* моему сыну, придется их поменять]. Метафора: приближение объекта к субъекту.

Походить [Комната его *походила* скорее на кладовую или чулан]: непарный глагол несов. вида со стативным значением. Морфологически это имперфектив к *пойти* (ср.: *Сын пошел в отца — сын походит на отца*), хотя в современном языке от глаголов с приставкой *по-* имперфективы не образуются (ср., однако, у Гоголя итеративное *помарщивался*). Метафора: движение одного объекта в направлении к другому.

Прийтись / приходиться 1 <кому-то что-то сделать> [Отвечать *пришлось* мне]; ср. в контексте обязательной имперфективации: *Отвечать каждый раз приходится мне*; в стативном значении: *Что же делать? Приходится терпеть*.

Прийтись / приходиться 2 <кому-то что-то сделать> (Мне не *пришлось* побывать на Памире; ср. в контексте обязательной имперфективации: Мне уже *приходилось* здесь бывать)⁵³: тривиальная видовая пара. *Пришлось 2* отличается от *пришлось 1* отсутствием идеи вынужденности (и, соответственно, отрицательной коннотации).

Приходиться <кому-то кем-то> [Она *приходится* мне двоюродной племянницей].

Расходиться [Их взгляды в этом вопросе сильно *расходятся*]: 'быть непохожими' (с множественным субъектом); метафора большого расстояния между объектами⁵⁴.

Сходиться: непарный глагол несов. вида с множественным субъектом: 'быть похожими': (В этом вопросе наши вкусы *сходятся*). Ср. также существительное *сходство*. Метафора: расстояние между объектами.

Среди значений ментальной сферы, производных от основы *вести*, следует назвать безличные глаголы *довелось* и *привелось* <кому-то что-то сделать>, близкие по значению к *прийтись 2*. Имеется, кроме того, глагол НСВ *доводиться* <кому-то кем-то>, синонимичный глаголу *приходиться*. Для обозначения одной из важнейших ментальных операций используется слово *вывод* (глагол *выводить* в этом значении имеет ограниченную сферу употребления). Сам глагол *вести* в русском языке не имеет ментального значения — хотя в латыни и греческом такая семантическая деривация имела место (напр., у лат. глагола *disco* и греч. ἄγω наряду с основным значением 'вести' есть значение 'полагать'). Кроме того, у глагола *вести* в русском языке имеется ряд производных, относящихся к эмоциональной сфере: глагол *известись / изводиться* ('очень сильно переживать или мучиться из-за чего-то'); *изводить* <кого-то>; *довести / доводить* <кого-то> (предельная видовая пара;). Производные от *вести* широко используются в глагольно-именных сочетаниях, метафорически представляющих внутренние состояния, образуя каузативный коррелят соответствующим производным от *идти*, ср.: *прийти в ужас, отчаянье* и т. п. — *привести* <кого-то> *в ужас, отчаянье* и т. п., *выйти из себя* — *вывести* <кого-то> *из себя* и т. п.

⁵³ Согласно [Майсак 2002: 123] значение вынужденности (наше *прийтись 1*) является у данного глагола вторичным по сравнению с обсуждаемым значением 'иметь опыт, выпасть на долю'. Вариантом этого значения являются периферийные в современном языке употребления типа *Ему пришлось тогда худо; Шуба пришлась кстати*.

⁵⁴ Наряду с глаголом несов. вида *расходиться* (морфологически — имперфектив к *разойтись*), существует глагол сов. вида *расходиться* с другим значением (нервы *расходились*), образованный от глагола неопределенного движения *ходить*. С другой стороны, имеется глагол *разойтись* с единичным субъектом ('прийти в возбужденное состояние').

Глава II

РУССКАЯ СЕМАНТИКА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В данной главе собраны работы, выполненные в разное время и в несколько разном формате, но объединенные общностью принципиальных установок, единством концептуального аппарата и метаязыка. В каждом разделе семантика выбранного слова или группы слов описывается с чуть иной точки зрения — в зависимости от того, какая теоретическая проблема находится в центре исследовательского интереса. Общий пафос данной главы состоит в выявлении смысловых компонентов, различающих близкие и объединяющих далекие значения одного слова, а также в поиске условий, при которых эти различия по той или иной причине исчезают.

В разделе, посвященном глаголу *бояться* (II.1), главный интерес заключается в постулировании многозначности, порождаемой обращением коммуникативного статуса (презумпция vs. ассерция) основных семантических компонентов, формирующих общее значение данного глагола. В разделах, посвященных наречию *напрасно* (II.3) и глаголу *мочь* (II.5), лексикографические портреты выбранных слов завершаются попыткой построения для каждого из этих слов их семантического инварианта, обеспечивающей описанную многозначность. В тех разделах, где идет речь о семантике *сожаления* (II.2) и о слове *мимо* (II.4), идейно центральным звеном является построение концептуальной схемы. Раздел о глаголе *говорить* (II.6) включает лексикографический портрет этого глагола, а также попытку связать все его значения при помощи аппарата варьирующих свой статус семантических компонентов.

Тесное переплетение полисемических и синонимических связей в языке отражено в разделе II.2, где делается попытка построения единой семантической сети для ряда квазисинонимичных (и частично родственных) слов, относящихся к разным частям речи: *сожалеть*, *жалеть*, *сожаление*, *жалость*, *жалко*, *жаль*, *раскаиваться* (раздел II.2): предлагается общая концептуальная схема 'сожаления' и выявляются различные ее реализации — концептуальные конфигурации, реализующиеся в разных частных значениях перечисленных слов; демонстрируется связь с близкими концептуальными схемами 'жалости' и 'раскаяния'. Привлечение синонимов, дериватов и других смежных языковых единиц при построении концептуальной схемы применяется также в разделах II.3 (*напрасно*, *зря*), II.4 (*мимо*, *минуть*, *миновать*, приставка *про-*), III.4 (*обидеть*, *обида*, *обидно*; *совестно*, *неудобно*), IV.3 (*любовь*, *любить*, *сочувствие*, *сочувствовать*).

В семантической записи в данной и последующих главах по умолчанию используются, кроме того, обозначения: X — субъект, P — ситуация (описываемая той или иной предикацией), Г — говорящий; [асс.] — ассертивная зона значения, [през.] — презумптивная зона значения.

1. СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА *БОЯТЬСЯ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

1.1. Экспозиция

В исследованиях по синтаксической семантике обычно большое внимание уделяется предикатам, описывающим различные стороны психической деятельности человека; среди них выделяют предикаты ощущения, восприятия, эмоционального состояния (переживания), эмоционального отношения, мысли, знания, оценки и др. [Алисова 1971; 1974; 1978; Арутюнова 1976; Васильев 1981; Иорданская 1970; Козинцева 1981; Wierzbicka 1972]. Все они обладают рядом общих семантических и связанных с ними синтаксических свойств. Общность семантики этих предикатов определяется, во-первых, тем, что денотативная ситуация, с которой они соотносятся, может быть охарактеризована как состояние; во-вторых, тем, что их первый семантический актанта выполняет роль экспериента (ср. термины *Experiencer* [Fillmore 1971: 116; Chafe 1970: 144]; *экспериенцер* [Кибрик 1980: 329]). В настоящей работе анализируется один из предикатов внутреннего состояния человека — глагол *бояться*, который занимает особое место среди предикатов этого класса.

При семантическом анализе глагол *бояться* обычно объединяется с предикатными выражениями, содержащими слово *страх*, и рассматривается среди предикатов эмоционального состояния (см. [Васильев 1981: 90; Иорданская 1970: 23]), поскольку он соотносится с определенной эмоцией. Вообще, как известно, толкование слов, обозначающих эмоции, представляет собой специфическую проблему семантики, потому что внеязыковая действительность, с которой соотносятся названия эмоций, такова, что она не может быть передана вербально. В связи с этим А. Вежицкая при анализе предикатов эмоционального состояния описывает не само чувство, а типичные условия его возникновения [Wierzbicka 1972: 59—64]. Аналогичный принцип лежит в основе способа толкования слов со значением чувства, предлагаемого Л. Н. Иорданской. Так, толкование глагола *бояться* выглядит следующим образом: *А боится, что В* = 'А испытывает пассивно-отрицательное эмоциональное состояние, каузированное тем, что: 1) А считает, что высоковероятно осуществление В; 2) А считает, что В является для него злом; 3) А считает, что он не способен противодействовать осуществлению В' ([Иорданская 1970: 23], ср. также [Wierzbicka 1972: 63]).

Как оказывается, глагол *бояться* имеет два значения, различие между которыми, очевидно, должно быть отражено в толковании; в частности, только в одном из своих

* В основу данного раздела положена статья [Зализняк 1983]. См. позднейшую литературу об эмоции страха и глаголах со значением 'бояться': [Иорданская 1984; Кибрик 1987; Iordanskaja, Melčuk 1990; Зализняк 1992; Апресян 1995; Апресян В. 1997; Урысон 1997; Вежицкая 1999a].

значений глагол *бояться* синонимичен выражению *испытывать страх*. Рассмотрим следующие примеры:

- (1) Я *боюсь* идти к зубному врачу; *боюсь* предстоящего разговора; *боюсь* его прихода.
 (2) Я *боюсь*, что он опоздает; *Боюсь*, что я не смогу с Вами согласиться.

В первом случае этот глагол соотносится с некоторой эмоцией (страхом), а во втором характеризует скорее состояние ума, которое может и не сопровождаться никакой эмоцией (ср. [Арутюнова 1976: 178]). Одновременно предложения типа (1) допускают перефразировку со словом *страх*, а предложения типа (2) — не допускают. Ср.: *Предстоящий разговор внушает мне страх*, но: **То, что он опоздает, внушает мне страх*.

В дальнейшем значение, в котором выступает глагол *бояться* в предложениях типа (1), мы будем называть ‘бояться 1’, а значение, которое он имеет в предложениях типа (2) — ‘бояться 2’.

1.2. *БОЯТЬСЯ 1* И *БОЯТЬСЯ 2*

В семантике глагола *бояться* (в соответствии, например, с приведенным выше толкованием Л. Н. Иорданской) можно выделить четыре компонента: (i) «высокая вероятность» события — представление субъекта о том, что некоторое событие произойдет с большой вероятностью; (ii) «негативность» — представление о том, что это событие является злом; (iii) «независимость» — представление субъекта о своей неспособности противодействовать его наступлению; (iv) «переживание эмоции».

Анализ предложений с интересующим нас глаголом показывает, что ‘бояться 1’ отличается от ‘бояться 2’ прежде всего тем, как распределены указанные компоненты между презумптивной и ассертивной частями значения. А именно, в ‘бояться 1’ компоненты «высокая вероятность» и «независимость» входят в презумпцию, а ассертивными являются компоненты «негативность» и «переживание эмоции»; между тем в ‘бояться 2’ «негативность» и «независимость» относятся к презумпции, а «высокая вероятность» и «переживание эмоции» — к ассерции (присутствие последнего компонента в семантической структуре ‘бояться 2’ является факультативным: наличие эмоции здесь определяется смыслом предложения в целом). Другими словами, различие между двумя значениями глагола *бояться* определяется тем обстоятельством, что в ‘бояться 1’ главным ассертивным компонентом является «негативность», в ‘бояться 2’ — «высокая вероятность».

В сказанном можно убедиться, поместив глагол *бояться* в контекст отрицания. Так, в предложениях (3) содержащих ‘бояться 1’, утверждается, что субъект считает осуществление соответствующего события вероятным и независимым от его воли, но не считает его негативным и не испытывает страха.

- (3) Я *не боюсь* идти к зубному врачу; Я *не боюсь* этого разговора.

Если же поставить в контекст отрицания предложение с ‘бояться 2’, то будет очевидно, что в сфере действия отрицания находится компонент «высокая вероятность» события, а «негативность» и «независимость» не подвергаются его действию (т. е. относятся к презумпции). Так, например, из предложения (4) следует, что *его опоздание*

представляется событием, имеющим достаточно малую вероятность, при том, что оно не перестает казаться субъекту негативным и независимым от его воли.

(4) Я *не боюсь*, что он опоздает.

Ср. также (5):

(5) Горьких слов от него услышать *не боюсь*: / Он воспитан на самый изысканный вкус.

Здесь отрицанию подвергается компонент «высокая вероятность»: *не боюсь услышать горьких слов* означает примерно то же, что *уверена, что не услышу*, — на что указывает вторая строка (хотя тот факт, что услышать *горькие слова* плохо, не подвергается сомнению).

Другими словами, различие между двумя значениями глагола *бояться* состоит в том, что в предложениях с ‘бояться 1’ некоторое вероятное событие расценивается как *негативное*, а в предложениях с ‘бояться 2’ — некоторое негативное событие расценивается как *вероятное* (ср. различие между словами *обвинять* и *осуждать*, показанное Ч. Филлмором [Fillmore 1971: 64—65]). Заметим, кроме того, что поскольку представление о том, что какое-то событие есть зло, характеризует скорее эмоциональную сферу человеческой психики, а представление о вероятности наступления какого-то события — скорее умственную, глагол *бояться* в первом значении должен быть отнесен к предикатам чувства, а во втором — к предикатам мысли.

Диагностическим для различения двух значений глагола *бояться* является, в частности, контекст слова *напрасно*¹, так как в сфере действия этого оператора в предложениях с ‘бояться 1’ оказывается представление о негативном характере события, а в предложениях с ‘бояться 2’ — представление о его высокой вероятности. Сравним, например, предложения (6) и (7):

(6) Я *напрасно* боялся его прихода

(7) Я *напрасно* боялся, что он придет.

Предложение (6), скорее всего, будет понято следующим образом: ‘он пришел, и при этом ничего плохого не произошло, вопреки тому, что я предполагал’ — т. е. субъект ошибся в своей оценке события как негативного, при том, что он был прав в оценке этого события как вероятного и независимого от его воли; следовательно, здесь реализуется значение ‘бояться 1’ (см. также пример (39) в разделе II.3.3). Предложение (7) может быть понято только так: ‘вопреки тому, что я предполагал, он не пришел и, более того, вероятность его прихода была крайне мала’. В этом случае субъект ошибся в своей оценке события как вероятного, при том, что это событие продолжает представляться ему негативным и независимым от его воли. Следовательно, здесь реализовано значение ‘бояться 2’ (см. также пример (38) в разделе II.3.3).

Контекст слова *напрасно* позволяет обнаружить и те случаи употребления ‘бояться 2’, когда в нем присутствует компонент «переживание эмоции», (и тем самым отличие от ‘бояться 1’ минимально). Так, можно с уверенностью сказать, что, например, в предложении (8) употреблено ‘бояться 2’:

(8) Она *боялась*, что его побьют.

Если построить соответствующее предложение со словом *напрасно*, то будет очевидно, что ассертивным компонентом значения слова *бояться* здесь является пред-

¹ Имеется в виду, в значении ошибочности мнения (‘напрасно 2’) — см. раздел II.3.3.

ставление о высокой вероятности события, а не его негативности: из предложения (8') следует, что обсуждаемое событие не наступило, — при том, что оно не перестало казаться негативным:

(8') Она *напрасно боялась*, что его побьют.

Подобным же образом существенность компонента «высокая вероятность» в семантической структуре 'бояться 2' выявляет контекст противительного союза *но*: поскольку событие на самом деле не произошло, ошибочным было именно представление о его высокой вероятности. Ср.:

(9) Я было, признаюсь, *боялся*, чтобы первое впечатление не ослабело потом; *но* нет — я все-таки при прежнем мнении: Марфа имеет европейское, высокое достоинство (Пушкин);

(10) Людмила Николаевна слушала его речь и больше всего *боялась*, что услышит в ней нотки ожесточения и отчаяния. *Но* Кудряшов спокойно ответил жене... (В. Драгунский).

Противопоставление двух значений слова *бояться* может выявлять и более широкий контекст. Так, если предложение со словом *бояться* содержит какое-то указание на причину данного состояния, то в случаях с 'бояться 1' этой причиной являются соображения, заставляющие субъекта считать событие злом и испытывать страх перед ним, а для 'бояться 2' указываются основания считать событие вероятным. Ср.:

'бояться 1':

(11) а. ...*боюсь* твоих гуляний верхом. Я еще не знаю, как ты едешь; вероятно, смело; да крепко ли на седле сидишь? (Пушкин);

б. Он *боялся* заводить друзей, ибо с друзьями надо быть обязательным (С. Крутилин).

'бояться 2':

(12) ...*боюсь*, чтоб это не перетолковали мои приятели, которых у меня много, и все охотники до толков (Пушкин);

(13) Была в Неве высокая вода, / И наводнения в городе *боялись* (Ахматова).

Ср. также следующий пример из «Анны Карениной» (содержащий 'бояться 2'):

(14) — Я *боюсь*, что становлюсь смешон.

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, приставшего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеяние, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна (Л. Толстой).

Толстой упрекает Вронского в неискренности: произнеся фразу *Я боюсь, что становлюсь смешон*, Вронский тем самым высказал предположение о вероятности этого безусловно негативного события. Между тем, по причине, изложенной в последующем абзаце, он *не рисковал* быть смешным — т. е. оснований для того, чтобы 'бояться 2', у него на самом деле не было.

1.3. СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО СЛОВОМ БОЯТЬСЯ

Как оказывается, в большинстве случаев противопоставлению ‘бояться 1’ и ‘бояться 2’ соответствуют какие-то различия в формальной структуре предложений, в которые они входят. Существует, кроме того, ряд омонимичных конструкций, где двусмысленность разрешается за счет более широкого контекста — или так и остается неразрешенной.

Глагол *бояться* в русском языке входит в состав различных синтаксических конструкций. В конструкциях без дополнения, а также с дополнением, выраженным существительным с предлогом *за*, глагол *бояться* может иметь только первое значение, в конструкциях с придаточным предложением, вводимым союзами *что*, *чтобы*, — только второе. Тем самым в этих двух случаях различие ‘бояться 1’ и ‘бояться 2’ не представляет трудности.

Остановимся более подробно на тех синтаксических структурах, в которых возможно употребление слова *бояться* в обоих значениях.

1.3.1. Конструкция с подчиненным инфинитивом

Конструкции с инфинитивом представляют интерес в двух отношениях. Во-первых, здесь противопоставление двух значений глагола *бояться* имеет довольно регулярное поверхностно-синтаксическое выражение. Во-вторых, этот частный случай употребления данного глагола обнаруживает еще одно различие между двумя его значениями, касающееся компонента «независимость» события.

В русском языке подчиненная предикация при предикатах внутреннего состояния может оформляться инфинитивом только в случае кореферентности субъектов главной и подчиненной предикации. Таким образом, сочетание *бояться* с инфинитивным дополнением всегда описывает ситуацию, где субъект страха одновременно является главным участником «внушающего страх» события. В такой ситуации событие, описываемое подчиненной предикацией, может быть независимым от воли субъекта в двух разных случаях. Прежде всего, в том случае, когда действие, с которым соотносится подчиненный инфинитив, является *не контролируемым*², ср. (15):

(15) *Я боюсь* проговориться, похудеть, забыть ему об этом сказать, случайно кого-нибудь задеть, попасть в аварию, сказать какую-нибудь глупость.

С другой стороны, событие может рассматриваться субъектом как независимое от его воли и в том случае, когда инфинитив обозначает контролируемое действие. Тогда «независимость» события складывается из чего-то вроде противоречия желанию и, одновременно, представления о необходимости совершения каких-то действий:

(16) *Я боюсь* идти к зубному врачу, идти этой дорогой, с ним разговаривать, варить кашу.

² О понятии контролируемости см. [Dik 1972; 1979: 33; Givón 1975; Булыгина 1982; Зализняк 1992: 63—69].

Как оказывается, глагол *бояться 2* может сочетаться только с теми предикатами, которые обозначают неконтролируемые действия — *проговориться, попасть в аварию* и т. д., ср.:

- (17) Письмо твое послал я тетке, а сам к ней не отнес, потому что репортуюсь больным и *боюсь царя встретить* (Пушкин);
 (18) *Остаться* без носу — наш Макковой *боялся* (Лермонтов);
 (19) Он, не отрываясь, наблюдал за женщиной, *боясь прозевать* момент, когда она посмотрит на картину (С. Крутилин).

Причина этого ограничения — семантическая; она состоит в том, что ‘бояться 2’ представляет собой утверждение о высокой вероятности некоторого события, а оценка вероятности имеет смысл только по отношению к неконтролируемым событиям.

Для ‘бояться 1’ признак контролируемости является несущественным, хотя в целом можно сказать, что этот глагол (в конструкции с подчиненным инфинитивом) чаще сочетается с предикатами, обозначающими контролируемые действия (типа *идти к зубному врачу*)³. Ср. также другие примеры:

- (20) Дайте руку, а то я *боюсь ходить* по этому переулку (В. Драгунский);
 (21) Признаться, о дамах я очень *боюсь говорить* (Гоголь);
 (22) с некоторого времени я *боюсь оставаться* одной (Достоевский);
 (23) он *боялся заводить* друзей.

Отдельный интерес представляет тот факт, что в конструкциях с инфинитивом противопоставление значений слова *бояться* коррелирует с одним формальным противопоставлением — с глагольным видом зависимого инфинитива. А именно, значение ‘бояться 2’ возможно только в контексте инфинитива совершенного вида (*боюсь встретить, боюсь прозевать* и т. д., см. примеры (17—19)); значение ‘бояться 1’, вообще говоря, сочетается с инфинитивом и того и другого вида, но более обычной для *бояться 1* является конструкция с инфинитивом несов. вида (*боюсь говорить, боюсь оставаться* и т. д., см. примеры (20—23)). Сов. вид инфинитива в контексте *бояться 1* возможен лишь для незначительного числа глаголов — таких как *подойти, обратиться, заговорить, назвать, осуществить* и некоторых других:

- (24) Иной... *боюсь назвать*, но признано всем светом, / Особенно в последние года, / что стали умны хоть куда (Грибоедов);
 (25) И рыбаки к нему *боятся / Подъехать* в сумраке ночном (Лермонтов);
 (26) Что ж дева красная *боится / С крыльца сойти*, воды *снести* (Лермонтов).

Тем самым для небольшой группы глаголов в позиции подчиненного инфинитива при *бояться 1* оказывается возможным, при некотором различии в значении, употребление как несовершенного, так и совершенного вида: *Я боюсь к нему подходить* и *Я боюсь к нему подойти*.

³ Интересно, что аналогичное различие двух значений глагола ‘бояться’ (соответствующее противопоставлению, в подчиненной предикации, контролируемого собственного действия неконтролируемому внешнему событию), проявляется в различной стратегии оформления коферентности, см. [Кибрик 1987: 58].

Наличие указанной связи между противопоставлением по виду у зависимого инфинитива и противопоставлением двух значений глагола *бояться* может быть проиллюстрировано следующим образом. Ср. (27а) и (27б):

- (27) а. Я боюсь его *бить* ('бояться 1').
 б. Я боюсь его *побить* ('бояться 2').

В предложении (27а) реализуется значение 'бояться 1', а подчиненный предикат обозначает контролируемое действие (такая фраза уместна, например, в ситуации, когда мальчишки выясняют, кто из них должен наказать их общего врага). Если в (27а) изменить вид глагола в инфинитиве, то получившееся предложение (27б) окажется в одном ряду с предложениями типа *Я боюсь проговориться* и будет понято, скорее всего, так: 'я считаю вероятным, что произойдет негативное и независимое от моей воли событие, состоящее в том, что я его побью', т. е. как содержащее 'бояться 2'. Таким образом, замена несовершенного вида зависимого инфинитива на совершенный может повлечь за собой изменение значения глагола *бояться* (с первого на второе); при этом, поскольку 'бояться 2' сочетается только с предикатами, обозначающими неконтролируемые действия, действие «бить» теряет сему контролируемости. Ср. также: *Я боюсь сварить кашу* — 'считаю вероятным, что у меня получится каша' (например, вместо супа, который я хочу сварить). Примеры таких «минимальных пар» довольно редки — обычно для обозначения произвольности действия эффект, достигаемый употреблением совершенного вида, усиливается лексическими средствами, т. е. добавлением слов типа *случайно, ненароком, помимо своей воли*, а также другими способами. Ср.:

- (28) *Я боюсь* тебя случайно *ударить*, двигая шкаф; *Я боюсь*, сам того не желая, его *обидеть*.

Если, наоборот, в предложении с *бояться 2* — и, соответственно, с подчиненным инфинитивом совершенного вида глагола, обозначающего неконтролируемое действие — изменить вид инфинитива, то значение глагола *бояться* автоматически меняется на противоположное; ср.: (29а), где выражено значение 'бояться 2' и (29б), содержащее 'бояться 1':

- (29) а. Я боюсь *похудеть* ('бояться 2').
 б. Я боюсь *худеть* ('бояться 1').

Одновременно с изменением значения глагола *бояться* ситуация, описываемая подчиненным инфинитивом, теряет признак неконтролируемости: слово *худеть* в этом случае скорее будет понято как обозначающее целенаправленную деятельность (т. е. контролируемый процесс). Предложение *Я боюсь худеть*, скорее всего, будет понято аналогично предложениям *Я боюсь идти к зубному врачу, спускаться с горы, оставаться одной* и т. п.

Заметим, что распределение глагольного вида инфинитива в конструкциях с *бояться*, связанное с противопоставлением по контролируемости действия, соответствует описанному Т. В. Бульгиной [1982: 75] явлению в конструкции с отрицательным императивом: форма несов. вида указывает на неконтролируемость действия. Поскольку неконтролируемость требуемого действия противоречит семантике императива, употребление формы сов. вида в отрицательном императиве возможно лишь в том случае, когда императивное высказывание представляет собой не побуждение

к действию, а предупреждение, вызванное желанием предотвратить наступление некоторого неконтролируемого события: *Не простудись!*, *Не упади!*, *Не забудь мне позвонить!* Соответственно, фразы типа **Не плюнь в колодец*, **Не помой посуду*, **Не пойдешь за хлебом*, которые не могут быть поняты как предостережение, аномальны. Эта аномальность, однако, может быть преодолена — при условии, что действие переосмысливается как неконтролируемое, ср.: *Смотри, не плюнь случайно в колодец*; *Смотри, не помой посуду сам* (забыв о том, что это должен сделать сын) и т. п.

1.3.2. Конструкция с именным дополнением

Глагол *бояться* в русском языке допускает управление родительным и винительным падежом; последний вариант (он возможен только для значения ‘бояться 1’) является относительным нововведением русского языка и пуристами оспаривается⁴. Дополнение в родительном падеже возможно в контексте обоих рассматриваемых значений. Тем самым возникает неоднозначность. Так, предложение

(30) Я не боюсь его прихода

может быть понято двумя различными способами: ‘не считаю его приход негативным событием’ (‘бояться 1’) и ‘не считаю его приход вероятным событием’ (‘бояться 2’). Даже такие предложения, как *Я боюсь грозы* или *Я боюсь тараканов*, допускают, на самом деле, два понимания — ‘испытываю страх перед этим явлением, как таковым’ и ‘считаю вероятным, что оно будет иметь место’ (соответственно, разразится гроза или выползут тараканы). Понимание с ‘бояться 2’ является при этом в большей степени ситуативно обусловленным, для его реализации нужны соответствующие контекстные условия, ср. пример (13), а также (31):

(31) Уходи / Поскорей и без оглядки, / Не то — бойся лихорадки (Пушкин).

Поскольку в конструкциях с именным дополнением при возможной омонимии значение ‘бояться 2’ является маркированным, задача состоит в том, чтобы сформулировать условия, при которых это понимание может возникнуть.

Основным ассертивным компонентом значения ‘бояться 2’ является «высокая вероятность» некоторого события. В связи с этим на именную группу, занимающую позицию дополнения при глаголе со значением ‘бояться 2’, накладываются определенные ограничения: она, во-первых, должна обозначать то, к чему применимо понятие вероятности, т. е. с о б ы т и е, которое может произойти или не произойти; во-вторых, вероятность этого события не должна представляться субъекту равной единице.

Таким образом, ситуация, когда оценка вероятности является существенной, и тем самым оказывается возможным возникновение значения ‘бояться 2’, противопоставляется двум типам ситуаций, когда возможно только значение ‘бояться 1’. Первый тип

⁴ Допустимость винит. падежа при глаголе *бояться* противоречит правилу о том, что возвратный глагол в русском языке не может управлять винит. падежом. Однако такое управление при глаголе *бояться* (и некоторых других возвратных глаголах, напр., *слушаться*) все более укореняется в языке (ср. [Зализняк 1967: 49; Iordanskaja, Mel'čuk 1990]). Известная фраза *Я боюсь свинью!*, приписываемая М. Цветаевой Андрею Белому, в 1922 г., возможно, была еще на грани нормы. Впрочем, во фразе Андрея Белого о резиновой свинье, которую ему дети в качестве шутки положили в постель, цитированное высказывание продолжает фразу *Я не люблю свинью!* и, возможно, отчасти воспроизводит ее модель.

составляют такие предложения, где именное дополнение при *бояться* не обозначает события. Это происходит в том случае, когда соответствующая именная группа имеет родовой денотативный статус (по [Падучева 1979: 30]), т. е. когда она соотносится не с одним конкретным референтом (ситуацией), а с множеством всех мыслимых ситуаций данного класса или с их обобщенным образом. Ср.:

(32) Она *боится* высоты, грозы, тараканов;

(33) Он *боялся* всего — женщин, начальства, друзей (С. Крутилин).

Глагол обозначает в таком случае не актуальное состояние, а постоянное свойство (ср. [Апресян 1979: 524]). (Интересно, что с точки зрения способности обозначать событие в контексте *бояться* противопоставление предметных и непредметных имен, а также других семантических классов существительных не играет определяющей роли.)

Другой тип ситуаций, когда возможность возникновения значения ‘бояться 2’ оказывается исключена, — если речь идет о событии, про которое субъект уверен, что оно произойдет, и тем самым оценка его вероятности не представляется ему существенной. Ср.:

(34) Я *боюсь* завтрашнего разговора с директором, зимней сессии, вступительных экзаменов.

Именная группа в позиции дополнения имеет в этом случае денотативный статус, который можно было бы назвать «конкретным» или «определенным» (он ближе всего к конкретно-референтному — с тем существенным отличием, что ситуация, являющаяся его денотатом, относится к будущему, т. е. данное употребление имени вообще не референтно; в работе [Крейдлин, Рахилина 1981] денотативный статус, близкий к данному, называется гипотетическим).

В русском языке денотативный статус имени иногда выражается противопоставлением по числу. Поэтому морфологическое число существительного, занимающего объектную валентность глагола *бояться*, может служить показателем того, какое из двух его значений имеется в виду. Ср. (35) и (36):

(35) Я *боюсь* скандала, сквонзяка, переезда, этого разговора

— определенный статус имени; возможно ‘бояться 1’ и ‘бояться 2’.

(36) Я *боюсь* скандалов, сквонзяков, переездов, этих разговоров

— родовой статус имени; возможно только ‘бояться 1’.

Заметим, что аналогичное референциальное различие иногда выражается противопоставлением совершенного и несовершенного вида глагола в конструкциях с инфинитивом (в тех случаях, когда несовершенный вид имеет значение многократности). Ср. (37) и (38):

(37) Я *боюсь* к нему *подойти*; Я *боюсь* его *побить*

— определенный статус; возможно ‘бояться 1’ и ‘бояться 2’.

(38) Я *боюсь* к нему *подходить*; Я *боюсь* его *бить*

— родовой статус; возможно только ‘бояться 1’ — ср. [Булыгина 1980: 352].

Кроме представления о высокой вероятности некоторого события, в значение ‘бояться 2’ входит компонент «независимость». При этом, как и в случае с инфинитивным дополнением, причиной независимости события от воли субъекта является отсутствие

контроля. Поскольку в русском языке в конструкциях с номинализованной подчиненной предикацией допустимы различные типы кореференции, у субъекта глагола бояться может отсутствовать контроль за событием, во-первых, в том случае, когда само событие, описываемое в подчиненной предикации, является неконтролируемым (*Я боюсь грозы, разочарования, просчета, несчастного случая* и т. д.), во-вторых, при отсутствии коферентности с теми участниками события, которые его контролируют (*Я боюсь обмана, подвоха, отказа, разоблачения, сплетен, мести, проверки* и т. д.).

Таким образом, возможность понимания глагола *бояться* в его втором («ментальном») значении связана со следующими семантическими, а через них и формальными характеристиками его сентенциального актанта. Во-первых, денотат выражения, занимающего позицию дополнения, должен представлять собой е д и н и ч н о е с о б ы т и е в будущем, которое может произойти или не произойти; тем самым если это глагол, то он не может обозначать узуальное, многократное, незавершенное и т. д. действие, а также состояние или процесс (чему соответствует в русском языке форма несовершенного вида), если же это существительное, то он не может иметь родовой денотативный статус (значение, выражаемое, в частности, формой множественного числа). Во-вторых, причиной «независимости» события, описываемого дополнением при глаголе *бояться*, должно быть отсутствие у субъекта возможности контроля за ним.

Противопоставление двух значений глагола *бояться* в русском языке поддерживается, кроме того, еще одним регулярным средством — различием фразового ударения. А именно, в первом значении ударение несет на себе глагол (*Я боюсь экзамена* — ‘предстоящий экзамен внушает мне страх’), в то время как во втором значении он, подобно глаголам пропозициональной установки и модальным, является во фразе безударным (*Я боюсь экзамена* — ‘считаю вероятным, что будет экзамен’ — например, вместо предполагаемого зачета).

Распределение поверхностно-синтаксических структур, оформляющих сентенциальный актанта глагола *бояться* в двух его различных значениях, нельзя считать случайным. Так, главным асертивным компонентом значения ‘бояться 2’ является «высокая вероятность», т. е. здесь наиболее существен вопрос о том, произойдет или не произойдет событие, описываемое подчиненной предикацией. Одновременно самым типичным способом оформления подчиненной предикации при ‘бояться 2’ является придаточное предложение: ожидаемое событие облекается в предикативную форму, и вопрос о его соотношении с действительностью — о его осуществлении — возникает сам собой. В значении ‘бояться 1’ главным является представление о том, что некоторое событие есть зло. При этом негативная оценка легко может переноситься с конкретного события — во-первых, на всякое событие данного класса (*Она боится грозы*) и, во-вторых, на главного его участника (*Она боится тараканов*). Соответственно, самый распространенный способ оформления сентенциального актанта при ‘бояться 1’ — существительное-номинализация или предметное имя. Инфинитив и отглагольное имя, находящиеся на промежуточной ступени редукции пропозиции, могут выступать в роли дополнения при глаголе *бояться* в обоих его значениях.

Более полный анализ различных типов значений группы ‘бояться’, завершаемый построением общей концептуальной схемы, обеспечивающей многозначность широкого круга языковых единиц русского и французского языка (*бояться, пугать, страх, avoir peur, craindre, redouter, faire peur, effrayer, de peur de, par crainte de* и др.) содер- жится в [Зализняк 1992].

1.4. POSTSCRIPTUM

В заключение данного раздела вернемся к вопросу о статусе совмещения двух рассмотренных значений глагола *бояться*. Речь идет о конструкции с подчиненным инфинитивом сов. вида, которая, как уже говорилось, обладает потенциальной неоднозначностью (т. е. может выражать значение ‘бояться 2’, и это более вероятно, но значение ‘бояться 1’ также не исключено, ср.: *Боюсь к нему подойти*). Реально неоднозначность в рассматриваемой конструкции возникает в тех случаях, когда подчиненный инфинитив описывает неконтролируемую ситуацию (в этом случае более обычно значение ‘бояться 2’, но и ‘бояться 1’ также не исключено), ср.:

(39) *Я боюсь ее огорчить.*

Неоднозначность этих предложений ясно видна в контексте отрицания. Так, предложение (39') *Я не боюсь ее огорчить* может означать как то, что я считаю это маловероятным, так и то, что я не вижу в этом ничего плохого. При этом существенно, что эта неоднозначность может оставаться неразрешенной — ср. разбор примера *Я не боюсь остаться одна* в разделе I.1.1.3.

Очевидно, здесь мы имеем дело с весьма важным с точки зрения функционирования языка явлением некаламбурного совмещения значений, обусловленного использованием единицы более высокого уровня семантической абстракции, чем тот, на котором разграничиваются значения ‘бояться 1’ и ‘бояться 2’.

В связи с этим стоит привести фрагмент из рассказа А. Битова «Дежа вю», где глагол *бояться* употребляется с самыми разными дополнениями и в различных, с лексикографической точки зрения, значениях (в частности, сочетания *боюсь летать на самолете* и *боюсь опоздать* являются образцовыми примерами, соответственно, значений ‘бояться 1’ и ‘бояться 2’). Между тем очевидно, что в некотором наиболее существенном смысле здесь везде речь идет об одном и том же внутреннем состоянии.

(40) И как это я ничего *не боюсь!* Летать хотя бы... Обнаглел... Какой-то защитной заслонки в сознании не хватает. Ничего *не боюсь*, кроме, надо сказать, того, что со мной обязательно произойдет. Вот другие люди... Когда я слышу, как они обсуждают свои намерения и замыслы: купить не купить, пойти не пойти, сказать не сказать, — прежде всего становится ясно, как они *боятся* предпринять то, о чем они говорят. Инстинктивный страх перед любым начинанием — признак нормального человека. Иногда я *боюсь* опоздать — но тогда начинаю поспевать и успеваю; возможно, еще немножко, и я стану *бояться* подниматься в воздух — но никогда не буду *бояться* самолета потому, что на него можно опоздать. [...]

Выходит, что я все-таки *боюсь*. *Боюсь* воды, боюсь текста. Текст — ведь это связь всех слов.

Я боюсь не только Фрейда и смерти.

Я боюсь. Я как люди. Я — живой. Я нормальный человек.

2. О СЕМАНТИКЕ СОЖАЛЕНИЯ*

Il est naturel et absurde de regretter les belles choses qui ne sont pas faites, et qui nous semblent encore avoir été possibles, bien après que l'événement a démontré qu'il n'y avait pas de place pour elles dans le monde.

*Paul Valéry*⁵

2.1. СОЖАЛЕНИЕ О ПЛОХОМ ИЛИ О ХОРОШЕМ?

Если вдуматься в значение русского слова *сожалеть*, то обращает на себя внимание его удивительная неоднозначность — удивительная потому, что она касается его центрального семантического компонента, а именно, оценочного: так, с одной стороны, можно сказать

(1) Он *сожалеет* о сделанной ошибке,

где пропозитивный объект имеет здесь отрицательную оценку; с другой стороны:

(2) Он *сожалеет* о счастливых годах молодости,

где оценка пропозитивного объекта — положительная. А, например, фраза (3) является откровенно двусмысленной:

(3) Он *сожалел* о годах, проведенных во Франции.

Она может означать как то, что он считает эти годы счастливейшим периодом своей жизни, так и то, что это было напрасно потраченное время.

Обращаясь к существующим определениям сожаления, мы сталкиваемся с той же двусмысленностью. Так, в толковании А. Вежбицкой для английского слова *regret* отражено представление о сожалении, соответствующее смыслу нашего предложения (1): «X feels regret — X feels as one does when one thinks that what one desires not to have happen has happened» («X чувствует то, что чувствует человек, когда думает о том, что то, чего бы он не хотел, чтобы это произошло, [на самом деле] произошло») [Wierzbicka 1972: 64]. Ср. похожее толкование в [Searle 1983: 32]: Regret → Bel (p) & Bel (p is connected to me) & Des (~p)⁶. Подобная трактовка сожаления (раскаяния) восходит к Лейбницу [Leibniz 1975: 64], Спинозе [1957: 130], Аристотелю [1984: 20].

* Разделы II.2.1—II.2.6 основаны на статьях [Зализняк 1988а; Zalizniak 1991].

⁵ «Сколь естественно и одновременно абсурдно сожалеть о чем-то прекрасном, что не было сделано и что нам все еще продолжает казаться возможным даже после того, как течение жизни показало, что не было для этого места в мире» (*Поль Валери*. Вступительная статья к поэме Лафонтена «Адонис»).

⁶ Bel = belief; Des = desire.

С другой стороны, имеется определение Декарта, которое выглядит следующим образом: «ушедшее благо (*le bien passé*) вызывает в нас сожаление (*regret*), что есть разновидность печали»; «сожаление есть вид печали, которая имеет особую горечь, так как она связана с воспоминанием об удовольствии, которое давало нам обладание вещью» [Descartes 1919: 378, 484; Декарт 1950: 628, 698]. Ср. толкование из МАС: *сожаление* — чувство печали, вызываемое утратой чего-л., невозвратимостью чего-л.

По-видимому, не случайно, что именно Декарт упоминает этот второй, более «редкий» вид сожаления: трактат «О страстях души», откуда взяты цитированные выше слова, написан по-французски, а для французского языка рассматриваемая неоднозначность глагола со значением ‘сожалеть’ характерна даже в большей степени, чем для русского⁷. Ср. следующий пример:

- (4) Nous avons refait, sans nous être consultés, dans le même ordre, à travers la forêt et les temples, la même promenade que le premier jour. Je le fis remarquer à Maxence.
 a. — *Deux mois*, bientôt, murmura-t-elle, deux mois déjà! Vous ne *les regretterez* jamais, n'est-ce pas?
 b. — Maxence, dites que je *les regretterai* toujours (P. Benoit).
- (4') Мы проделали, не сговариваясь, тот же маршрут, что в первый день. Я обратил на это внимание Максанс.
 a. — *Два месяца*, — сказала она, — прошло уже два месяца! Вы никогда не будете о *них сожалеть*, правда?
 b. — Скажите лучше, что я буду о *них сожалеть* всю жизнь (П. Бенуа).

Противоположность оценки пропозитивного объекта у глагола со значением ‘сожалеть’ здесь является источником языковой игры (которая сохраняется в переводе): во фразе (4a) выражено значение «сожалеть о плохом», а в (4b) то же словосочетание выражает в некотором смысле противоположное значение — т. е. «сожалеть о хорошем»⁸.

Итак, существует два разных сожаления. Рассматривая их как означаемые языковых выражений (а именно, слов *сожалеть*, *жалеть*, *жаль* и др. — полный список будет приведен ниже, одновременно с указанием выражаемых каждым из них значений), мы будем называть их, соответственно, значениями ‘сожалеть 1’ и ‘сожалеть 2’. Чтобы составить более полное представление об этих смыслах, приведем еще примеры.

⁷ Подобное совмещение значений, однако, не является универсальным, ни даже широко распространенным (например, оно отсутствует в англ. *regret* — ср. толкование в [Wierbicka 1972: 63]). Более часто встречается совмещение смыслов ‘сожалеть’ и ‘раскаиваться’ (о различии между ними см. разд. II.2.5) — как в лат. *poenitentia*, а также во франц. *se repentir*.

⁸ Заметим, что русская лексикографическая традиция не различает — ни для существительного *сожаление*, ни для глагола *сожалеть* двух значений, соответствующих нашим ‘сожалеть 1’ и ‘сожалеть 2’ — в отличие от французской, в которой у глагола *regretter* соответствующие значения выделяются. Так, в словаре [Dubois et al. 1971] для *regretter* различаются, в частности, значения: одно, соответствующее нашему ‘сожалеть 2’ (*regretter sa jeunesse*) и два варианта ‘сожалеть 1’ — в контексте ситуации, контролируемой субъектом (*Je regrette de ne pas être venu*) и в контексте неконтролируемой ситуации (*Je regrette d'être trop vieux pour apprendre la musique*). Ср. набор значений глагола *regretter* в [Зализняк 1992].

‘сожалеть 1’:

- (5) *Жаль*, однако, что вы не читаете писем: есть прекрасные места (Гоголь. Ревизор);
- (6) Сегодня я снова *жалею*, что не сумел тогда переубедить тебя. Как хорошо было бы сейчас, если бы ты понимал по-китайски! (Гессе);
- (7) Ей нужно было самоутверждение, проверка самой себя, и впоследствии она ни разу не *пожалела* о том, что поступила именно так, а не иначе (С. Залыгин);
- (8) Я сейчас уезжаю в Царское Село и искренне *сожалею*, что не могу провести у вас вечер. (Пушкин. Письма);
- (9) В 1831 году он женился на Гончаровой. Все думали, что он влюблен в Ушакову; но он ездил, как после сам говорил, всякий день к сей последней, чтоб два раза в день проезжать мимо окон первой. Женильба была его несчастье, и все близкие друзья его *сожалели*, что он женился (Н. М. Смирнов. Из памятных записок).

‘сожалеть 2’:

- (10) Уж не жду от жизни ничего я
И не *жаль* мне прошлого ничуть (Лермонтов)⁹;
- (11) Мне вас не *жаль*, года весны моей,
Протекшие в мечтах любви напрасной, —
Мне вас не *жаль*, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладострастной (Пушкин. Элегия. 1820);
- (12) Однажды, еще в Энн-Арборе, Иосиф сказал мне, что ему *жаль* первых лет эмиграции, полного одиночества. «Нет, я не тебя имею в виду», — вежливо он оговорился, и я думаю, что он и вправду имел в виду не то, что я и другие вслед за мной оказавшиеся в Америке друзья ему досаждали, а просто жаль неразбавленной, чистой экзистенции одиночества (Лев Лосев);
- (13) В-третьих, наконец, потому, что ему было *жаль* своей тогдашней молодости — и всего связанного с нею — злости, неуклюжести, жара, — и ослепительно-зеленых утр, когда в роще можно было оглохнуть от иволог (Набоков);
- (14) Мне, знаешь, больше всего *жаль* часов, когда собирался на свидание. Сами свидания подзабыл, да и они-то, в общем, похожи, а вот эти часы, когда готовишься, ждешь и такую чувствуешь полноту жизни, — эти часы удивительно помню (Л. Зорин).

Как же может быть, чтобы слово, которое обозначает эмоциональное состояние, возникшее в связи с некоторой ситуацией в прошлом, в одном значении описывало состояние, вызванное отрицательной оценкой ситуации, а в другом — ее положительной оценкой? Очевидно, что подобное совмещение смыслов в пределах одного слова не случайно, что между ними есть очевидная внутренняя связь. Однако, чтобы это строго показать, необходимо провести некоторые предварительные рассуждения.

⁹ Обратим внимание на смысловой параллелизм этих двух строк, выявляющий семантику ‘сожалеть 2’: здесь *жду* ≈ ‘считаю, что нечто хорошее будет’, *жаль* ≈ ‘считаю, что нечто хорошее было’. Ср. также: И все-таки — что ж это было? / Чего так *хочется* и *жаль*? / Так и не знаю: победила ль? / Побеждена ль? (Цветаева).

2.2. Модель мира сожалеющего субъекта

События происходят во времени, а время течет от прошлого через настоящее к будущему. Мы воспользуемся такой моделью этого процесса, которая представляет его как последовательную смену дискретных состояний мира. Каждое состояние мира приурочено к некоторой точке на временной оси, соответствующей моменту времени, в который оно имеет (имело, будет иметь) место. Но мы можем говорить не только о состоянии мира, которое имеет место в некоторый момент времени, но и о тех, которые могли бы иметь место в тот же момент. Тем самым каждой точке на оси времени оказывается сопоставлено некоторое множество различных возможных состояний мира, или «возможных миров» — с одним и тем же индексом, обозначающим момент времени: $W_i = \{W_i, W_i', W_i'', \dots\}$ ¹⁰; каждый из миров представляет собой множество положений дел: $W_i = \{A, B, \dots\}$. Множество положений дел, которое имеет место в настоящий момент (t_0), мы будем называть действительным миром (W_0). Если некоторое положение дел A имело место в момент t_1 ($t_1 < t_0$)¹¹, это значит, что A принадлежит такому миру W_i , который был действительным в момент t_1 ¹². Если A имело место в течение периода времени от t_h до t_p , это значит, что A принадлежит всем мирам из последовательности $W_h, W_{h+1}, \dots, W_{i-1}, W_i$, которые были действительными, соответственно, в моменты времени $t_h, t_{h+1}, \dots, t_{i-1}, t_i$.

Последовательность возможных миров с непрерывно возрастающими индексами может составить линию развития событий. Это означает следующее. Если мы фиксируем некоторое положение дел A , то линию развития событий будет составлять такая последовательность миров $W_i, W_{i+1}, W_{i+2}, \dots$, что каждому из них принадлежит либо само A , либо A' , где A' есть следствие A . Понятие следствия мы принимаем за неопределяемое: достаточно сказать, что A и A' связаны некоторой очевидной причинно-следственной связью (ср. семантический примитив «становиться» у А. Вежбицкой и в целом идею становления одного «мира» из другого как способ описания временных отношений в языке [Wierzbicka 1980a: 194—216], а также одно из возможных определений отношения достижимости, которое встречается во временной логике: «мир, или состояние дел b достижим из положения дел a , если b является возможным будущим состоянием a » [Прайор 1981: 90]). Если окажется, что некоторой точке t_j не соответствует ни одного мира, которому принадлежало бы A (или A' , A'' и т. д.), то это значит, что линия развития событий «оборвалась», что это «тупиковая» линия¹³.

¹⁰ Ср. понятие «временного экрана» в точке t_i в [фон Вригт 1979]).

¹¹ Т. е. « t_1 раньше, чем t_0 »; соответственно, $t_1 > t_0$ означает « t_1 позже, чем t_0 ».

¹² Мы исходим из того, что одно и то же положение дел может иметь место в разные моменты времени.

¹³ Представление о линии (направлении, ходе) развития событий иногда включается в само понятие возможного мира (см., напр., [Хинтиikka 1980: 38, 74; Хилпинен 1986: 305]); такое понимание возможного мира чаще встречается в связи с будущим (т. е. когда речь идет о проблеме выбора или принятия решения) — ср. выражение «возможные будущие линии развития событий» в [Серль, Вандервекен 1986]. Мы предпочитаем такое словоупотребление, при котором эти две идеи разделяются, и «возможный мир» понимается как состояние мира или множество положений дел, ср. [Павиленис 1983: 57; Падучева 1985: 16].

Ось времени делится на две части точкой настоящего момента t_0 . Для каждой из временных точек, предшествующих настоящему моменту (т. е. для прошлого), в множестве соответствующих ей возможных миров есть один выделенный — тот, который был в этой временной точке действительным, в противоположность всем остальным, которые могли бы осуществиться, но уже не осуществились. В той части оси времени, которая соответствует будущему, множества возможных миров, сопоставленные каждой временной точке, однородны (их элементы могут различаться лишь по количественной оценке вероятности своего осуществления); в этом случае мы будем говорить о реально возможных мирах.

Течение времени, таким образом, состоит в том, что точка настоящего момента, равномерно продвигаясь от прошлого к будущему, превращает бесконечно ветвящееся дерево возможных путей изменения мира в одну линию — действительную линию развития событий (ср. [Хинтикка 1980: 74]).

Обратимся к прошлому. Если понимать действительный мир как множество положений дел, соответствующих точке настоящего момента, то прошлого, очевидно, нет — так как его нет в действительном мире. Как пишет Б. А. Успенский:

Прошлое — это то, чего нет сейчас (в этой действительности, в действительности настоящего), но то, что, как мы уверены, было раньше (в иной, прошедшей действительности) [...] Прошлое, в отличие от настоящего, не поддается непосредственному, чувственному восприятию, однако оно связано с настоящим опосредованно — оно оставляет свой след в настоящем, как в субъективных переживаниях, т. е. в явлениях памяти, так и в объективных фактах, которые естественно объясняются как следствия прошедших событий [Успенский 1994а: 15—16].

Мы будем различать два типа отношения настоящего к прошлому: отношение непосредственной преемственности (наличие непрерывной последовательности промежуточных состояний) и «идеальная» связь (воспоминание).

Пусть A — некоторое положение дел, принадлежащее миру W_t , который был действительным в t_1 ($t_1 < t_0$). Тогда возможны следующие случаи. 1) Положение дел A находится на «тупиковой» линии развития событий, т. е. ни само A , ни какое-либо его последствие A' не принадлежат W_0 . В этом случае A — это «абсолютное» прошлое — то прошлое, которого нет и которое может быть связано с настоящим лишь отношением воспоминания. 2) Некоторое положение дел A' , являющееся последствием A , принадлежит W_0 . 3) Положение дел A имеет место в течение всего промежутка времени от t_1 до t_0 , т. е. само A принадлежит W_0 . В этом случае положение дел A принадлежит, безусловно, настоящему, а не прошлому. Случай 2 — промежуточный; в зависимости от обстоятельств, он может примыкать как к первому, так и к третьему. Как будет видно из дальнейшего, обстоятельства, диктуемые семантикой сожаления, таковы, что он объединяется с третьим, т. е. то прошлое, последствия которого имеют место в настоящем, приравнивается к настоящему, и они оба противопоставляются прошлому, не имеющему последствий, как то, что есть, тому чего нет.

Итак, продвигаясь вместе с точкой настоящего момента от прошлого к будущему, мы постоянно проходим «развилки» (мы будем пользоваться этим удачным образом из работы [Арутюнова 1983а], употребляя слово «развилка» для обозначения временной точки, из которой исходит несколько линий развития событий). В одних случаях то, как сложится дальнейший ход событий, от нас не зависит, но в других мы сталкиваемся с необходимостью (или имеем возможность) сами выбирать какой-то один из

альтернативных путей. Как пишет Д. Фоллесдаль, «человек может действовать, т. е. учитывая наличие различных возможных вариантов развития событий, способствовать осуществлению одного из них» [Фоллесдаль 1986: 145], ср. также [Хилпинен 1986: 308; Столнейкер 1985: 428]. Осуществление выбора предполагает, в свою очередь, ценностное сравнение возможных альтернатив:

При этом мы исходим из наших представлений, касающихся вероятности различных последствий возможных действий, а также из той значимости, которую мы приписываем каждому из этих последствий. Умножая вероятность на значимость и суммируя результаты, человек вычисляет эффект каждой альтернативы и выбирает альтернативу с наибольшей ожидаемой полезностью [Фоллесдаль 1986: 146];

ср. также описание механизма ценностного сравнения в [Арутюнова 1983а].

Описанная здесь оценка по последствиям («хорошо то, что влечет за собой хорошее», ср. понятие рационалистической оценки в [Арутюнова 1984]) не является универсальной; возможна также непосредственная оценка, которая тоже может служить основанием выбора (ср. противопоставление «добра как средства» и «добра как цели» у Дж. Мура [Мур 1984: 80]). Различие между этими двумя типами оценок, в частности, заключается в том, что оценка по последствиям может оказаться ошибочной — если ожидаемые последствия не наступили; а непосредственная оценка абсолютна, она не может быть опровергнута (см. подробнее [Зализняк 2006: 513—517]).

2.3. ВСЕ МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ...

Введем следующие обозначения: X — субъект сожаления; P — положение дел, соответствующее объекту при предикате со значением ‘сожалеть’. Значение ‘сожалеть 1’ можно теперь описать как состоящее из следующих компонентов:

‘сожалеть 1 (X, P)’=

- (a) X находится в точке настоящего момента t_0 в действительном мире W_0 ;
- (b) P входит в линию развития событий, проходящую через W_0 , т. е. либо P принадлежит W_0 , либо P принадлежит W_p , а P' принадлежит W_0 ($t_1 < t_0$);
- (c) X считает (ощущает): P плохо; отсутствие P хорошо;
- (d) X представляет себе возможный мир W_0' , не включающий P ;
- (e) X представляет себя находящимся в некоторой временной точке t_h ($t_h < t_1 < t_0$), относительно которой мир W_0 является реально возможным;
- (f) [если P контролируемо для X -а]: представляя себя находящимся в точке t , X представляет себя имеющим намерение не делать P' .

Обратим внимание, что предлагаемое описание отличается от толкования в обычном смысле слова в том отношении, что в его левой части находится не языковое выражение, а тоже запись на семантическом языке — экспликацию содержания которого представляет собой правая часть. Представленное таким образом значение могут иметь различные единицы русского языка; например, для ‘сожалеть 1’ это *сожалеть*, *жалеть*, *жаль*, *жалко*, *сожаление*, а также слова других языков. Такой подход позволяет выявить наиболее существенные смысловые противопоставления, формирующие структуру значения, выражаемого словообразовательным гнездом, а также произвести некоторые межъязыковые сопоставления (в частности, оказывается, что русское

созалеть объединяется с франц. *regretter* и противопоставлено его англ. *to regret*, не имеющему второго значения); естественно, дальнейшая спецификация значений должна производиться методом обычных толкований, отдельно для каждого слова¹⁴:

Компонент (а) тривиален; он, однако, содержит ту существенную информацию, что мы рассматриваем случай, когда состояние сожаления приурочено к настоящему моменту (т. е. глагол со значением ‘созалеть I’ в толкуемом предложении стоит в наст. времени); для прочих случаев требуется определенный пересчет.

В компонент (b) входит смысл, который обычно называют фактивностью, — презумпция истинности подчиненной пропозиции (‘Р имеет место к моменту t_0 ’). Однако помимо фактивности, в (b) присутствует еще один смысл: если Р имело место в некоторый момент в прошлом, то в настоящем имеет место последствие Р — ситуация Р’ (оно может быть указано в том же предложении или в контексте, ср. пример (6), где Р’ — ‘ты умеешь говорить по-китайски’). Говоря неформально, это означает, что ситуация Р в значении ‘созалеть I’ — это, так или иначе, ситуация, определяющая облик действительного мира; если Р относится к прошлому, то это такое прошлое, которое есть. Независимо от того, как давно произошло событие Р, мы сожалеем о нем только в том случае, если мы считаем, что Р повлияло на дальнейший ход развития событий, т. е. на то, что положение вещей в настоящий момент оказалось таким, какое оно есть.

Помимо события в прошлом, ситуация Р может быть также состоянием, имеющим место вплоть до настоящего момента — тогда Р принадлежит всем мирам от некоторого W_i до W_0 , ср. пример (15). Частный случай состояния в настоящем — намерение совершить нечто в будущем (ср. [Levinson 1983: 180]) — как в примере (16).

(15) *Жаль*, что ты с ним незнаком;

(16) *Жаль*, что ты уезжаешь; *Жаль*, что ты не будешь поступать в Полиграфический институт.

В (16) ситуация Р также входит в линию развития событий, проходящую через W_0 , но только в ту ее часть, которую мы мысленно достраиваем через точку в t_0 будущее.

Таким образом оказывается, что ситуация Р в значении ‘созалеть I’ — это не то, что было, а то, что есть.

Далее. Компонент (с) — оценочный: ‘было бы лучше, если бы Р не было’. Этот компонент является ассертивным; именно он взаимодействует с отрицанием (ср.: *Я не жалею, что сделал это* ≈ ‘не считаю, что лучше было бы не делать’; см. также пример (7)). В зависимости от конкретной семантики предложения оценочный компонент может выступать в форме ‘...Р плохо’, ‘...отсутствие Р хорошо’ или ‘...отсутствие Р лучше, чем Р’ (т. е. оценка в ‘созалеть I’ может быть сравнительной; в этом случае она обладает свойствами сравнительной оценки, описанными в [Арутюнова 1983а]). Использование предикатов ‘считать’ и ‘ощущать’ в записи оценочного компонента есть способ отразить тот факт, что оценка в ‘созалеть I’ может быть как рационалистической (т. е. оценкой по последствиям, которая является частным случаем мнения), так и непосредственной (которая представляет собой ощущение);

¹⁴ Для превращения приводимого описания в толкование необходимо, кроме того, ввести рамочный компонент ‘Х чувствует то, что обычно чувствует человек, когда...’, см. [Wierzbicka 1972] и [Иорданская 1970].

при этом в конкретных употреблениях обе оценки могут присутствовать одновременно¹⁵. Такой способ описания позволяет отразить один из аспектов вариативности смыслов в пределах 'сожалеть 1', а именно, то обстоятельство, что внутреннее состояние, с которым соотносится 'сожалеть 1', охватывает довольно широкий диапазон — от эмоционального переживания до мнения — включая все промежуточные возможности, т. е. состояния, содержащие элементы того и другого); преобладание непосредственной оценки соответствует состоянию преимущественно эмоциональному, преобладание рационалистической — преимущественно ментальному¹⁶.

В компонентах (d), (e), (f) мы используем выражения «X представляет себе (себя)...» — ср. семантический примитив *imagine* в [Wierzbicka 1972]. Компонент (d) является факультативным, и отражает тот «предельный» случай наиболее острого переживания сожаления, когда сожалеющий субъект отчетливо (зрительно) представляет себе альтернативную к реальной линию развития событий, и этот образ присутствует в его сознании в момент t_0 . Компонент (e) означает, что, возвратившись мысленно в прошлое (а именно, в ту точку, когда ситуация не-Р еще была возможна) человек представляет себе картину последующего, относительно этой точки в прошлом, развития событий так, как если бы линия действительного мира еще не была прочерчена. Ср. в этой связи рассуждение Б. А. Успенского:

...настоящее может мыслиться по аналогии с будущим, т. е. опыт восприятия будущего вторичным образом может прилагаться к настоящему. Подобно тому, как можно моделировать (предугадывать) будущее, исходя из настоящего и основываясь при этом на причинно-следственных связях, мы можем условно моделировать и настоящее, исходя из прошлого, — обсуждая несбывшиеся возможности (т. е. задаваясь вопросом: что случилось бы, если бы прошлое сложилось тем или иным образом? Как те или иные события, в принципе возможные в прошлом, могли бы отразиться на настоящем?). При этом мы отвлекаемся от того, что на самом деле настоящее уже реализовалось в какой-то определенной форме и обсуждаем, таким образом, не реальное, а потенциально возможное (с точки зрения прошлого) настоящее. Принимая перспективу прошлого, мы трактуем настоящее как будущее, которого еще не существует (с точки зрения этого прошлого) и относительно которого мы можем строить различные предположения [Успенский 1994а: 40].

Введя компонент (f), мы хотели отметить тот важный частный случай внутри значения 'сожалеть 1', когда Р является намеренным действием субъекта Х (см. об этом подробнее [Зализняк 2006: 567—576]). Это значит, что человек в некоторый момент в прошлом, находясь перед выбором между Р и не Р, выбрал Р, а сейчас (в момент t_0) пришел к выводу, что выбор был сделан неправильно (*жалею, что Р*). Наоборот, когда человек говорит *не жалею*, это значит, что если бы можно было «вернуться в прошлое», то он сделал бы тот же самый выбор.

Значение 'сожалеть 1' выражается в русском языке всеми рассматриваемыми единицами; при этом глаголы *жалеть* и *сожалеть* обозначают более «сильный» вариант сожаления (= 'я хотел бы, чтобы было не-Р'), а предикативы *жаль* и *жалко* могут нести и более слабый смысл ('не Р хорошо'). Это различие особенно явно в контексте подчиненной пропозиции, обозначающей контролируруемую ситуацию. Ср. (17) и (18):

¹⁵ О типах оценки в семантическом представлении предикатов внутреннего состояния см. [Зализняк 1992: 58—62].

¹⁶ Именно эти два «полууса», по-видимому, имеет в виду Лейбниц, говоря о двух смыслах слова *poenitentia*, а именно: *dolor de commisso errore seu peccato* («страдание из-за совершенной ошибки или греха») — и: *animus resipiscendi qui potest esse sine dolore* («ощущение перемены мнения, которое может и не сопровождаться страданием») [Leibniz 1975: 64].

(17) Я *жалею*, что не поехал с вами;

(18) *Жалко*, что я не поехал с вами.

В (17) человек признает, что совершил ошибку — если бы можно было «вернуться назад», он принял бы другое решение; между тем в (18) такого сильного утверждения не содержится: человек лишь признает некоторые положительные стороны у альтернативного решения, — наличие которых, однако, вовсе не обязательно означает, что оно в целом представляется ему лучше того, которое было принято и осуществлено.

Рассмотрим теперь значение ‘сожалеть 2’ (см. выше примеры (10—14)).

‘сожалеть 2 (X, P)’ =

- (a) X находится в точке настоящего момента t_0 в действительном мире W_0 ;
- (b) P принадлежит всем мирам от W_h до W_i , входящим в действительную линию развития событий ($t_h < t_i < t_0$); ни P, ни P’ не принадлежит W_0 ;
- (c) Образ P присутствует в сознании X-а в момент t_0 ;
- (d) X ощущает: P хорошо, отсутствие P плохо;
- (e) X представляет себе возможный мир W_0' , включающий P’.

В значении ‘сожалеть 2’ Компонент (a) совпадает с (a) в ‘сожалеть 1’ и выполняет ту же функцию. Оценочный компонент (d) представлен здесь в форме ‘X ощущает...’ — это значит, что оценка в ‘сожалеть 2’ может быть только непосредственной (см. выше). Компонент (b) характеризует P как положение дел, имевшее место в течение некоторого периода времени в прошлом, т. е. P принадлежит прошлому, причем такому прошлому, которого нет. Положение дел P здесь входит в «тупиковую» линию развития событий. И именно как то, чего нет, P существует в воспоминании X-а (что отражено в компоненте (c)). Можно сказать, что воспоминание — это семантическая доминанта значения ‘сожалеть 2’, ср.:

- (19) Ни о чем не *жалеть* — это значит уйти, зачеркнув навсегда / Все, что было с тобой, значит *память* убить / И убить свою жизнь за годами года (Е. Клячкин).

Вспомним в этой связи определение сожаления, принадлежащее Декарту, а также наш пример (14), где предложение с *помню* является фактически перифразой предложения с *жалеть*.

Интересный опыт разработки семантики ‘сожаления 2’ содержится в следующем фрагменте из повести Г. Газданова «Вечер у Клэр»:

- (20) И, может быть, то, что я всегда недолго *жалел* о людях и странах, которые покидал, — может быть, это чувство лишь кратковременного *сожаления* было таким призрачным потому, что все, что я видел и любил, — солдаты, офицеры, женщины, снег и война, — все это уже никогда не оставит меня — до тех пор, пока не наступит время моего последнего, смертельного путешествия, медленного падения в черную глубину, в миллион раз более длительного, чем мое земное существование, такого долгого, что, пока я буду падать, я буду забывать это все, что видел, и помнил, и чувствовал, и любил; и, когда я забуду все, что я любил, тогда я умру.

‘Сожаление 2’ — это переживание безвозвратной утраты чего-то прекрасного. При том специфическом типе реакции на мир, который здесь описан — когда все бывшее с человеком как бы продолжает с ним быть — не остается места сожалению этого типа.

Значение ‘сожалеть 2’ выражается в русском языке словами *жаль*, *сожаление*, реже *сожалеть*, *жалеть*.

Теперь можно сформулировать общее значение *сожаления*.

Некоторое положение дел, не существующее в действительном мире, но которое МОГЛО БЫ в нем существовать, представляется человеку как ЛУЧШЕЕ по сравнению с тем, которое существует.

Расхождение между двумя рассмотренными частными значениями обусловлено тем, что в них в качестве ситуации Р, соответствующей пропозициональному актанту предиката, выбираются противоположные термины сравнения: в ‘сожалеть 1’ это положение дел, существующее в действительном мире, которое имеет знак «минус» (например, *совершенная ошибка*), а в ‘сожалеть 2’ это, наоборот, несуществующее в действительном мире положение дел, имеющее знак «плюс» (например, *счастливые годы юности*). Противоположность ценностного соотношения Р и не-Р в значениях ‘сожалеть 1’ и ‘сожалеть 2’, с которой мы начали, объясняется тем, что для семантики ‘сожалеть’ релевантно не сравнение Р и не-Р, (т. е. ситуации, соответствующей пропозициональному актанту предиката сожаления, и ее отсутствия), а сравнение положения вещей, имеющего место в настоящий момент, т. е. некоторой ситуации действительного мира, с альтернативной к ней ситуацией, не имеющей места в настоящий момент, т. е. относящейся к одному из возможных миров (в ‘сожалеть 1’ это неосуществившаяся ситуация, в ‘сожалеть 2’ — относящаяся к прошлому). Другими словами, в первом случае мы сожалеем о том, что есть и что плохо, а во втором — о том, чего нет и что хорошо. Очевидно, что это — два разных способа реализации одной и той же концептуальной схемы. Тем самым предлагаемая модель семантики сожаления позволяет не только обнаружить генетическую связь между значениями ‘сожалеть 1’ и ‘сожалеть 2’, но и объяснить возможность их совмещения в пределах одного употребления, о которой пойдет речь ниже.

Рассмотрим случай, когда некоторое положение дел А, воспринимаемое субъектом Х как хорошее, имело место в течение некоторого периода времени и в какой-то момент прекратилось. Эта ситуация может быть осмыслена двумя способами и, соответственно, быть объектом обоих сожалений. А именно, если в качестве Р (пропозиционального актанта предиката сожаления) выступает само положение дел А, то мы имеем дело со значением ‘сожалеть 2’ (Р — то, чего нет); если же Р — событие, состоящее в том, что А перестало иметь место, то возникает значение ‘сожалеть 1’ (Р — то, что есть). Рассмотрим следующую фразу из романа Мопассана «Милый друг», где в первом предложении представлено значение ‘сожалеть 1’, а во втором — ‘сожалеть 2’:

- (21) Certes, il les *regrettait*, ses deux années de désert. *Quel dommage* de n’être pas resté la-bas. «Да, он с *сожалением* вспоминал эти два года, проведенные в пустыне. Как *жаль*, что он не остался там».

Здесь видно, что ‘сожалеть 2’ (*regretter*) в первом предложении и ‘сожалеть 1’ (*quel dommage*) во втором — это две составляющие одного и того же чувства. В данном случае они выражены двумя разными языковыми единицами. Но эти две составляющие сожаления могут соединяться, выражаясь одним и тем же словом (см. раздел II.2.7.1).

Возникающее таким образом метонимическое отношение между двумя рассматриваемыми типами сожаления и обеспечивает возможность трансформации предложения с ‘сожалеть 2’ в предложение ‘сожалеть 1’ — путем восстановления предиката со значением ‘перестать иметь место’, ср.: (22) и (22’):

(22) Он *сожалеет* о своей молодости;

(22’) Он *сожалеет*, что молодость прошла.

Обратный переход возможен, естественно, только в том случае реализации значения ‘сожалеть 1’, когда Р имеет вид ‘А перестало иметь место’. Ср. следующий пример:

(23) Скажи, мой друг, ты не *жалеешь* о том, что бросил навсегда? (Пушкин).

Здесь реализуется значение ‘сожалеть 2’: ситуация Р здесь ‘то (= тот образ жизни), что ты бросил навсегда’; в пропозициональное содержание вопроса входит смысл «Р хорошо». Фраза (23) может быть перифразирована как:

(23’) ...ты не *жалеешь* о своей прежней жизни?

При этом достаточно очень незначительной трансформации этого предложения, чтобы глагол *жалеть* выражал значение ‘сожалеть 1’, ср.:

(23’’) ...ты не *жалеешь* о том, что бросил навсегда свою прежнюю жизнь?

Здесь Р = ‘тот факт, что бросил’; сам вопрос может быть иначе передан как «Не считаешь ли, что Р плохо?».

Очевидно, однако, что предложения (23) и (23’’) имеют разный смысл — также как (22) и (22’), т. е. ‘сожалеть 2’ все же не сводимо к ‘сожалеть 1’. Причин этому можно указать по крайней мере две. Первая в конечном счете сводится к отсутствию в ‘сожалеть 2’ компонента, аналогичного (е) в ‘сожалеть 1’, что на неформальном уровне означает, что состояние, соответствующее ‘сожалеть 2’, в большей степени ориентировано на саму положительную альтернативу, а соответствующее ‘сожалеть 1’ — на возможность ее реализации (если мыслимая альтернатива к существующему положению вещей ни в какой момент не была реальна, то сожаление, вообще говоря, неуместно). Второе различие касается семантики пропозитивного объекта: оно состоит в том, что в ‘сожалеть 2’ Р представляет собой процесс, а в ‘сожалеть 1’ — факт (в смысле работы [Арутюнова 1985])¹⁷.

Подробнее о совмещении значений ‘сожалеть 1’ и ‘сожалеть 2’ см. раздел II.2.7.1.

2.4. ЖАЛКО РАССТАВАТЬСЯ

До сих пор речь шла о двух типах сожаления, которые были обозначены как ‘сожалеть 1’ и ‘сожалеть 2’ — и указано, какими языковыми средствами может выражаться каждый из них. Рассмотрим теперь семантику сожаления «в обратном направлении», т. е. от формы к смыслу.

¹⁷ В частности, подчиненная пропозиция при предикате со значением ‘сожалеть 2’ не может быть оформлена неполной номинализацией, в ее состав не может входить отрицание; в случае ‘сожалеть 1’ подобные запреты отсутствуют.

Поскольку до сих пор отправной точкой анализа были глагол *сожалеть* и существительное *сожаление*, за пределами нашего внимания остались те значения, которые характерны прежде всего для слов *жалко*, *жаль* и *жалеть*. Речь идет об употреблении этих трех слов в конструкции с зависимым инфинитивом и с дополнением в родительном и в винительном падежах. Все девять комбинаций возможны (*жалко расставаться*, *жалко времени*, *жалко птичку* и т. д.) — кроме одной, допустимой лишь в разговорном языке, а именно, *жалеть* <+ инф.>:

(24) *Пожалел* выбрасывать.

Предложение (24) является, очевидно, производным от конструкции (25), которая и будет нас здесь интересовать в первую очередь.

(25) *Жалко* расставаться (отсюда уезжать, выбрасывать коробку).

Значение, выражаемое предикативом *жалко* в конструкции с инфинитивом, мы будем называть ‘жалко’¹⁸. Оно может быть эксплицировано следующим образом (ситуацию Р представляет глагол в инфинитиве; ситуация Q — положение дел в настоящий момент):

‘жалко (X, Р)’ =

- ‘(a) Р принадлежит миру W_p , ($t_j > t_0$), но при этом t_j незначительно отстоит от t_0 ;
- (b) Q принадлежит всем мирам от W_h до W_0 включительно ($t_h < t_0$), входящим в действительную линию развития событий;
- (c) Точка t_0 (в которой находится X) является развилкой между той линией развития событий, которая включает Р, и той, которая не включает Р;
- (d) Р контролируемо для X-а;
- (e) X считает более вероятной осуществление той линии развития событий, которая включает Р;
- (f) в момент t_0 X ощущает: Q хорошо’.

Поскольку «развилка» (между сделать Р и не сделать Р) еще не пройдена, в принципе оба варианта развития событий еще возможны. Соответственно, предложения типа (20) могут иметь два продолжения: *Жалко отсюда уезжать: пожалуй, останись еще на денек* и: *Жалко отсюда уезжать, но ничего не поделаешь, надо ехать*. При этом линия развития событий, включающая Р, имеет то преимущество, что она принадлежит «нормальному ходу вещей».

Помимо слов *жаль*, *жалко* и *жалеть*, значение ‘жалко’ может быть выражено также существительным *сожаление*, например:

- (26) Он их искал без упоенья,
А оставлял без сожаленья,
Чуть помня их любовь и злость (Пушкин).

В конструкции с инфинитивом ситуация Р может быть только определенного типа: прекращение некоторого предшествующего состояния (Q), оцениваемого положительно; другими словами, положительную альтернативу к Р составляет не просто отсутствие Р, а продолжение Q. Так, можно сказать *жалко уезжать, расставаться, отдавать*, но нельзя **жалко приезжать, встречаться, брать*, где глагол не обозна-

¹⁸ Значение, соответствующее чувству жалости (*жалко бездомную собаку*), обозначается ‘жалость’; оно рассматривается в разделе II.2.7.2.

чает прекращения состояния; нельзя сказать **жалко избавляться*, где глагол обозначает прекращение состояния, оцениваемого отрицательно. С другой стороны, можно сказать *жалко мять траву, пачкать скатерть*, но нельзя (если только соответствующее действие не переосмыслится как приводящее к ухудшению предмета) **жалко гладить рубашку, мыть пол*. Другими словами, *жалко* <нечто делать> всегда включает в себя смысл 'жалко расставаться'¹⁹.

Если теперь сравнить значение 'жалко' с 'сожалеть 1' и 'сожалеть 2', то мы увидим, что оно включает элементы и того и другого; принципиально новым здесь является лишь то обстоятельство, что возможность альтернативного хода развития событий, составляющая, как мы пытались показать, конституирующую идею семантики сожаления, здесь является реальной.

Все три значения связаны между собой таким образом, что в пределах одной и той же линии развития событий человек может сначала испытывать чувство 'жалко' — по отношению к возможности прекращения некоторой ситуации (*Жалко отсюда уезжать*); затем, когда эта возможность реализовалась, т. е. ситуация перестала иметь место в результате поступка субъекта (в данном случае, отъезда) создаются условия для того, чтобы испытывать 'сожаление 1' — по поводу этого поступка (*Я жалею, что уехал из Франции*); одновременно, или, возможно, по прошествии некоторого времени, — также и для 'сожаления 2' — о том положении дел, которому этот поступок положил конец (*Сожаление о годах, прожитых во Франции*).

Рассмотрим теперь конструкцию с родительным падежом:

(27) Мне *жалко* времени на эту работу.

Здесь тоже выражено значение 'жалко', однако, в отличие от конструкции с инфинитивом, ситуация Р не названа, а ситуация Q — обладание какой-то ценностью — обозначена именем в генитиве (в данном случае, это *время*); соответственно, прекращение Q — результат расходования этой ценности. Действие, уничтожающее Q, не названо — хотя оно может быть восстановлено, ср.: *Жалко времени* и *Жалко тратить время*. Обратим внимание на то, что соотношение между двумя вариантами значения 'жалко' (с дополнением в инфинитиве и с именем в родит. падеже) аналогично соотношению значений 'сожалеть 1' и 'сожалеть 2' в том смысле, что и там, и там в одном случае языковое выражение получает положительная, а в другом — отрицательная альтернатива, в одном — наличие, в другом — отсутствие некоторой ситуации.

При употреблении генитивной конструкции в прош. времени сов. вида (т. е. в формах *пожалел* или *стало жалко*) точка выбора смещается в прошлое, оставаясь синхронной состоянию сожаления. При этом акциональный компонент становится главным и, кроме того, возникает смысл, что выбор был сделан согласно чувству, отраженному в компоненте (f), — и, тем самым, вопреки тому «нормальному ходу вещей», представление о котором отражено в компоненте (e):

¹⁹ Ср. выражение *жалко спать* в следующем диалоге: *Ты, наверное, очень хочешь спать, — сказала Кира шепотом. — Ты спи. — Нет-нет, рассказывай, я слушаю. — Ты все время засыпаешь. — Я все равно слушаю. Я, правда, очень устал, но еще больше я соскучился по тебе. Мне жалко спать. Ты рассказывай, мне очень интересно* (А. и Б. Стругацкие, «Трудно быть богом»). Такое употребление находится на грани нормы, однако хорошо вписывается в изложенную схему: *жалко спать* означает, примерно, 'жалко тратить на сон время, которое можно потратить на общение'.

(28) *пожалел* денег (времени, сахару и т. д.) → ‘не потратил (потому что не хотелось расставаться)²⁰’.

Рядом с генитивной у слова *жалко* имеется аккузативная конструкция, отличие которой от генитивной иногда едва заметно, ср.: *жалко воды* и *жалко воду*, *жалко ста рублей* и *жалко сто рублей*. Аккузативная конструкция бывает двоякого происхождения: это может быть результат эллипсиса (как в приведенных примерах: из *жалко <тратить> воду, сто рублей* и т. д.), и тогда она почти синонимична генитивной. С другой стороны, аккузативная конструкция при *жалко* может выражать — в контексте одушевленного имени — не значение ‘жалко’, а значение ‘жалость’: *жалко собаку, сироту*. В этом случае аккузативная и генитивная конструкция оказываются отчетливо противопоставлены, см. раздел II.2.7.2.

2.5. СОЖАЛЕНИЕ И РАСКАЯНИЕ

Смысл ‘раскаиваться’ (примеры (29), (30)) ближе всего к тому варианту ‘сожалеть 1’, где речь идет о контролируемых действиях субъекта: в обоих случаях центральной является идея ошибочности выбора. Однако между смыслами ‘раскаиваться’ и ‘сожалеть 1’ имеются весьма существенные различия. Это два разных внутренних состояния, которые по-русски обозначаются, соответственно, как *сожаление* и *раскаяние* или при помощи глаголов, соответственно, *сожалеть* и *раскаиваться*. Глагол *раскаиваться* может иметь и «ослабленное» (устаревшее) употребление, при котором он оказывается синонимичен глаголу *сожалеть*, ср. пример (31).

(29) Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и *раскаявшись*, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную (Матф. XXVII, 3—4);

(30) Я убил / Супруга твоего; и не *жалею* о том — и нет *раскаянья* во мне (Пушкин);

(31) В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том *раскаиваться* (Пушкин).

Существительное *раскаяние* в современном языке в значении ‘сожалеть 1’ не употребляется; пример (32) представляется устаревшим:

(32) Это было раздражение внутреннее, имевшее для нее основанием уменьшение его любви, для него — *раскаяние* в том, что он поставил себя ради ее в тяжелое положение, которое она, вместо того чтоб облегчить, делает еще более тяжелым (Л. Толстой. Анна Каренина).

Различие между *раскаянием* и *сожалением* состоит — помимо того, что *раскаиваться* можно только в намеренно совершенном поступке, — в том, что ‘раскаиваться’ содержит э т и ч е с к у ю оценку собственного поступка. Кроме того, оценка здесь всегда непосредственная (в отличие от *сожаления*, где возможна оценка по последствиям). Это обстоятельство порождает, в частности, несочетаемость соответствующего глагола с дополнением, включающим этическую оценку противоположного

²⁰ Аналогичный сдвиг — переход имплицативного акционального компонента в ассерцию — характерен и для других глаголов внутреннего состояния с приставкой *по-*, ср.: *боится* (*стесняется, стыдится, ленился*) *рассказать*, где компонент ‘(пока еще) не рассказал’ имеет имплицативный статус, и *побоялся* (*постеснялся, постыдился, поленился*) *рассказать*, где этот компонент находится в ассерции, см. [Зализняк 1988б].

знака (т. е. положительную); так, нельзя сказать *Я раскаиваюсь в своем благородном поступке* — при том, что можно сказать *Я сожалею о своем благородном поступке* — например, если обнаружились какие-то его непредвиденные нежелательные последствия). «Настоящее» раскаяние, т. е. чувство раскаяния обозначается либо соответствующим существительным без дополнения, либо глаголом в абсолютном употреблении (см. примеры (26—27)); конструкция *раскаиваться в чем-то* двусмысленна; в контексте придаточного с *что* глагол *раскаиваться*, согласно общему правилу (см. [Зализняк 2006: 447—456]) выражает более «рациональное» значение — а именно, ‘сожалеть 1’.

2.6. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В заключение сказанного о сожалении приведем таблицу, где для всех обсуждавшихся русских слов указано, какие из выделяемых нами значений и в каких синтаксических конструкциях оно может выражать (естественно, реальная картина оказывается отображена в несколько огрубленном виде). Прочерк обозначает отсутствие у данного слова данной синтаксической конструкции. Скобки указывают на то, что выражение данного смысла данной формой является редким или контекстно ограниченным. Нахождение двух и более разных символов в одной клетке таблицы отражает потенциальную многозначность данной единицы. В таблицу не включено существительное *сожаление*, так как оно часто употребляется без зависимых членов; в принципе это слово может выражать все значения поля сожаления: ‘сожалеть 1’ (*сожаления об ошибках*), ‘сожалеть 2’ (*сожаления о счастливой молодости*), ‘жалко’ (*покидал без сожаленья*), ‘жалость’ (*Он скорее сожаления достоин, чем насмешки*; о значении ‘жалость’ см. подробнее раздел II.2.7.2), а также существительное *раскаяние*, имеющее единственное значение ‘раскаиваться’.

	(о том) что + предложение	о + сущ. в предл. п.	инф.	сущ. в род. п.	сущ. в вин. п.
<i>сожалеть</i>	‘сожалеть 1’ [1]	‘сожалеть 1’ ‘сожалеть 2’ [2]	—	—	—
<i>жалеть</i> <i>пожалеть</i>	сожалеть 1 [3]	‘сожалеть 1’ ‘сожалеть 2’ [4]	(‘жалко’) [5]	‘жалко’ [6]	‘жалость’ [7]
<i>жалко</i>	‘сожалеть 1’ [8]	—	‘жалко’ [9]	‘сожалеть 1’ ‘жалко’ [10]	‘жалость’ [11]
<i>жаль</i>	‘сожалеть 1’ [12]	—	‘жалко’ [13]	‘сожалеть 1’ ‘сожалеть 2’ [14]	‘жалость’ [15]
<i>раскаиваться</i> ²¹	‘сожалеть 1’ [16]	‘сожалеть 1’ ‘раскаиваться’ [17]	—	—	—

²¹ В обоих случаях — с предлогом *в* (вместо *о*).

Ниже для каждой непустой клетки таблицы приводятся примеры (номер в квадратных скобках соответствует номеру клетки таблицы); кроме того, делается отсылка (номер в круглых скобках) к соответствующим примерам из всего раздела II.2.

- [1] Я *сожалею, что* отказался; (8), (9).
- [2] ‘сожалеть 1’: *Сожалею о своем отказе*; В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу однако ж, чтоб я о нем и *сожалел* (Пушкин. Капитанская дочка); (1).
‘сожалеть 2’: (2); см. также (64).
- [3] Я *жалелю/пожалел, что* отказался; (6), (7).
- [4] ‘сожалеть 1’: Впоследствии он *жалел/пожалел об этом своем решении*.
‘сожалеть 2’: Он *жалел о счастливых годах*, проведенных во Франции; Первое время деревенская жизнь нравилась Эмме, но довольно скоро она ей *наскучила*, и Эмма *пожалела о монастыре* (Г. Флобер, «Госпожа Бовари»; перевод мой. — А. З.); На какой-то миг ты *пожалел о предусмотрительно убранной плевательнице* (Р. Киреев).
- [5] разг. *Пожалела выбрасывать* коробку; многократн.: Она всегда *жалает выбрасывать* коробки.
- [6] *Жалает/пожалел денег* на такси.
- [7] *Жалает бездомных собак/пожалел собаку*.
- [8] *Жалко, что* ты вчера не пришел.
- [9] *Жалко* отсюда *уезжать*.
- [10] ‘сожалеть 1’: *Жалко потраченного времени*.
‘жалко’: *Жалко времени* (на эту работу).
- [11] *Жалко собаку*.
- [12] *Жаль, что* вас не было с нами.
- [13] *Жаль* отсюда *уезжать*.
- [14] ‘сожалеть 1’: *Жаль потраченного времени*.
‘сожалеть 2’: *Жаль счастливой поры юности*.
- [15] *Жаль собаку*.
- [16] Согласился ехать, а теперь *в этом раскаиваюсь*; (31).
- [17] ‘сожалеть 1’: *Раскаиваюсь, что* согласился;
‘раскаиваться’: *Раскаиваюсь в своем поступке*.

На этом возможности «дискретного» подхода к описанию семантики сожаления можно считать исчерпанными. Однако, как оказывается, несмотря на тщательность и подробность проведенного анализа, остается много необъясненных фактов.

2.7. POSTSCRIPTUM

2.7.1. Еще раз о совмещении значений

Как уже говорилось, одним из итогов развития семантической теории за последние 20 лет является осознание ограниченности дискретного подхода к описанию многозначности. И надо сказать, что именно семантика сожаления демонстрирует эту ограниченность необычайно ярко. Рассмотрим следующий пример:

- (33) Но — может быть, ты будешь *сожалеть* / Об участии, отвергнутой тобой (Пушкин. Борис Годунов).

Эти слова Лжедмитрия, обращенные к Марине Мнишек, звучат вполне современно. Между тем эта фраза не может быть отнесена ни к одному из названных значений (но и никакого дополнительного значения здесь тоже, очевидно, усмотреть нельзя). Действительно, если вдуматься, сожаление об отвергнутой участи совмещает в себе «сожаление о сделанной ошибке» ('сожалею, что отверг', т. е. 'сожалеть 1') и «сожаление о счастливой молодости» ('представляя себе отвергнутую участь, думаю: она хороша', т. е. значение, близкое к 'сожалеть 2'), не выражая при этом в буквальном смысле ни того ни другого значения. По-видимому, точнее всего было бы сказать, что фраза (33) выражает непосредственно общее значение сожаления: *то чего нет, но что могло бы быть, лучше, чем то, что есть* (см. раздел II.2.3).

При этом, как показывает анализ большого корпуса примеров, употреблений типа (33) — т. е. выражающих, так или иначе, значения 'сожалеть 1' и 'сожалеть 2' синкретично — в реальности оказывается весьма значительная часть. Так, в примере (34) формально выражено значение 'сожалеть 1' (утрата — это плохо), но очевидно, что описываемое здесь чувство питается грустью о прекрасном утраченном (что соответствует значению 'сожалеть 2').

(34) На пасмурном моем закате, / Среди пустынной темноты, / Так *сожалел* я об утрате / Обманов милья мечты (Пушкин).

Ср. также:

(35) На третий день он крепко заснул после завтрака и, проснувшись, вдруг взглянул на все свое жалкое и постыдное поведение трезво и твердо. Он потребовал к себе в комнату чаю и стал убирать из гардероба вещи в чемоданы, стараясь больше не думать о ней и не *жалеть* о своей бессмысленной, испорченной поездке (Бунин. Генрих).

В (35), очевидно, одновременно выражено 'сожаление 1' — о том, что поехал (так как поездка оказалась бессмысленной, испорченной), — но также и 'сожаление 2', т. е. мысль о несостоявшейся положительной альтернативе (о том, какой могла бы быть эта поездка — ср. *отвергнутую участь* в примере (33)).

В связи с проблемой совмещения значений интересен также следующий пример:

(36) И как я (i) *грустил о богатствах, которых у меня не было*, так раньше я (ii) *жалел о Клэр, принадлежавшей другим*; и так же теперь, лежа на ее кровати, в ее квартире в Париже, в светло-синих облаках ее комнаты, которые я до этого вечера считал бы несбыточными и несуществующими, [...] (iii) так же теперь я *жалел о том, что* я уже не могу больше мечтать о Клэр, как я мечтал всегда; и что пройдет еще много времени, пока я создам себе иной ее образ и он опять станет в ином смысле столь же недостижимым для меня, сколь недостижимым было до сих пор это тело, эти волосы, эти светло-синие облака (Г. Газданов. Вечер у Клэр).

Структура этого текста такова, что фрагменты (i), (ii) и (iii) воспроизводят один и тот же смысл, в общем виде сформулированный в (i): *грустил о богатствах, которых у меня не было* — что, очевидно, очень близко к общей формуле сожаления. Приглядимся теперь внимательнее к двум «реализациям» этой формулы, соответствующим фрагментам (ii) и (iii): хотя и оба они находятся строго в рамках нормы употребления глагола *жалеть*, ни тот, ни другой не могут быть с определенностью подведены под одно из выделенных в предыдущих разделах частных значений. Так, (ii) можно было бы отнести к значению 'сожалеть 1' — но лишь при условии, если пренебречь разницей между буквально сказанным *жалел о Клэр, принадлежавшей другим* и фразой *...жалел о том, что Клэр принадлежит другим* (а разница здесь весьма

существенна, см. ниже). Фрагмент (iii) формально выражает значение ‘сожалеть 1’, но включает, очевидно, одновременно и значение ‘сожалеть 2’, объектом которого является «утраченное прекрасное». Ср. также (37):

- (37) Писатель *жалел о многом*, чего он не мог сделать в своей жизни, — *о том, что* «плечи были широки, а ноша-то оказалась велика» (Е. Папкова. Предисловие к Дневникам Вс. Иванова).

При переходе от именного дополнения с предлогом *о* к изъяснительному придаточному (ср.: *сожалеть об отвергнутой участи* — *о том, что отверг участь; сожалеть об испорченной поездке* — *о том, что поездка испорчена* и т. п.) происходит перенос фокуса внимания с объекта на факт, что сопровождается определенным сдвигом в семантике глагола, общим для всех глаголов такого типа (см. подробнее [Арутюнова 1998: 441—452; Wierzbicka 1988: 132; Зализняк 2006: 447—455]). Ср. (38) и (38’):

- (38) Но я-то знала — как он [Пастернак] *жалеет о потерянных письмах* Цветаевой (О. Ивинская);
 (38’) Он *жалеет о том, что* письма были потеряны.

В первом предложении *утраченные письма* служат объектом чувства; во втором — факт их утраты является объектом оценки.

Одновременное выражение двух значений ‘сожалеть 1’ и ‘сожалеть 2’ во французском глаголе *regretter* может быть проиллюстрировано следующим примером из Ронсара:

- (39) Vous serez au foyer une vieille accroupie *regrettant mon amour et votre fier dédain* «Вы будете согбенной старухой сожалеть о моей любви и своем надменном отказе».

Здесь глагол *regretter* использован одновременно в двух разных значениях: с дополнением *mon amour* в значении ‘сожалеть 2’ (любовь была, а теперь ее нет) и с сочиненным дополнением *vousre fier dédain* — в значении ‘сожалеть 1’ (*сожалеет о своем отказе* = *сожалеет, что отказала*). При этом замечательно, что реально выражение *mon amour et votre fier dédain* описывает некую единую ситуацию, а сожаление о ней — единое чувство.

Обсуждаемое совмещение значений характерно для существительного *сожаление*, особенно — при отсутствии выраженных актантов:

- (40) Поверь, мой друг, она придет, / Пора унылых *сожалений*, / Холодной истины забот / И бесполезных размышлений (Пушкин);
 (41) Была поздняя осень, и в холодном воздухе чувствовались печаль и *сожаление*, характерные для всякого отъезда (Г. Газданов).

Совмещение значений особенно характерно для контекста отрицания, ср.:

- (42) Но зато Варенька, одинокая, без родных, без друзей, с грустным разочарованием, ничего не желавшая, ничего не *жалевшая*, была тем самым совершенством, о котором только позволяла себе мечтать Кити (Л. Толстой. Анна Каренина).

Здесь обращает на себя внимание аллитерация *не желавшая* — *не жалевшая*, которая подчеркивает семантический параллелизм этих слов: ничто — ни в будущем (желание) ни в прошлом (сожаление обоих типов) — не вызывало у нее живого чувства. Как и желание, сожаление — это обращение к виртуальной реальности.

2.7.2. Сожаление и жалость

Рядом с ‘сожалением’ в современном русском языке имеется концепт ‘жалости’ (который, по мнению А. Вежбицкой, относится к числу «ключевых» для русской культуры [Wierzbicka 1992a]). При этом ‘сожаление’ является производным от ‘жалости’. Я имею в виду чисто семантическую производность, т. е. логику построения концепта; однако то же верно и для реальной семантической эволюции практически всех обсуждаемых слов — ср., с одной стороны *Пожалел (жалко) бездомную собаку* и *Пожалел (жалко), что не взял зонтик*; выражения сожаления типа *Какая жалость <что мы разминулись>!* — и, наоборот, значение ‘жалость’ для слова *сожаление* — устаревшее, но еще выделяемое, например, в словаре МАС. Таким образом, «переход» от ‘жалости’ к ‘сожалению’ продолжает воспроизводиться на наших глазах.

Жалость кратко можно определить как душевную боль, вызываемую зрелищем чужого страдания (подробнее см. [Wierzbicka 1992a: 168; Левонтина 1997a]). Значение ‘жалость’ по-русски могут выражать, помимо соответствующего существительного, глагол *жалеть*, а также предикативы *жалко* и *жаль* с дополнением в винит. падеже: *жалю (жалко, жаль) птичку, собаку, сироту* и т. д.²² Предикативы *жалко* и *жаль*, помимо винительного, могут управлять также родит. падежом — но в другом значении. Рассмотрим выражения *жалко собаку* и *жалко собаки*. В первом случае описывается чувство жалости (вызванное плачевным положением собаки), во втором — сожаления: фраза *жалко собаки* уместна в ситуации, когда у говорящего была собака, а теперь нет, а говорящий считает, что лучше бы она продолжала у него быть. Очевидно, что это другое значение: вместо ущерба объекту имеет место его утрата субъектом, и одновременно центр внимания переносится на состояние субъекта по этому поводу: когда мы говорим *жалко собаку*, мы сообщаем, в том числе, нечто о положении собаки, между тем фразой *жалко собаки* говорящий сообщает лишь о собственных ощущениях (последняя фраза вполне уместна и в том случае, когда собаке у новых хозяев, может быть, даже лучше, чем было у говорящего)²³. В первом случае слово *собака* указывает на само это животное, во втором — служит свернутым обозначением ситуации²⁴.

В контексте неодушевленного объекта это противопоставление в принципе сохраняется; однако, поскольку чувство жалости обращено на живое существо (которому человек может сострадать), распространяться на неживые объекты оно может лишь метафорически. Поэтому различие между фразами типа *жалко чашку* (разбившуюся) и *жалко чашки* (разбившейся) подобно описанному выше: в первом случае

²² При этом предикативы *жалко* и *жаль* обозначают актуальное чувство, а глагол *жалеть* — установку. Глагол сов. вида *пожалеть* в сфере ‘жалости’ может обозначать лишь ‘совершить какой-то поступок, продиктованный чувством жалости’ (в частном случае — выразить это чувство словами).

²³ Возможность описанного семантического сдвига заложена в значении слова *жалость*. Как справедливо замечено в [Левонтина 1997a: 109], *жалость*, в отличие от своих квазисинонимов *сочувствие* и *сострадание*, указывает на самостоятельное чувство, независимое от чувств другого человека; поэтому возможна, например, жалость к умершему или к самому себе. Жалость к умершему дорогому человеку — по-видимому, еще один «мост» от ‘жалости’ к ‘сожалению’ (от боли, вызванной чужим страданием, — к боли утраты).

²⁴ Обращает на себя внимание, что аналогичная семантика противопоставления винит. и родит. падежа дополнения имеется в контексте слова *бояться* — см. выше, разд. II.1.

это как бы жалость, сострадание, во втором — просто сожаление об утрате. Но в контексте неодушевленного объекта это различие едва ощутимо, поскольку ущерб в таких случаях всегда бывает такого рода, что он означает уничтожение объекта в функционально значимом отношении. *Жалко чашку* можно сказать в том числе, если у нее отбилась ручка или даже откололся едва заметный кусочек: в любом случае это будет не сострадание чашке, а оплакивание себя, лишившегося чашки в том виде, в котором говорящий хотел бы продолжать ею обладать. Хотя, конечно, здесь может присутствовать также элемент метафорического уподобления (чашки — живому существу) и, соответственно, элемент «настоящей» жалости, так что здесь возможен весь спектр промежуточных случаев, ср.: *жалко березку* (сломанную), *жалко сад* (вырубаемый) и т. д. Но в любом случае степень расхождения, в том или ином конкретном употреблении, значений ‘жалость’ и ‘сожаление’ непосредственно отражается в степени смыслового расхождения между аккузативной и генитивной конструкцией (*жалко березку* vs. *березки*).

В данной связи интересны следующие известные строки:

(43) Не *жаль* мне *лет*, растрченных напрасно, / Не *жаль* души сиреневую *цветь* (Есенин).

Здесь в первой фразе использована конструкция с генитивом, выражающая значение ‘сожаление’, во второй — конструкция с аккузативом, выражающая значение ‘жалость’. Между тем значение предикатива *жаль*, как кажется, в обеих фразах одно и то же (грусть о безвозвратно ушедшем благе, т. е. ближе всего к ‘сожалеть 2’). Однако при более внимательном взгляде можно усмотреть различие, соответствующее противопоставлению сожаления и жалости. Действительно, и в том и в другом случае объект не относится к категории живых существ, но *души сиреневая цветь*, будучи метонимическим обозначением для *души* — сущность более «антропоморфная», чем *растрченные напрасно годы*, и поэтому по отношению к ней более уместно чувство, похожее на жалость. Тем самым распределение родительного и винительного падежа здесь тоже не случайно.

Особо следует отметить употребления типа (44):

(44) Ты не читал «Трех мушкетеров»? Мне тебя *жаль*.

Фраза *мне тебя жаль* означает что-то вроде ‘Я считаю, что ты лишен чего-то хорошего (чем другие люди, в частности, я, обладают), и о чем ты сам, возможно, не подозреваешь’. Эта фраза-клише заключает в себе прием «лингвистической демагогии» [Николаева 1988]: утверждение, реально являющееся здесь основным — ‘Я считаю, что у тебя нечто плохо’ подается в форме презумпции (так как слово *жаль* в конструкции с винит. падежом выражает значение ‘жалость’, включающее указанный смысловой компонент в форме презумпции). Одновременно — за счет этой демагогической подмены — происходит переход от ‘жалости’ к ‘сожалению’, а именно, значению ‘сожалеть 1’, где компонент ‘Р плохо’ является ассертивным²⁵. Получившееся значение близко к осуждению, ср. также:

(45) Он посмотрел на меня с *сожалением*.

²⁵ Похожий механизм используется, например, в немецком выражении *Es tut mir leid* (букв. «Я сожалею»), представляющем собой стандартную форму вежливого отказа: здесь также основное содержание высказывания (утверждение о невозможности сделать то, что нужно адресату) маскируется под презумпцию.

Значение осуждения возникает здесь за счет идеи ответственности (объекта сожаления за свое положение), имплицитруемой словом *сожаление*. Наоборот, *жалость* предполагает, что человек «не виноват» в своем плачевном положении, отсюда другая клишированная формула — *его можно только пожалеть*²⁶, ср. (46):

(46) И конечно, ее можно только *пожалеть* — она всю жизнь была глухой (О. Ивинская. Годы с Борисом Пастернаком).

Ср. также пример (17), где жалели и осуждали, по-видимому, разные обыватели (так как установка осуждать, наоборот, возлагает на человека вину):

(47) В то время, как я чувствовала себя счастливой избранницей, обыватели *жалели* и осуждали, и это было досадно (О. Ивинская. Годы с Борисом Пастернаком).

Итак, восстанавливается следующий путь семантической деривации от жалости к сожалению: от (i) прототипической ‘**жалости**’ как сострадания чужому горю или боли к (ii) ‘**жалости-сожалению**’ как собственному страданию от утраты кого-то или чего-то дорогого (сожаление об умершем; о пропавших письмах и т. п.), далее — (iii) ‘**сожалеть 2**’ — уже не страдание, а просто грусть о безвозвратно утраченном прекрасном. Финалом этой эволюции является (iv) ‘**сожалеть 1**’, где от чувства уже ничего не осталось, оно полностью трансформировалось в оценку: ‘не-Р лучше, чем Р’.

2.7.3. Концептуальная схема сожаления

Итак, можно сказать, что в русском языке имеются три разных, несводимых друг к другу, концепта: ‘сожаление’, ‘раскаянье’, ‘жалость’. Концептам ‘раскаянье’ и ‘жалость’ могут быть сопоставлены эксплицирующие их формулы, которые практически совпадают с толкованиями соответствующих русских слов. Что касается ‘сожаления’, то этот концепт устроен сложнее: здесь есть общая концептуальная схема, имеющая три основных реализации (‘сожалеть 1’, ‘сожалеть 2’ и ‘жалко’), которые отражены в значении целого ряда русских слов. Реализация концептуальной схемы может быть легко преобразована в толкование отдельного значения конкретного слова.

Концептуальная схема включает необходимые отличительные признаки для ряда близких, накладывающихся друг на друга концептов, но представленные в более обобщенной, более «абстрактной» форме, чем соответствующие семантические компоненты в составе дефиниции каждого из этих концептов (= частных значений слова или группы слов). Отличие концептуальной схемы от обычного толкования (в том числе обобщенного — например, общего толкования для синонимического ряда в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка) состоит также в том, что в концептуальной схеме все элементы равноправны — в отличие от собственно значения, где каждый компонент имеет определенный коммуникативный статус; во вторых, сами элементы не обязательно имеют форму полноценных утверждений (содержащих тему и рему, субъект и предикат).

Концептуальная схема ‘сожаления’ состоит из следующих элементов:

- (a) Нечто не имеет места в актуальном мире,
- (b) Это могло бы иметь место,

²⁶ Ср. другой идиоматический способ выразить эту же мысль: *Это его не вина, а беда*.

(с) Это хорошо — отсутствие этого плохо.

Составляющая (а) вводит в рассмотрение ситуацию, отсутствующую в актуальном мире: она может относиться либо к прошлому, либо к возможному миру, отличному от действительного. Составляющая (b) отражает представление об альтернативе, которое, как мы пытались показать, является конституирующей для сожаления — в отличие от других внутренних состояний, связанных с отрицательной оценкой существующего положения вещей. Что касается составляющей (с), то предлагаемая здесь формула отражает тот уровень абстракции, на котором объединяются идеи ‘Р плохо’, ‘не-Р хорошо’ и ‘не-Р лучше, чем Р’²⁷.

Эти три идеи могут соединяться в ту или иную концептуальную конфигурацию (реализацию схемы), закреплённую в определенном значении того или иного слова — за счет того, что каждая из них приобретает субстанциональную определенность, а также фиксированный коммуникативный статус. Так, например, в употреблении типа *Я сожалею, что сюда пришел* идея (а) реализуется в форме утверждения, что имеет место альтернативная (по отношению с той, которая упомянута в (а)) ситуация Р, и она составляет семантический компонент, соответствующий фактивной презумпции (‘имеет место Р: я сюда пришел’); идея (b) соответствует условию уместности данного высказывания; идея (с) реализуется в форме ‘не-Р лучше, чем Р’ (‘не пришел’ лучше, чем ‘пришел’) и составляет ассерцию.

Выделенные выше три частных значения (‘сожалеть 1’, ‘сожалеть 2’ и ‘жалко’) представляет собой наиболее характерные концептуальные конфигурации из тех, которые могут быть построены на базе данной концептуальной схемы. Выделение именно этих трех частных значений обусловлено также наличием дискретной оппозиции в контексте, допускающем двоякое осмысление (речь идет об оппозиции ‘сожалеть 1’ и ‘сожалеть 2’, ср. примеры (3) и (4)). Однако, как мы пытались показать, перечисленные три концептуальные конфигурации не исчерпывают всех тех типов смыслов, которые могут выражаться словами с общей семантикой сожаления. Множество этих значений во всей своей полноте может быть выведено лишь непосредственно из концептуальной схемы: именно она отличает ‘сожаление’ от близких, но других значений (например ‘жалости’, ‘раскаяния’, ‘обиды’, ‘досады’ и др.).

Вариативность в реализации схемы определяется, прежде всего, неоднозначностью соответствия между участниками абстрактной ситуации сожаления (отраженной в концептуальной схеме) и семантическими актантами реальных языковых единиц, выражающих то или иное частное значение. А именно, объектом при предикате сожаления может быть как «то, что есть», так и «то, чего нет», причем граница здесь очень зыбкая. Так, *время, потраченное на что-то* — это «то, чего нет», но *потраченное время* — это уже совершившийся факт, и в этом смысле это «то, что есть» (ср. пример (43)); *отвергнутая участь* — это одновременно «то, что есть» и «то, чего нет» (ср. пример (33)), и т. д.²⁸

²⁷ Выше, при формулировке общего значения сожаления, для краткости была использована формула со словом *лучше*, которая обладает тем недостатком, что навязывает определенную перспективу и другие ограничения, свойственные языковым операторам операционального предпочтения [Арутюнова 1998: 224—245]. Оптимальным способом репрезентации оценочного компонента в концептуальной схеме ‘сожалеть’ является, по-видимому, графический — см. [Зализняк 2006: 568].

²⁸ Ср. [Падучева 1980] о неоднозначности атрибутивных сочетаний типа *погибший осел*.

2.7.4. Глагол *сожалеть* в лексикографическом аспекте

Сказанное выше относительно принципиальной нерасчленимости, в некоторых случаях, разных значений слова *сожалеть* нисколько не отменяет того факта, что эти значения необходимо расчленять и описывать как отдельные сущности (наиболее бесспорным аргументом здесь является возможность каламбура — ср. пример (4')).

В целом можно сказать, что глагол *сожалеть* является для современного русского языка уходящим. Он существенно сузил круг своего употребления по сравнению с пушкинской эпохой; в значительном числе контекстов в современной речи он постепенно вытесняется глаголом *жалеть*, в других просто перестал употребляться. Существительное *сожаление* — за пределами устойчивого выражения *к сожалению* — также малоупотребительно.

У глагола *сожалеть* в современном русском языке могут быть выделены следующие релевантные классы употребления (первые три из них соотносятся с упоминавшимся выше значением 'сожалеть 1', четвертый — с 'сожалеть 2').

1. *Х сожалеет, что Р (о Р)* [*Я сожалею, что уехал из Москвы; Теперь он сожалеет о своем отказе*] = 'Х считает, что если бы можно было «вернуться назад», то он не сделал бы Р'. Это значение реализуется только в контексте подчиненной предикации, описывающей контролируемое действие субъекта Х. Точным синонимом для глагола *сожалеть* в этом значении является глагол *жалеть* (сов. вид *пожалеть*), который реально вытесняет собою *сожалеть*²⁹:

- (48) Он *сожалеет* уже, что связался с Мечиком (Фадеев, МАС);
- (49) — А знаете, — сказал доктор, поглядев кругом, — я *жалел* потом, что, так сказать, спас ее. [...] А зачем, позвольте спросить, я вмешивался! Не все ли равно, чем и как счастлив человек! (Бунин. Речной трактир);
- (50) — Все-таки уезжаешь, негодяй, — безразлично сказала она, беря его под руку и спеша вместе с ним своими высокими серыми ботинками вслед за носильщиком. — Погоди, *пожалеешь*, другой такой не наживешь, останешься со своей дурочкой поэтессой (Бунин. Генрих).

Заметим, что в отличие от *сожалеть* и *жалеть*, слова *жалко* и *жаль*, выражая близкий смысл, не содержат идеи ошибочности принятого ранее решения (ср. выше пример (17)). С другой стороны, в отличие от *жалко*, указывающего на наличие абсолютной положительной оценки несостоявшейся альтернативы, *жалеть* содержит лишь сравнительную оценку. Глагол *жалеть (сожалеть)* в этом типе употребления включает в себя значение слова *лучше*, которое «не имплицитно с необходимостью положительной оценки избираемой ситуации» [Арутюнова 1998: 229], и сближается с одним из значений наречия *напрасно*, ср.: *Я (со)жалую, что отказался ≈ Я напрасно отказался ≈ 'считаю, что лучше было согласиться'* (см. раздел II.3.2).

Глагол сов. вида *пожалеть* может соотноситься как с *сожалеть* (ср. (51)), так и с *жалко* (ср. (52)). Соответственно, в примере (51) может идти речь как о легкомысленном решении не брать зонтик, так и просто о забывчивости.

²⁹ Таким образом, глагол *жалеть* проходит тот же путь семантической эволюции (от чувства сострадания чужому горю к осознанию ошибочности сделанного выбора), что и глагол *сожалеть*.

- (51) В этот момент я *пожалел*, что не взял зонтик;
- (52) Он *пожалел*, что теперь осень и холодно, что он в сапогах, в свитере, а то найти бы уголок на этом или на другом острове, где скалы и песочек, и прозрачная вода, лежать бы на солнце и ни о чем не думать (Ю. Казаков).

II. *Х сожалеет, что Р* [*Вчера заходил Иван и сожалеет, что не застал тебя дома*] = ‘имеет место Р; могло бы быть не Р; лучше бы было не Р; Х огорчен тем, что Р’. Этот тип употреблений охватывает довольно широкий класс случаев, объединяемых тем обстоятельством, что ситуация Р является неконтролируемой для субъекта Х, т. е. либо вообще от него никак не зависит, либо не является предполагаемым результатом его намеренных действий (хотя довольно часто бывает их побочным, непредвиденным результатом: *я очень сожалею, что так получилось*). В современном языке для глагола *сожалеть* этот тип употребления является исчезающим. Приведем примеры из языка пушкинской поры; все они выглядят в той или иной мере устаревшими.

- (53) *Сожалею* только, что ты ничего не сказал мне предварительно о своем намерении, ни мне, ни Вяземскому, и даже весьма тебе за это пеняю (В. А. Жуковский — Пушкину, 3 июля 1834);
- (54) Потом Пушкин начал рассказывать о плане Дмитрия Самозванца, о палаче, который шутит с чернью, стоя у плахи на Красной площади в ожидании Шуйского, о Марине Мнишек с самозванцем, сцену, которую написал он, гуляя верхом, и потом позабыл вполнину, о чем глубоко *сожалел* (М. П. Погодин. Воспоминания о С. П. Шевыреве);
- (55) Но узнав, что Нарумов не инженер, а конногвардеец, она *сожалела*, что нескромным вопросом высказала свою тайну ветреному Томскому (Пушкин. Пиковая дама).

Ср. также пример (9).

Глагол *сожалеть* тяготеет к кореферентности субъектов главной и подчиненной пропозиции. Как можно видеть по приведенным выше примерам, раньше этого ограничения не было; соответственно, примеры (54) и (55) звучат несколько более современно, чем (53) и (9). Однако современный язык и в этом случае предпочитает глагол *жалеть*. Ср. следующий пример (речь идет о неконтролируемых последствиях действий героя):

- (56) У Тани был сын Алик и муж, носивший странную фамилию Товт. Дмитриев никогда его не видел. Знал, что муж сильно любил Таню, простил ей все, но после того лета, три года назад, она больше не могла с ним жить, и они расстались. Дмитриев очень *жалел*, что так получилось, что муж сделался несчастным человеком, бросил работу, уехал из Москвы, и Таня тоже стала несчастным человеком, но ничего поделать было нельзя (Ю. Трифонов. Обмен).

III. *Сожалею (что Р)* [*Сожалею, что заставил вас ждать*] (квазиперформативное, только в 1-м л. или в несобственно-прямой речи в 3-м л.) = ‘сообщаю тебе: я сожалею, что Р’.

- (57) *Сожалею* о том, что мой уход из дома доставит тебе огорчение, пожалуйста, прости меня за это (Л. Толстой. Записные книжки. 1910 г.);
- (58) Я сейчас уезжаю в Царское Село и искренне *сожалею*, что не могу провести у вас вечер (Пушкин. Записка к Е. М. Хитрово);
- (59) Вронский подошел к Кити, напоминая ей о первой кадрили и *сожалел*, что все это время не имел удовольствия ее видеть (Л. Толстой. Анна Каренина);
- (60) Все ваши знакомые весьма *сожалеют*, что лишены удовольствия вас видеть и что вероятно место пребывания ваше не может вам дать местного развлечения (С. Г. Волконский — Пушкину, 18 октября 1824);

(61) — Значит, здесь меня вспомнить некому?

(а) — *Сожалею*, — сказала она с привычной интонацией его покойной жены.

(б) *Сожалела* она и о том, что поскольку он не может сказать, какую из комнат третьего этажа он занимал, она в свой черед не может его туда поселить, да и этаж к тому же заполнен (В. Набоков. Прозрачные вещи / Пер. С. Ильина).

Слово *сожалеею* при этом может выражать настоящее чувство (ср. (57)), а может использоваться как клишированная формула речевого акта сожаления (в этом последнем случае часто добавляются наречие *искренне*, ср. (58)). Такое *сожалеею* может быть переведено в косвенную речь (ср. (60), (61б)), и в этом случае *сожалееет* или *сожалел* является производным от вышеупомянутого квазиперформативного употребления и должно быть истолковано как ‘сказал «сожалеею»’. Собственно, только в форме не 1-го лица этот тип употребления (квазиперформативный, т. е. включающий компонент ‘сообщил’) и может быть идентифицирован и ясно противопоставлен дескриптивному *сожалееет*, описывающему внутреннее состояние (неважно, свое или чужое) — поскольку в высказывании от 1-го лица компонент сообщения всегда присутствует, а степень искренности выражаемого чувства никак не может быть установлена и, вообще говоря, не играет роли. Соответственно, примеры (57) и (58) не могут быть однозначно отнесены к обсуждаемому типу употребления. Однако и в 3-м лице наличие компонента ‘сообщил’ не всегда можно с определенностью установить, ср. пример (60).

Пример (61) требует особого комментария. Эта фраза из русского перевода английского романа Набокова «Transparent things» демонстрирует очень важное свойство русского глагола *сожалеть*, а именно то, что этот глагол не может вводить новую информацию. Сообщая человеку неприятную или горестную новость, которая при этом нас тоже огорчает, по-русски мы не можем употребить глагол *сожалеть* (и этим *сожалеть* отличается, с одной стороны, от англ. *regret*, а с другой — от выражения *к сожалению*, которое, наоборот, вводит непременно новую информацию). Так, по-русски нельзя сообщить человеку новость, сказав *Я сожалею, что ваш доклад не включен в программу конференции*. Надо сказать *К сожалению...* или: *Мне очень жаль, но...* В примере (61) это правило оба раза нарушено: в реплике (а) слово *сожалеею* сопровождает опущенный утвердительный ответ на вопрос; в (б), т. е. в той части речи консьержки, которая передана от 3-го лица, она сообщает герою новую информацию (что не сможет его поселить его в гостинице), облекая ее в форму придаточного предложения, подчиненного глаголу *сожалеть*. Как кажется, именно это нарушение создает несколько иронический эффект данной фразы.

IV. *X сожалеет о P* [об ушедшей молодости, о пропавших письмах, об умершем человеке] ‘горевать об утрате, вспоминать с грустью’. Употребление периферийное, уходящее.

(62) Если к тому времени, как я умру, Вы меня еще не забудете, [...] помните, что я поместил Вас в первом ряду моих лучших друзей и дал Вам право *сожалеть* обо мне и думать, как очень близкому человеку (Б. Пастернак. Письмо Чукуртме Гудиашвили, 8 марта 1959);

(63) Он почитал и себя обязанным трудиться у собственного станка и старался как можно менее *сожалеть* об увеселениях парижской жизни (Пушкин. Арап Петра Великого).

Обращает на себя внимание сходство примера (63) с фразой из романа Б. Констан «Адольф» (хорошо известного Пушкину): *Je ne regrettais point, auprès d'Ellénore, ces plaisirs de la vie sociale* «Возле Элеоноры я не *сожалел* об удовольствиях светской

жизни»³⁰. Есть и другие основания полагать, что значение ‘сожалеть 2’ у русского глагола *сожалеть* является семантической калькой с франц. *regretter* (в частности. Л. Толстой использует глагол *сожалеть* в этом значении только при передаче французской речи).

Итак, у глагола *сожалеть* в современном русском языке различается четыре типа употребления, и при этом все они — в той или иной степени уходящие или периферийные. Весьма тонко разработанная в русском языке «семантика сожаления» постепенно переходит в распоряжение других языковых средств.

³⁰ F.-R. De Chateaubriand. René. D. Constant. Adolphe. A. De Musset. La confession d'un enfant de siècle. Moscou, 1973. P. 111.

3. НАРЕЧИЕ *НАПРАСНО*: СЕМАНТИКА И СОЧЕТАЕМОСТЬ*

Исследование семантики глагольных определителей — в частности, наречий — помимо самостоятельной лингвистической ценности представляет интерес в силу того, что сочетаемость наречия с глаголом является эффективным инструментом семантического анализа глагола. При этом картина осложняется возможной многозначностью как глагола, так и самого наречия, поэтому правильнее было бы говорить о сочетаемости определенных значений глагола и наречия (ср. анализ слова *всегда* в работе [Падучева 1985а]). Наречие *напрасно*, о котором здесь пойдет речь, представляет в данной связи особый интерес — по причине своей многозначности и одновременно широкой сочетаемости³¹.

Рядом с *напрасно* в русском языке существует слово *зря*, в большинстве своих употреблений очень близкое к *напрасно*, ср.:

- (1) Он *зря* (*напрасно*) это сделал;
- (2) Ты *зря* (*напрасно*) его боишься;

и т. п. Слово *зря* имеет также одно существенно отличное от *напрасно* значение, ср.:

- (3) Что вы, ребяташки, *зря* (**напрасно*) сидите, подрались бы лучше (Горький).

Поэтому в наш материал включены также те примеры употребления слова *зря*, где оно может быть заменено на *напрасно* с сохранением семантической правильности и собственно смысла предложения; соответственно, говоря о наречии *напрасно*, мы будем иметь в виду *напрасно* или такое *зря*, которое может быть заменено на *напрасно*³².

Наречие *напрасно* имеет три значения.

* В основу данного раздела положена статья [Зализняк 1990а].

³¹ Рассматриваются только употребления, характерные для современного русского языка; примеры из авторов XIX в. привлекались лишь в случае их соответствия современной норме. Буквой «К» помечены примеры из картотеки Словаря русского языка ЛО Института языкознания РАН.

³² Т. е. мы пренебрегаем нарушением стилистических, коммуникативных или чисто конвенциональных требований, которое может происходить при замене *зря* на *напрасно*. Слово *зря* в целом является более разговорным, чем *напрасно*; *напрасно* менее свободно сочетается с отрицанием; некоторые позиции в предложениях являются более предпочтительными для одного или другого из этих слов. Все эти различия носят характер тенденций и останутся за пределами нашего рассмотрения.

3.1. ЗНАЧЕНИЕ НЕЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЙСТВИЯ (‘НАПРАСНО 1’)

Примеры:

- (4) Я несколько раз *напрасно пытался* заснуть (Тургенев — К);
- (5) *Напрасно* (а) *упрашивал* его Азамат согласиться, и (б) *плакал*, и (в) *льстил* ему, и (г) *клялся* (Лермонтов. Герой нашего времени);
- (6) Увы! *Напрасно* деве гордой / Я *предлагал* свою любовь. / Ни наша жизнь, ни наша кровь / Ее души не тронет твердой (Пушкин).
- (7) В молодых годах, — сказал он, — я ослеп. / И с той поры не знал ни дня, ни ночи / До старости: (а) *напрасно я лечился* / И зелием и тайным нашептанием; / (б) *Напрасно я ходил на поклоненье* / В обители к великим чудотворцам, / (в) *Напрасно я из кладезей святых / Кропил водой* целебной темны очи, / Не посылал Господь мне исцеленья (Пушкин);
- (8) Он *напрасно останавливал*, потрясая нагайкой, бегущих солдат (Станюкович — К);
- (9) Сколько лет клад *ищешь* — и все зря (К);
- (10) *Напрасно* он *ухаживает...*, от меня ему ничего не дожидаться (Островский — К);
- (11) *Напрасно* Печорин *целовал* ее холодные губы — ничто не могло привести ее в себя (Лермонтов);
- (12) Слушая сейчас Соколова, Николай Петрович с досадой думал, что *пришел сюда напрасно*: Соколову он ничем помочь не может (К).

Значению ‘напрасно 1’ может быть предложено следующее толкование³³:

X *напрасно* P = [през.]: ‘ X производит действие P
 X хочет, чтобы было Q
 X считает, что P приведет к Q
 [асс.]: P не приводит к Q ’.

Значение ‘напрасно 1’ включает представление о двух ситуациях: одна (P) — ситуация, описываемая семантически подчиненным наречию глаголом P (в примерах он выделен разрядкой), которая представляет собой некоторое действие субъекта X , и другая ситуация (Q), являющаяся для субъекта X целью действия P ³⁴. Причинно-результативная связь между P и Q может быть более или менее детерминированной; соответственно, более или менее тесной может быть связь семантики глагола P с ситуацией Q . Мы будем различать здесь следующие случаи.

I. P и Q связаны синтагматически, а именно, таким образом, что предикат Q заполняет объектную валентность глагола P (тем самым обозначение ситуации Q присутствует в предложении одновременно с обозначением P). Сюда относятся, с одной стороны, глаголы со значением *стремления* (*стремиться, пытаться, стараться, хотеть* <что-то сделать>, ср. пример (4)) — и, с другой стороны, глаголы со значением *попытки воздействия на другое лицо* (*просить, уговаривать, призывать, заставлять* <кого-то что-то сделать>, ср. примеры (5а), (6)).

³³ Толкование дается для случая, когда глагол, связанный с *напрасно*, стоит в форме несов. вида прош. времени; прочие случаи будут особо оговорены ниже. Буквы P и Q используются, в зависимости от контекста, как обозначение: ситуации действительности, соотносимой с ней глагольной лексемой и значения этой лексемой.

³⁴ Из того, что субъект целеполагания совпадает с субъектом действия, описываемого подчиненным наречию глаголом, следует, что это действие должно быть контролируемым.

II. P и Q связаны парадигматически. Это могут быть два члена видовой пары с предельным семантическим соотношением типа ‘попытка’ — ‘успех’ (см. [Маслов 1984: 59—61; Зализняк, Шмелев 2000: 57]), т. е. пары типа *решать* — *решить*, *ловить* — *поймать*, *убеждать* — *убедить*, *останавливать* — *остановить*, ср. примеры (7а), (8). Но это могут быть также пары разных глаголов с близким семантическим соотношением: глагол P обозначает действие, направленное на результат, Q — желаемый результат (при этом представление о Q входит в семантику глагола P); например: *искать* — *найти*, *смотреть* — *увидеть*, *лечить* — *вылечить*, *звать* (X, Y) — *прийти* (Y), *угощать* (X, Y, Z) — *есть* (Y, Z), *спрашивать* (X, Y, Z) — *знать* (X, Z); ср. примеры (9), (10). При этом сам глагол Q в поверхностной структуре обычно отсутствует, однако в предложении может содержаться описательное обозначение отсутствия Q или ситуации, из которой отсутствие Q.

III. Связь между P и Q устанавливается на уровне предложения или текста, Q никак не следует из смысла самого P (ср.: *позвонил* (P), *чтобы узнать* (Q); *пришел, чтобы помочь*; *сказал, чтобы произвести впечатление* и т. д.). Указание на ситуацию Q здесь обычно содержится в предложении (чаще всего в отрицательной форме, так как Q — это цель, которая не была достигнута). См. примеры (11), (12), а также (5б—г), (7б, 7в).

Что касается вида глагола P, то здесь нужно сказать следующее. В случаях I и II форма несов. вида является единственно возможной. Дело в том, что в обоих этих случаях представление о Q входит в семантику P (а именно, Q является результатом действия P); с другой стороны, в значение формы сов. вида глагола P здесь входит смысл ‘достижение результата’, т. е. наступление Q — что непосредственно противоречило бы толкованию ‘напрасно I’. В случае III возможна также форма сов. вида: здесь представление о Q не входит в семантику глагола P, поэтому, даже если сов. вид вносит значение достижения результата, то это касается результата действия P, который не совпадает с Q — и тем самым противоречия со смыслом ‘напрасно I’ не возникает.

Время (а также наклонение) глагола P большого значения не имеет: здесь достаточно довольно несложного пересчета по сравнению со значением, реализующимся в прош. времени, которое является семантически первичным. Единственное существенное обстоятельство, которое следует упомянуть, состоит в том, что в наст. времени ассертивный компонент в ‘напрасно I’ может, помимо автоматического изменения (а именно, добавления смысла ‘...к настоящему моменту’), приобретать новый смысл ‘говорящий считает, что Q вообще не наступит’ — см. пример (10).

Рассмотрим теперь некоторые более сложные случаи реализации значения ‘напрасно I’.

Первый из них состоит в том, что вместо единичной ситуации Q выступает множество ситуаций, обладающих свойством ‘наступить в результате P’; соответственно, реализация любой из них рассматривается как «успех» P. В этом случае *X напрасно P* означает ‘не существует такого Q, которое наступило бы в результате P’, т. е. действие P не повлекло за собой никаких (релевантных) изменений в мире, которые не наступили бы и при отсутствии P. Так, например, если человек поехал в магазин, чтобы купить себе пальто, а подходящего пальто не оказалось, то это еще не обязательно означает, что он съездил *напрасно* — так как он мог купить в том же магазине шляпу, или приобрести по дороге выигрышный лотерейный билет, или встретить на улице хорошего знакомого и приятно провести время. Таким образом, для того, чтобы сказать *Я съездил напрасно* иногда бывает недостаточно неосуществления того

Q, которое было целью действия P: нужно, чтобы P не имело никаких релевантных последствий.

Другой вариант значения ‘напрасно I’ может быть проиллюстрирован следующими примерами (этот тип употребления более характерен для наречия *зря*, но *напрасно* здесь также уместно):

(13) Не читаешь? Книги *зря стоят?* (К);

(14) Стыдно было признаться, что сорок лет *прошли зря* (К).

Здесь значение ‘напрасно I’ реализуется в контексте глаголов, обозначающих неконтролируемые ситуации. Возможность такого употребления объясняется тем, что в предложениях типа (13) и (14) оператор ‘напрасно I’ применяется не к тому предикату, который связан с соответствующим наречием поверхностно-синтаксическим отношением, а к другому, образующему структуру, которая является в некотором смысле исходной для данного предложения, и этот предикат обозначает контролируемую ситуацию. Так, для (13) такой исходной структурой может быть:

(13') Кто-то *поставил* сюда книги <чтобы ты их прочел>

или даже:

(13'') Книги *пишутся* <для того, чтобы их читали>.

Для (14) это может быть:

(14') Жизнь *дается* человеку <чтобы он совершил нечто>.

Ср. также пример (15), сохраняющий следы исходной агентивной структуры:

(15) Но грустно думать, что *напрасно*

Была нам молодость *дана* (Пушкин).

Как легко убедиться, если предложение, обозначающее неконтролируемую ситуацию, не допускает подобной агентивной реконструкции, то употребление *напрасно* обычно невозможно (даже если между P и Q имеется причинно-результативная связь того же типа, что и в примерах, рассмотренных выше), ср.: *‘Снег зря лежит: никто не лепит из него снежную бабу; ‘Напрасно шли дожди — грибов в ту осень так и не было.*

Примеры (14) и (15) обладают еще одной особенностью — субстанциональной неопределенностью ситуации Q (единственное свойство Q, которое можно назвать, состоит в том, что это такая ситуация, что если бы она наступила, то можно было бы сказать, что P было не напрасно) — ср. выше.

Интересно, что существуют глаголы, в значение которых входит смысл ‘напрасно I’ (в варианте с неопределенным Q) — такие как *пропадать, терять, губить*; ср. неправильность выражений типа **пропадает не зря*³⁵. Весьма характерное для этих глаголов сочетание с наречиями *напрасно* и *зря* является до некоторой степени плеонастичным (соответственно, наречие здесь факультативно; см. ниже пример (16), для которого очевидна синонимия выражений *пропадает зря* и *пропадает*). Наречие *напрасно* (*зря*) в сочетании с перечисленными глаголами служит для коммуникативных целей, а именно, для распределения информации внутри предложения: дублируя

³⁵ В предложениях типа *Я не зря потерял время* в сфере действия отрицания находится целиком сочетание наречия с глаголом: ‘неверно, что зря потерял’.

некоторую часть значения глагола, оно позволяет сделать логическое ударение именно на этой части. Ср.:

- (16) ...образованная, начитанная, романтическая, она страдала еще и от того, что *пропадают зря* ее знания, ум, как *пропадает* душа (М. Рошин);
- (17) Но увлечение живописью все чаще и чаще сменялось тревогой. Не *зря* ли *теряю* время? (В. Тендряков).

В варианте с неопределенным Q значение ‘напрасно 1’ максимально приближается к значению ‘зря’ (т. е. такому, для выражения которого может быть использовано только слово *зря*, но не *напрасно*). Между ними, однако, сохраняется различие, которое может быть описано приблизительно следующим образом: если ‘напрасно 1’ имплицитно указывает на наличие у данного действия некоторого результата — ради которого оно и совершается, — то *зря* вводит в рассмотрение действие, изначально замкнутое на самом себе, не предполагающее никакого результата, помимо себя самого; ср. выше пример (1), а также:

- (18) В лес придет, *зря* ветки не сломит.

Третий вариант отклонения от стандартного значения ‘напрасно 1’ обусловлен переосмыслением асертивного компонента. Дело в том, что утверждение ‘P не привело к Q’ может быть истинно не только в том случае, когда P наступило, а Q нет, но и в случае, когда Q наступило независимо от P. Как оказывается, этот смысл тоже может выражаться наречием *напрасно*. Ср. следующие примеры (разрядкой выделено обозначение P, подчеркиванием — Q):

- (19) Ведаю доблесть твою и о ней *говоришь ты напрасно* (Гнедич);
- (20) Мамонтов *напрасно* начинал разговор издалика, колхозники соглашались сразу (К);
- (21) *Зря* напоминаешь, хорошее не забывается (К).

3.2. ОЦЕНОЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ (‘НАПРАСНО 3’)

Для удобства изложения мы рассмотрим следующим то значение слова *напрасно*, которое в соответствии с естественной логикой нумерации значений должно быть последним. Это оценочное значение, представляющее собой новообразование современного, прежде всего, разговорного, языка. Приведем примеры:

- (22) *Напрасно* [я] отказалась от ресторана. Сидела бы сейчас в веселии и празднике, выпила бы шампанского, помирилась с Егоровым (В. Токарева);
- (23) *Зря* послушал я Лизавету, купил этот дурацкий барский дом (Горький — К);
- (24) Плохие стихи. *Зря* вы их пишете (К);
- (25) Я завел свинью. — *Напрасно*. Лучше бы лошадь (Чехов — К);
- (26) Ну как, Панкратова сепаратор работает? — Не знаю, не интересуюсь. — *Напрасно*. Так вот, работает (А. Рыбаков);
- (27) Я в винах плохо разбираюсь, — смутился Липман. — *Напрасно*, — сказал Сталин, — в винах надо разбираться (А. Рыбаков).

Для значения ‘напрасно 3’ предлагается следующее толкование:

X напрасно P = [през.]: ‘имеет место P(X)
[асс.]: говорящий считает, что P плохо
или: ...что некоторое R, которое могло бы быть
вместо P, лучше, чем P
(в частном случае R = отсутствие P)’.

Оценка, вводимая ‘напрасно 3’, является рациональной (она предполагает основание) и сравнительной (она предполагает выбор), см. раздел II.2. Основанием оценки при этом служит либо представление говорящего о «пользе» для субъекта X (о субъекте «пользы» см. [Вольф 1985: 76]), либо некий общий норматив.

Для оценочного *напрасно* основным является употребление в контексте глаголов, обозначающих контролируемые действия (ср. примеры (22—25); о связи оценки с контролируемостью см. [Там же: 141]). Поскольку совершение любого действия означает выбор — между какими-то альтернативными возможностями или просто между действием и его отсутствием (см. [Арутюнова 1983а]), — высказывание с оценочным *напрасно* равносильно утверждению, что выбор был сделан неправильно; при этом неосуществившаяся положительная альтернатива часто бывает указана в том же предложении или ближайшем контексте (ср. примеры (22), (25))³⁶. В этом отношении ‘напрасно 3’ сближается с ‘сожалеть 1’ (см. раздел II.2.3). Синонимия между *напрасно* и (*со*)*жалеть* возникает в случае совпадения субъекта действия и субъекта оценки, поэтому, например, при переводе высказывания от 1-го лица в высказывание от 3-го лица для указания на то, что оценка принадлежит субъекту действия, а не говорящему, *напрасно* следует заменить на *жалеть*; ср.: *Напрасно я отказалась* → *Она жалеет, что отказалась*, но не: *Напрасно она отказалась*. (Последнее предложение может быть понято как выражающее оценку, принадлежащую субъекту действия, только в контексте несобственно-прямой речи.)

Оценочное *напрасно*, будучи новообразованием современного русского языка, распространяется, захватывая все более широкие контексты. Прежде всего это касается возможности употребления оценочного *напрасно* в контексте неконтролируемых ситуаций (см. примеры (26), (27)); однако, как можно убедиться, требование контролируемости, имплицитруемая этим наречием, сохраняется и здесь. Среди глаголов, описывающих неконтролируемые ситуации, наиболее характерные сочетания с оценочным *напрасно* составляют отрицательные внутренние состояния и свойства — *не знать*, *не интересоваться*, *не разбираться* и т. п. Контекст *напрасно* «наводит» смысл ответственности человека за наличие у него данного состояния (свойства) — вовлекая в рассмотрение некоторое контролируемое действие (ср. понятие «причинной цепи» в [Зализняк 1992: 69—72]). Так, фразы *Напрасно ты этого не знаешь*; *Напрасно не разбираешься в винах* содержат смысл ответственности за это свое состояние (т. е. мог бы спросить, поинтересоваться, научиться и т. д.) — в отличие от соответствующих положительных внутренних состояний, ср.: **Напрасно знаешь*³⁷.

Следует особо отметить, что оценочное *напрасно* является модификатором предложения (а не модификатором глагола, как другие значения этого наречия) и служит для оценки фактов (в смысле статьи [Арутюнова 1985]). Поэтому для оценочного

³⁶ Ср. английский эквивалент для русского предложения *Зря я сюда пришел: I wish I hadn't come*.

³⁷ Именно ответственностью за обсуждаемое положение дел *напрасно* отличается от *жалко*, ср.: *Напрасно ты этого не знаешь* и *Жалко, что ты этого не знаешь*.

напрасно характерно употребление без синтаксической связи с глаголом, а именно, оно либо стоит в начале предложения, либо составляет отдельное предложение (в ответной реплике в диалоге), либо присоединяется к анафорическому заместителю предложения — см. примеры выше.

Кроме того, в отличие от ‘напрасно 1’, которое сочетается преимущественно с несов. видом глагола, значение ‘напрасно 3’ (в его основном варианте, т. е. в контексте контролируемых ситуаций) сочетается преимущественно с сов. видом — ср. [Там же: 19] о свойствах оценки факта. Поэтому глагольный вид может служить основанием различия ‘напрасно 1’ и ‘напрасно 3’, ср., соответственно, (28) и (28’):

- (28) *Зря вписывал* сюда греческий текст: все равно пришлось перепечатывать всю статью (‘напрасно 1’);
 (28’) *Зря вписал* в статью греческий текст: теперь его можно было бы впечатать (‘напрасно 3’).

Однако в целом для выбора между двумя рассматриваемыми значениями контекста одного предложения часто бывает недостаточно. Приведем некоторые примеры:

- (29) [Что могли сделать несколько студентов?] *Напрасно* они *погубили себя* (Герцен — К);
 (30) Школы, говоришь, *зря заводят*? [— Зря. Грамота мужику не к делу] (К);
 (31) Десять лет замираний и криков, / Все мои бессонные ночи / Я вложила в тихое слово / И *сказала* его — *напрасно*. / Отошел ты и стало снова / На душе и пусто и ясно (Ахматова).

Пример (29) может быть прочтен двояко: при понимании с ‘напрасно 1’ здесь высказывается мнение о том, что некоторый поступок (обозначенный как «они погубили себя») был безрезультатным; однако для (29) возможно также понимание с ‘напрасно 3’ это будет мнение о том, что поступок не следовало совершать (безрезультатность выступает в этом случае лишь как основание оценки). И только более широкий контекст (*Что могли сделать несколько студентов?*) разрешает эту неоднозначность в пользу ‘напрасно 1’

В примере (30), где присутствует та же неоднозначность, контекст указывает, наоборот, на понимание с ‘напрасно 3’: *грамота мужику не к делу*, (т. е. школы вредны). Ср. другое возможное продолжение для (30), имплицитирующее понимание с ‘напрасно 1’: ...*Зря. Все равно грамоте мужика не научат*. В примере (31) неоднозначность между ‘напрасно 1’ и ‘напрасно 3’ так и остается неразрешенной.

3.3. ЗНАЧЕНИЕ ОШИБОЧНОСТИ МНЕНИЯ (‘НАПРАСНО 2’)

Значение ‘напрасно 2’ реализуется в контексте глаголов, содержащих в своей семантической структуре компонент мнения; сочетание с *напрасно* означает в этом случае несогласие говорящего с данным мнением (т. е. говорящий либо придерживается противоположного мнения, либо обладает знанием, опровергающим это мнение). Например:

- (32) *Напрасно думают*, что романы могут быть вредны для сердца (Карамзин — К) [говорящий думает иначе];
 (33) *Зря* кое-кому на Западе *кажется*, что можно скрыть от широкой европейской общественности ту опасность, которую представляет собой политика США (К);

(34) Я *надеялся*, что скука не живет под чеченскими пулями, — *напрасно*: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше на комаров (Лермонтов. Герой нашего времени).

Толкование для 'напрасно 2':

$X \text{ напрасно } P =$ [през.]: 'X считает, что P'
(P' = P или входит в значение P)
[асс.]: говорящий считает (или знает), что не P''.

Мы будем различать два типа мнений: мнение о том, что нечто имеет или будет иметь место (экзистенциальное мнение), и о том, что хорошо или плохо (оценочное мнение)³⁸. Первому противопоставлено з н а н и е (соответственно, 'напрасно 2' не сочетается с глаголами *знать, понимать, помнить, догадываться*), второму — оценка как непосредственное о щ у щ е н и е (поэтому 'напрасно 2' не сочетается с глаголами, обозначающими чисто эмоциональные состояния и отношения: нельзя *напрасно любить* <кого-то>, *раскаиваться, испытывать* <какое-то чувство>, ср.: **Ты напрасно испытываешь отвращение*)³⁹.

Глаголы, с которыми сочетается 'напрасно 2', можно разделить на следующие классы (класс I включает глаголы, имеющие один ассертивный компонент, класс II — глаголы, имеющие два ассертивных компонента).

I.1. Глаголы, обозначающие собственно мнение: *думать, считать, полагать, верить, быть уверенным, казаться, ожидать, рассчитывать, воображать* и др. Здесь мнение является единственным (ассертивным) компонентом, и с ним и взаимодействует слово *напрасно*, ср.: К этой же группе относится глагол *воображать*; поскольку в его семантику входит представление о ложности мнения, выраженное в подчиненной предикации (ср. [Зализняк 1988б]), при сочетании этого глагола с 'напрасно 2' наречие дублирует сему, уже присутствующую в глаголе (ср. выше о глаголах типа *пропадать* в контексте 'напрасно 1'). Так, оба предложения (35) и (35') обозначают 'X считает, что P & X ошибается':

(35) Человек только *воображает*, что беспредельно властвует над вещами (Тэффи);

(35') Человек *напрасно воображает*, что беспредельно властвует над вещами.

Ср. также:

(36) Во-первых, я скажу ей, что она *напрасно воображает*, что я ее люблю (Чехов).

I.2. Глаголы, в которых помимо ассертивного компонента экзистенциального мнения имеется презумптивный компонент — оценочное мнение: *надеяться, бояться* (в значении 'считать вероятным'), *подозревать, сомневаться*. Наречие *напрасно* взаимодействует с ассертивным компонентом, т. е. служит для опровержения экзистенциального мнения; презумптивный оценочный компонент остается незатронутым. Ср. примеры (34), (37), (38):

(37) а. Ты *напрасно* его *подозреваешь* (я знаю/думаю, что он тут не при чем);
б. Ты *напрасно надеешься* на его помощь (я думаю, что он тебе не поможет).

³⁸ Ср. понятия «мнение-предположение» и «мнение-оценка» в [Дмитровская 1988]; см. также раздел II.7.

³⁹ О различии между оценкой-мнением и оценкой-ощущением в семантике предикатов внутреннего состояния см. подробнее [Зализняк 1992: 61].

(38) — Я не хотел с вами знакомиться, — продолжал я, потому что вас окружает слишком большая толпа поклонников, и я боялся в ней исчезнуть совершенно. — Вы *напрасно боялись*! Они все прескучные. (Лермонтов. Герой нашего времени)

1.3. Глаголы, обозначающие эмоциональные состояния и отношения, основанные на оценочном мнении, которое является здесь, наоборот, ассертивным компонентом. Эффект взаимодействия с ‘напрасно 2’ состоит в этом случае в выражении несогласия говорящего с этим оценочным мнением. Сюда относятся глаголы: *бояться* (в значении ‘бояться 1’, т. е. ‘испытывать страх’), *волноваться*, *злиться*, *сердиться*, *огорчаться*, *радоваться*, *обижаться*, *уважать*, *жалеть*, *завидовать*, *осуждать* и др. Например:

(39) Любви моей ты боялся зря, / Не так я страшно люблю (Н. Матвеева)
[в глаголе содержится оценка «плохо», говорящий ее опровергает];

(40) Ты *напрасно жалеешь*, что не пошел на этот фильм: он очень скучный
[*жалеешь, что не Р* ≈ ‘считаешь, что Р хорошо; я утверждаю: Р плохо’];

(41) Во всяком случае, сеньор, вы *напрасно волнуетесь*. Суда вам, конечно, не избежать, но наверное вас оправдают (Чехов — К).

Многие глаголы этой группы содержат, кроме того, презумптивный компонент, представляющий собой мнение об осуществлении (реальном или возможном) ситуации, являющейся объектом оценки: так, *радоваться*, *огорчаться*, *сердиться*, *сожалеть* можно по поводу того, что, как человек считает, уже имеет место; *бояться* — из-за того, что может произойти в будущем. Этот компонент, будучи презумптивным, с *напрасно* не взаимодействует, т. е. экзистенциальное мнение не опровергается. Например:

(42) Ты зря боишься этого экзамена
[то, что экзамен предстоит, не подвергается сомнению; оспаривается именно оценка этого события как плохого].

Оспаривание оценки часто происходит в форме выдвижения нового параметра, по которому оценка имеет противоположный знак, и этот параметр, как представляется говорящему, более существенный, например:

(43) Ты напрасно его за это осуждаешь: он действовал из самых лучших побуждений.

Субъект отношения считает, что обсуждаемый поступок плох; говорящий пытается опровергнуть это мнение указанием на другой параметр, который кажется ему более существенным: намерения были хорошие. Другой способ спорить с оценкой состоит в указании на последствия обсуждаемого события, которые имеют противоположный оценочный знак, например:

(44) Напрасно торжествуют враги пролетариата, напрасно радуется правительство.
День всенародного восстания недалек (К).

Как уже говорилось, среди глаголов эмоционального состояния и отношения допустимость сочетания с ‘напрасно 2’ определяется характером оценочного компонента, а именно, с ‘напрасно 2’ сочетаются только глаголы, включающие оценку как частный случай мнения — и не сочетаются те, в которые входит оценка-ощущение. Для иллюстрации этого противопоставления сравним отношения *любить* и *не любить*. Нельзя сказать — имея в виду смысл ‘напрасно 2’ — *Ты напрасно любишь Васю*, но вполне допустимо *Ты напрасно не любишь Васю: он хороший человек*. Действительно, эти отношения устроены не симметрично. Для того, чтобы не любить,

нужно какое-то основание типа ‘считать плохим’: а это мнение, с которым можно спорить; напротив, отношение *любить* не предполагает никакого мнения — поэтому здесь не с чем спорить и, следовательно, нельзя употребить ‘напрасно 2’.

Итак, первые две группы образуют глаголы мнения, в сочетании с которыми *напрасно* указывает на ошибочность экзистенциального мнения, третью — глаголы эмоционального состояния и отношения, в сочетании с которыми *напрасно* указывает на ошибочность оценочного мнения. Во всех трех случаях здесь в глаголе имеется лишь один ассертивный компонент: с ним и взаимодействует слово *напрасно*; результат этого взаимодействия для каждого глагола однозначен.

Но существуют, кроме того, глаголы, включающие компонент мнения наряду с другими компонентами, тоже ассертивными. В этом случае значение сочетания с *напрасно* для одного и того же глагола может быть различным — в зависимости от того, с каким из этих компонентов наречие взаимодействует. Наиболее обширный класс составляют случаи совмещения мнения с речью; здесь могут быть выделены аналогичные три группы.

II.1. Глаголы, содержащие два ассертивных компонента — экзистенциальное мнение и речь. Это, прежде всего, глагол *говорить*, а также *утверждать*, *возражать*, *отрицать*, *называть* и др. Рассмотрим глагол *говорить/сказать*. В случае актуализации компонента мн е н и я реализуется значение ‘напрасно 2’:

- (45) Ты *напрасно говоришь*, что с годами реакция на хамство притупляется. Наоборот, она обостряется
[глагол *говорить* обозначает мнение; сочетание с *напрасно* указывает на несогласие с этим мнением];
- (46) Денотат уводит за собой сигнификат. А может быть, я это *зря сказал*
[человек усомнился в правильности высказанного мнения].

Если актуализируется компонент р е ч и, то речь, являясь частным случаем действия, может рассматриваться с точки зрения своей эффективности; тогда реализуется значение ‘напрасно 1’ (действие не достигло результата):

- (47) *Напрасно говорю* я себе, что я не мог ожидать такой мгновенной развязки (Тургенев — К)
[говорю с целью убедить; цель не достигается];
- (48) И *напрасно* слова покорные / *Говоришь* о первой любви. / Как я знаю эти упорные / Несытые взгляды твои! (Ахматова)
[ты говоришь, чтобы я поверила; я не верю].

Речь как разновидность действия может сочетаться также и с оценочным значением ‘напрасно 3’ (в этом случае в тексте часто содержится обоснование оценки):

- (49) *Зря она сказала*, что никто не знает сейчас «мирискусников»: Михаил Юрьевич огорчился (А. Рыбаков. Дети Арбата)
[плохо сделала, что сказала; лучше было не говорить];
- (50) *Напрасно* он с тобой *говорил*, — ответила дочь. — Это касается только его и меня (Набоков. Защита Лужина).

По аналогии с *воображать*, к группе II.1. относится глагол *клеветать*, тоже содержащий смысл ложности мнения; соответственно, в сочетании *напрасно клеветать* также происходит дублирование смысла; ср.:

- (51) Но я *напрасно клеветчу* на себя (Тургенев — К).

II.2. Далее, группе I.2 соответствует группа II.2, куда относятся глаголы, имеющие презумптивный оценочный компонент и два ассертивных — экзистенциальное мнение и речь. Это, прежде всего, глагол *обвинять*, а также имеющие более сложную структуру глаголы *упрекать*, *оскорблять*, *обижать*, ср.:

- (52) Пойдите — вы должны узнать — что *обвинили* / Меня *напрасно*... что ни в чем / Не виновата ваша жертва (Лермонтов. Маскарад);
- (53) Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я *напрасно оскорбил* его упреком и подозрением (Пушкин. Катпитанская дочка).

II.3. В эту группу входят глаголы, имеющие презумптивный компонент экзистенциального мнения и два ассертивных — оценочное мнение и речь: *хвалить*, *ругать*, *хаять*, *жаловаться*, *роптать*, *восторгаться* и др. Здесь возможны все три значения. Наиболее характерным является значение ‘напрасно 2’, ср.:

- (54) На климат свой *напрасно* мы *жалуемся* (Вяземский — К).

Возможно также и значение ‘напрасно 3, ср.:

- (55) *Зря восторгаешься*, ни к чему эти восторги (К).

Понимание с ‘напрасно 3’ и с ‘напрасно 1’ обычно требует более сильного контекста; ср. (56) и (56’):

- (56) Ты *напрасно* его *ругал*: он так расстроился, что на него жалко смотреть [‘напрасно 3’].
- (56’) Ты *напрасно* его *ругал*: он продолжает делать то же самое [‘напрасно 1’: действие не достигло результата].

Другой пример контекстного разрешения неоднозначности для глаголов этой группы:

- (57) Михаил *не зря делал комплименты* Натали: она действительно необыкновенно хороша собой [‘напрасно 2’];
- (57’) Михаил *не зря делал комплименты* Натали: кажется, он добился у нее успеха [‘напрасно 1’].

В качестве второго ассертивного компонента (наряду с мнением) может быть не только компонент речи, но и некоторые другие, например, компонент выражения эмоции; в этом случае сочетание с *напрасно* обнаруживает ту же неоднозначность, ср. (55) и (55’):

- (58) Ты *напрасно плачешь*: он не стоит твоих слез [‘напрасно 2’];
- (58’) Ты *напрасно плачешь*: слезами ты ничего не добьешься [‘напрасно 1’].

Возможны также и более сложные случаи — когда присоединение к глаголу слова *напрасно* служит для указания на то, что описываемое им действие было основано на неправильном мнении. Ошибочность мнения влечет за собой неэффективность действия и одновременно служит основанием для его переоценки. Например:

- (59) Ничего не нашли. Скорее всего, это была кишечная колика. — Значит, *напрасно разрезали*? (В. Токарева)

Основанием для действия — операции — было определенное мнение о характере болезни; это мнение оказалось неправильным. Ср. также:

- (60) *Напрасно* я вчера *дал* жене *телеграмму*, что приеду. Может быть, еще убьют завтра. (Вересаев — К);
- (61) Но вы *напрасно обратились* с этой вещью ко мне. Вам надо было обратиться в какой-нибудь музей или кунсткамеру (Катаев — К).

Сказанное выше относительно эффекта взаимодействия со словом *напрасно* для глаголов, содержащих компонент мнения, может быть представлено в виде следующей таблицы (условные обозначения: МН — экзистенциальное мнение, ОЦ — оценочное мнение, Н₁ — ‘напрасно 1’, Н₂ — ‘напрасно 2’, Н₃ — ‘напрасно 3’):

Группы глаголов	Презумптивные компоненты	Ассертивные компоненты	Примеры глаголов	Значения слова <i>напрасно</i>
I. 1.	–	МН	<i>думать</i>	Н ₂
2.	ОЦ	МН	<i>надеяться</i>	Н ₂
3.	МН	ОЦ	<i>сожалеть</i>	Н ₂
II. 1.	–	МН, РЕЧЬ	<i>говорить</i>	Н ₁ / Н ₂ / Н ₃
2.	ОЦ	МН, РЕЧЬ	<i>обвинять</i>	Н ₂
3.	МН	ОЦ, РЕЧЬ	<i>ругать</i>	Н ₁ / Н ₂ / Н ₃

Обратим внимание еще на одно различие между разными значениями *напрасно*, а именно, на их отношение к отрицанию. В значении неэффективности действия и ошибочности мнения *напрасно* свободно присоединяет отрицание (ср.: *Я съездил напрасно* и *Я съездил не напрасно*; *Я напрасно его боялся* и *Я не напрасно его боялся*). В оценочном же значении *напрасно* не допускает отрицания (предложение типа *Я не напрасно отказался* допустимо лишь в полемическом контексте). Это свойство сближает оценочное *напрасно* со многими другими оценочными наречиями (**не великолепно*, **не к счастью*, **не лучше* <*было согласиться*> и т. п. — см. [Вольф 1985: 95; Арутюнова 1983а]).

Иначе ведет себя оценочное значение *напрасно* и по отношению к отрицанию при глаголе. А именно, будучи модификатором предложения, ‘напрасно 3’ может характеризовать предложение как положительное, так и отрицательное по форме (ср. [Арутюнова 1985: 14]) — при том что употребление двух других значений этого наречия в контексте отрицания при подчиненном глаголе является достаточно редким, так как оно ограничено случаями, когда *не Р* не означает ‘неверно, что Р’. Сюда относятся, в частности, конструкции с «подъемом отрицания», ср.: *Ты напрасно не считаешь это возможным*, сочетания типа *не любить* (с идиоматическим отрицанием, см. [Богуславский 1985: 35]), а также обозначений не-действий, типа: *Я напрасно не выхо-дил из дома* <*чтобы избежать встречи с Васей*>: *он сам ко мне пришел*.

3.4. К ПРОБЛЕМЕ ИНВАРИАНТА

Если попытаться выделить семантический инвариант значения ‘напрасно’ то на первый взгляд это будет смысл, который ближе всего к оценочному ‘напрасно 3’ Действительно, *напрасно P*, вообще говоря, всегда означает, что «лучше было бы не P»: лучше не совершать действий, не имеющих релевантных последствий; лучше не иметь мнений, не соответствующих действительности. Тем самым оценочный смысл содержится во всех трех значениях *напрасно* — но, за исключением значения ‘напрасно 3’, которое к нему сводится, он везде является вторичным, производным, т. е. имеет статус имплицатуры, а не полноценного семантического компонента.

У всех значений *напрасно* имеется, однако, и другой, более фундаментальный инвариант. Он может быть сформулирован следующим образом:

Употребляя выражение *напрасно P*, говорящий утверждает, что то Q, которое составляет *raison d'être* этого P, не существует.

Для ‘напрасно 1’ Q представляет собой цель, которую хочет достичь субъект действия P путем совершения P; для ‘напрасно 2’ Q — это действительное (с точки зрения говорящего) положение вещей: именно оно является основанием, оправданием для существования соответствующего мнения (P); для ‘напрасно 3’ Q — это некоторое положительное последствие P, которое является основанием для положительной оценки самого P.

Обратим внимание на то, что полученный семантический инвариант обнаруживает поразительную близость к диахронически исходному значению слово *напрасный* — ‘не имеющий причины, объяснения, обоснования’ (ср.: *напрасная смерть*). Как оказывается, это значение, не сохранившееся в современном русском языке, присутствует в нем виртуально как мотивирующее для тех значений, которые реально представлены.

4. ПРАЗДНИК ЖИЗНИ ПРОХОДИТ МИМО

...nec meum respectet, ut ante, amorem
qui illius culpa cecidit velut prati
ultimi flos, praetereunte postquam
tactus aratro est...

Catullus

4.1. Мимо 1 и мимо 2

Русское слово *мимо* обращает на себя внимание удивительной на первый взгляд противоположностью смыслов, которые оно может выражать, — ср., например, следующий диалог, где отрицательный по содержанию ответ (1б) слово в слово воспроизводит утвердительный по форме вопрос (1а), отличаясь от него лишь характером фразового ударения (ударные элементы предложения здесь и далее в разделе П.4 выделены подчеркиванием):

- (1) а. — Вы проедете *мимо* Гамбурга?
б. — Нет, мы проедем *мимо* Гамбурга.

Таким образом оказывается, что слово *мимо*, описывая траекторию движения одного объекта (X) относительно другого (Y), может обозначать как то, что они «встретились», так и то, что они «разминулись». «Встретились» означает примерно, что в какой-то момент X находился близко от Y или даже в самом месте Y; наоборот, «разминулись» значит, что X ни в какой момент не находился в точке Y (или достаточно близко от нее). Итак, в первом приближении можно сказать, что *мимо*, употребленное в примере (1а), значит ‘близко’, а в примере (1б) — ‘далеко’. В позиции противопоставления первое понимание возникает при безударном прочтении *мимо*, второе — когда *мимо* несет на себе фразовое ударение. Приведем примеры того и другого типа употреблений, обозначив их, соответственно, *мимо 1* и *мимо 2*.

Мимо 1:

- (2) Взволнованные люди пробежали *мимо* поэта по аллее, что-то восклицая, но Иван Николаевич их слов не воспринимал (Булгаков);
- (3) Пролетая *мимо* предпоследнего окна четвертого этажа, Маргарита заглянула в него и увидела человека, в панике напялившего на себя противогаз (Булгаков);
- (4) ...разом прыгать всем троим! — вправо, влево и назад — *мимо* конвоиров, даже свалив их! Будут стрелять, но всех троих не застрелят (Солженицын);
- (5) Всем дамам совершенно не понравилось такое обхождение Чичикова. Одна из них нарочно прошла *мимо* его, чтобы дать ему это заметить, и даже задела блондинку довольно

* В основу данного раздела положена статья [Зализняк 1994].

небрежно толстым дуло своего платья, а шарфом, который порхал вокруг плеч ее, распорядилась так, что он махнул концом своим ее по самому лицу (Гоголь)⁴⁰;

- (6) Домой Варя пошла пешком, *мимо* Университета, потом по Воздвиженке и по Арбату (А. Рыбаков);
- (7) Это, выбрасывая в небо клубы желтого, пронизанного огнем дыма, шел *мимо* переезда на запад воинский поезд, как они без счета проходили тут днем и ночью (Пастернак).

Мимо 2:

- (8) И нет нужды мне рассказывать тебе, как я потом терзался, как вглядывался в фотографию, где ты, с бликом на губе и светом в волосах, смотришь *мимо* меня (Набоков);
- (9) Счастлив писатель, который *мимо* характеров скучных, противных, поражающих печальной своею действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека... (Гоголь);
- (10) Турбин опустил крышку парты, вышел в коридор и *мимо* караулов ушел через вестибюль (Булгаков);
- (11) Старик неизменно упускал монету. Пятак, пролетев *мимо* его жалко растопыренных рук, падал в грязь (Пастернак);
- (12) Она прошла *мимо* ощущения, что похолодевший лоб как бы уменьшился, как сжатая в кулачок рука, ей удалось этого не заметить (Пастернак).

Приведем теперь несколько примеров, где *мимо* в пределах минимального словосочетания может быть понято двояко — в зависимости от наличия или отсутствия на нем фразового ударения; возникающая при этом неоднозначность обычно разрешается в пределах более или менее широкого контекста (в части примеров представлено *мимо* — наречие, о котором специально речь пойдет ниже; пока это несущественно):

- (13) И кругом свистали стрелы, / Не касаясь его, / *Мимо* дротики летали, / Шлема меч не рассекал (Пушкин).

Само по себе сочетание *мимо дротики летали* двусмысленно, при этом структура предложения в целом дает приблизительно равные основания для обоих прочтений. А именно, при понимании с *мимо 2* (т. е. с ударением на *мимо*) данная фраза состоит из трех частей (1-я: *И кругом свистали стрелы, не касаясь его*; 2-я: *мимо дротики летали*; 3-я: *шлема меч не рассекал*), в каждой из которых по-разному выражена приблизительно одна и та же мысль: «опасность была близко, но прошла стороной». Понимание с *мимо 1* (*мимо* — безударное) требует разбиения фразы на две части — до слова *мимо* и после него; в этом случае та же мысль выражена в каждой из этих двух частей. Понимание с *мимо 2* представляется на наш взгляд более вероятным.

Другой пример:

- (14) Ходят *мимо* люди богатые, в его лавочку не заглядывают (Лермонтов).

Это предложение может быть прочтено двояко: с ударением на слове *мимо* (*мимо 2*) — тогда вторая часть дублирует смысл, уже содержащийся в первой ('не заходят'), — или без ударения (*мимо 1*); в этом случае во второй части предложения сообщается новая информация. Оснований для предпочтения того или другого по-

⁴⁰ Обратим внимание на то, что в примерах (4) и (5) идея 'близко', выражаемая словом *мимо*, усиливается последующим выражением со словом *даже*, указывающим на наличие контакта: *мимо конвоиров, да же с в а л и в их* в примере (4); *прошла мимо его... и да же за д е л а блондинку* (стоявшую рядом с Чичиковым) в примере (5).

нимания (по крайней мере, без обращения к более широкому контексту) здесь, по видимому, нет.

Еще один пример:

- (15) Люди проходили *мимо* Маргариты Николаевны. Какой-то мужчина покосился на хорошо одетую женщину, привлеченный ее красотой и одиночеством (Булгаков).

Здесь также в зависимости от ударности/безударности *мимо* возможно два понимания. При понимании с *мимо 2* второе предложение приобретает противительный оттенок, который можно было бы выразить словом *лишь* (*Все люди проходили мимо, и лишь один мужчина...* и т. д.). На самом деле здесь имеется в виду понимание с *мимо 1* (что следует из существенно более дальнего контекста).

Сравним теперь примеры (12) и (16):

- (16) Мог ли такой тонкий и требовательный к себе человек, как Паша, так безошибочно отличающий суть от видимости, пройти *мимо* этой закравшейся фальши и ее не заметить? (Пастернак)

В отличие от (12), где употреблено *мимо 2*, очень похожее на него предложение (16) содержит *мимо 1* — что следует исключительно из наличия союза *и*, указывающего на то, что вводимое им выражение *ее не заметить* сообщает новую информацию — по сравнению с той, которая содержалась в первой части. Тем самым *мимо* в (16) означает просто ‘близко, рядом’. Наоборот, в (12) фраза *ей удалось этого не заметить*, присоединяясь через запятую, выполняет уточняющую функцию, выражая другими словами смысл, уже содержащийся в первой части предложения (‘отсутствие контакта’). Ср.: *пройти мимо этой закравшейся фальши, не заметить ее (мимо 2)*.

Следует отметить, что предлог *мимо* в значении ‘мимо 2’ встречается, вообще говоря, довольно редко (это значение более характерно для наречия *мимо*, и это вытекает из семантики *мимо 2* — см. ниже) — поэтому для предложений типа (8—12) следует говорить скорее о возможности прочтения словосочетания *X прошел мимо Y* как содержащего *мимо 2*. Противоположная возможность при этом тоже сохраняется.

Предлог *мимо 2* может быть и безударным (в отличие от наречия *мимо 2*, которое всегда ударно) — в случае, когда он указывает на то, что траектория движения X-а прошла рядом с Y, при том, что нормально она должна была бы пройти через сам Y (тем самым понимание с *мимо 2* оказывается обусловлено прагматически). Это происходит в более или менее устойчивых сочетаниях типа *бить мимо цели, пропустить мимо ушей, пронести кусок мимо рта, сесть мимо стула, глядеть мимо кого-то*. В предложении (17) присутствуют одновременно оба понимания (на чем и основан его эффект): в качестве свободного сочетания *мимо носа* несет значение ‘мимо 1’; одновременно существование выражений типа *пронести мимо рта* навязывает значение ‘мимо 2’.

- (17) *Мимо* носа носят чачу, *мимо* рта алычу (Высоцкий).

Семантическая структура обоих значений слова *мимо* включает «фондовый» компонент (нечто вроде условия уместности употребления этого слова): ‘X перемещается относительно Y таким образом, что до некоторого момента он приближается к Y, а после некоторого момента удаляется от него’. Кроме того, в семантическую структуру *мимо* входит два основных компонента:

- (а) ‘траектория движения X-а проходит близко от Y’
 (b) ‘X не вступает в контакт с Y’.

В *мимо 1* главным (ассертивным) является компонент (а) ‘траектория движения X-а проходит близко от Y’; компонент (b) выполняет здесь второстепенную роль. Он не является однако презумптивным: он содержит дополнительную, уточняющую информацию и при отрицании он просто исчезает, так как теряет смысл (см. [Богуславский 1985: 30—31]; ср. также понятие аллегии в [Hajíčová 1974]). Компонент (b) в *мимо 1*, кроме того, является неустойчивым (см. ниже).

В *мимо 2* присутствуют те же два компонента, которые меняются местами: здесь, наоборот, главным (ассертивным) является (b) ‘X не вступает в контакт с Y’; а (а) ‘траектория движения X-а проходит близко от Y’ уходит на задний план, — не исчезая однако полностью: нельзя сказать (подчеркивание указывает на фразовое ударение)

(18) Стрела пролетела *мимо* головы рыцаря,

если она прошла на расстоянии двадцати метров от нее. Также нельзя сказать (вне специального контекста) *Мы проедем мимо Гамбурга*, если речь идет, например, о поездке из Марселя в Мюнхен.

В сказанном можно убедиться, наблюдая эффект взаимодействия *мимо* с отрицанием при управляющем глаголе⁴¹. Ср.: *Если будешь проходить мимо булочной, купи хлеба. — Я не буду проходить мимо булочной (мимо 1: отрицание воздействует на компонент (а) ‘траектория движения X-а проходит близко от Y’)* и: *Не проходите мимо!*; *Старый конь мимо не ступит (мимо 2: отрицание воздействует на компонент (b) ‘X не вступает в контакт с Y’)*.

Чтобы показать, что компонент (b) в *мимо 1* является неустойчивым (т. е. присутствует в нейтральном контексте, а в противоречащем исчезает, см. [Зализняк 1987]), сравним следующие примеры:

- (19) А теперь нам вышел срок — И лежит нам путь далек: *Мимо острова Буяна*, В царство славного Салтана (Пушкин);
 (20) Ветер по морю гуляет / И кораблик подгоняет; / Он бежит себе в волнах / На поднятых парусах / *Мимо острова крутого*, / *Мимо города большого*: / Пушки с пристани палат, / Кораблю пристать велят. / Пристают к заставе гости; / Князь Гвидон зовет их в гости (Пушкин).

В (19), в «нейтральном» контексте, сочетание *мимо острова Буяна* указывает просто на траекторию движения, не предполагающую «контакта», а лишь допускающую его возможность; однако, чтобы знать, что эта возможность реализовалась, нужно соответствующее указание в тексте — эксплицитное, как в (20), или имплицитное, как в (21):

- (21) В одной из деревень, *мимо* которой они проезжали, молодой казак при дружном хохоте окружающих подбрасывал кверху медный пятак, заставляя старого седобородого еврея в длинном сюртуке ловить его (Пастернак).

Здесь из смысла предложения в целом следует, что траектория движения X-а проходит не только близко от Y, но и непосредственно через Y — т. е. компонент ‘X не вступил в контакт с Y’ здесь устраняется под влиянием противоречащего ему

⁴¹ Само слово *мимо* отрицанию практически не подвергается. Ср. редкие контексты типа: [*мимо 2*] *желанный кус не мимо уст* (Даль) или [*мимо 1*] *Эй, борода! а как проехать отсюда к Плюшкину, так чтоб не мимо господского дома?* (Гоголь).

контекста. Однако в предложении типа (22), где контекст является «нейтральным», компонент ‘отсутствие контакта’ сохраняется: в (22) речь, скорее всего, идет о траектории X-а, проходящей близко от Y, но не через него:

(22) Возница вез Гордона *мимо* разрушенных деревень (Пастернак).

Так или иначе, смысл ‘X вступает в контакт с Y’ не содержится в семантической структуре *мимо 1*, он лишь совместим с ней, — если он присутствует в остальной части предложения или выводится из нее. Только в этом последнем случае различие между значениями ‘мимо 1’ и ‘мимо 2’ носит характер своего рода энантиосемии, представленной в примере (1). Теперь мы можем более точно сформулировать суть семантического противопоставления между (1а) и (1б): дело не в том, что в (1а) и (1б) утверждаются две противоположные вещи (‘близко’ — ‘далеко’ или ‘наличие контакта’ — ‘отсутствие контакта’). Дело в том, что некоторый семантический компонент — а именно, ‘X не вступает в контакт с Y’ — в одном случае (в (1б)) является ассертивным, а в другом (в (1а)) — неассертивным и к тому же неустойчивым, а предложение (1а) — как раз тот случай, когда он «не устоял», т. е. был отменен противоречащим контекстом (в роли контекста здесь выступают условия уместности: очевидно, что произносящего фразу (1а) интересует именно возможность контакта X с Y). Тем самым в контрадикторные отношения вступают ассертивный компонент в (1б) и компонент, имеющий всего лишь статус имплицатуры в (1а).

Между двумя значениями *мимо* имеется еще одно существенное различие. Если для *мимо 1* коммуникативный статус выражения, соответствующего Y, несуществен, то в *мимо 2* Y всегда относится к данному: это известный и актуализированный объект. Этим определяется безударность выражения, соответствующего Y (перенос ударения на предлог: *мимо Y-а*), а также тяготение *мимо 2* к наречному употреблению (т. е. с опущением выражения, соответствующего Y).

При употреблении *мимо* в качестве наречия в роли отсутствующего Y-а (если он не упомянут в предшествующем тексте) выступает местонахождение объекта, являющегося «точкой отсчета» в данном тексте — т. е. говорящего или одного из героев, см. [Падучева 1993а]. У наречия *мимо* имеются те же два значения. При этом различие во фразовом ударении здесь не является определяющим: *мимо 2* всегда несет на себе ударение, но *мимо 1* может быть как ударным, так и безударным. Примеры:

Мимо 1:

- (23) [Генерал] рекомендуется мне как друг и сослуживец покойного мужа Ивана Андреича; он-де ехал *мимо* и не мог не заехать к его вдове, зная, что я тут живу (Пушкин. БАС);
- (24) — А где полк князя Болконского? — спросил Пьер. — Мы *мимо* проедем, я вас проведу к нему (Толстой. БАС);
- (25) Русалка это дочке своей венки плела. Слышит, люди *мимо* идут, — бросила (Пастернак).
- (26) Лаура. И вспомнил тотчас о своей Лауре?.. Да полно. Ты *мимо* шел случайно. И дом увидел (Пушкин);
- (27) Антипов и Мирон стояли в очереди на стоянке, а Толя шел *мимо*, и Антипов от полноты чувств пригласил и его (Ю. Трифонов);
- (28) Он рассматривал также и девушек, их оживленные лица, думал о них и волновался слабо и горько, как всегда, когда видел юную прелесть, проходящую *мимо* с кем-то, а не с ним (Ю. Казаков);

(29) Стою на полустаночке, в потертом полушалочке, а *мимо* пролетают поезда....

Мимо 2:

- (30) [Кот] попросил, чтобы его провели к нему, так как он, по его словам, не хотел пройти *мимо*, не засвидетельствовав хозяину замка своего почтения (К. Перро);
- (31) Паду ли я, стрелой пронзенный, Иль *мимо* пролетит она? (Пушкин);
- (32) Если только можно, Авва Отче, Чашу эту *мимо* пронеси (Пастернак);
- (33) И был тот крик далек-далек, / И падал так же *мимо*, / Как глядят, глядя в потолок, / Чужих и нелюбимых (Окуджава);
- (34) Река укрыла ее под кисейным бережком. Гуси-лебеди не увидали, пролетели *мимо*;
- (35) Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность; моему охлажденному взору неприятно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь *мимо*, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О моя юность! о моя свежесть! (Гоголь);
- (36) ...и поэтому, несмотря ни на что, школьная пора осталась в памяти как яркая и даже светлая. Все чудовищное, все самое страшное в какой-то мере проносилось *мимо*, как проносились в 48-м году за окнами поезда разрушенные вокзалы, вызывая в памяти недавние бои и кровопролития. И все-таки они проносились *мимо*, потому что в шестнадцатилетней душе все пело от счастья: я еду в Крым (А. Баранович-Поливанова).

Обратим особое внимание на пример (36): здесь в первой фразе на понимание *мимо 2* указывает детерминант *в какой-то мере* (*в какой-то мере проносилось мимо ≈ 'в какой-то мере меня не касалось'*).

Интересно сравнить примеры (23) и (30): здесь в обоих случаях можно было бы сказать *проходя мимо 1*, *решил не проходить мимо 2*, однако реально в каждом из этих предложений слово *мимо* употреблено лишь один раз: в (23) оно выражает первую половину этого смысла, а в (30) — вторую. Заметим, что пример (30) допускает также понимание с *мимо 1* — что не влияет, впрочем, на смысл предложения в целом, так как в этом случае смысл 'мимо 2' оказывается выражен лишь в деепричастном обороте *не засвидетельствовав хозяину замка своего почтения*, — а при понимании с *мимо 2* деепричастный оборот дублирует смысл, уже присутствующий в слове *мимо* (ср. выше примеры (13—15)).

Наречие *мимо 2* часто вносит компонент эмоциональной оценки ('...и это хорошо' или '...и это плохо' — ср. примеры (31—36)).

Рассмотрим еще одну группу примеров.

- (37) И то, как они промчались *мимо*, не заметив и не думая о нем, опять вызвало ощущение пустоты, несправедливой отторженности (А. Рыбаков);
- (38) На всем скаку нагнали шедшего по улице Самдевятова, пролетели *мимо* и не оглянулись, чтобы удостовериться, узнал ли он их (Пастернак);
- (39) Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный на куски воздух; летит *мимо* все, что ни есть на земле, и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства (Гоголь).

Как кажется на первый взгляд, здесь везде *мимо* значит что-то вроде 'не останавливаясь' (не случайно здесь употребление глаголов со значением очень быстрого передвижения). В Словаре современного русского литературного языка в 17-ти томах у слова *мимо* выделяется значение 'не останавливаясь, не задерживаясь' — к которому там, в частности, отнесен пример (39). Действительно, компонент 'не останавли-

ваясь' присутствует в значении *мимо 2* — однако, как можно убедиться, он находится в дополнительном распределении с компонентом 'не вступая в контакт' и тем самым не формирует отдельного значения. Можно сказать иначе: компонент 'не вступая в контакт' в *мимо 2* может реализоваться в форме 'не останавливаясь' — т. е. остановка может рассматриваться как частный случай контакта. Выбор варианта реализации определяется смыслом предложения в целом: тем, какой из двух видов контакта — прохождение непосредственно через *Y* или остановка около *Y* — находится в фокусе внимания (т. е. рассматривается как возможный или вероятный). Так, например, в (31) предполагается, что стрела может попасть в цель, а в (37) — что они могли бы остановиться.

4.2. ПРОЙТИ МИМО И МИНОВАТЬ

Говоря о слове *мимо*, нельзя не обратить внимание на его тяготение к глаголам движения с приставкой *про-*: *пройти, проехать, пробежать, пролететь, пронестись, проползти, проплыть, провезти, прокатить; промчаться, пробраться, промелькнуть, проследовать, проскочить, просунуться, прошмыгнуть*, и т. п. (в нашем корпусе примеры употребления *мимо* в контексте таких глаголов составляют около 65%).

О семантике приставки *про-* можно в данной связи сказать следующее. Глаголы одноподвижного движения с этой приставкой обозначают движение прямо и вперед, причем такое, что если в окружающем пространстве тем или иным образом фиксирована некоторая точка, соотносимая с траекторией движения (например, внешний наблюдатель или просто какая-то выделенная точка в пространстве), то это такое движение, при котором движущийся объект до некоторого момента приближается к этой точке, а после некоторого момента удаляется от нее (ср.: *По дороге проехал автомобиль*; выделенная точка — наблюдатель) — в отличие от глаголов с другими приставками (например, *у-* или *при-*), обозначающих другие типы траекторий движения относительно выделенной точки. Как нетрудно видеть, данный смысл в точности совпадает с «фоновым» компонентом обоих значений *мимо* (в целом для сочетания *пройти мимо* этот компонент является неглавным ассертивным — см. толкование ниже). Ср. также формулировку одного из значений приставки *про-* в [Грамматика-70: 270]: «действие, названное мотивирующим глаголом, на прав ить м и м о чего-н.» (разрядка моя. — А. З.).

И действительно, в некоторых случаях глагол *пройти* оказывается эквивалентным сочетанию *пройти мимо* — причем и в том и в другом значении. Для 'мимо 1' это можно проиллюстрировать сравнением двух переводов цитированной выше строфы из XI стихотворения Катулла, где латинскому слову *pretereunte* (букв. «идущим мимо») соответствует в одном переводе сочетание *проходящим мимо*, в другом — просто слово *проходящим*⁴²:

⁴² Здесь мы опять имеем дело с исчезновением неустойчивого компонента ('X не вступает в контакт с Y') под влиянием противоречащего контекста. Описываемая здесь ситуация безусловно предполагает «контакт» между X и Y — это, однако, вытекает из смысла предложения в целом, а не из значения слова *мимо*.

Но моей любви уж пускай не ищет,
 Ей самой убитой, — у кромки поля
 Гибнет так цветок, *проходящим мимо*
 Срезанный плугом
 (пер. С. В. Шервинского).

Только о моей пусть любви забудет!
 По ее вине иссушилось сердце,
 Как степной цветок, *проходящим плугом*
 Тронутый насмерть
 (пер. А. И. Пиотровского).

Еще один пример подобной квазисиноними: *Скажи мне, когда мы будем проезжать мимо Кельнского собора* и *Скажи мне, когда мы будем проезжать Кельнский собор*.

Идея 'мимо 1' отражена также в значении сочетания *проходящий поезд* — поезд, который начал свое движение до и продолжит его после момента своего прохождения через некоторую точку — с остановкой или без остановки в ней («остановка», как было показано, — вариант «контакта»).

Что касается 'мимо 2', то соответствующее значение у глаголов с приставкой *про-* реализуется в выражениях типа *проехать остановку, проспать лекцию, прослушать вопрос* (с отрицательной оценкой — имеется в виду понимание, включающее смысл 'пропустить'), а также в выражениях типа *Пронесло!* (с положительной оценкой) — ср. выше об эмоциональной окрашенности *мимо 2*⁴³. Тем самым омонимия сочетания типа *проехать мимо Гамбурга*, с которой мы начали, заложена уже в самом глаголе *проехать*.

4.3. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА 'МИМО' И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Итак, мы предлагаем следующие толкования (жирным выделен главный асертивный компонент; обозначение [неуст.] используется для неустойчивого компонента)⁴⁴:

X прошел мимо 1 (Y-a) =

[асс.] — 'X перемещался таким образом, что до некоторого момента он приближался к Y, а после некоторого момента стал удаляться от Y';

— '**в некоторый момент X находился близко от Y**';

[неасс., неуст.] — 'X не вступил в контакт с Y'.

X прошел мимо 2 (Y-a) =

[асс.] — 'X перемещался таким образом, что до некоторого момента он приближался к Y, а после некоторого момента стал удаляться от Y';

— '**X не вступил в контакт с Y**' (вариант: 'не остановился');

[неасс.] — 'в некоторый момент X находился близко от Y'.

⁴³ Соответствующее значение иногда выделяется как самостоятельное среди значений приставки *про-*; см., например: «упустить, пропустить что-н., совершая действие, названное мотивирующим глаголом» [Грамматика-70: 270]. О его актуальности для русского языкового сознания свидетельствует, например, следующее замечание из романа А. Битова «Пушкинский Дом»: «*просмотреть*» фильм, *если верить русскому языку, значит его «не увидеть»*.

⁴⁴ Неустойчивым назван семантический компонент, исчезающий в противоречащем контексте, см. [Зализняк 1992: 24].

Слово *мимо* толкуется в составе выражения *пройти мимо*, так как, согласно нашей гипотезе, в смысл сочетания *мимо* с любым глаголом входит смысл его сочетания с глаголом *пройти* (в том виде, в каком он представлен в приведенном выше толковании, т. е., в частности, за вычетом компонента ‘пешком’). При употреблении *мимо* в контексте того или иного конкретного глагола движения к данному толкованию должна быть добавлена информация о характере перемещения.

В толковании выбран совершенный вид, так как его значение семантически проще. Реально в контексте слова *мимо* возможен глагол как совершенного, так и несовершенного вида (в том числе в процессном значении). Для интерпретации выражений с глаголом несов. вида в процессном значении требуется достаточно несложный пересчет, а именно, *X проходил мимо Y* означает ‘X находился в процессе такого движения, что если оно будет доведено до конца, то можно будет сказать, что X прошел мимо Y’. Отметим, что среди глаголов несовершенного вида в контексте *мимо* употребляются как приставочные имперфективы типа *проходить*, так и бесприставочные глаголы типа *идти*:

(40) Гроза идет *мимо*, только краем захватит (Чехов. Дядя Ваня);

(41) Праздник жизни проходит *мимо*.

Слову *мимо* может быть сопоставлена следующая концептуальная схема, допускающая разные реализации (что объясняет возможность указанного смыслового расхождения в пределах одного слова):

Имеется три сущности: движущийся объект (X), неподвижный объект (Y) и окрестность объекта Y. Объект X движется таким образом, что в какой-то момент он проходит через окрестность Y-а.

‘Мимо 1’ и ‘мимо 2’ различаются тем, как членится эта картина: в ‘мимо 1’ различие между Y и его окрестностью является несущественным: ситуация концептуализуется как прохождение X-а через окрестность Y-а или, возможно, через сам Y. В ‘мимо 2’, наоборот, принципиальное значение имеет противопоставление Y-а и его окрестности: здесь важно то, что траектория X-а не проходит через сам Y.

Каждому из элементов концептуальной схемы ‘мимо’ может быть сопоставлен семантический компонент толкования. Приняв одно из значений за исходное (а именно то, которое реализуется при нейтральном фразовом ударении) мы можем описать то же соотношение следующим образом: значение ‘мимо 2’ возникает из значения ‘мимо 1’ за счет реорганизации его семантической структуры, а именно, за счет того, что неустойчивый и второстепенный по своей значимости компонент (‘X не вступает в контакт с Y’) выходит на первый план, становясь главным ассертивным. Описанный тип сдвига является одним из важнейших механизмов семантической деривации.

Такой способ представления позволяет, в частности, объяснить случаи синкретизма или нейтрализации двух значений *мимо*: действительно, в принципе возможна такая ситуация, когда все элементы этой картины имеют приблизительно равную значимость; тем самым различие между двумя значениями *мимо* оказывается несущественным (или невыраженным). Так, в примере (42), по-видимому, слово *мимо* имеет

одновременно оба своих значения: ‘находилась рядом’ и ‘не остановилась’, причем обе идеи находятся в фокусе:

- (42) И, только подходя к Арбатской площади, подумала, что, спускаясь по лестнице, прошла *мимо* Сашиной квартиры. Почему только сейчас это дошло до нее? Все забыла со своей любовью? А Софья Александровна лежит ночью одна с открытыми глазами и думает о том, как теперь Саша (А. Рыбаков).

С другой стороны, о нейтрализации противопоставления *мимо 1* и *мимо 2* можно говорить в тех случаях, когда смысл, их различающий, эксплицитно выражен в том же предложении — ср. слово *стороной* в (43):

- (43) Что же вдруг Мазепа будто испугался? Что *мимо* хутора промчался он *стороной* во весь опор? (Пушкин).

Примером синкретизма двух значений *мимо* может служить также следующий отрывок из стихотворения И. Бродского:

- (44) *Мимо* ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя *мимо*,
мимо Мекки и Рима
синим солнцем палимы
идут по земле
пилигримы.

Пример (41) подводит нас еще к одной проблеме, связанной с *мимо* — к способу представления, с помощью этого слова, а также родственных ему глаголов *минуть* и *миновать* (с которыми предлог *мимо* связан формально и семантически [Фасмер 1996, II: 622]), одного частного случая перемещения X относительно Y, а именно, «хода событий», так или иначе затрагивающих человека.

Как известно (см., в частности, [Lakoff, Johnson 1980]), в естественном языке отражены две противоположные пространственные метафоры времени: события движутся навстречу неподвижному человеку и, наоборот, человек движется навстречу событиям. Само слово *мимо* в обоих значениях использует только первую модель — ср. примеры (42), (45), (46а, б), (36) с *мимо 2* и (47) — с *мимо 1*:

- (45) И время в хлопьях мчится *мимо* (Пастернак);
- (46) а. Все великие события эпохи прошли *мимо* него.
б. Дочь известного деятеля русской культуры И. В. Цветаева, младшая сестра Марины Цветаевой, Анастасия Ивановна Цветаева принадлежит к тому кругу прогрессивной русской интеллигенции, *мимо* которого не прошли значительные события общественной и политической жизни России начала XX века (Аннотация к книге: Анастасия Цветаева. Воспоминания. М., 1971);
- (47) *Мимо* него прошли все великие события эпохи⁴⁵.

В примерах типа (48), где движение как бы обращено, противоположную метафору времени усматривать, однако, нельзя, так как здесь пространственная метафора относится не к движению событий во времени, а к «движению» внимания, ср. в (12) *она прошла мимо ощущения* (= *не заметила*), а также (49):

⁴⁵ Обратим внимание на синонимию утвердительного предложения (47) с *мимо 1* и отрицательного (46б) с *мимо 2*.

- (48) Он прошел *мимо* всех великих событий эпохи.
- (49) Если бы эту брошюру написал рядовой историк, то можно было бы пройти *мимо*: историки могут ошибаться... (А. Рыбаков).

Та же метафора времени («события движутся относительно человека») отражена в слове *мимолетный* (ср. *мимолетное счастье*).

Рассмотрим теперь глагол *миновать*. Как легко убедиться, он может представлять и ту, и другую метафору времени: ср., с одной стороны, примеры (50) — (55), где «события движутся навстречу человеку», и, с другой стороны, (56) — (60), где наоборот, «человек движется навстречу событиям» (то, что «движется», выделено в примерах разрядкой: то, что «неподвижно» — подчеркиванием):

- (50) *Минуй нас* пуше всех печалей И барский *гнев* и барская *любовь* (Грибоедов);
- (51) Иногда ей казалось, что *беда минует*, пройдет стороной [имеется в виду — *ее*] (Медынский. БАС);
- (52) Отче Мой! если возможно, да *минует меня чаша* сия (Матф. XXVI.39).

В обоих случаях *миновать* соотносится со значением ‘мимо 2’ (ср., в частности, (52) и (32)). Возможно и такое употребление *миновать*, где оно соответствует значению ‘мимо 1’:

- (53) Прошел день, *миновал вечер*, наступила ночь, а доктор все не возвращался (Ю. Олеша);
- (54) Масляная, а затем и святая *недели миновали* (Григорович. БАС);
- (55) *Кризис миновал*, началось возвращение к жизни (А. Н. Толстой).

В случае, когда *миновать* реализует противоположную метафору времени, возможно лишь значение, соответствующее *мимо 2*:

- (56) Толкуют все, что есть любовь на свете, что *девушке любви не миновать* (А. Островский, БАС);
- (57) Пес бежит и ко двору Путь им кажет. «Не к добру! — Братья молвили, — *печали не минует*» [*мы*] (Пушкин);
- (58) Пришел ко мне Шапиро, мой защитничек, старик, / Сказал: «Не *миновать тебе расстрела*»;
- (59) Двум смертям не бывать, а *одной не миновать* [*человеку*];
- (60) Чему быть, *того не миновать* [*человеку*].

Интересно, что близкий к *миновать* глагол *минуть* обладает лишь одной из двух возможностей представления протекания событий во времени, а именно — первой (события движутся навстречу человеку):

- (61) Пятнадцать лет мне скоро *минет*. Дождусь ли радостного дня? (Пушкин);
- (62) Ах, быстро молодость моя / Звездой падучею мелькнула. / Но ты, пора любви, *минула* / Еще быстрее (Пушкин);
- (63) Хотя Гаврику едва *минуло* девять лет, дедушка легко доверил ему такую важную вещь, как продажа рыбы (Катаев. БАС).

Ту же метафору времени представляет глагол *пройти* (в одном из своих значений): *лето прошло, боль прошла, любовь прошла*. Тем самым глагол *пройти* в этом значении эквивалентен глаголу *миновать* — в том случае, когда последний соответствует ‘мимо 1’ (ср.: *ночь миновала* и *ночь прошла*; ср. также выше об эквивалентности *пройти* и *пройти мимо 1* в «пространственном» значении). Когда глагол *миновать*

выражает идею ‘мимо 2’, то в современном языке он не может быть заменен на *пройти*; употребление типа (64) является очевидно устаревшим:

- (64) Медведь взревел и замертво упал; / Медведь мой поддыхает. / *Прошла б е д а*; Крестьянин встал / И он же батрака ругает (И. А. Крылов);
- (65) Ты *минешь* море голубое, в моря зеленые войдешь (Бальмонт. БАС);
- (66) Как я жалею, что на пути моем из Петербурга не заехал в Ярополец; я бы имел и счастье с вами повидаться и сократил бы несколькими верстами дорогу, и *миновал* Москву (Пушкин);
- (67) Не *минуть* чых-то рук.

В следующей таблице сведена информация о возможностях реализации значений ‘мимо 1’ и ‘мимо 2’ у слов: 1) *мимо*; 2) *миновать*, *минуть*; 3) *пройти*. В каждой клетке таблицы помещены примеры употребления обсуждавшихся языковых единиц (или отсылки к соответствующим номерам); прочерк означает отсутствие у соответствующего слова употребления, которое удовлетворяло бы данным условиям.

	Пространственная интерпретация движения	Временная интерпретация движения	
		«события движутся»	«человек движется»
‘мимо 1’	1) проходил <i>мимо</i> булочной 2) <i>миновали</i> пруд, потом березняк; [устар. — см. (65)] 3) –	1) <i>мимо</i> него прошли великие события 2) кризис <i>миновал</i> ; ему <i>минуло</i> 15 лет 3) боль <i>прошла</i>	1) – 2) – 3) –
‘мимо 2’	1) стрела пролетела <i>мимо</i> 2) [устар. — см. (66), (67)] 3) <i>пройти</i> нужный поворот	1) праздник жизни проходит <i>мимо</i> 2) беда <i>миновала</i> 3) [устар. — см. (64)]	1) – 2) не <i>миновать</i> тебе расстрела 3) –

Подводя итог проведенного анализа русского слова *мимо*, особо отметим следующее.

Значение ‘мимо 2’ возникает из значения ‘мимо 1’ за счет реорганизации его семантической структуры, а именно, за счет того, что неустойчивый и второстепенный по своей значимости компонент (‘X не вступает в контакт с Y’) выходит на первый план, становясь главным ассертивным. Происходит это в определенных коммуникативных условиях, а именно, когда объект Y имеет статус данного и проблема контакта с ним оказывается в фокусе (что обычно маркируется фразовым ударением).

Описанный тип сдвига реализует один из важнейших механизмов семантической деривации. Приведем лишь те примеры, где в результате аналогичной перестройки семантической структуры исходного значения, сопровождающейся акцентным сдвигом, возникает, как и в случае с *мимо*, в некотором смысле противоположный смысл.

Один такой пример — глагол *показаться*, проанализированный в [Зализняк 1988б]. Ср. (подчеркивание указывает на акцентное выделение):

- (68) а. — *Мне показалось*, что ты чем-то расстроен.
 б. — Тебе это показалось.

Значения слова *показалось*, реализующиеся в этом диалоге, могут быть эксплицированы приблизительно следующим образом:

- (68а) [асс.]: ‘Х считает, что скорее всего Р’
 [през.]: ‘Говорящий ничего не считает по поводу Р’;
 (68б) [асс.]: ‘Говорящий считает, что не Р’
 [през.]: ‘Х считает, что скорее всего Р’.

В (68а), т. е. при нейтральном для глаголов мнения безударном употреблении, реализуется значение, не включающее оценки говорящим истинности подчиненной пропозиции (‘говорящий ничего не считает по поводу Р’). В (68б), т. е. при ударении на глаголе, происходит перестановка компонентов семантической структуры: бывший ассертивный компонент ‘Х считает, что скорее всего Р’ переходит в презумпцию, а в ассерции оказывается вообще говоря новый компонент ‘Г считает, что не Р’, который, однако, очевидным образом возник в результате «усиления» смысла, уже сохранившегося в (68а), т. е. ‘Г не считает, что Р’ превращается в ‘Г считает, что не Р’⁴⁶. Этот последний смысл безусловно в некотором отношении противоположен смыслу ‘Х считает, что скорее всего Р’, — что и создает эффект семантической противоположности двух обсуждаемых значений глагола *казаться*. О глаголах *воображать*, *подозревать*, *понимать* и др. в этой связи см. [Зализняк 1988б].

В работе [Апресян 1990] приводится целый ряд примеров, где наличие или отсутствие фразового ударения на некотором слове влияет на выбор его лексического значения; ср.: *Он — настоящий разбойник* (= ‘разбойник в строгом смысле слова’) и *Он — настоящий разбойник* (= ‘подобен разбойнику по поведению или внешности’). Тем самым в первом случае утверждается, что он разбойник, во втором — имплицитно, что он не разбойник. См. также [Падучева 2004: 93—112].

⁴⁶ Тот же семантический сдвиг характерен для самого глагола *считать* (как и для ряда других глаголов мнения): *Х не считает, что Р* нормально понимается с «подъемом отрицания», т. е. как ‘Х считает, что не Р’.

5. ГЛАГОЛ *МОЧЬ*

5.1. ОБ ОДНОМ ИДИОМАТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ГЛАГОЛА *МОЧЬ*

Модальные глаголы, в частности *мочь*, принадлежат к числу семантических операторов с максимально широкой сочетаемостью. Поэтому обращает на себя внимание тот факт, что для многих предикатов, обозначающих внутренние (ментальные, эмоциональные и т. д.) состояния затруднено сочетание с *мочь* в 1-м лице в независимом утвердительном предложении; ср. в примере (1) сочетания с глаголами ментально-эмоциональных состояний (несов. вида), в примере (2) — с глаголами ментальных актов (сов. вида):

- (1) ?Я *могу* вам верить; ?Я *могу* на вас сердиться; ?Я *могу* вас ненавидеть; ?Я *могу* тебя любить; ?Я *могу* это знать; ?Я *могу* страдать; ?Я *могу* раскаиваться; ?Я *могу* бояться его прихода;
- (2) ?Я *могу* удивиться [если я могу удивиться, почему я до сих пор не удивился?]; ?Я *могу* успокоиться [если что?].

Изменение лица или модальности высказывания, а также введение оператора отрицания, этот эффект аномальности снимает, ср.:

- (3) Ты *можешь* мне верить; Я *могу* вам верить?; Я знаю, что я *могу* вам верить; Я не *могу* вам верить.

Иногда сочетание становится естественным при добавлении, казалось бы, совершенно невинных слов, например *теперь* или *только*, ср.:

- (4) а. ?Я *могу* о нем сожалеть;
б. *Теперь* я *могу* о нем *только* сожалеть.
- (5) а. ?Я *могу* его презирать;
б. Я *могу* его *только* презирать.

Итак, вне определенного контекста сочетание глагола внутреннего состояния с *мочь* оказывается странным — неопределенным, неполным или просто аномальным.

В то же время есть предикаты ментально-эмоциональных состояний и актов, которые дают вполне осмысленные сочетания с *мочь* в минимальном контексте:

- (6) а. Теперь я *могу* считать дело решенным; Я *могу* смотреть на это как на временную меру; Теперь я *могу* его не опасаться; Я *могу* ему доверять; Там я *могу* рассчитывать на приличный прием; Теперь (на основании того, что ты говоришь) я *могу* надеяться, что он по крайней мере не хам; Насколько я *могу* судить, работа хорошая.

* В основу данного раздела положены материалы статьи [Зализняк, Падучева 1989]. Среди позднейших работ о русском глаголе *мочь* см., в частности: [Булыгина, Шмелев 1990/1997; Бондарко (ред.) 1990; Шатуновский 1996: 191—216].

б. В это я *могу* поверить; Это я *могу* понять; В этом я *могу* усомниться; Это я *могу* допустить; Отсюда я *могу* заключить, что я был прав; Я один *могу* это оценить; Я *могу* назвать его скорее дураком, чем мерзавцем; Это я еще *могу* ему простить.

Ср. еще некоторые более сложные контексты:

- (7) а. Никто в ласковом и гостеприимном хозяине *не мог* подозревать героя полтавского (Пушкин).
 б. Человек, который вас не знает, *может* подозревать тут... какие-нибудь подавленные желания (Гончаров).
 в. Мне ль было сетовать о толках крикунов, Когда гордиться *мог* я дружбою твоею (Чаадаев) [*мог гордиться* = 'гордился'].
 г. Рассуди, *могу* ли я признать в тебе государя (Пушкин).

Можно показать, однако, что значение глагола *мочь* в примерах (6), (7) идиоматично. Обычное сочетание с модальным глаголом, например *Я могу к нему пойти*, разлагается на 'я могу' + 'я зайду', т. е. в обычном модальном сочетании инфинитиву соответствует отдельная предикация (с тем же субъектом, что у модального глагола), отнесенная к плану будущего. Между тем в примерах (6), (7) такое разложение невозможно; во всяком случае, в смысл этих сочетаний не входит никаких предикаций, отнесенных к плану будущего. Так, *Я могу надеяться* ≠ 'я могу' + 'я буду надеяться': состояние надежды имеет место уже в настоящий момент. Предмет нашего особого интереса составит именно то идиоматическое значение глагола *мочь*, которое представлено примерами (6), (7), (10—13), и отличительной особенностью которого является квазисинонимия сочетания *мочь* с инфинитивом и личной формы соответствующего глагола, ср.: *могу надеяться* и *надеюсь*, *могу ему доверять* и *доверяю*.

Следует оговорить, что вовсе не все ментально-эмоциональные глаголы, допускающие сочетание с *мочь*, сообщают глаголу *мочь* это значение. Так во фразе

- (8) *Я могу опровергнуть* ваши доводы

слово *могу* имеет обычное, не идиоматическое значение: здесь выделяется предикация, отнесенная к плану будущего: 'я опровергну (при каких-то условиях)'. Ср., однако, пример (9), где значение *мочь* близко к значению этого глагола в примерах (6), (7):

- (9) *Я могу* подумать, что вы мне не доверяете; *Я могу* решить, что вы уклоняетесь от ответа; *Я могу* расценить ваше заявление как отказ; *Я могу* заподозрить, что вы что-то скрываете; *Я могу* рассердиться; обидеться.

Имеются еще две группы глаголов, которые сообщают слову *мочь* указанное значение. Одну группу составляют глаголы восприятия и глаголы, обозначающие ментальные действия, связанные с восприятием (*разобрать*, *рассмотреть* и др.; всегда в сов. виде). При этом, поскольку глаголы восприятия естественно переходят в ментальные (см. [Вежицкая 1986; Арутюнова 1989]), между этой группой и группой ментально-эмоциональных глаголов не всегда даже можно провести четкую границу. Примеры:

- (10) *Я могу* разобрать только вот эти два слова; *Я могу* расслышать отдельные слова; *Я могу* различить очертания гор на противоположной стороне озера; *Я могу* себе представить, какой был скандал; *Могу* вообразить, что она сказала.

Идиоматичность сочетания перцептивных глаголов с *мочь* состоит в том, что сочетание в целом почти совпадает по смыслу с самим перцептивным глаголом (см. [Vendler 1967: 115]): *Я могу различить* ≈ *Я различаю*; *Сегодня я мог наблюдать за нимательную сцену* ≈ *Я наблюдал*. Ср. также более сложные контексты:

- (11) В его глазах я *мог* прочесть (увидеть, уловить) презрение; В пустыне, где один Евгений / *Мог* оценить его дары... (Пушкин); Конечно, не один Евгений Смятенъ Тани видеть *мог* (Пушкин); ...ничего не *мог* различить, кроме мутного течения метели (Пушкин).

Близкое, но несколько иное значение в примере:

- (12) Читатель *мог* догадаться, чем кончился этот разговор [≈ ‘наверное, догадался’]; Вы *могли* заметить, что я мало уважаю посторонние мнения (Пушкин) [≈ ‘наверное, заметили’].

И последняя группа глаголов, стимулирующих реализацию интересующего нас значения *мочь*, — это перформативные глаголы и близкие к ним глаголы говорения и коммуникативного намерения. Слово *могу* образует с некоторыми перформативными и даже не перформативными глаголами такое сочетание, которое способно выступать в качестве перформативной формулы (ср. [Падучева 1985: 21]); так, *Могу предложить* ≈ *Предлагаю*. Примеры:

- (13) *Могу* сказать, что в эту минуту я обрадовался; *Могу* вам сказать, что он всегда этим славился; Теперь мы *можем* сказать, что совершили ошибку; *Я могу* назвать таких выдающихся деятелей, как...; *Могу* обратить ваше внимание на то, что...; *Я могу* определить, выделить, охарактеризовать, засвидетельствовать, отнести...; Ширванский полк *могу* сравнить с октавой (Пушкин); *Я могу* выразить это так; *Могу* пожаловаться только на одно; На это я *могу* возразить, что...; *Я могу* попросить вас остаться? (≈ *Я прошу вас остаться!*); *Могу* вам сообщить, что вы приняты; *Могу* добавить...; *Могу* заметить... (в значении ‘сказать мимоходом’),

Ср. также сочетания *могу* с перформативными глаголами (в несев. виде) из списка, приведенного в [Апресян 1986]:

- (14) а. *могу* напомнить, вас уверить, удостоверить; *могу* признаться, покаяться; *могу* обещать, поклясться, вас заверить, вам гарантировать; *могу* порекомендовать, пригласить, посоветовать; *могу* предсказать; *могу* предложить; *могу* признать; *могу* поспорить; *могу* упрекнуть (но не *могу обвинить*, которое еще не значит *обвиняю!*); *могу* оправдать, извинить ее тем, что... (но не *могу извиниться*, *могу поблагодарить*, *могу дать честное слово*, которые не равносильны *Извиняюсь!*; *Благодарю!*; *Даю честное слово!*).

Более сложные контексты:

- (14) б. Никто б не *мог* ее прекрасной назвать (≈ Никто не назвал бы); *Я могу* приписать его умеренность одному великодушию.

Интересующее нас идиоматическое значение глагола *мочь*, реализующееся в контексте перечисленных классов предикатов, обладает рядом отличительных свойств. Укажем некоторые отличия в поведении сочетаний глагола *мочь* с предикатами внутреннего состояния по сравнению с сочетаниями, где вторым компонентом является глагол действия:

1. Сочетание *мочь* с глаголом действия естественно фигурирует в составе противопоставительной конструкции, ср. (15а). Между тем модальное сочетание из примеров (6), (7), (10) при помещении в такой контекст дает аномалию, ср. (15б).

- (15) а. *Я могу* прыгнуть, но не прыгну; *Я могу* пойти, но не пойду и т. д.
б. **Я могу* в это поверить, но не верю; **Я могу* себе представить, но не представляю; **Я могу* надеяться, но не надеюсь и т. д.

В самом деле, поскольку в случае глагола действия предикация, соответствующая инфинитиву, отнесена к плану будущего, из *Я могу прыгнуть* следует, что я сейчас не прыгаю. Между тем *Я могу в это поверить* — это приблизительно то же самое, что *Я в это верю*: предикация, соответствующая инфинитиву, относится к плану настоящего, а не будущего; поэтому в примере (15а) возникает прямое противоречие.

2. В работе [Vendler 1972] приводится чуть более сложный тест, который демонстрирует примерно то же отличие значения модального глагола в контексте глаголов физического действия от его значения в контексте глаголов ментальных актов и внутренних состояний:

- (16) а. Даже если бы я мог прыгнуть, я бы не прыгнул;
 б. *Даже если бы я мог поверить, я бы не поверил.

Вендлер связывает обсуждаемое сочетаемое свойство предикатов внутреннего состояния с отсутствием у внутренних состояний «четкого начала». Это не дает, однако, полного объяснения.

3. Еще одна характерная особенность модальных сочетаний с предикатами внутреннего состояния — это то, что высказывания с таким сочетанием не допускают возражения. В самом деле, в ответ на фразу *Я не могу решить эту задачу* можно сказать: *Можешь! Подумай как следует*. Между тем в случае высказывания с ментально-эмоциональным предикатом аналогичное возражение невозможно. Этот запрет часто обыгрывается. Ср. диалог:

- (17) Шарлемань. Простите меня, господин президент, но я *не могу* в это поверить.
 Бургомистр. *Можете!* (Е. Шварц. Дракон)

На первый взгляд, дело здесь просто в том, что посторонний не может быть более компетентным в оценке нашего внутреннего состояния, чем мы сами. Однако в таком случае непонятно следующее. Высказывание субъекта о своем состоянии вовсе не обязательно соответствует самому состоянию. Поэтому, скажем, предложение *Я в это верю* вполне допускает возражение: *Да бросьте! На самом деле вы в это не верите*. Поэтому эффект, возникающий в диалоге (17), имеет другую природу. Дело в том, что *Можете!* в (17) — это сокращение от *Вы можете в это поверить*; между тем такая фраза, с субъектом в не 1-м лице, вообще аномальна: то идиоматическое значение, которое возникает у *мочь* в первом предложении примера (17), возможно только в высказываниях от 1-го лица; при замене 1-го лица на 2-е возникает неидиоматическое сочетание с предикацией, отнесенной к будущему, которое аномально. Чем объяснить ограничение на лицо субъекта — это особая проблема (мы коснемся ее в разделе II.5.3).

Обратимся теперь к общей семантической структуре глагола *мочь*, исследование которой должно прояснить сочетаемость этого слова с глаголами разных семантических типов (а также с лицом субъекта, временем, наклонением и т. д.).

5.2. СИСТЕМА ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛА *МОЧЬ*

В литературе у модальных слов (как типа *может*, так и типа *должен*) принято выделять три типа значения: объективное (или онтологическое), пермиссивное и эпистемическое (см, например, [Rytel 1982]; ср. также в [Leech 1971] различие трех значений английского *can* ‘мочь’ — ability «способность», permission «разрешение» и possibility «гипотетичность»)⁴⁷. Из этих трех значений основным является, конечно, объективное (онтологическое).

5.2.1. Объективное значение

Наиболее естественный контекст для объективного значения модального слова составляет глагол действия. Таким образом, толкуется выражение *X может P*, где *X* — действующий субъект, а *P* — его действие. Действие *P* может быть конкретным и узуальным. В контексте, который естественно считать исходным, *P* — конкретное (однократное) действие. Через *P(X)* обозначим событие, состоящее в осуществлении субъектом *X* действия *P*. В соответствии с общепринятыми представлениями, для того чтобы произошло событие, необходима совокупность условий⁴⁸. Итак, предлагается следующее толкование:

Предложение вида *X может P* употребляется в такой ситуации, когда говорящий, деля совокупность условий для наступления события *P (X)* на существенные и несущественные, утверждает, что все существенные условия для наступления события *P (X)* выполнены.

Пример:

(18) *Я могу* решить эту задачу.

Когда *P* есть намеренное действие *X*-а, т. е. когда событие *P (X)* контролируется *X*-м⁴⁹, все существенные условия наступления *P (X)* касаются только свойств *X*-а (условия, касающиеся других участников ситуации, — несущественные). В число условий наступления события *P (X)*, естественно, входит наличие у *X*-а намерения совершить *P*, но всегда в качестве несущественного условия: отсутствие намерения не влияет на наше суждение о возможности *X*-а совершить *P*.

Слегка перифразируя толкование, можно сказать, что *X может P* означает, что в настоящий момент со стороны *X*-а (свойств *X*-а) нет принципиальных препятствий для наступления события *P (X)*. Идея препятствия связана с семантикой

⁴⁷ В работе [Булыгина, Шмелев 1990/1997] у высказываний возможности различаются два типа значения — значение онтологической возможности, или потенциальности, и значение эпистемической возможности, или проблематичности.

⁴⁸ З. Вендлер [Vendler 1972: 85] формулирует «трансцендентный принцип каузальности», который состоит в следующем: для всякого события имеется совокупность фактов, каждый из которых является необходимым условием наступления события, а все они в совокупности составляют достаточное условие для наступления этого события.

⁴⁹ Определение контроля см. [Зализняк 1992: 64 или 2006: 519].

глагола *мочь* по существу; так, многие сочетания оказываются странными именно потому, что не вполне понятно, какие препятствия могли бы стоять на пути возникновения ситуации $P(X)$, про которые говорится, что их нет (таким образом смысл предложения оказывается неопределенным), ср.:

(19) ?Я *могу* стоять.

Дело в том, что когда речь идет о действии или состоянии, нормально не встречающем никаких препятствий для своего осуществления, наступления или дальнейшего протекания, то непонятно, в чем состоит логический акцент высказывания с глаголом *мочь*; так, в примере

(20) Он *может* подниматься по лестнице

слово *может* означает то ли ‘ему разрешено’, т. е. нет препятствий в виде запрета, то ли ‘еще / уже может’, т. е. нет препятствий в виде отсутствия физических сил, то ли что-то еще. Важность понятия препятствия видна и в примере (10): *могу узнать*, *могу различить* естественно сказать тогда, когда это трудно, т. е. когда естественно допустить какие-то препятствия на пути осуществления P . В следующем примере фактор, который служит препятствием, указан эксплицитно:

(21) Из уважения к истине мы *не можем* следовать их примеру.

Перифразируя толкование еще раз, можно извлечь из него и другой смысл: высказывание вида X *может* P означает, что реальное наступление события $P(X)$ зависит от несущественных условий (поскольку принципиальных препятствий для наступления этого события нет). А. Вежбицкая [Wierzbicka 1987b] утверждает, что условием реального наступления $P(X)$ всегда является желание X -а (точнее, видимо, было бы сказать: намерение X -а). Последнее утверждение, впрочем, вызывает возражение, ср.:

(22) а. Я *могу* к тебе зайти.
б. Я *могу* тебе помочь.

В (22а) реальный визит зависит, скорее от желания собеседника, чем говорящего; (22б) также означает, скорее, ‘помогу, если это тебе нужно’, а не ‘если я захочу’.

Верно, однако, что *могу*, по крайней мере в части своих употреблений, имеет своего рода семантическую валентность на *у с л о в и е*, при котором возможность превращается в действительность, и если смысл этого условия из контекста не восстанавливается, предложение оказывается неполным, ср. намеренную неясность условия в примере:

(23) Ты *мог бы* жить. Судья готов смягчиться (Пушкин).

Условие, которое формулируется эксплицитно, — это всегда условие реального наступления события $P(X)$, но не самой возможности, которая от него не зависит:

(24) Я *могу* тебя навестить, если буду в Киеве (= ‘а если не буду, то не навещу’, но не: ‘а если не буду, то не могу’).

То, что в толковании глагола *мочь* фактически фигурирует отрицание (а именно, отмечается отсутствие препятствия), не является недостатком данного толкования; напротив, оно отражает важнейшее свойство этого слова. Наличие в семантической структуре глагола *мочь* отрицания подтверждается различными аспектами

поведения этого слова, например, тем, что *мочь* статистически гораздо чаще употребляется с отрицанием, чем без него. Дело в том, что именно в этом случае у предложения возникает достаточно определенный и независимый смысл: ‘существуют препятствия’ — теперь уже неважно какие. В одном из толкований этого глагола, предложенных А. Вежбицкой [Wierzbicka 1969: 19], *может* толкуется просто как ‘неверно, что не может’: *Możesz to zrobić* = ‘Nie jest tak, że nie możesz tego zrobić’. Заметим, что именно такова естественная последовательность для возможностей-умений: при обучении плаванию, танцам, иностранному языку сначала бывает *не могу* (*не умею*), а потом уже *могу* (*умею*).

Скрытое отрицание входит в смысл слов с ограничительным значением (типа *только*), что объясняет беспрепятственное употребление *мочь* в контексте таких слов — ср. примеры (4), (5), а также:

(25) Только и *мог* он выговорить; Он *мог* видеть свою невесту только издали.

Поскольку есть разные типы предполагаемых препятствий для наступления P (X) (отсутствие которых составляет предмет высказывания), есть, в принципе, и разные типы возможности. Потенциальные препятствия могут быть *физические*:

(26) Я уже *могу* ходить [например, после операции]; Иван *может* убить медведя;

Они могут быть *этические*, т. е. связанные с моральным долгом:

(27) а. Тебе твой сан дороже должен быть / Всех радостей, всех обольщений жизни. Его ни с чем *не можешь* ты равнять (Пушкин).
б. Я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступать *не мог* и никаких поручений от него принять *не мог* (Пушкин).

Бывают препятствия, связанные с правом, законом и проч.:

(28) Пьеру он *не мог* завещать. Пьер незаконный (Л. Толстой); Царевич *может* знать, что ведаёт князь Шуйский, Говори! (Пушкин); Поэтом *можешь* ты не быть, но гражданином быть обязан (Некрасов).

Эти различия, однако, не служат основанием для выделения соответствующих значений у слова *мочь* (ср. [Wierzbicka 1969: 19]) — в большинстве случаев потенциальное препятствие вообще нельзя отнести к какой-то определенной группе. Ср., например:

(29) Один я уже *не мог* к нему приблизиться (Пушкин); Я *не мог* дополнять летописи (Карамзин); Ты *можешь* облегчить мою участь; Мы *можем* последовать их примеру; Я *могу* тебя выручить; Я *могу* и постоять (= ‘не возражаю’); Счастливым днем! *Могу* сегодня я / В шестой сундук (сундук еще не полный) / Горсть золота накопленного всыпать (Пушкин).

В тех контекстах, где X или P не соответствуют указанным выше характеристикам, модальное сочетание (если оно окажется допустимым) будет иметь несколько иное значение, т. е. потребует модификации толкования.

I. Особые подзначения возникают у *мочь* в том случае, если подлежащее X не является субъектом, контролирующим ситуацию P (X). Для примеров из (30), где имеется, в той или иной форме, отношение каузации между подлежащим X и ситуацией P (уже необязательно включающей X в качестве участника), толкование таково:

X может P = ‘X является достаточным условием для наступления ситуации P’.

Примеры:

- (30) Эта проза *может* увлечь читателя; Эти приметы *могли* послужить каким-то указанием; Она берегла все, что *могло* его напомнить (Пушкин); Так скоро, как только *могли* нести ее быстрые ножки; Неужели шутка, немножко вольная, *могла* до такой степени тебя смутить?; Присутствие Наполеона *могло* его смутить; Ее смутить *не мог* неведомый ей мир; Эта шалость *может* иметь последствия; Он увидел, что занятия *могут* оживить душу; Блеск его ума *может* оборочить вас.

Для случаев типа (31)

- (31) Зал *может* вместить до двух тысяч человек,

где сам предикат Р включает идею возможности, толкование имеет следующий вид:

$X \text{ может } P = \text{'из свойств } X \text{ вытекает } P(X)\text{'}$ ⁵⁰.

В контексте родового (или, реже, общеэкзистенциального) субъекта *может* имеет значение квантора существования:

- (32) Отражение *может* быть верной копией действительности; Эти животные *могут* быть безумно красивыми; Иные *могут* подозревать тут подавленные желания.

В этом случае $X \text{ может } P$ означает, что на некоторых из путей развития мира, допускаемых говорящим, имеет место $P(X)$ (ср. [Karttunen 1972]), т. е. здесь имеет место экзистенциальная квантификация, но не по возможным мирам, а по экстенсионалу субъектного термина.

В таких случаях слово *может* иногда оказывается взаимозаменяемо со словами *иногда* и *некоторые* (контекстная синонимия которых отмечена в [Булыгина 1982: 48]), ср.:

- (33) а. Русские слова *иногда* имеют два варианта ударения.
б. *Некоторые* русские слова имеют два варианта ударения.
в. Русские слова *могут* иметь два варианта ударения.

Ср. также взаимозаменяемость (34а) и (34б):

- (34) а. Он *может* быть веселым и разговорчивым, а *может* весь вечер просидеть молча.
б. *Иногда* он бывает разговорчивым, а *иногда* весь вечер сидит молча.

В примерах (35), описывающих свойства класса объектов или сложного объекта, обращает на себя внимание квазисинонимия сочетания *может* (*могут*) с инфинитивом и соответствующего глагола в личной форме⁵¹, ср.:

- (35) Предложения с глаголом «мочь» *могут* иметь (= имеют) несколько разных значений; Глаголы несовершенного вида в русском языке *могут* обозначать (= обозначают) три типа ситуаций; Существительные в русском языке *могут* изменяться (= изменяются) по роду, числу и падежу; Значение этого слова *может* меняться (= меняется) в зависи-

⁵⁰ Эта формула верна и для одушевленного X-а: то, что человек *может* и, наоборот, чего он *не может* делать или сделать (ходить по канату, говорить на восьми языках, работать по 16 часов в сутки, целыми днями ничего не делать, обидеть слабого, солгать и т. д.), характеризует его как личность даже в большей степени, чем сами действия. Соответственно, фраза *Как ты мог?* распространяет оценку конкретного поступка на моральный облик человека в целом.

⁵¹ В этом случае значение глагола *мочь* является «идиоматическим» в том смысле, что сочетание *мочь* с инфинитивом оказывается контекстным синонимом этого инфинитива — хотя источник идиоматичности здесь иной, чем в примерах из раздела II.5.1: он кроется в особенностях семантики субъектного термина.

мости от контекста; Грамматическое значение перфекта в греческом языке *может выражаться* (= *выражается*) тремя разными морфологическими средствами; и т. п.

В примере (31) аналогичная замена также возможна, так как подчиненный глагол сам имеет потенциальное значение:

(31') Зал вмещает две тысячи человек.

II. Для предложения, где Р — стативный предикат с субъектом Х, возможны две интерпретации в зависимости от того, идет ли речь (а) о продолжении состояния или (б) о его начале (что обычно ясно из структуры временных показателей).

В случае (а):

Х может Р = 'Х успешно преодолевает препятствия к тому, чтобы ситуация Р (Х) продолжала иметь место'

Примеры:

(36) ...развращены настолько, что *могут* спокойно смотреть на происходящее; Эти больные *могли* обходиться без посторонней помощи; Пока она еще *могла* его удерживать; Я *могу* скрывать свое чувство; Я *могу* сидеть молча; Я *могу* еще терпеть.

В случае (б):

Х может Р = 'Для Х нет препятствий к тому, чтобы Х перешел в состояние Р (Х)'

При этом в предложении обязательно должен присутствовать явный или подразумеваемый компонент 'теперь'. Примеры:

(37) ...От селе править миром я *могу* (= 'могу начать') (Пушкин); Теперь я *могу* отдыхать.

5.2.2. Пермиссивное значение

Это значение возникает у выражения *Х может Р* в том случае, когда все существенные условия Р (Х) сводятся к одному: возражает ли говорящий против наступления Р (Х); точнее, поскольку для пермиссивного значения необходим контекст контролируемого Р⁵², возражает ли говорящий против осуществления Х-м действия Р. Смысл утверждения состоит по-прежнему в том, что существенное условие выполнено (т. е. говорящий не возражает)⁵³. Примеры:

(38) а. Вы *можете* сидеть.
б. И в пропасть самую ты *можешь* меня послать.
в. Иноземцы *могут* пропустить скучное для них в нашей истории (Карамзин).

⁵² Возможность употребления пермиссивного *мочь* в контексте неконтролируемого Р возникает лишь за счет опущения контролирующего субъекта в поверхностной структуре, например: *Пусть хлеб будет белым, а кра, так и быть, может быть черной* (т. е. 'я тебе разрешаю положить черную икру').

⁵³ В английском языке разрешение выражается модальными глаголами *may* и *can*, причем согласно [Leech 1971; Wierzbicka 1987b] в случае *may* в смысл предложения входит семантический компонент 'говорящий наделен авторитетом (позволяющим ему давать разрешение)', в то время как в случае *can* авторитетность разрешения не проистекает ни из какого определенного источника. В русском языке это противопоставление никак не выражается.

Обратим внимание на то, что источником разрешения здесь обязательно является *го в о р я щ и й*. Дело в том, что только этот признак позволяет выделить пермиссивное значение из объективного, а именно отличить от тех случаев реализации объективного значения, где препятствием к осуществлению *Р* служит право, долг и т. п. — см. примеры (27), (28), а также предложения типа *Я могу пользоваться его книгами* (= ‘он мне разрешил’), представляющие разновидности объективного значения. Указанное разграничение тем более существенно, что, как уже говорилось, внутри объективного значения характер препятствия часто бывает неопределенным и поэтому сам по себе не может служить основанием для выделения особого значения.

Соответственно, наиболее благоприятным для возникновения пермиссивного значения является контекст 2-го лица (хотя не исключена возможность и 3-го лица — когда адресат разрешения не является непосредственным участником акта речи, см. пример (38в)). При этом 2-е лицо субъекта еще не гарантирует пермиссивного значения, ср. предложение *Ты можешь облегчить мою участь*, где реализуется объективное значение. Заметим, что возможная неоднозначность формы 2-го лица пропадает при опущении местоимения, ср.:

- (39) а. Ты *можешь* идти.
б. *Можешь* идти.

Предложение (39а) допускает понимание как с пермиссивным (= ‘я разрешаю тебе идти’), так и с объективным (= ‘я считаю, что нет препятствий’) значением *мочь*; ср. также неоднозначность предложений (39а, б). Между тем (39б) имеет лишь одно понимание — при котором реализуется пермиссивное значение.

В форме 1-го лица пермиссивное значение возможно лишь в вопросе, ср.:

- (40) а. Я *могу* войти?
б. Я *могу* войти.
в. Ты *можешь* войти.

В вопросительных предложениях типа (40а) субъектом разрешения оказывается слушающий, т. е. говорящий ответного высказывания (ср. [Гордон, Лакофф 1985]). Таким образом, (40а) является в некотором смысле производным от (40в). Действительно, вопрос *Я могу войти?* значит что-то вроде: *Скажи мне: «Ты можешь войти»*. В предложении (40б), как и в *Я могу пользоваться его книгами*, глагол *мочь* имеет объективное значение.

Обязательным условием для возникновения пермиссивного значения является отнесенность события *Р* (*X*) к плану будущего.

5.2.3. Эпистемическое значение

Эпистемическое значение возникает у *мочь* в таком контексте, когда в качестве того объекта, от свойств которого зависит реализация события *Р*, выступает *ре а л ь н ы й м и р* — а точнее, его отражение в знаниях и мнениях говорящего. Говорящий имеет сведения о мире за период, который предшествует настоящему моменту, и дает ответ на вопрос о том, совместимо ли такое развитие мира, которое включает наступление данного события *Р* хоть с одним из возможных путей его развития, допу-

скаемых его знаниями — при том, что подлинный путь, по которому пойдет, или уже пошло, это развитие, ему неизвестен⁵⁴. Толкование:

X может P = ‘По моим представлениям о мире, нет препятствий, чтобы в нем имело место P (X)’⁵⁵.

Так, *Он мог ее потерять* ≈ ‘по моим представлениям, нет препятствий к тому, чтобы имела место ситуация: он ее потерял’. Другие примеры:

(41) Бедное его состояние *могло* отойти от него в чужие руки: в таком случае нищета ожидала его (Пушкин); Но это знать графиня не *могла* (Пушкин); Опыт мой *может* не удался; Корова ее ходила еще в степи и *могла* быть захвачена злодеями (Пушкин); Кто это *может* быть?; Княжеское достоинство *могло* означать и то, что от него [Кутузова] хотели отделаться.

Оптимальный контекст для реализации эпистемического значения создается следующими факторами:

а) ситуация P(X) является неконтролируемой для X-а; т. е. наступление/ненаступление P(X) (или наличие/отсутствие P(X), если речь идет о прошлом или настоящем) зависит от устройства мира, а не от намерений X-а. Например: *Я могу ее потерять*; *Я могу промахнуться*; *Он может нас заметить*; *Он мог ошибиться* и т. д. В контексте контролируемых ситуаций эпистемическое значение у глагола *мочь* возникает лишь при наличии других благоприятствующих факторов;

б) модальный глагол стоит в прошедшем времени (*Я мог положить ключи в карман пальто*); наст. время возможно, если есть другие благоприятные условия;

в) подлежащее в 3-м лице (*Он может позвонить в любой момент*); 1-е лицо возможно, если есть другие благоприятные условия (в частности, если P неконтролируемое).

Одно и то же предложение с глаголом *мочь* может иметь все три понимания — объективное, пермиссивное и эпистемическое, ср. пример (42):

(42) Иван *мог* упасть.

Чтобы возникло объективное значение, глагол *упасть* должен трактоваться как обозначающий намеренное действие (например, упасть на землю, чтобы уклониться от удара), причем осуществление этого действия должно быть связано с какими-то трудностями.

Чтобы возникло пермиссивное значение, из контекста должно следовать, что главный вопрос в том, было ли у него на это разрешение от говорящего.

Эпистемическое значение в данном случае наиболее вероятно, поскольку глагол *упасть* нормально обозначает неконтролируемое действие.

Возможность совпадения всех трех значений в пределах одной фразы является, относительно редкой. Чаще встречается неоднозначность выбора между какими-то двумя пониманиями. Так

(43) Иван *мог* взять ключи с собой

⁵⁴ Эпистемическое значение глагола *мочь* имеет много общего со значением ‘бояться 2’ (см. раздел II.1.2). В частности, как и *бояться 2*, глагол *мочь* в эпистемическом значении сочетается лишь с сов. видом подчиненного инфинитива, ср.: *Я могу забыть ключи* и *Я боюсь забыть ключи*.

⁵⁵ Ср. толкование для эпистемического значения англ. *may* в [Sweetser 1990: 74].

может выражать либо эпистемическое (= ‘не исключено, что взял’), либо объективное (= ‘имел право’) значение. Фраза

(44) Ты *можешь* сказать ему об этом

может выражать либо пермиссивное (= ‘я тебе разрешаю’), либо объективное (= ‘ты в состоянии’) значение.

В настоящем времени, как справедливо отмечает А. Вежбицкая [Wierzbicka 1987b], объективное и эпистемическое значения могут совмещаться в пределах одного высказывания. Это происходит в том случае, когда говорящий предполагает некоторый ход событий возможным — в силу своего представления о свойствах X-а:

(45) а. Черви *могут* погубить всю работу.

б. Уже одну любил он, да покинул. Так и меня покинуть *может* он (Пушкин).

в. Но и бесчестья она, я полагаю, принести мне не *может*.

В таких случаях наступление P (X) не исключено в силу устройства мира — как одно из продолжений нынешнего его состояния, — но также и в силу свойств X-а.

Эпистемическое значение включает элемент неопределенности, возникающий из-за неполноты знаний говорящего, которая должна разрешиться с течением времени. Этим оно отличается от объективного, которое не предполагает никакой временной перспективы.

Приведенный набор модальных значений не является специфическим для русского слова *мочь* — такие же классы значений есть у модальных слов практически всех языков мира (см. [Wierzbicka 1987b; Yubee et al. 1994: 176—242]). Видимо, дело здесь в том, что эти три значения вместе исчерпывающим образом задают перечень потенциальных препятствий, отсутствие которых выражает глагол *мочь*.

5.3. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Вернемся теперь к «идиоматическому» значению *мочь*, представленному примерами (6), (7), (10), (13) и составляющему частный случай объективного значения.

Как легко убедиться, фраза вида X *может* P, где P — ментальное состояние (как *подозревает, считает* и т. д. в (6а)), имеет такое же толкование, как в общем случае состояний (‘Для X нет препятствий к тому, чтобы X перешел в состояние P (X)’ — см. раздел II.5.2.1, случай II б). При этом компонент «отсутствие препятствий» естественно расшифровывается, в контексте ментальных состояний, как «наличие оснований» — для некоторого мнения и порождаемого им эмоционального состояния. Например, для Я *могу считать дело решенным* получаем: ‘Говорящий утверждает, что у него есть основания для того, чтобы считать дело решенным’. Возникновение идиоматического значения у *мочь* в контексте глаголов ментального состояния обусловлено их семантикой, а именно тем обстоятельством, что здесь отсутствие препятствий для наступления ситуации, описываемой глаголом, является достаточным условием для ее наступления. Несколько упрощая реальную картину, можно сказать, что несущественные условия наступления P (к числу которых, в случае действий, относится, в частности, намерение Xа) в случае ментальных состояний вообще отсутствуют: наличие оснований для некоторого мнения уже влечет за собой наличие этого мнения.

Переход в ментальное состояние — это ментальный акт (*поверить, понять, допустить* и т. п.). Специфическое свойство ментальных актов по сравнению с обычными действиями состоит в том, что ментальный акт — это, как правило, мгновенный переход, скачок (achievement), не вполне контролируемый и плохо поддающийся временной локализации (ср. [Vendler 1972: 49])⁵⁶. Толкование для примеров (6б), (10) такое же, как для (6а), только глагол ментального акта, реально фигурирующий во фразе, должен быть заменен на соответствующий ему глагол ментального состояния, например: *В это я могу верить ≈ У меня есть основания в это верить*. В (10) место оснований занимают наблюдаемые признаки ситуации.

В таких примерах, как (9) (*могу подумать, что* и т. п.) отсутствие препятствий для наступления состояния также равносильно наличию оснований для этого состояния, однако в данном случае речь идет о состояниях, которые не полностью детерминированы теми или иными основаниями — что-то в них зависит и от произвола субъекта. Для этих глаголов объективное значение становится принципиально неотлчимо от эпистемического: сведения говорящего о мире не препятствуют возникновению у него же (как у субъекта) мнения о вероятности некоторой ситуации. Таким образом, фразы *Я могу подумать; Я могу решить; Я могу заподозрить; Я могу обидеться, рассердиться*, при их абсолютной однозначности, реализуют одновременно объективное и эпистемическое значения: у X-а есть повод для перехода в некоторое состояние (объективный элемент), но реальный переход не полностью детерминирован этим поводом (эпистемический элемент). Этим объясняется тот факт, что в примере (9) из *X может P* (и *X мог P*) не вытекает истинность *P (X)*, как в (6) или (10).

Что касается перформативных глаголов (пример (13)), то они близки к предикатам внутреннего состояния в том отношении, что они выражают переход в некое новое состояние, который не контролируется субъектом. Кроме того, перформативные глаголы, как и глаголы ментальных актов, являются моментальными: поскольку во время речевого акта «время не движется», весь переход в новое состояние занимает как бы один момент (ср. [Апресян 1986]; а также [Зализняк, Шмелев 2001] о семиотических видовых парах).

Нам остается разобрать источники запретов в примере (1) (*Я могу на вас сердиться* и т. п.). Как легко видеть, все эпистемические глаголы, допускающие естественное (в частности, идиоматическое) сочетание с *мочь*, — это глаголы класса полаганий, а не класса знаний: пример (1) показывает, что для глаголов знания и таких, которые включают компонент знания (как, например, *раскаиваться*), сочетание с *мочь* без дополнительного контекста невозможно. В самом деле, в основе полагания лежат основания, а для знаний нужны не основания, а нечто совсем иное (ср. [Wittgenstein 1953; Зализняк 1985; Дмитровская 1988а]). Единственный глагол из (1), который относится к классу полаганий, — это *бояться*. Запрет на *Я могу бояться его прихода* объясняется иначе — тем, что отсутствие препятствий в семантике глагола *мочь* связано с какими-то положительными коннотациями, которые противоречат отрицательному оценочному компоненту в семантике *бояться*. Содержащий положительную оценку глагол *надеяться* этого запрета не имеет.

⁵⁶ За момент перехода в данное ментальное состояние может быть принят момент о с о з н а н и я субъектом того, что нет препятствий (= есть основания) для этого перехода; осознание может произойти, в частности, в момент п р о и з н е с е н и я субъектом высказывания о своем состоянии — отсюда связь глаголов ментальных актов с перформативными (см. ниже).

Итак, у русского слова *мочь* было выделено три значения — объективное, пермиссивное и эпистемическое, — различие между которыми определяется природой потенциального препятствия для наступления ситуации $P(X)$. Пермиссивное значение было выделено на основании того, что здесь препятствием служит запрет говорящего, и стоит несколько особняком; что же касается противопоставления объективного и эпистемического значений, было показано, что они могут расходиться и противопоставляться в одних контекстных условиях и сливаться в одно — в других. Рассмотренные значения (включая пермиссивное) и варианты их реализации у глагола *мочь* имеют отчетливый семантический инвариант:

Произнося фразу X может P , говорящий представляет себе возможный мир, где имеет место $P(X)$.

Так, произнося фразу *Он не мог этого сделать*, говорящий хочет сказать, что согласно его представлениям такого возможного мира, где истинно «он это сделал», не существует. Основания у такого мнения могут быть самые разные (и они соответствуют разным значениям глагола *мочь*): известные говорящему моральные качества X -а, несовместимые с поступком P ; физическая немощь X -а; наличие у него бесспорного алиби или запрета со стороны говорящего. Все это — лишь причины того, что в множестве возможных миров говорящего нет такого, который бы включал положение дел $P(X)$.

6. ГЛАГОЛ ГОВОРИТЬ

6.1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ РОЛИ И ИХ ИСПОЛНИТЕЛИ

Глагол со значением 'говорить' занимает в языке особое место уже в силу того, что внеязыковая ситуация, с которой он соотносится, является одновременно языковой, так как это — ситуация высказывания.

Ситуация высказывания предполагает трех участников: автор высказывания (обозначим его X), адресат высказывания (Y) и само высказывание, которое включает план выражения, или означающее (T), произнесенного текста и его план содержания, или означаемое (M). Соответствующие им семантические актанты глагола *говорить*⁵⁷ — в значении, которое естественно считать основным (см. значение 1.1. в разделе П.6.3) и в синтаксической структуре, которую естественно считать исходной, — выражаются следующим образом: имя автора высказывания (*кто* говорит) является подлежащим, имя адресата (*кому* говорит) — косвенным дополнением (в дат. падеже); семантический актант, соответствующий высказыванию (*что* говорит), может принимать различные синтаксические обличия (см. ниже). При этом специфическим для глагола *говорить* является то обстоятельство, что этот третий синтаксический актант представляет собой объект той же природы, что и соответствующий ему семантический актант (т. е. участник ситуации, описываемой глаголом *говорить*). Тем самым здесь возникает уникальная для языка ситуация, когда в принципе оказывается возможно материальное тождество означаемого и означающего, языкового выражения и его денотата. Как пишет М. М. Бахтин, «чужое высказывание является не только темой речи: оно может, так сказать, самолично войти в речь» [Волошинов 1929: 136].

Указанное тождество означаемого и означающего (т. е. текста, произнесенного субъектом глагола *говорить*, и текста, заполняющего объектную валентность этого глагола) имеет место, однако, не всегда, а лишь в предложениях с прямой речью; во всех прочих случаях в предложении фигурирует другой текст (обозначим его T'), имеющий смысл M', а ргiог не тождественный M; его автором в конечном счете является автор высказывания с глаголом *говорить* (обозначим его A). Тем самым любое высказывание с глаголом *говорить* предполагает следующих действующих лиц (пока мы намеренно не уточняем их статус):

* В основу данного раздела положены работы [Зализняк 1990б; 1991а; 2000г].

⁵⁷ Здесь и далее, употребляя выражение «глагол *говорить*», мы имеем в виду либо непарный глагол несов. вида *говорить*, либо тот же глагол как представитель видовой пары *сказать/говорить*. Информация о видовой коррелятивности для разных значений глагола *говорить* содержится в разделе П.6.3.

[1] автор высказывания с глаголом *говорить* (которого мы обозначили А; его естественно было бы назвать «говорящим», но мы этого не будем делать во избежание двусмысленности);

[2] автор передаваемого высказывания, т. е. субъект глагола *говорить* (X);

[3] произнесенный X-м текст T;

[4] его смысл M;

[5] заполняющее объектную валентность глагола *говорить* языковое выражение (текст) T';

[6] его смысл M';

[7] адресат речи X-а, которого мы обозначили Y.

Ограничившись значением, которое мы считаем основным, — нечто вроде 'принимая некоторый текст, делать доступным <для кого-то> некоторый смысл', — рассмотрим возможные типы соотношений между «реально произнесенным» текстом T (т. е. произнесенным участником ситуации исходного высказывания) и его представителем в передающем высказывании, т. е. в предложении с глаголом *говорить* (T'). При анализе этого соотношения необходимо учитывать, что каждый из этих двух текстов имеет свой смысл (соответственно, M и M'), и именно смысл обычно составляет промежуточное звено, связывающее T' и T. Поэтому реально каждый из устанавливаемых типов представляет собой конфигурацию из четырех (а не из двух) элементов.

1. $T' = T$, $M' = M$. Сюда относятся предложения с прямой речью. Вопреки тому, что может показаться на первый взгляд, этот случай не так прост. А именно, вопрос о тождестве «реально произнесенного» текста (T) и языкового выражения, заполняющего соответствующую валентность глагола *говорить* (T'), осложняется, например, тем обстоятельством, что это могут быть тексты на разных языках. Как показывает анализ языкового материала, тот факт, что при передаче чужого высказывания передающее лицо переводит его с одного языка на другой, не влияет на возможность использования формы прямой речи, т. е. с этой точки зрения тексты на разных языках могут рассматриваться как тождественные — в той мере, в какой они выражают тождественные смыслы (тем самым определяющим все же оказывается тождество $M' = M$). Приведем несколько примеров из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Для передачи высказывания, сделанного на другом языке, в форме прямой речи в принципе имеются следующие возможности. В качестве «прямой речи» может выступать:

(а) буквальное воспроизведение произнесенного иностранного текста: примеры (1), (2);

(б) перевод произнесенного иностранного текста на русский язык: примеры (3—5);

(с) буквальное воспроизведение произнесенного иностранного текста и перевод одновременно: примеры (6), (7);

(д) перевод с сохранением отдельных иностранных слов или выражений (пример (8)).

(1) N'est ce pas immoral? — только *сказала* она, помолчав;

(2) Et vous oubliez votre devoir, — *сказала* она вышедшему тоже на крыльцо Весловскому;

(3) — Что с вами? Вы нездоровы? — *сказал* он по-французски, подходя к ней. [...] — Простите меня, что я приехал, но я не мог провести дня, не видав вас, — продолжал он

по-французски, как он всегда говорил, избегая невозможно-холодного между ними *вы* и опасного *ты* по-русски;

- (4) Никто не доволен своим состоянием, и всякий доволен своим умом, — *сказал* дипломат французский стих;
- (5) Никогда не поздно раскаяться, — *сказал* дипломат английскую пословицу;
- (6) — All right, sir, — все исправно, сударь, — где-то внутри горла *проговорил* голос англичанина. [...] — Пойдем, — все так же не открывая рта, нахмурившись, *сказал* англичанин.

В примере (6) обращает на себя внимание то обстоятельство, что характеристики *где-то внутри горла* и *не открывая рта* относятся к акустическому эффекту именно английской речи персонажа — хотя вторая часть высказывания передана целиком в переводе на русский язык.

- (7) Все это было бы очень хорошо, если бы не было излишества. А княгиня видела, что дочь ее впадает в крайность, что она и говорила ей. — Il ne faut jamais rien outrer, — *говорила* она ей;
- (8) — С препятствиями все дело в езде и в pluck, — *сказал* англичанин. Pluck, то есть энергии и смелости, Вронский не только чувствовал в себе достаточно, но что гораздо важнее, он был твердо убежден, что ни у кого в мире не могло быть этого pluck больше, чем у него.

Сохранение оригинальной формы исходного высказывания имеет место либо когда автор хочет сохранить исходную форму выражения смысла (например, при наличии каких-то слов или выражений, не имеющих хорошего переводного эквивалента — ср. англ. слово *pluck* в примере (8)), либо когда для характеристики персонажа оказывается существенным сам факт использования в данном высказывании иностранного языка, ср. пример (7).

Кроме того, исходное высказывание может быть сделано по-русски, но содержать вкрапления — отдельные слова или выражения или даже целые предложения — иностранного текста. Ср.:

- (9) — Нет, — сморщившись от досады за то, что его подозревают в такой глупости, *сказал* Серпуховской. — Tout ça est une blague. Это всегда было и будет. Никаких коммунистов нет;
- (10) — Как я рада, что вы приехали, — *сказала* Бетси. — [...] Мы с вами успеем по душе поговорить за чаем, we'll have a cosy chat, не правда ли? — обратилась она к Анне с улыбкой, пожимая ее руку, державшую зонтик;
- (11) — Да, да, — подтвердила она. Я никогда не могла. Je n'ai pas le cœur assez large, чтобы полюбить целый приют с гаденькими девочками. Cela ne m'a jamais réussi. Столько есть женщин, которые из этого сделали себе une position sociale. И теперь тем более, — *сказала* она с грустным, доверчивым выражением, обращаясь по внешности к брату, но, очевидно, только к Левину.

Подобные случаи не всегда можно отличить от тех, когда исходное высказывание было целиком сделано на иностранном языке, а сохранение иностранных слов и выражений в форме прямой речи принадлежит передающему лицу (случай (d)). Иногда тот факт, что использование разных языков в пределах одного высказывания принадлежит персонажу, а не автору, может быть установлен по некоторым косвенным признакам — например, по употреблению местоимений *ты* и *вы* (ср. пример (3)):

- (12) — Не правда ли, очень мила? — *сказала* графиня про Каренину. — Ее муж со мною посадил, и я очень рада была. Всю дорогу мы с ней проговорили. Ну, а ты, говорят... vous filez le parfait amour. Tant mieux, mon cher, tant mieux.

Ср. также следующий пример, где тот факт, что первая часть высказывания была сделана по-французски, может быть установлен из употребления местоимения *вы*:

(13) Да я не хочу знать! — почти вскрикнула она. Не хочу. Раскаиваюсь я в том, что я сделала? Нет, нет и нет. [...] Для нас, для меня и для *вас*, важно только одно: любим ли мы друг друга. А других нет соображений. Для чего мы живем здесь врозь и не видимся? Почему я не могу ехать? Я *тебя* люблю, и мне все равно, — сказала она *по-русски*, с особенным, непонятным ему блеском глаз взглянув на него, — если ты не изменился. [...]

— Чувство мое не может измениться, вы знаете, но я прошу не ездить, умоляю *вас*, — сказал он опять *по-французски* с нежною мольбой в голосе, но с холодностью во взгляде.

Анализ текста романа «Анна Каренина» позволяет сделать вывод, что цитирование — полностью или частично — реально произнесенного иностранного текста имеет целью либо более точное воспроизведение смысла исходного высказывания — в случае отсутствия в русском языке удовлетворительного переводного эквивалента для некоторого слова, выражения или грамматической формы, — либо более точное воспроизведение самого произнесенного текста (нужное для характеристики персонажа).

Заметим, что вместо буквального воспроизведения произнесенного текста (или даже одновременно с ним) могут использоваться метаязыковые средства, указывающие на то, что исходное высказывание было сделано на иностранном языке («...», — сказал он по-французски, по-английски, и т. д.), ср. примеры (1), (2). В таких случаях наиболее очевидно, что соответствующую актантную позицию при глаголе *говорить* занимает именно означаемое (а не означающее) реально произнесенного текста, т. е. М, а не Т.

2. $T' \neq T, M = M$. В данном случае текст T' рассматривается автором высказывания с глаголом *говорить* (А) как отличный от «исходного» текста Т, но имеющий тот же смысл, т. е., по крайней мере согласно интенции субъекта высказывания с глаголом *говорить*, $M' = M$. Соотношение между текстами Т и T' определяется стандартными преобразованиями, сопровождающими перевод прямой речи в косвенную, а именно: оформление исходного высказывания в виде придаточного предложения (с *что*, *чтобы* или придаточное косвенного вопроса с относительным местоимением). Это преобразование требует некоторых автоматических замен (форм лица и склонения; а в некоторых языках, также времени, личных и притяжательных местоимений), — а кроме того, некоторых менее тривиальных замен, что связано с появлением нового говорящего; выступающего в роли субъекта номинации, оценки, восприятия и т. д. (см. [Падучева 1993а; 1996: 258—284, 337—343]). В частности, при переводе высказывания в косвенную речь производятся замены экспрессивных и релятивных номинаций — таких как *этот болван*, *изрядно*, *наострился* и т. п.; ср. также *моя тетушка* → *тетка X-а*, *Бася* → *его сестра*, *моя невестка* (примеры из [Волошинов 1929: 152; Добжиньска 1990: 460]); в некоторых случаях необходимы даже более существенные лексические замены (см. [Успенский 1970/95: 51]). При передаче чужого высказывания в форме косвенной речи возможно также некоторое сокращение исходного текста, каковое, однако, не рассматривается как искажающее его смысл (подобное сокращение характерно для конструкции с *о том, что* — см. [Зализняк, Микаэлян 1988]). Кроме того, при переводе в косвенную речь некоторые элементы

смысла, содержащиеся в исходном высказывании имплицитно, могут в передающем высказывании получать материальное выражение.

Аналитическая тенденция косвенной речи проявляется прежде всего в том, что все эмоционально-аффективные элементы речи, поскольку они выражаются не в содержании, а в формах высказывания, не переходят в этом же виде в косвенную речь. Они переводятся из формы речи в ее содержание и лишь в таком виде вводятся в косвенную конструкцию или же переносятся даже в главное предложение (*Он восторженно сказал*) [Волошинов 1929: 151].

Помимо косвенной речи, существуют разные типы так называемой «несобственно-прямой речи», совмещающей признаки прямой и косвенной речи (в рамках нашей классификации этот случай относится к тому же типу, что и косвенная речь, так как здесь $T' \neq T$). Признаком косвенной речи здесь является наличие формальных показателей подчинительной связи (подчинительного союза), признаком прямой — сохранение форм лица, наклонения и т. д., присутствовавших в исходном высказывании, ср. часто цитируемый в данной связи пример из «Ревизора»: *Трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее*. Проблеме «несобственно-прямой речи» (*discours indirect libre*) посвящена обширная литература — см. [Волошинов 1929; Пешковский 1938: 431; Успенский 1970/95: 49—51; Сахно 1991; Падучева 1996: 335—361], ср. также понятие «речи внешне косвенной» в [Добжиньска 1990] и там же обзор литературы.

3. $T' \neq T$, $M' \neq M$. Оставив в стороне случаи намеренного искажения, рассмотрим возможные преобразования, которым может подвергаться смысл исходного высказывания (имеется в виду, при передаче его с помощью глагола *говорить*). Эти преобразования сводятся к трем основным типам.

1) Опускание части информации, содержащейся в исходном высказывании, — с сохранением или без сохранения пропозитивного ядра (*сказал, куда уехал; говорил о переезде на новую квартиру, о своих планах на лето*).

2) Опускание (большей) части информации за счет замены высказывания интерпретирующей или оценочно-интерпретирующей номинацией (*говорить тост; правду, жалкие слова*).

3) «Восстановление» части информации путем извлечения разного рода импликаций из смысла исходного высказывания, т. е. подмена — часто, невольная — того, что человек сказал, тем, что он, по мнению передающего лица, *хотел сказать* (ср. ниже).

Последний случай подробно рассмотрен в статье [Гловинская 1998]. Речь идет о подстановке передаваемого (по Грайсу) смысла на место буквального. Употребление глагола *говорить* в таком случае находится на грани нормы — и в любой момент может быть отвергнуто автором столь неточно воспроизводимого высказывания фразой «Я этого не говорил». На что обычно следует ответ «Но ты *хотел* это *сказать* (= имел это в виду)». Ср. следующий эпизод из «Анны Карениной»:

(14) Она не помнила, что она ответила ему, но только тут к чему-то он, очевидно с желанием тоже сделать ей больно, *сказал*:

— Мне неинтересно ваше пристрастие к этой девочке, это правда, потому что я вижу, что оно ненатурально. [...]

— «Ненатурально», — вспомнила она вдруг более всего оскорбившее ее не столько слово, сколько намерение сделать ей больно. «Я знаю, что он *хотел сказать*: ненатурально, не любя свою дочь, любить чужого ребенка» [...]

— Для тебя это не имеет смысла, потому что до меня тебе никакого дела нет. Ты не хочешь понять моей жизни. Одно, что занимало меня здесь — Ганна. Ты говоришь, что это притворство. Ты ведь *говорил* вчера, что я не люблю дочь, а притворяюсь, что люблю эту англичанку, что это ненатурально [...]!

— Я никогда не говорил этого; я говорил, что не сочувствую этой любви.

Действительно, употребление глагола *говорить* в этом случае является, строго говоря, некорректным, однако при практическом использовании языка мы часто этим пренебрегаем, т. е., передавая чужое высказывание, мы передаем не сам его смысл, а некоторые выводимые из него релевантные импликации. Т. Добжиньска [1990: 468] называет это «интерпретационной разновидностью» той предметно-аналитической модификации, которая была выделена В. Н. Волошиновым, и приводит следующий пример [Мауенова 1979]:

- (15) — Ты теперь такая стройная, такая изящная.
— Так ты *говоришь*, что я похудела?

Здесь в качестве содержания *сказанного* используется результат довольно сложного вывода из смысла передаваемого высказывания.

Приведем еще один пример (из разговорной речи):

- (16) — Так что тебе сказал врач?
— *Сказал*, что скоро помру.
— Что, прямо так и сказал?
— Да нет, сказал, что надо лечиться, но ты же понимаешь, что я этого делать не буду.

Для передачи содержавшегося в исходном высказывании скрытого смысла, который выявляет и формулирует передающее лицо, могут использоваться «ксенопоказатели» (термин из [Арутюнова 1992]) *дескать*, *де*, *мол*, восходящие к глаголам со значением ‘говорить’. Ср. следующий отрывок из критической статьи Ф. М. Достоевского (пример из работы [Иванчикова 1984]):

- (17) Этот господин [Стива Облонский] говорит: «Надо одно из двух, или признать, что настоящее устройство общества справедливо, тогда отстаивать свои права, или признаваться, что пользуемся несправедливыми преимуществами, как я и делаю, и пользоваться ими с удовольствием». Т. е. в сущности он, подписав приговор всей России и осудив ее, равно как и своей семье, будущности детей своих, прямо объявляет, что это до него не касается: Я, *дескать*, сознаю, что я подлец, но останусь подлецом в свое удовольствие. *Après moi le déluge*.

Как пишет Н. Д. Арутюнова,

...в большинстве случаев высказывания с ксенопоказателями нацелены на передачу «чужого смысла», а не чужих слов. Даже тогда, когда чужая речь закавычена, кавычки не дают гарантии подлинности первичного высказывания. Это же касается передачи собственных слов: *Я ему сказал, что это дескать вздор и чепуха* (Белинский). Вполне возможно, что первичное высказывание было не столь категоричным [Арутюнова 1992: 47].

На вопрос, какой именно смысл высказывания передается при его воспроизведении, Н. Д. Арутюнова отвечает так: «объектом вербализации в большинстве случаев является коммуникативный смысл высказывания, как бы он ни был выражен — прямо или косвенно. Вербализуется то, что «хотел сказать», «имел в виду» участник коммуникации» [Арутюнова 1992: 47].

Действительно, другим распространенным способом передать коммуникативный смысл чужого высказывания является сочетание *хотеть сказать*. Ср. следующий диалог:

- (18) — Вам пора собираться: уже поздно.
 — Ты *хочешь сказать*, что мы тебе надоели?
 — Нет, я *хочу сказать* только, что вы можете опоздать на метро.

Сочетание *хотеть сказать* в такого рода контекстах является идиоматическим — в чем легко убедиться, сравнив его со свободным сочетанием, представленным в употреблении типа *Я хотел ему сказать, что он подлец, а потом передумал* или *Больной хотел что-то сказать, но язык не слушался его*. В частности, идиоматическое сочетание *хотеть сказать* не имеет валентности адресата. С другой стороны, это сочетание имеет две отдельные синтаксические позиции для обозначения текста (Т) и смысла (М) исходного высказывания, ср.: *Что* (М) *ты хочешь этим* (Т) *сказать?* Речь идет здесь, как и в случае с ксенопоказателями, о передаваемом, коммуникативном смысле высказывания. Поэтому *Я ничего не хочу этим сказать* означает ‘не имею в виду никакого дополнительного смысла, отличного от буквального’.

Обратим внимание в этой связи, что, например, во французском, итальянском и испанском языках выражения, соответственно, *veut dire*, *vuol dire* и *quiere decir* (в 3-м лице) представляют собой самостоятельные лексические единицы со значением ‘означает, значит’ (в отличие от русского языка, где выражение *хотеть сказать* употребляется только в конструкции с личным субъектом), ср.: *Che cosa vuol dire questa parola?* «Что *значит* это слово?»; *Questo vuol dire che non possiamo più fidarci di lui* «Это *означает*, что мы больше не можем ему доверять». В близком значении может употребляться и сам глагол *dire* (по крайней мере, во французском языке) — ср. следующий диалог с парикмахером иностранца, который хочет сделать такую стрижку, при которой волосы «закрывают» уши, но не знает, как это правильно сказать по-французски:

- (19) — Faites-moi les oreilles fermées, s’il vous plaît.
 — «Fermées» *ne dit rien*, vous voulez dire «cachées».

Les oreilles fermées — неправильное выражение, выражение, которое «ничего не значит» — т. е. «ничего не говорит» (*ne dit rien*)⁵⁸.

Глагол *сказать* в сочетании *хотеть сказать* выступает в особом, «семиотическом», значении, о котором речь пойдет в следующем разделе.

4. Т' = Т, М' ≠ М. Такая, на первый взгляд невозможная, комбинация возникает в случае иронического использования чужого высказывания в противоположном смысле или в таком контексте, когда оно приобретает совершенно иное значение — т. е. то, что Н. Д. Арутюнова называет «диалогическая цитация». Ср. ее пример [Арутюнова 1986: 50]:

- (20) П о п о в а. Позвольте, так кто же, по-вашему, верен и постоянен в любви? Не мужчина ли?

⁵⁸ Заметим, что в разговорном французском языке семантическое развитие глагола *dire* пошло еще дальше — от ‘значить, иметь смысл’ к ‘иметь ценность’ — о чем свидетельствуют употребления типа следующего: — Est ce que ça te *dit* (quelque chose) d’aller au cinéma ce soir? («Хочешь ли ты [букв.: *говорит* ли тебе что-либо] пойти сегодня вечером в кино?»). Ср. сходную семантическую деривацию в русских словах *значительный*, *незначительный*, во франц. *valeur*.

Смирнов. Да-с, мужчина!

Попова. Мужчина (злой смех). *Мужчина верен и постоянен в любви!* Скажите какая новость! (Чехов)

Другим примером использования чужого высказывания в противоположном смысле может служить анекдот, герою которого предлагают извиниться перед человеком, кого он обидел, назвав подлецом, а именно, сказать: «Рабинович не подлец. Извиняюсь». Но герой анекдота произносит эту фразу с такой интонацией («Рабинович не подлец? Извиняюсь!»), что она в его устах приобретает ровно противоположное значение.

6.2. СМЫСЛ 'ГОВОРИТЬ' В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Важность той роли, которую играет в языке глагол со значением 'говорить', подтверждается двумя обстоятельствами: с одной стороны, обилием слов, в толковании которых присутствует элемент 'говорить'⁵⁹ и, с другой стороны, необычайной продуктивностью словообразования основ с этим значением⁶⁰.

Глаголы, в толкование которых входит элемент 'говорить', довольно разнообразны, см. [Апресян 1995в]. Прежде всего, это перформативные глаголы (*просить, сообщать, извиняться, обещать* и т. д.), а также глаголы, описывающие различные типы речевых действий и не являющиеся перформативными (*спрашивать, жаловаться, объяснять, уговаривать, критиковать, прогнозировать, толковать, беседовать, сплетничать, хвастаться, секретничать, ругать, отчитывать, распекать* и т. п.); обязательный речевой компонент содержат также некоторые эмоциональные предикаты (*восхищаться, возмущаться* и т. п. — см. [Mel'čuk 1995: 228]). Компонент 'говорить' входит также в некоторые другие глаголы, например: *расколоть* = 'заставить говорить', *приговаривать* = 'делать что-то, сопровождая свое действие словами', *ратовать* = 'действовать и говорить в защиту или в пользу чего-то'. и т. д. Кроме того, имеется обширный класс глаголов, описывающих разнообразные способы говорения (которым могут быть поставлены в соответствие сочетания глагола *говорить* с обстоятельством образа действия). Рассмотрим этот класс глаголов подробнее.

Спецификация способа говорения может касаться: 1) собственно акустических аспектов произнесения текста; 2) прочих его «внешних» и отчасти содержательных характеристик (например, *говорить одно и то же*); кроме того, способ говорения может характеризовать 3) внутреннее состояние субъекта или отношение субъекта к адресату речевого действия. Глаголы, описывающие способ говорения, обычно помимо дескриптивных компонентов содержат еще оценочный. При этом в отличие от наречий, характеризующих способ говорения эксплицитно, среди которых есть слова с положительной оценкой (см. ниже), оценка, встроенная в глаголе, практически всегда является отрицательной — разница только в силе и характере осуждения, а также в месте оценочного компонента в семантической структуре глагола (в приво-

⁵⁹ Я благодарна С. А. Крылову, любезно предоставившему в мое распоряжение список таких слов, составленный при помощи базы данных по словарю С. И. Ожегова.

⁶⁰ Эти два класса слов имеют некоторую область пересечения, куда попадают, прежде всего, различные способы действия от глагола *говорить* (*поговорить, проговорить* <весь вечер>, *поговоривать, заговорить, разговориться, наговориться* и т. д.). За их тривиальностью такие глаголы не включены ни в тот, ни в другой из приводимых ниже списков.

димые ниже краткие толкования оценочный компонент не включен). Указанные три типа характеристики иногда бывают трудно различимы; в этих случаях отнесение глагола к тому или иному классу производится условно — по преобладающему признаку; выделяются также смешанные классы. Вообще, по-видимому, наиболее интересным результатом этой классификации является вывод о неотделимости свойств произносимого текста от свойств его смысла.

Тип (1). К глаголам, в значение которых входит указание на способ произнесения (акустические особенности) текста, относятся: *басить, бормотать, верещать, тараторить, трещать, гнусавить, хрипеть, картавить, шептать, пищать* (= ‘говорить пискливо’, *шамкать, кричать/орать* (= ‘говорить очень громко’), *шепелявить, цокать* (= ‘говорить, произнося *ц* на месте *ц* и *ч*’), *окасть* (= ‘говорить, сохраняя в произношении различие между безударными *о* и *а*’), *галдеть, заикаться* (= ‘говорить с заиканием’).

Тип (2): *бредить, смеяться* (= ‘говорить в шутку’), *заговариваться, каркать* (= ‘предсказывать нечто плохое’), *шутить, каламбурить, острить, острословить, витийствовать, лгать, врать, иронизировать, разглагольствовать, распространяться* (= ‘говорить подробно и многословно’), *язвить, ляпнуть/брякнуть* (= ‘сказать что-нибудь бестактное, неуместное’), *заладить* (= ‘говорить одно и то же много раз’), *рассушлить, зарাপтоваться, плести* (= ‘говорить неправду’), *городить, болтать, молоть, брехать, пережевывать* (= ‘нудно и долго говорить об одном и том же’), *твердить* (= ‘постоянно говорить одно и то же’), *заикнуться* (= ‘осмелиться заговорить о чем-либо’).

Тип (1—2): глаголы, характеризующие речь одновременно с акустической содержательной стороны: *бубнить, бурчать, буркать, мямлить, мычать, лепетать, лопотать, щебетать*⁶¹. Речевое значение у многих из этих глаголов возникло в результате метафорического переноса.

Тип (3): *горячиться, грубить, дерзить, откровенничать, любезничать, кричать/орать* <на кого-то>, *скандалить, оскорблять, насмехаться, разоряться* (= ‘говорить много и с чувством’).

Тип (1—3). Сюда относятся глаголы, где способ говорения включает одновременно акустическую характеристику речи и выражение некоторого внутреннего состояния или отношения к адресату. Это: *брюзжать, ворчать, гавкать* (= ‘говорить отрывисто, грубо и злобно’), *рычать* (= ‘говорить грубо и злобно’), *шипеть* (= ‘говорить злобно и сдавленным голосом’), *сюсюкать* (= ‘в разговоре с ребенком произносить мягкие согласные вместо твердых и свистящие вместо шипящих, имитируя детскую речь и выражая таким образом симпатию к ребенку’), *цедить* (= ‘говорить медленно и неохотно, сквозь зубы’), *ворковать* (= ‘говорить с нежностью’).

Каждому из выделенных трех типов спецификации способов говорения соответствует свой набор наречий и обстоятельств образа действия.

Типу (1) соответствуют: *говорить громко, тихо, быстро, медленно, шепеляво, картаво, гнусаво, пискляво, шепотом, басом; громким, тихим, гнусавым, хриплым, тонким, визгливым голосом; отчетливо, невнятно, с акцентом.*

⁶¹ Некоторые из глаголов типа (1) и (1—2) обозначают только речевые действия (*басить, бормотать, мямлить*), другие имеют это значение в качестве переносного (*пищать, хрипеть, цедить*); для тех и других в речевом значении характерно употребление в контексте приставки *про-* (*пропищать, процедить*) — ср. [Кронгауз 1998: 226—229].

Типу (2) соответствуют: *говорить стихами, цитатами, по-английски, литературным языком, длинно, красиво, складно, кратко, ясно, понятно, непонятно, бессвязно, бестолково, многословно, бессодержательно; в шутку, всерьез, серьезно, с иронией (в голосе), язвительно, насмешливо, с насмешкой, красноречиво, убедительно, вызывающе, остроумно, умно.*

Типу (3) соответствуют: *говорить уверенно, убежденно, с чувством, с жаром, со страстью, страстно, с увлечением, увлеченно, взволнованно, без умолку, спокойно, злобно, грубо, нагло, по-хамски; резким, хамским, грубым, наглым, начальственным, покровительственным тоном; нежным, сладким голосом; откровенно, смело, прямо, как с другом, как друг, положила руку на сердце.*

Особо следует отметить наречия *хорошо / плохо*, которые могут характеризовать способ говорения как на уровне акустическом, так и на всех остальных; причем часто все эти аспекты соединяются, ср.: *Он хорошо говорит* ≙ ‘ясно и красиво выражает свои (интересные) мысли’ и *Он хорошо говорит по-французски* — свободно, грамматически правильно и, скорее всего, с хорошим произношением. Кроме того, наречия *хорошо / плохо* при глаголе *говорить* могут оказываться там в результате «подъема» предиката из подчиненной пропозиции: *О нем плохо говорят* = ‘Говорят, что он плохой’.

Обратимся теперь к словообразованию. По-видимому, не будет преувеличением сказать, что производными от глаголов со значением ‘говорить’ (если включить сюда глагольные основы, в современном языке вышедшие из употребления или утратившие исходное значение) обслуживаются практически все сферы интеллектуальной деятельности человека, а также в значительной степени — сферы межличностных и социальных отношений. При этом производные значения часто оказываются построенными по одной и той же модели в разных языках, ср.: русск. *противоречие*, лат. *contradictio*, нем. *Widerspruch*. Такого рода соответствия могут возникать либо в результате морфологического калькирования (как, по-видимому, в случае с *противоречием*, см. [Лукин 1996]), либо в результате независимых процессов, давших один и тот же результат в силу действия неких общих закономерностей возникновения значения производного слова из значений его частей. Вопрос о том, с явлением какого рода мы имеем дело в каждом конкретном случае, часто не может быть решен лишь на основании собственно семантического анализа и требует отдельного исследования, предполагающего экскурс в историю русского литературного языка, что выходит за рамки настоящей работы; здесь мы ограничимся лишь постановкой задачи и сборанием фактов, которые могли бы послужить материалом для дальнейшего историко-филологического исследования.

Ниже приводится список русских приставочных глаголов (если соответствующий глагол отсутствует или имеет ограниченное употребление, в список включается существительное), образованных от основ со значением ‘говорить’. Одно из назначений этого списка — служить материалом для построения семантической типологии (см. подробнее Главу V); поэтому в список включены некоторые аналогичные по своей внутренней форме слова немецкого языка.

Итак, русские глаголы, образованные от основы со значением ‘говорить’:

1. *-говорить*

выговорить I ‘произнести’, ср. нем. *aussprechen*; *выговаривать* 2 <кому-то> (ср. *сделать выговор*) ‘ругать’; *договориться*, ср. нем. *sich besprechen*; *заговорить* ‘заколдовать’; *наго-*

ворить <на кого> ‘оклеветать’; *оговорить* 1 ‘оклеветать’; *оговорить* 2 ‘заранее обсудить’; *оговориться* ‘ошибиться’, ср. нем. *sich versprechen*; *отговорить* <кого-то что-то сделать>; *приговорить* <преступника>, *подговорить* <кого-то что-то сделать>; *уговорить* <кого-то что-то сделать>.

2. -казать

казаться; *доказать*; *заказать* 1 устар. ‘запретить’; *заказать* 2 ‘сделать заказ’; *наказать* 1 устар. ‘велеть’; *наказать* 2; *оказать* <давление, сопротивление, услугу и т. п.>; *отказать* 1 устар. ‘дать, подарить’ <кому-то что-то>; *отказать* 2 <кому-то в чем-то>; *отказаться* <от чего-то>, ср. нем. *absagen, entsagen*; *показать*; *показаться*; *приказать*; *сказать*; *указать*, *выказать* <недовольство и т. п.> ‘обнаружить’, ср. нем. *sich aussprechen* ‘проявляться, обнаруживаться’.

3. -сказать

высказать, ср. нем. *aussagen, aussprechen*; *подсказать*, ср. нем. *vorsagen*; *предсказать*, ср. нем. *vorhersagen*; *рассказать*.

4. -речь/-рекать/-рицать

заречься / *зарекаться*; *наречь* / *нарекать*; *отречься* / *отрекаться*, ср. нем. *sich lossagen*; *отрицать*; *прорицать*; *противоречить*, ср. нем. *widersprechen*; *предречь* / *предрекать*.

5. -гласить

возгласить; *огласить*; *пригласить*; *провозгласить*; *согласиться*, ср. нем. *zusagen*; *разгласить*.

6. -вестить/вещать

завещать; *известить* / *извещать*, ср. нем. *ansagen*; *навестить* / *навещать*; *обещать*, ср. нем. *versprechen*; *предвещать*, *оповещать*.

6.3. СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ ГЛАГОЛА ГОВОРИТЬ⁶²

Схема значений (синописис):

- 1.1. ‘сообщать’: *Он говорил матери, что вернется поздно;*
- 1.2. ‘утверждать’: *Прудон говорит, что собственность есть воровство;*
- 1.3. ‘велеть’: *Мать говорила детям никому не открывать дверь;*
- 1.4. ‘иметь предметом обсуждения’: *Он говорил о своем детстве;*
- 2.1. ‘произносить осмысленный текст’: *говорить вступительное слово;*
- 2.2. ‘произносить звуки’: *Кошка говорит «мяу»;*
- 2.3. ‘употреблять выражение’: *Он говорит «фуфайка» вместо «свитер»;*
3. ‘общаться’: *Они не говорят уже три дня;*
- 4.1. ‘передавать смысл’: *Что ты хочешь этим сказать?;*
- 4.2. ‘быть источником информации’: *Эта картина говорит мне многое;*
- 4.3. ‘означать’: *Это поступок говорит о твердости его характера.*

Замечание. Глагол несов. вида *говорить* во всех значениях, кроме 1.4, 3, 4.3, имеет перфективный коррелят *сказать*; соответственно, в этих случаях в примерах может быть употреблен как тот, так и другой глагол. Специально аспектуальная семантика пары *говорить* — *сказать* не рассматривается.

⁶² Данный раздел представляет собой переработанный вариант статьи для Интегрального словаря русского языка (о концепции этого словаря см. [Апресян 1991]).

ГОВОРИТЬ 1.1

Значение: X говорит Y-у Z [*Она говорила брату, что собирается поехать в Крым*] = 'Человек X произносит, обращаясь к Y-у, созданный им текст, содержащий смысл Z, для того, чтобы Y воспринял смысл Z'.

В предложении с глаголом *говорить 1.1* передается утверждение, содержащееся в передаваемом высказывании — в отличие от *говорить 2.1*, где содержание «реально» произнесенного текста остается неизвестным. Степень точности передачи исходного высказывания может быть различной и зависит от способа оформления Z (см. ниже).

Синонимы: *≈ сообщать*.

Аналоги: *спрашивать, отвечать, признавать(ся), рассказывать, заявлять, докладывать, информировать*.

Управление⁶³

V1 [X]: ИМ, 'человек', обязат.;

V2 [Y]: ДАТ, 'лицо';

V3 [Z], обязат.;

V 3.1: ПРЯМАЯ РЕЧЬ;

V 3.2: (*о том*) что + ПРЕДЛОЖЕНИЕ;

V 3.3: КОСВ. ВОПР.;

V 3.4: *о* + ПР;

V 3.5: *про* + ВИН;

V 3.6: *о* + ПР₁ как *о* + ПР₂.

При вариантах заполнения валентностей V 3.4 и V 3.5 значение *1.1* реализуется лишь в том случае, если соответствующее имя (в предложном или винительном падеже) обозначает свернутое утверждение, которое может быть восстановлено, ср.: *Он говорил о своем намерении поехать в деревню* ⇔ *Он говорил, что намеревается поехать в деревню*; *Сын не сказал родителям про двойку* ⇔... *не сказал, что получил двойку*. В качестве дополнения в этой конструкции может выступать существительное, скрывающее косвенно-вопросительное предложение (*содержание, цель, сроки, результаты, размеры* и т. п.), ср.: *Он не говорил о результатах матча* ⇔... *не говорил, каковы результаты*. Если же при V 3.4 и V 3.5 предикат не восстанавливается, то соответствующее имя обозначает тему исходного высказывания и глагол *говорить* имеет значение *1.4*, ср.: *Он говорил о своей новой квартире / про новую квартиру* ⇔... *говорил что-то о новой квартире*⁶⁴.

Неоднозначной является также конструкция ПР₁ как *о* + ПР₂, которая может скрывать как само утверждение *N₁ есть N₂*, так и некоторое другое утверждение на эту тему, а именно, такое, для которого утверждение *N₁ есть N₂* является пресуппозицией или следствием (причем эта неоднозначность может оставаться неразрешенной). Так, предложение типа *Он говорит о своем отъезде как о деле решенном* может означать

⁶³ Условные обозначения: V N1.N2 — «валентность»; первая цифра соответствует ее порядковому номеру в валентной структуре данного предиката, вторая указывает на порядковый номер способа ее внешнего оформления. Подробнее см. [Апресян 1991: 13].

⁶⁴ Последнее утверждение верно лишь для глагола *говорить*, но не *сказать*: конструкция *о* + ПР или *про* + ВИН при глаголе *сказать* всегда указывает на свернутую предикацию, ср.: *Он сказал тебе про свою новую квартиру?* (= 'сказал, что она существует').

либо, что он говорит, что его отъезд — дело решенное, либо что он говорит нечто, из чего можно сделать такой вывод.

Синтаксические употребления: *Что вы говорите (ты говоришь)?* [выражение удивления]; *И не говори(те)!* [эмфатическое присоединение к чьему-то мнению]; *А ты говоришь!* [выражение, сопровождающее констатацию того, что положение дел в действительности оказалось лучше, чем предполагал собеседник]; *Не скажи* [выражение несогласия].

Иллюстрации:

- (21) Он *говорит*, что более не может взаймы давать вам денег без заклада (Пушкин); Русские коммунисты искренне возмущаются, когда им *говорят*, что в Советской России нет свободы (Бердяев); Отец не *говорил*, зачем он едет в Москву; Она должна была мне *сказать* о содержании письма (Горький); О твоей повести в «Полярной звезде» *скажу*, что она не в пример лучше тех, которые были напечатаны в прошлом году (Пушкин); Мне о вас *говорили* как о порядочном человеке (Войнович).

Переносные употребления:

- (22) [метафорический перенос по компоненту ‘делать доступным восприятию смысл Z’]: Женский инстинкт и сердце матери *говорили* ей, что не пища главная причина задумчивости Александра (Гончаров); И вы не отказываетесь от своей клеветы? не просите у меня прощения?.. Подумайте хорошенько: не *говорит* ли вам чего-нибудь совесть? (Лермонтов);
- (23) [метафорический перенос по компоненту ‘делать доступным восприятию текст, содержащий смысл Z’] Закон *говорит*, что все граждане имеют право на труд; Пришельцу надпись *говорит* «Владимир Ленский здесь лежит» (Пушкин); Так *говорит* боснийское преданье; не ручаюсь ... за истину (Пушкин).

ГОВОРИТЬ 1.2

Значение: *X говорит Z* [*Маркс говорит, что рабочие не имеют отечества*] = ‘Человек X считает, что Z, и сообщает об этом’.

Глагол *говорить* 1.2 вводит мнение, выраженное кем-то устно или письменно. Наиболее существенным признаком значения 1.2 является вневременной характер описываемой им ситуации. Это обстоятельство обуславливает характерную для значения 1.2 частичную синонимию настоящего и прошедшего времени, ср.: *Маркс говорит* (\approx *говорил* \approx *сказал*), *что рабочие не имеют отечества*. При этом, согласно общему правилу, форма прош. времени передает акцент на факте высказывания, настоящее время — на содержании мнения; оно уместно при передаче «авторитетных» мнений, содержащих глобальные суждения.

Для *говорить* 1.2 характерно также употребление во вводной конструкции (в этом случае говорящий имплицитно присоединяется к пересказываемому мнению)⁶⁵, ср.: *Она и Михаил Иванович — два лица, к которым он всегда ласков и добр, потому что они оба благодетельствованы им; как говорит Стерн: «Мы не столько любим людей за то добро, которое они нам сделали, сколько за то добро, которое мы им сделали»* (Л. Толстой).

Вневременным характером ситуации, обозначаемой глаголом *говорить* 1.2, определяется также то обстоятельство, что этот глагол содержит запрет на заполнение валентности адресата (В 2). Действительно, хотя соответствующая переменная (Y) в толковании присутствует, добавление в предложение с *говорить* 1.2 указания на

⁶⁵ См. [Зализняк, Падучева 1987].

адресат невозможно: заполнение адресатной валентности превращает *говорить 1.2* в *говорить 1.1*, ср.: *Маркс говорит Энгельсу, что рабочие не имеют отечества*.

Модальные слова, подчиняющие *говорить 1.2*, взаимодействуют с центральным компонентом толкования 'считать, что Р', а именно, указывают на степень обоснованности высказываемого мнения, ср.: *Нельзя (не могу) сказать, чтобы он был очень умен* (= 'не имею достаточных оснований, чтобы считать, что он умен' ⇒ 'считаю, что он не умен'). С этим же компонентом толкования взаимодействуют некоторые наречия, например, *напрасно* и *зря*, ср.: *Ты напрасно говоришь, что он халтурщик* (= 'твое мнение, что он халтурщик, ошибочно') — см. раздел П.3.

Синонимы: ≈ *считать 2*.

Аналоги: *утверждать 2, писать 2, полагать, думать 2, подчеркивать 2, настаивать*.

Управление:

V1[X]: ИМ, 'лицо';

V3 [Z], обязат.;

V3.1: ПРЯМАЯ РЕЧЬ;

V3.2: *что* + ПРЕДЛОЖЕНИЕ;

V3.3: *о* + ПР;

V3.4: *о* + ПР₁, как *о* + ПР₂.

Для субъектной валентности (V1) возможно заполнение нулевым показателем неопределенно-личного субъекта; глагол *говорить* в этом случае вводит мнение как таковое, как бы не имеющее автора (*Говорят, что посуда бьется к счастью*). В таком значении «безличного» мнения может быть употреблен также глагол *говориться*, часто — во вводной конструкции (*Как говорится, тише едешь, дальше будешь*).

О заполнении V3 конструкцией *о* + ПР см. комментариев к значению *1.1*. Значение *1.2* возникает в том случае, когда восстанавливаемый предикат — 'иметь место', и реализуется в форме 'считать существующим <некоторое явление>'. Для конструкции *о* + ПР при *говорить 1.2* характерен контекст подчиняющих модальных слов, ср.: *Если человека рассматривают исключительно как кирпич для строительства общества, то приходится говорить не столько о явлении нового человека* (= 'о том, что явление нового человека имеет место'), *сколько об исчезновении человека* (Бердяев); ср.: *Они говорили о явлении нового человека* (значение *1.4*); *О каком равенстве здесь можно говорить?*

Под отрицанием у *говорить 1.2* возможно заполнение V3 конструкцией *чтобы* + ПРЕДЛОЖЕНИЕ: *Не скажу, чтобы мне это понравилось*. Это свойство объединяет глагол *говорить 1.2* с некоторыми другими глаголами мнения, ср.: *Я не думаю, чтобы он оказался трусом; Я сомневаюсь, чтобы это было так* и т. п.

Иллюстрации:

(24) Ленин настаивал на оригинальном характере русской революции. Он всегда *говорил*, что русская революция будет не такой, какой представляли ее себе доктринеры марксизма (Бердяев); Ты *говоришь*, что стихи мои никуда не годятся (Пушкин); По его виду нельзя было *сказать*, чтобы он особенно волновался; О новом человеке, о новой душевной структуре много *говорят* в Советской России (Бердяев); Маркс *говорит* о классовой борьбе как о локомотиве истории; Как ты можешь так *говорить*?

ГОВОРИТЬ 1.3

Значение: *X говорит Y-у, чтобы Z* [*Уходя, мать говорила детям, чтобы они никому не открывали дверь*] = 'Человек X произносит обращенный к Y-у текст Z, чтобы побудить Y-а осуществить действие, обозначенное Z';

Синонимы: *≈ велесть*

Аналоги: *велесть, заставлять, приказывать, советовать, рекомендовать, предлагать, просить;*

Управление:

V1 [X]: ИМ, 'человек';

V2 [Y]: ДАТ, 'человек', обязат.;

V3 [Z]: обязат.;

V3.1: ИНФ;

V3.2: *чтобы* + ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Синтаксические употребления: *Сколько раз тебе говорить? Кому я говорю?* (выражения настойчивого побуждения);

Иллюстрации:

- (25) Распоряжения насчет мальчиков в ту ночь никакого сделано не было. *Сказано* было только держать обоих в кухне (Салтыков-Щедрин); ...сходи к Павлу Ермолаеву, *скажи* ему, чтоб он сейчас же шел на биржу (А. Островский).

ГОВОРИТЬ 1.4

Значение: *X говорит о Z* [*Он говорил о своем детстве*] = 'Человек X делает доступным восприятию Y-а созданный им текст, темой которого является Z';

Синонимы: *рассказывать*

Управление:

V1 [X]: ИМ, 'человек', обязат.;

V3 [Z]: обязат.;

V3.1: *о* + ПР;

V3.2: *про* + ВИН;

V3.3: *о том, что* + ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Субъектная валентность (V1) может заполняться нулевым показателем неопределенно-личного субъекта или метонимическим обозначением группы людей, ср.: *Об этом происшествии говорили целый месяц; Вся Москва только и говорит, что о войне* (Л. Толстой).

Валентность адресата (V2) нормально не заполняется, хотя в толковании соответствующая переменная (Y) имеется. Действительно, употребления типа: *Письмо, где я говорил тебе о Тавриде, не дошло до тебя* (Пушкин), представляются устаревшими: в подобном случае предпочтительнее употребление глаголов *рассказывать* или *писать*.

В отличие от значений 1.1. и 1.2., в значении 1.3. (как и в *говорить 3*), имя в предл. падеже обозначает лишь тему передаваемого высказывания и не несет информации о содержащемся в нем утверждении.

Иллюстрации:

- (26) И долго, долго дедушка о горькой доле пахаря с тоскою говорил (Некрасов); Я смутился: эти люди знают мое сердце, говорят о моей любви на своем холопском языке (Пушкин); Заявление о том, что я буду *говорить* об отношении сновидения к оккультизму, вряд ли вас удивит (Фрейд).

Переносные употребления:

- (27) Песня говорит о неразделенной любви; ...сметает пыль с могильных плит, которых надпись говорит о славе прошлой (Лермонтов).

ГОВОРИТЬ 2.1

Значение: *X говорит Y-у Z на L [Он говорил ей комплименты по-французски] = 'Человек X произносит создаваемый им и обращенный к Y-у текст на языке L, обозначаемый как Z, с целью сделать доступным для Y-а его смысл'*.

Переменная толкования *Z* представляет собой обозначение произносимого *X*-м текста, отражающее либо его содержательные (жанровые и т. п.) признаки (*свое мнение, вступительное слово, тост, проповедь, слова благодарности*), либо его оценку, с точки зрения автора высказывания с глаголом *говорить* (*глупости, пошлости, правда, неправда, ерунда, чушь*); некоторые обозначения текстов включают одновременно дескриптивный и оценочный компонент (*комплименты, любезности*).

Говорить 2.1 может, в определенных условиях, интерпретироваться как соответствующая способность (обычно при невыраженных *Y* и *Z*): *Ребенок еще не говорит; Он хорошо говорит по-английски*.

Аналоги (с невыраженным *X* и в зависимости от характера *Z*): *произносить* <речь, проповедь, тост>; *провозглашать* <тост>, *изрекать* <известные истины>, *болтать* <чепуху>, разг. *нести* <чушь>; (с невыраженным *Y* и *Z*): *разговаривать, болтать, разглагольствовать*; (с невыраженными *Y* и *Z* и выраженным *L*): *объясняться, изъясняться, болтать* <по-французски>.

Антоним: *молчать*.

Управление:

V1 [X]: ИМ, 'человек', обязат.;

V2 [Y]: ДАТ, 'лицо';

V3 [Z]: ВИН, 'обозначение текста';

V4 [L]: 'название языка';

V4.1: *по-... -ски*;

V4.2: *на + ПР*;

Иллюстрации:

- (28) *Говорить* ему было трудно: болела грудь, да и неохота ему было *говорить* (Г. Головин); *А говорил* он высоким голосом дьячка, всегда что-то особенно памятное и так, что нельзя было понять, серьезно *говорит* он или шутит (Горький); Сейчас у нас появился новый социальный субъект, осмелившийся не только думать, но и *говорить*, и действовать (А. Фадин); Да вот верховный дьяк выходит нам сказать решение думы... Молчать! молчать! дьяк думный *говорит* (Пушкин); Командиры стали *говорить* такие речи, такие слова, которые жгли до сердца (Фурманов).

Переносные употребления:

- (29) [метафорич., по компоненту 'передавать смысл' и по коннотативному компоненту 'выражать себя']: В нем *говорит* ущемленное самолюбие. Не он, не его тайное или явное пристрастие должно было *говорить* в трагедии — но люди минувших дней, их умы, их предрассудки (Пушкин); Ее глаза *говорили* (Н. Берберова);
- (30) [метонимич.]: *говорит* Москва; *говорит* радиостанция «Юность».

ГОВОРИТЬ 2.2

Значение: *X говорит «Z»* [*Кошка говорит «мяу»*] = ‘X произносит последовательность звуков Z’.

Это значение отличается от 2.1 прежде всего отсутствием у X-а цели передать смысл выражения Z — даже в том случае, если Z имеет смысл. Кроме того, значение 2.2 предполагает буквальное воспроизведение произнесенной последовательности звуков.

Синонимы: *произносить*.

Управление:

V1 [X]: ИМ, ‘человек’ / ‘животное’, обязат.;

V3 [Z]: ПРЯМАЯ РЕЧЬ, ‘последовательность звуков’, обязат.;

Иллюстрации:

- (31) Ребенок еще не *говорит* букву «р»; *Скажи «изюм»*; Котик, *скажи*: мя-чик. А он *говорит*: мяу (Маршак); Он *говорил* «*jamais, jamais*» и плакал по-французски [о попугае].

Ср. также следующие шуточные диалоги, где комический эффект возникает за счет языковой игры между значениями *говорить 2.1* и *говорить 2.2*: — *Скажи пароль*. — «*Пароль*»; *Я умею говорить по-японски*: «*по-японски, по-японски, по-японски*»;

Переносное употребление: «Тра-та-та», — *говорит* пулемет.

ГОВОРИТЬ 2.3

Значение: *X говорит «Z»* [*Он говорит «фуфайка» вместо «свитер»*] = ‘Человек X употребляет в устной или письменной речи выражение Z’.

Это значение отличается от 2.2 тем, что употребляя выражение Z, X имеет в виду выразить его смысл; с другой стороны, в отличие от 2.1 и 2.2 здесь выражение Z не обязательно произносится.

Управление:

V1 [X]: ИМ, ‘человек’, обязат.;

V3 [Z]: произнесенный текст, обязат.;

V3.1: ПРЯМАЯ РЕЧЬ;

V3.2: *так*;

V3.3: о + ПР.

Иллюстрации:

- (32) Пушкин *говорил* «принципы»; По-русски так не *говорят*; Мы не *говорим*: карета, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату; мы *говорим*: которая скачет, который метет (Пушкин); Они ужасный моветон, как *говорит* Гоголь, то есть хуже нежели мошенники (Пушкин); Анна Павловна кашляла несколько дней, у нее был грипп, как она *говорила* (грипп был тогда новое слово, употреблявшееся только редкими) (Л. Толстой); Старая графиня *говорит* «мерси», жеманно кланяется и пьет чай, оставив мизинец (Л. Толстой); Я не буду пользоваться термином «подсхема», вместо этого я буду *говорить* о предикатах.

ГОВОРИТЬ 3

Значение: *X говорит с Y-м о Z* [*После уроков учитель подолгу говорил со своими учениками о жизни*] = ‘Человек X произносит обращенный к Y-у текст, темой которого является Z; Y воспринимает этот текст и произносит другой текст, обращенный к Y-у, связанный по смыслу с первым, и темой которого тоже является Z; X воспринимает этот текст; все это повторяется несколько раз в пределах промежутка времени T’.

Синонимы: *разговаривать, беседовать, болтать*, (разг.) *трепаться*.

Аналоги: (с выраженным Z) *обсуждать*, (с невыраженным Z) *общаться*.

Управление:

- 1) V1 [X]: ИМ, 'человек', обязат.;
 V2 [Y]: с + ТВОР, 'человек', обязат.; [*Коля говорил с Петей о литературе*]
 V3 [Z]:

V3.1: о + ПР ;

V3.2: *про* + ВИИ;

V3.3: о *том, что* + ПРЕДЛОЖЕНИЕ;

- 2) V1 [X, Y], 'люди', обязат.;
 V 1.1: ИМнож: [По вечерам *братья* говорили о литературе];
 V 1.2: ИМ и ИМ: [*Коля и Петя* говорили о литературе];
 V 1.3: ИМ с ТВОР: [*Коля с Петей* говорили о литературе];
 V3[Z] = (1).

Иллюстрации:

- (33) Марья Ивановна почти со мною не *говорила* и всячески старалась избегать меня (Пушкин); Кто там в малиновом берете с послем испанским *говорит* (Пушкин); Иногда они молчали целые часы; иногда, уже лежа в постелях, они начинали *говорить* и *говорили* целые часы. Они *говорили* большей частью о давнем прошедшем (А. Н. Толстой); Они *говорили* о будущем, о том, что мировая революция неминуема (Н. Берберова).

Значения группы 4 — различные варианты «семиотического» значения глагола *говорить*, которое с разных точек зрения представляет особый интерес и рассматривается более подробно ниже, в разделе II.6.4.

ГОВОРИТЬ 4.1

Значение: А *говорит* (X-м) Z (Y-у) [*Что ты хочешь этим сказать?*]: 'Человек А при помощи создаваемого им объекта X делает доступным восприятию Y-а заключенный в X-е смысл Z'.

Если создаваемый человеком А семиотический объект представляет собой текст на естественном языке, то Z — это его «передаваемый», коммуникативный смысл. Валентность адресата является здесь факультативной; не обязательно присутствует также обозначение «носителя смысла» (X-м). При невыраженном адресате это значение реализуется преимущественно (но не обязательно) в контексте подчиняющего глагола *хотеть* и в форме сов. вида. (В примерах везде имеются в виду лишь выделенные вхождения обсуждаемого глагола.)

Управление:

V1 [A]: ИМ, человек, обязат.;

V3 [Z]: *что*, обязат.;

V4 [X]: ТВОР, 'объект' / 'действие';

Иллюстрации:

- (34) Непонятно, что автор хотел *сказать* этими стихами; В своей последней статье он так тонко понял, что я хотел *сказать* своей картиной, как никто (Гаршин); Что ты хочешь (мне) *сказать* своим молчанием (этим своим поступком)?;
- (35) Николай [имеется в виду — человек, носящий имя Николай]; *говорит* только то, что он говорит [т. е. не стремится передать никаких скрытых смыслов] (Флоренский);
- (36) А ты вот что, Катя, — прибавил он к меньшей дочери, — ты когда-нибудь, в один прекрасный день, проснись и скажи себе: да ведь я совсем здорова и весела, и пойдем с папá

опять рано утром по морозцу гулять. А? Казалось, очень просто было то, что сказал отец, но Кити при этих словах смешалась и растерялась, как уличенный преступник. «Да, он все знает, все понимает и этими словами *говорит* мне, что хотя и стыдно, а надо пережить свой стыд» (Л. Толстой);

- (37) И когда он вышел из вагона в Бологове, чтобы выпить сельтерской воды, и увидел Анну, невольно первое слово его сказало ей то самое, что он думал. И он был рад, что *сказал* ей это, что она знает теперь это и думает об этом (Л. Толстой);
- (38) Давая соседу знать, что он его слышит, Саша несколько раз стукнул в стену согнутым пальцем. Так он делал теперь каждый вечер. Но, что выстукивал сосед, разобрать не мог, хотя и улавливал в этих звуках закономерность: несколько ударов, короткая пауза, опять удары и, наконец, шуршание. И хотя Саша не понимал, что *хотел сказать* сосед, его волновало это осторожное постукивание, полное упорной тюремной надежды (А. Рыбаков).

ГОВОРИТЬ 4.2

Значение: *X говорит Y-у о Z* [*Эти могилы говорят нам о минувшей войне*] = ‘Воспринимая объект или явление X, человек Y получает информацию об объекте или явлении Z’;

В роли X-а здесь выступает объект семиотической природы — текст на естественном языке или произведение искусства. В этом случае *говорить 4.2* описывает отношение типа «означаемое–означающее» между X и Z (устанавливаемое Y-м или автором высказывания), однако в качестве Z выступает не конвенциональный, а более «глубинный» смысл текста (или знака) X, а; ср.: *Это замечание* (имя, название, стихотворение, картина, музыка) *мне мало что говорит*.

Управление:

В 1 [X]: ИМ, ‘объект’/‘явление’, обязат.;

В 2 [Y]: ДАТ, ‘человек’, обязат.;

В 3 [Z] обязат.;

В 3.1: *о* + ПР;

В 3.2: *о том*, косв. вопр.;

В 3.3: *много(е), мало (что), ничего, что-нибудь* (*о* + ПР);

Валентность адресата (В2) может заполняться также словами *ум, сердце* и т. п.

Иллюстрации:

- (39) В нравах народа заключены его предрассудки, его воспоминания, его сожаления; для этого он иногда ходит в театр искать того, что не выражает настоящего его положения, но *говорит* ему о том, чего он желает или что им потеряно (Пушкин);
- (40) Десять стихов Лермонтова *скажут* вам о его характере, взгляде, направлении гораздо больше, нежели о каком-нибудь новейшем пиите десятки стихотворений (Добролюбов);
- (41) Ее выражение, походка, платье, прическа *говорили* ему, что она из порядочного общества, замужем, в Ялте в первый раз и одна, что ей скучно здесь (Чехов);
- (42) При моей орфографической бездарности тире было единственным знаком, кое-что *говоришим* моему уму и сердцу (Л. Гинзбург).

Ср. также первое вхождение глагола *сказать* в примере (37).

Это же значение реализуется в примере (43), хотя такое употребление (с изъяснительным придаточным) находится на грани нормы — что, впрочем, маркируется словом *как бы*.

- (43) ...мои необычные рисунки, мои последовательность и упорство в карикатуре. мое вполне объяснимое отсутствие реализма, все это ей как бы *сказало*, что что-то «не в порядке» (Г. Эфрон. Дневники).

ГОВОРИТЬ 4.3

Значение: *X говорит о Z* [Этот поступок говорит о твердости его характера] = ‘Наличие факта X означает наличие факта Z’;

Значение 4.3 отличается от 4.2 прежде всего, отсутствием валентности адресата (В2), а также возможностью заполнения валентностей В1 и В3 конструкцией *то, что* + ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Глагол *говорить 4.3* устанавливает отношение «означаемое–означающее» между X и Z; актант X при этом может быть лишь конкретным (единичным), имеющим место (и обычно даже наблюдаемым) явлением, существование которого позволяет автору высказывания сделать вывод о существовании — тоже единичного — явления Z. Этот вывод делается на основании наличия некоторой устойчивой связи между явлениями класса X и класса Z, которая может быть как «материальной» (например, причинно-следственной), так и «идеальной» — семиотической; ср.: *Мозолистые руки старика говорили о привычке к физическому труду* и *Синие полосы на погонах военного говорили о том, что перед нами — капитан дальнего плавания*. Однако утверждение о наличии связи между соответствующими классами явлений не может быть сделано с использованием глагола *говорить*. Так, нельзя сказать *Мягкие волосы говорят о добром характере*: нужно либо добавить слово *обычно* (и тогда это будет общее суждение), либо изменить денотативный статус X-а и Z-а с родового на конкретно-референтный: *Ее мягкие волосы говорили о добром характере* (= ‘о том, что у нее добрый характер’).

Синонимы: *свидетельствовать*

Аналоги: *означать, указывать*

Управление:

В1 [X], обязат.;

В1.1: ИМ;

В.1.2: *то, что* + ПРЕДЛОЖЕНИЕ;

В3 [Z], обязат.;

В3.1: (о + ПР);

В3.2: (о том) *что* + ПРЕДЛОЖЕНИЕ;

В3.3: *другое, обратное* и т. п.

Синтаксические употребления: *Это говорит само за себя; Это говорит (не) в его пользу.*

Иллюстрации:

- (44) Он клянется в преданности, но его поступки *говорят* совсем другое (совсем о другом);
- (45) То, что он не ответил, еще ни о чем не *говорит*;
- (46) Но делать нечего; все кругом меня *говорит*, что я старею, иногда даже чистым русским языком (Пушкин);
- (47) ...«мне каждый день встречалась женщина с лицом фаршированной шуки». [...] Лицо шуки — это одно, а фаршированная шука — это *говорит*, что женщина там безвольная какая-то, там мягкотелая и т. д. (Русская разговорная речь);
- (48) Наша молчаливая уверенность лучше любых криков *скажет* о нашей правоте (Из газет);
- (49) О чем же на самом деле *говорят* новгородские раскопки? О том, прежде всего, что возникновение славянской государственности на Руси — это сложный процесс, который шел по двум путям (Из газет);

- (50) То же делали и боги индийской мифологии: Индра, например, в облике мудреца Гаутамы пришел к его жене Ахалье. Все это *говорит*, что богам не нужна была ответная любовь, любовь именно к ним, индивидуальное чувство (Ю. Рюриков);
- (51) Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады, и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, *говорил* о покое, о вечном сне, какой ожидает нас (Чехов);
- (52) Толпа строений: людских, амбаров, погребов, видимо ветшавших, — наполняла двор; возле них направо и налево видны были ворота в другие дворы. Все *говорило*, что здесь когда-то хозяйство текло в обширном размере, и все глядело ныне пасмурно (Гоголь);
- (53) То, что они поддерживают Сталина, *говорит* только об их силе (А. Рыбаков);
- (54) Такая смерть в семьдесят два года не *говорит* о счастливой жизни (В. Ходасевич);
- (55) Ненависть к инакомыслию *говорит* о том, что инакомыслие существует (В. Аксенов).

6.4. СТРУКТУРА МНОГОЗНАЧНОСТИ ГЛАГОЛА ГОВОРИТЬ

В целом глаголы речи представляют собой достаточно традиционный объект лингвистического анализа, так как сюда входит, в частности, вся проблематика перформативности (ср. [Wierzbicka 1987a; Гловинская 1992; 1993; Апресян 1995в; Падучева 1994] и др.). Что же касается самого глагола ‘говорить’, мне известна единственная работа [Kozarzewska 1988], где предлагается полное описание польского глагола *mówić* с толкованиями всех значений. В несколько ином ключе анализируется русский глагол *говорить* в статьях [Арутюнова 1992; Телия 1994].

Дело в том, что семантический анализ этого глагола наталкивается на весьма серьезные трудности. Как справедливо замечено в [Апресян 1995в: 356], любое толкование этого глагола (например, ‘произнося некоторый текст, делать доступным восприятию некоторый смысл’) содержит порочный круг, так как *текст* естественно определять через *язык*, а *язык* — через *говорить*. Этот факт свидетельствует о том, что ‘говорить’ является семантическим примитивом, т. е. неразложимым элементом, который, наоборот, входит в толкование огромного количества слов (в частности, таких как *текст* и *язык*). Правомерность такого решения (принимаемого, в частности, А. Вежбицкой и Ю. Д. Апресяном), никак, однако, не отменяет задачи лексикографического описания самого глагола *говорить*. Вообще эта проблема не является специфической именно для данного глагола; его особенность состоит лишь в особой семантической сложности основного, или «прототипического», его значения, а также структуры его полисемии⁶⁶. Однако, как мы попытаемся показать, и то и другое может быть (по крайней мере частично) эксплицировано при помощи техники, основанной на обычном компонентном анализе.

В значении глагола *говорить* выделяются следующие семантические компоненты:

- (i) ‘X произносит последовательность звуков T’;

⁶⁶ Как пишет Д. Н. Шмелев, «действие, выражаемое глаголом *говорить*, многоаспектно [...], т. е. представлено как комплексное или “сложное” действие. *Говорить* — это “произносить”, “пользоваться устной речью”, “словесно выражать что-то”, “общаться с кем-то”, “сообщать кому-то что-то” — все эти аспекты действия по существу не отграничены друг от друга; в разных контекстах любой из соответствующих признаков может выступать на первый план (становясь иногда единственно существенным), во многих контекстах они проявляются одновременно» [Шмелев 1973: 230].

(ii) 'Т является носителем смысла М';

(iii) 'X считает/знает, что М';

(iv) 'X хочет, чтобы Y считал/знал, что М (или: '...чтобы Y считал что X считает/знает, что М')';

(v) 'X хочет, чтобы Y осуществил действие М'.

Значения глагола *говорить* делятся на две неравные группы: в одной группе в позиции подлежащего находится имя лица, в другой — имя не-лица (этот признак отделяет, так сказать, основные значения от переносных). Рассмотрим сначала значения основной группы (состав частных значений глагола *говорить* см. в предыдущем разделе).

Значение 'сообщать', которое, очевидно, является основным (прототипическим), включает компоненты (i), (ii), (iv)⁶⁷, а также, иногда, (iii) в варианте 'считает' (*Он сказал, что завтра будет дождь*: скорее всего, он сам тоже так считает). Компонент (iv) в варианте 'знает' выражает идею фактивности. При этом, хотя *сообщать* естественно разложить как 'каузировать знать' глагол *говорить* в значении 'сообщать' не является фактивным. Так, из *Он сказал жене, что был в библиотеке* следует только, что он хотел, чтобы жена так считала (компонент (iv)); утверждения о том, что говорящий сам так считает, в значении глагола *говорить* не содержится (хотя этот смысл может быть выведен из постулата искренности). Те же три компонента содержатся в значении 'произносить осмысленный текст' (*говорить тост, комплименты*), в значении 'устно выражать мысли' (*говорить красиво; говорить три часа*) и в значении 'общаться' (*Они не говорят уже три дня*). Три компонента содержится также в значении 'велеть' (*Мать сказала детям никому не открывать дверь*), где вместо (iv) выступает (v).

Далее имеется несколько более периферийных значений, включающих по одному — два компонента. Так, значение 'произносить' (*Ребенок не говорит букву «р»*; *Скажи «изюм»*; *Кошка говорит «мяу»*) состоит из компонента (i); значение 'употреблять выражение' (*Он говорит «фуфайка» вместо «свитер»*) включает (i) и (ii). Значение 'утверждать, считать' (*Прудон говорит, что собственность есть воровство*; *Моя бабушка говорит, что брезгливые люди нечистоплотны*) в качестве обязательного включает лишь компонент (iii) в варианте 'считает'⁶⁸.

В той группе значений, где в позиции подлежащего находится не-лицо, значения, которые основаны на метафоре (*женский инстинкт говорил ей, что...*) и метонимии (*Говорит Москва*), возможностями компонентного анализа не охватывается, так как здесь имеет место «перенос» от основного значения. Что же касается «семиотического» значения 'означать', то оно включает лишь компонент (ii). Остановимся на нем подробнее.

Как уже говорилось, значение глагола *говорить* основано на чисто семиотическом отношении «означающее — означаемое». Простейший случай соответствует основному значению этого глагола ('произнося некоторый текст, делать доступным восприятию его смысл'), где отношение «означающее — означаемое» устанавливается между формой и содержанием языкового знака. В этом случае означающее и озна-

⁶⁷ Так, в работе [Телия 1994: 93] прототипом «говорить» предлагается считать единство артикуляции, вербализации и сообщения.

⁶⁸ Противопоставленность значения мнения основному значению речи выражается, в частности, в его особых аспектуальных свойствах — отсутствии актуально-длительного значения. Ср. следующий пример, где нарушение этого запрета порождает эффект совмещения значений: *...а где беспорядок — там и пьянка. Это он так говорит. Я сам слышал. Я вставлял ему стекла, а он в это время говорил так жене* (С. Соколов).

чаемое «склеиваются» в выражении, заполняющем объектную валентность глагола *говорить*. Однако среди употреблений этого глагола есть и такие, где означаемое и означаемое отделяются друг от друга и расходятся настолько, что соответствующие выражения оказываются занимающими разные актантные позиции.

Выше уже шла речь о выражении *хотеть сказать* в контекстах, где означаемым является некоторый произнесенный текст, а означаемым — его скрытый (коммуникативный) смысл. Следующий шаг здесь состоит в том, что в качестве означаемого выступает не текст на естественном языке, а текст в более широком, семиотическом, смысле. Ср.: *Непонятно, что автор хотел сказать этими стихами (своим романом, своей картиной, этой музыкой, и т. п.)*. Более того, в этой позиции может оказаться объект и не семиотической природы, т. е. сам по себе не имеющий означаемого, но приобретающий его в данном контексте. Ср.: *Что ты хочешь сказать своим молчанием? Что он хотел сказать этим поступком?* Заметим, что в этой функции также могут выступать «ксенопоказатели» *мол, де, дескать*.

Адресованные межличностные акции наряду со своей «вещественной» сущностью (как бы «прямым значением») имеют еще и коммуникативный аспект: то, что хочет сказать, дать понять или почувствовать «другому» (адресату или сторонним лицам) субъект действия. Это — своего рода иллюкуция поведенческого акта или поведения, например: *Лица голопальцев при виде бутылки просияли, хотя они старались все казаться равнодушно-спокойными, желая показать, что это-де нас не удивляет* (А. Неверов); [...] *Первое дело, оделся франтом, знай, дескать, наших* (А. Н. Островский) [Арутюнова 1992: 48—49].

Семиотическое значение у глагола *говорить* возникло, по-видимому, на рубеже XVIII и XIX веков. По крайней мере, оно не отмечается историческими словарями⁶⁹; отсутствует оно и в словаре В. И. Даля. Однако у Пушкина семиотическое значение широко представлено (см. примеры (27), (28), (32)). С другой стороны, семиотическое значение имеется у глаголов с основным значением ‘говорить’ во всех основных новых западноевропейских языках — и появилось достаточно давно. Ср. примеры из Мольера и Расина, приводимые в словаре [Littré 1882]:

- (56) *Mon astre me disait ce que j'avais a craindre* (Mol.); *Ce front satisfait dit assez a mes yeux, que Porus est défait* (Rac.); *Et ce poison vous dit les volentés du roi* (Rac.); *Et son silence même, accusant la noblesse / Nous dit qu'elle nous cache une illustre princesse* (Rac.); *Vous portez, madame, un gage de ma foi, Qui vous dit tous les jours que vous êtes a moi* (Rac.); *Tout cela dit assez que le trône m'est dû* (Rac.).

Аналогичный тип употребления имеется у немецкого глагола *sagen*, английского *to tell*.

Все это позволяет предположить, что семиотическое значение у глагола *говорить* представляет собой «европеизм» — семантическую кальку, возникшую в русском языке в карамзинскую эпоху; ср. [Успенский 1985: 26]. Возможности заимствования производного значения ‘означать’ глаголом *говорить*, никак не противоречит наличие того же перехода, напр., в русском *сиречь*. С другой стороны, русский глагол *сказать* образован от глагола *казать*, семиотическая природа которого очевидна. Глагол *казать*, в современном русском языке практически отсутствующий (он употребляется лишь в идиоматических сочетаниях типа *не казать носу* <куда-то>), в словаре В. И. Даля фигурирует в значении ‘показывать, предъявлять, давать видеть, являть’. Однако, с одной стороны, этот глагол имеется — в значении ‘говорить’ — во

⁶⁹ В древнерусском языке глагол *говорить* вообще отсутствовал; было лишь существительное *говор*, означавшее ‘шум’ (см. [Макеева 2000]).

многих славянских языках, ср. укр. *казати*, белорус. *казаць*, серб. *казати*, болг. *казвам* (1-е л.), макед. *каже* (3-е л.), слов. *kazati* (см. [Толстая 2000]). С другой стороны, в русском языке этот глагол с приставкой *с-* является видовым коррелятом глагола *говорить*. Тем самым, значение русского глагола *сказать* несет на себе следы той же семантической деривации, но в противоположном направлении. Исходное значение глагола *казать* лучше сохранилось в приставочных образованиях *показать* и *указать*, *доказать* ср.: *Ненависть к инакомыслию говорит о том, что инакомыслие существует* \cong *показывает / указывает / доказывает, что инакомыслие существует*. Тем самым возникает вопрос, какое из значений *говорить* — «основное» или «семиотическое» — является, так сказать, первичным. Логические же отношения между значением ‘устно сообщать’ и семиотическим значением ‘означать’ представляют собой теоретико-множественное пересечение: одним из аспектов говорения является установление семиотического отношения (т. е. отношения между означающим и означаемым), хотя оно имеет и другие функции; с другой стороны, говорение является частным случаем установления семиотического отношения. Так или иначе, очевидно, что семантический переход между смыслами ‘говорить’ и ‘означать’ является одним из устойчивых, воспроизводимых семантических отношений (см. Главу V).

7. ГЛАГОЛ СЧИТАТЬ

Русский глагол *считать* замечателен в нескольких отношениях.

Во-первых, в том своем значении, в котором он обозначает мнение, он обозначает совершенно определенный тип мнения («мнение-оценку»), противопоставленный, прежде всего, «мнению-предположению», выражаемому глаголом *думать*.

Во-вторых, как оказывается, глагол *считать* в значении мнения является лингвоспецифичным, в том смысле, что заключенный в нем концепт не имеет единого однословного выражения в европейских языках.

В-третьих, необычайно интересна структура полисемии этого глагола, прежде всего, путь семантической деривации, связывающий значение мнения со значением счета.

Все три указанные особенности русского глагола *считать* тесно между собою связаны. Рассмотрим их по порядку.

7.1. СЧИТАТЬ И ДУМАТЬ: ДВА ТИПА МНЕНИЯ*

Общепринятым является противопоставление двух когнитивных установок — «знание» и «мнение»⁷⁰. Между тем сфера «мнение» объединяет два типа смыслов, расхождение между которыми не менее существенно, чем между мнением и знанием. Я имею в виду различие, на которое обратила внимание М. А. Дмитриевская [1988], введя противопоставление мнения-предположения и мнения-оценки. Мнение-предположение — это установка относительно верифицируемой пропозиции, противопоставленная знанию (ср. (1)); мнение-оценка — установка относительно неверифицируемой пропозиции (ср. (2)):

- (1) Я *думаю*, что Иван уехал в Киев (vs. Я *знаю*, что Иван уехал в Киев);
- (2) а. Я *считаю*, что это хороший фильм.
б. Я *считаю*, что это безобразие.

Мнение-оценка не противопоставлена знанию, так как эти две установки дополнительно распределены относительно типа подчиненной пропозиции, с которой они

* В основу данного раздела положена статья [Зализняк 1991]. Среди более поздних работ на эту тему см. [Лауфер 1993; Шатуновский 1993; Апресян 1993; Лауфер 2000].

⁷⁰ См. обсуждение этой проблемы в [Зализняк 2006: 444 и сл.]

могут сочетаться. Более того, можно сказать, что мнение-оценка является «позиционным вариантом» знания, выступающим в контексте неверифицируемой пропозиции; как говорит М. А. Дмитриевская [1988: 14], мнение-оценку можно назвать «субъективным знанием», поскольку она имеет для говорящего статус субъективной истины.

Действительно, мнение-оценка обладает многими общими со знанием свойствами (что и позволяет отнести различия между ними на счет контекста — соответственно верифицируемой или неверифицируемой пропозиции). Наиболее существенное свойство, сближающее мнение-оценку со знанием и противопоставляющее его мнению-предположению, состоит в том, что мнение-оценка, так же как и знание, включает истинностную оценку подчиненной пропозиции, а мнение-предположение — вероятностную. Говоря *Я думаю, что Иван уехал в Киев*, человек утверждает, что соответствующее событие, скорее всего, имеет место, а говоря *Я знаю, что Иван уехал в Киев*, так же как и *Я считаю, что это хороший фильм*, человек утверждает истинность подчиненной пропозиции. Будучи утверждениями об истине, предложения, выражающие мнение-оценку, так же как и выражающие знание, не допускают продолжения, в котором бы выражалось сомнение в истинности той же пропозиции (ср. парадокс Мура). Сказать **Я считаю, что это безобразие, но может быть, я ошибаюсь*, очевидно, нельзя⁷¹ — так же как нельзя сказать **Я знаю, что он уехал в Киев, но может быть, это и не так*. Между тем высказывание мнения-предположения, т. е. суждение о вероятности, вполне совместимо с возможностью ошибки, ср.: *Я думаю, что Иван уехал в Киев* вполне допускает продолжения: *...но может быть и в Ригу* (ср. [Pawłowska 1981: 157]).

Как оказывается, противопоставление этих двух типов мнения обнаруживает корреляцию в употреблении двух основных глаголов, выражающих в русском языке пропозициональную установку «мнение» — *думать* и *считать*. Так, согласно наблюдению М. А. Дмитриевской [1988], глагол *думать* может обозначать лишь мнение-предположение. Действительно, высказывание *Я думаю, что это хороший фильм* не выражает мою собственную оценку этого фильма; оно содержит предположение об истинности некоторой верифицируемой пропозиции, касающейся качества обсуждаемого фильма — этой пропозицией может быть что-то вроде ‘мне этот фильм понравится [когда я его посмотрю]’ или же, если класс «хороших фильмов» рассматривается как таксономическая категория (ср. [Вольф 1985: 146]), предположительное отнесение данного фильма к этому классу.

Относительно употребления глаголов *думать* и *считать* можно сделать более сильное утверждение, которое и составит наш основной тезис, — что глагол *считать* всегда выражает мнение-оценку. Таким образом, в сфере «знание — мнение» русский язык различает три типа эпистемических установок: знание о верифицируемой пропозиции, противопоставленное ему мнение о верифицируемой пропозиции и сближающееся с ним (т. е. знанием) мнение о неверифицируемой. Для каждой из них имеется только один глагол, выражающий данную установку *par excellence*: это, соответственно, *знать*, *думать* и *считать*. При этом, в отличие от *знать* и *считать*, вы-

⁷¹ Из многочисленных исследований, посвященных категории «belief», в данной связи стоит привести замечание Г. Прайса [Price 1967: 47], который указывает, что, несмотря на то что любое мнение может быть ошибочно, существует состояние сознания, которое нам тоже естественно называть мнением (belief) и которое исключает представление о возможности ошибки.

ражающих, согласно Ю. Д. Апресяну, соответствующие системообразующие смыслы (семантические примитивы) ‘знание’ и ‘мнение’ [Апресян 2001], глагол *думать* семантически не элементарен: его значение, в контексте пропозиционального объекта, может быть передано комбинацией семантических элементов: ‘считать (наиболее) вероятным’. Иными словами, мнение-оценка (или просто мнение) входит в значение мнения-предположения (или просто предположения).

Подтверждением тезиса о том, что глагол *считать* всегда выражает мнение-оценку, является прежде всего тот факт, что в контексте, где значение оценки неуместно или невозможно (т. е. в контексте верифицируемой пропозиции и особенно — если мнение эксплицитно противопоставлено знанию), глагол *считать* употреблен быть не может. Ср.:

(3) — Ты не знаешь, где Иван? — Не знаю, но *думаю* (**считаю*), что он пошел за пивом.

Замена *думаю* на *считаю* невозможна также в (4) и в (5):

- (4) Не могу сказать, жил ли сам Тихонов в квартире на Кронкверкском в то время, *думаю*, что нет (Н. Берберова);
- (5) Я не знаю, удалось ли ему издать свой китайский роман, *думаю*, что удалось, почему бы и нет (В. Войнович).

Описанное распределение функций глаголов *думать* и *считать* обнаруживает себя наиболее ярко в 1-м л. наст. времени. В других контекстах оно затемняется вступающими в игру дополнительными факторами. Так, в форме 3-го л. наст. времени глагол *считать* может появляться в контексте верифицируемой пропозиции для передачи чужого высказывания в том случае, когда передающее лицо не имеет никаких собственных представлений о ее истинности — в то время, как передача чужого высказывания с помощью глагола *думать* указывает на то, что говорящий, скорее всего, считает передаваемое утверждение ложным (ср. [Дмитровская 1988]). При этом сам субъект передаваемой ментальной установки может рассматривать ее как знание (т. е. передаваемое высказывание может содержать слово *знаю* или его подразумевать). Так, например, высказывание (6) может быть передано в 3-м л. как (7а) или (7б):

- (6) — [Я знаю, что] Иван уехал в Киев;
- (7) а. Мария *считает*, что Иван уехал в Киев.
б. Мария *думает*, что Иван уехал в Киев.

Произнося (7а), говорящий просто не разделяет презумпцию истинности, т. е. глагол *считать* в 3-м л. — это стандартный способ передачи чужих утверждений, в том числе, вводимых глаголом *знать*, за истинность которых передающее лицо не отвечает (но не более того). Между тем фраза (7б) указывает на то, что произносящий ее сам *думает* или *знает* иначе.

Итак, глагол *думать* выражает мнение-предположение, а *считать* — мнение-оценку. Поэтому возможность употребления и того, и другого глагола возникает лишь при таких подчиненных пропозициях, которые — в силу своей собственной семантики — могут быть объектом как предположения, так и оценки. Различие же в значении между *думать* и *считать* ощущается ровно в той мере, в какой оно имеется в контексте данной подчиненной пропозиции между самими смыслами предположения и оценки.

Глаголы *думать* и *считать* отчетливо противопоставлены по значению в контексте выражений, которые мы будем называть *косвенной номинацией ситуации*: *добиться успеха, потерпеть неудачу (крах, поражение), совершить предательство (измену), предать <кого-то>, выиграть, проиграть, пожертвовать <чем-то>, опоздать, испортить, дать отпор, продвигаться в решении задачи, справиться со своими обязанностями* и т. п.⁷² Особенность этих выражений состоит в том, что они одновременно обозначают некоторое конкретное действие (или последовательность действий) и интерпретацию этого действия через его отнесение к некоторому классу (в идентификации которого всегда существенную роль играет оценочный момент). Ср. разные интерпретации (b) и (c) для действия (a) в следующем отрывке:

- (8) От них также требовали, чтобы, помимо признания своей вины, они (a) назвали имя того, кто дал подписать им криминальное письмо. То есть — (b) прямого предательства. Это называлось (c) «полностью разоружиться перед партией» (Б. Сарнов).

Двойственный характер косвенных номинаций проявляется в том, что они могут взаимодействовать с контекстом либо одной, либо другой составляющей своего смысла, т. е. на первый план выступает либо само действие, либо его интерпретация. Примером здесь может служить употребление глагольных времен. Так, обычно время глагола ориентировано на время совершения действия (т. е. при описании прошлого действия выбирается прош. время, ср.: *Он добился успеха*); однако выбор глагольного времени может быть ориентирован и на его интерпретацию — и тогда это будет наст. время (поскольку интерпретация рассматривается как синхронная высказыванию). Последнее явление описано М. Я. Гловинской как «интерпретационное» значение формы наст. времени несов. вида (*Ты подводил коллектив; пренебрегаешь доверием товарищей; преувеличиваешь* и т. п.). Для этого значения автор предлагает следующее толкование: «До момента речи имело место конкретное единичное действие; говорящий, имея в виду это прошлое действие или его результат, в момент речи интерпретирует это действие как некий тип поведения» [Гловинская 1989: 113].

Важным контекстом, выявляющим указанную двойственность косвенных номинаций ситуаций, является как раз контекст глаголов *думать* и *считать*, — так как *думать* «выбирает» фактический аспект, т. е. само действие (вопрос о его осуществлении), а *считать* — интенциональный, т. е. интерпретацию этого действия. Рассмотрим следующую пару предложений:

- (9) а. Я *думаю*, что он нас предал.
б. Я *считаю*, что он нас предал.

Различие в значении между (9а) и (9б) можно эксплицировать следующим образом: (9а) ≈ «мы оба (говорящий и слушающий) имеем одинаковые представления о том, какие поступки относятся к классу предательств; относительно некоторого поступка этого класса я не знаю, совершил он его или нет, но считаю наиболее вероятным, что совершил»; (9б) ≈ «мы оба знаем, что именно он сделал (какие конкретные действия он совершил); я расцениваю этот поступок как предательство»⁷³.

⁷² Приблизительно то же самое явление было обозначено в [Плунгян, Рахилина 1990] как «абстрактные глаголы» (к каковым авторы относят, в частности: *портить, мстить, мешать, препятствовать*).

⁷³ Ср. следующий пример: [британский генерал говорит о побеге из лагеря беженцев, начальником которого он является] *Вы можете мне не верить, но я не считая, что потерпел*

Соответственно, для перемены мнения, выраженного в (9а), достаточно поступления некоторой новой информации, что же касается (9б), то мнения такого рода гораздо более устойчивы; они характеризуют личность человека, и если и меняются, то по каким-то более сложным причинам. Для предложений (9а) и (9б) различен также эффект опущения самого глагола мнения (ср. [Дмитровская 1988: 14]); в первом случае оно приводит к искажению смысла (ср.: *Я думаю, что он нас предал* и просто *Он нас предал*), во втором — лишь к увеличению степени категоричности высказывания.

Другие примеры пар типа (9):

- (10) а. *Я думаю, что ты преувеличиваешь.*
 б. *Я считаю, что ты преувеличиваешь.*

В первом случае говорящий предполагает возможное искажение фактов (которые ему неизвестны), во втором — выражает несогласие с предлагаемой интерпретацией известных ему фактов. Ср. также:

- (11) а. *Я думаю, что его сын хорошо учится [предположение].*
 б. *Я считаю, что его сын хорошо учится [оценка известных говорящему фактов];*
 (12) а. *Я думаю, что вы продвинулись в решении этой задачи [предположение].*
 б. *Я считаю, что вы продвинулись в решении этой задачи [оценка известных фактов].*

Интересно, что контекст подчиняющего предиката *считать* может навязывать интерпретирующее оценочное значение даже такому слову, которое само по себе его не имеет, ср.:

- (13) — *Я считаю, что фестиваль состоялся [гуссорога]*

Здесь глагол *считать* указывает на то, что слово *состоялся* употреблено в несвойственном ему оценочном значении (= ‘удался’). То же предложение с глаголом *думать* будет выражать совершенно иной смысл — предположение о том, что фестиваль действительно имел место.

Помимо контекста косвенной номинации ситуации отчетливое противопоставление глаголов *думать* и *считать* наблюдается в том случае, когда подчиненная пропозиция содержит эксплицитное утверждение истинности или существования, например:

- (14) *Я думаю, что это утверждение верно также и для метафорического употребления языка;*
 (15) *Я даже думаю, что существует русский воинствующий атеизм как явление специфически русское (Н. Бердяев).*

В обоих случаях замена *думать* на *считать* меняет смысл предложения, превращая его из предположения в утверждение.

Приведем еще некоторые примеры противопоставления смыслов мнения-предположения и мнения-оценки:

- (16) а. *Я думаю, что ты имеешь право не отвечать на этот вопрос.*
 б. *Я считаю, что ты имеешь право не отвечать на этот вопрос.*

В предложении (16а), уместном, например, при обсуждении хода судебного процесса, речь идет о юридическом праве: говорящий, не обладая знанием о соответствующем положении действующего законодательства, высказывает относитель-

поражение. Наоборот, у меня такое чувство, что я, может быть, выиграл что-то очень важное (Леон Юрис).

но него предположение, которое представляется ему наиболее вероятным. В (16б) под словом *право* понимается что-то вроде «прав человека» (это предложение более уместно «в жизни», чем на суде). В любом случае в (16б) говорящий не принимает во внимание возможное существование юридического права в данном вопросе: то право, о котором здесь идет речь, создается самим этим мнением и имеет абсолютную значимость. Ср. также:

- (17) а. Я *думаю*, что он ответил на вопрос [предположение].
 б. Я *считаю*, что он ответил на вопрос [утверждение];
 (18) а. Я *думаю*, что ему этого хватит [предположение].
 б. Я *считаю*, что ему этого хватит [утверждение].

В тех случаях, когда верифицируемое прочтение подчиненной пропозиции невозможно, глагол *думать* употреблен быть не может, ср.:

- (19) Кое-кто, кто в свое время благословил его на дипломатическое поприще, *считал*, что он растрчивает свои таланты на страницах желтой прессы (Н. Берберова);
 (20) Его книга «Мемуары британского агента» была сдана в печать, и он написал об этом Муре, *считая*, что она своим отношением к нему и спасением его жизни заслужила того, чтобы он показал ей, что он о ней пишет (Н. Берберова).

В примере (19) замена *считать* на *думать* изменила бы смысл всего предложения: из оценки (деятельности журналиста, печатающегося в низкопробных изданиях) — на предположение о том, что обсуждаемое лицо работает в газете (косвенная номинация *растрчивает свои таланты на страницах желтой прессы* используется в этом случае просто для референции к роду профессиональной деятельности). В примере (20) замена *считать* на *думать* невозможна, так как глагол *заслужить* здесь может выражать лишь верифицируемую оценку.

Можно с уверенностью утверждать, что различие между *считать* и *думать* — в тех случаях, где возможно употребление обоих глаголов — имеется всегда. Другое дело, что существуют контексты, где противопоставление самих смыслов оценки и предположения оказывается затемнено: соответственно, здесь размывается и противопоставление глаголов *считать* и *думать*. Область максимальной нейтрализации противопоставления смыслов оценки и предположения составляют подчиненные пропозиции, содержащие безличные предикативы модально-оценочной семантики (*важно, пора, стоит, необходимо, нужно, надо* и т. п.), а также примыкающие к ним оценочные предикаты *хорошо, лучше, правильно* и т. п. (ср. [Арутюнова 1988; Вольф 1985] о связи оценки с модальностью долженствования). Ср.:

- (21) Я *считаю* (≈ *думаю*), что *пора* уходить;
 (22) Я *считаю* (≈ *думаю*), что тебе *не стоит* вмешиваться в это дело;
 (23) Мне жаль расставаться с таким соседом, как вы, но я *считаю* (≈ *думаю*), что вам *надо* соглашаться (В. Войнович);
 (24) [— А вы, т. Сталин, что вы думаете по этому вопросу?] — Я *считаю* (≈ *думаю*), что совершенно не *важно*, кто и как будет в партии голосовать, но вот что чрезвычайно важно, это — кто и как будет считать голоса (Б. Бажанов).

В контексте модальных предикатов противопоставление *думать* и *считать* выражено слабо, так как плохо различаются смыслы предположения и оценки. Ср., однако, пример (25) с глаголом *думать* и пример (26) с глаголом *считать*: в (25) это скорее предположение, а в (26) — скорее оценка: возможность здесь рассматривается

как частный случай положения дел в мире, как свойство мира; соответственно, в (26) глагол *считать* вряд ли может быть заменен на *думать*.

- (25) Но наивно и смешно *думать*, что братство между людьми *может* быть осуществлено путем внешней принудительной муштровки (Н. Бердяев);
- (26) Он *считал*, что большие идеи *могут* родиться только озарением одинокого ума (Солженицын).

В контексте слова *должен* противопоставление *считать* и *думать* иногда влияет на выбор значения модального слова, а именно в контексте *думать* реализуется эпистемическое, а в контексте *считать* — деонтическое («объективное») значение; ср.:

- (27) а. Я *думаю*, что он *должен* вернуться завтра (= ‘скорее всего, вернется’).
б. Я *считаю*, что он *должен* вернуться немедленно (= ‘обязан вернуться’).

7.2. *Считать* КАК ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНОЕ СЛОВО

Русский глагол *считать* может быть сопоставлен с английским *to believe*, который мы здесь не будем обсуждать (этому глаголу посвящена огромная литература, см. в частности [Chisholm 1966; Malcolm 1976; Partee 1973; Price 1967; Pritchard 1976]). Одно из наиболее важных отличий англ. *to believe* от русского *считать* определяется тем обстоятельством, что этот глагол имеет также значение, выражаемое русским *верить*; то же верно и для нем. *glauben*, франц. *croire*. Таким образом, оппозиция «знание — вера» с точки зрения русского языка имеет иной статус: для западных языков (английский, французский, немецкий) — это та же самая проблема, что и оппозиция двух основных эпистемических установок, широко обсуждаемая философами самых разных направлений (*to know — to believe, savoir — croire, wissen — glauben*), а для русского языка — две разные: с одной стороны, имеется оппозиция «знание vs. вера» (глагол *верить*); наряду с ней в научном и бытовом дискурсе существует другая оппозиция: «знание vs. предположение, гипотеза» (глаголы *думать, полагать, предполагать*). Именно русский язык ставит перед нами вопрос, является ли *вера* частным случаем мнения — или третьей независимой ментальной установкой, противопоставленной как знанию, так и мнению (ср. [Селезнев 1988]; см. там же о различиях между русскими глаголами *верить* и *считать*).

Однако специфика русского *считать* по сравнению с английским *to believe* этим не исчерпывается. Как уже было сказано, глагол *считать* всегда выражает мнение-оценку, т. е. принимаемое говорящим представление об устройстве некоторого фрагмента мира, входящее в систему его взглядов; объектом этой установки являются не *верифицируемые* пропозиции (ср. примеры выше). Однако, как оказывается, значение мнения-оценки, выражаемое глаголом *считать*, может возникать также и в контексте *верифицируемой* пропозиции. Например:

- (28) [Я не знаю, мытый ли виноград] *Думаю*, что мытый (мнение-предположение), но поскольку я в этом не уверена, *будем считать*, что немыйтый (т. е. ‘примем это за истину и в дальнейшем будем поступать так, как если бы это была истина’);
- (29) Мой муж сказал, что он пошел в библиотеку, и так я и *буду считать*.

Обратим внимание на употребление будущего времени, которое указывает на сознательно принятое решение. Как пишет Ю. Д. Апресян, «мнение обычно является

результатом [...] выбора волевым актом (разрядка моя. — А. З.) той интерпретации, которая в наибольшей мере соответствует личному опыту субъекта и которую он готов защищать как истинную» [Апресян 2004: 1129—1130]. Действительно, наличие волевого акта выбора очень важно в русском *считать*. А. Вежбицкая (в устной беседе) предложила внести в толкование этого глагола компонент ‘я так думаю (think), потому что я хочу так думать’.

Я предлагаю для глагола *считать* следующую концептуальную схему:

Вводя некоторую пропозицию глаголом СЧИТАТЬ, субъект отвлекается от положения дел в реальном мире и создает мир, в котором эта пропозиция истинна.

Таким образом, *считать* вторгается в сферу верифицируемых пропозиций, уподобляя их неверифицируемым в том отношении, что субъективное *считание* берет на себя функцию объективного *знания*. Иными словами, сначала происходит сдвиг от ситуации, в которой знания не существует (*Я считаю, что это безобразие* и т. п.) к ситуации, где знание в принципе возможно, но по каким-то причинам недостижимо (*Я не знаю, мытый ли виноград, буду считать, что немытый*), и мы довольствуемся этим «считанием», так сказать, за неимением лучшего. Однако возможен еще следующий шаг: когда мы обладаем знанием о действительном положении вещей, но хотим его проигнорировать, отменить, перечеркнуть; оказывается, что это возможно сделать по-русски при помощи глагола *считать*: *Считай, что я этого не говорил* (ср. примеры (33)).

Рассмотрим данный тип употребления глагола *считать* более подробно примеры (в конструкции с невыраженным субъектом мнения в том же значении выступает глагол *считаться*):

- (30) а. Кулаком *считали* крестьянина, имевшего более двух коров⁷⁴.
 б. Совершеннолетним *считается* человек, достигший 18-ти лет.
 в. Безбилетным *считается* пассажир, проехавший более одной остановки без билета.
 г. Шаг влево, шаг вправо — *считается* побег;
- (31) а. Вронский прямо сказал ему, что он смотрит на свою связь с Карениной как на брак; что он надеется устроить развод и тогда женится на ней, а до тех пор *считает* ее такою же своею женой, как и всякую другую жену (Л. Толстой. Анна Каренина).
 б. Прошу *считать* меня вернувшимся из отпуска и приступившим к работе.
 в. Он *считается* пропавшим без вести.
 г. Он знал, конечно, особенность отечественного менталитета, когда долг признается долгом в случае взятия денег на хлеб, кефир ребенку <...>, но деньги, взятые на выпивку, *считаются* взятыми как бы на святое дело — и долгом поэтому вроде и не *считаются*! [ruscorpora];
- (32) а. Это не *считается*.
 б. А я-то думал, что до женитьбы жизнь так себе, кое-как, не *считается*, а что после женитьбы начнется настоящая (Л. Толстой. Анна Каренина);
- (33) а. *Считай*, что я этого не говорил.
 б. Я *считаю*, что я этого не слышал.
 в. Суд постановил *считать* его второй президентский срок первым (из сообщений СМИ).

⁷⁴ Пример из [Шатуновский 1993].

Самое интересное, что в контексте глагола *считать* различие между верифицируемой и неверифицируемой пропозицией оказывается несущественно. Эта граница размывается именно в той зоне, которая является областью применения глагола *считать* *par excellence*, а именно, это установление границ, т. е. определение класса (*кулаком, безбилетным, совершеннолетним* — примеры (30)) и отнесение к классу (*женой, в отпуске, долгом* и т. п. — примеры (31), (32)). Во всех случаях *я считаю* (или *считается*) утверждает некое положение вещей в мире, обладающее специфическим экзистенциальным статусом: оно порождается волевым актом «считания». И. Б. Шатуновский среди объектов глагола *считать* выделяет «конструкты», которые «создаются произвольным актом ума», и в некоторых случаях «создаются практически из ничего».

Таковы, например, случаи, когда кто-то считает или не считает себя связанным обещанием, <...>, когда кто-то считается выигравшим, если на его кубике выпало наибольшее количество очков. <...> Все эти феномены существуют только потому, что их «считают» [Шатуновский 1993: 130].

Итак, глагол *считать* является миропорождающим оператором: он создает мир, в котором утверждаемая пропозиция истинна. Но все же она не совсем истинна, она как бы истинна. Ср. пример (33) и (34):

- (34) Она раскаивалась утром в том, что она сказала мужу, и желала только одного, чтоб эти слова были *как бы* не сказаны. И вот письмо это признавало слова несказанными и давало ей то, чего она желала (Л. Толстой. Анна Каренина).

Это важнейший лингвоспецифичный компонент слова *считать*, объединяющий его со словом *как бы* (также лингвоспецифичным; см. проницательный анализ этого слова в [Арутюнова 1996; 1997]). И *как бы*, и *считать* указывают на совершенно особый экзистенциальный статус пропозиции: нечто, одновременно существующее и не существующее: этого, может быть, и нет, но мы *считаем*, что это есть, и тем самым это *как бы* есть (ср. квазисинонимичные высказывания: *Она считается его женой* и *Она ему как бы жена*). Характерна также совместная встречаемость этих слов, ср.:

- (35) Я вам выдам приличный гонорар, но, конечно, эти стихи перейдут в полную мою собственность и будут *считаться как бы* моими [ruscorpora];
- (36) И сейчас, начав выздоравливать и стоя опять перед неразбираемо-запутанной жизнью, Олег ощущал приятность, что есть такое блаженное местечко Уш-Терек, где за него подумано, где всё очень ясно, где его *считают как бы* вполне гражданином и куда он вернётся скоро как домой [ruscorpora];
- (37) На ней находилась школа-семилетка, где все предметы преподавали на немецком, а русский и украинский *считались как бы* иностранными языками [ruscorpora];
- (38) Все, что лежало вне Римской империи, *считалось* варварским, *как бы* и вовсе не миром [ruscorpora].

Таким образом, глагол *считать* предоставляет говорящему на русском языке пренебречь *знанием* реального положения дел, перечеркнув его более приоритетным *считанием*, порождающим, по воле говорящего, такой мир, в котором истинно то, что он *считает* и который заслоняет и в некотором смысле отменяет тот мир, где истинно то, что он *знает*.

При том, что глагол *считать* является одним из наиболее частотных слов ментального поля, он не может быть переведен на английский, немецкий и французский

язык, никаким одним словом — в отличие, скажем, от глагола *думать*, для которого перевод не представляет трудностей, ср.: англ. *to think*, нем. *denken*, франц. *penser* и т. д. В качестве эквивалентов для *считать* в английском языке могут выступать: *to believe, to think, to consider, to find, to count*; в наиболее специфичных «контрфактических» контекстах типа (33) вообще никакого конвенционального переводного эквивалента не существует⁷⁵.

7.3. Глагол *считать* с типологической точки зрения⁷⁶

В Малом академическом словаре русского языка у глагола *считать* выделяется семь значений, из которых первые пять относятся к сфере счета; шестое — ‘принимать во внимание, учитывать’ и, наконец, последнее — ‘расценивать каким-либо образом’, с подзначением ‘иметь какое-либо мнение, полагать’ (в конструкции с придаточным дополнительным)⁷⁷. Рассмотрим путь семантической деривации, связывающий значение мнения со значением счета.

Непрерывный характер перехода от значения счета (*Посчитай, сколько нас человек*) к значению ‘учитывать, принимать во внимание’ (*это не считается*) очевиден в выражении *не считая (нас было десять человек, не считая детей)*, ср. также аналогичное употребление для англ. *to count*, франц. *compter*), где эти два значения выражаются синкретично. И далее также восстанавливается вполне ясный путь семантической деривации, обусловленный смещением фокуса внимания. В исходном значении счета имеется в качестве фона класс объектов, обладающих некоторым объединяющим их признаком; в фокусе находится их перебор с целью установления общего количества. Первый шаг семантической деривации состоит в том, что принадлежность какого-то из этих объектов к классу ставится под вопрос (т. е. переходит из фона в фокус): возникает значение ‘учитывать, принимать во внимание’ (*это не считается*). Следующий шаг, который дает значение ‘считать кого-то кем-то’ (*я считаю его хорошим человеком*) состоит в том, что значимым оказывается выбор самого класса; собственно, в этом и состоит утверждение: *я причисляю предмет X к классу Y*. Отсюда остается уже совсем незначительный сдвиг (составляющий третий шаг семантической деривации) до концептуальной конфигурации, которая состоит просто в предцировании некоторому объекту X некоторого признака Y (*я считаю, что X есть Y*)⁷⁸. На этом шагу глагол *считать* становится полноценным предикатом пропозициональной установки, а вводимая подчиненная пропозиция приобретает определенную автономность. Отличие предложения, начинающегося с *я считаю*, от

⁷⁵ Употреблениям типа (12) можно сопоставить англ. выражение *forget it* (замечание принадлежит А. Д. Шмелеву).

⁷⁶ В данном разделе использованы материалы Каталога семантических переходов в языках мира», см. Главу V.

⁷⁷ В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка глагол *считать* в значении счета и в значении мнения рассматриваются как омонимы (см. [Апресян 2004]); в словаре французского языка [Dubois et al. 1970] глагол *compter* имеет два словарных входа: в первом группируются значения, связанные со счетом, во втором — с учетом и оценкой.

⁷⁸ Синхронно трехвалентная конструкция с творит. падежом (*Я считаю Марию умной*) представляет собой «расщепление валентности» по сравнению с исходной двухвалентной структурой (*Я считаю, что Мария умна*), в рамках одного и того же «путативного» значения, ср. [Апресян 1995: 118]. Однако диахронически направление производности обратное.

простого утверждения (*Х есть Y*), состоит в том, что это утверждение не об объективно существующем мире, а о том, который создается миропорождающим предикатом *считать*. Как представляется, тот шаг семантической деривации, на котором глагол с исходным значением счета приобретает возможность управления изъяснительным придаточным, имеет принципиальное значение, так как он позволяет представить оценочную категоризацию как *мнение*.

Вообще говоря, вопрос о генезисе значения мнения можно на этом считать решенным: переход от количественной оценки (при счете) к качественной (при высказывании мнения) происходит через промежуточное звено причисления к классу, формируемому каким-то качественным признаком. Ключевым для семантической реконструкции контекстом (ср. [Бенвенист 1954/74]) в данном случае, по-видимому, являются употребления типа (18—21):

- (39) Для работающих на Крайнем Севере год *считается за два*⁷⁹;
- (40) [При подсчете суточных расходов на командировку] день приезда и день отъезда вместе *считаются за один день*;
- (41) Каждый резервист получает избирательный коэффициент «3» — его голос *считается за три голоса простого штатского избирателя* [ruscorpora];
- (42) Он там будет два с половиной дня, но полдня он *считает за целый день*, так что я получу три письма, которые буду хранить в розовой папке... [ruscorpora].

Именно эта конструкция с предлогом *за* составляет синтаксический «мост», связывающий значение счета со значением мнения: *считать один год за два* включает, одновременно, идею, что эти два года должны быть *посчитаны*, но еще и утверждение, что в данном случае один — это *как бы* два. Отсюда: *я считаю его за своего брата* значит, что ‘я считаю, что он мне *как бы* брат’, и т. д. Конструкция с предлогом *за* в путативном значении является для русского языка наиболее древней; в современном языке она используется лишь в устойчивых сочетаниях (*считать за честь, за счастье, за труд, за лучшее, за должное, за благо; считать за дураков, не считать за людей* и т. п.); ср. также несколько устаревшие употребления типа *считать за нужное* (Пушкин), *считать поэзию за вздор* (Белинский), *считать за безобразие* (А. Мариенгоф).

Для структуры полисемии русского глагола *считать* модель семантической деривации от значения счета к значению мнения является, по-видимому, наиболее адекватной — как синхронно, так и диахронически: именно такая последовательность принята в перечне значений глагола *считать* в МАСе и, таков, очевидно, был путь реальной семантической эволюции этого глагола в русском языке. Значение мнения у русского глагола *считать* является безусловно позднейшим по сравнению со значением счета (в словаре Срезневского у глагола *считати* отмечено лишь значение счета [Срезневский 1989, III: 866]). В Словаре языка Пушкина у *считать* выделяется, в числе прочих, значение «держаться какого-либо мнения, думать, полагать», иллюстрируемое примером *пока народ считал его в чужих краях* и его подзначение «рассматривать в качестве кого-, чего-н.», иллюстрируемое примерами с твор. падежом типа (*Русские не считают себя здесь жителями*) или уже упоминавшейся конструкцией с предлогом *за* (*не считаю за нужное говорить о поэзии*). Ни одного примера употребления конструкции *считать, что* в пушкинских текстах обнаружить не удалось.

⁷⁹ Пример из [Шатуновский 1993].

Однако эта конструкция все же не была полностью чужда языку той эпохи, как видно из следующего документа:

(43) Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Я имел счастье представить государю императору комедию вашу о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Его величество изволил прочесть оную с большим удовольствием и на поднесенной мною по сему предмету записке собственно ручно написал следующее:

«Я *читаю*, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал Комедию свою в историческую повесть или роман, на подобие Валтера Скота».

(А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину, 14 дек. 1826 г.)

В романе Толстого «Анна Каренина» конструкция *считать, что* встречается, хотя довольно редко (она составляет около 12 % всех употреблений глагола *считать* в значении мнения; подавляющее большинство употреблений по-прежнему составляет конструкция с творит. пад.). В дальнейшем употребление *считать* с изъяснительным придаточным широко распространяется, в результате чего глагол *считать* вступает в конкуренцию с *думать* (и отчасти сближается с ним по значению, ср. выше).

Изложенная модель семантической деривации глагола *считать*, оказывается, однако, недостаточной, если привлечь к рассмотрению факты, касающиеся некоторых других русских слов, а также других языков. Так, нельзя не обратить внимания на связь глагола *считать* с глаголом *читать*⁸⁰, а также *почитать* (который в современном языке значит ‘уважать’, но еще совсем недавно имел также чисто путативное значение, то же, что у современного *считать*). У Даля для глагола *честь* указаны три значения: ‘читать’ (церк.), ‘считать, вести счет’, ‘полагать’ [Даль 1994, IV: 1327]. В словаре Срезневского для глагола *чисти* отмечены следующие значения: ‘считать, исчислять’, ‘полагать’, ‘читать’ ‘уважать (соблюдать, поклоняться)’ [Срезневский 1989, III: 1526]. Сам глагол *честь* исчез, но все эти значения сохранились в разных приставочных глаголах с той же основой (*счесть, прочесть, почесть, учесть*).

Обратимся теперь к другим языкам. Среди значений испанского глагола *contar* есть ‘вести счет’ и ‘рассказывать’. Во французском языке для различения этих двух значений с XIII в. принята разная орфография: *conter* ‘рассказывать’ (в современном языке это значение выражается приставочным глаголом *raconter*; но есть существительное *conte* ‘сказка’) и релатинизированная форма *compter* для значения ‘вести счет’ и его производных (см. [Dauzat 1938: 193]), т. е. в современном французском языке это два разных глагола. В итальянском языке *contare* значит ‘вести счет’, *raccontare* — ‘рассказывать’ (в качестве разговорного значение ‘рассказывать’ отмечается и у *contare*). Все эти слова восходят к лат. *computo*, с основным значением ‘подсчитывать’ и поздним (III—IV в.) производным ‘считать что-л. чем-л.’, букв. *что-л. за что-л.* (*hominum sapientiam pro summa stultitia*). Заметим при этом, что значения бесприставочного глагола *puto* группируются вокруг идеи оценки или мнения-оценки (а не счета), ср. примеры, приводимые в словаре [Дворецкий 1976: 837]: *aliquid nihili, pro nihilo putare* ‘ни во что не ставить’; *aliquem hostium numero putare* ‘относить кого-то к числу своих врагов’; *quid illum putas?* ‘что ты о нем думаешь’; *stare putes, adeo procedunt tempora tarde* ‘кажется, будто время стоит — так медленно оно тянется’ и т. д. Таким образом,

⁸⁰ Напомним, что морфологические деривационные отношения между этими глаголами следующие: глагол несов. вида *считать* является имперфективом от *счесть* (образованного префиксацией глагола *честь*); *читать* является морфологическим имперфективом (фреквентативом) от того же глагола *честь*.

при несомненном сходстве набора значений у лат. *(com)puto* с русским *считать*, направление семантической деривации здесь как будто противоположное.

Вернемся к паре ‘вести счет’ — ‘рассказывать’. Если обратиться к германским языкам, то оказывается, что в них просто исходно совпадают в одном слове значения ‘число’ и ‘рассказ’ — ср., напр., нем. *Zahl* и англ. *tale*, а также нем. *zählen* ‘вести счет’ и *erzählen* ‘рассказывать’. В других германских языках это слово тоже присутствует в обоих значениях (ср. др.-сканд. *tal* ‘число, разговор’).

Как можно интерпретировать все эти факты вместе взятые? Отношением семантической деривации оказываются связаны, как минимум, следующие смыслы: ‘вести счет’, ‘учитывать, принимать во внимание’, ‘рассказывать’, ‘читать’ и ‘иметь мнение’ (включая сюда собственно оценку и мнение-оценку). Я предлагаю считать, что все эти значения являются результатом семантического развития наиболее общей семиотической идеи приписывания значимости. Как легко убедиться, эта идея присутствует во всех перечисленных выше значениях, в том числе во всех значениях русского глагола *считать*. ‘Вести счет’ — это приписывать арифметическую значимость. Мнение — это также приписывание значимости: предидеирование объекту признака или приписывание пропозиции того или иного экзистенциального статуса. Для таких значений, как ‘учитывать, принимать во внимание’, ‘уважать’ и т. п., комментарии не требуются. С другой стороны, оба глагола *читать* и *рассказывать* означают ‘произносить текст с целью передать его смысл’ (общность этих двух типов семиотических актов сохранилась в выражениях *читать лекцию*, *читать стихи*)⁸¹. Несколько упрощая реальную картину, можно сказать, что идея приписывания значимости выражается русской глагольной основой *-честь*; конкретные ее реализации обеспечиваются сочетанием с различными приставками, ср.: *с-честь*, *про-честь*, *у-честь*, *за-честь* и т. д.⁸²

Таким образом, можно считать, что идея приписывания значимости, т. е. базовой семиотической деятельности человека, является исходной точкой семантической деривации, из которой происходят, в частности, оба обсуждавшихся выше значения — как ‘вести счет’, так и ‘иметь мнение’.

⁸¹ Ср. также глагол *петь*, в котором тоже исходно объединено ‘произносить’ и ‘сочинять’ <стихи> (что отражено, например, в Словаре языка Пушкина. Здесь также нельзя не вспомнить тот факт, что по-гречески слово *λέγω* означает ‘говорить’, а по-латыни *lego* — ‘читать’; в обоих случаях ‘создавать семиотический объект’.

⁸² Так, приставка *про-* реализует здесь свое основное значение ‘сквозь, через, от одного конца до другого’, ср. *пройти два километра*, *проговорить весь вечер*, *прожить жизнь*, *пролистать журнал* и т. п. Приставка *за-* реализует одно из своих основных значений — «фиксировать» (ср. *записать*, *зарисовать*, *забронировать*), приставка *у-* — значение удержания некоторого фрагмента информации, характерное для глаголов восприятия, ср. *увидеть*, *услышать*, *уچуять*, *уловить*, см. [Зализняк 2006: 298—346].

Глава III

ФРАГМЕНТЫ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

1. ОТРАЖЕНИЕ «НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА» В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА*

1.1. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И МЕТОДЫ ЕЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

«Языковой картиной мира» принято называть совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, «дискурсивных» слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний — по выражению А. Вежбицкой, «культурных сценариев» (таких как, например: *хорошо, если другие люди знают, что человек чувствует* [Вежбицкая 1999: 545]).

Представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в имплицитной форме (т. е. в форме презумпций, коннотаций и других видов неэксплицитной информации), и тем самым навязываются в качестве обязательных всем носителям языка. Наоборот, те смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме ассерций, к картине мира не принадлежат; так из русской поговорки *Любовь зла, полюбишь и козла* нельзя сделать никаких выводов о свойствах любви — лишь о свойствах козла (ср. [Шмелев 2002а: 13]). Пользуясь словами, заключающими в себе те или иные презумпции (и в несколько меньшей степени — коннотации), человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир; соответственно, владение языком включает в себя принятие концептуализации мира, отраженной в этом языке. Конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, и у него возникает иллюзия, что так устроена внеязыковая действительность. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними.

Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей, повторяющихся в значении многих слов и выражений (см. их предварительный список в [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 11]). Ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость*. Все эти слова являются лингвоспецифичными (language-specific) — в том смысле, что соответствующие концептуальные конфигурации характерны именно для данных слов данного языка; их переводные эквиваленты не включают каких-то важных составляющих их значения. Наряду с перечисленными выше культурно значимыми словами-

* В данном разделе использованы материалы статьи [Зализняк, Левонтина 1996].

концептами к числу лингвоспецифичных относят также любые слова, в значение которых входит какая-то важная именно для данного языка (т. е. ключевая) идея. Таковы, в частности, слова *собираться*, *добираться* (куда-то), *постараться* (что-то сделать); *сложилось*, *довелось*; *обида*, *попрек*; *заодно* и др. То, что та или иная идея является для данного языка ключевой, подтверждается, с одной стороны, тем, что эта же идея повторяется в значении других слов, выражений, а также синтаксических конструкций и даже словообразовательных моделей — а с другой стороны, тем, что эти слова хуже других переводятся на иностранные языки: их переводные эквиваленты отличаются именно за счет отсутствия в их значении именно этих специфичных для данного языка идей. При этом часто в языке наряду с лингвоспецифичным словом имеется его «нейтральный» квазисиноним — и он достаточно точно переводится на другие языки. Так, например, в русском языке имеются почти синонимы *собираться* и *намереваться* <не-что сделать>. Первый является лингвоспецифичным и труднопереводимым, второй — нет. Аналогично *постараться* и *попытаться* <нечто сделать>; *стыдно* и *совестно*, *жалко* и *обидно* (в конструкции с подчиненным инфинитивом несов. вида, напр. <уезжать>). Все эти пары слов различаются между собой именно теми смысловыми компонентами, которые выражают ключевые для русской картины мира идеи.

Важным шагом на пути исследования русской языковой картины мира послужила книга [Wierzbicka 1992a], которая замечательна, в частности, тем, что она открывает новый поход к старой и давно зашедшей в тупик проблеме. Действительно, сама по себе идея о выражении языком «национального характера», с одной стороны, не оригинальна, с другой — просто неверна. Оригинальность метода А. Вежбицкой состоит в том, что она идет в противоположном направлении. Анализируя семантику значимых единиц языка (слов, конструкций, морфем), она обнаруживает заключенные в них концептуальные конфигурации, различные в разных языках, и тем самым — у людей, говорящих на разных языках. Таким образом, национально-специфическое в значении единиц данного языка оказывается материалом, на котором может основываться исследователь «национального характера».

Здесь естественно возникает вопрос о том, как наличие в языке некоторого слова связано с наличием в культуре заключенного в нем концепта. А. Вежбицкая говорит по этому поводу следующее. Неверно, что отсутствие в языке какого-то слова означает отсутствие соответствующего концепта. Но наличие некоторого слова безусловно указывает на наличие концепта и, более того, на его значимость для данной культуры. Так, в английском языке нет слова, которое соответствовало бы польскому *tesknić* ('тосковать'). Значит ли это, что люди, говорящие по-английски, никогда не испытывали этого чувства? Не обязательно. Отдельные говорящие на английском языке безусловно испытывали. Но англосаксонская культура в целом не сочла это чувство заслуживающим специального имени [Ibid.: 21, 123].

А. Вежбицкая называет несколько фундаментальных свойств, формирующих «семантический универсум» русского языка. Это «эмоциональность», «иррациональность», «неагентивность» и «моральная страстность» [Ibid.: 395]. Свойство «неагентивности» демонстрируется ею на материале некоторых конструкций русского синтаксиса. Как пишет А. Вежбицкая, «русская грамматика располагает множеством конструкций, представляющих положение дел в действительности как противоречащее или, по крайней мере, не зависящее от воли и желания человека» [Ibid.: 428]. Однако ощущение неподвластности человеку хода событий («the feeling that the

human beings are not in control of their lives and their control over events is limited» [Wierzbicka 1992a: 395]) в не меньшей степени отражено и в русской лексике.

Действительно, русский язык предоставляет говорящему на нем массу возможностей снять с себя ответственность за собственные действия. Мы обсудим здесь несколько групп глаголов, значение которых целиком (или в значительной мере) сводится к идее о том, что событие, которое произошло с человеком, произошло как бы само собой — или по крайней мере «не потому, что он этого хотел», пользуясь выражением Вежбицкой. Синтаксически большинство из них имеет в качестве объекта подчиненный инфинитив и субъект в косвенном падеже.

А именно, имеется серия глаголов с дательным падежом субъекта: <мне> *удалось, привелось, довелось, пришлось, случилось, посчастливилось, повезло*; близка к дательной конструкция с *у* + род. пад., представленная в глаголах <у меня> *получилось, вышло, сложилось*. Сюда относятся также несколько глаголов, имеющих «агентивную» модель управления: <я> *собираюсь, постараюсь; (не) успел*. Наряду с этими глаголами в русском языке имеются средства, позволяющие, наоборот, возложить на субъект ответственность за неконтролируемую им ситуацию: это глаголы *умудриться* и *ухитриться* в их ироническом употреблении (*В такую жару умудрился простудиться*), а также <меня> *угораздило*.

Все перечисленные глаголы могут использоваться как средство снятия с себя ответственности за происходящее: они позволяют не брать на себя лишних обязательств (если речь идет о будущем, ср. употребление *постараюсь* вместо *сделаю*) или не признавать своей вины (когда речь идет о прошлом, ср.: *не успел* вместо *не сделал*).

Представление о том, что нечто происходит с человеком «как бы само собой», столь укоренено, столь естественно для русской языковой картины мира, что оно может выражаться не только полнозначными словами и синтаксическими конструкциями, но также и специальными словообразовательными моделями. Такова, например, словообразовательная модель с циркумфиксом *за-...-ся*. Говоря про себя *я зачитался, заработался, засиделся* <в гостях> и т. п., человек представляет ситуацию, вместе с ее негативными последствиями, как произошедшую как бы помимо его воли: *заработался* — и поэтому не сделал чего-то, что должен был сделать, но как бы не по своей воле, и, тем самым, не по своей вине. И русский язык для такого представления дает ему готовые, апробированные опытом предшествующих поколений говорящих средства (на этот раз — словообразовательные).

Рассмотрим теперь подробнее перечисленные выше глаголы.

1.2. СОБИРАТЬСЯ*

Глагол *собираться* является одним из весьма характерных и труднопереводимых слов русского языка. Этот глагол заслуживает подробного рассмотрения — тем более что интересующее нас значение плохо фиксируется словарями (хотя оно широко представлено уже в языке Пушкина)¹. Приведем некоторые примеры:

* Лексикографическое описание слова *собираться* и его синонимов (*намереваться, намерен, думать, планировать*) см. в статье [Левонтина 1997б].

¹ Так, в словаре [МАС] 2-го издания среди девяти выделяемых значений глагола *собираться* это значение отсутствует; значение ‘принять намерение нечто сделать’ (*собралась ехать*

- (1) Уже *три дня* каждый день *собираюсь* писать вам, думаю же о вас беспрестанно и жалею, что не чувю вас душой (Л. Толстой) [пример А. Вежибицкой];
- (2) Распустив волосы, я *долго* сидела на постели, все *собираясь* что-то решить, потом закрыла глаза, облокотясь на подушку, и внезапно заснула (И. Бунин);
- (3) Хорошо, что ты позвонила, а то я уже *целый час* лежу и *собираюсь* встать.

В современном языке этот глагол — весьма частотный, особенно в разговорной речи. В значение этого глагола входит представление о том, что «человек предполагает, а Бог располагает»: человек никогда не может полностью управлять событиями; в частности, на пути между намерением человека совершить нечто и осуществлением этого намерения всегда могут возникнуть непредвидимые и непреодолимые препятствия (в частности, и даже прежде всего — внутреннего свойства: это называется *не собрался*). Говорящий на русском языке, обозначая свое намерение нечто сделать глаголом *собирается* (а именно этот глагол является в русском языке наиболее идиоматичным и частотным способом выражения для установки по отношению к собственным будущим действиям), автоматически принимает и заключенное в этом глаголе представление о том, что намерение, по тем или иным причинам, не всегда превращается в действие, — и делает он это бессознательно и совершенно независимо от его характера, личных волевых качеств и его убеждений относительно устройства мира. В этом смысле можно говорить о том, что язык не только отражает те или иные ментальные стереотипы, бытующие в соответствующем языковом коллективе, но и наоборот, *навязывает* их говорящему этом языке.

Другая яркая особенность *собирается* состоит в следующем. Хотя этот глагол указывает прежде всего на определенное ментальное состояние субъекта, в нем достаточно сильна и идея процесса (что отчасти обусловлено связью с другими значениями *собирается*: в частности, *собирается в дорогу* означает, в том числе, складывать вещи в чемодан; *собираюсь завтракать* значит не только, что я решил позавтракать, но и что уже начал накрывать на стол и т. п.). Процесс, обозначаемый словом *собирается*, может продолжаться в течение длительного времени, ср. примеры (1—3), а также (4):

- (4) Царь *недолго собирался* —
В тот же вечер обвенчался (Пушкин).

Здесь речь идет, очевидно, не о приготовлениях к свадьбе, а о времени, отделяющем принятие решения от его осуществления. Глагол *собирается* в таком употреблении указывает на наличие в русской языковой картине мира идеи, которая неосознанно принимается в качестве очевидной всеми говорящими на русском языке: чтобы что-то сделать, надо перед этим провести некоторое время за занятием, называемым *собирается*.

Показательно, что в тех контекстах, в которых идея процесса выходит на первый план, слово *собирается* не может быть заменено на *намереваться*, *намерен* и т. п., ср.:

- (5) *Лежу и *намереваюсь* встать².

домой) рассматривается как подзначение для ‘приготовиться к поездке’ (*собраться в дорогу*). В Словаре языка Пушкина соответствующее значение выделяется для глагола как сов., так и несов. вида.

² Сочинительная конструкция как тест на наличие элемента процессности в значении стативов предложена в [Апресян 1993].

Процесс, подразумеваемый глаголом *собираться*, отчасти может быть понят как процесс мобилизации внутренних и даже иногда внешних ресурсов. Однако в гораздо большей степени *собираться* предполагает сугубо метафизический процесс, который не имеет никаких осязаемых проявлений. Идея такого процесса составляет специфику русского *собираться* и отличает его как от близких слов русского языка (*намереваться*, *намерен*), так и от его эквивалентов в европейских языках (которые соотносятся скорее с *намереваться*, чем с *собираться*), ср.: англ. *to intend* (а также *to be going to*), франц. *avoir l'intention*, итал. *avere intenzione*, нем. *beabsichtigen*, *die Absicht haben*, *vorhaben*.

Процесс *собираться* при этом сам по себе осмысливается как своего рода деятельность — что дает возможность человеку, который, вообще говоря, ничего не делает, представить свое времяпрепровождение как деятельность, требующую затраты усилий. Ср.:

- (6) — Что ты сегодня делал?
— Да вот все утро *собирался* сесть работать, а потом гости пришли.

Особенно характерно для глагола *собираться* употребление:

- (7) *Собираюсь*, да все никак *не соберусь*³.

Как считает А. А. Зализняк [1990: 113], фраза *Все никак не соберусь* <сделать то-то и то-то> (позвонить, ответить на письмо, сходить куда-либо и т. п.) является одной из самых частотных фраз разговорной русской речи. О том, что это готовая формула, свидетельствуют примеры типа (8), где фраза *Собираюсь, да все никак не соберусь* целиком переведена в косвенную речь:

- (8) Однажды, когда Надежда Яковлевна появилась у нас дома, мать мужа сказала, что ча-
стенько вспоминает Евгения Яковлевича, *собирается, но никак не соберется* ему позво-
нить.
— Ведь это так просто — снять трубочку и все.
— Да, конечно, согласилась с ней моя свекровь, — *но как-то не получается* (А. Баранович-
Поливанова. Оглядываясь назад).

Действительно, *собраться* — это самая трудная часть дела: если человек *собрался* (в сов. виде), это уже почти *сделал*, ср. следующий пример (обратим специально внима-
ние на прямое противопоставление слов *намерение* и *собраться*, см. об этом ниже):

- (9) Твое намерение съездить к Плетневу похвально, да *соберешься* ли ты? (Пушкин. Письмо
Н. Н. Пушкиной, 25 сентября 1832 г.)

Наоборот, глагол *собираться* в несов. виде может означать ‘до сих пор не сделал’,
ср.:

- (10) — Долинька, — обратился он к старшей дочери, — твой козырь что подельывает? — Ни-
чего, папа, — отвечала Долли, понимая, что речь идет о муже. [...] — Что ж, он не уехал
еще в деревню лес продавать? — Нет, все *собирается* (Л. Толстой).

Интересен также следующий пример, где *собираться* откровенно означает ‘меш-
кать, откладывая осуществление действия’.

- (11) Оля, дорогая, едь скорее. Станция «Корф». Это будет так хорошо. Я прямо не верю. И
не собирайся. Ради Бога завтра же! (Б. Пастернак. Письмо Ольге Фрейденберг, 10 июля
1910).

³ Ср. в письме Пушкина к жене от 14 июля 1834 г.: *Я все к ней собираюсь, да не соберусь*.

Важную информацию о семантике глагола *собираться* дает аспектологический анализ пары *собираться* — *собраться*, который показывает, что *собираться* может трактоваться и как состояние и как процесс; как состояние он образует с глаголом *собраться* перфектную пару, как процесс — предельную (о семантических типах видовых пар см. [Зализняк, Шмелев 2000: 56—61]). При этом стативное понимание объединяет этот глагол с *намереваться*, — который оказывается в этом случае его довольно точным синонимом, — а также с массой других глаголов внутреннего состояния, а процессное значение является индивидуальным свойством данного глагола, обеспечивающим его лингвоспецифичность. Отношения семантической производности здесь таковы: «банальное» значение намерения (*собираюсь жениться*) является исходным по отношению к лингвоспецифичному значению квазипроцесса (*собираюсь, но никак не соберусь*), но оно является производным по отношению к обозначающим «настоящие» процессы *собираться с силами* и *собираться в дорогу*.

Глаголу *собираться* <нечто сделать> может быть сопоставлена следующая концептуальная схема:

человек находится в промежутке времени между принятием решения и его осуществлением.

Простое значение намерения возникает в том случае, когда семантический компонент, соответствующий прохождению первой точки (принятия решения), является ассертивным, а компонент, отражающий тот факт, что вторая точка еще не пройдена, т. е. действие еще не осуществлено, — условием уместности. Такое употребление есть у русского глагола *собираться*, ср.:

(12) Мы *собираемся* в августе поехать в Крым.

(13) Ты вообще уходишь *собираешься*, или мы здесь ночевать останемся? [например, вопрос мужа к жене в конце званого вечера]

В таких случаях речь идет именно о намерении субъекта и больше ни о чем, и здесь глагол *собираться* практически синонимичен глаголу *намереваться* и перечисленным выше переводным эквивалентам в европейских языках, а также, что не менее существенно, глаголу сов. вида *собраться*: про всякого человека, который *собирается* жениться, покупать дачу, уезжать в Америку и т. д. верно также, что он *собрался* это сделать и наоборот (различие здесь чисто аспектуальное — в одном случае в фокусе внимания находится само состояние, в другом — переход в это состояние, т. е. это различие, общее для всех перфектных видовых пар).

Лингвоспецифичное процессное значение *собираться*, присущее глаголу *собираться*, но не *намереваться*, и представленное примерами типа (1—4), (6), (7), возникает из той же концептуальной схемы, но здесь происходит два семантических сдвига (по сравнению со значением намерения). Первый состоит в том, что смысловой компонент ‘X еще не совершил P’ повышает свой статус: из условия осмысленности он превращается в полноценный (ассертивный) семантический компонент, который может становиться фокусом ассерции⁴ — как в примере (11), где *не собирайся*, очевидно, означает «не откладывая исполнение намерения». Одновременно происходит

⁴ Подобное повышение статуса происходит с компонентом ‘не вступая в контакт’ в значении слова *мимо* (см. раздел II.4).

другой, чисто смысловой сдвиг: размывается сама идея принятия решения; оно как бы расслаивается на два этапа: что-то вроде (i) ‘это надо сделать; я когда-нибудь это сделаю’ и (ii) ‘я это сейчас сделаю’. И *собираться* в этом производном значении описывает состояние не между принятием решения и его осуществлением (как в исходном значении намерения), а между этим первым и этим вторым этапом принятия решения. И тогда *собираться* превращается в квази процесс мобилизации сил, «собрания» их в одном месте (аналогично тому, как человек собирает и складывает вместе вещи, необходимые ему в путешествии). Этот процесс является предельным, и пределом его оказывается событие *собраться* (т. е. собрать достаточно внутренних ресурсов, чтобы перейти к этапу ‘я это сделаю’). И здесь уже *собираться* и *собраться* оказываются не просто не взаимозаменяемы, а вступают в отношение «процесс — результат этого процесса», причем результат не автоматический: пара *собираться* — *собраться* уподобляется предельным парам типа *решать* — *решишь* (т. е. парам типа «попытка — успех» по [Маслов 1984: 59—61]). Поэтому оказывается возможной та на первый взгляд парадоксальная формула, о которой шла речь выше: *собираюсь, но никак не соберусь* (по аналогии с *решил, но не решишь*)⁵.

Здесь обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Как известно, типологически довольно часто грамматический показатель будущего времени восходит к глаголу со значением ‘хотеть’ (ср. [Bybee et al., 1994: 254–264; Ханина, 2004]). Этот сдвиг может происходить через этап ‘намереваться’⁶, ср.: *Я опять хочу в Париж* (= ‘имею желание’) и *Я хочу летом поехать в Париж* (= ‘имею намерение’). Семантический переход от значения намерения к значению будущего времени основан на инференции, что если человек имеет намерение осуществить некоторое действие, то при нормальном ходе вещей он его и осуществит (ср. [Bybee et al., 1994: 254; Майсак 2005: 354]).

Путь семантической эволюции в языках, где глагол со значением ‘намереваться’ превращается в показатель будущего времени, отражает представление о том, что наиболее вероятным завершением состояния, наступившего после того, как человек *принял решение* нечто сделать, является осуществление этого решения, т. е. само действие (имеется в виду, если не возникло непредвиденных препятствий и если человек не переменял своего решения). Семантика русского глагола *собираться* указывает на то, что в представлении русского языка существует другой финал для состояния *собираться*, который тоже рассматривается как весьма вероятный; он называется *не собрался*. Именно *не собрался* является наиболее специфичным и непереводаемым русским выражением. Имел намерение сделать, но не сделал — и при этом не потому, что изменил намерение, не потому, что что-то помешало, не потому, что пытался, но не получилось, и даже не потому, что не хватило решимости приступить к осуществлению задуманного⁷. А почему же? На этот вопрос трудно ответить иначе, чем тавтологией или метафорой: потому что *не собрался*; так сказать, потому что *не собрал воедино* достаточно внутренних ресурсов для того, чтобы приступить к действию. На самом деле просто *не сделал*, потому что все

⁵ Это уподобление, однако, все же остается неполным; как кажется, здесь сохраняется элемент языковой игры.

⁶ Возможен и другой путь семантической деривации — через этап ‘быть близким к чему-л.’, как в древнерусском, ср.: *утро хоцеть быти* [Срезневский 1989: 1391]

⁷ Такие варианты перевода предлагают носители западноевропейских языков, пытаясь понять, что значит *не собрался*.

время откладывал, говоря *успеется* (см. ниже), — но сохраняя при этом твердое ощущение, что намерение остается в силе, что он продолжает *собираться*.

Наоборот, если человек преодолел этот самый трудный этап в совершении действия, про него говорят: *собрался*. При этом замечательно, что в слове *собрался* остается неопределенным, сделал или нет: если собрался, то в некотором смысле главное позади, так что не важно, уже сделал или вот-вот сделает. Поэтому *собраться* в будущем времени или в императиве часто употребляется вместо обозначения самого действия, ср. квазисинонимичные предложения: *Когда же ты наконец соберешься записаться в библиотеку?* и *Когда же ты наконец запишешься в библиотеку?*, а также пример (9), и первую реплику в примере (22). В прош. времени фраза типа *Наконец собрался позвонить Ивану* означает, что, скорее всего, уже позвонил, но может быть и нет⁸. При этом такой финал рассматривается как менее вероятный: *собирался и наконец собрался* сказать, конечно, можно, но это не является столь отчетливой формулой, как *собирался, но так и не собрался* (вариант: *собираюсь, но никак не соберусь*).

Заметим, что цепь, ведущая от намерения к его осуществлению, может порваться и на этапе *собрался*, как в известном случае:

- (14) На ель ворона взгромоздясь, / Позавтракать было совсем уж *собралась*, / Да позадумалась (И. А. Крылов).

Оппозиция стативного и процессного значения глагола *собираться*, естественно, не всегда в равной мере отчетлива. Процессное значение очевидно в том случае, когда возникает ситуация откладывания действия на более поздний срок: *вот уже час лежу и собираюсь встать* (весь этот час составляет «отсрочку» действия); *вот уже третью неделю собираюсь написать ему* и т. д. Стативное значение в таком контексте менее вероятно, ср.: *Вот уже три дня собираюсь участвовать в этой конференции*. Стативное значение сочетается с временными детерминантами, но с другими, ср.: *Ты собираешься идти на ее день рождения?* — *До сих пор собирался* (но после того, что ты мне сообщил, раздумал); *до вчерашнего дня я еще собирался* и т. п.; или даже *в течение трех дней я собирался участвовать в этой конференции*. Здесь временной детерминант просто ограничивает период времени, в который имело место состояние: 'X имеет намерение совершить P'. Различна также сочетаемость двух значений *собираться* временными наречиями с *давно* и *долго* (ср. [Падучева 1997]). А именно, *долго* однозначно указывает на процессное значение, ср.:

- (15) — Я *давно* (*долго) *собираюсь* написать об этом статью (≈ 'намерение написать возникло давно')
- (16) — Ты написал об этом статью? — Еще нет, но *собираюсь*. — Что-то ты очень *долго* (?давно) *собираешься* (≈ 'положение дел 'еще не написал' длится долго').

Итак, в русском глаголе *собираться* содержится представление о том, что для того, чтобы нечто сделать, необходимо предварительно мобилизовать свои внутренние ресурсы, и это трудно. Эта жизненная установка составляет одну из ключевых идей русской языковой картины мира и отражена в значении целого ряда языковых единиц. Например, она содержится в специфическом русском слове *заодно* (см. [Левонтина, Шмелев 1996]): поскольку приступить к выполнению действия трудно, хорошо,

⁸ Это верно лишь для сов. вида подчиненного инфинитива. ср. *Наконец собрался позвонить Ивану* (скорее всего, уже позвонил), но *Я собрался звонить Ивану* (имею твердое намерение, но еще не позвонил).

когда удается что-то сделать, не прилагая к этому отдельных усилий: не специально, а *заодно*. Побуждая к действию, мы можем сказать: *Ты все равно идешь гулять, купи заодно хлеба*. Человеку, который уже *собрался* пойти гулять, уже совсем нетрудно *заодно* (не надо *собираться!*) сделать еще какое-то дело.

Та же идея заключена в значении глаголов определенного движения с приставкой *за-*: *зайти* <за хлебом по дороге с работы>, *занести* <приятелю книгу>, *завезти* <детей в детский сад по дороге на работу>. Все такие глаголы описывают действия, совершаемые попутно, *заодно*, т. е. требующие минимальных усилий для своего осуществления. Мы часто говорим: *Ну, заходи как-нибудь к нам в гости, Я к вам как-нибудь зайду (забегу)*. Такое приглашение — в отличие от более «стандартного» *Приходи к нам в гости* — особенно ни к чему не обязывает ни гостя, ни хозяина: когда предлагают заходить, приглашаемый может не прийти, а приглашающий может никак не готовиться к его приему. (Наоборот, приглашение на торжественный прием не может быть сделано с использованием глагола *заходить*, разве что с иронией: *Заходите ко мне в субботу на свадьбу*.) *Зайти к кому-то в гости* в отличие от *пойти в гости* — можно без предварительного приглашения и даже без заранее сформированного намерения. Чтобы *пойти* к кому-то, надо *собраться*, *выбраться* да еще и *добраться* (см. раздел III.2); человек, который *зашел* к кому-то, был от всех этих трудных вещей избавлен.

1.3. СТАРАТЬСЯ

Другое слово, в котором отразилось своеобразное отношение человека к своим собственным действиям, — глагол (*по*)*стараться*. Его специфика особенно ясно видна на фоне близкого по значению глагола (*по*)*пытаться*. Мы остановимся лишь на тех аспектах значения глагола *стараться*, которые связаны с рассматриваемой проблематикой⁹. А именно, нас будут интересовать два типа контекстов (в которых *стараться* наиболее труднопереводимо). Первый из них — «множественный» контекст, т. е. случай, когда подчиненный инфинитив обозначает многократно воспроизводимую ситуацию, ср.:

- (17) а. Я *стараюсь* рано ложиться / не употреблять в речи иностранных слов.
 б. Я *пытаюсь* рано ложиться / не употреблять в речи иностранных слов;
 (18) — Ты верен своей жене? — спросил Джон моего мужа.
 — *Стараюсь*, — ответил мой муж.
 — Я тоже *стараюсь*, — сказал Джон. Глаза его были грустные (Л. Сехон).

Фраза *Я пытаюсь рано ложиться* всего лишь означает, что я каждый вечер предпринимаю попытку лечь пораньше. Между тем *Я стараюсь рано ложиться* указывает на наличие общей установки, готовности делать нечто, если к тому не будет серьезных препятствий. Иногда ему это удается, иногда нет (чаще — да), однако здесь важен лишь общий положительный баланс, т. е. на оценку результата не влияет то обстоятельство, что реально человек поступает так не всегда и даже не всегда прилагает к тому усилия. Заметим, что для *пытаться* (в аналогичном «множественном» контексте), наоборот, наличие отдельных неудачных попыток влияет на оценку конечного результата как отрицательного. Так,

⁹ Лексикографическое описание слов *стараться* и *пытаться* см. в статье [Апресян 1997а].

(19) Он *старается* быть вежливым со своей тещей

вне контекста означает, что он, в общем, ведет себя вежливо, а

(20) Он *пытается* быть вежливым со своей тещей

скорее всего означает, наоборот, что ему это не удастся.

По сравнению со *стараться* объект у *пытаться* более дискретный, поэтому успех здесь более осязаем. Действие *стараться* вообще непонятно в чем состоит: когда человек пытается, он совершает какие-то шаги, каждый раз по крайней мере приступая к совершению действия; когда же человек *старается* нечто делать, непонятно даже, что значит «каждый раз» — и уж тем более, в чем это «старание» проявляется. Заметим, что аналогичное различие имеется и между существительными *попытка* и *старание*. Ср. (21а) и (21б):

- (21) а. Все его *попытки* были безуспешны;
б. Все его *старания* были напрасны.

В первом случае *все* обозначает множество дискретных действий, во втором — полноту охвата объекта (ср.: *все руки грязные*). *Все старания* не означает множества отдельных действий, так как «старание» — это скорее некое состояние субъекта, чем само действие, и при этом состояние, как бы заменяющее собой действие.

Таким образом, специфика русского *стараться* — в том, что оно позволяет представить не имеющую никаких осязаемых проявлений ментальную установку как деятельность, требующую затраты усилий (ср. выше о слове *собираться*).

Второй тип контекстов, где проявляется обсуждаемое свойство глагола *стараться*, можно назвать ослабленным обещанием, ср.: *Я постараюсь тебе позвонить*. На просьбу купить хлеба по дороге с работы человек может, если он не хочет связывать себя обещанием, ответить *попытаюсь* или *постараюсь*. Говоря *попытаюсь*, человек обещает сделать попытку, но сомневается в успехе — например, в булочной может не оказаться хлеба. Между тем, говоря *постараюсь*, человек всего лишь сообщает, что он в принципе готов предпринять усилия для осуществления этого действия, однако заранее предвидит, что ему могут помешать различные внешние обстоятельства — в том числе его собственное нежелание делать крюк или стоять в очереди. Что, например, имеет в виду герой Ю. Трифонова в следующем диалоге?

- (22) — Папа, ты меня извини, но надо как-то с Валентином Осиповичем... Ты уж *соберись*, хотя я знаю, удовольствие небольшое...
— Я поговорю. *Постараюсь*.
— Нет, ты уж не тяни.

Вообще говоря, нелегко объяснить иностранцу, что значит *постараться поговорить*. Характерна также последняя реплика — это реакция на слово *постараюсь* как на выражающее нежелание приступить к выполнению просьбы. На самом деле это так и есть: старание (в отличие от попытки) не предполагает никаких осязаемых действий, а лишь какие-то ненаблюдаемые внутренние усилия (в том числе направленные на то, чтобы *собраться*, ср. первую фразу диалога). Поэтому формула *постараюсь* в качестве реакции на просьбу может использоваться как демагогический прием, эксплуатирующий указанную особенность семантики глагола *стараться*. Другим аналогичным средством, имеющимся в готовом виде в распоряжении говорящего на русском языке, является формула *Если получится*, позволяющая полностью стереть

различие между возможными внешними, не зависящими от человека препятствиями, и препятствиями внутренними (лень, неохота), которые изображаются в той же мере неконтролируемыми, как и внешние, ср.:

- (23) — Ты вернешься к восьми часам?
— *Постараюсь*. Если *получится*.

И тот и другой вариант ответа обеспечивает возможность впоследствии сказать: *Не получилось* (например, потому что *заработался* — ср. выше). Подробнее о глаголе *получиться* см. раздел III.1.5.

1.4. УДАЛОСЬ — УСПЕЛ

Большинство глаголов, о которых дальше будет идти речь, обладают той структурной особенностью, что они не имеют самостоятельной ассерции: ассертивным в них является компонент ‘X сделал Р’ (или ‘произошло Р’), которым они обязаны подчиненному глаголу в инфинитиве.

удалось

- (24) Ты хочешь написать великую книгу? Это *удается* одному из сотни миллионов (С. Довлатов);
(25) Ему очень хотелось поговорить наедине с Лизой, но это ему не *удалось* (Лесков);
(26) Но постепенно замысел осложнялся, обрастал подробностями, из которых я пытался вырваться на просторы чистого юмора, но вырваться не *удалось* (Ф. Искандер).

Для слова *удалось* предлагается следующее толкование (ср. [Зализняк 1992: 68]):

X-у удалось сделать Р —

[през.] X прилагал значительные усилия для достижения Р,
наступление Р не полностью определяется усилиями X-а;
[асс.] X сделал Р.

Роль внешних факторов в наступлении результата проявляется в характерной сочетаемости со словом *авось* (ср.: *авось удастся проскочить*); о слове *авось* см. [Więzbińska 1992a; Шмелев 2002a].

Обе указанные презумпции могут эксплуатироваться. Так, если вместо *Я купил билеты* сказать *Мне удалось купить билеты*, то это может быть понято либо как подчеркивание своих заслуг (обыгрывается 1-я презумпция), либо, наоборот, как их умаление — за счет приписывания части успеха внешним обстоятельствам (обыгрывается 2-я презумпция). Второе понимание несколько менее вероятно.

Заметим, что аналогичное высказывание, например, со *смог* или *сумел* понимается только первым способом — так как в толковании этих глаголов нет ссылки на посторонние факторы, способствовавшие успеху. Поэтому, говоря *Я не смог это сделать*, человек возлагает ответственность за неудачу на себя (хотя реально ему могли помешать именно внешние препятствия), а говоря *Мне не удалось*, человек, по крайней мере частично, перекладывает вину на обстоятельства.

Наиболее отчетливо *удалось* противопоставлено слову *сумел*, где, напротив, акцентируется идея личной ответственности. Так, фраза *Ты не сумеешь его обмануть*

скорее всего значит, что ты недостаточно хитрый, а *Тебе не удастся его обмануть* — что он слишком проницательный.

Важная особенность, отличающая *удалось* от *смог*, состоит в том, что *не удалось* предполагает внешние по отношению к субъекту препятствия, а для *не смог* они могут быть любыми (поэтому в *не удалось* обязательно сохраняется намерение, а в *не смог* оно может перечеркиваться). Ср.:

- (27) а. Мне *не удалось* приехать: жена заболела.
б. Я *не смог* приехать: жена заболела.

Первое высказывание несколько невежливо по отношению к жене, так как оно предполагает, что у субъекта было желание и намерение приехать, а болезнь жены выглядит как внешняя помеха. Во втором же высказывании болезнь жены может относиться к исходным условиям, которые учитывались при принятии решения и повлияли на отказ от действия.

успеть

- (28) Я был болен, *не успел* подготовить речь к сроку и отказался выступить (В. Ходасевич);
(29) Вы хоть что-нибудь записать *успели*? Ну вот, пока и довольно с вас (Вен. Ерофеев);
(30) В горящей его голове прыгала только одна горячая мысль — о том, как сейчас же, каким угодно способом, достать в городе нож и *успеть* догнать процессию (М. Булгаков).

Начнем с того, что в глаголе *успеть* представлена комбинация значений, отсутствующая в других языках. Так, например, по-английски *не успел* в одних контекстах передается как *had no time (to do something)*, в других — как *was late*. Общее значение сводится здесь к идее «не совладать со временем».

Глагол *успеть* обладает особенностью, состоящей в нестандартном соотношении между утвердительной и отрицательной формой. А именно, *не успел* семантически проще, чем *успел*. Грубо говоря, *успел* значит ‘предполагалась, что не успеет сделать, а он сделал’ — т. е. ‘не успеть’ полностью входит в *успеть* (ср. аналогичное соотношение *мочь* и *не мочь*, рассмотренное в разделе II.5.2.1). Поэтому мы формулируем отдельные толкования: сначала для *не успеть*, затем для *успеть*.

Х не успел сделать Р —
[през.] Х прилагал усилия для совершения Р,
времени оказалось недостаточно;
[асс.] Х не сделал Р.

Х успел сделать Р —
[през.] Х прилагал усилия для совершения Р,
до момента совершения Р говорящий считал, что скорее всего Х не сделает Р по причине недостатка времени;
[асс.] Х сделал Р.

Пара *успел* — *не успел* отличается от *удалось* — *не удалось*, где соотношение с отрицанием стандартное: в *удалось* нет идеи, что не-Р более вероятно, чем Р. Поэтому *успел* обычно рематично, а *удалось* не имеет ограничений на коммуникативный статус. Так, во фразе

- (31) Я *успел* купить билеты

предполагается, что возможность покупки билетов предварительно обсуждалась и подвергалась сомнению (т. е. здесь есть смысл, выражаемый частицей *таки*, кото-

рая содержит презумпцию ‘возможно Р’ и ‘возможно не-Р’ — см. [Широкова 1982]). Наоборот, фраза

(32) Мне *удалось* купить билеты

не требует подобного фона. Соответственно, в (31) *успел* скорее всего ударно, а в (32) *удалось* может быть и безударно.

Прагматика высказываний с *не успел* состоит в следующем. Говоря *Я не успел сделать Р* вместо *Я не сделал Р*, человек снимает с себя ответственность за несовершенство действия, перекладывая ее на внешние обстоятельства (а именно недостаток времени) и одновременно намекая на то, что прилагал усилия для достижения Р. Оба эти смысла содержатся в презумпции, то есть здесь используется распространенный прием «лингвистической демагогии» — перемещение в презумпцию того смысла, который говорящий, собственно, и хочет передать (см. [Николаева 1988: 158]). Ср. следующий характерный пример самооправдания, где говорящий простодушно обнажает этот прием:

(33) Я забыл спросить, как ты добралась? Вернее, *не успел* (С. Довлатов).

Необходимо отметить, что все сказанное относится только к центральным употреблением *успеть* — тем, в которых оно заменяется (если отвлечься от стилистических различий) на *поспеть*. Однако *успеть* имеет значительно более широкий круг употреблений. Ср.:

(34) Я стал рассказывать и дошел уже до скандальной истории с Лукрецией и Тарквинием, но тут ему надо было высказывать в Орехово-Зуеве, а он так и *не успел* дослушать, что же все-таки случилось с Лукрецией (Вен. Ерофеев);

(35) Бухштаб однажды подошел к Олейникову в читальном зале Публичной библиотеки и *успел* разглядеть, что перед ним лежат иностранные книги по высшей математике (Л. Гинзбург);

(36) Я никогда не видел живого Высоцкого. Просто *не успел*. Препграда времени развела наши дороги (Г. Каспаров).

Если в (34) результат не зависел от усилий слушающего (он не мог бы «слушать быстрее»), то в (35) скорее всего имеется в виду не то, что он очень внимательно смотрел, а просто что времени оказалось достаточно, чтобы увидеть. Такое *успеть* обычно безударно. Во всех этих случаях нет идеи приложения усилий. Более того, *успеть* не обязательно предполагает одушевленный субъект, ср.:

(37) ...солнце, с какой-то необыкновенной яростью сжигавшее в эти дни Ершалаим, не *успело* еще приблизиться к своей верхней точке... (М. Булгаков);

(38) За те часы, что он провел за писанием, стекла *успели* сильно заиндеветь (Б. Пастернак).

Эти употребления представляют собой результат позднейшей семантической эволюции слова *успеть*, которое этимологически связано и с *успехом*, и со *спешкой* (см. об этом [Виноградов 1994: 656—657]). В слове *успеть* заложена идея соотношения между развитием процесса по направлению к некоторой цели или результату и ходом времени: будет ли достигнута эта цель, зависит именно от того, достаточно ли времени; отсюда и *успех* и *спешка*. В современном языке в слове *успеть* имеется круг употреблений, в котором на первый план выходит идея временного соотношения, а компонент воли (соответственно, стремления к цели и спешки) подавляется или вообще исчезает; соответственно, отпадает и необходимость в действующем субъекте.

Предельное выражение этой тенденции представлено в употреблении этого глагола в составе союзных сочетаний типа *не успел... как* (то есть ‘сразу после’); ср.:

- (39) *Не успел* рассказчик произнести это последнее слово, как вдруг обе собаки разом поднялись... (И. Тургенев).

Особый интерес представляет употребление глагола *успеть* (имеется в виду основной тип употребления) применительно к будущему. Наряду со стандартным

- (40) — Ты успеешь сегодня закончить работу?
— *Успею*.

имеется несколько сдвинутое употребление, также характерное для диалогической реакции:

- (41) — Садись делать уроки!
— Да ну, *успею*.

Связность последнего диалога обеспечивается тем, что вторая реплика выражает отказ выполнить требование, предъявленное в первой. Слово *успею* здесь содержит мотивировку этого отказа, в качестве какой выступает содержащаяся в слове *успею* импликатура ‘можно не делать немедленно’, которая выводится из идеи достаточности времени для совершения действия (см. толкование выше). Таким образом, форма *успею* в примерах (40) и (41) выражает почти противоположные смыслы: в одном случае ‘сделаю, хотя времени мало’, а в другом — ‘не буду делать, потому что времени много’.

Аналогичным образом реплика *Успеешь! (Успеете!)* содержит совет или требование чего-то не делать, ср.:

- (42) Анатолий Георгиевич перелистывал журнал. — Товарищи, *успеете* прочитать, — властно проговорила Мария Федоровна, — пошли! (А. Рыбаков).

В крайней форме этот смысл передается формулой *Это я всегда успею (ты всегда успеешь)*.

Следует, однако, подчеркнуть, что употребление глагола *успеть*, иллюстрируемое примерами (41) и (42), не формирует отдельного значения: различие между (40) и (41) остается на уровне импликатур. Этим данный пример отличается от тех случаев, когда импликатура повышается в ранге до полноценного семантического компонента¹⁰. Обратим внимание на то, что такого рода сдвиги обычно сопровождаются перемещением акцента, однако в слове *успею* этого не происходит. Другое дело — возникшее на основе употреблений типа (41) слово *успеется*, где нежелание действовать входит уже непосредственно в значение слова. Если в основе *успею* лежат просто легкомыслие и безответственность, то в *успеется* присутствует еще и надежда, что если откладывать решение проблемы, то она тем временем как-нибудь сама рассосется и необходимость действовать отпадет. Та же идея отражена в словах *обойдется* и *образуется* (см. ниже).

¹⁰ Ср. [Апресян 1990б: 186—187] о двух значениях слова *поторопиться*, раздел II.4 о слове *мимо*, [Зализняк 2006: 494] о слове *показаться*.

1.5. Получилось — вышло — сложилось

Ряд *получилось — вышло — сложилось* выражает идею, что результат процесса, в который вовлечен человек, не полностью контролируется им. Эти глаголы описывают события, которые хотя и затрагивают человека, но происходят все же как бы сами по себе — что отличает их от слов *удалось* и в еще большей степени *смог*. С другой стороны, данному ряду противопоставлен глагол *случиться*, который, во-первых, не предполагает никакого предшествующего процесса, а во-вторых, не включает фактора человеческого воздействия. Космические катастрофы, изменения климата и т. п. именно *случаются*. Нельзя сказать **Так получилось (вышло, сложилось), что ледник начал таять* — ср. допустимое: *Так получилось, что температура в реакторе стала повышаться*, отсылающее в конечном счете к каким-то действиям человека.

Фраза *Так получилось* есть идиоматический способ представить некоторое положение дел, касающееся говорящего, как возникшее как бы само собой, а не в результате его целенаправленной деятельности. Ср.:

- (43) — Зачем ты это сделал?
— Не знаю. *Так получилось*.

получилось

Мы выделяем у глагола *получиться* три значения. Проиллюстрируем их сначала примерами.

1.

- (44) *Получилась* не каша, а размазня;
(45) Так *получилось*, что мы все приехали одновременно;
(46) Его длинная широкая шпага была воткнута между двумя расщепившимися плитами террасы вертикально, так что *получились* солнечные часы (М. Булгаков);
(47) Он думает, что можно взять академическую статью, прибавить к ней немного хамства — и тогда *получится* журнальный стиль (Л. Гинзбург);
(48) Собирался вечером к сестре, но, к сожалению, *получилось* так, что вечером он должен уехать (А. Рыбаков).

2.

- (49) Пирог / праздник *получился*;
(50) Не *получилось* приехать;
(51) Вызови душевное потрясение у читателя. У одного единственного живого человека... А если не *получится*? (С. Довлатов);
(52) «Очень хорошая статья», — сказала Ахматова, слегка наклоняя голову в мою сторону. Жест *получился*, он соответствовал той историко-литературной потребности в благоговении, которую я по отношению к ней испытываю (Л. Гинзбург).

Различие между первым и вторым значением состоит в распределении акцентов: в первом случае вопрос стоит «Получилось А (или не А)?»; во втором — «Получилось А (или не получилось)?». В первом случае акцент делается на результате; он находится в реме и несет на себе ударение; соответственно, сам этот результат является «новым», т. е. он может быть неизвестен заранее (ср. примеры (44), (45), (48)). Для

этого значения характерно также явное или скрытое противопоставление «получившегося» результата какой-либо его альтернативе.

Во втором же значении акцент делается на совпадении реального результата с планируемым, т. е. на смысловом компоненте, выражаемом глаголом; соответственно, глагол здесь несет на себе ударение; результат, наоборот, является известным заранее, т. е. находится в теме и не имеет ударения. *Получилось* во втором значении сближается с *удалось*, ср.: *Праздник удался; Не удалось приехать*. В обоих этих глаголах наступление результата определяется сочетанием прилагаемых усилий с элементами случайности, но в *удалось* на первом плане оказывается фактор усилий, а в *получилось* — случая.

Когда образ результата имеется заранее, реальность может совпадать с ним в большей или меньшей степени. Поэтому *получилось* во втором значении, как и близкое к нему *удалось*, градуируется, т. е. сочетается со словами *вполне, почти, не совсем* (в отличие от первого, где это невозможно), ср.: *Пирог вполне / не совсем получился / удался*. Заметим, что при этом фразы *Пирог получился* и *Пирог удался* означают не совсем одно и то же: *получился* указывает на соответствие стандарту, а *удался* — на исключительность достоинств. Поэтому можно сказать *особенно удался*, но нельзя *особенно получился*.

Различие коммуникативной структуры двух значений *получиться* проявляется также в отношении к отрицанию: для первого значения, нерематического, сочетание с отрицанием нехарактерно, для второго же, где глагол находится в реме, напротив, отрицательная форма даже предпочтительна (*Приехать не получилось*).

3.

- (53) *Получается*, что я зря приехал;
- (54) *Получается*, что ты был прав;
- (55) У тебя *получается*, что все виноваты кроме тебя;
- (56) *Получается* так — мы мелкие козявки и подлецы, а ты Каин и Манфред... — Позвольте, — говорю, — я этого не утверждал (Вен. Ерофеев);
- (57) В заявлении, например, он написал, что окончил вуз в таком-то году; *получилось*, что он окончил вуз четырнадцать лет тому назад (Л. Гинзбург).

Это значение — интерпретирующее, или метаязыковое (ср. отнесение слов *получается* и *выходит* к показателям «интерпретирующих речевых актов» в [Кобозева, Лауфер 1994]). Оно тесно связано с первым, так как вводит в рассмотрение некоторый спонтанный результат; отличие же здесь состоит в том, что это результат аналитической деятельности субъекта, некоторая интерпретация фактов действительности (ср. оценочные номинации в придаточных предложениях). *Получается, что я зря приехал* отличается от фразы *Я зря приехал* тем, что здесь говорящий не просто предъявляет адресату готовое суждение, а эксплицирует процесс умозаключения.

Характерной особенностью этого значения является синонимия сов. и несов. вида (ср.: *Получилось, что я зря приехал*), присущая многим ментальным глаголам (см. [Падучева 1993б]).

Получается в этом значении не сочетается ни с вопросом, ни с отрицанием. Это роднит данный глагол с перформативами и в еще большей степени — с так называемыми риторическими союзами (см. [Иорданская 1992]).

вышло

Во всех трех значениях глагола *получиться* его близким синонимом является *выйти* (ср. более дробную разбивку на значения в [Апресян 1995б]):

1.

- (58) а. *Вышла* не каша, а размазня; Так *вышло*, что мы все приехали одновременно.
б. Зачем же ты уехала, да еще с малолетним ребенком? — Не знаю... Так *вышло* (С. Довлатов);

2.

- (59) а. Приехать не *вышло*.
б. Только не напрягайте мозг. Не выйдет сегодня, *выйдет* завтра (М. Булгаков);

3.

- (60) а. *Выходит*, (что) я зря приехал.
б. По-вашему *выходит* так, что мы с Катей вращались в каком-то изысканно культурном бомонде. Ошибка на параллакс, сударыня (Набоков. Адмиралтейская игла).
в. Улыбаясь и разводя руками, он мне поведал довольно дымчатую историю, которую я, признаться, выслушал без внимания, отчасти из-за того, что не люблю чужих навязчивых дел, но главное потому, что всегда сомневался в способности моего друга оставаться по сю сторону фантазии. *Выходило* приблизительно так, что после смерти деда, скончавшегося в свое время в петербургском доме во время японской войны, обстановка его парижской квартиры была продана с торгов, причем после неясных странствий портрет был приобретен музеем города, где художник Леруа родился (Набоков. Посещение музея).

Между *получиться* и *выйти* имеется, однако, то различие, что *вышло* предполагает большую непредсказуемость результата, большую неопределенность промежуточных звеньев. Так, в ситуации, где причинная цепь прослеживается плохо, уместнее употребить слово *вышло*, ср.: *У нас вчера вышла (?получилась) ссора*. Наоборот, если причинная цепь более ли менее очевидна (например, в ситуации целенаправленной деятельности), то лучше сказать *получилось*, ср. [ребенок строит дом из конструктора]: *Ну, у тебя получился (?вышел) настоящий дворец*. Ср. также: *За столом нас получилось (*вышло) пять человек*. Поскольку результат здесь определяется просто арифметически, слово *вышло* употребить нельзя.

Выйти во втором значении — в отличие от *получиться* — употребляется почти исключительно в отрицательном, вопросительном или условном контексте, ср.: *Фотография не вышла. Если фотография выйдет...*, но: *?Фотография вышла; У меня получилось (?вышло) его обмануть*. Невозможность употребления *выйти* в этом значении в утвердительном контексте объясняется несовместимостью идеи достижения запланированного результата с идеей его непредсказуемости и неопределенности промежуточных звеньев, содержащейся в слове *выйти*.

Приведем еще один характерный пример употребления глагола *выйти* во втором значении (на вопросы журналиста отвечает глава администрации президента Сергей Александрович Филатов):

- (61) Почему же тогда заверение президента на памятном заседании Совета безопасности о том, что Грозный бомбить не будут, было проигнорировано? Сергей Александрович объяснения этому факту не нашел. Хотя при этом сказал: «Армия у нас хорошая. Но *так* *вышло*, что координация ее действий с политическими структурами, с войсками МВД оказалась крайне неудовлетворительной» («Известия», 12 янв. 1995 г.).

Слово *сложилось* (являющееся в этом значении новообразованием современного разговорного языка) отстоит несколько дальше: выражая ту же идею непредсказуемо-

сти событий, происходящих с человеком, оно делает акцент на том, что в ситуацию вовлечено много разных не зависящих от человека обстоятельств, и именно это порождает неподвластность конечного результата его воле. Этот глагол также употребляется лишь в неутвердительном (прежде всего, отрицательном) контексте. При этом выражение *не сложилось* предоставляет говорящему максимальную свободу, так как оно в большей степени, чем *не получилось* и даже *не вышло*, возлагает ответственность за неудачу на обстоятельства и предполагает еще меньшую затрату усилий со стороны субъекта: говоря *У меня не получилось приехать*, человек имплицитно, что он по крайней мере хотел это сделать (но возникли какие-то препятствия), а в *не сложилось* препятствия, вообще говоря, могли возникнуть уже на этапе формирования намерения.

Рассмотренные глаголы выстраиваются в следующий ряд:

смог — удалось — получилось — вышло — сложилось — случилось.

Названные слова упорядочены здесь по уменьшению доли ответственности субъекта за конечный результат. При этом, как было показано, в русском языке наиболее разработанной является срединная часть этой шкалы; она же представляет наибольшие трудности при переводе (так, слова, соответствующие *смог*, с одной стороны, и *случилось* — с другой, без труда находятся в западноевропейских языках — чего нельзя сказать про остальные)¹¹.

1.6. ДОВЕЛОСЬ — ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ — ПОВЕЗЛО

Все три слова указывают на то, что с человеком произошло нечто хорошее, при этом произошло как бы само собой, то есть не благодаря его усилиям. Различия между ними определяются, в первую очередь, характером и местом в семантической структуре оценочного компонента.

довелось

- (62) На Ай-Петри полагается встречать восход солнца. Мне *довелось* встречать его дважды, причем оба раза оно — как там принято говорить — «не взошло» (Л. Гинзбург);
- (62) Марусины родители были необходимы в глубоком тылу. Побывать в окопах им не *довелось* (С. Довлатов);
- (63) Но экзаменатор спросил: — Вы читали «Повести Белкина»? — Как-то не *довелось*, — ответил Ляня, — вы рекомендуете? (С. Довлатов).

X-у *довелось* сделать Р —

[през.] Р могло не иметь места

Р хорошо

Р произошло как бы само собой

[асс.] Р имело место

¹¹ Обратим внимание также на синтаксические свойства этих глаголов. Наиболее «агентивное» *смог* имеет субъект в номинативе, дальше идет *удалось* с дативом, потом — *получилось*, *вышло*, *сложилось* в конструкции с родит. падежом (*у меня*), *случилось* — также с творит. (*со мной*). То есть синтаксические конструкции с родит. падежом тоже оказываются упорядочены по уменьшению агентивности (о семантике синтаксических конструкций в данной связи много писала А. Вежбицкая).

В *довелось* событие Р является положительным не само по себе, а потому, что оно обогатило жизненный опыт субъекта, ср.: *Мне довелось побывать на войне*. Существенно также, что в *довелось* представлена оценка факта (см. [Арутюнова 1985]): ‘хорошо, что Р имело место’. Ситуация Р оценивается ретроспективно и в целом — поэтому нельзя сказать **Мне довелось прийти к ним в гости* (с глаголом, делающим акцент на начальной фазе процесса), а надо *Мне довелось побывать у них в гостях*. Важно также, что оценка здесь всегда принадлежит говорящему и может не разделяться субъектом действия, ср.: *Ему довелось повстречаться с таким замечательным человеком, а он этого не оценил*.

Довелось не сочетается с обозначением не-действий (ср.: **Довелось не попасть в аварию, избежать аварии, спастись от бомбежки*) — потому что не-действие трудно рассматривать как элемент жизненного опыта.

Отметим, впрочем, что *довелось* имеет «ослабленное» употребление, в котором оценочный компонент практически исчезает (на первый план тогда выступает идея ненамеренности), ср.:

- (65) Справа койка у стены, слева койка.
Ходим вместе через день облучаться,
Вертухай и бывший номер такой-то,
Вот где снова *довелось* повстречаться! (А. Галич).

Однако если речь идет о чем-то однозначно плохом, то слово *довелось* употреблено быть не может, ср.: **Довелось потерять семью во время войны*.

посчастливилось

- (66) Семья Живаго *посчастливилось* попасть в левый угол верхних передних нар... где они и разместились своим домашним кругом, не дробя компании (Б. Пастернак);
(67) Но полагаю, что и здесь организаторы были столь же предусмотрительны. Просто мне не *посчастливилось* увидеть плоды их подготовительной работы (Г. Каспаров).

X-у *посчастливилось* сделать Р —
[през.] вероятность Р была мала
 Р хорошо
 Р произошло как бы само собой
[асс.] Р имело место

В *посчастливилось*, в отличие от *довелось*, оценка относится не к факту, а к процессу: Р хорошо само по себе (а не потому, что оно, например, обогатило жизненный опыт). Оценочный компонент в *посчастливилось* не может подавляться. Различаются также оценки вероятности события Р: в *посчастливилось* содержится указание на то, что вероятность Р была мала — в отличие от *довелось*, где этой идеи нет.

повезло

- (68) Им *повезло*. Со двора выезжала машина. Шофер оказался Лене знаком и подвез их до Мясницкой (А. Рыбаков);
(69) Юрию Андреевичу *не повезло*. Он попал в неисправный вагон, на который все время сыпались несчастья (Б. Пастернак);
(70) Принято говорить: *везет* на друзей. Но точно так же может *везти* и на врагов. Карпову исторически крупно *повезло*, что его главным противником в течение многих лет был Корчной (Г. Каспаров).

X-у повезло (что Р) —
 [през.] Р имело место
 Р — результат случайности
 [асс.] (для X-а) хорошо, что Р

Главное отличие *повезло* от двух предыдущих слов состоит в том, что здесь оценка находится в ассерции: во фразе *Нам повезло, что сегодня жарко* ситуация ‘жарко’ оценивается позитивно, а в *Нам не повезло, что сегодня жарко* та же ситуация оценивается негативно (то есть отрицание взаимодействует с оценочным компонентом). Между тем в *посчастливилось* и в *довелось* положительная оценка ситуации Р при отрицании сохраняется, ср.: *Мне не посчастливилось (не довелось) побывать на Памире*¹². Благодаря тому что оценочный компонент слова *повезло* находится в ассерции, оно может градуироваться, ср.: *очень (больше, меньше) повезло / *посчастливилось*.

Наличие полноценной ассерции отличает слово *повезло* от всех рассмотренных выше слов (ассертивный компонент которых заимствуется у подчиненного глагола) и делает его более «самодостаточным». Синтаксически это проявляется в том, что у *повезло* валентность содержания является факультативной: она никогда не заполняется зависимым инфинитивом, редко — придаточным с союзом *что*, но может и вообще оставаться незаполненной. Обозначение ситуации Р в этом случае либо содержится в контексте, либо выводится из него, ср.:

- (71) — Такая страшная авария, а он всего лишь сломал ногу.
 — *Повезло*.

Валентность содержания регулярно остается незаполненной, если *повезло* употребляется с зависимым существительным: *повезло с погодой, с родителями; везет в картах, в любви; на друзей*. Когда говорят *Нам повезло с погодой*, то вне контекста неясно, какая именно погода рассматривается как хорошая (это зависит от того, собираются люди на пляж, в горный поход или на рыбалку).

Яркой особенностью слова *повезло* является повышенная значимость презумпции ‘Р — результат случайности’, которая часто эксплуатируется. Рассмотрим следующий диалог:

- (72) — Я получил стипендию Эйнштейна.
 — *Повезло!*

Ответная реплика содержит смысл ‘это хорошо’ в качестве ассертивного и смысл ‘это — результат случайности’ — в качестве презумптивного. Соответственно, эта реплика может быть воспринята как простодушное выражение радости за собеседника — если указанная презумпция разделяется первым говорящим, — но может и показаться обидной — если человек считает получение стипендии своим заслуженным успехом, а не случайной удачей. В некоторых случаях слово *повезло* используется для того, чтобы прямо указать на незаслуженность (случайность) успеха, ср.:

- (73) Вот пример настоящей удачливости... Что-нибудь особенное есть в этих словах: «буря мглою...»? Не понимаю!.. *Повезло, повезло!* — вдруг ядовито заключил Рюхин... — стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие... (М. Булгаков);

¹² Сочетание с отрицанием оценочного компонента в *повезло* является идиоматическим: ‘не’ + ‘хорошо’ означает ‘плохо’ (ср. [Богуславский 1985: 35] о сочетаниях *не любить, не нравиться*). В отличие от *довелось* и *посчастливилось*, где оценка может быть любой, в *повезло* оценка всегда утилитарная.

- (74) Помню мамины «прививки» от зазнайства... «Каждый человек в чем-то талантлив, только не всегда этот талант раскрывается. Тебе *повезло*, что твои способности проявились так рано. Просто *повезло!*» (Г. Каспаров).

Интересно, что раньше слово *посчастливилось* означало то же, что сейчас *повезло* (в современном языке такое употребление является устаревшим), ср.:

- (75) Раз, — это было за Терекон, — я ездил с абреками отбивать русские табуны; нам не *посчастливилось*, и мы рассыпались кто куда (М. Лермонтов);
- (76) Другое дело Федька: этому, кажется, *посчастливилось* более, чем Петру Степановичу (Ф. Достоевский);
- (77) Нам *посчастливилось*. Осень выдалась сухая и теплая. Картошку успели выкопать до дождей и наступления холодов (Б. Пастернак);
- (78) Нет, у нас легче было. Нам *посчастливилось*. Ведь я вторую отсидку отбывал (А. Солженицын).

Слово *повезло* входит также в другой круг понятий, не менее существенный для русской языковой картины мира. Это понятия *судьба, участь, доля, удача, счастливый случай*, а также *авось*, объединяемые идеей некой иррациональной силы, которая вмешивается в жизнь человека. Как пишет А. Вежибицкая,

«Русский *авось*» концентрирует в себе идею, которая пронизывает насквозь весь русский язык и всю русскую культуру: идею судьбы, идею неподвластности человеку мира, в котором он живет, непостижимого и недоступного контролю сознания. Если с нами произошло что-то хорошее, то это потому, что *нам повезло*, а не потому, что мы управляем событиями. Жизнь непредсказуема и неконтролируема, и не надо преувеличивать силу разума, логики и рационального действия [Wierzbicka 1992a: 435].

В этом смысле можно сказать, что *Мне повезло* означает, что события повернулись так, как если бы некая сила действовала с целью помочь мне. При этом, употребляя слово *повезло*, человек, при общей рационалистической установке, не обязательно буквально подразумевает действие некой сверхъестественной силы — он может иметь в виду просто игру случая. Однако эта сила может интерпретироваться и в более мистическом ключе. Особенно ярко это проявляется в форме несов. вида: слово *везет* обозначает некое трансцендентное состояние человека, определяющее ход событий, происходящих с ним. Ср.: *Я не пойду на экзамен: мне сегодня с утра не везет*. Это проявление суеверного страха перед некой иррациональной силой (люди, подобному суеверию чуждые, такого рода высказываний и не делают).

1.7. УГОРАЗДИЛО — УМУДРИЛСЯ

угораздило

- (79) *Угораздило* же тебя вляпаться в краску!;
- (80) Ее *угораздило* встретить там знакомых;
- (81) Меня *угораздило* попасть под дождь в белых брюках;
- (82) Я думал, ты будешь делать доклад, а тебя *угораздило* заболеть (Овечкин, МАС);
- (83) Как же это, в самом деле, жениться-то его *угораздило*? (Мельников-Печерский, словарь Ушакова);
- (84) И *угораздило* это вас, батенька, в Тулу со своим самоваром приехать (Лейкин, словарь Ушакова);
- (85) *Угораздило* же меня родиться в этой таежной глуши... (С. Довлатов).

*X-а угораздило сделать P*¹³ —
 [през.] ‘с X-ом произошло P’,
 ‘то, что P произойдет, было маловероятно’,
 P плохо’.

Главной особенностью слова *угораздило* является отсутствие ассертивной зоны в толковании, причем по другой причине, чем в *удалось* (см. выше). Ассертивный компонент обычно выявляется при помощи теста на отрицание; здесь, однако, такой тест применен быть не может, так как нельзя сказать **не угораздило*. При этом несочетаемость с отрицанием в принципе может быть вызвана разными причинами, и иногда у таких слов ассертивный компонент, тем не менее, может быть выявлен (ср. ниже толкование для *умудрился*). Здесь же проблема в том, что высказывание со словом *угораздило* вообще не выражает утверждения — и именно поэтому не присоединяет отрицания, и по этой же причине в этих словах отсутствует ассертивный компонент. Иллокутивная функция этого слова подобна функции междометия: это выражение чувства. *Угораздило* — это примерно то же самое, что *Ну надо же!* (с тем отличием, что в *угораздило* более однозначная отрицательная оценка). В состав выражаемой эмоции и в том и в другом случае входит удивление, вызванное тем, что произошло такое маловероятное событие, а также сочувствие или раздражение по адресу субъекта — в зависимости от исходного отношения к нему говорящего. Если говорящий сочувствует субъекту, то он разделяет его досаду, а при отсутствии исходного доброжелательного отношения говорящий связывает происшествие с неудачливостью субъекта и тем самым отчасти возлагает на него вину за случившееся.

Чувство, выражаемое в высказываниях со словом *угораздило*, может оказаться очень близко к тому, которое обозначается словом *обидно* или *досадно* (см. раздел III.5.2) — ср. примеры (81), (82), (89), (90). Подобно этим словам в *угораздило* выражаются те чувства, которые человек может испытывать по поводу мелких неприятностей. Это слово неприменимо к описанию настоящих несчастий, ср.:

(86) Его *угораздило* попасть в пробку на дороге / ??в авиакатастрофу;

(87) Его *угораздило* потерять паспорт / *потерять семью во время войны.

Слово *угораздило* сходно с *повезло* в том отношении, что и то и другое может использоваться в качестве самостоятельной диалогической реакции на сообщение о событии — в отличие от всех остальных рассмотренных слов, ср.:

(88) А. — Я сегодня встретил N.

Б. — *Повезло! Угораздило же!*

— **Умудрился! *Посчастливилось! *Довелось! *Удалось!*

Однако причины отсутствия этого запрета здесь различные. В *повезло* оно обеспечивается наличием в этом слове полноценной ассерции — в отличие от всех остальных рассматриваемых слов. А в *угораздило* такое абсолютное употребление возможно потому, что это слово предназначено непосредственно для выражения чувства — ср.: *Ну надо же! Вот это да! Здорово! Ай-ай-ай!* и т. п.

Вообще, *угораздило* во многих отношениях сходно с *не повезло*; различие между ними состоит, в частности, в том, что *угораздило*, при всей его эмоциональности,

¹³ В статье [Зализняк, Левонтина 1996] предлагается другое толкование.

совершенно рационалистический концепт: за несчастным стечением обстоятельств здесь не усматривается никакой мистической силы.

Отдельного комментария требует компонент ‘Р маловероятно’. В чистом виде — помимо тех случаев, когда речь идет действительно о маловероятных событиях (как в примерах (79) и (80)), — он представлен в том весьма характерном для *угораздило* классе употреблений, когда малая вероятность касается совпадения во времени некоторых двух независимых событий, каждое из которых может быть и не быть экстраординарным, ср. фразы (89) и (90):

(89) Меня *угораздило* забыть проездной именно в тот раз, когда пришел контролер;

(90) Меня *угораздило* наткнуться на контролера именно в тот раз, когда я забыла проездной.

Имеется другой класс употреблений этого слова, когда оно используется для оценки заведомо намеренных действий. В этом случае компонент ‘Р маловероятно’ реализуется в виде чего-то вроде ‘Говорящий удивлен’ или ‘Говорящий не ожидал Р (не думал о возможности Р)’; на первый план при этом выходит идея неконтролируемости, содержащаяся в компоненте ‘произошло Р’. Прагматика такого употребления *угораздило* может быть различной. В примере (83) это слово служит средством передачи (в имплицитной и тем самым более действенной форме — так как ассертивных компонентов в *угораздило* нет) мнения, что такую глупость, как жениться, человек не может сделать по доброй воле.

С другой стороны, слово *угораздило* может использоваться и как способ снятия ответственности за контролируемые действия — оцениваемые отрицательно либо самим субъектом постфактум, либо другим лицом. Ср.:

(91) Меня/его *угораздило* ввязаться в эту историю.

Здесь речь идет о некотором сознательном поступке, который впоследствии (или с точки зрения другого лица) переоценивается и соответственно переименовается (ср. косвенную номинацию *ввязаться в эту историю*), а употребление слова *угораздило* позволяет к тому же представить эту ситуацию как не полностью контролируемую субъектом. Другой аналогичный пример — из пьесы Е. Шварца «Два клена», где на признание Медведя, что он нанялся на службу к Бабе Яге, Василиса восклицает:

(92) Да как же это, Мишенька, тебя *угораздило*?

Слово *угораздило* указывает здесь на то, что добрая женщина хочет извинить неблагоприятный поступок Медведя, объясняя его неполным владением ситуацией.

умудрился

Наконец, последнее слово — *умудрился* (а также *ухитрился*), которое близко к *угораздило* по значению, хотя и имеет несколько иную структуру толкования¹⁴.

(93) *Умудрился* вляпаться в краску;

(95) В такую жару *умудрился* (*ухитрился*) простудиться;

¹⁴ Все три глагола претерпели одну и ту же семантическую эволюцию, состоящую в переосмыслении оценочного компонента под воздействием иронии. При этом слова *угораздило* и *умудриться* в современном языке утратили исходное «позитивное» значение, а у глагола *ухитриться* оно сохранилось (ср. *Он ухитрился попасть на спектакль без билета*).

(96) *Умудрился* заболеть накануне отъезда.

X умудрился сделать P —

[през.] то, что P произойдет, было маловероятно,
X мог предотвратить P,
P плохо;

[асс.] P произошло.

Различия между *умудрился* и *угораздило* состоят в следующем. Прежде всего, *умудрился*, в отличие от *угораздило*, имеет ассертивный компонент: это сообщение о том, что имело место некоторое событие (можно сказать, что *умудрился* — это оценка, сопровождающая утверждение о событии); в этом отношении *умудрился* сходно с такими словами, как *удалось* или *посчастливилось*, а также *поленился*, *постеснялся*, *побоялся*, *поторопился* <уйти> (безударное) и др. — см. о таких глаголах [Зализняк 1988б]. Кроме того, *умудрился* предполагает большую, чем *угораздило*, степень ответственности субъекта за происшедшее: *умудрился* включает идею, что субъект мог бы предотвратить нежелательное событие, если бы приложил какие-то усилия. Хотя само по себе событие является неконтролируемым, ведущая к нему причинная цепь включает контролируемые звенья: например, не простудился бы, если бы не сидел на сквозняке (ср. [Зализняк 1992: 72]). Слово *угораздило* этой идеи не содержит, поэтому в контексте полностью неконтролируемых событий употребление *умудрился* неуместно: ср., например, невозможность замены *угораздило* на *умудрился* в предложении (85). *Умудрился*, в отличие от *угораздило*, не градуируется (ср.: *Эк его угораздило! Надо же, чтобы так угораздило!*). Наконец, в отличие от *угораздило* *умудрился* содержит однозначно отрицательную оценку субъекта и не выражает никакого чувства.

1.8. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Описывая слова, в которых заключены «национально-специфические» концепты, исследователь неизбежно сталкивается с проблемой переводимости. А. Вежицкая, которая специально интересуется данной проблемой, придерживается следующей точки зрения: она отвергает распространенный тезис о невозможности полного и адекватного перевода с одного языка на другой на том основании, что любую мысль, согласно ее концепции, можно выразить на «естественном семантическом метаязыке» и перевести это выражение на любой другой язык. Последнее возможно в силу того, что используемый семантический метаязык, с одной стороны, оперирует лишь универсальными концептами, с другой — является, вообще говоря, подмножеством соответствующего естественного языка. Иными словами, тексты на этом семантическом метаязыке являются одновременно текстами на некотором естественном языке и могут в том числе рассматриваться как переводные эквиваленты.

Нельзя, однако, не отметить, что при переводе через семантическое представление меняется весьма важное свойство исходного текста — степень эксплицитности выраженных в нем смыслов. Действительно, любое семантическое представление отличается от толкуемого выражения тем, что все элементы смысла представлены в нем эксплицитно, дискретно и линейно (более того, семантическое представление тем лучше, чем более ясны и отчетливы его компоненты). В словах

же естественного языка степень семантической конденсации бывает очень высокой; некоторые элементы смысла спаяны между собой, а другие — принципиальным образом затушеваны. Насильственно разъединяя, выявляя и линейно выстраивая эти элементы, мы не только изменяем форму подачи смысла, но и меняем сам смысл. Труднее всего перевести в слова то, что в них как бы и не сказано: при переводе на язык семантического представления (а значит, в общем случае, и при переводе на другой язык — по крайней мере, в рамках обсуждаемой модели) все эти смыслы приобретают равную определенность. Между тем «лингвоспецифичность» слова чаще всего определяется специфичностью присутствующих в нем неявных смыслов; она заключена в тех бесплотных и трудноуловимых смысловых элементах, которые передаются подспудно как нечто самоочевидное. К таким смыслам в русском языке относится компонент ‘как бы само собой’ в рассмотренных нами глаголах, описывающих целенаправленную деятельность человека. Слова, содержащие такого рода смысловые компоненты, труднее всего перевести: при переводе то, что должно читаться между строк, приобретает тяжесть и определенность, которые все меняют.

То, что слово не равно сумме содержащихся в нем смыслов, можно проиллюстрировать следующим отрывком из «Анны Карениной»:

(97) Степан Аркадьич помолчал. Потом добрая и несколько жалкая улыбка показалась на его красивом лице.

— А? Матвей? — сказал он, покачивая головой.

— Ничего, сударь, *образуется*, — сказал Матвей.

— *Образуется?*

— Так точно-с. [...]

Степан Аркадьич мог быть спокоен, когда он думал о жене, мог надеяться, что все *образуется*, по выражению Матвея, и мог спокойно читать газету и пить кофе. [...]

«А может быть, и образуется! Хорошо словечко: *образуется*, — подумал он. — Это надо рассказать» (Л. Толстой).

Если бы Стиве просто кто-то сказал, что все будет хорошо и что это произойдет в результате естественного хода вещей, постепенно и незаметно (что есть своего рода экспликация слова *образуется*), то он вряд ли бы поверил. Силой убеждения здесь обладает само слово *образуется* (ср. в последней реплике «хорошо словечко») благодаря тому, что в нем все эти элементы смысла выражены одновременно и нерасчлененно. Это, с одной стороны, дает человеку уже готовую, апробированную опытом других людей (закрепленную в слове) и тем самым вызывающую определенное доверие концептуальную конфигурацию; с другой стороны, из-за того что элементы смысла здесь столь тесно спаяны друг с другом и столь неотчетливы сами по себе, человеку трудно «ухватить» какой-либо один из них, чтобы подвергнуть его сомнению.

2. ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА *

«По России путешествовать? По России можно только передвигаться по крайней необходимости», — якобы сказал в начале позапрошлого века автор «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзин¹⁵. И не то чтобы за двести лет ситуация принципиальным образом изменилась: ну так Пушкин и обещал — *лет чрез пятьсот...*¹⁶

Как оказывается, для обозначения этого занятия — путешествовать по России — имеется специальный глагол, не переводимый ни на один европейский язык, но без которого люди, говорящие на русском языке, не могут ни спросить дорогу, ни рассказать о своих дорожных впечатлениях: это глагол *добираться*, в значение которого входит представление о том, что перемещение в другую точку пространства — процесс долгий, трудный и непредсказуемый. «Как добраться до Домодедова?» — читаем мы название одной из рубрик в рекламном проспекте нового международного аэропорта. Ответ: очень *просто и быстро!* — вопреки тому, что вы, наверное, ожидали. А почему ожидали? Да потому что — *добраться*. Но ведь иначе по-русски и не скажешь...

2.1. ГЛАГОЛ ДОБИРАТЬСЯ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И АСПЕКТУАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

Центральным для нашего рассмотрения является то значение глагола *добраться/добираться*, которое может быть проиллюстрировано примерами (1—6).

- (1) Вот и граница Литовская, до которой так хотелось тебе *добраться* (Пушкин);
- (2) — Вот видишь, отец мой, и бричка твоя еще не готова, — сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо. — Будет, будет готова. Расскажите только мне, как *добраться* до большой дороги (Гоголь);
- (3) «Голосуя» на развилках разбитых дорог, он *добрался* до населенного пункта Большой Шатун, по сравнению с которым Березань выглядела столицей, шумным и благоустроенным городом (В. Аксенов);

* Данный раздел написан по материалам статей [Зализняк 2000а] и [Зализняк 2001б].

¹⁵ Эту фразу приводил в устных рассказах Ю. М. Лотман. Точный источник цитаты восстановить не удалось.

¹⁶ ...*дороги, верно, / у нас изменятся безмерно* («Евгений Онегин», VII, XXXIII).

- (4) Всю зиму и весну он волновался, узнавал, где хорошо, какая там природа, и какой народ, и как туда *добраться*, и эти расспросы и планы были, может быть приятнее самой поездки и отпуска (Ю. Казаков);
- (5) а. Скажите пожалуйста, как я могу до Домодедова *добраться*?
б. Девушка, скажите, где находится улица Сытникова, как до нее *добраться*?¹⁷;
- (6) Мне отсюда до дома два часа *добираться*.

Примеры других типов употребления рассматриваемого глагола см. ниже.

Приведем толкования — отдельно для глаголов сов. вида и для и нетривиального значения несов. вида, — обобщающие разные типы употребления:

добраться — ‘перемещаясь, преодолевая трудности, в физическом или каком-либо ином пространстве, достичь контакта с объектом, составляющим конечный пункт этого перемещения’;

добираться — ‘перемещаться, преодолевая трудности, в физическом или каком-либо ином пространстве с целью достичь контакта с объектом, составляющим конечный пункт этого перемещения’¹⁸.

С точки зрения словообразовательной семантики глаголу *добраться* могут быть сопоставлены следующие парадигматические ряды:

(i) *дойти, доехать, долететь, доплыть, добрести* и т. п. <до какого-то места> — глаголы определенного движения с приставкой *до-* и со значением достижения цели перемещения в пространстве;

(ii) *дозвониться* <до кого-то>, *докопаться* <до истины>, *добиться* <цели>, *добраться* <до чего-то>, *докричаться* <до кого-то> и т. п. — глаголы «достигательного» способа действия со значением достижения результата с трудом и преодолевая сопротивление (см. [Зализняк, Шмелев 2000: 117]; см. также о значении циркумфикса *до ...-ся* в [Mel’čuk 1987; Ефремова 1996: 112]);

(iii) *выбраться, забраться, взобраться, перебраться, пробраться, подобраться, собраться* <где-то> или <куда-то>, *убраться* <откуда-то>, то есть ряд глаголов, образованных от основы *браться* и обозначающих разные аспекты перемещения человека в пространстве, в том числе абстрактном (см. ниже). В большинстве из них имеется идея затрудненности перемещения и его целенаправленности; везде отсутствует его спецификация с точки зрения способа.

В значении *добраться* отчасти сохраняется связь с мотивирующим глаголом (*браться*) — в виде компонента ‘касаться руками’: что-то вроде ‘перебирая разные предметы, найти нужный’. Связь с этой идеей сохранилась и в том значении, которое является для современного языка основным, — в виде характерной сочетаемости с наречием *ощупью*:

- (7) ...когда же *ощупью* *добрался* до бани, стоявшей в ельнике, дождь обрушился на землю с такой силой, что, как в детстве, стали мелькать страшные мысли о потопе (Бунин);
- (8) Ярцев и Костя *ощупью*, как слепые, *добрались* до полотна железной дороги (Чехов).

¹⁷ Пример (5) взят из записей телефонной справочной службы «09», сделанных в 1980-е гг.

¹⁸ Глагол *добираться*, таким образом, должен быть включен в обширный список языковых выражений, включающих идею «препятствия» — ср. [Рябцева 1999]; идея «препятствия» содержится также в толковании глагола *мочь*, см. раздел II.5.

Синхронная словообразовательная семантика глагола *добраться* на первый взгляд не очевидна. Безусловной привлекательностью обладает трактовка глагола *добраться* как содержащего циркумфикс *до-...-ся*, указывающий на достижательный способ действия. Особенно обращает на себя внимание квазисинонимия глаголов *добраться* и *добиться*. Так, В. И. Даль дает выражение *Тут не доберешься толку*, соответствующее современному *Тут не добьешься толку*; с другой стороны, МАС среди значений глагола *добиться* выделяет значение ‘с трудом *добраться*, проникнуть к кому-либо, попасть на прием’: *К нему не добьешься*.

Действительно, у *добраться* имеется частичное соответствие схеме этого способа действия, ср. первую половину толкования из [Ефремова 1996: 112]: «добиться чего-либо, достигнуть какой-либо цели в результате интенсивного или длительного действия...» Однако вторая часть — «...названного мотивирующим словом» — к нашему случаю оказывается неприменима: действительно, значение ‘брать’ если и присутствует в значении интересующего нас глагола, то в качестве результата описываемой целенаправленной деятельности (*добраться* ≈ ‘достичь обладания этим, *взять* это’), но никак не в качестве ее содержания. Это обстоятельство не позволяет отнести глагол *добраться* не только к классу глаголов достижательного способа действия, но даже и к «примыкающим» к нему (ср. о глаголе *договориться* в [Зализняк, Шмелев 2000: 106]). В книге [Добрушина, Пайар 2001] значение глагола *добраться* (как и других подобных) конструируется из значений трех частей — глагола *брать*, приставки *до-* и постфикса *-ся*.

Однако наиболее убедительным решением представляется включение глагола *добраться* в ряд (iii), объединяющий его с другими глаголами затрудненного целенаправленного перемещения, образованными присоединением различных приставок к основе *-браться*. По справедливому замечанию Е. В. Падучевой (устное сообщение), возвратные глаголы движения всегда имеют рефлексивное (а не пассивное) значение. Так, можно в одной и той же ситуации сказать *Я разбил чашку* и *Чашка разбилась* но для *Я принес чашку* аналогичная перифраза невозможна: *принеслась* может означать лишь определенный вид самостоятельного перемещения. *Брать* значит ‘перемещать’, соответственно, *браться* — ‘перемещаться’. Хотя такого глагола перемещения *браться* в русском языке нет, но можно сказать: *Откуда ты взялся?*; *Откуда ни возьмишь*. Таким образом, *браться* как глагол перемещения в русском языке виртуально присутствует (ср., с другой стороны, множество рядов приставочных глаголов, для которых мотивирующий глагол как таковой отсутствует, что не затемняет прозрачности словообразовательной модели: *занять, отнять, унять* и т. п.)¹⁹.

Пара *добраться / добираться* обладает нетривиальными аспектуальными свойствами (которые противопоставляют ее всем трем приведенным рядам). Семантическое соотношение в этой видовой паре ближе всего к предельному (ср.: *решать* — *решить* <задачу>): ‘предельный процесс’ (несов. вид) — ‘событие, наступившее в результате этого процесса’ (сов. вид). Здесь, однако, имеется та особенность, что процессное значение у глагола несов. вида *добираться* возможно только в прош.

¹⁹ Виртуальному глаголу движения **браться* ‘перемещаться с трудом’ может быть сопоставлен функционально сходный с ним глагол *рваться* ‘перемещаться с силой’, также склонный к переносному употреблению (ср.: *дорваться, прорваться, вырваться, зарваться, оторваться* и т. д.).

времени²⁰ — и лишь при условии успешного завершения действия. Можно сказать *Два часа добирался до дома*, но нельзя **Два часа добирался, но так и не добрался* (в отличие от *Два часа решил, но так и не решил*). Актуально-длительного значения глагол *добираться* не имеет, ср. (например, при разговоре по мобильному телефону): *Что ты сейчас делаешь?* — **Добираюсь в Калугу / на дачу к Петру*. Запрет на конструкцию *делал, но не сделал* обусловлен несовместимостью значения глагола с семантикой конативности: так, можно сказать *разворачивался, но так и не развернулся* (об автомобиле) и даже *уходил, но так и не ушел*, но не **возвращался, но так и не вернулся* (домой) — ср. [Плунгян 2001б: 61]. Как оказывается, глаголом *добираться* может быть обозначена только успешная попытка: пока человек не *добрался*, нельзя обозначить его действия как *добирается*. Это значит, что содержащаяся в этом глаголе идея приложения трудноопределимых усилий и неопределенности результата (см. ниже) несводима к семантике попытки (это различие сходно с противопоставлением глаголов *пытаться* и *стараться*, описанном в разделе II.1).

У других глаголов движения с приставкой *до-* отсутствует не только актуально-длительное значение (**Я сейчас дохожу, доезжаю, доплываю* и т. п. *до дома*), но и имеющееся у глагола *добираться* дуративное значение, ср.: **два часа доходил, доезжал, доплывал* и т. п. (то есть пары типа *дойти / доходить*, аналогично *прийти / приходиться*, являются «тривиальными», см. [Зализняк, Шмелев 2000: 56]). Заметим, что между *добраться* и глаголами определенного движения с приставкой *до-* имеется еще и чисто семантическое различие, состоящее в том, что *добраться* обозначает преодоление всего пути целиком, в то время как глаголы типа *доехать* указывают лишь на его финальный участок. Это, однако, само по себе не объясняет запрета на обозначение прохождения финального участка пути при помощи форм типа *доезжать*. По-видимому, этот запрет имеет ту же природу, что и аналогичный запрет для глаголов движения с приставками *при-* и *у-* (то есть кроется в семантике приставки).

Если сопоставить глагол *добираться* с другими глаголами несов. вида с приставкой *до-*, то здесь может быть обнаружена некоторая аналогия. Так, в качестве ответа на вопрос *Что ты сейчас делаешь?* сомнительны фразы типа *Я сейчас доедаю суп; допиваю чай; дописываю статью* (ср., однако, в том же контексте вполне допустимое: *Я доедаю твой суп, чтобы не оставался*). Сходство с *добираться* обнаруживает также дуративное употребление и отношение к тесту на конативность: можно сказать *полчаса доедал суп, две недели дописывал статью*, но сомнительно в контексте *?но так и не доел, ?но так и не дописал* и т. п. Нельзя сказать **Он сейчас дотягивает до следующей зарплаты, доживает до понедельника, досиживает до конца урока* (все эти глаголы имеют лишь итеративное значение). Эта возможность возникает за счет определенных семантических сдвигов — как в следующих примерах (из [Janda 1986: 177]): в (9) происходит сдвиг в сторону расширенного настоящего; в (10) возникает иронический эффект.

- (9) Мы сейчас *доживаем* последние дни на даче;
 (10) «Чудеса» — подумал пассажир, купил билет, перевел часы у себя на руке и пошел *досиживать* на облупленной скамейке неизвестно откуда взявшиеся тридцать минут.

²⁰ То есть при описании этого процесса постфактум; такое значение иногда называют дуративным.

Для такого рода употреблений характерно наличие временного детерминанта в винительном падеже (ср.: *последние дни, тридцать минут*), указывающего на финальный отрезок и поддерживающего процессное значение глагола.

Наоборот, имперфективы от глаголов затрудненного перемещения с другими приставками свободно употребляются в процессном значении, ср.: *Я сейчас пробираюсь сквозь толпу, подбираюсь к окну, забираюсь на дерево*. Тем самым очевидно, что запрет на процессное значение порождается семантикой приставки.

Что касается глаголов с циркумфиксом *до-...-ся*, то те из них, которые представляют собой достигательный или иронически-результативный способ действия, обычно вообще не имеют регулярного имперфектива (ср.: *достучаться, добудиться, докричаться, доиграться, добаловаться, докупаться* <до воспаления легких>) — либо этот имперфектив не имеет процессного значения (*додумываться, докуриваться*). Не подчиняются этому правилу лишь наиболее употребительные глаголы — *дозвониться* и *дождаться*: можно сказать *Я до него полдня дозванивался, но так и не дозвонился* или *Полчаса дождался, но так и не дождался*. «Полноценное» процессное значение имеется также у таких глаголов, как *добиться* или *договориться*, где семантика способа действия ослаблена. Однако аналогии с поведением пары *добраться/добираться* мы все же не находим.

Глагол *добраться* может быть сопоставлен с еще одним глаголом, содержащим тот же циркумфикс и обладающим иной, но тоже уникальной аспектуальной семантикой, — с глаголом *догадаться* (этот глагол примыкает к глаголам достигательного способа действия, будучи образован от *гадать* при помощи циркумфикса *до-...-ся*, — но не относится к этому классу). Как было показано в [Булыгина, Шмелев 1989б], *догадываться* не обозначает ни процесса, ведущего к событию *догадаться*, ни состояния, наступившего после него: эта пара вообще не имеет себе подобных с точки зрения представленного в ней семантического соотношения. В отношении недопустимости конструкции **догадывался, но не догадался* этот глагол, однако, сходен с *добираться*.

Еще одной особенностью глагола *добираться* (в несов. виде) является то, что он ни при каких условиях не сочетается с отрицанием: **Я не добирался домой / в Калугу / на дачу к Петру*. Этот запрет не преодолевается даже в контексте противопоставления (**Я не добирался домой — меня отвезли на машине*).

Что касается собственно лексической семантики глагола *добраться/добираться*, то вариативность здесь возникает за счет следующих параметров: имеется в виду перемещение в физическом или ином пространстве; целью перемещения является объект физической или «идеальной» природы (эти два параметра до некоторой степени независимы — например, в *добраться до начальства* целью перемещения является в том числе физический объект, однако перемещение происходит не в физическом пространстве); перемещается ли сам субъект (или только его руки, ср. пример (11)); находится ли в фокусе идея контакта с объектом, являющимся целью перемещения, и др. Различные комбинации значений этих параметров дают то, что можно было бы называть разными частными значениями этого глагола.

Тот тип употребления, который мы считаем центральным (см. примеры (1—6)), характеризуется следующими признаками: имеется в виду перемещение субъекта из одной точки физического пространства в другую, целью которого является нахождение в некоторой точке пространства.

Приведем примеры употреблений, где реализуются другие значения перечисленных выше параметров.

1. В фокусе находится контакт с объектом:

- (11) Эти глупые шиньоны! До настоящей дочери не *доберешься*, а ласкаешь волосы дохлых баб (Л. Толстой);
- (12) Страстно хотелось все испытать, до всего *добраться*, пропустить сквозь себя пятнистую музыку, пестрые голоса, крики птиц и на минуту войти в душу прохожего, какходишь в свежую тень дерева (Набоков).

Центральное положение идеи контакта с объектом может давать такое семантическое развитие, при котором *добраться* означает 'расправиться с кем-то': *Ну теперь я до тебя доберусь!* Это значение может совмещаться с обычным значением перемещения, ср.:

- (13) Пока бы до нас *добрались*, мы отвоевали бы год жизни, а это выигрыш (Пастернак).

2. Перемещение по воображаемому пути (не в физическом пространстве):

- (14) Теперь же решился он во что бы то ни стало *добраться* до таможни, и *добрался*. За службу свою принялся он с ревностью необыкновенною (Гоголь)²¹;
- (15) Впрочем, замечательного немного было в афишке: давалась драма г. Коцебу, в которой Ролла играл г. Поплевин, Кору — девица Зяблова, прочие лица были и того менее замечательны; однако же он прочел их всех, *добрался* даже до цены партера и узнал, что афиша была напечатана в типографии губернского правления... (Гоголь);
- (16) *добраться* до сути, до причины;
- (17) Читаю том, другой, третий, — наконец *добралась* до шестого, — скучно, мочи нет (Пушкин).

Возможно также совмещение в одном слове идеи преодоления физического пространства и одновременно препятствий непространственного характера:

- (16) Была, правда, мысль, связанная с Москвой: *добраться* до своей старой редакции (К. Симонов);
- (17) Ну как, удалось тебе *добраться* до декана?

Здесь глагол *добраться* указывает как на собственно перемещение (в редакцию, в деканат), так и на совершение каких-то действий, не связанных с перемещением (например, если редакция переехала, узнать, где она находится, и т. п.; узнать приемные часы декана и застать его на месте, добиться приема и т. п.).

Как справедливо отмечается в упомянутой работе [Добрушина, Пайар 2001: 153], если цель субъекта *добраться* понимается не как местоположение, то его действия трактуются не как передвижение, а применительно к этой цели. Так, в приводимом там же примере (18) *добрался* означает просто, что *людоед* начал использовать *слуг* в качестве еды не сразу, а когда кончились *бараны, коровы и лошади*.

- (18) Людоед принялся опустошать замок: сначала съел баранов, коров и лошадей, потом *добрался* до слуг и съел всех, одного за другим (А. Волков).

3. Перемещение неодушевленного объекта:

- (19) Это письмо нескоро до тебя *добрется* (Пушкин);

²¹ Сочетание *добраться до таможни* может обозначать также перемещение в обычном физическом пространстве; здесь, однако, как следует из контекста, имеется в виду перемещение в «идеальном» пространстве «карьерной лестницы».

- (20) а. «Елизавета» Ш. Капура *добралась* до российских экранов («Литературная газета», 1999, № 43);
 б. «Елизавета» Ш. Капура *добиралась* до наших кинотеатров почти год (Там же).

2.2. ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Согласно определению Малого академического словаря русского языка, *добраться* означает «с трудом или нескоро дойти, доехать и т. п. до какого-то места, предмета». Однако этот глагол включает еще одну идею — представляя процесс преодоления пространства не только как долгий и трудный, но еще и в какой-то степени непредсказуемый, т. е. неподконтрольный субъекту. Естественно предположить, что долгий и соответствует пресловутым русским просторам, трудный — известному качеству российских дорог, непредсказуемость же возникает как результирующая множества факторов, препятствующих успешному достижению цели путешествия, среди которых можно назвать: нерегулярность движения общественного транспорта, поломки транспортных средств, отсутствие бензина на бензоколонках, отсутствие регулярного сообщения на каких-то участках дороги (когда нет другого способа *добраться*, кроме как на попутном транспорте или пешком), вообще отсутствие дороги или ее непроходимость из-за дождей или снежных заносов и т. д. Ср. следующие очень типичные контексты:

- (21) При переезде с одного конца города в другой он всецело зависел от несчастных, шлепающих рысцей ванек, и хорошо если попадал на первый урок с опозданием в четверть часа, а на второй опаздывал вдвое, к четырехчасовому он *добирался* уже около половины шестого (Набоков)²²;
- (22) Летом 37-го года мы поехали в дачный поселок Свистуха по Савеловской дороге — одно из красивейших мест Подмосковья... *Добирались* мы туда на открытом грузовике, я с Надей и кошкой в кабине, а мама в кузове на вещах. В дороге нас застигла гроза с проливным дождем. Немного не доехав до места, мы застряли в размокшей дороге. Пришлось маме, а уже стемнело, идти в деревню и просить мужиков о помощи. Подложили слеги и, наконец, промокшие и продрогшие, мы отыскивали дачу, перебудив хозяев... (А. Баранович-Поливанова. Оглядываясь назад).

Указанные особенности семантики глагола *добираться* проявляются в типичной сочетаемости: *удалось добраться; чудом, еле, кое-как, наконец, благополучно добрался; как-нибудь, бог даст доберемся* и т. п.

Передвижение на собственном автомобиле, по-видимому, несколько снижает степень зависимости человека от обстоятельств — по крайней мере, снижается вероятность употребления глагола *добираться*; оно, однако, не вовсе исключено (ср.: *Из-за пробок я добирался на работу полтора часа*). И все же, задавая вопрос, если речь идет о передвижении на машине, мы скорее употребим глагол *доехать* (*Как туда доехать?*) — в отличие от аналогичного вопроса в общем случае.

Вообще говоря, заторы на дорогах, аварии, стихийные бедствия и другие препятствия перемещению в пространстве существуют во всем мире, но это обстоятельство обычно не включается в значение глагола. Так, например, по-французски

²² Ср. употребление в этом примере глагола *попасть*, сходного с *добраться* в отношении неконтролируемости.

можно сказать: *La route était tellement bouchée que nous avons mis deux heures pour arriver à l'aéroport* — букв.: Дорога была так забита, что мы *положили два часа на то, чтобы доехать* до аэропорта (ср. также по-английски: *It took two hours to get to the airport*). По-русски это выражается одним словом *добраться*. Предложения с глаголом *добраться* переводятся, скажем, на французский язык либо при помощи глагола *arriver* — и при этом идея преодоления препятствий просто теряется, — либо она выражается специальными лексическими средствами, ср.:

(23) Как туда *добраться*? — *Comment faire pour y arriver?*

(24) Как ты вчера *добралась*? — *Tu es bien rentrée hier? Tu es rentrée sans problèmes?*

Итак, согласно русскому глаголу *добираться*, перемещение в пространстве — дело настолько трудное, что способ перемещения несуществен: лишь бы *как-нибудь* (согласно Далю, третья составляющая «русской души» — наряду с *авось* и *небось*). Поскольку расстояния обычно такие, что преодолеть их пешком не представляется возможным, это *как-нибудь* означает «на каком-нибудь виде транспорта» (а чаще на нескольких) — какой *попадется, случится* по пути. Для этого имеется готовое устойчивое сочетание — *добираться на перекладных* (которое изменило свое значение по сравнению с XIX в.: новое значение отчасти ощущается как переносное, из-за чего это выражение может употребляться в кавычках). Ср.:

(25) Но он был еще молод и мало бит, и потому предстояло ему *добираться* до тылов на «перекладных» (В. Астафьев).

Идея непредсказуемости результата перемещения, обозначаемого глаголом *добираться*, включает этот глагол в широкий круг лексических и грамматических средств русского языка, позволяющих представить собственное действие как не полностью контролируемое (ср. раздел II.1, а также [Wierzbicka 1992a: 413—430]).

В частности, *добраться* входит в группу глаголов с тем же корнем, что и *собраться* <что-то сделать> и *выбраться* <куда-то> или <к кому-то>²³; содержательно они связаны между собой таким образом, что все три глагола описывают разные аспекты внутреннего состояния человека, находящегося перед необходимостью куда-то перемещаться: для этого надо *собраться* и *выбраться*, а потом еще и *добраться*. Все эти глаголы представляют действие по перемещению в пространстве как не полностью руководимое собственной волей субъекта, при этом *выбраться* акцентирует трудность начального этапа этого пути, *добраться* — финального (о глаголе *собираться* см. раздел III.1).

Все три глагола могут обозначать движение в метафизическом пространстве, отделяющем намерение от его осуществления, которое затрудняется метафизическими же причинами, ср.: *Никак не доберусь* <до чего-то / кого-то> — почти такое же характерное, как *Никак не соберусь* <что-то сделать> или *Никак не выберусь*²⁴. При этом фраза *Сегодня я, пожалуй, до тебя не доберусь* звучит несколько менее «обидно»,

²³ Заметим, что у глагола *выбраться* в данном значении модель управления не *откуда* (ср. *выбраться из канавы, из толпы*), а *куда* (*в гости, к врачу, на концерт*); эта двойственность заложена в значении приставки *вы-*, ср. раздел I.2.5. У глагола *добраться* по мере утверждения его в качестве глагола движения также появляется, наряду с *до чего*, управление *куда* (*домой, на вокзал, в аэропорт, туда, сюда* и т. п.).

²⁴ При этом в отличие от глаголов *собираться* и *добираться* глагол несов. вида *выбираться* <к кому-то, куда-то> не имеет процессного значения: **Я сегодня долго к тебе выбирался* (ср. *Я долго выбирался из канавы*).

чем ...к тебе не соберусь, — так как в большей степени возлагает ответственность на обстоятельства, воспрепятствовавшие осуществлению уже, быть может, начавшегося действия. В русском языке есть еще выражение *Никак руки не дойдут* <что-то сделать> (объединяющее смыслы «никак не соберусь» и «никак не доберусь»), где субъект вообще устранен и отсутствие контроля над собственными действиями выражено тем самым в еще более откровенной форме.

Имеется контекст, где глагол *добраться* оказывается практически синонимичен *собраться* — когда последний выступает в конструкции с зависимым инфинитивом и опущенным кореферентным субъектом, ср. (26а) и (26б):

(26) а. *Никак не соберусь* написать эту статью.

б. *Никак не доберусь* до этой статьи.

Предложение (26б) семантически неопределенно — в нем может подразумеваться любое действие, нормально совершаемое с названным объектом, в данном случае — прочитать, написать, отредактировать и т. д. Если идет речь о том, чтобы, например, прочитать некоторую статью, то в значение глагола *добраться* может входить и пространственная составляющая (например, необходимость переместиться в библиотеку), но, когда речь идет о написании статьи, становится ясно, что как сам «путь», так и «препятствия» на этом пути имеют метафорическую природу: человек *как бы* перемещается в пространстве собственных жизненных действий. В частности, здесь в чистом виде выступает метафизический характер «препятствий»: характеризуя ситуацию словами *Никак не доберусь* <до такого-то дела>, человек представляет ее — пользуясь средством, которое услужливо предлагает ему русский язык, — как вынужденную некими внешними обстоятельствами («препятствиями на пути» к этому делу), хотя реально речь идет не о каком-то внешнем принуждении, а скорее о собственном внутреннем состоянии субъекта.

2.3. Глагол ДОБИРАТЬСЯ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Как известно, в русском языке нет стилистически нейтрального глагола неспецифицированного перемещения. По-видимому, эта лакуна постепенно заполняется глаголом *добираться*, который применяется ко всем способам целенаправленного перемещения. Экспансия этого глагола в современном русском языке сопровождается ослаблением, «выветриванием» тех дополнительных смыслов, о которых шла речь выше, благодаря чему он фактически принимает на себя функцию родового термина (подобно, например, франц. *arriver*). Об этом свидетельствуют вполне допустимые в современном языке предложения типа следующего:

(27) Я предпочитаю этот магазин, потому что туда *легче* [или даже: *легко*] *добираться*.

На основании всего сказанного выше может быть реконструирована структура полисемии глагола *добираться*, которая одновременно отражает логику его семантической эволюции (перераспределение коммуникативной значимости имеющихся компонентов и их переосмысление):

перемещение в некоторую точку пространства для достижения контакта с объектом, сопряженное с преодолением препятствий

==> 1. перемещение в некоторую точку физического пространства, сопряженное с преодолением препятствий [*Два часа добирался до дома*]:

==> 1.1. перемещение в некоторую точку физического пространства [*Как добраться до Домодедова*];

==> 1.2. достижение контакта с объектом [*Ну, я до тебя доберусь!*];

==> 2. перемещение в некоторую точку абстрактного пространства, сопряженное с преодолением препятствий [*Добрался до шестого тома*]:

==> 2.1. преодоление метафизических препятствий для осуществления какой-то деятельности [*Никак не доберусь до этой статьи*].

В семантической эволюции обсуждаемого глагола прослеживаются две тенденции, в некотором отношении противоположные. С одной стороны, идея непредсказуемости, неполной контролируемости процесса перемещения в пространстве, становясь общим местом, перестает акцентироваться: затрудненность перемещения воспринимается как норма, в результате чего глагол *добираться* оказывается в роли обобщающего глагола неспецифицированного перемещения.

С другой стороны, наоборот, исчезает, метафорически переосмысляясь, компонент перемещения в физическом пространстве. Это явление, то есть перенесение из физического пространства в то или иное «идеальное» — социальное (*выйти в генералы*), ментальное (*ход мысли*) и др. — характерно, вообще говоря, для многих глаголов движения (см., в частности, [Аругюнова 1979; Зализняк 1999а; Падучева 1999; Розина 1999б]). Подобные переносные значения были у глагола *добраться* уже в XIX в. Новый шаг на этом пути состоит в том, что пространством «идеального» перемещения оказывается пространство собственных действий субъекта (таким образом, характерный российский ландшафт со всеми его особенностями как бы переносится во внутренний мир). Как уже говорилось, это вводит глагол *добираться* в круг специфических для русского языка средств снятия ответственности за свои поступки. Аналогичный процесс, т. е. расширение, прежде всего в разговорном языке, того типа употребления, которое включает лингвоспецифический концепт, характерен и для других языковых единиц — ср. слова: *вышло, получилось, сложилось* <+ инф.> (раздел III.1.5), *счастье* (III.4.4), *общаться* (III.6.1) и др. Действительно, как справедливо отмечает А. Д. Шмелев [Шмелев 2001], слова, заключающие в себе лингвоспецифические концепты, обладают особой мобильностью в отношении семантических изменений.

3. КОМПАКТНОСТЬ VS. РАССЕЯНИЕ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Для русской языковой картины мира весьма существенным является пространственное измерение. Пространственные категории как свойства физического мира регулярным образом метафорически переосмысляются как категории внутреннего мира; но при этом в своем исходном, физическом аспекте они продолжают сохранять актуальность и участвуют в построении концептов одновременно с выросшими из них абстрактными идеями (об этом свидетельствует, в частности, анализ слов *удаль*, *размах*, *разгул*, *воля*, *широта*, *уют*, *тоска* и др. в работах [Шмелев 1997а; 2000а; Левонтина, Шмелев 2000а]).

Один из важных концептов внутреннего мира, построенный на основе пространственной метафоры — *собраться*. Анализ этого глагола, а также ряда других лексических единиц позволяет сделать вывод о том, что в представлении русского языка активная деятельность возможна только при условии, что человек предварительно собрал воедино свои душевные ресурсы, как бы сосредоточив их в одном месте (см. раздел III.1). Идея «собрания» того, что рассредоточено по широкому пространству, вообще является важным мотивом в русских языковых представлениях. Не случайно главная церковь в городе по-русски называется *собор*, *кафоллическая* церковь переводится как *соборная* (что не соответствует внутренней форма оригинала: *καθολικός* — ‘всеобщий’); пакование вещей в дорогу концептуализуется как *сборы*; заметим, что *собрать* в этом смысле — тоже лингвоспецифичный концепт [Шмелев 2002а: 145].

Состоянию *собранности* и *сосредоточенности* противостоит состояние *распущенности* и *разврата*. При этом идея рассредоточенности (имеющая в данном случае одновременно пространственное и этическое измерение) содержится уже в семантике самой приставки *раз-*.

Центральным для этой проблематики является слово *разврат*; в современном русском языке оно имеет два основных значения, которые приблизительно можно охарактеризовать следующим образом: 1) морально осуждаемое поведение, имеющее целью получение удовольствия, связываемое с представлениями о праздности, об излишестве или расточительстве, о «потакании» своим слабостям; 2) морально осуж-

* В основу данного раздела положена статья [Зализняк, Шмелев 2003].

даемое сексуальное поведение²⁵. Нас будет интересовать в большей степени первое значение («этическое»); именно оно является лингвоспецифичным.

Это значение синтаксически обусловлено: оно реализуется лишь в позиции предиката: *Возить ребенка в школу на такси — это разврат*. Поэтому, например, выражение *заниматься развратом* не может пониматься в этом значении. Ср. следующий пример из воспоминаний А. Баранович-Поливановой:

- (1) Мне было 20 лет, когда я вышла замуж, — в ту пору это было редкостью, и ранние браки были не приняты, так вот эта девица ни с того, ни с сего брякнула: «*Занимается* всяким *развратом*»...

Здесь, очевидно, имеется в виду второе значение, хотя сквозь него и «мерцает» первое: ранний брак, по представлениям той эпохи, разделяемым, по всей видимости, упомянутой девицей, — это *разврат* и в том смысле, что он означает пренебрежение своим долгом (получать образование, овладевать профессией и т. д.) ради удовольствий «личной жизни».

Непредикативное употребление слова *разврат* в интересующем нас значении находится на грани нормы и может использоваться как прием, ср.:

- (2) Несolidные заведения, предлагающие чашку кофе и какой-нибудь шоколадный *разврат* и не требующие от своих клиентов массивных капиталовложений, особого доверия не вызывали. Ровно до тех пор, пока я совершенно случайно не попала в «Кофе Бин» на Тверской и не выпила там сумасшедше вкусное кафе-латте с шоколадным сиропом и не съела тот самый шоколадный *разврат*, сопроводив его кремом-карамелью, шоколадным же муссом, яблочным и клубничным штруделем («Известия», 11 янв. 2002 г.).

Отметим также, что если производные *развратить(ся)*, *развращать*, *развращенный* могут мотивироваться данным значением, то прилагательное *развратный*, как и существительное *развратник*, может быть соотнесено только со значением сексуального *разврата*. Приведем в связи с этим известный эпизод из рассказа Зощенко «Аристократка»:

- (3) И сама в буфет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные.
А я этаким гусем, этаким буржуем нерезаным вьюсь вокруг ее и предлагаю:
— Ежели, говорю, вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.
— Мерси, — говорит.
И вдруг подходит *развратной походкой* к блюду и цоп с кремом и жрет.

Сочетание *развратная походка* содержит, очевидным образом, игру слов — так как помимо стандартного осмысления, в данном контексте неуместного («походка, характерная для *развратной женщины*»), возникает отнесенность к *разврату* в другом смысле: есть пирожные — это *слишком дорогое удовольствие*.

По-русски *Это разврат* можно сказать, например, про следующие действия: спать до полудня, пить кофе в постели, курить в постели, кормить собаку с общего стола,

²⁵ Для полноты картины следовало бы упомянуть еще одно значение, ставшее периферийным, которое, однако, было весьма характерно для русской литературы XIX в., — относящее к идее *вседозволенности*, пренебрежения нормами морали, ср.: *Одно время в городе передавали о нас, что кружок наш рассадник вольнодумства, разврата и безбожия; да и всегда крепился этот слух. А между тем у нас была одна самая невинная, милая, вполне русская веселенькая либеральная болтовня* (Достоевский. Бесы). Это значение сохранилось в прилагательном *развращенный*. Ср. в связи с этим обсуждение двусмысленности лермонтовского *наперсники разврата* в [Николаева 2000].

съесть каждый день по коробке конфет, покупать себе каждый год новую шубу, есть ложками черную икру, стричь собаку у парикмахера, брать с собой жену на международную конференцию, два часа пить чай, сорок минут разговаривать по телефону и т. п.²⁶ (При этом если телефон междугородный, то *разврат* состоит в первую очередь в том, что это дорого; но *развратом* можно назвать и двухчасовую беседу по местному — т. е. бесплатному или почти бесплатному — телефону, если говорящий считает, что обсуждаемый персонаж, вместо того чтобы разговаривать, должен был бы заняться каким-либо более полезным делом.) Характеризуя такие действия как *разврат*, говорящий выражает свое моральное осуждение. Однако, очевидно, далеко не всякое морально осуждаемое действие можно назвать *развратом*. Нечестность, недобросовестность, душевная черствость, жадность и т. д., несомненно, морально предосудительны, однако к концепту *разврата* они не имеют отношения.

Как же определить множество действий, которые подходят под категорию *разврата* (даже если отвлечься от того, что у разных людей могут быть разные представления о «норме» потребления конфет или денежных затрат на ту или иную вещь)? Прежде всего, *разврат* — это действие или занятие, целью которого является получение *удовольствия*. Надо сказать, что категория *удовольствия* в русской языковой картине мира аксиологически неустойчива и легко приобретает отрицательную коннотацию, см. раздел III.4.2. В данном случае существенно также, что речь идет не о любом удовольствии, а о *незаслуженном* удовольствии, выходящем за пределы того, что человеку, по мнению говорящего, «положено». Иногда речь может идти даже не столько об *удовольствии* в собственном смысле слова, сколько о *незаслуженной роскоши*. Показателен в этом отношении следующий диалог (приведенный Е. Н. Ширяевым в другой связи):

- (4) А. А где можно купить ручку с золотым пером / не очень дорогую? Б. Нечего тебе с ума сходить / золотое перо / это же теперь только у миллионеров и президентов / *разврат* какой-то...

Заметим также, что в представлении о *разврате* участвуют некоторые глобальные оценочные стереотипы. Так, целый комплекс вошедших в русский язык церковнославянизмов, указывающих на удовольствия или морально осуждаемую погоню за ними, включает в себя корень *слад-*: *сладостный*, *наслаждение*, *сластолюбие*, *сладострастие*. Это соответствует общеязыковой оценке излишнего пристрастия к сладкому как одной из форм *разврата*. Действительно, этим словом можно обозначить привычку пить чай с большим количеством сахара, но вряд ли оно применимо к человеку, который неумеренно перчит или солил свою пищу (хотя и в том и в другом случае речь идет об особых вкусовых пристрастиях). Таким образом, прилагательное *сладкий* в переносном значении — это ‘доставляющий удовольствие’, и с ним происходит то же, что со словом *удовольствие* (т. е. смещение в отрицательную аксиологическую зону). Интересно, что у англ. слова *sweet* совершенно иная структура многозначности — она гораздо богаче, но «отрицательные» значения отсутствуют (ср. [Dirven 1985: 16]).

²⁶ Интересно сравнить слово *разврат* в данном значении с фразеологизмом *больно жирно*. Разница здесь, во-первых, в том, что *больно жирно* не содержит собственно морального осуждения, а скорее просто намерение воспрепятствовать получению чрезмерного удовольствия (и в этом смысле *больно жирно* направлено в будущее); во-вторых, выражение *больно жирно* относится к конкретному намерению конкретного лица, тогда как *это разврат*, даже будучи сказанным по конкретному поводу, носит общий характер.

Итак, *разврат* — это удовольствие, но при этом не всякое, а лишь получаемое в *состоянии расслабленности*. Именно поэтому, в частности, оно воспринимается как *незаслуженное*: это такой вид удовольствия, который не требует приложения усилий (ср. пример (2), где речь идет о получении удовольствия с минимальной затратой усилий, что, безусловно, противоречит русской «наивной этике»). Характерны примыкающие к *разврату* слова и выражения: почти нейтральное *позволить себе* <часок полежать в постели, ничего не делая> и содержащее однозначное моральное осуждение *потакать* <чьим-то слабостям> (например, лени, пристрастия к сладкому и т. п.)²⁷. С другой стороны, вряд ли слово *разврат* применимо к человеку, который каждое воскресенье проходит 100 км на лыжах или упражняется в решении квадратных уравнений (даже если он это делает исключительно с целью получения удовольствия).

Вернемся теперь к приставке *раз-*. Наш тезис состоит в том, что идея *расслабленности* поддерживается метафорой *рассредоточенности*, содержащейся в значении приставки *раз-*²⁸. Рядом с *развратом* в русском языке имеется два других характерных слова с этой же приставкой — *распутство* (*распутный*) и *распущенность*. Заметим, что оба эти слова происходят от глагола *распутить* (для *распутства* первоначальная форма — *распустство*)²⁹. Под влиянием народной этимологии они втянулись в семантическое поле *пути* и *распутицы* — см. [Шмелев 1964б]. Одним из факторов этой ретимологизации, по всей видимости, явилась внутренняя форма концепта *разврата*, в котором идея искажения правильного пути (ср.: *зablуждение*, *блуд* и т. п.) предстает в виде *рассеяния* в пространстве (а не отклонения от прямого пути, как в других языках).

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть действий, характеризующихся как *разврат*, обозначается глаголами с приставкой *раз-* (точнее, здесь использована составная морфема, состоящая из приставки *раз-* и суффикса *-ива-/-ва-/-а-*): *рассиживать*, *разлеживать*, *распивать* <чай>, *разъедать* и т. п. Если попытаться сформулировать толкования этих глаголов, то окажется, что они отличаются от исходных (*сидеть*, *лежать*, *пить* <чай>, *есть* и т. п.) в точности теми смысловыми компонентами, которые выше были перечислены как составляющие понятия *разврат* (получение удовольствия, расслабленность, излишество и т. д.). Разве что степень осуждения в слове *разврат* существенно больше. Действия, обозначаемые глаголами с циркумфиксом *раз-...-ива-/-ва-/-а-*, трактуются говорящим как производимые «просто так», «для удовольствия», и именно «беззаботность» субъекта такого

²⁷ *Позволить себе* сочетается с обозначениями в точности того же набора действий, что и это *разврат*, ср.: *Я всю неделю работал, как вол, могу себе позволить в воскресенье поспать до полудня*. И наоборот: *Я не могу себе позволить каждый день разговаривать с подругами по телефону, каждую неделю ходить в театр, каждый год покупать новую шубу* и т. д. Речь идет о том, превышена или нет «норма» затрат времени или денег на удовольствие.

²⁸ В работе [Крылова 2004] описана большая группа русских слов, представляющих разные типы поведения, связанного с нарушением этических и социальных норм, при помощи метафоры ослабления сдерживающей «веревки». При этом обращает на себя внимание тот факт, что большинство из них содержат приставку *раз-* (ср. прилагательные *раскованный*, *развязный*, *разболтанный*, *развинченный*, *расхлябанный*, *разнузданный*, *раскрепощенный*, *распущенный* и соответствующие глаголы, а также существительное *распустеха*).

²⁹ *Распущенность* может пониматься как обратная сторона *свободы* (о различии между этими концептами см. [Кошелев 1991]). Упомянем в связи с этим также обычай пеленать ребенка и связанное с ним определение *свободы* как «ощущения счастья, вызываемое отсутствием давления, сжатия, каких-то тесных, сдавливающих оков» [Вежицкая 1999: 455].

действия вызывает раздражение (ср. также глаголы: *распевать*, *разгуливать*, *расхаживать* и т. п.). *Разгуливают*, *расхаживают*, *распивают чай* и т. д. вместо того, чтобы *заняться делом*. Все это позволяет говорить о том, что приставка *раз-* входит в широкий круг разнообразных единиц (лексических, синтаксических и др.) русского языка, несущих в себе идею «безответственности» («бесцельности», «беззаботности»), которая является весьма важной составляющей русской языковой картины мира. Эти компоненты — чисто оценочные; ср. характерный пример из работы [Левонтина, Шмелев 1999]: *Но надзиратели запрещали ночью разгуливать по камере* (А. Рыбаков). Здесь явно подразумевается просто запрещение ходить, которое как бы оправдывается тем, что это действие в данном случае концептуализуется как *разврат*. Носителем указанной концептуальной конфигурации является именно морфема *раз-...-ива-/-ва-/-а-*, которая строит данный концепт при помощи метафоры «рассредоточения в пространстве».

Итак, приставка *раз-* несет в себе следующие идеи: (1) занятие большего по сравнению с некоторой нормой пространства; (2) рассредоточенности, рассеяния; (3) уничтожения путем этого рассеяния; (ср.: туман *рассеялся*, *распылять* <себя>, *развеять* <по ветру>, *рассыпаться*, компания *распалась*, *распустить* <вязание, собрание> и т. п.)³⁰. Первая из этих идей соответствует содержащейся в слове *разврат* идее «превышения нормы» (потребления конфет, денежных затрат и т. д.). Вторая идея включает приставку *раз-* в круг языковых средств, выражающих весьма важную для русской языковой картины мира оппозицию, противоположным членом которой является идея *сосредоточенности*, *собранности* (этот концепт связывается, соответственно, наоборот, с идеей компактности, малого пространства). Заметим, что в обоих членах оппозиции за «прямым» (пространственным) значением довольно ясно просматривается «переносное» (непространственное): это значение «внутренней собранности», то есть состояние мобилизации душевных и умственных сил, оцениваемое положительно, — в противоположность морально осуждаемой *распущенности*. Что касается третьей идеи (уничтожение путем рассеяния), то она указывает на то, что *разврат* с точки зрения русского языка — это то, в результате чего уничтожается нравственная сущность человека (который, выходя за некие рамки, оказывается во власти *хаоса*).

Показательно также сопоставление слова *разврат* с некоторыми другими словами с приставкой *раз-*, указывающими на беспорядок в этической сфере и выражающими моральное осуждение, например со словом *разложение*, отличающимся как от *распущенности*, так и от *разврата*. Слово *разложение* метафорически развивает идею разложения органических веществ (и соответственно, тела человека после смерти), т. е. реализует общую метафору «душа — тело» (см. раздел I.3.3); ср. сходную метафору в словосочетании *распад личности*.

О соотношении *разложения* и *разврата* можно сказать следующее.

Прежде всего, слова *разврат* и *разложение* различаются своим синтаксическим потенциалом: слово *разврат* употребляется только в позиции именной части сказуемого, а для *разложения* такое употребление, наоборот, не характерно. Кроме того, как уже говорилось, высказывание *Это разврат* всегда представляет собой общее суждение: человек — объект оценки здесь имеет родовой статус: *Спать до двенадцати — это разврат*; *Съесть три пирожных подряд — это разврат*. Что же касается слова *разложение*, то оно характеризует конкретную ситуацию и представляет собою

³⁰ Отсюда — «негативное» значение приставки *раз-*: *разминировать*, *разлюбить*, *раздумать* и т. п., ср. [Sakhno 1998a].

номинализацию глагола *разложиться*, ср.: *Он совершенно разложился — Он дошел до полного разложения. Разложение*, в отличие от *разврата*, всегда предполагает деградацию по сравнению с имевшим когда-то место «нормальным» состоянием (и это связано с тем, что разложение — результат номинализации). Поэтому слово *разложение* неприменимо, когда речь идет, например, о детях. Моральное *разложение* имеет место, когда человек постепенно пришел в такое состояние, в котором он не считает нужным исполнять свой долг — например, если он отлынивает от работы или изменяет жене (в советском языке словосочетание *моральное разложение* было устойчивым эвфемизмом для этого последнего случая).

Показательно также сопоставление глаголов *разложить* и *развернуть*. *Разлагать* армию противника — значит делать так, чтобы она *разложилась*, т. е. перестала выполнять свои функции. Не случайно в советское время говорили именно о *разлагающем* (а не *развращающем*) влиянии буржуазного образа жизни на советского человека. *Разложение* в природе часто сопровождается гниением; это гниение метафорически переосмысливается как порча³¹. У слова *разлагающий* (в рассматриваемом переносном смысле) есть синоним *тлетворный*, имеющее в современном русском языке только переносное значение (ср. советское клише *тлетворное влияние Запада*). *Разлагающий* — значит приводящий к тому, что человек теряет представление о том, что он должен выполнять свой долг, а *развращающий* — к тому, что он привыкает к «хорошей жизни» и к возможности удовлетворить любую свою прихоть (поэтому говорят, что *власть развращает*).

Упомянем также *разболтанность*, которая возникает из-за отсутствия внешнего ограничения и, подобно *распущенности*, может пониматься как обратная сторона свободы, и глаголы *распоясаться* и *распуститься* (в переносном значении). Если *распустился* говорят о человеке, оценивая его внутреннюю эволюцию на большом временном промежутке, то *распоясался* может указывать на актуальное поведение.

И наконец, в заключение, чтобы реабилитировать приставку *раз-*, надо сказать, что она может выступать не только как носитель *хаоса*, но и, наоборот, как показатель *космоса*: если выйти за пределы этического пространства, то окажется, например, что *разобрать свой письменный стол* — это значит ‘навести порядок’. Эта же идея лежит в основе выражения *разбираться* <в чем-либо> (‘хорошо понимать’); можно также *разобраться* <в инструкции по эксплуатации пылесоса>; *разобрать* надпись на мало-знакомом иностранном языке и т. д. Здесь везде в основе лежит идея упорядочивания путем разделения на значимые элементы. Отсюда — всякие уголовные и политические *разборки* (в основе — идея *порядка*); ср. также: *Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи* (Пушкин. Капитанская дочка).

Итак, в этической сфере имеет место следующая корреляция: компактность метафорически переосмысливается как космос, порядок, а рассеяние — как хаос, беспорядок. Но при переносе в интеллектуальную сферу соотношение обратное: ср. метафорическое осмысление выражений *разложить все по полочкам* (внести порядок и благодаря этому ясность в понимание какой-то проблемы) и *свалить все в одну кучу* (неправомерно соединить вместе факты или идеи, которые следует различать, внося тем самым в понимание проблемы беспорядок и хаос).

³¹ Ср.: «Он не вполне точно представлял значение слова *разложенец*, в его сознании возникла отвратительная картина: темно-коричневая, насквозь прогнившая и жидкая от гнилости груша» (Ю. Трифонов. Исчезновение).

4. СЧАСТЬЕ И НАСЛАЖДЕНИЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА *

4.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Исследование языковой картины мира находится, очевидно, на границе лингвистики и других наук: культурной антропологии, этнопсихологии, поэтики. Однако, как хотелось бы думать, это не означает, что границы лингвистики в этом месте расплываются. Наоборот, именно в силу пограничности данной проблематики здесь должны быть проведены четкие разграничения: между информацией, содержащейся в самом языке и из него извлекаемой, и информацией, полученной путем анализа других объектов — прежде всего, текстов на этом языке (то есть поэтических метафор, мотивов и идей, содержащихся в произведениях литературы, фольклора и т. д.), а также результатов тех наук, объектом которых является (говорящий на данном языке) человек, использующих, в свою очередь, любые свидетельства. Все эти объекты должны исследоваться отдельно и независимо. Языковую картину мира образуют лишь те смыслы, которые входят в значения языковых единиц; если же между собственно лингвистическими и прочими данными обнаруживаются какие-то систематические схождения, то это, очевидно, является лишь подтверждением правильности полученных результатов³². Соответственно, пословицы, поговорки и другие вошедшие в язык тексты, в том числе авторские (ср.: *ум с сердцем не в ладу; на свете счастья нет; широка страна моя родная* и т. п.), могут привлекаться к рассмотрению лишь в той мере, в какой они выражают те же идеи, которые были выявлены при анализе собственно языковых данных.

Как уже говорилось, одной из ключевых для русской языковой картины мира идей является представление о *непредсказуемости мира*: человек не может ни предвидеть будущее, ни повлиять на него. Эта идея реализуется в нескольких вариантах. С одной стороны, она входит в значение ряда специфических слов и выражений, связанных с идеей вероятности, — таких как *а вдруг, на всякий случай, если что, авось* (см. [Шмелев 2001]). Все эти слова опираются на представление о том, что будущее предвидеть нельзя; поэтому нельзя ни полностью застраховаться от неприятностей, ни исключить, что вопреки всякому вероятию произойдет что-то хорошее. С другой стороны, идея непредсказуемости мира оборачивается неопределенностью результата — в том числе собственных действий. Как уже говорилось (см. раздел III.1), в

* В основу данного раздела положена статья [Зализняк 2003а].

³² Ср., например, статью [Юревич 1999], в которой особенности российской науки анализируются на фоне данных психологии, культурной антропологии и социологии, а выводы поразительным образом совпадают с результатами анализа языковых данных.

русском языке имеется целый пласт слов и ряд синтаксических конструкций, в значение которых входит идея, что то, что происходит с человеком, происходит *как бы само собой*. При употреблении таких слов происходит устранение действующего и ответственного за свои действия лица: для этого достаточно сказать *мне не работается* вместо *я не работаю*, *меня не будет завтра на работе* вместо *я не пойду завтра на работу*, *постараюсь* вместо *сделаю* и *не успел* вместо *не сделал*.

В области культурной антропологии данная концептуальная конфигурация находит соответствие в таких традиционно отмечаемых исследователями свойствах русского характера, как лень, пассивность, созерцательность, безразличие к результату и вера в чудо; в области вторичных моделирующих систем — например, в сказке «По щучьему веленью», где, как известно, из всех возможных желаний Емеля выбирает, «чтобы ведра сами домой пошли». Другое дело, что Емеля — дурак, и желания у него дурацкие, но ведь дурак в русских сказках — одна из центральных фигур, причем вовсе не отрицательная, а «дурацкое поведение оказывается необходимым условием счастья — условием пришествия божественных или магических сил» [Синявский 2001: 39]³³. Действительно, ключевая для русской языковой картины мира идея непредсказуемости мира охватывает также и концепт *счастья*.

4.2. РАДОСТЬ И УДОВОЛЬСТВИЕ

Для русской языковой картины мира, как отмечают многие исследователи (см., например [Толстой 1995: 314; Шмелев 1997а: 481]), характерно противопоставление «высокого» и «низкого», «небесного» и «земного», «внутреннего» и «внешнего» — одновременно с отчетливым предпочтением первого, то есть своего рода аксиологическая поляризация, которая распространяется на структуру многих концептов³⁴. Целый ряд важных понятий существует в русском языке в таких двух ипостасях: ср. следующие пары слов, противопоставленных, в частности, по признаку «высокий» — «низкий»: *истина* и *правда*, *долг* и *обязанность*, *добро* и *благо*. Ярким примером такой ценностной поляризации может служить пара *радость* — *удовольствие*.

Слова *радость* и *удовольствие* были подробно и проницательно проанализированы в работе [Пеньковский 1991]. Среди различий, отмечаемых в этой статье, как кажется, два являются главными, определяющими все остальные. Первое состоит в том, что *радость* — это чувство, а *удовольствие* — это «положительная чувственно-физиологическая реакция». Второе, и в некотором смысле самое главное, — в том, что *радость* относится к «высокому», духовному миру, в то время как *удовольствие* относится к «низкому», телесному. Другими словами, аксиологическая поляризация внутри пары *радость* — *удовольствие* обусловлена тем, что *радость* связывается со способностями *души* или *духа*, а *удовольствие* является атрибутом *тела* или *плоти*³⁵. Эти фундаментальные различия влекут за собой некоторые более частные, что отра-

³³ Ср. также слово *блаженный* как один из синонимов для *юродивый* (см. [Ермакова 2003]).

³⁴ Этот дуализм коренится в конечном счете в некоторых особенностях православия, определивших черты русской культуры в целом; см. [Лотман, Успенский 1994].

³⁵ О соотношении пар *душа* — *тело* и *дух* — *плоть* см. [Шмелев 1997б].

жается в том числе в способах метафоризации *радости* и *удовольствия*. Как пишет А. Б. Пеньковский,

чтобы *искать, находить, извлекать, получать* и *испытывать удовольствие*, необходимо еще «владеть технологией» всех этих действий, знать способы и приемы их применения, иметь соответствующие навыки и умения... УДОВОЛЬСТВИЕ, таким образом, «механично» и «технично» в отличие от РАДОСТИ, которая «органична» [Там же: 150—151].

Поэтому не случайно, что удовольствие *портят*, как вещь или механизм, тогда как радость *омрачают, отравляют* или *убивают* — как живое существо.

Оппозиция радости и удовольствия как «высокого» и «низкого» может быть проиллюстрирована следующей цитатой из дневника М. М. Пришвина, которая, как кажется, выражает установку, разделяемую многими русскими людьми:

- (1) Подозреваю, что та редкая *радость* (будто взыгрывается что-то в душе), *радость*, не забываемая ни годами, ни нуждой, ни оскорблениями, — эта радость у нас с ней общая, она и соединила нас. И отсюда наша общая с нею *ненависть к удовольствию, заменяющему радость*³⁶.

Таким образом, *удовольствие*, будучи само по себе аксиологически по меньшей мере нейтральным, в русской языковой картине мира сдвигается в область отрицательной оценки: человек, одолеваемый *жаждой удовольствий* и проводящий свою жизнь *в погоне за удовольствиями*, представляется жалким, бездуховным существом. Такое отношение к удовольствию естественно связать с *русским аскетизмом*, который, по мнению Н. Бердяева («Истоки и смысл русского коммунизма» [Бердяев 1994]), был унаследован большевиками и инкорпорирован в коммунистическую идеологию. Ср. характерный пример из А. Платонова, где при всей аномальности словосочетаний и сдвинутости значения слов, столь характерной для этого автора, полностью сохраняется оппозиция «высокой» *радости* «низкому» *удовольствию*, коррелирующая, кроме того, с оппозицией «общественного» (со знаком «плюс») и «личного» (со знаком «минус»), привнесенной коммунистической идеологией:

- (2) Профулномоченный от забот и деятельности забывал ощущать самого себя, и так ему было легче; в суеде сплачивания масс и организации подсобных *радостей* для рабочих он не помнил про удовлетворение *удовольствиями* личной жизни, худел и спал глубоко по ночам (А. Платонов. Котлован).

4.3. Ум

Противопоставление души и тела как «высокого» и «низкого» не является специфическим именно для русской картины мира: это одна из констант христианской культуры в целом. Но здесь не хватает еще одного существенного атрибута человека — его умственных способностей, интеллекта³⁷. Какое же место занимает этот третий элемент в системе бинарных оппозиций? Так, в английском языке имеется слово *mind* (являющееся, по мнению А. Вежбицкой, столь же ключевым для англосаксонского языкового сознания, как *душа* — для русского), которое, обозначая пре-

³⁶ Пришвин М. М., Пришвина В. Д. Мы с тобой. Дневник любви. М., 1996. С. 120.

³⁷ Ср. трихотомию «душа — тело — ум» в [Шатуновский 1996: 295], где различаются: желания тела (физиологические), желания души (например, желание победить, желание счастья любимому человеку) и интеллектуальные желания (желание знать, понять, найти разгадку).

жде всего интеллектуальные способности, входит в оппозицию с телом: *mind vs. body*. Как считает А. Вежицкая, экспансия слова *mind* (в ущерб *soul*) и формирование свободной от религиозных или моральных коннотаций оппозиции *mind vs. body*, происшедшее в истории английского языка, свидетельствует о возникновении нового типа «обыденного сознания», в котором рациональное мышление рассматривается как главная способность человека [Wierzbicka 1992a: 46]. Во французском языке слово *esprit*, объединяющее дух и интеллект (и, кроме того, остроумие), выражает один из ключевых для французской культуры концептов.

Что же касается русского языка, то, как оказывается, при необходимости вписать ум в рамки бинарной оппозиции «душа — тело» русский язык отводит ему место в «низкой» сфере, объединяя интеллектуальное с телесным и противопоставляя его душевному и духовному³⁸. Согласно представлению русского языка, красивое доказательство теоремы или остроумная шутка доставляет нам именно *удовольствие*, а не *радость*: интеллектуальные удовольствия стоят в русском языке в одном ряду с физиологическими и моторными удовольствиями и не пересекаются с тем рядом, где находятся *радости*. Языковым свидетельством являются также примеры типа приводимой ниже фразы из «Записок» Ф. Ф. Вигеля, где — независимо от того, что здесь явно утверждается, — имеется *п р е с у п о з и ц и я*, на основании которой *ум* и *тело* объединяются и противопоставляются *душе*.

(3) Свет наук <к началу 1820 г.> стал быстрее распространяться; но, по мере того как новые изобретения с каждым днем создавали для человека новые удобства, новые наслаждения в жизни, законы нравственности все более теряли силу. Все *для ума, для тела*, ничего *для души*, которой и в существовании скоро стали отказывать³⁹.

Косвенным аргументом в пользу невысокой оценки *ума* в русской языковой картине мира может служить также тот факт, что оценка, содержащаяся в словах *безумный* и *безрассудный*, вовсе не является однозначно отрицательной (в отличие, например, от слова *бездушный*). *Безрассудство* сродни *удали* (см. [Шмелев 1997a: 489]), а *безумие* «уводит человека из нормального мира и в некотором смысле возвышает над ним» [Плунгян, Рахилина 1993: 121]⁴⁰. Безусловно положительная оценка заключена в выражении *без ума* <от кого-то/чего-то>, а также в слове *изумительный*⁴¹; наоборот, отрицательная оценка — в словах *умствовать* и *умничать* (примеры А. Б. Пеньковского, устное сообщение). Положительную оценку приобрели также производные от идеи безумия слова *умопомрачительный* (ср. [Ермакова 2003]), разговорное *с ума сойти* и др.

Действительно, поскольку *ум* состоит, в частности, в способности правильно предсказывать ход развития событий (а согласно некоторым концепциям, к ней и сводится), трудно ожидать, чтобы эта способность высоко ценилась в рамках идеологии непредсказуемости мира, о которой шла речь выше.

³⁸ Данный тезис касается слова *ум*. Иной концепт заключен в русском слове *разум*, который «предстает как высшая способность человека, ставящая его над остальным миром (в этом отношении разум сближается с душой)» [Урысон 1997д: 448].

³⁹ *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000. С. 411. Этим примером я обязана А. Б. Пеньковскому.

⁴⁰ Подобное ценностное распределение в паре «ум vs. чувство (душа, сердце)» характерно для романтического мировосприятия независимо от языка (ср., например, сказку Андерсена «Снежная королева»).

⁴¹ *Изумиться* имеет исходное значение «лишиться ума» (см. [СРЯ XVIII, 9: 66]). Ср. образованное по той же модели *извиниться* = «избавиться от вины» и нем. *sich entschuldigen* (от *Schuld* «вина»).

Отношение теоретиков «русской идеи» (таких как А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, И. А. Ильин и др.) к рациональному, «отвлеченно-логическому» мышлению известно, т. е. данные культурной антропологии здесь вполне однозначны. Приведем некоторые данные из области литературы и фольклора.

В известном стихотворении Тютчева

- (4) Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить

содержится не только множество соответствующих явных утверждений, но еще и ряд импликаций, вытекающих из структуры текста. Так, слово *особенный* в 3-й строке, очевидно, входит в оппозицию со словом *общий* во 2-й, но по смыслу 3-я строка вместе с 4-й образует оппозицию с первыми двумя — и тем самым возникает аналогия между *умом* и *общим аршином*, которая говорит о трактовке *ума* как некоего инструмента, позволяющего с его помощью совершать алгоритмические действия; ср. об уме как о р г а н е в [Урысон 1997д: 448]. Одновременно здесь имеется хиастическая структура, связывающая в оппозиции 1-ю и 4-ю строки (*умом не понять* — *верить*) и 2-ю с 3-й (*аршином общим* — *особенная стать*), в результате чего возникает импликация, что то знание, которое является истинно ценным, *умом* (т. е. общедоступным, одинаковым для всех инструментом) и не может быть достигнуто.

Второе свидетельство — фигура сказочного Иванушки-дурачка, самого популярного персонажа русской сказки. А. Синявский в очерке под названием «Иван-дурак» пишет, что сказка оказывает предпочтение дураку —

человеку, пребывающему в глубочайшем состоянии неразумной пассивности, которому все блага сами валятся в рот, тогда как лично они пальцем не пошевелят ради их приобретения. В этом усматривали иногда специфически русское народное мирозерцание — пассивность, лень, надежду на «авось», расчет на то, что кто-то придет со стороны и все за нас сделает... Евг. Трубецкой писал «В ней (в русской сказке о дураке. — А. С.) сказывается настроение человека, который ждет всех благ свыше и при этом совершенно забывает о своей личной ответственности» [Синявский 2001: 40].

Синявский добавляет, что, вообще говоря, сказочного дурака знают не одни только русские. Но в России он попал на благоприятную почву и поэтому приобрел такую известность.

Назначение дурака... это апофеоз незнания, неумения, неделания и полнейшей бесхитростности⁴². Именно потому, что Дурак бесхитростен, он так привлекателен... Назначение дурака... всем своим поведением, и обликом, и судьбой доказать... что от человеческого ума, учености, стараний, воли — ничего не зависит. Все это вторично и не самое главное в жизни [Там же: 42].

⁴² Соответственно, ум может отождествляться с хитростью — как, например, в сказке П. П. Ершова «Конек-Горбунок», построенной на оппозиции внешних, мнимых достоинств и недостатков (ум (старшие братья), красота (кони) vs. глупость (Иван-дурак), безобразие (Горбунок)) и настоящих, внутренних (хитрость и предательство старших братьев vs. душевная прямота Ивана, любовь и преданность Горбунка).

4.4. СЧАСТЬЕ

Сопоставление пары *радость* — *удовольствие* с парой *счастье* — *наслаждение* наводит на мысль, что они составляют «пропорцию»: *счастье* — это очень большая *радость*, а *наслаждение* — очень большое *удовольствие*. *Радость* и *счастье* объединяются тем, что и то и другое относится к категории «высокого», ср.: *Слушай, Дарья: нет выше счастья, как собою пожертвовать* (Достоевский. Бесы). Выражение *нет выше счастья* указывает на то, что *счастье* бывает *высокое* и *еще выше*, причем этот смысл находится в презумпции и тем самым принадлежит картине мира (ср. разд. III.1.1). *Радость* и *счастье* часто появляются вместе в тексте, оба состояния могут не иметь никакой причины. Кроме того, имеется очевидное сходство в характере метафоризации: *счастье*, как и *радость*, может *переполнять* человека, может быть *незамутненным*, бывает *прилив счастья* (и *радости*), человек может *светиться счастьем* (и *радостью*) и т. д. — ср. о радости [Арутюнова 1976: 100; Пеньковский 1991: 151].

Однако все же неверно, что *счастье* — это просто очень большая *радость*. *Счастье* представляет собой самостоятельный и очень важный для русской языковой картины мира концепт.

4.4.1. Счастье: значение и семантическая эволюция

В современном русском языке слово *счастье* имеет два основных класса употреблений:

1. [диахронически первичное, уходящее]: ‘удачное стечение обстоятельств, везение’: *счастье ему изменило; счастье в игре; какое счастье, что...; к счастью; по счастью; твое счастье, что... и т. п.* Здесь слово *счастье* эквивалентно глаголу *везет / повезло*, который постепенно его вытесняет (ср.: *дуракам везет* и более старое *дуракам счастье; не везет в картах, повезет в любви и Кому счастье в игре, тому несчастье в женитьбе* у Даля [Даль 1994, IV: 666]).

2. [основное, «высокое», лингвоспецифичное]: ‘высшее удовлетворение, земное блаженство’: *Истинное счастье человека — в науке и труде* (Горький); *Человек создан для счастья* (Короленко); *счастье материнства, семейное счастье*.

Эти два значения могут быть отчетливо противопоставлены, но могут и выражаться синкретично (ср.: *Посуда бьется к счастью; повесить подкову на счастье, это приносит счастье* и т. п.).

Слово *счастливый* может соотноситься и с тем и с другим значением, ср.: *счастливый случай, стечение обстоятельств, исход; счастливый билет, счастливый соперник* (значение 1) и *счастливый отец, счастливая улыбка, счастливое детство, счастливый брак* (значение 2). Краткая форма *счастлив* в современном русском языке соотносится только со значением 2 и является средством *par excellence* для предципирования соответствующего состояния субъекту (в отличие от существительного *счастье*, которое в этой функции практически не употребляется, см. ниже).

У Даля [Даль 1994, IV: 666—667] этимологическое значение является основным; он дает это слово с вариантом *со-частье*, то есть для него была очевидна внутренняя форма «совпадение», «общая часть», подкрепляемая живыми эпидигматическими связями (*счастье, счастки, счас*). Это значение было более разработанным: Даль разделяет дополнительно 1. (а) «судьба»⁴³: *Всякому свое счастье* и (б) «случайность, желанная неожиданность, удача, успех». Вторым он называет: 2. «Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь без горя, смут, тревоги; покой и довольство, вообще все желанное, все то, что покоит и доводит человека по убеждениям, вкусам и привычкам его» (другими словами — совпадение того, что есть, с тем, чего человек хочет).

Обращает на себя внимание то, что эта удивительно точная и тонкая формула не содержит идеи «высокого» (более того, по крайней мере первая ее часть — «желанная насущная жизнь без горя, смут, тревоги» — ближе всего к тому, что впоследствии стало обозначаться выражением *мещанское счастье*). По-видимому, в том русском языке, который отражен в словаре Даля, лингвоспецифичный концепт «высокого» счастья еще не сформировался (по крайней мере, в том виде, в котором он существует в современном русском языке — возможно, отчасти под влиянием советского идеологического дискурса, см. ниже).

Общая тенденция семантической эволюции состоит в продолжающемся движении от значения 1 к значению 2, т. е. в сужении сферы употребления слова *счастье* в значении «удача, везение» и расширении сферы употребления этого слова в значении «благоденствие, земное блаженство». Ход семантической деривации слова *счастье* может быть представлен следующим образом: «удачное совпадение» [наше значение 1, значение 1б по Далю] → «совпадение того, что есть, с тем, чего человек хочет (= удовлетворение потребностей)» [значение 2 по Далю] → «состояние высшей удовлетворенности» [наше значение 2].

Интересно отметить, что около половины примеров, приводимых Далем на 2-е значение, мы бы сейчас отнесли к 1-му, ср.: *Счастье, что веинное ведро* (ненадежно); *Со счастьем на клад набредешь, без счастья и гриба не найдешь*; *Дураку везде счастье* и т. п. Дело, видимо, в том, что в языке начала XIX в. значения «удача» и «благоденствие» были ближе друг к другу из-за того, что идея «высокого» в концепте *счастья* в ту эпоху еще не обнаруживала себя столь явно. В современном языке, похоже, именно представление о «высоком» и составляет главный признак, различающий два значения слова *счастье*. Приведем в связи с этим еще одно высказывание М. М. Пришвина, свидетельствующее об обсуждаемой аксиологической поляризации (обращает на себя внимание, в частности, замена слова *счастливый* на *хороший* в кавычках в устойчивом словосочетании *счастливый конец*, где реализуется «низкое» значение):

- (5) Это мое счастье — радоваться солнцу так сильно. А что есть счастье вообще? Конечно, та же радость бытию (про себя) при всяких даже условиях до того, чтобы улыбнуться солнцу при последнем вздохе... Это *счастье* никак не связано с *удачей*... даже напротив, только измерив жизнь в глубину своей неудачей, страданием, иной бывает способен радоваться жизни и быть счастливым... Кстати, в *мещанских романах* с «хорошим» концом описывается всегда *удача*, а не *счастье*, и *омерзительны* они именно тем, что ставят *счастье* в зависимость от *удачи*⁴⁴.

⁴³ О концепте «счастья-судьбы» см. [Sanders 1965].

⁴⁴ Пришвин М. М. Дневники 1920—1922 гг. М., 1995. С. 28.

4.4.2. Счастье: сочетаемость и употребление

Важной отличительной чертой русского слова *счастье* является отсутствие у него такономической категории. В статье [Булыгина, Шмелев 2000а: 280] было предложено деление явлений внутренней жизни на «чувства», которые *охватывают*, «состояния», в которые человек *приходит*, и «впечатления», которые нам что-то *приносит* или *доставляет*). Радость, удовольствие, наслаждение — это впечатления; горе может быть как событием, так и его переживанием (горе может *случиться* и горе можно *чувствовать*), несчастье — только событием (оно может только *случиться*). В связи с этим обращает на себя внимание то, что слово *счастье* не может обозначать ни событие (оно не может *наступить*, *произойти*, *случиться* и т. п.), ни его переживание. Невозможна и предикативная структура с у + род. пад.; фраза из романа Набокова «Машенька» *У меня, знаете, большое счастье: жена из России приезжает* содержит намеренное нарушение⁴⁵.

В словаре [Денисов, Морковкин 1983] отмечается сочетаемость с глаголами *чувствовать*, *ощущать*, *испытывать* и с классификаторами *чувство* и *ощущение*. Повидимому, однако, в реальности в стандартном русском языке единственное допустимое из этих сочетаний — *ощущение счастья*, ср.:

- (6) Скалы и море, и косые лучи заходящего солнца — все это я как будто еще видел, когда проснулся... Помню, что я был рад. *Ощущение счастья*, мне еще неизвестного, прошло сквозь сердце мое (Достоевский. Подросток);
- (7) Вот и смерть задела меня, а я все не могу утратить *ощущения* какого-то постоянного своего *счастья*. Бог знает, откуда оно во мне, чем оно кончится?.. (Н. Берберова. Акомпаниаторша);
- (8) А главное — мне было действительно приятно заниматься и тем самым продолжить *ощущение счастья*, переживаемое на семинарах в МГУ (И. И. Ревзин. Воспоминания).

Более периферийна сочетаемость с существительными *чувство* и *состояние*, ср.:

- (9) И надо было осмыслить то широкое *чувство* свободы, гордости, *счастья*, которое не покидало его (Набоков. Картофельный Эльф);
- (10) ...и я думал... о том, что как бы ни сложилась в дальнейшем моя жизнь и какие бы события ни случились, я запомню навсегда эту ночь, голову женщины на моих коленях, этот дождь и то *состояние* полусонного *счастья*, которое я *ощущал* тогда (Г. Газданов. Призрак Александра Вольфа).

Что касается сочетаемости с глаголами *испытывать* или *ощущать*, в моем распоряжении имеется единственный пример:

- (11) Зато потом, сидя на его коленях и взглядывая по временам на спокойное лицо матери, находившейся обычно тут же, я *испытывал* настоящее *счастье*, такое, которое доступно только ребенку или человеку, награжденному необычайной душевной силой (Г. Газданов. Вечер у Клэр)⁴⁶.

⁴⁵ Иронический эффект этой фразы обусловлен структурой сюжета романа «Машенька» (первоначальным названием которого было «Счастье»).

⁴⁶ Некоторая необычность сочетания *испытывать счастье* коррелирует здесь с также едва заметной, но безусловной нестандартностью (на которую обратила мое внимание Ольга Мерсон) сочетания *награжденный душевной силой*, где слово *награжденный* (употребленное вместо стандартного в этом контексте *наделенный*) актуализует идею *одаренности*.

У Г. Газданова имеются, кроме того, выражения *испытывал ощущение счастья, почувствовал состояние счастья*, ср. также выше: *ощущал состояние счастья*. Однако примеры такого типа крайне редки: так, в просмотренных мною текстах рассказов и двух романов Набокова из 102 употреблений слова *счастье* нет ни одного, где это слово было бы подчинено глаголу *испытывать* или *чувствовать* (или какому-либо другому глаголу в аналогичной лексической функции).

Как известно, тема счастья — одна из ключевых у Набокова. Слово *счастье* обладает высокой частотностью в текстах Набокова⁴⁷, при этом, как показал просмотр всех его употреблений в рассказах (оно встретилось 61 раз) и в романах («Машенька» (18), «Король, дама, валет» (24) и «Защита Лужина» (17)), оно ни разу — за исключением одного полуиронического контекста *Василий Иванович был преисполнен какого-то неприлично счастья* (рассказ «Набор»), а также метафорических (*счастье наполняло ее душу; ее душа была переполнена счастьем; счастье нахлынуло; счастье заполняло его всего; нечто наполняло счастьем его душу* и т. п.) и каузальных (*не могу прийти в себя от счастья, улыбка счастья* и т. п.) — не встречается в составе конструкции, предидирующей данное состояние субъекту. Приведем некоторые характерные контексты употребления слова *счастье* у Набокова:

- (12) И этот случайный запах помог Ганину вспомнить еще живее тот русский, дождливый август, тот поток *счастья*, который тени его берлинской жизни все утро так назойливо прерывали («Машенька»);
- (13) *Счастье* мое — вызов. Блуждая по улицам, по площадям, по набережным вдоль канала, — рассеянно чувствуя губы сырости сквозь дырявые подошвы, — я с гордостью несу свое необъяснимое *счастье*. Прокатят века, — школьники будут скучать над историей наших потрясений, — все пройдет, все пройдет, но *счастье* мое, милый друг, *счастье* мое останется, — в мокром отражении фонаря, в осторожном повороте каменных ступеней, спускающихся в черные воды канала, в улыбке танцующей четы, во всем, чем Бог окружает так щедро человеческое одиночество («Письмо в Россию»);
- (14) ...он крепко держался за свою лавку, как за единственную связь между его берлинским прозябанием и призраком пронзительного *счастья*: *счастье* заключалось в том, чтобы самому, вот этими руками, вот этим светлым кисейным мешком, натянутым на обруч, самому, самому, ловить редчайших бабочек далеких стран... Деньги на это *счастье* он собирал, как человек, который подставляет чашу под драгоценную, скупое капающую влагу («Пильграм»).

Вообще, по-видимому, самый характерный тип употребления слова *счастье* в русском языке — это формулировка, в чем оно состоит, ср.:

- (15) *Счастье* — это когда тебя понимают;
- (16) И помни, что самое большое *счастье* на земле — это думать, что ты хоть что-нибудь понял из окружающей тебя жизни (Г. Газданов. Вечер у Клэр).

Аналогичным образом (то есть вне прямой предикации, за исключением метафорических моделей) употребляется слово *счастье*, например, в романах Л. Толстого.

Таким образом, особенность русского слова *счастье* состоит в том, что приписывание выражаемого им признака субъекту возможно либо в неутверждаемой форме,

⁴⁷ А именно, частотность этого слова у Набокова втрое выше, чем в целом в русском языке, и вдвое — чем в художественной прозе (данные на основании сопоставления с данными словаря [Засорина (ред.) 1977]). При этом в романе «Машенька» частотность этого слова приблизительно вдвое выше, чем в остальных текстах. Проведенные подсчеты показали также, что по сравнению с романами Толстого в романах Набокова частотность употребления слова *счастье* приблизительно в три раза выше.

то есть при помощи притяжательного местоимения (и иногда еще каких-то детерминантов, ср.: *ее давешнее счастье*) — либо путем использования разного рода метафорических моделей (ср. выше). В прочих случаях слово *счастье* может обозначать лишь ситуацию в возможном мире, не совпадающем с действительным, то есть либо в прошлом (*воспоминание о былом счастье*; ср. также *воспоминание счастья* у Набокова; *ушедшее счастье*, *быстро промелькнувшее счастье* и т. п.), либо в будущем (*мечты о счастье*, *ожидание счастья*, *предвкушение счастья*), либо в нереализованном альтернативном мире (*А счастье было так возможно, / Так близко!..*).

Таким образом, оказывается, что представление о том, что *на свете счастья нет*, отражено в русском языке в невозможности высказать утверждение, что оно *есть*⁴⁸.

4.4.3. Русская мифология счастья

Излагаемая модель построена на основании свидетельств разного рода; соответствующий фрагмент языковой картины мира входит сюда как составная часть. Как представляется, «русская мифология счастья» включает следующие идеи:

- (i) счастье — это *земное блаженство*;
- (ii) счастье где-то есть, но ему нет места в жизни *здесь* и *сейчас*;
- (iii) счастье нельзя приобрести каким-либо алгоритмическим образом (заслужить, заработать и т. п.), его можно либо случайно *найти*, либо оно может на человека *свалиться* или *выпасть* ему;
- (iv) счастье — это немного стыдно.

Одновременно категория *счастья* оказалась одной из центральных в советской коммунистической мифологии (вобравшей в себя многие элементы русской мифологии, несколько преобразовав их): именно *всеобщее счастье*, а не, например, благополучие, провозглашалось целью проводимой коммунистами политики⁴⁹. Для достижения счастья есть рациональные пути: его надо *строить*, *ковать* (*кузнецы своего счастья*), и одновременно это и есть единственное *нестыдное* счастье в настоящем — в обеспечении *счастья будущих поколений*⁵⁰, за которое надо *бороться*; *высшее* счастье — *умереть в борьбе за счастье народа* и т. д. Счастье не падает с неба, а дается трудом (*трудное счастье*).

Необычайно интересна и детально разработана мифология счастья у А. Платонова, тексты которого обнажают механизмы взаимодействия русской мифологии с коммунистической. Приведем без комментариев лишь некоторые из многочисленных примеров такого рода (из повести «Котлован» и романа «Чевенгур»).

- (17) Захар Павлович проверял партии на свой разум — он искал ту, в которой не было бы непонятной программы, а все было бы ясно и верно на словах. Нигде ему точно не сказали про тот день, когда наступит *земное блаженство*. Одни отвечали, что *счастье* — это

⁴⁸ Тем самым принципиальная недостижимость счастья в поэтическом мире Набокова (см. [Левин 1998а; Дмитровская 2000; Русаков 2000]) соответствует месту этого концепта в русской языковой картине мира.

⁴⁹ Ср. [Сарнов 2002: 392] о категории *счастья* как «постоянного состояния общества» в языке советской эпохи.

⁵⁰ Ср. высказывание Г. Г. Шпета о том, что русским свойственны, среди прочего, «ответственность перед призраком будущих поколений, иллюзионизм, неумение и нелюбовь жить в настоящем, суетливое беспокойство о вечном» (Сочинения. М., 1989. С. 53, цит. по [Юревич 1999]).

- сложное изделие, и не в нем цель человека, а *в исполнении исторических законов*. А другие говорили, что *счастье состоит в сплошной борьбе*, которая будет длиться вечно;
- (18) ...он слушал молву реки и думал о мирной жизни, *о счастье за горизонтом земли*, куда плывут реки, а его не берут, и постепенно опускал сухую голову во влажные травы, переходя из своего мысленного покоя в сон;
- (19) Прушевский ничему не возражал своим чувством. *Ему казалась жизнь хорошей, когда счастье недостижимо* и о нем лишь шелестят деревья и поет духовая музыка в профсоюзном саду;
- (20) Вошев заволновался от дружбы к Козлову.
— Грусть — это ничего, товарищ Козлов, — сказал он, — это значит, наш класс весь мир чувствует, а *счастье все равно далекое дело... От счастья только стыд* начнется!
- (21) Ему уютней было чувствовать скорбь на земной потухшей звезде; чужое и дальнее *счастье* возбуждало в нем *стыд* и тревогу — он бы хотел, не сознавая, чтобы вечно строящийся и недостроенный мир был похож на его разрушенную жизнь;
- (22) ...тех средних людей, какие ему нравятся, какие молча делают полезное вещество и чувствуют частичное счастье: весь же точный *смысл жизни* и *всемирное счастье* должны томиться в груди роющего землю пролетарского класса;
- (23) ...но она не может сейчас жить какой-либо легкой жизнью в нашей стране *трудного счастья*.

4.4.4. Межъязыковые сопоставления

Расхождения между русским *счастливы, счастье* и англ. *happy, happiness* столь существенны, что вызывает сомнение правомерность установления между этими словами отношения переводной эквивалентности. Согласно А. Вежицкой, слово *happy* является «повседневным словом» в английском языке, а *happiness* обозначает «эмоцию, которая ассоциируется с “настоящей” улыбкой» [Wierzbicka 1992с: 297—298]. По мнению сторонников теории «базовых эмоций», выделяемых на основании соответствующих им универсальных особенностей мимики, к их числу относится и эмоция, обозначаемая в английском языке словом *happiness* (см., например, [Johnson-Laird, Oatley 1989; Russell 1991]).

Русское *счастье*, очевидно, ни в коей мере не является «повседневным словом»: как уже говорилось, оно однозначно принадлежит к «высокому» регистру и несет в себе очень сильный эмоциональный заряд, следствием чего являются две противоположные тенденции в его употреблении. Одна вытекает из установки на аскетизм (ср. выше), антигедонизм и некоторую стыдливость, — которая заставляет избегать произнесения «высоких» слов, относящихся к разряду «неприличных», непроизносимых. Одновременно имеется другая, противоположная тенденция, соответствующая русскому стремлению говорить «о главном» и *выворачивать душу наизнанку*⁵¹.

Далее, ни в каком смысле *счастье* не относится в русском языке к числу «базовых эмоций». В отличие от англ. *happy*, констатирующего, что состояние человека соответствует некоторой норме эмоционального благополучия, русское слово *счастливы* описывает состояние, безусловно отклоняющееся от нормы. *Счастье* относится к сфере иде-

⁵¹ Согласно данным, приводимым в работе [Уфимцева 1996], слово *счастье* является высокочастотным и вообще весьма характерным для русского дискурса. Это показательно, хотя частотность данного слова, очевидно, обусловлена употребительностью выражений типа *к счастью; какое счастье, что*.

ального и в реальности недостижимого; находится где-то рядом со «смыслом жизни» и другими фундаментальными и непостижимыми категориями бытия (ср. выше).

Англ. *happy*, очевидно, соотносится скорее с рядом *доволен, удовольствие*, а иногда даже оказывается близко к *удовлетворен*, ср. следующие примеры (первые два — из [Wierzbicka 1992c]):

- (24) a. — Are you thinking of applying for a transfer? — No, I am quite *happy* where I am.
 b. I am *happy* with the present arrangement.
 c. Over ten years ago, when I first stumbled on the problem of Latin prefixes, I found that I was not *happy* with the description provided by the dictionaries.

Таким образом, русские слова *счастлив, счастье*, по-видимому, не имеют эквивалента в английском языке⁵². Что касается других европейских языков, А. Вежбицкая считает, что в противоположность «более слабому» англ. *happiness* франц. *bonheur* и нем. *Glück* выражают «общеевропейский концепт» чувства, которое «переполняет человека, не оставляя в нем места ни для каких других желаний» [Wierzbicka 1992c: 299].

Толкование Вежбицкой для англ. *happy* состоит из следующих компонентов (см. [Wierzbicka 1992b: 251—252; 1992c: 298—300]):

happy, happiness

- нечто хорошее произошло (происходит) со мной;
- я этого хотел;
- я не хочу ничего другого.

Толкование для «общеевропейского концепта» *heureux, glücklich, счастлив* и т. д. (отличающиеся элементы выделены жирным):

heureux, glücklich, счастлив

- нечто **очень** хорошее произошло (происходит) со мной;
- я этого хотел;
- **все хорошо**;
- я **не могу** хотеть ничего (другого).

Действительно, франц. *bonheur, heureux* и нем. *Glück, glücklich* и по значению, и по употреблению значительно ближе к русскому *счастье, счастлив*, чем к англ. *happiness, happy*, хотя и здесь имеются некоторые весьма существенные различия. Главное из них состоит в отсутствии такого сильного эмоционального заряда и его последствий. Так, по-французски совершенно нормально звучат фразы типа *Est-il heureux en France? Est-il heureux avec son père?* (например, в ситуации, когда обсуждается внутреннее состояние ребенка, родители которого живут в разных странах). Буквальный перевод подобных фраз на русский язык *Он счастлив во Франции? Он счастлив с отцом?* звучит по меньшей мере странно; более точным переводом — и более уместным выражением в данной ситуации — было бы что-то вроде *Ему хорошо (во Франции, с отцом и т. д.)?*⁵³

Следует упомянуть также различия в употреблении франц. *heureux* и русского *счастлив*, обусловленные тем, что во французском языке отсутствует эквивалент русскому *рад* (и тем самым область, обслуживаемая в русском языке тремя словами —

⁵² В качестве наиболее близких эквивалентов можно назвать соответственно слова *elated* и *bliss*, но они периферийны для английского языка и тем самым несопоставимы по значимости в языковой картине мира с русскими *счастлив, счастье*.

⁵³ Вообще, по-видимому, конструкция *X счастлив с Y-м* в русском языке возможна лишь в том случае, когда речь идет о любовных отношениях.

счастлив, рад, доволен, — распределяется между двумя: *heureux* и *content*). Значение русского предикатива *рад* в целом соответствует существительному *радость*, хотя и является несколько ослабленным за счет употребления в этикетных формулах вроде *рад тебя видеть*. Слово *доволен* отстоит несколько дальше от существительного *удовольствие*, так как обозначает состояние, в большей степени «рациональное»: *доволен* связано не только с *удовольствием*, но также и с *удовлетворением*. В конструкции с изъяснительным придаточным (*Я рад/доволен, что...*) оба предикатива приобретают ментальную составляющую, и их смысловая оппозиция оказывается несколько слабее, чем у существительных *радость* и *удовольствие*. Сохраняется лишь общая идея противопоставления «высокого» и «альтруистического» *рад* — «гедонистическому» и «низкому» *доволен*. Но так или иначе, поскольку эквивалент русскому *рад* во французском языке отсутствует, фразы типа *Я рад, что у тебя все в порядке, что твой сын поступил в университет, что ты к нам приедешь* и т. п. могут быть переданы по-французски с использованием либо слова *content* (= ‘доволен’), что неточно семантически, либо слова *heureux* в несколько «сниженном», «ослабленном» значении.

4.5. НАСЛАЖДЕНИЕ

То, что *наслаждение* есть очень большое *удовольствие*, кажется интуитивно очевидным (например, в «Толковом словаре русского языка» [Ожегов, Шведова 1998] *наслаждение* определяется как «высшая степень удовольствия»). Действительно, соответствующие слова обнаруживают существенное сходство в значении и сочетаемости. Так, *наслаждение* и *удовольствие* имеют одни и те же источники — находящиеся в области физиологического и интеллектуального (в противоположность душевному и духовному, относящимся к сфере *радость* — *счастье*): можно испытывать *удовольствие* или *наслаждение* от купания в холодной воде, от быстрой езды или от увлекательной беседы⁵⁴. Несколько сложнее обстоит дело с эстетическими впечатлениями, так как в этой области различие между *удовольствием* и *наслаждением* состоит не только в силе ощущения, но также и в его качестве: если мы получаем *удовольствие* от произведения искусства, то это ощущение более рационально, обусловлено положительной оценкой объекта — в то время как испытываемое нами *наслаждение* является впечатлением совершенно непосредственным, почти не имеющим оценочной основы. И такое наслаждение, в отличие от удовольствия, относится к области «высокого» — сочетание *эстетическое наслаждение*, а также *истинное наслаждение* (само слово *истинный* относится к области «высокого» — см. [Шмелев 1997а]). Можно привести также другие примеры «высокого» наслаждения, соседствующего со счастьем:

(25)

Слава

Мне улыбнулась; я в сердцах людей
 Нашел созвучия своим созданьям.
 Я *счастлив* был: я *наслаждался* мирно
 Своим трудом, успехом, славой; также
 Трудami и успехами друзей,
 Товарищей моих в искусстве дивном

(Пушкин. Моцарт и Сальери).

⁵⁴ В словаре Даля глагол *наслаждать* определяется как «доставлять высшее удовольствие, чувственное или нравственное» [Даль 1994, II: 1222].

В той же мере, в какой русское *счастье* не соответствует английскому *happy*, русское *наслаждение* не соответствует англ. *to enjoy* (если *happy* следует переводить как *доволен*, то глагол *to enjoy* — как *получать удовольствие от чего-то*)⁵⁵.

Приведем в этой связи отрывок из статьи [Кружков 1999: 131—132], весьма красноречиво свидетельствующий о месте *наслаждения* в актуальном русском языковом сознании:

- (26) Скажем, американский официант, принося блюдо, говорит: «Enjoy your meal» — наслаждайтесь вашей пищей, или просто «enjoy» — наслаждайтесь. Если бы он знал, какую бурю чувств рождает это слово в русской душе! —

Наслаждайтесь, все проходит!
То благой, то злобный к нам,
Своенравно Рок приводит
Нас к утехам и бедам.

Коллега-переводчик скажет мне, что «enjoy» означает просто «приятного аппетита», и незачем копыя ломать. Да, но поглядите, как по-разному выражают эту мысль народы. Французы говорят: «Bon appétit» — хорошего аппетита, съешьте побольше, все перепробуйте, американцы: «Enjoy your meal» — получите свое удовольствие, а русские: «Кушайте на здоровье». Потому что сама идея удовольствия чужда русской жизни, выживание ей сродственной. Недавно Британский совет провел эксперимент по вывешиванию стихов в поездах московского метро. Рекламный плакат звучал так: «Наслаждайтесь стихами в пути» (как сухарями) или в крайнем случае: «Читайте на здоровье». *А наслаждаться, извините, мы как-то не привыкли — тем более в метро.*

Приведенное рассуждение требует некоторого комментария. В частности, интерпретация формулы типа *Bon appétit!* представляется неточной: французское *Bon appétit!* — это не значит «Съешьте побольше», а значит примерно то же самое, что английское *Enjoy your meal!*, а именно пожелание получить максимум удовольствия от еды — в отличие от русского *Ешьте на здоровье!* В русском языке слово *аппетит* ощущается как «иностранное», так как оно означает именно залог получения удовольствия от еды, т. е. отражает несвойственную русской языковой картине мира установку. Обратим внимание также на то, что, наоборот, идея *здоровья* появляется также в одной из основных русских этикетных формул — *Здравствуй!* в отличие от пожелания «хорошего (то есть приятного и/или удачного) дня», выступающего в той же функции во многих европейских языках — ср.: франц. *Bonjour!* или нем. *Guten Tag!* Русское приветствие представляет собой пожелание оставаться в рамках нормы, не выходить за «нижний» ее край: *здоровье* — залог нормального существования и вообще жизни; *здоровствовать* значит «жить, быть живым, существовать», ср.: *Да здравствует!*, *ныне здравствующий* и т. п.

Возвращаясь к слову *наслаждение*, надо отметить следующее. Оно связано со словом *сладкий* в переносном значении ‘приятный, доставляющий удовольствие’. Этот семантический переход достаточно широко представлен в разных языках; специфическим для русского языка является следующий шаг семантической деривации, а именно, смещение в отрицательную аксиологическую зону (т. е. со словом *сладкий* в значении ‘доставляющий удовольствие’ происходит то же, что со словом

⁵⁵ Другие англ. слова, которые могут служить эквивалентами для русского *наслаждение* (в частности, *delight*), мы здесь не рассматриваем.

удовольствие), ср. слова: *сладострастие*⁵⁶, *сластолюбие*, указывающие на морально осуждаемую погоню за удовольствиями.

Франц. *jouir, jouissance* ‘наслаждаться, наслаждение’, также как и итал. *godere*, происходят от лат. *gaudere*, имевшего значения ‘радоваться’ и ‘находить удовольствие в чем-либо’. К существительному от того же глагола (*gaudia*) восходит и франц. слово *joie* ‘радость’ (от которого англ. *joy* и *enjoy*); в немецком языке глагол *geniessen* имеет первое значение ‘вкусать пищу’ (ср.: *geniessbar* ‘съедобный’). Во всех четырех языках структура полисемии приблизительно одинакова; она включает, в частности, значения: (1) ‘получать удовольствие от чего-то, делать это с удовольствием’ (*enjoy the music, jouir de la vie*); (2) ‘пользоваться, обладать чем-то’ (квартирой, свободой). В русском языке нейтральное значение ‘пользоваться’ отсутствует; во всех типах употребления глагол *наслаждаться*, как и существительное *наслаждение*, обозначает сильное (а иногда также «высокое», т. е. так или иначе не совсем «приличное») чувство.

Таким образом, соотношение в паре *наслаждаться* — *to enjoy* аналогично соотношению *счастлив* — *happy*; эти расхождения имеют системный характер и коренятся в устройстве соответствующих языковых картин мира.

⁵⁶ *Сладострастие*, так же, как и *сластотерние*, — калька с греч. ἡδυστάθεια (букв. ‘испытывание удовольствия’).

5. О СЕМАНТИКЕ ЩЕПЕТИЛЬНОСТИ: ОБИДНО, СОВЕСТНО И НЕУДОБНО*

Один из тщательно разработанных фрагментов русской языковой картины мира представлен группой этических концептов, объединяемых «семантикой щепетильности». Помимо слов *обидно*, *совестно* и *неудобно*, которые будут рассмотрены в данной статье, назовем еще: *грех* (*грех тебе жаловаться*), а также *неловко*, *неприлично*, *неуместно*, *не пристало*, *не подобает*, *не положено*, *не принято* и несколько устаревшие *невместно* и *ззорно*. Все эти предикативы употребляются в безличной конструкции с подчиненным инфинитивом, которая обладает собственной семантикой, позволяющей ей представить этическую оценку как внутреннее состояние субъекта и встроить ее таким образом в акт принятия решения: *мне совестно что-либо делать* означает, что решая, делать это или нет, я обращаюсь к своему ощущению *совестно*.

5.1. КОНЦЕПТ ОБИДЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Милан Кундера в романе «Книга смеха и забвения» обсуждает специфическую «чешскую эмоцию» *litosť*⁵⁷. А. Вежицкая, анализируя эту эмоцию, сопоставляет ее, в частности, с русской *жалостью* [Wierzbicka 1992a: 166—169]. По-видимому, имеется не меньше оснований для сопоставления ее с другой русской эмоцией — *обидой*, которая в отличие от *жалости* до сих пор не была предметом внимания лингвистов. Между тем эмоция *обиды* является специфической именно для русского языка. К этому заключению приводит как собственно семантический анализ слова *обида* и его производных, так и факт отсутствия в западноевропейских языках переводного эквивалента для этого слова.

* В основу данного раздела положена статья [Зализняк 2000б]. Среди позднейших публикаций на эту тему см. [Dobrovol'skij 2006, Протасова 2006, Апресян В. 2011б].

⁵⁸ Слово означает приблизительно 'чувство острой жалости к самому себе, возникающее как реакция на унижение и вызывающее ответную агрессию'; соотносимо с русским *лютый*, то есть 'злой'.

В русском языке имеются слова *обида*, *обидеться*, *обидеть*, *обижен*, *обиженный*, *обидно* и *обидный*. Все они могут соотноситься с той специфической эмоцией *обиды*, о которой идет речь (соответствующий смысл мы обозначим как ‘обида’), но кроме того здесь возможны и другие значения, которые следует сразу отграничить. Однозначно выражает эмоцию обиды лишь глагол *обидеться* (и производное от него *обижен* <на кого-то>). Глагол *обидеть* (а также производное от него *обижен* <кем-то>) может обозначать ‘каузировать эту эмоцию’, но может иметь и более широкое значение ‘причинить ущерб’, которое реализуется в связанных сочетаниях *Он и мухи не обидит*, *Что ты плачешь, девочка, кто тебя обидел?* (ср.: *не давать себя в обиду*) и т. п., или близкое к нему значение ‘несправедливым образом чего-то недодать, обделить’ (*богом обиженный*; *не беспокойся, ты в обиде не останешься / я тебя не обижу*, т. е. ‘ты получишь то, что тебе причитается’)⁵⁸; то же значение имеется и у предикатива *обидно* (*разделить так, чтобы никому не было обидно*). Значение поступка, вызвавшего эмоцию обиды, имеет также существительное *обида* (это значение в словарях обычно приводится первым: *нанести обиду*, *вспоминать прошлые обиды*); существительное *обида* может также выражать значение, соответствующее тому значению предикатива *обидно*, где оно сближается с *жалко* и *досадно* (см. ниже), ср.: *Какая обида, что мы опоздали!* и *Как обидно, что мы опоздали*; то же значение есть и у прилагательного, ср.: *обидное недоразумение*. Таким образом, наиболее многозначными являются существительное *обида* и предикатив *обидно*.

Сказанное можно представить в виде следующей таблицы (значения различаются при помощи очень условных ярлыков):

Таблица 1

	чувство обиды	ущерб	досада ⁵⁹
обида	+	+	+
обидеться	+	–	–
обижен	+	+	–
обидеть	+	+	–
обидно	+	+	+
обидный	+	–	+

Нас будет интересовать прежде всего первое, основное значение: *чувство обиды*. Центральным в группе слов, обозначающих это чувство, является глагол *обидеться*. Он имеет три варианта модели управления: *X обиделся*; *X обиделся на Y*-

⁵⁸ У глагола *обидеть* есть еще одно «вырожденное» ментальное значение незаслуженно низкой оценки, представленное в употреблении типа *Я его напрасно обидел* (то есть высказал какое-то негативное суждение, от которого теперь сам отказываюсь) или в иронической реплике *Обижаешь!*, используемой в диалоге для того, чтобы идиоматическим образом передать мысль, что собеседник недооценивает достоинства говорящего. Это значение отличается тем, что здесь отсутствует эмоция (никто не *обиделся*).

⁵⁹ Это значение ‘обидно 2’, которое сближается с некоторыми типами реализаций значений ‘жалко’ и ‘сожалеть 1’ — см. ниже, раздел IV.5.2; о значениях ‘сожалеть 1’ и ‘жалко’ см. разделы II.2.3—4.

(за W), где W — слова или поступок Y -а; X обиделся за Z (где Z — кто-то или что-то X -у дорогое). Те же валентности имеет существительное *обида*; предикатив *обидно* имеет помимо субъектной валентности (X -у) лишь одну валентность Z . Заметим, что совмещение валентностей на Y -а и за Z невозможно: **Я обиделся на Ивана за Васю*. Все то же верно для существительного *обида*. Ср. следующие два примера:

- (1) Он сидел за столом один и поднимал голову только для того, чтобы взглянуть на нее, улыбнуться ей. И Варе было *за него обидно*: веселятся за его счет, бросают одного, танец им дороже товарища (А. Рыбаков. Дети Арбата);
- (2) Вспомнила и свою *обиду на его* друзей: пьют, едят за его счет, а его оставляют одного (А. Рыбаков. Дети Арбата).

В этих двух примерах имеется в виду одна и та же ситуация (один и тот же «обидный» случай), которую, однако, нельзя описать как **Варя чувствовала обиду за Костю на его друзей*. Таким образом, при описании подобной ситуации человек, говорящий на русском языке, должен выбрать и обозначить только какой-то один ее аспект.

Перечисленным выше трем вариантам модели управления соответствуют некоторые модификации в пределах основного значения (чувства обиды), на которых мы остановимся ниже.

Обратимся теперь к вопросу о том, что же такое *обида*. Прежде всего это эмоция, возникающая в качестве реакции на поступок другого лица (нельзя обидеться на самого себя или на явление природы — хотя можно, например, рассердиться на самого себя или прийти в отчаяние от плохой погоды). В первом приближении можно сказать, что *обида* — это жалость к себе, соединенная с *претензией* к другому. *Обида* возникает в том случае, когда другой человек оказал мне недостаточное внимание (не справился о здоровье), уважение (пренебрег моим мнением или просто выразил низкую оценку моих достоинств), доверие (не рассказал мне чего-то важного, не поручил трудного дела, не поверил моему обещанию) и т. д. — недостаточное по сравнению с некоторым «должным» уровнем (внимания, уважения и т. д.)⁶⁰. Так или иначе, я обнаружил, что он испытывает ко мне, условно говоря, меньшую любовь («lack of love», по выражению из [Wierzbicka 1998]), чем та, которую я в нем предполагал и которую он, по моим представлениям, мне «должен». Из этого представления о «должном» и возникает идея «несправедливости» (как несоответствия этому «должному»), обязательно в обиде присутствующая — ср. толкование слова *обижаться* в [Иорданская 1970: 19].

Приведенная выше приблизительная формула фиксирует два полюса в эмоции обиды: жалость к себе и претензия к другому. Эти две составляющие могут присутствовать в обиде в разных соотношениях. В зависимости от того, какая из этих двух идей оказывается в центре, внутри одного значения *обиды* различаются два варианта: *обида за что-то* (имеется в виду «обидные» слова или поступок) и *обида на кого-то* — ср. варианты модели управления выше.

⁶⁰ Согласно Фасмеру [1996: III, 100] *обидеть* произошло из *об-видеть*, где предлог *об-* имеет значение ‘вокруг; оглябая, минуя’, ср. *обнести* <кого-то угощением> ‘пронести мимо, не дать’, *обделить*, *обвесить*, тем самым центральной здесь является идея недостатка внимания. Аргументы в пользу этой этимологии, с привлечением обширных данных славянских языков, приводятся в [Цейтлин 1996: 83—110]. Ю. С. Степанов предлагает иное решение, связывая обсуждаемое слово с корнем *бѣд-*, ср. др.-русс. *бѣдити* ‘причинять вред’, а также *убедить* и *победить* [Степанов 1997: 267]. Возможно, здесь в какой-то достаточно древний период имела место контаминация.

Здесь имеется еще одно очень важное звено. Недостаток уважения может быть, конечно, выражен прямо («А ты помолчи, тебя не спрашивают» или даже просто «Ты дурак»), но гораздо чаще это является результатом вывода, который производится адресатом «обидного» поступка или высказывания: это то, что «обидчик» *хотел сказать* своим высказыванием, то, *о чем говорит* его поступок (ср. раздел II.6.2.2). Этот вывод производится на основании общих законов коммуникации, но с точки зрения склонности и готовности его производить люди сильно различаются (соответственно, люди делятся на более и менее «обидчивых»). Как известно, неявные смыслы вообще являются более действенными; с другой стороны, человеку свойственно подменять сказанное явно тем, что из этого, по его мнению, следует, даже иногда не замечая этого (ср. [Добжинская 1990; Гловинская 1998]), поэтому «объяснения», которые часто следуют за обидами, обычно состоят в том, что «обидчик» доказывает, что он не имел в виду выразить тот «обидный» смысл, который вывел «обиженный».

Тем самым *обида* — эгоцентрическое чувство, источник которого в конечном счете коренится в нас самих. Обижаться — это свойство обижаемого; поэтому *обидчивый* человек — это тот, который склонен *обижаться* (а не *обижать* — что с точки зрения русской морфологии в той же мере допустимо, ср.: *забывчивый* = ‘тот, кто забывает’, *обманчивый* — ‘вводящий в заблуждение’ и т. п.).

С другой стороны, обидчивость определяется также степенью зависимости от мнения окружающих, и в этом отношении люди также сильно различаются. То есть *необидчивые* люди — это, с одной стороны, люди, которые не предполагают, что их обидят, и не склонны поэтому выводить «обидный» смысл — в отличие от *обидчивых*, которые как будто ждут, что их обидят, всегда готовы к этому, как, например, герой романа Достоевского «Подросток»:

- (3) Я ждал, что буду тотчас *обижен* каким-нибудь взглядом Версиловой или жестом, и приготовился; *обидел* же меня ее брат в Москве, с первого же нашего столкновения в жизни.

С другой стороны, *необидчивы* очень высокомерные люди, мнение которых о себе столь высоко, а об окружающих столь низко, что они искренне равнодушны к мнению о себе окружающих, и их *обидеть* таким образом невозможно. Но гораздо более распространено (по крайней мере в русском дискурсе) желание получить даже от случайного собеседника подтверждение своей ценности как личности — ср. знаменитую реплику пьяниц *Ты меня уважаешь?*: если уважаешь, то ты со мной выпьешь, а если не выпьешь, это значит, что ты меня не уважаешь, т. е. ты меня *обидишь*.

Итак, в случае, когда речь идет о взаимодействии между людьми, которых связывают какие-то неформальные отношения, обида — это реакция на *message of indifference*, по выражению А. Вежицкой [Wierzbicka 1998], свидетельство безразличия, которое содержится в «обидном» высказывании или поступке или выводится из него адресатом. Однако обида может возникать и при взаимодействии совершенно чужих друг другу людей. Например, человек может обидеться, если кто-то (в том числе совершенно посторонний) не верит ему или сомневается в правильности сообщаемой им информации. Ср.:

- (4) Вспомнили, как ездили во дворец Фонтенбло и женщина-гид, показывая на кровать Наполеона, сказала о его росте — сто пятьдесят два сантиметра. Гера удивилась, наверное — сто шестьдесят два. Гидша *обиделась* и сказала, что у ее мужа рост сто пятьдесят два сантиметра, а всем известно, что он одного роста с Наполеоном (А. Рыбаков. Дети Арбата).

Продавщица может обидеться, если покупатель обругал ее товар (или если она сделала такой вывод из его слов), как в следующем примере:

- (5) — Дайте нарзану, — попросил Берлиоз.
— Нарзану нету, — ответила женщина в будочке и почему-то *обиделась* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Продавщица минеральной воды обиделась, потому что в просьбе Берлиоза ей «послышался» упрек (что, мол, она виновата, что у нее нет нарзана). Слово *почему-то* маркирует нетривиальность такого вывода (хотя на самом деле это очень типичный ход мысли «обидчивого» человека).

Заметим, что здесь странно бы выглядело *обиделась на Берлиоза*. Действительно, в этом случае слова «обидчика» воспринимаются просто как сигнал (message) из внешнего мира, свидетельство того, что кто-то считает меня хуже, чем я сам считаю — и, как выясняется, хочу, чтобы все так считали. Это, по-видимому, тоже некая константа человеческой психики — хотеть, так сказать, чтобы все тебя любили; по крайней мере, когда из внешнего мира приходит сигнал, свидетельствующий об обратном, человеку бывает неприятно.

Как уже говорилось, *обида* связана с чувством несправедливости; эта идея в некоторых значениях слова *обида* и его производных выходит на первый план. При этом источники ощущения несправедливости могут быть различными. С одной стороны, как несправедливость ощущается несоответствие ожидаемому уровню «добрых чувств». Особенно часто обида такого рода возникает в случае, когда человек ожидает от другого благодарности и не находит ее. Эта ситуация достаточно типична, поскольку, как известно, человеку свойственно испытывать добрые чувства к тому, кому он сделал что-то хорошее, и невольно рассчитывать на взаимность. И здесь человек попадает в ловушку, потому что чувство обязанности кому-то, наоборот, является дискомфортным, и оно часто перерастает в неприязнь (этот факт зафиксирован в поговорке *Доброе дело никогда не остается безнаказанным*).

С другой стороны, чувство несправедливости может быть вызвано тем, что высказанное «обидчиком» негативное мнение об «обиженном» не соответствует его собственным представлениям о себе (и в этом смысле является несправедливым, ср. *несправедливое обвинение*). Ср.:

- (6) — Это водка? — слабо спросила Маргарита. Кот подпрыгнул на стуле от *обиды*.
— Помилуйте, королева, — прохрипел он, — разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт! (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Вообще говоря, обида возможна и в том случае, когда обиженный признает справедливость высказанного негативного мнения, но в этом случае действует механизм первого типа: «Если ты меня любишь, то ты не должен был этого говорить, чтобы не сделать мне больно». В связи с этим обращает на себя внимание следующее свойство обиды, которое можно назвать «стереоскопичностью». Дело в том, что обида предполагает одновременность двух различных — и противоречащих друг другу — взглядов на вещи. Она существует лишь до тех пор и в той мере, в какой существуют оба эти взгляда; как только один из них пропадает (т. е. пропадает стереоскопичность), не остается места и для обиды. Два противоречащих друг другу взгляда — это: что «обидчик» меня «любит» и что он меня «не любит» или: что его негативное мнение обо мне «справедливо» и «несправедливо».

Действительно, если человек, с которым меня связывают некоторые неформальные отношения (то есть к которому я испытываю некоторые чувства и предполагаю, что это взаимно), совершил поступок, свидетельствующий, согласно произведенному мною выводу, что мое исходное предположение неверно, то чувство обиды (если оно возникает) сохраняется лишь до тех пор, пока это исходное предположение продолжает в какой-то форме быть для меня актуальным, то есть ровно в течение того времени, пока в моем сознании одновременно присутствуют обе идеи — условно говоря, что он меня любит и что он меня не любит. Дальнейший сценарий может развиваться двумя способами: либо в результате моих собственных размышлений (или «объяснений», просьб прощения и т. д.) я убеждаюсь в том, что мой вывод («он меня не любит») неверен; тогда вторая из противоречащих друг другу идей исчезает вместе с обидой (потому что для обиды важен всегда не поступок сам по себе, а то, «о чем он говорит»), либо я окончательно убеждаюсь в том, что мой вывод был правильным, и тогда аннулируется первая идея — но и обиде тоже не остается места, потому что она оказывается основанной на ложной посылке: «раз ты меня любишь, ты должен», ну а на нет и суда нет. То есть оказывается, что человек чувствует обиду только до тех пор, пока надеется, что она «напрасна» (ср. раздел II.3.3). Как только оказывается, что обида «не напрасна», она исчезает. В лучшем случае от обиды остается переживание понесенного ущерба. (Еще раз напомним, что речь здесь не идет о любви в собственном смысле слова, где логика иная.)

В ситуации с негативным мнением также имеется этот стереоскопический эффект. А именно, если я считаю это мнение (например, если кто-то сказал, или, по Грайсу, имплицировал, что я бездарен) просто не соответствующим действительности и оно несколько не заставляет меня усомниться в моих достоинствах, то я и не обижусь. Обида возникает только в том случае, если это «несправедливое» (= неправильное) мнение показалось мне отчасти «справедливым» (= правильным), и длится до тех пор, пока эти оба мнения в моем сознании сосуществуют. Если же в результате я пришел к выводу, что «обидчик» был прав, то мое состояние уже не может быть названо обидой (это может быть огорчение, горе, отчаяние, депрессия или злоба, но не обида). Ср. следующий пример:

- (7) — Слава те господи! Нашелся наконец хоть один нормальный среди идиотов, из которых первый — балбес и бездарность Сашка!
 — Кто этот Сашка-бездарность? — осведомился врач.
 — А вот он, Рюхин! — ответил Иван и ткнул грязным пальцем в направлении Рюхина. Тот вспыхнул от негодования.
 «Это он мне вместо спасибо! — горько подумал он, — за то, что я принял в нем участие! Вот уж, действительно, дрянь!» [...]
 Настроение духа у едущего было ужасно. Становилось ясным, что посещение дома скорби оставило в нем тяжелейший след. Рюхин старался понять, что его терзает... Что же это? *Обида*, вот что. Да, да, *обидные* слова, брошенные Бездомным прямо в лицо. *И горе не в том, что они обидные, а в том, что в них заключается правда* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Горе не в том, что они обидные означает, что обнаружившийся в этих словах «недостаток любви» к нему со стороны Бездомного не так уж огорчает Рюхина: огорчает его сознание собственной бездарности. И здесь уже места для обиды не остается.

«Избыть» обиду можно тремя способами: отомстить, простить и забыть (ср. выражение *не помнить обид*). Христианская этика учит прощать, и, вообще говоря, между близкими людьми это обычно так и происходит — вопреки вышеизложенной логике (ниже будет идти речь о том, чем *простить* отличается от *не обидеться*).

Итак, концепт *обиды* включает в себя следующие компоненты (на метаязыке в духе Вежбицкой):

- (8) (a) другой человек сделал нечто;
 (b) этим он сделал мне нечто плохое (= нанес ущерб);
 (c) я считаю, что он не должен был этого делать (= это несправедливо), потому что он ко мне хорошо относится;
 (d) поэтому мне плохо;
 (e) поэтому я чувствую нечто плохое по отношению к этому человеку.

Каков коммуникативный статус этих компонентов? Компоненты (a—b), по-видимому, принадлежат презумптивной зоне значения. Посмотрим, что означает *Я на тебя не обиделся*. Скорее всего, совокупность трех вещей:

- (c') я не считаю, что это несправедливо;
 (e') я не чувствую ничего плохого по отношению к тебе;

а также, по-видимому:

- (d') мне не плохо.

Ср. следующие примеры:

- (9) — А, во-вторых, потому что это вообще невозможно объяснить.
 — Так не бывает, — заявил Виктор. — Вы просто не хотите говорить. Но я на вас *не обиде* [= ‘не считаю, что вы должны были поступить иначе’]. Подписка, разглашение, военный трибунал... (Упсальский корпус);
- (10) Ее окликнули. Я хотел было повернуться на голос усатого санитара, но мама больно ударила меня по щеке. — Не смотри! — прикрикнула она. *Я не обиделся* [= ‘не счел несправедливым’], я понял и послушался ее (Упсальский корпус).

Важность компонента (d) подтверждается, в частности, тем, что именно он оказывается в центре в том случае, когда человек пытается *сделать вид, что обиделся* (а на самом деле ему *безразлично*), ср.:

- (11) *И обида* ее — наигранная. Ни капельки она *не обиделась*. Ей должно быть абсолютно *безразлично*, что происходит у меня в студии (А. Маринина).

Теперь посмотрим, что значит *Я тебя простил*: как представляется, это означает, что я перешел от (e) к (e'), а также, возможно, от (d) к (d') — при том что компонент (c) мог сохраниться. Возможно даже, что компонент (d') «усиливается» до (d'') ‘я чувствую нечто хорошее по отношению к тебе’. То есть в прощении мнение о несправедливости может (хотя и не обязательно) сохраняться, но исчезает чувство протеста против нее и вызванное им недоброе чувство к «обидчику».

Обратимся теперь к другим языкам. Русским словам *обидеться*, *обида* может быть сопоставлено два ряда терминов. С одной стороны, это слова: англ. *to offend*, *offence*, франц. *offenser*, *offense*, нем. *beleidigen*, *Beleidigung*, значение которых более точно соответствуют русскому *оскорбить*, *оскорбление* (а именно это различие и составляет специфику русского концепта *обиды*, см. ниже). С другой стороны, во многих языках имеются слова со значением нанесения физического ущерба, у которых есть производное значение, близкое к русскому *обидеться*, например: англ. *to be hurt*, нем. *gekränkt sein*, франц. *être blessé*; ср. также русское *ранить* в переносном значении⁶¹.

⁶¹ В любом случае концепт, который можно было бы сопоставить *обиде* в европейских языках, является для них периферийным, доказательством чему является тот факт, что ни одно из перечисленных выше слов (по крайней мере, английского и немецкого языков) не вошло

Рассмотрим сначала соотношение между *обидой* и *оскорблением* (речь идет о русском слове *оскорбление*; англ. *offence* не совпадает ни с тем, ни с другим словом, но ближе по значению к *оскорблению*); заметим, что само слово *оскорбление*, в отличие от *обиды*, не обозначает эмоции.

Оскорбление возникает, когда задета наша честь, обида — когда задето чувство. Русский язык острее реагирует на второе (ср. [Уфимцева 1996] об относительно малой значимости понятия *чести* для современного русского языкового сознания). В оскорблении участвуют социальные факторы, в обиде — индивидуальные; множество оскорбительных высказываний является частью культурного текста данного социума, между тем множество обидных высказываний нельзя исчислить, так как категория «обидного» определяется *ad hominem*.

Сравним теперь русскую *обиду* с англ. *offence, to offend*. А. Вежбицкая [Wierzbicka 1998] предлагает следующее толкование:

- (12) *I was offended* =
- (a) I felt something bad
 - (b) because I thought about someone else (Y):
Y did something (Z)
because of this I know:
 - (c) Y doesn't think good things about me
 - (d) Y wants me to know this.

А. Вежбицкая сравнивает англ. *offended* с польским словом *przykro*, которое включает в себе лингвоспецифичный концепт, не имеющий эквивалентов в других языках, в том числе в русском (он как бы совмещает в себе значения русских *обидно* и *совестно*: чувствует *przykro* как тот человек, которого обидели, так и тот, который обидел другого; в обоих случаях присутствует компонент 'кто-то чувствует по отношению ко мне нечто плохое'). А. Вежбицкая пишет:

Очевидно, что концепт *offended* имеет много общего с *przykro*. Общим для них является, грубо говоря, «недостаток внимания» (*deficiency of regard*). Но, во-первых, в *offended* идет речь о видимом отсутствии «хороших мыслей» о ком-то, в то время как в *przykro* — о видимом отсутствии «хороших чувств»; во-вторых, в *offended* обсуждаемый недостаток открыто и намеренно демонстрируется, в то время как в *przykro* он обычно обнаруживает себя помимо воли «обидчика» или выражается им в имплицитной форме [Wierzbicka 1998].

Все это верно и для соотношения англ. *offended* с русской *обидой*. Кроме того, в *offended* отсутствует идея несправедливости, которая, как мы видели, очень важна также для *обиды*.

Итак, наиболее специфичным в русской обиде является тот ее вариант, где в центре внимания находится отношение «обиженного» к «обидчику», а именно упрек в недостаточной любви — по сравнению с некоторым «должным» ее уровнем, представление о котором, возможно ни на чем не основанное, порождает, тем не менее чувство несправедливости, из которого и вырастает *обида*.

в списки основных имен эмоций в работах [Mel'čuk, Wanner 1996] (где рассматривается 40 наиболее частотных обозначений эмоций в немецком языке) и [Wierzbicka 1972] (где анализируется 36 слов английского языка). Между тем для русского языка слова *обида* и *обидеться* являются весьма частотными, а соответствующая эмоция — весьма существенной для русского языкового сознания (ср., в частности, включение слово *обижаться* в число 40 «слов с значением чувства», описываемых в [Иорданская 1970]).

Обратимся теперь к словам типа англ. *to hurt*, имеющим значение 'обидеть' в качестве переносного.

Толкование для английского *to be hurt*, предлагаемое в [Wierzbicka 1998], в целом приложимо и к русскому *обидеться* <на кого-то>. Ср.:

- (13) *Y was hurt (by what X had done) =*
 (a) Y felt something bad,
 (b) because Y thought:
 (c) X did Z
 (d) I didn't think X would do something like this,
 (e) because I thought that X felt good feelings towards me
 (f) (like I feel good feelings towards X).

Различие между английским *to hurt* и русским *обидеть* (которое состоит примерно в том же, что и различие между русскими словами *обидеть* и *ранить* в переносном значении) определяется в конечном счете меньшей от-refлектированностью этого концепта в английском языке. Во-первых, в *обидеть* — в отличие от *ранить* и *to hurt* — нужное значение является непроизводным и (возможно поэтому) более определенным. Во-вторых, глагол *обидеть* обладает богатыми словообразовательными связями, главная из которых состоит в наличии существительного, обозначающего само чувство, которое обладает определенной автономностью: *свою обиду*, например, можно *лелеять* и *раздувать* или, наоборот, *подавить*, *заглушить*, *проглотить*; она может *расти* и, наоборот, *улетучиваться*, ее можно *держат* или *забывать* и т. д. (ни у *ранить*, ни у *to hurt* подобных словообразовательных возможностей нет). Наконец, третье и главное: *обида* имеет гораздо более сложную структуру. В частности, чувство *обиды* может наступить с некоторым запозданием, в результате определенной ментальной «обработки» — иными словами, чувство обиды может в некоторой степени контролироваться сознанием: бывает так, что человек, подумав, решил обидеться (или, наоборот, не обижаться). Что же касается чувств, обозначаемых словами *ранить* или *to hurt*, — это всегда непосредственная реакция на вызывающий их стимул.

Рядом со словом *обида* в русском языке существует весьма близкое по значению слово *досада* (также труднопереводимое). Если *обида* всегда бывает на *кого-то*, то есть это чувство к другому человеку, то *досада* может быть только на *что-то*, на какие-то обстоятельства, препятствующие осуществлению желаемого; это может быть, в частности, и другой человек, но в *досаде* он выступает лишь как механическое препятствие. Поэтому *досадовать* можно на самого себя — например, за собственную глупость или неудачливость. Источником *досады* является единичное событие, из которого не выводится никаких следствий, — в отличие от *обиды*, где нам бывает важен обычно не сам поступок, а то, что «за ним стоит» (то есть недостаток любви или уважения). *Обида* соседствует со слезами и слабостью, *досада* — со злобой и агрессией.

5.2. ОБИДНО

Еще более специфичным, чем *обида*, является русское слово *обидно*. Оно имеет несколько значений, одно из которых соответствует эмоции обиды, хотя и в модифицированном виде. Так, можно сказать *Мне обидно, что никто не притронулся к моему салату*, но вряд ли уместно в этой ситуации *обидеться* на гостей (затаить на них *обиду*) — если, конечно, не предполагать в этом поступке специального злого

умысла. С другой стороны, несколько странно звучит фраза *Мне обидно, что Иван не поздравил меня с днем рождения* (на Ивана скорее можно было бы в этой ситуации *обидеться*). Естественнее звучит *Мне обидно, что никто из моих друзей не поздравил меня с днем рождения* (и это значит, что мне *жалко себя*). Таким образом, если слово *обидеться* описывает отношение обиженного к «обидчику», то в *обидно* акцент перемещается на состояние обиженного (что соответствует семантике конструкции с безличным предикативом). Фраза *Мне обидно, что Иван не поздравил меня с днем рождения* отличается от *Я обиделся на Ивана за то, что он не поздравил меня с днем рождения* тем, что во фразе с *обидно* в центре моего внимания находится жалость к себе, а во фразе с *обиделся* — упрек к другому. Соответственно, *обидно* допускает управление *за кого/что* и не имеет валентности *на кого*. *Обидно* употребляется в тех случаях, когда личность «обидчика» как таковая меня не интересует.

Чувство, называемое словом *обидно*, возникает, когда подвергается унижению, осмеянию или просто недооценивается что-то данному человеку дорогое (то есть это либо он сам, либо другой человек, ему близкий, либо нечто, ему дорогое). Частным случаем «чего-то дорогого» может быть и просто совокупность собственных затраченных усилий: *обидно*, если они оказываются неоцененными, то есть затраченными *напрасно*.

У слова *обидно* имеется также другое значение ('обидно 2')⁶², которое сближается с 'жалко' (ср. пример (14а)) или с 'сожалеть 1' (ср. пример (14б)); см. также разделы П.2.4, П.2.1.

- (14) а. *Обидно/жалко* было бы упустить такую возможность, *Обидно/жалко* уезжать раньше срока.
б. *Обидно/жалко*, что не удалось встретиться.

И *обидно*, и *жалко* в этом случае описывают чувство, возникающее при мысли о том, что обстоятельства, сложившиеся некоторым образом, могли сложиться иначе, и это иначе было бы лучше. Как в *обидно*, так и в *жалко* на первый план выступает идея возможности осуществления некоторой положительной альтернативы. Эта идея заложена в самих словах *сожалеть* и *жалко*; в *обидеть* она в готовом виде отсутствует: в безличном *обидно* она появляется из другого источника — из представления о нарушаемом «справедливом» (и тем самым «нормальном») положении дел.

Между *обидно* и *жалко* сохраняются все же определенные различия. Ср. (15а) и (15б):

- (15) а. Мне *жалко*, что теперь зима, / И комаров не слышно в доме (Мандельштам).
б. ⁷²*Обидно*, что сейчас зима.

Дело в том, что *обидно* уместно только в случае, когда несостоявшаяся положительная альтернатива представляется более «нормальным» вариантом развития событий, а осуществившийся «ненормальный» вариант — маловероятным, ср.:

- (16) Как *обидно*, что испортилась погода; *Обидно*, что из-за какого-то пустяка все срывается; Так *обидно* заболеть в первый день каникул.

Для *жалко* подобного ограничения нет. Таким образом, в безличных *жалко* и *обидно* сохраняется различие между *сожалением* и *обидой*, состоящее в том, что смысло-

⁶² Соответственно, описанное выше значение слова *обидно* следует обозначить 'обидно 1'.

вым стержнем *сожаления* является идея «мо г л о быть иначе» (см. раздел П.2.3), а *обида* — «д о л ж н о было быть иначе» (ср. выше об идее «должного» в обиде).

Другое отличие состоит в том, что в *жалко* делается акцент на том, что несостоявшаяся альтернатива хороша, а в *обидно* — что состоявшаяся плоха. *Жалко* всегда утраченной возможности чего-то хорошего. Поэтому можно сказать:

(17) *Обидно* наткнуться на контролера именно тогда, когда забыл проездной,

при том что с *жалко* подобная фраза звучит аномально.

Обидно в конструкции с подчиненным инфинитивом сов. вида сближается по значению с *угораздило* (ср. раздел III.1) — с точностью до распределения коммуникативных статусов компонентов. И *жалко*, и *обидно* в сочетании с инфинитивом составляют специфическую для русского языка конфигурацию, не имеющую удовлетворительных эквивалентов в европейских языках. Что касается этих слов в других конструкциях, то эквивалентами *жалко* выступают широко употребительные выражения (англ. *it's a pity*, франц. *c'est dommage*, нем. *schade*, итал. *peccato* и т. д.); они же используются в качестве эквивалентов для *обидно 2*, то есть *обидно* переводится на западные языки лишь в той мере, в какой оно синонимично *жалко* <что>.

Заметим, что *обидно 1* и *обидно 2* различаются еще и характером субъекта. Субъект при *обидно 1* не может быть опущен (за исключением эллипсиса в ограниченном круге контекстов типа *Неужели тебе не обидно? — Конечно, обидно*). Между тем *обидно 2* (как и *жалко* в соответствующем значении) допускает как заполненную, так и незаполненную позицию субъекта-носителя состояния, причем в этих двух случаях выступают разные субъекты. Когда я говорю *Жалко отсюда уезжать* или *Жалко, что кончаются каникулы*, я, конечно, сообщаю о своем внутреннем состоянии (о том же, что и во фразе *м н е жалко...*), но не только о нем: делая такое высказывание, я как бы призываю слушателя присоединиться к моей оценке. Таким образом, если формально выраженный субъект выступает как носитель сугубо индивидуальных ощущений, то опущенный субъект выступает как носитель некоего взгляда на вещи, который, как считает говорящий, разделяется другими людьми, находит у них поддержку. В частности, высказывания с *обидно 2* (так же как и с *жалко*) легко присоединяют выражения типа *правда? (Обидно, что так получилось, правда?)*. *Обидно уезжать раньше срока* можно сказать в том числе про другого человека — и тогда это будет значить что-то вроде: ‘тебе (ему), наверное, обидно’ или: ‘мне на твоём (его) месте было бы обидно’, или: ‘всякому было бы обидно’ и т. д., т. е. это констатация некоторого «объективного» положения дел. Ср. следующий диалог (из телевизионного фильма), где обыгрывается эта неоднозначность:

(18) — А она ведь спит с этим придурком!

— Да, *обидно!*

— Кому *обидно?* Тебе?

— Нет, тебе.

5.3. СОВЕСТНО И НЕУДОБНО

Рассмотрим теперь еще два лингвоспецифичных слова, связанных с *обидой* семантикой «щепетильности», — *совестно* и *неудобно* (ср. выше о польском слове *przykro*, объединяющем русское *обидно* и *совестно*).

5.3.1. Совесть

Концепт *совести*, будучи одной из важнейших составляющих христианской этики, является в рамках европейской культуры универсальным. *Совесть* выполняет двоякую функцию: с одной стороны, она наделяет человека способностью различать добро и зло, а с другой — руководит поступками человека, направляя их в сторону добра. В языковой картине мира на первый план выступает вторая функция: *совесть* в русской языковой картине мира мыслится как «нравственный тормоз, блокирующий реализацию его аморальных желаний», и одновременно как «строгий внутренний судья» [Апресян 1995: 353].

То, что *совесть* может *грызть*, *мучить*, *терзать* и вообще доставлять разные неприятные ощущения постфактум, когда поступок уже совершен (т. е. если совесть выполнила свою первую функцию и не справилась со второй), известно многим языкам. Особенно прочно связываются ощущения, доставляемые совестью, с идеей ‘грызть, кусать’ (ср.: *угрызения совести*, нем. *Gewissenbisse*, франц. *remords*). Специфическим для русского языка является то, что в нем имеется идиоматический способ представить участие совести в процессе принятия решения и в оценке собственных действий как состояние самого действующего субъекта. Это слово *совестно*, значение которого существенно отличается от значения самого слова *совесть*. Рассмотрим его подробнее.

Слово *совестно* сближается, с одной стороны, со словом *стыдно*, с другой — со словом *неудобно*.

Совесть и *стыд* образуют в русском языке естественную пару близких и взаимодополняющих понятий, связь между которыми подкрепляется выражениями вроде *ни стыда, ни совести*, параллелизмом фраз типа *Как тебе не стыдно* и *Как тебе не совестно*, сходством модели управления у слов *стыдно* и *совестно*, а также их синонимией в ряде контекстов. При этом слово *стыдно* обозначает чувство стыда, относящееся к числу фундаментальных и универсальных человеческих эмоций (см., например, [Изард 1980]), а слово *совестно* включает в себе специфически русский концепт и переводится на европейские языки лишь в той мере, в какой оно синонимично *стыдно* — ср. предлагаемые словарями переводы для *совестно*: англ. *to be ashamed*, нем. *sich schämen*, франц. *avoir honte*).

Область пересечения сфер *совестно* и *стыдно* составляют дурные поступки, т. е. действия, осуждаемые нормами морали (ср. [Апресян 1997б: 417]); соответственно, в этих контекстах *совестно* и *стыдно* взаимозаменяемы. Однако у каждого из этих слов есть и собственные, противопоставленные друг другу сферы.

В принципе, в ведении *совести* находятся п о с т у п к и, т. е. контролируемые субъектом его собственные действия, в то время как к области *стыда* относятся самые

разные обстоятельства, в том числе вовсе от субъекта не зависящие (как, например, происхождение или произношение); *стыдно* вообще может быть за чужие действия. Так, верить небылицам может быть *стыдно*, но не *совестно* (так как человек при этом обнаруживает свою глупость и только), а их рассказывать может быть как *стыдно*, так и *совестно* (потому что ложь является морально осуждаемым поступком). *Унижаться пред гордою полячкой* может быть *стыдно*, но не *совестно*. Ср. также следующий пример, где употреблены оба слова, при этом *совестно* может быть заменено на *стыдно*, а наоборот, *стыдно* на *совестно*, — нет (именно потому, что употребление слова *совестно* предполагает апелляцию к морали):

- (19) — Скажи мне, однако, как твои дела с нею? — Он смутился и задумался: ему хотелось похвастаться, солгать — и было *совестно*, а вместе с этим было *стыдно* признаться в истине (Лермонтов. Герой нашего времени).

С другой стороны, *стыдно* бывает необязательно чего-то дурного: это может быть просто нечто интимное — то, что обычно скрывается (это может касаться как *тела*, так и *души*: в частности, сильные чувства). *Совестно* ничего этого быть не может (хотя в XIX в. это было не так — ср. ниже).

Значение предикатива *совестно* не полностью соответствует значению существительного *совесть*. Этическая норма, описываемая словом *совестно*, еще строже, предполагает еще бóльшую «щепетильность»: круг контекстов, когда можно употребить выражение *не позволяет совесть* или *чувствовать угрызения совести*, существенно уже тех, когда уместно употребление *совестно*. Ср. примеры (20—22), где замена на выражение со словом *совесть* невозможна или существенным образом меняет смысл:

- (20) Когда швейцар снял с меня внизу шинель и я предстал перед ним во всей красоте своей одежды, мне даже стало несколько *совестно* за то, что я так ослепителен (Л. Толстой. Юность);
- (21) Ах, Андрей, все я чувствую, все понимаю: мне давно *совестно* жить на свете (Гончаров. Обломов).

Совестно может быть пользоваться преимуществами, даже полагающимися «по праву»:

- (22) Теперь же тысячи новых, неясных мыслей касательно одинокого положения их зароились в моей голове; и мне стало так *совестно*, что мы богаты, а они бедны, что я покраснел и не мог решиться взглянуть на Катеньку (Л. Толстой. Отрочество).

Слово *совестно* относит к идее *справедливости*, отчасти противопоставленной «праву» и «закону», — см. [Левонтина, Шмелев 2000б].

Отметим, что при очевидной и никогда не затемнявшейся связи *совестно* с *совестью* употребление этого предикатива в XIX в. и на протяжении значительной части XX в. было значительно шире, чем сейчас, и охватывало значения, никакого отношения к совести, то есть к морали, не имеющие. Например:

- (23) При нем мне было бы *совестно* плакать (Л. Толстой);
- (24) Егорушке было *совестно* раздеваться при старухе (А. Чехов);
- (25) Через несколько минут вошел Толстой и сказал, что Соллогуб стоит в лакейской и что ему *совестно* войти (С. Аксаков).

Сейчас мы бы сказали соответственно: *стыдно плакать*, *неудобно (неловко) раздеваться* и *ему неудобно (или он стесняется) войти*.

Важный тип контекстов, где произошла замена *совестно* на *стыдно*, составляют случаи, когда автором дурного поступка является другой человек (*стыдно за кого-то*, *стыдно смотреть на что-то*), обнаруживающие своего рода «транзитивность» — примечательное свойство именно чувства *стыда*⁶³. Источником для чувства, описываемого словом *совестно* в современном употреблении, могут быть только собственные действия субъекта. Ср. следующий пример:

- (26) Но после несчастного вечера мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственной вине, эта мысль меня не покидала и мешала мне обходиться с ним по-прежнему: мне было *совестно* на него глядеть (Пушкин. Выстрел). [Сейчас мы бы сказали — *стыдно*.]

Другие примеры подобного употребления:

- (27) — Тарангас мой! — крикнула она таким болезненным криком, что всем сделалось неловко и *совестно* (Салтыков-Щедрин);
 (28) ...до того высокопарно, что *совестно* читать (Бунин).

5.3.2. Неудобно

Слово *неудобно* имеет спектр значений, границы между которыми не всегда отчетливы: от «физического» (*неудобно сидеть*) к «практическому» (*неудобно вести семинар в первой половине дня*, *неудобно сейчас разговаривать*) и далее — к «этическому» (*неудобно его об этом просить*, *неудобно перед гостями*). Это слово плохо переводится на европейские языки — причем не только в этическом, но и в двух других значениях⁶⁴. Этическое значение возникает в том случае, когда источником чувства дискомфорта является представление о возможном ущербе для другого лица. *Неудобно* в этом смысле отражает ощущение нарушения каких-то норм приличия или правил поведения, обычно довольно сложных и тонких, регулирующих конвенции отношений между людьми, ср.:

- (29) Мне *неудобно* его об этом спрашивать, а тебе можно.

Иногда такое *неудобно* сближается с *совестно*, ср.:

- (30) Мне *неудобно / совестно*, что ты все время что-то делаешь, а я только сижу и разговариваю.

Тенденция русского языка состоит в том, что в такого рода контекстах *неудобно* постепенно расширяет сферу своего употребления, вытесняя собою *совестно*. (Таким образом область *совестно* в современном языке сужается с двух сторон — ср. выше.)

Во многих отношениях *неудобно* объединяется со *стыдно* и противостоит *совестно*. Словом *совестно* обозначается индивидуальное ощущение человека по конкретному поводу. Это слово не допускает генерализации — ни в отношении субъекта, ни в отношении действия-объекта. Соответственно, *совестно* не допускает опущения субъекта — в отличие от *стыдно* и *неудобно*, которые в этом случае обозначают: ‘всякому человеку’ для *стыдно* и ‘всякому человеку (возможно — лишь определенной

⁶³ Подробнее о *стыде* см. [Арутюнова 1997; Булыгина, Шмелев 20006].

⁶⁴ Наблюдение Е. Н. Саввиной.

возрастной, социальной и т. п. категории) — для *неудобно*. Поэтому можно сказать *Не делай этого. Это стыдно* или *Это неудобно*, но не **Это совестно*⁶⁵. Не допускает *совестно* и обобщения в отношении действия-объекта. Существует класс поступков, совершать которые *стыдно* (всякому человеку): они называются *постыдными*, — но не существует класса поступков, которые совершать *совестно*. Соответственно, нет и такого прилагательного, которое относилось бы к классу поступков — зато бывает *совестливый человек*. Чувство *совестно* является моим личным достоянием, в то время как *неудобно* объединяет меня с другими. *Совестно* не имеет градаций, а *неудобно*, как и *стыдно*, может быть в большей или меньшей степени (ср.: это *не так* стыдно; мне *очень* перед ним неудобно). *Неудобно* выражает этику отношений между людьми, а *совестно* — этику отношений человека с самим собой.

Близость между *совестно* и *неудобно* основана на общем компоненте, связанном с идеей ущерба, доставляемого другому человеку. Эта идея отсутствует в *стыдно*, где «другой» выполняет весьма важную функцию, но совсем иную (см. [Арутюнова 1997а]).

Расхождение между *совестно* и *неудобно* обусловлено тем обстоятельством, что *совестно* всегда соотносится с понятием морали — в отличие от *неудобно*, которое апеллирует к конвенциям межличностных отношений (и при этом не личных, а типизированных). *Совестно* — это непосредственное ощущение, в то время как *неудобно* — результат вывода (ср. аналогичное различие между *раскаиваться* и *сожалеть* в разделе II.2.5). Поэтому чувство *неудобно* может оказаться *напрасным* (если выяснится, что адресат этого чувства не несет никакого ущерба, см. раздел II.3.3), в то время как чувство *совестно* не может быть опровергнуто никакими обстоятельствами во внешнем мире (в частности, мнениями или ощущениями других людей). По этой же причине нельзя сказать **Я подумал, что совестно*, при том что аналогичное употребление для *неудобно* вполне допустимо, ср.:

(31) Он *подумал*, что даже стуком наведываться к человеку, утомленному дорогой, *неудобно* и навязчиво (Пастернак. Доктор Живаго).

Совестно может оказаться взаимозаменяемо с *неудобно* — но только в том случае, когда моральные препятствия к некоторому действию не переживаются субъектом как таковые, а являются основой некоторой поведенческой конвенции (например, спрашивать с вдовы долги мужа кому-то может быть *совестно*, а кому-то — просто *неудобно*).

⁶⁵ Это соображение было высказано А. Д. Шмелевым.

6. К СЕМАНТИКЕ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

6.1. Друг, общение, отношение, просьба

Слово *друг* (а также его синонимы в русском языке и эквиваленты в других языках, в частности англ. *friend*) подробно анализируется в книге [Wierzbicka 1997]. Согласно А. Вежбицкой, *мой друг* по-русски — это человек, с которым я хочу быть и хочу говорить, причем говорить *по душам* (ср. компоненты: ‘I want to be with this person’, ‘I want to talk to this person’ и ‘I can say anything to this person’). К анализу Вежбицкой можно добавить, пожалуй, лишь то, что русское слово *друг*, по-видимому, ожидает судьба английского *friend*. Как показывает Вежбицкая, это слово в английском языке претерпело семантическую эволюцию, состоящую в «ослаблении» и одновременно «прагматизации» значения: от значения, близкого к русскому *друг*, с основным семантическим компонентом ‘I want to do GOOD THINGS FOR this person’ к значению, в центре которого находится идея ‘I want to do THINGS WITH this person’ [Ibid.: 40]. В современном русском дискурсе (в особенности в речи людей, долго живших за границей) все чаще можно встретить употребление слова *другья* для номинации людей, с которыми говорящий ездит по воскресеньям на барбекю.

«Эрозия» слова *друг* происходит одновременно и с другой стороны: в порядке семантической кальки с «западноевропейского» оно стало употребляться в значении, соответствующем англ. *boyfriend*, и это словоупотребление уже нашло свое отражение в словарях, ср. определение из [Урысон 2000а: 108] «мужчина, с которым близка данная женщина».

Слова *общение* и *общаться* до самого недавнего времени не были объектом внимания лингвистов⁶⁶. Между тем эти слова весьма специфичны и плохо поддаются переводу. Можно указать по крайней мере две особенности, отличающие слова *общение* и *общаться* от их переводных эквивалентов (например, англ. *communication, to communicate, contact, to contact*) и русских квазисинонимов *контакт, коммуникация, контактировать*. Первая состоит в том, что глагол *общаться* (а вслед за ним и существительное *общение*) несет в себе идею очень неформального взаимодействия,

* Впервые опубликовано: [Зализняк 2006: 290—297].

⁶⁶ В статье [Вежбицкая 2002] слова *общение, общаться* упоминаются среди ключевых «культурных» слов, не имеющих эквивалента в английском языке. Отсутствие переводного эквивалента для этих слов в немецком языке было отмечено в докладе А. Эртельт-Фит на конференции «Стереотип и миф в языке и искусстве» (Университет Потсдам, январь 2003); материалы этого доклада частично отражены в публикации [Ertelt-Vieth 2005].

«человеческого тепла»; вторая — в том, что *общаться* в современном языке имеет референцию к конкретному процессу.

Общаться по-русски означает приблизительно ‘разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта’⁶⁷. При этом разговор, составляющий содержание общения, не обязательно должен быть «о главном» — речь может идти в том числе и о пустяках, так как наиболее существенное в общении — именно поддержание контакта, ощущения *общности*. А. Вежицкая считает, что слово *общаться* (наряду с такими выражениями, как *излить душу*, *душа нараспаишку*) указывает на наличие культурного скрипта «Хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он думает / чувствует» [Вежицкая 2002: 29].

Слово *общаться* содержит, кроме того, идею некоторой бесцельности этого занятия и получаемых от него *удовольствия* или *радости* (ср. устойчивое сочетание *радость общения*, а также характерные фразы типа *С ним общаться — никакого удовольствия*; *Ты получишь большое удовольствие от общения с ними* и т. п.). Заметим, что обсуждаемое значение у слова *общаться* появилось относительно недавно, является новообразованием разговорного языка и некоторыми более строгими носителями русского языка воспринимается как вульгарное⁶⁸. Раньше этот глагол употреблялся лишь для обозначения «абстрактного состояния» («generic state», по Вендлеру) — как *питаться* или *руководить*, типа *Дети в этом возрасте общаются в основном со своими сверстниками*. Современный разговорный язык свободно допускает употребление этого глагола в актуально-длительном значении, ср.: *Что делает Маша? — Она в соседней комнате общается по телефону с Петей; сейчас она дообщается и придет*. Характерно, что от глагола *общаться* в разговорном языке легко образуются различные способы действия: делимитативный (*пообщаться полчаса*), пердуративный (*прообщаться весь вечер*), сатуративный (*наобщаться вдоволь*), семельфактивный (*общнуться*) и др.

Между людьми, которые *общаются*, имеются определенные *отношения*, и каждый имеет то или иное *отношение* к другому⁶⁹.

Слово *отношение* крайне плохо переводится на европейские языки, включает в себе весьма характерный для русской языковой картины мира концепт, но, насколько мне известно, до сих пор не анализировалось с данной точки зрения. *Отношение* <одного человека к другому> — это его устойчивые чувства к другому человеку, которые могут в чем-то проявляться, но могут и оставаться невыраженными. Для понятия *отношение* очень важно именно это разделение «сущности» и «явления»: знаки внимания, подарки и т. п. могут не рассматриваться адресатом как свидетельство наличия определенного *отношения* к нему; и наоборот, бывает так, что *отношение* ни в чем не проявляется, не теряя при этом своего экзистенциального статуса.

Слово *отношения* <между двумя людьми> включает внутренний, «душевный» аспект (*отношение* каждого из них к другому) и дополнительный внешний, кон-

⁶⁷ О том, что родовой семой у *общаться* является ‘разговаривать’, свидетельствует появившаяся у этого глагола валентность *на какую тему*.

⁶⁸ По свидетельству Майи Туровской, глагол *общаться* пришел в обиходный русский язык из театрального жаргона, где он имел хождение как центральное понятие системы Станиславского.

⁶⁹ Это две отдельных лексемы; соответственно, первая из них — *pluralia tantum*.

венциональный. *Отношения* могут быть *хорошие, плохие, близкие и очень близкие, дружеские, любовные*, бывают *чи-то* отношения, *у кого-то такие-то* отношения, можно *находиться* с кем-то в тех или иных отношениях, отношения могут быть *напряженными, натянутыми*, их можно *установить, наладить, построить* или *выстроить на какой-то основе* и, наконец, *разорвать, порвать, прервать*. Кроме того, *отношения* можно *выяснять*. Устойчивым сочетанием *выяснение отношений* обозначается чисто русское занятие (в некотором смысле противоположное *общению*), состоящее в том, что люди говорят друг другу неприятные вещи, считая при этом, что они хорошо поступают — по-видимому, в силу давления культурного скрипта «Хорошо, если другие люди знают, что человек чувствует» [Вежбицкая 1999: 545] (к этому культурному скрипту мы еще вернемся при обсуждении различий между словами *чувства* и *эмоции*).

Еще более специфичен глагол *относиться* <к кому-то как-то>. Фраза *Как ты ко мне относишься?* — это не только практикуемый среди подростков способ вынудить признание в любви: это явный или скрытый сюжет весьма значительной части разговоров на русском языке. По-русски *относиться* к кому-то можно *с уважением, почтением, любовью, симпатией, презрением, недоверием* и некоторыми другими чувствами. Но главное, что по-русски можно *относиться* к кому-то *как-то*, и за этим иногда стоит целый сюжет (ср.: *Так-то ты ко мне относишься!*); этот сюжет может суммироваться словом *хорошо* или *плохо*. Выражение *относиться* <к кому-либо> *хорошо / плохо* — наиболее лингвоспецифично и труднопереводимо: при внешней схожести с формулой *X feels something good/bad toward Y*, используемой А. Вежбицкой и состоящей из семантических примитивов (см., например, толкование англ. *love* в [Wierzbicka 1992a: 145]), обсуждаемое русское выражение, наоборот, необычайно сложно и нагружено имплицитными смыслами⁷⁰.

Не менее характерным для русского дискурса является глагол *просить* (*попросить*). Как известно, например, в английском и во французском языке не различаются идеи, выражаемые русскими глаголами *спросить* и *попросить*⁷¹. Этот факт обращает на себя внимание, потому что для русского языка отношения между глаголами *спросить* и *попросить* весьма далеки от синонимических; разница между ними сохраняется в том числе в контексте, где оба глагола возможны, ср. *спросить совета* и *попросить совета*. Действительно, их значения имеют довольно существенную общую часть: ‘Я хочу, чтобы ты для меня [нечто сделал]’ — соответственно, ‘сообщил нужную мне информацию’ или ‘совершил нужное мне действие’. Однако с точки зрения русского языка различие здесь более существенно, чем сходство. Почему?

Начнем с семантики русского глагола *просить* (и соответствующего ему существительного *просьба*). В работе [Гловинская 1993: 180—181] для глагола *просить* предлагается следующее толкование:

X просит Y-а, чтобы Y сделал P =

- (1) X хочет, чтобы было P;
- (2) X считает, что Y может сделать, чтобы было P;

⁷⁰ Из рассмотренных трех слов лишь одно — *отношения* <между двумя людьми> имеет удовлетворительные переводные эквиваленты, ср.: англ. *relationship*, нем. *Beziehungen*.

⁷¹ В немецком языке имеются глаголы *fragen* ‘спрашивать’ и *bitten* ‘просить’ (то есть немецкий язык в этом отношении, как и в многих других, оказывается ближе к русскому, чем, например, английский и французский).

- (2') X считает, что Y не обязан делать P;
 (2'') X не уверен, что Y сделает P, если X не скажет ему об этом;
 (3) X говорит, что он хочет, чтобы Y сделал P;
 (4) X говорит это, потому что хочет, чтобы Y сделал P.

Это толкование в целом соответствует толкованию А. Вежбицкой для английского глагола *to ask I* [Wierzbicka 1987a: 49—50]. Однако, как представляется, русский глагол *просить* имеет еще более сложную семантическую структуру. Во-первых, компонент (2'), по-видимому, следует усилить до 'X считает, что Y не обязан делать P, и хочет, чтобы Y знал, что X так считает'. Кроме того, глагол *просить* отличается от английского *to ask* в том отношении, что просящий неизбежно оказывается «в положении просителя», т. е. в положении несколько униженном, просьба — это обращение «снизу вверх»⁷². Глагол *to ask* в отличие от русского *просить* редко используется в речевом акте просьбы: в отличие от русской фразы *Сделай это, я тебя прошу* английская фраза *Do it, I ask you* звучит странно и уж точно не звучит как *просьба* в русском смысле.

Итак, просьба — это всегда просьба об одолжении. Чтобы не оказаться в этом положении, многие люди сознательно избегают ситуации просьбы, добываясь от других людей совершения нужных им действий иными средствами. Помимо чисто знаковой функции перформатива, т. е. осуществления определенного типа речевого акта, произнесение слова *прошу* ставит говорящего в «низшее» положение по отношению к адресату (независимо от реальной иерархии их статусов: акт просьбы возможен по отношению как к «высшему», так и к «низшему»). В этом русский глагол *просить* сближается с английским глаголом *to beg*, о котором А. Вежбицкая пишет, в частности, что «*begging* предполагает униженную, жалкую позицию: просящий дает понять, что что он трактует своего адресата как человека, имеющего над ним власть» [Wierzbicka 1987a: 53]. Однако этическая окраска русской *просьбы* существенно иная. В *просьбе* имеется компонент вроде следующего 'Я предполагаю, что ты это сделаешь, потому что я предполагаю, что ты хочешь, чтобы мне было хорошо'. Одновременно *просьба* включает обещание благодарности: фраза *Я тебя прошу* означает, в частности, 'я буду чувствовать, что я тебе обязан'. Русская *просьба* тем самым означает вовлечение адресата в определенный тип взаимных отношений, где от каждого из участников предполагается наличие некоторых «добрых чувств» по отношению к другому. Обращение к человеку с просьбой означает тем самым вторжение в чужую личную сферу — не только в том смысле, что от человека ожидаются какие-то действия, а прежде всего в том, что ему навязываются определенные чувства. И что наиболее характерно — *просьба* входит в число обычных, ежедневно производимых действий, является элементом быта, а глагол *просить* (*Надо попросить брата, соседа, дядю Васю и т. п. это сделать*) — характерным признаком русского дискурса.

Как представляется, этот факт хорошо вписывается в общую картину представлений о мире, отраженных в русском языке, а именно: неуважение к идее *приватности*⁷³; глубоко укорененная идея, что человек часто не делает того, что обязан, и

⁷² Так, образованные от глагола *просить* слова *проситель*, и в еще большей степени — *попрошайка*, имеют коннотацию «униженности» (ср. англ. *beggar* 'нищий' и отсутствие какого-либо помет *auctoris* от глагола *to ask*).

⁷³ Для этого понятия не существует даже собственного русского слова (слово *приватность* имеет ярко выраженный заимствованный характер) — ср. о непереводаемости англ. *privacy* в [Бойм 2002: 100].

делает то, чего не обязан делать (то, что можно, оказывается реально нельзя, а то, что как бы нельзя, на самом деле можно, и т. д.); ощущение неподвластности человеку окружающих его обстоятельств и готовность *попросить* о помощи, но одновременно — и готовность выполнить *просьбу*, обыденность обоих этих действий. Ничего этого нет в глаголе *спрашивать*, лишенном каких-либо специальных этических presuppositions или импликаций.

6.2. ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ

Рассмотрим теперь слова *чувство* и *эмоция* (о слове *чувство* см., например, [Иорданская и др. 1984; Урысон 1997в; Шайкевич 1996]).

Слово *чувство* имеет в русском языке несколько значений; с чувством в узком смысле (т. е. с особым «состоянием души») соотносится только часть из них. Предлагается следующее разбиение множества употреблений этого слова:

1. Канал восприятия сигналов из внешнего мира: гипероним для *зрения*, *слуха*, *обоняния*, *вкуса* и *осязания* (ср. также: *шестое чувство*). Со своим гипонимом слово *чувство* в этом значении не сочетается (ср.: **чувство зрения*).

2. Состояние, в котором человек способен сознавать окружающее; сознание (*лишиться чувств*, *привести в чувство*).

3. [С дополнением в род. пад. (*чувство <чего>*)]: состояние, когда человек нечто чувствует. Слово *чувство* в этом значении представляет собой *nomem actionis* от глагола *чувствовать*, результат трансформации из словосочетания *чувствовать нечто*, ср. *чувствовать радость* ↔ *чувство радости*. В качестве объекта при исходном глаголе (и соответственно, зависимого имени в род. пад. при существительном-номинализации) может выступать имя одного из собственно чувств «в узком смысле» (см. значение 5); таким образом, слово *чувство* в сочетаниях типа *чувство радости*, *ненависти*, *отвращения*, *гнева*, *обиды* и т. п. принадлежит одновременно двум значениям — 3 и 5. Однако слово *чувство* в значении 3 может сочетаться также с обозначениями физиологических ощущений и разного рода сложных внутренних состояний: *чувство голода*, *тошноты*; *чувство неприязни*, *облегчения*; *чувство превосходства*, *чувство вины* и т. п. Все эти чувства человек испытывает.

Сочетание *чувство вины* обладает той особенностью, что это выражение не имеет буквальной глагольной перифразы: нельзя сказать **чувствовать вину* (можно сказать лишь *он чувствует с в о ю вину* или *чувствует себя виноватым*).

4. [С придаточным, вводимым союзами *что*, *будто*]: иррациональное знание, возникшее на основании анализа чувственных данных (*У меня такое чувство, что <будто> тут кто-то есть кроме нас*)⁷⁴. Возможна глагольная перифраза, ср.: *У меня такое чувство, что он врет* ↔ *Я чувствую, что он врет*. Это значение возможно также в конструкции с род. пад.: *У него возникло чувство фальши, неуместности, ненужности происходящего*.

5. Собственно чувство (= определенное «состояние души»): гипероним для *любовь*, *ненависть*, *радость*, *возмущение*, *обида*, *стыд* и т. д. *Чувство* в этом значении употребляется в сочетании с именем своего гипонима в род. пад. (*чувство радости*)

⁷⁴ Для этого значения возможна частичная синонимия со словом *ощущение*, ср. [Шайкевич 1996; Урысон 1997в: 274].

или, реже, с указывающим на этот гипоним прилагательным (*радостное чувство*). Слово *чувство* в этом значении употребляется также во множ. числе без дополнения (*Но рано чувства в нем остыли; Но чувства в нем кипят, и вновь Мазепа ведает любовь*).

6. [С обязательной валентностью <к кому-либо>]: любовь, влюбленность (*Он не в силах был скрыть свое чувство к ней*).

7. [С дополнением в род. пад. (*чувство <чего>*)]: способность нечто чувствовать: *чувство юмора, чувство меры, чувство опасности, чувство прекрасного, изящного, чувство реальности, времени* и некоторые другие; эти сочетания обычно не соотносимы с глагольной конструкцией. Различие в таксономической категории (по сравнению со значением 3) проявляется в сочетаемости: *чувство восхищения* можно *испытывать*, а *чувство юмора* можно лишь *иметь* (*утратить, потерять*).

К этому же классу принадлежат более или менее устойчивые сочетания, описывающие свойства человека: *чувство долга, чувство самосохранения, чувство собственного достоинства* и некоторые другие.

Особо следует отметить относящееся к данному классу сочетание *чувство справедливости*. Как следует из сказанного выше, это выражение не является свидетельством того, что *справедливость* трактуется русским языком как *чувство*, но говорит о том, что справедливость, согласно русскому языку, можно *чувствовать*.

Что касается слова *эмоция*, то прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что оно, будучи, вообще говоря, синонимом для *чувство* в его основном значении (см. [Словарь синонимов, II: 680]), в разговорном языке оказалось носителем концепта, в некотором отношении противоположного концепту *чувство*.

Слово *эмоция* в русском языке появилось в конце XIX в. путем заимствования из французского (см. [Черных 1994, II: 447])⁷⁵. Став термином психологической науки, слово *эмоция* заняло системно весьма важную для русского языка позицию «высокого» («ученого») синонима для обиходного слова *чувство*. Именно эта коннотация книжности, «учености» определила в значительной степени дальнейшую судьбу слова *эмоция* в обиходном языке⁷⁶. А именно, можно сказать, что слово *эмоция* по отношению к *чувство* оказалось в роли такого «мещанского эвфемизма», как *моя супруга* вместо *моя жена*; *я искупалась* вместо *я помылась*; *он отдыхает* вместо *он спит* (ср. [Крысин 2004: 236, 356]); аналогия здесь состоит в том, что слово *чувство* избегается как обозначающее нечто слишком «личное», откровенно-интимное.

Как уже упоминалось выше, по мнению А. Вежицкой, русская культура (в отличие, например, от англосаксонской) содержит общее предписание «Хорошо, если другие люди знают, что человек чувствует». При этом внутренние состояния, обозначаемые в обиходном языке словом *эмоции* (во множ. числе), как кажется, не подлежат действию этого правила, так как это слово обозначает такие чувства, которые человек обнаруживать как раз не должен, ср. толкование в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова: «*эмоции* — ... Разг. Внешнее (обычно

⁷⁵ При этом основное значение франц. *émotion*, согласно словарю Ж. Дюбуа, — «внезапное и сильное смятение, волнение, вызванное удивлением, страхом, радостью и т. д.».

⁷⁶ На прилагательное *эмоциональный* это не распространяется: по-видимому, дело в том, что слово *эмоциональный* функционирует в русском языке как прилагательное не только от слова *эмоция*, но и от слова *чувство* (из-за того что прилагательное *чувственный* имеет другое значение).

несдержанное) проявление чувств: *Слишком много эмоций. Ненужные эмоции. Давайте обойдемся без эмоций*» (определение, очевидно, несколько неточное: судя по примерам, речь идет не только о внешних проявлениях чувств, но также и о самих чувствах).

Итак, *эмоции* — это неуправляемые, подчиняющие себе человека силы, оцениваемые русским языком как дурные. При этом качественно эмоции могут быть как «отрицательные» (раздражение, возмущение, обида, гнев и т. п.), так и «положительные» (восторг, восхищение, умиление и т. п.). Заметим, что свойством подчинять себе человека обладают также и *чувства*, которые *охватывают* человека, *овладевают* им и т. д. Однако *находиться во власти эмоций, действовать под влиянием эмоций* оценивается русским языком однозначно отрицательно, так как рассматривается как проявление внутренней *распушенности* и противоречит характерной для русской языковой картины мира установке на аскетическую сдержанность (ср. разделы 3 и 4 данной главы). Между тем *отдаваться чувству, повиноваться чувству* в своих поступках, наоборот, оценивается положительно и противопоставляется *рассудочности* и *расчетливости* (ср. [Плунгян, Рахилина 1993] о положительных коннотациях слова *безумный*).

Отчасти противопоставление *чувств* и *эмоций* имеет чисто сигнификативный характер, т. е. аналогично парам типа *шпион — разведчик, мятеж — восстание* и т. п.: говорящий называет *эмоциями* те *чувства* и в тех ситуациях, когда он их осуждает. В целом это, однако, не совсем так, потому что слово *эмоции*, помимо всего прочего, применимо лишь к временным состояниям, возникающим как реакция на определенный стимул (событие), — в отличие от слова *чувство*, которое уместно также в случае устойчивых внутренних состояний, не вызванных никакой конкретной причиной.

Главное же различие между *чувствами* и *эмоциями* состоит в том, что в отличие от *чувств*, которые локализируются в *душе* и тем самым относятся к области «высокого», *эмоции* — это нечто бездуховное, почти физиологическое, *телесное*, то есть «низкое» (ср. сходное противопоставление *радости* и *удовольствия*, описанное в [Пеньковский 1991; Зализняк 2003]). Действительно, выражение *положительные эмоции* встречается лишь в контекстах типа *положительные эмоции полезны для здоровья; для полного выздоровления ему нужно чаще бывать на воздухе, воздерживаться от мучного и жирного — и побольше положительных эмоций* и т. п. (соответственно, *отрицательные эмоции* вредны для здоровья). Оценка для *эмоций* возможна лишь гедонистическая, что же касается *чувств*, то они могут тоже оцениваться гедонистически (чувства бывают *приятные* и *неприятные*, ср.: *приятное чувство исполненного долга*); однако *чувства*, в отличие от *эмоций*, бывают также *хорошие* и *дурные*, и эта оценка — этическая. Пара *чувства* — *эмоции* входит, таким образом, в круг парных концептов, формируемый бинарными противопоставлениями «высокое — низкое» и «душа — тело»⁷⁷, см. [Шмелев 1997б]. Тем самым упомянутый выше принцип Вежбицкой в слове *эмоции* не нарушается.

⁷⁷ Эти два противопоставления не изоморфны: как показал А. Д. Шмелев, *душа* и *тело* вместе как то, из чего состоит человек, противопоставлены *духу*, который находится как бы над человеком.

7. РУССКИЙ СОЮЗ *А* КАК ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНОЕ СЛОВО*

7.1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Союз *а* представляет собой, по-видимому, одно из наиболее тщательно изученных русских слов, см. в частности [Левин 1970/1998; Крейдлин, Падучева 1974а; 1974б; Санников 1989; Янко 1990; Йокояма 1990; Падучева 1997; Николаева 2004; Урысон 2004а; 2004б; Фужерон 2004]. Разграничены и описаны все основные типы употребления союза *а* (в том числе «инициальное», в котором союз *а* функционально сближается с частицей), описано отличие *а* от *и* и *но*, отмечена прагматическая нагруженность, «эмоциональность» этого союза, его тяготение к разговорной, спонтанной речи. Е. В. Падучева дает объяснение этому феномену, состоящее в том, что союз *а* является «первичным эгоцентриком», т. е. выражает состояние сознания говорящего: его ожидания, мнения, оценки и эмоции, — в отличие от союза *но*, который отражает ожидания, оценки и решения лица, упомянутого в предложении (т. е. является «вторичным эгоцентриком») [Падучева 1997].

Между тем по крайней мере одна проблема, связанная с союзом *а*, до сих пор остается неразрешенной: какова связь между семантикой этого союза и отсутствием его аналога в западноевропейских языках. Действительно, исследователи неоднократно обращали внимание на тот факт, что русским трем союзам *и*, *а*, *но* соответствуют в западных языках два, основным значением которых являются ‘и’ и ‘но’, ср.: англ. *and* и *but*, нем. *und* и *aber*, франц. *et* и *mais*, итал. *e* и *ma* и т. д. (см. об этом, например, [Крейдлин, Падучева 1974а: 32; Фужерон 2004: 57]).

В немецком языке имеется союз *sondern*, иногда сопоставляемый русскому *а*. Однако он соответствует русскому *а* лишь в составе сложного союза *не... а*, (*Пришел не Петя, а Ваня*) который считается отдельной единицей (ср. [Санников 1989: 220]) и здесь не рассматривается. Похожую функцию — функцию «коррекции» — выполняют испанское *sino* и шведское *utan* [Malchukov 2004: 193].

Наибольшую близость к русскому *а* обнаруживает латинское *at*, ср. такие употребления: *At tu, Katulle, destinatus, obdura* («*А* ты, Катулл, обреченный, терпи»); *at regina gravi jam dudum saucia cura* («*А* царица, снедаемая жестоким недугом...») ⁷⁸. В словаре Дворецкого у союза *at* различается два основных типа употребления: «при различии без полного

* Впервые опубликовано: [Зализняк, Микаэлян 2005]; см. также [Mikaelian, Zalizniak 2005].

⁷⁸ Об этимологическом единстве русского *а* и латинского *at* см. [Трубачев 2004: 168]. Ср. приводимый там же пример (из Латинского этимологического словаря А. Эрну и А. Мейе): *Scipio est bellator, at Marcus Cato orator* («Сципион — воитель, а Марк Катон — оратор»).

противоположения» и «при полном противополжении». Те же два основных типа употребления характерны и для русского *a*.

Таким образом, концептуальная область, обслуживаемая в русском языке тремя словами, как бы делится между двумя, т. е. для передачи значений, выражаемых русским *a*, используется один из этих двух союзов: в одних случаях союз 'и', в других — 'но'. Естественно, в каждом языке существуют какие-то дополнительные средства выражения значений, соответствующих разным типам употребления русского *a*. Например, в итальянском языке в каких-то случаях в качестве эквивалента русскому *a* может выступать слово *invece* (букв. 'наоборот'): *Я работаю, а ты спишь* — *Io lavoro, tu, invece, dormi* (ср. также: англ. *while, yet, instead, rather*, фр. *pourtant*, нем. *doch*). Но так или иначе, при переводе специфика русского *a* утрачивается — компоненты, отличающие *a* от двух других русских сочинительных союзов, либо не выражаются, либо выражаются эксплицитно, т. е. теряется имплицитность (об имплицитности как важнейшем свойстве смысловых компонентов слова, определяющем его облик, см. [Зализняк, Левонтина 1996] или раздел III.1). Проблема переводимости усугубляется еще и тем обстоятельством, что союз *a* — необычайно частотное слово русского языка, на котором строится множество дискурсивных стратегий русской речи.

В работе [Падучева 1997] уже отмечалось, что специфика русского союза *a* связана с идеей «неподконтрольной ситуации», отсылающей к одной из «базовых черт, определяющих облик семантического универсума русского языка», выделенных А. Вежибицкой (см. [Wierzbicka 1992a: 395]). Сейчас можно с уверенностью сказать, что союз *a* включает в себе одну из ключевых идей русской языковой картины мира, а именно, идею непредсказуемости мира (ср. [Wierzbicka 1992a: 430; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 11]).

7.2. СЕМАНТИКА СОЮЗА А: ЗНАЧЕНИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

В статье [Крейдлин, Падучева 1974а] у союза *a* было предложено выделять три основных типа употреблений в сложносочиненном предложении:

- (i) *a* сопоставления (*Отец был летчик, а сын избрал ученую карьеру*);
- (ii) *a* несоответствия (норме) (*Дело к весне, а мороз все жестче*);
- (iii) *a* присоединительное (*За деревней было поле, а за полем начинался лес*).

Это разбиение в целом принимается и в большинстве позднейших работ.

Заметим, что эти три употребления могут быть различены формально. Так, предложения, включающие ***a* сопоставления**, имеют следующую логическую структуру:

XP, *a* YQ,

где X — это, в широком смысле, тема первой части предложения, Y — тема второй⁷⁹. P и Q — это ремы, соответственно, первой и второй части предложения.

Здесь имеется следующее, очень важное ограничение: X и Y образуют некоторую естественную пару связанных между собой объектов. В качестве такой связи может выступать как тезаурусная соотнесенность (*отец — мать, отец — сын, руки —*

⁷⁹ Так, в примере (2) X — это «ты раньше», Y — «ты теперь»; в примере (3) X — «обедали без них», Y — «обедаем с ними».

ноги, зима — лето, слово — дело и т. п.) так и ситуативная (например, вино и сигара в примере (5) ниже; писание писем *по-русски* и *по-французски* в 1-й пол. XIX в. в России в примере (7); некие *Машиа* и *Петя*, если мы знаем, что это муж и жена или брат и сестра, *Машиа* и *Катя*, если мы знаем, что это сестры или две подруги одного молодого человека или люди, находящиеся в данный момент в комнате и т. д.)⁸⁰. Обратим внимание на то, что наличие связи между темами простых предложений, соединяемых союзом *а*, является условием уместности употребления *а* сопоставления. С другой стороны, между Р и Q также имеется некоторая зависимость. Фраза *В огороде бузина, а в Киеве дядька* бессмысленна, потому что нет никакой очевидной связи ни между *Киевом* и *огородом*, ни между *бузиной* и *дядькой*. При этом столь же плохо сказать, например: *В огороде бузина, а в Киеве рябина* или *В огороде бузина, а в саду дядька* (т. е. очевидные смысловые связи должны присутствовать в обоих парах).

Предложения с ***а* несоответствия норме**⁸¹ имеют логическую структуру:

Р, *а* Q,

где Р и Q представляют две различные ситуации (которые не обязательно членятся на тему и рему, а если и членятся, то не происходит сопоставления этих частей по отдельности).

Структура предложений с ***а* присоединительным** и с ***а* обобщения** может быть описана схемой:

XP *а* PQ,

где рема первого предложения частично или полностью воспроизводится в теме второго.

Е. В. Урысон вместо термина «присоединение» для обозначения третьего значения союза *а* использует выражение «*а* поворота повествования» (см. [Урысон 2004а]); термин представляется удачным, так как он вскрывает связь этого значения с остальными: «обманутое ожидание» на дискурсивном уровне: ‘вы не ожидали, что я это скажу’. В. З. Санников считает значение присоединения частным случаем значения сопоставления; вместо этого он выделяет в качестве третьего значения союза *а* «обобщение»: *...учитель был для нее род слуги или мастерового, а слуга иль мастеровой не казался ей мужчиною* (Пушкин. Дубровский) [Санников 1989: 175]. Это значение подробно проанализировано в работе [Урысон 2004б]; поскольку оно не имеет непосредственного отношения к интересующей нас проблеме, в данной статье оно не рассматривается.

Значение сопоставления рассматривается некоторыми авторами как прототипическое для союза *а* (см. [Янко 1990; Николаева 2004; Фужерон 2004]). А. Мальчуков основным значением русского *а* признает «контраст», который он определяет как семантическое отношение, включающее одновременно сходство и различие

⁸⁰ О типах ассоциативных связей между терминами сравнения в предложениях с союзом *а* см. [Крейдлин, Падучева 1974б].

⁸¹ Данное значение иногда называется также *а* «ненормального следствия» или *а* «обманутого ожидания», ср. также термин «denial of expectations» в [Malchukov 2004: 179].

(«similarity and dissimilarity») [Malchukov 2004: 183]. В таком определении понятие «контраст» соответствует, очевидно, всем типам *a* сопоставления.

Мы будем различать три типа контекстов, в которых реализуется значение сопоставления.

I. Сопоставление, обнаруживающее различие⁸².

- (1) На голове у него была меховая шапка, *a* на ногах — кеды;
- (2) Тогда ты молодой был, красивый, *a* теперь постарел (Чехов. Дядя Ваня);
- (3) Без них обедали всегда в первом часу, как везде у людей, *a* при них в седьмом (Чехов. Дядя Ваня).

II. Сопоставление, обнаруживающее нечто общее. Мы предлагаем вместо экспликации этого отношения формулу «Все одно к одному».

- (4) На голове у него была меховая шапка-ушанка, *a* на ногах — валенки;
- (5) Но от сигары во рту стало горько и противно, *a* вино оказалось не такого вкуса, как в прошлом году (Чехов. Черный монах);
- (6) Соседы говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, *a* добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь её наконец нашла себе достойного жениха (Пушкин. Метель);
- (7) Написать записку по-французски казалось ей неуместным, *a* в русской орфографии сама матушка не была сильна (Тургенев. Первая любовь). [Обе возможности решения проблемы оказываются несостоятельными.]

III. Сопоставление, само по себе не обнаруживающее ни различия, ни общности. Предложения этого типа могут выражать и то, и другое, ср. примеры (8—10):

- (8) У нее отец физик-теоретик, *a* мать инженер;
- (9) У него отец ирландец, *a* мать француженка;
- (10) Отец был летчик, *a* сын — капитан дальнего плавания.

В частности, в равной степени возможны оказываются фразы типа (11a) и (11b); (12a) и (12b):

- (11) а. В доме было душно, *a* на улице прохладно.
б. В доме было душно, *a* на улице совсем нечем дышать;
- (12) а. Она улыбалась, *a* глаза ее сияли счастьем.
б. Она улыбалась, *a* в глазах была тоска.

Ср. также предложения (1) и (4).

Но самое главное, что союз *a* может выражать обе идеи (сходства и различия) одновременно: так, фраза (13) может означать 'Они такие разные, и этим так подходят друг другу'.

- (13) Она блондинка, *a* он брюнет.

В тех случаях, когда сходство или противопоставленность выражено лексически (ср.: *душно* и *нечем дышать*, *улыбалась* и *счастье* — и, наоборот, *душно* — *прохладно*, *улыбалась* — *тоска*, *старый* — *молодой* и т. п.) реализуется, соответственно, случай I или II. Если же лексический состав фразы не содержит однозначного указа-

⁸² Это значение иногда выделяется в качестве отдельного значения союза *a*. В работе [Николаева 2004] оно названо «контрастным сопоставлением», а в работе [Урысон 2004б] «собственно сравнением» (см. об этом ниже).

ния на сходство или различие, то возможно и то, и другое понимание (ср. примеры (8—10)).

В статье [Урысон 2004б] внутри значения сопоставления различаются «собственно» сравнение (*Она умная, а он глупый*) и «пустое» сравнение (*Вася живет на Ленинском проспекте, а Петя — на Кутузовском*), где сравнения как такового (т. е. установления иерархии относительно какого-то параметра) нет. Оба значения могут выражаться в одном и том же предложении, ср. пример (14), где в определенных прагматических условиях может выражаться также и «собственно сравнение» (Вася живет в более престижном районе):

(14) Вася живет на Ленинском проспекте, *а* Петя — в Зюзине.

Е. В. Урысон считает контрастное и неконтрастное сопоставление разными значениями союза *а*, и в предложениях типа (15), где говорящий может либо просто констатировать некое положение дел, никак его не оценивая, либо выражать свою неодобрительную оценку описываемой ситуации, усматривает неоднозначность, которая разрешается за счет различной интонации:

(15) Маша по-прежнему работает на двух работах, *а* Петя все еще диссертацию пишет.

Однако вызывает сомнение, во-первых, существование последовательного интонационного противопоставления двух обсуждаемых типов смыслов, во-вторых, вообще возможность их различения средствами семантического анализа. Так, например, во фразе (16) вряд ли можно усмотреть два разных значения союза *а*, которые реализуются в зависимости от того, из каких побуждений муж моет посуду и нравится ли ему пение жены.

(16) После ужина он моет посуду, *а* она поет арии из опер.

Очевидно, что фраза (16) неоднозначна — в том смысле, что она может быть произнесена для описания весьма различных ситуаций. Однако сомнительно, что именно союз *а* эти различия выражает: точнее было бы сказать, что он может обслуживать весь спектр передаваемых такой фразой смыслов. Условием употребления союза *а*, как уже было сказано выше, является наличие как сходства, так и различия между попарно сопоставляемыми элементами двух ситуаций. Функция *а* — объединять эти ситуации в единую картину. Результирующее соотношение между двумя ситуациями может быть различным в разных контекстах.

Мы полагаем, что *а* может обслуживать три различных сценария.

1) Нейтральный сценарий, где сравнения как такового не происходит.

2) Сценарий, в котором для говорящего важно подчеркнуть сходство или соответствие двух ситуаций друг другу. Этот сценарий может быть обозначен упоминавшейся выше формулой «Все одно к одному».

3) Сценарий, подчеркивающий различие или несоответствие двух ситуаций в рамках одной картины. Данное соотношение может быть описано формулой «Вот ведь как бывает!», о которой пойдет речь ниже, при разборе предложений с *а* несоответствия норме.

Использование одновременно обеих этих формул позволяет описать семантику предложения (16) в любом из его пониманий: либо жена заставляет мужа заниматься домашней работой, а сама еще и поет арии, демонстрируя этим свою праздность, — либо, наоборот, каждый занят своим делом к взаимному удовольствию. Заметим,

что ни союз *и*, ни союз *но* здесь невозможны: *и* неуместно, потому что непонятно, в чем здесь «сходство ситуаций» (см. [Урысон 2000б: 110] о союзе *и*), *но* — потому что непонятно, в чем противоречие. И только союз *а* придает этой комбинации осмысленность.

7.3. А НЕСООТВЕТСТВИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДИМОСТИ

Приведем некоторые примеры значения «*а* несоответствия (норме)» (или «*а* ненормального следствия»):

- (17) Война гуляет по России, / *А* мы такие молодые... (Д. Самойлов. Сороковые, роковые...);
- (18) Октябрь, *а* солнце что твой август (Пастернак. Волны);
- (19) Надобно признать, что я несчастлив: играю мирандолом, никогда не горячусь, ничем меня с толку не собьешь, *а* все проигрываюсь (Пушкин. Пиковая дама);
- (20) Прошло несколько времени, *а* здоровье бедного Дубровского все еще было плохо (Пушкин. Дубровский);
- (21) Пойдемте. У мамыши сидит Майданов, он мне принес свою поэму, *а* я его оставила. (Тургенев. Первая любовь).

При переводе русских предложений с союзом *а* на западноевропейские языки имеется четыре возможности: использование союза со значением 'и', союза со значением 'но', опущение союза — и, наконец, употребление какого-то другого дискурсивного слова (союза, частицы, наречия), эксплицитно выражающего наиболее существенный в данном контексте семантический компонент русского *а* (например, контраст); нужный смысл может передаваться также и иными средствами — грамматическими, интонационными, порядком слов.

Наиболее ярко специфика русского *а* обнаруживает себя в контекстах, где может быть также употреблен союз *но* — а это характерно именно для «*а* несоответствия». В таких случаях обычно вариант с *но* вполне адекватно переводится на английский язык при помощи союза *but*; что же касается варианта с *а*, то его значение может быть до какой-то степени передано разными другими средствами. Рассмотрим некоторые такие пары примеров (большинство из них уже обсуждалось в литературе) и возможности передачи значения, выражаемого предложением с союзом *а*, средствами английского языка.

- (22) а. День был дождливый, *но* Коля не взял зонт.
- б. День был дождливый, *а* Коля не взял зонт⁸³.

Вариант с *но* указывает на то, что Коля намеренно поступил не так, как следовало ожидать (возможно, у него были какие-то причины так поступить, например, он надел непромокаемый плащ, он собирался передвигаться на автомобиле, он любит мокнуть под дождем и т. д.). Как справедливо отмечает Е. В. Урысон, фраза (22а) допускает продолжение с объяснением причины (...*потому что у него был плащ*), при том, что для (22б) такого рода продолжение сомнительно. Действительно, вариант с *а* указывает лишь на то, что *так вышло*, причем эта оценка принадлежит говорящему (а не Коле). Может быть, дело было в том, что когда Коля выходил из дома, светило солнце (и не было никаких причин беспокоиться про зонт), а может быть, Коля про-

⁸³ Пара примеров из [Санников 1989], разбираемая также в [Урысон 2004а].

сто забыл взять зонт или не придает значения возможности вымокнуть под дождем. В любом случае, оценка ситуации, как «не соответствующей норме», принадлежит говорящему: возможно даже, что Коля не взял зонт нарочно, по тем же причинам, что и во фразе с *но*, но употребляя союз *а* говорящий рассматривает ситуацию со своей точки зрения, и она представляется ему как неудачное, никем не контролируемое стечение обстоятельств (ср. [Падучева 1997: 44]).

По-английски значение предложения (22b) может быть передано следующим образом:

(22b') The day was rainy, *and* (that was especially bad, since) Kolya *had not taken* his umbrella with him.

Употребленная во втором предложении форма *Past Perfect* указывает на то, что в фокусе внимания здесь находится не сознательный поступок Коли (не взять зонт), а результирующее состояние (У Коли нет зонта), и именно эти два факта — наличие дождя и отсутствие у Коли зонтика соединяются при помощи союза *and* (имеющего более широкое значение, чем русское *и*). Кроме того, эта форма *Past Perfect* содержит импликацию, что поступка-то может быть и не было вовсе — ту же, которая содержится в русской фразе (22b). Таким образом, в данном случае значение союза *а* может быть передано средствами английского языка даже с частичным сохранением уровня имплицитности⁸⁴.

Другой пример (из [Урысон 2004a], слегка модифицированный):

- (23) а. Иван развелся с женой, *но* на Кате не женился.
 б. Иван развелся с женой, *а* на Кате не женился.

В значение обоих предложений входит представление о том, что Иван собирался (должен был, хотел) жениться на Кате и не делал этого потому, что был женат, и следовательно, после того, как он развелся, естественно было бы ожидать, что он женится на Кате. При этом в варианте с *но* это пресуппозиция, которая разделяется говорящим и какими-то другими людьми — скорее всего, в том числе и самим Ивановым, а в варианте с *а* эта идея принадлежит лично говорящему и, возможно, никем не разделяется. В обоих предложениях содержится утверждение, что, вопреки ожиданию, этого не произошло; при этом предложение с *но* ограничивается констатацией этого факта, а предложение с *а* содержит некий дополнительный смысл, который, как кажется, не сводится к компоненту 'говорящий не знает, почему это так' (как предлагается в [Урысон 2004a: 69]). Это смысловой компонент, отсылающий к идее непредсказуемости мира; на идиоматическом русском языке он может быть выражен фразой *Вот ведь как бывает! Надо же, как вышло!* Замечательно, что русский язык считает нужным фиксировать это ощущение при помощи специального языкового средства, причем грамматического.

Как пишет Е. В. Урысон, «союз *но* указывает на привычную нам причинно-следственную связь между ситуациями, когда на имеющееся положение дел влияют разные факторы и один из них преодолевается другим» (не взял зонт, потому что был в плаще). И далее: «в отличие от *но*, союз *а* подает дело так, как если бы ситуация Q возникла без какой-либо известной, ясной причины» [Там же: 68]. Е. В. Падучева высказывается еще более определенно:

⁸⁴ Заметим, однако, что компонент отрицательной оценки говорящим сложившейся ситуации либо теряется, либо выражается в явном виде (*and this is especially bad*).

союз *A* выражает ненормальность такого положения вещей, когда одновременно имеют место *X* и *Y*, не представляя, однако, наступление (или наличие) ситуации *Y* как результат сознательного игнорирования субъектом того стимула, который исходит от *X* [что имеет место при употреблении союза *но*. — *А. З., И. М.*]. Это субъект, который ‘не владеет ситуацией’⁸⁵ [Падучева 1997: 43].

И далее, относительно примера

(24) Путь был долог, *a* я вышел поздно:

...союз *A* влияет на осмысление ситуации *Y*, порождая значение ‘нечаянно’, ‘не подумав’, ‘зазевавшись’ и под.: говорящий смотрит на себя в прошлом со стороны и как бы с некоторым удивлением. Союз *НО* в этом контексте означал бы ‘Я сознательно отклонил события от их нормального хода’ [Там же].

С этой точки зрения показательны примеры (25):

(25) а. Петя собирался выйти рано, *но* (**a*) передумал.

б. Петя собирался пойти на работу, *но/а* вместо этого сел смотреть телевизор.

В примере (25а) союз *a* неуместен, поскольку второе предложение содержит явное указание на то, что Петя сознательно изменил свое решение. Предложение (25б) допускает как союз *но*, так и союз *a*. В первом случае сообщается, что Петя сознательно изменил свое решение (например, посмотрев программу, обнаружил, что идет важная для него передача), а во втором говорящий сообщает, что действия Пети непоследовательны: как будто Петя не полностью контролирует свое поведение. При этом говорящий лишь слегка удивлен таким положением вещей. Выражающая это отношение говорящего формула «Вот ведь как бывает!» включает не только удивление, но одновременно и признание того, что вот да, бывает и такое.

Таким образом, союз *a* включает в свое значение то же общее представление об устройстве мира, которое заключено в ряде других лингвоспецифичных русских слов: *вышло, получилось, сложилось, угораздило; авось, как-нибудь, а вдруг, на всякий случай, если что; обойдется, пронесет, успеется; собираться, стараться; добираться* и др.

Авторы благодарны О. Меерсон, Е В. Урысон и А. Д. Шмелеву за интересные соображения, высказанные в ходе обсуждения данного сюжета.

⁸⁵ Ср. формулу ‘not being in control’, применяемую А. Вежбицкой при толковании некоторых типов русских безличных конструкций [Wierzbicka 1992a: 413].

8. РУССКАЯ СЕМАНТИКА В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА»)*

Цель данной статьи состоит в реабилитации понятия языковой картины мира, применяемого в трудах ряда лингвистов из Восточной Европы (см. [Бартминьский 2005; Grzegorzczukowa 1990; Апресян 1995а; 2006; Апресян В. 2008; 2011а; 2011б; Толстая 2002; 2008; Зализняк 2006; Зализняк и др. 2005; 2012; Шмелев 2010] и др.) и вызывающего настороженность, а порой даже активное неприятие у некоторых ученых, живущих в Западной Европе, что связано, в частности, с негативным отношением к гипотезе Сепира-Уорфа, утверждающей зависимость категорий мышления от концептуальной сетки родного языка (см. дискуссию в [Вежбицкая 2008; Шмелев 2011]). Не ставя перед собой задачи переубедить наших оппонентов, я хочу лишь показать, что языковая картина мира — это не что иное, как семантическая система некоторого языка, рассматриваемая в типологической перспективе. Это не более чем удобный метаязыковой конструкт, т. е. инструмент, позволяющий описать некоторые типы расхождений в устройстве семантических систем разных языков, а также ряд феноменов в области языковой эволюции, языковых контактов и межкультурной коммуникации. Устройство человеческого мышления концептуальный аппарат языковой картины мира, применяемый в рамках направления, которое, вслед за Анной Гладковой [2009], можно обозначить как «Московская школа культурной семантики»⁸⁶, описывать не предназначен.

* В основу данного раздела положена статья [Зализняк 2013а].

⁸⁶ Данное направление сформировалось в середине 90-х годов прошлого века. Важную роль здесь сыграли исследования Анны Вежбицкой, прежде всего ее книга «Semantic, Culture and Cognition» [Wierzbicka 1992a]. Статья [Зализняк, Левонтина 1996], развивающая идеи этой книги и оказавшаяся одной из программных (ср. также две другие программные работы — [Шмелев 1996; 1997б]), изначально была заказана журналом Russian Linguistic в качестве рецензии на эту книгу. Заметим при этом, что сама Анна Вежбицкая термина «языковая картина мира» никогда не употребляла: она говорила о «семантическом универсуме» и «семантических доминантах» русского языка. С другой стороны, в настоящее время термин «языковая картина мира» широко используется в рамках разных направлений исследований, в том числе в существенно ином смысле.

8.1. ЯЗЫКОВАЯ СЕМАНТИКА И КАРТИНА МИРА

Язык производит концептуализацию действительности, т. е. членение и структурирование фрагментов внеязыкового континуума при помощи системы концептов. Слово «концепт» (которое в последнее время стало употребляться столь широко, что практически потеряло какой-либо определенный смысл) мне хотелось бы реабилитировать следующим образом. Концептом, вообще говоря, может быть названо любое языковое значение. Оно может быть простое — как в случае «семантических примитивов» А. Вежбицкой, т. е. элементарных, неразложимых «смысловых атомов», которые могут быть названы также «концептуальными примитивами». Однако чаще концептами называют «концептуальные конфигурации», т. е. сложные языковые значения, имеющие определенную структуру (такое словоупотребление принято, в частности, в книгах [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; 2012]). Если языковая единица включает в себе некоторую концептуальную конфигурацию, не имеющую конвенционального однословного выражения в других языках, она называется лингвосоциальной.

Термин «концепт» противопоставлен термину «понятие» в том отношении, что *понятия* создаются людьми (которые их вырабатывают и дают им определения), — в отличие от *концептов*, которые создаются самим языком, ср.:

Понятия — то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; *концепты* же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности [Демьянков 2007: 616].

С другой стороны, «концепт» не равен «культурному концепту»: различие между ними состоит не столько в том, что последний отсылает к тем языковым значениям, которые являются «культурно значимыми» (эту границу провести практически невозможно), но прежде всего в том, что концепт, в том смысле, как он понимается здесь, это языковое значение, а «культурные концепты» реконструируются в том числе на основании текстов на данном языке, и даже шире — разнообразных текстов культуры (ср. [Апресян 2006: 34; Зализняк 2003])⁸⁷.

Как написала Марина Цветаева в письме к Ариадне Берг, «*Nous avons autant d'âmes que nous écrivons de langues. C'est la moi française qui vous écrit.* [У нас столько же душ, сколько языков, на которых мы пишем; вам пишет мое французское «я» / моя французская душа.]⁸⁸ Действительно, разные языки производят операцию членения и осмысления мира по-разному; при этом, усваивая язык, человек одновременно усваивает и задаваемую им концептуализацию действительности, которую он принимает за реальное устройство мира, (ср. [Апресян 1995: 350]). В этом смысле говорят, что система представлений, формирующая языковую картину мира, навязывается

⁸⁷ Существует традиция (восходящая к Д. С. Лихачеву), в рамках которой термин *концепт* употребляется в значении «культурный концепт», т. е. «концепт, обладающий культурной значимостью», ср., в частности, [Степанов 1997; 2007; Карасик и др. 2005]. Такое словоупотребление характерно также для публицистического дискурса.

⁸⁸ Письма Марины Цветаевой к Ариадне Берг (1934—1939). Умса-Press, 1990, с. 11. Французская фраза Цветаевой содержит — возможно, намеренную — грамматическую неправильность.

говорящему на данном языке. Зависимость человека от родного языка не следует преувеличивать — однако можно сказать с определенностью, что языковая картина мира, предлагаемая человеку его родным языком, это один из факторов, который, среди прочих, влияет на его индивидуальную картину мира. В зависимости от разных обстоятельств, это влияние может быть большим или меньшим; в любом случае, экспликация тех связей, оценок и представлений, которые формируют языковую картину мира родного языка и приобретаются одновременно с его усвоением, обеспечивают человеку свободу выбора в отношении их сознательного приятия или отклонения.

Языковую картину мира в широком смысле формирует вся система концептов данного языка — т. е. в нее входит вся языковая семантика, в том числе грамматическая (ср. [Grzegorzczukowa 1990: 43]). Однако чаще этот термин употребляется в более узком смысле. А именно, во-первых, имеется в виду не вся семантическая система данного языка, а лишь ее специфическая (по сравнению с другими языками) часть. Во-вторых, в языковую картину мира обычно включаются не все специфические элементы семантической системы, а в первую очередь те, которые складываются в некую единую «картину», т. е. образуют систему «ключевых идей», или «сквозных мотивов» (их предварительный список приводится в [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 11]). Как показал наш анализ, система «ключевых идей» коррелирует с определенными стереотипами и ценностями русской культуры, но при этом здесь обнаруживаются также и некоторые расхождения⁸⁹. Но так или иначе, исследование языковой картины мира не является исследованием менталитета соответствующего языкового сообщества.

Надо сказать, что в этом отношении наше понимание обсуждаемого термина существенно отличается от того, что имел в виду Л. Вайсгербер под термином «Weltbild der Sprache» [Weisgerber 1930], а также от установки многих современных исследователей, напрямую связывающих картину мира определенного языка с особенностями менталитета говорящего на нем народа — ср. название книги «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» [Корнилов 2011], а также [Попова, Стернин 2003; Мельникова 2003; Головановская 2009] и многие другие. В рамках нашей концепции словосочетания «русский взгляд на мир», «русская душа», «русский менталитет», «русский национальный характер», и т. п., даже если мы употребляем их без кавычек, обозначают лишь соответствующую идеологему обыденного сознания. Особо следует оговорить, что наши исследования не имеют никакого отношения к проблематике «славянской души», имеющей двухсотлетнюю традицию обсуждения и выросшей на почве сопоставления слов *slavus* и *sclavus* (см. в частности [Uffelman 2005]).

При этом существенно, что представления, которые образуют языковую картину мира, присутствуют в значении слов, выражений и конструкций языка в имплицитной форме — в виде презумпций, коннотаций, условий осмысленности, фоновых знаний и других типов имплицитных компонентов, содержащихся в языковых

⁸⁹ Например, устройство оппозиции «свой» — «чужой», как она реконструируется на основании анализа семантики ряда русских слов (таких как *мы*, *свой*, *чужой*, *наш*, *знакомый* и др.) и их аналогов в языках Европы, позволяет сделать довольно существенные коррективы к расхожему представлению о «коллективизме» русской культуры, противостоящей «индивидуализму» западной; см. в частности, [Шмелев 2004] о слове *знакомый*. Впрочем, этому представлению не отвечают также данные социологии, ср. исследования распределения по странам мира приоритетов «традиционных» vs. «секулярно-рациональных» ценностей и ценности «выживания» vs. «самовыражения», проведенные Центром World Values Survey (<http://www.worldvaluessurvey.org/>).

единицах. Это могут быть слова, словосочетания, грамматические категории, конструкции, а также поговорки, пословицы, «крылатые слова» и ходячие цитаты — но не в своей асертивной части. Так, например, в известной цитате *Умом Россию не понять / Аршином общим не измерить* заключено относящееся к русской языковой картине мира представление, что ум — это весьма ограниченный по своим возможностям инструмент (см. [Зализняк 2003] или раздел III.4). Те утверждения, которые содержатся в пословицах и в других типах «крылатых слов» в явном виде, принадлежат культуре, но не языковой картине мира (заметим, что они часто противоречат друг другу, ср.: *Без правды жить легче, да помирать тяжело* и *Без правды не житье, а вытье*).

Другое дело, что бывает так, что утверждение, содержащееся в асертивной форме в пословице, присутствует также в форме презумпции или другого иплицитного компонента в собственно языковой единице. Рассмотрим следующий пример. Существует русская пословица *Закон что дышло, куда повернул — туда и вышло*. В ней содержится определенное суждение относительно природы правосудия, однако поскольку оно высказывается в форме асерции, никаких импликаций относительно устройства языковой картины мира оно не содержит. Однако, как оказывается, та же идея содержится в форме презумпции по крайней мере в двух единицах русского языка: в глаголе *засудить* (≈ ‘вынести несправедливое обвинительное заключение’), а также в несколько устаревшей конструкции *судить* <no + предл. п.>: так, в «Повести о Шемякинском суде» (XVII в.), когда судья узнает, что под видом богатого посула бедняк держал за пазухой камень, он начал «бога хвалити, что *по нем судил*». Значение обеих языковых единиц опирается на то представление, которое выражено эксплицитно в приведенной выше пословице⁹⁰. Как справедливо отметил А. Д. Шмелев (устное сообщение), в данной связи следует упомянуть также семантическую эволюцию слова *кляуза* (первоначально — ‘мелкое судебное дело’) — ср. ниже о месте семантических переходов в языковой картине мира и о переходах с исходным значением ‘черный’.

8.2. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Важнейшая часть имплицитной информации, формирующей языковую картину мира, — это совокупность используемых данным языком мотивационных моделей, или моделей семантической деривации, т. е. смысловых связей, порождаемых тем обстоятельством, что некоторые два смысла объединяются данным языком в пределах одного слова. Как пишет С. М. Толстая [2002: 118], «многократное использование в номинации одного и того же знака (морфемы, слова) означает, что все реалии внешнего мира, поименованные с помощью такого знака, в сознании носителей языка оказываются семантически связанными, между ними устанавливается некоторое содержательное сходство по тому или иному признаку».

⁹⁰ Ср. в этой связи также русское выражение *отдать под суд*, которое содержит смысловой компонент «доминации», выражаемый предлогом *под* (ср. [Плунгян, Рахилина 2000]), отсутствующий в его западноевропейских аналогах (ср.: англ. *take to court, put on trial, bring to justice*, нем. *vor Gericht stellen /bringen* и т. п.).

Действительно, эпидигматические связи, т. е. связи между значениями многозначного слова, а также между актуальным и утраченным (хотя, возможно, сохранившимся в каком-то другом фрагменте словообразовательного гнезда) значением составляют важную часть семантики слова, так как указывают на способ построения концепта. Эти связи могут быть универсальными, более или менее широко распространенными и, наконец, лингвоспецифичными. Попыткой формализации имплицитных смысловых связей между значениями многозначного слова является понятие семантического перехода, составляющее единицу «Каталога семантических переходов в языках мира» (см. Главу V). Семантический переход, понимаемый как факт концептуальной смежности некоторых двух значений, представляет собой расширение понятия полисемии — за счет расширения понятия «одного и того же слова», а именно, за счет включения сюда диахронической семантической эволюции, когнатов (= слов в родственных языках, восходящих к одному этимону) и морфологических дериватов.

Типология семантических переходов — это метод исследования семантики, позволяющий локализовать особенности концептуализации, присущие тому или иному языку, в пространстве возможностей, реализуемых другими языками. Выявление совокупности семантических переходов, присущих тому или иному языку, позволяет обнаружить специфические для него принципы концептуализации, т. е. обнаружить именно те зоны семантической системы интересующего нас языка, которые наиболее значимы для характеристики его языковой картины мира. Семантический переход может заимствоваться⁹¹; такое заимствование является важнейшим средством трансляции культурных ценностей (в частности, это было одним из основных средств формирования русского абстрактного лексикона в XVIII—XIX вв.). Надо сказать, что семантическое калькирование модифицирует облик языковой картины мира даже в большей степени, чем прямые заимствования; в частности, именно таков механизм проникновения «ценностей общества потребления» в сегодняшнюю языковую картину мира русского языка.

Рассмотрим следующий пример. Для европейских языков имеет давнюю традицию ассоциация *черного* с чем-то незаконным, ср.: англ. *black market*, нем. *Schwarzmarkt*, франц. *marché noir* и т. п. — т. е. в этих языках имеется семантический переход 'черный' → 'незаконный'. В немецком языке таких выражений, где «черный» означает «незаконный», особенно много, ср. (примеры из работы [Демьянков 2010]): *Schwarzhörer* «черный слушатель» (= радиозаяц, владелец незарегистрированного радиоприемника), *Schwarzfahrer* «черный пассажир» («заяц», безбилетник), *Schwarzkäufer* «черный покупатель» (= покупатель на черном рынке или из-под полы) и т. п. Для русского языка коннотация противозаконного для слова *черный* нехарактерна: в широком спектре отрицательных свойств, которые может обозначать слово *черный* в переносном значении ('дурной', 'жестокый', 'мрачный', 'горестный', 'социально низкий' и т. д., ср.: *черные времена*, *черные мысли*, *черные списки*, *черная душа*, *черный человек*, *черная кость* и т. д.), значение 'незаконный' отсутствует (т. е. отсутствует семантический переход 'черный' → 'незаконный'). Соответственно, русское устойчивое выражение *черная работа* означает 'тяжелая, неквалифицированная, непрестижная, неинтересная, грубая работа' — в отличие, например, от нем. *Schwarzar-*

⁹¹ О заимствовании семантического перехода, или семантическом калькировании, см. раздел V.2.4.

beit или франц. *travail noir*, означающих ‘незаконная работа’ (т. е. без уплаты налога). Особенно показательно различие в значении существительных: по-русски *чернорабочий* — это человек, занимающийся определенными видами тяжелой и неквалифицированной работы, в то время как по-немецки *Schwarzarbeiter* — это человек, занимающийся любой работой, но в обход налогов. Таким образом, русский и немецкий языки маркируют производным значением слова *черный* разные аспекты отклонения от некоего позитива, трактуемого как норма, и это различие, конечно же, не случайно, оно хорошо вписывается в систему «ключевых идей» того и другого языка (ср. выше об отношении к закону в русской языковой картине мира).

В последние годы в русскоязычной прессе появилась семантическая калька *черная работа* в «западном» значении ‘работа без уплаты налогов’, однако это выражение пока еще чаще используется в кавычках — ср. название газетной статьи «*Черная работа*» под прицелом налоговиков⁹², где говорится, в частности, что *в отдельных случаях неуплата налогов и податей в связи с использованием «черной» рабочей силы достигала 100 миллионов крон*. В статье под названием *Черная работа — теперь по-белому* речь идет о том, что в Израиле запретили брать на работу уборщицу без оформления, т. е. название содержит игру слов, заключая в себе оба смысла одновременно. Ассоциация *черного* с противозаконным очевидно возникла на русском языке под влиянием европейских. Русское словосочетание *черный рынок* в современном значении, калькирующее соответствующую единицу европейских языков, появилось раньше, но все же не раньше 2-й четверти XX в. (до 50-х годов Национальный корпус русского языка дает считанные примеры). В последние годы стали появляться и другие выражения со словом *черный* в сходном значении — *черный работодатель*, *черная зарплата*, *черный нал*, *работать по-черному*. Так или иначе, на сегодня можно констатировать вхождение семантического перехода ‘черный’ → ‘незаконный’ в семантическую систему (= языковую картину мира) русского языка.

Структура базы данных «Каталога семантических переходов в языках мира» позволяет, в частности, находить множество переходов, представленных лишь в тех или иных группах языков. Для славянских языков это, например, переходы ‘свет’ → ‘мир’, ‘мир (peace)’ → ‘мир (world)’, ‘цветок’ — ‘цвет’, ‘другой’ — ‘друг’, ‘прямой’ — ‘прямой’, ‘быстро’ — ‘очень’ и др. Особо отметим следующие два, характерные для русского языка:

‘собирать’ → ‘иметь намерение’: *собираться* <что-то сделать>

‘простить’ → ‘проститься’: *простить* <кого-то> и *проститься* <с кем-то> (ср.: *Прощай!* — формула прощания)⁹³.

Первый из них отражает одну из ключевых идей русской языковой картины мира: «для того, чтобы что-то сделать, необходимо сначала мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это нелегко» (см. [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 11, 307—335]). Второй отсылает к специфичному культурному стереотипу.

⁹² Здесь и далее без ссылок приводятся примеры, найденные в Интернете при помощи Яндекса.

⁹³ Семантический переход ‘собирать’ → ‘иметь намерение’ имеется также в украинском и белорусском, переход ‘простить’ → ‘проститься’ — в украинском, болгарском и хорватском.

8.3. ОДИН ФРАГМЕНТ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Наибольший интерес для реконструкции языковой картины мира определенного языка представляют такие семантические переходы, которые встречаются только в этом языке и при этом имеют в нем несколько реализаций. Для русского языка этим свойством обладает целый ряд семантических переходов, отсылающих к ключевой идее «Плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды».

‘выгода’ → ‘выгода, получение которой морально осуждаемо’: *корысть, барыш, нажива, наживаться, стяжатель*

При этом характерно, что речь идет не о получении *незаконной* прибыли: объектом осуждения является само стремление к ее получению, безотносительно к степени ее законности. Приведем в этой связи толкование слова *гешефт* из словаря Д. Н. Ушакова (курсив мой — А. З.): «Мелкое *выгодное* предприятие, торговая сделка, спекуляция. Извлечение личной *выгоды* в деле, требующем *бескорыстия*; неразборчивая *нажива*», а также толкование в МАС: «спекулятивная, *выгодная* сделка», где сами слова *выгодный, выгода*, очевидно, приобретают отрицательную коннотацию. Слова *корысть, корыстный* содержат в современном русском языке однозначную, и весьма резкую, отрицательную оценку; соответственно, *бескорыстие, бескорыстный* — указывают на очень высокое достоинство. Как замечено в [Шмелев 2010: 37], такой отрицательной оценки, как правило, нет у слов других славянских языков, этимологически связанных с русским словом *корысть*, — например, у украинского существительного *користь* ‘польза, прок, выгода, прибыль’ или польских *korzyść* ‘польза, выгода’, *korzystać* ‘пользоваться, извлекать пользу’. В русском языке слово *корысть* когда-то тоже не имело негативной коннотации, ср.: *Выпросил, дурачина, корыто! В корыте много ль корысти?* (Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке»). Негативную коннотацию приобретают в русском языке также глаголы *использовать* и *употребить*. Во французском языке глагол *profiter* ‘воспользоваться <чем-то>’ менее склонен к тому, чтобы приобретать такую коннотацию, хотя этот переход также возможен: существует слово *profiteur* (ср. словарное толкование: ‘рвач; шкурник; спекулянт’, *profiteur de guerre* — ‘наживающийся на войне’).

Другой аналогичный семантический переход:

‘коммерческое предприятие’ → ‘морально осуждаемое предприятие, связанное с получением выгоды’: *гешефт* ‘сомнительное коммерческое предприятие’, из нем. *Geschäft* ‘дело, бизнес, коммерческий акт’; *афера*, из франц. *affaire* ‘дело, бизнес, коммерческий акт’; *сделка*

Слова *гешефт* и *афера* подверглись действию данного семантического перехода, придя из иностранных языков. Однако та же судьба постигла и русское слово *сделка*: в течение долгого времени за пределами профессиональной речи оно употреблялось преимущественно либо с иронией, либо с откровенным осуждением (в том числе, в устойчивых сочетаниях *сделка с дьяволом, с темной силой, с совестью*). Приведу несколько типичных примеров из Национального корпуса русского языка:

Тут я совершил удачную *делку*, выменяв у скупого Юрки Воронова три леденца на полсухаря [Н. Н. Никулин. Воспоминания о войне (1975)];

Селькуп еще немного поотнекивался, а потом согласился взять за шкуру десять рублей. «Но это ведь ужасно дорого!» — возмутилась туристка и принялась отчаянно с ним торговаться. Я не стала дожидаться конца их торговли, но потом видела, как эта туристка несла к себе в каюту свернутую в трубку шкуру и громко хвасталась своей необычайно выгодной *делкой* [Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975—2003)];

Покой и блеск в Риме был; но молочные реки не спешили разливаться, победы над внешним врагом оставались больше дипломатическими, чем военными, и власть Августа оформлялась не только в шуме народных восторгов, но и в тишине негласных политических *делок* [М. Л. Гаспаров. Вергилий — поэт будущего (1979)].

В настоящее время слово *делка* постепенно избавляется от отрицательного оценочного компонента и восстанавливает свое нейтральное значение коммерческого акта (что является одним из свидетельств системных изменений русской языковой картины мира). Аналогичная реабилитация уже ранее произошла со словом *коммерсант* (ср. название газеты, появление которой ознаменовало новую эпоху); слово *делец*, однако, пока сохраняет отрицательную коннотацию.

Слово *афера*, из франц. *affaire*, в отличие от франц. оригинала, обозначает в современном языке откровенно жульническое предприятие (не обязательно, хотя преимущественно, коммерческое). Ср. толкование из «Словаря иностранных слов» Л. П. Крысина: «*неодобр.* Недобросовестное, мошенническое предприятие, дело, действие. *Заниматься аферами. Втянуть кого-л. в аферу*». Интересно, что толкование, предлагаемое в словаре Даля, ни обмана, ни осуждения в явном виде не включает:

АФЕРА ж. франц. Наживное предприятие, оборот из барышей: торговая или промысловая сделка, торговый оборот, подряд; нажив, нажитки. *Он пустился на аферы, в нажитки. Аферить, пускаться в обороты, в нажитки. Аферный, оборотный, нажиточный.*

Однако материал Национального корпуса русского языка указывает на то, что в первой половине XIX в. слово *афера* уже имело негативную оценку, обозначая не обязательно мошенническое, но тем не менее морально осуждаемое предприятие с целью «наживы», ср. (обратим внимание на ряд отрицательных характеристик *афера* — *выгодная сделка* — *наживаться*):

...но живет он, по словам тех же подозрительных умов, не совсем благородными *аферами*, начиная с займа, где только можно, и кончая обдelyванием разного рода маленьких подрядцев [А. Ф. Писемский. Тюфяк (1850)];

Само собою разумеется, что Витберга окружила толпа плутов, людей, принимающих Россию — за *аферу*, службу — за *выгодную сделку*, место — за счастливый случай *нажиться* [А. И. Герцен. Былое и думы. Часть вторая. Тюрьма и ссылка (1854—1858)];

Не смешивай петербургских чиновников с губернскими. Взятки, братец, деле подлое, опасное и притом не совсем прибыльное. Но мало ли есть проселочных дорог к той же цели. Займы, *аферы*, акции, облигации, спекуляции... Этим способом при некотором служебном влиянии, при удачной сметливости в делах состояния точно так же *наживаются* [В. А. Соллогуб. Тарантас (1845)].

У глаголов *продать* и *купить*, так же как и у ряда других слов, связанных с коммерческим актом, в частности, *торговля* и *торговаться*, в русском языке имеется отчетливая негативная коннотация (отсылающая, очевидно, к той же ключевой идее), которая в производных значениях повышает свой ранг до полноценного семантического компонента.

Рассмотрим подробнее возникающие здесь семантические переходы.

продать

‘продать’ → ‘предать’ (= ‘нанести ущерб, уничтожить ценность, совершить нечто очень дурное’); *продаться* <кому-то>, ‘ради денег или других благ взяться делать нечто дурное’; *продажный* ‘тот, кто *продался* или готов *продаться* <кому-то>»; шутил. *ты меня не продавай* = ‘не выдавай моей тайны’

Этот семантический переход не является лингвоспецифичным: он есть во многих языках, ср.: исп. *vender los intereses de alguien* ‘предать чьи-либо интересы’; франц. *vendre quelqu'un* ‘предать кого-то’ и т. п. То же значение, что русск. *продажный*, имеют нем. прилагательные *käuflich*, *verkäuflich* (соответственно, от глаголов *kaufen* ‘покупать’ и *verkaufen* ‘продавать’), франц. *vendu*, *venal* и т. п. Русскому глаголу *продаваться* с личным субъектом соответствуют буквальные эквиваленты англ. *to sell oneself*, франц. *se vendre*, нем. *sich verkaufen* и т. д. Этот переход опирается, очевидно, на общий для всей христианской культуры прототип поступка Иуды. Для русской семантической системы он несколько более значим — хотя бы потому, что отрицательная оценка в латентной форме содержится уже в самой словообразовательной модели с приставкой *про-* (обозначающей «губительные» действия), ср.: *проиграть*, *пропить деньги*, *прогореть*, *профуфукать свою жизнь* и т. п.⁹⁴ Здесь играет роль также паронимическая аттракция с глаголом *предать*, ср.: *Все расхищено, предано, продано* (Ахматова). Яркую оценочную коннотацию имеет глагол *продаваться*: даже по отношению к предметам, которые в принципе могут быть объектом купли-продажи, утверждение, что они *не продаются*, их как бы возвышает, ср. диалог Бабушки и Советника из пьесы Е. Шварца «Снежная королева», в котором повторяется фраза *Эти розы не продаются*. Эта особенность семантики глагола *продаваться* успешно используется в идеологическом дискурсе (как, например, в советской формуле антизападной пропаганды «там все продается» — сейчас уже трудно установить, был ли то реальный пропагандистский лозунг или пародия на него).

Упомяну в рассматриваемой связи следующий эпизод. В одной беседе, которая происходила в Италии по-итальянски, русский собеседник употребил выражение *vendono la Russia* — имея в виду существующее по-русски устойчивое словосочетание *продают Россию* (или *продают родину*)⁹⁵. Итальянец поправил: «Вы, видимо, хотите сказать *svendono*: *vendono la Russia* — бессмысленно». Действительно, глагол *svendere*, означающий ‘распродавать, продавать по сниженной цене’, содержит отчетливую негативную коннотацию — в отличие от нейтрального глагола *vendere*: само по себе действие ‘продавать’ в итальянском языке не имеет никаких негативных импликаций.

Семантический переход ‘распродавать, продавать по сниженной цене’ → ‘продавать’ представлен также англ. глаголом *to sell out*, ср. (пример из Англо-русского словаря Мюллера): *The officer was charged with selling out to the enemy*. «Офицера обвинили в том, что он перешел на сторону врага». В словарях для самого глагола *to sell* в качестве одного из значений также указывается «продавать, предавать»: *to sell a*

⁹⁴ Данное значение является, по-видимому, производным от упоминавшегося в литературе (см., напр., [Кронгауз 1998: 164] значения ‘пропустить, упустить’: *проспать лекцию, проехать остановку, прозевать, прошляпить*).

⁹⁵ Ср. также следующее утверждение, отражающее фрагмент русской «наивной лингвистики» (пример из НКРЯ): *Слово «продать» ассоциируется с выражением «продать Родину»* [С. Чернышев. Управление собственностью: русский стандарт (2004) // «Эксперт», 2004.12.20].

match / a game — ‘продать матч/игру, проиграть за взятку’; *to sell one's vote* ‘продать свой голос (на выборах)’, *to sell justice* ‘нарушать судебскую неподкупность’. Однако, как видно из примеров, на самом деле во всех случаях имеется в виду не предательство, а противозаконная продажа (ср. выше о слове *черный*).

Но у англ. *to sell* есть и другое производное значение ‘рекламировать, продвигать; популяризовать, расхваливать’ <какой-л. товар, кандидата на выборах и т. п.>. Ср.:

I am a self-made woman — self-made, self-polished and *self-sold* — and proud of it (Filippa Gregory. The other Queen).

Для русского глагола *продать* подобный сдвиг в целом нехарактерен — хотя он допускает близкое, отчасти ироническое, употребление в значении ‘устроить на (престижную) работу’, в котором он теряет отрицательную коннотацию; иногда в этом случае используются кавычки, маркирующие семантический сдвиг:

И тут вызывает меня начальник «Морского» Савельев, Валентин Антоныч, и говорит: «Сахатова, я тебя “*продал*”, будешь работать с Самантой»;

...мне позвонил тогдашний президент «Динамо» Александр Стеблин, говорит: «Я тебя *продал* в Финляндию. Приезжай в Москву, оформляйся. Тебя там уже ждут». Этот вариант меня устроил.

В последние годы глагол *продать* расширяет свои возможности. Так, на словосочетание *продавать свои знания* Яндекс находит несколько тысяч страниц: *научитесь продавать свои знания: умение выгодно продавать свои знания, 7 способов продавать свои знания* и т. п. Однако *продаться* сохраняет неустрашимый компонент морального осуждения: по данным НКРЯ, форма *продался* в контексте личного субъекта встречается лишь в сочетаниях *продался большевикам, империалистам, американцам, врагам, сатане, власти, золотому тельцу* и т. п. или без дополнения, что еще более показательно (*продался* без дополнения означает «изменил себе, продал душу, стал негодяем»); поиск в русском Интернете дает тот же результат.

Показательно также, что в тех редких случаях, когда глагол *продаваться* с личным субъектом употребляется автором в чисто коммерческом смысле, для устранения негативной коннотации используются кавычки или даже выражение *в кавычках*, ср.:

Фигня в том, что всю дорогу *продавалась* не группа. Ну, «*продавалась*» в кавычках. *Продавалась* всю дорогу не группа, всю дорогу *продаю*сь я. И я все равно *продам*ся. В этом составе, в том составе. Потому что вовлекаю — я. И только я [А/ Клейн. Удивительное явление Бучч // «Пятое измерение». 2003].

Однако уже на словосочетание *умение продаваться* Яндекс находит довольно много примеров, где оно употребляется, в том числе в новом позитивном смысле — хотя старый негативный смысл продолжает оставаться актуальным. В некоторых высказываниях содержится игра слов:

Востребованные и необходимые качества российского политика — умение давать убедительные обещания и *умение продаваться!*

Но возможно и практически нейтральное употребление (хотя и слегка ироническое, на что указывает «смайлик» в конце):

Ты должен в течение какого-то времени на собеседовании показать, что на новом предприятии без тебя никуда, ты именно тот человек, который им нужен. И да, ты лучший из всего длинного списка претендентов. *Умение продаваться* вообще потрясающее умение. Люди, которые овладели этим навыком получают больше и лучше, чем те, кто не овладели,

но более профессиональны. Я сама не очень-то хорошо *умею продаваться* подороже, хотя тренирую этот навык;

Сочетание *продавать себя* (больше ста тысяч страниц только для формы инфинитива) оказывается практически свободно от негативной коннотации, ср.: *искусство продавать себя, как научиться продавать себя, мерчендайзинг или умение продавать себя в торговых сетях* и т. п. Впрочем, здесь также иногда появляются кавычки, блокирующие паразитическое негативное прочтение, ср.:

И первое, чему вы научитесь — «*продавать*» себя, свои знания и профессионализм на рынке труда.

купить

‘купить’ → ‘подкупить’: *его купили; все судьи куплены;*

‘купить’ → ‘обмануть’: *купиться <на что-то> ‘прельстившись чем-то или поверив чему-то, дать себя обмануть’: купился на рекламу, на хитрость, на уловку, на новый проект*

Первый семантический переход достаточно широко распространен, второй более специфичен.

Употребление глагола *купить* в контексте личного дополнения без отрицательной коннотации, распространяющееся в последние годы в текстах СМИ (*Абрамович купил футболистов на 42 миллиона долларов*), противоречит тому фрагменту языковой картины мира, на котором основано значение русского глагола *купить*, чем выдает свое заимствованное происхождение.

По-английски выражение *all that money can buy* означает «очень многое, практически все (кроме, естественно, таких вещей, как любовь, талант и т. п., которые купить нельзя)». По-русски аналогичного готового фразеологизма нет, а буквальный перевод *все, что можно купить за деньги* означает, приблизительно, «много, но все это не очень ценное». Значение русского выражения отличается от значения английского расстановкой акцентов — за счет того, что оно имеет в качестве презумпции представление, которое, относится, видимо, к числу ключевых идей русской языковой картины мира: приблизительно «ничто истинно ценное нельзя купить». Так, эпатажирующий эффект появившегося в России в 90-е годы слогана «Все можно купить» состоял в попытке сознательного разрушения именно этой ценностной идеи (ср. [Шмелев 2010: 35]).

У англ. *to buy* есть нехарактерное для русского *купить* производное значение ‘принимать, верить’, возникающее в в контексте пропозитивного объекта, ср. слова из песни «Always be together» (Joey Hendrickson):

You said we'd always be together forever / I need you to be here with me once again / No no! don't tell me your lies / I won't buy it any more.

Семантический переход здесь, очевидно, опирается на идею положительной оценки объекта: человек покупает вещь, если считает, что она хорошая — соответственно, верит некоторому утверждению, если считает его истинным. В русском языке глагол *купить* в контексте (подразумеваемого) пропозитивного объекта употребляется лишь в выражении *за что купил, за то продал*, с очевидной отрицательной коннотацией.

Если сравнить членение концептуальной области, которую можно обозначить как «передача одним человеком другому некоторого объекта», в русском и, например, во французском языке, мы увидим, что оно устроено по-разному. По-русски здесь имеются четыре слова: *одолжить, дать, отдать, подарить*, ср.: *Петя одолжил/дал/от-*

дал / подарил Маше учебник по геометрии. Одолжил — подчеркнуто ‘на время, с возвратом’, *подарил* — подчеркнуто навсегда, и вкладывая в это какое-то дополнительное чувство (см. ниже), в отличие от *отдал*, которое значит тоже навсегда, но без этого дополнительного компонента чувства; *дал* — скорее на время, но часто на неопределенно долгое (поэтому оппозиция ‘на время vs. навсегда’ отчасти стирается). При этом немаркированным в значении ‘дать на время’ часто оказывается именно глагол *дать*, ср.: *Дай мне ручку, мне нечем писать*; *Маша дала мне зонтик, потому что шел дождь* и т. д. (глагол *одолжить* в таких контекстах менее вероятен). Во французском языке имеется три глагола: *prêter* ‘одолжить, дать на время’, *donner* ‘отдать в собственность, подарить’, *offrir* ‘преподнести, сделать подарок’. Оппозиция ‘на время vs. навсегда’ не оставляет никакой зоны неопределенности, сентиментальный компонент ослаблен, а ритуальный, наоборот, усилен (в этом отношении противопоставлены глаголы *donner* и *offrir*). Более существенным является компонент бесплатности для адресата: в русском языке он выступает на первый план только в наречии *даром*; для глагола *подарить* и в особенности для существительного *подарок* такое значение нехарактерно: как справедливо отмечено в [Левонтина 2010: 266—268], «*подарок* — это форма проявления любви». Употребления типа «20 % в подарок» (надпись на упаковке, означающая, что эти 20 % продукта человек якобы получает дополнительно к тому, что он оплачивает, т. е. бесплатно) воспринимаются как калькированные — ср. франц. идиому *c'est donné!* (букв. «это подарено!»), выражающую приятное удивление низкой ценой какого-то товара. Тот же сдвиг акцента с межличностных отношений на финансовые воспроизводит семантическая калька *пригласить* = ‘(предложить) заплатить <за кого-то>’ (ср.: *Давай сегодня вместе поужинаем в ресторане. Я тебя приглашаю*).

Итак, языковая картина мира — это часть языковой семантики, и при этом очень важная часть. В частности, знание особенностей языковой картины мира чужого языка помогает предотвратить провалы в межкультурной коммуникации, в противном случае неизбежные. Когда американская стюардесса говорит *Enjoy your meal*, не следует думать, что она предлагает вам *наслаждаться* сэндвичем с кока-колой, или если француз сообщает *Hier, on est allé manger chez quelqu'un*⁹⁶, — это не означает, что французы ходят в гости, чтобы поесть.

Важно подчеркнуть, что языковая картина мира — это та часть языковой семантики, которая недоступна непосредственному наблюдению, так как содержится в значении слов и конструкций языка в неявном виде (а то, что доступно наблюдению, часто вводит в заблуждение, как, например, пословицы в их ассертивной зоне). Языковая картина мира может быть лишь реконструирована — при помощи лингвистического анализа. При этом в области исследования языковой картины мира, так же как в этиологии, особенно велика опасность разного рода спекуляций, когда языковой материал вольно или невольно подводится исследователем под ту или иную априорную идею. Однако имеющийся в распоряжении современной семантики инструментарий анализа вполне обеспечивает возможность избежать этой опасности.

Я благодарна Ирине Микаэлян и Алексею Шмелеву за замечания, соображения и советы, высказанные в ходе обсуждения данного сюжета.

⁹⁶ Букв. «вчера мы ходили есть к кое-кому». Этим примером я обязана Ирине Микаэлян.

Глава IV

РУССКАЯ СЕМАНТИКА В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

1. РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: СЛОВО *ПРОБЛЕМА**

С горы скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? Никто не знает ныне —
Сорвался ль он с вершины *сам* собой,
Иль был *низринут волею чужой?*

Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса.
(Ф. И. Тютчев. *Problème*)

Для исследования Европейского многоязычного лингвокультурного пространства представляет интерес составление списка слов, присутствующих во всех языках Европы в тождественной (с точностью до национальной фонетики) форме, т. е. заимствований, распространившихся по всему ареалу. Я имею в виду, в первую очередь, не банальные политические и общенаучные интернационализмы типа *демократия*, *постмодернизм*, *тезис* или *апогей*, а слова обиходные, употребляющиеся в повседневной речи, — но при этом непредметные, т. е. обозначающие, так сказать, не общие вещи (типа *такси* или *вирус*), а общие идеи, т. е. способы концептуализации явлений. Как кажется, таких слов не так уж много; к интересующему нас списку общеевропейских обиходных терминов принадлежат, в частности, слова *идея*, *идиот*, *характер*, *натура*, *интерес*, *аппетит*, *катастрофа*, *скандал*, *юмор* — а также слово *проблема*, о котором пойдет речь в данной статье¹.

Это слово имеется во всех европейских языках: в английском, немецком, нидерландском, шведском, датском, французском, итальянском, испанском, португальском, румынском; в греческом; в русском, польском, чешском, болгарском, сербском и хорватском, а также в финском и в венгерском. Не имея возможности провести исследования этого слова во всех перечисленных языках, отметим только, что по текстам на этих языках, находящимся в Интернете, очевидно, что уровень экспансии этого слова и спектр его значений в разных языках различны.

* Переработанный вариант статьи [Зализняк 2006а]; впервые опубликовано: [Зализняк и др. 2012: 410—418].

¹ Это слово уже обсуждалось в докладах [Zalizniak 2005; Ляшевская, Рахилина 2005]; см. также позднейшую публикацию [Рахилина (ред.) 2010: 333—351].

Употребление слова *проблема* в современном русском разговорном языке может служить прекрасным примером, демонстрирующим Гумбольдтовское понятие *sprachliche Weltansicht*: тот факт, что в слове может быть заключено некоторое общее представление о мире, — которое навязывается языком говорящему на этом языке. Именно с этой точки зрения оно и будет нас интересовать.

Анализ этого слова затрудняется тем обстоятельством, что оно, как уже было сказано, есть во всех языках Европейского ареала, и значит, как кажется, примерно одно и то же. Однако, это не совсем так.

Слово *проблема* было заимствовано русским языком из немецкого (как считается, через посредство польского) [Фасмер 1996, III: 371; Крысин 1998: 563]. Это слово появилось в русском языке в начале XVIII в. и зафиксировано в словарях с конца XVIII в. [Черных 1994, II: 68]. Слово *проблема* происходит из греч. $\pi\rho\beta\lambda\eta\mu\alpha$, букв. «брошенное перед (кем-то/чем-то)» (от глагола $\pi\rho\beta\alpha\lambda\lambda\omega$ «бросать вперед»), скалькированного в латинском *projectum* (и далее, через посредство польского *przedmiot*, в русском *предмет* [Веселитский 1972: 63]). Исходное греческое слово имело, среди прочего, значения: ‘помеха, препятствие’; ‘предложенное, задача, проблема’ (по словарю Вейсмана); именно про эти два значения, их семантические и функциональные взаимоотношения, и пойдет речь дальше.

В словарях современного русского языка МАС [Крысин 1998] выделяются два значения:

1. Сложный теоретический или практический вопрос, требующий решения. *Проблема происхождения Земли* [\Leftarrow откуда, как и т. д. произошла Земля], *проблема землепользования*; *проблема Человек и Земля приобрела общегосударственное значение* (некая сфера жизни, в которой, как и в любой другой, имеются свои трудности).

2. *перен., разг.* О чем-н. трудно разрешимом, осуществимом. *Для него самому проснуться — целая проблема. Это не проблема.*

Второе значение является производным от первого. Как и в западноевропейских языках, из которых оно пришло, слово *проблема* в русском языке первоначально принадлежало научному дискурсу, из которого оно в какой-то момент перешло в быденную речь в значении, приблизительно, «трудное дело» — в отношении какой-то практической цели, которую трудно достичь (*получить визу в США — это проблема*) или в отношении какого-то вопроса, требующего решения (*у нее каждый раз проблема, что надеть*). Эти два варианта употребления (речь идет о двух вариантах внутри второго значения) связаны между собой вполне очевидными отношениями, ср. квазисинонимию: *проблема в том, чтобы достать денег на лечение* \Leftrightarrow *проблема в том, где достать денег на лечение*.

Первое значение (будем называть его *проблема I*) соответствует употреблению этого слова в научном дискурсе. В этом значении слово *проблема* употребляется обычно с дополнением в родительном падеже. Содержание семантической связи, кодируемой родительным падежом дополнения (т. е. тип свернутой предикации), может быть несколько различным. Так, *проблема старения населения* [\Leftarrow население стареет; это плохо]. Но может быть и наоборот: *проблема воспитания нового человека* [\Leftarrow надо воспитать нового человека; это хорошо]. Таким образом, формула *проблема X-а*, где *X* — номинализация некой пропозиции, неоднозначна: либо (i) ‘имеет место X, это плохо; как это устранить?’; либо (ii) ‘нужно, чтобы было X; как этого достичь?’. При неполной номинализации возможны и другие смысловые связи, ср.: *проблема*

отцов и детей [← в отношениях между отцами и детьми имеются определенные трудности]; *проблема школьного образования* [← организация школьного образования — трудная вещь] и т. д. В последнем случае конструкция с генитивом может просто называть некоторую предметную область (ср. *работа посвящена проблеме сверхпроводимости*).

С другой стороны, проблемы бывают, так сказать, общие, в большей степени теоретические (как устроен объект X?; как преодолеть трудности, связанные с явлением X?) и частные, в большей степени практические: чисто интеллектуальные (куда он мог положить ключи?) и связанные с принятием решения: кого позвать на день рождения, куда пойти учиться, что одеть, как получить американскую визу, где достать денег, а также (без вопросительного слова) вовремя проснуться, не опоздать на работу, и т. п. Про все эти вещи по-русски говорят *это проблема*, т. е. 'это трудно' / 'не знаю как это сделать'. Такое употребление соответствует второму значению (по словарям), будем называть его **проблема 2**.

Однако в русском языке имеется, помимо этого, весьма значительный круг употреблений слова *проблема*, где речь идет о вещах скорее практического характера, однако, они не укладываются в определение «о чем-то трудно разрешимом, осуществимом». Назовем этот тип употребления **проблема 3**; именно он и является основным предметом нашего интереса. Речь идет о конструкциях *у кого-то проблемы* (во мн. ч.) *с чем-то / кем-то*: *у меня проблемы с сыном* (прогуливает школу; грубит бабушке); *у нее проблемы с другом* (поссорились; он ей изменяет); *у нее проблемы с памятью* (все забывает); *у него проблемы с ушами* (они лопухие, и это ему не нравится). При том, что здесь используется специфически русская конструкция «у + родит. падеж», не имеющая эквивалентов в западных языках, выражение в целом, по-видимому, является калькированным: достаточно посмотреть тексты в Интернете, например, на немецком языке: *Habe Probleme...* — без *ich*, т. е. сугубо разговорное — название целой рубрики. Наиболее частый тип таких проблем связан с компьютером и прочей техникой: что-то не получается сделать, при том, что должно получаться. Другая не менее популярная область такого рода проблем — здоровье и секс.

Именно это «должно» в презумпции и составляет, по-видимому, специфику значения **проблема 3** в русском языке, выдающую ее «иностранное происхождение» (заметим, что в других значениях этого компонента нет; его не отмечают и словари; впрочем, в словарях обсуждаемое значение вообще не дифференцировано). *Проблемы* в этом смысле — это препятствия, которые возникают на пути нормального, т. е. гладкого течения процесса жизни. Все, что попадает в сферу **проблемы 3**, оказывается, по предположению, частью этого нормального хода вещей: нормально, если сын хорошо учится и хорошо воспитан, нормально иметь хорошую память, обычной формы уши, уметь получать нужный эффект от компьютера, его отдельных функций и программ. Приведем в этой связи следующую фразу из книги [Лакофф, Джонсон 2004: 174] (речь идет о «химической метафоре», которая может быть усмотрена в выражении *the solution of my problems*)²:

² Имеется в виду метафора «растворения», заключенная в выражениях англ. *resolve the problem*, франц. *resoudre le problème*, от лат. *solvere*; во франц. языке слово *solution* имеет значения 'раствор' и 'решение (проблемы)'; в современных словарях эти слова фигурируют как омонимы.

Жить в соответствии с химической метафорой означало бы принять как факт, что никакая проблема не исчезает навечно [...] Проблемы стали бы, скорее, частью естественного устройства мира, чем болезнями, требующими «лечения» (каковыми они, по мысли авторов, являются на самом деле; разрядка моя. — А. З.).

Конструкция у *X-а проблемы с Y-ом* является, по-видимому, наиболее явным признаком значения *проблема 3* и содержащегося в нем взгляда на мир.

В ед. ч. в конструкции с *у меня...* слово *проблема* вводит ее изложение, ср.: *Это компания МИГ-Телеком? У меня такая проблема...* В этом употреблении слово *проблема* служит просто катафорическим обозначением некой ситуации, в которой имеются какие-то трудности, требующие разрешения. И дальше — слово *проблема* превращается в своего рода слово-паразит, универсальный классификатор для сколько-нибудь сложной ситуации.

Совсем четкой границы между значениями 2 и 3 нет, именно поэтому значение *проблема 3* так незаметно и легко вошло в русский язык. Между тем оно является носителем идеи, отсутствующей в значениях и 1 и 2: что жизнь нормально протекает без проблем, доставляя живущему удовольствие, чувство, что у него «все ОК». Любая вещь, препятствующая этому ощущению — будь то отсутствие денег, головная боль, измена жены, творческий кризис, или что угодно — является *проблемой*, которая должна быть устранена, чтобы восстановить нормальное положение вещей, т. е. состояние, когда «все ОК».

Вернемся теперь к внутренней форме слова *проблема* и покажем, что разные значения этого слова соответствуют двум различным метафорам, возникшим на основании образа «<чего-то> брошенного перед <кем-то>». А именно, «брошенное перед» может представлять как некая цель, которую человек перед собой ставит (ср. близкую метафору в концептуализации намерения во франц. *proposition* и русск. *предположение* в устаревшем значении ‘намерение’). В этом случае сам этот «брошенный перед» предмет представляет некую цель, и тем самым ценность. Это — *проблема 1*: он *занимается* такой-то научной *проблемой*; эта *проблема* кого-то *занимает, интересует*; ее *формулируют, ее исследуют*.

Проблема 2 — это помеха, которую необходимо устранить. Здесь тот же пространственный образ получает иное «профилирование»: как будто кто-то бросил камень, который преградил мне путь. Меня не интересует сам этот камень, мне важно дальнейшее продвижение вперед по пути; вопрос только в том, как устранить или обойти возникшее препятствие. Соответственно, *проблема 2 возникает* и ее *решают* — и тем самым уничтожают (ср. упоминавшееся выше выражение *resolve the problem*). Ту же метафору реализует и производное от *проблема 2* значение *проблема 3*.

Что касается истории бытования слова *проблема* в русском языке, приведем данные, полученные из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru)³. Удивительный факт состоит в том, что в имеющихся в корпусе документах периода с 1900 по 1920 гг. слово *проблема* не встретилось не разу, ни в каком значении. (Надо сказать, что это, в основном, частная переписка Е. Кузьминой-Караваевой, а также проза М. Цветаевой; если бы в корпус были включены сочинения каких-то других авторов, то слово *проблема*, возможно, появилось бы.) Но так или иначе, эти данные

³ Использованы данные НКРЯ по состоянию на 2005 г.

говорят о том, что для языка русской интеллигенции начала XX в. слово *проблема* не было актуально⁴.

В период с 1920 по 1950 слово *проблема* встречается в 9 документах из 59 (т. е. менее чем в 1/6 части текстов, среди которых имеется: проза М. Цветаевой, В. Ходасевича, К. Паустовского, В. Каверина, А. Ахматовой, А. Мариенгофа, В. Катаняна, Е. Кузьминой-Караваевой, Э. Казакевича, А. Лосева, и др.). Подавляющее большинство примеров приходится на тексты В. И. Вернадского (*проблема сознательного регулирования размножения, проблемы современной физики*), прозаические тексты Анны Ахматовой (*проблема изображения общечеловеческих страстей, проблема реализма, проблема счастья* <в творчестве Пушкина>) и сочинения Льва Троцкого (*проблемы революции, теоретические и тактические проблемы, проблемы массового действия, проблемы психоанализа*) — что весьма показательно: интересующее нас слово встречается в научном и политическом дискурсе⁵.

Упомянем также тот факт, что во всех русских рассказах Набокова (текст объемом 22 печатных листа), относящихся к тому же периоду, слово *проблема* встретилось один раз:

Конечно, я не обольщаюсь вашей способностью увлекаться *мировыми проблемами*, но мне кажется, идея моего журнала вас заинтересует со стилистической стороны, — так что приходите (Набоков. Василий Шишков).

Еще один раз оно употреблено в романе «Дар» (в главе о Чернышевском):

...точно также как Маркса привел к мысли о необходимости ознакомиться с *экономическими проблемами* вопрос о гномах-виноделах («мелких крестьянах») в долине Мозеля.

В романах «Другие берега», «Машенька», «Защита Лужина», «Король, дама, вalet», «Камера obscura», «Приглашение на казнь» это слово ни встречается ни разу. Это, очевидно, говорит о том, что Набоков не признавал за словом *проблема* права вхождения в достойный его русский язык (можно предположить, что Набоков считал — и не без оснований — это слово признаком либо «советского», либо «буржуазного» — т. е. так или иначе «пошлого» — дискурса). Ср. также следующее высказывание Г. Адамовича:

Не могу отказаться от кавычек при слове «*проблема*». Иностранные слова законны и необходимы, особенно в языке еще не вполне сложившемся, но от «*проблем*» веет чем-то слишком уж книжным, интеллигентским, приват-доцентским (Г. Адамович. Опыты, кн. I. Нью-Йорк, 1953. С. 102, цит. по: [Шварцкопф 1997: 378]).

Слово *проблема* не встречается также у Чехова, Бунина и Куприна. Единственный пример из Куприна — на значение *проблема 2*:

Ну, что вы сказали бы, например, если бы к вашей молодой энергии, силе и знаниям обратился великий ученый, который, положим, работает над *проблемой* — из простых элементов, входящих в воздух, составить вкусное, питательное и съедобное, почти бесплатное вещество? Если бы вам предложили работать ради будущего устройства и украшения земли? (Куприн. Жидкое солнце).

⁴ По состоянию на апрель 2011 в НКРЯ для данного периода фиксируется 784 вхождений на 11 млн. слов (≈71 на 1 млн.).

⁵ По состоянию на апрель 2011 в НКРЯ для данного периода фиксируется 2570 вхождений на 28,2 млн. слов (≈91 на 1 млн.).

После 1950 г. употребление слова *проблема* начинает резко возрастать⁶.

В последние десятилетия слово *проблема* в русском языке необычайно расширило свое употребление за счет значения *проблема 2*, а также производного от него *проблема 3*: ‘обстоятельство, мешающее гладкому, нормальному, беззаботному ходу вещей’; нечто, что необходимо устранить, чтобы восстановить нормальный, т. е. беззаботный, ход вещей. В этом значении слово *проблема* в современном русском языке является семантической калькой с западноевропейских языков, скорее всего — английского (т. е. оно как бы вторично заимствовано). Слово *проблема* в этом значении воспринимается чувствительными носителями русского языка как нечто «вульгарное» — возможно, так ощущается его чуждость русской языковой картине мира. Как кажется, на этом основан эффект фразы из анекдота об Адаме:

Через день после сотворения райского сада Адам звонит Богу: «Боже, у меня проблема». «Какая проблема? — спрашивает Бог. — Господи, я знаю, Ты сотворил меня и обеспечил меня всем в этом прекрасном саду. Но я несчастлив [...]»⁷

Действительно, то, что человек несчастлив, может вызывать сочувствие и сострадание — но это никак не «проблема», т. е. не помеха на пути «нормального» течения жизни. Здесь *несчастлив* является переводом англ. *unhappy*. Но дело в том, что в русской языковой картине мира *быть счастливым* — это вовсе не «нормально», это абсолютно экстраординарное состояние, которое практически недостижимо (см. об этом [Wierzbicka 1992a; Зализняк 2003]). Здесь еще, очевидно, воспроизводится жанр анекдотов, где пародируется диалог пациента с психоаналитиком. В этом случае то, что человек несчастлив — это именно и есть та *проблема par excellence*, которая приводит человека к психоаналитику: это как раз то, что препятствует нормальной жизни, в которой человек должен ощущать себя *happy* (или, по крайней мере, *OK*) и которую психоаналитик призван так или иначе решить (устранить), т. е. сделать так, чтобы человек снова обрел «нормальное» состояние *happy*⁸.

Приведем еще один анекдот (из той же статьи), где слово *проблема* выдает его «иностранный происхождение».

«Ребе, помоги мне, мой сын стал христианином». — «Да... Тут надо посоветоваться с Богом. Приходи завтра». На следующий день: «Шломо, дело твое совсем плохо. Бог сказал, что у Него та же самая *проблема*».

Комический эффект (по крайней мере, русского варианта) возникает именно за счет неуместности обозначения ситуации, о которой идет речь, словом *проблема 3* (= препятствие, которое нужно думать как устранить).

⁶ Для периода 1950—1989 гг. частотность слова *проблема* составляет ≈ 205 , в 1990—1999 гг. — ≈ 275 , для 2000—2010 гг. — ≈ 646 слов на 1 млн.

⁷ Анекдот взят мною из статьи [Шмелева, Шмелев 2006], где он характеризуется как «западный» анекдот о семейных отношениях, в котором отражается характерный «мужской шовинизм». Однако на переводной характер анекдота в не меньшей степени указывает употребление в данном контексте слова *проблема*.

⁸ Ср. критику этой установки как таковой в «Дневниках» Александра Шмемана (обратим внимание на употребление кавычек при слове *проблема*): «“Проблема” М., “проблема” С., “проблема” А., “проблема” С. М., “проблема” матушки Х: как им дать понять, что никаких “рецептов” и “решений” у меня нет, что это мучительное искание помощи есть вид бегства от себя, от жизни, от совести, от решения» (Прот. Александр Шмеман. Дневники. М., 2005. С. 219).

Другая особенность слова *проблема* 3 состоит в том, что оно представляет собой способ отсылки к ситуациям, которые называть «прямо» неприлично (так, неприлично рассказывать постороннему человеку о своей болезни или семейной драме); т. е. слово *проблема* — это способ косвенной номинации ситуации. В таких случаях говорят *У меня проблемы* — и этого вполне достаточно и говорящему и слушающему. Так, фраза *У нее проблемы с другом* может быть сказана европейской студенткой преподавателю в качестве объяснения того, почему подруга не явилась на экзамен. Между тем вряд ли в этой ситуации та же студентка могла бы сказать преподавателю, что ее подруга не пришла на экзамен, потому что ее бросил любовник. Подобное оправдание трудно представить себе также и в устах русской студентки. Современный русский студент в описанной ситуации скорее всего скажет ту же фразу, что и европейский (*У нее проблемы с другом*), но классический русский речевой этикет в данной ситуации категорически требует придумать какой-то более приличный предлог.

Приведем еще один пример употребления слова *проблема* в целях косвенной номинации ситуации — из газеты «Коммерсант» за 19 января 2006 г.; статья называется «Анатолия Чубайса попросили не выражаться»:

Думаю, президенту Воронину не нужно удивляться, если у него появятся очень серьезные *проблемы* в самом ближайшем будущем, — пригрозил господин Чубайс. [...] С ответной репликой выступил советник президента по внутренней политике Марк Ткачук. Он расценил угрозы главы РАО «ЕЭС России» как «прецедент использования в международных отношениях *бандитской лексики, недопустимой для чиновника такого ранга и такой репутации*⁹.

Итак, схематично ситуация такова. Слово *проблема* пришло в русский язык в XVIII в. из Западной Европы как «ученое» слово, обозначающее, приблизительно, «трудный вопрос, требующий разрешения». Это слово принадлежало почти исключительно научно-бюрократическому дискурсу; в бытовом языке, также как и в языке художественной литературы, в течение всего XIX в. этого слова нет: так, его нет в Словаре языка Пушкина, его нет у Толстого, нет у Достоевского, Гаршина, Вересаева. В первой половине XX в. оно, в какой-то степени, входит в обыденную речь, но в язык художественной литературы проникает лишь к середине XX в. В какой-то момент появляется новое значение: практическая цель, которую трудно достичь (ср. приведенный выше пример из Куприна). И далее, существенно позже, происходит еще один сдвиг — но это уже не просто сдвиг, а результат семантического калькирования с западноевропейских языков: слово *проблема* начинает употребляться в значении «обстоятельство, мешающее гладкому, нормальному, беззаботному ходу вещей»; нечто, что необходимо устранить, чтобы восстановить нормальный ход вещей, т. е. такой, при котором человек получает удовольствие от жизни. Это значение непосредственно связано с комплексом представлений, отраженных также в других ключевых словах «западной культуры» — таких как *happу, enjoy, OK*¹⁰. Не случайно строгие блюстители чистоты русского языка первой половины XIX века (такие как Цветаева и Набоков) слова *проблема* вообще не употребляют.

⁹ Этим примером я обязана Е. Я. Шмелевой.

¹⁰ Ср. название известной книги Е. Харриса по популярному психоанализу «I am OK, you are OK»; заметим, что в русском переводе [Харрис 2001], сохранено слово *OK*, и это правильно: это слово лингвоспецифичное и переводу неподдающееся.

В русском языке имеется также разветвленная сеть фразеологических клише (в значительной части — калькированных с английского): *нет проблем; не проблема* (вариант: *не вопрос*); *без проблем; это не моя проблема; это твои (ваши) проблемы* = ‘это меня не касается’; *создавать себе проблемы* и т. п. Все эти выражения отсылают к картине мира, в которой нормой является беспрепятственное и беззаботное движение по жизни.

Таким образом, с появлением в русском языке нового значения у слова *проблема* появился и новый концепт. Какова будет его дальнейшая судьба и его влияние на эволюцию русской языковой картины мира, пока сказать трудно. Однако можно с определенностью сказать, что модель (*У кого-то*) *проблема с чем-то/кем-то* прочно вошла в русский язык. Возможно, дело в том, что она соответствует одной широко распространенной модели безличных предложений, а именно, модели с предлогом *с* + твор. п. (описанной М. Гиро-Вебер), ср.: *у него неудача с экспедицией; с деньгами у вас будет плохо; с билетами было трудно, с пьесой не ладилось; с продуктами все еще было плохо; с жильем постоянные трудности; у меня с работой не получается; с нервами у нее нехорошо; рабочих хватает, а с инженерами неважно* и т. п. [Guigaud-Weber 1984: 336—349]. Слово *проблема*, очевидно, является просто обобщающим для всех перечисленных вариантов трудностей и неполадок.

POSTSCRIPTUM

Приведу без комментариев фрагмент статьи с популярного психологического сайта (<http://www.sunhome.ru/psychology/1105>):

На нашу жизнь влияют не только реальные факты и события, но и те слова, которыми мы их называем. Именно поэтому не утихает борьба между сторонниками чистоты языка и сторонниками его свободы. Когда какой-нибудь славянофил призывает нас говорить на языке Пушкина, фактически он хочет заставить нас жить, как в XIX веке. А если какой-нибудь западник пропагандирует гарлемский сленг, то он хочет, чтобы мы жили, как негры в гетто. Кто из них более прав, решать не нам, но один американизм мы хотели бы поприветствовать, вне зависимости от филологических «рго» и «contra». Это словечко победоносно прошествовало по всему миру вместе с джинсами и кока-колой, благо на большинстве европейских языков оно звучит почти одинаково. Это слово «проблема».

Что говорит россиянин, если у него ушла жена, сгорел дом или его выгнали с работы? Он говорит: «У меня горе!» И, в соответствии со сказанным, начинает горевать. Что скажет в такой ситуации американец? Он скажет: «У меня проблема». А что можно делать с проблемой? Правильно! Только решать. Теперь вы понимаете, почему нам так нравится это выражение. Мы искренне хотим, чтобы у вас было побольше проблем, и поменьше бед и несчастий. [...]

2. Юмор и остроумие в европейской культурной перспективе*

Задача данной статьи — увидеть значение русских слов, связанных с семантикой комизма, в европейской культурной перспективе. Речь пойдет об истории, семантике и переводных эквивалентах в западноевропейских языках слов *юмор*, *остроумие* и *смешной*. Все эти слова безусловно относятся к числу культурных концептов, отражающих общезначимые европейские ценности. При этом сами слова, их выражающие, частично заимствовались, частично подвергались разного рода калькированию и другим взаимным влияниям. Поэтому, как мне кажется, необычайно важно, как с собственно лингвистической точки зрения, так и с более широкой, культурологической, охватить всю эту систему взаимоотношений в целом.

2.1. Юмор

История слова *юмор* восстанавливается достаточно ясно. Оно восходит к лат. слову *humor* ‘влага’ в том его значении, которое оно приобрело в рамках средневекового учения о «соках организма», которые определяют темперамент человека. Таким образом, восстанавливается следующий путь семантической деривации: ‘соки организма, определяющие темперамент’ → ‘темперамент, настроение, предрасположенность к чему-то’ → ‘хорошее настроение’. История самого слова такова: лат. *humor* дало ст.-франц. *humeur* (по данным словаря [Robert historique: 1756], слово *humeur* засвидетельствовано во франц. языке с XII в., в значении ‘органические жидкости человеческого тела (определяющие темперамент)’). Ст.-франц. слово *humeur* в значении ‘настроение, предрасположенность к чему-то’ было в XVI в. заимствовано в др.-английский в форме *humour* и в дальнейшем приобрело значение ‘предрасположенность к веселью’. По данным Оксфордского словаря, в конце XVI в. это слово уже имело значение «A quality of action, speech etc. which causes amusement; facetiousness, comicality (more fully *sense of humor*); the faculty of perceiving and enjoying what is ludicrous or amusing; the sense of ludicrous or amusing» [OED: 1285].

В XVIII в. это слово в форме *humour* было обратно заимствовано во французский язык в этом последнем значении и продолжает ассоциироваться с чем-то английским,

* Впервые опубликовано: [Зализняк 2007а].

ср. устойчивое сочетание *humour anglais* — в противоположность собственно французскому обозначению для близкого понятия — *esprit* ‘дух, интеллект, остроумие’ (см. ниже). Слово *humeur* осталось во франц. языке в значениях ‘нрав, характер’ (ср.: *Ce garçon est d’humeur batailleuse* ‘у этого мальчишка строптивый нрав’), ‘настроение, предрасположенность к чему-то’ (ср.: *bonne/mauvaise humeur* ‘хорошее/плохое настроение’; *Je ne suis pas d’humeur à rire* ‘я не в том настроении, чтобы смеяться’), а также ‘плохое настроение’ (*Il est pris d’humeur* ‘он сейчас не в духе’).

Слово *юмор* проникло из английского во все европейские языки (по-видимому, оно принадлежит тому списку «обиходных нематериальных интернационализмов» к которому относятся такие слова, как *проблема, идея, катастрофа, интерес, характер, натура, интерес, скандал*, которые сами представляют собой интересный феномен и объект для исследования, ср. предыдущий раздел). В русский язык слово *юмор* попало из английского во 2-й четверти XIX в. [Черных 1994, II: 459]. В русском языке принадлежность категории *юмора* англосаксонской культуре ощущается в меньшей степени, чем, скажем, во французском. В немецком языке это слово закрепилось в релатинизированной форме (*Humor*), однако оно тоже является заимствованием из английского. Таким образом, как слово, так и само понятие *юмора*, а также *чувства юмора* как ценности пришло из англосаксонской культуры и распространилось по всему европейскому ареалу.

В современном мире *юмор* стал ассоциироваться с понятием *комического* (в частности, в литературоведении), или *смешного*. Понятия *юмора* и *остроумия*, которые, вообще говоря, совершенно различны, сходятся на идее *смешного*. Мы рассмотрим сначала соотношение *юмора* и *остроумия* и потом обратимся к категории *смешного*.

2.2. Остроумие

Слово *остроумие* есть у Даля («*остроумие* или острота ума: *остроумный писатель, остроумное заключение*» [Даль 1994: 1834]). У Даля приводится также много выражений со словом *острый* в переносном значении: *жалю остро, а язык острей того; остер язычок, что бритва; острое слово...; острый ум...* Русское слово *остроумие* скорее всего является неточной калькой с нем. *Scharfsinn* ‘остроумие’, букв. «острое чувство», «острый разум» или «острый смысл». Однако в современном языке *остроумие* — это не «обладание острым умом»: оно семантически производно скорее от *острый язык*, чем от *острый ум*. Действительно, *острый ум* — это совсем иная способность, чем *остроумие*; способность делать точные и глубокие наблюдения и умозаключения — именно способность ума, независимая от словесного выражения. Очевидно, значение, которое в современном языке воспринимается как производное и переносное (ср.: *остроумное решение*, т. е. неожиданное и изящное, обнаруживающее *остроту ума*) является исторически исходным — ср. выше сочетание *остроумное заключение*, приводимое В. И. Далем.

Во французском языке есть знаменитое слово *esprit* (неточный эквивалент для русского *остроумия*)¹¹ — лингвоспецифичное французское слово, выражающее один из

¹¹ Ср. блоковское «Нам внятно все — и *острый* галльский *смысл*, И сумрачный германский гений» (этим замечанием я обязана А. Д. Шмелеву). Интересно, что в современном русском

ключевых концептов французского языка. Французское *esprit* — это, исходно, «дух» (из лат. *spiritus*), но также и «интеллект» и, далее, особенно выдающийся интеллект, т. е. «острый ум»; дальнейшее семантическое развитие — то же, что в русском слове *остроумие* (ср. выше), т. е. ‘острый ум’ → ‘способность говорить смешное’ (здесь естественно предположить семантическое калькирование). Таким образом, русское слово *остроумие* является морфологической калькой с немецкого и семантической — с французского. Заметим, что аналогичной семантической калькой с франц. *esprit* является также значение ‘остроумие’ у немецкого слова *Geist* ‘дух’ [Duden-2007: 262].

Относительно французского концепта *esprit* приведу следующее соображение, высказанное американской исследовательницей русской литературы Ольгой Меерсон (устное сообщение). Французское слово *esprit* и навязываемая им концептуализация внутренней жизни человека — один из источников воплощенного в «Войне и мире» представления Л. Толстого о том, что *интеллект* — это типично западный, «галльский» суррогат *духа*. В романе имеется три семьи, воспроизводящие Платоновскую триаду «тело — душа — дух»: соответственно, Курагины — Ростовы — Болконские. Но внутри духовного семейства Болконских происходит непонимание между стариком, приятелем императрицы Екатерины, и внешне похожим на Вольтера представителем «духа» — и его нежно любимой дочерью, крайне одухотворенной, но, на его взгляд, не умной, поскольку она лишена остроумия. Это непонимание семиотически обусловлено неразличением категорий духа и интеллекта-остроумия, заключенным во франц. слове *esprit*. Ход мысли очень типичный: каждое значение многозначного слова несет в себе одновременно все остальные его значения; в некотором смысле, если два понятия обозначаются одним словом, то это одно и то же понятие; в данном случае это равнозначно тому, что французы не различают дух, ум и остроумие, для них это — одно и то же.

Отметим, что в английском языке в этой сфере также есть выдающееся лингво-специфичное слово *mind*, совмещающее значение, близкое к русскому «душа» (как в оппозиции *mind vs. body*, ср. *душа vs. тело*) и «ум» как средоточие способности мыслить (см. [Wierzbicka 1992a: 45]). И «дух», и «остроумие» обозначаются в английском языке другими словами.

Основополагающее сочинение про остроумие — написанная 100 лет назад работа Фрейда [Freud 2004a], которая по-русски обычно переводится как «Остроумие и его отношение к бессознательному», а в оригинале имеет в названии слово *Witz*, основное и, вообще говоря, единственное значение которого — «шутка». И все широко известные и часто цитируемые примеры *остроумия* из этой работы, типа «Хорошо начинается неделя» в устах человека, идущего на казнь в понедельник — это образцы *шуток*. Вообще говоря, между *шуткой* и *остроумием* различие только в онтологической категории: *остроумие* — это свойство, а *шутка* — речевое произведение, обнаруживающее данное свойство его автора (в вышеупомянутой работе Фрейда в соответствующих контекстах слово *Witz* вполне правомерно передается русским *оспорота*). При этом остроумие (*Witz*) рассматривается Фрейдом как вид комического (об этом имеется даже отдельный раздел «Der Witz und die Arten des Komischen»). С другой стороны, у Фрейда имеется более поздняя (1927 г.) короткая статья на ту же тему под названием

языке это словосочетание, очевидно, переосмыслено как «(свойственный французам) дух фривольности», ср. название сборника «Острый галльский смысл. Пять веков французской фривольной поэзии».

«Der Humor», в которой он упоминает свою прежнюю работу, обозначая описанный в ней феномен как «der Humor» [Freud 2004b]. В этой работе само явление он обозначает как *der Humor*, а его единичное проявление — как *der Scherz*. Русского перевода этого второго сочинения Фрейда мне не встретилось, но очевидно, что его следовало бы перевести как «Юмор». Таким образом получается, что *юмор* и *остроумие* оказываются синонимами, что, как кажется, противоречит интуиции.

Что касается Фрейда, то ясно, что здесь происходило уточнение терминологии (которой в 1905 г. просто еще не было, и *Witz* — это очень приблизительный термин, и вообще не термин). Здесь важно другое, а именно, то, что значение русских слов *юмор* и *остроумие*, безусловно, различно. В русском языке имеется, кроме того, выражение *чувство юмора*, которое не равно *юмору* (хоть и является калькой с английского *sense of humor*, которое в английских словарях, в Оксфордском, например, дается как одно из значений слова *humor*, т. е. имеется в виду значение, связанное с исходным метонимически: «способность чувствовать юмор»). В русском языке словосочетание *чувство юмора* означает нечто существенно иное, чем собственно *юмор*: чувство юмора — это не просто способность чувствовать юмор (как *чувство прекрасного*, *чувство ответственности* и т. п.); *чувство юмора* обычно связывается со способностью посмеяться над самим собой, способность преодолеть *серьезность* (что особенно трудно по отношению к собственной персоне). Именно поэтому *остроумие* совершенно не связано с *чувством юмора* — в том смысле, что человек, обладающий одним свойством, вовсе не обязательно обладает другим — и более того, завязтые «остряки» как раз часто бывают лишены чувства юмора, так как свое остроумие ценят вполне всерьез (и совершенно всерьез обижаются, если окружающие его недооценивают). Остроумие же не исключает серьезности: оно иногда может служить лишь средством более эффективного достижения коммуникативной цели (как, например, в рекламе, построенной на языковой игре).

Слово *юмор* стало термином (в литературоведении и культурологии), приблизительным синонимом которого является термин *комическое*, и его значение примерно одинаково в большинстве европейских языков (разве что во французском слово *humour* сохраняет отпечаток своего англосаксонского происхождения, и в качестве соответствующего термина употребляется скорее *comique*, *comisme*).

Что касается слова *остроумия*, то, по-видимому, оно лингвоспецифично — по крайней мере, однословного эквивалента в западных языках оно не имеет (как и прилагательное *остроумный*).

2.3. СМЕШНОЙ

Слово *смешной* заключает в себе некий парадокс. С одной стороны, смешно (по определению Аристотеля, которого, как известно, никому пока не удалось превзойти), когда кто-то попадает в ситуацию, в которой есть нечто плохое, но при этом не трагичное (ср. обсуждение этого вопроса в [Санников 1999: 17—18]). Это не достаточное условие, но необходимое, по крайней мере, для определенного класса «смешных» ситуаций. *Не смешно* бывает по разным причинам, но в частности, потому что — трагично; это называется *грех смеяться*. Однако, как известно, бывает, что *и смех, и грех*: то есть, трагично, и все равно смешно. И более того, слово *смешной*, так-

же как и глагол *смеяться*, необычайно склонен к тому, чтобы скатываться в область трагичного. Бывает два вида смеха: когда просто смеются (заметим, глагол одновалентный, т. е. действие замыкается на субъекте: кто-то рассказал смешной анекдот или придумал удачный каламбур; никому не обидно, *harmloser Witz* по Фрейдю) — и когда смеются *над кем-то* (обратим внимание на предлог *над*, выражающий превосходство; ср. усиленный словообразовательными средствами тот же глагол с тем же управлением *насмехаться над кем-то*; ср. также *издеваться над кем-то*).

У глагола *смеяться* обычно выделяются три значения (1) издавать смех; (2) насмехаться, издеваться над кем-то; (3) говорить не всерьез (ср., напр., [МАС]). Соотносительные с ними значения имеет и прилагательное *смешной*: (1) вызывающий смех, веселье; (2) вызывающий насмешку; (3) такой, который нельзя воспринимать серьезно. Это последнее значение заслуживает более подробного обсуждения.

Замечу, что во франц. языке все три значения выражаются отдельными словами: (1) *drôle, rigolo, comique*; (2) *ridicule, risible*; (3) *derisoire*. Слова, выражающие второе и третье значение, являются производными от глагола со значением ‘смеяться’, что говорит о том, что присутствующий здесь семантический переход является продуктивным (воспроизводимым). А именно, это переход ‘вызывающий смех / веселье’ → ‘вызывающий насмешку (в силу своего несоответствия норме)’ → ‘(вопиющим образом) не соответствующий норме’. В нем. языке слово *lächerlich* совмещает второе и третье значения¹², первое значение выражается словом *komisch* (также ‘странный’, см. ниже).

Прилагательное *смешной* в первом значении комментариив не требует, ср.: *смешная кукла, смешная прическа* и т. п. (любой артефакт); *смешная шутка, смешной анекдот, смешная история, смешная пьеса, смешной рекламный ролик*¹³ и т. п. (т. е. текст). Производным от второго значения глагола *смеяться* является прилагательное *смешной* в краткой форме: *смешон* (точнее, краткая форма соотносится преимущественно со вторым значением). Для дворянина XIX в. ничего не было страшнее, чем если он оказался *смешон* (ср. пример (1), который уже приводился в разделе II.1 в другой связи).

- (1) — Я боюсь, что становлюсь *смешон*. Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть *смешным*. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть *смешна*; но роль человека, приставшего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть *смешна* (Л. Толстой. Анна Каренина);
- (2) Герои «Монументальной пропаганды» — как и большинство наших пожилых современников — пережили крушение идеалов. В романе они жалки, *смешны*. Но ведь это же страшно — вне зависимости от того, плохи или хороши были идеалы. — Это и страшно, и *смешно*. *Смешны* люди, которые меняют идеалы и легко приспосабливаются ко всему [О. Шигарева. Владимир Войнович: «Кумиротворение — это болезнь» // «Аргументы и факты / Москва», 2001.07.04];

¹² Ср. франц. и нем. перевод названия романа Милана Кундеры «Смешные любви»: «Risibles amours»; «Das Buch der lächerlichen Liebe». Вообще категория *смешного* является ключевой для поэтики Кундеры (ср. ранний роман «Шутка», понятие *смешное бессмертие* в романе «Бессмертие» и др.). В эссе «День, когда Панург не сумеет рассмешить», вошедшем в сборник «Нарушенные завещания», Кундера пишет, что нет ничего труднее, чем заставить понять юмор.

¹³ Самое частотное сочетание со словом *смешной* в текстах, фигурирующих в Интернете.

- (3) Тем не менее он приятен во всех отношениях: костюмная пьеса, сюжет, связанный с любовью и кровью, замечательная роль Броневого — его неукоснительный и туповатый, считающий себя мудрецом английский лорд уморительно *смешон* [А. Филиппов. Из жизни принцев и нищих. Театр // «Известия», 2002.03.28] совмещение значений (1) и (2).

Первое и второе значение могут выражаться синкретично (ср. пример (3)). Производными от глагола *смеяться* во втором значении являются также существительные *насмешка*, *посмешище*.

Третье значение слова *смешной* (оно имеется также у предикатива *смешно*) соотносится со значением глагола *смеяться* «говорить несерьезно», но очень косвенным образом; связь в основном проявляется в том, что в некоторых контекстах такое *смешно* может быть заменено на *не серьезно*: *Ну это просто смешно, то что вы говорите (= это просто несерьезно)*. Это значение очень интересно. В частности, это единственное актуальное значение слова *смехотворный* (неправильно определяемое в МАС как равное второму значению *смешной*): *ее прошлогодние рекорды оказались ей смехотворными; скорость переполненной ихуны была смехотворной*.

Смежное в этом смысле — то, что неубедительно, несостоятельно, не может привести к цели. *Смешной аргумент* т. е. абсолютно не действенный, не убедительный (ср. также выражение *детский сад* — фразеологизм, означающий то же, что *смешно* в третьем значении). *Все, что он говорит в свое оправдание, просто смешно*, т. е. абсолютно неосновательно, неубедительно. Ср.:

- (4) Служебный модуль оказался поврежденным настолько, что были отменены планы по третьей пилотируемой экспедиции на Луну. Администрация пыталась обмануть судьбу. Специальным решением арабские цифры на скафандрах и костюмах были заменены на римские — вместо 113 написали СХІІІ. *Смешные уловки!* [С. Лесков. Космонавтам не удалось перекрыть кислород // «Известия», 2002.11.11]

Ср. также: *То, что вы предлагаете, просто смешно; смешная цена, смешная сумма* (очень маленькая). И *продал за смешную сумму, и купил за смешную сумму* — одинаково значит «за очень маленькую» (по сравнению с некой нормой). *Смешно сказать* (о чем-то, существенно не достигающем нормы), ср.: *Ему платят за эту работу — смешно сказать — тысячу рублей в месяц; Сейчас это просто смешно сказать, сколько он заплатил за этот дом* (имеется в виду очень мало, потому что за это время цены выросли и т. п.).

Только в третьем значении употребляется слово *смехотворный* как «усиленное» *смешной* (но не в форме предикатива): *Ну это просто смешно/смехотворно, что он говорит в свое оправдание*. Это значение имеет два варианта:

А. «Это существенным образом ниже нормы или другого термина сравнения»

- (5) Говорят, что она не стала капризничать и запросила за съемки *смешной гонорар* — чуть больше 10 тысяч долларов, рассудив здраво: не каждый попадет на страницы суперпопулярного и многотиражного произведения [Библейской Евой станет топ-модель // «Аргументы и факты / Москва», 2001.06.06];
- (6) Первые сведения о них поступили из Новосибирска и Барнаула, где их продавали на оптовых рынках по «*смешным*» ценам» [В. Салмин. С таким рулем до Москвы не доедешь. На рынке спортивных «прибамбасов» для машин появилась новая фальшивка // «Известия», 2001.09.03];

- (7) Правда, сумма городом выделяется *смешная*: на каждую бдительную старушку положено 500 руб. в месяц [И. Суворова. Работенка для пенсионеров // «Аргументы и факты / Москва», 2001.02.14];
- (8) Конечно, 5 с лишним миллионов «Властелина» могут показаться *смешными* по сравнению с теми 50—70 миллионами долларов, которые приносит прокат хитов в главных киностранах Европы [И. Даммов. «Титаник» все-таки потоплен. «Властелин колец» установил новый кассовый рекорд российского кинопроката // «Известия», 2002.03.01];
- (9) Обычное в последнее время для литературы облегчение от противного: довести себя текстом до полного изнеможения, чтобы собственные проблемы показались потом *смешными* по сравнению с книжными, — к Бутову и его роману это не относится [«Народный букер»: я выбираю «Свободу». Разговор с читателем // «Известия», 2001.08.08].

Б. «Это противоречит некоторым нормам и законам». Замечательно, что это несоответствие норме имеет две противоположных импликации: «этого не будет», ср. пример (10), «этого нет», ср. пример (11) — или же, или наоборот «удивительно (и отчасти это раздражает), но это имеет место», ср. примеры (12), (13).

- (10) В годы коммунизма была популярна песня на мотив марша Шопена «В сельском хозяйстве опять большой подъем». В новое время явилась новая песня «Демократы опять объединяются». Начинание довольно *смешное* не потому только, что договариваться с лидером «Яблока» Г. А. Явлинским о чем бы то ни было — дело абсолютно бесперспективное и все давно это знают. *Смешное* еще и потому, что участники объединительного процесса не могут даже условиться о том, как себя именовать [М. Соколов. Ох, и легка ты, шапка Мономаха! // «Известия», 2002.10.23];
- (11) Между тем и подопытные кролики и те, кто это все придумал и воплотил в жизнь, уже предвкушают, как они будут купаться в славе и популярности. Самое *смешное* — будут купаться. Шуму и «вау» будет много. И еще более *смешно*, что все это из ничего. Из пустоты. Главное, что удалось создателям проекта — выделить химическим путем вещество популярности. То есть создать материю известности, отдельную от ее носителя [Ю. Богомолов. Играем в слабое звено // «Известия», 2001.11.23];
- (12) И самый короткий путь театра к зрителю — это от сердца к сердцу. Коль скоро нет пророка в своем отечестве, может быть, мы послушаем человека со стороны? Тут Марк Захаров рассчитал верно. Что самое *смешное* — пьеса старая, зачитанная до дыр еще советским театром: «Мсье Амилькар платит» И. Жамиака, жестокая мелодрама с печальным концом уже тогда считалась символом пошлой буржуазности [Воспоминание о Ренуаре // «Театральная жизнь», 2004.06.28].

В связи с последним значением русского слова *смешной* обращает на себя внимание немецкое *komisch*, буквально ‘смешной, комичный’, но в разговорном языке имеющее значение ‘странный’, ср.: *Komisch, ich verstehe nicht. Wo ist doch mein Koffer?* ‘Странно. Ничего не понимаю. Где же мой чемодан?’

Таким образом, пути семантической деривации приводят обратно к исходной концептуальной конфигурации: нечто, отклоняющееся от нормы, противоречащее нашим ожиданиям.

3. ОБ ЭФФЕКТЕ БЛИЖНЕЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ*

3.1. Вводные замечания

«Эффектом ближней семантической эволюции» здесь названо неправильное понимание текста, возникающее из-за того, что читатель не распознает семантический сдвиг, произошедший в слове или конструкции родного языка и понимает их в современном ему значении. За тот относительно небольшой для истории языка промежуток времени, который отделяет нас, скажем, от пушкинской эпохи, многие языковые единицы претерпели изменения, которые могут оставаться незаметными для современного читателя; между тем ошибочность результирующего смысла иногда оказывается довольно существенной.

Так, тысячи русских школьников и школьниц, читающих письмо Татьяны к Онегину¹⁴, понимают идиому *так и быть* во фразе

(1) Но *так и быть*! Судьбу мою / Отныне я тебе вручаю (ЕО: 3, XXXI)

как выражающую уступку желанию адресата. Современный читатель (в особенности молодой и филологически неискушенный, каковым является средний школьник) понимает данную фразу именно так — несмотря на несообразность результирующего смысла: ведь Онегин к тому моменту ничего от Татьяны не хотел. Чуть более внимательное отношение к тексту заставляет в этом месте задуматься и искать причину этой видимой смысловой несообразности: действительно, выражение *так и быть* обозначает здесь вовсе не уступку желанию адресата речи, а решимость покориться судьбе (ср.: *Так тому и быть!*). Это более старое значение данного выражения (непосредственно складывающееся из значения частей и конструкции); современное значение уступки является результатом его семантического развития. В пушкинскую эпоху это выражение употреблялось в обоих смыслах, более старый впоследствии был утрачен, в результате чего текст оказался для современного читателя непрозрачен¹⁵.

А. Б. Пеньковский во введении к книге «Загадки Пушкинского текста и словаря» пишет, что это

* Впервые опубликовано в [Зализняк 2012а].

¹⁴ Надо сказать, что этот текст не теряет своей популярности среди молодого поколения: из девичьих дневников он перешел в электронный «живой журнал».

¹⁵ Ср. употребление этого выражения в старом значении также в посвящении («Но *так и быть* — рукой пристрастной / Прими собранье пестрых глав», и т. д.), в письме Онегина Татьяне в главе 8 («Но *так и быть*: я сам себе / Противиться не в силах боле; / Все решено: я в вашей воле; / И предаюсь моей судьбе»), а также в гл. 5, X, 7 и гл. 6, LXV, 3.

явление, близкое к тому, которое принято называть ‘ложные друзья переводчика’, но только действующее в сознании читателей, уверенных, что они читают текст на своем языке, тогда как на самом деле они переводят его с другого (пусть близкого, но другого!) — если не языка, то состояния языка, и переводят, как выясняется, с более или менее серьезными ошибками [Пеньковский 2005: 9].

Упоминание термина «ложные друзья переводчика» здесь не случайно: действительно, поскольку всякий семантический переход существует одновременно в двух качествах — диахроническом и синхронном (см. [Зализняк 2001а]), в точности та же самая ситуация возникает при понимании текста на близкородственном языке. Как пишет О. А. Седакова,

...добросовестный читатель, встретив в библейском или богослужебном тексте слово, которого он никогда не встречал [...], скорее всего, справится со словарем. Но по поводу хорошо известного слова — скажем «озлобленный» (озлобленные) или «непостоянный» (непостоянные) у него может и не возникнуть сомнений [Седакова 2005: 7].

Поскольку непостоянные в церковнославянском языке означает «тот, против которого нельзя устоять», «неодолимый», при подстановке современного значения понимание текста неизбежно оказывается превратным¹⁶.

В данной работе будет обсуждаться лишь диахронический аспект проблемы, а именно, понимание текстов первой половины XIX в. современными носителями русского языка. При этом речь идет о понимании в буквальном смысле, т. е. об извлечении читателем того смысла, который вкладывал в него автор (ср. аналогичную постановку вопроса в [Пеньковский 2005: 6]).

Итак, речь идет о ситуации, когда значение, в котором употреблено некоторое слово автором текста, впоследствии было утрачено (т. е. слово изменило свое значение). Здесь первая задача — выявить такие случаи, поскольку особенность обсуждаемого типа изменения именно в том и состоит, что оно может оставаться незамеченным.

Такая постановка задачи не нова. Н. А. Еськова пишет, что еще С. М. Бонди

мечтал о создании популярного, адресованного широкому читателю словаря, в котором толковались бы слова, употребленные Пушкиным в ныне утраченных значениях. Этот словарь помогал бы понять, что «восстанье, падшие рабы» — не призыв к восстанию, что «позор», который «являет Киев осажденный», означает ‘зрелище’ и что глагол *торжествовать* у Пушкина не всегда значит ‘радоваться, ликовать по поводу успеха, победы’ [Еськова 1999: 21].

Безусловно, эта задача первостепенной важности; удивительно, что она не осознается как таковая в современной отечественной филологии¹⁷. Н. А. Еськова анализирует три таких слова: *лампада*, *торжествовать*, *условия*. В связи с последним словом автор справедливо замечает, что значение мн. ч. *условия* ‘нормы, законы, правила,

¹⁶ Согласно модели Б. А. Успенского, соотношение русского и церковнославянского языков определялось имевшей место вплоть до XVII в. ситуацией диглоссии, характеризующей тем, что два близкородственных, но разных языка — русский и церковнославянский — воспринимаются говорящими как один язык в его двух функциональных вариантах [Успенский 1987]. При этом вопрос о том, как решал средневековый русский человек проблему церковнославянско-русской паронимии, представляет собой отдельную исследовательскую задачу.

¹⁷ Для начала можно было бы собрать воедино и оформить как «материалы к словарю» результаты анализа таких слов в имеющейся литературе по языку Пушкина, прежде всего, в работах А. Б. Пеньковского. Пока что в нашем распоряжении имеется лишь указатель лексем к одной из его книг [Пеньковский 2005].

условности' «относится к тем языковым явлениям, которые отличают язык пушкинского времени от современного. Таких случаев немало у Пушкина. Неправильная их квалификация, т. е. неосознание того факта, что поэт употребляет слово в значении, которое уже ушло из языка, порождает неверное понимание текста» [Там же: 76].

В работах А. Б. Пеньковского анализируется несколько десятков таких слов, в том числе *скука, лень, желчь, тоска, тошный, мечты, преданье, старина, дева, страсти, сказка, любить, ненавидеть, вздохнуть* и др. (см., прежде всего, [Пеньковский 1999; 2004; 2005], а также посвященную его книге «Нина...» статью [Перцов 2009]). А. Б. Пеньковский очень тонко и убедительно анализирует случаи, когда изменение значения по сравнению с пушкинской эпохой почти незаметно, в частности:

- (2) Но наконец она *вздохнула* / И встала со скамьи своей (ЕО, 3, XLI);
- (3) Я модный свет ваш *ненавижу* / Милее мне домашний круг (ЕО, 3, II);
- (4) Любимцы счастья, наперсники судьбы / Смиренно ей несут влюбленные мольбы / Но дева гордая их чувства *ненавидит* (Пушкин. Дева);
- (5) ...я на досуге пишу новую поэму, «Евгений Онегин», где *захлебываюсь желчью* (Письмо А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823);
- (6) На красных лапках гусь тяжелый, / Задумав плыть по лону вод, / Ступает *бережно* на лед (ЕО, 4, XLII).

А именно, *вздохнуть* значит здесь 'восстановить дыхание, отдышаться' [Пеньковский 2005: 80]; *ненавидеть* значит 'презирать, пренебрегать' [Там же: 52]; выражение *захлебываться желчью* отсылает не к *злости*, как в современном языке, а к *тоске* [Пеньковский 1999: 320]; о значении слова *бережно* см. ниже. Ср. также анализ слов *чрезвычайно* и *замечательный* в языке Достоевского в работе [Добровольский 2005].

В статьях [Добровольский 2001; 2003] исследуется вопрос об изменении, по сравнению с языком Пушкина, норм словоупотребления, касающихся сочетаемости и модели управления, и анализируются употребления типа:

- (7) графиня *услышала* весть... с большим равнодушием (сейчас мы бы сказали *выслушала*); *выжидая остальные минуты* (вместо: *выжидая несколько минут*); не выходило *из его головы* (вместо у него из головы); не знаю, как *зовут* деревню, где я венчался (вместо *как называется*); происходило *не от ее воли* (вместо *не по ее воле*); мы *сделали* ему тот же вопрос (вместо *задали вопрос*); *взять* на себя вид (вместо *напустить*), *брать* участие (вместо *принимать*) и т. п.

В работах Д. О. Добровольского речь идет, прежде всего, об изменении способа выражения, в то время как А. Б. Пеньковский концентрирует свое внимание на изменении значения. Однако оба обсуждаемые явления, очевидно, представляют собой две стороны одного и того же феномена. Действительно, изменение значения обычно сопровождается изменением сочетаемости; иногда оно в некотором смысле в этом и состоит. Так наречие *бережно* в современном языке характеризует отношение субъекта к объекту действия (стремление предохранить его от опасностей, с которыми сопряжено совершение субъектом названного глаголом действия), и тем самым сочетается лишь с такими глаголами, которые описывают ситуации, включающие семантический объект, т. е. прежде всего с переходными (*бережно можно нести, укрыть, положить, развернуть, погладить* и т. д. что-то, но нельзя **бережно забираться на гору* (чтобы не упасть в пропасть), и даже нельзя **бережно идти по клумбе* (чтобы не помять цветы)), см. подробнее [Пеньковский 2004: 208—213]. В пушкинском языке значение этого наречия было шире, и, соответственно, шире была сочетаемость.

В примере (6) современный читатель, однако, правильно понимает значение наречия *бережно* как «осторожно, чтобы не провалиться», несмотря на то, что это значение отсутствует в современном языке и что это слово обладает другой сочетаемостью.

Вообще, неосознание того факта, что слово или выражение употреблено в каком-то ином, отсутствующем в современном языке значении, вовсе не обязательно ведет к неправильному пониманию смысла высказывания в целом. Так, в предложении *Он принимал большое участие в успехе представления*, разбираемом в [Добровольский 2001: 164], автор совершенно справедливо усматривает значение ‘способствовать, содействовать, быть заинтересованным’, в современном языке у выражения *принимать участие* отсутствующее. Не зная этого значения выражения *принимать участие*, читатель, однако, правильно понимает фразу в целом: это тот случай, когда нужное значение «выводится из контекста» (аналогично тому, как происходит понимание текста на иностранном языке). Причем читатель-нефилолог производит эту процедуру, по-видимому, бессознательно, даже не замечая, что понимание данного выражения требует каких-то дополнительных усилий. Другой пример: в контекстах типа (8), (9) современным читателем без малейшего труда восстанавливается значение ‘длящийся одно мгновение’¹⁸:

- (8) Стоит туман на волнах охладелых, / И слышится мгновенный ветра свист (Пушкин. Осеннее утро);
- (9) Его неожиданным появленьем, / Мгновенной нежностью очей / И странным с Ольгой поведеньем / До глубины души своей / Она проникнута <...> (ЕО: 6, III, 1—5).

Подобных примеров можно привести множество.

Тем самым различие здесь именно в эффекте: в одних случаях словосочетание понимается правильно, несмотря на то что «сейчас так не говорят» (примеры (6—9)), а в других — выражение понимается неправильно, потому что сейчас тоже так говорят, но имея в виду другой смысл (примеры (1—5))¹⁹.

Именно этот второй случай нас и будет интересовать: когда современный читатель не видит в некотором слове или словосочетании «ничего особенного», ничего, что бы препятствовало его пониманию в привычном для него значении — и тем не менее, как показывает более пристальный анализ, значение, в котором употреблено данное слово или выражение, отлично от современного, и незнание этого приводит к искажению смысла читаемого текста. На эту тему, помимо упоминавшихся уже работ А. Б. Пеньковского и Н. В. Перцова, имеются исследования Н. А. Еськовой [1999] и Е. В. Падучевой [2001]. В статье [Падучева 2001] в частности, отмечается, что пас-

¹⁸ В современном русском языке слово *мгновенный* в этом значении имеет ограниченную сочетаемость (*мгновенная вспышка, мгновенное озарение, мгновенное замешательство* = ‘длвшееся мгновение’); более обычно, в том числе с именами чувств, значение ‘наступивший через мгновеень’ (*мгновенный ответ, мгновенный эффект, мгновенная остановка, мгновенная симпатия, мгновенное доверие*), т. е. здесь имеется тот же семантический переход, что и в словах *быстрый, скорый*: ‘с большой скоростью’ → ‘через малое время’, см. [Богуславский, Йомдин 1999]. Заметим, что этой полисемией обладает также франц. *vite*; ср., однако, англ. *quickly* ‘с большой скоростью’, но *shortly* ‘через малое время’; то же для нем. *schnell* и *bald*.

¹⁹ Здесь, остается, очевидно, некоторая зона неопределенности, поскольку понимание любого текста включает элемент адаптации имеющегося у читателя знания о значении слов к интерпретируемому тексту. С другой стороны, судить о том, что как понимает современный читатель, не проводя специального исследования, включающего опрос разных групп информантов, довольно трудно. Эти обстоятельства, однако, никак не отменяют важности самого противопоставления.

сивное краткое причастие с нулевой формой глагола *быть* в наст. времени в начале XIX в. помимо статального, как в современном языке, имело еще и акциональное значение, т. е. например, *Москва, спаленная пожаром, французу отдана* (Лермонтов) означает ‘была отдана’. Однако исследователи сходятся в том, что такого рода грамматических изменений в русском языке по сравнению с языком Пушкина немного (см. об этом [Добровольский 2001; Падучева 2001])²⁰.

3.2. ТИПЫ СИТУАЦИЙ ОШИБОЧНОГО ПОНИМАНИЯ

Рассмотрим возможные ситуации ошибочного понимания, порождаемого семантической эволюцией.

Ситуация 1. В пределах предложения ничто не указывает на то, что значение каких-то слов или выражений, которые в него входят, отличается от современного; то, что это так, требует доказательства. Обычно оно состоит в том, что понимание проблемного слова в современном значении противоречит какому-то аспекту смысла текста в целом — ср. разбор примера (1) из письма Татьяны Онегину. Это эффект ближней семантической эволюции в чистом виде. Этот эффект иллюстрируется нашими примерами (1—3), (5); ср. также:

- (10) 17-ти лет, при выходе ее из монастыря, выдали ее за человека, которого она *не успела* полюбить и который впоследствии никогда о том не заботился (Пушкин. Арап Петра Великого).

Здесь утверждается, что ей «не удалось» полюбить своего мужа, а вовсе не то, что ей «не хватило времени» для этого — как понимает любой филологически неискушенный современный читатель²¹.

Ситуация 2. При прочтении с современным значением возникает некоторая странность, но в пределах допустимого, как в примере (4): *дева... их чувства ненавидит*. Подстановка актуального значения слова *ненавидеть* обеспечивает осмысленное прочтение — которое, однако, не равно тому, которое «имелось в виду» (‘презирает, пренебрегает’), т. е. происходит искажение замысла автора; тем самым имеет место тот же эффект ближней семантической эволюции. Другой такой пример — (11): то, что герой в описываемой ситуации *отдохнул* в современном смысле²², представляет несколько странным, хотя и не вовсе невозможным.

- (11) Я вспыхнул, схватил с земли ружье и, преследуемый звонким, но не злым хохотаньем, убежал к себе в комнату, бросился на постель и закрыл лицо руками. Сердце во мне так и прыгало: мне было очень стыдно и весело: я чувствовал небывалое волнение. *Отдохнув*, я причесался, почистился и сошел вниз к чаю [Тургенев. Первая любовь].

²⁰ Грамматическая семантика также изменилась в сторону большей специализации. В частности, вышеупомянутая форма краткого страдательного причастия совмещала три функции, которые в современном языке выражаются разными формами: перфектное состояния (функция, сохранившаяся за этой формой); событие в прошлом (совр. *была отдана*) и непредикативный признак (значение, выражаемое в современном языке полной формой причастия, напр., *выброшенный*, ср. анализ строчки *На берег выброшен грозою* из стихотворения «Арион» в [Еськова 1999: 54—59]).

²¹ О семантической эволюции глагола *устеть* в русском языке см. [Виноградов 1994: 656—658; Зализняк, Левонтина 1996; Плунгян 2004].

²² О значениях глагола *отдыхать* см. [Зализняк 2009a], а также раздел IV.4.2.

Ситуация 3. Понимание с современным значением не дает никакого осмысленного прочтения. Таковы, в частности, следующие примеры с глаголом *отдохнуть*:

- (12) Л ж е д и м и т р и й. Мой бедный конь! <...> / Послушай, может быть, / От раны он лишь только заморился / И *отдохнет*. Пу ш к и н. Куда! он издыхает [Пушкин. Борис Годунов];
- (13) Я подумал, что дедушка умер [...] Параша, оставя нас одних, также побежала посмотреть, что делается в горнице бедного старого барина. Мне стало еще страшнее; но Параша скоро воротилась и сказала, что дедушка начал было томиться, но опять *отдохнул* [С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука (1858), ruscorpora];
- (14) Целое утро провел он в волнении, чуть было не принял приезжего купца за секунданта и *отдохнул* только тогда, когда лакей принес ему письмо от Стельчинского [Тургенев. Загишье], пример из [Пеньковский 2005: 89].

В ситуации 3 возможны две противоположные читательские стратегии²³:

1) человек тем не менее прочитывает фразу, вкладывая в проблемное слово современное значение и так или иначе преодолевая получающуюся смысловую несообразность (и тогда этот случай сводится к «ситуации 2»)²⁴;

2) человек осознает, что он не понимает, что здесь сказано, и ищет «разгадку»; в этом последнем случае эффект ближней семантической эволюции преодолевается.

Приведем некоторые соображения относительно еще двух слов, значение которых у Пушкина отличается от современного.

3.3. ИНВАЛИД

- (15) В любви считаюсь *инвалидом*, / Онегин слушал с важным видом, / Как, сердца исповедь любя, Поэт высказывал себя (ЕО: 2, XIX, 5—8).

По моим наблюдениям, современные читатели в большинстве своем понимают выражение *в любви считаюсь инвалидом* как указывающее на то, что Онегин был неспособен любить. Поскольку эта характеристика вполне согласуется с расхожим представлением об «образе Онегина», который был принят в советском литературоведении и в советской школе (ср. [Пеньковский 1999: 182]), то недоумения тут не возникает. Тем не менее это понимание неверно.

В Словаре русского языка XVIII в. слово *инвалид*, помеченное 1735-м годом как заимствование из французского, определяется следующим образом: «Отставной военный, непригодный к воинской службе и используемый в составе особых команд или находящийся на государственной пенсии» (Вып. 9. СПб., 1997. С. 90). Именно в этом значении используется слово *инвалид* в «Капитанской дочке» (вспомним, что инвалиды выполняли всю основную работу в Белозерской крепости). Обратим внимание на то, что в приведенном толковании вообще нет упоминания какой-либо увечности. Именно в этом значении слово *инвалид* было заимствовано из француз-

²³ Реально противопоставление здесь вовсе не такое жесткое, потому что от художественного текста, вообще говоря, полной понятности и не ожидается; с другой стороны, источником непонятности является далеко не только значение слов. Тем не менее полезно эти две стратегии в принципе различать.

²⁴ Так, мне приходилось столкнуться с тем, что понимание примера (12), как содержащего глагол *отдохнуть*, в современном значении не вызывает недоумения.

ского языка, ср. толкование существительного *invalides* в слове [Larousse 1989: 534]: *Ancien militaire que l'âge ou l'infirmité ont rendu incapable de servir* «бывший военный, который по возрасту или по болезни не может более служить». При Людовике XIV в Париже был построен «Hôtel des Invalides», своего рода «Дом ветеранов войны» — одно из знаменитых парижских зданий, в котором находится могила Наполеона и других выдающихся государственных мужей. Тем самым во французском слове «инвалидность», на которую указывает его внутренняя форма, касалась, очевидно, отношения к военной службе, а не физической неполноценности. Значение физической увечности, выражаемое словом *инвалид* в современном языке, есть результат семантической эволюции, которая выдвинула на первый план семантический компонент, бывший исходно факультативным.

В Словаре языка Пушкина *инвалид* определяется почти точно так же, как в словаре Larousse: «вышедший в отставку военный, потерявший трудоспособность вследствие ранений или старости» (т. 2, с. 228). В обоих определениях компонент физической ущербности является факультативным (заметим, что контексты употреблений этого слова у Пушкина сами по себе не дают оснований для включения данного компонента в значение этого слова даже в качестве факультативного). Семантическая эволюция, поставившая этот компонент в центр значения данного слова, произошла позднее²⁵ — и безусловно еще позднее возникло современное переносное значение ‘человек, не способный к чему-то’, которое видит современный читатель во фразе (15) — подвергаясь эффекту ближней семантической эволюции.

Впрочем, на то, в каком смысле Онегин был *инвалидом* в любви, Пушкин указывает в предыдущей строфе (таким образом сравнение любовного опыта с опытом старого отставного военного используется дважды — сначала в одну, а потом в другую сторону):

(16) Когда приедем мы под знамя / Благоразумной тишины, / Когда страстей угаснет пламя / И нам становятся смешны / Их своеволие иль порывы / И запоздалые отзвывы, — / Смиранные не без труда, / Мы любим слушать иногда / Страстей чужих язык мятежный, / И нам он сердце шевелит. / Так точно старый инвалид / Охотно клонит слух прилежный / Рассказам юных усачей, / Забытый в хижине своей (ЕО: 2, XVIII).

По-видимому, *инвалид* в языке Пушкина близок к тому, что в современном языке называется *ветеран* — человек, отслуживший в армии или воевавший, т. е. имеющий большой опыт в военном деле (в переносном значении — в любом другом деле), ср. [Лотман 2008: 344]. Различие в том, что в слове *ветеран* компонент ‘больше не занимается этим делом’ имеет статус коннотации, а в пушкинском *инвалид* — составляет часть значения. Называя Онегина *инвалидом* в переносном смысле Пушкин хочет сказать, что он имеет в прошлом большой опыт в любовных делах (или, по крайней мере, так *считается*). Он слушает Ленского «с важным видом» (как считает А. Б. Пеньковский, здесь нет иронии) — как эксперт.

²⁵ Ср. определение в словаре Даля (1864 г.): «ИНВАЛИД м. с франц. отслуживший, заслуженный воин, неспособный к службе за увечьем, ранами, дряхлостью». В словаре [Яновский 1803: 822] приводится толкование, в котором компонент физической ущербности занимает более центральное место: «военного звания чиновник или солдат дряхлый, немощный, израненный и изувеченный на войне, а потому, уже и к службе ни полевой, ни гарнизонной неспособный». Однако употребление слова *инвалид* у Пушкина этому толкованию не соответствует.

По предположению С. А. Крылова (высказанному в устной беседе), эффектом ближней семантической эволюции слова *инвалид* объясняется появление слова *калека* в следующих строчках песни А. Городницкого:

Похмелье карточной игры,
Тоска дорожная, да *будочник-калека*...
Ах, постоялые дворы —
Аэропорты девятнадцатого века!

Дело в том, что в этих строчках, очевидно, имеется аллюзия к Пушкинскому стихотворению «Дорожные жалобы» (1829):

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный *инвалид*.

Как справедливо заметил С. А. Крылов, пушкинский *инвалид* понимается современным читателем скорее всего как хромой или одноногий (и поэтому *непроворный*); и таким образом *будочник* — вспомним служащего почтовой станции, опускающего шлагбаум, — оказывается *калейкой*.

В подтверждение сказанного приведу также мнение известного французского пушкиниста, исследователя и переводчика русской литературы Луи Мартинеза (из частной переписки):

Слово *invalide* в XVII в. имело [во французском языке] соответствующее латинскому оригиналу значение ‘не имеющий (больше) сил / способности <что-то делать>’, вовсе не обязательно ‘увечный’. В современном языке это слово употребляется либо в переносном смысле (*En matière d'internet je suis un vrai invalide* «В отношении интернета я полный инвалид»), либо в бюрократическом языке (в котором оно, впрочем, вытесняется словом *handicapé*). В языке Пушкина слово *инвалид*, очевидным образом, обозначало ‘старый солдат’, ‘ветеран’.

3.4. ПЕРЕВОД

- (17) Но жалок тот, кто все предвидит, / Чья не кружится голова, / Кто все движенья, все слова / В их *перевод* ненавидит, / Чье сердце опыт остудил / И забываться запретил! (ЕО: 4, LI, 9—14)

Первый шаг в решении загадки этих строк состоит в том, что глагол *ненавидеть* здесь, очевидно, имеет значение ‘презирать, считать ничтожным’ (то же, что и в примерах (3), (4), ср. [Пеньковский 2005: 52]). Главную проблему, однако, составляет значение слова *перевод*.

В Словаре языка Пушкина у слова *перевод* выделяется единственное значение «текст (или устная речь), переведенный на другой язык» (т. 3, с. 299); в примере (17) употребление слова *перевод* характеризуется как «переносное». Это, однако, мало нас продвигает в понимании смысла фразы.

Второй пример аналогичного переносного употребления этого слова, приводимый в Словаре языка Пушкина, такой:

- (18) Тебе, мой дядя, в новый год / Веселья прежнего желанье / И *слабый сердца перевод* — / В стихах и прозою посланье (Письмо В. Л. Пушкину, 28 декабря 1816 г.).

Здесь значение слова *перевод* представляется достаточно прозрачным: речь идет о «переводе» с невербального языка *сердца* (или *языка страстей*) на обычный словесный язык, т. е. о выражении словами своих душевных переживаний. Приблизительно то же значение имеет глагол *переводить* в примере (19):

- (19) Когда тоска обманчивых желаний / Объемлет нас и душу тяготит, / И всюду нас преследует, томит / Предмет один и думы и страданий, — / Не правда ли? в толпе молодых друзей / Наперсника мы ищем и находим / С ним тайный *глас мучительных страстей* / Наречием восторгов *переводим* (Пушкин. Гаврилада).

Больше ни существительное *перевод*, ни глагол *переводить* в такого рода переносном значении у Пушкина не встречаются.

Обратимся к слову *перевод* в отношении письма Татьяны к Онегину. Безусловно, здесь речь идет о его переводе в буквальном смысле — с французского языка на русский. На это имеется два прямых указания:

- (20) Родной земли спасая честь, / Я должен буду, без сомненья, / Письмо Татьяны *перевести*. / Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала, / И выражалась с трудом / На языке своем родном, / Итак, писала по-французски... (ЕО: 3, XXVI);
- (21) Певец пиров и грусти томной, / Когда б еще ты был со мной, / Я стал бы просьбою нескромной / Тебя тревожить, милый мой: / Чтоб на волшебные напевы / *Переложил* ты страстной девы / *Иноплеменные слова* (ЕО: 3, XXX).

Однако в той строфе, которая непосредственно предваряет текст письма (пример (22)), слово *перевод*, по-видимому, имеет сразу два смысла: помимо ‘перевод с французского на русский’, также и ‘перевод с «языка сердца» на обычный словесный язык’. Об этом свидетельствуют, в частности, текстуальные совпадения, ср.: *Безумный сердца* разговор; *Неполный, слабый перевод* в примере (22) и строчку *И слабый сердца перевод* из примера (18).

- (22) Кто ей внушал и эту нежность / И слов любезную небрежность? / Кто ей внушал умильный вздор, / *Безумный сердца разговор*, / И увлекательный и вредный? / Я не могу понять. Но вот / *Неполный, слабый перевод*, / С живой картины список бледный, / Или разыгранный Фрейшиц / Перстами робких учениц (ЕО: 3, XXXI).

С точки зрения интересующей нас проблемы здесь ключевым является словосочетание *безумный сердца разговор*. Именно его *переводом* является тот текст письма Татьяны, который мы читаем далее. Вернемся теперь к примеру (17).

Оставим пока в стороне слово *движенья*. Что значит, в свете сказанного выше, *...все слова он в переводе ненавидит*? Как мы выяснили, слова обычного вербального языка уже являются *переводом* с «языка сердца». Значит, речь идет о каком-то дальнейшем переводе?

Н. В. Перцов (в устной беседе) высказал предположение, что значение слова *перевод* в примере (17) — уникальное пушкинское словоупотребление. Эта гипотеза представляется весьма правдоподобной; по крайней мере, поиск в Национальном корпусе русского языка, в его поэтическом подкорпусе XVIII—XIX вв., а также в текстах ряда авторов начала XIX в. из Русской виртуальной библиотеки не дал результатов. Единственный пример, демонстрирующий близкое значение, который удалось найти, следующий:

- (23) Такою тонкою лестью Терентий Иванович всегда достигал своей цели. Родительская любовь согласовалась в нем с хозяйственными расчетами: не обременить голову ребенка

было на языке его в некотором смысле *перевод тайного голоса его сердца*: не опорожнить своего кошелька [О. М. Сомов. Матушка и сынок, guscoroga].

Тем не менее некоторую важную для нас информацию этот пример дает. Здесь слово *перевод* устанавливает определенное семиотическое отношение между двумя обсуждаемыми смыслами, а именно отношение типа «означающее — означаемое», которое обычно выражается глаголами типа *означать*: «не обременять голову ребенка» *означает* «не опорожнить своего кошелька».

Приведем также следующий пример употребления глагола *переводить* (где он тоже близок по смыслу к *означать*):

- (24) Я начинал приходить в раздраженное состояние духа, каждый взгляд Ивина ловил на лету и, когда он встречался с глазами Фроста, *переводил* его вопросом: «И зачем он приехал к нам?» (Л. Толстой. Юность).

Заметим, что в языке часто одно и то же слово используется для выражения отношения «означающее — означаемое» и отношения между прямым и «истинным» смыслом (т. е. тем, что человек «говорит», и тем, что он «имеет в виду» или «хочет сказать» своими словами)²⁶; таков, например, русский глагол *значить*, нем. *heißen* (ср.: *Wie heißt er?* — Как его зовут? *Was heißt das?* — Что это значит?), англ. *to mean* (ср.: *The word A means B* и *What do you mean?*), а также глагол *сказать* в выражениях типа *Что ты хочешь этим сказать?*, устанавливающий отношение между прямым и «истинным» смыслом (ср. также: франц. *veut dire*, итал. *vuol dire*).

Той же многозначностью потенциально обладает и выражение *в переводе*, которое является контекстным синонимом слова *значит*, ср. синонимию (25а) и (25б):

- (25) а. «Филипп» по-гречески *значит* ‘любитель лошадей’.
б. «Филипп» *в переводе* с греческого — это ‘любитель лошадей’.
в. «Филипп» по-гречески — это ‘любитель лошадей’.

Слово *значит* при этом может быть опущено — ср. синонимию (25а) и (25в)²⁷. В данной связи интересен английский перевод обсуждаемых пушкинских строк, сделанный Дж. Фейленом, где опущено выражение *в переводе*:

- (26) But wretched he who's too far-sighted, / Whose head is never fancy-stirred, / Who hates all gestures, each warm word, / As sentiments to be derided / Whose heart... experience has cooled / And barred from being loved... or fooled!²⁸

Вместо него помещен сам этот «перевод» (ср. наш пример (25в)), т. е. «истинный смысл», или *что эти движенья и слова в переводе значат*: «sentiments to be derided» (≈ ‘чувства, достойные осмеяния’).

В примере (17), таким образом, действительно имеется в виду перевод как толкование, т. е. переход от буквального смысла к «истинному»²⁹. Действительно, *слова* — это конвенциональный способ выражать свои чувства вербально (переводить с «языка сердца»). Относительно *движений* можно предположить, что имеются в виду

²⁶ О понятии «истинного смысла» см. [Зализняк 2004] или раздел VI.4.

²⁷ Не случайно один из путей семантической деривации привел его к положению слова-паразита.

²⁸ Alexander Pushkin. Eugene Onegin. A Novel in Verse / Transl. with an Introduction and Notes by James E. Folen. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998. P. 106.

²⁹ Я благодарна С. Г. Болотову за предложенное им уточнение данной формулировки и за ссылку на Словарь русских народных говоров (т. 26, с. 54), где отмечено одно из значений слова *перевести* ‘понять, осмыслить’.

конвенциональные акты — поклоны, улыбки, вздохи и разные мимические жесты, — составляющие, вместе со словами, «язык сердца» (т. е. набор способов невербального выражения тех же чувств); при таком понимании комбинация *все движенья, все слова* оказывается оправдана³⁰.

Итак, ...*в их переводе ненавидит* означает ‘видит, что их истинный смысл ничтожен’. Тот, кто «все предвидит», знает, что за увлечением придет скука, что любовь обернется изменой или разочарованием, и т. д.

Заметим, что сочетание *в переводе* включает в себе еще и скрытую предикацию: «тот, кто все предвидит», отличается от «того, кто, хладный ум угомонив, покоится в сердечной неге» (ЕО: 4, LI, 4—5) именно тем, что он эту операцию «перевода» (т. е. извлечения «истинного смысла») производит — и тогда оказывается, что то, что получилось, пусто и ничтожно.

Тем самым значение, в котором цитата (17) используется, например, в «живом журнале» (в контексте молодежного обсуждения неприятия окружающего мира по причине его пустоты и ничтожества), вовсе не является неправильным. Единственная незначительная ошибка здесь (и в этом отношении данная строчка разделяет общую судьбу часто цитируемых выражений, см. ниже) обусловлена эффектом ближней семантической эволюции слова *ненавидеть*.

3.5. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Эффект ближней семантической эволюции приобретает особую важность в силу того, что он вплотную соприкасается с феноменом «открытости» (по Умберто Эко) художественного текста, признанием роли читателя в его интерпретации, приближающейся к роли автора и т. д. Сошлюсь еще раз на А. Б. Пеньковского, мнение которого по этому вопросу представляется мне совершенно справедливым: подстановка нового значения вместо старого — это не «приращение смысла», а «искажение смыслов, порой доходящее до полного извращения» [Пеньковский 2005: 9]. Понимание, возникшее в результате того, что читатель НЕ ЗНАЕТ того значения, в котором употребил данное слово автор, и, сам того не замечая, подставляет на его место актуальное для него значение, является ОШИБОЧНЫМ (а не просто «другим», равноправным). Одним из источников такого рода ошибок является эффект ближней семантической эволюции, и задача филолога — его распознать.

³⁰ В пользу такой трактовки слова *движенья* можно привести, в частности, следующие его употребления у Пушкина (где *движенья* соседствуют с речью и входят в ряд других знаковых элементов поведения):

(27) Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный, / Без томной робости твой ловит светлый взор, / *Движенья* милые, игривый *разговор* / И след улыбки незабвенной;

(28) Смотрю на все ее *движенья*, / Внимаю каждый звук *речей* — / И миг единый *разлученья* / Ужасен для души моей.

Ср. также сочетание *Улыбку уст, движенье глаз* (ЕО: 8, Письмо Онегина Татьяне); Ждут, ловят с трепетом *улыбки, глаз движенья* (Лицинию). По мнению Н. В. Перцова (высказанному в устной беседе), для слова *движенья* в примере (18) нельзя исключать значение ‘внутренние побуждения, душевные переживания’. Так или иначе, слово *движенья* следует отнести к тому списку «трудных» пушкинских слов, которые составляют предмет настоящего обсуждения.

С другой стороны, такого рода подстановка и порождаемое ею ошибочное понимание — не случайное явление, а неотъемлемое свойство функционирования языка и текстов на языке, и как таковое должно изучаться. Сюда относятся, в частности: феномен вторичных схождений в истории слов, влияние народной этимологии и разного рода ошибочных интерпретаций на реальное функционирование слова и его семантическую эволюцию (ср. слово *довлеть*, которое приобрело значение ‘тяготить’; многочисленные факты такого рода приведены в статье [Булыгина, Шмелев 1999]). Обратим внимание также на то, что крылатые слова и выражения с поразительной регулярностью используются в качестве цитаты не в том смысле, какой они имели в исходном тексте (а иногда и в прямо противоположном — как это случилось с пушкинской фразой *Народ безмолвствует* — см. [Еськова 1999: 67—70]). Среди многочисленных примеров, которые здесь можно привести, назову цитату из «Горе от ума»: *И дым отечества нам сладок и приятен*, где в современном употреблении утрачена уступительность, выражаемая словом *и* (= ‘даже дым, и тот..’), которая присутствует и в тексте Грибоедова, и в его источниках, восходящих к «Одиссее», — в результате чего смысл выражения оказался существенно иным.

Я благодарна Н. В. Перцову, чьи соображения относительно смысла разных пушкинских текстов, высказанные им письменно и в частных беседах, а также интерес и участие, проявленные им к данной моей работе, в значительной степени способствовали ее написанию.

4. КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА ОТДЫХАТЬ*

4.1. ДЫШАТЬ И ОТДЫХАТЬ

В статье, посвященной анализу глагола *вздохнуть*, А. Б. Пеньковский демонстрирует, что этот глагол имел особое, не фиксированное словарями значение ‘преодолеть состояние задыхания; восстановить дыхание, отдышаться’; в частности, именно это значение представлено в строках *Но наконец она вздохнула / И встала со скамьи своей* («Евгений Онегин» гл. 3, XLI) [Пеньковский 2005: 88—89]. Далее отмечается, что то же значение восстановления нормального дыхания имел глагол *отдохнуть*, ср.:

- (1) Наконец Степан Петрович умолк, приподнялся, *отдохнул* и начал ходить по комнате [Тургенев. Два приятеля. 1853]).

Данное значение не сохранилось в современном языке, и тем самым нынешний читатель либо понимает такие предложения неправильно (приписывая глаголу современное значение и в той или иной степени удивляясь его неуместности в данном контексте), либо вообще не может приписать им никакого смысла; таковы примеры (1—6), (8—11) ниже.

Между тем глагол *отдохнуть* в языке XIX в. имел даже не одно, а несколько значений, впоследствии утраченных.

Надо сказать, что слова, описывающие процесс дыхания (образованные от основы *дых/дох-/дух-*) уникальны в том отношении, что они принадлежат одновременно сферам «души» и «тела» — ср., например, описание структуры полисемии слова *дух* в [Урысон 2003: 59—72]. Действительно, в языковой картине мира *дыхание* является важнейшей, обеспечивающей *жизнь* (ср.: *еле дышит* ≅ ‘при смерти’; *бездыханный* ≅ ‘мертвый’) физиологической функцией организма, т. е. *тела*, — и, одновременно, формой репрезентации и эманацией *души* (связи *души* с *дыханием* многообразны и подробно описаны, здесь нет нужды на этом останавливаться). В частности, дыхание является признаком жизни именно потому, что свидетельствует о присутствии *души* в *теле*. Поэтому обозначение душевных состояний при помощи слов с основой *дых-/дох-/дух-* (таких как *вдохновение*)³¹ исходно не содержит метафорического переноса ‘тело’ → ‘душа’, характерного для большинства обозначений эмоциональных и психических состояний (ср. *душа болит*; *жар души*; *душевные раны* и т. п.)³², а апеллиру-

* В данный раздел вошли материалы статей [Зализняк 2009а; 2010].

³¹ См. об этом слове [Виноградов 1994: 71—76].

³² См. в частности [Апресян В., Апресян Ю. 1993].

ет непосредственно к образу человека в языковой картине мира. Тем не менее вопрос о направлении семантической производности между значениями «отдохнуть телом» и «отдохнуть душой» представляет определенные трудности; мы вернемся к нему после обсуждения всего списка значений.

А. Б. Пеньковский выделяет у глагола *отдохнуть* два значения: ‘преодолеть состояние задыхания; восстановить дыхание, отдышаться’ (это же значение имеется у *вздохнуть*) [Пеньковский 2005: 80]; ‘восстановить душевные силы, успокоиться’ [Там же: 88—89]. Оба эти значения при более детальном анализе оказываются неоднородны. Рассмотрим следующий пример из [Там же: 88]:

(2) Для шутки камешек лукнул / И так его зашиб, что чуть он *отдохнул* [И. Дмитриев. Два голубя].

Это предложение призвано иллюстрировать значение ‘преодолеть состояние задыхания; восстановить дыхание, отдышаться’ (значение I; см. список в след. разделе); однако здесь, очевидно, речь идет не от том, что голубь отдышался после состояния задыхания, а о том, что он чуть не умер — причем не от удушья, а от удара. Тем самым здесь связь с дыханием состоит только в том, что дыхание есть непременно условие жизни, а прекращение дыхания означает смерть. Эту идею выражает, например, глагол *издохнуть* (букв. ‘испустить дух’), при этом его современное значение, как и значение глагола *отдохнуть* в примерах (2—6), непосредственно с дыханием не связано. Таким образом, *отдохнуть* в примере (2) означает что-то вроде ‘(снова начав дышать) вернуться к жизни (из состояния, пограничного между жизнью и смертью)’; будем называть это значением I.

Заметим, что говорить о восстановлении нормального дыхания можно в двух разных случаях: когда этому предшествует слишком интенсивное дыхание (как в случае быстрого бега или возбужденной речи — значение I) и, наоборот, задержка дыхания — как в случае обморока или другого пограничного состояния (значение II), а также страха и напряженного ожидания (значение III, см. ниже).

Приведем другие примеры реализации значения II:

(3) ...с одним нахалом казаком, которого за насмешки я хватил неловко по голове нагайкою,... да, к счастью, он *отдохнул* [М. Н. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году (1829), гуссогорога];

(4) Л ж е д и м и т р и й. Мой бедный конь! <...> / Послушай, может быть, / От раны он лишь только заморился / И *отдохнет*. П у ш к и н. Куда! он издыхает [Пушкин. Борис Годунов];

(5) Я подумал, что дедушка умер; пораженный и испуганный этой мыслью, я сам не помню, как очутился в комнате своих двоюродных сестриц, как взлез на тетушкину кровать и забился в угол за подушки. [...] Мне стало еще страшнее; но Параша скоро воротилась и сказала, что дедушка начал было томиться, но опять *отдохнул* [С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука (1858), гуссогорога].

Глагол *отдохнуть* в этом значении встречается также и в несов. виде (*отдыхать*) — но лишь в тривиальном (итеративном) значении, ср.:

(6) Итак, из всего мною сказанного следует заключить, что есть какие-нибудь другие условия, при содействии которых *дохнет*³³ рыба под льдом, но что независимо от этих причин рыба *отдыхает*, если будет увеличено сообщение воды с атмосферическим воздухом [С. Т. Аксаков. Записки об уженье рыбы].

³³ О глаголе *дохнуть* см. раздел IV.4.5.

Значение, которое толкуется А. Б. Пеньковским как ‘восстановить душевные силы, успокоиться’, также распадается на два. Приводимый им пример (7) действительно скорее всего реализует значение ‘восстановить душевные силы’ (см. значение V ниже):

- (7) Как ты, мой друг, в неопытные лета, // Опасною прельщенный суетой, // Теряя я жизнь и чувства и покой; // Но *угорел* в чаду большого света / И *отдохнуть* убрался я домой [Пушкин. Послание к Горчакову]³⁴.

Однако другие примеры А. Б. Пеньковского соответствуют лишь второй части толкования (‘успокоиться’), и при этом его можно было бы сформулировать несколько точнее: что-то вроде ‘успокоиться, убедившись в том, что опасность миновала’ (значение III), ср.:

- (8) Целое утро провел он в волнении, чуть было не принял приезжего купца за секунданта и *отдохнул* только тогда, когда лакей принес ему письмо от Стельчинского [Тургенев. Загишьё];
- (9) Эй, смотри, сын! ей богу отделаю тебя батоном так, что до представления света будет болеть спина <...>. Сказавши это, Бульба поворотился на другую сторону и заснул. Андрей *отдохнул* [Гоголь. Тарас Бульба].

Здесь описывается ситуация, когда человек чего-то боится и при этом как бы «затаил дыхание», напряженно ожидая развязки. Когда он узнает, что опасность миновала, он как бы делает выдох, ср.: *вздых облегчения*. Существует даже междометие *уф-фф* или *фу-уу*, имитирующее звук выдоха и выражающее в точности это значение («Пронесло!»). Ср.:

- (10) — Фу, братец, как ты меня напугал, — проговорил Заруцкий, садясь на канapé, — насили могу *отдохнуть*! [М. Н. Загоскин. Вечер на Хопре (1834), *ruscorpora*];
- (11) «Ей, может быть, нравятся цветы, верховая езда, невинные развлечения, а не сам граф? Да положим даже, что тут есть немного и кокетства: разве это не простительно? другие и старше, да бог знает что делают». Он *отдохнул*, луч радости блеснул в душе [И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847), *ruscorpora*].

Сходную внутреннюю форму имеет выражение *отлегло от души*.

Отличие употреблений типа (8—11) от (7) состоит еще и в том, что в (7) глагол *отдохнуть* описывает предельный процесс, а в (8—11) — моментальное событие; к аспектуальным свойствам этого глагола мы еще вернемся.

Близкое значение представлено и в следующей группе примеров с собирательным субъектом:

- (12) Дума сделала для них то же, что Василий сделал для новгородцев: возвратила им судное право. Целовальники, или присяжные, избираемые гражданами, начали судить все уголовные дела независимо от наместников, к великой досаде сих последних, лишенных тем способа беззаконствовать и наживаться. Народ *отдохнул* во Пскове; славил милость великого князя и добродетель бояр [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Т. 8 (1815—1820), *ruscorpora*];
- (13) Москва была освобождена Пожарским, польское войско удалялось, король шведский думал о замирении, последняя опора Марины, Заруцкий, злодействовал в отдаленном краю России. Отечество *отдохнуло* и стало думать об избрании себе нового царя (Пушкин. Конспект предисловия Ф. Н. Глинки к поэме «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой»);

³⁴ Здесь, впрочем, связь с дыханием также актуальна: пара *угорел* — *отдохнуть* образует единую область источника метафоры.

- (14) Теперь, три месяца спустя, общество наше *отдохнуло*, оправилось, отгулялось, имеет собственное мнение и до того, что даже самого Петра Степановича иные считают чуть не за гения, по крайней мере «с гениальными способностями» [Ф. М. Достоевский. Бесы (1871—1872), guscorpora].

4.2. ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛА *ОТДЫХАТЬ*

У глагола *отдохнуть / отдыхать* может быть выделен следующий набор значений (порядок их перечисления соответствует ходу семантической эволюции)³⁵:

I. ‘Восстановить дыхание, отдышаться’ — см. пример (1), а также:

- (15) Я выпил стакан воды, сел, *отдохнул* и потом прочел следующее послание [О. М. Сомов. Приказ с того света (1827), guscorpora];
- (16) Я вспыхнул, схватил с земли ружье и, преследуемый звонким, но не злым хохотаньем, убежал к себе в комнату, бросился на постель и закрыл лицо руками. Сердце во мне так и прыгало: мне было очень стыдно и весело: я чувствовал небывалое волнение. *Отдохнув*, я причесался, почистился и сошел вниз к чаю [Тургенев. Первая любовь]³⁶.

II. ‘Не умереть, остаться живым’ — см. примеры (2—6).

III. ‘Успокоиться, убедившись в том, что опасность миновала’ [моментальное неконтролируемое событие] — см. примеры (8—11), а также:

- (17) Со сна идет к окну сенатор / И видит — в лодке по Морской / Плывет военный губернатор. / Сенатор обмер: «Боже мой! / Сюда, Ванюша! стань немножко, / Гляди: что видишь ты в окошко?» / — Я вижу-с: в лодке генерал / Плывет в ворота, мимо будки. / «Ей-богу?» — Точно-с. — «Кроме шутки?» / — Да так-с. — Сенатор *отдохнул* / И просит чаю: «Слава богу! / Ну! Граф наделал мне тревогу, / Я думал: я с ума свихнул» ([Пушкин. «Медный всадник», черновик], пример из [Пеньковский 2005: 89]).

IV. ‘Избавившись от эффекта, произведенного каким-то внешним воздействием, вернуться к состоянию покоя или полноты душевных и/или физических сил’:

- (18) Я пришла сюда *отдохнуть от беседы* господина предводителя и Нестельцова; развяжи нас бог с такими ругателями! [Д. И. Фонвизин. Выбор гувернера (1790—1792), guscorpora];
- (19) Но не успела она еще *отдохнуть от объяснения* с Паншиным и с матерью, как на нее опять обрушилась гроза, и с такой стороны, откуда она меньше всего ее ожидала [И. С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859), guscorpora];
- (20) Он только что хотел *отдохнуть от проведенной в шумных удовольствиях ночи*, как услышал сильный стук у дверей [А. К. Толстой. Амена (1846), guscorpora];
- (21) В деревне сей хочу я *отдохнуть от дороги*, и как теперь несколько поздно, то намерен провести ночь в сей пустой избе, дабы не быть в тягость почтенным князьям [В. Т. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814), guscorpora];

³⁵ Имперфективный глагол *отдыхать* в лексических значениях I, II, III и IV может иметь лишь событийное (итеративное) значение, и в наших примерах не встречается; значение V характерно в равной мере как для перфективного, так и для имперфективного глагола (при этом последний может процессное значение); в значении VI употребляется преимущественно, а в VII исключительно — глагол несов. вида (имеющий в последнем случае лишь стательное значение). Тем самым, как можно видеть, семантическая эволюция обсуждаемого глагола сопровождается экспансией формы несов. вида. Толкование всех значений, кроме VI и VII, приводится для формы сов. вида.

³⁶ В этом примере совмещены значения I и IV.

- (22) Григорий Иванович пожал плечами и более с нею не спорил, ибо знал, что противоречие с нею ничего не возьмешь, и пошел *отдохнуть от* своей достопримечательной прогулки [А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка (1830), ruscorgora];
- (23) — А вам надо *отдохнуть от дороги* — и *от игры* в дурачки с моим мужем [И. С. Тургенев. Вешние воды (1872), ruscorgora];
- (24) Солдаты, не успевшие *отдохнуть от дневного похода*, падали полусонные в сомкнутых колоннах, офицеры, будто опьянелые, ныряли на своих лошадях [И. И. Лажечников. Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи «Материалы для биографии А. П. Ермолова» (1864), ruscorgora];
- (25) Стародум. Признаюсь, что я рад бы *отдохнуть* и *от дороги* и *от всего того, что слышал и что видел* [Д. И. Фоввизин. Недоросль (1782), ruscorgora];
- (26) Ты еще не *отдохнул от* вчерашних своих впечатлений [Ф. М. Достоевский. Слабое сердце (1848), ruscorgora];
- (27) У меня сжалось сердце от этих слов, — я только что *отдохнул от* дорожных волнений и своего первого детского *горя*, а тут приходилось все начинать снова [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Отрезанный ломоть (1899), ruscorgora];
- (28) Помню только, что-то страшно затрещало; помню также остов селедки в волосах старца в капоте, поповскую шляпу, летевшую через всю комнату, бледное лицо Виктора, присевшего в углу, и чью-то рыжую бороду в чьей-то мускулистой руке... Это были последние впечатления, вынесенные мной из «поминательного пира», устроенного любезнейшим Сигизмундом Сигизмундовичем в честь бедной Сусанны. *Отдохнув несколько*, я отправился к Фустову и рассказал ему все, чему я был свидетелем в течение того дня [И. С. Тургенев. Несчастная (1881), ruscorgora];
- (29) Сцены нежные в особенности противны в устах этого актера [...] В четвертом акте я *отдохнул* только, слушая музыку песен Офелии, где композитор понял глубоко если не Офелию Шекспира, то, по крайней мере, момент безумия и судьбу бедной девушки! [А. А. Григорьев. «Гамлет» на одном провинциальном театре (1845), ruscorgora];
- (30) Какие мгновения истинного блаженства я испытал в эти вечера, когда мы долго беседовали! Я *отдохнул за* весь *холод*, испытанный в моей жизни [А. И. Герцен. Кто виноват? (1841—1846), ruscorgora];
- (31) *Отдохнул* с ними Бакунин *за девятилетнее молчание и одиночество* [А. И. Герцен. Былое и думы. (1866), ruscorgora];
- (32) Все кончено, милая, бесценная. Я еду к тебе на воды! Только доведу полк до Дербента — и в седло. Не буду знать устали днем, ни дремы ночью, покуда не *отдохну* в твоих объятиях [А. А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек (1831), ruscorgora];
- (33) Скучая жизнью, томимый суетою, / Я жажду близ тебя, друг нежный, *отдохнуть*... [Пушкин. Позволь душе моей открыться пред тобою];
- (34) ...мы увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся; [...] Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы *отдохнем*... [...] [Чехов. Дядя Ваня].

V. ‘Восстановить физические и/или душевные силы (прервав или прекратив вызывающую утомление деятельность); избыть усталость’ [предельный процесс]:

- (35) Уже они достигли до пределов того государства, но стали *отдохнуть*, царевна уснула, а проснувшись увидела Полкана мертва и подле него льва издыхающа [А. Н. Радищев. Бова (1798—1799)];
- (36) Она уж третий месяц работала в мастерской, но все еще при каждом перерыве ей хотелось *отдыхать* долго-долго, без конца [В. В. Вересаев. Два конца (1899—1903), ruscorgora];
- (37) — Пошли ко мне. *Отдохни* хоть с недельку... Украсть у меня всё равно нечего. *Отдышись*...³⁷ Потом уж поедешь магазины ломать [В. Шукшин. Калина красная (1973), ruscorgora].

³⁷ Обратим внимание на то, что для основного значения глагола *отдыхать* связь с *дыханием* сохраняется до сих пор.

VI. [преимущественно несов.] ‘Проводить отпуск/ выходные дни; не работать’³⁸:

- (38) На службе он получил повышение за активность, и в настоящее время Алексей Иванович Кашкин *отдыхает* в Гаграх в доме отдыха [М. М. Зоценко. Возвращенная молодость (1933)];
- (39) — Вы не *отдыхали* в Сочи? — В Сочи, хоть один раз жизни, *отдыхал* каждый человек — сказала Катерина [В. Черных. Москва слезам не верит (1980)];
- (40) Я не понимаю людей, которые покупают путевки и едут «*отдыхать*» [Ю. Пешкова. Пиковый козырь (2002), *ruscogroga*];
- (41) Касьянов приехал к нам не как премьер, он *отдыхал* [О. Кабанова. Испытание фресками (2002), *ruscogroga*];
- (42) Но если уж встречаемся, то *отдыхаем* на полную катушку; Вместе мы очень любим *отдыхать* на природе [Э. Савкина. Если впрягаюсь, то основательно (2002), *ruscogroga*];
- (43) ...сколько платит институт за телефонные разговоры директора или его дочери, которая живет в Америке, или на сколько тысяч народных долларов Гусев ежегодно *отдыхает* [М. Хайруллин. Пока не отсохнет рука берущего (2003)];
- (44) *Отдохните* со скидкой 50% [рекламное предложение турагенства];
- (45) Ани Лорак *отдохнула* в Греции с Сакисом Рувасом.

VII. [только несов.] ‘быть превзойденным в релевантном отношении’ (способ характеристики противоположного термина сравнения):

- (46) Ничего не прошло и ничего не наступило. Мы остановили мгновение, Доктор Фауст *отдыхает*! [С. Осипов. Страсти по Фоме. (1998)];
- (47) — Вот какие стихи! — похвастался Юха. — Пушкин *отдыхает* [Г. Прашкевич, А. Богдан. Человек «Ч» (2001)];
- (48) А уж жесток был — инквизиция *отдыхает* [О. Лурье. Похоронный пиар (2003)];
- (50) С явным трудом Кеша привел в действие застоявшийся механизм. Наконец Маруська была вознесена под потолок. — Классно, — заверещала она, — Луна-парк *отдыхает*, Киса — ты гений! [Д. Донцова. Доллары царя Гороха (2004)];
- (51) Возможно, это оскорбит родительские чувства Никиты Михалкова, но теперь его дочку, четырнадцатилетнюю красавицу блондинку Надю просто преступление не снять в роли набоковской Лолиты. Хотя Никита Сергеевич и сам это признает: «Надежда так изменилась в последнее время. Лолита вообще *отдыхает*».

В современном русском языке у глагола *отдыхать* значения I, II и III исчезли³⁹; значение V сохранилось практически неизменным до сих пор; о значении IV см. след. раздел. Приблизительно в середине XX в. у глагола *отдыхать* появилось производное от V новое значение VI⁴⁰, и, где-то на рубеже нового века, значение VII, о которых пойдет речь в разделе 6.

³⁸ Возможность семантической деривации ‘дышать’ → ‘проводить отпуск’ отмечается в лексико-типологическом исследовании [François 2008].

³⁹ Ср., однако, такой пример, где обнаруживает себя старое значение I:

Тут только Пик заметил, что с ним творится что-то неладное, дыхание вылетало у него из горла со свистом. Рань не были смертельны, но совиные когти что-то повредили у него в груди, и вот он начал свистеть после быстрого бега. Когда он *отдохнул* и *стал дышать ровно*, свист прекратился [В. Бианки. Лесные были и небылицы (1923—1958), *ruscogroga*].

⁴⁰ Полностью автономным данное значение можно считать лишь с появлением у него специфического управления типа *за/на такую-то сумму* и некоторых других сочетаемостных особенностей; ср. примеры (43), (44).

4.3. ЭФФЕКТ БЛИЖНЕЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Значение IV наиболее наглядно демонстрирует эффект ближней семантической эволюции (см. предыдущий раздел). Это значение не сохранилось в современном языке: хотя сама конструкция *отдохнуть от чего-л.* широко распространена, она употребляется иначе и передает другое значение глагола *отдохнуть* (а именно, V).

Это значение — «двухфокусное» (ср. аналогичную особенность глагола *выйти*, включающего фокусы «откуда» и «куда», что определяет набор его переносных значений, см. [Падучева 2004: 99—100]). А именно, ‘отдохнуть IV’ содержит два смысловых компонента (которые тоже отсылают, соответственно, к исходной и к конечной точке): ‘избавиться от эффекта, произведенного каким-то внешним воздействием на организм человека (тело, душу, нервы, ум, чувства и т. д.)’ и ‘вернуться к состоянию полноты душевных и/или физических сил’.

Рассмотрим сначала примеры (18—27) с предлогом *от*, который вводит либо обозначение источника произведенного эффекта (*от дороги, от прогулки, от беседы, от проведенной в шумных удовольствиях ночи*, примеры (18—24)), либо обозначение самого эффекта (*от впечатлений, горя, волнений*, примеры (26—27)). Они все не соответствуют современной норме, но в разной степени и по разным причинам.

Помимо того, что предлог *от* в современном языке редко вводит обозначение единичной ситуации (см. ниже), здесь имеется два содержательных различия. Во-первых, это различие в способе «профилирования». В старом языке в конструкции *отдохнуть от <чего-то>* на первом плане находился компонент избавления от эффекта внешнего воздействия, а в современном — компонент восстановления состояния полноты сил. Во-вторых, изменилось то, *от чего* отдыхают. В старом языке это было произведенное на человека каким-то внешним стимулом «впечатление» в том числе — состояние усталости⁴¹. Между тем в современном языке это может быть только усталость: *отдыхает* человек от того, от чего он *устал*: это может быть либо длящаяся ситуация (в том числе контакт с каким-то объектом), либо повторяющаяся (и вызывающая чувство утомления, возможно, именно своей повторяемостью). Сейчас можно *отдохнуть от забот, от дел, от суеты, от шума, от Москвы, от семьи, от детей, от женщин, от гостей, от людей, от <какой-то> обстановки, от <какой-то> жизни, от пьянства, от безделья, от пустых (умных) разговоров, от ссор, скандалов, выяснения отношений* и т. д. Но нельзя **отдохнуть от ссоры с женой* или **отдохнуть от впечатления, произведенного вчерашним концертом* — потому что и там, и там речь идет не об усталости. И в XIX в., когда именно так говорили (ср. примеры (19), (26)), то имелась в виду ликвидация не усталости, а «впечатления», оставленного в душе упомянутым событием. В современном языке глагол *отдохнуть* такого значения не имеет, поэтому предложения типа (19—20) и (26—27) не нормативны. (Сейчас смысл выражений типа *отдохнуть после объяснения точ-*

⁴¹ Причем эти случаи не различались: усталость трактовалась как одно из возможных «впечатлений», которые ликвидируются путем отдыха, ср. сочиненные конструкции: *отдохнуть от дороги и от всего того, что слышал и что видел* в примере (25), и *отдохнул от дорожных волнений и своего первого детского горя* в (27), которые не содержат никакого элемента совмещения значений (языковой игры).

нее было бы передать выражением *прийти в себя*.) Современный читатель либо распознает ненормативность таких примеров, либо понимает их неправильно (с «современным» значением глагола *отдохнуть*), подвергаясь действию эффекта ближней семантической эволюции.

В современном языке «впечатления» могут стать объектом *отдыха* только в том случае, если человек от них *устал*, т. е. только если их слишком много. Поэтому сейчас мы говорим *отдохнуть от впечатлений, волнений, страстей, переживаний* и т. д. Можно даже *отдохнуть от дорожных впечатлений* или *вчерашних переживаний* — но именно *отдохнуть*, т. е. перестать чувствовать усталость, вызванную этими впечатлениями и переживаниями, а не перестать вспоминать и переживать.

Аналогично, обозначение событий и действий сейчас могут выступать в качестве объекта глагола *отдохнуть* только в том случае, если они являются источником именно усталости, а не чего-то другого. Поэтому примеры (20—24) выглядят почти *нормативно*. Хотя в современном языке чаще употребляется предлог *после* (*отдохнуть после дороги, после дневного перехода, бурно проведенной ночи, лекции, тяжелого рабочего дня, концерта, конференции* и т. п.), употребление предлога *от* тоже возможно. Так, в Национальном корпусе русского языка встречаются сочетания: *отдохнуть от утомительного многочасового перелета; от трудной дороги из Китая; от продолжительного шествия, от серьезной тренировки; от родов; от поступления в институт*. Ср. также вполне допустимую фразу *Я еще от вчерашних гостей не успел отдохнуть, а ты уже новых позвала*.

В примерах (28), (29) глагол *отдохнуть* имеет значение, еще более отличное от современного, которое современным читателем скорее всего не идентифицируется.

Без особого труда, хотя и с некоторой степенью приблизительности, современный читатель восстанавливает «по контексту» значение глагола *отдохнуть* в примерах (30), (31) — при том, что модель управления с предлогом *за*, как и само данное подзначение глагола *отдохнуть*, утрачены.

Наиболее ярко эффект ближней семантической эволюции обнаруживает себя в примерах (32—34) — именно потому, что ничто не мешает пониманию этого глагола в современном значении. Тем не менее здесь реализовано значение, отличное от современного. В финальной реплике пьесы «Дядя Ваня», ставшей крылатой (пример (34)), буквально сказано: «в жизни будем тяжело работать, а после смерти отдохнем», что отсылает к русским поговоркам *Отдохнешь, когда издохнешь; Помрешь, так отдохнешь* [Даль 1994, II: 1875]. Однако, по-видимому, здесь все же имеется в виду нечто другое (проблема чеховских героев не в том, что они устали от тяжелой работы). Из текста предшествующего монолога следует, что *отдохнуть* здесь связано не с *усталостью*, а с *унынием* (антитезой для которого в христианской этике является *радость*), ср.: *увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрисуемся; <...> Ты не знал в своей жизни радости, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем...* По-видимому, здесь имеется в виду значение IV в следующей его модификации: «вернуться к нормальному состоянию души, т. е. такому, когда она радуется». В современном русском языке глагол *отдохнуть* такого значения не имеет; приблизительно это значение выражается в русском языке сочетанием *отдохнуть душой*.

Приведем примеры того типа употребления, внутри значения IV, которое сохранилось в современном языке:

- (52) С утра опять засели за карты, потом пообедали, и когда после обеда Вера пошла к себе в комнату, чтобы *отдохнуть от разговоров и от табачного дыма*, то и там были гости, и она едва не заплакала с отчаяния [А. П. Чехов. В родном углу (1897), guscopora];
- (53) Юлии неудержимо захотелось домой на родину; хорошо бы уехать, думала она, и *отдохнуть от семейной жизни*, от этого *смущения и постоянного сознания*, что она поступила дурно [А. П. Чехов. Три года (1895), guscopora];
- (54) Я теперь в деревне, куда уехал *отдохнуть от мучительной суеты* Москвы [Л. Н. Толстой. Письма. 1894 (1894), guscopora];
- (55) Моя единственная цель, мое задушевное желание — сбросить с себя домашнюю обузу, *отдохнуть от ежеминутного беганья* на открытом воздухе в погоду и непогодь, от собственноручного *перетаскивания нагруженных* разного разностью *саней* и телег, чтобы поместить на дворе побольше извозчиков и угодить им, отдохнуть, наконец, от *пошлых полупьяных гостей, звона рюмок, полуночных криков* и проч. и проч. [И. С. Никитин. Письма (1853—1861), guscopora].

Сохранилось оно потому, что здесь везде то, *от чего* отдыхают, — это дрящяся или повторяющаяся ситуация, вызывающая утомление.

4.4. НАПРАВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Диахронически исходным для глагола *отдохнуть* является значение I ‘восстановить нормальное дыхание’, из которого параллельно происходят три производных значения: II ‘(как бы снова начать дышать): не умереть’, т. е. возобновить физическую функцию дыхания как условие жизни; III ‘(как бы снова начать дышать после перерыва в дыхании, вызванного душевным напряжением / страхом); успокоиться’; IV ‘(как бы восстановить нормальное дыхание после учащенного, вызванного волнением); восстановить душевное равновесие’⁴².

Что касается значения V, то оно является производным одновременно от IV и от I. Производность V от I хорошо видна, в частности, в примере (16) из Тургенева, где *отдохнул* означает одновременно ‘снова стал нормально дышать’ и ‘перестал чувствовать волнение’. Однако близость значений V и IV не менее очевидна; здесь даже скорее возникает проблема разграничения этих двух значений, ср. выше о выражениях типа *отдохнуть от волнений*; *отдохнуть после концерта*.

Таким образом, для основного значения глагола *отдохнуть* (*Ты устал, тебе надо отдохнуть*) следует признать наличие множественной семантической деривации, т. е. вопрос о том, что первично, «отдохнуть душой» или «отдохнуть телом» не имеет однозначного ответа. Так, А. Б. Пеньковский, с одной стороны, пишет, что значение ‘восстановить душевные силы, успокоиться’ является «переносом в ментальную сферу» значения ‘отдышаться, восстановить нормальное дыхание’ [Пеньковский 2005: 88—89], т. е. здесь имеет место переход «отдыхать телом» → «отдыхать душой». С другой стороны, в семантической эволюции глагола *отдыхать* А. Б. Пеньковский усматривает техступенчатый переход, который дает обратный результат: ‘отдышаться’ → ‘успокоиться, восстановить душевные силы, отдохнуть душой’ [разрядка моя. — А. З.] → ‘восстановить физические силы, отдохнуть

⁴² Здесь мы намеренно перефразируем толкования по сравнению с теми формулировками, которые были приведены выше, чтобы выявить отношения семантической производности; во всех трех значениях компонент, касающийся дыхания, реально может быть опущен: он отсылает к прототипической ситуации и связан с остальной частью толкования оператором ‘как бы’.

телом» [Пеньковский 2005: 87]. Здесь хотелось бы сделать одно уточнение. Переход от 'отдышаться' к 'успокоиться', как уже говорилось, изначально, по-видимому, не был метафорическим переносом; однако, независимо от генезиса актуального значения глагола *отдохнуть* — и, очевидно, из-за утраты его связи с идеей дыхания, о которой пойдет речь ниже — синхронно значение «отдохнуть телом» воспринимается как исходное, прямое, а «отдохнуть душой» — как производное, переносное. Таким образом структура многозначности этого глагола выравнивается под более стандартную.

4.5. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И АСПЕКТУАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

Важные сведения о значении глагола *отдохнуть* могут быть получены путем реконструкции его внутренней формы, т. е. определения типа словообразовательной модели с приставкой *от-*, реализованной в этом слове, а также уточнения семантики производящей основы. К сожалению, в книге [Кронгауз 1998] глагол *отдохнуть* не интерпретируется, а анализ, предлагаемый в книге [Janda 1986: 202—203] представляется неубедительным.

На наш взгляд, картина приблизительно такова. Приставка *от-* обозначает исходно отделение-удаление (ср. сценарий «деления», предлагаемый для приставки *от-* в [Пайар 1997]). Имеется группа производных значений, где эта приставка обозначает «отделение от состояния», в котором объект находился до совершения действия, названного глаголом (и это состояние оценивается как негативное), ср. *отремонтировать*: объект стал нормально функционирующим, тем самым отделившись от состояния неисправности; ср. также *отредактировать*, *отшлифовать*. Другой пример: *оттаять*: объект был заморожен, путем таяния перешел в размороженное состояние, тем самым отделившись от своего прежнего состояния замороженности.

Вариант той же модели — с постфиксом *-ся*, ср. *отоспаться*: при помощи процесса спанья как бы отделиться от состояния недосыпания; то же — *отъестся* (это слово означает не просто что раньше человек голодал, а теперь ест достаточно, а что теперь он потолстел и таким образом как бы отделился от предшествующего состояния, когда он был худым). Аналогично устроен и глагол *отдышаться*, который описывает ситуацию, когда человек интенсивно дышит, и тем самым «отделяется» от состояния, когда он дышал затрудненно или не дышал вообще. Что же касается глагола *отдохнуть*, то здесь картина несколько иная.

Начнем с того, что в глаголе *отдохнуть* произошел сдвиг ударения: раньше ударение было *отдóхнуть*. Об этом свидетельствуют, например, следующие строки из «Илиады» в переводе Н. И. Гнедича:

- (56) Может быть, в брани тебя за него принимая, трояне
Бой прекратят; а данайские воины в поле *отдохнут*.

Ср. также цитировавшуюся выше поговорку, которая во времена Даля читалась, очевидно, *Отдóхнешь, когда издóхнешь*. Глаголу *отдóхнуть* Даль дает такое толкование: «отдышаться, или *отдýхать*, *отдóхнуть*: после обморока, удушного воздуха или утраты дыхания прийти в себя; <...> *смол.* выздороветь» [Даль 1994, II: 1875].

Примеры употребления глагола *отдохнуть* можно найти и в XX в., ср.:

- (57) Ну, тут он меня измутыскал так, что у меня печенки с легкими перемешались — насилиу *отдох* [Е. И. Замятин. Слово предоставляется товарищу Чурыгину (1922), *ruscog-roga*].

Итак, *отдохнуть* происходит от *отдохнуть*, а *отдохнуть* образовано от *дохнуть*. Обратимся теперь к этому глаголу.

Этимологические словари славянских языков однозначно указывают на то, что глаголы со значением ‘дышать’ имели также значение ‘дышать тяжело / шумно, задышаться’. Так, М. Фасмер в статье «*дохнуть, дохнуть, вздох*» приводит следующие параллели: лит. *dušėti* ‘пыхтеть, задышаться’, лтш. *dust* ‘пыхтеть’ [Фасмер 1996, I: 533]. Ср. также польск. *tchnąć* — ‘дышать’, ‘тяжело дышать’ [ЭССЯ, 5: 177]; значение слов *душный, духота*. На наличие значения ‘задышаться’ у глагола *дохнути / дышати* в древнерусском языке указывает, в частности, глагол *душити* (‘каузировать задохнуться’), исторически каузатив к *дышати*⁴³; ср. также словенск. *dušiti* ‘den Atmen benehmen, dem Ersticken nahe bringen’ [Pleteršnik 1894, I: 186].

В современном русском языке имеется два омонимичных суффикса *-ну-*: при помощи суффикса *-ну1-* образуются глаголы сов. вида с семельфактивным значением (ср.: *зевнуть, махнуть, дунуть*); суффикс *-ну2-* содержат глаголы несов. вида со значением приобретения или наличия признака (ср.: *глохнуть, киснуть, мерзнуть*) [Ефремова 1996: 300—301]. Суффикс *-ну2-* является безударным, *-ну1-* — чаще бывает ударным, но может быть и безударным. Соответственно, в глаголе *дохнуть* фигурирует суффикс *-ну1-*, а в *дохнуть* — *-ну2-*⁴⁴. От глагола *дохнуть* образовано прилагательное *дохлый* — букв. ‘задыхающийся, едва дышащий’ (ср.: *дохлый цыпленок*); ср. также: *задохлик* ‘слабый, хилый, тщедушный человек’.

В глаголе *отдохнуть* реализовано основное непространственное значение приставки *от-* — ‘прекратить действие, названное мотивирующим глаголом, исчерпав возможность его продолжать’ (ср. [Кронгауз 1998: 172]) и таким образом «как бы отделившись» от него, ср.: *отзвенеть, отцвести, отмучиться*. *Отдохнуть* означает ‘перестать дохнуть’, т. е. ‘перестать задышаться, восстановить нормальное дыхание’; тем самым изначальная внутренняя форма этого глагола совершенно прозрачна. С течением времени этот глагол изменил как форму, так и значение, в результате чего современный глагол *отдохнуть* оказался вторичным образом связан с семельфактивным глаголом сов. вида *дохнуть*, что, естественно, привело к утрате исходной внутренней формы (в частности, суффикс *-ну-*, став ударным, был переинтерпретирован как *-ну1-*, а сам глагол *отдохнуть* оказался в ряду глаголов однократного способа действия, см. ниже).

Отметим еще одну интересную аспектальную особенность глагола *отдохнуть*, также проливающую свет на его семантику: сочетаемость с обстоятельством длительности (*полчаса, три дня, неделю* и т. п.). Нормально в русском языке глаголы сов. вида с обстоятельством длительности не сочетаются, ср.: **полчаса сделал уроки, прочел газету* и т. п. — что и неудивительно, в силу «точности» значения сов. вида.

⁴³ Маргинальное значение ‘задышаться’ имеется у глагола *дышать* и в современном языке.

⁴⁴ Такая четкая дифференциация двух суффиксов *-ну-* произошла относительно недавно; так, ударение в глаголе *отдохнуть* в XIX в. в течение некоторого времени было вариативным (и это не влияло на его значение); и Фасмер, и Даль приводят оба варианта ударения глагола *дохнуть* в одной статье.

Исключение составляют глаголы делимитативного, пердуративного и некоторых других способов действия (*полчаса погулял, проговорил* <по телефону>, *отстоял* <в очереди>), а также несколько глаголов с суффиксом *-нуI-*: *вздремнуть, всплакнуть, прикорнуть, соснуть* — и *отдохнуть*, см. [Всеволодова 1997: 25]. Назовем еще один такой глагол без суффикса *-ну-*: *подождать*, ср. *Еще полчаса подождем и поедем обратно* (возможно, здесь дело в том, что глагол *подождать* отчасти выполняет функцию отсутствующего делимитатива **пождать*). Причина такой нестандартной сочетаемости во всех этих случаях, по-видимому, состоит в том, что все эти глаголы непосредственно включают в свою семантическую структуру компонент ‘провести <таким образом> некоторое время’; относительно делимитативов и пердуративов это очевидно, ср. также толкование глагола *отдохнуть* в МАС: ‘провести некоторое время в отдыхе, восстановить свои силы отдыхом’.

4.6. ДАЛЬНЕЙШАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Итак, концепт *отдыха* возник в русском языке на основе идеи нормального дыхания как свидетельства нормального физического и душевного состояния человека. Семантическая эволюция глагола *отдохнуть* на протяжении XIX—XX вв. состояла в утрате зависимости от идеи дыхания и приобретении устойчивой связи с идеей усталости. Действительно, в современном языке значения I—III полностью утрачены; значение IV сохранилось в качестве маргинального. Основным для этого глагола на сегодня является значение V ‘избыть усталость, восстановить силы’. Дальнейшая семантическая эволюция разводит понятие отдыха также и с идеей усталости и связывает его с идеей освобождения от работы или обязанностей, которая может иметь как положительные, так и отрицательные импликации — ср., соответственно, значения VI и VII.

Во второй половине XX в. семантическая эволюция поставила на первый план в понятии *отдыха* идею отсутствия обязанностей: отдых — это антитеза *работе* (ср.: *проводить на заслуженный отдых*, т. е. на пенсию). *Право на отдых* — одно из прав, провозглашенных советской Конституцией 1936 г. Понятие *отдыха* стало частью советского идеологического дискурса: отдых — это необходимая составная часть трудового процесса. Возникло понятие *дом отдыха*, и даже *зона отдыха* (т. е. дом отдыха и прилегающая к нему территория, включающая пляжи, спортплощадки, рестораны и т. д.), появилась категория *отдыхающие* (т. е. *трудящиеся* во время отпуска); возникла идеологема *культурного отдыха*. Связь категорий *отдыха* и *культуры* отразилась в знаменитом названии «Парк культуры и отдыха им. Горького», сокращенно «Парк культуры» (ср. название близлежащей станции метро), другой вариант сокращенного названия — «Парк Горького»⁴⁵ (ср. название советской рок-группы, а также известного американского романа и фильма о Советском Союзе — «Gorky park»).

Отдых в этом смысле не обязательно предполагает предшествующее состояние усталости и, с другой стороны, не исключает усталость как его результат: это может

⁴⁵ В ходе обсуждения этого сюжета на конференции «Культура русской речи» (Звенигород, 13—15 октября 2007) Н. Г. Брагиной было высказано предложение считать слова *Горький* и *культура* контекстными синонимами.

быть копанье грядок или игра в футбол, от чего у человека пот катит градом; ср. распространенную идею, что отдых — это смена деятельности; понятие *активный отдых*, высказывания типа *Я не понимаю, как можно часами лежать на пляже* и т. п.

Значение VI ‘проводить выходной день или отпуск; не работать’, имеет несколько вариантов. В рекламе туристических компаний реализуется вариант ‘ездить куда-то во время отпуска’. Фраза *Я в прошлом году вообще не отдыхал* двусмысленна: либо ‘не брал отпуск’, либо ‘во время отпуска никуда не ездил’, причем эта двусмысленность имеет характер недоопределенности или синкретизма, т. е. каламбура здесь не возникает. Фраза *Я уже отдохнул* скорее всего означает ‘в этом году уже съездил в отпуск’ и т. д. Слова *отпуск* и *отдых* вступают при этом в паронимическую связь (ср.: *летний отпуск / летний отдых; отдых на море / отпуск на море* и т. п.).

В отличие от нейтрального литературного значения V, значение VI функционально-стилистически маркировано (как разговорно-просторечное), и частью русской интеллигенции отвергается (ср. употребление кавычек в примере (40), маркирующих «чужое слово»). В этом случае фразы типа *Петя сейчас отдыхает на даче; На 2-м курсе на зимние каникулы я отдыхал в Рузе* прочитываются как содержащие нейтральное литературное значение V, что вызывает ироническую усмешку, особенно в ситуации, когда состояние предшествующей усталости и потребность в *отдыхе* в собственном смысле слова маловероятны (например, если речь идет о молодом человеке, который и в рабочие дни не слишком себя утруждает). Причина этого неприятия состоит в том, что *отдыхать* в значении VI опирается на картину мира, в которой жизнь человека распадается на два состояния: утомительную *работу*, когда человек делает то, что он обязан, и приятный *отдых*, когда человек делает то, что ему хочется. Это представление традиционно не соответствует, в частности, картине мира русского ученого, ср. популярную в 60-е годы шутку, что научная работа — это удовлетворение своего любопытства за государственный счет. Поэтому, например, на совершенно естественный для многих людей вопрос «Ты ездил туда работать или отдыхать?» некоторые люди затрудняются ответить — из-за отсутствия в их картине мира того фрагмента, на который опирается использованное в данном вопросе значение глагола *отдыхать*. Мне известны люди, которые в этом новом смысле не *отдыхают* никогда, а в традиционном старом — лишь во время командировок.

Едва заметный дальнейший семантический сдвиг дает вариант этого значения: ‘проводить свободное время, получая удовольствие’. *Отдых* в этом случае оказывается синонимом понятий *досуг* и *свободное время* (ср. [Шмерлина 2007]). Далее этим же глаголом могут окказионально обозначаться сами занятия, обеспечивающие получение удовольствия (чаще всего это: вкусная еда, алкоголь и секс); в этом случае глагол *отдохнуть* выступает в качестве ко с в е н н о й н о м и н а ц и и [Зализняк 1991] перечисленных ситуаций — ср., соответственно:

(58) Московский же азербайджанец после слов «хорошо *отдохнули*» начинает долго и длинно перечислять список блюд и продуктов, из которых они приготовлены [Р. Арифджанов. Москва азербайджанская // «Столица», 1997.04.15, guscorgora];

(59) *Отдохнул* — как воздуха глотнул. *Отдыхай* с душой! [реклама водки]⁴⁶;

⁴⁶ Упомянем в данной связи также объединенную сеть магазинов «Мясновъ» и «Отдохни!», в которых продается, соответственно, мясо и мясные продукты, т. е. *закуска*, и вино и водка, т. е. *выпивка*.

- (60) Случилось это в Пушкинских Горах. Шел я мимо почтового отделения. Слышу женский голос — барышня разговаривает по междугородному телефону:
— Клара! Ты меня слышишь?! Ехать не советую! Тут абсолютно нет мужиков! Многие девушки уезжают так и не *отдохнув!* [С. Довлатов. Соло на Ундервуде]⁴⁷.

Обращает на себя внимание наличие сходной структуры полисемии у глагола *гулять*⁴⁸: (i) ‘быть свободным, не работать’ (*Я свой отпуск уже отгуляла; взять отгул*); (ii) ‘пить алкогольные напитки’ (*Люди уже гуляют*) и (iii) ‘иметь (внебрачные) сексуальные контакты’ (*муж от нее гуляет; сестра гулящая, совсем пропащая*).

Однако наиболее прочно понятие отдыха в русской картине мира связано все же с употреблением алкоголя. Советская идеологема *культурного отдыха* — это отчасти эвфемизм: пафос ее авторов состоял именно в том, что советский человек должен уметь *отдыхать* (т. е. реализовать свое право на *отдых*), не употребляя алкоголь. Ср. характерный контекст:

- (61) Днем возмущенные сокурсники чуть его не побили... — Едем, — твердил Дебошин, — реализуем гарантированное конституцией *право на отдых!* — Не могу, — отвечал Красноперов. — Француз подумает, что мы не умеем *культурно отдыхать*. Только вкальваем целыми днями, голосуем и сдаем бутылки [С. Довлатов. Иная жизнь (1984), ruscorpora].

Обратим внимание на несходство структур полисемии русского глагола *отдыхать* и соответствующих глаголов, например, английского и французского языков, а именно, отсутствие семантического перехода ‘восстанавливать физические силы’ → ‘проводить свободное время’; в этих языках соответствующие смыслы выражаются разными словами (т. е. концепт ‘отдыхать VI’ не является, в отличие от русского языка, производным от идеи физиологического отдыха)⁴⁹, ср.:

- (62) англ.:
‘отдыхать V’: *rest, relax, have / take a rest*; сущ.: *rest, recreation, relaxation*;
‘отдыхать VI’: *be on holiday / vacation; take a vacation; to escape*; сущ.: *holiday, vacation; getaway, escape (romantic escape), trip (pleasure trip)*.
- (63) франц.:
‘отдыхать V’: *se reposer, se détasser, prendre un peu de repos, se détendre* (после обеда) *faire la sieste*; сущ. *repos, détassement*;
‘отдыхать VI’: *aller en vacances*; сущ. *vacances, séjour, évasion, escapade, congé*.

Итак, семантическая эволюция глагола *отдохнуть/отдыхать* за последние два века состояла в том что:

- значения I (‘отдышаться’), II (‘не умереть’), III (‘успокоиться, узнав, что опасность миновала’) были утрачены;
- значение IV ‘восстановить душевное равновесие’ модифицировалось и слилось с V;
- значение V ‘избыть физическую и/или душевную усталость’ на протяжении двух веков сохранилось без изменений;
- появилось значение VI ‘проводить свободное время с удовольствием’.

Эволюция глагола *отдыхать* продолжается: на наших глазах появилось значение VII — очевидно, в результате семантического развития идеи ‘не работать’ в зна-

⁴⁷ Этим примером я обязана И. Б. Левонтиной.

⁴⁸ О глаголе *гулять* см. [Левонтина, Шмелев 1999].

⁴⁹ О понятии семантического перехода как категории семантической типологии см. [Зализняк 2001а; 2009в; 2013б или Главу V].

чении VI. Как считает И. Б. Левонтина, это значение развилось из словоупотребления, характерного для языка спорта: тренер, удаляя игрока, может сказать «Такой-то *отдыхает*»⁵⁰. *Отдыхает*, то есть не работает, то есть не нужен, то есть недостаточно хорош; а это, в свою очередь, означает, что есть кто-то другой, который лучше (эта импликация и составляет ассерцию нового значения). Характерный для этого типа употребления грубовато-фамильярный тон происходит, по-видимому, оттого, что здесь изначально использован индикатив в значении императива, а такой индикатив заключает в себе особую безапелляционность и авторитарность.

⁵⁰ См. [Левонтина 2007].

5. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Целью данной работы является описание тех аспектов концептуализации феномена *памяти-забвения*, которые отражены в значении ряда предикатных слов и выражений русского языка, т. е. материалом нашего исследования служат глаголы — *помнить, запомнить, вспомнить, вспоминать, вспомниться*, безл. *помнится*, а также *забыть, забывать* и *запамятовать* (мы будем называть их «глаголами памяти»), а также некоторые фразеологические единицы. Круг проблем, связанных с концептом, заключенным в существительном *память*, в данной статье рассматриваться не будет (см. об этом, в частности, [Дмитровская 1991; Кубрякова 1991; Урысон 2003: 37—41], а также книгу [Брагина 2007] с дальнейшей библиографией). Специфика концептуализации памяти и забвения в русском языке выявляется также путем сопоставления с данными английского, немецкого и французского языков.

5.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Е. С. Кубрякова, основываясь на данных нейрофизиологии, делает вывод о том, что «...с механизмами памяти связаны по существу все процессы человеческой речемыслительной деятельности» [Кубрякова 2004: 361]. Для этого вывода имеются и собственно лингвистические основания. Действительно, языковые данные (в особенности русского языка) свидетельствуют о том, что память является центральной системой, с которой связаны все остальные сферы высшей нервной деятельности человека: знание, мышление, восприятие (зрение), действия, речь, эмоции.

Наиболее тесно связаны память и с о з н а н и е / з н а н и е. В современном русском языке в ряде связанных употреблений глагол *помнить* сохраняет значение ‘осознавать’, ср.: *не помня себя от счастья; влюблен без памяти*, сделать что-либо в *беспамятстве*, когда речь идет об утрате не памяти, а сознания; ср. также: *В ушах с утра какой-то шум. / Он в п а м я т и иль грезит?* (Б. Пастернак. Разлука). Память устойчивым образом концептуализуется как хранилище з н а н и й. Смысл ‘знать’ фигурирует в толковании глаголов *помнить* и *забыть*; сами глаголы *знать* и *помнить* в некоторых контекстах взаимозаменяемы; в немецком языке наиболее идиоматичным

* В основу данного раздела положена статья [Зализняк 2008].

эквивалентом для русского *не помню* является *ich weiss nicht mehr*, букв. «я больше не знаю». Глагол *забыть* соотносится как с *помнить*, так и со *знать*, ср.: *Раньше помнил, а сейчас забыл; Знал, но забыл*. С другой стороны, *не помню* в некоторых контекстах отличается от *не знаю* только тем, что *не помню* имплицитно «раньше знал» (этот смысл составляет презумпцию глагола *помнить*). Так, на просьбу продолжить цитату человек может сказать *не помню* вместо *не знаю*, чтобы скрыть тот факт, что она ему вообще незнакома.

Память и мнение (думание). Не затрагивая философский и нейролингвистический аспекты проблемы, отметим здесь лишь два обстоятельства: этимологическую связь слов *помнить* и *мнить* (глагол *помнить* восходит к «главному» и.-е. корню ментальной сферы **men-*, см. [Фасмер 1996, 3: 195]), и смысловую близость глаголов *вспоминать* и *думать*, ср.: *Он редко вспоминал о своей первой жене и Он редко думал...* (см. также [Дмитровская 1991: 83]). *Помнить о ком-то* — значит «иногда вспоминать» или «иногда думать». Обратим внимание также на то, что в немецком языке существительное *Gedächtnis* «память» образовано от глагола *denken* (*dachte, gedacht*) «думать»; с этим же глаголом связано существительное *Denkmal* «памятник». В толковании некоторых значений *помнить* и *забыть* фигурирует семантическая единица ‘думать’ (ср. [Wierzbicka 1972: 229—231]).

Память и зрение. В книге Н. Г. Брагиной [2007: 121—126] многообразные связи между памятью и зрением охватываются формулой «то, что мы видим, мы помним, то, что мы помним, мы как бы видим». Как известно, зрение является основным источником наших знаний (что отражено в этимологии многих и.-е. глаголов со значением ‘знать’) и, соответственно, памяти. *Вспоминать* интерпретируется как «воскрешать образ, видеть»:

...то, что человек видел раньше, при воспоминании он видит снова <...>. *Не помнить* означает в конечном счете невозможность снова увидеть (внутренним зрением), ср.: *А что было до замужества — не помню. Вспоминаю — и, как слепая, ничего не вижу* (М. Горький) [Дмитровская 1991: 81].

В некоторых контекстах глагол *забыть* оказывается синонимичен выражению *опустить из виду*.

Связь памяти с действием выражается конструкцией «забыть + инф.»: *забыл/не забыл опустить письмо*. Заметим, что в английском языке (в отличие от русского) здесь возможен также глагол *remember*: *I forgot/remembered to post the letter* (см. раздел IV.5.3.1).

Устойчивая связь памяти с речью отражается в отношениях семантической деривации: в словообразовательном гнезде глагола *помнить* имеется целый ряд глаголов речи: *напомнить* (в одном из значений, см. [Туровский 1991б])⁵¹; *помянуть, вспомянуть, упомянуть, вспомнить* (в одном из значений, ср.: *Вы или толпою, врозь и парами, / Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня / Шестое августа по-старому, Преображение Господне*. [Б. Пастернак. «Август»]).

Память и чувство: *О память сердца! ты сильнее / Рассудка памяти печальной* (К. Батюшков). Выделенным статусом среди чувств, связанных с памятью, обладает любовь (ср. [Брагина, 2007: 176—183]: *я тебя никогда не забуду* значит «не перестану любить»), о любимом умершем говорят *незабвенный*, и т. д. Ср. также: «Тяжела

⁵¹ Аналогичное речевое значение есть у англ. *remind*, см.: [Wierzbicka 1972: 222], ср. также значение ‘передать привет’ у англ. *remember (remember me to her)*.

ты, *любовная память!* / Мне в дыму твоём петь и гореть» (А. Ахматова); главное русское стихотворение о любви начинается словами «Я *помню* чудное мгновенье...» и т. д.

В работе [Туровский 1991а] проводится весьма убедительная аналогия между глаголами п а м я т и и глаголами о б л а д а н и я. А именно, ряд глаголов *помнить* — *забыть* — *вспомнить* — *вспоминать 1* — *вспоминать 2*⁵² по своим лингвистическим свойствам (в том числе аспектуальным) точно соответствуют ряду *иметь* — *потерять* — *найти* — *находить* — *искать* (соответственно, устанавливаются пары: *помнить* — *иметь*, *забыть* — *потерять*, *вспомнить* — *найти*, *вспоминать 1* — *находить*, *вспоминать 2* — *искать*). Это означает, что концепт памяти/забвения строится в русском языке на базе концепта обладания / потери⁵³. При этом весьма существенно, что объектом метафорического обладания, потери, поиска и т. д. в значении глаголов памяти является не сама информация, а возможность «доступа» к ней: именно она может быть утрачена, а потом восстановлена. Действительно, когда я говорю: *Я забыл его фамилию*, то возможно, что через некоторое время я ее вспомню. Аналогично, я могу сказать: *Я потерял очки* в ситуации, когда я просто не знаю, где они находятся, ср.: *Она постоянно теряет очки; Она по нескольку раз в день теряет ключи от машины* = «обнаруживает, что не знает, где они находятся». Указанная аналогия между двумя рядами глаголов замечательна своей последовательностью. К приведенному ряду может быть добавлена еще одна пара глаголов, а именно *забывать* — *терять* (об аспектуальных особенностях глагола *терять* см. [Зализняк, Шмелев 2002]; о семантической близости глаголов *забывать* и *терять* см. раздел IV.5.2.2).

Вышеупомянутая аналогия между памятью / забвением и обладанием / утратой представляет собой базовую концептуальную структуру, на основании которой строятся разные метафоры, соответствующие разным способам концептуализации памяти / забвения. Наиболее существенные различия здесь касаются типа «объекта хранения» и способа его утраты.

А именно, этот объект может представляться: 1) как некий предмет, который находится в памяти, представляемой как контейнер (в частности, может быть оттуда извлечен путем поиска, ср.: *порыться в своей памяти*); 2) как «отпечаток» опыта; 3) как зрительный образ.

Память концептуализуется как обладание данным объектом, а забвение может быть представлено по-разному⁵⁴. С одной стороны, объект-предмет может неконтролируемым образом «выпасть» из контейнера, ср.: *у меня вылетело это из головы, дырявая память* и т. п. При помощи данной метафоры язык представляет мгновенное и легко обратимое забывание: то, что *вылетело из головы*, скорее всего, потом *вспом-*

⁵² Согласно разграничению, введенному в [Булыгина, Шмелев 1989б], *вспоминать 1* — тривиальный имперфективный коррелят глагола сов. вида *вспомнить*; *вспоминать 2* — «пытаться вспомнить»; подробнее см. раздел V.5.3.3.

⁵³ В подтверждение устойчивости метафоры обладания в языковой концептуализации памяти можно привести также франц. глагол *retenir*, имеющий оба значения: «держат, удерживать» и «помнить», т. е. реализующий соответствующий семантический переход (о понятии семантического перехода см. Главу V).

⁵⁴ Обратим внимание на отсутствие в русском языке *nomen actionis* от глагола *помнить* (ср. англ. *remembering*) и, соответственно, концепта ситуации «хранения в памяти» — при том, что для ситуации «утраты» имеется два существительных: *забвение* и *забывание* (обозначающие, соответственно, состояние и процесс).

нится. Объект-отпечаток может исчезнуть постепенно и необратимо (ср.: *стерлось из памяти, начисто забыл*). Объект-образ может быть чем-то «заслонен» и оказаться «невидимым», т. е. недоступным субъекту — при том, что он как бы продолжает существовать сам по себе. Эта метафора отражает постепенное и обратимое забывание; она в наибольшей степени разработана русским языком.

«Метафора заслонения» имеет два варианта. Первый — это зрительный образ, покрывающийся как бы пеленой тумана, которая постепенно становится все менее прозрачной. Экспликацией этого представления может служить следующий пример:

- (1) Пройдет какой-нибудь месяц, и Анна Сергеевна, казалось ему, *покроется в памяти туманом* и только изредка будет сниться с трогательной улыбкой, как снились другие. Но прошло больше месяца, наступила глубокая зима, а *в памяти все было ясно*, точно расстался он с Анной Сергеевной только вчера (А. Чехов. Дама с собачкой).

Второй вариант реализации этой метафоры состоит в следующем. Память предстает как огромный сундук, в котором хранятся разного рода объекты — таким образом, что они лежат один *под* другим: с самого верху, в максимальной доступности, находятся те из них, которыми человек пользуется ежедневно и которые он хорошо помнит. Чуть поглубже, т. е. *заслоненные*, покрытые другими, более новыми образами *бытия* (см. следующий раздел о внутренней форме глагола *забыть*), лежат какие-то менее нужные и реже используемые предметы. И уж совсем в глубине⁵⁵, — вещи, которыми мы почти никогда и даже вовсе никогда не пользуемся, и поэтому даже не знаем, что они там есть — вещи, о которых мы *забыли*. Другими словами, то, что человек *помнит*, и то, что человек *забыл*, находится в одном и том же вместилище. *Забыл* — значит, в данный момент не могу воспользоваться тем, что имею. Потому что когда мы некоторой информации не имеем, то мы говорим не *забыл*, а *не знаю*.

5.2. ЗАБЫТЬ

5.2.1. Внутренняя форма глагола *забыть*⁵⁶

Внутренняя форма глагола *забыть* соотносит его с той же словообразовательной моделью, которая реализована, например, в глаголах: *засыпать* <яму песком>, *защитопать* <дырку>, *замолить* <грех>, *запить* <горе вином> и т. п., т. е. ‘уничтожить (в релевантном отношении) объект процессом, обозначенным глаголом’ (о семантике приставки *за-* см. подробнее [Зализняк 1995] или [Зализняк 2006, раздел IV.1.3]). Эта модель в современном русском языке довольно продуктивна: она позволяет порождать новые глаголы, которые легко понимаются, даже если такой глагол оказывается омонимичен уже имеющемуся в языке глаголу, но реализующему другую модель, ср. *захлопать* <конец выступления> (= ‘при помощи хлопанья в ладоши сделать не-

⁵⁵ «Вертикальная» метафора памяти, согласно которой забытое находится «в глубине», а то, что мы помним, «на поверхности», подкрепляется, в том числе, такими выражениями, как <нечто> *всплыло в памяти*, с приставкой *вз-*, прототипическое значение которой связано с движением вверх (а производное — с идеей внезапности), см. [Gallant 1979].

⁵⁶ В Словообразовательном словаре русского языка [Тихонов 1985] глагол *забыть* трактуется как немотивированный, что с синхронной точки зрения, очевидно, справедливо. В нашем рассуждении речь идет именно о «внутренней форме», т. е. о деривационной истории, с одной стороны, и о реконструируемой логике семантического развития — с другой.

слышным для аудитории и тем самым несуществующим»), при наличии *захлопать* = ‘начать хлопать’). Ср. также следующий пример:

- (2) Как в молодости я приспособился сбегать от своих огорчений в сон — *заспать* беду, вернейшее средство! так с еще более юных лет открыл и другое сильнодействующее: немедленно *записать* свою боль [= ‘путем писания уничтожить’ — ср. стандартное значение глагола *записать* ‘зафиксировать в письменной форме’. — А. З.] (Л. Зорин. Тень слова).

Иными словами, русский глагол *забыть* означает: ‘бытием (т. е. процессом жизни) уничтожить [образ в сознании]’⁵⁷. Уничтожение, выражаемое данной словообразовательной моделью с приставкой *за-*, предстает как результат его *заслонения* и *сокрытия* от глаз⁵⁸. Та же словообразовательная модель с приставкой *за-* использована в слове *запомнить* <нечто>: ‘памятью (о чем-то другом) *заслонить* это нечто в своем сознании’.

Помимо самого глагола *забыть*, метафора *сокрытия* и *уничтожения* процессом жизни отражена в ряде выражений и оборотов речи, группирующихся вокруг фразеологизма *быльем поросло* (варианты: *было, да быльем поросло*; *было, да былью поросло*).

Слово *былье* — собирательное от *быль* в значении ‘трава’ (это значение в качестве устаревшего отмечено еще в МАС; оно соответствует древнейшему значению глагола *быть* — ‘расти’). Выражение *быльем поросло* отсылает к траве, которая вырастает на не посещаемых, т. е. *забытых* людьми местах, прежде всего — на могиле, за которой никто не ухаживает: выросшая там трава покрывает и уничтожает саму могилу как материальный атрибут памяти о человеке, который в ней похоронен, ср.: *Всякая могила травой порастает* [Михельсон 1994, 2: 382], а также ставшее крылатым выражение: *К нему не зарастет народная тропа*.

В дальнейшем в выражении *быльем поросло* слово *былье*, практически утратившее старое значение, подверглось контаминации со словом *быль* в современном значении ‘то, что было’ (в отличие от *небыль*, *небылица* — ‘то, чего не было’); возможно, что на переосмысление слова *былье* повлияла также аналогия со словом *быть* (ср. выражение *житье-быть*). Об этой контаминации свидетельствует употребление обсуждаемого выражения в художественной литературе, ср. следующий пример (из [Мелерович, Мокиенко 1997: 92—94]):

- (3) Горький в то время производил тщательную работу освобождения своей памяти от огромного *груза былья*. Одна за другой выходили его книги с рассказами о *былом*, воспоминаниями, заметками из дневников (К. Федин. Горький среди нас).

Как отмечает В. В. Виноградов, «в поговорке *было, да быльем поросло* форма *быльем* воспринимается скорее каламбурно по связи с *было*. Даже соседством формы

⁵⁷ Та же смысловая конструкция, что и в *забыть*, представлена, с иной диатезой, в глаголе *зажить* (о ране и т. п.): *рана зажила* = ‘уничтожилась процессом жизни’. Ср. также своего рода совмещение идей ‘забыть’ и ‘зажить’ в выражении *в заросшей жизнью душе* из рассказа А. Платонова «Сокровенный человек».

⁵⁸ В русском языке метафорические модели уничтожения весьма разнообразны; так, например, глаголы с приставкой *раз-* обозначают уничтожение путем расчленения, ср.: *развеять* <по ветру>, *распустить* <знание> и т. п. Еще одна метафора уничтожения представлена приставкой *из-*, ср.: *избыть* <горе, обиду> — ‘процессом бытия уничтожить, как бы *исчерпав*’. Ср. соположение двух производных от *быть* глаголов, означающих разные виды уничтожения: *Лихо избудешь, всю кручину забудешь* [Даль 1994, II: 369].

поросло не возбуждается значение 'трава, зелень', присущее областному слову *былье*» [Виноградов 1994: 875]. Таким образом, поговорка приобрела новое прочтение, при котором концепт забвения уже не конструируется на основе образа «зарастания травой», а приближается к тому, который заключен в глаголе *забыть*: '[нечто] оказалось покрыто, заслонено и уничтожено тем, что было после'.

С другой стороны, в русском языке имеется множество выражений, воспроизводящих исходный для обсуждаемой поговорки образ «зарастания травой» как символ забвения, ср.: *поросли мохом забвения* (А. Сухово-Кобылин, по [Мелерович, Мокиенко 1997: 93]); «Трава забвения» — название повести Катаева, восходящее к монологу Руслана: *Зачем же поле, смолкло ты / И поросло травой забвенья* (А. Пушкин. Руслан и Людмила); *травой поросло* (= 'давно прошло, забыто'); *Все быльем да ковылем поросло* [Михельсон 1994, 2: 382]. Ср. также:

- (4) Величава наша разлука, ибо
навсегда расстаемся. Смолкает цитра.
Навсегда — не слово, а вправду цифра,
чьи нули, когда мы *зарастем травой*,
перекроют эпоху и век с лихвою
(И. Бродский. Прощайте, мадмуазель Вероника).

Таким образом, обсуждаемое выражение (*было, да быльем поросло*) в современном русском языке совмещает в себе обе метафоры: одна из них поддерживается выражениями типа *зарастит травой*, другая — глаголом *забыть*.

5.2.2. *Забыть и забывать*: аспектуальная семантика

В книге [Wierzbicka 1972: 229] англ. глагол *to forget* трактуется как процесс. Хотя *процесс забывания*, безусловно, существует, онтологический статус ситуаций, обозначаемых русскими глаголами *забыть* и *забывать*, представляет довольно сложную проблему.

Начнем с того, что существует два типа употребления слова *забыть* — синхронное, когда человек может обозначить свое состояние фразами типа (5), и ретроспективное, когда человек может сказать про себя *забыл* лишь после того, как он это *вспомнил*, — ср. (6), (7)⁵⁹:

- (5) Я *забыл*, как его фамилия; куда положил ключи; в каком году это было; как переключать клавиатуру; что я хотел сказать;
(6) *Забыл* опустить письмо;
(7) а. *Забыл*, что обещал об этом никому не рассказывать.
б. *Забыл*, что Иван переехал на новую квартиру.

В случае синхронного употребления глагола *забыть* речь идет о выпадении какого-то слова или элемента пропозиции — соответственно, здесь объектом глагола *забыть* может быть имя или придаточное косвенного вопроса. При ретроспективном употреблении выпадает вся пропозиция: в этом случае возможно *что*-придаточное (пример (7)) или инфинитив с опущенным кореферентным субъектом — в случае «забывания

⁵⁹ Эти два типа употребления глагола *забыть* могут быть также обозначены, соответственно, как «перфектное» и «обратимое» (предложение Е. В. Падучевой).

намерений»⁶⁰ (пример (6)). Инфинитив прямо называет несовершенное действие (т. е. сочетание *забыл сделать* имеет толкование вида ‘не сделал, потому что...’), однако и конструкция с придаточным обычно имеет какую-то акциональную импликацию (указывает на то, что человек не сделал что-то, что собирался или должен был сделать).

Противопоставление синхронного и ретроспективного значений связано с различием в онтологическом статусе обозначаемой глаголом *забыть* ситуации.

Глагол *забыть*, как всякий глагол сов. вида, обозначает событие, т. е. переход в новое состояние [Зализняк, Шмелев 2000: 36]: очевидно, от состояния ‘помнить’ к состоянию ‘не помнить’. Вообще события, в том числе ментальной природы (такие как *узнал, обрадовался, огорчился*), нормально могут быть локализованы во времени. Можно сказать, например:

(8) Я узнал об этом вчера в 5 часов вечера; в этот момент я обрадовался,

и это будет означать, что в указанный момент произошел переход в новое состояние (‘знаю’, ‘рад’).

Посмотрим теперь, каково значение аналогичных сочетаний с глаголом *забыть*.

Забыть в ретроспективном употреблении в конструкции с подчиненным инфинитивом с обстоятельством времени типа *в этот момент* не сочетается, ср.:

(6') *В этот момент я забыл опустить письмо, позвонить Ивану, взять с собой зонтик⁶¹.

В случае конструкции с *что*-придаточным фраза типа (7') в принципе возможна:

(7') В этот момент я забыл, что обещал об этом никому не рассказывать.

Однако эта фраза означает, очевидно, не то, что событие ‘забыл’, как бы его ни трактовать, произошло *в этот момент*. Она означает, прежде всего, как и в случае с неотправленным письмом, что произошло нечто, противоположное тому, что предполагалось (человек рассказал то, о чем должен был молчать). Слово *забыл* указывает здесь на то, что это произошло на фоне, а также по причине состояния ‘не помню’, имевшего место в течение какого-то временного интервала, включающего *этот момент*.

Для синхронного употребления глагола *забыть* сочетание с обстоятельством времени рассматриваемого типа также в принципе возможно, ср.:

(5') В этот момент я забыл пароль; как его фамилия; в каком году это было; что я хотел сказать.

Однако предложения типа (5') также не означают, что *в этот момент* произошло событие ‘забыл’: здесь, очевидно, речь идет о том, что в этот момент я обнаружил, что не помню. (Иначе это называется *вылетело из головы*: о более прочном забывании обычно не говорят *в этот момент*.) Более того, как оказывается, событие ‘забыть’ в принципе не может быть приурочено ни к какому моменту. Тем самым оно является в некотором смысле фиктивным: момент перехода из одного состояния в другое никаким образом не фиксируется; мы можем лишь констатировать, что еще две минуты назад помнил, а сейчас обнаружил, что не помню.

⁶⁰ Согласно З. Фрейдю [Freud 1901], это особый вид забывания, противопоставленный «забыванию впечатлений».

⁶¹ В предложениях типа: *Я забыл в два часа позвонить Ивану* обстоятельство времени входит в подчиненную, а не главную пропозицию.

Итак, ‘забыть’ — это фиктивное событие. Однако это обстоятельство еще не исчерпывает особенностей его аспектуальной семантики. Дело в том, что глагол *забыть*, как видно из всех приводившихся примеров, обозначает не событие, а результирующее состояние. В принципе, значение, близкое к стативному, имеют многие глаголы сов. вида, ср.: *Лифт сейчас починили; Я сейчас сильно похудела*, где наречие *сейчас* указывает на временную соотнесенность именно результирующего состояния, а не перехода в него. Но глаголы *починить*, *похудеть* могут иметь и обычное событийное значение, где в фокусе находится момент перехода в новое состояние (*лифт вчера починили; я за это время похудела*). Для *похудеть*, в частности, это будет присущее градационным глаголам значение констатации факта изменения, которое накапливается постепенно, и при этом его временные рамки фиксируется расстоянием между моментами наблюдения. Глагол *забыть*, наоборот, обозначает результат моментального перехода, но такого, что сам момент перехода скрыт от наших глаз. Заметим, что точно также устроен глагол *потерять* (ср. выше об аналогии между глаголами памяти — забвения и обладания — потери). *Потерял* <кошелек, перчатку, билет> — значит ‘обнаружил, что не имею (а раньше имел)’; сам момент перехода из одного состояния в другое (т. е. событие ‘потерял’) не может быть фиксирован. В переносных значениях глагол несов. вида *терять* (напр., *терять вес*) обозначает процесс постепенного уменьшения чего-то — совершенно аналогично глаголу *забывать* в употреблении типа *я забываю французский язык*.

Очевидно, что это процесс особого типа. В работе [Туровский 1991а: 92] он охарактеризован как «пунктирный» (термин из [Булыгина, Шмелев 1989б]), т. е. складывающийся из отдельных «актов забывания». Как кажется, точнее было бы сказать, что этот процесс складывается не из «актов забывания» (таковых, как мы видели, не существует), а из «актов обнаружения» того, что объем информации в памяти уменьшился по сравнению с предыдущим моментом наблюдения.

Таким образом, если пользоваться обычным инструментарием семантического анализа, то можно сказать, что глагол *забывать* обозначает реконструируемый процесс перехода из того состояния, которое имело место в какой-то предшествующий момент наблюдения (например, ‘я хорошо говорю по-французски’), к тому, которое мы зафиксировали сейчас (например, ‘я плохо говорю по-французски’)⁶².

Другой, и возможно даже более точной, характеристикой этого процесса является метафора *постепенного покрытия пеленой тумана, которая становится все менее прозрачной*.

5.3. Помнить

5.3.1. Помнить и знать

Согласно МАС, глагол *помнить* имеет единственное значение ‘удерживать в памяти, не забывать’, т. е. *помню* — значит ‘все еще не забыл (хотя мог бы)’. Тем самым *забыть* оказывается в некотором смысле семантически первично по отношению к *помнить*. Иными словами, *забыть* — значит ‘утратить нечто’, а из отрицания этого смысла, т. е. ‘(вопреки ожиданию) не утратить’, строится концепт

⁶² Таким образом, видовая пара *забывать* — *забыть* ближе всего к градационным [Зализняк, Шмелев 2000: 57], ср.: *стареть* — *постареть*, *уменьшаться* — *уменьшиться*.

помнить (ср. толкование для английских глаголов *remember* и *forget* в [Wierzbicka 1972: 228—230]).

В этой связи обратим внимание на одно различие между русским и английским языками. В английском языке допустимы оба синонимичных предложения (9) и (10)⁶³:

(9) Did you *remember* to ring Bill?;

(10) Did you *not forget* to ring Bill?

Между тем по-русски эту мысль можно выразить только способом, соответствующим (10):

(11) Ты *не забыл* позвонить Биллу?

Объяснение этому факту, по-видимому, состоит в том, что в русском языке просто нет подходящего глагола памяти, который можно было бы употребить в предложении, соответствующем английскому *I remembered to ring Bill*. А именно: глаголы *помнить* и *вспоминать* не подходят, потому что они несов. вида, а из глаголов сов. вида *вспомнить* включает лишней смысловой компонент ‘в течение какого-то времени не помнил’, а *запомнить* не подходит ни семантически (так как он включает неуместный компонент начинательности), ни синтаксически (так как он не управляет инфинитивом).

Семантический анализ глаголов со значением ‘помнить’ и ‘забыть’ имеет достаточно давнюю традицию, начиная с известной работы Постала [Postal 1970]; краткий обзор см.: [Wierzbicka 1972: 228; Апресян 2001: 15]. Главная проблема здесь состоит в том, включает ли толкование этих слов единицу семантического языка ‘знать’. А. Вежбицкая [Wierzbicka 1972] предложила толкования для пяти значений англ. глагола *to remember*. Два из них (*John remembers Mary's name* и *I have just remembered what Mary's maiden name was*) включают семантическую единицу ‘знать’, в других вместо него фигурирует компонент ‘представлять себе’ (‘*imagine*’; в дальнейшем этот смысл был исключен из числа «семантических примитивов») и ‘думать <о чем-то>’. В работах более недавнего времени А. Вежбицкая вообще не прибегает к смыслу ‘знать’, используя для толкования *remember* лишь единицу ‘думать’ (‘*think <about>*’) [Wierzbicka 2007]; аналогичное решение принимается в работе [Van Valin, Wilkins 1993].

Включенность компонента ‘знать’ в толкование глагола со значением ‘помнить’ подтверждается данными, например, немецкого языка, где в определенных контекстах наиболее идиоматическим средством передать идею ‘я помню’ является выражение *ich weiss noch* (букв. *я еще знаю*)⁶⁴, ср. русский пример (12а) и его немецкий перевод (12b):

(12) а. Ведь было время, Николай Алексеевич, когда я вас Николенькой звала, а вы меня — *помните* как? (И. Бунин. Темные аллеи)

б. Gab es doch eine Zeit, Nikolaj Alexejevitsch, da habe ich Sie Nikolenka genannt, und Sie nannten mich — *wissen Sie noch, wie?*⁶⁵

⁶³ Примеры из [Wierzbicka 1972: 230].

⁶⁴ Ср. также возможный эквивалент для *я забыл* <как его зовут> — *ich weiss nicht mehr <wie er heisst>* и для *я вспомнил* — *jetzt weiss ich wieder*.

⁶⁵ Iwan Bunin. Der Sonnentisch. Erzählungen. Übersetzt von K. Borowsky. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1995. S. 133.

Однако данные русского языка такого семантического разложения не подтверждают. Действительно, если смысл ‘помнить’ включает смысл ‘знать’, то следует ожидать, что в значение предложений с глаголом *помнить* входит значение предложений с глаголом *знать*, что неверно. В значительной части контекстов замена *помнить* на *знать* вообще невозможна, т. е. соответствующее предложение с глаголом *знать* аномально, ср.:

(13) Я *помню* (**знаю*) чудное мгновение (А. Пушкин. К ***);

(14) *Помню* (**знаю*) я, как наши обе головы вдруг очутились в душевной, полупрозрачной, пахучей мгле, как в этой мгле близко и мягко светились ее глаза и горячо дышали раскрытые губы... (И. Тургенев. Первая любовь).

В других случаях такая замена возможна, ср.:

(15) Я *помню* (*знаю*) таблицу умножения / 1-й закон Ньютона;

(16) Я *помню* (*знаю*), когда произошло сражение при Ватерлоо.

Однако и в тех случаях, когда такая замена все же возможна, значение предложения с глаголом *знать* далеко не всегда является частью значения предложения с *помнить*, ср.:

(17) а. Я *помню* его бабушку.

б. Я *знаю* его бабушку.

А именно, *помнить* включает в себя *знать* в тех случаях, когда этот глагол обозначает нечто вроде ‘мочь назвать’ — как в примерах (15), (16). В прочих же случаях значение предложения с глаголом *знать* имеет дополнительные — по сравнению с *помнить* — семантические компоненты. Например, в контексте одушевленного объекта глагол *знать* обычно означает ‘быть знакомым’ (что не обязательно для *помнить*); кроме того, *знать* в этом значении требует «экзистенциального согласования»: настоящее время этого глагола указывает на то, что речь идет о человеке, который жив — ср. (17б); в противном случае надо сказать *Я знал его бабушку*; для *помнить* такого требования нет. Этот факт отражает некое существенное различие в характере ментального состояния, выражаемого глаголами *помнить* и *знать*.

Итак, с точки зрения соотношения глаголов *помнить* и *знать* выделяются три типа случаев: (i) когда замена *помнить* на *знать* невозможна (примеры (12а), (13), (14)); (ii) когда она возможна, и значение предложений с этими двумя глаголами *знать* входит в значение предложения с *помнить* (примеры (15), (16)); (iii) когда она возможна, но значение предложения с *знать* не входит целиком в значение предложения с *помнить* (17б)).

Эти различия связаны с тем, что глагол *помнить* может обозначать различные типы памяти, а именно *опытную* и *информационную*.

Опытная память — это сохранение некоторого «впечатления» как элемента собственного опыта, информационная — сохранение знания о каком-то факте, полученного обычно из какого-то внешнего источника информации⁶⁶. Возможность замены *помнить* на *знать*, при которой не появляются дополнительных смысловых компонентов, возникает в том случае, когда *помнить* обозначает информационную память. В этом случае глагол *помнить* может быть заменен на *знать* именно потому,

⁶⁶ Особый случай составляет знание, полученное из собственного опыта, которое тоже может быть объектом информационной памяти; см. об этом следующий раздел.

что информационная память действительно включает в себя знание: если человек помнит таблицу умножения или помнит, в каком году произошло сражение при Ватерлоо, то верно также и что он *знает* это. Однако если человек *помнит*, например, некоторую свою встречу с женщиной, т. е. сохраняет собственное впечатление о ней, — то он ни в каком смысле не *знает* ее; поэтому в таких контекстах глагол *помнить* и не может быть заменен на *знать*.

Реальная картина, однако, несколько сложнее — за счет того, что глагол *знать* тоже имеет разные режимы употребления: один соответствует знанию информации, а другой — опытному знанию. Соответственно, в последнем случае в принципе оказывается возможно употребление в одном и том же контексте глагола *помнить*, обозначающего опытную память, и глагола *знать*, обозначающего опытное знание. Так, можно *помнить* какой-то город, улицу, какого-то человека, а также какие-то чувства и ощущения, и к тем же объектам применим предикат *знать* — см. пример (21) ниже. Однако опытное знание устроено существенно иначе, чем опытная память — именно поэтому в значительной части контекстов глагол *помнить*, обозначающий опытную память, все же не может быть заменен на *знать* — ср. примеры (19) и (20).

Объектом опытной памяти является единичная ситуация в прошлом — как в примерах (18), (19а). А объектом опытного знания как раз единичная ситуация в прошлом быть не может; опытное знание непременно включает элемент обобщения, ср. правильное (20b) с подчиненной пропозицией, имеющей родовую статус, и неправильное (20а) с референцией к единичной ситуации; наоборот, *помнить* не сочетается с родовым статусом пропозиционального объекта, ср. (19b).

(18) *Помню* тройку удалую, / Вспышки дальних зарниц, / Вашу позу усталую, / Тень от длинных ресниц;

(19) а. Я *помню*, как трудно мне было отказаться.
 б. *Я *помню*, как трудно бывает в таких случаях отказаться;

(20) а. *Я *знаю*, как трудно мне было отказаться.
 б. Я *знаю*, как трудно бывает в таких случаях отказаться.

Предложение (21) возможно как с глаголом *помнить*, так и с глаголом *знать* только потому, что именная группа *это ощущение пустоты...* имеет разный референциальный статус: конкретно-референтный в (21а) и родового в (21b):

(21) а. Я *помню* это ощущение пустоты, наступившее после окончания большой работы.
 б. Я *знаю* это ощущение пустоты, наступающее после окончания большой работы.

Соответственно, в выражении: *Я помню это ощущение* производится референция к некой единичной ситуации, а в: *Я знаю это ощущение* — к классу ситуаций (или имеется в виду некое обобщение, которое могло быть произведено, в том числе, и на основании единичного опыта).

Таким образом, причиной невозможности замены *помнить* на *знать* в случае опытной памяти является различие в ограничениях на референциальный статус подчиненной пропозиции. Для предметных объектов подобных различий нет (конкретно-референтный статус дополнения допустим для обоих глаголов), поэтому замена возможна (ср.: *Я помню эту улицу* — *Я знаю эту улицу*). В предложении с глаголом *знать* появляются дополнительные компоненты, потому что в отличие от информационной памяти, которая вторична по отношению к знанию (человек может *помнить* только ту информацию, которую он *знает*), опытная память в некотором смысле первична по отношению к соответствующему типу знания, которое, наоборот, формирует-

ся на основе опытной памяти и, в частности, включает дополнительный компонент обобщения.

Высказанные выше соображения и приведенные факты, касающиеся употребления русских глаголов *помнить* и *знать*, должны быть учтены при составлении толкования глагола *помнить* (что не входило в нашу задачу). Наиболее правильное на мой взгляд решение — то, которое принято в отношении англ. глагола *remember* А. Вежбицкой в [Wierzbicka 1972]: различается несколько значений, и семантический примитив ‘знать’ фигурирует в толковании лишь тех из них, которые соответствуют информационной памяти.

5.3.2. Помнить, что и помнить, как

Оппозиция информационной и опытной памяти выражается в русском языке противопоставлением придаточных, вводимых, соответственно, союзами *что* и *как*. Сравним следующие предложения⁶⁷:

- (22) а. Я помню, *что* мы купались в мае в Москве-реке.
 б. Я помню, *как* мы купались в мае в Москве-реке.

В (22а) и в (22б) имеются в виду разные виды памяти: в первом случае — наличие в сознании субъекта некоторой информации, во втором — наличие зрительного образа; соответственно, во втором случае подчиненная пропозиция производит референцию к «ситуации», а в первом — к «факту»⁶⁸. То же самое противопоставление выражается в английском языке оппозицией конструкций: *I remember that I switched off the light* и *I remember switching off the light*, которое описано в [Lyons 1982] как противопоставление «non-experiential vs. experiential point of view»; ср. также оппозицию «factual» (*remember that*) vs. experiential» (*remember doing something*) в [Goddard 2003b]. Объектами опытной памяти могут быть только те ситуации, которые имели место в прошлом и в которых субъект участвовал — хотя бы в качестве очевидца. Для информационной памяти таких ограничений нет; конструкция *помнить, что* может вводить любой тип пропозиции — общее или оценочное суждение, суждение о будущем и т. д.

- (23) а. Из геометрии он *помнил* только, *что* у равностороннего треугольника все стороны равны.
 б. *Помни, что* исправлять ошибки никогда не поздно.
 в. Ты *помнишь, что* завтра родительское собрание?

Во всяком случае, любое предложение с *помнить, что* допускает такую «информационную» интерпретацию. Так, например, высказывание (24а) может быть уместно в том числе и в ситуации, когда человек рассказывает известные ему сведения из биографии исторического деятеля, — в отличие от высказывания (24б), которое может быть сделано только на основании собственного воспоминания.

- (24) а. Я помню, *что* в пять лет он убежал из дома.
 б. Я помню, *как* в пять лет он убежал из дома.

⁶⁷ Примеры из статьи [Падучева 1986: 26].

⁶⁸ Имеется в виду противопоставление «ситуация» — «факт», введенное Арутюновой [1985]; ср. также [Падучева 1986].

Однако возможно и такое употребление сочетания *помнить, что*, при котором источником информации является не сообщение, а результат обработки данных непосредственного восприятия — своего рода редукции зрительного образа к некоторой сущности ментальной природы (пользуясь выражением Н. Д. Арутюновой, можно сказать, что здесь «из процесса как бы экстрагируется факт» [Арутюнова 1985]). Другими словами, это значит, что в случае «памяти о личном опыте» *помнить, что* включает в себя *помнить, как*, т. е. предложение (22а) должно интерпретироваться как редуцированная форма выражения следующего смысла: ‘Я помню, как мы купались... и на основании этого заключаю, что имело место то, что мы купались...’⁶⁹.

Итак, конструкция *помнить, что* маркирует информационную память, а *помнить, как* — опытную. Отметим, что в русском языке для глагола *помнить* характерна, кроме того, бессоюзная конструкция; при этом в большинстве случаев никакой союз здесь восстановлен быть не может. Например:

- (25) *Помнишь*, у нас в пятом классе появился новенький? Степашкин была его фамилия;
 (26) Ты же *помнишь*, он работает со мной редактором, в одной комнате (В. Катаян. Лоскутное одеяло [ruscorpora]);
 (27) *Помню*, день был розовый, только когда солнце заходило за тучку, все становилось как-то суровее и холоднее, как всегда весной (К. Букша. Эрнст и Анна [ruscorpora]).

Бессоюзная конструкция, как показано А. Вежбицкой [Wierzbicka 2006: 208 ff., 256] на материале английских эпистемических глаголов, имеет собственную семантику, которая определяется тем обстоятельством, что отсутствие подчинительного союза придает подчиненной пропозиции более высокий коммуникативный статус и делает ее относительно независимой от семантики подчиняющего предиката. В случае глагола *помнить* в бессоюзной конструкции как бы «размывается» оппозиция двух типов памяти — поскольку она формируется именно типом подчиненной пропозиции и ее отношения к подчиняющему предикату *помнить*.

5.3.3. *Помнить vs. вспоминать*

Специфика концептуализации памяти в русском языке определяется, в частности, противопоставлением состояния, описываемого глаголом *помнить*, и процесса, выражаемого глаголом *вспоминать*.

В статье Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [19896] у глагола несов. вида *вспоминать* различаются два значения: в одном он является просто имперфективным коррелятом к *вспомнить* и обозначает то же самое событие: ‘непроизвольно или в результате целенаправленных усилий восстановить в сознании утраченную ранее информацию’, ср.: *И тут я вспоминаю, что забыл выключить электрическую печку* (= *вспомнил*). Другое значение — конативное: ‘пытаться вспомнить’, ср.: *Я долго и мучительно вспоминал его отчество, и в конце концов вспомнил*. В первом значении *вспоминать* образует с глаголом *вспомнить* тривиальную пару, во втором — предельную подтипа «попытка-успех» (см.: [Маслов 1984: 59—61; Зализняк, Шмелев 2000: 61]).

⁶⁹ Аналогично, А. Вежбицкая [Wierzbicka 1969: 70] рассматривает предложения типа: *Я вижу, что Джона здесь нет*, как имеющие исходную структуру ‘На основании того, что я вижу, я заключаю, что Джона здесь нет’.

У глагола *вспоминать* имеется еще один класс употреблений (*Весь вечер я вспоминал о вчерашней встрече*), о котором в статье Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева [1989б: 36] говорится, что в таких случаях речь идет не о процессе, а скорее о «пунктирной» последовательности событий («вспоминания» отдельных деталей), разделенных малыми интервалами; иногда этот пунктир почти переходит в «сплошную линию»⁷⁰. Однако все же, по-видимому, у глагола *вспоминать* следует признать наличие и собственно процессного значения, ср. (обратим внимание на наличие обстоятельства места):

- (28) Лужин жил, как на железных качелях: думать и *вспоминать* успевал только ночью, в узком закуте, где пахло рыбой и нечистыми носками. *Вспоминал* он чаще всего кабинет в петербургском доме — кожаные пуговицы на сгибах мягкой мебели, — и жену свою, Лену, о которой пять лет ничего не знал (В. Набоков. Случайность).

Процесс «вспоминания» может производиться вполне сознательно, ср.:

- (29) И еще он думал о том, что его полностью оценят, когда он умрет, и *вспоминал*, собирал в кучку крупички похвал, слышанных им за последнее время (В. Набоков. Уста к устам);
- (30) Напрасно я старался пересилить ужас, *напрасно вспоминал*, как однажды, в детстве, я проснулся и, прижав затылок к низкой подушке, поднял глаза и увидел спросонья, что над решеткой изголовья наклоняется ко мне непонятное лицо <...> (В. Набоков. Ужас).

Кроме того, глагол *вспоминать* имеет речевое значение (также процессное, ср. *говорить, рассказывать*):

- (31) А потом пришла домой Таня, вся как-то утончившаяся за эти двадцать лет, с уменьшившимся лицом и подобревшими глазами, — сразу закурила, засмеялась, без стеснения *вспоминая* с ним то отдаленное лето (В. Набоков. Круг).

«Вспоминание», включающее речевой компонент, может становиться *занятием*, ср.:

- (32) Что вы вчера делали? — Пили вино, танцевали, *вспоминали* студенческие годы.

Итак, глагол *вспоминать* имеет три различных с аспектуальной точки зрения значения: *событийное*, т. е. равное значению глагола несов. вида *вспомнить* (*и тут я внезапно вспоминаю...; каждый раз, проходя мимо этого места, я вспоминаю...*), значение предельного процесса, результатом которого является событие ‘вспомнить’ (= ‘пытаться вспомнить’ *мучительно вспоминал*) и значение непредельного, или гомогенного процесса (*весь вечер вспоминал студенческие годы, своих друзей*). Нас здесь будет интересовать лишь последнее — значение гомогенного процесса. Оно обнаруживает себя наиболее ярко, когда оно поддерживается контекстом (например тем, что процесс ‘вспоминать’ протекает одновременно с другими аналогичными процессами), ср.:

- (33) И воспоминания разгорались все сильнее. Доносились ли в вечерней тишине в его кабинет голоса детей, приготовлявших уроки, слышал ли он романс или орган в ресторане, или завывала в камине метель, как вдруг воскресало в памяти все: и то, что было на молу, и раннее утро с туманом на горах, и пароход из Феодосии, и поцелуи. Он *долго ходил по комнате, и вспоминал, и улыбался*, и потом воспоминания переходили в мечты, и прошедшее в воображении мешалось с тем, что будет (А. Чехов. Дама с собачкой).

⁷⁰ Как представляется, аномальность приводимой авторами фразы *Весь вечер я вспоминал о вчерашней встрече, ни на секунду о ней не забывая* обусловлена не «пунктирным» характером ситуации, обозначенной глаголом *вспоминать*, а некорректностью соположения процесса (*вспоминать*) и состояния (*не забывать*).

Процессное значение поддерживается также наречиями типа *часто, редко, всегда, всякий раз*, ср.:

- (34) Он сперва *вспоминал* ее часто, потом — редко, потом снова — все чаще и чаще (В. Набоков. Звонок).

Без контекстной поддержки процессное значение ослабевает, и глагол *вспоминать* сближается с *помнить*. Так, если в (33) и (34) заменить *вспоминать* на *помнить* нельзя (ср. **Он долго ходил по комнате, и помнил, и улыбался; *Он помнил ее часто* и т. д.), то для примеров (35) и (36) такая замена возможна, ср.:

- (35) а. Я *вспоминаю*, как мы катались по лесу на велосипеде.
 б. Я *помню*, как мы катались по лесу на велосипеде;
 (36) а. Я *вспоминаю* его студентом.
 б. Я *помню* его студентом.

Между обсуждаемыми двумя глаголами сохраняется, однако, вполне определенное различие. Глагол *помнить* обозначает состояние сознания субъекта, детерминированное нахождением информации в ее «хранилище» (точнее, в «зоне доступа» этого хранилища). Между тем *вспоминать* указывает на то, что с этой информацией производятся определенные манипуляции: человек как бы достает одну за другой единицы хранения и считывает содержащуюся в них информацию. Можно сказать иначе: глагол *вспоминать* как бы запускает фильм, который начинает прокручиваться перед нашими глазами, — в отличие от глагола *помнить*, который вызывает фотографический снимок. Иллюстрацией здесь могут служить следующие два примера, в каждом из которых использованы оба глагола (в обоих примерах глагол *вспоминать* обозначает повторяющийся процесс, а *помнить* — длящееся состояние):

- (37) Главный товар в магазине оставался незамеченным, — такие уж пошли дети, с горечью думал Пильграм и мельком *вспоминал* собственное детство. Его покойный отец, — моряк, шатун, пройдоха, — женился, уже под старость, на желтой светлоглазой голландке, которую он вывез с Борнео, и, покончив со странствиями, открыл лавку экзотических вещей. Жена вскоре умерла, сын ходил в школу, а потом стал помогать в лавке. Он теперь не помнил точно, как и когда стали появляться в ней ящики с бабочками, но *помнил*, что любил бабочек с тех пор, как существует (В. Набоков. Пильграм);
 (38) Он был одним из товарищей моего брата Григория, который <...> утонул двадцати трех лет, купаясь летним вечером в большой, очень большой реке, так что теперь, когда *вспоминаю* брата, первое, что является мне, это — блестящая поверхность воды, ольхой поросший островок, до которого он никогда не доплыл, но вечно плывет сквозь дрожащий пар моей памяти <...>. Я его *помню* ожидающим моего брата в темной столовой нашего бедного провинциального дома: он присел на первый попавшийся стул и немедленно принялся читать мятую газету, извлеченную из кармана черного пиджака, и лицо его, наполовину скрытое стеклянными забралом дымчатых очков, приняло брезгливо плачущее выражение, словно ему попался пасквиль. *Помню*, его городские, неряшливо зашнурованные сапоги были всегда пыльными, как если бы он только что прошел пешком много верст по тракту, между незамеченных нив (В. Набоков. Истребление тиранов).

Противопоставление глаголов *помнить* и *вспоминать*, столь очевидное для русского языка, по-видимому, отсутствует в основных западных языках (в том смысле, что процессное и стативное значения выражаются одним и тем же глаголом); об англ. *remember* в этой связи см. [Wierzbicka 2007: 26—29].

5.3.4. Помнить в безличной конструкции

Обилие безличных конструкций — одна из известных особенностей русского синтаксиса. Как считает А. Вежицкая, она отражает специфическую феноменологическую ориентацию русского языка, который делает акцент на идее неконтролируемости происходящих с человеком событий [Wierzbicka 1992a: 413]. Безличная конструкция как бы снимает с человека ответственность за происходящее: «хорошие и плохие вещи происходят с нами; они не являются следствием того, что мы делаем» [Wierzbicka 1992a: 430]; см. об этом также: [Зализняк, Левонтина 1996] или раздел III.1.

Для русского глагола *помнить* характерна конструкция с дательным падежом субъекта (обычно в 1-м лице): *мне помнится*. Например:

(39) *Мне помнится*, лет десять назад, перед войной, вы ездили в Москву с моей запиской в известный вам институт (В. Дудинцев. Белые одежды [ruscorpora]).

Субъект в дательном падеже может быть (и обычно бывает) опущен, ср.:

(40) Я рассматривал, *помнится*, психологическое состояние преступника в продолжение всего хода преступления (Ф. Достоевский. Преступление и наказание, ruscorpora);

(41) Я, *помнится*, обещал вам, что в этой книжке будет и моя сказка (Н. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки, ruscorpora);

(42) *Помнится*, мне тогда очень не понравились его слова, но я сам не знал почему (Ф. Искандер. Сандро из Чегема, ruscorpora).

В книге А. Вежицкой [Wierzbicka 1992a: 427] предлагается следующее толкование:

(43) *Мне помнится* (букв. 'It remembers itself to me') =
что-то во мне говорит: Я это помню
не потому, что я этого хочу
я не хочу сказать: Я это помню

Действительно, в соответствии с общей семантикой безличной конструкции, основное различие между безличным *помнится* и «агентивным» *помню* состоит в устранении ответственного субъекта. Следующий шаг состоит в устранении субъекта вообще — именно поэтому субъект в дательном падеже при *помнится* часто оказывается опущен.

Другая бросающаяся в глаза особенность *помнится* — преобладание бессоюзной конструкции: в Национальном корпусе русского языка подчиняющий союз при *помнится* присутствует лишь приблизительно в 10% употреблений.

Безличное *помнится* вводит пропозицию, характеризующую личный опыт субъекта, ср. примеры (39—42). Действительно, предложение (44) звучит несколько странно; здесь следовало бы сказать *насколько я помню*.

(44) ?Сражение при Ватерлоо, *помнится*, произошло 15 июня 1815 года.

Ср., однако следующий реальный пример:

(45) Наша княгиня Ольга за убийство мужа, *помнится*, потребовала дань от древлян — по голубю с дома (А. Шубин. Путь к благополучию, ruscorpora).

Этот пример, однако, не противоречит, а наоборот, подтверждает сказанное выше: хотя вводимая пропозиция в реальности не принадлежит личному опыту говорящего, она подается говорящим как таковая. Употребление слова *помнится*, наряду с выражением «*наша княгиня Ольга*», служит приемом, при помощи которого говорящий «присваивает» этот исторический опыт своего народа, представляя его как свой собственный.

Русское *помнится* не имеет эквивалентов в английском, французском и немецком языках — в том смысле, что в качестве переводных эквивалентов для *помнится* используются те же средства, что и для *помнить*⁷¹.

Стоит упомянуть еще глагол *вспомниться*, также лингвоспецифичный и не имеющий эквивалента, в частности, в английском языке — см. переводы примеров (46—47) ниже. В соответствии с вышеупомянутой особенностью концептуализации мира, характерной для русского языка, *вспомниться* делает акцент на непроизвольном характере актуализации образа в сознании, ср. также уже упоминавшееся выражение *всплыло в памяти*. В работе Вежбицкой [Wierzbicka 2007] конструкция *X-у вспомнился Y* характеризуется как обозначающая «непроизвольную память» («involuntary memoгу»). Глагол *вспомниться* употребляется в двух конструкциях — с субъектом-стимулом в позиции подлежащего (ср. *мне вспомнилась прошлогодняя поездка на Байкал*) и собственно безличная, где субъектную позицию занимает придаточное (обычно вводимое союзом *как*), ср.⁷²:

(46) Опять краска стыда покрыла ее лицо, *вспомнилось* его спокойствие, и чувство досады к нему заставило ее разорвать на мелкие клочки листок с написанною фразой (Л. Толстой. Анна Каренина).

Again a flush of shame covered her face. She *remembered* his calm, and a feeling of vexation with him made her tear the sheet with the written phrase into little shreds;

(47) И вдруг ему *вспомнилось*, как они детьми вместе ложились спать и ждали только того, чтобы Федор Богданыч вышел за дверь, чтобы кидать друг в друга подушками и хохотать (Л. Толстой. Анна Каренина).

And he suddenly *remembered* how as children they had gone to bed at the same time and had only waited for Fyodor Bogdanych to leave before they started throwing pillows at each other and laughing (L. Tolstoy. Anna Karenina).

Отметим, что для глагола *вспомниться* весьма характерна совместная встречаемость с словом *вдруг*, также лингвоспецифичным и выражающим идею «непредсказуемости мира» [Булыгина, Шмелев 1998].

5.4. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Итак, *память* концептуализуется языком как «хранилище» информации (*хранить в памяти, сокровищница памяти, извлекать из памяти, рыться в памяти; объем памяти* и т. д.), ср.: «Память X-а — это мыслимая как полый объект часть сознания X-а, предназначенная для долговременного хранения того, что человек знает» [Апресян 2001: 14]. Причем, как мы убедились, в этом хранилище находится как то,

⁷¹ Так, например, в повести И. С. Тургенева «Первая любовь» слово *помнится* встречается восемь раз. Из них в семи во французском переводе употреблено выражение *Je me souviens*, в немецком — *Ich erinnere mich* и лишь один раз — *il m'en souvient; wie mir erinnerlich*.

⁷² Перевод примеров (46) and (47) приводится по изданию: *Leo Tolstoj. Anna Karenina / Transl. by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. Penguin Classics, 2001.*

что мы *помним*, так и то, что мы *забыли*. Когда мы говорим, что мы нечто *забыли*, это означает лишь то, что мы утратили доступ к этой информации, «путь» к данной «единице хранения».

Однако этот путь может быть восстановлен: «зацепившись» за какой-то предмет или ощущение (вспомним Пруста), сознание может восстановить даже тот образ, который казался навсегда утраченным. Язык в этом случае пользуется метафорой умирания — воскресения, ср. одно из словарных значений слова *оживить* — ‘восстановить в памяти’ [МАС], а также следующий пример:

- (48) Много позже, когда все, как говорится, *быльем поросло*, Лева взглянул однажды на ее кольцо... — и вдруг все *ожило* и завертелось перед его глазами, *воскресло* и ощущение того вечера с Митишатьевым, и всех последовавших дней (А. Битов. Пушкинский дом).

Обратим внимание, что концептуализация забвения как утраты доступа к информации довольно точно соответствует научной модели памяти (см., напр., [Солсо 1995]), согласно которой любая информация, однажды человеком воспринятая, сохраняется в его мозгу навсегда: то, что мы помним, отличается от того, что мы забыли, именно знанием «пути» к месту ее хранения.

6. ПРЕДИКАТЫ ОШИБОЧНОГО МНЕНИЯ В СВЕТЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ: ГЛАГОЛ МНИТЬ*

...suite d'un sentiment de superiorité, peut-être imaginaire⁷³.

В данной статье рассматривается семантическая эволюция некоторых глаголов мнения в русском языке в XVIII—XXI вв. К семантической типологии это имеет то отношение, что речь идет о семантических источниках значения ошибочного мнения. Как известно, основным таким источником является видение и, далее, его источники, т. е. свет и сияние, ср.: русск. *видится, привиделось, показалось*; лат. *videor*, нем. *es scheint mir* ('мне кажется', от *scheinen* 'светить'), а также сходство (ср.: русск. *похоже, что*; франц. *il me semble* 'мне кажется', из лат. *similis* 'похожий'). Я хочу обратить внимание на еще один источник этого значения: просто мнение. Итак, речь пойдет о семантическом переходе 'иметь мнение' → 'иметь неправильное мнение', который демонстрируется русским глаголом *мнить*.

Прежде всего обратим внимание на тот факт, что у всех русских глаголов мнения, за исключением *думать* (как считается, заимствованного из готского [Фасмер 1996, I: 552]), значение мнения является производным (т. е. переносным): *считать, полагать, находить, рассматривать* (это основные глаголы мнения; в статье [Апресян 2004] приводятся еще: *смотреть, видеть и усматривать*). А единственный глагол с исходным значением мнения — *мнить* (от которого образовано главное существительное этого поля — *мнение*) утрачен. По крайней мере, он не фигурирует, например, в вышеупомянутом списке синонимов. Очевидно, дело в том, что глагол *мнить* для современного языка является абсолютно устаревшим — как утверждается в толковых словарях. Так, в Малом академическом словаре этот глагол, помеченный как «устаревший», трактуется как имеющий значения 'думать, считать, полагать' (*Я мнил, что грубый ты и гордый человек*. Островский) и, в конструкции с инфинитивом, 'надеяться, рассчитывать' (*Пороки юности преступной Я мнил страданьем испкупить*. Лермонтов). Действительно, в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorgo.ru, далее [НКРЯ]) глагол *мнить* в данных значениях встречается лишь в цитатах и в текстах духовного содержания.

* Впервые опубликовано: [Зализняк 2007б].

⁷² «...следствие чувства превосходства, быть может мнимого» (*франц.*) (Евгений Онегин, эпиграф).

Однако, если посмотреть тексты, размещенные в Интернете, то оказывается, что слово *мнить* вовсе не так уж малоупотребительно. Этот глагол действительно устарел и вышел из употребления (за исключением духовного дискурса, ориентированного на церковнославянскую норму), но лишь в старом значении «нейтрального» мнения (а также намерения, ср. выше), но сам глагол сохранился за счет того, что он развил новое значение — о ш и б о ч н о г о мнения, и в этом значении он является в высшей степени употребительным, в том числе (и даже, по-видимому, преимущественно) в разговорной речи и языке СМИ, преимущественно представленных в Интернете.

Судя по данным НКРЯ и русского Интернета, этот глагол в современном языке означает приблизительно: ‘иметь ошибочное мнение, основанное на завышенной самооценке’. Глагол *мнить* в этом значении имеет следующие варианты модели управления:

а) *мнить себя каким-то* (самым умным, самым крутым) или *мнить из себя какого-то* (самого красивого); *мнить о себе как о каком-то* (о единственном тут интересном);

б) *мнить себя кем-то* (в прямом смысле: гением, духовным лидером, архитектором, агрономом, пророком, преемником Путина) и в переносном (Давидом, Бонапартом),

в) *мнить, что...*;

г) абсолютное употребление.

Примеры⁷⁴:

а)

- (1) Не надо *мнить* себя выше других;
- (2) Леша, как всегда, себя самым умным *мнит*;
- (3) Девушке конечно приятно, что парень хочет с ней познакомиться, это ей льстит, но парню это льстит слишком сильно и он начинает *мнить* из себя самого красивого и обаятельного;
- (4) И не стоит *мнить* о себе, как о единственном тут интересном;

б)

- (5) Так что перестань себя *мнить* героем-любовником, о котором пол-форума вздыхают;
- (6) Губернатор Ткачев продолжает *мнить* себя преемником Путина;
- (7) Душевнобольные, за которыми приглядывают минские психиатры, предпочитают *мнить* себя банкирами, священниками, работниками спецслужб и «новыми русскими». Наполеоны, Ленины и Сталины уже вышли из моды;
- (8) Если каждая смотрелка будет *мнить* себя редактором, то скоро у ФШ останется всего одна востребованная фича: *Save for WEB*;
- (9) В последнее время участились случаи, когда несостоявшиеся экстрасенсы и целители начинают *мнить* себя пришельцами из космоса и духовными лидерами...;
- (10) Некоторые милые дамы тогда *мнили* себя значительными художниками, монументалистами и реалистами, и воплощали в бисерной технике большие темы [Эмма Порк (2002), guscopora];
- (11) Каждый *мнит* себя стратегом, видя бой со стороны, сказал поэт [А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988—1998), guscopora];
- (12) *Мнит* он себя, наверное, маленьким Давидом, поражающим камнем из пращи прямо в лоб огромного Голиафа [В. Лебедев (2003), guscopora];

⁷⁴ Здесь и далее примеры из НКРЯ имеют помету [guscopora]; примеры из Интернета (полученные с помощью поисковой системой Яндекс), даются без ссылки.

- (13) Участники встречи с тревогой говорили о том, что эта профессия предполагает наличие не только глубоких профессиональных знаний, но и настоящего призвания, тогда как сегодня ландшафтным архитектором *мнит* себя практически каждый [В. И. Мельников (2004), *ruscorpora*];
- (14) Немало поэтов *мнят* себя пророками [А. Сирота (2002), *ruscorpora*];
- (15) Всякий поганец себя гением *мнит* [С. Данилюк (2004), *ruscorpora*];

в)

- (16) И не надо *мнить*, что ты такой гений и что поставил себя выше всех;
- (17) Не надо *мнить*, что ты неповторима, Не надо *мнить*, что ты — способный мачо!;
- (18) Но вы не должны *мнить*, что стали уже близки к Божественному, лишь на основании такого рода общения, которое носит чисто ментальный характер;
- (19) Теперь каждый *мнит*, что только он знает, как выжить в столь трудных условиях, и не понимает, что разобщенность облегчает кучке проходимцев манипулировать целым народом [М. Игорев. (2003), *ruscorpora*];
- (20) Ныне при разговоре о поэзии, кажется, никто, кроме школьных учителей, [...] не *мнит*, что если он сообщит миру об «основном заблуждении, тормозящем развитие поэзии», то с помощью разъяснительной работы это заблуждение удастся преодолеть [А. Латынина, 2003, *ruscorpora*];
- (21) Люди *мнят*, что они в силах нанести природе непоправимый ущерб, — хотя все еще не нашли, как вытравить клопов из дивана и вывести сорняки с огорода [М. Бутов, 1999, *ruscorpora*];

г)

- (22) Потому что если мы, девушки, будем делать первый шаг с вами то все дальнейшие отношения будут как одолжение со стороны парня, или же парень будет *себя мнить*...;
- (23) Но зачем же *мнить*?;
- (24) Спорить с Юрием о том кто *мнит*, а кто работает, смысла нет.

Примеры из Пушкина:

- (25) В семье моей я *мнил* найти отраду, Я дочь мою *мнил* осчастливить браком (Борис Годунов);
- (26) Я наслаждением полон был, я *мнил*, Что нет грядущего, что грозный день разлуки Не придет никогда (Желание славы. 1825);
- (27) Не *мнишь* ли ты, что я тебя боюсь? Что более поверят польской деве, чем русскому царевичу? (Борис Годунов);
- (28) Кстати: зачем ты не хотел отвечать на письма Дельвига? он человек, достойный уважения во всех отношениях, и не чета нашей литературной Санкт-Петербургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его «Цветы» на следующий год. Мы все об них постараемся. Что *мнишь* ты о «Полярной»?.. Есть ли у тебя какие-нибудь известия об Одессе? перешли мне что-нибудь о том (Письмо П. А. Вяземскому, 20 апреля 1825 г.);
- (29) И милостью и страхом облекли Наместника всей нашей власти, что же Об нем вы *мните*?;
- (30) Что умирать? я *мнил*: быть может, жизнь Мне принесет незапные дары; Быть может, посетит меня восторг И творческая ночь и вдохновенье; Быть может, новый Гайден сотворит Великое — и наслажуся им... Как пировал я с гостем ненавистным, Быть может, *мнил* я, злейшего врага Найдю; быть может, злейшая обида В меня с надменной грянет высоты (Мощарт и Сальери);
- (31) Бывало, в сладком ослепленье Я верил избранным душам, Я *мнил* — их тайное рожденье Угодно властным небесам;
- (32) Я думал, что любовь погасла навсегда, Что в сердце злых страстей умолкнул глас мятежный, Что дружбы наконец отрадная звезда Страдальца довела до пристани надежной. Я

мнил покоиться близ верных берегов, Уж издали смотреть, указывать рукою На парус бедственный пловцов.

Заметим, что в примерах из Пушкина почти везде (за исключением примера (28), о котором пойдет речь ниже), *мнить* как будто обозначает ошибочное мнение.

Начнем, однако, с глагола *думать*. Дело в том, что вообще в естественном языке имеется тенденция перехода непроверенного мнения в ложное: фраза *Он думает, что Р* скорее всего означает, что он ошибается. В работе [Зализняк, Падучева 1987: 81] это явление было названо «несочувственной интерпретацией подчинительной конструкции» и иллюстрировалось примером: *Он думает, я его испугался*, содержащим семантический компонент ‘...а на самом деле это не так’. По-видимому, здесь действует та же тенденция к «снижению уровня достоверности», что и та, которая обнаруживает себя в семантической эволюции таких единиц, как русск. *наверное, очевидно*, нем. *wahrscheinlich*, франц. *sans doute* (которая, в свою очередь, является частным случаем тенденции к семантическому «выветриванию»). Вообще смысловой компонент потенциальной ложности утверждаемой пропозиции присутствует в огромном количестве лексических единиц — *утверждать, обвинять, льстить* и др. Такие единицы имеют спектр употреблений от нейтрального значения истинности подчиненной пропозиции до отчетливой ложности; в последнем случае может возникать отдельное лексическое значение, как это имеет место синхронно для русских глаголов *показаться, послышаться*, ср. *Тебе это показалось* (с ударением на глаголе) = ‘это не так’. Диахронически та же семантическая деривация представлена в русском глаголе *мнить*.

Чтобы убедиться в том, что *Он думает, что Р* скорее всего означает, что он ошибается, достаточно сделать запрос на сочетание *думать, что* в Национальном корпусе русского языка. Как оказывается, предложения, включающие это выражение, действительно обычно описывают ошибочное, с точки зрения говорящего, мнение. Приведем по д р я д все примеры с первой страницы результатов поиска в НКРЯ:

- (33) Многие *думают, что* еще не кончилось средневековье [В. Мартынов. Многие думают, что еще не кончилось средневековье // «Известия», 2002.01.20];
- (34) Многие, например, *думают, что* они живут в XIX веке, и могут свободно творить, писать симфонии, оперы [В. Мартынов (2002), guscorpora];
- (35) Напрасно некоторые *думают, что* простуда, ГРИПП или ОРЗ на этот раз минуют их! [Рекламное письмо (2004), guscorpora];
- (36) Часто люди *думают, что* были бы счастливы, имея много денег, хорошую машину или большой дом [(2003), guscorpora];
- (37) Типичный курильщик, заканчивая пачку, *думает, что* это последняя, но затем приходит к мысли, что еще одна не помешает [Дж. Поллак (2000), guscorpora];
- (38)—(40) Но славянофилы *думают, что* истинен тот путь, которым Россия шла прежде [К. С. Аксаков. Статья в газету «Молва», № 6, 18 мая 1857 г., guscorpora];
- (41) Я же принадлежу к числу тех, которые *думают, что* без власти не может существовать никакое общество [(1906), guscorpora];
- (42) Они *думают, что* ответственны за цифры в бюджете, а они ответственны за людей [С. Николаев (2003), guscorpora];
- (43) Он почему-то *думает, что* поддержка Кремля позволит ему задавить на выборах СПС [И. Родин, О. Тропкина (2003), guscorpora];
- (44) Одни учителя считают, что вправе требовать заработанные деньги в форме акций протеста, другие *думают, что* проблемы педагогов не должны отражаться на детях [Л. Мухомедьярова (2003), guscorpora].

Легко видеть, что из этих 12-ти примеров лишь один — последний — выражает нейтральное с точки зрения истинностной оценки говорящего мнение (и то потому, что здесь глагол *думать* употреблен вместо *считать*, о котором пойдет речь дальше). В примерах (38—41) *X думает, что P* есть лишь форма выражения своего собственного мнения, поскольку говорящий принадлежит к множеству людей, обозначенных как *X*. Во всех остальных случаях *X думает, что P* выражает мнение, которое представляется говорящему сомнительным или ложным (или даже безусловно является таковым, как в примерах (33—34)). Несогласие говорящего с передаваемым мнением может быть выражено явно (тем или иным способом, ср. примеры: (35) со словом *напрасно*; (42) с противительным союзом *а*, (43) со словом *почему-то*), но может просто вытекать из значения предложения в целом, как в примерах (33), (34), (36), (37); ср. также:

(45) Когда человека бьют на улице, левые силы *думают, что* у хулиганов было плохое детство [А. Братерский, 2003, ruscorgora].

Для сравнения приведем первые 12 примеров из результатов поиска в НКРЯ на *считать, что*. Как легко убедиться, здесь нигде не возникает имплицатуры ошибочности передаваемого мнения.

- (46) Как оказалось, почти половина (48,1 %) респондентов в погонах ее не одобряют, 27,5 % военных *считают, что* руководство Минобороны в основном занято лишь внутриведомственными интригами, а по мнению еще 17,2 % респондентов — политическими баталиями [О. Тропкина, 2003, ruscorgora];
- (47) И лишь четверть опрошенных (25,5 %) *считают, что* ведомство Иванова решает текущие вопросы обеспечения армии [О. Тропкина, 2003, ruscorgora];
- (48) На реформаторов из Минобороны возлагают надежды лишь 10,9 % респондентов, а 48 % опрошенных военнослужащих *считают, что* судьба военной реформы — целиком в руках президента [О. Тропкина, 2003, ruscorgora];
- (49) Российские эксперты *считают, что* этого не произойдет и наша страна займет промежуточную позицию [М. Игнатова, 2002, ruscorgora];
- (50) Нефтяник *считает, что* «надо поддерживать отношения с ОПЕК, но не в ущерб России» [М. Игнатова, 2002, ruscorgora];
- (51) Аналитик «Ренессанс Капитал» Владислав Метнев *считает, что* «Россия будет занимать независимую от ОПЕК позицию, так как обладает значительными запасами и возможностью увеличить добычу нефти» [М. Игнатова, 2002, ruscorgora];
- (52) Аналитик банка «Зенит» Сергей Суверов также *считает, что* Россия займет сбалансированную позицию [М. Игнатова, 2002, ruscorgora];
- (53) Владислав Метнев *считает, что* квоты ОПЕК на добычу останутся неизменными [М. Игнатова, 2002, ruscorgora];
- (54) Генеральный директор ЦПТ Игорь Бунин *считает, что* в российском электоральном поле существует свободный сегмент, который может занять партия, представляющая интересы региона [И. Белозерцева, 2003, ruscorgora];
- (55) Гальченко *считает, что* на следующих выборах Народная партия может позиционировать себя в качестве партии «третьего сектора» [И. Белозерцева, 2003, ruscorgora];
- (56) Глава ФАП «Экспертиза» Марк Урнов *считает, что* партии, ищущие поддержку в регионах должны руководствоваться следующими правилами [И. Белозерцева, 2003, ruscorgora];
- (57) Заместитель генерального директора ЦПТ Дмитрий Орлов *считает, что* партиям следует составить список «малых дел» и вспомнить исторический опыт 80 годов XIX века [И. Белозерцева, 2003, ruscorgora].

Возникает вопрос, почему это так: почему фраза *Он думает, что Р* содержит импликацию (подавляемую, но тем не менее), что *Р* не имеет места, а фраза *Он считает, что Р* такой импликации не содержит, а представляет собой нейтральную передачу чужого мнения.

В логике, как известно, различают верифицируемые и неверифицируемые пропозиции. По отношению к верифицируемым пропозициям применимы пропозициональные установки «знание» и «мнение-предположение»; по отношению к неверифицируемым — «мнение-оценка» (противопоставление мнения-предположения и мнения-оценки было введено в работе [Дмитровская 1988] и в дальнейшем широко использовалось, см. [Зализняк 1991; 2006; Лауфер 1993; 2000; Шатуновский 1993]). В современном русском языке мнение-предположение выражается, в первую очередь, глаголом *думать*, мнение-оценка — глаголом *считать*, ср.: *Я не знаю, где Иван; думаю (*считаю), что он пошел за пивом, но Я считаю (?думая), что это безобразие* (см. [Зализняк 1991]). Реальная картина, безусловно, несколько сложнее, потому что это распределение затемняется рядом факторов (прежде всего, тем, что одна и та же пропозиция может трактоваться как верифицируемая и как неверифицируемая).

По-видимому, в какой-то момент в истории русского языка основным глаголом мнения был *мнить*, который употреблялся для выражения и того и другого типа мнения, причем он имел, наряду с конструкцией *мнить кого чем*, конструкцию с изъяснительным придаточным, прототипическую для выражения мнения как пропозициональной установки. При этом, что наиболее существенно, он был нейтральным по отношению к истинности — и это значение сохранилось в существительном *мнение*. Нейтральность глагола *мнить* по отношению к истинности доказывается свободным употреблением его в форме 1-го л., в текстах Радищева, Лескова, Салтыкова-Щедрин и даже Достоевского, ср.:

- (58) *Мню*, что отец Троадий не все здесь написанное с апробациею и с удовольствием читает [Н. С. Лесков. Чающие движения воды (1867), guscoroga];
- (59) «Униона» твоего я не прочел, ибо и с дикционером, думаю, ныне уже сего не одолел бы; но все-таки *мню*, что пишешь ты изрядно, ибо из глаз моих, кои уже пятьдесят лет не плакали, писание твое, одним видом своим, исторгло целые потоки [Н. С. Лесков. Чающие движения воды (1867), guscoroga];
- (60) Был я тверд и жесток, и тягости налагал, но *мню*, что за скорби и странствия предстоящие не оставит без воздаяния Господь, ибо оставить все сие есть немалый крест и немалая скорбь [Ф. М. Достоевский. Подросток (1875), guscoroga].

Поскольку в современном языке глагол *мнить* обозначает только ошибочное, с точки зрения говорящего, мнение, его употребление в 1 л. наст. времени невозможно, за исключением специального контекста самоотстранения, ср. пример из Пришвина:

- (61) «Ничего ничего я не понимаю в женщинах и еще *мню* себя писателем!» [А. Варламов. Пришвин или Гений жизни, 2002, guscoroga].

Таким образом, эволюция глагола *мнить* состояла в том, что компонент ложности повысил свой статус — из импликации в полноценный семантический компонент. Действительно, глагол *мнить* употреблялся в значении ошибочного мнения и раньше (в XVIII—XIX вв.), ср. об этом [Апресян 2004], причем, судя по примерам из НКРЯ, преимущественно в значении неверифицируемого мнения и в оценочных конструкциях. Именно в этой конструкции он и утвердился в значении ошибочного мнения: *мнит себя гением*. Но принципиальным шагом здесь является приобретение компо-

нением ошибочности мнения нового, более высокого статуса (хотя его нельзя назвать ассертивным). Именно здесь произошла перестройка семантической структуры, позволяющая говорить о возникновении нового значения. В языке XIX в. употребление в 1-м л. было возможным (ср. примеры выше).

Вернемся к примерам из Пушкина, а именно к примеру

- (27) *Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь? Что более поверят польской деве, чем русскому царевичу?* (Пушкин. Борис Годунов).

Сейчас нам трудно сказать, во фразе *Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?* глагол *мнить* содержит в своем значении указание на ошибочность мнения (ср.: *Не воображаешь ли ты, что я тебя боюсь?*) или этот компонент лишь вытекает из смысла предложения (ср. пример выше: *Он думает, я его испугался*). Но так или иначе, в ходе истории тот тип употребления, при котором глагол *мнить* обозначал нейтральное мнение, исчез (соответственно, пропала и возможность его употребления в 1-м л. наст. врем.), а сохранился только тот тип употребления и только те конструкции, где он однозначно выражает ошибочное мнение, и этот компонент ошибочности повысил свой статус — из имплицатуры стал полноправным элементом семантической структуры.

Финальный этап обсуждаемой семантической эволюции представлен в прилагательном *мнимый*, означающем однозначную и безоговорочную отрицательную оценку истинности: *мнимый больной* значит ‘который выдает себя за больного, а на самом деле здоровый’, *мнимый ревизор* — ‘на самом деле не ревизор’, и т. п. (в отличие, заметим, от слова *воображаемый*, столь однозначной оценки не содержащей: *воображаемый мир* не значит ‘на самом деле не мир’ и т. д.). Ср. также:

- (62) Словарь *мнимых* друзей переводчика (вариант: словарь ложных друзей переводчика);
Повести о мудрости истинной и *мнимой*;
Чистота: *мнимая* и настоящая;
Победа западников была, однако, как мы скоро увидим, скорее *мнимая*, чем действительная [В. Д. Смирнов. Аксаковы (1895), *ruscorpora*];
Терморегуляторы: *мнимые* страхи и реальные достоинства.

Другими словами, *мнимый* — это антоним для *истинный*, *настоящий*, *реальный*, *действительный*. Показательно сочетание *мнимые страхи*, вообще говоря неправильное, нужно сказать *напрасные страхи* или *ложные страхи*, т. е. страхи, не имеющие оснований, основанные на ложном мнении (а не несуществующие). Таким образом, прилагательное *мнимый* обнаруживает экспансию, заменяя собой слово *ложный*.

С другой стороны, в возвратном глаголе *мниться* противопоставление истинного и ложного практически стирается: *мниться* отличается от *считать* лишь меньшей уверенностью в высказываемом мнении, ср. в особенности конструкцию с постпозицией местоимения:

- (63) *Мнится мне*, что любовь к тебе — это обманутая любовь к жизни [Е. Шкловский (1990), *ruscorpora*];
(64) *Мнится мне*, Гончарова больше любит росток, чем цвет, стебель, чем цвет, лист, чем цвет, виноградный ус, чем плод [М. Цветаева (1929), *ruscorpora*];
(65) Причастность к этому язгу, *мнится мне*, вносит в «наши отношения» второй план, прикус тайного сообщничества. Но этого мало [Т. Любецкая (1999), *ruscorpora*].

Имеющее слегка архаичный оттенок выражение *мнится мне* по своей семантике очень близко к разговорному *сдается мне*. Заметим, что также близкое по значению *мне кажется* объединяет два противоположных по отношению к истинностной

оценке употребления, различаемых фразовым ударением, ср.: *Мне кажется /, в доме кто-то есть — А может быть, мне это только кажется!*. Но в отличие от *кажется*, слова *мнится* и *сдается* эксплицитно ложного мнения выражать не могут. Таким образом, словообразовательное гнездо слова *мнить* позволяет говорить о том, что язык представляет границу между истиной и ложью как очень зыбкую: если в прилагательном *мнимый* истина и ложь оказываются жестко противопоставлены, в словах *мнительность* и *само мнение* эта основа указывает если не на буквально ложную, то на неточную или не разделяемую говорящим оценку, то в глаголе *мниться* различие между ними практически стирается.

Итак, общая схема такова. Глагол *мнить* в какой-то момент в истории русского языка был основным глаголом мнения, причем он использовался для выражения как мнения-предположения, так и мнения-оценки. Компонент ошибочности имел статус импликатуры (подобно современному русскому глаголу *думать*). На протяжении XIX в. произошло следующее: 1) в значении мнения-предположения (а также намерения) глагол *мнить* был вытеснен глаголом *думать* (который при этом сохранил имевшуюся у *мнить* импликацию возможной ложности передаваемого мнения); 2) в значении мнения-оценки глагол *мнить* был вытеснен глаголом *считать*⁷⁵; 3) глагол *мнить* утратил две вышеупомянутые функции (которые он передал, соответственно, глаголам *думать* и *считать*), а сам повысил статус компонента ложности от импликатуры до полноценного семантического компонента и стал обозначать ложную мнение-оценку (но только мнение-оценку: нельзя сказать **Она мнит, что ее муж пошел в библиотеку* — ложное мнение-предположение). Отсутствие импликатуры ложности у глагола *считать*, о которой шла речь выше, объясняется тем, что выражение ложного мнения-оценки перешло к глаголу *мнить* в его «новом» значении (*мнит себя гением*), а глагол *считать* утвердился в значении нейтрального мнения (т. е. произошло распределение функций). А у *думать* такого распределения не произошло: он, как и глагол *мнить* в начале XIX века, имеет эту импликацию.

Эта схема, естественно, представляет собой значительное упрощение реальной картины (которая определяется, в частности, тем обстоятельством, что глагол *мнить* — это церковнославянское слово, и уже в XIX в. функционировало в русском языке как один из многочисленных славянизмов — со всеми вытекающими последствиями).

Я благодарна А. Г. Кравецкому, Н. В. Перцову, А. А. Плетневой и М. И. Шапиру за интересные соображения, высказанные в ходе обсуждения данной работы.

⁷⁵ В языке Пушкина глагол *считать* в конструкции с *что* был периферийным, а в современном языке эта конструкция для обоих глаголов — *считать* и *думать* — является центральной.

7. *Вздор*: слово и дело*

Все нашли, что мы говорим *вздор*, а, право,
из них никто ничего умнее этого не сказал

(М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени)

Как *вздор* в русском языке оценивается *неправда* или *нелепица*, т. е. либо *ложное*, либо *не имеющее смысла* высказывание, причем между этими двумя типами оценки нет четкого противопоставления. Слово *вздор* содержит дополнительный оттенок как бы возмущения слушающего тем, что кто-то может думать или считать такую ерунду. В современном русском языке это слово имеет слегка архаический оттенок. В XIX в. слово *вздор* могло обозначать также нелепый поступок и небольшую вещь, не имеющую определенного назначения. При этом, поскольку этимологически исходным значением для этого слова является ‘ссора’, естественно возникает задача восстановления путей семантической деривации, определивших современный семантический облик данного слова.

Начнем с истории слова. Прежде всего, рассмотрим вопрос, какова связь современного значения с исходным значением ‘ссора’. В Словаре Даля мы находим [Даль 1994: 477—478]:

ВЗДОРЪ м. ссора, брань, свара, несогласие, споры, перекоры, более употреб. **вздоры** мн. || Нелепица, бессмыслица, выдумка, ложь, пустая молва, пустословие, пустяки. *Вздор на вздор помножь, чепухой подложь, и выйdet ералаиш (чушь). Одна рюмка на здоровье, другая на веселье, третья на вздор.* [Примеры: первый на значение ‘нелепица’, второй — на значение ‘ссора’] **Вздорливый, вздорчивый**, бранчивый, сварливый, брюзгливый, охочий до ссор, придирчивый, **вздорный**, о человеке то же; || о деле: нелепый, bestолковский, пустой, ничтожный. *Вздорливый человек затевает вздорные дела.* **Вздорность** ж. о деле, словах, затеях, ничтожность, неосновательность; неправдивость. **Вздорливость**, ж. свойство вздорливого. **Вздорить** с кем, **вздорничать**, ссориться, браниться, придираться, брюзжать. *Говори, да не спорь, а хоть и спорь, да не вздорь.*

Итак, *вздорливый человек затевает вздорные дела*, т. е. *вздор* — это ссора по ничтожному поводу. Склонность к ссорам (*вздорливость*) есть не что иное, как свойство затевать ссору из-за пустяка (*вздора*). Таким образом, ссора из-за ерунды — это тоже ерунда, чепуха, нелепица (т. е. здесь можно предположить своего рода метонимический перенос).

Заметим, что тот же тип именного производного от глагола *драть* встречается с другими приставками и имеет близкое значение: это слова *раздор* и *задор* (ср.: *задираться* на кого-то, *задиристый* петух). Не исключено, что слово *задор* и *задираться* в переносном значении (ср. также с другой приставкой *придираться*) повлияло на семантическую эволюцию слова *вздор*, на которой мы сейчас остановимся подробнее.

* Впервые опубликовано: [Зализняк, Шмелев 2010].

А именно, здесь имеется две гипотезы.

Первую излагает В. В. Виноградов [1994а], ссылаясь на статью В. И. Чернышева «Темные слова в русском языке» (опубликованную в сборнике в честь 45-летия Н. Я. Марра в 1935 г.). Она состоит в том, что *вздор* — это ‘то, что взодрано, надрано, оторвано’ и потом как негодное выброшено, т. е. ‘сор’. Чернышев приводит пример из сочинения автора конца XVIII в.: «В Египте народ гораздо нечист и всякий *вздор* на улицу бросают». Такое семантическое развитие представляется правдоподобным (хотя само слово *вздор* в восстанавливаемом таким образом исходном значении (что-то типа ‘стружки, отходы при обработке дерева’) не зафиксировано). Близкое значение есть у слова *задор*:

задор — из плотницкого лексикона; *строгать в задор* — строгать доски по направлению от вершины к комлю, причем дерево задирается; *задор* — ‘задранное место, зацепина, место с задоринами’ *задирать* — ‘зацеплять’, переносное значение ‘задевать, заводить ссору или драку’ [Виноградов 1994б: 184].

Итак, первая гипотеза: ‘стружка’ → ‘мусор’ → ‘всякий не имеющий назначения предмет и вообще все незначительное, ненужное, в том числе глупое или ложное высказывание’. Однако эта гипотеза происхождения слова *вздор* не объясняет значения ‘ссора’ — которое в Словаре русского XVIII в., как впрочем и у Даля, указывается в качестве первого (что скорее всего означает, что оно было в тот момент основным или воспринималось как таковое), а значения ‘мелкая вещь’ и ‘нелепица’ — как производные.

В связи с этим возникает другая гипотеза (которая, впрочем, не отменяет, а скорее дополняет первую, но обладает тем преимуществом, что включает значение ‘ссора’).

Прежде всего, обратим внимание на то, что в Словаре языка XVIII века [СРЯ XVIII, 3: 121—122] для слова *вздор* даются варианты *здор* и *сдор* (то же для прилагательных: *з/сдорный*, *з/сдорливый* и т. д.), что наталкивает на мысль о том, что здесь изначально была приставка *с-* (очевидно, со значением совместного действия). Внутренняя форма слова в этом случае оказывается крайне проста: слово обозначает то же, что *столкновение*, *схватка*, *сшибка*; ср. также другие производные с близким значением от глагола *драть* — *драться* и *драка*. (Слово *сдор*, при ином значении приставки *с-*, может означать также ‘то, что содрано’, т. е. ‘ненужная вещь’, но тогда опять необъяснимым остается значение ‘ссора’.)

Итак, наша гипотеза состоит в том, что слово *вздор* произошло из *сдор* в результате переосмысления внутренней формы. А именно, приставка *с-* (фонетически: [з]) заменилась на приставку *вз-*. Здесь можно назвать два фактора, которые действовали одновременно. С одной стороны, это влияние слова *вздор* в значении ‘мусор’, ‘ненужная вещь’. С другой стороны, здесь возможно влияние семантики словообразовательной модели с приставкой *вз-*. Дело в том, что в русском языке имеется множество слов с приставкой *вз-*, обозначающих резкое, внезапное, непредсказуемое возникновение отрицательных эмоций (вариантов гнева) и плохо контролируемых действий (вариантов ругани), ср.: *взбелениться*, *взбеситься*, *взбаламутиться* (*взбалмошный*), *вспылить* (= ‘прийти в состояние гнева’), *вскинуться* (= ‘наброситься с бранью’), *вскипеть* (= ‘прийти в состояние раздражения’), *вспыхнуть* (= ‘внезапно разгневаться’), ср. *вспылчивый*; *взвиться* (= ‘внезапно рассердиться’), *взорваться* (= ‘разразиться бранью’). Ср. также другие глаголы с приставкой *вз-*, описывающие внезапный и обычно неконтролируемый переход в некоторое эмоциональное или ментальное состояние: *вспомниться*, *всполошиться*

ся, *вскружить* <кому-то> голову, *встрепенуться*, *встревожиться*, *взбодриться*, *взбудоражиться*, *взбунтоваться*, *взбушеваться*, *вздуриться*, *вздумалось*, *взбрело в голову*, *взыграть* (*взыграло самолюбие*). Имеется также ряд глаголов речи и издаваемых человеком (или животным) звуков: *взмолиться*, *вскрикнуть*, *взвизгнуть*, *взреветь*. Во всех этих словах идея внезапности, непредсказуемости и неконтролируемости поддерживается — или наводится — приставкой *вз-* (ср. [Gallant 1979]).

Таким образом, по-видимому, по крайней мере одним из факторов семантической эволюции слова *вздор* было давление ключевой идеи русской языковой картины мира — идеи *непредсказуемости мира* (см. [Зализняк и др. 2005]). Заметим, что это слово обладает выдающейся частотностью в текстах Достоевского, — а то, что у Достоевского некоторые ключевые слова русской языковой картины мира обладают повышенной частотностью, уже отмечалось исследователями (ср., в частности, [Арутюнова 1996] о слове *как бы* и [Булыгина, Шмелев 1998] о слове *вдруг*). К этой же категории относится, по-видимому, слово *вздор*.

В Словаре русского языка XVIII века отмечаются следующие значения этого слова:

1. Ссора, распря, спор (обычно неосновательные)⁷⁶.

2. Пустые, нелепые слова, мысли, поступки; нелепость, ерунда. [Это значение, по-видимому, следует разбить на две части: 2.1. пустые, нелепые слова, мысли; 2.2. нелепые поступки].

3. Небольшая вещь, мелочь, безделушка.

4. Ненужная вещь, мусор.

В современном языке 1-е и 4-е значения полностью исчезли; 3-е сохранилось на периферии; что касается 2-го, то исчезла та его часть, которая касается поступков. Тем самым русский язык последовательно устранил все значения слова *вздор*, относящиеся к делам и оставил только то, которое относится к словам: слово *вздор* сохранилось только в значении оценки содержания речи.

Система значений слова *вздор* может быть представлена следующим образом (порядок соответствует ходу семантической эволюции):

I. 'ссора' (*сдор*):

(1) Славной поборник Аввакум протопоп, / да намеренный наставник, Никита поп, / Пречестный Лазарь и славный учитель Феодор, / Которые против нынешних нововерцов / Зачали дерзновенно *здор* (СРЯ XVIII).

II. 'ненужная вещь, мусор':

(2) Сад весь зарос как лес всяким *вздором* (СРЯ XVIII);

(3) И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, попевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный *вздор* [Н. В. Гоголь. Шинель].

⁷⁶ В Новгородской грамоте № 831 (XII в.) встречался глагол *въздирати* <на кого-то>, означающий 'придираться, начинать конфликт', что свидетельствует о древности значения 'ссора' у слова *вздор*, см. [Зализняк А. А. 2004: 302—305].

III. 'ссора без основания, из-за пустяка':

- (4) Пошел великий спор, Кому принадлежит находку эту скушать. И скучно было слушать, Какой об устрице был шум у них и *вздор* (СРЯ XVIII).

IV. 'не имеющий определенного назначения мелкий предмет':

- (5) Глафира Кировна любила и подарки, не те полновесные, которые отсчитывались у мужа в кабинете, а всякие модные безделки, шляпки, гребеночки, флакончики и прочий женский *вздор* [В. А. Соллогуб. Теменовская ярмарка (1845)];
- (6) Подушкой служат ботинки и холщовая сумка с моим имуществом — там миска с ложкой, рваная сорочка, лысая зубная щетка, раздавленная мыльница с обмылком, обломок гребня, чехол из-под бритвы, еще какой-то *вздор* [О. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)].

V. 'нелепый поступок; дурацкая ситуация':

- (7) — Да разве любовь не дело? — Нет: приятное развлечение, только не нужно слишком предаваться ему, а то выйдет *вздор* [И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)];
- (8) Куда под конец денутся мелочные угождения, беспрестанная внимательность, жажда быть вместе, слезы, восторги — все эти *вздоры*? [И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)].

VI. 'ничтожное, не стоящее упоминания обстоятельство':

- (9) Ах, ma chère, о каком *вздоре* они говорили [= ничтожный, не стоящий обсуждения предмет]. Они говорили о том, как одна дама в танцах вместо одной какой-то фигуры сделала другую; также, что какой-то Бобов был очень похож в своем жабо на аиста и чуть было не упал; что какая-то Лидина воображает, что у ней голубые глаза, между тем как они зеленые, — и тому подобное. «Куда ж, — подумала я сама в себе, — если сравнить камерюнкера с Трезором!» Небо! какая разница! [Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего]

VII. Высказывание или последовательность высказываний, не имеющих ценности. Здесь можно различить два варианта: (а) не стоящее произнесения высказывание, т. е. высказывание глупое, бессмысленное или о ничтожном предмете; (б) ложное высказывание или высказывание о несуществующем предмете. Эти два варианта могут быть объединены формулой: высказывание (или множество высказываний) о ничтожном или несуществующем предмете, глупое, бессмысленное или ложное.

Специально обратим внимание на характер сходства употреблений типа VII.a и типа VI, ср.: *о каком вздоре они говорили* = 'о каких ничтожных предметах говорили' и *какой вздор они говорили* = 'какие глупые (бессмысленные) высказывания они делали'. Разница здесь — между предметом и высказыванием об этом предмете, т. е. опять между «словом» и «делом», и эта граница очень легко проницаема, ср. объединение (не создающее каламбура) этих двух типов употребления в следующем примере:

- (10) Все, что он *делал* и *говорил* сам, казалось ему такую фальшью и ложью, таким ненужным и приторным *вздором*. ... а то, что надо делать, к чему надо стремиться, — неизвестно где, недоступно, за десятью замками, зарыто в преисподнюю [И. С. Тургенев. Новь (1877)].

VII.a:

- (11) Он говорил с нею то, что обыкновенно говорят в свете, всякий *вздор*, но *вздор*, которому он невольно придавал особенный для нее смысл [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)].

VII.b:

- (12) «Такое бессмертие мне не нужно». А какое же в таком случае нужно? И вообще, верил ли он в него, в бессмертие? Бунин вспоминает, что он *называл его вздором* [= утверждал, что его не существует] и брался доказать это, как дважды два — четыре. Но в другой раз говорил нечто прямо противоположное. «Ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертие — факт...» [Р. Киреев. Чехов. Посещение Бога (2004)];
- (13) Что нам выгоднее: когда знают о нас правду или когда говорят о нас *вздор*? [= неправду] [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Сентябрь—ноябрь 1877 года (1877)].

Здесь характерно противопоставление *вздор* — *факт* и *вздор* — *правда*. Ср. также несколько устаревшее противопоставление *вздор* — *дело* (ср.: *дело говоришь, дельная вещь*) в примере (114).

- (14) [Пр и я т а:] Анюта *вздор* несет! [А н ю т а:] Нет, *дело*, а не *вздор* (СРЯ XVIII).

Сюда примыкает употребление, иллюстрируемое следующей группой примеров:

- (15) Как сейчас помню, что в начале 1800-х годов Дмитрий Александрович читал однажды газеты, остановился, да и говорит мне: «Представь себе, какой *вздор* печатают: будто в Америке англичане хотят устроить дорогу, по которой будут ездить без лошадей, а посредством силы паров: это значит, как в сказке будет ковер-самолет» [Д. Д. Благово. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово (1877—1880)];
- (16) Он считал переделку экономических условий *вздором*, но он всегда чувствовал несправедливость своего избытка в сравнении с бедностью народа и теперь решил про себя, что, для того чтобы чувствовать себя вполне правым, он, хотя прежде много работал и не роскошно жил, теперь будет еще больше работать и еще меньше будет позволять себе роскоши [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)];
- (17) Лиза, у меня не было друга, да и смотрю я на эту идею как на *вздор*; но с тобой не *вздор*... Хочешь, станем друзьями? [Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)]

VIII. Значение, реализующееся в ответной реплике в диалоге либо в асерции любой диалогической реплики (в отличие от предыдущего, дескриптивного типа употребления): (а) = ‘Я не хочу принимать во внимание твое мнение’; (b) = ‘Неправда’:

VIII.a [= ‘я не хочу принимать во внимание твое мнение’]:

- (18) Бабушка. [...] Я все умею, господин советник. Есть люди, которые говорят, что у меня золотые руки, господин советник.
Советник. *Вздор* [= ‘утверждение неинтересно и нерелевантно, не стоит внимания’]. Начнем с начала. Вы, может быть, не знаете, кто я такой (Е. Шварц. Снежная королева).

VIII.b [= ‘неправда’]:

- (19) — Лошадей! — А где их взять? все в разгоне. — *Вздор!* Это разве не лошади? (СРЯ XVIII);
- (20) — Где? — Там. .. у одного знакомого. — Да *вздор*, не обедал [А. А. Григорьев. Человек будущего (1845)];
- (21) — Конечно, его ребенок, его собственный-с, от mademoiselle Лидии Ахмаковой. ... [...] — Что за *вздор*, что за дичь! У него никогда не было ребенка от Ахмаковой! [Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)];
- (22) А что Федора вам насажала на меня, так все это *вздор*; вы ей скажите, что она нагала, непременно скажите ей, сплетнице! Я нового вицмундира совсем не продавал [Ф. М. Достоевский. Бедные люди (1846)];
- (23) Я сказал, что это происшествие меня не смутило; это — неправда, это *вздор* [И. С. Тургенев. *Новь* (1877)];

- (24) *Вздор*, что старики словоохотливы, они не пред всяким выговорятся [В. Крупин. Выбранные места из дневников 70-х годов // «Наш современник», 2004].

Значения VIII.a и VIII.b могут совмещаться — ср. пример (25), где нельзя сказать, отец не верит, что у девочки болит голова, или считает, что это несущественно:

- (25) — Лиза, Иван Васильич, почивает, — отвечала жена, — уже более двух часов, как няня уложила ее в постельку. .. У нее, у бедняжки, целый день болела головка. .. — *Вздор!* принести ее сюда! [И. И. Панаев. Барышня (1844)]

Модель семантической деривации слова *вздор* может быть представлена следующим образом:

- (I) ‘ссора’ (*сдор*) + (II) ‘ненужная вещь, мусор’ (*вздор*)
 → (III) ‘ссора без основания, из-за пустяка’ (замена *с-* на *вз-*)
 → ‘пустяк’:
 (IV) ‘мелкий или ненужный предмет’
 (V) ‘нелепый поступок’
 (VI) ‘ничтожное, не стоящее упоминания обстоятельство’
 (VII) ‘совокупность глупых, бессмысленных или ложных высказываний’ (дескриптивное употребление): *нести всякий вздор*
 (VIII) ‘глупое, бессмысленное или ложное высказывание’ (реплика в диалоге): — *Вздор!*

Таким образом, финальным этапом семантической деривации является значение верифицируемого ложного мнения⁷⁷, т. е. здесь отчетливо проступает эволюция от «дела» к «слову». В XVIII в. значение ложного мнения (диалогическое) было периферийным, а к середине XIX в. оно становится центральным. В современном языке имеются лишь употребления VII и VIII; в XIX в. были актуальны также значения (IV—VI) (которые сохранились в качестве периферийных и в XX в.)

Слово *вздор* является мощным орудием словесной войны. В пьесе Е. Шварца «Снежная королева» диалог Советника с бабушкой целиком построен на том, что Советник говорит «Вздор!» в ответ на высказывания разного рода (касающиеся как устройства мира, так и конкретных фактов); эта реплика во всех случаях используется как средство недифференцированной низкой тимеологической (согласно [Пеньковский 2004]) оценки и служит для утверждения говорящим своего превосходства и подчинения окружающих его воле (такая капризная авторитарность, не терпящая возражения). Поэтому когда Советник все-таки проигрывает спор, он говорит «Да ведь это бунт» — поскольку цель подчинения, которую преследовала реплика «Вздор!», не достигнута.

Советник. [...] И так, повторяю: вам повезло, хозяйка. Вы бедны?

Бабушка. И да и нет. Деньгами — небогата. А...

Советник. А остальное — *вздор*. [= ‘не имеет значения’] Перейдем к делу. Я узнал, что у вас среди зимы расцвел розовый куст. Я покупаю его.

Бабушка. Но он не продается.

Советник. *Вздор*. [= ‘неверно’: *не продается* значит ‘не может быть так, чтобы он был продан’; Советник отрицает это частное утверждение]

Бабушка. Уверю вас. Этот куст все равно что подарок. А подарки не продаются.

⁷⁷ Ср. структуру полисемии слова *напрасно*, где реализуется аналогичный путь семантической деривации: от идеи пустого, бессмысленного, неэффективного (*напрасный труд*) к идее ложного мнения (*напрасно ты так думаешь* = ‘это неверно’, см. [Зализняк 1990а] или раздел II.3.3).

- Советник. *Вздор*. [отвергает данное общее суждение: оно не стоит рассмотрения в силу своей ничтожности]
- Бабушка. Поверьте мне! Наш друг, студент-Сказочник, учитель моих ребятишек, уж так ухаживал за этим кустом! Перекапывал его, посыпал землю какими-то порошками, даже пел ему песни.
- Советник. *Вздор*. [одновременно: ‘пустое занятие петь песни цветку’ и ‘это ложь, такого не было’.]
- [...]
- Советник. ... И сто мало? Ну хорошо — двести. Этого на целый год хватит и вам и этим гадким детям.
- Бабушка. Это очень хорошие дети.
- Советник. *Вздор*. [одновременно: ‘неправда, что это хорошие дети’ и ‘ваш аргумент ничтожен’] Вы подумайте только: двести талеров за самый обыкновенный розовый куст!
- Бабушка. Это не обыкновенный куст, господин советник. Сначала на ветках его появились бутоны, совсем еще маленькие, бледные, с розовыми носиками. Потом они развернулись, расцвели, и вот цветут, цветут и не отцветают. За окном зима, господин советник, а у нас лето.
- Советник. *Вздор*. [прочитывает последнее высказывание как верифицируемое и утверждает его ложность] Если бы сейчас было лето, лед поднялся бы в цене.
- Бабушка. Эти розы — наша радость, господин советник.
- Советник. *Вздор, вздор, вздор!* Деньги — вот это радость. Я вам предлагаю деньги, слышите — деньги? [...]
- Бабушка. Господин советник, есть вещи более сильные, чем деньги.
- Советник. Да ведь это бунт!

Итак, слово *вздор* имеет два разных истока: ‘ссора’ и ‘мусор’ (→ ‘ненужная вещь. бессмыслица, небылица’). При этом существительное *вздор* первое значение утратило, а в прилагательном *вздорный* остались оба. *Вздорный* означает: 1) склонный к ссорам (беспричинным взрывам эмоций несогласия, вражды): *вздорная женщина, вздорный старик, вздорный характер*; 2) дурацкий, ерундовый, ложный: *вздорная мысль* (= ‘неправильная, не имеющая оснований’); ср.:

- (26) Майора ужаснула мысль, что вода отравлена, но тут же, по свойственной ему логике мышления, он отогнал эту мысль как *вздорную*: откуда у старика яд, и потом он так спокойно ведет себя [Вадим Кожевников. Щит и меч (1968)];
- (27) — А теперь, — окровенность за окровенность. Стрельников, о котором вы рассказывали, это муж мой Паша, Павел Павлович Антипов, которого я ездила разыскивать на фронт, и в мнимую смерть которого с такою правотою отказывалась верить. — Я не поражен и подготовлен. Я слышал эту басню и считаю ее *вздорной*. Оттого-то я и забылся до такой степени, что со всей свободой и неосторожностью говорил с вами о нем, точно этих толков не существует. Но эти слухи бессмыслица. Я видел этого человека [Б. Пастернак. Доктор Живаго (1945—1955)].

Следующий пример интересен в том отношении, что одно значение как бы притягивает к себе другое:

- (28) Это была *вздорная* женщина, которая, как он выразился, прожила свою жизнь, задумавшись раз навсегда о какой-то *ерунде*, затем влюбилась в него, и это заполнило все ее существование [Г. Газданов. Призрак Александра Вольфа (1947)].

Слово *вздор* в современном русском языке является уходящим. По данным Национального корпуса русского языка, в настоящее время его частотность по сравнению с серединой XIX в. уменьшилась примерно в 50 раз. Приведем цифры по десятилетиям (в скобках указана частотность из расчета на миллион словоупотреблений):

с 1840 по 1849	214 на 2 млн	(= 107)
с 1850 по 1879	1056 на 11,5 млн (= 91,8)	
с 1880 по 1889	173 на 2,6 млн	(= 66,5)
с 1890 по 1899	124 на 3,6 млн	(= 34,4)
с 1900 по 1919	223 на 7,7 млн	(= 29)
с 1920 по 1939	313 на 14, 2	(= 22)
с 1940 по 1979	218 на 13,4	(= 16,3)
с 1980 по 1989	58 на 7 млн	(= 8,3)
с 1990 по 1999	107 на 19 млн	(= 5,63)
после 2000:	114 на 53 млн	(= 2,15)

Отдельный интерес представляет, на наш взгляд, статистика употребления этого слова у разных русских писателей:

Достоевский	353 на 1,9 млн (= 185,8)
Лесков	230 на 1,25 млн (= 184)
Гоголь	50 на 0,4 млн (= 125)
Толстой	87 на 2,1 млн (= 41,4)
Булгаков	11 на 0,12 млн (= 91,7)
Набоков	19 на 0,42 млн (= 45,2)
Чуковский	10 на 1,4 млн (= 7,1)
Платонов	0
Шолохов	0

8. ЛЬСТИТЬ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И АКТУАЛЬНАЯ ПОЛИСЕМИЯ*

Как известно, слово *лесть* представляет собою заимствование из древнегерманского *list* ‘хитрость, уловка’ [Фасмер, II: 487]. От этого существительного был образован глагол *льстить*, который в свою очередь оказался мотивирующим для производного имени деятеля *льстец*. Именно значения, связанные с обманом, были основными значениями указанных слов в древнерусском языке (в словаре Срезневского у существительного *лѣсть* в качестве первого значения указывается ‘обман, хитрость’, у глагола *лѣстити* первое значение — ‘обманывать’).

В современном русском языке значение обмана у всех трех слов (*лесть*, *льстить*, *льстец*) утрачено. Эти слова описывают очень специфический тип введения в заблуждение, когда некто неискренне хвалит адресата речи, с тем чтобы доставить ему удовольствие, этим вызвать к себе его расположение и получить какую-то выгоду, ср.:

- (1) Оказалось, что ты все врала, *лѣстила* мне, чтобы выманить больше денег, а вещи, мол, у меня сохраняются и можно в любое время у меня их забрать... [гуссоггоса]

Назовем это ситуацией «лести». Обратим внимание на то, что для существительных *лесть* и *льстец* использование по отношению к ситуации «лести» является единственно возможным, тогда как глагол *льстить* и его видовой коррелят *польстить* подверглись дальнейшей семантической эволюции и приобрели еще одно значение, о котором речь пойдет несколько позже.

В типичном случае *лесть* осуществляется «снизу вверх»: подчиненные *льстят* начальникам, подданные могут *льстить* властителям. Это обусловлено тем, что *льстец* надеется получить от адресата «лести» какие-то блага и тем самым в той или иной степени зависит от него. Но возможна *лесть* и со стороны того, кто не находится в «ниже» в социальной иерархии, а просто оказался в ситуативной зависимости от адресата. Прототипическая ситуация «лести» для носителей русской культуры изображена в басне Крылова «Ворона и Лисица», где преимущество Ворона, выражающееся в обладании сыром, отражено еще и в том, что она находится наверху, а Лисица внизу, и тем самым *лесть* Лисицы направлена как бы «снизу вверх».

* В основу данного раздела положена статья [Зализняк, Шмелев 2008].

С другой стороны, похвалы *льстеца* могут представлять для адресата ценность только в том случае, если адресат признает за ним достаточную компетентность, чтобы высказывать суждение. Слова ребенка, говорящего матери: «Мама, ты такая красивая, такая умная, такая хорошая! Купи мне велосипед!», могут быть описаны как *лесть* только в шутку.

Лесть может быть успешной или неуспешной. Успех *лести* состоит в том, что ее адресат принимает похвалы за чистую монету, в результате чего *льстец* получает желаемое; при этом часто адресат успешной *лести* терпит ущерб:

- (2) Любил войти в доверие, *польстить*, растрогать, а потом — обокрасть да поиздеваться...
[И. Грекова]

Если адресат идентифицировал чьи-то слова как *лесть*, то есть понял, что похвалы были неискренни, то в этом случае *лесть* не достигает цели. Поэтому задача *льстеца* — скрыть тот факт, что он *льстит*⁷⁸. В этом отношении различаются *грубая* (т. е. неприкрытая) и *тонкая лесть* (когда неискренность говорящего хорошо замаскирована).

С другой стороны, поскольку *лесть* представляет собою действие, включающее в себя обман и осуществляемое с корыстными целями, она обычно осуждается. Поэтому человек, высказывающий похвалы кому-то, от кого он тем или иным образом зависит, часто сопровождает эти похвалы уверениями в том, что они не содержат *лести* (ср. известные строки Пушкина: *Нет, я не льстец, когда царю / Хвалу свободную слагаю: Я смело чувства выражаю, / Языком сердца говорю*), — как в случае, если он на самом деле *льстит*, так и в том случае, когда он высказывает искреннюю похвалу. Различить эти два случая практически невозможно, поскольку уверения в искренности вовсе не обязательно означают, что высказываемые похвалы реально не являются *лестью*; напротив того, часто они только усиливают подозрения в неискренности; ср. комментарий Войновича по поводу девиза на гербе графа Аракчеева: *Граф Аракчеев называл себя преданным без лести, то есть льстил, однако потоньше*⁷⁹.

Наряду с рассмотренной ситуацией «лести», глагол *льстить* и его видовой коррелят *польстить* могут описывать ситуацию иного типа, которую мы назовем «польщенностью». «Польщенность» уже не включает идею обмана и вообще не соотносится с речевым действием. Соответствующее значение чаще всего реализуется в конструкции *Z льстит / польстило Y-у*, где *Z* — обстоятельство или высказывание, свидетельствующее, что некий *X*, мнение которого почему-либо важно для *Y-а*, высоко оценивает те или иные качества *Y-а*, и эта оценка приятна *Y-у*. В этом случае *Y* чувствует себя *польщенным*; *Y-у лестно*, что имеет место *Z*. Обратим внимание на то, что ни пассивное причастие *польщенный*, ни предикатив *лестно*, используемые в ситуации «польщенности», не могут соотноситься с рассмотренной выше ситуацией

⁷⁸ Поэтому невозможно перформативное употребление глагола *льстить*: выражения типа *я льщу* возможно либо в контексте *не подумай, что...*, либо при оценке собственного речевого поведения *post factum*; ср.: — *Кто говорит!* — *поспешил я ответить*, — *все бывает. Я ведь вот уверен, что тебя кто-нибудь обидел и скорей перед тобой виноваты, чем ты перед ними. Я ведь ничего из твоей истории не знаю, но такая девушка, как ты, верно, не с охоты своей сюда попадет...* — *Какая такая я девушка?* — *прошептала она едва слышно; но я расслышал. «Черт возьми, да я льщу. Это гадко. А может, и хорошо...» Она молчала* (Достоевский. Записки из подполья).

⁷⁹ В. Войнович. Преданные с лестью // «Невское время», 25.04.2003.

«лести». Более того, если *Y* распознал, что имела место *лесть*, о «польщенности» не может быть речи. Иными словами, ситуация «лести» совместима с ситуацией «польщенности» только в том случае, если адресат «лести» счел похвалу искренней и поверил ей; в этом случае он чувствует себя *польщенным* (как Ворона в басне Крылова).

Приведем примеры:

- (3) Оба мнения мне страшно *льстят* [Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Предисловие/ послесловие к «Синим стрекозам Вавилона» (1997), *ruscogroga*];
- (4) О нем заговорили печатно — это было для него новостью... Сравнение с Вандиком и Тицианом ему сильно *польстило* [Н. В. Гоголь. Портрет (1835)];
- (5) ...разнообразие занятий московских армян производило нужное впечатление: от главврачей и маршалов до народных артистов и руководителей предприятий. Перечень имен *польстил* моему пробуждающемуся армянскому самосознанию [М. Ассимилян. Москва армянская // «Столица», 1997.10.28, *ruscogroga*];
- (6) Он подсел к ней и сказал, сладко улыбаясь: — Малороссийский язык своею нежностью и приятно звучностью напоминает древнегреческий. Это *польстило* ей, и она стала рассказывать ему с чувством и убедительно, что в Гадяцком уезде у нее есть хутор, а на хуторе живет мамочка, и там такие груши, такие дыни, такие кабаки! [А. П. Чехов. Человек в футляре (1898)];
- (7) Ничто не может так *польстить* русским, как признание за ними исключительных умений и возможностей — от математической одаренности нации (один из основных предметов гордости России) до богатства ресурсов [С. Сумленный. Россия и Европа — границы в головах // «Европа», 2001.06.15, *ruscogroga*].

Это значение возможно также в конструкции *X* *польстил Y*-у *Z*-ом:

- (8) Не знаю, чем было объяснить их снисходительность: может, я *польстил* им своим восторгом [А. Битов].

В отличие от ситуации «лести», в ситуации «польщенности» эта конструкция синонимична конструкции *Z* *льстит/польстило Y*-у (ср.: *мой восторг польстил им*).

В центре ситуации «польщенности» находится субъект *Y*, который испытывает некоторые приятные ощущения, вызванные тем, что чье-то мнение (эксплицитно выраженное или выводимое из каких-то поступков или высказываний) тешит его тщеславие (ср. частотность словосочетания *льстить чьему-либо самолюбию*).

Как уже говорилось, помимо *льстить/польстить*, в ситуации «польщенности» используются пассивное причастие *польщенный* (часто в краткой форме) и предикатив *лестно*. Это, разумеется, не случайно. Как пассивное причастие, так и предикатив в конструкции с дательным падежом субъекта специализируются на передаче внутренних состояний (ср., соответственно: *огорчен, удивлен, встревожен; мне приятно, интересно, совестно, обидно* и т. п.)⁸⁰:

- (9) — Тебе это интересно? — спросила я, *польщенная* [И. Грекова];
- (10) И вот из МХАТа сообщают: Вайда намерен в собственном театре по-своему инсценировать «Петушки», и уже в 89—90-м годах сделать по «Петушкам» фильм! Веничка ответил, что он целиком полагается на его вкус и интеллект, поскольку считает его непревзойденным режиссером из живущих. Ерофееву ответили, что Вайда будет чрезвычайно *польщен* такой оценкой его творчества [Н. Шмелькова. Последние дни Венедикта Ерофеева (2002), *ruscogroga*];

⁸⁰ Обратим внимание на то, что пассивное причастие *польщенный* образовано от формального непереходного глагола *польстить* <кому>, что, скорее всего, свидетельствует о повышении статуса участника *Y* в ситуации «польщенности» (по сравнению с ситуацией «лести»).

- (11) Он протер толстые стекла очков и сказал: — А я и не знал, что моя статейка кому-то пригодилась. *Польщен*. — Что вы, товарищ профессор, кто же из зенитчиков вашего метода не знает? Мне даже на экзамене он попался [И. Грекова];
- (12) Угощают старика да наговаривают: одна надежда на тебя. Коли тебе не в силу, к кому пойти? Старик *лестно* такое слушать... [П. П. Бажов. Орлиное перо (1945)];
- (13) Солдату скорее всего будет *лестно*, если столь авторитетный командир обратится к нему в неофициальной обстановке, назовет по имени, расспросит о делах, даст хороший совет. [Д. Говорун. Формы и методы работы младших командиров по формированию у подчиненных дисциплинированности и исполнительности // «Военный вестник Юга России» (Ростов-на-Дону), 2003.10.03, guscorpora].

В каких же случаях человек бывает *польщен*? Как уже говорилось, стимулом к состоянию *быть польщенным* является чье-то высокое мнение о твоих способностях. Так, напр., *лестным* для человека может оказаться ревность со стороны «соперников», чье-то внимание к его даме, приглашение посетить престижный ресторан и т. п.:

- (14) ...уловив в этом и в тоне некую ревность, что ему опять *польстило* [А. Битов];
- (15) Внимание, оказанное его даме, очевидно, ему *польстило* [Григорович];
- (16) Так мы и жили, неплохо по советским меркам зарабатывая, пользуясь кое-какими привилегиями — домами творчества, специальной поликлиникой, оплаченным бюллетенем, недурным ведомственным рестораном, побывать в котором всем прочим гражданам было весьма *лестно* [А. Макаров. Писать или жить // «Профессионал», 1998, guscorpora].

Обычно человек бывает *польщен*, когда ему оказывают внимание. Но бывает, что внимание оскорбляет самолюбие, а *лстит* как раз его отсутствие:

- (17) Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безо всякого особенного внимания; это *польстило* ему. Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, окружали его, осыпали приветствиями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видом благосклонности, оскорбляло его самолюбие [Пушкин. Арап Петра Великого].

Следует упомянуть также о существовании некоторых «промежуточных» случаев (или «совмещения значений»). Так, в конструкции *X польстил Y-у (Z-ом)* не всегда ясно, идет ли речь о ситуации «лести» или «польщенности» из-за того, что неизвестно, был ли X искренним в своей похвале:

- (18) — А сколько вам лет? — почему-то полюбоствовал он, пристально всматриваясь в меня. — А как вы думаете? — Лет тридцать с небольшим, — *польстил* он мне. — Двадцать четвертый пойдет с августа, — огорошил я его [А. И. Левитов. Степная дорога днем (1862), guscorpora].

Здесь неизвестно, действительно ли он так оценил возраст адресата и тем самым доставил ему удовольствие ненамеренно или сделал это нарочно. Точно так же в примере (19) оборот *нельзя было лучше польстить ему, как сказав...* может пониматься двояким образом: это лучший способ доставить ему удовольствие (достичь «польщенности») или лучший способ достичь корыстных целей (при помощи «лести»).

- (19) ...он ненавидел все русское, и нельзя было лучше *польстить* ему, как сказав, что он по выговору, привычкам своим и наружности представляет совершеннейший тип француза или англичанина [Д. В. Григорович. Пахатник и бархатник (1860), guscorpora].

Несколько иной тип промежуточности представлен в высказывании *Вы мне льстите*, которое в наиболее естественном понимании означает: ‘вы преувеличиваете мои достоинства’ [Булыгина, Шмелев 1997: 187]. Иными словами, это высказывание не

содержит ни обвинения собеседника в неискренности (ситуация «лести»), ни на полученное удовольствие (ситуация «польщенности»).

Дальнейшая семантическая эволюция произошла с прилагательными *лестный* и наречиями *лестно*. Она состоит в том, что человек Y и его ощущения уходят на второй план. X *лестно отозвался* (дал *лестный отзыв*) о книге Y-а означает, что X высоко оценил книгу Y-а и говорящий считает, что если Y узнает об этом отзыве, ему будет *лестно*:

- (20) Специалисты отзываются о новом приобретении только *лестно* [«Горная промышленность», 2004, ruscorpora];
- (21) Последняя работа молодого уральского коллектива получила самые *лестные* оценки критики [«Культура», 2002.04.01, ruscorpora].

Отметим, что *лестный* и *лестно* в этом значении — это чисто оценочные слова, которые могут присоединять отрицание (*нелестно отозвался*, *нелестный отзыв*), в отличие от предикатива *лестно* (ср.: *X-у *нелестно*, что...):

- (22) Он дал весьма *нелестные* характеристики варианту армейской модернизации, который лоббируют Министерство обороны и Генеральный штаб [М. Гликин, И. Родин. Думцы обсудили с Путиным военную реформу // «Независимая газета», 2003.03.31, ruscorpora];
- (23) Все помнят, что весной прошлого года президент России весьма *нелестно* отзывался о планах правительства обеспечить стране 5—6-процентный экономический рост к 2005 году [Н. Ильина, А. Скогорева. Новая программа со старыми идеями // «Газета», 2003, ruscorpora].

Тем не менее *лестно* или *нелестно* отозваться можно не о любом объекте, а только о таком, который находится в зоне ответственности некоторого Y-а (тем самым Y устраняется из ситуации не полностью). Нельзя *лестно/нелестно отозваться* о климате в Бразилии или о вкусе купленного вчера вина, но можно — о дизайне парка или качестве вина на чьем-то приеме.

Наряду с глаголом *льстить* в русском языке существуют отчасти устаревающие приставочные производные *прельстить/прельщать*, который обозначает, в зависимости от одушевленности субъекта, контролируемое или неконтролируемое соблазнение [Булыгина, Шмелев 1997: 184], а также глагол *обольстить/обольщать*, который всегда обозначает контролируемое соблазнение. Слово *прелесть*, за исключением религиозных контекстов, утратило — по-видимому, уже в пушкинскую эпоху — свою внутреннюю форму и, соответственно, отрицательные коннотации (ср. обсуждение возникающих в связи с этим проблем при толковании строки Пушкина *Чистойшей прелести чистойший образец* в статье [Перцов 2000]).

Итак, глагол *льстить* и его производные претерпели следующую семантическую эволюцию. Первый шаг состоял в сужении идеи ‘обмана’ до его очень частного случая: намеренного преувеличения достоинств адресата речевого акта. Второй шаг — перенос акцента на фигуру адресата и приятное ощущение, доставляемое ему высокой оценкой его достоинств. Наконец, на третьем шаге субъект этого приятного ощущения также уходит в тень и центральным оказывается компонент положительной оценки.

9. ОБЩЕНИЕ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ГОСТИ VS. PARTY*

Я друзей созову, на любовь свое сердце настрою
А иначе зачем на земле этой вечной живу
(Б. Окуджава)

Let's have a party
C'mon let's have a party
When some people getting bored
Rock some more
Let's have a party tonight
(Go-Go's-Jessie Mae Robinson)

Собери друзей по-быстрому
(Круглая компания. Жевательный мармелад +
трансформер. ООО «Смешарики»)

Прием гостей — область в сильной степени ритуализованная, и естественно, что эти ритуалы в разных культурах различаются, иногда довольно существенно. Например, различны в русской и европейской культурах приоритеты той или иной иерархии в отношении обязанности (и, соответственно, права) разливать спиртные напитки: в России обычно вино наливает мужчина, независимо от того, является он хозяином или гостем, а на Западе эту функцию выполняет хозяин, независимо от того, является он мужчиной или женщиной. Незнание такого рода различий может порождать коммуникативные неудачи, но к языку это прямого отношения не имеет. С другой стороны, часто бывает так, что особенности ритуала закреплены в значении соответствующих слов и выражений (этикетные формулы и т. п.), и в этом случае слова просто оказываются вынуждены обозначать разную реальность. Однако больший интерес представляют случаи, когда реальность как будто одна и та же, а слова, ее обозначающие, вовсе не эквивалентны.

Рассмотрим следующий фрагмент реальности: люди приходят к кому-то в дом, по приглашению хозяина, возможно (но не обязательно) по какому-то поводу, там пьют и едят, разговаривают (*общаются*)⁸¹ — получая от этого удовольствие и/или выполняя таким образом свои социальные обязательства. Такой фрагмент достаточно характерен как для русско-, так и для англоязычной реальности. В английском языке это мероприятие будет без колебаний обозначено как *party* (хотя это слово может обозначать также мероприятия другого рода). Среди значений, выделяемых в Оксфорд-

* В данный раздел вошли материалы публикаций [Зализняк 2009б; 2010].

⁸⁰ О лингвоспецифичности слов *общение* и *общаться* см. раздел III.6.1.

ском словаре, имеются, в частности, следующие (нас будет интересовать второе из них, которое является производным от первого):

party [OED]:

a group of people, *esp.* one gathered together for a temporary purpose; a group of people travelling or engaged in a common activity

a gathering for social pleasure or amusement; a social gathering or entertainment, *esp.* of invited guests in a person's home.

Что же касается русского языка, то здесь удивительным образом возникает проблема. Несмотря на то, что гостеприимство является традиционной русской ценностью, а хождение в гости продолжает оставаться одним из наиболее распространенных способов проведения досуга, для обозначения этой ситуации в русском языке нет единого стилистически нейтрального общепотребительного литературного слова. Вообще разных слов существует множество: в словарях предлагается *вечеринка*, *прием*, *вечер*, *праздник*, есть также названия специальных мероприятий по какому-то поводу: *день рождения*, *свадьба*, *проводы*, *банкет*, *девичник*, *мальчишник*, а также целый ряд жаргонизмов, который постоянно пополняется: *посиделки* (низк.), *пир*, *бал* (шутл.), *сабантуй*, *междусобойчик*, *сейш(о)н*, *пьянка*, *симпозиум* и т. п. А вообще-то, как справедливо замечает Ирина Левонтина, размышляя о том, как мы обозначали это мероприятие в студенческие годы — а никак, говорили просто *собираемся*⁸². И действительно, слова нет.

Явление отсутствия в языке слова для обозначения имеющегося в культуре концепта обсуждается в книге [Попова, Стернин 2003: 23], где в качестве примера приводится отсутствие в русском языке слова для обозначения *полоски льда на тротуаре, используемой детьми для того, чтобы прокатиться*. Но это все же реалья в какой-то степени периферийная, а в нашем случае речь идет о важнейшем культурном концепте.

Хорошо известны трудности, которые возникают с переводом английского слова *party* на русский язык. Главная трудность состоит именно в том, что в русском языке для этого мероприятия нет хорошего обозначения. Что касается слова *вечеринка*, (которое приводится в словарях первым и реально довольно часто используется в переводах): как показала в той же работе Ирина Левонтина, слово *вечеринка*, еще недавно совершенно устаревшее, в последнее время возвращается в русский язык, причем именно как аналог слова *party*, т. е. как увеселительное праздничное мероприятие, проводимое, чаще всего, в офисе или в ресторане, для сотрудников одной фирмы — *корпоративная вечеринка*, или *корпоратив*. Но это — своего рода семантическое заимствование, а если иметь в виду стандартный литературный русский язык, то наиболее близким эквивалентом для англ. *party* будет слово *гости pluralia tantum*, обозначающее мероприятие. Это будет мой первый тезис.

Второй тезис будет состоять в том, что англ. *party* и русск. *гости* имеют лишь одну небольшую область пересечения, а в остальном расходятся, и эти расхождения не случайны.

⁸² См. [Левонтина 2010: 90].

Гости

Какова бы ни была причина возникновения в русском языке вышеупомянутой лакуны, факт состоит в том, что современный русский разговорный язык заполняет ее новой лексемой *гости*-мероприятие, *pluralia tantum*, которая является именно отдельной лексемой: это не множ. число от слова *гость* и не просто составная часть ряда идиом. Заметим, что для имен мероприятий очень характерна форма *pluralia tantum*: *бега, именины, выборы, переговоры, похороны, поминки, танцы*, ср. также названия игр *прятки, вышибалы* и т. п.

В современной русской лексикографии «мероприятие» выделяется как один из таксономических классов непредметных имен (см. [Paducheva 2007]). Категория «мероприятие» фигурирует также в семантической разметке Национального корпуса русского языка. Имена мероприятий обладают рядом общих свойств, в частности, для них характерна метонимическая соотнесенность с местом, что определяет их сочетаемость, например, с глаголами движения.

Слово *гости*, однако, не фигурирует ни в одном списке имен мероприятий — при том, что в нем встречаются слова *вечеринка, именины, праздник, собрание, пир* и т. п., описывающие ситуации сходного типа. Это естественно, поскольку лексема *гости* как отдельный словарный вход отсутствует в словарях русского языка. Так, например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова в статье *гость* упоминаются идиомы *идти в гости* — направляться к кому-н. в качестве гостя, *быть в гостях* — находиться у кого-н. в качестве гостя; *из гостей* — оттуда, где был в гостях. И такая трактовка правильно отражает литературную норму. То же — в МАС; в словаре Ожегова эти выражения не упоминаются.

Начнем к конструкции *пригласить кого-то в гости*, которая является в некотором смысле исходной. Она похожа на много обсуждавшуюся в литературе конструкцию *пойти в солдаты; отдать в ученики; взять в жены, в гувернантки, в помощники, в напарники; выйти в генералы; играть в дочери-матери, в казаки-разбойники* и т. д., где существительное во множ. числе представляет собой отдельную лексему *pluralia tantum* со значением социального статуса (или семиотического — в случае игр): быть солдатом, женой, генералом, «дочкой» и т. д. — и склоняется по неодушевленному типу; соответственно, форма винительного падежа совпадает с формой именительного. *Пригласить кого-то в гости* — это то же самое: придать кому-то статус гостя. Множ. число указывают здесь именно на это особое статусное значение: аналогично тому, как *взять в жены* не означает, что у человека есть еще и другие жены, *пригласить в гости* не означает, что позвали кого-то еще, т. е. что гостей будет много, это означает лишь, что данному человеку был придан статус гостя. Переход от статусного значения слова *гости* к значению мероприятия — это следующий шаг семантической деривации, который у слов *солдаты, жены, гувернантки, генералы* и т. п. отсутствует.

Словоформа *гости*, тем самым, имеет три различных значения:

(i) множ. число от слова *гость*;

(ii) *гости, pluralia tantum* (= ‘статус гостя’), только в устойчивых сочетаниях: *пригласить в гости, пойти в гости, быть в гостях, возвращаться из гостей* (то же с некоторыми другими глаголами);

(iii) *гости, pluralia tantum* (= имя мероприятия).

Путь семантической деривации здесь следующий. Исходным является выражение *пригласить (позвать) кого-то в гости*. Это чисто семиотический акт придания другому человеку статуса «гостя», со всеми вытекающими для него и для человека, его пригласившего, обязательствами. Поскольку реализация приглашения в гости означает приход в определенное место, возникает выражение *пойти в гости* и, далее, *быть в гостях* и *возвращаться из гостей*. Во всех этих выражениях, кроме исходного *пригласить в гости*, слово *гости* выполняет двоякую функцию: значение статуса (ii) и значение мероприятия (iii); за счет значения мероприятия оно имеет признак пространственной локализации. Но вообще-то, в полном соответствии с трактовкой, например, словаря Ушакова, это идиомы (только здесь имеется в виду не предметное имя *гость*, а форма мн. ч. *гости* в статусном значении).

Обсуждая данные три идиомы нельзя не упомянуть тот факт, что в древнерусском языке был, а в других славянских языках сохранился и по сей день стандартный способ обозначения страны при помощи множ. числа от названия населяющих ее жителей: *путь из варяг в греки; пошел в вятичи; в половцах, в немцах*; ср. также польск. *Włochy* ‘Италия’, *we Włoszech* ‘в Италии’. Тем самым языковая модель («конструкция») имеется, причем для всех трех аспектов: аллативного, эссивного и аблативного. Разница только в том, что *гость* — не этноним, но производное значение — то же самое: *гости* — это пространство бытования семиотических фигур, называемых *гость*.

Таким образом, слово *гости* в статусном значении (*пригласить в гости*) опирается на две конструкции, ни той ни другой полностью не следуя: в отличие от конструкции *взять в жены* здесь речь идет о кратковременном статусе, и в отличие от *поехать в греки* — о множестве людей, объединенных не этнически, а семиотически (и тоже временно).

Новое явление, которое имеет место в современном разговорном языке, связано с экспансией значения мероприятия, которое выходит за рамки перечисленных трех идиом. Из этих идиом как бы «извлекается» слово *гости* как существительное, обозначающее мероприятие, которое локализовано в пространстве и во времени, и соответственно расширяется его сочетаемость. А именно, в разговорном языке слово *гости* в значении мероприятия реализуется уже «в чистом виде», без значения статуса; помимо усиления компонента пространственной локализации, здесь появляется также и временная составляющая. *Гости* в значении (iii) — это мероприятие, которое происходит в определенном месте в течение определенного времени, кроме того, оно занимает определенную точку на временной оси по отношению к другим событиям. При этом слово *гости* здесь может обозначать как поход в гости, так и прием гостей. Соответственно, оказываются возможны выражения:

вчерашние гости, завтрашние гости (= ‘мероприятие, которое мы посещали вчера / посетим завтра или: ...которое имело место у нас вчера / будет происходить завтра’);

следующие гости; первые, вторые, третьи гости;

поздние гости (= ‘наше пребывание в гостях / пребывание гостей у нас началось или закончилось поздно’);

короткие, долгие гости (= ‘наше пребывание в гостях / пребывание гостей у нас было коротким, долгим’);

*до гостей, после гостей, между двумя гостями*⁸³;

двое, трое гостей;

и т. п.

Приведем примеры реализации обсуждаемого значения⁸⁴:

- (1) Приезжий из Советского Союза возвращался поздно *из очередных гостей* [В. Войнович. Дело № 34840 (1999)];
- (2) Возвращался *из поздних гостей*, где провел много часов и напился [В. Маканин. Сюр в Пролетарском районе (1990)];
- (3) Сейчас чего-нибудь приготовлю быстренько, чтобы перекусить *до гостей* [М. Чулаки. Борисоглеб (1996)];
- (4) «Показать Васе или не показать? И если показать — то когда? Сейчас или *после гостей*? Нет, уж лучше после — теперь не только этот несчастный будет смешон, но и я вместе с ним». Так раздумывала княгиня Вера и не могла отвести глаз от пяти алых кровавых огней, дрожавших внутри пяти гранатов [А. И. Куприн. Гранатовый браслет (1911)];
- (5) Однако *после гостей* нужно было долго приходиться в себя и заделывать, замазывать, залеплять дыры, пробитые в бюджете семьи очередным праздником, снова «перехватывать» у сослуживцев, у соседей, у знакомых [А. Белозеров. Чайка (2001)].

В примерах (1), (2) из контекста следует, что имеется в виду поход в гости, в (5) — прием гостей; в (3) и (4) контекста данного предложения для разрешения этой неоднозначности недостаточно.

Мероприятие «гости» может также получать оценку:

- (7) *удачные, неудачные, интересные, скучные, утомительные* и т. д. *гости*.
доволен / недоволен вчерашними гостями.

В качестве имени мероприятия слово *гости* приобретает и другую сочетаемость, характерную для имен с непредметным значением, ср.:

- (8) *Из-за вчерашних гостей* я не успел дописать письмо.

Если объединить новые синтаксические возможности существительного *гости* в значении мероприятия со старыми идиомами, где мероприятие выражалось синкретично со значением статуса, то получается практически полная парадигма склонения. А именно:

Им. п.: у нас сегодня *гости*

Вин. п.: пригласить <кого-то> / пойти <к кому-то> *в гости*

Род. п.: возвращаться *из гостей*; я сделаю это *после гостей*

Дат. п.: (редко) благодаря завтрашним *гостям* у меня есть предлог отказаться от этого приглашения

Твор. п. недоволен вчерашними *гостями*

Предл. п.: *в гостях* хорошо, а дома лучше; провели три часа *в одних гостях*, потом поехали в другие

Лексема *гости*-мероприятие имеет также формы множ. числа (омонимичные с формой единственного, как у всех существительных *pluralia tantum*), по крайней мере некоторые:

⁸³ Т. е. в промежутке времени между посещением одного и другого дома, куда позвали в гости. Данное словоупотребление находится на грани нормы, и некоторыми говорящими отвергается.

⁸⁴ Из Национального корпуса русского языка.

Род. п.: из всех *гостей*, в которых мы были на прошлой неделе, мне больше всего понравилось у Шмелевых

Дат. п.: ходить *по гостям*

Твор. п. между двумя *гостями*

Например:

- (9) Единственно что очень интересное в детстве я помню / мы ходили *по гостям* вот [Воспоминания о прошлом А. Серова, Москва // М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: ИРЯ РАН, 1999].

Здесь очевидна оппозиция со значением омонимичной формы множ. ч. от существительного *гость*. Аналогичной сочетаемостью обладают такие имена мероприятий как *собрание, концерт, выставка* и т. п. Ср. также *театр* в значении ‘театральный спектакль’ (*ходить по концертам, выставкам, театрам; между двумя лекциями, собраниями, концертами*).

Слово *гости* является нетипичным именем мероприятия, в частности потому, что имена мероприятий в аллативном и эссивном значении управляются предлогом *на*: *на именины / на именинах, на выборы / на выборах, на танцы / на танцах, на вечеринку / на вечеринке, на лекцию / на лекции* и т. д. В аблативном значении используется предлог *с*: *с дня рождения, с танцев, с вечеринки, с лекции*. Пара предлогов *в* — из характерна для имен мест, концептуализуемых как контейнер: *в дом / в доме — из дома, в ресторан / в ресторане — из ресторана, в квартиру / в квартире — из квартиры* и т. д. Т. е. *гости* как имя мероприятия пользуется той моделью управления, как если бы это было «место, куда позвали в гости» (а таковым местом всегда является дом хозяина, место, где он живет, см. ниже). Метонимическая соотнесенность слова *гости* с домом (квартирой, жилищем, помещением) наиболее ясно обнаруживает себя в употреблении типа следующих:

- (10) Казимир решил не медлить и раненько *вышел из гостей* поймать на вкус мокрое утро [Д. Симонова. Случайное сердце (2002)];
- (11) Прочитав эти строки, я вдруг вспомнил, как в конце 60-х в моем родном Питере, где-то на Таврической улице около двенадцати ночи Игорь, *выйдя* вместе со мной *из гостей*, прыгал по тротуару на одной ноге, громко распевая песню [А. Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)];
- (12) У самого синего моря, в Севастополе, команда умной молодежи вцепилась в любимого барда — до самой ночи. Ну, и мне перепало от того тепла и от песен, юмора, еды, питья, а под утро — и гнева за то, что *тянул Юру из гостей на улицу*, в машину [В. Смехов. Театр моей памяти (2001)];
- (13) Последний раз его таким образом выпроваживали *из гостей* лет двадцать назад... [Л. Юзефович. Костюм Арлекина (2001)];
- (14) И звонят они только *из гостей*, чтоб на автоматы не тратиться [М. Веллер. Хочу в Париж (1990)].

Слово *гости* как форма мн. числа от *гость* (значение (i)) и как *гости*-мероприятие (значение (iii)) могут быть отчетливо противопоставлены, ср., соответственно, (15) и (16—18):

(15) Хозяин должен приступить к еде *после гостей*;

(16) Я допишу письмо *после гостей*;

(17) *После* вчерашних *гостей* у меня осталось странное ощущение;

- (18) ...исключение составляли Новый год и дни рождения, когда вертелись всякие салаты — обязательный оливье, лосось из банки с рисом и майонезом, свекла с чесноком, печень трески с яйцом и луком, и было очень здорово наутро *после гостей* залезть в холодильник и приобщиться ко вчерашнему взрослому празднику [А. Макаревич. «Сам овца». Автобиографическая проза (2000—2001)].

Однако возможны и случаи синкретизма, ср.:

- (19) *После вчерашних гостей* осталось много недопитого вина;
 (20) Потом стал допивать из случайных бутылок, которые остались *после гостей* [Ф. Искандер. Муки совести, или Байская кровать];
 (21) Стол на кухне был оставлен с вечера неубранным: грязные тарелки *после гостей*, остатки чего-то в кастрюле, на блюде, в вазочке [А. Найман, Галина Наринская. Процесс еды и беседы. 100 кулинарных и интеллектуальных рецептов // «Октябрь», 2003].

Отметим еще одну важную особенность слова *гости*. Гости и хозяева — это участники одного семиотического акта, их функции различны (в чем-то противоположны, ср. *не надо мне помогать, ты в гостях*), но в чем-то и сходны: оба поддерживают единое семиотическое действие. Именно это обеспечивает возможность полисемии ‘гость’ — ‘хозяин’, которая имеет место, например, во франц. слове *hôte*. Гость и хозяин — это участники одного социального акта, как *покупать* — *продавать*, *брать в долг* — *давать в долг*, *нанимать* — *сдавать в наем*, которые часто обозначаются одним словом или производными от одного слова, как в русском *одолжить*; *купец* ‘тот, кто продает’ (от *купить*), нем. *mieten* ‘снимать / нанимать’ — *vermieten* ‘сдавать в наем’, *kaufen* ‘покупать’ — *verkaufen* ‘продавать’ (ср. [Шмелев 2009]). В этом ряду оказывается и слово *гости*, *pluralia tantum*, которое обозначает мероприятие, где человек либо сам является *гостем*, либо принимает других в качестве *гостей*.

Gosti vs. party

Итак, лексема *гости pluralia tantum* может служить в русском языке обозначением того же мероприятия, что и англ. *party*. Приведу примеры такой эквивалентности из подкорпуса параллельных текстов НКРЯ:

- (22) What? Did we have a wild *party* or something? Feel like I've a hangover [R. Bradbury. Fahrenheit 451].
 — А что такое? У нас были *гости*? Я сегодня словно с похмелья;
 (23) And he rubbed his big frog-like hands together as if he were talking of *going to a party* or a pantomime [Clive Staples Lewis. The Chronicles of Narnia. The Silver Chair].
 Он потер свои лягушачьи лапы, словно речь шла о поездке в театр или *в гости*;
 (24) When Harris is *at a party*, and is asked to sing, he replies... [Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat (To Say Nothing Of The Dog)].
 Когда Гаррис бывает *в гостях* и его просят спеть, он отвечает...;
 (25) Then they went back to the Tower with red, shiny faces, like people who have been given an extra good wash before *a party* [Clive Staples Lewis. The Chronicles of Narnia. The Last Battle].
 Они вернулись назад к башне с раскрасневшимися сверкающими лицами, у них был такой вид, словно они специально вымылись перед тем, как идти *в гости*.

Теперь, когда я показала, что в русском языке есть отдельная лексема *гости-мероприятие*, которая является наиболее точным эквивалентом слова *party*, перейду ко второму своему тезису и покажу, какие между этими словами имеются различия и как они вписываются в некоторую общую картину.

В центре концепта, заключенного в слове *party*, находится идея приятного проведения времени в компании, отношения между членами которой равноправны, т. е. он построен на «горизонтальных» связях. Между тем концепт *гости* устанавливает иерархическое «вертикальное» отношение «хозяин — гость». Это соотношение отражает обсуждавшиеся в литературе различия стилей коммуникации: английский — личностно-ориентированный, соблюдающий горизонтальную дистанцию в отличие от русского, статусно-ориентированного, соблюдающего вертикальную дистанцию (ср. [Ларина 2009: 49]).

Для концепта *гости* существенно, что прием и угощение происходят у *кого-то дома*, там, где данный человек *живет*⁸⁵. Этот же смысловой компонент имеется в прилагательном *гостеприимный* [Левонтина 2004а: 234]. Поэтому никакое мероприятие, проводимое в офисе, в ресторане, в парке или на теплоходе, т. е. *ни в чьем доме* (даже кем-то одним устроенное и оплаченное) не может называться *гости*, хотя безусловно относится к категории *party*. При этом для англ. слова *party* противопоставление «у кого-то дома» и «не дома» несущественно.

Интересно, что это различие довольно точно соответствует различию внутренней формы обсуждаемых слов английского и русского языка. *Party* — это исходно «компания», т. е. обсуждаемое значение возникло в результате метонимического переноса: «то, что имеет место, когда собирается компания» (не важно где, собираются вместе, чтобы приятно провести время и при этом все между собой равны). *Гости* обозначает семиотически нагруженное иерархическое отношение, предполагающее определенное распределение ролей между хозяином дома и гостем. *Party* — это когда люди собираются чтобы «to do fun things» (ср. компонент ‘I want to do fun things with this person’ в толковании англ. *friend* в [Wierzbicka 1997: 40]), ср. также приведенную выше дефиницию из Оксфордского словаря «a gathering for social pleasure or amusement» и типичные примеры вроде *We had a good time at the party*. Фраза *Let's have a party* (устойчивое сочетание и название нескольких популярных песен) — это предложение получить удовольствие от некоторого рода совместного времяпрепровождения: обычно оно включает еду, выпивание алкогольных или иных напитков, слушание музыки — но не, например, прогулку на яхте или партию в гольф); эту фразу трудно перевести, со словом *гости* — невозможно. *Давайте позовем гостей* или *пойдем к кому-нибудь в гости* не годится, потому что англ. фраза обращена к самим участникам предполагаемой *party*. Слово *собираемся* (у *такого-то*), которое в некоторых случаях наиболее точно передает значение, в данном контексте тоже не годится.

Для мероприятия *гости* получение удовольствия — это не обязательная и безусловно не главная составляющая: в гости ходят, прежде всего, чтобы *пообщаться* и/или осуществить ритуал. Ритуальная составляющая в слове *гости* обнаруживает себя, в частности, в устойчивом обороте *не в гости, а так*. Ср.⁸⁶:

- (26) В свободное время иногда заезжаю к подружке, ну это *не в гости, а так* поболтать, на кофе...
- (27) ... заглядывайте почаще. *Не в гости, а так...* Чаю попить, поболтать, обсудить какие-нибудь интересные, подарок кому-нибудь сделать, приготовить роллы, сангрию, глинтвейн, потому что хочется *пообщаться*...

⁸⁵ Обратим внимание, что сходное ограничение имеется у слова *быт*, см. [Зализняк, Шмелев 2004].

⁸⁶ Примеры найдены при помощи поисковой системы Яндекс.

- (28) Я однажды пришла *в гости* к родственнице, ну *не в гости, а так*, пробегая заглянула, она мне дверь открыла...
- (29) Сегодня заходила мама, даже *не в гости, а так* на пару слов.
...бывает, но скорее *не в гости — а так*, забежать детей привести-передать или что-то такое. *В гости* могу зайти на его ДР или на НГ на недолго.

Из трех идиом *в гости*, *в гостях* и *из гостей* лишь в последней существительное имеет обсуждаемое здесь значение мероприятия в чистом виде (а предлог — пространственное значение: из того дома, где был «в гостях»). В выражениях *в гости* и *в гостях* сохраняется статусное значение, и это определяет ряд особенностей их употребления, причем здесь существенно наличие / отсутствие детерминанта (*к кому / у кого*).

Так, *в гости к кому-то* (с обязательным упоминанием хозяина) слово *гости* не обязательно указывает на некоторое организованное мероприятие. Если я еду к своей подруге, имея в виду провести с ней вечер в дружеской беседе с глазу на глаз, я могу сказать *Я сегодня иду в гости к Маше*, в этом случае *в гости* означает лишь, что мой визит не имеет никаких целей, кроме собственно *общения*, и что эта встреча происходит у нее *дома*. Ср. также: *Здесь рядом живет моя подруга, давай сейчас зайдем к ней в гости, я тебя познакомлю*. Сочетание *в гости к Маше* в таких контекстах означает практически то же, что просто *к Маше*, ритуальная составляющая здесь ослаблена и присутствует в несколько иной форме: человек, пришедший в чужой дом, является там *гостем*. По-английски говорят в этом случае *go to see somebody*; слово естественно, слово здесь неуместно. Ср.:

- (30) He thinks she goes *to see her sister in* New York [F. Scott Fitzgerald. The Great Gatsby].
Считается, что она ездит в Нью-Йорк *к сестре в гости*.
- (31) — Вот барин наш *к нам в гости* зашел, — сказал старик [Л. Н. Толстой. Воскресенье].
«Here is our master *come to see us*», said the old man.

Диапазон употребления выражения *в гостях у кого-то* можно наблюдать на следующих двух примерах: в (32) речь идет о организованных многолюдных приемах с разнообразными увеселениями, в (33) *в гостях* значит просто «не у себя дома» (что в частности следует из значения и более широкого контекста английской фразы):

- (32) It was the first time he had called on me, though I had gone to two of *his parties*... [F. Scott Fitzgerald. The Great Gatsby].
Это было в конце июля, я уже два раза побывал у *Гэтсби в гостях*, ...но он ко мне еще не заглядывал ни разу.
- (33) I want to *see her right next door* [F. Scott Fitzgerald. The Great Gatsby].
Я хочу просто *увидеться с ней в гостях у соседа*.

Конструкции *в гости* и *в гостях* без дополнения имеет другие особенности. *В гостях* может значить просто «не дома» (т. е. в чем-то другом доме или в ресторане — например, если идет речь об ужине); *party* в таких контекстах, естественно, не может быть употреблено, ср.:

- (34) Now, Mr. and Mrs. Sowerberry having *gone out to tea and supper*... [Ch. Dickens. Oliver Twist].
Мистер и миссис Сауербери *пили чай и ужинали в гостях*.

Фраза *Я иду в гости, я буду в гостях, я сейчас в гостях* (сказанная, например, по мобильному телефону) означает «Я не дома», с теми или иными импликациями: не могу выполнить какую-то просьбу, неудобно говорить и т. п. Семиотически ситуация

«в гостях» в разных отношениях противопоставлена ситуации «дома», здесь у человека другие права и обязанности. Так, можно сказать *Не надо мне помогать, ты в гостях* или наоборот (своему ребенку, например): *Это неприлично, ты же в гостях*. Интересно, что выражение *не в гостях, а так* помимо упоминавшегося выше относительно конвенционализованного значения отсутствия организованного мероприятия (см. примеры (26—29)) окказионально может приобретать также значение «дома», ср.:

- (35) А я как-то не понимаю, чего хорошего в колготках, ну, если *не в гостях, а так* для дома, мне ползунки больше нравятся. Мне кажется ребенку в них комфортно и свободно, ну, как у нас домашняя одежда обычно свободная, спортивная там.

В гости и *в гостях* может обозначать, кроме того, длительное проживание в чьем-то доме в качестве *гостя*; ср. имеющий именно это значение несколько устаревший глагол *гостить*.

Различия между англ. *party*, и русск. *гости* могут быть суммированы в форме следующей таблицы⁸⁷:

	<i>party</i>	<i>гости</i>
1. организованное мероприятие	+	+
2. в чьем-то доме	–	+
3. присутствие приглашенных / посторонних	–	+
4. получение удовольствия	+	–

Пояснения к таблице:

1. Обязательно ли наличие организованного мероприятия?
2. Обязательно ли встреча происходит в чьем-то доме?
3. Обязательно ли наличие приглашенных / посторонних?
4. Является ли главной целью получение удовольствия?

⁸⁷ Особые значения идиом *в гости* и *в гостях* не учитываются.

10. РУССКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

В отличие от имен многих других внутренних состояний (таких как *страх, гнев, радость, счастье, сожаление, сомнение, подозрение, тоска*), которым посвящена целая серия монографических описаний, слово *разочарование*, будучи обозначением не менее важного чувства, похоже, вообще не проанализировано: соответствующей статьи нет в Толково-комбинаторном словаре [Мельчук, Жолковский 1984], в книге [Виноградов 1994], в словаре [Черных 1994], и нам неизвестно ни одно специальное лингвистическое исследование на эту тему; мы располагаем лишь толкованием, предложенным в известной работе [Иорданская 1970]. Между тем существительное *разочарование*, также как и глаголы *разочаровать* и *разочароваться*, не говоря о культурной значимости заключенного в них концепта, представляют исключительный интерес в разных отношениях.

В значении предикатов, описывающих эмоции, обычно выделяют два основных компонента, характеризующих установку субъекта по отношению к ситуации-объекту: оценка этой ситуации по шкале «хорошо — плохо» и оценка ее по признаку существования / вероятности — см. [Wierzbicka 1969: 108; Иорданская 1970; Wierzbicka 1972: 60—64; Зализняк 1983; 1992; Searle 1983; Goddard 1998: 89]; ср. также компоненты «something good happened» и «something bad happened» в толковании имен эмоций в [Wierzbicka 1999]. (Эта традиция восходит к исследованиям природы эмоциональных состояний в трудах Лейбница, Спинозы и Декарта.) При этом многие «имена чувств» имеют значения, где центральным является оценочный компонент, и такие, где главной оказывается оценка вероятности (ср. [Зализняк 1983; Iordanskaja, Mel'čuk 1990; Зализняк 1992] о глаголах *бояться, надеяться* и *ждать*). Как мы увидим дальше, в значении слов, описывающих разочарование, присутствует та же вариативность: имеется класс употреблений, который ставит в центр экзистенциальный компонент ('X считал, что нечто хорошее произойдет/имеет место, а оно не произошло/не имеет места'), и другой, где центральным оказывается оценочный ('раньше X оценивал нечто хорошо, а теперь — плохо').

* Впервые опубликовано: [Зализняк, Шмелев 2012].

Начнем с того, что слово *разочарование* является прозрачной морфологической калькой с французского *désenchantement*, и, очевидно, изначально представляет собой результат импорта важнейшего европейского культурного концепта эпохи романтизма. По данным Национального корпуса русского языка, слова *разочарование*, *разочарованный*, *разочаровать* появляются в начале XIX века, причем до 1830 г. это буквально считанные примеры.

Далее, на протяжении XIX—XX вв. сформировался современный «общевропейский» концепт, соответствующий значению слов англ. *disappointment*, франц. *déception*, нем. *Enttäuschung* и др., обозначающих своего рода чувство обманутого ожидания. Что же касается русского слова *разочарование*, то оно в большей степени сохранило первоначальное значение, отсылающее, в соответствии с его внутренней формой, к идее предшествующего «очарования» и выражаемое наиболее явно в конструкции *разочарование*, *разочаровался*, *разочарован* <в ком / в чем>. Однако, поскольку граница между упомянутыми вариантами значения легко проницаема, русское слово *разочарование* взяло на себя функцию переводного эквивалента для европейских слов: англ. *disappointment*, франц. *déception*, нем. *Enttäuschung* и др., что отражается как в соответствующих двуязычных словарях, так и в практике перевода. В каких-то случаях такая эквивалентность действительно имеет место, однако в других — вызывает сомнения (ниже будут специально рассмотрены случаи последнего типа).

Завершающий этап этой истории состоит в том, что сегодня русское слово *разочарование*, и в особенности глагол *разочаровать*, стали утрачивать свою специфичность, т. е. приобрели возможность употребления, сходного с англ. *disappointment*, *to disappoint*. Как в звучащей речи вокруг нас, так и в Интернете, нам все чаще приходится сталкиваться с такими употреблениями, которые выходят за грань прежней нормы и вызывают подозрение в том, что являются калькированными.

Прежде чем перейти к семантическому анализу, приведем примеры употребления глагола *разочаровать*, соответствующего старой норме и отклоняющегося от нее. Носителем «общевропейского» концепта разочарования *par excellence* мы будем считать англ. глагол *to disappoint* (мы также будем обращаться к близким по значению, хотя и, естественно, не полностью совпадающим, словам нем. *enttäuschen* и франц. *decevoir*).

То, что мы называем старой нормой, или «образцовым» разочарованием, может быть проиллюстрировано следующими примерами:

Глебов был разочарован: он считал пса грозным и смелым, а тот вел себя как трусишка [Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976)]⁸⁸;

Знаете ли, Владлен, я тоже очень любил Смоктуновского в «Идиоте». Но посмотрел «Царя Федора» и разочаровался в нем [В. Давыдов. Театр моей мечты (2004)];

...лучше было на ялтинском берегу воображать неаполитанскую ночь — тем более что неаполитанская при ближайшем рассмотрении могла оттолкнуть и разочаровать, как разочаровал его когда-то Париж [Д. Быков. Орфография (2002)].

Употребление, отклоняющееся от старой нормы, может быть проиллюстрировано следующими примерами. Их по крайней мере два класса: (I) употребление в

⁸⁸ Здесь и далее примеры со ссылками, как правило, взяты из Национального корпуса русского языка, прочие — по большей части найдены в Интернете при помощи поисковых систем Яндекс и Google.

контексте событийного имени или придаточного с *что* и (II) употребление глагола в несов. виде в стативном значении.

I. Употребление в контексте событийного имени:

Он был *разочарован ее отказом*;

Она была *разочарована его женитьбой*;

Он был *разочарован рождением дочери*;

За выходные он убедил себя, что предстоит женитьба, и теперь был почти *разочарован ее отказом* (*почти разочарован* \cong *почти огорчен*);

Он был так *разочарован ее отказом* надеть красивое платье, что она в конце концов сми-
лостивилась (*так разочарован* \cong *так сильно огорчен*);

Похоже, он не слишком *разочарован ее замужеством*!

Ср. примеры аналогичного употребления англ. *disappointed*:

I said I was *disappointed by his refusal*. He said, 'You can't always get what you want';

Eager to show the world that she was not *disappointed by his departure*, and apparently in a pique, she accepted a proposal of marriage from John Marshall...;

Fully expecting to receive an offer of marriage from Onassis, she was then bitterly *disappointed by his marriage* to Jacqueline Kennedy.

Далее (конструкция с изъяснительным придаточным):

Игра была отличной, но я очень *разочарован, что* не был засчитан первый гол;

Ей-богу, он был *разочарован, что* приехал я, а не вы... [В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный (2000)];

Эрвин был завидным женихом, и многие женщины были *разочарованы, что* место рядом с ним оказалось занято мной.

Ср. примеры аналогичного употребления англ. *disappointed that*:

Spanish official *disappointed that* Obama will not attend EU-US summit.

Foreign Trade Minister Fientje Moerman said that she was *disappointed that* the Conference, which «had so many hopes riding on it, ended in failure for everyone».

II. Употребление глагола в несов. виде в стативном значении:

Почему ты так коротко отвечаешь на мои письма? *Это разочаровывает* и огорчает;

А когда вы ведете себя как маменькины сыночки — *это разочаровывает... и* вся любовь может перерасти в презрение...;

Вопрос: Что вас *разочаровывает* в мужчинах? Ответы: Ложь; Холодность, отчуждение, равнодушие...; Педики! Меня очень *разочаровывает, что* они среди нас));

Светлана Кузнецова: «*Разочаровывает, что* не смогла показать свой теннис»;

Второе, что *разочаровывает, что* изображение, видимое в затворных очках, заметно темнее...

Ср. примеры аналогичного употребления англ. *it disappoints/it is disappointing that*:

It disappoints me greatly that the programme is completely uncritical of the practices of supermarkets;

TCMP player released in new version: 0.70 — but *it disappoints* very much;

It is disappointing that we seem to observe the world as through a membrane;

It is disappointing that Rob's e-mail is based more on emotion, hearsay and incorrect facts.

Оба эти класса употреблений русского глагола *разочаров(ыв)ать* представляются ненормативными. Прежде чем переходить к вопросу о том, что здесь нарушено, приведем примеры хорошей межъязыковой эквивалентности для употреблений, находящихся в рамках строгой нормы.

Ben, as he scanned the buildings on the Rapenburg Canal, was somewhat disappointed in the appearance of the great University of Leyden [M. Mapes Dodge. Hans Brinker or the Silver Skates].

— Осматривая здания на Раненбургском канале, Бен был слегка разочарован внешним видом славного Лейденского университета;

Die andern lachten mich aus, weil ich mir die Berge höher vorgestellt hatte. Überhaupt bin ich fast immer *enttäuscht*, wenn ich etwas sehe, das ich mir irgendwie vorgestellt habe. Es ist nie so überwältigend, wie ich es haben wollte (www.dwds.de).

Другие смеялись надо мной, потому что я представлял себе горы более высокими. Вообще я почти всегда *бываю разочарован*, когда я впервые вижу что-то, что я представлял себе заранее. Это всегда оказывается менее впечатляющим, чем мне бы хотелось;

Dans le centre ville, un écran géant diffuse les cérémonie dès 9h du matin, pour des grand-mères venues avec le thermos et des petites filles déguisées en princesses. Venue en badaud, Fiona commente: «*Je suis désenchantée par cette famille depuis ce qu'elle a fait à Diana. Mais William, c'est différent...*»

[...] Я разочаровалась в этой семье после того что они сделали с Дианой, но Уильям, это другое...;

Mais la cause de tout cela, c'est que je suis désenchantée par un peu tout, j'analyse, je regarde autour de moi, je fais le bilan de ma vie et rien...

Но причина в том, что я разочаровалась во всем, я все анализирую, смотрю вокруг себя, подвожу итоги своей жизни, и ничего...

Однако в каких-то других случаях эквивалентность оказывается неполной (и, соответственно, русская фраза звучит несколько фальшиво). Пример из (вообще говоря, очень хорошего) перевода Н. Волжиной «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси:

But Irene had not moved; in her gloved hands she ceaselessly turned and twisted the little bunch of violets.

The tears of rage and *disappointment* rolled down June's cheeks.

«How could you come?» she said. «You have been a false friend to me!»

Again Irene laughed. June saw that she had played a wrong card, and broke down.

«Why have you come?» she sobbed. «You've ruined my life, and now you want to ruin his!»

[J. Galsworthy. The Man of Property]

Но Ирэн не двигалась; ее руки, затянутые в перчатки, вертели и теребили букетик фиалок.

Слезы ярости и *разочарования* заливали щеки Джун.

— Как вы могли прийти! — сказала она. — Хороший же вы друг!

Ирэн опять засмеялась. Джун поняла, что сделала неправильный ход, и громко заплакала.

— Зачем вы пришли? — промолвила она сквозь рыдания. — Вы разбили мою жизнь и ему хотите разбить!

Чувство героини, которая узнала, что ее жених любит другую женщину, обозначенное англ. словом *disappointment*, по-русски никак нельзя назвать *разочарование*. Удивительным образом этому чувству в русском языке нет названия.

Джун могла бы испытать чувство *разочарования в своем женихе*, но это совсем не то, что здесь имеется в виду. Англ. *disappointment* здесь обозначает чувство, вызванное тем, что не произошло (и понятно, что не произойдет) то, чего она хотела и считала, что это произойдет: замужество с любимым и любящим ее человеком.

Это хорошо соответствует толкованию *disappointment*, сформулированному Вежбицкой: *disappointment* — чувство, рациональная основа которого состоит в том, что нечто хорошее, что должно было произойти и на что человек рассчитывал, не произошло⁸⁹:

[Wierzbicka 1972: 64]:

X feels disappointed = «X feels as one does when one thinks that what one has desired to happen and thought would happen has not happen»

[Wierzbicka 1999:71]:

I feel disappointed =

I thought that something good would happen;

I felt something good because of this;

I know now: this good thing will not happen.

Интересно, что толкование Иорданской очень похоже на толкование Вежбицкой, и оно тоже на самом деле больше подходит к *disappointment*, чем к русскому *разочарованию* ([Иорданская 1970: 25]; приводим с небольшими сокращениями):

A испытывает разочарование [по поводу В] = А испытывает пассивно-отрицательное эмоциональное состояние, каузируемое тем, что:

1) А уверен в неосуществлении события В;

2) до *t* А был уверен в осуществлении события В;

3) событие В очень желательно для А.

Например:

Он надеялся встретить ее там, и узнав, что она не придет, *испытал* острое *разочарование*.

Хотя приведенный Л. Н. Иорданской пример под это толкование вполне подходит, но это очень периферийное употребление слова *разочарование* (близкое к *disappointment*). Поэтому, в частности, слово *разочарование* не подходит для описания чувства Джун в рассмотренном выше примере, при том что оно соответствует толкованию Иорданской.

Итак, в чем же дело? Очевидно, в том, что помимо перечисленных компонентов ('считал, что нечто произойдет'; 'хотел, чтобы произошло'; 'это не произошло' — или, точнее — 'вместо этого произошло нечто другое, худшее'), русское *разочарование* включает еще некоторый дополнительный смысл.

А именно, следующий. «Образцовое» разочарование — это такое, когда происходит утрата некоторой ценности, в результате чего заменяется фрагмент картины мира (ср.: *разочарование в людях, в женщинах, в любви, в идеалах*). Этот концепт, во-первых, в русском языке оформлен особой конструкцией (*разочарование в ком/чем*), а во-вторых, и это самое главное, это исходное значение как бы отбрасывает тень на остальные (это явление Д. Н. Шмелев называл эпидигматическими связями), т. е. влияет на все типы употребления, в том числе на те, где имеется в виду непосредственная эмоциональная реакция на послужившее стимулом единичное событие. Для русского *разочарования* произошедшее (или не произошедшее) событие всегда является не объектом, а лишь основанием оценки; это лишь «явление», которое позволяет обнаружить некоторую стоящую за ним «сущность»: событие оценивается (как плохое) не само по себе, а лишь как свидетельство несовершенства мира

⁸⁹ Ср. также [SOED: 691]: *disappointment* — «break off what has been appointed; fail to keep an engagement» (в соответствии с внутренней формой англ. *to disappoint* — это что-то вроде «отмена запланированного»).

(в том или ином его фрагменте). И именно поэтому слово *разочарование* не уместно в случае Джун Форсайт: факт, который стал ей известен, означал для нее огромную жизненную утрату — но не утрату ценности в картине мира.

В русском языке отрицательная эмоция, возникшая из-за того, что произошло не то событие, которого человек ожидал и хотел, а нечто другое, худшее, не ограничивается этим локальным чувством, а сопровождается некоторым изменением картины мира⁹⁰. Если этот момент полностью отсутствует, то разочарование с точки зрения русского языка выглядит неполноценным (тогда это не разочарование, а огорчение или сожаление, т. е. специфическая семантика пропадает, остается лишь более общая). И действительно, в тех примерах, где указанный компонент отсутствует, *разочарован* близко по смыслу к *сожалеет*, *огорчен* или *расстроен*, ср.:

Шумахер: Я очень *разочарован*, что не смог помочь Ferrari;

Госдеп США *разочарован*, что убийцы американского журналиста Пола Хлебникова не привлечены к ответственности;

Главный тренер сборной России *сожалеет*, что в полуфинале Евро-2008 россияне не сыграют с Италией;

Вторая ракетка мира Динара Сафина *сожалеет*, что американки Серена и Винус Уильямс не принимают участия в турнире в Индиан-Уэллсе;

Блаттер: *огорчен*, что России не будет в ЮАР;

Председатель совета директоров ВР Питер Сазерленд *огорчен*, что руководство России не препятствует «олигархам» применять «силовые тактики»;

Я немного *расстроен*, что не смог победить нокаутом, но доволен, что удалось выиграть все 12 раундов;

Николай Давыденко *расстроен*, что стартовый матч на «Кубке Кремля» ему придется провести против соотечественника Марата Сафина.

Англ. *disappointment* ничего подобного не содержит: это противоречие ожиданиям, даже не обязательно положительным; это может быть, в соответствии с этимологией, строго «нарушение назначенного» и ничего более, ср. англ. перевод следующего предложения из «Исповеди сына века» Альфреда де Мюссе, где буквально сказано «она так и сделала [как я ожидал]»:

Je m'attendais qu'elle allait insister pour notre projet d'aller à Genève, et en effet elle n'y manqua pas (A. de Musset. La Confession d'un enfant du siècle).

I was expecting her to insist that we carry out our plan of going to Geneva, and was *not disappointed*.

Тем самым различие между русским концептом разочарования и современным «общеевропейским» концептом, который мы обозначили словом *disappointed* (и которое соответствует также нем. *enttäuscht* и франц. *déçu*), состоит в том, что русское *разочарование* включает изменение фрагмента картины мира. При этом не обязательно, как это может показаться, речь идет о чем-то «высоком»: разочарование в любви, в людях, в жизни, в идеалах. Можно *разочароваться в мобильных телефонах фирмы Сименс*, но это все равно означает некоторое изменение в картине мира. Естественно,

⁹⁰ Поэтому здесь даже нельзя провести четкой границы между кратковременным разочарованием-реакцией и долговременным разочарованием-отношением, выражаемым конструкцией с предлогом *в*; возможно, здесь играет роль живость внутренней формы: *разочарование* так или иначе связывается с *очарованием*. Не случайно многие русские авторы в один голос говорят, что не может разочароваться тот, кто не был очарован.

возможна ирония, но это нисколько не противоречит сказанному. И наоборот, даже если идет речь об очень глубоком и сильном чувстве по важнейшему поводу (как в приведенном примере из «Саги о Форсайтах»), но поскольку оно ограничено реакцией на единичное событие и не включает никакой переоценки, то слово *разочарование* оказывается неуместно.

Итак, осталось понять, каков механизм семантической эволюции, приближающей сегодня специфическое русское *разочарование* к «банальному» европейскому. Семантическое калькирование с английского безусловно имело место. Но есть также и внутрисистемные факторы, действующие в русском языке, которые способствовали такой семантической эволюции.

Мы выделили два класса отклоняющихся от строгой нормы употреблений; укажем, для каждого из них, факторы, обеспечивающие возможность такого отклонения.

Относительно употребления слова *разочарован* в контексте предикатных имен и с изъяснительным придаточным (*разочарован ее отказом / что она отказалась*) нужно сказать следующее. В русском языке имеется тенденция, состоящая в том, что предикаты, обозначающие эмоции, развивают оценочное или даже просто ментальное значение, из которого эмоция «выветривается»: таковы, например, глаголы *бояться* (⇒ ‘считать вероятным’), *жалеть* (⇒ ‘считать, что лучше было поступить иначе’), *подозревать* (⇒ ‘считать вероятным’). Кстати, здесь тоже происходит дополнительное упрощение семантики, в результате чего возникает квазисинонимия, ср.: *я боюсь, что он вовремя не вернется* и *я подозреваю, что он вовремя не вернется*.

Особенно характерно здесь появление конструкции с придаточным с союзом *что*. Это весьма закономерное явление, характеризующее эволюцию предикатов эмоционального состояния в сторону ослабления эмоционального и усиления ментального компонента: такие глаголы, как *бояться, надеяться, ждать, нравиться, жалеть, раскисаться, волноваться, беспокоиться* и некоторые другие, — все в той или иной степени развивают это ментальное (оценочное, рациональное, в общем не собственно эмоциональное) значение, и оно реализуется именно в конструкции с *что*. Поэтому семантическое развитие предикатива *разочарован*, при котором он приобретает чисто оценочное значение и управление придаточным с *что*, является вполне закономерным.

Что касается второго класса употреблений (*это разочаровывает*), в чисто оценочном стативном значении *разочаровывает* встраивается в антонимическую пару к *радует* (они выражают, соответственно, отрицательную и положительную оценку; об этом употреблении глагола *радовать / порадовать* см. [Зализняк, Шмелев 2003а]), ср.:

Проходя тестирование, вас могут *разочаровывать* или, наоборот, *радовать* полученные результаты;

Петербургские баскетболисты *разочаровывают*, а хоккеисты *радуют* болельщиков;

Мобильное телевиденье *радует* и *разочаровывает*.

Тем самым *разочаровывает* в обсуждаемом употреблении не только не чуждо русскому языку, а просто необходимо ему, так как заполняет имеющуюся лауну, т. е. его появление обусловлено именно системными факторами. В том же значении употребляются и некоторые другие глаголы: *удивляет, впечатляет, внушает оптимизм* и т. п.

Существенно, что то же значение, в соответствии с семантикой перфектной пары, возможно и в сов. виде — *разочаровал*; ср., соответственно, *порадовал*. Причем характерно именно такое абсолютное употребление, выражающее чисто оценочное значение, ср.:

«Демон» Рубинштейна *разочаровал* не по причине плохой постановки, а по причине отсутствия таковой: опера давалась в концертном исполнении [Б. Езерская. Мариинский на сцене мет (2003) // «Вестник США», 2003.08.20];

Sony Ericsson K850i — Может, и хороший, но немного *разочаровал*;

Порадовал отечественный концерн «Созвездие»...;

Но сегодня on-line словарь от google *порадовал*!

Итак, слово *разочарование*, исторически будучи словообразовательной калькой с франц. *désenchantement*, претерпело в русском языке определенную семантическую эволюцию, в результате которой оно существенно разошлось с современным «общеевропейским» концептом, соответствующим значению слов англ. *disappointment*, франц. *déception*, нем. *Enttäuschung* и др., обозначающих чувство обманутого ожидания, вызванное оценкой некоторого внешнего по отношению к субъекту события. Между тем русское *разочарование* описывает событие внутреннего мира: состояние, вызванное фактом утраты ценности, который видоизменяет индивидуальную картину мира.

Семантический сдвиг (плохо идентифицируемый носителями языка, особенно среди к молодого поколения), демонстрируемый употреблениями типа *разочарован ее отказом / тем, что она отказалась / что она отказалась*, а также конструкцией *это разочаровывает*, очевидно, произошел в результате влияния английского языка, столь характерного для сегодняшней языковой ситуации. Однако скорее всего здесь действуют одновременно оба механизма, которые совпали по своему эффекту: семантическое калькирование, т. е. заимствование производного значения, пусть и очень недалеко отошедшего по пути семантической деривации, и независимая параллельная семантическая эволюция, определяемая сугубо внутрисистемными факторами (см. раздел V.3.3.2). Так, приобретение способности подчинять изъяснительное придаточное со значением факта — закономерное явление, характеризующее эволюцию предикатов эмоционального состояния. Поэтому семантическое развитие «в ментальную сторону» предикатива *разочарован*, при котором он приобретает управление придаточным с *что* и способность подчинять факт, является вполне закономерным и для своего объяснения не требует с необходимостью апелляции к иноязычному влиянию. Не обязательно калькированным оказывается при ближайшем рассмотрении также употребление *это разочаровывает*. Это выражение, конечно, является эквивалентом английского *it is disappointing*, однако внутри русского языка вполне активен механизм восстановления активной формы глагола эмоционального воздействия, ср.: *это радует, удивляет, успокаивает* (ср. образованные по той же модели в языке молодежного сленга формы типа *меня прикалывает* или даже *меня улыбает*).

Глава V

ТИПОЛОГИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ

1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ*

Настоящее изложение опирается на два обстоятельства, которые характеризуют с разных сторон происходящий в последние годы сдвиг интересов теоретической лингвистики. Первое состоит в обращении к объяснительным моделям языка, которое предполагает, в частности, включение фактов диахронии в синхронное семантическое описание. Отсюда — возобновившийся в последние годы интерес к проблеме семантической производности (в том числе — диахронической, т. е. семантической эволюции) и оживление термина семантическая деривация. Второе обстоятельство — метатеоретического характера: это имеющая совсем иные источники и движущие силы тенденция к инвентаризации фактов в форме словарей, каталогов и баз данных.

Термин семантическая деривация в последние годы прочно вошел в лингвистический обиход (ср. работы [Туоровский 1985; Кустова, Падучева 1994; Падучева 1998а; 1998б; 1999; 2000; 2004; Зализняк 2001а; 2001в; Розина 1999а; 1999б; 2000; 2002; Кустова 2000; 2000; 2002; Толстая 2002] и др.)¹. От термина «регулярная многозначность» [Апресян 1974] он отличается, прежде всего, по своей внутренней форме, которая ставит обсуждаемое явление в ряд других деривационных процессов и подчеркивает динамический аспект модели, идею порождения одних значений из других. Термин «семантическая деривация» содержится в [Апресян 1974: 175, 187] в качестве синонима для термина «многозначность», однако практически не применяется; обсуждаемый термин широко используется в работах по диахронической семантике, например, в [Трубачев 1976; 1980; 1988]. Термин «семантическая деривация» представляется удачным, в частности, потому, что он указывает на про-

* В основу разделов V.1—2 положена статья [Зализняк 2001а].

¹ Этот термин упоминается вскользь в [Шмелев Д. 1964а]; в книге [Шмелев Д. 1973: 191] связи между разными значениями слова относятся к числу постулируемых им «эпидигматических» отношений, включающих, помимо отношений между значениями многозначного слова, также и другие деривационные связи слова, не являющиеся парадигматическими. Заметим, что термин «эпидигматический» обнаруживает тенденцию к сужению своего значения; так, в учебнике [Кобозева 2000: 169] он употребляется лишь для характеристики отношений между значениями одного слова. Такое словупотребление поддерживается отсутствием какого-либо другого термина, обозначающего отношения между значениями многозначного слова.

изводность, не уточняя ее природы — в том смысле, что он в равной мере применим как к синхронии, так и к диахронии. А это имеет принципиальное значение, так как обеспечивает необходимую терминологическую базу для создания интегральной модели, в рамках которой диахронические семантические изменения и синхронные отношения между значениями многозначного слова описываются при помощи одного метаязыка².

Обращение к фактам диахронии в рамках синхронных исследований обусловлено, очевидно, происходящей в настоящий момент сменой научной парадигмы, характеризующейся установкой на *объяснительность*, в связи с которой «оказался преодолен негласный запрет на использование данных истории языка при синхронном анализе: ведь, в конечном счете, постоянное изменение языка является одной из существенных особенностей его функционирования, поэтому полное описание языка должно учитывать и диахронические аспекты» [Плунгян 1998: 325].

Для когнитивной теории диахронический аспект описания языка становится едва ли не более важным, чем синхронный аспект: во многом возвращаясь к принципам лингвистики XIX в., это направление провозглашает, что для понимания того, как устроен язык, и для объяснения языковых явлений апелляция к происхождению этих фактов становится одним из основных исследовательских приемов [Плунгян 1998: 355].

Характерно обращение к диахроническому материалу в последних работах ряда специалистов по синхронной семантике — ср., например, работы [Урысон 1998б] и [Яковлева 1998], где рассматриваются многочисленные примеры того, как слово изменило свой исконный смысл, но «помнит» нечто из своего прошлого, и эта «память» влияет на его употребление. Ср., с другой стороны, понимание этимологии как науки о мотивационных связях и основах номинации в [Херberman 1999].

Особого упоминания в данной связи заслуживает понятие «скрытой памяти» языка, предложенное Т. М. Николаевой в работе [Николаева 2002], где приводится целый ряд убедительных примеров того, как язык воспроизводит, иногда на огромном временном промежутке, одну и ту же модель построения концепта. Апелляция к скрытой памяти языка позволяет объяснить, в частности, различия в современном употреблении квазисинонимичных форм (например, *хоть* и *хотя*), семантику опущения местоимения *я* в русском языке и др.

Можно привести еще целый ряд высказываний авторов разных направлений на тему о том, что синхронная полисемия представляет собою не что иное, как проекцию диахронического развития на синхронную плоскость, или, по выражению из [Толстой 1997: 15], «развернутую в пространстве диахронию»:

В синхроническом тождестве слова есть отголосок его прежних изменений и намеки на будущее развитие. Следовательно, синхроническое и диахроническое — лишь разные стороны одного и того же исторического процесса. Динамика настоящего — порыв в будущее. Соотношение значений в современном употреблении слова, их иерархия, их фразеологические контексты и их экспрессивная оценка — всегда заключают в себе диахронические отложения прошлых эпох [Виноградов 1994в: 7];

Знание эволюции значения слова безразлично для понимания его нынешней природы и структуры, поэтому суждение этимологии должно интересоваться, и оно так или иначе инте-

² Подобное соотношение синхронии и диахронии имеется и на других уровнях языка. Ср. замечание в [Зализняк А. А. 1964: 53] о том, что среди синхронных морфологических моделей наиболее эффективными часто оказываются те, где постулируемые правила совпадают с содержанием фонетических процессов, реально имевших место в истории.

рсует, специалиста по современной лингвистической семантике, иначе проигрывает лингвистическая семантика [Трубачев 1976: 148];

...разрыв между синхронией и диахронией в области лексической семантики представляется искусственным... Вместе с тем очевидна назревшая необходимость последовательного сближения синхронных и диахронных семасиологических исследований [Бабаева 1998: 94];

То, что обращение к историческому прошлому слова может помочь в уяснении его смысла, закономерностей употребления и на синхронном уровне, не нуждается в особых доказательствах [Яковлева 1998: 43]³.

О принципиальном единстве явлений семантической эволюции и синхронной полисемии см. также: [Демьянков 1989: 89; Пизани 2001: 145; Гак 1971/1998; 1972/1998; 1988/1998; Panagl 1980; Schuster-Ševc 1975], и др.

Можно было бы возразить, что семантические компоненты, представляющие «память слова», «культурную память» и т. п., присутствуют в значении слова имплицитно и обнаруживают себя лишь при каких-то специальных условиях — под давлением контекста и, прежде всего, при употреблении языка в поэтической функции, по Якобсону, т. е. в поэзии, в языковых играх и т. п. Однако, даже если считать необходимым жестко отграничить изучение коммуникативной функции языка от поэтической, то как быть с тем, что помимо перечисленных выше «тонких» обстоятельств, имеется такое банальное, как, например, словообразование, в котором последовательно и регулярно сохраняется старое значение слова (факт более чем общеизвестный, однако сторонниками резкого противопоставления синхронии и диахронии почему-то игнорируемый).

С другой стороны, идея о том, что синхронные отношения между разными значениями многозначного слова и отношения между исходным и производным значением слова в диахронии представляют собой две стороны одного явления, фактически является одним из оснований этимологии: на нее опирается понятие семантической параллели (ср. [Wilkins 1996: 267]), о котором пойдет речь ниже.

1.1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ*

Основания семантической реконструкции как отдельной области сравнительно-исторического языкознания были изложены в получившей широкую известность статье Э. Бенвениста «Семантические проблемы реконструкции» [Бенвенист 1954/74]. Принцип работы Бенвениста состоит в нахождении «позиции нейтрализации», т. е. такого контекста, в котором могут совмещаться оба значения. Образцом семантической реконструкции является его анализ франц. глагола *voler*, имеющего значения 'лететь' и 'красть', которые являются в современном языке омонимами, но их единство может быть восстановлено в употреблении типа *le faucon vole la perdrix* «сокол преследует и хватает на лету куропатку» [Там же: 333]. Ср.

³ Это при том, что еще относительно недавно идея обращения к диахронии в синхронном описании воспринималась как «еретическая» (ср. выражение «негласный запрет» в цитированном выше высказывании В. А. Плунгяна).

* Я благодарна А. В. Дыбо и А. А. Зализняку за ряд важных замечаний и предложений, касающихся содержания данного раздела.

также семантическую реконструкцию для древнерусского глагола *погренути* (и его производных *погребение*, *погреб*) в [Якобсон Г. 1965] на основании контекста *рѣзь погренути* ‘острым орудием вычеркнуть или перечеркнуть нарезку’, позволяющее восстановить отношения семантической деривации между значениями ‘спрятать’, ‘предать забвению’ и ‘предать земле (тело покойного)’. Более современное состояние проблемы освещается в статье [Трубачев 1988].

В русистике имеется известная проблема омонимии vs. полисемии разных значений глагола *топить*. Эта проблема рассматривается, в частности, в книге [Шмелев Д. 1973: 88—89]. Речь идет про три основных значения, которые мы условно обозначим (через минимальные контексты реализации) как: 1. *Топить печь дровами*. 2. *Топить воск (масло, смолу)*. 3. *Топить котят в пруду*. Кроме того, упоминаются значения: 4. *Топить кого-то на экзамене (на суде)*, 5. *Топить горе в вине* и 6. *Топить в квартире // у кого-то: у нас не топят*. (Производность значений 4 и 5 от 3, а 6 от 1 ни у кого не вызывает сомнений, поэтому пока мы их обсуждать не будем.) Д. Н. Шмелев, ссылаясь на словарь Ушакова и соглашаясь с ним, считает глагол *топить* в 3-м значении отдельным словом, т. е. омонимом по отношению к *топить* в значениях 2 и 1, между которыми он признает отношение полисемии (в силу наличия общего смыслового компонента ‘нагревать’). Омонимия значений 2 и 3 (соответственно, ‘каузировать становится жидким путем нагревания’ и ‘каузировать тонуть’) признается также в [Апресян 1974: 184]. Фасмер тоже считает их омонимами, хотя и допускает возможность их этимологического сближения — через **топь* «болото, растопленное, талое место» [Фасмер 1996, IV: 78—79].

О. Н. Трубачев считает вероятным этимологическое сближение всех трех значений (т. е., с одной стороны, 1 и 2, восходящих к **topiti I* ‘нагревать’, и значения 3 из **topiti II* ‘заливать’) ввиду наличия позиции семантической нейтрализации в значении ‘нагревая, плавить, делать жидким, льющимся’, которая реализуется в употреблении типа *топить воск* (т. е. наше значение 2 оказывается первичным по отношению к 1 и 3) [Трубачев 1976: 169]. Несмотря на то что праславянские **topiti I* ‘нагревать’ и **topiti II* ‘заливать’ восходят к разным и.-е. формам (см. [Rokorny 1959: 1056, 1069])⁴, чисто семантически, т. е. на уровне гипотетических вторичных схождения, эта идея представляется весьма плодотворной.

Соотношение разных значений глагола *топить* предстает в несколько новом свете, если сопоставить пару *топить* <воск> и *топить* <котят в пруду> с парой *плавить* <воск> и *плавить* <лес по реке>⁵. Связь между *плавить* в обоих значениях и *плыть* в строгом соответствии с морфологической формой *плавить* состоит в том, что *плавить* означает ‘каузировать *плыть*’. Для значения *плавить* <лес> это вообще не требует комментариев, что же касается значения *плавить* <воск>, то оно, очевидно, соотносится с более древним значением *плыть* ‘быть жидким, текучим; расплываться, течь’, которое сохранилось в ряде периферийных употреблений этого глагола, ср. примеры из Большого толкового словаря русского языка: ‘утрачивая твердость от нагревания, жара, растекаться’ (*свеча плывет; асфальт плывет на солнце*) и ‘напиты-

⁴ Омонимия (т. е. совпадение исходно различных форм) двух *топить* обнаруживает себя в русском языке, в частности, в том, что в корне *топ-* в значении ‘нагревать’ о чередуется с *е* (ср. *теплый*), а в значении ‘погружать’ никаких следов чередования гласных нет.

⁵ Более употребителен здесь вторичный имерфектив *сплавлять*, хотя МАС дает это значение также и для *плавить*: *Рабочие шли вверх по реке Хади рубить и п л а в и т ь л е с*.

ваясь водой, становится жидким и растекается, расплываться' (*дороги весной плывут; земля в забое плывет*); ср. также у Даля: «растопляясь, вскипая или вздуваясь, идти через край»: *Смола плывет из дерева*. (Специально обратим внимание на эту полисемию — 'становиться жидким из-за нагревания vs. из-за заполнения водой', — к которой мы обратимся ниже при анализе глагола *топить*.)

Вернувшись теперь к глаголу *топить*, мы видим, что здесь ситуация абсолютно аналогичная: *топить* морфологически — это каузировать *тонуть* (из **top-nq-ti*). Опять-таки, для значения 3 это не требует комментариев, а для значения 2 может быть предложено такое объяснение: если *топить* кусок масла путем нагревания его в кастрюле, то в какой-то момент он *утонет* в жидкости⁶.

Ключевым контекстом, демонстрирующим переход от 'делать текучим (жидким)' к 'покрывать жидкостью' может служить берег реки, местами залитый водой: покрывающая берег водой, река одновременно *топит* его в том смысле, что 'покрывает жидкостью', и в том, что 'делает его жидким' (т. е. *топким*). Действительно, фразу *Весной река разливается и топит берега*⁷ при небольшом усилии и сейчас можно понять как совмещающую два смысла: 'река покрывает берега водой' и 'река делает берега жидкими (*топкими*)'. Идея 'покрывать (предмет) жидкостью' естественно преобразуется в 'погружать (предмет) в жидкость' (ср. промежуточное звено, где совмещены оба варианта: *Для приготовления этого блюда надо сначала утопить овощи в масле*).

Далее идея 'уничтожения объекта' (присутствующая как в случае с куском воска, так и в случае с берегом реки, который оказался покрытым водой)⁸ повышается в ранге до статуса семантического компонента — и таким образом получается значение *топить* <котят в пруду> (сов. вид *утопить*, возвр. *утопиться*), где приставка у- синхронно дублирует сему уничтожения, а диахронически демонстрирует семантическую деривацию 'вниз' → 'к уничтожению' (см. [Зализняк 2001в: 75—76]).

Теперь, имея в виду все сказанное выше, обратимся к проблеме семантической эволюции 'таять' → 'молчать', поставленной в известной работе [Трубачев 1964], в которой приводится несколько рядов этимологически родственных слов и.-е. языков со значением, соответственно, 'таять' и 'молчать'. Предлагаемая в работе семантическая реконструкция (которую сам автор называет «пробной») 'распускаться, растапливаться, доходить до жидкого состояния, размельчаться' → 'делать мелким, маленьким, прятать, скрывать' не представляется убедительной.

Как кажется, ключевым для решения этой проблемы может служить одно словосочетание из LI стихотворения Катулла:

⁶ Заметим, что аналогичное объяснение может быть предложено и для значения *плавить* <воск>: если нагревать кусок воска, положив его в кастрюлю (т. е. *плавить*), то через некоторое время оставшаяся твердой часть будет *плавать* в жидкости. Ср. также сходство толкований для *плавить* и *топить* в [Апресян 1974: 239].

⁷ Употребление несколько устаревшее, ср. у Пушкина: Ты, волна моя, волна! / Ты гульлива и вольна; / Плещешь ты, куда захочешь, / Ты морские камин точишь, / *Топишь берег* ты земли, / Подымаешь корабли.

⁸ Хотя при топке воска объект в некотором смысле уничтожается, представляется более вероятным путь семантической деривации 'покрыть' → 'сделать невидимым' → 'сделать несуществующим' (ср. [Падучева 2004: 150]).

*Lingua sed torpet, tenuis sub artus
Flamma demanat, sonitu suopte
Tintinant aures, gemina teguntur
Lumina nocte⁹.*

Выражение *lingua torpet* содержит в себе пропущенное звено для реконструкции семантической эволюции ‘таять’ → ‘молчать’, которое состоит в следующем.

Первый принципиальный шаг — перенос из мира физических объектов в мир человека; все дальнейшее происходит с частями его тела. А именно, некоторые части тела человека (руки, ноги, шея и т. д.) обладают таким свойством, что они могут временно переходить в специфическое физиологическое состояние, которое, как и все невидимое, человек описывает при помощи метафоры, отсылающей к миру физических предметов; по-русски оно обозначается словом *затекасть*: у меня *затекают* ноги (*спина, шея* и т. д.). Это состояние ощущается как потеря данным органом чувствительности (а также, что не менее важно, способности выполнять свои функции)¹⁰, а обозначается при помощи образования от глагола *течь*, т. е. как будто эта часть тела оказалась состоящей из воды, из твердой превратилась в жидкую — другими словами: *растаяла*. На основе этой метафоры устанавливается связь между идеей ‘таять’ и состоянием потери чувствительности частей тела.

Теперь нам осталось проследить переход от описанного состояния частей тела к идее ‘молчать’. Он кроется в сочетании типа *lingua torpet* ‘немеет язык’¹¹. Глагол *torpere* обозначает приблизительно то же физиологическое состояние частей тела, которое описывается русскими выражениями <рука> *затекла / онемела / отнялась*, ср. примеры из Латинско-русского словаря И. Х. Дворецкого: *dextra torpet* ‘правая рука отнялась’, *torpens palatum* ‘притупившийся вкус’, букв. ‘онемевшее небо’. Когда немеет язык, физиологически с ним происходит то же самое, что со спиной или с ногами, но с разными последствиями: если немеют ноги, человек не может ходить, а если немеет язык — он не может говорить, т. е. *молчит*.

Реконструируемый путь семантической деривации выглядит следующим образом: ‘таять’ → ‘терять чувствительность и функциональные свойства (о частях тела): как будто становится жидким или мягким’ → ‘терять функциональные свойства (о языке)’ → ‘молчать’¹².

⁹ В переводе С. В. Шервинского:

*Мой язык немеет, по членам беглый
Заструился пламень, в ушах заглушенных
Звон стоит и шум, и глаза двойною
Ночью затмились.*

¹⁰ Похожее состояние описывается выражением *ноги как ватные* (где вместо ‘жидкого’ — ‘мягкое’), но это, очевидно, варианты: когда воск или масло тают, они тоже становятся сначала мягкими. И та и другая метафора отсылает к идее утраты объектом исходного состояния и свойств (в силу утраты твердого состояния, находясь в котором он может быть объектом манипулирования). Ср. также переносные употребления глагола *плыть/плавать* типа *у меня почва поплыла под ногами; плавать на экзамене* и т. п., где метафора жидкости передает идею утраты контроля.

¹¹ Ср. значение русского слова *терпкий* (восходящего, как и лат. *torpeo* к и.-е. **terp-*): *терпкие ягоды* — такие, от которых *немеет* язык.

¹² Обратим внимание на то, что в русском *неметь* (*немеет* <рука> = *затекает*) представлена та же семантическая деривация, только в обратном направлении: от молчания (онемения языка) — к потере чувствительности органом тела, ощущаемой как заполнение его водой.

1.2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Восстановление хода семантической эволюции слов привлекало лингвистов во все времена; значительное количество фактов семантической эволюции было проинтерпретировано в XIX — первой половине XX в., в частности, в ходе создания основных этимологических словарей индоевропейских языков (М. Фасмера, Ф. Клуге, В. Мейер-Любке, А. Брюкнера, Фр. Славски, В. Махека, Э. Кляйна, П. Шантрена, А. Эрну и А. Мейе, Ю. Покорного и др.). Параллельно в течение всего этого времени велись поиски причин, и, соответственно, законов изменения значений слов, которые, как предполагалось, должны быть аналогичны по своей непреложности фонетическим законам и, с другой стороны, должны отражать общие законы мышления. Их результаты трудно считать удовлетворительными: таких причин семантических изменений, которые бы автоматически вызывали свои следствия, обнаружить не удалось¹³. В процессе этих поисков были, однако, выявлены основные типы семантических изменений (сужение и расширение значения — или, в более поздней терминологии, вычеркивание и добавление семантического компонента, в том числе оценочного; переход от конкретного к абстрактному и наоборот, метафорический и метонимический перенос и др.); тем самым задачу классификации типов семантических изменений в общем можно считать решенной¹⁴. Конечно, здесь возможна дальнейшая детализация, однако, как представляется, сегодня задача должна быть поставлена несколько иначе.

Для дальнейшего изложения будут существенны два понятия: первое, это семантический переход и второе — семантическая параллель. Понятию «семантического перехода» будет дано более точное определение ниже; пока достаточно сказать, что это связь либо между двумя различными значениями полисемичного слова, либо между значениями одного и того же слова в разные моменты его истории (связь состоит в том, что данные два значения выражаются в пределах одного слова, т. е. между ними имеется отношение семантической деривации); «одно слово» при этом понимается в широком смысле, см. подробнее ниже. Так, во французском слове *femme* присутствует семантический переход ‘женщина’ — ‘жена’ (см. № 1 в списке семантических переходов в разделе V.2.1) в форме синхронной полисемии; тот же переход в диахроническом варианте имеется в русском слове *жена*.

Воспроизведение некоторого семантического перехода в другом слове называется «семантической параллелью» (так, в приведенном выше примере русское слово *жена* и франц. *femme* являются семантическими параллелями друг другу относительно семантического перехода № 1)¹⁵. Понятие семантической параллели традиционно ис-

¹³ Ср. Пизани [2001: 144—145] со ссылкой на мнения М. Бреалья и Б. Террачини. Относительно наличия соответствия между процессами семантических изменений и формально-логическими закономерностями мышления имеются разные мнения, ср., напр., [Гак 1971/1998: 469; Звегинцев 1957: 13].

¹⁴ См. [Пауль 1960: 93—124; Блумфилд 1968: 466—471; Stern 1931; Ullmann 1963], а также более новые работы [Waldron 1967; Гак 1972/1998; Voyles 1973; Werth 1974; Geeraerts 1983; Kleparsky 1986 (с обзором типов классификаций); 1990; Kardela, Kleparski 1990; Sweetser 1990].

¹⁵ С. М. Толстая в близком значении употребляет термин *мотивационная модель*; так, русское слово *налетчик* реализует ту же мотивационную модель, которая представлена в упоминавшемся выше примере Бенвениста с франц. глаголом *voler* [Толстая 2002: 120].

пользуется в этимологии как аргумент в пользу предлагаемого исследователем нового этимологического сближения. Так, например, О. Н. Трубачев возводит русское слово *наглый*, имеющее диалектное значение ‘чистый, настоящий’ к слав. **nag-* ‘голый’ — на основании семантической параллели, состоящей в том, что у немецкого слова *bar* имеются значения ‘голый’ (ср. *barfuß* ‘босоногий’) и ‘чистый, настоящий’ (ср. *Bargeld* ‘наличные деньги’) [Трубачев 1976: 173—175], см. семантический переход № 2.

Другой пример. Немецкий глагол *werden* ‘становиться’ происходит от той же основы, что, напр., лат. *vertere* ‘поворачивать’; семантической параллелью здесь может служить англ. глагол *to turn* ‘поворачивать’, имеющий значение ‘становиться’ в выражениях типа *to turn sour* ‘сделаться кислым’, *to turn traitor* ‘стать предателем’ [Блумфилд 1968: 468], а также русск. *оборотиться* — соответственно, <кругом> и <лягушкой> (см. семантический переход № 3).

Еще один пример — неоднократно обсуждавшийся в литературе (см., в частности [Пауль 1960: 116; Buck 1949/71: VII; Ullmann 1963: 198; Schröpfer 1979]) переход ‘схватить’ → ‘понять’ (№ 4), произошедший исторически, например, в русском глаголе *понять*, лат. *comprehendo* и *concipio*, итал. *capire*, нем. *begreifen* и воспроизведенный в англ. *to catch*, франц. *saisir* и др. в форме синхронной полисемии.

Приведем также еще один, менее тривиальный семантический переход ‘пустой’ → ‘тщетный’ (№ 5). Он представлен, в частности, в истории русского слова *тщетный*, а также *тоска* (ср. [Шимчук 1991]); одновременно этот семантический переход воспроизводится в форме синхронной полисемии, например, в русском слове *пустой* (ср. *пустая затея, впустую*), а также лат. *vanum*.

Поскольку нахождение семантической параллели дает аргумент в пользу выдвигаемой этимологической гипотезы, оно является важнейшим этапом работы этимолога. Хороший этимолог должен держать в голове все множество известных ему семантических переходов: О. Н. Трубачев [1988: 222] называет компетентность исследователя в «типологии формирования близких значений в разных языках» в числе необходимых предпосылок семантической реконструкции.

В 1964 г. О. Н. Трубачев, опираясь, в значительной степени, на идеи, изложенные в вышеупомянутой статье Э. Бенвениста, выдвинул идею создания «Семасиологического словаря индоевропейских языков», который должен был бы представлять собой своего рода сводный этимологический словарь индоевропейских языков, в котором входом статьи является не слово или реконструируемая основа и не понятие (как в известном словаре [Buck 1949/71], альтернативой которому был замысел О. Н. Трубачева), а семантический переход типа ‘таять’ → ‘молчать’, благодаря чему такой словарь действительно мог бы стать значительным «вкладом в историю идей». Этот замысел, однако, не был осуществлен¹⁶. Независимо сходный проект был выдвинут в [Schröpfer 1956]¹⁷.

¹⁶ Материалы «Краткого сравнительно-семасиологического словаря индоевропейских языков» [Маковский 1989], задуманного именно как реализация данного замысла, по-видимому, не могут быть использованы в качестве базы для семантического критерия реконструкции, так как не все принимаемые в нем этимологические сближения представляются достаточно аргументированными.

¹⁷ Ср. также тезисы [Navlová 1965] где сравниваются оба проекта и высказывается мысль о том, что ядро такого словаря должны составлять не а б л ю д а е м ы е семантические переходы, в том числе случаи синхронной полисемии.

Задача создания свода всех диахронических семантических переходов на основе уже установленных этимологических сближений, безусловно, продолжает оставаться актуальной. Однако поскольку, как уже говорилось, между диахронической и синхронной семантической деривацией нет никакой принципиальной границы, инвентарь семантических переходов должен включать также и синхронный материал. Более того, факты синхронной полисемии обладают несомненным преимуществом достоверности, и поэтому именно они должны составить основу такого инвентаря.

Итак, речь идет об инвентаризации индивидуальных семантических переходов, т. е. семантических соотношений вида 'а' → 'b', с указанием конкретных лексем (как минимум двух), в которых данный семантический переход представлен — синхронно или диахронически.

Такой инвентарь может служить базой для построения типологии семантической деривации. На протяжении двух веков этимологией, диахронической семантикой и исторической лексикографией было накоплено огромное количество фактов, касающихся имевших место в истории разных языков семантических переходов¹⁸, поэтому значительная часть задачи сводится к формализации описания уже имеющихся фактов (которая, однако, может дать качественно новые результаты).

Сходная постановка проблемы имеется в книгах [Schröpfer 1979] (на материале небольшой группы слов 30 индоевропейских языков) и в [Яворская 1992] (на материале русских и английских прилагательных); следует упомянуть также статью [Гак 1988/1998: 469], где ставится задача типологического изучения метафорических переносов и отмечается, что «изучение и инвентаризация этих типов позволит выявить случаи параллельного метафорического развития слов в разных языках и, следовательно, регулярную полисемию метафорического типа», работу [Толстая 2002], где на обширном материале славянских языков исследуются различные модели семантической мотивации, статьи [Sakhno 1998; 1999; Сахно 2001], где ставится задача построения типологии внутренней формы¹⁹, статьи [Cienki 1998; ван Лейвентурновцева 1999], а также словарь [Sakhno 2001].

Типологию семантической деривации, т. е. совокупность сведений о сходствах и различиях при формировании производных значений в разных языках иногда называют просто семантической типологией (ср., напр., [Трубачев 1988: 213; Гак 1988/1998: 469]). Из всего круга типологических дисциплин она является, по-видимому, наименее разработанной. В последние годы происходит бурное развитие грамматической типологии (см. [Плунгян 1998]), которая частично смыкается с типологией семантической деривации — в том отношении, что грамматическую типологию интересуют факты грамматикализации значений, происходящей, напр., при превращении глаголов со значением 'держаться', 'идти' или 'хотеть' в показатели грамматического времени, существительных со значением 'маленький предмет' в составную часть показателя отрицания, слов со значением 'ребенок' в уменьшительный суффикс и т. п.; такие переходы являются, очевидно, частным случаем семантической деривации.

¹⁸ См., помимо этимологических словарей индоевропейских языков и классических трудов конца XIX — середины XX в., см. в частности, работы: [Виноградов 1994; Бабаева и др. 1997; Богатова 1981; 1984; Бородина, Гак 1979; Будагов 1964; Топорова 1994; Трубачев 1976; 1980; 1985; 1988].

¹⁹ Ср. также применение идеи типологии внутренней формы в этимологическом анализе в статье [Иванов 1975].

Для создания типологии семантической деривации необходима, прежде всего, достаточно объемная база данных (включающая, в идеале, множество повторяющихся семантических переходов, засвидетельствованных в языках мира), представленная в виде базы данных, т. е. в форме, обеспечивающей доступ к любого рода содержащейся в ней информации. Очевидно, что создание такой базы данных — огромная задача, решение которой требует многих лет работы. Пока осуществлен ее первый этап — выработка концептуального аппарата и создание основы для «Каталога семантических переходов». «Каталог семантических переходов» преследует чисто фактографическую цель: представление в явном виде и систематизация уже установленных семантических переходов (т. е. ни причины, ни сами механизмы семантической деривации не исследуются: каталог создает лишь информационную базу для решения этих задач). Дальняя цель состоит, в частности, в том, чтобы предоставить компаративистике материал для выработки семантического критерия реконструкции — путем инвентаризации семантических переходов реально имевших место на протяжении письменной истории и засвидетельствованных в письменных памятниках, словарях и специальных исследованиях фактов семантической деривации.

2. ПРОЕКТ «КАТАЛОГА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ»

2.1. ПРИМЕРЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ

№ 1. ‘женщина’ → ‘жена’

франц. *femme*
нем. *Frau*
русск. *жена*

№ 2. ‘голый’ → ‘чистый, настоящий’

слав. **nag-* ‘голый’ и русск. *наглый* (диал.) ‘чистый, настоящий’ [Трубачев 1976: 173—175]
нем. *bar* ‘голый’ (ср. *barfuß* ‘босоногий’) и ‘чистый, настоящий’ (ср. *Bargeld* ‘наличные деньги’)²⁰

№ 3. ‘поворачиваться кругом’ → ‘переходить в новое состояние’

лат. *vertere* ‘поворачивать’ и *convertere* ‘превращать’
лат. *vertere* ‘поворачивать’ и нем. *werden* ‘становиться’
англ. *to turn* ‘поворачивать’ и ‘становиться’ (*to turn sour* ‘сделаться кислым’, *to turn traitor* ‘стать предателем’ [Блумфилд 1968: 468])
русск. *обернуться* <кругом> и <лягушкой>
русск. *превратиться*, *оборотиться* от основы *врат-* (‘поворачиваться’, ‘вращаться’)

№ 4. ‘схватить’ → ‘понять’

русск. *понять*, из др.-русск. *пояти* ‘схватить’
итал. *capire* ‘понять’, из лат. *capere* ‘поймать’
нем. *begreifen* ‘понимать’ от *greifen* ‘схватить’
англ. *to catch* ‘схватить’, ‘понять’
англ. *to get* ‘получить’, ‘понять’
франц. *comprendre* ‘понять’, из лат. *comprehendere* ‘схватить’
франц. *saisir* ‘схватить’, ‘понять’
русск. *уловить* ‘понять <смысл>’ от *ловить*
русск. *схватывать* ‘понимать’ от *схватить*
русск. *постичь* ‘понять’, из др.-русск. *постичи* ‘догнать’

№ 5. ‘пустой’ → ‘тщетный’

русск. *тщетный*, из **тъск-* ‘пустой’
русск. *пустой*: ‘пустой’, ‘тщетный’
лат. *vanus*: ‘пустой’, ‘тщетный’
греч. *κενός* ‘пустой’, ‘тщетный, напрасный’ [Вейсман 1991: 700]

№ 6. ‘готовый ехать’ → ‘готовый’

нем. *fertig* [Пауль 1960: 110]
англ. *ready* [Блумфилд 1968: 475]

²⁰ Ср. также русские выражения *голая правда* и *чистая правда*, в которых слова *голый* и *чистый* выступают как контекстные синонимы.

№ 7. ‘стоять’ → ‘стоять’

др.-русск. *стояти* НСВ / *стати* СВ ‘стоять’, ‘стоять’
 русск. *стоять* (восходит к *стоять* [Крысько 1997])
 русск. *стать* ‘стоять’ (устар., ср.: лошади стали), ‘стоять’ (во что бы то ни стало; это тебе дорого станет)
 лат. *constare* ‘стоять’ от *stare* ‘стоять’ (значение ‘стоять’ есть и у бесприставочного *stare*)
 греч. καθίστημι ‘ставить’, ‘стоять’ [Крысько 1997: 91]

№ 8. ‘плохой’ → ‘злой’

русск. *зло* ‘зло’ (= ‘плохое’); *злой* ‘злой’
 нем. *das Böse* ‘зло’ (= ‘плохое’); *böse* ‘злой’
 итал. *cattivo* ‘плохой’; ‘злой’
 франц. *mauvais* ‘плохой’; ‘злой’ [Гак 1997б: 49]
 исп. *malo* ‘плохой’; ‘злой’ [Там же]

№ 9. (быстро) перемещаться ↔ ‘течь <о жидкости>’

др.-русск. *течи* ‘(быстро) перемещаться’, ‘течь’
 русск. *течь* ‘течь’, ‘перемещаться’ (*стечение народа / обстоятельств, наутек; течение времени / время течет, скоротечный, быстротекущий, текущий момент*).

№ 10. ‘надеяться’ → ‘ждать’

франц. *espérer* ‘надеяться’ и исп. *esperar* ‘ждать’;
 франц. *espérer* ‘надеяться’, устар. ‘ждать’

№ 11. ‘слышать’ → ‘понимать’

франц. *entendre* ‘слышать’ и исп. *entender* ‘понимать’
 франц. *entendre* ‘слышать’, ‘понимать’

№ 12. ‘время’ ↔ ‘погода’

франц. *temps* ‘время’, ‘погода’
 сербохорв. *vrime* ‘время’, ‘погода’ [Толстой 1997: 50]

№ 13. ‘вести счет’ — ‘иметь мнение’

русск. *считать*
 лат. *puto* ‘иметь мнение’ и *computo* ‘вести счет’
 франц. *compter* ‘вести счет’ и ‘иметь мнение’ (*Il compte que tout se passera bien*)
 итал. *contare* ‘вести счет’ и ‘иметь мнение’ (*Lo conto un grand'uomo*)
 нем. *zählen* ‘вести счет’ и ‘считаться’ (*er wird zu den Besten gezählt*)

№ 14. ‘находить (предмет)’ → ‘иметь мнение’:

русск. *находить*
 франц. *trouver*
 итал. *trovare*
 англ. *to find*
 нем. *finden*

№ 15. ‘говорить’ ↔ ‘указывать’

русск. *говорить*
 франц. *dire*
 нем. *sagen*
 лат. *dicere* ‘говорить’, греч. δείκνυμι ‘указывать’
 русск. *сказать, указать*
 укр. *казати* ‘говорить’, русск. *указать*

№ 16. ‘медлить’ — ‘обитать’

лат. *demoror* ‘задерживаться, медлить’ и франц. *demeurer* ‘жить, обитать’
 русск. *медлить* ‘задерживаться, медлить’ и польск. *mieszkać* ‘жить, проживать’, *mieszkanie* ‘квартира’

№ 17. ‘пленный’ → ‘плохой’

итал. *cattivo* ‘плохой’ из лат. *captivus* ‘пленный’
 франц. *chétif* ‘плохой’ ([Будагов 1964]) из лат. *captivus* ‘пленный’
 др.-англ. *caitif* ‘пленный’ и ‘плохой’ [Kleparski 1986]

№ 18. [от 'тянуть'] → 'поезд'

нем. *Zug*
 польск. *ociąg*
 чешск. *vlak*

№ 19. [от 'жить'] → 'сильное чувство'

русск. *переживать, переживание*
 нем. *Erlebniss* 'переживание'

№ 20. 'горшок' → 'голова' [Блумфилд 1968: 483]

франц. *tête*, из позднелат. *testa* 'горшок'
 нем. *Kopf* 'голова'

2.2. СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ «КАТАЛОГА»

Единицей «Каталога» является семантический переход, понимаемый как двусторонняя сущность, т. е. единица, имеющая план содержания и план выражения. План содержания представляет собой пару смыслов 'а' и 'б', связанных отношением семантической производности, которое может быть трех типов, что маркируется разными вариантами стрелки между 'а' и 'б' (см. подробнее ниже); планом выражения является множество реализаций данного семантического перехода, т. е. список слов (или пар родственных слов), в которых он представлен — синхронно или диахронически. Каждой реализации данного семантического перехода соответствует отдельная строка (см. примеры в предыдущем разделе).

В качестве метаязыка используется семантический язык, максимально приближенный к естественному, т. е. для записи значений, составляющих семантический переход, выбирается такое слово русского языка, у которого нужное значение является единственным или основным. Что касается направления семантической деривации, то здесь различается три случая. В случае, когда это направление устанавливается однозначно (например, известно, что значение 'а' диахронически первично по отношению к значению 'б'), используется простая (однонаправленная) стрелка; в случае, когда зафиксирован «переход» и в ту и в другую сторону (ср. № 15), используется двусторонняя стрелка; наконец, если направление семантической деривации неясно, а также в разного рода более сложных случаях используется просто соединительное тире. Надо сказать, что направление семантической деривации — вещь далеко не очевидная, с одной стороны, и, вообще говоря, не столь уж существенная — с другой. В этой связи отметим семантический переход № 9: '(быстро) перемещаться' ↔ 'течь <о жидкости>'. Современный язык квалифицирует это соотношение как метафорический перенос в направлении 'б' → 'а' (именно так, по-видимому, интерпретируется, например, выражение *время течет* ≈ 'движется в одном направлении, плавно, равномерно, непрерывно и непреодолимо, как течет река'), в то время как исторически, т. е. реально, здесь имел место переход 'а' → 'б', т. е. спецификация, сужение значения.

Мы различаем пять типов реализаций семантического перехода с точки зрения характера репрезентирующих его единиц.

1. Полисемия: оба значения 'а' и 'б' имеются у некоторого одного слова одного языка.

2. Морфологическая деривация: значение 'а' принадлежит слову *A*, а значение 'b' — его морфологическому деривату (в том же языке) *A'*. Содержание морфологической деривации может быть различным — префиксация, суффиксация, замена одних формантов другими и т. д. Так, лат. *vertere* имеет значение 'поворачивать', а *convertere* — 'превращать' (семантический переход № 3); русский глагол *сказать* имеет значение *говорить*, а *указать* — значение 'указывать' (№ 15). Данный тип реализации семантического перехода может быть представлен также такими парами, как русск. *стоять* и морфологически производный от него глагол *стоить* (см. семантический переход № 7); нем. глагол *leben*, означающий 'жить', и образованное от него существительное *Erlebnis*, имеющее значение 'сильное чувство, переживание' (№ 19). В случае морфологической деривации, переводящей слово в другую часть речи, в обозначении соответствующего семантического перехода в левой части используется запись [от 'а'], ср. № 18, 19.

3. Семантическая эволюция-1: диахроническое семантическое развитие одного слова в пределах одного языка. К этому типу относится, например, реализация семантического перехода № 1 в русском слове *жена*, которое еще относительно недавно имело, помимо значения 'жена', также значение 'женщина'. Напомним, что «семантический переход» — это всего лишь метаязыковой конструкт. Когда речь идет о диахронии, имеется в виду, естественно, не «переход» значения 'а' в значение 'b', а утрата значения 'а' — как, например, в русском слове *жена*, утратившем в современном русском языке значение 'женщина' (семантический переход № 1). При этом, поскольку такая утрата почти никогда не бывает бесследной (а именно, «старое» значение остается как минимум в словообразовании, ср.: *женский*, *женолюб*, *женоненавистник*, *женоподобный* — все эти слова соотносятся со значением 'женщина', а не 'жена'), синхронное полисемическое отношение здесь часто также продолжает оставаться актуальным.

4. Семантическая эволюция-2: диахроническое семантическое развитие некоторого слова от языка-предка к языку-потомку. Поскольку на такой большой дистанции слово обычно меняется также фонетически, то можно сказать, что мы имеем дело с двумя разными словами — которые, однако, также, как и в предыдущем случае, «в некотором смысле» являются одним словом (ср.: др.-русское *постичи* 'догнать' и русск. *постичь* 'понять' (№ 4); лат. *demoror* 'задерживаться, медлить' и франц. *deteurer* 'жить, обитать' (№ 16); позднелат. *pensare* 'взвешивать' и восходящее к нему франц. *penser* 'думать', лат. *studium* 'старание' и *étude* 'изучение' и т. п.).

Граница между типами 3 и 4 несколько условна в силу неопределенности диахронических границ «одного языка». Так, древнерусский или старофранцузский являются, очевидно, отдельными языками, но в других случаях это не всегда ясно; относительным критерием здесь может служить наличие словарей данного языка и изменение фонетического (орфографического) облика слова. Разграничение типов 3 и 4 тем не менее имеет смысл проводить — в силу размытости границ между типом 1 и 3, что соответствует обсуждавшейся выше взаимопроницаемости, в рассматриваемом отношении, границ синхронии и диахронии — но все же в пределах одного языка.

5. Когнаты: слова родственных (близкородственных) языков, восходящие к одному этимону, ср. франц. *espérer* 'надеяться' и исп. *esperar* 'ждать' (№ 10), франц. *entendre* 'слышать' и исп. *entender* 'понимать' (№ 11); явление, известное под названием «лож-

ных друзей переводчика». Когнатами являются, в частности, церковнославянско-русские паронимы, т. е. такие пары, как ц.-слав. *возрасть* ‘рост’ и русское *возраст*; ц.-слав. *воскреснути* ‘встать, подняться’ и русское *воскреснуть* (из мертвых) и т. п. (см. [Седакова 2005]).

Некоторые из перечисленных типов реализаций семантических переходов могут совмещаться, а именно, тип 2 может совмещаться с 3 и 4 (т. е. морфологическая производность — это отдельный параметр). Особо сложный случай являют собой, например, церковнославянско-русские этимологические дублеты (*глава-голова*, *страна-сторона* и т. п.), где соединяются типы 2 и 5.

2.3. ОГРАНИЧЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Поскольку понятие семантического перехода определяется по отношению к одному слову или к паре этимологически связанных слов, не является семантическим переходом отношение между словами, происходящими из разных источников, т. е. случаи о м о н и м и и — по крайней мере, омонимии, возникшей в результате совпадения исходно разных слов (типа русского *лук*). Не рассматриваются как семантические переходы также некоторые случаи полисемии, в частности, полисемия приставочных образований, возникающая за счет полисемии приставки, типа *залечить* <рану> и *залечить* <человека> (= ‘причинить ущерб лечением’); *мясо уварилось* (= ‘уменьшилось в размере в результате варки’ и ‘хорошо сварилось’) и т. п., так как в таких случаях обычно следует обсуждать полисемию самой приставки, а не приставочных глаголов. Так, например, пара русск. *запомнить* и польск. *zapomnieć* ‘забыть’ (см. [Зализняк 2006: 334]) не дает основания для постулирования семантического перехода ‘запомнить’ — ‘забыть’.

Однако и среди того круга явлений, которые можно считать семантическими переходами, следует провести некоторые разграничения, позволяющие выделить ядерную и периферийные зоны.

Назначение нашего Каталога состоит в инвентаризации семантических переходов — однако все же не всех, а таких, которые обладают свойством повторяемости: для введения некоторого семантического перехода в каталог необходимым условием является наличие у него как минимум двух реализаций. С другой стороны, ограничение материала задается величиной семантического сдвига: чтобы инвентаризация имела смысл, «расстояние» между значениями должно быть не слишком большим и не слишком маленьким. Изложим подробнее эти принципы.

2.3.1. Степень регулярности перехода

Итак, нас интересуют в первую очередь регулярные семантические переходы. В Каталог не включаются семантические сдвиги, произошедшие в силу случайных причин, каких-то казусов — как лингвистического, так и экстралингвистического свойства. Примером первого может служить русский глагол *довлеть*, который в современном языке приобрел значение ‘психологически давить, тяготеть’ — одновременно с появлением управления <над кем-то>. Этот сдвиг произошел, очевидно, в результате действия аналогии со стороны словообразовательной модели, пред-

ставленной в словах типа *терпеть* — *терпение*, *стареть* — *старение* и т. п., под влиянием которой возникла пара *довлеть* — *давление* (чередование *o/a* в глагольных основах встречается достаточно часто). В основе изменения значения слова *довлеть* лежит, таким образом, случайное обстоятельство — фонетическое сходство основ со значением ‘давить’ и ‘быть достаточным’.

На другом полюсе находятся переходы, обладающие наибольшей регулярностью. Сюда относятся некоторые из семантических переходов, происходящих при грамматикализации значений, выражаемых исходно лексическими средствами, — таких как ‘держать’ → ‘иметь’; ‘хотеть’ → [вспомогательный глагол в буд. времени]; развитие эпистемического значения у модальных глаголов *может* и *должен*, метафорический перенос у прилагательных типа *высокий* и *низкий*, *светлый* и *темный*, синестетические сдвиги у слов типа *мягкий*, *сладкий*, *яркий*, *тихий* и некоторые другие. Подобные семантические переходы, безусловно, должны быть отражены в Каталоге, но, возможно, не в самую первую очередь.

Итак, в центре нашего внимания находятся регулярные, и при этом не три- и альные семантические сдвиги, воспроизводимые в разных языках и/или в разных словах одного языка. Возникает вопрос: как опознать семантические переходы, удовлетворяющие данным условиям? Самое простое — ввести требование, чтобы для каждого каталогизируемого семантического перехода приводилось как минимум две его реализации. Так, например, для перехода № 12 (‘время’ → ‘погода’) имеются реализации: франц. *temps* ‘время’, ‘погода’; сербохорв. *vreme* ‘время’, ‘погода’ [Толстой 1997: 50]. Сюда же может быть включено и русское слово *время*, которое в языке Пушкина имело также значение ‘погода’, ср.: «Барин, не прикажешь ли воротиться? [...] *Время* ненадежно: ветер слегка подымается; — вишь, как он сметает порoshу» («Капитанская дочка»). Значение ‘погода’ впоследствии было утрачено²¹.

Однако в связи с этим примером естественно возникает подозрение, не является ли значение ‘погода’ у русского слова *время* семантической калькой с французского. На проблеме семантического калькирования мы остановимся позднее (раздел V.2.4); пока отметим лишь, что даже если это калька, то это не означает, что такое слово не следует включать в каталог — хотя бы потому, что факт калькирования часто бывает невозможно или очень трудно установить. Однако это обстоятельство несколько «размывает» требование, чтобы реализаций у каждого семантического перехода было как минимум две, поскольку они могут оказаться просто репродукцией одной и той же реализации. Аналогичная репродукция, помимо семантического калькирования, происходит при обычном заимствовании (ср. семантический переход № 17), а также просто в близкородственных языках, когда каждое из слов-потомков наследует полисемию, присутствовавшую в слове-предке. С другой стороны, может так оказаться, что вторая реализация, необходимая для включения некоторого семантического перехода в каталог, просто пока «не встретилась». По этим двум причинам требование о необходимости как минимум двух реализаций для каждого семантического перехода не является жестким.

²¹ О семантической деривации концепта ‘время’ см. [Гак 1997a].

2.3.2. Величина смысловой дистанции

Между двумя значениями, образующими семантический переход, может быть различная смысловая дистанция. Наиболее адекватной для целей инвентаризации представляется та дистанция, которая разделяет значения одного слова в традиционных толковых (или двуязычных) словарях — что примерно соответствует критерию Куриловича (разными считаются такие значения, которые имеют разные синонимичные однословные выражения). Иными словами, имеются в виду рамки «обычных» отношений полисемии; они противопоставлены, с одной стороны, омонимии, а с другой стороны — «подзначениям» (т. е. вариантам внутри нумеруемых значений), в терминах «традиционной» лексикографии. Семантические переходы большей дистанции — то, чем оперирует этимология и вообще реконструкция (ср.: ‘таять’ → ‘молчать’ [Трубачев 1964], ‘лететь’ → ‘красть’ [Бенвенист 1954/74]). Наоборот, меньшая дистанция имеется между значениями, различающимися набором или статусом актантов: *гусар звенел шпорами и шпоры звенели*; *юбка метет по мостовой, нож хорошо режет*. Разумеется, обе эти границы в значительной степени условны, но так или иначе можно сказать, что в каталог попадают семантические переходы «средней» дистанции.

Включению в рассмотрение семантических переходов больших и малых дистанций препятствуют следующие обстоятельства: семантические переходы больших дистанций преимущественно являются результатом реконструкции, т. е. содержат элемент гипотетичности; на первом этапе такие переходы имеет смысл не включать в рассмотрение, чтобы не смешивать информацию различной степени надежности. Что же касается, наоборот, малых дистанций, то это — материал для решения другой задачи (ср. задачу создания своего рода порождающей модели для полисемии, решаемую в системе «Лексикограф», см. [Кустова, Падучева 1994; Падучева 1998а; 1998б; 2004] и др.). Различие состоит, прежде всего, в том, что в «Лексикографе» исследуются закономерности семантической деривации внутри определенных классов слов (ср. также [Апресян 1974: 193—215]), а в нашем Каталоге собраны индивидуальные изменения значений. При этом в нашей системе закономерность ищется не индуктивно, а чисто эмпирически — она вытекает из самого факта повторяемости данного семантического перехода, его независимого воспроизведения в разных языках в разные эпохи.

Важно также подчеркнуть, что объектом каталогизации являются изменения именно значений, а не трансформации семантических компонентов или изменения значений семантических признаков. Поэтому такие случаи семантической деривации, как, например, появление стативного значения у глаголов *думать*, *говорить*, *изображать*, *загораживать*, *входить* (т. е. категориальные, типовые, повторяющиеся внутри классов слов сдвиги), также как разные типы метонимии в каталог не включаются. Это — другая задача.

2.3.3. Многочленные семантические переходы

Семантическим переходом мы назвали отношение, связывающее два значения одного слова. Однако довольно часто бывает так, что слово имеет более двух значений, и при этом отношения между ними удовлетворяют изложенным выше условиям. Такие случаи семантической деривации могут быть представлены в виде таблицы, например²²:

№ 21	‘человек’	‘мужчина’	‘муж’
англ.	<i>man</i>		<i>husband</i>
франц.	<i>homme</i>		<i>mari</i>
итал.	<i>uomo</i>		<i>marito</i>
нем.	<i>Mensch</i>	<i>Mann</i>	
швед.	<i>människa</i>	<i>man</i>	
др.-русск.	человѣкъ	моужь	
украинск.	людина	чоловік	
русск.	<i>человек</i>	<i>мужчина</i>	<i>муж</i>

Из этой таблицы, в частности, видно, что среди семи сравниваемых языков русский занимает уникальное положение в том отношении, что все три смежных смысла — ‘человек’, ‘мужчина’ и ‘муж’ — выражаются в нем разными словами.

Другой пример многочленного перехода:

№ 22	‘идти в неопределенном направлении’	‘идти в неправильном направлении’	‘ошибаться’	‘предаваться разврату’
лат. <i>errare</i>	+	+	+	
др.-русск. <i>блудити</i>	+	+	+	+
русск. <i>блудить</i>		(+) ²³		+
русск. <i>блуждать</i>	+			
русск. <i>заблудиться</i>		+		
русск. <i>заблуждаться</i>			+	

²² В первых двух колонках таблицы отражены типы синхронной семантической деривации лат. глагола *errare* и др.-русск. глагола *блудити*. Для всех остальных глаголов речь идет о той же семантической деривации в диахронии.

²³ Ср.: *Мы три часа блудили по лесу в поисках дороги.*

Та же информация может быть представлена в форме множества двучленных переходов — что и делается при описании указанных фактов в формате Каталога, где фигурируют лишь двучленные переходы, а именно:

№22а. ‘идти в неопределенном направлении’ → ‘идти в неправильном направлении’

лат. *errare*

др.-русск. *блудити*

русск. *блудить, блуждать*

№22б. ‘идти в направлении’ → ‘ошибаться’

лат. *errare*

др.-русск. *блудити*

русск. *заблудиться, заблуждаться*

№22с. ‘идти в неправильном направлении’ → ‘предаваться разврату’

др.-русск. *блудити*

русск. *блудить*

Однако таблица в типологическом отношении является более информативной, выявляя картину того, как по-разному членят языки одну и ту же концептуальную область.

2.4. ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЧЕСКОГО КАЛЬКИРОВАНИЯ

Рассматривая семантическую деривацию в типологическом аспекте, исследователь неизбежно сталкивается с той проблемой, что воспроизведение некоторого семантического перехода разными языками может быть обусловлено не только параллельным (независимым) семантическим развитием, но также и заимствованием производного значения — т. е. результатом семантического калькирования.

Нас будут интересовать здесь кальки как семантические, так и словообразовательные. При словообразовательном калькировании воспроизводится морфологическая структура слова (ср.: *меро-приятие* из нем. *Maß-nahme*). Семантическим калькированием называют возникновение у слова отсутствующего у него ранее переносного значения — по образцу слова другого языка с тем же исходным значением. Так, известно, что значение ‘воздействовать на чувства’ у русского слова *трогать* появилось в конце XVIII в. под влиянием франц. *toucher* (см. [Виноградов 1994: 810—811; Веселитский 1972: 145]).

Однако, поскольку калькирование — это заимствование внутренней формы, типы калькирования естественно различать на основании соотношения внутренней формы оригинала и копии (о типах внутренней формы слова см. раздел. I.2) А именно, если оригинал имеет внутреннюю форму словообразовательного типа, то копия представляет собой словообразовательную кальку (нем. *Gold-such-er* — русск. *золото-иска-тель*), если оригинал имеет внутреннюю форму эпидигматического типа, то получается семантическая калька (ср. слово *высокий* в значении ‘лучший, элитный’ по образцу франц. *haut* [Крысин 2004: 223]). В случае, если слово-оригинал имеет внутреннюю форму смешанного типа, калька является одновременно словообразовательной и семантической, так как созданное путем поморфемного перевода слово копирует также и заключенный в слове-источнике семантический переход. Так, русское *необходимо*, копирующие немецкое *unumgänglich*, воспроизводит также и ход метафорического переосмысления пространственной

идеи (*необходимое* — это «то, что нельзя обойти»); *председатель*, так же, как и нем. *Vorsitzender* и лат. *praesidens*, это не просто тот, кто сидит перед кем-то, как следует из буквального смысла составляющих, а тот, кто выполняет при этом определенные функции и т. п.

Среди калек смешанного типа существенно провести следующее разграничение, содержательно очевидное, однако для каждого конкретного слова вопрос о том, к какому из двух типов оно относится, можно решить только проведя отдельное разыскание историко-филологического характера. А именно, среди слов, имеющих прозрачную внутреннюю форму словообразовательного типа, следует различать такие, которые были созданы по образцу иноязычных слов, но при этом сразу в переносном значении (как *впечатление*, см. [Веселитский 1972: 154—155]) и такие, которые существовали в языке до момента заимствования (как *влияние*, см. [Там же: 152]), — каковое в этом случае состоит именно в заимствовании производного значения, т. е. это в чистом виде семантическая калька, с той только разницей, что речь идет о слове, имеющем прозрачную словообразовательную структуру.

Установить факт семантического калькирования в каждом конкретном случае можно лишь уяснив время и обстоятельства появления данного переносного значения. Блестящие образцы такой работы мы находим, например, в исследованиях В. В. Виноградова по «истории слов» [Виноградов 1994]; наиболее полный свод сведений о русских калькированных существительных и прилагательных содержится в книге [Арапова 2000]; см. также [Веселитский 1972; Сорокин 1965; Unbegaun 1932]). Собственно лингвистическими методами могут быть выявлены лишь случаи «подозрительного» сходства. Таковым, например, является сходство внутренней формы слова со значением ‘поезд’ в немецком, польском и чешском языках, наводящее на мысль о калькировании (нем. *Zug*, польск. *pociąg*, чешск. *vlak*; все эти существительные образованы от глагола со значением ‘тянуть’, см. семантический переход № 18 в разделе V.2.1)²⁴. Другой такой пример — семантический переход № 19: русск. существительное *переживание*, также как и нем. слово с тем же значением *Erlebnis*, образовано от глагола со значением ‘жить’.

«Семиотическое» значение у глагола *говорить* (*это говорит о его смелости*, см. раздел П.6.3) появилось в русском языке в начале XIX в. (см. семантический переход № 15 ‘говорить’ ↔ ‘указывать’) — возможно, под влиянием французского, где соответствующее значение у глагола *dire* появилось значительно раньше (*qu'est ce que ça veut dire?*). Отметим, что этот переход может происходить в обе стороны: направление от ‘указывать’ к ‘говорить’ восстанавливается из сравнения таких пар, как лат. *dico* ‘говорю’ и греч. δέικνυμι из и.-е. **deik-* (см. [Pokorny 1959: 188]), а также из русск. *сказать* (от *казать*, ср.: *показать, указать*); ср. также данные других славянских языков, приводимые в статье [Толстая 2000].

Представляется весьма вероятным, что результатом калькирования является наличие у глагола со значением ‘обнаруживать’ производного значения ‘придерживаться мнения’ во всех европейских языках, ср.: русск. *находить*, франц. *trouver*, итал. *trovare*, англ. *to find*, нем. *finden* (см. семантический переход № 14). Однако вопрос о направлении заимствования здесь не может быть решен методами семантического анализа.

²⁴ Заметим, что тот же переход присутствует во франц. слове *train* ‘поезд’ от *trainer* ‘тянуть’.

Переход от значения ‘горшок’ (через промежуточное значение ‘череп’) к значению ‘голова’ (№ 20), произошедший с нем. словом *Kopf*, предположительно является семантической калькой с претерпевшего ту же эволюцию лат. *testa* (см. [Блумфилд 1968: 483]), однако полной уверенности в этом быть не может. Окончательно установить факт калькирования часто не удается не только из-за нашей недостаточной осведомленности, а потому, что для контактирующих языков граница между этими двумя явлениями до некоторой степени стирается (подобно тому, как в тесном научном коллективе порой трудно бывает установить, кто первый придумал некоторую ставшую впоследствии популярной идею). Так, например, известно, что русское слово *вкус* в значении ‘чувство изящного’ представляет собой кальку с французского *goût* [Арапова 2000: 67]. Ср., однако, следующее рассуждение А. С. Шишкова:

Слово *вкус* происходит от глагола *вкушать* [...] и значит чувство, какое получает язык наш от раздробления зубами куска снеди. Сие есть главное его знаменование. [...] Но поелику человеческий разум весьма обширен, так что сколько бы ни изобрел он разных названий, однако всегда изобилие мысли его превосходнее будет изобилия слов: сего ради бывает, что одно и то же слово служит к изображению двух или многих понятий, из которых одно есть первоначальное, другие — по сходству или подобию с оным от него произведенныя. Мы говорим *вкушать пищу* и говорим *вкушать утех*... Равным образом и слово *вкус* употребляется иногда в первоначальном знаменовании, т. е. означает чувство, различающее съедаемые вещи, а иногда в производном от подобия с оным [разрядка моя. — А. 3.], т. е. означает разборчивость или звание различать изящность вещей [Шишков 1824: 161—162].

Ср. также [Крысин 2002: 31] о переносном значении слова *крутой*.

Поэтому с точки зрения семантической типологии закрепившиеся семантические кальки представляют не меньший интерес, чем случаи независимого семантического развития — и не только потому, что иногда эти два случая трудно различить, но также и потому, что заимствование производного значения, если оно удерживается в заимствовавшем языке, есть подтверждение «жизнеспособности» соответствующего семантического перехода.

Проблема калькирования имеет еще один важный аспект, поскольку семантические кальки являются одновременно свидетельством и проводником культурного влияния. Механизм этого влияния состоит в следующем.

Внутренняя форма слова тесно связана с языковой картиной мира (см. [Никитина 1996; Зализняк 1998; Булыгина, Шмелев 1999; Толстая 2002] и др.): действительно, внутренняя форма указывает на способ построения концепта; при этом разные языки не случайным образом выбирают тот или иной способ (ср. приведенный в разделе I.2.1 пример А. А. Потебни со словом *жалованье*). В случае внутренней формы эпидигматического типа эта связь осуществляется за счет действия силы притяжения между разными значениями многозначного слова (т. е. эпидигматических связей): концепт, сконструированный путем семантической деривации, хранит в себе следы этой конструкции. Дело именно в этом: в том, что производное значение многозначного слова так или иначе остается связанным с исходным. Тот факт, что концепты ‘X’ и ‘Y’ в данном языке представляют собой значения одного слова, не может не отразиться на содержании этих концептов — а именно, таким образом, что каждый из них в некотором смысле включает другой (другие), в особенности когда речь идет о непредметных сущностях. Расхожий пример: слово *идиот*, из греч. слова ἰδιώτης, исходное значение которого было ‘частное лицо’, где сам факт совмещения этих двух смыслов свидетельствует об отношении к

частному лицу в древнегреческих государствах — ради чего этот факт и упоминается в популярной литературе и вводных курсах по общему языкознанию²⁵. Актуальность эпидигматических связей в слове является также источником разного рода каламбуров, языковой игры и поэтических (а также демагогических) приемов. Так, например, В. Набоков не принял ни одного почетного титула, которые ему предлагали академические общества Европы и Америки, не входил ни в какие комитеты и клубы — на том основании, что он не хотел никому и ничему «принадлежать» [Апресян 2000в: 496].

Наличие между двумя концептами обусловленной таким образом близости является фактом картины мира данного языка. При семантическом калькировании, т. е. заимствовании данного отношения полисемии, происходит заимствование и соответствующего фрагмента картины мира одного языка в другой язык (которое может трактоваться как «навязывание чуждого мировоззрения»). Так, в речи русских, постоянно живущих на Западе, имеются, в частности, следующие семантические кальки (постепенно многие из них распространяются и в России): употребление слова *друг* в значении, соответствующем англ. *boyfriend* (ср. также: франц. *ami*, нем. *Freund*); *пригласить* в значении, соответствующем, напр., франц. *inviter*, т. е. практически ‘предложить заплатить <за обед, билет в театр и т. п.>’, *забрать* <кого-то> в значении, соответствующем нем. *abholen*, т. е. ‘приехать <за кем-то на машине>’ и т. п.

В первом примере «идеологическое воздействие» чужой языковой картины мира состоит, по-видимому, в следующем. Слово *друг* в рассматриваемом значении заполняет имеющуюся лауну, одновременно вытесняя из русского языка слово *сожитель* (с приблизительно тем же значением, но с ярко выраженной отрицательной коннотацией). Людями старшего поколения такое словоупотребление, очевидно, может быть воспринято как свидетельство девальвации «высокого» понятия *друг* — и, одновременно, «падения нравов» (и все это — исключительно в силу устойчивости эпидигматических связей, благодаря которым внутренняя форма слова оказывается носителем идеологии).

Семантическая деривация в глаголе со значением *пригласить* находит системные соответствия в характере расхождения роли компонентов ‘деньги’ и ‘собственность’, которое реально обнаруживается при сравнении целого ряда русских лексем — таких как *купить*, *дать*, *подарить*, *одолжить* — с их переводными эквивалентами, в частности, английского, французского и немецкого языков. В третьем примере картина мира обнаруживает себя в пресуппозиции передвижения на автомобиле (которая в русской языковой картине мира отсутствует, что отражено, например, в значении лингвоспецифичного концепта *добираться*, см. [Зализняк 2000б]).

Поэтому не удивительно, что сторонники идеи «национальной самобытности» всегда столь яростно сопротивляются не только заимствованиям, но и семантическим калькам, несущим в себе заимствованную семантическую деривацию, заставляющую — в силу действия описанного выше механизма — человека, пользующегося данным словом, сближать концепты, соответствующие его исходному и производно-

²⁵ На самом деле путь семантической деривации, связывающий эти два значения, совершенно иной. А именно, в древнегреческом у слова ἰδιώτης (от прилагательного ἴδιος — ‘свой, своеобразный, собственный, частный’), наряду со значением ‘частное лицо’, было значение ‘неопытный или несведущий в чем-то человек’, которое и послужило источником современного значения (ср. [Черных 1994, II: 336]).

му значениям. Здесь достаточно вспомнить продолжавшуюся в течение нескольких десятилетий полемику славянофилов с «западниками», в которой лингвистический аспект играл весьма важную роль.

Альтернативой семантическому калькированию является создание новых слов по оригинальным моделям; так, слова типа *колозemiца* (вместо *атмосфера*), *ловкосилие* (вместо *гимнастика*) и т. п. имеют свою собственную, некалькированную внутреннюю форму; ср. также немецкие слова с оригинальной внутренней формой: *Sachwort* «существительное», букв. «вещное слово», — *Zeitwort* «глагол», букв. «временное слово», *Hochzeit* «свадьба», букв. «высокое время», *wahrnehmen* «воспринимать», букв. «брать правду» и т. п.

3. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД КАК ОБЪЕКТ ТИПОЛОГИИ*

За полтора десятилетия, прошедшие с момента возникновения замысла Каталога семантических переходов²⁶, в той сфере лингвистики, которой он принадлежит, произошли весьма существенные изменения: не только появился целый ряд научных проектов, весьма близких по своим задачам и методологии²⁷, но и более того, область исследований, обозначающая себя как лексическая типология, из маргинального раздела типологии превратилась в ведущее направление не только типологии, но и вообще лингвистики, оказавшись точкой приложения ее новейших идей и методов²⁸.

В данной статье я хочу подвести некоторые итоги работы над Каталогом семантических переходов и определить место его концепции по отношению к синхронной

* Впервые опубликовано: [Зализняк 2013б].

²⁶ Концепция Каталога семантических переходов разрабатывалась с середины 90-х гг., с 1998 — в рамках проекта по типологии семантической деривации, поддержанного РФФИ. С 2002 года работа над реализацией Каталога семантических переходов в форме компьютерной базы данных осуществляется силами рабочей группы Института языкознания РАН (М. С. Булах, Д. С. Ганенков, И. А. Грунтов, Анна А. Зализняк, Т. А. Майсак; М. М. Руссо; до 2005 года в работе над Каталогом принимала участие также Е. С. Грунтова) при поддержке фондов РФФИ, ИНТАС, РГНФ; разработка формата базы данных принадлежит Д. С. Ганенкову. О концепции Каталога семантических переходов и структуре Базы данных по семантическим переходам в языках мира см. [Зализняк 2001а; 2006: 392—402; 2009в; Грунтов 2007; Zalizniak 2008; Zalizniak et al. 2012].

²⁷ Назову прежде всего проекты под руководством Петера Коха — DECOLAR (Dictionnaire étymologique et cognitive des langues romanes: <http://www.decolar.uni-tuebingen.de/>) и LexiTyp-Dia (*Lexical change — polygenesis — cognitive constants: The human body*), см. [Blank, Koch 2000; Blank et al. 2000; Gévaudan et al. 2003; Gévaudan, Wiebel 2004; Gévaudan 2007]; проект по типологии «семантических сближений» (*Typology of semantic associations*) под руководством Мартин Ванхов см. [Vanhove (ed.) 2008]; исследования по русско-французским этимологическим параллелям Сергея Сахно [Sakhno 1998; 1999; 2001; Hénault-Sakhno, Sakhno 2005]; проекты по лексической типологии под руководством Е. В. Рахилиной [Майсак, Рахилина (ред.) 2007; Бонч-Осмоловская и др. 2009; Рахилина и др. 2009; 2010а,б], проект по типологии температурных терминов под руководством Марии Копчевской-Тамм [Копчевская, Рахилина 1999; Tamm, Rakhilina 2006; http://temperature.ling.su.se/index.php/Main_Page]. Ср. также [Гак 1988/1998; Аркадьев 2002; Майсак 2005] и др.

²⁸ Я имею в виду идеи и методы когнитивной лингвистики (в частности, грамматики конструкций), принципиально новые возможности, предоставляемые корпусными методами, а также идею единства синхронии и диахронии, с одной стороны, и лексики и грамматики — с другой.

лексической семантике и диахронически ориентированной семантической типологии, из которых она вышла, и к современной лексической типологии, в которую она вошла. В частности, я сделаю некоторые уточнения, касающиеся центрального для данной концепции понятия семантического перехода как объекта семантической типологии (введенного в [Зализняк 2001]).

3.1. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД КАК РАСШИРЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПОЛИСЕМИИ

Понятие семантического перехода в настоящий момент оказалось, по-видимому, одним из центральных для лингвистической семантики. Это обусловлено, с одной стороны, успехами диахронической когнитивной семантики, моделирующей процессы семантической эволюции, в том числе в области теории грамматикализации, см. [Bybee et al. 1994; Blank 2000; Плулунгян 1998; Haser 2000, Heine, Kuteva 2002; Traugott, Dasher 2002; Koch 2004; Майсак 2005] и др. С другой стороны, как семантические переходы естественно концептуализуются устойчивые соотношения между значениями и классами значений, выявляемые в исследованиях в области систематизации описания лексической многозначности [Апресян 1995; 2009; Кустова, Падучева 1994; Падучева 2004; Кустова 2004; Розина 2005] и др. Понятие семантического перехода традиционно используется в этимологии, компаративистике и исторической лингвистике [Бенвенист 1954/74; Трубачев 1976; 1988] и др.; например, авторы статьи [Зализняк А. А. и др. 2005] пользуются понятием «сходного семантического перехода» при установлении значения слов в древних текстах (ср. ниже о понятии «семантической параллели»). Семантический переход используется также в качестве инструмента описания языковой картины мира (см. [Толстая 2002; 2008; Руссо 2012; Зализняк 2013а]). Новый импульс разработке понятия семантического перехода придала концепция «грамматики конструкций», позволившая интегрировать различные факторы, определяющие функционирование данного феномена; как справедливо отмечается исследователями, семантический переход — это, прежде всего, смена конструкции²⁹.

В рамках нашей модели под «семантическим переходом» понимается наличие некой концептуальной смежности³⁰ между двумя языковыми значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах «одного слова в широком смысле» (см. ниже). А именно, семантический переход обнаруживает себя в форме ре а л и з а ц и й следующих типов, различаемых в зависимости от того, какие языковые единицы являются носителями сопоставляемых значений.

1. Синхронная полисемия: А и В — значения одного слова: напр., *голова* ‘голова (часть тела)’ и ‘единица счета сельскохозяйственных животных’, англ. *to call* ‘звать <кого-то>’ и ‘звонить <кому-то> по телефону’.

2. Диахроническая семантическая эволюция некоторого слова (в его соответствующем фонетическом облике) от языка-предка к языку-потомку или в пределах одного языка: напр., лат. *caput* ‘голова’ → франц. *chef* ‘начальник’, др.-

²⁹ См. в частности [Майсак 2005: 90—93; Рахилина (ред.) 2010; Bybee 2010].

³⁰ Имеется в виду смежность соответствующих концептов в ментальном пространстве, ср. список «когнитивно-ассоциативных связей» в [Koch 2004]; ср. также термины «conceptual contiguity», «cognitive contiguity», «proximity in cognitive space».

русск. *красьный*: ‘красивый’ → русск. *красный* ‘красный’, русск. *ревность*: ‘рвение, усердие’³¹ → ‘ревность’.

3. Морфологическая деривация³²: значение В представлено морфологическим дериватом слова, имеющего значение А: напр., нем. *rufen* ‘звать <кого-то>’ и *anrufen* ‘звонить <кому-то> по телефону’, русск. *уста* ‘рот’ — *устье* ‘устье (реки)’, лат. *capitulum* ‘глава (книги)’ от *caput* ‘голова’, исп. *ventana* ‘окно’ от *viento* ‘ветер’, исп. *celos* ‘ревность’ от *celo* ‘рвение, усердие’ и т. п. Или же наоборот, значение А представлено морфологическим дериватом слова, имеющего значение В, напр., пара слов *жена* — *женщина* демонстрирует семантический переход ‘женщина’ → ‘жена’; пара *красный* — *прекрасный* является свидетельством перехода ‘красивый’ → ‘красный’.

4. Когнаты: значения А и В принадлежат двум (близко) родственным языкам и восходят к одному слову их общего языка-предка; напр. пара слов русск. *место* ‘место’ и польск. *miasto* ‘город’ реализуют семантический переход ‘место’ → ‘город’.

5. Заимствованые: значение В принадлежит заимствованному слову, А является значением того же слова в языке-источнике³³. Напр. русск. *оригинальный* ‘особенный’ было заимствовано из нем. *original* [Крысин 1998: 493], имевшего, в соответствии со значением латинского оригинала, значение ‘подлинный, аутентичный’ (семантический переход: ‘подлинный’ → ‘особенный’); русск. *сортир* происходит от франц. глагола *sortir* ‘выходить’ (демонстрируя семантический переход: ‘выходить’ → ‘WC’, ср. тот же переход в выражении *отхожее место*).

Границы между типами реализаций являются условными — в том смысле, что из множества языковых фактов, свидетельствующих об осуществлении некоторого семантического перехода, в качестве демонстрирующей его «реализации» могут быть выбраны те или иные из них. Так, например, семантический переход ‘год’ → ‘лето’ может быть проиллюстрирован семантической эволюцией русского слова *лето*, а также синхронной полисемией слова *лѣто* в древнерусском языке (см. [Срезневский 1989, II: 78]) или же полисемией слова *лето* в современном русском языке (так как значение ‘год’ у этого слова сохраняется в счетной форме). Семантический переход ‘рвение, усердие’ → ‘ревность’ может быть подтвержден не только реализацией типа «семантическая эволюция» существительного *ревность* (ср. пример выше), но также и реализацией типа «морфологическая деривация», поскольку прилагательное *ревностный* или существительное *ревнитель* сохраняют исходное значение основы. Реализация типа «когнаты» может оказаться равнозначной «семантической эволюции» в пределах одного из этих двух языков или «полисемии» в языке-предке (так, например, реализация типа «когнаты», представленная парой слов франц. *espérer* ‘надеяться’ и исп. *esperar* ‘ждать’, равнозначна реализации типа «полисемия» латинского глагола *spero*, имевшего оба значения). В случае полисемии, засвидетельствованной в языке-предке, именно этот тип реализации и выбирается; однако часто единственным надежным свидетельством семантического перехода оказывается пара слов-когнатов в современных языках.

Тип реализации семантического перехода «синхронная полисемия» является базовым — как в методологическом, так и в количественном отношении.

³¹ Ср.: *Петр снисходительствовал его просьбам, просил его заботиться о своем здравии, благодарил за ревность к учению* (Пушкин. Арап Петра Великого).

³² Данный тип реализаций требует особых комментариев, которые будут сделаны в разделе V.3.3.

³³ Об этом типе реализации см. подробнее [Zalizniak et al. 2012: 635].

Частным случаем семантического перехода является грамматикализация — такой переход, «целью» которого является значение, принадлежащее «универсальному грамматическому набору», т. е. являющееся грамматическим в каких-то языках мира (ср. [Плунгян 1998; 2000; 2011: 89; Майсак 2005: 37]). Так, например, значение ‘назад’ у англ. слова *back* — более грамматическое, чем исходное значение ‘спина’; для русского глагола *собираться* значение ‘иметь намерение нечто сделать’ — более грамматическое (ср. понятие «интенционального проспектива» в [Плунгян 2011: 387]), чем значение ‘складывать вещи в дорогу’, однако оно представляет не меньший интерес для лексической семантики. Семантический переход, содержанием которого является грамматикализация, может обнаруживать себя в форме реализаций разных типов: полисемия (напр. франц. *aller* — глагол ‘идти’ и вспомогательный глагол, образующий форму *Futur immédiat*), семантическая эволюция (напр. франц. *avoir* ‘иметь’ происходит из лат. *habere* ‘держат’); когнаты (напр. франц. *tenir* ‘держат’ и порт. вспомогательный глагол *ter*); морфологическая деривация, частным случаем которой является изменение морфосинтаксической характеристики слова (напр. франц. предлог *en attendant* ‘(до тех пор) пока’ образован от глагола *attendre* ‘ждать’, предлог *par crainte de* ‘чтобы не’ — от глагола *craindre* ‘бояться’, русская частица *-либо*, входящая в состав одного класса неопределенных местоимений, восходит к прилагательному *любой*, союз *хотя* — к форме причастия глагола *хотеть* и т. п.).

Итак, реализацией семантического перехода может быть либо одно слово, имеющее оба значения, либо пара родственных, в том или ином смысле, слов (= «одно слово в широком смысле»), одно из которых имеет значение А, а другое — значение В. Тем самым семантический переход — это, по существу, расширение понятия полисемии — за счет расширения понятия «одного и того же слова», а именно, включения сюда диахронической семантической эволюции, диалектного варьирования и морфологической деривации³⁴. Заметим, что аналогичное расширение области носителей сопоставляемых значений является общепринятым в этимологии; ср. также сходный подход при определении понятия полисемии в [Толстая 2008: 20], понятия энантиосемии в [Шмелев 2009]).

Термин «семантический переход» («semantic shift») пришел из исторической лингвистики, где он понимается диахронически, т. е. как свидетельство семантической эволюции³⁵. Однако, как известно, семантическая эволюция и синхронная полисемия — это две стороны одного и того же явления. Более того, семантическая эволюция обычно происходит таким образом, что у некоторого слова, имеющего значение А, появляется контекстно обусловленное значение В, затем значение А исчезает, а В освобождается от контекстной зависимости; ретроспективно эта ситуация может быть обозначена как

³⁴ Однако словарная статья (вход) Каталога содержит два поля — соответственно, для лексем, имеющей значение А, и для лексем, имеющей значение В (в случае полисемии это одна и та же лексема). Такой способ представления технически удобнее, так как позволяет отразить реальные различия фонетики и морфологии двух репрезентантов «одного слова в широком смысле».

³⁵ Термин *semantic change* имеет исключительно диахроническое понимание; термин *semantic extension* может употребляться в том числе и для обозначения синхронных отношений семантической деривации; однако по крайней мере русское слово *расширение* представляется не слишком удачным, так как семантический переход часто приводит, наоборот, к сужению (хотя и в другом смысле) исходного значения. В книге [Кустова 2004] принят термин «языковое расширение», который вольно или невольно отсылает к названию словаря А. Солженицына [1990], что, учитывая его содержание, оказывается несколько вводящим в заблуждение.

«переход» значения А в значение В (ср. [Traugott, Dasher 2002: 11; Evans, Wilkins 2000: 549]). Именно этим обстоятельством обусловлена частичная эквивалентность различных типов реализаций семантического перехода, о которой шла речь выше.

Следует особо оговорить соотношение понятия «семантический переход» с понятием «семантическая деривация», потому что между ними имеется лишь частичное пересечение. Термин «семантическая деривация» возник как антитеза обычной, т. е. морфологической, деривации: речь идет об изменении значения при сохранении формы (в том же смысле употребляется термин «регулярная многозначность» в [Апресян 1974]). При этом под семантической деривацией в литературе обычно понимается регулярное соотношение, которое может быть описано при помощи некоторого правила, применимого ко всем словам определенного класса, которое моделирует процесс порождения некоторого производного значения, см. [Апресян 1974: 187—189; Падучева 2004: 147—154; Кустова 2004; Розина 2005]³⁶. Семантический переход как единица Каталога семантических переходов не предполагает порождения производного значения, речь идет скорее наоборот, о сближении, производимом языком путем обозначения одним и тем же словом (ср. термин Мартин Ванхов «*garrochement sémantique*» [Vanhove (ed.) 2008]). Именно поэтому семантический переход может оказаться ненаправленным — в том случае, если направление перехода (реальное историческое или моделируемое синхронное) нам неизвестно или не очевидно. По этой же причине в Каталог включаются лишь такие семантические переходы, которые реализуются не в классах слов, а в индивидуальных словах; регулярность выявляемых нами семантических соотношений обнаруживает себя в том, что они независимо воспроизводятся для слов с тем же исходным значением в разных языках или в разных словах одного языка. Другое отличие состоит в том, что семантический переход обнаруживает себя в пределах одного слова в расширенном понимании (см. выше).

3.2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ КАК ТИПОЛОГИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ

Итак, понятие семантического перехода представляет собой способ отразить тот факт, что некоторые два смысла неслучайным образом выражаются в каком-то языке одним и тем же словом — либо синхронно, в форме двух значений полисемичного слова, либо диахронически, в форме этапов семантической эволюции. Факт совмещения двух значений в пределах одного слова сам по себе свидетельствует об их близости в концептуальном пространстве (которая имеет довольно существенные последствия, ср. выше, раздел V.2.4). Если же сходное совмещение значений наблюда-

³⁶ В модели «Смысл–Текст» термин «семантическая деривация» употребляется иначе. А именно, так называется смысловое соотношение между разными словами, которое носит регулярный характер, т. е. соответствует некоторой схеме, например, глагол и его *nomen actionis* или существительное и его уменьшительное: так, франц. *achat* является семантическим дериватом от *acheter*, рус. *трамвайчик* от *трамвай* (см. [Mel'čuk 2007: 120—121]). Слово *столовая*, будучи морфологическим дериватом от слова *стол*, считается семантическим дериватом от глагола *есть*, реализуя регулярное соотношение 'нечто делать' → 'комната, где это делают' (ср.: *спать* → *спальня*, *читать* → *читальня*, *раздеваться* → *раздевалка*, ср. также англ. *living room*, *dining room* и т. п.). Семантическая деривация в таком понимании лежит в основе понятия «лексической функции».

ется в нескольких словах (одного или разных языков), возникает семантическая параллель³⁷. Так, например, семантический переход ‘достать, схватить’ → ‘быть достаточным’³⁸ имеет следующие реализации (каждая из них является семантической параллелью к двум остальным):

- 1) русск. *достать*:
значение А: *достать до потолка*
значение В: *достаточно*, ср. также устар. *достанет* (если *достанет сил*)
- 2) русск. *хватать*:
значение А: *хватать за руку*
значение В: *мне не хватает денег*
- 3) нем. *reichen* (*erreichen*)
значение А: *er reicht mit dem Kopf fast bis zur Decke* ‘он достает головой почти до потолка’;
erreichen das Ufer ‘достигнуть берега’;
значение В: *das Geld reicht nicht* ‘не хватает денег’
- 4) исп. *alcanzar*:
значение А: *alcanzar con la mano* ‘достать рукой’, *alcanzar al techo* ‘достать (дотянуться) до потолка’
значение В: *Cuando el trabajo no alcanza para vivir* ‘когда заработка не хватает на жизнь’;
¿Crees que tu conocimiento no alcanza? ‘Ты считаешь, что твоих знаний недостаточно?’

Наличие семантических параллелей говорит о том, что данное совмещение значений отражает некоторую модель языковой концептуализации. Выявление таких моделей — это одна из задач Каталога семантических переходов, который может быть также назван «каталогом семантических параллелей», так как представляет собой собрание повторяющихся, воспроизводимых семантических переходов³⁹.

Термин «семантическая типология» употребляется в литературе в нескольких различных значениях. Поскольку объектом семантической типологии в любом случае являются языковые значения, этот термин может пониматься в самом широком смысле и тем самым рассматриваться как родовой по отношению ко всем частным типологиям, имеющим дело со значимыми единицами языка — в том числе, к лексической. Такое понимание отражено, например, в программной работе Н. Эванса, который, приводя популярное определение семантической типологии из [Lehrer 1992: 249] «характерные для того или иного языка способы упаковки семантического материала в слова» («characteristic ways in which language [...] packages semantic material into

³⁷ О понятии семантической параллели в этимологии и лингвистической реконструкции см. в частности [Трубачев 1976; 1988; Wilkins 1996]. В лексической типологии в том же смысле используются термины «polygenetic semantic parallels in semantic change», или просто «polygenesis» [Koch 2000; Gévaudan, Wiebel 2004; Koch 2008].

³⁸ См. о данном семантическом переходе также [Зализняк А.А., Топорова, Янин 2005; Зализняк 2009в; Кор-Шаин, Рахилина 2009].

³⁹ Ср.: «Составление списка параллельно возникших метафор и случаев метонимии имеет огромное значение, поскольку лежащие в их основе ассоциации, по-видимому, глубоко коренятся в человеческом опыте и в значительной степени не зависят от культуры или среды. В связи с этим чрезвычайно важен проект, выдвинутый на Лондонском конгрессе лингвистов в 1952 г.: составление “словаря семантических параллелей”» (имеется в виду работа [Schröpfer 1956]. — А. З.) [Ульманн 1970: 276]. О воспроизводимости семантического перехода как свидетельстве его значимости см. также [Блумфилд 1968: 468; Brown, Witkowski 1983: 83; Sweetser 1990: 18; Traugott, Dasher 2002: 11; Blank, Koch 2000: 104; Koch 2000: 80; Аркадьев 2002; Koch 2004; 2008; Князев 2007: 45] и др. О проектах создания словаря воспроизводимых семантических переходов см. [Schröpfer 1956; Трубачев 1964; Havlová 1965; Гак 1988/1998], см. также изложение истории данного вопроса в разделе VI.1.

words»), комментирует его следующим образом: «поскольку слова — это всего лишь один из типов знаков, лексическая типология представляет собой раздел семантической типологии, занимающийся лексикой» («since words are only one type of sign we consider lexical typology to be that sub-branch of semantic typology concerned with the lexicon») [Evans 2011: 505]. При таком понимании границ семантической типологии грамматическая типология также оказывается ее разделом. Действительно, лингвистическая типология — это типология грамматическая *par excellence*, и при этом, за исключением областей фонологии и морфонологии, она является одновременно семантической — в той мере, в какой она представляет собой изучение способов выражения того или иного значения⁴⁰.

Остановимся теперь подробнее на соотношении терминов «семантическая типология» и «лексическая типология», поскольку здесь, очевидно, нет ни ясности, ни единодушия.

Семантическая типология в широком смысле (о которой шла речь до сих пор) — это исследование языковых значений и всех возможных связей между ними, определяющих характер языковой концептуализации. Одной из таких связей является когнитивная смежность, обнаруживающая себя в том, что некоторые два значения совмещаются в одном слове — в той или иной форме. Поэтому под семантической типологией в узком смысле (о которой пойдет речь дальше) мы будем понимать типологию семантических переходов (включающую как синхронный, так и диахронический аспекты) — ср. сходное понимание термина «семантическая типология» в [Трубачев 1988: 213; Гак 1988/1998: 469; Pottier 1999; Hénault-Sakhno, Sakhno 2001; 2005; Зализняк 2006: 392—402]; ср. также понятие «типология полисемии» в [Зевахина 1985] и понятие «typologie des rapprochements sémantiques» («typology of semantic associations»), используемое в рамках проекта Мартин Ванхов [Vanhove (ed.) 2008], в основе которого лежит, наоборот, идея «сближения» некоторых двух значений в рамках одного слова.

Лексическая типология как область лингвистики, занимающаяся способами лексикализации и типологией лексических систем, имеет достаточно прочную традицию, см. [Гак 1977; Talmy 1985/2007; Lehmann 1990; Koch 2001; Brown 2001] и др. При этом раньше данная область называлась «семантической типологией». Так, «семантическая типология» фигурирует в списке шести типологий, названных в основополагающей статье [Greenberg 1957], однако, как справедливо замечает П. Кох [Koch 2001: 1142], Дж. Гринберг, очевидно, имел в виду лексико-семантическую, т. е. лексическую типологию. С. Ульман в своей известной статье [Ульман 1970] под «семантической типологией» также понимает типологию лексических систем. Это смешение отчасти продолжается — например, работа [Leemans 2005], в названии которой фигурирует «семантическая типология», посвящена в большей степени типологии лексической, тому «каким образом разные языки выражают сходные понятия» («la manière dont des différentes langues expriment des concepts similaires») [Ibid.: 77].

Если сравнивать лексическую типологию и семантическую типологию в обозначенном выше узком смысле, то можно увидеть, что различаются они, прежде всего, точкой приложения исследовательского интереса: если для лексической типологии

⁴⁰ Семантической типологией называют также устройство класса слов, имеющих тот или иной тип значения — напр., неопределенных местоимений; предикатов, описывающих градуируемые свойства; прилагательных со значением психического состояния и т. п.

объектом анализа являются слова конкретного языка (обычно относящиеся к определенной узкой концептуальной области — например, обозначающие температурные параметры или виды плавания), для которых устанавливается распределение между ними семантического материала, то для семантической типологии таковым объектом являются пары значений, обнаруживающие концептуальную смежность; слова, эти значения выражающие, служат лишь ее «экспонентами»⁴¹. В терминах концептуального аппарата Каталога семантических переходов такие слова представляют собой реализацию семантических переходов (ср. выше) и лишь в таком качестве представляют интерес для семантической типологии.

В лексической типологии объектом типологизации являются определенные слова определенных языков и, соответственно, сами эти языки: в один «тип» попадают языки, одинаковым образом «пакующие семантическую информацию», в частности, совмещающие или разделяющие те или иные значения (ср. типологию лексических систем в [Koch 2001], типологию лексикализации в [Talmy 1985/2007]). Так, с точки зрения лексической типологии, например, английский и французский языки, совмещающие значения ‘мать жены’ и ‘мать мужа’ (англ. *mother-in-law*, франц. *belle-mère*), попадут в один «тип», а русский язык, различающий эти смыслы при помощи слов *теща* и *свекровь*, — в другой; русский язык, совмещающий значения ‘брат отца’ и ‘брат матери’ (*дядя*), окажется принадлежащим иному типу, чем древнерусский, различающий эти смыслы при помощи слов *стрый* и *уй* и т. д. Заметим, что в русском языке еще существуют слова *деверь* и *шурин*, но далеко не все говорящие сегодня по-русски умеют ими пользоваться; более того, наблюдается отчетливая тенденция утраты противопоставления *теща* — *свекровь*. Тем самым можно сказать, что в русском языке в этой точке происходит изменение типа лексической системы: постепенная утрата противопоставления в обозначении родственников мужчины и женщины⁴². Между тем для семантической типологии (в том узком смысле, о котором идет речь) приведенный материал не дает оснований ни для каких выводов, так как здесь не может быть усмотрено никаких семантических переходов.

Именно разность задач и собственно объекта типологического исследования определяет разный выбор перспективы и, соответственно, рабочего инструментария — при рассмотрении, в том числе, одного и того же материала. И, наоборот, единство материала отчасти затемняет различие целей семантико-типологического и лексико-типологического исследования — тем не менее, с методологической точки зрения оно весьма существенно.

Проблема лексической типологии — как распределен в разных языках материал некоторой концептуальной области между лексемами и какие здесь существуют типологически релевантные параметры варьирования (ср. признаки, различающие синонимы, которые перечисляются в начале каждой словарной статьи в [НОСС]). Соответственно, выбор тех или иных параметров в качестве различительных призна-

⁴¹ Я пользуюсь здесь термином А. Вежбицкой («exponents»), применяемым ею по отношению к словам, выражающим элементарные смыслы, или «семантические примитивы», в том или ином языке, см.: [Goddard, Wierzbicka (eds.) 1994; Wierzbicka 1996] или <http://www.uned.edu.au/bcss/linguistics/nsm/semantics-in-brief.php>.

⁴² В том же русле изменения лексической системы находится утрата противопоставления *единокровный* — *единоутробный* (о брате / сестре): в обоих значениях в современном языке употребляется термин *сводный*, изначально применявшийся лишь к неродному брату / сестре т. е. к ребенку другого супруга своего отца или матери.

ков детерминирует тип лексической системы. В семантической же типологии «тип» определяется наличием тех или иных семантических переходов (представленных реализациями любого типа). Так, в англ. языке есть переход ‘человек’ → ‘мужчина’, а в русском нет, а переход ‘уйти’ → ‘умереть’ есть и в том, и в другом; переход ‘творог’ — ‘сыр’ есть и в русском, и во французском, хоть и в разных типах реализаций (см. следующий раздел), а вот переход ‘сливки’ → ‘сметана’ есть во французском (ср.: *crème fraîche*) и в немецком (ср.: *sauere Sahne*), а в русском нет, и т. д. Типологически наиболее близкими в этом смысле являются языки с наибольшим пересечением множества семантических переходов. Так, возьмем семантический переход ‘мужчина’ → ‘муж’. С точки зрения лексической типологии немецкий язык в данной точке лексической системы попадет в другой класс, чем русский (в немецком одно слово: *Mann*, а в русском — два разных: *мужчина* и *муж*), а с точки зрения семантической типологии оба эти языка будут квалифицированы одинаково, а именно как содержащие данный переход: немецкий — в форме полисемии, а русский — в форме морфологической деривации.

В лексической типологии широко применяется аппарат семантических карт (созданный изначально для нужд грамматической типологии, см. [Croft 1990/2003: 133—139; Haspelmath 2003]), позволяющий отобразить возможности категоризации некоторого концептуального пространства и сопоставить способы выражения таких смежных категорий в разных языках. Так, в статье [Haspelmath 2003] предлагается семантическая карта значений ‘дерево’ — ‘древесина’ — ‘дрова’ — ‘лес’ в нескольких европейских языках; в статье [François 2008] исследуются возможности «колексификации» в разных языках многочисленных производных значения ‘дышать’. Лексико-семантические таблицы, используемые, например, в [Koch 2001], представляют собой упрощенный вариант семантических карт (исследуемое концептуальное пространство предстает в форме одномерной шкалы). Приведем, в существенно модифицированном виде, одну из таких таблиц (ср. также таблицу ‘человек’ — ‘мужчина’ — ‘муж’ в [Зализняк 2006: 411]):

Таблица 1

	‘волосы на голове’	‘волосы в бороде’	‘волосы на теле человека’	‘шерсть у животного’	‘шерсть (материал)’
англ.	hair				wool
нем.	Haar				Wolle
рус.	волосы			шерсть	
лат.	<i>capillus</i>		<i>pilus</i>		<i>vellus, lana</i>
фр.	cheveu	poil			laine
итал.	capello	pelo			lana

Применяемый в лексической типологии табличный метод, также как и метод семантических карт, обладает двумя свойствами, принципиально отличающими его от формата Каталога семантических переходов. Во-первых, здесь фигурирует не два, а целый ряд значений; во-вторых, здесь отражается лишь сам факт колексификации:

характер отношений между совмещаемыми в слове значениями (т. е. наличие или отсутствие полисемии и, соответственно, семантического перехода) оказывается несуществен.

В последние годы область лексической типологии расширилась — см. историю вопроса и формулировку задач лексической типологии в [Рахилина Плунгян 2007; Kortjevskaja-Tamm 2008; 2012]. При таком более широком понимании границ лексической типологии семантическая типология в узком смысле, т. е. типология семантических переходов, оказывается, наоборот, включенной в лексическую. Так, в работах М. Копчевской-Тамм [Kortjevskaja-Tamm 2008; 2012] внутри лексической типологии, которую она понимает как «cross-linguistic and typological branch of lexicology» предлагается различать две «перспективы», или два исследовательских «фокуса». Проблема категоризации концептуальных областей относится к ономасиологическому фокусу⁴³, и эта область исследования остается для лексической типологии центральной, но имеется еще и семасиологический фокус, которому принадлежат механизмы семантической деривации. Типология семантических переходов при таком взгляде оказывается частью семасиологической составляющей лексической типологии. Однако здесь все же сохраняется некий довольно существенный зазор — с одной стороны, за счет того, что типология семантических переходов включает область грамматикализации, с другой стороны, типологию семантических переходов интересует иной тип регулярности (не системность внутри одного языка, а воспроизводимость в разных языках, см. раздел V.3.1). Соответственно, то, что выше было названо «лексической типологией», должно быть обозначено как «лексическая типология в ее ономасиологической перспективе».

Сказанное о соотношении типологии семантических переходов и лексической типологии (в ее ономасиологической перспективе) может быть частично суммировано в форме следующей таблицы:

Таблица 2

	лексическая типология (ономасиологический аспект)	типология семантических переходов
1. Объект типологизации	слова и лексические системы	значения и семантические переходы
2. Тип значения	выражаемое лексически	выражаемое разными средствами
3. Носитель лексического значения	слово в обычном смысле	слово в широком смысле (включая диахроническое, диалектное и морфологическое варьирование)
4. Степень детализации смысловых противопоставлений	не ограничена	ограничена
5. Количество сопоставляемых значений	не ограничено	равно двум

⁴³ Так, П. Кох называет ту область лексической типологии, которой он занимается, «диахроническая когнитивная ономасиология».

3.3. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ

Трудность идентификации семантических переходов (т. е. выявления пар значений, связанных между собой некой генетической связью) определяется тем обстоятельством, что здесь не существует никакой алгоритмической процедуры. Интерпретация некоторой совокупности языковых фактов как реализации определенного семантического перехода есть результат сложной исследовательской работы, включающей применение определенных принципов и методов, но в целом не формализуемой и опирающейся, в конечном счете, на опыт и интуицию исследователя. Те элементы применяемой нами методологии, которые все же могут быть сформулированы, состоят в следующем.

Важным методологическим принципом Каталога семантических переходов является бинарность отношения, рассматриваемого в качестве единицы анализа. Действительно, в реальности как семантическая эволюция, так и синхронная семантическая деривация обычно включают несколько связанных между собою звеньев, и при этом границы между ними носят недискретный характер. «Дискретизация» этого поля и вычленение из него пар языковых значений, образующих релевантные семантические переходы, — это наиболее сложная и неформализуемая часть работы. Вычленения дискретную пару значений в качестве семантического перехода и некоторую пару языковых единиц в качестве его реализации, мы намеренно упрощаем реальную картину семантической эволюции/деривации, оставляя за пределами рассмотрения разнообразные привходящие обстоятельства, в том числе возможные промежуточные звенья. Для этого на входе словарной статьи имеется специальная зона («Комментарии»), куда помещаются необходимые дополнительные сведения о данном переходе или отсылки к литературе (некоторые семантические переходы имеют уже солидную традицию изучения, напр., переход 'горшок' → 'голова' или 'хватать' → 'понимать').

Так, например, мы постулируем семантический переход 'медлить' → 'жить, обитать' (обнаруживающий себя, в частности, в семантической эволюции франц. глагола *demeurer* от лат. *demorari*). На этом пути были, естественно, промежуточные этапы: исторический словарь франц. языка [Robert historique: 1031] отмечает, например, значение 'оставаться в течение некоторого времени где-то'; с другой стороны, как лат. глагол *demorari*, так и франц. *demeurer* имеют, помимо рассматриваемых, также и другие значения ('опаздывать', 'ожидать', 'пребывать в каком-то состоянии' и др.). Семантический переход 'ехать' → 'готовый', реализованный в нем. *fertig* (см. [Пауль 1960: 110], ср. также пару англ. *ride* — *ready*, рассматриваемую в [Блумфильд 1968: 475]), включает промежуточный этап 'готовый ехать'; о промежуточном этапе упоминавшегося выше семантического перехода 'достать, схватить' → 'быть достаточным' свидетельствуют, например, следующие употребления, приводимые в словаре Даля: *Ружье за реку не хватит. Шест не хватает дна. Хотелось бы так, а коли шест берега не хватит, можно и иначе. Туда рука не дохватит* [Даль 1994]. Восстановление семантической истории слов и структуры их полисемии на каждом историческом этапе — увлекательная, но все же иная исследовательская задача. Семантический

переход как единица Каталога связывает между собой некоторые два значения из реально существующего множества; это метаязыковой конструкт, и в таком качестве он не имеет ни хронологии, ни промежуточных этапов⁴⁴.

Как уже говорилось, основной материал Каталога семантических переходов составляют факты совмещения значений в пределах одного слова в форме полисемии. Однако полисемию, как известно, не удастся строго отграничить, с одной стороны, от омонимии и, с другой стороны, — от синкретизма (ср. англ. термины «semantic generality» и «vagueness»), см. в частности [Nerlich, Clarke 2004: 4; Taylor 2004: 35]⁴⁵. Отсутствие каждой из двух границ создает свои проблемы; начнем со второй.

Проблема синкретизма в рамках нашей модели формулируется так: следует ли, на основании того, что в языке X смыслы P и Q выражаются разными словами, а в языке Y — одним словом (т. е. «колексифицируются»), признавать существование семантического перехода P → Q? Например, есть ли такие переходы: ‘кисть руки’ — ‘часть руки от плеча до кисти’, ‘синий’ — ‘голубой’, ‘плыть (активно, о человеке)’ — ‘плыть (пассивно, о предмете)’, ‘теща’ — ‘свекровь’, ‘старший брат’ — ‘младший брат’, ‘теленка до года’ — ‘теленка от года до двух’, ‘быть знакомым’ — ‘владеть информацией’, ‘правда’ — ‘истина’, ‘свобода’ — ‘воля’ и т. д.? Для всех этих пар есть языки, где данные смыслы выражаются разными словами, и языки, где они выражаются одним словом.

Очевидно, следует разделить два феномена: семантический переход и наличие / отсутствие исходного различия (путем называния разными словами). Тот факт, что какой-то другой язык различает, называя разными словами, два понятия, которые не различает данный язык, не является свидетельством ничего, что бы касалось внутренней структуры данного языка. Семантический переход — это наличие некой генетической связи между двумя значениями. В случае «теленка до года» ее нет ни в том, ни в другом языке: в том языке, где это разные слова, связь между ними ничем не отличается от любой связи близких по значению разных слов, а в том языке (как русский), где эти значения не различаются, вообще нет тех языковых единиц, связь между которыми имело бы смысл обсуждать (*теленка до года* — это свободное словосочетание).

Практическое решение проблемы синкретизма состоит в том, что в Каталог включаются только такие семантические переходы, для которых, помимо синкретизма, имеются дополнительные подтверждающие их реализации других типов. Так, в русском языке имеется два разных слова *сыр* и *творог*, а во французском оба продукта синкретично обозначаются одним словом — *fromage*. Этот факт сам по себе еще не позволяет говорить о существовании семантического перехода ‘творог’ → ‘сыр’⁴⁶.

⁴⁴ Другое дело, что тот или иной «промежуточный этап» может быть признан самостоятельным семантическим переходом, см. об этом подробнее в связи с переходами, реализуемыми словами русск. *блудить* и лат. *errare* в разделе VI.2.3.3.

⁴⁵ Ср. также: «I argue that the distinction between vagueness and polysemy (which is crucial to traditional conceptions of lexical-semantic structure) is unstable: what appear to be distinct meanings from one point of view turn out to be instances of vagueness from another» [Geeraerts 1993: 223]. В статье [Кортъевская-Тамм 2008: 8] относительно семантической структуры русского глагола *плавать* на фоне английских *float*, *swim*, *sail*, отмечается, что здесь методологически имеется три возможности: «semantic generality, polysemy and agnosticism», при этом наиболее правильным решением представляется последнее.

⁴⁶ На самом деле здесь, очевидно, произошел переход от гиперонима к гипониму: от значения ‘молочнокислый продукт: сыр или творог’ к более частному значению ‘сыр’.

Однако существование такого перехода подтверждается, например, русским словом *сырник* ‘кулинарное изделие из творога’, представляющим собой другой тип реализации того же перехода (а именно, «морфологическая деривация»). Впрочем, как следует из предыдущего раздела, проблематика членения концептуальных областей принадлежит ономазиологической составляющей лексической типологии и должна исследоваться иными методами.

С другой стороны, возникает ряд проблем из-за отсутствия жесткой границы между полисемией и омонимией. Именно в эту зону попадают, например, русские приставочные глаголы, которые совпадают по морфемному составу, но включают одну и ту же приставку в разных значениях, т. е. реализуют разные «конструкции».

В статье [Шмелев 2009] приводится ряд примеров русских приставочных глаголов, имеющих два «энантиосемичных» значения: *прослушать* <доклад> — ‘выслушать’ и ‘не слышать, пропустить’ *вывести* <кроликов> ‘произвести на свет, вырастить’ и *вывести* <тараканов> ‘уничтожить, истребить’, *задуть свечу* и *задуть домну*, *переизбрать* <X-a> ‘избрать X-а еще раз’ и ‘избрать другого человека вместо X-а’, *обнести* ‘обойдя, угостить каждого’ и ‘обойти, не угостив’. Вопрос о том, следует ли усматривать в таких парах феномен энантиосемии, решается в зависимости от того, насколько расширительно мы готовы употреблять данный термин (поскольку все обсуждаемые пары значений являются противоположными лишь в некотором смысле). Но в любом случае здесь нельзя усматривать энантиосемического семантического перехода (‘А’ → ‘не-А’), поскольку обсуждаемые значения не связаны между собой отношением семантической деривации. Такого рода пары — это либо фактические омонимы, образованные по разным моделям (*задуть свечу* и *задуть домну*; ср. также: *залечить человека* и *залечить рану*; *захлопать в ладоши* и *захлопать выступающего*; когнаты русск. *запомнить* и польск. *zaropnieć* ‘забыть’ и т. п., см. подробнее [Зализняк 2006: 298—335], либо результаты различной реализации концептуальной схемы приставки и/или ее дальнейшей метафоризации; в обоих случаях смысловая противоположность — в какой-то степени случайный эффект, возникающий при сопоставлении результатов разных цепочек семантической деривации. Так, глаголы движения с приставкой *вы-* имеют два фокуса — «откуда» и «куда»; соответственно в ходе семантической деривации возникает *вывести тараканов* («отсюда») и *вывести новую породу кроликов* («сюда»). Другой пример: *мне обломилось* = ‘досталось или удалось что-то хорошее’ и жаргонное *я обломался, облом* — о какой-то неудаче, когда что-то не состоялось, не удалось. Эти два значения получены путем метафорического переосмысления несколько различных ситуаций: *мне нечто обломилось* относит к ситуации, когда «я» сижу под деревом и на меня падает что-то типа ветки с висящим на ней плодом, а в ситуации *облома*, наоборот, «я» сижу на этой ветке и падаю вместе с ней. Что касается глагола *переизбрать*, то как бы ни трактовать источник его энантиосемии (восходят ли два его противоположных значения к одному и тому же значению приставки *пере-* или к двум разным), это единичный казус, никакого семантического перехода не имплицитующий⁴⁷.

⁴⁷ Два значения глагола *переизбрать* — относительно редкий случай полной омонимии, иногда даже затрудняющей коммуникацию. При этом употребление глагола *переизбрать* в значении ‘сместить с должности, не выбрав на следующий срок’ весьма ограничено (а некоторыми носителями русского языка оно вообще отвергается), и его идентификация невозможна без контекстной поддержки или знания внеязыковой ситуации.

Иногда возникают проблемы с установлением направления семантического перехода. Например, бывает так, что новое значение, появившееся в языке-предке, оказывается утраченным в языке-потомке — и тем самым реальное направление семантического перехода оказывается противоположным наблюдаемому. Так, в древнерусском языке у основы *страд-* было производное значение ‘работа’, впоследствии утраченное; слова др.-русс. *страдник* ‘рабочий’, русск. *страда* ‘время сезонных работ’ демонстрируют переход ‘страдать’ → ‘работать’. Тот же переход наблюдается в основе *труд-* [Срезневский 1989: 1007], ср. *выражение натрудить ногу*, в котором сохранилось старое значение ‘боль, страдание’, а также во франц. слове *peine*, прошедшем путь семантической деривации ‘наказание’ → ‘страдание’ → ‘труд’ и сохраняющем все три значения в форме синхронной полисемии. Однако этот переход может происходить и в противоположном направлении, ср.: лат. *labor* и исп. *trabajo* (в таких случаях в Каталоге используется двунаправленная стрелка для самого перехода и указывается направление для каждой реализации). Иногда направление семантического перехода установить не удается; в таких случаях используется ненаправленная стрелка (о проблеме направления семантического перехода см. подробнее [Zalizniak 2008; Zalizniak et al. 2012]).

Важное свойство семантического перехода как языковой единицы состоит в том, что он может заимствоваться: это явление известно под названием «семантического калькирования». Так, например, слова англ. *to find*, нем. *finden*, франц. *trouver*, итал. *trovare*, русск. *находить* демонстрируют семантический переход ‘(вновь) обретать <некий предмет>’ → ‘иметь мнение’; маловероятно, что сходное семантическое развитие во всех этих языках было независимым. Несмотря на то что такое решение противоречит принятому в типологии отношению к любого рода заимствованиям, семантические кальки включаются в Каталог в качестве самостоятельных реализаций — поскольку факт калькирования, с одной стороны, редко бывает возможно однозначно установить, с другой стороны, он сам по себе представляет интерес в разных отношениях и, в частности, он косвенным образом также свидетельствует о когнитивной значимости семантического перехода. О проблеме семантического калькирования в данной связи см. подробнее раздел V.2.4, а также [Грунтов 2007; Zalizniak et al. 2012].

Особого обсуждения заслуживает ряд проблем, возникающих в тех случаях, когда в роли носителя производного значения выступает морфологически более сложное слово или фразеологически связанное словосочетание.

Начнем с проблемы идентификации семантического перехода, представленного связанным значением слова внутри словосочетания. Лексикографическая трактовка глагола в сочетаниях типа *бросить взгляд, столкнуться с проблемой, добраться до сути, пойти на компромисс, погрузиться в раздумья, прийти к выводу* и т. п. может быть троякой. А именно, можно считать, что *бросить* в сочетании *бросить взгляд* означает: (1) буквально ‘бросить’ или (2) нечто вроде ‘осуществить’ (ср. лексическую функцию *Oper1* в [Мельчук 1974/1999: 100]) или (3) нечто вроде ‘посмотреть’. Последнее решение можно было бы признать просто ошибочным (ср. критику В. В. Виноградовым подобной трактовки примера *Машенька обвела удивленными глазами свою комнату* в словаре Д. Н. Ушакова [Виноградов 1977]), если бы не следующее обстоятельство.

В языке действует механизм, состоящий в том, что именной компонент устойчивого сочетания отпадает, а значение сочетания в целом переходит к глаголу: таким образом глагол приобретает новое значение, т. е. происходит семантический переход. В частности, именно таким образом произошел, например, во франц. слове *comprendre* (и продолжает воспроизводиться в форме синхронной полисемии в массе других слов разных языков) знаменитый семантический переход ‘схватить’ → ‘понять’. В «Латинско-русском словаре» И. Х. Дворецкого среди множества значений глагола *comprehendere* мы находим, в частности: *comprehendere paucis verbis* ‘кратко излагать’; *comprehendere visu* ‘воспринимать, видеть’; *comprehendere memoria* ‘запоминать’ *comprehendere animo / mente / cogitatione* ‘понимать, познавать’. Можно ли на основании этого утверждать, что латинский глагол *comprehendere* имел значение ‘понимать’? По крайней мере, на основании приведенных данных — по-видимому, нет. С другой стороны, очевидно, что в какой-то момент этот глагол все же приобрел данное значение — поскольку франц. глагол *comprendre* имеет значение ‘понимать’, а ‘хватать’ — не имеет. Как представляется, наиболее адекватной моделью этого процесса является такая, согласно которой глагол приобретает новое значение в тот момент, когда его реализация оказывается возможной без вызвавшего его к жизни контекста (в данном случае, инструментального дополнения). В какой момент инструментальное дополнение *animo / mente / cogitatione* отпало, мы не знаем, но можно с уверенностью сказать, что именно в этот момент лат. *comprehendere* приобрело значение ‘понимать’.

Что же касается примеров типа *бросить взгляд* или *столкнуться с проблемой*, то здесь глагол не может брать на себя значение словосочетания в целом (и тем самым лексикографическая трактовка типа (3) к ним неприменима). Однако в каких-то других случаях это возможно, ср.: *пробежать* из *пробежать глазами* (ср.: *Ему захотелось побыстрее пробежать это письмо*); *дойти* из *дойти до изнеможения*, *дovодить* <учительницу> из *дovодить* <кого-то> *до слез, до нервного срыва, до истерики*. Возможна также утрата прямого объекта, ср.: *понести* ‘забеременеть’ из *понести плод* (ср.: *Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога*. Пушкин), а также разговорное *рассекать* ‘перемещаться в публичном пространстве (о человеке)’, из *рассекать воды* (о корабле), *предъявлять* <кому-то> из *предъявлять претензии* и т. п., см. об этом явлении [Розина 2005: 250—252].

Рассмотрим теперь вопрос о том, каким образом свидетельством семантического перехода может служить пара слов, одно из которых является морфологическим дериватом другого — т. е. тип реализации семантического перехода, который выше был назван «морфологическая деривация». Сразу оговоримся, что на самом деле морфологически сложными могут оказаться оба слова, т. е. в общем случае речь идет не о добавлении, а о замене морфемы или морфосинтаксической характеристики, ср.: *судить* — *судьба* (‘иметь мнение’ → ‘судьба’), нем. *ziehen* — *Zug* (‘тянуть’ → ‘поезд’) и т. п.⁴⁸

⁴⁸ К рассматриваемому типу реализации семантического перехода могут быть отнесены также такие пары однокоренных слов, между которыми нет непосредственного отношения морфологической производности, напр.: *указать* — *сказать* (семантический переход: ‘указывать’ → ‘говорить’), *красный* — *красивый* (‘красивый’ → ‘красный’), франц. *partie* ‘часть’ и *parti* ‘партия’ (восходящие, соответственно, к формам причастия женского и мужского рода от ст.-франц. глагола *partir* ‘делить’ [Dauzat 1938: 536]; семантический переход: ‘часть’ → ‘партия’).

Итак, пусть имеется лексема L1, состоящая из основы S1 и некоторой морфемы или морфосинтаксической характеристики m1 (т. е. $L1 = S1 + m1$), и лексема L2, представляющая собой морфологический дериват от L1, т. е. $L2 = S1 + m2$ (где m2 — некоторая новая морфема или морфосинтаксическая характеристика).

Здесь имеются два параметра варьирования: 1) морфологически производное слово является носителем производного (Target) или исходного (Source) значения; 2) носителем значения, участвующего в семантическом переходе, является морфологически производное слово целиком или только лишь сама производящая основа, входящая в его состав. Из четырех возможных комбинаций широко представлены три:

1. L1 является носителем значения A, L2 — значения B. Например: *слушать* — *слушаться* ('слушать' → 'повиноваться'), *простить* — *проститься* ('прощать' → 'прощаться'), *синий* — *синяк* ('синий' → 'синяк'), итал. *contare* — *raccontare* ('вести счет' → 'рассказывать'), нем. *Bild* — *Bildung* ('образ' → 'получение совокупности знаний', ср. реализацию того же перехода в русск. *образ* — *образование*, франц. *forme* — *formation*), итал. *zucca* — *zucchini* ('тыква' → 'кабачок'). Семантический переход, обнаруживающий себя в реализациях данного типа, иначе может быть назван «мотивационной моделью» [Толстая 2002; 2008]; ср. также исследование феномена мотивации в типологическом ключе в работах [Koch, Marzo 2007; Marzo 2009] и др.

2. Носителем значения A является L2, а L1 имеет значение B (т. е., наоборот, морфологически производное слово имеет семантически исходное значение), например: *жена* — *женщина* (A = 'женщина', B = 'жена'; семантический переход: 'женщина' → 'жена'), *муж* — *мужчина* ('мужчина' → 'муж'), ср. также: нем. *Mann* — *Mensch* ('человек' → 'мужчина'), лат. *puto* — *computo* ('вести счет' → 'иметь мнение').

3. Носителем значения A является производящая основа S1 в составе морфологически производной лексемы L2, а морфологически более простая лексема L1 имеет производное значение B (значение лексемы L2 при этом вообще в игре не участвует: существенно лишь значение производящей основы), например: *жена* — *женский*, *жена* — *женолюб* ('женщина' → 'жена'), *сыр* — *сырник* ('творог' → 'сыр'); *ревность* — *ревностный* ('рвение, усердие' → 'ревность')⁴⁹.

Реализации семантического перехода типа «морфологическая деривация» — это важнейшее свидетельство семантической деривации, занимающее в некотором смысле промежуточное место между семантической эволюцией и синхронной полисемией (обратим внимание также на то, что материал, аналогичный тому, который фигурирует в реализациях данного типа, широко используется в этимологических словарях. Здесь, однако, возникает следующая проблема. Как отличить собственно семантический переход, т. е. эффект, определяемый некими ингерентными свойствами ис-

⁴⁹ Четвертый теоретически возможный вариант, а именно, когда морфологически исходная лексема L1 является носителем семантически исходного значения, а носителем производного значения является основа как часть морфологического деривата, идентифицируется труднее. Таким примером могла бы служить пара *стол* — *столовая* как реализация семантического перехода 'стол' → 'еда'. Однако, с одной стороны, не очевидно, что *столовая* — это, исходно, 'место, где едят', а не 'место, где стоит стол' (т. е. значение 'еда' для основы *стол-* в составе слова *столовая* не очевидно). С другой стороны, само слово *стол* тоже имеет переносное значение 'еда' (ср.: *и под каждым ей кустом был готов и стол и дом*), и тогда оказывается, что пара *стол* — *столовая* вообще никакого семантического перехода не демонстрирует (а переход 'стол' → 'еда' отражен в форме полисемии самого слова *стол*).

ходного значения, — от случая, когда результирующее значение детерминировано семантикой приводящего словообразовательного элемента, и тем самым никакого семантического перехода в нашем понимании нет? (Это тоже касается лишь подтипов 1 и 2, но именно они составляют основную массу примеров.) Так, например, пары *писать* — *переписать* или *дом* — *домик* не являются основанием для постулирования переходов, соответственно, ‘писать’ → ‘переписать’ или ‘дом’ → ‘домик’, поскольку производное значение детерминировано значением служебной морфемы. В других случаях значение словообразовательного элемента в морфологически производном слове не вычленяется, ср. пару слов итал. *contare* ‘вести счет’ и *raccontare* ‘рассказывать’ или лат. *dico* ‘говорить’ и *indico* ‘указывать’ и т. п.

Однако жесткой границы здесь нет: механизмы словообразовательной семантики далеки от автоматизма, и здесь всегда имеется довольно обширная промежуточная зона, в которой значение производного слова представляет собой результирующую сложного взаимодействия семантики словообразовательной модели и ряда семантических переходов, в которых носителем производного значения может быть как сама глагольная основа производного слова, так и производное слово целиком. Так, например, современное значение русского глагола *отдохнуть* возникло в ходе семантической эволюции из значения ‘выйти из состояния затрудненности дыхания’, полученного, в свою очередь, из взаимодействия семантики словообразовательной модели приставки *от-* с производным значением основы *дох-* ‘дышать тяжело, с трудом’ (см. об этом подробнее [Зализняк 2009a] или раздел IV.4). Тем самым русский глагол *отдохнуть* не является свидетельством семантического перехода ‘дышать’ → ‘отдыхать’ (хотя типологически такой переход зафиксирован, см. [François 2008]). Между тем для постулирования семантического перехода ‘дышать’ → ‘умереть’ (через промежуточный этап ‘дышать тяжело, с трудом’) русский язык дает основания: это слова *дохлый*, *дохнуть*, *поддохнуть* и *передохнуть* (ср.: *Все собаки в деревне передохли*, — но не *сдохнуть*, возникшее, по-видимому из *издохнуть* ‘испустить дух’). Хотя меру семантического вклада приставки в производное значение часто бывает невозможно точно определить, все же можно сказать, что, например, пара *быль* — *убыль* не демонстрирует никакого семантического перехода (производное значение детерминировано значением приставки), а пару *часть* — *участь* можно признать реализующей переход ‘часть’ → ‘судьба’ (ср. другую реализацию того же перехода в слове *удел*) и т. п.

Семантический эффект, имеющий в качестве источника два исходных элемента — не менее интересный объект типологического изучения. Так, англ. фразовый глагол *to look after* <*smb.*> состоит из тех же частей, что и имеющее то же значение русское *смотреть за* <*кем-то*>; пара русских слов *черный* и *чернить*, так же как англ. *black* и *to blacken*, демонстрирует семантический переход ‘черный’ + ‘каузативность’ → ‘клеветать’⁵⁰, и т. п. Однако для описания такого типа регулярных семантических соотношений потребовалась бы существенная модификация формата базы данных.

Трудности идентификации семантических переходов, связанные с отсутствием какого-либо алгоритма их выявления, так или иначе преодолеваются в ходе практической работы. Не исключено, что какие-то из принятых нами решений окажутся впоследствии не оптимальными: формат базы данных предоставляет возможность

⁵⁰ Этот пример был предложен М. С. Булах.

их пересмотреть. На настоящий момент (октябрь 2012 года) Каталог семантических переходов включает 3685 семантических переходов, имеющих от двух до сорока реализаций; использован материал 319 языков семи языковых семей. В ближайшем будущем ожидается его размещение в Интернете.

Как уже отмечалось в наших предыдущих публикациях, Каталог семантических переходов послужит фактографической базой для решения следующих задач:

- построение типологии семантической деривации;
- обеспечение семантического критерия реконструкции;
- выявление универсальных и специфических механизмов языковой концептуализации;
- реконструкция фрагментов языковой картины мира;
- выявление «истории идей»⁵¹ и путей культурных влияний.

Я пользуюсь случаем выразить благодарность моим коллегам — М. С. Булах, Д. С. Ганенкову, И. А. Грунтову, Т. А. Майсаку и М. М. Руссо — за многолетний труд по созданию базы данных по семантическим переходам в языках мира, позволивший реализовать замысел Каталога, а также А. В. Дыбо, А. А. Зализняку, А. А. Кибрику, М. Копчевской-Тамм, Т. А. Михайловой и В. А. Плунгяну за моральную поддержку этой работы на разных ее этапах.

⁵¹ Ср. подзаголовок знаменитого Словаря индоевропейских синонимов К. Бака [Buck 1949/71].

Глава VI

ГРАНИЦЫ СЕМАНТИКИ: ПОЭТИКА, СЕМИОТИКА, ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

1. К ПРОБЛЕМЕ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ЧУВСТВ И ПЕРЕВОДИМОСТИ ИХ ИМЕН: ЛЮБОВЬ И СОЧУВ- СТВИЕ В РОМАНЕ МИЛАНА КУНДЕРЫ «НЕВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ БЫТИЯ»^{*}

В своей книге «Semantics, Culture, and Cognition» Анна Вежбицкая, в связи с обсуждением проблемы универсальности эмоций, ввела в лингвистический обиход специфическую «чешскую эмоцию» *lítost* (≈ ‘жалость к самому себе, вызывающая ответную агрессию’), описанную Миланом Кундерой в романе «Книга смеха и забвения»¹. Я собираюсь рассмотреть, на фоне значения русских слов *любовь* и *сочувствие*, другую «чешскую эмоцию», обсуждаемую М. Кундерой в романе «Невыносимая легкость бытия»: речь идет о концепте, заключенном в чешском слове *soucit* (≈ ‘сочувствие, сострадание’).

Роман Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» увидел свет и обрел славу во французском переводе (*L'insoutenable légèreté de l'être*. Paris: Gallimard, 1984; пер. François Kérel), впрочем, весьма несовершенном с точки зрения писателя и впоследствии переработанном с его участием. В том же году вышел английский перевод (*The Unbearable Lightness of Being*. N. Y.: Harper & Row, 1984; пер. Michael Henry Heim), а также польский (*Nieznosna lekkość bytu*. Londyn: Aneks, 1984; пер. Agnieszka

^{*} В основу данного раздела положена статья [Зализняк 1999б]. Статья была уже завершена, когда автор имел удовольствие ознакомиться с работой Ю. Д. Апресяна, посвященной русскому глаголу *любить* [Апресян 2000а]. Поразительное сходство некоторых решений, принятых независимо в этих двух работах, является, очевидно, дополнительным аргументом в пользу их правомерности.

¹ Милан Кундера (род. в 1929 г.) — чешский писатель, автор романов: «Шутка» (1967), «Смешные любви» (1968), «Прощальный вальс» (1972), «Жизнь — не здесь» (1973), «Книга смеха и забвения» (1979), «Невыносимая легкость бытия» (1984), «Искусство романа» (1987), «Бессмертие» (1990), «Неспешность» (1994), «Идентичность» (1997), «Неведение» (2000). Важнейшим событием, определившим творческую и личную судьбу писателя, было советское вторжение в Чехословакию в августе 1968 г. и последовавшие за ним репрессии по отношению к чешской интеллигенции (этим, по-видимому, объясняется отсутствие упоминания русского языка в его многочисленных полиглоттальных спекуляциях). С лингвистической точки зрения тексты М. Кундеры интересны необычайной чувствительностью писателя к значению слов и обилием оригинальных и метких металингвистических рассуждений, по существу весьма близких к тому, что лингвисты называют «концептуальным анализом».

Holland). Оригинальный чешский текст романа был опубликован лишь в следующем, 1985 году (Nesnesitelná lehkost bytí. Toronto: Sixty-Eight Publishers, 1985). В последующие несколько лет роман был переведен на многие другие языки — в том числе, немецкий: Die unerträgliche Leichtigkeit des Seins. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1987; пер. Susanna Roth; итальянский: L'insostenibile leggerezza dell'essere, пер. Giuseppe Dierna. Milano: Adelphi Edizioni, 1989; русский перевод, по причинам внелитературного характера, появился лишь значительно позже («Иностранная литература», 1992, № 5; пер. Н. Шульгиной).

Тем самым вопрос о том, какой из текстов является, так сказать, «главным», представляет определенные трудности. Имеется по крайней мере три претендента: чешский оригинал, опубликованный в 1985 г., французский перевод 1984 г., бывший первым изданием романа, и авторизованный перевод 1987 г. Вообще говоря, нет ничего выдающегося в том факте, что книга, написанная на малораспространенном языке, известна лишь в переводе. Однако данный случай — особый: роман М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия» (как и некоторые другие его романы) существует, в некотором смысле, вообще вне связи с каким-то конкретным языком — в форме ряда почти равноправных текстов на разных языках (многие из которых правил автор, см. [Kundera 1987: 18]). Эта ситуация не может не показаться парадоксальной, если учесть ту бросающуюся в глаза особенность романов Кундера, что они в некотором смысле целиком состоят из обсуждения значений слов. Спрашивается, слов какого языка? Или это все равно?

Несколько забегаая вперед, ответим на этот вопрос: в некотором смысле все равно. Метаязыковая техника Кундера состоит в том, что для ключевых понятий формулируется некоторое определение, каковое может быть без потерь переведено на другой язык; после чего нужное слово используется уже как вторичный знак, т. е. как означающее этого определения; а такую функцию вполне адекватно может выполнять любой приблизительный эквивалент данного слова в иностранном языке.

В одном из своих интервью М. Кундера описывает используемый им механизм метаязыкового манипулирования следующим образом: сначала он приводит пример характерной ситуации, в которой у человека возникает некоторое чувство (ср. описание эмоций через прототипическую ситуацию ее возникновения в [Wierzbicka 1972] и [Иорданская 1970]), потом ищет название для этого чувства (т. е. слово), и дальше уже дает толкование этому слову:

Take «Life is elsewhere»: The hero, the bashful Jaromil, is still a virgin. One day, he is out walking with a girl who suddenly lays her head on his shoulder. He is overcome with happiness and even physically excited. I pause over that mini-event and note: «The pinnacle of happiness Jaromil had experienced up to this point in his life was having a girl's head on his shoulder». And from that I try to grasp Jaromil's erotic nature: «A girl's head meant more to him than a girl's body». Which does not mean, I make clear, that he was indifferent to the body, but «he didn't long for the nudity of her body. He didn't long to possess a girl's body; he longed to possess the face of a girl who would yield her body to him as proof of her love». *I try to give a name to that attitude* (здесь и далее курсив мой. — А. 3.). I choose the word *tenderness*. And I examine the word: just *what is tenderness?* I arrive at successive answers: «Tenderness comes into being at the moment when life propels a man to the threshold of adulthood: He anxiously realizes all the advantages of childhood which he had not appreciated as a child». And then: «Tenderness is the fear instilled by adulthood». And then a further definition: Tenderness is the creation of «*a tiny artificial space in which it is mutually agreed that we would treat others as children*» [Kundera 1987: 125].

Предлагаемые Кундрой дефиниции вряд ли можно считать толкованием слова *нежность* — однако нечто схвачено здесь очень точно, ср. толкование А. Вежбицкой [Wierzbicka 1992a: 260] для русского уменьшительно-ласкательного суффикса *-очка* (курсив мой. — А. З.):

I feel something good toward you
of the kind that people feel speaking to *small children*.

Одним из конституирующих элементов романа «Невыносимая легкость бытия» является дихотомия «душа — тело», и, в частности, вопрос о тождественности, условно говоря, «любви души» и «любви тела»: различное отношение к нему двух главных героев является основной внутренней пружиной развития сюжета. Здесь, однако, не место рассуждать ни о природе любви, ни о структуре романа Кундеры — нас интересует лишь значение слов. А именно, мы рассмотрим две группы слов, связанные с ключевыми понятиями романа: с одной стороны, слова, обозначающие ‘любовь’, с другой — центральное для данного романа понятие (соотносимое с тем, что выше условно было названо «любовью души»), которое по-чешски звучит как *soucit*, а на другие языки переводится словами со значением ‘сострадание, сочувствие’. с новой страницы!

1.1. ЛЮБОВЬ

1.1.1. Любовь в русском языке

Приведем толкования слов со значением ‘любовь’, предлагавшиеся в лингвистической литературе.

В книге [Апресян 1974: 107] формулируется толкование:

Любовь X-а к Y-у (например, любовь к книгам, к природе, к искусству, к детям, к родителям, к родине) =

‘Чувство, испытываемое X-ом по отношению к Y-у,
который приятен X-у и
вызывает у X-а желание быть в контакте с Y-ом или
каузировать Y-у добро’.

А. Вежбицкая [Wierzbicka 1992a: 145] независимо предлагает похожее толкование для англ. *love*:

love (X loves <person> Y)

(a) X knows Y

(b) X feels something good toward Y

(c) X wants to be with Y

(d) X wants to do good things for Y.

Я буду различать у глагола *любить* два значения, что приблизительно соответствует противопоставлению, проводимому А. Д. Шмелевым между «эгоистической» и «альтруистической» любовью (я ссылаюсь на курс лекций «Ключевые концепты русской языковой картины мира», прочитанный им в мае — июне 1994 г. в Венском экономическом университете)². В двух словах это противопоставление состоит в том, что «эгоистическая» любовь (возможно, точнее было бы назвать ее «гедонистической»)

² См. также [Шмелев 2002a: 170].

предполагает получение удовольствия от использования соответствующего предмета в свойственной ему функции или от реализации некоторой ситуации (*любить ананасы, ходить пешком, чтобы все вещи лежали на своем месте*). В «кальтруистической» же любви на первый план выступает желание делать кому-то добро (*любить своих детей, родителей, родину*).

Различение значений ‘любить 1’ и ‘любить 2’ мы проводим на чисто семантическом основании, т. е. на основании различия толкований; однако оно подтверждается еще некоторыми дополнительными обстоятельствами, о которых пойдет речь ниже.

В качестве иллюстрации значения ‘любить 1’ приведем отрывок из книги В. Драгунского «Денискины рассказы»:

Я очень *люблю* лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как белье на заборе [...];

Ужасно *люблю* рассказы про красных кавалеристов, и чтобы они всегда побеждали;

Люблю стоять перед зеркалом и гримасничать, как будто я Петрушка из кукольного театра. Шпроты я тоже очень *люблю*. [...];

Я *люблю* гостей. Еще очень *люблю* ужей, ящериц и лягушек.

Для значения ‘любить 1’ предлагается следующее толкование³:

X любит 1 Y — ‘X получает удовольствие всякий раз, когда находится в контакте с Y-ом’ [для случая, когда Y — это ситуация, ‘находиться в контакте с Y-ом’ означает ‘быть участником данной ситуации’].

Приблизительные синонимы: *нравиться, обожать*.

Объектом у ‘любить 1’ может быть класс ситуаций, класс предметов или единичный предмет («абстрактный индивид», в терминах [Булыгина, Шмелев 1989а])⁴. По-видимому, следует согласиться с мнением А. Д. Шмелева, что объект у ‘любить 1’ — это, в конечном счете, всегда класс ситуаций: класс предметов, формально являющийся объектом этого глагола, скрывает за собой множество ситуаций его «стандартного использования» (в этом отношении ‘любить 1’ противопоставлено ‘любить 2’). Так, *любить шпроты* означает любить их есть⁵, *любить гостей* — любить, когда приходят гости, *рассказы про красных кавалеристов* — их читать или слушать, и т. д. То же — в случае индивидуальных объектов; как пишет А. Вежицкая, «если кто-нибудь говорит *Lubię ten obraz* ‘Я люблю эту картину’, то это высказывание интерпретируется как ‘я всегда смотрю на эту картину с удовольствием’ или что-то в этом роде» [Вежицкая 1982: 255]; ср. также [Пеньковский 1991: 150] о том, что стимулом удовольствия всегда является действие. При этом, чем менее очевидным является способ «стандартного использования» некоторого объекта, тем менее отчетливо значение ‘любить 1’ оказывается противопоставленным ‘любить 2’. Это происходит, прежде всего, в том случае, когда объектом любви является класс живых существ, с которыми возможен душевный контакт (каковой сразу переносит нас в сферу ‘любви 2’): *любить*

³ Ср. толкование для *любить 2* в [Апресян 2000а: 180]. Отметим, что в нашем толковании отсутствует смысл ‘хотеть’.

⁴ В этом отношении *любить* противопоставлено *нравиться* (ср. [Булыгина 1982: 29]), где объектом может быть также единичная ситуация ср.: *Мне нравится, что вы больны не мной*. Отметим, что, например, французский глагол *aimer* устроен в этом отношении так же, как русское *нравиться*, а не как *любить*, ср.: *Je n'aime pas ce que tu es devenu*.

⁵ Ср. анекдот: «Гиви, ты помидоры любишь? — Кушать люблю, а так нет», построенный на нарушении этого ограничения.

маленьких детей, животных, собак; в меньшей степени — *ужей, лягушек, ящериц*, где слово *люблю* означает что-то вроде ‘мне нравится, когда они есть (рядом)’, т. е. имеет значение ‘любить 1’ — см. пример выше. В строчках К. Чуковского *Потому что Бармалей / Любит маленьких детей* потенциальная неоднозначность (которая является частью авторского замысла) разрешается за счет контекста: это последняя фраза сказки, обозначающая финал нравственного перерождения героя-людоеда.

Показательна в этом отношении также концовка рассказа В. Драгунского «Что любит Мишка», где герой перечисляет огромное количество разных видов еды, которую он любит: «Ой, — сказал он смущенно, — чуть не забыл! Еще — котят! И бабушку!» Комический эффект здесь обусловлен тем, что бабушка, очевидно, относится к сфере ‘любви 2’, и тем самым не может стоять в том же ряду, что продукты питания (любовь к котяткам имеет некий промежуточный статус). Одновременно, сочетания *Я всей душой люблю мороженое; Вареную колбасу люблю прямо безумно* (из того же рассказа) тоже несколько аномальны — из-за того, что выражения *всей душой, безумно*, и т. п. относятся к сфере ‘любви 2’, а тип объекта указывает на реализацию значения ‘любить 1’.

В известном высказывании Печорина *Я люблю врагов, но не по-христиански* утверждается наличие ‘любви 1’ и отсутствие ‘любви 2’. *Люблю врагов* здесь означает «мне доставляет удовольствие, когда они есть» (ср.: *люблю гостей, шпроты*), т. е. ‘люблю 1’.

Во фразе *Он любит своих детей* имеется единичный объект («множественный индивид») и реализуется значение ‘любить 2’ — в отличие от *Он любит детей* (так же, как *собак, лошадей, поэзию, Достоевского* — в смысле «его произведения», ср. [Булыгина, Шмелев 1989а: 54; Апресян 2000а: 181]), где происходит референция к классу и реализуется, соответственно, значение ‘любить 1’. (В этом смысле один из персонажей романа «Доктор Живаго» *не любил детей*, утверждая, что от них «только грязь и беспокойство в доме».)

Важным свойством значения ‘любить 1’ является идиоматический характер его сочетания с отрицанием (*не любить 1* означает ‘испытывать неприязнь’), ср. [Богуславский 1985: 35]. Так, *Он не любит свою жену* означает ‘неверно, что любит’ (‘любить 2’), при том, что фраза *Он не любит свою тещу* вероятнее будет понята как ‘испытывает неприязнь’ (‘любить 1’)⁶. Соответственно, предложение типа *Иван не любит Марию* неоднозначно; его произнесение может вызвать реакцию: ты имеешь в виду *не любит* «вместе» или «раздельно»?

Согласно гипотезе А. Д. Шмелева, высказанной в частной беседе, эффект взаимодействия ‘любить 1’ с отрицанием — тот же, что и у глагола *хотеть*, и обусловлен наличием идеи ‘хотеть’ в семантической структуре ‘любить 1’ (‘не хотеть’ обозначает не отсутствие желания, а активное отталкивание, ср. разные глаголы лат. *volo* и *nolo*, разные семантические примитивы *want* и *diswant* в одной из ранних версий метаязыка А. Вежбицкой). На мой взгляд, точнее было бы сказать, что источником идиоматического сочетания с отрицанием является присутствующий в ‘любить 1’ смысл ‘удовольствие’ или ‘приятно’ (*неприятно* обозначает отрицательное отношение, а

⁶ Предложение *Он не любит свою тещу* вообще говоря двусмысленно: оно тоже может быть понято также как ‘неверно, что любит’ (некоторой «родственной» любовью, уместной по отношению к теще); в этом случае реализуется один из вариантов значения ‘любить 2’ (см. ниже).

не отсутствие положительного) — так как ‘любить 1’ вообще говоря не обязательно предполагает ‘хотеть’.

Надо сказать, что сочетание *не любит* является идиоматическим также и в том смысле, что, например, должно выучиваться иностранцем как отдельная единица русского языка. Оно легко присоединяет наречия степени (*очень, ужасно, страшно*); имеется некоторая непрерывная шкала: *не люблю* — *очень не люблю* — *терпеть не могу* — *не выношу, не переношу* — *ненавижу*.

Другой характерной особенностью значения ‘любить 1’, связанной с отрицанием (и отличающей его от ‘любить 2’), является допустимость родительного падежа объекта. Так, нельзя сказать **Он не любит своей жены*, но можно:

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской *истерики* (Ахматова).

Перейдем теперь ко второму значению.

Значение ‘любить 2’ реализуется в контекстах типа: *любить женщину, жену, мать, сына, собаку, родину*. Объект здесь может быть только предметным и только конкретно-референтным. Значению ‘любить 2’ приблизительно соответствует приведенное выше толкование А. Вежбицкой для англ. *love* (сфера ‘любить 1’ занята в английском языке словом *like*, см. [Wierzbicka 1992a: 146]).

Мы предлагаем следующее описание для ‘любить 2’:

X любит 2 Y — ‘X испытывает любовь к Y-у’.

Приблизительные синонимы: нет.

‘Любовь’ частично анализируется как ‘чувство X-а по отношению к лично знакомому человеку Y⁷, которое вызывает у X-а желание быть в контакте с Y-ом и делать Y-у добро’⁸, но здесь остается некоторый неразложимый остаток, постичь который — задача скорее искусства, чем науки; поэтому мы оставляем слово «любовь» в толковании. Используя способ представления эмоций, предложенный в работе [Апресян В., Апресян Ю. 1993], можно добавить сюда, что любовь — это «такое чувство, когда душа человека испытывает нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда ему тепло» (ср. проведенное в упомянутой работе уподобление «страсть — жар»).

У существительного *любовь* выделяются те же два значения⁹:

Любовь 1 X-а к Y-у (например: к животным, к живописи, к прогулкам в одиночестве, к порядку) — ‘свойство X-а, состоящее в том, что X любит 1 Y’.

⁷ Вслед за А. Вежбицкой, мы включаем в толкование идею личного знакомства X-а с Y-м и одушевленность Y-а, имея в виду употребления *par excellence*, и считая прочие — употребления *par extension*. Так, христианская категория «любви к ближнему» есть предписание любить «ближнего», т. е. незнакомого человека той же любовью, которой любят знакомого.

⁸ Ср. внутреннюю форму итал. *voler bene*, имеющего лишь значение ‘любить 2’ — в отличие от глагола *amare*, имеющего оба значения.

⁹ Слово *любовь* может обозначать, кроме того, определенные отношения между людьми, продолжающиеся в течение какого-то времени, ср.: *У них любовь*; *Их любовь продолжалась два года*. *Впервые за время их любви...* и т. п. Это отдельное лексическое значение слова *любовь*, которое мы не рассматриваем. Это же значение есть у франц. *amour*, итал. *amore* (ср.: *gli amori di Casanova*) — но не у англ. *love*.

Приблизительные синонимы: *страсть, пристрастие, приверженность, склонность*.

Любовь 2 X-а к Y-у (мужчины к женщине или женщины к мужчине; к другу; к своим детям, родителям, родине, собаке; к Богу, к близнему) — ‘любовь X-а к Y-у’.

Приблизительные синонимы: *страсть, привязанность*.

Обратим внимание на то, что только ‘любовь 2’ является чувством; ‘любовь 1’ — это свойство X-а; ср.: *чувство любви к родителям*, но не **чувство любви к живописи*. Аналогичное различие имеется и в значении глагола.

Очевидно, что человек по-разному любит свою мать, дочь, жену, любовницу, друга, собаку и родину. Здесь можно говорить о классификации видов любви — в духе Платона или Стендаля. Мы, однако, этим не занимаемся; наша задача — дифференциация лексических значений русского глагола *любить*. Наиболее очевидное разграничение, которое здесь напрашивается, — между любовью, предполагающей и не предполагающей желание «сексуального контакта» (что можно считать частным случаем «контакта» — см. толкование выше)¹⁰. Однако по крайней мере для русского языка чисто языковых оснований для разграничения соответствующих двух лексических значений, по-видимому, нет. Ср., например [женщина говорит своему возлюбленному]: *Люблю тебя больше дочери, больше всех, всех* (Ю. Трифонов. *Время и место*); здесь, очевидно, нет никакой игры слов, возникающей при употреблении одного слова сразу в двух значениях¹¹. Однако в одном случае — а именно, при тождестве объекта — неоднозначность (и, соответственно, игра слов) возможна, ср.:

— Я вас люблю... [...]

— Мы старые друзья, — сказала она, — и я вас...

— Нет, Вера Васильевна, люблю еще — как женщину... (Гончаров. *Обрыв*)

¹⁰ В словаре G. Devoto, G. C. Oli. *Dizionario della lingua italiana*. Firenze, 1971 любовь между людьми противоположного пола рассматривается как отдельное и первое значение слова *amore* («Fra due persone di sesso diverso, dedizione appassionata ed esclusiva, istintiva ed intuitiva, volta ad assicurare reciprocamente felicità o benessere o voluttà»).

В латыни — по крайней мере, в языке поэзии Катулла — этому различию, по-видимому, соответствует противопоставление *amare, uri* vs. *bene velle, diligere*; ср. (стихотворение LXXII):

...Dilexi tum te non tantum ut vulgus amicum,

Sed pater ut gnatos *diligit* et generos.

Nunc te cognovi: quare etsi impensius *uror*,

Multo mi tamen es vilior et levior.

Qui potis est? inquis. Quod amantem iniuria talis

Cogit *amare* magis, sed *bene velle* minus.

¹¹ Ср. иное мнение в [Апресян 2000a], где предложение *Как ты думаешь, это грех — любить мужа больше, чем сына?* приводится как пример синкретизма.

1.1.2. Любовь в романе М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия»

Кроме смыслов ‘любить 1’ и ‘любить 2’, о которых шла речь в предыдущем разделе, введем в рассмотрение смысл ‘любить 3’ (‘to make love’). Русский глагол *любить* этого значения не имеет, хотя может его окказионально выражать. А именно, значение ‘любить 3’ возникает у русского глагола *любить*, когда этот глагол оказывается — в результате случайности, шутки или других видов языкового экспериментирования — в контексте некоторых временных наречий, обстоятельств места или образа действия, навязывающих этому глаголу несвойственное ему категориальное значение процесса и в силу этого — реализацию лексического значения ‘любить 3’ (нормально этот глагол обозначает состояние и с данными классами наречий не сочетается, ср. [Булыгина 1982: 47]). Например:

Мяса Александр Иванович не ест и женщин *не любит*. Хотя иногда *любит*. Кажется, даже *очень часто* (Д. Хармс)¹².

С большей легкостью этот глагол может приобретать смысл ‘любить 3’ во взаимно-возвратном залоге. Так, следующие строки из песни Эдит Пиаф могут быть достаточно адекватно переведены выражением *любить друг друга*:

...ils ont demandé
d'une voix tranquille
un toit pour s'aimer.

Значение ‘любить 3’ не возникает (т. е. по крайней мере не навязывается языком) в том случае, когда обстоятельство места указывает в первую очередь на период времени, причем довольно длительный, когда человек находился в данном месте — например: *Они любили друг друга в Париже* (т. е. когда были в Париже). Ср. также у Бродского:

А зимой там колют дрова и сидят на репе,
и звезда моргает от дыма в морозном небе,
И не в ситцах в окне невеста, а праздник пыли
да пустое место, где мы любили.

Для существительного *любовь* соответствующее значение в большей степени конвенционально, чем у глагола *любить*, ср. выражение *заниматься любовью*, а также примеры типа следующего:

От прошлого у него сохранилось воспоминание о беззаботных, добродушных женщинах, веселых от *любви*, благодарных ему за счастье, хотя бы очень короткое; и о таких, — как, например, его жена, — которые *любили* без искренности, с излишними разговорами, манерно, с истерией, с таким выражением, как будто то была не *любовь*, не страсть, а что-то более значительное (А. П. Чехов. Дама с собачкой).

Посмотрим теперь, как выражаются смыслы ‘любить 2’ и ‘любить 3’ в текстах романа Кундеры «Невыносимая легкость бытия» на семи языках. Нас будут интересовать не все возможные способы обозначения, а лишь вопрос о том, когда смыслы типа 3 могут выражаться при помощи тех же средств, что и смыслы типа 2.

¹² Этим примером я обязана С. А. Крылову.

Результаты исследования данного вопроса представлены в виде следующей таблицы. Квадратные скобки (простые и двойные) означают, что данное выражение приобретает это значение лишь окказионально — соответственно, с большей или меньшей степенью свободы; прочерк означает, что в данном языке (по крайней мере — в тексте романа Кундеры) для выражения смысла типа 3 всегда используется другое слово, чем для выражения смысла типа 2.

	‘любить 2’	‘любить 3’	‘любовь 2’	‘любовь 3’
чешск.	milovat	milovat	láska	milování
польск.	kochać	kochać (się)	miłość	kochanie (się)
русск.	любить	[[любить]]	любовь	[[любовь]]
нем.	lieben	lieben	Liebe	Liebe
англ.	to love	–	love	–
франц.	aimer	[aimer]	amour	[amour]
итал.	amare	–	amore	[amore]

Прежде всего интересно, что все рассматриваемые языки в данном отношении устроены по-разному. Наибольшими полисемическими возможностями обладает немецкий язык, где смысл ‘любить 3’ относительно свободно передается глаголом *lieben*, а ‘любовь 3’ — существительным *Liebe*. Наоборот, в английском языке слово *love* вообще не используется в смысле 3. В польском языке, как и в чешском, для ‘любить 3’ может использоваться тот же глагол, что и для ‘любить 2’ (при этом чаще смысл ‘любить 3’ выражается во взаимно-возвратном залоге), а для ‘любовь 3’ — образованное от него отглагольное имя (‘любовь 2’ в обоих этих языках обозначается другим словом). В чешском тексте смысл ‘любить 3’ выражается глаголом *milovat* (т. е. так же, как ‘любить 2’); смысл ‘любовь 3’ — существительным *milování* (образованным от глагола со значением ‘любить 2-3’); смысл ‘любовь 2’ выражается другим словом (*láska*). Просмотр всех вхождений слова *milovat* в тексте романа позволил сделать вывод, что, несмотря на тождество означающего, двусмысленности не возникает: выбор понимания с ‘любить 2’ или с ‘любить 3’ однозначно определяется либо за счет наличия в предложении различного рода обстоятельств, либо нужное значение выводится из более широкого контекста. Если этот выбор сделан неправильно — как, например, в итальянском и польском переводах приводимого ниже предложения — смысл исходного текста оказывается очевидным образом искаженным (т. е. в случае чешского глагола *milovat* мы имеем дело с полисемией, а не синкретизмом):

Ještě dříve, než se stačil ptát, jaká bude, až se budou *milovat*, už ji *miloval* (V, 12).

Ср. правильный английский перевод и неправильный итальянский:

Before he could start wondering what she would be like when they *made love*, he *loved* her;

Prima di avere il tempo di chiedersi come sarebbe stata *durante l'amore*, stava già *facendo l'amore* con lei.

Во французском языке существительное *amour* (а в итальянском — *amore*) могут употребляться для обозначения ‘любви 3’. Что касается французского глагола *aimer*,

то в значении ‘любить 3’ он встретился лишь один раз — и при этом в контексте, где, очевидно, реализуется одновременно также значение ‘любить 2’:

Ella *l'aima*, cette nuit-la, avec plus de fougue que jamais auparavant... Elle *l'aimait* et elle était déjà ailleurs, loin d'ici [...] Ella *aimait* Franz follement, farouchement, comme elle ne *l'avait* jamais *aimé* (III, 8).

В русском переводе здесь также уместен глагол *любить* (синкретично выражающий оба рассматриваемых значения); ср. употребление глагола *любить* в приведенном выше примере из Чехова.

Наибольший интерес, как кажется, представляет тот факт, что в рассматриваемом отношении русский язык оказался в большей степени сходен с французским, чем с чешским и польским: а именно, в русском, как и во французском, глагол с основным значением ‘любить 2’ может употребляться в значении ‘любить 3’ только при том условии, что он выражает одновременно также и смысл ‘любить 2’.

Изложенное может служить материалом для размышлений над лингвистическим аспектом проблемы тождественности «любви души» и «любви тела», с которого мы начали, — а также, возможно, для дальнейших сравнительно-культурологических изысканий.

1.2. СОЧУВСТВИЕ

Любовь и сочувствие (сострадание, жалость) тесно связаны между собой. В русской языковой картине мира *любовь* и *жалость* образуют устойчивую пару концептов, отношения между которыми амбивалентно: *жалость* может выступать как форма *любви* (и при этом в некотором смысле высшая форма — см. об этом [Wierzbicka 1992a: 256]), но может и противопоставляться ей как нечто меньшее, «ущербное» по сравнению с любовью, ср.: *Позабудь, что была я твоею, / Что безумно любила тебя, / Я теперь не люблю, а жалею — / Отойди и не мучай себя* (Есенин). Сложное соотношение *любви* и *жалости* в русском языке обнаруживает себя в известном диалоге между князем Мышкиным и Рогожиным, который начинается с того, что князь Мышкин говорит «Я ее не любовью люблю, а жалостью»; эту фразу Рогожин далее передает как «жалостью, говоришь, ее любишь» (едва заметно, но при этом весьма существенно меняя акценты), а кончается диалог фразой Рогожина о том, что «жалость твоя, пожалуй, еще пуще моей любви».

В романе «Невыносимая легкость бытия» слово *soucít* (букв. «со-чувствие») обозначает не что иное, как тот вид любви, которую испытывает главный герой Томас к своей возлюбленной Терезе (ср. также выражение «love-soucít» в [Němcová Banerjee 1990]).

1.2.1. *Soucít* в романе М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия»

Концепт, заключенный в чешском слове *soucít*, по праву должен занять свое место в следующем ряду описанных А. Вежбицкой «национально-специфических» эмоций: Ifaluk *fago* (love/compassion), Tahitian *arofa* (empathy/pity/compassion), Samoan *alofa* (love/charity/sympathy) etc. [Wierzbicka 1992a].

Слово *soucit* впервые появляется в самом начале романа (I,9) и сопровождается пространным метаязыковым комментарием. Приведем его полностью¹³:

All languages that derive from Latin form the word «compassion» by combining the prefix meaning «with» (*com-*) and the root meaning «suffering» (Late Latin, *passio*). In other languages — Czech, Polish, German, and Swedish, for instance — this word is translated by a noun formed of an equivalent prefix combined with the word that means «feeling» (Czech, *sou-cit*; Polish, *współ-czucie*; German, *Mit-gefühl*; Swedish, *med-kännska*).

In languages that derive from Latin, «compassion» means: we cannot look on coolly as others suffer; or, we sympathize with those who suffer. Another word with approximately the same meaning, «pity» (French, *pitié*; Italian *pietà*; etc.), connotes a certain condescension towards the sufferer. «To take pity on a woman» means that we are better off than she, that we stoop to her level, lower ourselves.

That is why the word «compassion» generally inspires suspicion; it designates what is considered an inferior, second-rate sentiment that has little to do with love. To love someone out of compassion means not really to love.

In languages that form the word «compassion» not from the root «suffering» but from the root «feeling», the word is used in approximately the same way, but to contend that it designates a bad or inferior sentiment is difficult. The secret strength of its etymology floods the word with another light and gives it a broader meaning: to have compassion (co-feeling) means not only to be able to live with the other's misfortune but also to feel with him any emotion — joy, anxiety, happiness, pain. This kind of compassion (in the sense of *soucit*, *współ-czucie*, *Mit-gefühl*, *med-kännska*) therefore signifies the maximal capacity of affective imagination, the art of emotional telepathy. In the hierarchy of sentiments, then, it is supreme.

Далее следует иллюстрация (курсив мой. — А. 3.):

By revealing to Tomas her dream about jabbing needles under her fingernails, Tereza unwittingly revealed that she had gone through his desk. If Tereza had been any other woman, Tomas would never have spoken to her again. Aware of that, Tereza said to him, «Throw me out!» But instead of throwing her out, he seized her hand and kissed the tips of her fingers, because at that moment *he himself felt the pain under her fingernails as surely as if the nerves of her fingers led straight to his own brain*.

Anyone who failed to benefit from the Devil's gift of compassion (co-feeling) will condemn Tereza coldly for her deed, because privacy is sacred and drawers containing intimate correspondence are not to be opened. But because compassion was Tomas's fate (or curse), *he felt that he himself had knelt before the open desk drawer, unable to tear his eyes from Sabina's letter*. He understood Tereza, and not only was he incapable of being angry with her, he loved her all the more¹⁴.

Приведем еще один отрывок (I,15) [описывается состояние героя в тот момент, когда героиня уехала от него из Цюриха, где они находились в эмиграции, обратно в оккупированную Прагу]:

This curious melancholic fascination lasted until Sunday evening. On Monday, everything changed: Tereza forced her way into his thoughts: *he imagined her sitting there writing her farewell letter; he felt her hands trembling; he saw her lugging her heavy suitcase in one hand and leading*

¹³ Здесь и далее цитаты из романа приводятся в английской версии, так как существующий русский перевод представляется неудачным — а семиотически это, как уже говорилось, безразлично.

¹⁴ Ср. также диалог из другого романа про любовь:

— Ich weiß nicht, was da passiert war. Ich hatte plötzlich so einen furchtbaren Schmerz im Kopf, wie ein gräßliches Pochen oder so. [...]

— Laß mich fühlen.

— Du kannst bestimmt gar nicht fühlen, es ist drinnen im Kopf.

— «Ich weiß, aber ich will *mitfühlen*» (Alain de Botton. Versuch über die Liebe).

Karenin on his leash with the other; he pictured her unlocking their Prague flat, and *suffered* the utter abandonment breathing her in the face as she opened the door¹⁵.

Слово *soucít* в романе Кундеры — это «экзистенциальный код» главного героя Томаса (см. [Kundera 1987: 125]). Это слово выступает как вторичный знак, и его значение не совпадает со значением слова *soucít* в чешском языке. Не соответствует оно и определению, даваемому Кундерой: слово *soucít* реально употребляется в романе для обозначения способности к сопереживанию не любого чувства, а лишь отрицательных или болезненных ощущений¹⁶. Т. е. имеется, на самом деле, три разных вещи: значение этого слова в чешском языке, значение слова *soucít*, постулируемое Кундерой, и значение этого слова, выводимое из его употребления в романе; нас будет интересовать прежде всего последнее.

На метаязыке, используемом А. Вежицкой, значение слова *soucít*, выводимое на основании его употребления в романе, может быть представлено следующим образом:

soucít (*X feels soucít towards a person Y*)

- (a) X knows Y
- (b) X thinks of Y
- (c) X feels something good toward Y
- (d) X thinks something like this:
- (e) something bad happened to Y
- (f) because of this, Y feels something bad
- (g) X feels as if he felt the same bad thing himself

Это толкование частично состоит из компонентов, входящих в толкования слов *compassion*, *love*, *жалость*, *fago* из [Wierzbicka 1992a]; ниже эти компоненты выделены курсивом, ср.:

compassion

- (a) *X thinks something like this:*
- (b) *something bad happened to Y*
- (c) *because of this, Y feels something bad*
- (d) if it happened to me, I would feel something bad
- (e) when X thinks this, X feels something good toward Y

¹⁵ В чешском тексте здесь все три раза употреблен глагол *cit* ‘чувствовать’ (от которого образовано слово *soucít*).

¹⁶ Что касается чувства сопереживания чужой радости, то по крайней мере в русском языке для него нет названия (ср. об этом [Апресян В. 2011а: 34]). То, что, например, глагол *сочувствовать* обозначает реакцию лишь на отрицательное состояние чужих дел, можно проиллюстрировать следующим диалогом (где отрицательная оценка события вторым говорящим имплицитруется употреблением глагола *сочувствовать*):

А.: *У меня сегодня приезжает жена.*

Б.: *Сочувствую.*

Вообще известно, что положительные и отрицательные эмоции устроены асимметрично: даже такие пары, как *бояться* и *надеяться*, имеют существенно различную семантическую структуру (см. [Jordanskaja, Mel'čuk 1990; Зализняк 1992]); с другой стороны, например, для глагола *сознать* (≈ ‘считать, что поступил неправильно’, см. раздел II.2.1) вообще нет «положительного» аналога, хотя соответствующее внутреннее состояние — что-то вроде удовлетворения от правильно сделанного выбора — можно себе представить. По свидетельству носителей, по-французски это состояние обозначается выражением *Je me félicite*. Тем самым нет ничего удивительного в том, что слово *soucít* обозначает сопереживание только чужой боли, но не радости — хотя соответствующее чувство можно себе представить (например, нечто подобное может испытывать мать, наблюдая, как ест ее ребенок, и представляя себе вкус того, что он ест, с такой ясностью, как будто она сама его ощущает).

love

- (a) *X knows Y*
- (b) *X feels something good toward Y*
- (c) *X wants to be with Y*
- (d) *X wants to do good things for Y*

жалость

- (a) *X thinks something like this:*
- (b) *something bad is happening to Y*
- (c) *because of this, Y feels something bad*
- (d) *I would want it didn't happen*
- (e) *because of this, X feels something good toward Y*
- (f) *if X could, X would want to do something good for Y*

fago

- (a) *X thinks of Y*
- (b) *X feels something good toward Y*
- (c) *X thinks something like this:*
- (d) *something bad can happen to a person*
- (e) *when something bad happens to someone, some people should do something for this person*
- (f) *I don't want bad things to happen to Y*
- (g) *when X thinks that something bad can happen to Y, X feels something bad*
- (h) *because of this, X wants to do something good for Y.*

Как легко убедиться, в предлагаемом толковании *soucít* все компоненты, кроме одного, входят также в состав других близких концептов (это компоненты (a—f)). Полностью новым является лишь компонент (g) ‘X feels as if he felt the same bad thing himself’, отражающий идею «эмоциональной телепатии» («со-чувствования»), т. е. испытывание чужой боли как своей. Этот смысл не входит ни в одно из близких понятий других языков (по крайней мере, из имеющихся в нашем распоряжении); он и составляет, по-видимому, специфику эмоции *soucít* (впрочем, что речь идет лишь о значении, в котором употребляется данное слово в романе М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия», а не в чешском языке в целом). Заметим, что в некоторых близких понятиях обсуждаемый смысл присутствует в более «слабой» форме — ср. компонент (d) в *compassion*, а также указание на то, что «для синонимов *сострадание* и особенно *сочувствие* особенно характерны контексты, в которых человек разделяет чужое чувство» [Левонтина 1997а: 108].

1.2.2. Сочувствие в русском языке

В русском языке есть оба слова — *сострадание* и *сочувствие* (производные, соответственно, от основ со значением «страдание» и «чувство» — как, например, в немецком *Mitleid* и *Mitgefühl*). Слово *сострадание*, в соответствии с его внутренней формой, может относиться только к чужому страданию. Посмотрим, что означает слово *сочувствие*. У этого слова обычно выделяют два значения (ср. [Левонтина 1997а]):

1. ‘чувство, которое человек испытывает, когда, считая, что кому-л. плохо, ощущает от этого душевную боль’ (приблизительные синонимы: *жалость*, *сострадание*): *он вызывает сочувствие своим одиночеством и беззащитностью*;
2. ‘благожелательное отношение, поддержка, одобрение’ (приблизительный синоним: *солидарность*): *все мое сочувствие на вашей стороне*.

В данной работе предлагается альтернативное описание — охватывающее существительное *сочувствие* и одновременно глагол *сочувствовать*, — построенное на несколько иных принципах. А именно, в слове *сочувствие* выделяются несколько семантических компонентов, которые могут выступать в разных комбинациях и иметь разную относительную значимость в разных типах употреблений.

Здесь нужно одно предварительное замечание: дело в том, что объектом сочувствия может быть либо человек, оказавшийся в некоторой ситуации (формально объектная позиция занята или именем человека или именем ситуации, или даже и то и другое одновременно, но содержательно это одно и то же: *сочувствие к кому-то; чьему-то горю; он вызывает сочувствие своим одиночеством*), либо некоторая ментальная сущность идеологического характера (*сочувствовать революции, чьим-то убеждениям*). Предлагаемое описание ориентировано на первый тип употреблений (для второго необходим некоторый, вполне несложный, пересчет). Итак, значение слова *сочувствие* складывается из следующих более простых смыслов:

Сочувствие X-а к Y-у; X сочувствует Y-у:

- (а) X испытывает нечто хорошее по отношению к Y-у
- (б) X может представить себя испытывающим то, что испытывает Y
- (в) X может представить себя считающим то, что считает Y
- (г) X считает, что Y-у плохо
- (д) X-у плохо оттого, что плохо Y-у
- (е) X хочет, чтобы Y-у было хорошо

Перечисленные семантические компоненты имеют разный потенциал. А именно, главным ассертивным компонентом в конкретном употреблении слова *сочувствие* или *сочувствовать* могут быть только (б), (в), (г) или (д); компонент (д) при этом может появляться только при наличии (г). Компоненты (а) и (е) не могут составлять ассерцию: (а) является как бы условием возникновения состояния, соответствующего (б), а (е) — следствием из (г) + (д).

Формула ‘может представить себя...’ отражает характерное для русского слова *сочувствие* частичное присоединение к чужой точке зрения, оценке, чувству — отличая, с одной стороны, человека, сочувствующего некоторой идее, от человека, разделяющего ее (ср. ниже примеры (7—8)) — и, с другой — русское *сочувствие* от кундеровского *soucit* (где человек не только может представить себя испытывающим, но и действительно испытывает то же чувство, что и Y). Глагол ‘испытывать’ выбран как предикат, которому подчинены имена чувств и ощущений — боли, и т. п. (второе встречается реже — ср., однако пример (11)). Глагол ‘считать’ выбран как предикат, вводящий неverifiedируемые пропозиции (т. е. взгляды на мир) *par excellence* — см. [Зализняк 1991] или раздел II.7.

Наиболее существенным признаком, отличающим *сочувствие* от *сострадания* (ср. выше толкование Вежбицкой для *compassion*) является компонент (г) ‘X может представить себя считающим то, что считает Y’. В этом смысле *сочувствие* является более «ментальным», чем *сострадание*; оно предполагает некоторую точку зрения, определенную позицию. Можно предположить, что, например, в эпоху сталинского террора сострадание к политзаключенным не было преступлением — в отличие от сочувствия, которое безусловно рассматривалось как таковое (ср. пример (3)). Этот компонент обуславливает значение ‘одобрения, поддержки’, т. е. частичного присо-

единения к чужой позиции, которое возникает в контексте объекта, обозначающего ментальную сущность.

Приведем некоторые примеры (после каждого из них указаны компоненты из приведенного выше списка, которые выступают на первый план в данном употреблении):

- (1) И только Варя не покинула Софью Александровну, а значит, не покинула и Сашу. Ничего между ними не было, и все же стояла с ней в тюремных очередях, готовила передачи, защищала от грубых клиентов в прачечной, своим участием скрашивала ее одинокую жизнь. И делала это не только из *сострадания*. За этим незримо стоял Саша, интерес к нему, *сочувствие* к его судьбе (А. Рыбаков): (а), (б), (в), (г), (д), (е).

Этот пример интересен тем, что здесь *сочувствие* противопоставлено *состраданию*, и различаются они именно за счет компонента (в).

- (2) Что бы ни стояло за этими рассуждениями — одиночество, *сочувствие* девушке, как и он, попавшей в забытый край, — все равно это была любовь, неожиданная в таком деле человеке, волоките и жуире (А. Рыбаков): (б), (г), (д);
- (3) Но, как ни хитрил он, было видно, что *сочувствует* спецпереселенцам, и у него есть дети, и сам он такой же человек, как и они (А. Рыбаков): (б), (г), (д);
- (4) Сын в каждом письме спрашивал, как подвигается у него работа. Это *сочувствие* сына очень бодрило и поощряло Мартына Мартыновича (МАС): (а), (б), (е);
- (5) Костоготов смотрел на него не с жалостью, нет, а — с *сочувствием*: эта пуля твоя оказалась, а следующая, может, моя (Солженицын; пример из [Wierzbicka 1992a: 168]): (б), (г);
- (6) — Так, Панкратов... Подумали вы над тем, что я вам советовал?
— Да, подумал. Но я не знаю, о чем идет речь.
— Плохо! — Дьяков качнул головой. В его голосе слышался упрек, сожаление, даже *сочувствие*, мол, не жалеешь ты себя, браток! (А. Рыбаков): (г), (д).

Ряд *упрек*, *сожаление*, *сочувствие* имеет общий смысловой компонент 'X считает, что с Y-м происходит нечто плохое'; причем эти три слова выстроены по нарастающей степени «эмоциональной затронутости» X-а плачевным положением Y-а: он практически отсутствует в слове *упрек*, имеется в слабой форме в слове *сожаление* и в более сильной — в слове *сочувствие* (ср. компонент (д) нашего толкования). Это нарастание маркируется словом *даже* (ср. [Крейдлин 1975: 105]).

- (7) Тот, маленький, в бобриковом пальто, снова не ответил на ее вопрос, посмотрел с *сочувствием* и отвернулся. Теперь Софья Александровна ждала худшего (А. Рыбаков): (г).

Как видно из контекста, здесь *сочувствие* означает лишь оценку положения Y-а как негативного.

- (8) Он быстро сделался одним из тех [...] людей, которые, стоя в центре различных общественных течений, но не присоединяясь ни к одному из них[...] всем *сочувствуют* и даже, при случае, готовы оказать явные и тайные услуги (Горький): (в);
- (9) Человек передовых взглядов и миллионер, *сочувствовавший* революции, сам Кологринов с женою находился в настоящее время за границей (Пастернак): (в);
- (10) Вся эта глупейшая, бестактная и, вероятно, политически вредная вещь заставила гневно содрогаться Павла Иосифовича, но, как это ни странно, по глазам столпившейся публики видно было, что в очень многих людях она вызвала *сочувствие*! (Булгаков): (в);
- (11) Самгин кивнул головой, *сочувствуя* тяжести усилий, с которыми произносил слова заика. (Горький): (б).

Заметим, что слово *сочувствие* может иметь в русском языке употребление, где его значение приближается к тому, чего хотел бы Кундера от слова *soucit*: «чувство-

вание того же самого (причем не обязательно плохого)»; некоторая нестандартность такого употребления маркируется в авторском тексте кавычками:

Для нас его книга [«Мемуары» Казановы] драгоценна, ибо пробуждает в нас то «сочувствие», которое является целью всякого художественного произведения. Эту жизнь и судьбу мы переживаем со всем цветом и всей звучностью, вложенными в рассказ старого авантюриста. Во всех его приключениях нет ничего необыкновенного, кроме необыкновенности питавшего его внутреннего жара. По существу же все просто и человечно у Казановы, все лежит в кругу наших мыслей и чувств. И в истории его жизни мы часто узнаем страницы своей истории, вечной истории человеческой жизни (П. П. Муратов. Образы Италии).

2. ТОЖДЕСТВО И ПОДОБИЕ В ЗНАЧЕНИИ РУССКОГО ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА*

2.1. К ПРОБЛЕМЕ ИНВАРИАНТА

Книга Анны Вежбицкой «The case for surface case» [Wierzbicka 1980b], посвященная русскому творительному падежу и обязанный своим названием известной статье Ч. Филлмора [Fillmore 1968], начинается, в соответствии с пародируемым обоими авторами жанром судебного процесса, речью «в защиту» традиционной концепции падежей — представленной, в частности, в академических грамматиках русского языка, — согласно которой падежи имеют значения, и у каждого падежа их довольно много. Книга А. Вежбицкой представляет собой, безусловно, качественно новый этап в изучении русских падежей и одновременно наиболее полное и точное из существующих описаний русского творительного. И тем не менее — или, возможно, именно поэтому — книга вызывает желание продолжить это исследование и, соглашаясь с одними идеями, подвергнуть сомнению некоторые другие.

Проблема частных значений падежей имеет давнюю традицию (ср. формулы типа «*ablatus separationis*» в грамматиках классических языков) и включает следующие основные вопросы, по которым высказывались различные мнения¹⁷. Можно ли вообще говорить о «значении» падежей; существует ли у падежей «общее значение» (семантический инвариант); сколько частных значений — «много» или «мало» — имеется у каждого падежа; являются ли частные значения дискретными сущностями или образуют некий континуум с размытыми границами? А. Вежбицкая дает следующие ответы на эти вопросы. Падежи имеют значения; каждый падеж имеет много значений, которые при этом могут быть строго разделены; что касается семантического инварианта, то, как считает А. Вежбицкая, он имеет слишком общий характер, чтобы обладать реальной предсказующей силой (*predictive value*). Множество частных значений каждого падежа организовано по принципу «семейного сходства»: любые два значения имеют какие-то общие компоненты, но такого компонента, который был бы общим для всех, может и не оказаться.

Согласно анализу Вежбицкой, русский творительный падеж имеет 17 значений. Наиболее часто повторяющимся компонентом толкования является смысл 'not because he wanted something else to be sayable about IN'¹⁸ (в семи значениях) и близкий смысл 'not because I want you to be able to think of IN' (в шести значениях) — идея,

* В основу данного раздела положена статья [Зализняк 1996].

¹⁶ Примерно те же вопросы обсуждались в связи с анализом семантики приставок, ср. раздел III.1.

¹⁸ IN = instrument, то есть референт имени в творит. падеже.

которую Р. Якобсон обозначил как признак «периферийности» творит. падежа [Якобсон 1936/1985]. Этот же смысл имеется в виду, когда говорят о «посреднической» функции творительного, ср. [Потебня 1888: 456]; ср. также формулировку:

...имя в творит. п. обозначает предмет, п о с р е д с т в о м которого осуществляется действие: его орудие, средство и материал, способ проявления, образ, метод, прием, движущую силу... С орудийным значением может быть связано все то, что так или иначе с п о с о б с т в у е т осуществлению действия и придает ему известный вид, форму, образ [Шведова, Лопатин 1989: 380].

Второй наиболее часто повторяющийся смысловой компонент включает семантический примитив 'imagine' ('I say this because I want you to be able to imagine...'). Эта идея объединяет творит. сравнения, образа действия, времени, средства передвижения и предикативный. Действительно, идея «зрительного образа» исключительно важна для творит. падежа, ср. ниже о «творительном метафорическом».

Из русских падежей именно творительный привлекал наибольшее внимание исследователей — начиная с классических работ [Потебня 1888; Виноградов 1947; Якобсон 1936/1985]; см. также [Мразек 1964; Вейренк 1971; Janda 1993; Рахилина 2000в: 72—85] и обзор литературы в упомянутой книге А. Вежбицкой и в работе [Kilby 1986]).

В статьях [Панов 1990; 1992] делается попытка продемонстрировать контекстную обусловленность различных частных значений творительного падежа. Подобно тому как фонема реализуется в форме разных аллофонов в разных фонетических условиях, реализация того или иного значения у флексии творительного падежа обусловлена лексическим значением существительного и управляющего глагола. Отвергая идею семантического инварианта как не имеющую под собой лингвистической реальности, М. В. Панов, однако, отмечает, что «вся эта разнородная группа значений, по-видимому, справедливо оценивается как некая целостность, которая вся вместе и называется “значение творительного падежа”» [Панов 1990: 83].

Вопрос о существовании (лингвистической релевантности, эвристической ценности и т. д.) семантических инвариантов принадлежит к числу «вечных вопросов» лингвистики, и мы не предполагаем его здесь решить. В каком виде в человеческом мозгу хранится знание значений слов (морфем, грамматических категорий и т. д.), нам неизвестно и, вообще говоря, не играет существенной роли: лингвисты отказываются от семантического инварианта прежде всего потому, что его не удастся сформулировать. И действительно, лексическая многозначность по преимуществу устроена таким образом, что если попытаться вычленив общую часть в толковании всех значений, то она окажется слишком малоинформативной, чтобы эта процедура вообще имела смысл. Однако идея семантического инварианта не теряет своей притягательности, и, как нам кажется, она может быть реабилитирована при следующих условиях: во-первых, инвариант следует искать лишь в тех случаях, когда разброс значений относительно невелик; во-вторых, он должен формулироваться на принципиально ином метаязыке, чем тот, который используется для толкования реальных значений.

С учетом сделанных оговорок можно предложить следующую формулу (релевантным образом охватывающую лишь некоторую часть значений творит. падежа, а именно те, о которых пойдет речь ниже: творит. образа действия, творит. сравнения и творит. предикативный):

существительное в творит. падеже обозначает (про)явление (φαινόμενον) — одно из возможных — некоторой сущности.

Пользуясь термином, введенным в [Булыгина, Шмелев 1989а] в другой связи, можно сказать также, что существительное в творит. падеже обозначает *и н с т а н ц и ю*, т. е. временной (а также, возможно, качественный, семиотический и т. д.) «срез» некоторого индивидуального объекта.

То, что творит. падеж имеет вполне определенное собственное значение (временной или качественный «срез» объекта, истинный или мнимый, но обязательно предполагающий наличие других «срезов» и потому принципиальным образом *в р е м е н н ы й*, *п р е х о д я щ и й*), подтверждается возможностью свободного, то есть не управляемого синтаксически и не задаваемого списком, его употребления единственно для выражения этого значения. Такое употребление характерно в первую очередь для поэзии, ср.:

...Мертвой *раковиной*
Губы на губах (Цветаева);

Каменной *глыбой* серой,
С веком порвав родство,
Тело твое — пещера
Голоса твоего (Цветаева);

Этот *Фаустом*, тот *Дон Жуаном*,
Дапертутто, *Иоканааном*,
Самый скромный — северным *Гланом*
Иль убийцею *Дорианом*,
И все шепчут своим дианам
Твердо выученный урок (Ахматова).

Для разъяснения приведенной выше формулы обратимся к анализу упомянутых трех значений творит. падежа.

2.2. Тождество или подобие?

Значения творит. падежа могут быть разделены следующим образом.

1) Основная масса употреблений, которую можно назвать **актантными** значениями: существительное в творит. падеже обозначает здесь некоторого отдельного участника ситуации, описываемой предикатом (*он рубил дрова т о п о р о м*, *лодку унесло т е ч е н и е м*, *Иван был убит П е т р о м*, *он ехал л е с о м*, *он объелся г р и б а м и*, *торгует я б л о к а м и* и т. д.).

2) **Предикативный** творительный, который отличается тем, что существительное в творит. падеже обозначает здесь не отдельного участника ситуации, описываемой глаголом, а уже имеющегося в ситуации — введенного другой именной группой (она выделена подчеркиванием): *Иван работает уч и т е л е м*; *Я помню М а ш у м а л ь н ы й д е в о ч к о й*; *Они назвали д о ч ь Т а т ь я н о й* и т. д.

3) Творительный **сравнения**, где существительное в творит. падеже обозначает участника д р у г о й с и т у а ц и и. Так, в ситуации, описываемой предложением *Иван скакал козлом*, козел не участвует; он является участником другой ситуации ('козел скачет'), вызываемой в воображении.

Мы рассмотрим три значения: творит. образа действия, который относится к первой, «актантной» группе (*писать каракулями*, *пускать дым кольцами*, *вышивать*

крестиком, подниматься в гору елочкой, ходить кругами, лететь стаяй, сложить тетради стопкой, снег висит клоками и т. д.); творит. предикативный, творит. сравнения. Как мы попытаемся показать, все эти три значения тесно между собой связаны, и различия между ними обусловлены тонкой игрой в соотношении тождества и подобия.

Как справедливо отмечает Н. Д. Арутюнова, категории тождества и подобия, сами по себе отчетливо противопоставленные, в языке часто соединяются таким тесным образом, что их становится трудно различить: «целый ряд так называемых “фигур речи” создается скрещиванием, гибридизацией тождества и подобия. К числу гибридных тропов должна быть прежде всего отнесена метафора. Метафора создается тем, что подобию придается вид тождества» [Арутюнова 1983б: 6]. Как оказывается, такого рода гибридизация — свойство не только «фигур речи», но она проникает и глубже в систему языка. А именно, в русском языке существует грамматическая форма, назначением которой *par excellence* является смешение категорий тождества и подобия. Этой формой и является русский творительный падеж — по крайней мере, в части своих употреблений.

Возникает вопрос, можно ли три выбранных значения творит. падежа различить дискретно (т. е. существуют ли здесь какие-то дифференциальные признаки, операциональные критерии), или эти различия градуальны. Ответ в двух словах состоит в том, что здесь имеются дискретные области, где есть отчетливое смысловое противопоставление (ср. два возможных понимания у фразы *Он жил холостяком*: ‘Он был холостяком’ и ‘Он не был холостяком, но жил так, как если бы он им был’), а есть недискретные, где переход от одного значения к другому устроен в виде шкалы (в конечном счете — относительной значимости тождества и подобия). И при этом значение дифференцирующего параметра не всегда известно, что еще усиливает неоднозначность.

То, что творит. падеж в перечисленных конструкциях таит в себе возможности неоднозначного (между тождеством и подобием) прочтения, подтверждается избытком этих конструкций в поэзии. Как показал проведенный анализ соответствующих употреблений творит. падежа в текстах нескольких русских поэтов, в весьма значительной части случаев определить тип значения творит. падежа оказывается затруднительно (ср. примеры ниже).

2.2.1. Творительный сравнения

Начнем с творительного сравнения. Это конструкция вида *X P Y-м*, которая имеет три разновидности в зависимости от того, к чему исходно относится предикат *P*: к *X-у*, к *Y-у* или и к тому и к другому. Так, во фразе *Иван помчался стрелой* *P* относится к *X-у* (так как *мчится* человек, но не стрела), во фразе *Иван полетел стрелой* *P* относится к *Y-у* (*летит* стрела); в *Иван скакал козлом* *P* относится одновременно к *X-у* и к *Y-у*: *скачет* как Иван, так и козел.

Приведем сначала простые примеры на творит. сравнения (*Y* везде выделен курсивом, подчеркивание отмечает предикат *P* и тот актанта, к которому он относится).

Примеры первого типа: *P* относится к *X-у* (относительно редкий случай):

Коса ее развилась и темною змеєю упала ей на плечо (Тургенев);

дамьё

от меня

ракетой шарахалось (Маяковский);

вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей (Маяковский).

Примеры второго типа (Р относится к Y-у; наиболее характерный случай):

И опять к равнодушной отчизне

Дикой уткой взвывается упрек (Мандельштам);

Дикой кошкой горбится столица (Мандельштам);

Окружена высокими холмами,

Овечьим стадом ты [Феодосия] с горы сбегаешь (Мандельштам);

Последней звезды безболезненно гаснет укол,

И серую ласточкой утро в окно постучится (Мандельштам);

Вчера еще — в ногах лежал!

Равнял с Китайскою державою!

Враз обе ручки разжал, —

Жизнь выпала — копейкой ржавою! (Цветаева);

Одного безумия

Уст — достаточно, чтобы львом

Виноградники заворочались,

Лаву ненависти струя (Цветаева);

А в небе, лучик серезжой вдев в ушко, —

звезда, как вы, хорошая, — не звезда, а девушка... (Маяковский);

...уйду я,

солнце моноклем

вставлю в широко растопыренный глаз... (Маяковский).

Примеры третьего типа (Р относится одновременно к X-у и к Y-у):

Под голубыми небесами

Великолепными коврами

Блестя на солнце снег лежит (Пушкин);

...Как полководец римский,

Орлом озирая войск

Остаток (Цветаева);

От радости себя не помня,

скакал,

индейцем свадебным прыгал (Маяковский);

Помню губы, двойною раковиной

Приоткрывшиеся моим (Цветаева);

И — набережная. Последняя.

Всё. Порознь и без руки,

Чурающимися соседями

Бредем (Цветаева).

Прокомментируем эти примеры. Для творит. сравнения может быть предложено следующее толкование:

X P Y-м означает, в общем случае:

- (1) имеет место $P'(X)$ (X что-то делает; про X -а говорится нечто; с X -м что-то происходит);
- (2) чтобы представить себе $P'(X)$, представь себе $P(Y)$;
- (3) $P'(X)$ п о х о ж е на $P(Y)$;
- (4) представь себе на мгновение, что X я в л я е т с я Y -м, который P .

Например:

Дикой кошкой горбится столица =

- (1) нечто происходит со столицей;
- (2) представь себе дикую кошку, выгибающую спину;
- (3) то, что происходит со столицей, похоже на это;
- (4) представь себе на мгновение, что столица — э т о и е с т ь дикая кошка, выгибающая спину.

Другой пример:

Враз обе рученьки разжал, — // Жизнь выпала — копейкой ржавою! =

- (1) нечто произошло с (моей) жизнью;
- (2) представь себе, как ржавая копейка выпадает из разжатых рук;
- (3) то, что произошло с (моей) жизнью, похоже на это;
- (4) представь себе на мгновение, что (моя) жизнь — э т о и е с т ь ржавая копейка, выпадающая из рук.

Компонент (3), отсылающий к подобию, является здесь «фоновым», то есть не утверждаемым (в отличие, например, от конструкций с предикатом подобия типа *похож* и даже со сравнительным *как*)¹⁹. В толковании творит. сравнения, предложенном А. Вежицкой, этот компонент вообще отсутствует. Ср. [Wierzbicka 1980b: 87]:

something can be said about X
that could be said about an IN
I say: imagine an IN
because I want you to be able to imagine X
not because I want to say something about an IN.

Возвращаясь к нашему толкованию, обратим особое внимание на компонент (4), устанавливающий временное тождество X -а и Y -а. Ср. толкование из [Туровский 1988: 37]: *X P Y-м* = ‘чтобы представить себе $P(X)$, представь себе, что в ситуации, описываемой данным предложением, X есть Y ’.

Как легко убедиться, значение конструкции с творит. сравнения очень близко к метафоре (этот тип значения творит. падежа должен был бы называться «творительный метафорический»). А именно, помимо собственно толкования, здесь имеются следующие признаки, общие с метафорой: 1) опущен предикат сходства; 2) имеет место категориальный сдвиг; 3) зрительный образ; 4) неградуируемость признака (ср. [Арутюнова 1983б: 8]); 5) невозможность указания на основание сравнения (ср. [Арутюнова 1983б: 7; 1990: 28]).

¹⁹ Действительно, только статусом компонента сходства отличается творит. сравнения от собственно сравнительной конструкции, где этот компонент сходства выражен более эксплицитно, ср.: *Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни* (О. Мандельштам), см. разбор этого примера в [Перцова 1988: 68]). Наоборот, еще менее явно выраженным, чем в творит. сравнения, является утверждение сходства в аппозитивной конструкции, имеющей в остальном то же толкование, ср.: *Дикая кошка — армянская речь — / Мучит меня и царапает ухо* (О. Мандельштам).

Главным и, пожалуй, единственным отличием фигуры мысли, выражаемой творит. сравнения, от метафоры является переходящий характер сходства (о том, что метафора фиксирует устойчивые, постоянные, «сущностные», хотя и скрытые свойства предмета, его «душу», см. [Арутюнова 1983б; 1990]). Тем самым творит. сравнения заполняет своего рода лауну, оставленную в этой области метафорой. Рассмотрим следующий пример:

*Гусей крикливых караван
Тянулся к югу (Пушкин).*

Здесь представлена метафора (выраженная характерной для этого тропа конструкцией с род. падежом): *стая гусей по х о ж а на караван (верблюдов)*; предикат сходства опущен. Что изменится, если сказать «гуси *караваном* тянулись к югу»? С одной стороны, сходство приобретает переходящий, мимолетный характер. С другой — компонент сходства приобретает несколько бóльшую значимость относительно компонента тождества. Тем самым творит. сравнения находится где-то посередине между метафорой и сравнительной конструкцией с *как*. А именно, здесь выстраивается следующая шкала (ср. анализ сравнения, метафоры и сходных явлений в [Вежбицкая 1990]):

<i>похож</i> — <i>как</i> — творит. сравнения — метафора — <i>является</i>	

подобие	тождество

2.2.2. Творительный образа действия

Перейдем теперь к творительному образа действия. Вообще говоря, это очень разнородная группа. Помимо случаев, которые нас интересуют, сюда входят еще *плавать кролем, ехать галопом* (где существительное собственно и обозначает способ), *говорить басом, шепотом, скороговоркой; пойти в кино всей семьей, дружить домами* и многое другое, что мы оставим в стороне и ограничимся теми случаями, где существительное в творит. падеже обозначает предмет, имеющий характерный внешний облик. Это: *писать каракулями, пускать дым кольцами, вышивать крестиком, подниматься в гору елочкой (лесенкой), ходить кругами, лететь стаей, сложить тетради стопкой, снег висит клоками, свернуть лист бумаги трубочкой, окружить кольцом, построиться рядами, ходить кругами, изогнуться дугой, пастьись табуном, идти толпой, гулять группами, снег валит хлопьями, свернуться калачиком, уложить косы короной* и т. п. Ср. также:

*Дым багровый
Кругами всходит к небесам (Пушкин);*

Степа Лиходеев, директор театра Варьете, очнулся утром у себя в той самой квартире, которую он занимал пополам с покойным Берлиозом, в большом шестиэтажном доме, *покоем*²⁰ расположенном на Садовой улице (Булгаков).

Творит. образа действия находится на самом деле где-то между «актантной» группой значений и творит. сравнения. Действительно, каракули, кольца, крестики, стопка, клоки, стая и т. д. как бы присутствуют в ситуации. Так, у слов типа *кольцо* есть значение ‘предмет в форме кольца’; тем самым *пускать дым кольцами* — это

²⁰ То есть в форме буквы П.

не ‘делать нечто похожее на кольцо’, а скорее ‘нечто, что является кольцом’ (опять: тождество или подобие?). Но у некоторых слов — например, *елочка* — такого специального значения, по-видимому, нет: *подниматься елочкой* значит ‘так, что остающиеся следы похожи на елочку’²¹. Здесь способ действия идентифицируется через сравнение, но — и именно это отличает творит. образа действия от творит. сравнения — через сравнение с предметом, а не с ситуацией (как во фразе *Он скакал козлом*, где происходит сравнение не просто с козлом, а со скачущим козлом, ср. [Туровский 1988: 138]).

Гуси летели стаей — это творит. образа действия: когда летят гуси — это и есть стая, но *Мальчишки стаей влетели во двор* — творит. сравнения (а *Стая мальчишек влетела во двор* — метафора). Творит. образа действия требует семантического согласования, он конвенциализован, уже готов к употреблению — в то время как в творит. сравнения всегда имеется категориальный сдвиг, нахождение которого есть творческий акт. Сравнение, лежащее в основе творит. образа действия, не может быть неожиданным — тогда оно не будет понятно, то есть оно берется только из уже имеющегося арсенала — в отличие от конструкций с творит. сравнения, которые неисчерпаемы и создаются каждый раз заново силой авторского воображения. При повторном употреблении сопоставление может переходить уже в разряд конвенциональных. Предельный случай — сравнения с наиболее типичным производителем данного действия (которые по существу приближаются к лексической функции Magn [Мельчук 1974/1999: 89]), например: *выть волком (белугой), извиваться ужом* (ср.: *как уж на сковородке*), *вцепиться коршуном, упасть камнем, подкрасться лисой*. В чистом виде этот прием использован в *figurae ethymologicae* типа *сидеть сиднем, ходить ходуном, криком кричать* и т. п.

Итак, толкование творит. образа действия:

$X P Y\text{-м} =$

- (1) X производит действие P так, что
- (2) в процессе или в результате этого действия возникает Y или нечто, внешне похожее на Y.

Например:

Иван пускает дым кольцами =

- (1) Иван пускает дым так, что
- (2) в результате этого возникают кольца.

Иван поднимается в гору елочкой (лесенкой) =

- (1) Иван поднимается в гору так, что
- (2) в результате этого на снегу возникает нечто, внешне похожее на елочку (лесенку).

Компонент ‘возникает’ нужен потому, что если Y существовал изначально, отдельно от действия P, то это уже будет творит. инструмента или средства.

В поэзии в этом месте может возникать неоднозначность. Рассмотрим следующий пример:

Брега с недвижною рекою
Сровналя пухлой пеленою (Пушкин).

²¹ Хотя в принципе любое слово, обозначающее предмет характерной формы, может приобретать значение ‘нечто такой формы’, различие здесь состоит лишь в степени конвенциональности этого переноса. Тем самым в этом месте идентификация действия через тождество и через подобие фактически совпадают.

Сочетание *пухлой пеленою* может пониматься двояко: 1) с творит. образа действия: ‘так что получилась пухлая пелена’ и 2) с творит. орудия: ‘при помощи пухлой пелены’ — в зависимости от того, рассматривается *пухлая пелена* как существующая до действия или как возникающая в процессе. Здесь скорее имеется в виду первое понимание, хотя второе тоже не исключено (т. е. возникает характерная для поэтических текстов неоднозначность).

2.2.3. Творительный предикативный

Обратимся теперь к творительному предикативному. Различие между творит. предикативным и творит. сравнения сводится, вообще говоря, в точности к противопоставлению тождества и подобия, и их сближение (неразличение) обусловлено сближением (неразличением) в определенных условиях категорий тождества и подобия.

Творит. предикативный изучался прежде всего в связи с возможной в данной позиции конкуренцией с именительным падежом (см. [Якобсон 1936/1985; Wierzbicka 1980b; Николз 1985; Guiraud-Weber 1993a; 1994] и др.). Значение, которое в грамматиках называется творит. предикативным, у Р. Якобсона (который называет его творит. деятельности) охарактеризовано следующим образом: «Творит. деятельности подразумевает тот же предмет, что и соотнесенный с ним (названный или подразумеваемый) полный падеж в том же высказывании, и означает, что речь идет о частичной функции предмета, об эпизодическом, преходящем свойстве (благоприобретенном и соответственно могущим быть утраченным)» [Якобсон 1936/1985: 154]. Эта мысль Якобсона поддерживается А. Вежбицкой («the instrumental case is used when the predicate nominal denotes a property which is seen as transient and inessential» [Wierzbicka 1980b: 119])²². Ср., впрочем, работы [Hentschel 1991; Guiraud-Weber 1994], где показано, что в современном русском языке эта корреляция утрачена.

Творит. предикативный встречается лишь при определенных семантических группах глаголов. В работе [Guiraud-Weber 1993a] выделяется три типа «связочных» глаголов, допускающих творит. предикативный: 1) «идеальная» связка — глагол *быть*; 2) «охарактеризованные» связки (*стать, сделаться, казаться, оказаться, считаться, являться* и т. п.); 3) «окказиональные» связки (*прийти, приехать, вернуться, стоять, сидеть, жить, расти, родиться, умереть, погибнуть, остаться, расстаться, разойтись* и т. п.). Глаголы третьей группы, в отличие от второй, могут употребляться также и в несвязочной функции, то есть без существительного в творит. падеже.

Мы дополним этот список, ограничившись при этом лишь глаголами, допускающими творит. падеж существительного (включение в этот список также глаголов, сочетающихся с творит. падежом прилагательного, размывает его границы и одновременно выводит нас несколько за пределы рассматриваемой проблематики). Итак, это:

I. Двухместные глаголы:

1) состояния: *быть, бывать*;

2) изменения состояния: *стать, сделаться* <начальником>, *остаться* <холостяком, дураком>;

²² Ср. также такие характеристики как «impermanence» и «transitoriness» (по отношению к творит. предикативному, а также некоторым другим значениям творит. падежа) в [Smith 1999].

3) превращения и «мнимого качества»: *оборотиться* <ведьма оборотилась змеей>, *притвориться* <добрым волшебником>, *оказаться* <негодяем>; *назваться* <ре-визором>, *сказаться* <колдун сказался дядей Алладина>; *выглядеть* <молодцом>, *чувствовать себя* <героем>, *нарядиться, переодеться, одеться* <кем-то>;

4) *работать, служить, наняться, устроиться, заделаться, завербоваться, записаться* <название профессии или должности>;

5) «окказиональные связки», по М. Гиро-Вебер: глаголы действия, фиксирующие временную точку, к которой приурочено преходящее состояние, обозначенное существительным в творит. падеже. Здесь можно выделить следующие группы: а) глаголы направленного движения: *уйти, прийти* и т. п. (*уехал молодым человеком, а вернулся стариком*); б) глаголы «изменения жизненного состояния» (открытый класс): *родиться, расти, вырасти, жениться, умереть, погибнуть, расстаться* (*героями не рождаются; он женился студентом; умер стариком; век живи, век учишь, дураком умрешь*); сюда же, по-видимому, относится и глагол *жить*, фиксирующий временной интервал: *она живет соломенной вдовой / домашней хозяйкой*; в) прочие: в этой же функции может выступать, вообще говоря, любой глагол, но имеются более жесткие ограничения на семантику существительного в творит. падеже: оно должно обозначать возрастную или социально-возрастную категорию. Ср. пример А. Потебни: *Во многих местностях женщина девкою иначе плетет косы, чем женщиною*; ср. также: *Он еще ребенком прочел всю русскую классику; Пушкин на полотняном заводе был дважды: в первый раз еще женихом; Бабе Ниле девочкой очень нравилось ездить летом в деревню* (Ю. Нагибин)²³. В этих случаях форма творит. падежа фактически может терять связь с управляющим глаголом и выступать в качестве эквивалента временного придаточного: *женихом = когда был женихом*. Однако если творит. предикативный находится в позиции ремы, такая эквивалентность отсутствует, ср.: *С этого дня князь Андрей женихом стал ездить к Ростовым*.

II. Трехместные глаголы:

1) **каузативные**: *сделать, поставить, назначить, выбрать* <кого-то председателем>, *зачислить, принять, взять (на работу)* <бухгалтером>; *воспитать* <сына циником>;

2) **восприятия и мнения**: *видеть, знать, помнить, встречать* <его студентом>; *представить себе, вообразить себе* <Ивана директором завода>; *казаться* <он кажется мне порядочным человеком>, *считать* <Ивана дураком>. Этот класс может быть расширен за счет глаголов **действия**, которые могут выступать в аналогичной функции, ср. (примеры из [Золотова 1988]): *Отец Берсенева привез его в Москву еще мальчиком* (Тургенев); *Щеночком его придавила снегоочистительная машина* (Ю. Нагибин). Ср. также пример из разговорной речи [тесто — это временная «инстанция» пирога]:

- А ты испеки своему мужу такой пирог!
- Да ему попробуй испеки: он его *тестом* съест.

3) **«семиотические»**: *назвать* <дочь Татьяной; Татьяну своей женой>, *звать* <свою жену киской>; *представить, изобразить* <кого-то злодеем>; *ругать, обзывать*.

²³ Последние два примера — из [Золотова 1988].

Творит. предикативный всегда имплицитно подразумевает глубинный предикат ‘быть’ (в онтологическом или семиотическом смысле), связывающий один из актантов глагола с признаком, обозначенным существительным в творит. падеже. Другими словами, творит. предикативный всегда содержит утверждение (предикацию) ‘Х есть Y’, связанное переменной времени и возможного мира.

Так, *Он нарядился медведем (Бабой-ягой)* — ‘в некотором мире он является медведем (Бабой-Ягой)’. Семиотически (а переодевание есть семиотическое действие, задающее соответствующую парадигму ипостасей) он и есть медведь, а не похож на медведя. Костюм может лишь очень приблизительно воспроизводить облик медведя — это не имеет значения, так как здесь речь идет не об отношении подобия, а об отношении тождества. Это может быть тождество в одном из возможных миров, заведомо не совпадающем с действительным, ср.: *Она вообразила себя принцессой*.

Существительное, выступающее в этой функции, называет одну из ипостасей субъекта — из какой парадигмы, т. е. из какого множества выбора, задается в первую очередь значением самого существительного (ср.: *девка — женка; ребенок — подросток — молодой человек — старик; плотник — слесарь — сапожник*), но также и семантикой управляющего глагола (так, у *быть* тип парадигмы почти не ограничен, у *назначить* это может быть множество должностей, *назвать* — множество имен, *переодеться* — множество классов людей, которых можно различить по одежде, и т. д.).

Различие между творит. сравнения и творит. предикативным аналогично различию следующих двух значений выражения *Х как Y*: (1) *Старики как дети* — ‘старики (в каком-то отношении) похожи на детей’ и (2) *Толстой как мыслитель* — ‘Толстой, который является (среди других своих ипостасей — писателя, зеркала русской революции и т. д.) мыслителем’.

Среди употреблений творит. предикативного следует различать случаи, когда в формуле *ХР Y-м* предикат Р выражает саму идею превращения — реального, мнимого или семиотического (в этом случае в лексическом значении глагола как бы дублируется значение конструкции) — и когда предикат Р является внешним по отношению к идее превращения, то есть обозначает действие (свойство) X-а или Y-а (чаще — Y-а). К первой группе относится большинство глаголов, управляющих творит. предикативным («идеальные» и «охарактеризованные» связки, по Гиро-Вебер), ко второй — глаголы, относящиеся к группам I.5 и II.2 (см. выше).

Примеры:

Предикат Р выражает идею превращения:

Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый век (Ахматова);

Притворившись нотной тетрадкой,
Знаменитая ленинградка
Возвращалась в родной эфир (Ахматова);

Мир обернулся сплошной ушной
Раковиной: сосущей звуки
Раковиной, — сплошной *душою*!.. (Цветаева);

Останься пеной, Афродита,
И слово, в музыку вернись (Мандельштам).

Предикат Р — внешний по отношению к идее превращения.

Р — действие X-а:

Гляди: не *Логосом*
 Пришла, не *Вечностью*:
Пустоголовостью
 Твоей щебечущей
 К груди...
 — не властвовать!
 Без слов и на слово —
 Любить... Распластаннейшей
 В мире — *ласточкой!* (Цветаева);

Мы летаем *дикими лебедями* весь день, от восхода солнца до самого заката. Когда же солнце заходит, мы превращаемся снова в людей (Г. Х. Андерсен).

Р — действие Y-а:

Пусть *камнем* надгробным ляжет
 На жизни моей любовь (Ахматова).

2.3. МЕТАМОРФОЗА

Отдельного рассмотрения требует так называемый «творительный метаморфозы» [Виноградов 1976а], или «творительный превращения» [Потебня 1888], так как он представляет собой как бы переходный случай между творит. предикативным и творит. сравнения. Творит. предикативный противопоставлен творит. сравнения в том отношении, что творит. предикативный, как уже говорилось, содержит утверждение «X есть Y», а творит. сравнения, наоборот, имплицитно «X не есть Y» (если мы говорим *Иван скакал козлом*, отсюда следует, что Иван не является козлом, ср. [Панов 1990: 85]).

Н. Д. Арутюнова [1978], развивая мысль В. В. Виноградова [1976а], рассматривает особую фигуру речи — «метаморфозу», представленную, в частности, в следующих строчках А. Ахматовой (примеры из [Виноградов 1976а]):

Серой белкой прыгну на ольху,
Ласочкой пугливой пробегу,
Лебедью тебя я стану звать...;
Я к нему влетаю только песней
И ласкаюсь утренняя лучом...

Как считает В. В. Виноградов, в подобных случаях мы имеем дело с отголосками «мифологического мышления», т. е. здесь имеется в виду именно превращение одного предмета в другой, а не сходство, порождающее метафору (то есть тождество, а не подобие). Нельзя, однако, согласиться с отнесением к тому же классу примеров типа следующих двух, где, безусловно, представлен творит. сравнения (который, как уже говорилось, точнее было бы называть творит. метафорическим — тогда это становится более очевидно):

А тайная боль разлуки
 Застонала *белую чайкой*...;
 [соблазн]
 И в полночь майскою над молодой черницей
 Кричит истомно *раненой орлицей*...

Отличие этих двух примеров от приведенных выше случаев «метаморфозы» очевидно уже в силу того, что здесь первым термином сравнения является абстрактная сущность (*боль, соблазн*), а не человек, как при метаморфозе. Подобная персонификация ощущений — это, безусловно, частный случай метафоры:

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует... (Ахматова. Любовь).

Устойчивые «анималистические» метафоры этого типа в русском языке широко распространены: *червь сомнения, на крыльях любви, укол ревности, тоска гложет* и т. п.; ср. также: *боль, что скворчком стучала в виске* (Б. Окуджава).

Творит. метаморфозы — это не что иное, как расширенное употребление творит. предикативного — расширенное за счет допущения в число возможных ипостасей человека бытия белкой, ласточкой, серым волком и т. д. Заметим, что, например, бытие русалкой вписывается и в более узкий круг употреблений творит. предикативного — ср. следующий пример из пушкинской «Русалки»:

С той поры,
Как бросилась без памяти я в воду
Отчаянной и презренной *девчонкой*
И в глубине Днепра-реки очнулась
Русалкою холодной и могучей,
О мщенье помышляю...
И ныне, кажется, мой час настал.

А. А. Потебня, говоря об этимологической связи идеи «превращения» и «становления», пишет: «В *стать волком* представлением превращения служит его последний момент: некто, перевернувшись, стал на ноги в виде волка²⁴. Творит. превращения становится совместимым с научным мирозерцанием, например в следующем: *в сильный мороз слюна льдом падает на землю*, т. е. не “подобно льду”, а “в виде льда”» [Потебня 1888: 501]; ср. также: *капля застыла смолой* (то есть «превратившись в смолу»). Ср., с другой стороны: *У дороги белым камнем осталась Марья-царевна* [Там же: 500]. Тем самым, согласно А. А. Потебне, «творит. превращения» отличается от того значения, которое выступает при глаголе *стать* (т. е. предикативного), только большим или меньшим соответствием «научному мирозерцанию».

Приведем еще примеры:

Туча большим *дождем* над морем пролилась (Крылов, пример из [Потебня 1888: 502]);

Тут садик был с забором, неужели
Разросся он кудрявой этой *рощей*? (Пушкин);

Мидийскому царю Астиагу приснился сон, который сильно смутил его. Ему снилось, что его дочь Мандана разлилась *рекой* и затопила не только его город Экбатаны, но и всю Азию (Л. Воронкова).

Итак, между становлением и превращением нет четкой границы — в обоих случаях имеется тождество референтов, и функция творит. падежа определяется как творит. предикативный. Различие сводится лишь к довольно зыбкому противопоставлению «возможного» и «невозможного» превращения: ср., с одной стороны, превращение

²⁴ Ср. в разделе V.2 о семантическом переходе ‘поворачиваться кругом’ → ‘переходить в новое состояние’.

юноши в старика, порядочного человека в негодяя и, с другой стороны, превращение Ивана в серого волка или Марьи-царевны в белый камень.

Особого внимания в данной связи заслуживает текст «Слова о полку Игореве», изобилующий «образными» творительными падежами. Приведем некоторые примеры:

Гзакъ бѣжить *сѣрымъ вълкомъ*.

[Всеславъ] скочи от них *лютымъ звѣремъ* въ плъночи изъ Бѣла-града.

Всеславъ людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь *вълкомъ* рыскаше.

А Игорь князь поскочи *горностаемъ* къ тростию, и *бѣлымъ гоголемъ* на воду, ввѣржеся на брѣзь комонь и скочи съ него *босымъ вълкомъ*, и потече къ лугу Донца, и полетѣ *соколомъ* подъ мгылами... Коли Игорь *соколомъ* полетѣ, тогда Влурь *вълкомъ* потече...

На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, *зегзицею* незнаемъ рано кычетъ: «Полечю, рече, *зегзицею* по Дунаеви, омочю бѣбрянь рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавые его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Во всех этих случаях современный читатель усматривает сравнение (метафору): *скакал волком* — скакал, как волк. В последнем примере это наиболее очевидно: *бровый рукав* — принадлежность женщины, а не кукушки. Как это было задумано и воспринималось современниками, трудно сказать. Как справедливо отмечает А. А. Потбня, «чтобы решить, что во “Всеславъ скочи вълкъмъ до Немигы” стоит творит. превращения, а не сравнения, или наоборот, нужно знать, как смотрели современники на этого князя и как относился автор “Слова о полку Игореве” к этим взглядам»²⁵.

Так же как и всякий творит. предикативный, творит. метаморфозы может присоединяться, с одной стороны, к глаголам *притвориться*, *оборотиться*, *обернуться* и т. п. (образуя плеонастическую структуру) и, с другой стороны, к глаголам, обозначающим «внешние» по отношению к превращению действия: что сделал X, уже превратившись в Y-а. Эти два типа употреблений часто встречаются рядом, ср.:

Зачем притворяешься ты

То *ветром*, то *камнем*, то *птицей*?

Зачем улыбаешься ты

Мне с неба кровавой *зарницей*? (Ахматова);

[слово]

И медленно растет, как бы шатер или храм,

То вдруг прикинется безумной *Антигоной*,

То мертвой *ласточкой* бросается к ногам

С стигийской нежностью и веткою зеленой (Мандельштам);

Убьете,

похороните —

выроюсь!

Об камень обточатся зубов ножи еще!

Собакой забьюсь под нары казарм!..

Белым *быком* возрос над землей:

Мууу!

Лосем обернусь,

в провода

впутая голову ветвистую

с налитыми кровью глазами.

Да!

Загравленным *зверем* над миром выстою (Маяковский).

²⁵ Дело в том, что князь Всеслав считался оборотнем. О возможном оборотничестве Игоря (в связи с выражением *скачить волком*) см. также [Николаева 1997а: 48].

Итак, можно сказать, что в конструкции с творит. сравнения опущен предикат сходства, а в конструкции с творит. предикативным (с «внешним» предикатом) — предикат тождества. При интерпретации конструкции вида *X P Y-м* мы должны его восстановить, выбрав сначала, какой из двух предикатов — сходства или тождества — мы будем восстанавливать. Делаем мы это исключительно на основании знаний о мире, а именно следующим образом. Мы спрашиваем: может ли *X* стать *Y-м*? Если да, то это творит. предикативный: *Иван вернулся из тюрьмы стариком*. Но для *Иван скакал козлом* ответ будет отрицательным; в этом случае «буквальное» понимание конструкции с творит. падежом оказывается невозможно и мы интерпретируем ее как содержащую творит. сравнения, то есть восстанавливаем предикат сходства. Нормально эти две возможности являются взаимоисключающими. Однако в мире, порождаемом поэтическим текстом, не только сдвигается граница между возможным и невозможным превращением, но также и стирается само противопоставление между сходством и тождеством. Так, относительно, например, строк Маяковского

закидайте улыбками меня, поэта, —
я цветами нашу их мне на кофту фата

вопрос, действительно ли улыбки при этом превратятся в цветы или будут похожи на цветы, не только не имеет ответа, но, по-видимому, и не имеет смысла. Другие примеры:

И плачет кукушка на каменной башне своей,
И бледная жница, сходящая в мир бездыханный,
Тихонько шевелит огромные спицы теней,
И желтой соломой бросает на пол деревянный... (Мандельштам);

Так: Лермонтовым по Кавказу
Прокрасться, не встревожив скал (Цветаева);

И откуда не придут к нему любовь с вдохновением (а они не придут), он бессмертным кощею оковывает душу еще более твердым, несгибаемым панцирем — нравственных нападений и героических усилий любить, истязая себя и ближнего... (А. Терц. В тени Гоголя).

Вообще надо сказать, что конструкция с творит. падежом в русском языке является мощным средством создания неоднозначности, обеспечивающим «открытость» поэтического текста (по [Есо 1962]). Поэтому, возвращаясь к спору о том, *мысль* или *белка* фигурирует в известной фразе из «Слова о полку Игореве»

[Боянь] растъкашется *мыслию* по древу, *сърымъ вълкомъ* по земли, *шизымъ орломъ* подь облакы,

следует, по-видимому, признать, что если там и есть *белка*, то *мысль* там есть тоже (ср. [Николаева 1997а: 22, 102]). Об этом свидетельствует не только сочетание *скача по мыслену древу*, но также и фигуры мысли, выраженные во фразах *летая умомъ подь облакы* и *Не мыслию ти прелетѣти издалеча* ('не перелететь тебе мыслью издалека'), которые сами по себе заслуживают внимания, так как представляют собой еще одно «образное» значение творит. падежа — метонимическое (*pars pro toto*: часть живого существа, а именно его мысль, является представителем его в целом). То же метонимическое прочтение имеется — наряду с метаморфозой — и для обсуждаемого спорного места (на понимание с метаморфозой указывает, например, итальянский перевод этой фразы, предлагаемый Тито Саронне: *allor fatto pensiero trabordava il bosco*, то есть буквально 'сделавшись мыслью' [Saronne 1988: 59]). Тем самым помимо понимания, где *мысль* = 'белка' (то есть с творит. сравнения), имеется еще по крайней мере два, и, по-видимому, следует признать, что все три — «правильные».

3. МЕТАСЕМАНТИЗАЦИЯ ИСХОДНОГО ТЕКСТА В СОВЕТСКИХ МУЛЬТФИЛЬМАХ-ЭКРАНИЗАЦИЯХ 40-х—50-х годов*

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино», — сказал когда-то вождь пролетарской революции, и сказал это не напрасно: действительно, кино в течение всей советской эпохи оставалось мощным проводником идеологии. Однако не менее известен и тот факт, что в советскую эпоху были созданы выдающиеся произведения кинематографического искусства, и ценность их абсолютна, она определяется не тем, что они были созданы «благодаря» или «вопреки» советской власти.

Обозначенный парадокс относится и к тем произведениям отечественной кинематографии, о которых здесь пойдет речь: это мультфильмы, созданные между концом Отечественной войны и началом «оттепели» и представляющие собой экранизацию литературных произведений или русских народных сказок: «Конек-Горбунок» (1947), «Серая шейка» (1948), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1950), «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» (1951), «Каштанка» (1952), «Царевна-лягушка» (1954), «Гадкий утенок» (1956) и др. При создании кинематографической версии произведения исходный текст может видоизменяться в разной степени: от простого опущения некоторых строк и фрагментов до практически полной перестройки сюжета. Названия этих фильмов совпадают с названием литературного произведения, к которому они относятся. При этом, если литературным источником фильма является авторский текст, название сопровождается пометой: «*по сказке / рассказу* такого-то» (таковы мультфильмы «Конек-Горбунок», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» и др.) или «*по мотивам...*» («Серая шейка», «Гадкий утенок» и др.). Второй способ отсылки используется в тех случаях, когда фильм, по замыслу автора, представляет собой не просто экранизацию, а некое более вольное переложение литературного произведения. Однако с точки зрения интересующей нас проблемы существенно не наличие или отсутствие указания «по мотивам», а точное совпадение названия и соотношенность с одним, а не несколькими произведениями²⁶. Дело в том, что степень

* Данный раздел написан по материалам доклада на Международной научной конференции «ПРОЗА-2. Структура текста: синтагматика, парадигматика». Смоленск, 2004.

²⁶ Существуют, с одной стороны, фильмы, созданные «по мотивам» нескольких произведений — при этом название фильма может совпадать с названием одного из них (таковы, например, фильм «Аленький цветочек» И. Поволоцкой по сценарию Н. Рязанцевой, содержа-

модификации исходного текста может быть достаточно существенной и без пометы «по мотивам», т. е. семиотически это приблизительно один и тот же тип соотношения: тот же самый текст в другой — кинематографической — версии.

При этом возникает вопрос, ответ на который пока не представляется очевидным: почему фильм, созданный на основе намеренного искажения исходного литературного текста (причем речь идет о текстах достаточно авторитетных) и искажения столь откровенно идеологического, часто не только не вызывает чувства протеста, но даже наоборот, *нравится* нам (и уж безусловно — детям) больше, чем его литературный источник.

Прием, который мы обозначили как *метасемантизация*, состоит в том, что фрагменты текста литературного источника фильма переосмысляются и формируют семиотически совершенно иной текст, имеющий иную эстетическую и идеологическую значимость²⁷. Ярким примером такой экранизации является фильм «Серая Шейка. По мотивом рассказа Д. Н. Мамина-Сибиряка» (реж. Л. Амальрик, В. Полковников, сценарий Г. Березко, «Союзмультфильм», 1948).

Перечислим наиболее существенные различия между текстом рассказа Мамина-Сибиряка и одноименного фильма, обусловленные метасемантизацией. Курсивом в цитатах выделены сходные элементы двух текстов, выражающие релевантные мотивы.

1. В рассказе Заяц знакомится с Серой Шейкой уже после того, как утки улетели на юг, и их отношения нигде не характеризуются как *дружба*. Слова *друг*, *дружба*, *дружить* вообще в тексте рассказа отсутствуют.

В фильме Заяц появляется в самом начале, и первая его реплика, когда он узнает, что утки скоро улетают на юг (в фильме у Серой Шейки в этот момент еще не сломано крыло и она собирается лететь вместе со всеми):

— Что, кончилась наша *дружба*?

Тем самым в фильме еще до начала развития сюжета между Серой Шейкой и Зайцем имеются отношения *дружбы*.

2. В фильме имеется эпизод (отсутствующий в рассказе и противоречащий его сюжету), когда Серая Шейка *смело бросилась на врага* (т. е. на Лису), чтобы *спасти жизнь* своего друга Зайца. В рассказе имеется два фрагмента, которые послужили текстовыми источником для этого эпизода:

Серой Шейкой они называли свою калеку-дочь, у которой было переломлено крыло еще весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утенка. Старая Утка *смело бросилась на врага* и отбила утенка; но одно крылышко оказалось сломанным.

Таким образом в фильме воспроизводится мотив *спасения кого-то* с риском для собственной жизни, но он подвергается при этом весьма существенной трансформации. В рассказе речь идет о спасении собственного ребенка, т. е. об отношениях

щий подзаголовок «по мотивам сказок о красавице и чудовище» 1977; фильм «Принцесса на горошине» Б. Рыцарева по сценарию Ф. Миронера 1976, «по мотивам сказок Г. Х. Андерсена» и др.). С другой стороны, фильм, созданный «по мотивам» какого-то одного произведения, может иметь другое название, ср. фильм «Мой ласковый и нежный зверь. По мотивам повести А. П. Чехова “Драма на охоте”». Оба эти случая мы не рассматриваем.

²⁷ Механизм советизации классики при экранизации как принцип соцреализма описан в [Добренко 2008: 167—198]. Однако ответа на поставленный выше вопрос в этой книге нет.

родства, что в рамках заимствующей идеологической системы имеет более низкий этический статус, чем узы *дружбы* (ср. ниже).

Второй текстовый источник — выражение *спасать жизнь*, которое встречается также и в другом месте рассказа, где оно вовсе не имеет этической нагрузки, так как речь идет о спасении собственной жизни:

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и *спасал* свою *жизнь* постоянным бегством.

Заметим, что аналогичное обращение отношений *родство* — *дружба* имеется в мультфильме «Гадкий утенок» (реж. В. Дегтярев, сценарий Г. Березко, «Союзмультфильм», 1956) — по сравнению с исходным текстом сказки Андерсена. В сказке Андерсена кульминацией сюжета является момент взаимного узнавания факта *родства* с прекрасными птицами: Гадкий утенок *счастлив*, что он такой же *лебедь*, как и они, ср.:

И вдруг в чистой, как зеркало, воде, он увидел свое собственное отражение. Но теперь он был уже не гадким темно-серым утенком, а белым лебедем. [...]

— *Новый лебедь* лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И *старые лебеди* склонили перед ним головы [...]

И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком *счастье* я и не мечтал, когда был еще гадким утенком!

В одноименном мультфильме, текст которого довольно точно соответствует тексту рассказа (хотя имеет такой же подзаголовок «по мотивам...»), этот эпизод трансформирован таким образом, что там мотив *родства* заменяется мотивом *дружбы*:

[...] Гадкий утенок был *счастлив*, потому что он встретил *настоящих друзей*.

А идея *родства* подвергается радикальной переоценке: она вложена в уста отрицательному персонажу — Старой Утке, главной преследовательнице Гадкого утенка:

«Это он мне кивнул. Ведь мы находимся *в родстве* с лебедями».

Вернемся к перечню текстовых трансформаций в «Серой Шейке».

3. В рассказе Мамина-Сибиряка первая фраза Зайца такая:

«Ах, как ты меня *напугала*, глупая!»

Эта фраза присутствует и в фильме. Но в фильме мотив природной боязливости Зайца приобретает идеологическую нагрузку: тем более значимо преодоление страха в ситуации, когда надо *спасти друга*. В частности, Заяц со своим приятелем переключают Лису на себя, когда та подкрадывается совсем близко к Серой Шейке, и обманывают ее, в какой-то момент резко разбежавшись в разные стороны. «Вот так всегда. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь», — вздыхает Лиса, оставшаяся без добычи. Этой фразы — как и всего эпизода *спасения Зайцем Серой шейки* — в рассказе нет. Будучи остроумной, она способствует созданию позитивного эмоционального фона, одновременно предваряя последующее поражение отрицательного героя.

В рассказе состояние страха у Зайца передается идиомой *Душа в пятки ушла*. В фильме выбрано другое, более «благородное», выражение *Ах, как бьется сердце!* (оно является своего рода лейтмотивом образа Зайца). Это выражение, уместное при

описании как страха, так и других сильных чувств, возникает вновь в самом конце фильма, когда у Зайца *бьется сердце* — уже наоборот, от радости за Серую Шейку, победившую в борьбе. Можно проследить истоки этого выражения в исходном тексте, ср.:

Заяц видел с берега, что проделывала Лиса, и возмущался всем своим заячьим *сердцем*:
— Ах, какая бессовестная эта Лиса... Какая несчастная эта Серая Шейка! Съест ее Лиса...

4. В рассказе имеется персонаж Селезень, отец Серой Шейки; между ним и его женой, Старой Уткой, перед отлетом на зиму в теплые края происходит размолвка. Утке «подумать страшно», что она должна покинуть дочь, оставив ее на верную гибель, и она даже в какой-то момент думает остаться на зиму вместе с ней. А Селезень считает:

«Ну останется, ну замерзнет, — жаль конечно, но ничего не поделаешь. Наконец, нужно подумать и о других детях».

В фильме здесь имеется две трансформации: во-первых, неоднозначная с моральной точки зрения фигура отца Серой Шейки вообще устранена, во-вторых, позиция матери упрощена за счет того, что она освобождается от тяжелой моральной проблемы: в момент отлета Старая Утка считает, что Серую Шейку съела Лиса (а на самом деле Лиса только повредила ей крылышко, и она отлеживалась в кустах).

5. В рассказе и в фильме совершенно разные концовки — и вообще, как становится ясно в какой-то момент, — это два разных сюжета. Определяющей для сюжета рассказа является фраза

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынья замерзла бы совсем, но *случилось* иначе.

В рассказе Серую Шейку ожидало спасение, но спас ее *счастливый случай*: ей просто повезло, что старик вышел пострелять зайцев, что зайцев всех упустил и в лису не попал и тогда обратил внимание на Серую Шейку и решил взять ее, чтобы хоть что-то принести домой — если не жене на воротник, то хоть внукам на забаву («внучки вот как обрадуются»).

В фильме персонаж старик устранен; спасение Серой Шейки от Лисы и восстановление у нее способности летать — это результат ее собственных усилий, мужества и выносливости, поддержанных самоотверженной помощью друзей, т. е. это *победа над врагом, одержанная в борьбе*. Этой цели служит, в частности, полностью новый эпизод с Глухарем, когда Серая Шейка учится летать, падает, но потом встает и в конце концов побеждает. Обратим внимание на то, что весь этот эпизод как будто вырастает из фразы, взятой из текста рассказа: «Я не могу летать», — говорит Серая шейка, и в рассказе она добавляет: «Лиса мне крылышко перекусила, когда я еще была совсем маленькой...». В фильме это продолжение, естественно, опущено, так как оно противоречит его сюжету, а из фразы «Я не могу летать» разрабатывается еще один сюжет (довольно однозначно отсылающий к истории летчика Мересьева; напомним, что фильм А. Столпера «Повесть о настоящем человеке» по одноименной повести Б. Полевого 1946 г. вышел в том же 1948 г.). Упорство Серой Шейки в преодолении своего физического увечья увенчивается успехом: фраза «Я не могу летать» скоро превращается в «Ты будешь летать» (очевидная перифраза к «Я буду летать» вышеупомянутого героя) — и потом в «Ты уже летаешь»; все это говорит

отсутствующий в рассказе персонаж Глухарь. Таким образом, в фильме отчетливо прочитывается мотив *подвига* (в тексте рассказа вообще отсутствующий).

6. Мотив *врага*. Он является сквозным для фильма: Лиса появляется в самом начале (ср. упоминавшийся уже эпизод спасения Зайца Серой Шейкой) и продолжается до финала, состоящего в том, что Серая Шейка заманивает Лису в ловушку, и она тонет в реке: таким образом наш герой одерживает победу над врагом. В рассказе Лиса остается цела и невредима, просто убегает в лес.

В тексте рассказа мотив *врага* тоже присутствует, но лишь на уровне экологическом: лисы охотятся на зайцев и уток, люди охотятся на зайцев, уток и лис. Так, Заяц говорит Серой Шейке:

У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмешь и нырнешь в воду, — говорил он. — А я постоянно дрожу со страху... У меня — кругом *враги*. Летом еще можно спрятаться куда-нибудь, а зимой все видно.

В текст мультфильма мотив врага попадает трансформированным в идеологическую плоскость; при этом слово *враг* теряет свою реляционную природу (*чей* враг); здесь есть просто Враг.

Обратим внимание также на то, что текст Мамина-Сибиряка — это рассказ, а не сказка. Единственное «волшебное» обстоятельство состоит в том, что звери разговаривают, причем не только между собой, но также и с людьми. Текст в целом не несет никакой «морали»: вот такая история, чуть не погибла бедная уточка, но вот как удачно сложилось, что она осталась жива. Фильм по жанру гораздо ближе к сказке — причем к сказке в идеологизированном советском варианте (ср. ниже о мультфильме «Царевна-лягушка»).

Итак, трансформация исходного текста состоит в аксиологической поляризации и «идеологическом спрямлении»: этическое пространство оказывается четко разделенным на область добра и область зла, промежуточной зоны нет, и персонажи жестко привязаны к какой-то одной зоне. Соответственно, персонажи, не определенные с точки зрения оппозиции «хороший-плохой», либо устраняются, либо «доопределяются». Так, устранен отец Серой Шейки Селезень, о котором уже шла речь выше, и появляющийся в конце рассказа старик, роль которого амбивалентна: с одной стороны, он спасает Серую Шейку, и он хотел убить лису, но он же хотел убить и зайца. С другой стороны, Заяц, выполняющий вполне нейтральную роль в рассказе, в фильме «повышается в ранге» до статуса *друга* (при этом, как было показано, используются прямые цитаты, приобретающие в тексте фильма совершенно иное звучание, но формально отсылающие к тексту рассказа и создающие иллюзию воспроизведения исходного текста).

Аналогичный прием аксиологического упрощения использован в мультфильме «Царевна-лягушка» (реж. М. Цехановский, сценарий М. Вольпина). В сказке главную героиню зовут Василиса Премудрая, и ее история такова:

Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на нее и велел ей три года быть лягушкой.

В фильме эта часть сюжета полностью изменена. Мотив «хитрости-мудрости» вообще отсутствует: героиню зовут Василиса Прекрасная, а в лягушку ее превратил вовсе не отец (действие аксиологически неясное), а Кощей Бессмертный (действие аксиологически однозначное), и не за превосходство в уме и в еще более сомнительной

хитрости, а за нравственное превосходство, а именно, «моральную устойчивость»: Кощей Бессмертный уговаривал ее выйти за него замуж, соблазняя богатством, а она отказалась.

Цели идеологического спрямления служит также еще один характерный тип трансформации — переключивание некоторого текста из одних уст в другие. Приведу два примера, когда текст, принадлежащий положительному герою, передается отрицательному, благодаря чему положительный герой освобождается от лишней и невыразительной или даже порочащей его (с точки зрения заимствующей идеологической системы) детали, а оказавшись в устах отрицательного героя тот же текст оказывается носителем нового смысла, а именно, служит демонстрации какого-то его дурного свойства.

Первый пример — из фильма «Царевна-лягушка», где таким образом метасемантизируется фраза

Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь!

В исходном тексте ее произносит главная героиня, Василиса Премудрая: именно эти «мамки, няньки» и сшили за ночь рубашку, которая потом так понравилась царю. В фильме же эта фраза (которая разрастается в целый вставной эпизод) отнимается у Василисы Прекрасной, переключивается в уста старших невесток и оказывается носителем сообщения, что в отличие от Василисы Прекрасной, которая все делает своими руками, старшие невестки эксплуатируют слуг.

Второй пример — из мультфильма «Конек-Горбунок» (созданного даже не «по мотивам», а «по» сказке П. П. Ершова). У Ивана, который в фильме оказывается более однозначно положительным героем, отнимается следующая тирада (она завершает монолог, обращенный к тому, кто украл подаренных ему кобылицей коней):

Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!

В фильме эти четыре строки в данном месте опущены, но они переданы главному отрицательному персонажу — спальнику (который воплощает образ *врага*). Семиотическая функция этой перестановки очевидна: положительный герой, во-первых, не должен так уж убиваться из-за утраты имущества и, во-вторых, вообще не должен так грубо ругаться (возможно, здесь сыграло роль также неподобающее для положительного героя упоминание «того света»). В устах спальника эта тирада обнаруживает его злой нрав и дурные чувства по отношению к Ивану — ревность, зависть и ненависть, — которые определяют ход дальнейших событий. Таким образом, деталь из необязательной и незначимой превращается в конструктивный элемент сюжета, выступая в качестве носителя нового смысла.

В заключение еще раз обратим внимание на тот парадоксальный факт, что метасемантизация исходного текста никак не влияет на качество результирующего семиотического объекта.

4. РЕКОНСТРУКЦИЯ «ИСТИННОГО СМЫСЛА» РЕПЛИК В КОНФЛИКТНОМ ДИАЛОГЕ

Начиная со знаменитой работы [Grice 1975], тот факт, что «истинный смысл» высказывания, т. е. то, что говорящий *хочет сказать*, часто бывает не равен его буквальному смыслу, хорошо известен лингвистам и довольно тщательно ими исследован²⁸. С другой стороны, существует обширная литература на тему о том, что понимание высказывания всегда связано с его интерпретацией, которая происходит сквозь призму разного рода представлений слушающего, и тем самым смысл, воспринятый слушающим, часто существенным образом отличается от того, который имел в виду передать говорящий (см., в частности, [Демьянков 1983; Гловинская 1998]). В современной семантике принято различать и м п л и к а т у р ы говорящего — имплицитную информацию, которую «закладывает» (*implies*) говорящий, и и н ф е р е н ц и и — то, что «извлекает» (*infers*) слушающий, ср. [Bybee et al. 1994: 285; Падучева 2004: 101]; несовпадение импликатур и инференций одного и того же высказывания может привести к коммуникативной неудаче. Литература, посвященная исследованию разного типа имплицитных смыслов в языке столь обширна, что здесь нет возможности дать даже краткий обзор. Как показали исследования последних двух десятилетий, роль инференций, производимых в процессе понимания, необычайно высока, и в частности, необходимость учета этого фактора до сих пор составляет одну из самых существенных проблем для автоматического перевода, ср. [Богуславский и др. 2003].

В работе [Зализняк 2004] был рассмотрен один специфический тип имплицитной информации: «истинный смысл» реплик конфликтного диалога. Речь идет о весьма распространенном типе бытового диалога (обычно между близкими и даже, возможно, любящими друг друга людьми), в котором коммуникация происходит как бы на двух уровнях: на внешнем, вербальном уровне идет обмен репликами на какую-то тему (и этот диалог может быть даже не особенно конфликтным), но при этом имеется еще уровень «скрытого смысла», часто не осознаваемый самими коммуникантами, — уровень невербального взаимодействия, где происходит столкновение, целью которого является одержание победы, т. е. утверждение своего превосходства в не-

²⁸ Несколько ранее, в статье [Geis, Zwicky 1971] было введено понятие «invited inference», которое сейчас активно используется в работах когнитивного направления по диахронической семантике и теории дискурса — например, в работах Э. Трауготт, которая предпочитает этот термин термину «импликатура» и кладет его в основу концепции «invited inference theory of semantic change» [Traugott, Dasher 2002: 34—40].

коем глобальном отношении. «Спор — это сражение» («an argument is a fight») — это одна из «метафор, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон 2004: 117]. Спорящие подобны воинам, их аргументы — оружием, их убедительность — его смертоносности (ср.: *сразить наповал; убийственные, неотразимые аргументы*; вспомним также, что слово *полемика* восходит к греч. *πολεμικός* ‘военный, враждебный’).

Непревзойденным мастером обнаружения скрытой «военной» составляющей диалога является Лев Толстой. Такая война происходит по некоторой своей собственной логике, как бы помимо воли участников и даже отчасти вопреки ей. Приводимый ниже отрывок из романа «Анна Каренина» практически без комментариев можно было бы поместить в учебник по психологии семейных конфликтов (курсивом выделены фрагменты, отсылающие к «военной» метафоре):

— Ну, ты не скучала? — сказал он, оживленно и весело подходя к ней. — Что за страшная страсть — игра!

— Нет, я не скучала и давно уж выучилась не скучать. Стива был и Левин.

— Да, они хотели к тебе ехать. Ну, как тебе понравился Левин? — сказал он, садясь подле нее.

— Очень. Они недавно уехали. Что же сделал Яшвин?

— Был в выигрыше, семнадцать тысяч. Я его звал. Он совсем было уж поехал. Но вернулся опять и теперь в проигрыше.

— Так для чего же ты оставался? — спросила она, вдруг подняв на него глаза. Выражение ее лица было *холодное и неприязненное*. — Ты сказал Стиве, что останешься, чтоб увезти Яшвина. А ты оставил же его.

То же выражение *холодной готовности к борьбе* выразилось и на его лице.

— Во-первых, я его ничего не просил передавать тебе, во-вторых, я никогда не говорю неправды. А главное, я хотел остаться и остался, — сказал он хмурясь. — Анна, зачем, зачем? — сказал он после минуты молчания, перегибаясь к ней, и открыл руку, надеясь, что она положит в нее свою. Она была рада этому вызову к нежности. Но какая-то *странная сила зла* не позволяла ей отдаться своему влечению, как будто условия *борьбы* не позволяли ей *покориться*.

— Разумеется, ты хотел остаться и остался. Ты делаешь все, что ты хочешь. Но зачем ты говоришь мне это? Для чего? — говорила она, все более разгорячаясь. — Разве кто-нибудь оспаривает твои права? Но ты хочешь быть правым, и будь прав.

Рука его закрылась, он отклонился, и лицо его приняло еще более, чем прежде, упорное выражение.

— Для тебя это дело упрямства, — сказала она, пристально поглядев на него и вдруг найди название этому раздражавшему ее выражению лица, — именно упрямства. Для тебя вопрос, останешься ли ты *победителем* со мной, а для меня... — Опять ей стало жалко себя, и она чуть не заплакала. — Если бы ты знал, в чем для меня дело! Когда я чувствую, как теперь, что ты *враждебно*, именно *враждебно* относишься ко мне, если бы ты знал, что это для меня значит! Если бы ты знал, как я близка к несчастью в эти минуты, как я боюсь, боюсь себя! — И она отвернулась, скрывая рыдания.

— Да о чем мы? — сказал он, ужаснувшись пред выражением ее отчаянья и опять перегнувшись к ней и взяв ее руку и целуя ее. — За что? Разве я ищу развлечения вне дома? Разве я не избегаю общества женщин?

— Еще бы! — сказала она.

— Ну, скажи, что я должен делать, чтобы ты была покойна? Я все готов сделать для того, чтобы ты была счастлива, — говорил он, тронутый ее отчаянием, — чего же я не сделаю, чтоб избавить тебя от горя какого-то, как теперь, Анна! — сказал он.

— Ничего, ничего, — сказала она. — Я сама не знаю: одинокая ли жизнь, нервы... Ну, не будем говорить. Что ж бега? ты мне не рассказал, — спросила она, стараясь скрыть *торжество победы*, которая все-таки была на ее стороне.

Он спросил ужинать и стал рассказывать ей подробности бегов; но в тоне, во взглядах его, все более и более делавшихся холодными, она видела, что он не простил ей *ее победу*, что то чувство упрямства, с которым она *боролась*, опять устанавливалось в нем. Он был к ней холоднее, чем прежде, как будто он раскаивался в том, что *покорился*. И она, вспомнив те

слова, которые дали ей *победу*, именно: «Я близка к ужасному несчастью и боюсь себя», — поняла, что *оружие* это опасно и что его нельзя будет употребить другой раз. А она чувствовала, что рядом с любовью, которая связывала их, установился между ними *злой дух какой-то борьбы*, которого она не могла изгнать ни из его, ни, еще менее, из своего сердца.

Наибольшей эффективностью в качестве «оружия» обладают как раз «скрытые смыслы»; они обеспечивают внутреннюю пружину, благодаря которой конфликтным может оказаться диалог внешне вполне мирный.

Диалог, включающий два уровня коммуникации — явный и скрытый (часто, в том числе, от самих собеседников, ср. реплику Вронского *Да о чем мы?* в приведенном выше отрывке), — хорошо известен в психотерапии, но внимания лингвистов, как кажется, до сих пор не привлекал. Так, например, в книге [Иссерс 2002], где дается подробный обзор идей в области теории коммуникации, связанных проблемой косвенной передачи смысла, обсуждаемый тип диалога не упоминается. Между тем эта проблема имеет непосредственное отношение именно к лингвистике в узком смысле слова — в силу того, что носителем передаваемого таким образом смысла являются высказывания на естественном языке.

Речь идет о коммуникативных актах, которые в терминах, введенных в книгу известного американского психоаналитика Эрика Берна ([Berne 1964], русский перевод [Берн 2003]) обозначаются как *игры* (*games*).

Игра — это <...> серия транзакций, которые внешне выглядят вполне правдоподобно (*superficially rational*) и кажутся легко объяснимыми, но в действительности определяются скрытой мотивацией. Игры отличаются от процедур, ритуалов, времяпрепровождений по двум основным признакам: наличие *скрытого смысла* и *выигрыша* [Берн 2003: 61] (курсив мой. — А. З.).

Реальное содержание выигрыша чаще всего состоит в утверждении собственного превосходства. По мнению Э. Берна, большинство производимых людьми коммуникативных актов — это реализации игр²⁹.

Каждая реплика диалога, посредством которого осуществляется игра, представляет собой определенный «ход» в этой игре, подчиненный цели выигрыша. Значение такого хода в игре и есть приблизительно то, что я называю «истинным смыслом» реализующей его реплики. Минимальная игра состоит из двух реплик, каждая из которых состоит из «явной» части, т. е. произнесенного высказывания, имеющего свою форму и содержание, и «скрытой» части (*ulterior*, или *underlying message*). Приведем в качестве примера диалог, реализующий игру «Ударь меня» (*Kick Me*), из [James, Jongeward 1978: 33] (обратим внимание на невербализуемость «скрытого смысла», особенно очевидную во второй реплике):

А. [явное высказывание]: I stayed up too late last night and don't have my assignment ready. 'Я очень поздно лег вчера вечером и не успел выполнить задание'.

[скрытый смысл]: I'm a bad boy, kick me. 'Я плохой мальчик, ударь меня'.

В. [явное высказывание]: You are out of luck. This is the last day I can give credit for that assignment 'Очень плохо. Сегодня последний день, когда можно было его сдать'.

²⁹ Ср. также: «[Е]стественным для человека является сугубо неестественное состояние — такое, в котором не существует больше ни один вид на Земле. Это состояние непрерывной игры, когда можно одновременно или попеременно играть много ролей, подчас противоречивых [...], но не играть нельзя, причем все роли одинаково далеки от «естественного» (природного) поведения» [Козинцев 2005].

[скрытый смысл]: Yes, you a bad boy and here is your kick. 'Да, ты плохой мальчик, и вот я тебя ударил'.

Одна из наиболее распространенных игр называется «Да, но...» («Yes, but...»). Играющий в эту игру, стремится к победе над собеседником, которая состоит в том, чтобы доказать безвыходность ситуации, в которой находится говорящий. Собеседник пытается предложить какое-то решение, но на любое предложение играющий в «Yes, but...» находит доводы, доказывающие его несостоятельность, — и игра продолжается до тех пор, пока собеседник уже не сможет больше ничего предложить и тем самым признает свое поражение. Игра реализуется в форме обмена репликами, которые выглядят следующим образом: «А почему бы тебе не поступить так-то?» — «Да, но...». Но реально, т. е. на уровне «скрытого смысла», здесь имеет место следующий диалог: «Сейчас я тебя научу, как поступить: я умнее тебя, и сейчас ты в этом убедишься» — «Нет, я умнее тебя, и сейчас ты в этом убедишься: я докажу тебе, что твоё решение не годится».

Приведем несколько примеров, весьма разнородных, иллюстрирующих явление передачи «истинного смысла».

Пример 1

Как уже говорилось, реальная конфликтность диалогов интересующего нас типа может быть замаскирована совершенно «невинным» на первый взгляд буквальным смыслом произносимого текста и обнаруживается лишь после реконструкции их «истинного смысла».

В художественной литературе иногда можно встретить экспликацию «истинного смысла» реплик диалога. Рассмотрим следующие два отрывка из повести Ю. Трифонова «Обмен». Реально произнесенные персонажем высказывания помечены буквами а, б, с, и т. д.; передаваемые с его помощью «истинные смыслы» — соответственно, а', б', с', и т. д. Обратим внимание на то, что скрытый «истинный смысл» часто вводится при помощи «подводной» метафоры; соответствующие выражения выделены курсивом.

(1) Все бы обошлось тогда, если б не эта дура Марина, двоюродная сестра. Как увидел ее красную физиономию за столом над пирогами и вафлями, сразу понял: несдобровать. Лена гораздо умнее ее, но чем-то они схожи. И всегда, как встречаются на семейных сборах, затевается между ними какая-то петуховина. То спорят в открытую, а то пикируются хитро, так что со стороны и не заметишь. Вроде ватерполистов, которые *бьют друг друга ногами под водой*, чего зрители не видят. [...]

И тогда, в феврале — почему-то запомнилось до последнего слова, — началось с невиннейшего, с *подводных толчков*. А запомнилось потому, что — последний раз Лена в гостях у матери. С тех пор никогда. Уже лет пять ни разу. Ксения Федоровна заходит, навещает внучку, а Лена к ней — нет.

- (а) «Как поживаешь, Марина? У тебя все по-прежнему?»
 (б) «Конечно! А как у тебя? Служишь все там же?»

Эти фразы, сказанные с улыбкой и в рамках правил, означали на самом деле:

- (а') «Ну, как, Марина, никто на тебя по-прежнему не клонул? Я-то уверена, что никто не клонул и никогда не клонет, моя дорогая старая дева».
 (б') «А меня это не волнует, потому что я живу творческой жизнью. Не то что ты. Ведь ты служишь, а я творю, живу творчеством».

Марина работала тогда редактором в издательстве. Сейчас где-то на телевидении.

(с) «А что-нибудь хорошее вы издали за последнее время?»

(d) «Кое-что издали. Это у тебя что за материал? Брала в ГУМе?»

И тут были упругие удары под водой:

(с') «О каком творчестве ты там лепечешь? Хоть одну хорошую книгу ты лично отредактировала, выпустила?»

(d') «Да, конечно. Но говорить с тобой об этом нет смысла потому, что тебя это не может интересовать. Тебя же интересует ширпотреб».

(2) Во дворе, когда все вышли и стояли кучками, не расходясь, к Дмитриеву подошла Лора и спросила, поедут ли они с Леной к тете Жене, где соберутся близкие и друзья. До той минуты Дмитриев считал, что поедет к тете Жене непременно, но теперь заколебался: в самом вопросе Лоры заключалась возможность выбора. Значит, и Лора, и мать полагали, что он, если захочет, может не ехать, то есть что ему ехать не обязательно, ибо — он вдруг это понял — в их глазах он уже не существовал как частица семьи Дмитриевых, а существовал как нечто другое, объединенное с Леной и, может быть, даже с теми в черных пальто, с черными зонтами, и его надо было спрашивать, как постороннего.

(е) «Вы поедете к тете Жене?»

Вопрос был задан бегло, но как много он означал! И среди прочего:

(е') «Если бы ты был один, мы не стали бы спрашивать. Мы всегда хотим тебя видеть, ты знаешь. Но когда у нас горе, зачем нам чужие люди?...»

Важнейшим свойством обсуждаемого типа смысла является его принципиальная имплицитность: «истинный смысл» не может быть сформулирован в явном виде, не потеряв при этом своего экзистенциального статуса. Вообще говоря, свойством имплицитности обладают инференции и имплицатуры, но они в каких-то случаях все же могут быть эксплицированы, и это не приводит ни к аномалии, ни даже к тавтологии, ср. примеры из [Падучева 2004: 101—103], где вторая часть фразы (b) представляет собой имплицатуру первой части (a) и может при этом служить ее продолжением:

a. Некоторым понравилось. b. Но не всем.

a. Левый глаз у нее видит хорошо. b. А с правым что-то не в порядке.

a. Он придет в субботу или в воскресенье. b. Я не знаю, в какой из этих двух дней он придет.

Между тем, например, в ситуациях, описанных в примерах (1), (2) фразы a, b, c, d, e не никоим образом не могли бы иметь в качестве продолжения фразы a', b', c', d', e'.

Истинный смысл реплик конфликтного диалога не может быть выражен словами по двум независимым причинам. Во-первых, это может быть «неприлично» или оскорбительно (таковы все реконструируемые фразы в Примере 1; ср. также фразы типа *Я тебя люблю* или *Я тебя не люблю* в диалоге матери с подростком-сыном в Примере 3 ниже). Во-вторых, потому что «истинный смысл» часто бывает не до конца ясен самому говорящему (попытка его прояснения часто оказывается содержанием того типа диалога, который в быту обозначается выражением *выяснение отношений*). В частности, этот признак отличает «истинный смысл» еще от одного близкого типа имплицитной информации — *намека*³⁰. Действительно, ни на одну из обсуждае-

³⁰ В [Кобозева, Лауфер 1988] предлагается такое определение намека: Говорящий (Г) *намекает* слушающему (С) на информацию (И) посредством текста (Т) = Г имеет намерение сообщить с некоторую И («интенциональность»); Г использует для этого Т («вербальность»); буквальный смысл которого не равен И («косвенность»), потому что Г не хочет или не может выразить И буквально («обоснованность»); Г полагает, что С сможет вывести И из Т («выводимость»), причем для вывода И из буквального смысла Т С должен проделать нетривиальные мыслительные операции («нетривиальность»).

мых реплик примера (1) (*Ты работаешь все там же? Материальчик в ГУМе брала?* и т. д.) нельзя ответить вопросом *На что ты намекаешь?* — хотя в случае намека такая реакция возможна, и даже весьма типична.

Можно назвать еще некоторые отличительные признаки «истинного смысла» как типа передачи имплицитной информации. В отличие от инференций, которые устанавливаются для отдельного высказывания, истинный смысл реплики может быть уяснен только в контексте диалога, в который она входит. В отличие от импликатур, обладающих свойством «вычислимости» (см. [Падучева 2004: 103]), истинный смысл в общем случае не выводим из значения произнесенного текста; здесь участвуют еще более нетривиальные операции вывода, чем те, которые предполагаются при намеке. В статье [Кобозева, Лауфер 1988] отмечается, что операция естественно-логического вывода, с помощью которой из высказывания *Я не достал билетов* извлекается информация ‘Мы не пойдём в кино’, является тривиальной, в отличие от аналогичной операции, при помощи которой из предложения *Пароход застрахован на большую сумму денег* извлекается информация ‘Пароход не очень надежен’. Соответственно, эффект намека возможен лишь для второго предложения. При извлечении «истинного смысла» производится еще более нетривиальная операция: вопрос *У тебя все по-прежнему?* может иметь под собой множество разнообразных оснований, среди которых желание убедиться в том, что адресат все еще не состоит в браке — лишь одна из возможностей.

Пример 2

Как уже говорилось, одним из источников коммуникативных неудач является несовпадение импликатур (т. е. того, что хочет передать говорящий) и инференций (т. е. того, что извлекает из сообщения слушающий), ср. следующий пример и комментарий к нему из [Падучева 2004: 102]:

«— Где здесь мебельный магазин?
— Мебельный магазин закрыт.

Говорящий потерпел коммуникативную неудачу: магазин нужен был ему как географический ориентир; между тем адресат реагировал в соответствии с потенциальной инференцией ‘спрашивающий хочет купить мебель’, которая не была в данном случае импликатурой говорящего».

Бывает и так, что инференции, извлеченные слушающим, бессознательно подставляются им на место того, что было реально сказано, и в дальнейшем используются в статусе «сказанного» (примеры такой подмены приводятся в статье [Гловинская 1998], см. также раздел II.6.1). В таких случаях тоже коммуникация обычно терпит неудачу: если говорящий не имел в виду соответствующей импликатуры (и даже если имел, но не хотел ее эксплицировать) он вправе возразить, что «он этого не говорил».

Между тем несовпадение «истинного смысла», вкладываемого говорящим и извлекаемого слушающим, для конфликтного диалога интересующего нас типа вещь вполне обычная, и провала коммуникации не означает. В книге известного психолога Владимира Леви [Леви 1989: 25] приводится такой диалог сына с матерью (воспроизводим его для удобства в форме таблицы):

Произнесенный текст	Смысл, который вкладывает в сообщение говорящий	Смысл, воспринятый слушающим
1. [Сын]: — Мам, я пойду гулять	Мне скучно, мой мозг в застое, мои нервы и мускулы ищут работы, мой дух томится	Не хочу ничего делать, я безответственный лентяй, мне лишь бы поразвлекаться
2. [Мать]: — Уроки сделал?	Хорошо тебе, мальчик, а мне еще стирать твои штаны	Не забывай, что ты не свободен
3. [Сын]: — Угу	Помню, помню, разве ты дашь забыть?	Смотрел в книгу, а видел фигу
4. [Мать]: — Вернешься, проверим. Чтоб через час был дома	Можешь погулять и подольше, у меня голова болит. Хоть бы побыстрее вырос, что ли. Но тогда будет еще тяжелее	Не верю тебе по-прежнему и не надеюсь, что когда-нибудь будет иначе
5. [Сын]: — Ну я пошел	Не надеяться невозможно. Ухожу собирать силы для продолжения сопротивления	Ты отлично знаешь, что во время я не вернусь, а проверку уроков замнем
6. [Мать]: — Надень куртку, холодно	Глупыш, я люблю тебя	Не забудь, что ты маленький и останешься таким навсегда
7. [Сын]: — Не, не холодно. Витька уже без куртки	Ну когда же ты наконец прекратишь свою мелочную опеку?	Есть матери и поумнее
8. [Мать]: — Надень, тебе говорю, простудишься	Пусть я и не самая умная, но когда-нибудь ты поймешь, что лучшей у тебя быть не могло	Оставайся маленьким, не имей своей воли
9. [Сын]: — Да не холодно же! Ну не хочу... Ну отстань	Прости, я не могу выразить это иначе. Пожалуйста, не мешай мне тебя любить	Ты мне надоела, ты глупа, я тебя не люблю

Автор, называя этот процесс «переводом с подсознательного», отмечает, что такого рода перевод может быть разным, так как этот язык многозначен. «Но важно хотя бы знать, что переводить всегда есть что — подводная часть айсберга больше надводной» [Леви 1989: 26]. Действительно, хотя не все «истинные смыслы» восстановлены одинаково удачно³¹, но само их наличие, а главное, тот факт, что именно они составляют подлинное содержание диалога, не вызывают сомнения.

Пример 3

Этот пример³², как кажется, весьма наглядно демонстрирует механизм того типа диалога, целью которого является победа над собеседником. Конфликтный диалог — это вид войны. Соответственно, выбор аргументов — вещь второстепенная, т. е. чи-

³¹ В частности, сомнительными представляются предлагаемые «смыслы, вкладываемые говорящим» в двух последних репликах; в 8-й реплике это скорее «Я тебя люблю», а в 9-й — что-то вроде «Я не нуждаюсь в твоих советах, я хочу сделать как я хочу». Представляется также неправильной реконструкция «Хорошо тебе, мальчик, а мне еще стирать твои штаны!» во 2-й реплике. Помимо того, что это предложение по своей форме таково, что оно не может репрезентировать «скрытый смысл», здесь как раз, по-видимому, говорящий вкладывает тот же смысл, который извлекает слушающий: «Не забывай, что ты не свободен».

³² Из частного письма; публикуется с разрешения автора.

сто функциональная, как выбор оружия. Если одно оружие не сработало, выбирается другое, если некоторый аргумент не принес победы, выбирается другой. При этом аргументы в своем лингвистическом качестве могут оказаться противоречащими друг другу, это не умаляет их эффективности в качестве оружия.

Захожу я на почту, там, естественно, народ, но я все же занимаю очередь в надежде, что вдруг быстро пройдет. За мной занимает какой-то пожилой мужчина. Стою. Один человек отходит, другой, у третьего оказывается, что дело надолго, и я думаю, все, не буду стоять, в другой раз. Иду в аптеку (соседняя дверь). Там очередь. Стою в очереди, подхожу, лекарства моего нет. Ну, думаю, попробую-ка еще раз зайти на почту, вдруг там моя очередь за это время подошла. И действительно, как раз женщина, которая передо мной была, уже у окошечка, а за ней стоит тот мужичок. Ну я подхожу, встаю перед ним и говорю, что я мол тут стояла (хотя по правилам, как вы знаете, уходя, надо было сказать, что я вернусь — а я не сказала, поэтому понимаю, что не совсем в своем праве). Но он говорит: «Да, Вы действительно тут стояли» (хотя ему досадно, конечно). И я, как бы чтобы извиниться, говорю, что вот мне только марку наклеить, уже который раз прихожу, и все никак не могу очередь достоять. Он говорит: «Да вы не волнуйтесь, это вредно для здоровья». Ну я соглашаюсь. А потом добавляет. «Это я вам бесплатный совет даю — как евреи говорят». Тут я несколько напрягаюсь, но молчу (а что на это скажешь?). А он видит, что я не реагирую, и разъясняет: «Евреи, они привыкли все за деньги делать, вот поэтому и особо оговаривают, когда что-то бесплатно». На это я довольно мрачно произношу что-то типа «Ну да, а русские всегда все даром делают». — «Русские все сдуру делают», — гордо отвечает он. (Ну, думаю, как бы мне этому антисемиту врезать, и при этом чтоб приличия сохранить, все-таки человек пожилой.) А он не унимается. «Вот Вам приятно наверное, когда Вам бесплатно одолжения делают?» — «Нет», — говорю я (вообще-то, просто чтобы возразить). Он продолжает: «А ведь очередь держать — это тоже одолжение, за это можно было бы и деньги брать». — «О! — думаю я, как в том анекдоте про Сарочку Каценеленбоген, — тут-то ты и попался! Давайте, — говорю, — я вам заплачу!» Быстренько достаю из кошелька рубль, протягиваю ему — и он берет.

Заметим, что диалог внешне начался вовсе не как конфликтный, а скорее наоборот, с выражения поддержки и сочувствия (хотя на самом деле это было «поучение», т. е. речевой акт, выражающий чувство превосходства). Следующий шаг (*Я вам бесплатный совет даю, как евреи говорят*) содержит сразу два имплицитных смысла: «я хочу вам бескорыстно помочь, я хороший», а кроме того, «запрос» на поддержку имплицитно выраженного оценочного суждения ‘евреи корыстны, они плохие’. Поддержка собеседником твоего мнения, и в особенности присоединение к оценочной презумпции — это, в терминах Э. Берна, «positive stroke», т. е. квант положительной эмоции (соответственно, отсутствие поддержки — «negative stroke») ³³. Не получив от собеседника ответа на этот запрос, сделанный в скрытой форме, он делает вторую попытку, формулируя свою мысль более явно. Снова потерпев неудачу, он делает третью попытку одержать верх: предлагает противнику заплатить за сделанное ему одолжение, предполагая, что его противник не захочет платить, и таким образом наконец потерпит коммуникативное поражение. Однако не одерживает желанной победы он не потому, что впадает в противоречие (он принимает ту самую «корыстолюбивую» позицию, которую только что осудил), а только потому, что его противник оказывается более искушен в тактике коммуникативных войн. Специально обратим внимание на то обстоятельство, что на протяжении всего диалога его вербальный уровень (т. е. буквальный смысл реплик) не име-

³³ Я использую оригинальный термин, так как предлагаемый переводчиками вариант перевода «поглаживание» не представляется удачным, и никакого лучшего найти не удастся. Между тем речь идет о важнейшем факторе человеческой коммуникации.

ет большого значения³⁴. Вся реальная коммуникация происходит на «подводном» уровне, и сводится она к чисто экзистенциальному противостоянию: наш герой, возможно, не является приверженцем ни бескорыстных, ни корыстных одолжений, и то и другое — лишь виды оружия.

Как представляется, феномен, который здесь был обозначен, составляет важное свойство языковой коммуникации и заслуживает дальнейшего изучения.

³⁴ Бывает даже так, что содержание аргумента вообще не имеет никакого значения, главной поражающей силой является интонационный контур, который может наполняться относительно произвольным содержанием.

5. О СЕМАНТИКЕ НЕПОНИМАНИЯ*

Сразу хочу оговориться, что слово *непонимание* я использую в обычном смысле, т. е., в частности, вне рамок той традиции, которая опирается на известное высказывание А. А. Потебни, что «всякое понимание есть вместе непонимание» [Потебня 1989: 343] и, с другой стороны, представлена в так называемой рецептивной эстетике, согласно которой *intentio auctoris* (намерение/понимание автора) имеет не больше прав, чем *intentio lectoris* (намерение/понимание читателя; термины из [Есо 1990])³⁵. Для простоты я вообще не буду касаться понимания художественного произведения как теоретической проблемы. Речь идет о (не)понимании в бытовой коммуникации (предметом которой может быть что угодно — от покупки хлеба до устройства мироздания, включая, естественно, художественную литературу); еще точнее, речь пойдет о значении языковых единиц, которыми пользуются говорящие на русском языке для выражения своего непонимания.

Предметом данной статьи является следующая проблема. Всякий человек, говорящий на русском языке, сталкивался с тем, что фраза *Я не понимаю* и, в особенности, *Я этого не понимаю* может выражать не отсутствие понимания, а нечто совсем другое (а именно, отчетливое осуждение позиции собеседника или какого-то третьего лица), и представляет собой стандартный прием в дискурсивной войне.

Это осуждение может быть моральным: *Я не понимаю, как можно...* (напр., *в лицо говорить приятное, а за глаза — гадости*), но может и не иметь отношения к морали, ср.: *Я не понимаю, что за удовольствие (возиться в огороде, париться в бане, лежать целый день на пляже; ездить на машине на работу, чтобы часами стоять в пробках и т. п.)*. При этом оценка, выражаемая фразой *не понимаю*, сама по себе довольно агрессивна. Человек может сказать *Я не люблю ловить рыбу* — это нейтральное утверждение. Но когда человек говорит *Я не понимаю, как можно часами просиживать с удочкой* — это уже позиция, и довольно жесткая.

* В основу данного раздела положена статья [Зализняк 2009г].

³⁵ В своей книге «Opera aperta» Умберто Эко высказал мысль, что всякое произведение искусства заключает в себе бесконечность возможных прочтений, т. е. обладает свойством «открытости» (apertura) [Есо 1962: 57, 78]. Эта мысль имела столь ревностных сторонников, что впоследствии У. Эко был вынужден выступать с публичными заявлениями (в частности, в лекции, прочитанной в РГГУ в октябре 1997 г.) о том, что все же не следует считать, что любой текст может выражать любой смысл.

Обсуждаемое значение выражения *не понимаю* может быть приблизительно передано как ‘я этого не понимаю, потому что я умный/хороший, а это глупо / дурно’. Точнее, здесь имеются три схемы: I, II и III, различающиеся композицией смысловых компонентов (1), (2) и (3).

Я этого не понимаю:

- (1) я этого не понимаю
- (2) это глупо / дурно
- (3) я умный / хороший

- I. (1), потому что (2) + (3)
- II. (2), потому что (1) + (3)
- III. (3), потому что (1) + (2)

В случае (I) утверждается то, что буквально сказано (‘я этого не понимаю’), к чему достраивается некое обоснование — из смысловых компонентов (2) и (3). В случаях (II) и (III), соответственно, компонент (2) или (3) оказывается смысловым центром высказывания, т. е. тем «истинным смыслом», ради передачи которого и делается высказывание, составляющее часть конфликтного диалога (см. предыдущий раздел). Здесь действует механизм, похожий, хотя и не в точности тот же, что прием «лингвистической демагогии», описанный Т. М. Николаевой [Николаева 1988] (когда смысловой компонент, формально составляющий презумпцию высказывания, на самом деле является главным смыслом, который говорящий стремится «передать»).

Однако ничего этого может и не происходить. Человек может сказать *Я этого не понимаю* исключительно и только чтобы выразить смысл, что он чего-то не понимает, ср.: *я не понимаю, как решить эту задачу; этого хода в твоём рассуждении я не понимаю*. Но тогда, скорее всего, это значит, что хочет понять. Обобщить эти два случая можно следующим образом. Поскольку состояние непонимания дискомфортно, находясь в этом состоянии, человек либо стремится из него выйти (т.е. понять), либо переосмысливает его в свою пользу (а именно, что он не понимает не потому, что он недостаточно проницателен, а потому, что предмет этого недостойн).

Итак, задача в том, чтобы различить два случая — обычное непонимание и «агрессивное» (включающее все три описанных выше варианта). В частности, хотелось бы понять, какого рода правилами пользуется слушающий, чтобы декодировать это «агрессивное» значение — во избежание коммуникативного провала. Касаются ли они лишь прагматики высказывания в целом или семантики глагола *понимать*? Существуют ли какие-то объективные признаки, по которым слушающий может распознать смысловое задание говорящего (и в том числе установить, является ли оно оскорбительным).

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к семантике глагола *понимать*³⁶. Начнем с того, что идиоматическое сочетание с отрицанием характерно для многих предикатов пропозициональной установки, включающих оценку: сами оценочные предикаты *хорошо* и *плохо* сочетаются с отрицанием идиоматически, ср.: *нехорошо* ≅ ‘плохо’, а не ‘неверно, что хорошо’; *неплохо* ≅ ‘хорошо’, а не ‘неверно, что плохо’. Аналогичный эффект наблюдается у глаголов типа *любить*, *нравиться*, *хотеть*, *хотеться*. Глагол *любить* допускает как простое, так и идиоматическое отрицание, например: *Он не любит свою жену* означает ‘не испытывает любви’, а *Он не любит свою тещу* скорее означает ‘испытывает неприязнь’ (хотя возможно и первое, не

³⁶ Подробное лексикографическое описание этого глагола содержится в исследовании [Июдин 2006]. В данной работе используется несколько иной формат.

идиоматическое, понимание). При этом простое отрицание и идиоматическое взаимодействуют с разными значениями глагола *любить*: в значении чувства эффект отрицания обычный, а в значении вкуса-пристрастия — идиоматический (см. об этом [Богуславский 1985: 35; Зализняк 2006: 379]). Для других, собственно оценочных, предикатов внутреннего состояния идиоматическое отрицание является единственно возможным, ср.: *мне не нравится ее прическа*; *мне не хочется туда идти* и т. п.

Естественно предположить, что нечто подобное происходит и с глаголом *понимать*. Действительно, у этого глагола различаются два значения, одно из которых соотносится с неким ментальным состоянием, соединяющим мнение и знание и релятивизованным к истине (ср. ниже), а другое — с оценкой (нечто вроде ‘я это одобряю’). Соответственно, во втором случае эффект взаимодействия с отрицанием — типичный для оценочных предикатов, а именно, изменение знака оценки на противоположный.

В первом случае объектом понимания является пропозиция (или совокупность пропозиций, составляющих некую интеллектуальную конструкцию, например, доказательство теоремы), а во втором — ментальный объект иной природы, включающий индивидуальный моральный (эстетический, гедонистический и т. д.) выбор и тем самым подверженный оценке со стороны другого лица. Понимание в этом случае означает одобрение этого выбора, а непонимание — неодобрение. В частности, именно об этом втором типе понимания говорят *Понять — значит простить*. Заметим, что это афоризм, т. е. нетривиальное и отчасти противоречащее здравому смыслу утверждение. Действительно, «нормальной» является ситуация, которая описывается примером на значение *понимать 1* в статье [Богуславский 1984]: *Разумом я понимаю его мотивы, но согласиться с ними не могу*. Такое понимание, очевидно, не только не равнозначно прощению, но вообще относится к другой области психики. То понимание, о котором идет речь в упомянутом афоризме, соответствует значению *понимать 2* из той же работы. Приведем (в слегка упрощенном виде) оба толкования:

Понимать 1:

X понимает Y — ‘То, что X обработал разумом факты, связанные с — Y-м, каузировало то, что X имеет в своем сознании истинную информацию Z о существенных свойствах Y-а’ (*Он не понимает, что его обманули*).

Понимать 2:

X понимает Y — ‘X понимает 1 мотивы действий лица Y и считает, что у Y есть основания для таких действий’. Примеры: *Я его просто не понимаю*; *С княжной Марьей нельзя было представить будущей жизни, потому что он не понимал ее, а только любил* (Л. Толстой. Война и мир); *Вообрази: я здесь одна, Никто меня не понимает* (Пушкин. Евгений Онегин).

В первом приближении это и есть искомое семантическое противопоставление. Уточнить его можно следующим образом. *Понимать 1* (это значение является, очевидно, основным для данного глагола) описывает ментальное состояние, объединяющее свойства знания и мнения³⁷. От знания в понимании имеется компонент истинности; соответственно, глагол *понимать* в основном классе употреблений является фактивным: из *Он не понимает, что его обманули*, следует, что говорящий знает (= ‘считает, что он знает’), что его обманули³⁸. К области мнения в понима-

³⁷ Имеется в виду мнение-оценка, см. раздел II.7.1.

³⁸ Такое понимание фактивности было предложено в [Зализняк 1992: 57].

нии относятся все те смысловые наращения, которые отличают *понимать* от *знать*. Действительно, понимание — это «освоенное» знание, включающее представления о причинах, следствиях, а также о «смысле» обсуждаемого факта, которые относятся скорее к области мнений — ср. приводимый Ю. Д. Апресяном пример: *О том, что все беды в России пошли от атеизма, я знал давно, знал от Достоевского, а вот понял окончательно только недавно* (Ю. Карякин. Время «склеивать позвонки») [Апресян 1995: 414]. Как известно, фактивная презумпция в глаголе *понимать* может утрачиваться, ср.: *Ты меня не так понял; он так понял, что...* Объяснение этому факту состоит именно в тех смысловых наращениях, которые имеются в понимании по сравнению со знанием и принадлежат сфере мнения: как частный случай мнения, понимание обладает самостоятельной ценностью, независимо от истинности. Отсюда — возможность *различных пониманий*, и равная их ценность — для одного и того же семиотического объекта. Ср. также выделяемое у обсуждаемого глагола в [Июдин 2006: 557] значение ‘считать’, иллюстрируемое примерами типа *Он понимает свободу как осознанную необходимость*.

Итак, *понимание 1* можно приблизительно охарактеризовать как «освоенное и осмысленное субъектом представление об устройстве фрагмента мира, трактуемое им как истинное». Причем истинность эта может быть как «объективная» (к которой применима установка *знать*), так и «субъективная (установка *считать*)», ср., с одной стороны, *Я понимаю, как работает трансформатор; Не понимаю, как он сюда попал* и, с другой стороны, *Он понял, что должен попросить у нее прощения*.

Контексты верифицируемой и неверифицируемой пропозиции различаются в отношении обязательств говорящего. В высказываниях от не 1-го л. с глаголом *понимать* в этом значении в контексте верифицируемой пропозиции говорящий несвободен: он должен либо считать подчиненную пропозицию истинной, либо не иметь никакой позиции по упоминаемому вопросу — но он не может иметь противоречащего знания: я не могу сказать *Он понял, с кем она ходила в кино*, если я знаю, что он ошибается. В случае неверифицируемой пропозиции аналогичного ограничения нет: когда я говорю *Он понял, что должен перед ней извиниться* или *Он понял, какая женщина ему нужна* и т. п. я могу не иметь никакого мнения по названным вопросам.

Заметим, что различие обязательств говорящего в случае верифицируемой и неверифицируемой пропозиции существует только для глагола сов. вида (т. е. *понял* ориентируется на внутреннее состояние субъекта, а *понимает* описывает ситуацию более объективно). В работе [Булыгина, Шмелев 1989б: 42] было показано, что глаголы *понять* и *понимать* обладают различными сочетаемостными ограничениями. И действительно, предложение с *понимает* в несов. виде возлагает ответственность на говорящего также и в случае неверифицируемой пропозиции: высказывание типа *Иван понимает, что должен перед ней извиниться* означает, что говорящий тоже так считает, иначе он должен был бы сказать *Иван считает, что должен перед ней извиниться*. Ср. также: *Иван понимает, в чем его ошибка*: если говорящий имеет иное мнение относительно содержания ошибки, он должен сказать *Иван считает, что он понял* или *Иван считает, что его ошибка в том-то и том-то*.

Обратимся теперь к *пониманию 2* (это значение мы будем называть оценочным). Его объектом является некоторый фрагмент в мире другого человека:

какое-то его представление или комплекс представлений, а также какое-то пристрастие или даже (сознательно выбранный) образ жизни. Формальным объектом в *понимать 2* может быть обозначение обсуждаемого фрагмента ментального мира, ср.: *я понимаю его нежелание <что-либо делать>, стремление <к чему-то>, страх <чего-то>* и т. д.; или имя лица, ср.: *Как я его понимаю!; Не всякий вас как я поймет*³⁹. Понимание в этом смысле является важнейшей ценностью: *счастье — это когда тебя понимают*. Оно означает частичное совпадение фрагментов внутреннего мира — или, по крайней мере, возможность такого совпадения. Центральным здесь является смысловой компонент ‘могу себе представить’⁴⁰; соответственно *не понимаю* = ‘не могу себе представить’: *не понимаю твоей страсти к приключениям, привязанности к этой женщине, любви к русской бане (к жарким странам, к острым ощущениям); не понимаю как можно... Никто меня не понимает*. Толкование для *понимать 2* выглядит приблизительно следующим образом: ‘я сам, возможно, так не думаю (не чувствую, не делаю), но могу себе представить, что я так думаю, чувствую или делаю, и представляя себе это, не чувствую неприятия’. Соответственно, *Не понимаю* означает либо ‘не могу себе представить’, либо ‘представляя, чувствую неприятие’; ср. (1) и (2):

- (1) *Не понимаю, как можно не любить мужа?* [Ну как на свете без любви прожить! // «Сельская новь», 2003, ruscorpora];
- (2) Но я, например, тоже *не понимаю* рыбаков, которые сутками могут сидеть перед этой дыркой во льду и что-то там ждать, пока клюнет [А. Карабаш. Быть Vasey Strelnikoff // «Домовой», 2002.03.04, ruscorpora].

Противопоставление двух типов непонимания хорошо вписывается в общую картину полисемии предикатов внутреннего состояния (см. [Зализняк 1992], а также разделы II.1—2) — с той особенностью, что на оппозицию собственно ментального и оценочного значения накладывается специфический прагматический эффект.

В частности, два значения глагола *понимать* обнаруживают разный эффект взаимодействия с оператором *мочь*. Для ‘понимать 1’ выражение *не понимаю* имеет смысловой компонент ‘могу понять’ в качестве условия уместности, не более того. Соответственно, фразы *могу понять доказательство теоремы* и *понял доказательство* означают совершенно разные вещи, ср.: *могу поднять 100 кг* и *поднял 100 кг*. Что же касается значения ‘понимать 2’, то здесь сочетание *могу понять* значит практически то же самое, что *понимаю* — ср.: *Я могу понять (≅ понимаю) его желание отделаться от этого человека, но зачем было хамить, не понимаю (≅ не могу понять)*. Иными

³⁹ В работе [Иомдин 2006: 550] у глагола *понимать* выделяется значение ‘сочувствовать’, где объектом может быть только лицо (*Счастье — это когда тебя понимают*). Однако, как представляется, для разведения значения понимания другого человека и понимания чужих взглядов нет достаточных оснований (так как имя лица в реальности метонимически обозначает ментальный мир этого лица или его фрагмент); в пользу такого решения свидетельствуют, в частности, примеры типа (19), где фактически одна и та же ситуация обозначена как *его не понимаю* и как *этого не понимаю*. Ср. также аналогичную многозначность глагола *сочувствовать* <кому-то>; <чьим-то взглядам, убеждениям>.

⁴⁰ Использование метаязыковой единицы ‘представлять (себе)’, предложенное в [Апресян 1995: 414] для толкования глагола *понимать*, является, на мой взгляд, весьма плодотворным как для этого глагола, так и для других предикатов внутреннего состояния (ср. толкования для *сожалеть* и *сочувствовать* в разделах II.2 и VII.1.2). Ср. также семантический примитив *imagine*, который входил в одну из ранних версий «естественного семантического метаязыка» А. Вежбицкой [Wierzbicka 1972].

словами, ‘понимать 2’, в отличие от ‘понимать 1’, обладает свойством идиоматического сочетания не только с отрицанием, но и с модальным оператором *могу* (ср. [Зализняк, Падучева 1989: 93] или раздел II.5.1). В данном отношении показателен следующий пример, где выражение *еще больше понимаю*, относящее к *могу понять*, однозначно указывает на то, что *могу понять* равнозначно *понимаю*:

- (3) Я *могу понять* русских помещиков тридцатых годов, возвращавшихся из чужих краев, корча буржуа и фабрикантов, с умилением смотревших на французский либерализм; я *еще больше понимаю* поклонение к Германии русских ученых, которые из Берлина привозили нам в сороковых годах живое слово науки и тайком передавали его нам [А. И. Герцен. Русские немцы и немецкие русские (1859), guscorgora].

Что касается выражения *не могу понять*, то оно практически синонимично *не понимаю* в обоих значениях, ср: *не понимаю решения этой задачи* и *не могу понять решения этой задачи* (‘понимать 1’); *не понимаю, как ты это терпишь* и *не могу понять, как ты это терпишь* (‘понимать 2’). Однако механизм взаимодействия с отрицанием здесь различный. В частности, лишь для первого значения реакция типа «А ты постарайся» является осмысленной. Для второго значения возникнет эффект каламбура, аналогично тому, который возникает у выражения *не могу поверить* в диалоге из «Алисы в Стране чудес», обсуждаемом в [Падучева 1982: 218]:

- (4) — Не может быть! — воскликнула Алиса. — Я этому *поверить не могу*.
— *Не можешь?* — повторила королева с жалостью. — *Попробуй еще раз*: вдохни поглубже и закрой глаза.

Два вида непонимания, о которых идет речь, обнаруживают определенные различия в употреблении фразеологических единиц. Так, выражения *ума не приложу*, *уму не постижимо* <куда я мог положить ключи; почему он так поступил; как ему удалось избежать наказания> могут выражать только ‘непонимание 1’ (допускающее «попытку понять») и означают ‘не знаю’ плюс некоторый смысловой довесок, ср.: *Я все пытаюсь понять, почему он так поступил, и не могу: уму не постижимо*.

- (5) *Ума не приложу*, что теперь делать [Жажда наживы — подруга жулья // Аргументы и факты, 2001.04.04, guscorgora];
(6) Как он про них забыл, я *ума не приложу* [О. Кабанова. Безупречный Игнатович. Классик советской фотографии получил музейные почести // «Известия», 2002.06.14, guscorgora];
(7) *Уму не постижимо*, — писал он, — каким образом комитет, правительством республики утвержденный, мог написать и обнародовать столь грубую и явную ложь... [А. Адамов. Русские открытия и исследования в Северной Америке // «Наука и жизнь», 1950];
(8) Кофе — *уму не постижимо*, как они готовят этот превосходный кофе [Влад. Азов. Маленький фельетон. Из дневника дипломата Уступчивого (1908.10.17) // «Русское слово», 1908].

Выражение *уму не постижимо* в разговорном языке может использоваться также для обозначения высокой степени отрицательной оценки — ср. следующие примеры из Интернета (на грани нормы, но хорошо иллюстрирующие тенденцию семантического развития):

- (9) Это *уму не постижимо*, до чего он довел себя [Н. Медведева. Любовь с алкоголем (1988—1993)] (= ‘очень плохо’).
(10) Спам. Как же он достал! *Уму не постижимо* (= ‘очень сильно’).

С другой стороны, имеются фразеологические единицы, которые выражают преимущественно значение ‘непонимание 2’; они не сочетаются с указанием на «попытку понять» и означают ‘считаю, что нельзя’, ср.: *это мне (для меня) непостижимо; это не укладывается у меня в голове* <как можно так жестоко обращаться с животными; как можно терпеть такое положение>.

Приведем некоторые примеры из НКРЯ:

- (11) Жизнь молодому человеку поначалу кажется скучной, и он ищет внешних приключений, ибо *в голове* его решительно *не укладывается*, что если даст Бог, то и ему когда-нибудь стукнет 30, 40, 50 и т. д. Представить такое в юности — невозможно [Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997), ruscorpora];
- (12) Я *понять не могу*, *в голове не укладывается*, как у такого здорового бугаины могут быть какие-то нелады с сердцем [В. Мелик-Карамов, Т. Тарасова. Красавица и чудовище (1984—2001), ruscorpora];
- (13) *В голове не укладывается*, как пропаганда либеральных идей и низких налогов сочетается у СПС с предложениями, годными для семнадцатого века [А. Винт. Россиян могут заставить платить за воздух // «Красноярский рабочий», 2003, ruscorpora].

Выражение *это находится за пределами моего понимания* может использоваться для обоих типов понимания (но первое предпочтительнее) ср.:

‘понимание 1’:

- (14) «Это же вздор!» Затем, чтобы отвлечься, он решал задачи, часами сидя за столом, заполняя один лист за другим алгебраическими формулами. Будто пытался извлечь «корень зла» и спасти погибающего сына. Все происходящее оставалось *за пределами его понимания* [(Бухарина) А. Ларина. Незабываемое (1986—1990), ruscorpora];
- (15) А вот гиперболу, график обратной пропорциональности, я воспринимала, как некое чудо, она находилась *за пределами моего понимания*, была чем-то загадочным и сверхъестественным.

‘понимание 2’:

- (16) Все-таки позиция РПЦ остается *за пределами моего понимания*;
- (17) ...а еще девушки назло выходят замуж... это вообще *за пределами моего понимания*...;
- (18) Кто же мне интересен? Тот, кто НЕ похож на меня, но находится *в пределах моего понимания*. Вот так, кажется...

Вернемся теперь к фразе *Я этого не понимаю*. В принципе такую конструкцию допускают оба значения глагола *понимать*. Но в Национальном корпусе русского языка в абсолютном большинстве случаев она имеет оценочное значение. Например:

- (19) — Я решительно не понимаю его, — сказал Вронский. — Если бы после твоего объяснения на даче он разорвал с тобой, если б он вызвал меня на дуэль... но *этого я не понимаю*: как он может переносить такое положение? [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878), ruscorpora];
- (20) *Не понимаю я этого*, как можно на свою кровинушку злобу таить. [Л. Буланкина. Дом без сыновей // «Работница», 1988, ruscorpora];
- (21) Вы, русские, вообще все такие! В гости только с цветами, или с тортом, или с подарком! Почему, зачем? *Я этого не понимаю* [М. Палей. Long Distance, или Славянский акцент (1998—1999)].

В конструкции *Я этого не понимаю* местоимение *это* может иметь антецедентом высказывание, выражающее ту жизненную установку, которая является объектом оценки, ср.:

- (21) «Я не умею», — *я этого не понимаю* и понимать не хочу [Л. Смирнова. Моя любовь (1997), ruscopora].

Оба типа непонимания могут быть выражены синкретично, ср.:

- (22) — Кстати, почему полотеры натирают полы в наше рабочее время? *Я этого не понимаю*. Это можно делать вечером или утром [Э. Рязанов, Э. Брагинский. Служебный роман (1977)];
- (23) Почему разделение по сословиям, по цензам, по интересам допустимо, а разделение по национальностям, то есть по свойству более глубокому, более всеобъемлющему, недопустимо? Я говорю откровенно, что *я этого не понимаю*. Я не знаю тех серьезных доказательств, которые могли бы быть этому противопоставлены [В. В. Шульгин. Последний очевидец (1971)];
- (24) Зачем они делают революцию? — Черт их знает! Зачем Пири плелся к этому полюсу, вы можете сказать? — Нет, *я этого не понимаю*... — И я не понимаю [В. Аксенов. Любовь к электричеству (1969)].

Из редких бесспорных примеров употребления обсуждаемой фразы в значении ‘непонимания 1’ приведем следующий:

- (25) — А вы номер вагона не помните? — Нет, — улыбнулся Тверитинов. — Вагон — двухосный или четырёхосный? — *Я этого не понимаю*.. — Ну как не понимаете! Маленький или большой? На сколько тонн? [А. И. Солженицын. Случай на станции Кочетовка (1962)]

‘Непонимание 2’ без оценки встречается очень редко, ср.:

- (26) Она кого полюбит, так навсегда; а *я этого не понимаю*, я забуду сейчас [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том второй (1867—1869), ruscopora].

Итак, эффект фразы *Я этого не понимаю* складывается из трех факторов: семантики, прагматики и узуса. Семантический фактор состоит в том, что в этой фразе реализуется особое «оценочное» значение глагола *понимать*, обладающее рядом специфических свойств, в том числе идиоматическим взаимодействием с отрицанием. Прагматический фактор состоит в том, что говорящий — видимо, в силу своего «прагматического приоритета» над слушающим и третьим лицом (ср. [Бергельсон, Кибрик 1987]) — обращает формулу ‘не могу себе представить’ в свою пользу, т. е. трактует ее как обнаруживающую недостаток другого лица и свое преимущество над ним. Когда человек говорит *Тебе этого не понять*, то здесь тоже «одерживает верх» говорящий — который в данном случае, наоборот, оказывается тем, кто *понимает*. Тем самым получается, что если *я этого не понимаю*, то это потому что я умный, а если *ты этого не понимаешь*, то потому что ты глупый. Если говорящий не участвует ни на одной из сторон, оценочная составляющая (и, соответственно, смыслы самоутверждения, агрессивности и т. п.) исчезает или, по крайней мере, существенно ослабляется, ср. *сытый голодного не понимает*.

Наконец, фактор узуса сказывается в том, что фраза *Я этого не понимаю*, теоретически неоднозначная, в реальности употребляется почти исключительно в значении *понимать 2*. Тем самым фраза *Я этого не понимаю* является в русском языке конвенциональным способом выразить неодобрение по отношению к взглядам, вкусам, жизненным установкам и даже поступкам собеседника или третьего лица — наряду с многочисленными другими способами косвенного выражения отрицательной оценки. В том случае, когда говорящий хочет сказать, что он чего-то не понимает «в буквальном смысле», он должен, во избежание коммуникативного провала, принимать специальные меры.

6. ПЕРЕПИСКА ПО ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ*

В стремительно нарастающем потоке исследований, посвященных коммуникации через Интернет, письмам по электронной почте отводится достаточно скромное место. Имеется ряд статей и даже несколько монографических исследований, посвященных электронной переписке на английском и немецком языках [Günther, Wyss 1996; Handler 1994; Leslie 1993; Pansegrau 1997; Townshend 1997]. Нам известно несколько работ, затрагивающих проблему жанра электронного письма на русском языке. В работах [Галичкина 2001] и [Смирнов 2004] основным материалом служат другие жанры электронной коммуникации. В статье [Нещименко 2005], где строится классификация типов компьютерного общения, жанр электронной почты лишь вскользь упоминается (к тому же основной материал этой статьи — чешский). В статье [Капанадзе 2001], посвященной электронным жанрам, переписка по электронной почте вообще не упоминается. Наконец, в опубликованной недавно в Интернете монографии [Трофимова 2005] о языке Рунета частная электронная переписка упоминается, но не рассматривается подробно. Таким образом, можно сказать, что в лингвистической литературе тема переписки по электронной почте на русском языке практически не изучалась.

Дело, очевидно, в том, что электронная почта среди жанров Интернет-коммуникации является наиболее «традиционным» (по сравнению с электронными форумами, общением через систему ISQ, чатами, компьютерными конференциями и др.). Тесная связь электронной почты с жанром обычного эпистолярного общения отмечается, в частности, в работах [Смирнов 2004: 42; Трофимова 2005]. Исследователи указывают также на то, что это промежуточный жанр между обычным письмом и телефонным разговором. Между тем частная электронная переписка обладает своей собственной жанровой спецификой, и этот жанр коммуникации является одним из самых распространенных во всем мире⁴¹. Помимо собственно жанровых особен-

* Данный раздел написан по материалам статей [Зализняк, Микаэлян 2006а; 2006б]; литература, появившаяся после 2006 года, не учтена.

⁴¹ На Западе, прежде всего в англоязычных странах, осознание электронной переписки как особого жанра произошло достаточно давно. Так, в 1993 г. в Америке было выпущено пособие по электронной переписке [Augell, Brent 1993], ориентированное прежде всего на деловую переписку, однако отмечающее ряд лингвистических и социолингвистических черт, отличающих данный жанр в целом.

ностей, электронная переписка обладает рядом других черт (от орфографии до прагматики), делающих ее интереснейшим лингвистическим объектом.

Наше исследование проводилось на материале текстов частной переписки по электронной почте представителей русской интеллигенции, живущих в разных концах света, в том числе и в России. Все наши информанты, в том числе и живущие за пределами России, сохраняют русский язык полностью. Такое ограничение материала обусловлено желанием свести к минимуму рассмотрение проблематики, связанной с разрушением языка у эмигрантов.

Мы рассмотрим три круга проблем. Первый связан с выявлением особенностей электронной почты как коммуникативного жанра — при этом рассматриваются прежде всего признаки, которые противопоставляют электронную переписку обычному эпистолярному жанру и общению по телефону. Второй обусловлен тем, что электронная переписка рассматривается как материал для реконструкции процесса порождения спонтанной письменной речи. Наконец, третий круг проблем связан с использованием пишущими по-русски латинского алфавита. Хотя это обстоятельство вызвано чисто техническими проблемами, электронные письма, написанные латиницей, обладают рядом важных культурно-семиотических особенностей.

6.1. ЭЛЕКТРОННАЯ ПЕРЕПИСКА КАК ОСОБЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ЖАНР

Можно назвать следующие признаки электронной переписки как коммуникативного жанра.

1. Особый тип интерактивности. В отличие от обычного письма, электронное письмо предполагает быстрый ответ — в норме, в течение суток. С другой стороны, в отличие от телефонного разговора, адресат может отвечать не сразу. Таким образом, электронное письмо объединяет преимущества этих двух типов коммуникации. Если адресат не отвечает в пределах того временного интервала, который считается нормальным, происходит нарушение коммуникации (см. пример (1а)).

2. Серийность. Переписка по электронной почте часто происходит в форме серии писем и ответов на них, которые образуют единый коммуникативный акт. Внутри этой серии действуют некоторые особые правила, обеспечивающие ее связность (см. пункты 3—5).

Фрагмент серийной переписки представлен в примере (1) (пары «письмо — ответ на него» обозначены маленькими латинскими буквами). Как видно из первой фразы, данный фрагмент является продолжением прерванной предыдущей серии (ответ не поступил в ожидаемые 24 часа)⁴².

- (1) (а) *M: Lenochka, Vy ne otvechaete. Uzh ne obidela ja Vas chem? Uzhas kakoj!*
L: Dorogaya Marina, nu vot eshche, obidela, prosto zakrutilas', kak i skazano bylo po telefonu. Zato ja mogu rasskazat' retsept garnira, kotoryi ja nachilas' delat' nedavno i kotoryi sdelala vchera. Eto garnir k bliudu, kotoroe ja sdelala, k tesarke s chernoslivom, kak my s Vami i Nastej delali v Parizhe...

⁴² Все примеры даются в оригинальном написании; специально вопрос о способах транслитерации будет рассмотрен ниже.

A novostei s tekh por kak my govorili nikakikh net.

Tseluju, Vasha L.

(b) *M*: Oj spasibo za recept. Menja on ochen' vdoxnovljaet. Vot tol'ko gde najti kashtany i cesarku?

Dolgo dumala, kto eto Nastja, potom ponjala — ee zovut Natasha, na vsjakij sluchaj.

Poka vsjo. Celuju.

L: Natahsa, konečno zhe Natasha. Prosto ja pisala s kem-to drugim na ume. Etot garnir ne obiazatel'no s cesarkoj, možno s liubym miasom.

Včera ja byla na vernisazhe, vernisazh byl v chest' otkrytija klumby izobrazhajushchej bankovskuju kartochku VISA, sdelanuju iz posazhennykh aniuinykh glazok. Klumba v vide VISA card byla krasivaja, no jeshche krasivee byla obyknovennaja burzhuaznaja klumba po druguju storonu gazona.

Nu, do sledujushchego raza. Ne derzhite pechenku v kholodil'nike slishkom dolgo.

Tseluju, Vasha L

(c) *M*: Lenochka, ja vsjo ponjala, krome togo, zachem zhe Vy poshli na takoj strannyj vernisazh. *Prishla studentka, tak chto potom dopishu chto-nibud'*.

L: Poshla na vernisaj chtoby liudei posmotret', sebja pokazat'.

3. Межписемная анафора. Подобно обычному письму, исходное электронное письмо может содержать в себе несколько тем, как бы несколько разных реплик-стимулов. Существуют разные стратегии ответа на такое письмо. В некоторых случаях ответ может содержать отдельные ответные реплики, не связанные между собой никакими формальными показателями перехода — см. пример (1b). Однако во многих случаях возникает необходимость так или иначе обозначить реплику, на которую реагирует отвечающий. В переписке по электронной почте используется специальная система средств отсылки к фрагментам текста того письма, на которое пишущий отвечает. Разработчики системы электронной почты предусмотрели такую потребность: отвечающий может вставить в свое письмо помеченный специальным знаком (>) фрагмент чужого текста. Однако, как оказывается, многие люди, активно пользующиеся электронной почтой, этот способ «автоматического цитирования» в частной переписке избегают, потому что, несмотря на свое практическое удобство, он часто вызывает негативную реакцию у автора исходного письма⁴³. Вместо этого используются специальные средства межписемной анафоры; наиболее распространенные из них — предлоги *про*, *насчет* и *относительно*, образующие с подчиненной именной группой своего рода абсолютную конструкцию, отсылающую к упомянутой в предыдущем письме ситуации в целом, ср. примеры (2—4):

- (2) *Pro statju Petersona*. Ja ee prochel ochen' vnimatel'no, sobstvenno ona v znachitel'noj mere menja i vdoxnovila;
- (3) *Naschet Grecii* — chto Iljusha ne poedet s nami, ja tebe govorila ne raz, on otkazalsja, potomu chto u nego v eto vremja konferencija po Mandel'shtamu (vprochem, on ne ochenj xotel s samogo nachala), chto otchasti lishilo smysla meroprijatie, potomu chto zadumano ono bylo kak poezdka vsej semjjej;
- (4) *Otnositeljno Larisy* — ja by skazala, chto eto neskoljko nekrasivo: ja imeju v vidu, otkazatjsja takim obrazom, chto nichego nam ne soobshchitj i dazhe ne otvetitj na moe pisjmo.

⁴³ Причина такой негативной реакции нам не совсем ясна: возможно, дело в том, что такое цитирование воспринимается как свидетельство формального, «бездушного» отношения к тексту, которое уместно лишь в деловой переписке, ориентированном на точность передачи информации, а не на эмоциональную адекватность восприятия (которая важна в дружеской переписке и которая подтверждается, в частности, правильным выбором языковых средств при пересказе).

4. Возможное отсутствие обращения, приветствия и прощальной формулы. Первые два письма серии обычно содержат формулы обращения и приветствия, однако в последующих письмах формула приветствия опускается; что касается обращения, то оно может оставаться, а может тоже опускаться. Если письмо представляет собой ответ на конкретный вопрос (или непосредственную реакцию другого типа), то обращение всегда опускается (см. пример (1b)). То же касается прощальной формулы и подписи (пример (1c)).

Обратим внимание на то, что жанр писем по электронной почте обнаруживает черты сходства с перепиской пушкинских времен, когда письма (или записки, посылаемые с курьером) очень скоро доходили до адресата — таким образом, что в течение дня люди могли несколько раз обменяться письмами. В письмах той эпохи также наблюдается редукция форм приветствия и обращения и непосредственная реакция на полученное письмо в первой же фразе, ср. пример (5):

- (5) [Гоголь — Пушкину, 13 мая 1834, С.-Петербург]: Я, раздумавши, увидел, что писать к Левашеву точно будет излишне. Это лучше сделать тогда, когда я буду уже собираться в дорогу [...] если зайдет речь обо мне с Уваровым, скажите, что вы были у меня и застали меня еле жива. [...] Мне кажется, что это не совсем будет бесполезно. Вечно ваш, *Гоголь*;
- (5') [Пушкин — Гоголю, 13 мая 1834, С.-Петербург]: Я совершенно с Вами согласен. Пойду сегодня же назидать Уварова. <...> Авось уладим.

5. Временной дейксис. Общим с жанром устной коммуникации является использование в электронных письмах показателей временного дейксиса, характерное для разговорной речи: вставка выражений типа «я *сейчас* сижу за компьютером и пью кофе»; «*только что* пришел Вася»; «*сейчас* пойду спать» и т. п. (см. пример (1c)). Эти показатели употребляются практически в режиме реального времени (потому что обычно человек, написав письмо, сразу же его отправляет, и адресат легко может восстановить, какому моменту времени соответствует это «сейчас»). В обычном письме такого рода временной дейксис неуместен — за исключением случаев, когда время написания письма является отдельным элементом его содержания, и в этом случае оно эксплицитно обозначается (например: «*Сейчас* три часа ночи; я не могу заснуть, и решил написать тебе письмо»).

6.2. СПОНТАННАЯ ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ

Тексты электронной переписки являются ценным свидетельством спонтанной письменной речи — феномена, не ставшего пока самостоятельным объектом лингвистического анализа.

Таким свидетельством являются, прежде всего, особенности пунктуации. В электронной переписке имеются две тенденции отклонения от правил пунктуации, отчасти противоположные, но, по существу, служащие одной и той же цели — передаче релевантной информации. А именно, с одной стороны, опускаются не служащие смысловозначению знаки препинания (чаще всего — запятые и кавычки), ср. отсутствие выделения запятыми придаточного в предложении *А новостей с тех пор как мы говорили никаких нет* в примере (1a); отсутствие выделения вводного слова *кстати* в примере (6). С другой стороны, те же знаки препинания могут ис-

пользоваться, независимо от существующих правил, для передачи актуальных для пишущего смыслов. Так, кавычки широко употребляются в электронной переписке как показатели «чужого слова» всех типов (ср. [Розина 2005: 20—24], а также следующий раздел). Запятые используются, в том числе, для обозначения интонационных барьеров, что может усугублять эффект «нанизывания» клауз, характерный для стиля электронного письма. Помимо запятых между клаузами используются также двоеточия, скобки и тире — без особой дифференциации в значении. Выбор того или иного из перечисленных знаков регулируется в первую очередь стремлением избежать повтора одного и того же знака, который может привести к затрудненности понимания (как в случае скобок в скобках) или к искажению смысла (как в случае повтора, на небольшом расстоянии, знака тире, который приобретает значение двойного тире, или последовательности разнофункциональных запятых)⁴⁴. Вообще тире, как известно, — наиболее семантически нагруженный знак русской письменной речи, и это обстоятельство активно эксплуатируется в электронной переписке⁴⁵.

Помимо указанной функции, все перечисленные знаки позволяют опускать союзы и союзные слова, оставляя логическую связь между предложениями или их частями невыраженной (отчасти это компенсируется имплицитной семантикой знаков препинания), и таким образом помогают реализовать тенденцию к замене гипотаксиса паратаксисом, характерную для разговорной речи. Приведем примеры:

- (6) Ja uznaju, mogu li ja svoj besplatnyj bilet vzjatj krugovoj (ja zhe po bonusu Aeroflota v Berlin polechu, raz nam ne dali granta — ja tebe govoril kstati ob etom?);
- (7) Еще я пока читала корректуру, прочла на обратной стороне (а они из экономии печатают на оборотках) статью Трубачева про союз «а» (сегодня купила эту книгу — вышло два тома его работ по этимологии);
- (8) My segodnja posle raboty uezzhaem do ponedel'nika: u nas ponedel'nik vухodnoj: Labor day, ponimaesh'.

Упомянем здесь также написание слова прописными буквами с целью его эмфатического выделения, например: *И при этом все равно КУЧА ошибок — опечаток, пропусков, всякой ерунды* (ср. понятие «electronic shouting» в [Augell, Brent 1993], а также [Нещименко 2005: 64]).

Особенности спонтанной письменной речи могут быть также установлены по характеру опечаток — поскольку электронные письма часто не перечитываются (и тем самым не исправляются) пишущим. Помимо чисто «механических» опечаток, представляющих определенный интерес в силу своей высокой частотности⁴⁶, в нашем материале обращает на себя внимание систематическое употребление именительного

⁴⁴ Проблема омонимии знаков препинания существует и для «обычных» письменных текстов, ср. [Кобзарева 2005]. В текстах электронной переписки она усугубляется.

⁴⁵ Ср. следующий комментарий Лидии Гинзбург из Записных книжек 1920—1930-х годов: «Л. В. Щерба рассказал, что Бодуэн де Куртенэ вычеркивал в работах своих учеников тире, которое он называл “дамским знаком”. Вслед за Бодуэном Щерба полагает, что тире, равно как и подчеркивания (в печати курсив), попало в литературу из эмоциональных форм: письма, дневника. “Сейчас письма не пишут. А прежде писали много, особенно женщины, — и многие очень хорошо писали”. Он усматривает в употреблении тире и курсивов признак нелогичности или лености пишущего, который пользуется не прямыми, а добавочными средствами выражения мысли» (*Л. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 19*).

⁴⁶ Таковы, например, написание *тчо* вместо *что* (и *тчтобы* вместо *чтобы*), метатезы типа *ака* вместо *как*, а также перестановка последней буквы слова и знака пробела (напр. *дв адома*).

падежа вместо косвенного, для устной речи вовсе нехарактерное. Приведем некоторые примеры:

- (9) не хочется выходить *на улица*; поеду навестить *бабушка*; но это уже *от знание*, что так делается; которые образуют собственную *специфика* данного жанра; предлагаю тебе изменить фразу *про экономия* усилий; не является препятствием *для использование* системы; очень много *омонимия*; пошла вместе с ним, чтобы оформить *отсрочка* и т. п.

Это явление не может быть квалифицировано как смешение падежей (ср. [Гловинская 2001]). С другой стороны, эти примеры не соответствуют ни одному из типов употребления именительного падежа в разговорной речи, перечисленных, например, в [Земская (ред.) 1973: 241—264] и в [Лаптева 2003: 140—168]. Так, близкими к рассматриваемому нами являются отмечаемые в литературе конструкции с «экспансией именительного падежа», ср.:

- (10) *Библиотека Ленина сойдете?*; *Две копейки нет у вас?*; *Почта на автобусе надо ехать.*

Однако это, очевидно, совсем другое явление — хотя бы потому, что все такие предложения — коммуникативно расчлененные и с препозицией именной группы в именительном падеже. С другой стороны, в устной речи невозможно сочетание формы именительного падежа с предлогом (ср. сочетания *на улица*, *от знание*, *про экономия* в наших примерах).

Наиболее близкие к нашим примеры ошибочного употребления именительного падежа вместо косвенного в устной речи приводятся в [Гловинская 1996: 267]:

- (11) а. *Нужно иметь в виду и предвыборная компания*;
 б. *Мы рассматриваем это не просто как та или иная возможность*;
 в. *Здесь прямая связь между жизнью каждого человека и то, что происходит в экономике.*

На наш взгляд, здесь можно усмотреть смену стратегии в процессе порождения речи. В примере (11б) возможна также контаминация двух конструкций (*это — возможность* и *рассматриваем это как возможность*), поскольку для существительного *возможность* не различается именительный и винительный падеж. Но все эти случаи отличаются от употребления именительного падежа вместо косвенного, иллюстрируемого примерами (9), где синтаксическая конструкция жестко задана глагольным управлением, и при этом расстояние между управляемым словом и существительным слишком мало, чтобы можно было говорить о смене стратегии.

Так или иначе, частотность обсуждаемой ошибки не позволяет интерпретировать ее как обычную опечатку. Можно предположить, что этот факт свидетельствует о том, что слова хранятся в памяти не в виде парадигмы (набора словоформ), а в форме именительного падежа, от которой образуются остальные падежные формы — и подобные написания свидетельствуют о том, что человек «не успел» образовать нужную форму. Во всяком случае очевидно, что данное явление заслуживает отдельного психолингвистического исследования.

6.3. СЕМИОТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ

Рассмотрим теперь вопрос о способах латинской транслитерации, используемых людьми, пишущими электронные письма по-русски. В первые годы после своего возникновения международная электронная переписка велась исключительно в латинской графике по причине отсутствия кириллицы в большинстве компьютеров за пределами России. В настоящее время возможности кириллицы существенно возросли, но в целом необходимость использования латиницы в электронной переписке сохраняется. Проблема транслитерации русских текстов имеет достаточно давнюю традицию изучения [Реформатский 1960; Якобсон 1965; Успенский 1967/2002]. Транслитерации в электронной переписке на русском языке посвящена работа [Бирцер 2004]; эта проблема рассматривается также в [Успенский 1996/2002]. Здесь остается, однако, достаточно много вопросов, требующих дальнейшего исследования. А именно, мы остановимся на двух аспектах проблемы — психолингвистическом и культурно-семиотическом.

Дело в том, что текст русского электронного письма, набранного латиницей, имеет дополнительный параметр варьирования — способ передачи графической формы слова — и, соответственно, дополнительное семиотическое измерение. Русский текст в стандартной кириллической форме этого измерения не имеет, так как его графическая форма задана однозначно⁴⁷. Это обстоятельство имеет далеко идущие последствия, поскольку создает дополнительный мощный стимул расшатывания норм русской орфографии (что, в свою очередь, соответствует эстетике постмодернизма). В какой-то степени использование латиницы способствует расшатыванию также и грамматических норм — в частности, за счет увеличения доли несклоняемых слов, возникающих в результате воспроизведения иностранных топонимов и антропонимов в их оригинальной графической форме вместо транслитерации их русского перевода, при которой морфологическая оформленность сохраняется, ср. употребления типа: *Ja seychas zhivu v Marseille* (вместо *v Marsele*), *Ja zavtra uezzhaju iz Paris* (вместо *iz Parizha*). В устной речи такая стратегия применяется лишь в отношении собственных имен, не имеющих в русском языке общепринятого обозначения (ср.: *Vchera my ezdili v Fontaine-de-Vaucluse*)⁴⁸. Наш материал позволяет сделать вывод о том, что иногда русский язык в электронных письмах обнаруживает признаки деградации, каковых устная речь того же человека не содержит.

При письме латиницей использование переводных эквивалентов для топонимов психологически затруднено тем, что таким образом искажается внешний облик слова, причем иногда весьма незначительно, что внешне выглядит очень похоже на ошибочное написание (ср. транслитерацию *Gamburg* вместо оригинальной формы *Hamburg*, *Lion* вместо *Lyon* и т. п.). Однако дело не только в этом: здесь возможно также просто незнание соответствующего слова в родном языке или отсутствие

⁴⁷ Вариативность, возникающую за счет графических экспериментов «языка падонков», мы здесь не рассматриваем, так как наши информанты этими возможностями не пользуются.

⁴⁸ Обратим внимание на факт совпадения этой тенденции с употреблением типа *живу в Строчино*, которое столь широко распространено в современном русском языке, что стало почти нормой.

общепринятого эквивалента. В таком случае иностранные топонимы остаются в русском языке в иностранном облике и в устной речи. Мы даже слышали, как одна девушка в Шереметьеве говорила *Я лечу в Фиренцу* (что, конечно, невозможно для наших информантов). При этом речевая стратегия, при которой общеизвестные иностранные топонимы сохраняются в русской речи в своем иностранном облике (ср. произношение *Бёркли*, *Вошингтон*, *Льон*), иногда осознается людьми, ее реализующими, как престижная.

В. А. Успенский [Успенский 1967/2002: 394] настаивает на том, что слова типа *Париж* и *Нью-Йорк* являются переводами слов *Paris*, *New York* (такого же мнения придерживался А. А. Реформатский [1960]). Так, например, русское слово *Новая Земля* переводится на немецкий как *Nowaja Semlja*, а на французский как *Nouvelle Zemble*. Некоторые топонимы имеют два варианта перевода в одном и том же языке; так, по-видимому, французское слово *Notre Dame de Paris* переводится на русский как *Собор Парижской Богоматери* или как *Нотр-Дам*. Соответственно, пишущий латиницей стоит перед выбором: использовать переводной эквивалент в латинской транслитерации (*Parizh*, *Gamburg*) или предпочесть «режим цитирования», т. е. использовать топоним в его оригинальной форме. Особые сложности возникают при необходимости склонять слово. Здесь встречаются все три варианта *Ja tol'ko chto vernulsja iz N'ju-Jorka*, *iz New York'a* и *iz New York*.

Перейдем теперь собственно к проблеме транслитерации.

В детективном романе Веры Белоусовой «По субботам не стреляю» ключевым моментом в ходе раскрытия преступления является обнаружение одним из героев смены принципа транслитерации в середине некоторого электронного письма: действительно, впоследствии оказывается, что первую половину писал убитый, а вторую дописал убийца — уже после совершения преступления.

Одним из неожиданных результатов нашего исследования является тот факт, что принципов латинской транслитерации почти столько же, сколько пишущих. Мы попытались систематизировать эти различия. А именно, мы различаем следующие параметры, характеризующие систему транслитерации: 1) «научная» vs. «эмпирическая»; 2) допускающая / не допускающая вариативность (свойство «однозначности», по Успенскому); 3) сохраняющая все оппозиции кириллического написания vs. допускающая неразличение (свойство «обратимости», по Успенскому).

Кроме того, мы выявили три основных фактора, влияющие на тип используемой человеком системы транслитерации. Это: 1) наличие профессиональных навыков филолога-слависта; 2) ментальный склад (грубо говоря, «научный», т. е. с преобладанием логического, абстрактного мышления vs. «художественный», с преобладанием образного мышления); 3) ориентация на определенный иностранный язык (английский, французский или немецкий): это может быть первый иностранный язык, выученный в школе (как было в случае с персонажами романа Веры Белоусовой: для одного из них это был немецкий, для другого — английский) или язык страны проживания — если человек живет за границей. Значения этих признаков могут различным образом комбинироваться, и каждой комбинации соответствует определенное множество систем транслитерации.

В таблице приведены некоторые из систем транслитерации, используемых в электронной переписке (в таблицу включены те русские буквы, которые создают проблемы при передаче латиницей — за исключением букв Ъ и Э).

	S1 (стандартная)	Варианты S1	S2	S3	S4	Система Успенского
с	s		s	S	s	s
ш	sh	ch, sch	s	sh, sch	sh	sh
з	z		z	z, s	z	z
ж	zh	j	z	sh, sch, j	zh, g, j	zh
ч	ch	tsh, tsch	c	ch, tsch	ch	ch
ц	c	ts	c	ts, c, tz	c	c
щ	shch	sch	sc	sch	sch	th
х	x	h, kh	ch	h, ch	kh, x	kh
я/ю	ja/ju	ia/iu	ja/ju	ja/ju	ya/yu	ya/yu
и	i		i	I	i	i
ы	y		y	y	i	ih
ь	'	j	'	', j	'	j
й	j	i	J	J	y	yj

В первом столбце таблицы помещена «стандартная» система транслитерации (S1), принятая среди славистов (и используемая для транслитерации примеров из славянских языков в лингвистической литературе), адаптированная к набору символов, в котором отсутствуют диакритические знаки. Этой системой пользуются живущие на Западе ученые-слависты (а также иногда члены их семей). Эта система представлена информантом *М.* в примере (1), а также в примерах (2), (8). Второй столбец не представляет никакую систему — в нем собраны варианты передачи отдельных букв внутри стандартной системы S1, встречающиеся в электронной переписке людей «научного» ментального склада, живущих как на Западе, так и в России. В частности, это могут быть филологи, ориентирующиеся на другие стандартные системы транслитерации (например, Библиотеки Конгресса США); см. примеры (3), (4), (6), а также реплики информанта *Л.* в примере (1). Некоторые варианты обусловлены влиянием языка страны проживания (например, использование буквы *J* для передачи русского *Ж* встречается только у людей, ориентированных на французский язык; ср. также использование сочетания букв *CH* или *SCH* для передачи русского *Ш*, ориентированное, соответственно, на французский и немецкий).

Следующие три столбца представляют образцы «эмпирических» систем, используемых отдельными информантами или группами информантов (как уже говорилось, таких систем огромное множество; мы приводим здесь только три из них). Система S2 характеризуется последовательным неразличением шипящих и свистящих (ею пользуется человек «художественного» ментального склада, с единственным иностранным языком — немецким). Система S3 характеризуется неразличением *Ш* и *Ж*, частичным неразличением *С* и *З*, а также большой степенью вариативности (ею пользуется человек «художественного» ментального склада, с главным языком — французским). Система S4, которой пользуются несколько наших информантов-неславистов,

живущих в США, характеризуется употреблением буквы *Y* для передачи русского *Й*, а также последовательным неразличением *И* и *Ы*⁴⁹ (обе эти особенности связаны, очевидно, с доминированием английского языка). В последнем столбце помещена «научная», т. е. удовлетворяющая требованиям однозначности, обратимости (и некоторым другим), система, предложенная в [Успенский 1996/2002], которая, однако, не получила распространения (по крайней мере, в нашем корпусе нет ни одного текста, использующего эту систему).

Подводя итоги, можно сказать, что частная переписка по электронной почте представляет собой интереснейший лингвистический объект, достойный дальнейшего изучения — прежде всего как особый коммуникативный жанр, характеризующийся вполне определенными специфическими чертами. В то же время электронная переписка — это ценный источник информации о порождении спонтанного письменного текста, который представляет самостоятельный интерес как особый тип текста, промежуточный между устным и письменным, и, с другой стороны, дает богатый материал для изучения синтаксических процессов в современном русском языке. Кроме того, как мы попытались показать, здесь возникает целый ряд интересных семиотических, психолингвистических и социолингвистических проблем, связанных с передачей русского текста латиницей.

⁴⁹ Это тем более удивительно, что противопоставление *Ы* и *И* поддерживается в русском языке огромным количеством минимальных пар (*был* — *бил*, *пыл* — *пил*, *мыл* — *мил*, *выл* — *вил* и т. д.). Это, однако, не смущает приверженцев такой системы, даже когда смешение этих двух букв приводит к каламбурам, ср. реальный пример *Ya rad, chto ty menya ne zabila*. Отказ от буквы *Y* для передачи русского *Ы* связан, по-видимому, с требованием «наивной семиотики»: буква *Y* в этой системе уже используется для передачи буквы *Й* и йотированных гласных (при том что в реальности ничто не мешает использовать одну и ту же букву в обеих этих функциях).

7. СЕМАНТИКА КАВЫЧЕК*

Орфографический знак кавычек многозначен. Он используется в русском письменном языке для выражения широкого спектра значений, в том числе таких, которые, на первый взгляд, являются строго противоположными — ср. примеры (1), где кавычки означают, приблизительно: ‘это **не я** так говорю, это **другие так говорят**’ и пример (2), означающий ‘это только **я** так говорю, **другие так не говорят**’⁵⁰.

- (1) а. Вчера длинный разговор с А. Б. Два человека — девочка, которую он любил, и еще кто-то — порвали с ним, потому что он не верит «*по-православному*». Объяснял свое отталкивание от церкви, невозможность верить «*по-церковному*», «*непромокаемость*» к «*учению*» (А. Шмеман. Дневники. С. 83)⁵¹.
б. Читал до двух утра, как говорится, «*с неослабевающим интересом*» (Там же. С. 86).
в. «*Проблема*» М., «*проблема*» С., «*проблема*» А., [...]: как им дать понять, что никаких «*рецептов*» и «*решений*» у меня нет, что это мучительное искание помощи есть вид бегства от себя, от жизни, от совести, от решения (Там же. С. 219);
- (2) Сегодня сижу на бобах, или, plus exactement, на двух «*плохойших*» обедах из детстоловой и Союза писателей (Г. Эфрон. Дневники. Т. 2. С. 229)⁵².

При видимой противоположности указанных двух значений, между ними просматривается и не менее очевидное сходство. В данной статье делается попытка составить перечень всех возможных случаев употребления кавычек и выявить инвариантное значение этого орфографического знака.

В целом проблема семантики знаков препинания относительно мало изучена⁵³. Знаки препинания — традиционный объект описания для нормативных грамматик и пособий по орфографии и пунктуации. Вопрос о семантике кавычек затрагивает Б. С. Шварцкопф, который рассматривает кавычки в ряду других (прежде всего,

* В основу данного раздела положена статья [Зализняк 2007в].

⁵⁰ Курсивом в примерах выделены релевантные для данного обсуждения фрагменты.

⁵¹ Прот. Александр Шмеман. Дневники. М., 2005. Надо сказать, что «Дневники» А. Шмемана — текст, выдающийся, в частности, в отношении употребления факультативных кавычек. В значительной степени именно этот текст позволяет обнаружить инвариантное значение кавычек: этот знак используется данным автором во всех случаях, когда он ощущает хотя бы малейшую «семиотическую преграду» между собой и употребляемым им знаком (в том числе даже минимальный отзвук «чужого слова», постороннему уху едва уловимый), и является маркером этой преграды (см. тип 5.2.3 ниже).

⁵² Георгий Эфрон. Дневники. Т. 1—2. М., 2004.

⁵³ Единственная известная мне статья, посвященная именно семантике знака препинания, — [Шмелев 2006].

лексических) средств выражения «оценки речи» — категории, относящейся к сфере культуры речи (см. [Шварцкопф 1967; 1970б]). Между тем семантика кавычек непосредственно связана еще с целым рядом важных и имеющих богатую традицию изучения проблем. Это, по крайней мере, проблема «чужой речи» с точки зрения структуры нарратива (см., в частности, [Бахтин 1972; Успенский 1970/95; Падучева 1996; Шмид 2003]), проблема цитации и ее роли в номинации и референции ([Шварцкопф 1970а; Вежбицкая 1982; Падучева 1996]), семиотические аспекты семантики глаголов речи и их производных, в том числе «ксенопоказателей» ([Арутюнова 1992; Зализняк 2000г]), система показателей приблизительности номинации, к числу которых относятся, наряду с графическим знаком кавычек, также лексические (*как бы, так сказать, так называемый* и др.), а кроме того, просодические и жестовые.

В статье [Шварцкопф 1997: 374—375], где вопрос о семантике кавычек рассматривается наиболее подробно, случаи факультативного употребления кавычек сводятся в 4 группы: (I) кульминативная группа: кавычки служат для привлечения внимания читающего к данному слову или выражению; (II) переносная группа: выделяется слово или выражение, имеющее метафорическое, метонимическое значение, передающее сравнение; (III) модальная группа: кавычки передают иронию или отрицательное отношение говорящего к данному понятию; передают ощущение неточности или условности номинации; (IV) метаязыковая группа: кавычки выступают как способ оценки употребляемых языковых средств, обозначения чуждости средства стилистическому контексту или лексикону пишущего. Эта классификация является на сегодня наиболее полной, однако она требует уточнений. Список функций кавычек, предлагаемый в настоящей работе, с одной стороны, несколько уточняет и детализирует классификацию Б. С. Шварцкопфа, с другой — в нее включаются также и случаи обязательных кавычек; именно сведение воедино всех случаев употребления кавычек позволяет реконструировать инвариантное значение этого знака.

В книге [Розина 2005: 21—24] в разделе «Выражение оценки сленга говорящими» выделяются следующие функции кавычек (имеются в виду лишь случаи факультативного употребления кавычек):

1. Сленговая лексема используется впервые (по крайней мере, так считает автор текста) или она малоизвестна. Если слово продолжает употребляться, то кавычки исчезают (например, слово *ужастик* в значении ‘страшный фильм’).
2. Автор текста хочет выделить сленговую лексему как принадлежащую чужой речи (например, *прессовать* в значении ‘избивать’).
3. Функция сигнала, что слово употреблено в сленговом, а не в литературном значении (например, *командироваться* <у кого-то> в значении ‘временно жить’). В устной речи в этом случае используется эквивалент кавычек — выражение *брать в кавычки* (например: *Слово семья я беру в кавычки и под семьей имею в виду некоторых чиновников*).

Ниже предлагается список всех возможных функций кавычек (при этом некоторые из них могут совмещаться). Первые три случая представляют меньший интерес (поскольку здесь употребление кавычек менее семантически нагружено), они в данной статье подробно рассматриваться не будут⁵⁴.

⁵⁴ Заметим, что употребление кавычек является обязательным только в случае 1 (передача прямой речи); в современной прозе и это может нарушаться (см. [Потапова 2006]), но такое нарушение лишь подтверждает правило, так как оно само по себе используется как прием.

Итак, кавычки могут выполнять следующие функции:

1. Передача прямой речи.

2. Слово или словосочетание является названием литературных произведений, газет, журналов, предприятий, пароходов и т. п. [Правила 1956].

3. Слово или выражение употреблено в метаязыковой функции, т. е. для указания именно на это слово или выражение, а не на обозначаемый им предмет или понятие.

4. Отсылка к предтексту (т. е. к предшествующему употреблению данного слова или выражения в том же тексте тем же автором). Например:

- (3) Живет она неплохо, но это «*неплохо*», по всей видимости, покупается путем утомительной беготни и унизительной чепухи (Г. Эфрон. Т. 2. С. 320).

В примере (4) употребление кавычек при слове *отодвигание* обусловлено отсылкой к предтексту (ср. глагол *отодвигает* в первом предложении). Заметим, что кавычки здесь одновременно выполняют функцию 6.3 (маркируют созданное ad hoc слово).

- (4) У него есть своя линия. И то, что не его линия, он *отодвигает* от себя. Это как бы его не касается. [...]

И всегда уходит, отгораживается от такого человека. Он полагает его несуществующим. Это его форма нелюбви. Папа умеет не любить, не принимать, и «*отодвигание*» для него не механический, а, скорей, болезненный процесс (Д. Самойлов. Перебирая наши даты. М., 2000. С. 47).

5. Показатель «чужого слова».

5.1. Нейтральная отсылка (цитирование). Цитируемое выражение или высказывание может иметь определенного автора или трактоваться как принадлежащее какой-то категории людей; отсылка к автору может быть эксплицитной (ср.: *как говорит моя бабушка; как сейчас говорят*) или оставаться невыраженной. Ср.:

- (5) На ее фоне Люся осознавала, что живет хорошо. У нее, правда, умер муж. Но, как говорят в народе, она «*хорошо осталась*». При всех удобствах. Квартира, машина, дача, гараж. Плюс к тому подруга Нина и друг Фернандо. Фернандо, конечно, звезд с неба не хватает. Это не то, что муж. Но ведь и Люся не та, что была. Как любила говорить домработница Маня: «*Надо понизить критерий*» (В. Токарева. Полосатый надувной матрас);
- (6) Сегодня виделся с Бендерским — «*человеком, который достает билеты*» (Г. Эфрон. Т. 2. С. 323).

При помощи кавычек пишущий в той или иной мере дистанцируется от цитируемого выражения («это не я так говорю, это другие так говорят»); часто в такой роли выступает фразеологизм, ср.:

- (7) У меня — «*глаза завидующие*». Я просто болеваю, от зависти и голода, когда вижу людей, тащащих «*авоськи*», полные бубликов, булочек и прочих благ (Г. Эфрон. Т. 2. С. 232).

Иногда пишущий тут же «переводит» это чужое выражение на свой язык, ср.:

Для передачи названий / имен (литературных произведений, предприятий, пароходов и т. д.) может также применяться курсив или написание с большой буквы. При референции к слову вместо кавычек может использоваться (а в лингвистической литературе обычно именно так и делается) курсив, но само по себе выделение является обязательным. В случаях 4—7 употребление кавычек является факультативным в том смысле, что кавычки могут не ставиться, и никакого альтернативного способа маркирования выражаемых кавычками значений также не применяется.

- (8) Остается одно — ждать. Лежать сейчас, *«работать»* (*учиться*), когда выздоровлю, и надеяться всегда (Г. Эфрон. Т. 1. С. 15).

В примере (9) (из работы [Санников 2006: 428]) кавычки служат для маркирования не столько «чужого слова», сколько «чужого смысла»:

- (9) Поэтическая традиция — его надежная крепость. Гордый ее неприступностью, он, кажется, глубоко презирает все окружающее и не *«унижается»* до вылазок (В. Ходасевич. О новых стихах).

Как справедливо отмечает А. В. Санников, фраза *X не унижается до Y-а* предполагает, что или говорящий, или субъект X считает, что Y ниже его (X-а) достоинства.

То, что глагол *унижаться* может предполагать интерпретацию со стороны субъекта, а не говорящего, выходит на первый план, когда эти две интерпретации не совпадают. Такая разница может фиксироваться интонационно (с помощью специальной «интонации цитирования») или, на письме, графически, с помощью кавычек [Санников 2006: 427].

Иными словами, кавычки в (9) указывают на то, что говорящий сам не считает, что описанное действие является унижением: кавычки при слове *унижаться* указывают на «чужой смысл».

5.2. Оценочная отсылка. Сюда относится широкий спектр случаев; обозначим лишь некоторые наиболее важные точки в этой сфере.

5.2.1. Ирония, т. е. употребление слова в противоположном смысле. Таким кавычкам приблизительно соответствует значение выражения *в кавычках*; иногда оба средства используются одновременно, ср.:

- (10) А такая *«гуманная» в кавычках* система подготовки бойцов дзю-дзюцу, к сожалению, принята почти во всем мире [ruscorpora].

5.2.2. Близкий случай — «полемиические» кавычки, указывающие на то, что заключенное в них утверждение является, по мнению говорящего, ложным. Употребляя некоторое слово и при этом заключая его в кавычки, пишущий выражает свое несогласие с утверждением, ср.:

- (10) «В 1953 почти никто не признавал реальности» (Совсем уж глупенькими народ представляют. Признавали — десятки миллионов, да уже полегли, или языки закусил. *«Не признавали»* — кто был на элитарном содержании) (А. Солженицын. «Наши плюралисты»)⁵⁵.

Обратим внимание на то, что в авторском комментарии Солженицына слово *признавали* первый раз написано без кавычек, потому что оно выражает собственное утверждение (и убеждение) автора, а *не признавали* — в кавычках. Кавычки здесь — не столько показатель цитирования, сколько средство «разоблачения»: они передают (явно не выраженный) смысл: не признавали, потому что не хотели признавать или делали вид, что не признают (ср.: *Я вчера столкнулся с Иваном на улице, но он меня «не заметил»* — т. е. ‘сделал вид, что не заметил’).

Другой аналогичный пример:

- (11) Мы не разделяли распространенного заблуждения, что Сталин *«не знает»* об истинном положении и об излишнем усердии исполнителей (Д. Самойлов. Перебирая наши даты, М., 2000. С. 147).

⁵⁵ Данный пример приводится в статье [Шмелев 2006] в качестве иллюстрации использования скобок как маркера комментария цитируемого чужого высказывания.

Кавычки при *не знает* — это не только знак цитаты, но также и знак неприятия выражаемого данным словом утверждения.

5.2.3. Наконец, кавычки могут употребляться для указания на то, что данное выражение принадлежит чужой идеологии. Источником цитирования может быть определенный тип дискурса — то, что в [Шварцкопф 1967] называется «цитатой из чужого стиля (например, советский идеологический язык; жаргон определенной научной школы и т. п.); в этом случае кавычки являются знаком отсылки к этому типу дискурса, сигналом того, что слово употребляется как цитата из этого дискурса и одновременно знак дистанцирования от него говорящего. Например:

- (12) В борьбе за чистоту идеологии начальство всячески поощряло «*мужественных разоблачителей*», которые, «*невзирая на лица*», обнаруживали «*пережитки*» и остатки строй психологии у своих сослуживцев (Н. Мандельштам. Воспоминания. С. 110).

6. Показатель «своего смысла».

6.1. Существующее слово употреблено в конвенциональном значении, но говорящий как бы снимает с себя ответственность за данное слово (его точность и правомерность употребления в данном контексте). Функция таких кавычек состоит в том, чтобы создавать эффект, аналогичный эффекту слова *как бы* (см. об этом слове [Арутюнова 1996; 1997; Лаптева 2004]). Например:

- (13) Эти комментарии могут носить поясняющий, полемический или «*разоблачающий*» характер. Наличие таких комментариев в скобках создает эффект «*диалогичности*», когда наряду с голосом цитируемого автора звучит голос самого Солженицына (А. Д. Шмелев).

Кавычки при слове *разоблачающий* указывают на то, что это слово выражает несколько более «сильный» смысл, чем тот, который вкладывает в него автор в данном высказывании; кавычки при слове *диалогичность* означают, что данный термин употреблен несколько расширительно.

6.2. Пишущий употребляет существующее слово или выражение в неконвенциональном значении, и поэтому не может рассчитывать на то, что читающий его поймет; кавычки указывают читателю на то, что он должен искать нужный неконвенциональный смысл. Ср. фрагменты (а) и (в) в примере (14а):

- (14) Не без (а) «*помощи*» М. Бахтина Кристева создает свою концепцию (б) *семанализа* как модели (в) «*текстуального производства*» и разрабатывает теорию интертекстуальности (Энциклопедия постмодернизма).

Слово *помощь* взято в кавычки, потому что оно употреблено в неконвенциональном сдвинутом значении (*помощь* в словарном значении предполагает какие-то адресованные действия помогающего, а здесь имеется в виду эффект написанных им текстов); словосочетание *текстуальное производство* взято в кавычки, так как это термин, введенный одним автором и не ставший общепринятым; заметим, что слово *семанализ* (также термин, введенный Ю. Кристевой), употреблен без кавычек, так как его распространенность, по мнению автора, перешла необходимый для употребления кавычек порог.

В следующих примерах кавычки указывают на то, что пишущему представляется неконвенциональным переносное метафорическое значение глаголов *расцветать* и *чахнуть*, существительного *косяк*.

- (15) (а) И там, в Москве, все мои знакомства, мне кажется, будут *«расцветать»*, так как они сейчас *«чахнут»* из-за отдаления и расстояния с Москвой (Г. Эфрон. Т. 1. С. 16);
 (б) Основной *«костяк»* завтрашнего дня составляет вопрос о прописке (Г. Эфрон. Т. 2. С. 36).

Хотя слово *костяк* имеет в литературном языке переносное значение 'основа; то, на чем нечто держится, строится', но в сочетании *костяк дня* не употребляется. Это расширение обычной сочетаемости маркируется кавычками.

Другой тип употребления кавычек для выражения неконвенционального «своего смысла» — приблизительная анафорическая номинация ситуации, описанной в предтексте, ср.:

- (16) Человек пристал на Монпарнасском бульваре, идет с Алиной стороны. Я его отшиваю, не отстаю, обращаюсь к другому, тот, естественно, становится на сторону *«обидчика»* (М. Цветаева. Записные книжки. 26 сентября 1933).

6.3. Кавычками маркируется новое слово, созданное говорящим *ad hoc* в данном речевом (письменном) акте. Для бытовой письменной речи характерно употребление слов, не существующих в русском словаре, но потенциально возможных. Такого рода слова могут возникать по разным причинам — использоваться для заполнения словообразовательной лакуны (ср. (17)) или порождаться в целях языковой игры, ср. (18):

- (17) Конечно, я боюсь *«забрития»*, но надеюсь, что оно не настанет (Г. Эфрон. Дневники);
 (18) На ваше рождественское поздравление отвечаю пожеланием *сбычи мечт* [из частного письма].

В последнем примере кавычки отсутствуют, и таким образом достигается дополнительный эффект.

7. Пишущий хочет выделить данное слово или выражение (по разным причинам), сделать так, чтобы внимание читающего на нем задержалось. В этой функции используются также: в рукописном тексте — подчеркивание, в печатном — курсив, полужирный, разрядка или написание прописными буквами (т. е. любое средство выделения).

Итак, кавычки имеют две основные функции: показатель чужого слова (говорящий по тем или иным причинам использует в своей речи слово, которое он не считает «своим»); это может быть, в том числе, «чужое» значение обычного слова литературного языка, например, сленговое *рассекать* или *зажигать*) и показатель своего смысла: говорящий вкладывает в употребляемое слово в каком-то отношении нестандартный смысл; кавычки являются сигналом о том, что слушающий должен произвести некоторую операцию коррекции, чтобы правильно декодировать смысловое задание говорящего.

Инвариантное значение кавычек состоит в том, что употребление кавычек разрушает стандартное семиотическое отношение, которое по умолчанию реализуется говорящим (пишущим). Употребляя языковой знак (или построенное из знаков высказывание), человек нечто *говорит*, т. е. 'произнося некоторый текст хочет сделать доступным <для адресата> его смысл' [Зализняк 2000г]. Здесь имеется еще несколько важных смысловых компонентов, составляющих пресуппозицию. А именно, во-первых, что человек говорит то, что он сам думает или хочет сказать слушающему; во-вторых, что каждое употребленное им слово выражает нужный смысл (т. е. содержит все необходимые смысловые компоненты и не содержит никаких лишних).

Наконец, в-третьих, что говорящий употребляет все слова в тех значениях, которые ожидает в них найти слушающий. Соблюдение всех этих условий означает стандартный семиотический акт, осуществляемый путем говорения.

Наоборот, несоблюдение хотя бы какого-то одного из этих условий означает разрушение стандартного семиотического акта. Это разрушение — с той или иной стороны — и маркируют кавычки. Итак, кавычки являются показателем разрушения стандартного семиотического акта в письменной речи. При передаче чужой речи это разрушение происходит за счет невыполнения первого условия: говорящий говорит не то, что хочет сказать он сам, а то, что хочет сказать другое лицо. При употреблении названий («Новая газета») — за счет того, что говорящий не имеет в виду выразить смысл, соответствующий значению употребленного им словосочетания в русском языке. Метаязыковые кавычки указывают на то, что имеется в виду не значение, выражаемое данным словом (как в стандартном семиотическом акте), а само это слово, т. е. сочетание означающего с означаемым или даже только одно означающее. При употреблении в своей речи слов «чужого языка», а также при использовании кавычек для «снятия с себя ответственности» за употребляемый термин нарушается второе условие: используемое выражение содержит «лишние» смысловые компоненты. При употреблении слова в нестандартном (и при этом не выводимом из контекста) значении — третье. Кавычки, маркирующие авторский неологизм, являются знаком нарушения принципа, что употребленные в высказывании слова известны слушающему и т. д.

То обстоятельство, что «подрыв» стандартного семиотического акта, маркируемый кавычками, может происходить с разных сторон, и объясняет тот парадокс, с которого мы начали.

В связи с семантикой кавычек возникает целый ряд лингвистически интересных проблем, которые мы здесь только назовем.

1. Выявление закономерностей употребления разного типа кавычек в текстах разных жанров. А именно, следует различать как минимум следующие четыре: 1) художественная проза (разные жанры и эпохи); 2) научные тексты (разных наук); 3) публицистика; 4) «бытовые» тексты: дневники и письма (писателей и не писателей; среди последних: людей пишущих и не пишущих по роду своей профессиональной деятельности). Сразу можно сказать, что употребление факультативных кавычек вовсе нехарактерно для художественной литературы (за исключением типа 5.1, ср. пример (5)); что касается остальных трех жанров, то очевидно, что употребление кавычек очень различается у разных авторов и является одной из составляющих индивидуального стиля.

2. Соотношение, в пределах письменного текста, функции кавычек и метаязыковых выражений *в кавычках*, *брать в кавычки* и т. п. (ср. [Шварцкопф 1997; Розина 2005: 24—26]), а также таких выражений, как *так называемый*, *так сказать*, *как говорится*, *что называется* (ср.: «...и цветом лица что называется геморроидальным» Гоголь. Шинель). Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении семантики кавычек и слова *как бы*.

3. Соотношение кавычек с курсивом и другими средствами выделения фрагментов текста (ср. [Баранов 2008; Михеев 2010]).

4. Что соответствует орфографическому знаку кавычек в устной речи? (Очевидно, вышеупомянутые лексические средства, а также интонация и заимствованный из «западной» культуры специальный жест.) Насколько это соответствие точно?

8. ТЕКСТЫ А. ПЛАТОНОВА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

Язык Андрея Платонова представляет собой удивительный феномен. Одна из его выдающихся особенностей состоит в том, что этот язык одновременно абсолютно узнаваем и абсолютно неимитируем. Действительно, практически любая фраза из произведений Платонова (я имею в виду художественную прозу 20—30-х годов) безошибочно опознается как принадлежащая этому автору. Однако попытки имитации особенностей его стиля обычно оказываются неудачными (мне, по крайней мере, удачные неизвестны). Так, например, сконструированные Т. Б. Радбилем фразы *Дай мне прозрачную жидкость, предназначенную для питья*; *Человек сел на среднюю часть спины лошади* в качестве образцов языка Платонова [Радбиль 2007: 281], на мой взгляд, таковыми никак служить не могут: именно Платонов так никогда бы не сказал. Заметим, что в нашумевшем в свое время сборнике пародий «Парнас дыбом» (см. [Паперная, Розенберг, Финкель 1927/1990]), задуманном как своего рода исследование стиля разных писателей (от Гомера до Окуджавы), пародии на Платонова нет — хотя особенность его языка настолько бросается в глаза, что, казалось бы, идея пародии напрашивается сама собой⁵⁶.

Другой не менее удивительной особенностью языка Платонова является его понятность⁵⁷. Более того, эта понятность оказывается ловушкой: у читателя создается впечатление, что для того, чтобы говорить на языке и быть понятным, вовсе не нужно соблюдать правила. Это, конечно же, обман. Но именно по этому ложному следу направляет Платонов тех исследователей, которые трактуют его язык как «язык мысли», «язык смысла», «праязык», дологический, внелогический, мифологический и

* Впервые опубликовано: [Зализняк 2008а].

⁵⁶ Однако «чисто платоновские» выражения встречаются у других авторов, порой весьма неожиданным образом. Приведу два примера. Первый: «Лидя кричала, что ему, старику, следует думать о своей науке, а не о паршивых девицах, ...что она поражена *низменными уклонами* своего отца» (М. Зощенко. Возвращенная молодость). Здесь ненормативное словосочетание *низменные уклоны* возникло из «наложения» стандартного *низменные наклонности* и актуального в ту эпоху слова *уклон* (в политическом смысле). Второй пример: «Вы в работе должны показывать *весь ум своего мышления*» (из пародированной речи советского начальника в повести Владимира Кантора «Крокодил»).

⁵⁷ Ср.: «Несмотря на то, что язык Платонова значительно отличается от обычного, мы не испытываем затруднений при его восприятии» [Дмитровская 1990: 108]; «Вся прелесть этих фраз и в их абсолютной смысловой понятности» [Стернин 1999: 154].

т. д. язык, не различающий никаких категорий (которые различает обычный язык), не имеющий никаких презумпций и т. д. Это ложное впечатление — хотя, возможно, именно оно и входит в *intentio auctoris* (я имею в виду трихотомию Умберто Эко «*intentio auctoris — intentio operis — intentio lectoris*» [Есо 1990], к которой я еще вернусь).

Впечатление от текстов А. Платонова очень точно, на мой взгляд, описал Ю. И. Левин, который начинает свою статью «От синтаксиса к смыслу и далее» (остающуюся до сих пор непревзойденной по тонкости и глубине лингвистического анализа обсуждаемого феномена) так: «Эта статья возникла как результат изумления перед повестью А. Платонова «Котлован» — поразительным единством ее «формы» (языка и стиля) и «содержания», единством, необычным для прозы и, как представляется, достижимым только в поэзии. Единство это столь велико, что, кажется, потянешь за любую ниточку (начать ли с эпитетов, или с каких-либо синтаксических особенностей, или, напротив, с какого-либо мотива или семантического поля) — и вытянешь все» [Левин 1990/1995: 392]. «Единство формы и содержания» в текстах Платонова, действительно, столь велико, что занимаясь *синтаксисом*, исследователь, сам того не замечая, переходит к *смыслу* и — *далее*. Именно этому «далее» (т. е. онтологии и мифологии его поэтического мира) и посвящена фактически вся литература о Платонове, — которая на сегодня уже практически необозрима.

Цель настоящей работы иная. Она состоит всего лишь в обнаружении и описании тех правил русского языка, которые язык Платонова нарушает (ср. сходную постановку задачи в [Падучева 2007]). Дело в том, что эти правила иногда оказываются столь тонкими и сложно формулируемыми, что без помощи Платонова мы, возможно, никогда бы и не догадались об их существовании. Приведу пока только два примера. Первый: *мужик ложился вниз и как можно скорее плакал* (К)⁵⁸. Здесь причина аномальности состоит в том, что глагол *плакать* не является видовым коррелятом к *заплакать*, поскольку не может заменять глагол *заплакать* в контексте обязательной имперфективации (см. [Зализняк, Шмелев 2001]), в данном случае — итеративном, ср. допустимое, например, *...ложился вниз и как можно скорее засыпал*. Если бы глагол *плакать* был видовым коррелятом для *заплакать*, то он обладал бы, в частности, и способностью этого глагола приобретать необходимую в данном контексте сему контролируемости — как происходит, например, в случае с глаголом *засыпать*, который, будучи коррелятом к *заснуть*, с той же легкостью приобретает под влиянием контекста дополнительную сему сознательного приложения усилий. При этом следует добавить, что видовая коррелятивность глагола *заплакать* составляет определенную проблему для русской аспектологии, и цитированный выше пример из «Котлована» является важным аргументом в пользу непарности этого глагола.

Второй пример: *тицетно и смутно было вокруг*. Не говоря о том, что значение этого выражения абсолютно понятно несмотря на его абсолютную аномальность, здесь обращает на себя внимание следующее обстоятельство, касающееся слова *вокруг*. Что *вокруг* не может быть *тицетно* и *смутно*, не вызывает ни сомнения, ни удивления (*смутно* бывает только *на душе*, и то это несколько сдвинутое употребление, а *тицетно* даже и на душе, строго говоря, быть не может). Можно сказать: *здесь тоскливо; здесь скучно*, но нельзя **Вокруг тоскливо, *Вокруг скучно*. Однако при ближайшем

⁵⁸ При отсылке к произведениям Платонова используются следующие сокращения: К — «Котлован», Ч — «Чевенгур», В — «Возвращение».

рассмотрении оказывается, что *вокруг* не может быть также, например, *холодно* или *жарко*. Т. е. слово *вокруг* привносит дополнительную составляющую физического пространства, которой нет в *здесь*. Таким образом, *вокруг* не может быть *никак* в смысле внутреннего состояния (в том числе физического), а может быть только *так*, как человек воспринимает свойства окружающего его пространства (что, заметим, в точности соответствует внутренней форме), ср.: *вокруг было пусто, темно, светло, полно народу, безлюдно, тихо, красиво, спокойно, шумно* и т. п.⁵⁹ Здесь напрашивается вывод о том, что внешнее по отношению к человеку пространство оказывается, в мире Платонова, внутри человека, — но он уже сделан исследователями. Можно считать, что употребление слова *вокруг* подтверждает этот вывод, но меня в данном случае интересует значение самого этого слова в русском языке: то, что *вокруг* обозначает лишь зрением или слухом воспринимаемое пространство — это неожиданный, на мой взгляд, результат.

Итак, в данной работе ставится нетрадиционная для платоноведения задача: не «в мир Платонова через его язык» (ср. название книги [Михеев 2003], а также, например, статьи [Левин 1990], книгу [Dhooge 2007]), а в некотором смысле наоборот, «в мир русского языка через язык Платонова». Другими словами, я хочу обратить внимание лингвистов на то, что язык Платонова — это бесценный источник сведений об устройстве русского языка. (С другой стороны, как мне представляется, более точное знание того, какие именно правила русского языка язык Платонова нарушает, существенно и для исследователей его поэтического мира.)

Все, о чем будет идти речь, не выходит за пределы *intentio operis*. Предлагаемая мною модель исходит из того, что язык Платонова, это не «недо-язык» ни в каком из перечисленных выше смыслов, а что это артефакт, *Kunststück*, созданный (насколько намеренно, осознанно и т. д. — не имеет никакого значения, как я уже сказала, проблематика *intentio auctoris* вообще выводится за рамки рассмотрения) при помощи множества нарушений языковых правил и конвенций разного типа, т. е. он является вторичным, производным по отношению к стандартному русскому языку. Итак, моя задача — лишь описать эти правила и конвенции. Ставится также и следующая естественно возникающая задача: каков семантический эффект этого нарушения? Речь идет лишь о тех семантических эффектах, которые «вычисляются» на основании нашего знания русской грамматики и семантики; смыслы, которые могут быть извлечены исследователем лишь на основании его представления об устройстве поэтического мира данного автора мы в данной работе не будем принимать во внимание (и даже не потому, что на эту тему написано так много, что вряд ли можно что-то существенное добавить, а потому что это совершенно другая задача). А анализ «техники» платоновского языка, как это ни странно, до сих пор не осуществлен.

Среди работ, посвященных собственно языку Платонова, назову три статьи, в которых производится убедительный собственно лингвистический анализ — [Левин 1990; Кобозева, Лауфер 1990; Бобрик 1995], а также две книги: [Dhooge 2007] и особенно [Цветков 1983], которая содержит, по-видимому, наиболее пронизательный анализ механизмов платоновских языковых нарушений. Вообще надо сказать (и это обстоятельство послужило одним из стимулов написания данной статьи), что чтение литературы о Платонове поражает, с одной стороны, тем, насколько про-

⁵⁹ Я здесь обобщаю данные Национального корпуса русского языка.

и з в о л ь н о толкуются его «нестандартные словосочетания» и, с другой стороны, насколько предлагаемые толкования иногда оказываются менее понятны, чем само толкуемое выражение. Первое обстоятельство легко объясняется в рамках рецептивной поэтики (согласно которой любое художественное произведение является «открытым» — в том смысле, что читатель имеет не меньше прав на интерпретацию текста, чем создавший его автор, ср. категорию *intentio lectoris*). Что касается второго, то в какой-то степени оно объясняется известным принципом о том, что «сложное понятней им» — который, переведя на язык науки, можно переформулировать примерно таким образом, что имплицитность некоторой части обрабатываемой информации есть ингерентное свойство того вида человеческой когнитивной деятельности, которая осуществляется при помощи языка и результаты которой до какой-то степени в нем отражены. «Вытаскивая наружу» смыслы, присутствующие в выражении в неявном виде, мы неизбежно искажаем тот объект, который мы исследуем. Другими словами, некоторые вещи в принципе нельзя выразить явно: их можно только «имплицитировать»⁶⁰.

В работе [Зализняк, Левонтина 1996] уже высказывалась мысль о том, что степень имплицитности выражения некоторого смысла в семантической структуре слова является неотъемлемой частью его значения, и в силу этого и переводной эквивалент, в котором степень имплицитности тех же смысловых компонентов иная, и перифраза на каком-либо языке (в том числе семантическом, т. е. толкование), эксплицирующая как все содержащиеся в слове семантические компоненты, так и их коммуникативный статус, — *ipso facto* искажают значение толкуемого слова. Высказанный пессимизм относительно возможностей аппарата толкования никак не означает, естественно, что от него надо отказаться (просто эту ограниченность следует осознать).

Впрочем, целью настоящей работы и не является толкование. Цель, как уже говорилось, состоит в том, чтобы предложить научному сообществу взгляд на язык Платонова как на источник сведений о русском языке.

Начну с очень существенной оговорки, касающейся выражения *язык Платонова*. Как мне кажется, здесь имеется одно недоразумение, связанное с тем, что слово *язык* в основном значении (*русский, английский* и т. д. *язык*) и в значении, реализующемся в конструкции *язык Пушкина, Шекспира, Платонова* и т. д. обозначает объекты различного семиотического типа. Это обстоятельство имеет ряд важных следствий; например, только от слова *язык* в первом значении образуется прилагательное *языковой*, и только по отношению к нему осмысленно сочетание *языковая концептуализация*. Говоря о языковой концептуализации, обычно имеют в виду то обстоятельство, что в словах и конструкциях естественного языка отражен определенный способ видения мира, отдельных его фрагментов и свойств. Субъектом этой концептуализации является, в некотором смысле, сам язык — а именно, в том смысле, что естественный язык существует «сам по себе» и функционирует не контролируемым человеком образом. С другой стороны, язык является «субъектом» в том смысле, что он «навязывает» заложенную в нем концептуализацию мира говорящим на этом языке (которые, сами того не замечая, принимают некоторые представления о мире как сами собой разумеющиеся лишь в силу того, что они пользуются данным языком — ср. главы III и IV).

⁶⁰ Поэтому толкование довольно часто оказывается менее понятно, чем толкуемое выражение, и тому есть достаточно серьезные причины (см. обсуждение этой проблемы в разделе I.1.1.3).

Объект, обозначаемый как *язык Платонова*, совсем другого рода. Прежде всего, это артефакт. И специфический способ концептуализации мира, из него нами извлекаемый, принадлежит не языку, а человеку, его создавшему. Тем самым это совокупность смыслов определенного типа, созданная одним человеком определенным способом; это можно назвать «концептуализацией Платонова»; его «поэтическим миром» или просто «миром», но это не есть «языковая концептуализация».

Мы будем исходить из того, что константы поэтического мира Платонова в целом уже установлены и описаны (см. [Левин 1990; Дмитровская 1990; Меерсон 1997; Михеев 2003] и др.) и обратимся к выявлению и систематизации приемов, при помощи которых этот мир создается. Результаты этого анализа, в частности, дадут ценный материал для разработки категорий семантической разметки Национального корпуса русского языка (см. об этой задаче [Кустова и др. 2005], а также раздел IV в книге НКРЯ-2009), так как наиболее значительная часть аномалий возникает за счет нарушения требований, касающихся категориальных свойств актантов.

Мы не будем останавливаться на классификации типов аномалий у Платонова (см. об этом, в частности, [Радбильт 2006; Падучева 2007; Dhooge 2007]) и ограничимся лишь сочетаемостными аномалиями в широком смысле. Специально обратим внимание на то, что у Платонова практически нет неологизмов — что отличает его от большинства других языковых экспериментаторов той эпохи.

В языке Платонова имеется несколько механизмов, порождающих сочетаемостные аномалии (некоторые из них могут действовать одновременно):

- (1) **подстановка** (вместо некоторого слова его синонима), и это основной механизм, определяющий облик платоновского языка⁶¹;
- (2) **склеивание двух конструкций** в одну;
- (3) **анаколуф** (или **силленис**: когда одно слово употреблено сразу в двух значениях, потому что оно связано с двумя словами, которые требуют двух разных значений, типа *шел дождь и два студента*, но гораздо тоньше; иногда это вообще почти незаметно, как в *проехали с любовью, сожалею, с песнями и вином* (В));
- (4) **рассогласование категориальных признаков** слов синтаксически связанных слов;
- (5) **ресемантизация идиом** (ср.: *он стал мне близким* (В) вместо стандартного *мы стали близки*).

Механизм **подстановки** состоит в следующем. Некоторые два слова могут быть в каком-то типе контекстов (квази)синонимичны и до какой-то степени взаимозаменяемы; ср. *разлука* и *расставание*: *перед разлукой они обнялись* и *перед расставанием они обнялись*⁶². Однако в других контекстах в стандартном русском языке употребляется только одно из двух этих слов, так, можно сказать *три года они жили в разлуке*, но нельзя **три года они жили в расставании*. А Платонов именно так и говорит. Иными словами, на основании того, что некоторое слово может быть заменено на свой синоним в некотором одном контексте, оно заменяется на этот синоним в другом, в котором оно в стандартном русском языке употреблено быть не может (при этом допускается еще и синтаксическая деривация, по Куриловичу, и некоторые другие типы трансформаций). В этом и состоит прием подстановки. Так, словосочетание *разлука с жизнью* возникает из стандартного сочетания *растаться с жизнью* в результате

⁶¹ Этот прием был впервые выявлен и описан А. П. Цветковым [Цветков 1983]. Ср. также операцию «замены» в [Кобозева, Лауфер 1990].

⁶² О значении слова *разлука* в отличие от *расставание* см. [Зализняк, Левонтина 1997].

применения двух операций: 1) синтаксической деривации (*расстаться* → *расставание*) и 2) замены одного синонима другим (*разлука* вместо *расставание*). При этом в качестве инструмента создания нового смысла используется именно тот «довесок», который различает квазисинонимы.

Другой пример: *давно не находился в реке* (Ч). Сочетание *быть в* синонимично *находиться в* определенном круге контекстов, ср.: *Его жена в тот момент была за границей* = *находилась за границей*; *Я никогда не был в столь дурацком положении* = *никогда не находился в столь дурацком положении* и т. п. Однако, например, в предложении *Она никогда не была за границей* заменить *быть* на *находиться* никак нельзя (а Платонов именно это и делает). Все это наводит на размышления об особенностях семантики и порождаемых ею ограничениях сочетаемости глагола *находиться*: утверждения о том, что *находиться* — «абстрактный» предикат и требует «абстрактной локализации» явно недостаточно, здесь необходим гораздо более тонкий анализ.

Прием *склеивания* конструкций очень близок к подстановке; собственно, он отличается от нее лишь тем, что замещенный квазисиноним сохраняет свой «след» в виде модели управления, несвойственной реально присутствующему в тексте слову-заместителю. Например: *стал заботиться над разведением костра* (К). Здесь «склеены» две конструкции: *трудиться над чем-то* и *заботиться о чем-то* (опущенное *трудиться* оставило по себе «след» в форме управления *над чем-то*)⁶³.

Другой пример: *ему никто не возражал здесь находиться* (К). Глагол *возражать* имеет модель управления <против чего-то> или <чтобы кто-то что-то сделал>; инфинитивом этот глагол не управляет. Замещенный глагол, управляющий инфинитивом, мог быть, например, *запрещать* <кому-то что-то делать> или какой-то другой глагол, управляющий сочетанием <дат. + инф.> (например, *препятствовать, не давать*); строго говоря, в данном случае (и таких много) у нас нет оснований восстановить именно тот, а не другой глагол; т. е. здесь достаточно некоторой абстракции «семантика + модель управления» в духе книги [Апресян 1967].

Интересен следующий пример, где видна «техника» процедуры «склеивания», так как он представляет собой некий ее промежуточный результат: *чтобы не вспоминать и не мучиться о матери* (Ч). «Окончательный» результат был бы: *чтобы не мучиться о матери*, где слово *мучиться* возьмет себе валентности вытесненного им *вспоминать* (и именно таких примеров у Платонова очень много, ср.: *я вдалеке томился о них* (К), т. е. *думал о них + томился*, ср. также выше).

Частный случай склеивания представляют собой примеры типа *горевал головой в ладони* (где «склеиваемые» элементы — не квазисинонимы, а метонимически связанные концепты; здесь также одно из двух слов опускается, оставляя по себе «след» в виде зависимого компонента *в ладони*)⁶⁴. На факт наличия «склеивания» указывает именно нарушение сочетаемости, которое может быть как совершенно очевидным, так и весьма тонким, ср. аномальность не только у *него уже загодя болел живот* (К), где речь идет о неконтролируемой ситуации, но и *присутствовали на собрании уже*

⁶³ Ср. также пример «совмещения синонимов» из [Кобозева, Лауфер 1990: 131]: *думается разное в голову* (совмещены *думать* и *приходить в голову*).

⁶⁴ Пример из статьи [Кобозева, Лауфер 1990: 129], где такие случаи называются «двойной категоризацией»; ср. другие примеры: *пристально интересуюсь рыцарем* (т. е. «пристально глядела, интересуюсь»); *истребил ее [записку] на четыре части* (т. е. «истребил, разорвав»).

загодя: *загодя*, как и *заранее*, можно лишь совершить контролируемое действие (ср. [Левонтина 2004]), т. е. например, прийти, но не находиться в помещении.

Во всех таких случаях из взаимодействия двух участвующих в игре языковых единиц обычно возникает некий новый, третий смысл, иногда трудноопределимый и трудноуловимый (ради которого и применяется прием). Данное явление, само по себе весьма интересное, находится, однако, за пределами основного сюжета данной работы, поэтому мы на нем здесь останавливаться не будем.

Наибольший интерес для исследователя русского языка представляют случаи анаколуфа (которые поставляют материал для уточнения существующего разграничения лексических значений) и случаи рассогласования категориальных признаков, которые выявляют ограничения сочетаемости, иногда весьма нетривиальные.

Приведем некоторые примеры рассогласования категориальных свойств элементов словосочетания. Так, во фразе *пошел в этот город жить* (К) оно состоит в том, что *жить* — глагол, значение которого локализуется в сверхдолгих интервалах, а *пойти* в конструкции с целевым инфинитивом предполагает конкретное единичное действие. Соответственно, можно сказать *пошел ночевать к приятелю*, можно *переехал в этот город*, а *пошел в этот город жить* — нельзя.

Другой пример: *дошел до конца города*. Категориальное нарушение здесь состоит в том, что у *города* нет *конца*: согласно той концептуализации мира, которая закреплена в русском языке, *деревня* — это такой «длинный» объект, у которого есть конец (поэтому можно *дойти до конца деревни*), а *город* — это «круглый» объект, у которого конца нет (ср. [Рахилина 2000б: 247]; *дошел до конца города* — неправильная русская фраза. При этом, с одной стороны, можно сказать *Здесь город кончается, начинаются поля*⁶⁵; с другой стороны, *на другом конце города, в разных концах города, изъездить город из конца в конец* и т. п. (где слово *конец* выступает в ином значении). Эти конструкции поддерживают допустимость сочетания *дошел до конца города*, хотя и не снимают его аномальности (которая порождает нужные для построения поэтического мира смыслы: ассоциацию с *концом света*, с *Urbi et Orbi*, и т. д. — но это уже другой сюжет).

Этот список может и должен быть продолжен: язык Платонова как лингвистический источник ждет своего использования.

⁶⁵ Ср. также дорожный знак, обозначающий «конец населенного пункта», — который подтверждает, что запрет на словосочетание *конец города* обусловлен именно языковой концептуализацией.

9. ДНЕВНИК: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЖАНРА *

9.1. ДНЕВНИКОВОДЫ, ДНЕВНИКОВЕДЫ И ПОСТМОДЕРНИЗМ

Широко известно высказывание Ахматовой: «Самое скучное на свете — чужие сны и чужой блуд»⁶⁶. Оно замечательно в разных отношениях (в частности, в отношении выбора в данном контексте слова *блуд*), но главная его сила, очевидно, заключена в слове *скучно*. Что обсуждать «чужой блуд» не что-нибудь, а *скучно* — это своего рода вызов обывательскому представлению, что обсуждать чужие интимные обстоятельства — это, конечно, несколько стыдно, но уж безусловно интересно. Высказывание Ахматовой хотя и вошло в русский культурный текст, но не изменило отношения к вышеупомянутому обсуждению: люди в общем продолжают считать это занятие очень интересным и не очень приличным⁶⁷. Однако, как оказалось, в рамках научного дискурса обсуждать «чужой блуд» — не только не скучно (как считает Ахматова), но и нисколько не зазорно (как считают остальные люди), и причем наука эта оказалась — не психология и не физиология, а филология. Почему — вполне понятно: людям свойственно про свой «блуд» не только рассказывать, но и писать (например, в дневнике), а любое написанное слово может стать объектом приложения любви к оному, т. е. *филологии*. Здесь возразить как будто нечего, и все же словосочетание «международный проект по изучению интимности»⁶⁸ чем-то напоминает название фирмы из одного из русских романов-подражаний «Гарри Поттеру»: «Носки секонд-хэнд». *Носков секонд-хэнд* не бывает — хотя бы потому, что тогда это уже будут не носки, а перчатки; так же как интимность, выставляемая на обсуждение, это уже не интимность, а публичность, ср. выражение *публичный дом*⁶⁹. Впрочем, если согласиться с мнением М. А. Кронгауза [2009], именно выражение *публичная интимность* является ключевым словом происходящей на наших глазах «коммуникативной революции» и обнаруживающей себя в феномене сетевого дневника.

* Впервые опубликовано: [Зализняк 2010б].

⁶⁶ Оно цитируется, в частности, в книге: *Найман А. Г.* Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Вагриус, 1999. С. 11.

⁶⁷ Ср.: «Читать чужие дневники, как и чужие письма, немного стыдно, но потрясающе» (из аннотации к книге: *Катя Метелица.* Дневник Луизы Ложкиной. М.: Этерна, 2008).

⁶⁸ См.: <http://homepages.uni-tuebingen.de/schamma.schahadat/Intimitaetsprojekt/projekt.html>

⁶⁹ О взаимозависимости понятий *интимности* и *публичности* и о культурной обусловленности границы между ними см. [Захарьин 2005; Lachman 2005]. История термина *интимность* (в том числе происхождение самого слова), а также его соотношение с термином *приватность* (ср. англ. *privacy*), представляет предмет отдельного исследования, которое выходит за рамки настоящей статьи (см. на эту тему: [Luckmann 1976; Кронгауз 2009; Ларина 2009: 70—77]).

И все же в некотором смысле изучение дневников как научная дисциплина — это «носки секонд-хэнд». Потому что дневник — это текст, который пишется не для публикации (я имею в виду «настоящий» дневник, а не дневник как жанр художественной литературы, см. об этом ниже); опубликованный дневник — уже нарушает границы жанра. Тем самым объектом исследования оказывается весьма специфический с семиотической точки зрения феномен. Опубликование своих интимных, в том числе морально осуждаемых, движений души *в литературной форме* имеет, безусловно, достаточно давнюю традицию — ср. «Исповедь» Блаженного Августина или Руссо — но это не есть *дневник*.

Так или иначе, последние два десятилетия характеризуются необычайно возросшим интересом к исследованию «автодокументальных» текстов вообще и дневников в частности⁷⁰. Появилось даже слово *дневниковедение*, означающее область филологии, в какой-то степени отдельную от изучения близких жанров: автобиографий, мемуаров и писем. Имея в виду практику ведения сетевых журналов — возникшую относительно недавно и необычайно широко распространившуюся и, очевидно, также повлиявшую на развитие дневниковедения как область исследований, — будет не большим преувеличением сказать, что в современном мире люди почти без остатка делятся на *дневниководов* и *дневниковедов*⁷¹.

Надо сказать, что сегодняшний взрыв интереса к дневникам стимулирован не только устранением разного рода преград, делавших их ранее недоступными для изучения. Дело еще в том, что сами эти тексты идеально встраиваются в постмодернистскую эстетическую парадигму. Исследователи уже обращали внимание на близость к принципам постмодернизма «семантических доминант» текста интернет-дневников (см. [Сидорова 2006: 60—61]). Некоторые из них — в частности, фрагментарность, нелинейность, нарушение причинно-следственных связей, интертекстуальность, авторефлексия, смешение документального и художественного, факта и стиля, принципиальная незавершенность и отсутствие единого замысла (ср. [Сметанина 2002: 87])⁷² — характерны также и для «обычных», не сетевых дневников. Приведу в этой

⁷⁰ См., в частности: [Радзиевская 1988; 2005; Пигров 1998; Савкина 2001; 2008; 2009; Егоров 2002; 2003; Кобрин 2003; Вьолле, Гречаная 2006; Михеев 2007; Lejeune 1989; 2000; Nussbaum 1988; Culley 1998; Paperno 2009].

⁷¹ Не могу не упомянуть в этой связи то плачевное обстоятельство, что по данным Интернета для обозначения человека, *ведущего дневник*, не меньше половины людей, этот сюжет обсуждающих, используют слово *дневниковед* (sic!). Ср.: *Не получается из меня дневниковед. Не могу писать в день по строчке...* [из Web-дневника]. Более того, такое словоупотребление встречается и среди исследователей. Возможно, причиной этой ошибки является двусмысленность существительного *дневниковедение* в его орфографической форме, не различающей ударения (впрочем, с каким ударением его реально произносят пишущие, трудно сказать): в Интернете оно встречается преимущественно в значении 'ведение Web-дневника' (ср.: *Всем привет! Продолжаем дневниковедение. Вчера, 13 октября, команда КВН «Полиграф Полиграфич»...*); см. также сайт: http://www.dnevnikovedenie.ru/opredelenie_dnevnika/html/.

⁷² Замечу, что сходную характеристику у другого автора получает само дискурсивное пространство Интернета, ср.: «...грамматика гипертекстовых ссылок и связей точнее отражает *натуральный* процесс мысли и восприятия, для которого как раз характерны перебивы, отсылки, отступления, варианты, фрактальность...» [Друк 2009: 815]. Тем самым оказывается, что дневник в пространстве Интернета не потерял, а наоборот, реализовал во всей полноте по крайней мере одну из своих функций — когнитивную (о коммуникативной функции сетевого дневника см. ниже).

связи следующее высказывание Ирины Савкиной по поводу книги Михаила Михеева «Дневник как эго-текст» [Михеев 2007]:

...дневниководы оказывают очевидное «давление» на *дневниковедов*; дневниковый дискурс влияет на исследовательский, и слова автора монографии «...мне кажется, именно это следовало бы признать для дневникового жанра чуть ли не самым существенным, характерным и определяющим — его одновременные несвязность, фрагментарность и избыточность, с повторами одного и того же» (с. 15) — в некотором смысле можно назвать самохарактеристикой [Савкина 2008: 288—289].

Добавлю к этому, что все перечисленные свойства дневниково-дневниковедческого дискурса обладают безусловной *эстетической ценностью* в глазах дневниковеда-постмодерниста, а сам факт сближения дневникового дискурса с дневниковедческим отвечает установке на семиотическое равенство всех текстов перед лицом их читателей (они же — авторы с маленькой буквы). Связь дневниковедения с эстетическими принципами постмодернизма обнаруживается и в других отношениях, в частности, в апологии маргинального (ср., например, проблематику конференций «Маргиналии-2008» и «Маргиналии-2010») ⁷³. Кроме того, дневниковый текст, по преимуществу рукописный, часто содержит вымаранные, а также по тем или иным причинам неразборчиво написанные фрагменты, что само по себе как нельзя лучше соответствует принципам «открытого произведения» (по Умберто Эко), так как предоставляет возможности разных прочтений даже в буквальном смысле ⁷⁴. Упомянем в этой связи валоризацию пометы «нрзб.», использованной дважды разными авторами в качестве названия для своей книги — А. К. Жолковским и С. Гандлевским ⁷⁵.

Заключая раздел о постмодернизме, замечу, что в рамках традиционной эпистемологии дневник может изучаться для разных целей и, соответственно, разными науками. А именно, эти цели и области знания могут быть следующие:

1. Извлечение фактов *биографии пишущего*: особенности его личности, факты его внешней и внутренней жизни, отношения с другими людьми и т. д. Обычно с этой точки зрения изучаются дневники известных, чем-то выдающихся людей — писателей, художников, музыкантов, ученых, политических деятелей и т. д. Условно обозначим эту область знаний «жизнь замечательных людей». Если «замечательным человеком» оказался писатель (но только в этом случае), то это можно отнести также к литературоведению (ср. понятие «биографическое литературоведение»).

⁷³ Тезисы этих конференций см. на сайте: http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/ind_conf_m.htm.

⁷⁴ Несколько лет назад я получила по электронной почте циркулярное письмо от В. П. Руднева, в котором, в частности, говорилось, что «постмодернизм как научная парадигма себя исчерпал» и что пора вернуться «к отечественной структурно-семиотической модели научного знания, к возрождению русской гуманитарной междисциплинарной науки, к Тартуско-Московской школе» (т. е. в каком-то смысле речь шла о возрождении серии «Трудов по знаковым системам»). Это письмо меня порадовало, хотя, по-видимому, известный теоретик постмодернизма в данном случае ошибся: сегодня данное направление мысли безусловно сохраняет (и возможно даже еще более укрепляет) власть над умами, и эта власть распространяется далеко за пределы принципов поэтики (ср.: *Зализняк А. А.* «Что такое любительская лингвистика?» Лекция, прочитанная в Политехническом музее 28 мая 2010: <http://www.polit.ru/lectures/2010/07/01/zaliziak.html>).

⁷⁵ В своем интервью для Российской газеты (24 авг. 2005 г.) А. К. Жолковский сказал, что это название было у него «похищено» С. Гандлевским; *похищают*, очевидно, лишь ценные вещи.

2. Извлечение сведений, касающихся упоминаемых в дневнике *реальных людей, событий и обстоятельств*. Для этого могут быть использованы дневники любых авторов; область знания — история.

3. Извлечение сведений, касающихся *устройства человеческого сознания*: механизмов работы памяти, рефлексии, оценки, эмоций, мышления, вербализации опыта, творческой деятельности и т. д. Область знаний — психология.

4. Изучение дневника как *типа коммуникативной деятельности и типа текста*. Это задача лингвистики и отчасти литературоведения (в частности, нарратологии, находящейся на их стыке), а также семиотики и культурологии.

Соответственно, объектом изучения могут быть: сам человек, написавший данный дневник; описываемые им обстоятельства; человек вообще; сам данный текст (с разных точек зрения). Обратим внимание, что лишь для последней задачи дневник является не *источником* сведений об интересующем исследователя объекте, а непосредственным *объектом исследования*⁷⁶. В рамках этой задачи выполнено и настоящее исследование.

9.2. ФИГУРА АДРЕСАТА

Не имея в виду обсуждать историю вопроса, я буду исходить из того, что категория *жанра* формируется *конвенциями отношений с адресатом*, которые принимает на себя пишущий в данном произведении⁷⁷.

Кто же является адресатом дневника?

Человек пишет дневник, имея *адресатом*, очевидно, самого себя, т. е. обращаясь к самому себе. Как говорит Ю. М. Лотман,

[...] и в целом ряде других случаев мы имеем передачу сообщения от «Я» к «Я». Это все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит [Лотман 2000: 164].

Именно потому, что непосредственным адресатом дневника является его автор, дневник — это *интимный* текст, и *показать* кому-то свой дневник означает допустить этого человека в свою *интимную сферу*. Смысл акта «дать прочесть» свой дневник, доверительность, проявляющаяся в этом поступке, именно из того и проистекает, что человек читает *не ему адресованные* строки⁷⁸. Это же обстоятельство определяет эффект от чтения опубликованных дневников, как будто никак не санкционированное автором. Однако в общем случае ситуация все же не столь однозначна.

⁷⁶ Ср. замечание И. Савкиной о том, что женские автодокументальные тексты практически никогда не становились предметом научного интереса сами по себе, а не в качестве исторических или литературных источников для биографий «знаменитых мужчин» [Савкина 2001: 16]. Пионерской в области изучения дневниковых текстов *самих по себе* является работа [Радзиевская 1988].

⁷⁷ Приведу лишь такую резюмирующую идеи Бахтина формулировку: «жанр — это некоторая взаимная условленность общения, объединяющая субъекта и адресата высказывания» [Тюпа 2001].

⁷⁸ Это не так для сетевого дневника (см. ниже).

Как известно, в XIX — начале XX вв. в России была распространена практика чтения дневников в дружеском или семейном кругу⁷⁹ (поэтому, например, Л. Н. Толстой в последний год жизни завел тайный «Дневник для одного себя»; сохранить его в тайне, впрочем, не удалось). Однако, адресат автодокументального текста и его потенциальный, желательный или нежелательный, читатель — разные фигуры. Это становится очевидно, например, в ситуации, когда этот последний — следователь органов безопасности; так, у В. В. Виноградова в письмах к жене из вятской ссылки имеются замечания типа «Данте (для постороннего читателя скажу, что это мировой поэт)»⁸⁰.

Итак, в коммуникативной ситуации дневника адресат как фактор, формирующий жанр, представляется устроенным следующим образом. *Непосредственным адресатом* всегда является сам автор; однако имеется еще *косвенный адресат* — потенциальный читатель, в том числе «потомки». Ср. следующий фрагмент из романа Дины Рубинной «Вот идет Мессия!..», где обозначены оба адресата:

А хрен вам, подумала она, стоя под вялым душем и тяжело поворачиваясь, ни единого интимного письма, ни записочки вы от меня не унаследуете... Дневников она не писала даже в доверчивой эгоцентричной юности. Что за разговоры с собой? Что за договоры с самим собой, что за условия самому себе, что за бред? Нормальный человек сам с собой не беседует... (Д. Рубина. «Вот идет Мессия!...»)

Понятие *косвенного адресата* в лингвистике применяется почти исключительно в сфере устной коммуникации: так обозначают участника канонической коммуникативной ситуации, к которому говорящий не обращается, но чье присутствие влияет на выбор формы и отчасти содержания высказывания, которое он делает (ср. [Kerbrat-Oecchiioni 1980; Почепцов 1986; Формановская 2001] и др.). Однако понятие косвенного адресата оказывается релевантно также для целого ряда письменных и смешанных жанров (см. следующий раздел), среди которых дневник занимает особое положение в силу совпадения прямого адресата с автором.

Фигура косвенного адресата дневника представляет исключительный интерес с точки зрения типологии жанра. Здесь имеется два полюса: с одной стороны, это может быть узкий семейный или дружеский круг — или даже конкретный человек, кто-то из родных или близких автора⁸¹. Противоположный полюс образует ситуация, когда косвенный адресат намеренно исключен: чтобы предотвратить возможность прочтения третьими лицами, дневник прячется, иногда зашифровывается; известны многие случаи, когда человек в конце жизни свой дневник уничтожал или просил это сделать других после его смерти. Большинство же дневников находится в промежутке между этими полюсами (хотя ближе ко второму): косвенный адресат не имеет отчетливых очертаний, но и не исключается вовсе. Вспомним в этой связи очень точную формулировку Марии Башкирцевой из предисловия к своему «Дневнику» (здесь и далее в цитатах курсив мой. — А. З.):

⁷⁹ См. [Егоров 2003: 5; Вьолле, Гречаная 2006: 61].

⁸⁰ Этот факт был упомянут В. М. Алпатовым в его докладе на конференции «Маргиналии 2008» (Юрьев-Польской, 3—5 октября 2008).

⁸¹ Так, например, дневник матери А. И. Смирницкого был обращен к сыну — в том смысле, что мать допускала возможность, что сын когда-нибудь прочтет ее дневник (см. [Смирницкая 2000: 13]); я пользуюсь случаем выразить благодарность О. А. Смирницкой за устные консультации по этому вопросу.

...это всегда интересно — жизнь женщины, записанная изо дня в день, без всякой рисовки, как будто бы никто в мире не должен был читать написанного, и в то же время со страстным желанием, чтобы оно было прочитано⁸².

Здесь содержится указание на обоих адресатов — прямого и косвенного; именно их сосуществование определяет уникальность жанра дневника: дневник пишется как будто исключительно для себя, и поэтому без рисовки, но одновременно именно это и оказывается интересно другим — тем, кем он, возможно, будет прочитан.

Для дневника, особенно юношеского, характерно эксплицитное указание на то, что он не предназначен для чужих глаз. Юный А. Ф. Лосев (18 лет) пишет в своем дневнике:

Итак, даже такого рефлексика, как я, эта особа могла задеть за нежные струны. Впрочем — оторвусь еще на время от хода своих вчерашних впечатлений — впрочем, это может быть верно только для меня, а для другого неверно? Т. е. может быть, на другого эта женщина и не произвела бы никакого впечатления? Да мне-то что за дело? — отвечу я сам себе. Ведь тут я пишу только о себе и только для себя — так чего же мне стесняться? И вот мне эта госпожа понравилась [Лосев А. Ф. «Мне было 19 лет...» Дневники. Письма. Проза. М., 1997. С. 31].

Однако вопреки тому, что явно утверждается во второй метатекстовой реплике, и она сама, и первая выделенная курсивом вставка обращены, очевидно, к некоторому воображаемому косвенному адресату. Как справедливо отмечается в статье [Савкина 2009: 154], адресованность дневника (добавим, особенно юношеского) выражается в наличии «некоего незримого контролера, цензора, высшей инстанции, на которую автор дневника постоянно оглядывается в процессе письма». Это «недремлющий идеологический соглядатай», перед которым надо оправдываться и мотивировать свое право писать о «глупостях», «пошлостях» и «сплетнях» (*Не знаю, стоит ли писать, это так незначительно, но меня это волнует ... Вот уже сколько времени мне не нравится ни один мальчик* и т. п.) [Там же: 163].

Вообще фигура косвенного адресата является в некотором смысле ключевой для жанра дневника. К. Кобрин пишет:

Здесь возникает важнейший вопрос: все ли авторы дневников надеются, что их прочтут после смерти? Ответить сложно; в любом случае, многие дневники мы прочли, и ни один из них, кажется, не был предназначен для собственного употребления [...] Дело в том, что бессознательно, если он хочет потом сам читать собственный дневник, то не может не представить на своем месте другого, хотя бы на мгновение [Кобрин 2003: 291].

Однако, как справедливо полагает Б. А. Успенский, такой момент автокоммуникации имеется при создании любого письменного текста: чтобы артикулировать свою мысль, автор представляет себя адресатом, который читает как бы незнакомый текст [Успенский 2007: 123—124].

В высказывании Кобринина основное содержание, как часто бывает, заключено в презумпции — в данном случае, слова *надеяться* («Все ли авторы дневников надеются, что их прочтут после смерти?»): *надеются*, т. е. *хотят*, и таких людей большинство — эта комбинация идей заложена в презумпцию, и ее разделяют авторы сетевых дневников, которые считают, что сетевой дневник наконец реализовал мечту всякого, кто пишет дневник. Тем не менее все же это только одна из возможных установок. С другой стороны, трудно сказать, насколько искривлен тот или иной автор

⁸² Башкирцева М. Дневник. М.: Захаров, 2005. С. 10.

(или насколько доступно ему собственное подсознание), утверждая, что его дневник не предназначен ни для каких посторонних глаз (ср. приведенный выше фрагмент из дневника А. Ф. Лосева) — и, соответственно, насколько прав тот душеприказчик, который выполняет желание автора уничтожить его дневник после его смерти. Поскольку все эти вопросы вообще не имеют верифицируемого решения, и тем более единого для всех пишущих, мы не будем их здесь больше обсуждать: с точки зрения типологии жанра достаточно того, что фигура косвенного адресата является *потенциальным* участником коммуникативного акта, реализуемого в дневнике. И наиболее существенно, что присутствие косвенного адресата может быть установлено на основании собственно лингвистических свидетельств. Это, прежде всего, разного рода пояснения и комментарии, в которых сам автор, очевидно, не нуждается. Приведем некоторые примеры (интересующие нас автокомментарии выделены курсивом):

Роль «старшего друга», советчика исполняет Муля (*Самуил Гуревич*). Этот человек, *интимный друг Али, моей сестры*, исключительный человек [Эфрон Г. Дневники. Т. 1. М., 2004. С. 16];

Я всегда люблю поспорить с Котом (*Константином Эфроном*), *моим двоюродным братом*. [Эфрон Г. Дневники. Т. 1. М., 2004. С. 17];

...рот с фестонами (*большое расстояние между ртом и носом*) [Цветаяева М. Выписки из дневника. 4 декабря 1012 г. Неизданные записные книжки. Т. 1. М., 1997. С. 12];

Да, Дора Лурье. *Это — имя и фамилия моей новой знакомой*, промелькнувшей как сон у меня в сознании [Лосев А. Ф. «Мне было 19 лет...» Дневники. Письма. Проза. М., 1997. С. 31].

Итак, жанр дневника формируется тем обстоятельством, что это текст, обращенный к самому себе, который при этом в той или иной степени допускает возможность прочтения некоторым третьим лицом, которого мы назвали «косвенным адресатом».

9.3. ДНЕВНИК СРЕДИ ДРУГИХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ С КОСВЕННЫМ АДРЕСАТОМ

Наличие двух адресатов, выполняющих разную роль в коммуникативной ситуации, не является уникальной особенностью жанра дневника. А именно, дневник находится в следующем ряду «вторичных», или «сложных» речевых жанров (по Бахтину [1996]), также предполагающих *косвенного адресата*: дарственная надпись, адрес на конверте, эпитафия, девичий альбом, лирика (лирическая повествовательная форма), поздравительный адрес, псалом.

Особенность жанра *дарственной надписи на книге* (который лингвистами практически не изучался) состоит в том, что это текст, содержащий эксплицитное указание адресанта и адресата, при этом оба они названы как бы в 3-м лице (т. е. вместо «тебе от меня», пишется «Маше от Пети»). Ср.:

Милому моему племяннику Мише на добрую память о дяде, авторе «Каштанки». Антон Чехов. 20 февраля 1904 г. Ялта;

Милым людям — Поликсене Сергеевне Соловьевой и Наталии Ивановне Манасеиной от Д. Мережковского на память. Кисловодск. 14.1.1917;

т. Эбергардту с приятнью С. Есенин. Чикаго. 1922 г.;

Дорогому Стасу Андреевичу, бывшему когда-то «ученику» завуча заочного отделения МГБИ, давно ставшему не только учителем, но и основателем «Сбитневской» научной шко-

лы. На добрую память о многолетнем сотрудничестве (прямом и косвенном) с неизменной любовью Д. Коготков. Октябрь 1990 г.;

Знаменосцу информатики, дорогому другу Стасу Сбитневу на добрую память. А. В. Соколов. 14.12.1996 г.;

Учителю от благодарной ученицы. И. Пилко. 3.05.2001 г.;

Любимому ученику Михаилу Антоновичу Усову от автора;

Глубокоуважаемому Владимиру Александровичу Гордлевскому от летописца⁸³.

Б. А. Успенский возводит этот жанр к этикетной формуле русской челобитной, где получатель должен был быть назван с точки зрения отправителя, а отправитель — с точки зрения получателя, ср.: «Государю Борису Ивановичу бьет челом [...] последний сирота твой крестьянин Терешко Осипов» [Успенский 1970/95: 36—39]. Однако здесь, как кажется, уменьшительно-уничижительные суффиксы — это скорее риторическая фигура: адресант *как бы* смотрит на себя глазами имеющего более высокий статус адресата. Местоимение 2-го лица *твой* вообще не соответствует «точке зрения получателя» (с его точки зрения крестьянин Терешко Осипов — *мой*) и является единственным «прямым» показателем коммуникативного акта. Что же касается дарственной надписи, то в них местоимение 2-го лица не употребляется: пишут «Дорогому Ивану Петровичу от *его* (а не *твоего*) ученика Сидора» — т. е. выбирается способ номинации адресанта с точки зрения некоторого 3-го лица (косвенного адресата надписи). Впрочем, оно часто опускается (ср.: *учителю от ученицы*); возможно, пишущий избегает употребления местоимения именно из-за того, что наличие косвенного адресата порождает конфликтную ситуацию в отношении выбора лица притяжательного местоимения при реляционном имени, которым он себя характеризует («от *его* vs. *твоего* ученика»). Но так или иначе, если бы не было ориентации на косвенного адресата, то надпись содержала бы 1-е л. глагола или императив, местоимение 1-го лица для обозначения автора надписи и 2-го для обозначения адресата, т. е. надпись выглядела бы примерно так: *Маша, дарю тебе (прими от меня в подарок) эту книгу. Я*. Так, однако, дарственные надписи обычно не пишутся.

Таким образом, адресатом подарка и сопровождающих его чувств дарящего является человек, названный в дат. падеже. Однако способ номинации участников коммуникативного акта имплицитно подразумевает присутствие некоего стороннего наблюдателя — адресата сообщения 'Данную книгу подарил человек X человеку Y; это произошло в такой-то день; в таком-то месте; человек X называет человека Y *так-то* (а Y называет X-а *так-то*, ср. надписи типа *Мусе от Пусика*), испытывает к нему такие-то чувства и т. д.' Этим косвенным адресатом дарственной надписи являются, в том числе, «потомки», — которые, возможно, будут «писать историю»⁸⁴.

⁸³ Надпись сделана А. М. Селищевым на экземпляре его книге, подаренном крупному тюркологу В. А. Гордлевскому, см. [Алпатов 2003: 5].

⁸⁴ Заметим, что вышеозначенные потомки выполняют эту задачу довольно плохо. Как отмечает А. Рейтблат, комментируя публикацию [Тихоненкова 2005]: «инскрипты, представляющие собой весьма специфический жанр письменного общения, практически не изучены», и более того, они «рассредоточены по широкому кругу разнородных изданий и никак не отбиблиографированы» (с. 498). Ср., впрочем, публикацию [Кельнер, Новикова 2005]. Добавим к этому, что отсутствие доступного корпуса (и вообще какого-либо собрания) дарственных надписей тем более досадно, что они представляют исключительный интерес не только как источник сведений об упомянутых в них лицах, но и как собственно лингвистический объект.

Тот же принцип применяется для обозначения отправителя и получателя письма в *адресе на современном конверте*, где косвенным адресатом является вполне реальный сотрудник почтовой службы, в *адресной формуле берестяных грамот* (ср. «от Жизномира к Микуле»; о коммуникативной структуре берестяных грамот см. [Гиппиус 2004]) а также, например, в *шапке заявления*, ср.: «Директору института такому-то от научного сотрудника такого-то», адресатом этого текста является секретарь директора, для которого оба обозначенных лица оказываются «третьими».

Другой коммуникативный жанр, имеющий косвенного адресата — *эпитафия*. Как и дневник, эпитафия существует также в форме литературного жанра. Но речь пойдет прежде всего о «настоящей» эпитафии, т. е. надписи на могиле. Форма такой эпитафии может быть различной. «Наивные» (т. е. сочиненные или близкими умершего) эпитафии имеют непосредственным адресатом умершего и выполнены либо как обращение к умершему как ко 2-му лицу, либо оба участника коммуникативного акта названы как бы в 3-м лице, ср.⁸⁵:

Ты был всем словно солнца свет / И воплощеньем доброты, / Любимый, славный, лучший дед, / От нас ушел куда же ты?;

Дорогому любимому мужу и папочке. От жены и детей;

Дорогой любимой мамочке от дочери, внучки и зятя.

Иногда в одном тексте соединены оба способа, т. е. эпитафия включает, так сказать, текст послания (с обращением ко 2-му лицу) и подпись, ср.:

Спи, *моя* дорогая. От любящего мужа;

Спи спокойно дорогая / Наша любимая, родная / Ты всегда в сердцах у нас / В нашей памяти живая. От Сережи и сыновей;

Никто *тебя* не заменит. Маме от сына.

Дочь, сын, внучка, зять — автор надписи обозначает себя реляционным именем, позволяющим идентифицировать пишущего лишь путем соотнесения с прямым адресатом (умершим). Эту операцию идентификации предлагается проделать, очевидно, косвенному адресату — «прохожему». Отступлением (довольно редким) от этого принципа является имя собственное (ср. «от Сережи» вместо ожидаемого «от мужа»). Очевидно, в данном случае оно употреблено для того, чтобы воспроизвести способ обращения умершего к автору надписи.

Возможно также обозначение адресата в 3-м лице, а автора — в 1-м, ср.:

На долгий отдых успокоилась мамулечка *моя*;

Под сим крестом / Спит Катя вечным сном / Ой вы, ветры, не шумите / *Мою* супругу не будите⁸⁶.

Ср. также следующий интересный текст, состоящий из коммуникативно разнородных фрагментов:

Неутомимой труженице. Человек прекрасной души, добрая, честная, смелая. Не (sic!) одно тепло в мире не может согреть так, как ты согревала своим теплом своих и чужих детей. Спи, драгоценная мамочка, пусть эта плаксивая береза навеивает вам прекрасные крепкие сны.

⁸⁵ Тексты эпитафий собраны мною на Преображенском кладбище в Москве (фамилия, имя, отчество и даты жизни опущены).

⁸⁶ Текст данной эпитафии (Ваганьковское кладбище, 50-е годы XX в.) был любезно предоставлен мне В. М. Алпатовым.

Во всех случаях эпитафия имеет косвенного адресата — «прохожего»: он является адресатом сообщения ‘Здесь похоронен такой-то человек, родившийся и умерший тогда-то, любимый и похороненный такими-то его родными’.

Обращение к «прохожему» входило в жанровый канон античной литературной эпитафии (см. [Веселова 2006] с дальнейш. библиогр.) При этом литературная эпитафия имеет иную коммуникативную структуру: косвенный адресат становится собственно адресатом: «путник», «прохожий» или просто «ты» — это читатель. А умерший оказывается как бы автором послания:

Путник, весть отнеси, всем гражданам Лакедемона:
честно исполнив закон, здесь мы в могиле лежим
(Симонид Кеосский. Эпитафия по поводу гибели 300 спартанцев в Фермопильском ущелье);

Прохожий! Обща всем живущим часть моя:
Что ты, и я то был; ты будешь то, что я
(Сумароков, подражание античной эпитафии).

Ср. также Цветаевские строки (в которых цитируется формула эпитафии):

И кровь приливала к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, *прохожий!*
Прохожий, остановись!

Следующий жанр, предполагающий косвенного адресата — *девичий альбом*, куда подружки и приходящие гости пишут стихи, комплименты или просто какие-то фразы, обращенные к хозяйке альбома, предназначенного для того, чтобы читать самой, но также и показывать эти записи другим лицам; эта практика, распространенная в русской дворянской среде в первой половине XIX в. (ср. «уездной барышни альбом», описанный Пушкиным) в какой-то степени сохранилась до наших дней (см. [Головин, Лурье 1998]).

Жанр *поздравительного адреса* интересен тем, что он пишется во 2-м лице, при этом сообщается информация, известная этому лицу: «Вы возглавляете сектор такой-то, вы защитили докторскую диссертацию в таком-то году на такую-то тему и т. д.». Здесь реальным (однако формально — косвенным) адресатом является публика, присутствующая при зачитывании адреса. Похожую коммуникативную структуру имеют *псалмы* (общим с поздравительным адресом является также иллокутивная функция воздаяния хвалы). Ср.: «“В начале ты, Боже, землю сотворил еси...” Можно сказать, что псалмы включают в себя весь Ветхий Завет, который человек пересказывает Богу»⁸⁷.

Лирическая повествовательная форма, включающая обращение на «ты» к некому лицу, называемому обычно «внутренним» адресатом (ср. [Виноградов 1976: 455; Падучева 1996: 209]), предполагает участника коммуникативного акта, типологически наиболее близкого к косвенному адресату дневника: им является читатель.

⁸⁷ Чистяков Г., *свящ.* Немая музыка псалмов. Цит. по: [Меерсон 2009: 45].

9.4. ПРОЧИЕ ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ ДНЕВНИКА

Итак, первый и главный признак дневника:

1. Автор является одновременно адресатом, и при этом имеется потенциальный второй, косвенный, адресат.

Перечислим прочие признаки обсуждаемого жанра.

2. Автор является одновременно повествователем, т. е. в дневнике отсутствует повествователь как отдельный от автора виртуальный наблюдатель и повествующая инстанция. Отсутствие фикционального повествователя — наиболее существенный структурный признак, отличающий дневниковый текст от художественного. Поэтому, в частности, в дневнике невозможна смена «точки зрения» — не обязательная, но очень типичная особенность художественного текста. (Данный признак объединяет жанр дневника с рядом других, «нехудожественных» жанров — публицистикой, научной литературой.)

3. Нефикциональность текста дневника (см. ниже).

4. Отсутствие единого авторского замысла. Художественное произведение обязательно предполагает некоторый авторский замысел, и это обстоятельство входит в число конвенций отношений с адресатом. В том числе это может быть замысел написать текст, не имеющий никакого сюжета и производящий впечатление последовательности отрывочных «записей», ср. рассказ Дины Рубиной «В России надо жить долго», про который она сообщает, что это — просто выдержки из ее записной книжки⁸⁸.

5. Дневник — это текст о себе. О чем бы в нем ни писалось — о событиях личной жизни или социальных переворотах, излагаются ли мысли и переживания автора или приводятся понравившиеся цитаты или услышанный обрывок разговора, пишется хроника текущих событий или составляется план диссертации — это документ о личности пишущего, и именно как таковой пишущим воспринимается⁸⁹. Ощущение *ценности этой личности* является тем стержнем, который скрепляет — содержательно, стилистически, эмоционально и т. д. разнородные записи⁹⁰, являясь аналогом отсутствующего в дневнике *авторского замысла*, но иной семиотической природы.

⁸⁸ В этом рассказе имеется следующий фрагмент:

«На днях, неотвязно думая о Лидии Борисовне, перетрясла бумажные свои манатки, перевернула закрома... Там несколько записей о Либединской, сделанных бегло, почти конспективно, впрок — чтобы не забыть, не растерять. Все вперемешку, по-домашнему, без указания дат... Как правило, потом, в работе, такое сырье переплавляется, преобразуется литературно, выстраивается пословно-повзводно, чтобы занять необходимое, точное, свое место в каком-нибудь рассказе, романе, эссе... Но именно эти записи — летучие, вневременные — мне вдруг захотелось оставить в том виде, как они записывались: на ночь глядя, после застолья, не всегда на трезвую голову, под живым “гудящим” впечатлением от общего разговора...»

⁸⁹ Исключение в данном отношении составляет особый жанр — «дневник жены».

⁹⁰ Именно поэтому, по-видимому, такое тяжелое впечатление производят разного рода саморазоблачения и описания своих дурных поступков: разоблачая себя в дневнике, человек неизбежно до какой-то степени одновременно собой любит. Описываемый дурной поступок или дурное поведение обладают в его глазах определенной ценностью как часть его личности; иначе они не оказались бы в дневнике. Это особенно явно чувствуется, например, в дневниках Л. Толстого.

6. Дневник — это текст о текущем моменте (т. е. о сегодняшнем дне или нескольких прошедших днях, но не более). Даже если содержанием записи являются воспоминания, планы на будущее или общие рассуждения, автору существенно, что описываемые мысли и чувства имели место именно в этот день и именно при данных обстоятельствах.

7. Наличие метатекстовой даты записи, соответствующей именно моменту записи, а не дате описываемых событий; в этом отношении дневник в собственном смысле слова отличается, например, от описания путешествия, где дата является частью текста: «10 июня. Прибытие в Царицын в 8 ч. 11 м. утра и т. д.» (запись могла быть сделана и в другой день).

Все эти признаки отличают дневник от художественной литературы (в меньшей степени это верно для признака 5). При этом некоторые из них объединяют дневник с какими-то другими жанрами. Выше уже шла речь о других жанрах с косвенным адресатом, однако ни один из них предполагает тождества непосредственного адресата и автора. Признаки 2 и 3 объединяют дневник, с одной стороны, с мемуарами, а с другой — с научной литературой.

Самый близкий к дневнику автодокументальный жанр — это письма. Здесь имеется даже промежуточный жанр «дневник в форме писем» (см. [Егоров 2003: 7—9; Михеев 2007: 68—71]). Другой весьма близкий к дневнику, но отличный от него жанр — «дневник воспоминаний»⁹¹. Содержательно это воспоминания, т. е. текст, описывающий прошедшие события (не выполнено условие 6), но при этом он фрагментирован в соответствии с датой, когда была сделана запись (т. е. условие 7 выполнено).

Для характеристики жанра дневника существенно еще, является ли его автор профессиональным писателем. Поскольку все, что пишет писатель — это часть его работы, его профессиональной деятельности, любая запись в дневнике — потенциальный «пред-текст»⁹², материал, из которого потом делается «текст». Поэтому дневник писателя фактически мало чем отличается от «записных книжек» (записные книжки, в одном из значений этого термина, — жанр специально писательский). И именно потому, что дневник писателя всегда в той или иной степени ориентирован на последующий «художественный» текст, это не «настоящий» дневник, а текст иного типа.

Дневник входит в оппозицию с двумя типами литературных жанров:

— воспоминания / мемуары, разного рода автобиографическая проза;

— дневник как прием (ср. «Дневник Печорина»)⁹³. Многие романы целиком написаны в форме Дневника (ср.: «La pausée» Сартра, «Дневник Коли Синицына» Н. Носова и др.).

Как прием может использоваться также жанр письма — в вариантах: просто письмо (ср. «Письмо к ученому соседу» Чехова), последовательность писем от одного лица, ср. «Письма русского путешественника» Карамзина; переписка между двумя

⁹¹ Ср.: *Цви Прейгерзон*. Дневник воспоминаний бывшего лагерника (1949—1955). М.; Иерусалим, 2005.

⁹² Я имею в виду то значение данного термина, в котором, вслед за М. Л. Гаспаровым, использует его М. Ю. Михеев [Михеев 2007: 6]. «Пред-текстом» в этом смысле является, очевидно, не всякий дневник, а лишь дневник писателя.

⁹³ В [Падучева 1996: 214] дневник отнесен к «лирической (речевой)» повествовательной форме; речь идет, по-видимому, именно о дневнике как приеме художественной литературы.

и более людьми — «роман в письмах» (ср.: «Новая Элоиза Ж.-Ж. Руссо, «Опасные связи» Ш. де Лакло или незаконченный пушкинский «Роман в письмах») ⁹⁴.

Фикциональность как признак художественной литературы (в противоположность нефикциональности дневникового текста) — сюжет достаточно хорошо разработанный, и здесь нет нужды его заново обсуждать (см., в частности, [Серль 1999; Шмид 2003]). Хотелось бы только подчеркнуть конвенциональный характер этой границы — и, возможно, именно вследствие этого — удивительную ее устойчивость в отношении попыток ее сознательного разрушения, по крайней мере, со стороны художественной литературы. Действительно, в художественной литературе все вымышленное, даже если на самом деле — не менее настоящее, чем в настоящем дневнике. Даже если имена, фамилии и факты биографии персонажей художественного произведения в точности совпадают с именами, фамилиями и фактами биографии реальных людей (ср. «Виньетки» А. Жолковского) — это не более чем прием, и именно как таковой прочитывается читателем. Роман Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» целиком состоит из разного рода квази-автодокументальных текстов (писем, отрывков из дневников) его персонажей и в том числе писем реального автора к реальному лицу — Е. Костюкович. Включение последних в текст романа представляет собой, очевидно, дань постмодернисткой поэтике разрушения оппозиции вымышленного и реального, художественного и не художественного; насколько они реальны, читатель не может судить, но это и не имеет никакого значения, поскольку, оказавшись частью художественного текста, они неминуемо приобретают свойство фикциональности, даже если они слово в слово совпадают с реально написанными данным автором данному адресату письмами.

Что же касается нефикциональности дневникового текста, то в этом направлении граница менее непроницаема. Пожалуй, стоит прислушаться к риторическому вопросу И. Савкиной: «Не является ли дневник в чем-то более фиктивным текстом, чем текст художественный, fiction-литература, где между автором и протагонистом не предполагается тождества, по условиям жанрового “договора”, что в какой-то степени снимает многие табу?» [Савкина 2009: 167]. Об элементах фикциональности в автодокументальных текстах см. также [Cohn 1999; Toker 2007].

Принципиальное значение с точки зрения идентификации жанра имеет также оппозиция по наличию / отсутствию единого авторского замысла. Как справедливо отмечает К. Кобрин:

Тот, кто ведет дневник, безусловно, отбирает события и мысли прошедшего дня [...], но делает выбор из того, что случайно попало в поле зрения; он не знает, что в конце концов получится из каждой вещи и ситуации, будет ли это иметь значение для жизни его и окружающих. Автор фрагмента (как и романа, рассказа и проч.) отбирает материал, следуя логике выдуманного сюжета (или невыдуманного, но такого, финал которого ему известен). Дневник пассажира «Титаника» и роман в виде фрагмента дневника пассажира злосчастного лайнера будут повествовать о разных вещах [Кобрин 2003: 293].

В этой связи интересно наблюдение М. Ю. Сидоровой [2006] о том, что один и тот же текстовый фрагмент может быть подан автором как дневниковая запись и как

⁹⁴ Е. В. Падучева считает, что такой жанр, как роман в письмах сохраняет «1-е условие» канонического коммуникативного акта: наличие Говорящего и Адресата [Падучева 1995: 42]. С этим, однако, трудно согласиться: хотя фикция подлинности и является структурообразующей для этого жанра (ср. [Рогинская 2005]), обе эти фигуры здесь фикциональны, и принадлежит миру текста, а не реальному.

художественная проза — и, соответственно, он по-разному прочитывается и комментируется читателями⁹⁵. Таков, например, следующий фрагмент:

Я сижу у окна и смотрю, как ты идешь по улице. Ты шагаешь широко и неспешно, с неотвратимостью металлической машины. Город залит солнечным светом, и ты шуришься, прикрывая ладонью глаза. Черные-черные глаза, как два уголька потухшего костра, в которых тлеет рыжая искра, готовая в любой момент вспыхнуть пожаром. Ты весь — черное пятно гари в солнечной яркости весеннего мира. Ветер рвет края старой кожаной куртки, играет бахромой вокруг дыр на порванных джинсах. Ботинки на толстой подошве разбивают хрусталь сверкающих луж. Ты весь в черном, точно в трауре; одежда просто обгорела от близости твоего сердца.

«При определении жанра этих фрагментов, как выясняется, решающую роль играет место их бытования. Если автор размещает текст в виде дневниковой записи на соответствующем сайте, то такой текст воспринимается как нефикциональный, автобиографический и соответственно комментируется читателями: они могут похвалить хозяина дневника за красоту и силу стиля, но, как правило, будут обсуждать описанное как события собственной жизни автора. Стоит перенести тот же самый текст, не изменив в нем ни слова, на интернет-ресурс, посвященный самодеятельной литературе, типа prosa.ru, текст начинает читаться как художественное произведение и получает комментарии совсем иного рода — литературно-критические» [Сидорова 2006].

Фрагменты дневника иногда публикуются автором, возможно даже без изменений — как художественное произведение (под названием «Дневник» или под каким-то еще названием — ср. сочинение «Год жжизни» Е. Гришковца): при этом соответственно меняется его жанровая характеристика, т. е. конвенции отношений с адресатом, и тот же самый текст прочитывается иначе.

В заключение вернусь к теме сетевого дневника. Когда-то — в те далекие времена, когда Интернета еще вообще не было — самое большое доверие, которое могла оказать девочка своей подруге, это было показать ей свой дневник. Соответственно, самое большое предательство со стороны подруги — рассказать третьим лицам его интимное содержание (желательно именно тем, о которых было написано в дневнике). Именно так обычно и происходило, что служило источником юношеского травматизма. В настоящее время ситуация предстает несколько иной — и, по-видимому, дело не только в прогрессе информационных технологий.

О соотношении жанра обычного и сетевого дневника имеются строго противоположные мнения. Так, для авторов интернет-дневников типична позиция, согласно которой такой дневник реализует возможность, для обычного дневника недоступную, но безусловно желанную, ср., например, следующие высказывания (<http://www.superstyle.ru/26feb2006/dnevniki>):

Интересно, что искушение начать дневник рано или поздно переживают практически все умеющие писать люди, при этом в ведении личного дневника есть одна маленькая психологическая тонкость — автор всегда знает, что рано или поздно его сокровенные записи

⁹⁵ Ср. следующий вывод Т. В. Раздиевской: «Отдельные записи могут выглядеть как фрагменты речи, взятые из других коммуникативных ситуаций, это обстоятельство, однако, не должно затемнять тот факт, что механизм дневниковой записи резко отличается от механизмов других видов коммуникативной деятельности [...]» [Раздиевская 1988: 115]

прочтет кто-то другой. Как рукописи не горят, так и дневники всегда бывают читаемы посторонними;

Обычные люди могут стыдливо прятать свои тетрадочки, скрывая их от друзей и членов семьи, но и они верят в неизбежное: дневник будет непременно прочтен чужими глазами. Слишком уж недальновидно было бы общаться исключительно с самим собой посредством бумаги и ручки и надеяться, что никто в этот интимный диалог не встрянет. Фокус как раз в том и заключается, что любой дневник пишется с учетом его неперемного явления народу: мысли шлифуются, орфография и пунктуация по мере возможностей автора соблюдены, а негатив подлежит неперемной цензуре, чтобы ненароком не обидеть кого-то из будущих благодарных читателей. Люди, честные с собой, обычно могут более-менее точно предположить, кто именно и при каких обстоятельствах прочтет их дневник;

Развитие интернет-технологий подарило нам блог — виртуальный дневник, изначально предназначенный для чтения и обсуждения его другими людьми. Понятие дневника в рамках блога перерождается и приближается к его изначальному школьному прототипу: другие люди фактически ставят вам оценки в вашем же дневнике. Возможность вести блог есть у всех, чьи компьютеры подключены к Интернету, и если в традиционном бумажном дневнике обнаружение записей — дело случая, то в его виртуальном варианте гласность становится правилом игры.

С другой стороны, существует мнение, что сетевой дневник «пишется совсем не для себя, он вообще не дневник, а система сигналов, позволяющих знакомиться, заводить виртуальную (и не только) дружбу, находить единомышленников» [Кобрин 2003: 295]. М. А. Кронгауз считает, что для блога «в истории человечества жанрового аналога нет» [Кронгауз 2009: 164], и с этим, по-видимому, следует согласиться. Позволю себе также высказать гипотезу, что возникновение феномена «публичной интимности» связано не только с тем, что новые технологии дают возможность легко и быстро поделиться своими мыслями и чувствами с неограниченным числом людей, но также и с тем, что эти технологии позволяют предъявить этому множеству людей *свой текст как свидетельство своего индивидуального бытия*. Коммуникативная революция, которую произвел Интернет, состоит прежде всего в том, что он дал человечеству принципиально новые возможности удовлетворения этой потребности. Но это уже другой сюжет.

10. ВТОРОЕ ЛИЦО: СЕМАНТИКА, ГРАММАТИКА, НАРРАТОЛОГИЯ*

Совокупность языковых средств, выражающих категорию 2-го лица (соответствующие формы личных и притяжательных местоимений, личные формы глагола, императив и обращение), призвана обозначать адресата высказывания. В канонической коммуникативной ситуации это слушающий, в случае редуцированной коммуникативной ситуации, когда слушающего как такового нет (например, при эпистолярном общении или в художественном тексте), это адресат в более широком смысле. Однако соответствие здесь далеко от взаимно-однозначного: не всякий адресат обозначается 2-м лицом и не всякое 2-е лицо обозначает адресата. В целом ряде речевых жанров, в том числе вторичных, или сложных (по Бахтину), появляется фигура «косвенного адресата» (см. предыдущий раздел), который в каких-то ситуациях оказывается главным, т. е. собственно *адресатом сообщения* — это тот, кому адресовано, предназначено сообщение (и в соответствии с нуждами — актуальными знаниями, презумпциями и т. д. которого высказывание строится именно так, а не иначе). Таков, в частности, жанр поздравительного адреса, где поздравляемому в форме 2-го л. сообщаются какие-то факты его биографии, безусловно и без того ему известные; косвенным, но при этом главным, адресатом сообщения является публика, присутствующая при зачитывании данного текста (поздравляемый является лишь адресатом акта поздравления). Другой такой жанр — дарственная надпись (на книге или на фотографии). Так, на одной из последних фотографий М. А. Булгакова имеется следующая надпись⁹⁶:

Жене моей Елене Сергеевне Булгаковой. *Тебе* одной, моя подруга, надписываю этот снимок. *Не грусти*, что на нем черные глаза: они всегда обладали способностью отличать правду от неправды. Москва. М. Булгаков. 11 февр. 1940 г.

Здесь непосредственным адресатом является референт местоимения 2-го л. (жена писателя), однако имеется и косвенный адресат — все те потенциальные читатели данной надписи, к которым обращена ее первая фраза, называющая непосредственного адресата (адресата подарка) в третьем лице. Фигура косвенного адресата возникает также в таких жанрах, как дневник, лирическое стихотворение, эпитафия, адрес на конверте и др.

* В основу данного раздела положена статья [Зализняк 2012б].

⁹⁶ Фотографию см. на сайте: <http://www.a4format.ru/photo.open.php?file=41249c59.jpg>.

Здесь мы рассмотрим некоторые типы употребления форм 2-го лица (местоимения *ты/вы*, глагол в личной форме, императив), отклоняющиеся от канонического адресатного⁹⁷, а также повествование от 2-го лица как нарративный прием.

10.1. НЕСОБСТВЕННО-АДРЕСАТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ФОРМЫ ВТОРОГО ЛИЦА

1. *Ты* = 'я': автоадресатное значение

Автоадресатное употребление местоимения *ты* (а также императива и личных форм глагола 2-го лица) наиболее характерно для дневниковых текстов, в рамках жанра «разговоров с самим собой». В этом случае форма 2-го л. обозначает говорящего, т. е. имеет обычное значение адресата речевого акта — с той лишь особенностью, что адресат совпадает с говорящим. Адресатное *ты* может чередоваться с *я*, ср. примеры (1—4) (здесь и далее формы 2-го л. выделены жирным курсивом, 1-го — жирным прямым шрифтом). Однозначно это значение идентифицируется в контексте императива и/или обращения, но возможно и без них — ср. пример (6).

- (1) Многое во **мне** некоммунистично. Очень многое. Часто не **могу** справиться со своими чувствами, не **могу** правильно, по-коммунистически отнестись к людям, сам совершил два года назад некоммунистический поступок. **Я** бежал от трудностей. Нет, **Володя**, только не от трудностей **ты** бежал! **Тебе** было трудно, и это было удовольствием. **Ты** ушел от голода, грязи, постепенного атрофирования всех человеческих качеств. Коллектив там был плохой. Друзей — не было (как, впрочем, нет и сейчас). **Я** был прав. [В. Чивилихин. «Моя мечта — стать писателем», из дневников 1941—1974 гг. (2002) // «Наш современник», 2002.06.15, ruscorpora];
- (2) Ну вот же, **Михаил**, **ты** теперь довольно **насытил** свое самолюбие и **утвердил** свою гордость, **забудь** обиду Варвары Петровны, **склонись** любовно к своей маленькой Варе, и **вникни** в ее женскую драму, и **проследи** весь ее жизненный путь от Смольного к Сорбонне и до положения незначительной работницы в бюро Английского банка (Пришвин. Дневник. 21 окт. 1925);
- (3) Восторг живого существования охватил меня, и я вроде как бы и помолился: «Благословен стог сена, — говорил я, — **помни, Михаил**, благословен именно этот твой собственный стог и смотри только **не забывай** о нем, но сделай так, чтобы вдруг **спросишь**: “а кажется, у нас был стог”, и тебе бы ответили: “да был, его съела наша корова”. Пусть **ты** литератор, могущий заработать, если захочется, тысячу рублей в месяц и купить целое <1 нрзб.> стогов — все это вздор! Вот этот стог один настоящий...» (Пришвин. Дневник 1929 г.);
- (4) И вот вывод: что б ни говорили **мне** хорошего — а говорили много, пора и уши затыкать, — что б ни говорили, я искренне говорю сам себе: **ты** ничего не **умеешь**, **ты** ничего не написал, а если **умеешь** — **докажи** [В. Крупин. Выбранные места из дневников 70-х годов (2004) // «Наш современник», 2004.04.15, ruscorpora];
- (5) Старый Новый год. Вот и подарок — звонок Фролова: отказ от повести в «Нашем современнике». А что **ты** хотел, **Вова**? [В. Крупин. Выбранные места из дневников 70-х годов (2004) // «Наш современник», 2004.05.15, ruscorpora];
- (6) ...все равно **ты** с ней **не сойдешься**, к чему тратить время! [Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1940].

В художественной литературе автоадресатное *ты* встречается лишь в прямой речи персонажей, ср.:

⁹⁷ Типы неадресатного употребления форм 2-го л. проанализированы в статье [Князев 2008], см. там же обзор литературы.

- (7) Откуда эта опустошенность? — спросил он себя. — Почему все, что было в *тебе*, ушло и осталась одна пустота? (Р. Брэдбери. 451 по Фаренгейту).

В лирической поэзии автоадресатное *ты* может быть однозначно идентифицировано лишь в том случае, когда имеется обращение — как, например, в VIII стихотворении Катулла (в некоторых изданиях публикуемого с названием «Ad se ipsum»):

- (8) Miser *Catulle, desinas* ineptire [...] At *tu, Catulle*, destinatus *obdura* [«Несчастный Катулл, перестань делать глупости... А ты, Катулл, обреченный, терпи»].

Обратим внимание на то, что другие глагольные формы 2-го лица в том же стихотворении имеют другой референт — «внутренний адресат»: *Quem basiabis, cui labella mordebis?* [«Кого ты будешь целовать, кому кусать губы?»] (вопросы обращены к героине); аналогичное явление представлено в примере (9) ниже.

Проблеме «разговоров с самим собой» в разных жанрах речи посвящена обширная литература, в том числе психологическая, см. в частности, [Лотман 2000; Кучинский 1988; Гримак 1991; Никитина 2006] и др. В частности, установлено, что автокоммуникация является необходимой составной частью как обычной коммуникации, так и процесса мышления и порождения текста (ср. [Успенский 2007: 122 ff.]). В психологии применяется подход к анализу данного феномена в рамках транзактного анализа (по Э. Берну; см., в частности, [Петровский 1996]): коммуникация может происходить в форме транзакций между разными эго-состояниями индивида (Родитель, Взрослый, Ребенок). Не предполагая рассматривать здесь эту сложную проблему, отметим лишь, что собственно автоадресатное употребление следует отличать от близкого, но не тождественного ему способа обращения — к некоему воображаемому собеседнику, который не совпадает ни с каким конкретным другим лицом, но также и с самим говорящим.

2. Ты = 'я, как и любой другой человек'

Как известно, в русском языке имеется конструкция, позволяющая говорить о себе во 2-м лице — «обобщенно-личное *ты*» (см. [Булыгина 1990; Булыгина, Шмелев 1997а]), например:

- (9) Тут за день так *накувыркаешься, придешь* домой — там ты сидишь (Высоцкий, пример из [Булыгина 1990]);
- (10) *Приходишь, сидишь* там целый день как дурак и в конце концов *понимаешь*, что зря пришел [= 'я пришел', 'я сижу', 'я понимаю'].

Данное значение реализуется лишь в том случае, когда глагол стоит в форме презенса и обозначает повторяющееся действие⁹⁸. Значение формы 2-го лица в этом случае, конечно же, не просто равно «я»: оно включает еще некую генерализацию и, кроме того, «презумпцию сочувствия» со стороны адресата (ср. строчки Окуджавы *Не мучьтесь понапрасну, она ко мне добра*, содержащие аналогичную презумпцию). Как отмечается в [Падучева 1996: 212], «обобщенно-личное значение 2-го лица сохраняет связь с адресатным: в семантику этого употребления вхо-

⁹⁸ Реже возможно употребление формы презенса 2-го л. в этом значении при описании единичного действия, ср. пример из [Князев 2008: 367]: «Весельный день рождения, нечего сказать... *Сидишь* в пыли на верхотуре, блохи *тебя* жрут, как бобика, а *тебе* нечего и покусать в охотку».

дит компонент ‘я хочу, чтобы ты поставил себя на мое место и представил себе, что все, что я говорю про себя, происходит как бы с тобой самим’». Это может быть в большей степени способ говорить про себя или пытаться учить других (но всегда присутствуют обе составляющие). Обобщенно-личное *ты* — это способ выразить мнение, которое, оставаясь собственностью говорящего, представлено таким образом, чтобы оно могло быть разделено и присвоено другими. Такое *ты* — это тонкий способ установления контакта с адресатом, не навязывая ему своего мнения, однако давая возможность к нему присоединиться. При этом существенно, что данный смысл только при помощи этого обобщенно-личного *ты* и выражается, т. е. это не просто такая возможность, предоставляемая русским языком — называть себя *ты*, — но в каких-то случаях и необходимость: иначе данный смысл нельзя выразить.

Приведем другие примеры данного типа употребления — в дневниковых текстах (из НКРЯ):

- (11) Как неприятно видеть, что *ты* что-то теряешь в глазах людей оттого, что голоден и беден [В. Чивилихин. «Моя мечта — стать писателем», из дневников 1941—1974 гг. (2002) // «Наш современник», 2002.06.15];
- (12) Идя по тротуару, *ты* видишь, что встречный обходит тебя слева, и *ты* норовишь посторониться вправо; извозчик предлагает тебе свои услуги, и *ты*, имея, чем ему заплатить, садишься [В. О. Ключевский. Записные книжки (1889—1892)];
- (13) Кроме того, чем меньше *ты* на эти перспективы рассчитываешь, тем меньше разочарование, если они не осуществляются: это тоже нужно учитывать [Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1940 (1940)];
- (14) И этого горького чувства удовлетворения, что *ты* один — недостаточно [Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1940 (1940)];
- (15) Дьявол тщеславия так хитер и ловок, что, когда *ты* совершенно искренно начинаешь судить себя и видишь все свои гадости, он уже тут как тут и подсказывает тебе: вот видишь же какой *ты* хороший — не такой, как все: *ты* смиренен и осуждаешь себя, *ты* хороший [Л. Н. Толстой. Записные книжки (1900—1910)].

Часто в таких случаях формы 2-го лица соседствуют с формами 1-го, ср.⁹⁹:

- (16) Печально пели шальные пули. **Мы** шли тихо — невдалеке были немцы. Жуть наводит такая ночь. Особенно когда *знаешь*, что за тобой идут 80 человек, за которых *ты* отвечаешь, которые спросят у *тебя*: что делать, командир? А *тебе* не у кого спросить... [В. Енишерлов. Юго-Западный фронт (2003) // «Наш современник», 2003.10.15];
- (17) Как же **я** люблю «механику»! Раз — и *ты* перестроился, два — обогнал. И не говорите мне, что хороший «автомат» имеет такую же реакцию [И. Григорьева. Помеха справа (2002) // «Автопилот», 2002.10.15].

В обоих примерах сначала говорится нечто про себя, и употреблено местоимение 1-го л., а потом говорящий как бы подключает к своим ощущениям адресата. Так, в (18) сначала делается утверждение: ‘я нечто люблю’, а дальше излагается некоторый общеприменимый некоторый принцип: «Раз — и *ты* перестроился, два — обогнал» (это удобно *всякому*). И дальше идет форма императива, субъектом которой является собственно адресат сообщения. Ср. также (18), где последовательность употребления форм 1-го и 2-го л. обратная:

- (18) Не робеть во дворце после хижины, не стесняться хижины после дворца — это все пустяки. Но быть убежденным во всюдности жизни, в том, что нигде *ты* не будешь один,

⁹⁹ См. также аналогичные примеры в [Князев 2008].

везде одинаково явится к **тебе** равный человек, — это завоевание, это счастье человеческого и **я** им обладаю (Пришвин. Дневник 1929 г.).

В примере (19) в качестве субъекта глагольной формы *вышел* однозначно восстанавливается «я» (поскольку глагол употреблен в прош. времени сов. вида и описывает некоторое единичное собственное действие). Переход к формам 2-го лица и наст. времени указывает на генерализацию. В (20) подобная отсылка к единичному факту отсутствует.

- (19) *Вышел* на балкон и подумал, что ежели бы дом цел, и там отец и бабушка. **Смотришь** на чистое небо, и кажется глиняная тучка... (Л. Толстой, Дневники. 31 июля 1856);
- (20) **Едешь** в жар, пахнет кожей от уздечки. **Проезжаешь** по тому месту, где прошло стадо, так и пахнет запахом бычка [...] (Л. Толстой, Дневники. 31 мая 1856).

В примере (21) несмотря на то, что в первой части эксплицитно выражен субъект мнения — говорящий, вторая часть, выражающая общее суждение, прочитывается как содержащая опущенное обобщенно-личное *ты* — это то же лицо, что и субъект оценки *лучше*, т. е. это ‘я’ с подразумеваемой генерализацией.

- (21) Так оставьте ненужные споры!
Я себе уже все доказал —
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще **не бывал** (Высоцкий).

Обсуждаемое значение 2-го л. реализуется также, например, в следующих стихотворениях Бродского:

Воротишься на родину. Ну что ж.
Гляди вокруг, кому еще **ты** нужен,
кому теперь в друзья **ты попадешь?**
Воротишься, купи себе на ужин
какого-нибудь сладкого вина,
смотри в окно и **думай** понемногу:
во всем **твоя** одна, **твоя** вина,
и хорошо. Спасибо. Слава Богу.
Как хорошо, что некого винить,
как хорошо, что **ты** никем не связан,
как хорошо, что до смерти любить
тебя никто на свете не обязан.
Как хорошо, что никогда во тьму
ничья рука **тебя** не провожала,
как хорошо на свете одному
идти пешком с шумящего вокзала.
Как хорошо, на родину спеша,
поймать себя в словах неоткровенных
и вдруг понять, как медленно душа
заботится о новых переменах.

Одиночество

Когда теряет равновесие
твое сознание усталое,
 когда ступеньки этой лестницы
 уходят из-под ног,
 как палуба,
 когда плюет на человечество
твое ночное одиночество, —
ты можешь
 размышлять о вечности
 и сомневаться в непорочности
 идей, гипотез, восприятия
 произведения искусства,
 и — кстати — самого зачатия
 Мадонной сына Иисуса.
 Но лучше поклоняться данности
 с глубокими ее могилами,
 которые потом,
 за давностью,
 покажутся такими милыми.
 Да.
 Лучше поклоняться данности
 с короткими ее дорогами,
 которые потом
 до странности
 покажутся **тебе**
 широкими,
 покажутся большими,
 пыльными,
 усеянными компромиссами,
 покажутся большими крыльями,
 покажутся большими птицами.
 Да. Лучше поклоняться данности
 с убогими ее мерилami,
 которые потом до крайности,
 послужат для **тебя** перилами
 (хотя и не особо чистыми),
 удерживающими в равновесии
 твои хромящие истины
 на этой выщербленной лестнице.

В цитированных поэтических текстах используются возможности, предоставляемые русской грамматикой. Однако возможен и следующий шаг, выводящий за эти пределы. Он состоит в употреблении этого обобщенно-личного *ты* в прошедшем времени: таким образом описывается ситуация, которая повторялась неоднократно и с разными участниками, но она при этом замкнута в прошлом и больше уже не может быть воспроизведена:

Бродский: [...] Время от времени собирались у кого-нибудь на квартире.

Волков: А у кого собирались?

Бродский: У самых разных людей. Поначалу даже не собирались, а просто **ты** показывал свои стихи человеку, с чьим мнением [∅ = ты] **считался**. И тогда начинался довольно жесткий разговор. Не то чтобы начинался разбор **твоих** стихов. Ничего похожего. Просто собеседник откладывал **твое** стихотворение в сторону и корчил рожу. И если **у тебя** хватало пороку, **ты** спрашивал его, в чем дело (Вспоминая Ахматову. Иосиф Бродский — Соломон Волков. Диалоги. М., 1992).

Как уже говорилось, обобщенно-личное *ты* обычно ничем нельзя заменить. Только это местоимение годится в случае, когда человек рассказывает о каких-то своих действиях и впечатлениях, представляя их не как единичные факты, а как свидетельство некоторого общего явления. Обычно это 2-е л. ед. числа, хотя возможно и множественное; так, Бродский в Нобелевской лекции употребляет в этой функции местоимение 2 л. мн. ч., ср.:

Ощущение это усугубляется не столько мыслью о тех, кто стоял здесь до меня, сколько памятью о тех, кого эта честь миновала, [...] и чье общее молчание как бы ищет и не находит себе в *вас* выхода. Единственное, что может примирить *вас* с подобным положением...

А дальше уже он говорит от 1-го л. и это уже не общее суждение, а обозначение своих личных ощущений:

Эти тени смущают *меня* постоянно, смущают они *меня* и сегодня.

3. *Ты* = 'всякий человек, в том числе я'

Данный тип употребления отличается от предыдущего распределением коммуникативной значимости компонентов 'я' и 'всякий человек'. Оно встречается преимущественно в дневниковых текстах, но также и в художественной прозе. Приведем несколько примеров (из НКРЯ):

- (22) Но это был конец пятидесятых, и, если *ты* не руководящее должностное лицо, если у *тебя* нет обширных связей или *ты* не хочешь ходить и кланяться, ходить и кланяться, взятку подсунуть, *жди* [Г. Я. Бакланов. Разное // «Знамя», 2002];
- (23) Людей лишили возможности забивать личный скот, свели на нет путем жесткой системы прописок свободу передвижения, свободу в выборе местожительства, даже личную автомашину *ты* не *можешь* продать иначе, как через комиссионный магазин, не можешь даже подарить ее родственнику... [В. Старков. Дневник (1963—1964)];
- (24) Искусство, вероятно, и есть непрерывный поиск правды, *ты* продолжаешь своей комариной силой тысячелетний поиск, и если [Ø = *тебе*] *удалось* хоть что-то крохотное сделать — *передаешь* свое усилие следующим... [Г. Козинцев. «Тут начинается уже не хронология, но эпоха...» (1940—1973)];
- (25) Конечно, чем дольше шел *ты* по жизненной дороге с близким *твоим*, тем дольше будет и неутешность *твоя* [Б. В. Шергин. Из дневников (1930—1960)];
- (26) Жив *ты* или помер — / Главное, что б в номер / Материал успел *ты* передать [Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1943—1946)];
- (27) И значит, говорят далее, — думать только о войне, вести войну, не глядя, с кем ради нее *соединяешься*, не думая, что *ты* помогаешь правительству, а считая, что правительство *тебе* помогает [З. Н. Гиппиус. Дневники (1914—1928)].

Отметим, что в английском языке местоимению *ты* в этом значении обычно соответствует «неопределенное местоимение» (indefinite pronoun) *one*; однако употребление местоимения 2-го л. *you* тоже возможно, ср.:

- (28) «Won't his father take him into his business — his office?» she at last inquired. — «He hasn't got any father — he has only got a sister. *Your* sister can't help *you* much». (Henry James. Washington square) [«А его отец не может взять его в свой бизнес?», — спросила она наконец. — «У него нет отца, у него есть только сестра. *Ваша* сестра мало чем может *вам* помочь».]

10.2. ПОВЕСТВОВАНИЕ ОТ ВТОРОГО ЛИЦА КАК ПРИЕМ

Прием повествования от 2-го лица (получивший название «Du-Erzählung», по образцу давно устоявшегося немецкого термина «Ich-Erzählung») довольно широко обсуждался в европейской критике начиная с 60-х годов XX в., после выхода в 1957 г. романа Мишеля Бютора «La Modification» (см. в частности [Leiris 1958/80; Morisette 1965; Anderegg 1973: 74—77; Holthusen 1976; Bonheim 1983]). Однако лингвистический анализ этого феномена пока не был предложен.

В романе Мишеля Бютора все повествование выдержано в форме 2-го л. мн. ч. и — за исключением самой первой глагольной формы *vous avez mis...* ‘вы поставили...’, фиксирующей отправную точку движения поезда, равно как и повествования, и *le train s'est arrêté* ‘поезд остановился’ в последнем абзаце романа — в настоящем времени¹⁰⁰. Использование формы 2-го л. настоящего времени на протяжении всего повествования обеспечивает отождествление не только повествователя с героем (что достигается и в обычном перволичном нарративе), но также героя с читателем, что позволяет читателю прожить самому всю историю, продолжающуюся в течение 22-х часов дороги на поезде из Парижа в Рим, практически *в режиме реального времени*. Все глаголы в форме 2-го л. наст. времени обозначают единичные события, происходящие с повествователем-героем-читателем «здесь и сейчас», и иллюзия сопереживания длится, таким образом, в течение всего романа.

Приведем первый абзац этого романа. Помимо употребления глагольных форм 2-го лица, обратим внимание на преувеличенное, даже по сравнению с отличными от русского нормами французского языка, употребление соответствующих форм притяжательного местоимения:

*Vous avez mis le pied gauche sur la rainure du cuivre, et de votre épaule droite vous essayez en vain de poursuivre un peu plus le panneau coulissant. Vous vous introduisez par l'étroite ouverture en vous frottant contre ses bords, puis, votre valise couverte de granuleux cuire sombre couleur d'épaisse bouteille, votre valise assez petite d'homme habitué aux longs voyages, vous l'arrachez par sa poignée collante, avec vos doigts qui se sont échauffés, si peu lourde qu'elle soit, de l'avoir porté jusqu'ici, vous la soulevez et vous sentez vos muscles et vos tendons se dessiner non seulement vos phalanges, votre paume, votre poignet et votre bras, mais dans votre épaule aussi, dans toutes la moitié de votre dos et dans vos vertèbres depuis votre cou jusqu'au reins*¹⁰¹.

«**Вы поставили** левую ногу на медную планку и тщетно **пытаетесь** оттолкнуть **вашим** правым плечом выдвижную дверь купе. **Вы протискиваетесь** через узкий проход, прижимаясь к стене, с чемоданом из крокодиловой кожи цвета темного бутылочного стекла, с **вашим** небольшим чемоданом человека, привыкшего к долгим путешествиям; **вы** его **хватаете** за липкую ручку: хоть он и не тяжелый, но **ваши** руки уже горят, **вы поднимаете** его вверх и **чувствуете** как напрягаются **ваши** мышцы, не только **ваших** рук и груди, но также и **вашего** плеча, половины **вашей** спины и **вашего** позвоночника от **вашей** шеи вплоть до поясницы» [перевод мой, насколько возможно буквальный. — А. З.]

При помощи этой нарративной техники достигается принципиально новый эффект. Действительно, достаточно вставить это повествование в модальную рамку любого нарратива, т. е. своего рода контракт автора с читателем «Представьте себе, что...», как

¹⁰⁰ Внутри текста имеются, кроме того, фрагменты воспоминаний героя, написанные в прошедшем времени.

¹⁰¹ *Butor M. La Modification. Paris: Les Éditions de Minuit, 1957/1980. P. 7.*

референты формы 2-го л. отождествляются, и читатель оказывается непосредственно в мире текста: «[Представьте себе, что] вы поставили левую ногу на медную планку и тщательно пытаетесь оттолкнуть вашим правым плечом выдвижную дверь купе... и т. д.».

Более того, в конечном счете читатель оказывается также как бы и автором: результирующая «модификация» героя состоит в том, что он

решает написать не то чтобы буквально исповедь [...], но рассказ, в котором пережитое им вновь оживет для других — а это и есть тот самый роман, который вы только что прочли и у которого (если вы следуете импульсу, задаваемому употреблением 2-го лица), как оказывается, не может быть другого автора, кроме вас самих, поскольку вы уже являетесь его главным действующим лицом [Leiris 1958/80: 310].¹⁰²

Значение формы 2-го лица в романе Мишеля Бютора восходит одновременно к адресатному, автоадресатному и к обобщенно-личному, однако оно не равно ни одному из них: читатель не является действующим лицом повествования, даже фиктивным (как, например, в рассказе Чехова «Палата № 6», см. разбор в [Падучева 1996: 211]); с другой стороны, это 2-е лицо не содержит никакой генерализации.

Специфика техники Du-Erzählung хорошо видна из сравнения ее с другими способами использования формы 2-го лица в несобственно-адресатном значении. Например, в рассказе Бунина «Антоновские яблоки» встречаем:

К ночи в погоду становится очень холодно и росисто. Надышавшись на гумне ржаным ароматом новой соломы и мякины, бодро *идешь* домой к ужину мимо садового вала;

Шурша по сухой листве, как слепой, *доберешься* до шалаша.

Однако здесь 2-е л. употреблено в обобщенно-личном значении и указывает именно на генерализацию собственных ощущений, — о чем говорит использование с той же референцией форм 1-го л.:

Вспоминается *мне* урожайный год. На ранней заре, когда еще кричат петухи и по-черному дымятся избы, *распахнешь*, бывало, окно в прохладный сад <...> и не *утерпишь* — *велишь* поскорее заседлывать лошадь, а сам *побежишь* умыться на пруд;

Крепостного права *я не знал* и *не видел*, но, *помню*, у тетки Анны Герасимовны *чувствовал* его. *Вьдешь* во двор и сразу *ощутишь*, что тут оно еще вполне живо.

Тем самым очевидно, что здесь мы имеем дело с перволичным нарративом. См. также разбор некоторых особых случаев использования 2-го лица в разных беллетристических жанрах в [Падучева 1996: 208—214].

Другое, не менее значительное, хотя и менее известное произведение, выполненное в технике Du-Erzählung — роман Руслана Киреева «Апология» (1979), также написанный от 2-го лица, но в прошедшем времени. Повествование здесь отчасти имитирует защитительную речь (ср. название романа): герой — он же повествователь, он же собственный «адвокат» — рассказывает о неких произошедших с ним событиях, с целью убедить своего подзащитного (самого себя, которого он называет «ты»), что он не виноват в смерти своей возлюбленной. Пролог начинается так:

Обвинить, утверждает Апулей, можно и невинного, уличить — только виноватого;

Твоей вины тут нет. И хватит об этом! *Полубуйся*-ка лучше морем. Тяжелое и холодное, зеленое, в белых барашках...

¹⁰² «il <...> se résout à rédiger <...> non point exactement une confession <...> mais un récit où revivra pour les autres les expériences qu'il a vécu, — ce récit même que vous avez lu et dont (si vous suivez jusqu'au bout l'impulsion donnée par l'emploi de la deuxième personne) vous découvrez qu'il ne saurait avoir d'autre auteur que vous-même puisque c'est vous qui en étiez le principal acteur».

Дальше начинается основной текст романа, в котором присутствие героя-повествователя во 2-м лице намеренно затушевано и восстанавливается только по косвенным признакам — он является опущенным субъектом оценок и безличных предикатов:

Тогда это *не показалось* бахвальством... [*не показалось* — кому?];

Разумеется, его *надо было* снимать не длиннофокусником, аномальным объективом... [*надо* — кому? выраженная здесь профессиональная оценка — чья?]

Что главный герой — фотограф, мы уже знаем; очевидно, *ему и надо*. И лишь на пятой странице этот виртуальный до сих пор субъект 2-го лица материализуется: появляется слово *ты, тебе* — сначала лишь в качестве субъекта восприятия:

Лишь месяц спустя после его внезапной смерти *ты обнаружил* на еще мокром позитиве, где они красовались втроем — Гирькин, Башилов и Лариса, — что Гирькин одного с нею роста, а не ниже, как почему-то *казалось тебе*.

И дальше уже этот «ты» становится полноправным персонажем:

— Фаина Ильинична умерла, — небрежно объявила с порога *твоя* семнадцатилетняя дочь, которую уже ничто не могло поразить в этом мире [...];

Ты заставил себя опустить газету и внимательно посмотреть сквозь очки на дочь. Иначе *твое* поведение выглядело бы ненатуральным. Ведь *ты* знал учительницу музыки, которая столько лет занималась с твоей дочерью, и не мог отнестись к этой новости равнодушно. Было бы еще лучше, если бы *ты* как-то прокомментировал ее, но *тебе* не удалось выдать из себя не слова;

А вот мимо этого, если б и впрямь разразился суд, уже не прошел бы адвокат. Проницательно заметил бы он, что будь *ты* повинен в этой смерти, то вел бы себя иначе. Непременно осведомился бы у дочери, что, как и почему, сочувственно поцокал бы языком — хотя бы ради конспирации.

Обратим внимание на то, что здесь последовательно выступают несколько различных «субъектов сознания» (в смысле [Падучева 1996: 262]). Фрагмент *Ты заставил себя опустить газету и внимательно посмотреть сквозь очки на дочь. Иначе твое поведение выглядело бы ненатуральным* произносит повествователь, тождественный герою (ему известны поступки героя и их истинные мотивы). Следующая фраза (*Ведь ты знал учительницу музыки...*) принадлежит воображаемому постороннему наблюдателю, которому известны лишь наблюдаемые факты. Фраза *Было бы еще лучше...* принадлежит снова повествователю-герою, так как она отражает его внутреннюю точку зрения: «лучше» — для укрепления позиций в борьбе с воображаемым «обвинителем», который попытался бы установить факты по их внешним признакам. В последнем абзаце появляется воображаемый «адвокат» — автор точки зрения, выраженной в форме логического отношения *если бы..., то бы...*, и также являющийся лишь наблюдателем внешних признаков событий. Такой внутренний диалог разных субъектов сознания внутри одного «я» (выступающего в форме *ты*), продолжается на протяжении всего романа. И лишь в Эпilogue повествователь, снова любующийся зимним морем, расстается со своим героем и одновременно с повествованием в форме *Du-Erzählung* (что маркируется переходом на курсив): он выводит героя из коммуникативного пространства, обозначив его в 3-м лице и наблюдая издали, а 2-е отдает читателю:

Вы помните, как обдавало ветром Иннокентия Мальгинова, звонившего по телефону-автомату в больницу?... Но это исключение, обычно же погода чудесная.

С точки зрения семантики категории 2-го лица нарративная техника Du-Erzählung отчасти сходна с упомянутым выше жанром поздравительного адреса и, с другой стороны, с методом «активного слушания», применяемым в психотерапии и рекомендуемой психологами для разговоров родителей с детьми, которая состоит в том, что вместо вопросов о внутреннем состоянии и поступках ребенка (пациента) взрослый (психолог) озвучивает свои гипотезы в форме утверждений, ср.: *Ты на него обиделся. Тебе очень не хочется сейчас убираться в комнате. Ты понимаешь, что грубить плохо, но что-то внутри тебя толкает сказать грубость, обидеть человека* и т. п. (см. [Гиппенрейтер 2003: 62—78]).

В заключение приведем еще один пример, демонстрирующий семантические возможности категории 2-го лица — из статьи [Гаспаров, Автономова 2001] (речь идет о 77 сонете Шекспира):

«Это — сонет, написанный на записной книге, которую поэт дарит другу; у Шекспира он весь написан во втором лице: “ты”, “тебе”, “твое”, — 18 раз повторяется это *thou* и его производные. У Маршака — ни разу: вместо обращения к живому другу у него — отвлеченное раздумье обо всем человечестве, вместо “морщины, которые правдиво покажет твое зеркало, напомнят тебе о прожорливых могилах” он пишет: “По черточкам морщин в стекле правдивом / Мы все ведем своим утратам счет...” (“прожорливые могилы” тоже выпали, но к этому мы уже привыкли). Такое превращение личной ситуации в безличную у Маршака — обычный прием [...] Шекспир страстно твердит другу: “твое одиночество пагубно”, “твоя красота увянет”, “ты умрешь”; но друг давно умер, а сонеты остались, и поэтому Маршак последовательно переводит: “всякое одиночество пагубно”, “людская красота увядает”, “все мы смертны”...»

Thy glass will show *thee* how *thy* beauties wear,
Thy dial how *thy* precious minutes waste,
 The vacant leaves *thy* mind's imprint will bear,
 And of this book, this learning mayst *thou* taste:
 The wrinkles which *thy* glass will truly show
 Of mouthed graves will give *thee* memory;
Thou by the dial's shady stealth mayst know
 Time's thievish progress to eternity;
 Look what *thy* memory cannot contain
 Commit to these waste blanks, and *thou* shalt find
 Those children nursed, delivered from *thy* brain,
 To take a new acquaintance of *thy* mind.
 These offices, so oft as *thou* wilt look,
 Shall profit *thee*, and much enrich *thy* book.

Буквальный перевод:

Твое зеркало покажет *тебе*, как изнашивается *твоя* красота,
твои часы — как истекают *твои* драгоценные минуты,
 а чистые листы будут хранить отпечаток *твоей* души,
 и из этой книги *ты* можешь вкусить такое знание:
 морщины, которые *твое* зеркало правдиво покажет,
 напомнят *тебе* о раскрытом зеве могилы;
 по тому, как украдкой движется тень в часах, *ты* можешь постичь
 вороватое движение времени к вечности;
 а все, что *твоя* память не может удержать,
 доверь этим пустым страницам, и потом *ты* обнаружишь
 возвращенными этих детей, рожденных *твоим* умом,
 чтобы с ними снова познакомилась *твоя* душа.
 Эти услуги всякий раз когда *ты* будешь к ним обращаться,
 принесут *тебе* пользу и сильно обогатят *твою* книгу.

Перевод Маршака:

Седины ваши зеркало покажет,
Часы — потерю золотых минут.
На белую страницу строчка ляжет —
И вашу мысль увидят и прочтут.

По черточкам морщин в стекле правдивом
Мы все ведем своим утратам счет.
А в шорохе часов неторопливом
Украдкой время к вечности течет.

Запечатлейте беглыми словами
Все, что не в силах память удержать.
Своих детей, давно забытых вами,
Когда-нибудь вы встретите опять.

Как часто эти найденные строки
Для нас таят бесценные уроки.

Итак, формы 2-го лица обладают большим семантическим потенциалом и являются важнейшим инструментом нарративной техники; выше были рассмотрены лишь некоторые способы его применения.

11. ОБ ОДНОЙ ГИБРИДНОЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ФОРМЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

В теории нарратива принято различать повествователя, принадлежащего и не принадлежащего миру текста. Первого обычно называют «диегетическим», второго — «экзегетическим» [Падучева 1996: 203] (а также «недиегетическим» [Шмид 2003: 80—88] или «гетеродиегетическим» [Женетт 1972, 2: 253]). Диегетический повествователь является одновременно персонажем повествуемой истории (точнее, персонажем является его «повествуемое я» [Шмид 2003: 82]): *Я ехал на перекладных из Тифлиса*. Экзегетический повествователь не является персонажем. Степень его присутствия может быть различной — от полновесного «я», облеченного в форму 1-го лица (ср.: *За мной читатель, и я покажу тебе эту любовь; Обратимся к молодому нашему любовнику*), до почти незаметной фигуры («всеведущий повествователь»). Как считает В. Шмид, нарратор присутствует во всех повествовательных текстах, являясь необходимой его частью; другое дело, что он может быть более или менее «выявленным», а «выявленность» нарратора основывается на присутствии в тексте определенных «индициальных знаков» [Шмид 2003: 72—75]. А именно, экзегетический повествователь может обнаруживать себя как дейктический центр определенного класса вводных слов и выражений — «первичных», или «жестких», эгоцентриков (ср.: *когда откровенно говоря было уже поздно; в самом деле, уже рассветало*); эгоцентрические элементы другого типа — «вторичные», или «нежесткие» могут принадлежать как повествователю, так и к персонажу, «с точки зрения которого» ведется повествование [Падучева 1996; 2013]. Однако принадлежность нежесткого эгоцентрика повествователю или персонажу далеко не всегда может быть однозначно установлена, и это один из параметров неоднозначности, внутренне присущей художественному тексту. Этот эффект возникает при повествовании с «внутренней точки зрения» [Успенский 1970/95], или с «внутренней фокализацией» [Женетт 1972, 2: 205]. Как справедливо указывает Б. Успенский, варьирование внутренней и внешней позиции по отношению к изображаемым событиям «является основным композиционным приемом в художественном нарративе» [Успенский 2011: 18]. Вообще возможность присоединения повествователя к внутренней точке зрения разных персонажей — это, по-видимому, наиболее существенный признак, отличающий художественный нарратив от других типов текстов (в частности, дневникового); соответ-

ственно, выявление смены позиций наблюдателя на протяжении текста представляет собой важнейшую задачу нарратологического анализа.

В романе Набокова «Король, дама, валет», написанном в целом в классической форме третьеличного нарратива, со всеведущим повествователем, в самом конце появляется персонаж, который прогуливается по пляжу рядом с другими персонажами романа и которого читатель однозначно идентифицирует как Набокова и как автора данного романа (ср.: *знает про него решительно все*, в том числе то, что Марта представляется Францу *большой белой жабой*).

В приводимом ниже отрывке отграничены квадратными скобками и пронумерованы фрагменты, написанные с разных «точек зрения»; носитель точки зрения (наблюдатель) указан в скобках; курсивом выделены все те элементы текста, которые позволяют его идентифицировать. Особый интерес представляет фрагмент [3], где в позиции наблюдателя оказывается Набоков как персонаж. Он является центром пространственного и временного дейксиса, а также невыраженным субъектом предикатов внутреннего состояния (*неизвестно; тянуло; легко; сейчас она пустовала; ни Драйера, ни жены его, ни племянника... <не было видно>*). Во фрагменте [4] позиция наблюдателя возвращается к всеведущему повествователю (граница между фрагментами [3] и [4] нечеткая).

- [1] (**Франц**): Аптеку он нашел без труда. Кроме трубочки аспириновых таблеток, он еще купил бритвенный клинок в конвертике. Идя назад к кургаузу, по солнечной набережной, он несколько раз останавливался, глядел вниз на пляж. Мимо него прошла уже знакомая ему чета. Оба были в халатах, шли быстро, громко говорили на *неизвестном языке*. Он заметил, что они на него взглянули и на мгновение умолкли. Потом, удаляясь, заговорили опять, и ему показалось, что они его обсуждают, — даже произносят его фамилию. [**вставка с позиции «всеведущего повествователя»**]: Подул ветерок, сорвал бумажку с трубочки в его руке.] Он ощутил странную неловкость, беспричинное чувство, что вот этот *проклятый счастливый иностранец, спешащий к пляжу со своей загорелой, прелестной спутницей, знает про него решительно все, — быть может, насмешливо его жалеет, что вот, мол, юношу опутала, прилепила к себе стареющая женщина, — красивая, пожалуй, — а все-таки похожая на большую белую жабу*. Он подумал, что беспечные люди на морском курорте всегда проникательны, глумливы, злоязычны. Ему стало стыдно, он почувствовал свою дрожащую ногу, едва прикрытую шарлатанским халатом; задумался, потряс головой и, брезгливо держа в руке стеклянную трубочку с таблетками, вернулся в гостиницу;
- [2] (**всеведущий повествователь**): Он даже не заметил, что потерял на набережной легкую бумажку, в которую трубочка была обернута; бумажка скользнула по набережной, легла, опять скользнула, обогнала чету, недавно замеченную Францем; потом ветерок отнес бумажку к скамейке у спуска на пляж. Там ее задумчиво пробил острием трости гревшийся на солнце старик;
- [3] (**«проклятый счастливый иностранец, спешащий к пляжу со своей загорелой, прелестной спутницей» = Набоков**): *Что случилось с ней дальше — неизвестно¹⁰³: тем, кто спешил на пляж, некогда было за нею наблюдать*. Песком опущенные мостки вели вниз к красно-белым будкам. *Тянуло поскорей к сияющим складкам моря. Мостки оборвались¹⁰⁴*. *Дальше надо было идти по рыхлому белому песку. Узнать свою будку легко, — и*

¹⁰³ Ср. у Гоголя: *Но здесь происшествие совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, решительно ничего не известно* («Нос»). На гоголевские источники некоторых приемов нарративной техники Набокова обратила мое внимание Е. В. Падучева, см. [Падучева 1997в].

¹⁰⁴ Напомним известный пример Ю. Д. Апресяна *Тропинка кончилась <оборвалась> у реки*, о котором говорится, что такое предложение (с глаголом сов. вида) «не только констатирует объективное положение вещей, но и сообщает, что это положение вещей был зарегистрировано».

не только по цифре на ней; есть предметы, которые необыкновенно быстро привыкают к человеку, входят в его жизнь, просто и доверчиво. Неподалеку от этой будки была будка семейства Драйер; *сейчас она пустовала; ни Драйера, ни жены его, ни племянника...*;

- [4] (всведущий повествователь): Кругом нее был огромный песчаный вал. Чужой ребенок в красных трусиках лез по нему, и песок сбежал искристыми струйками. Госпожа Драйер была бы недовольна, что вот чужие дети лезут и портят. За валом, внутри, на песке вокруг будки, вчерашний дождь смешал следы босых ног. Невозможно уже было найти, например, крупный отпечаток Драйера или узкий, длиннопальный след Франца. Через некоторое время подошли танцмейстер и студент, увидели, что никого еще нет, удивились и двинулись дальше. «Милая, обаятельная женщина», — сказал один, а другой посмотрел через пляж на набережную, на полосу гостиниц, кивнул и ответил: «Они, должно быть, сейчас придут. Мы можем через десять минут вернуться». Но будка продолжала пустовать. Мелькнула белая бабочка в борьбе с ветром. Где-то далеко кричал фотограф. Люди входили в воду, двигали в ней ногами, как будто шли на лыжах. Потом — вспышка, фырканье, — поплыли.

Далее нас будет интересовать лишь тот повествователь, который обнаруживает себя явно — в формах 1-го л. глаголов и личных и притяжательных местоимений.

Как хорошо известно, каждая из форм повествования — «от 1-го лица» и «от 3-го лица» — связана с определенными ограничениями. Третьеличный нарратив закрывает доступ к внутреннему миру героя, а ограничение формы повествования от 1-го лица состоит в невозможности введения в повествование тех знаний, которые этому первому лицу недоступны. Вспомним, как в повести Тургенева «Первая любовь» герой оказывается свидетелем сцены объяснения отца с Зинаидой: чтобы выдержать условия перволичной повествовательной формы, автору приходится оставить героя всматриваться и вслушиваться, ср. (курсивом мною выделены фрагменты, указывающие на воспринимаемые наблюдающим с улицы героем детали. — А. З.):

На улице, в сорока шагах от меня, пред раскрытым окном деревянного домика, спиной ко мне стоял мой отец; он опирался грудью на оконницу, а в домике, до половины скрытая занавеской, сидела женщина в темном платье и разговаривала с отцом; эта женщина была Зинаида.

Я остолбенел. Этого я, признаюсь, никак не ожидал. Первым движением моим было убежать. «Отец оглянется, — подумал я, — и я пропад...» Но странное чувство, чувство сильнее любопытства, сильнее даже ревности, сильнее страха — остановило меня. Я стал глядеть, я силился прислушаться. Казалось, отец настаивал на чем-то. Зинаида не соглашалась. Я как теперь вижу ее лицо — печальное, серьезное, красивое и с непередаваемым отпечатком преданности, грусти, любви и какого-то отчаяния — я другого слова подобрать не могу. Она произносила односложные слова, не поднимала глаз и только улыбалась — покорно и упрямо. По одной этой улыбке я узнал мою прежнюю Зинаиду. Отец повел плечами и поправил шляпу на голове, что у него всегда служило признаком нетерпения... Потом послышались слова: «Vous devez vous séparer de cette...» Зинаида выпрямилась и протянула руку... Вдруг в глазах моих совершилось невероятное дело: отец внезапно поднял хлыст, которым сбивал пыль с полы своего сюртука, — и послышался резкий удар по этой обнаженной до локтя руке. Я едва удержался, чтобы не вскрикнуть, а Зинаида вздрогнула, молча посмотрела на моего отца и, медленно поднеся свою руку к губам, поцеловала заалевающий на ней рубец.

стрировано сознанием перемещавшегося по тропе наблюдателя» [Апресян 1995: 644]. В книге [Падучева 1996: 100] показано, что движущегося наблюдателя предполагают также фразы типа *Тропинка поднималась в гору, Около сторожки дорога поворачивала направо* с глаголом несов. вида. Такая семантика объясняется диатетическим сдвигом, при котором движущийся субъект смещается с позиции Агенса и оставляет за собой лишь роль Наблюдателя. В приведенном отрывке обе фразы *мостики вели вниз к красно-белым будкам* и *мостики оборвались* однозначно указывают на перемещение наблюдателя (и этим наблюдателем является «фиктивный персонаж» Набоков).

Отец швырнул в сторону хлыст и, торопливо взбежав на ступеньки крылечка, ворвался в дом... Зинаида обернулась — и, протянув руки, закинув голову, тоже отошла от окна.

Хотя здесь описаны лишь внешние признаки, которые в принципе могут быть наблюдаемы, тем не менее, некоторый элемент неправдоподобия здесь присутствует: трудно себе представить, чтобы герой все это мог видеть и слышать, находясь на расстоянии сорока шагов по той же улице от описываемого окна, к тому же наполовину закрытого занавеской (в частности, идентифицировать ключевое для данной сцены обстоятельство, что Зинаида именно поцеловала заалевшийся на руке рубец). Будь здесь «всеведущий повествователь», проблемы бы не возникло.

Заметим, что аналогичная проблема возникает в семантике — при попытке толкования предикатов внутреннего состояния. Толкование формы 1-го л. невозможно, поскольку многие такие предикаты включают компоненты, принадлежащие говорящему, но не субъекту состояния (напр. фактивная презумпция в *зablуждаться* или *подозревать*, оценка состояния в *завидовать* и др.); кроме того, такая форма не позволяет отразить иерархические и логические связи между компонентами. Анна Вежицкая в книге 1972 г. формулирует толкования от 3-го л., но впоследствии разработывает более сложный формат, со вставным блоком от 1-го лица, что дает возможность совместить «внешние» и «внутренние» компоненты, ср.:

[Wierzbicka 1972: 61]:

X feels regret — X feels as one does when one thinks that what one desires not to have happened has happened

[Wierzbicka 1992: 151]:

boredom

- (a) X thinks something like this
- (b) for some time, I haven't been doing anything that I would want to think about
- (c) I don't want this
- (d) I would want to do something that I would want to think about
- (e) I can't do anything like this now
- (f) because of this, X feels something bad

Вторая схема толкования в чем-то аналогична повествовательной форме, включающей фрагменты, написанные от 1-го лица одного из персонажей (ср. ниже). Два других способа преодоления ограничений третьеличного нарратива — внутренняя фокализация и свободный косвенный дискурс. Преодолеть ограничение перволичного нарратива значительно сложнее. Интересным примером здесь может служить нарративный эксперимент современной английской писательницы Мэри Стюарт, реализованный ею в трилогии, которая написана от лица Мерлина — старшего друга и наставника короля Артура. В книге описываются, том числе, события, коим он не был свидетелем — но это оправдано тем, что Мерлин — ясновидящий.

Так или иначе, повествователь либо является, либо не является *персонажем* повествуемой истории. Другими словами, не может быть так, чтобы повествователь одновременно принадлежал и не принадлежал миру текста.

Не является нарушением этого принципа текст, содержащий фрагменты, написанные от лица главного героя (ср. «Дневник Печорина», роман Алексея Иванова «Географ глобус пропил», где одна из глав написана в условной форме дневника, или роман Александра Чудакова «Ложится тень на старые ступени», где автобиографический персонаж именуется Антон и повествование ведется от 3-го л., со

вставками от 1-го л. этого Антона). С другой стороны, не оказывается персонажем, например, тот «я» в «Евгении Онегине», который подслушивает разговор Ленского с Онегиным и хранит оригинал письма Татьяны, но все же не является гостем на приеме в доме ее мужа; или повествователь в «Мертвых душах», который замечает, что надо говорить тише, чтобы не разбудить Чичикова, спавшего «во все время расказа его повести».

Непревзойденным мастером игры с повествовательными формами и нарушений всех существующих здесь принципов является, безусловно, Набоков (ср. выше, а также, например, анализ рассказа «Набор» в [Падучева 1996]). Особо здесь надо упомянуть роман «Дар», где в воспоминаниях Федора Годунова-Чердынцева об отце прием чередования 1-го и 3-го лица применен некоторым уникальным образом. Как справедливо отмечено в статье [Падучева 1997в]: «[п]оразительно, что этот игровой заряд, заложенный Гоголем, пролежал без движения больше века, мастерски взорвался у Набокова, а сейчас умирает тривиальностью, тиражируемый второразрядными писателями!» (речь идет об игре с повествовательными формами).

Нарративный прием, порождающий «гибридную» повествовательную форму, о которой пойдет речь, состоит в том, что в рамках одного текста имеется одновременно персонаж, обозначенный как «я», и экзегетический «всеведущий» повествователь, разворачивающий перед нами рассказ о событиях, которым этот «я» никак не мог бы быть свидетелем.

Повесть Ирины Муравьевой «Мещанин во дворянстве» начинается как традиционный аукториальный нарратив, хотя и с ярко выраженной перцептивной составляющей, имплицитно присутствующей (неназванного) воспринимающего субъекта:

Летом в подъезде пахло ванилью, зимой — мокрым мехом.

В какой-то момент, в ходе рассказа о жизни главного героя, появляется персонаж, обозначенный как «я», причем сначала не как персонаж, а лишь как точка референции:

Свадьбу сыграли летом, веселую и шумную. С Людиной стороны было много нарядных родственников, а с его стороны никого, кроме *моего отца*, тоже еще совсем молодого, с испуганным взглядом и тонкими усиками, делающими его похожими на хрупких альбомных героев начала века.

«Я», очевидным образом, не присутствовала на этой свадьбе (поскольку в тот момент еще не родилась). Тем не менее, весь предшествующий текст постфактум переосмысливается как перволичный нарратив — каковым он, однако, не является, потому что вся эта история не может быть «известна» дочери друга героя: она принадлежит лишь всеведущему повествователю. На протяжении всего текста основная часть истории развивается за пределами поля зрения персонажа «я», но при этом сохраняется некая канва из отдельных картинок-воспоминаний:

Однажды *нас* пригласили на музыкальный вечер. Вообще в этот дом часто приглашали на «кого-нибудь» или «что-нибудь», но *моя* память отчетливо сохранила только одно из таких приглашений;

И бабушка тихо, чтобы *я*, якобы делающая уроки, не услышала: «К нам не приводил. А голову потерял. Но ты помяни мое слово: никуда он от жены не денется! Погуляет и вернется!».

Тем самым здесь возникает некий «гибрид» — из повествователя диегетического, который является персонажем повествуемой истории, и всеведущего экзегетического, не принадлежащего миру текста. Соответственно, повествовательная форма представляет собой гибрид аукториального и перволичного нарратива. Таким образом не только преодолеваются ограничения обеих этих повествовательных форм, но и возникает дополнительное фикциональное измерение.

В романе Ирины Муравьевой «Веселые ребята» использован несколько иной прием. Роман начинается как перволичный нарратив: персонаж, обозначающий себя местоимением первого лица, — одна из учениц того восьмого класса, в котором учатся героини повести (*Мы сидели на одной парте...; Переодеваясь после физкультуры, я старалась выбрать лавку подальше...*). После того, как начинается развитие сюжета (*В это утро они сидели на лавочке втроем...*) персонаж «я» больше не появляется на сцене, и весь текст романа представляет собой обычный аукториальный нарратив, с изложением обстоятельств, которые не могли быть известны не только девочке-ученице этого класса, которая в начале была обозначена как «я», но также и тому, кем она стала, когда выросла, так как они являются частью фикционального мира текста, т. е. могут быть «известны» только повествователю. Повествователь на протяжении всего текста является столь определенно экзегетическим, что к концу романа читатель забывает о том, что в начале пару раз встретилось местоимение 1-го лица — вплоть до самого последнего эпизода, выпускного вечера на речном трамвайчике, где снова оказывается, что «я» все это время жила среди героев романа, которые из «они» неожиданно превращаются в «мы»:

Ярко светящийся в черноте ночи речной трамвайчик ждал их на пристани.

[...]

Речной трамвайчик плыл себе и плыл, изредка рыча на другие речные трамвайчики, гораздо более будничные, чем *наши*, в которых, может быть, тоже была своя любовь, но не такая выпуклая и сияющая, как на *нашем*, — он плыл, норвистый и бесстрашный, как львенок, первый раз вышедший на настоящую охоту в большой, жизнью полыхающий лес [...]

Пели ли *мы* тогда про синий троллейбус? Знали ли *мы* тогда про то, что если он синий, то значит — последний? Разумеется, пели и, разумеется, ни о чем таком не догадывались.

И тут же появляется (впервые в тексте романа) — «повествующее я»:

Хочу уточнить, что речной трамвайчик отправился в свое путешествие в ночь на двадцать первое июня, солнце так высоко и торжественно стоит в зените, что во всех земных календарях двадцать первое июня называется днем летнего солнцестояния.

Другой похожий пример: роман Антона Уткина «Дорога в снегопад». Все повествование здесь выдержано в строго аукториальном ключе. И хотя очевидно, что оно во многом автобиографично и что автор помещает героев в тот район Москвы, где прошло его собственное детство (и сам район — поселок Рублево — является важным действующим лицом), но тем не менее повествователь никак себя не обнаруживает — вплоть почти до самого конца, где в какой-то момент всплывает словосочетание *наш район*, и оно маркирует присутствие повествователя «здесь и сейчас»:

В полдень 1 января 2008 года *наш район* выглядел как в старые добрые времена: не было ни людей, ни машин, а только лоси, белки и зайцы, да тропа, проложенная ими по девственному снегу к станции метро.

Особое место в данном сюжете занимают тексты Дины Рубинной, отчетливо продолжающие набокковскую линию.

В романе Дины Рубиной «Вот идет Мессия!...» происходит своеобразная мультипликация автора. Прежде всего, имеется повествователь, обнаруживающий себя, впрочем, далеко не сразу:

Но тут необходимо сделать небольшое — о, совсем мимолетное! — отступление.

[...] В десятом часу Сева привез *наконец* русского миллионера с братом-пиротехником. И все с этой минуты заколесило по такому странному, нереальному, да и, *скажем прямо*, — малопристойному переулку, что и не *знаю даже* — *стоит ли* рассказывать.

[Оказывается, все, что было перед этим, — это кто-то нам рассказывал (причем не просто так, а потому что считал это достойным рассказа): тот, кто говорит о себе в первом лице]

Не вспомнить ли в эту минуту один из еврейских запретов — «лашон-а-ра», запрет на злословие, который, *впрочем*, никогда и никого из смертных не удерживал в особо судьбоносные моменты? *Боюсь, не удержит и меня.*

[Вот он уже назвал себя «я»]

«Тут необходимо сделать небольшое отступление» — риторическая фигура, имплицитирующая повествователя, но это может быть повествователь условный, так сказать, бестелесный. Вставка «о, совсем мимолетное!» делает его физическим лицом: мы слышим его голос. Слышим, но не видим: этот повествователь, очевидно, все же экзегетический, поскольку среди персонажей (гостей на некоторой вечеринке, описываемой в данном фрагменте) он себя не числит, и остается там, когда все гости-персонажи разошлись.

Но помимо экзегетического повествователя в 1-м лице и главной героини, наделенной некоторыми автобиографическими чертами, в этом тексте имеется еще один автореферентный персонаж, который берет на себя оставшиеся биографические приметы реального автора — «известная писательница N»¹⁰⁵. Автор, таким образом, отражается в трех зеркалах.

Роман Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы», выдержан в форме aukториального нарратива, где формы 1-го лица указывают на отчетливо «выявленного» экзегетического повествователя. «Я» появляется в прологе и потом заявляет о себе с первой страницы основного текста, ср.:

...Вот вам конспект событий. Если же рассказывать толково и подробно...

[...]

Я, пожалуй, встряну здесь ненадолго, собою их не заслону, хотя я и автор, вернее — одно из второстепенных лиц на задах массовки...

И далее повествователь действительно постоянно «встречает» в повествуемую историю, в том числе в образе вполне реального пишущего эти строки автора, — этот прием входит в классический арсенал:

¹⁰⁵ Ср. роман А. Наймана «ББ», где наряду с перволичным диегетическим повествователем есть персонаж Найман.

... Улицы послевоенного Ташкента... — глинобитные извилины безумного лабиринта, порождение неизбывного беженства, смиренная деятельность по изготовлению библейских кирпичей...

Совсем недавно, уже в Иерусалиме, валяясь, как обычно в Судный день, на диване и читая Пятикнижие, я обнаружила, что мой дядька возводил свой кривобокий саманный домишко на Кашгарке из таких же кирпичей, какие лепили в египетском рабстве мои гораздо более далекие предки. Вот он, вечный рецепт кирпичей изгнания: смешиваем глину с соломой и формуем смесь руками. Руками, господа, руками, — и блажен тот раб, кто может сказать о себе: «Это мне не пригодится!»

Но в Эпиллоге происходит сцена, ключом к которой является вложенная в уста героини цитата из «Дара»: тот, кто обозначается словом «я» и до сих пор выступал лишь в роли сугубо экзегетического повествователя (если не считать процитированного выше намека «одно из второстепенных лиц на задах массовки»), встречается с героиней романа на вечеринке в Нью-Йорке, т. е. встречается уже не в повествование, а в сам повествуемый мир, и становится его персонажем. При этом, поскольку главная героиня романа обладает рядом общих с реальным автором биографических черт (детство и юность, проведенные в Ташкенте, — о которых, собственно, и есть этот роман, и что явно сказано в прологе, содержащем слово «я»), то таким образом личность автора снова оказывается утроена. Приведем эту сцену полностью:

Довольно долго мы смотрели в глаза друг другу... Она сонно и спокойно; я — с любопытством.

— ...Мы ведь встречались прежде? — спросила она наконец... — В... Иерусалиме?

— ...и в Иерусалиме... — сказала я.

Странно, как она никогда не могла меня запомнить! Это она-то, со своей поразительной, профессиональной памятью на лица, детали, цвет... В который раз это меня задело: да что я, в конце концов, была для нее прозрачной — вроде того, как высшие силы, по воле которых вершатся наши судьбы, невидимы нашему глазу?

И, может быть в отместку, я произнесла:

— Я ваш автор.

— Вы издаетесь в «Абрамс»?

В то время издательство «Abrams Harry N. Abrams» готовило к изданию книгу по современному искусству, где некий раздел был посвящен и ее творчеству, с репродукциями картин, — в связи с чем, *вероятно*, она и оказалась в Нью-Йорке.

— Да нет... Ваш автор — в том смысле, что сочиняю о вас книгу! Роман...

Она хмыкнула, подняла брови, тряхнула головой, окончательно просыпаясь. Нахмурилась:

— Забавно... Да... как вы смеете?!.. Что, собственно, вы... — но вдруг рассмеялась и проговорила:

— Ну и черт с вами!

Опустив руку, нащупала на полу свой бокал, подняла, отпила глоток.

— Так где ж я нахожусь в данный момент? — спросила она. — В данный момент, в вашем романе. В финале?

— Еще не знаю, — сказала я. — Возможно... И мы почти синхронно подняли свои бокалы.

— «Прощай же, книга...»?¹⁰⁶ — усмехнувшись, спросила она...

— Ну, почему же, — возразила я...

¹⁰⁶ «Для видений отсрочки смертной тоже нет. С колен поднимется Евгений, но удаляется поэт. И все же слух не может сразу расстаться с музыкой, рассказу дать замереть... судьба сама еще звенит, и для ума внимательного нет границы там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, и не кончается строка».

На мгновение меня коснулась мысль, вполне банальная, с давних пор ужасавшая не одного писателя: а вдруг это не я пишу о ней книгу, а она — обо мне? Вдруг не она — мой вымысел, а я — ее? И несколько секунд с тайным страхом я вглядывалась в ее насмешливое лицо...

Но вовремя опомнилась и перевела дух: она была возмутительно молода. Она не старела, — то есть обладала классической привилегией литературного героя, его преимуществом перед автором — вполне смертной особью с камнями в желчном пузыре и астмой, усугубляющейся с годами.

— Ну почему же, — повторила я мягко. — Книга только еще пишется...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская семантика — увлекательный и неисчерпаемый объект исследования. В данной книге она рассматривалась с разных точек зрения и анализировалась разными методами. Фрагменты описания русской семантики, представленные в книге, объединены рядом сквозных идей.

Одна из них — воспроизводимость семантических переходов, т. е. путей семантической деривации, связывающих между собой разные значения слова и обеспечивающих ему как необходимую полифункциональность, так и не менее необходимое смысловое единство. Множество этих семантических переходов, в целом бесконечное и необозримое, вовсе не является хаотическим. Наряду с индивидуальными семантическими сдвигами, происшедшими по тем или иным частным причинам в том или ином языке, имеется множество семантических переходов, регулярно воспроизводимых в разных языках в разные исторические эпохи. Такого рода семантические переходы отражают некие базовые константы, на которых основана концептуализация мира, производимая человеком при помощи языка. Хотя собственно типологии семантических переходов посвящена лишь одна глава, именно в такой перспективе должна прочитываться вся книга.

Другую сквозную идею книги можно сформулировать следующим образом. Принципиальное устройство значения многозначной единицы таково, что оно совмещает в себе свойства дискретной системы оппозиций (представимой в виде множества дискретных значений) и смыслового континуума, где значения «плавно переходят» одно в другое. При этом, что наиболее существенно, часто бывает так, что одни и те же смыслы в одних контекстах оказываются жестко противопоставлены друг другу, а в других образуют единую концептуальную конфигурацию. Это верно для полных и для служебных слов, для морфем и для значений грамматических категорий. Так, например, *сожалеть* можно как о чем-то хорошем, так и о чем-то плохом, поэтому, например, фраза *Он сожалел о годах, проведенных в Африке* двусмысленна (она может означать как то, что это были прекрасные годы, как и то, что это было напрасно потраченное время). Однако наряду с контекстами, где эти два значения отчетливо противопоставлены, существуют и такие, где присутствуют признаки и того и другого значения, ср.: *Она сожалела об отвергнутой участи*.

Множество значений языковой единицы включает область «воспроизводимого» и область «порождаемого», причем граница между этими двумя областями проходит по-разному не только для разных классов слов, но также и для разных говорящих.

Тем самым построение единой системы правил, которая моделировала бы то, как говорящий пользуется многозначными единицами, невозможно. Решение проблемы лежит на пути разделения описательного и моделирующего аспекта представления многозначности; причем и та и другая составляющая нашего представления многозначности носит множественный характер. В качестве инструмента моделирующей области было предложено понятие концептуальной схемы языковой единицы и различных ее реализаций в форме частных значений в реальном высказывании. Концептуальная схема включает в себе представление о конструктивных элементах той или иной концептуальной конфигурации; она может соотноситься со значением не только одной языковой единицы, но также: синонимического ряда; ряда производных слов разных частей речи; ряда слов разных языков, находящихся в отношении переводной эквивалентности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что наиболее фундаментальным принципом, организующим структуру многозначного слова и его функционирование в языке, является перераспределение коммуникативной значимости элементов, составляющих «общее значение» этой единицы (это могут быть, в зависимости от типа слова и выбранного способа представления, элементы концептуальной схемы или семантические компоненты, имеющие пропозициональную форму). То же принципиальное устройство обнаруживает соотношение членов синонимического ряда и рядов межъязыковых эквивалентов. Таким образом, значение слова в конкретном употреблении является результирующей двоякого рода операций над компонентами, составляющими его концептуальную схему: с одной стороны, это выбор наиболее существенных семантических компонентов (для некоторых типов слов это может быть выбор фрагментов пространственной схемы) и их упорядочение по признаку коммуникативной значимости (презумпция, ассерция, импликация и др.); с другой стороны — переосмысление выбранных компонентов, обусловленное изменением таксономического класса актантов. Взаимодействие этих операций обеспечивает конкретный набор правил семантической деривации, порождающих — в той или иной степени регулярную — многозначность.

Одним из факторов, определяющих потенциальную многозначность слова, является его внутренняя форма; причем как ее содержание, так и степень актуальности зависит от разных факторов. С точки зрения роли в языковом сознании и влияния на реальное функционирование слова внутренняя форма, возникшая в результате народной этимологии, ничем не отличается от «настоящей» внутренней формы, соответствующей подлинной этимологии. Этот вывод основывается не столько на использовании языка в его поэтической функции, сколько на том факте, что реальное историческое развитие часто опирается на вторичные сближения этимологически неродственных элементов.

Значительное место в данной книге занимает реконструкция фрагментов русской языковой картины мира, т. е. наиболее специфической составляющей семантической системы русского языка, которая рассматривалась в европейской лингвистической и культурной перспективе. Языковая картина мира — это та часть языковой семантики, которая недоступна непосредственному наблюдению, так как содержится в значении слов и конструкций языка в неявном виде; она может быть лишь реконструирована при помощи лингвистического анализа. При этом важно подчеркнуть, что как сами носители различных взглядов, убеждений и установок,

так и их исследователи в рамках психологической, социологической, исторической и других наук, пользуются для выражения своих мнений и оценок тем или иным естественным языком, заключающим в себе определенную концептуализацию действительности, которую говорящие на нем принимают за подлинное устройство мира. В числе представлений, встроенных в значение слов, есть и такие, которые сами по себе могут оказаться предметом убеждения (ср. употребление терминов *распад* vs. *развал* по отношению к факту прекращения существования СССР в конце 1991 г.); однако предметом конструктивной полемики такие представления смогут стать лишь будучи эксплицированы. Картина мира, предлагаемая человеку его родным языком, это один из факторов, который, среди прочих, влияет на его индивидуальную картину мира. В зависимости от разных обстоятельств, это влияние может быть большим или меньшим; в любом случае, экспликация тех связей, оценок и представлений, которые формируют языковую картину мира родного языка и приобретаются одновременно с его усвоением, обеспечивают человеку свободу выбора в отношении их сознательного приятия или отклонения.

С другой стороны, понятие языковой картины мира — это инструмент, позволяющий описать некоторые типы расхождений в устройстве семантических систем разных языков, а также ряд феноменов в области языковой эволюции, языковых контактов и межкультурной коммуникации. В области исследования языковой картины мира, так же как в этимологии, особенно велика опасность разного рода спекуляций, когда языковой материал вольно или невольно подводится исследователем под ту или иную априорную идею. Однако имеющиеся в распоряжении современной семантики инструментарий анализа вполне обеспечивает возможность избежать этой опасности.

Часть исследований, вошедших в книгу, находятся на границе семантики — с поэтикой, семиотикой, теорией коммуникации и теорией нарратива. Они демонстрируют проницаемость этой границы и призваны подтвердить идеи Романа Якобсона, В. В. Виноградова и Анны Вежбицкой о возможности применения методов лингвистического анализа при исследовании всех процессов и продуктов семиотической деятельности, которые производятся человеком с помощью языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Алисова 1971 — *Алисова Т. Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: Изд-во МГУ, 1971.
- Алисова 1974 — *Алисова Т. Б.* К вопросу о так называемых «стативных» предикатах // Всесоюзная науч. конф. по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974.
- Алисова 1978 — *Алисова Т. Б.* Специфика каузативных конструкций с предикатами психической реакции // Тезисы IV Всесоюзной конф. по романскому языкознанию. Калинин, 1978.
- Алпатов 2003 — *Алпатов В. М.* Книга А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» // Афанасий Матвеевич Селищев и современная филология. Материалы Всероссийской конф. Елец, 2003.
- Апресян 1967 — *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.
- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Апресян 1979 — *Апресян Ю. Д.* Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
- Апресян 1986 — *Апресян Ю. Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 3.
- Апресян 1990 — *Апресян Ю. Д.* Типы лексикографической информации об означающем лексемы // Типология и грамматика. М., 1990.
- Апресян 1991 — *Апресян Ю. Д.* Об интегральном словаре русского языка // Семиотика и информатика, вып. 32. М., 1991.
- Апресян 1993 — *Апресян Ю. Д.* Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 1995а — *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. М., 1995.

- Апресян 1995б — *Апресян Ю. Д.* Лексикографический портрет глагола *выйти* // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- Апресян 1995в — *Апресян Ю. Д.* Перформативы в грамматике и словаре // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- Апресян 1995г — *Апресян Ю. Д.* Новый объяснительный словарь синонимов: Концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов. Проспект. М., 1995.
- Апресян 1995д — *Апресян Ю. Д.* О языке толкований и семантических примитивах // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- Апресян 1995е — *Апресян Ю. Д.* Коннотации как часть прагматики слова // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- Апресян 1997а — *Апресян Ю. Д.* Пытаться, пробовать, стараться, силиться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Апресян 1997б — *Апресян Ю. Д.* Стыдиться, стесняться, смущаться, конфузиться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Апресян 1999 — *Апресян Ю. Д.* Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия РАН. 1999. Т. 58. № 4.
- Апресян 2000а — *Апресян Ю. Д.* Любить, обожать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000.
- Апресян 2000б — *Апресян Ю. Д.* Структура словарной статьи словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000.
- Апресян 2000в — *Апресян Ю. Д.* Бессмертие по Набокову // Русский язык сегодня. М., 2000.
- Апресян 2001 — *Апресян Ю. Д.* Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- Апресян 2004 — *Апресян Ю. Д.* Считать, думать, полагать, находить, рассматривать, смотреть, усматривать, видеть // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М., 2004.
- Апресян 2006 — *Апресян Ю. Д.* (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Апресян 2009 — *Апресян Ю. Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1. Парадигматика. М., 2009.
- Апресян В. 1991 — *Апресян В. Ю.* Словарная статья глагола *гореть* // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
- Апресян В. 1997 — *Апресян В. Ю.* Бояться, пугаться, страшиться, опасаться, трусить, дрейфить, робеть, трепетать, дрожать, трястись // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Апресян В. 2008 — *Апресян В. Ю.* О судьбе и не-судьбе // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст: Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М., 2008.

- Апресян В. 2011a — *Апресян В. Ю.* Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // *Вопр. языкознания.* 2011. № 1.
- Апресян В. 2011б — *Апресян В. Ю.* Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты (II) // *Вопр. языкознания.* 2011. № 2.
- Апресян В., Апресян Ю. 1993 — *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // *Вопр. языкознания.* 1993. № 3.
- Арапова 2000 — *Арапова Н. С.* Кальки в русском языке послепетровского периода: Опыт словаря. М., 2000.
- Аристотель 1984 — *Аристотель.* Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
- Аркадьев 2002 — *П. М. Аркадьев.* Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспекте // *Московский лингвистический журнал.* 2002. 6(1).
- Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова 1978 — *Арутюнова Н. Д.* Синтаксические функции метафоры // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1978. Т. 37. № 3.
- Арутюнова 1979 — *Арутюнова Н. Д.* Языковая метафора (синтаксис и лексика) // *Лингвистика и поэтика.* М., 1979.
- Арутюнова 1983а — *Арутюнова Н. Д.* Сравнительная оценка ситуаций // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1983. Т. 42. № 4.
- Арутюнова 1983б — *Арутюнова Н. Д.* Тождество или подобие? // *Проблемы структурной лингвистики* 1981. М., 1983.
- Арутюнова 1984 — *Арутюнова Н. Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // *Проблемы структурной лингвистики* 1982. М.: Наука, 1984.
- Арутюнова 1985 — *Арутюнова Н. Д.* Об объекте общей оценки // *Вопр. языкознания.* 1985. № 3.
- Арутюнова 1986 — *Арутюнова Н. Д.* Диалогическая цитация (проблемы чужой речи) // *Вопросы языкознания.* 1986. № 1.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова 1989 — *Арутюнова Н. Д.* «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // *Логический анализ языка. Проблемы интенсивно-нальных и прагматических контекстов.* М., 1989.
- Арутюнова 1990 — *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // *Теория метафоры.* М., 1990.
- Арутюнова 1992 — *Арутюнова Н. Д.* Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // *Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис.* М., 1992.
- Арутюнова 1996 — *Арутюнова Н. Д.* Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // *Поэтика и стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур.* М., 1996.

- Арутюнова 1997 — *Арутюнова Н. Д.* Модальные и семантические операторы // Облик слова: Сб. статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М., 1997.
- Арутюнова 1997а — *Арутюнова Н. Д.* О стыде и стуже // Вопр. языкознания. 1997. № 2.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Ашукин и др. 1993 — *Ашукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. Н.* Словарь к пьесам А. Н. Островского. М., 1993.
- Бабаева 1998 — *Бабаева Е. Э.* Кто живет в вертепе, или Опыт построения семантической истории слова // Вопр. языкознания. 1998. № 3.
- Бабаева и др. 1997 — *Бабаева Е. Э., Журавлев А. Ф., Макеева И. И.* О проекте «Исторического словаря современного русского языка» // Вопр. языкознания. 1997. № 2.
- Баранов 1998 — *Баранов А. Н.* Внутренняя форма как фактор организации значения дискурсивных слов // Труды междунар. семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998.
- Баранов 2008 — *Баранов А. Н.* «Просодия» письменного текста: заметки о семантике курсива в повести В. Маканина «Предтеча» // Фонетика и нефофонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008.
- Баранов, Добровольский 1993 — *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов (с английскими эквивалентами): В 2 т. М., 1993.
- Бартминьский 2005 — *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., 1950—1965.
- Бахтин 1972 — *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
- Бахтин 1996 — *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // *Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 5. М.: Русские словари, 1996.*
- Белошাপкова 1989 — *Белошাপкова В. А.* Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошাপковой. М., 1989.
- Бенвенист 1954/74 — *Бенвенист Э.* Семантические проблемы реконструкции // *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. (*Benveniste E. Problèmes sémantiques de la reconstruction // Word. Vol. X. 1954. № 2—3.*)
- Бергельсон, Кибрик 1987 — *Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е.* Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка // *Кибрик А. Е. и др.* Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987.
- Бердяев 1994 — *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1994.

- Береговская 2003 — *Береговская Э. М.* Давид Самойлов — лирик: лингвостилистический портрет // *Русский язык в научном освещении*. 2003. № 6.
- Берн 2003 — *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. М., 2003.
- Бирих 1995 — *Бирих А.* Метонимия в современном русском языке // *Slavistische Beitrage*. Bd 326. Munchen, 1995.
- Бирцер 2004 — *Бирцер С.* Транслитерация русских графем в латиницу в электронной переписке на русском языке. Санкт-Петербург, 2004.
- Блумфилд 1968 — *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Бобрик 1995 — *Бобрик М.* Заметки о языке Андрея Платонова // *Wiener Slavistischer Almanach*. 1995. Bd 35.
- Богатова 1981 — *Богатова Г. А.* Историческая лексикография как жанр // *Вопр. языкознания*. 1981. № 1.
- Богатова 1984 — *Богатова Г. А.* История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984.
- Богуславский 1984 — *Богуславский И. М.* Словарная статья *понимать* // *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь русского языка. *Wiener Slavistischer Almanach*. SBd 14. Wien, 1984.
- Богуславский 1985 — *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., 1985.
- Богуславский, Иомдин 1999 — *Богуславский И. М., Иомдин Л. Л.* Семантика быстроты // *Вопросы языкознания*, 1999, №6. С. 13-30.
- Богуславский и др. 2003 — *Богуславский И., Иомдин Л., Сизов В., Чардин И.* Использование размеченного корпуса текстов при автоматическом синтаксическом анализе // *Когнитивное моделирование в лингвистике: Сб. докл. междунар. конф.* (Варна, 1—7 сент., 2003). Варна; М., 2003.
- Бойм 2002 — *Бойм С.* Общие места. М., 2002.
- Бондарко (ред.) 1990 — *Бондарко А. В.* (ред.). Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.
- Бонч-Осмоловская и др. 2009 — *Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В., Резникова Т. И.* Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // *Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М.* (ред.) *Концепт БОЛЬ в типологическом освещении*. Киев, 2009.
- Бородина, Гак 1979 — *Бородина М. А., Гак В. Г.* К типологии и методике историко-семантических исследований. Л.: Наука, 1979.
- Брагина 2007 — *Брагина Н. Г.* Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Будагов 1964 — *Будагов Р. А.* Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. М., 1964.
- Булыгина 1980 — *Булыгина Т. В.* Грамматические и семантические категории и их связи // *Аспекты семантических исследований*. М., 1980.

- Булыгина 1982 — Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Булыгина 1990 — Булыгина Т. В. Я, ты и другие в русской грамматике // *Res philologica*. Филологические исследования: Памяти акад. Г. В. Степанова. М.; Л., 1990.
- Булыгина, Крылов 1990 — Булыгина Т. В., Крылов С. А. Лексема // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Булыгина, Шмелев 1989а — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // *Вопр. языкознания*. 1989. № 3.
- Булыгина, Шмелев 1989б — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. М., 1989.
- Булыгина, Шмелев 1990/1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Возможности» естественного языка и модальная логика // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Типы каузации и лексикографическое описание русских каузативов // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Булыгина, Шмелев 1997а — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Я, ты и другие в русском синтаксисе (нулевые местоимения: референция и прагматика) // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Булыгина, Шмелев 1998 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Неожиданности в русской языковой картине мира // *ПОЛУТРОПОН*: Сб. статей к 70-летию В. Н. Топорова. М.: Индрик, 1998.
- Булыгина, Шмелев 1999 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Народная этимология: морфонология и картина мира // *Славянские этюды*: Сб. к юбилею С. М. Толстой. М., 1999.
- Булыгина, Шмелев 2000а — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // *Логический анализ языка. Языки пространств*. М., 2000.
- Булыгина, Шмелев 2000б — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Грамматика позора // *Логический анализ языка. Языки этики*. М., 2000.
- Вайль, Генис 2001 — Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 2001.
- Вайс 1999 — Вайс Д. Об одном предлоге, сделавшем блестящую карьеру (Вопрос о возможном агентивном значении модели «у + имя род.») // *Типология и теория языка (от описания к объяснению)*: К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999.

- Варина 1976 — *Варина В. Г.* Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Васильев 1981 — *Васильев Л. М.* Семантика русского глагола. М., 1981.
- Вежбицкая 1982 — *Вежбицкая А.* Дескрипция или цитация? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
- Вежбицкая 1986 — *Вежбицкая А.* Восприятие: семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. М., 1986.
- Вежбицкая 1990 — *Вежбицкая А.* Сравнение — градация — метафора // Теория метафоры. М., 1990.
- Вежбицкая 1996 — *Вежбицкая А.* Прототипы и инварианты // *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вежбицкая 1999 — *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языка. М., 1999.
- Вежбицкая 1999а — *Вежбицкая А.* Angst // *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языка. М., 1999.
- Вежбицкая 2002 — *Вежбицкая А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4).
- Вежбицкая 2008 — *Вежбицкая А.* Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира»? // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст: Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М., 2008.
- Вейренк 1971 — *Вейренк Ж.* Синтаксический анализ творительного падежа // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
- Вейсман 1991 — *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. М., 1991.
- Веселитский 1972 — *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. М., 1972.
- Веселова 2006 — *Веселова В.* Эпитафия — формульный жанр // Вопросы литературы. 2006. № 2.
- Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1947.
- Виноградов 1976 — *Виноградов В. В.* Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.
- Виноградов 1976а — *Виноградов В. В.* О поэзии Анны Ахматовой // *Виноградов В. В.* Поэтика русской литературы. М., 1976.
- Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Виноградов 1994 — *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994.
- Виноградов 1994а — *Виноградов В. В.* Вздор // *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994.
- Виноградов 1994б — *Виноградов В. В.* Задор // *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994.

- Виноградов 1994в — *Виноградов В. В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994.
- Виноградов 2000 — *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. М.: Наука, 2000.
- Волошинов 1929 — *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1929.
- Вольф 1985 — *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
- Всеволодова 1997 — *Всеволодова М. В.* Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова // Труды аспектологического семинара филол. факта МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1997.
- Выготский 1968 — *Выготский Л. С.* Психология искусства. М., 1968.
- Вьолле, Гречаная 2006 — *Вьолле К., Гречаная Е. П.* Дневник в России в конце XVIII — первой половине XIX в. как автобиографическая практика // *Вьолле К., Гречаная Е. П.* (ред.). Автобиографическая практика в России и во Франции. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Гак 1971/1998 — *Гак В. Г.* Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Гак 1972/1998 — *Гак В. Г.* К проблеме общих семантических законов // *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Гак 1977 — *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология (на материале русского и французского языков). М., 1977.
- Гак 1988/1998 — *Гак В. Г.* Метафора: универсальное и специфическое // *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Гак 1997а — *Гак В. Г.* Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
- Гак 1997б — *Гак В. Г.* Типология аналитических форм глагола в славянских языках (иррадиация и конкатенация) // *Вопр. языкознания.* 1997. № 2.
- Гак 1998 — *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Галичкина 2001 — *Галичкина Е. Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций). Дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2001.
- Гаспаров 1994 — *Гаспаров Б. М.* Быт как категория поэтики Пастернака // Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford, 1994.
- Гаспаров 1996 — *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Гаспаров, Автономова 2001 — *Гаспаров М. Л., Автономова Н. С.* Сонеты Шекспира — переводы Маршака // *Гаспаров М.* О русской поэзии. СПб.: Азбука, 2001.

- Гиппенрейтер 2003 — *Гиппенрейтер Ю. Б.* Общаться с ребенком. Как? М., 2003.
- Гиппиус 2004 — *Гиппиус А. А.* К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997—2000 гг. М., 2004.
- Гладкова 2010 — *Гладкова А.* Русская культурная семантика. Эмоции, ценности, установки. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Гловинская 1989 — *Гловинская М. Я.* Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. М., 1989.
- Гловинская 1992 — *Гловинская М. Я.* Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Гловинская 1993 — *Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов. М., 1993.
- Гловинская 1996 — *Гловинская М. Я.* Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- Гловинская 1998 — *Гловинская М. Я.* Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М., 1998.
- Гловинская 2001 — *Гловинская М. Я.* Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. М., 2001.
- Головановская 2009 — *Головановская М. К.* Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. М.: Языки славянской культуры, 2009.
- Головин, Лурье 1998 — *Головин В. В., Лурье В. Ф.* Девичий альбом XX века // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998.
- Гордон, Лакофф 1985 — *Гордон Д., Лакофф Дж.* Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- Грайс 1985 — *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- Грамматика-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Грамматика-80 — Русская грамматика. Т. 1—2. М., 1980.
- Грибак 1991 — *Грибак Л. П.* Общение с собой: начала психологии активности. М.: Политиздат, 1991.
- Грунтов 2007 — *Грунтов И. А.* «Каталог семантических переходов» — база данных по типологии семантических изменений. // Компьютерная лингвистика

- и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конф. Диалог'2007. М., 2007.
- Гумбольдт 1984 — *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. Т. 1.
- Гуревич 1988 — *Гуревич В. В.* Семантическая производность в грамматике. М., 1988.
- Даль 1994 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.
- Дворецкий 1976 — *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.
- Декарт 1950 — *Декарт Р.* Избранные произведения. М.: Изд-во иностр. лит., 1950.
- Демьянков 1983 — *Демьянков В.З.* Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания, 1983. № 6. С. 58 - 67.
- Демьянков 1985 — *Демьянков В. З.* Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. М.: Изд-во МГУ, 1985.
- Демьянков 1989 — *Демьянков В. З.* Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М., 1989.
- Демьянков 2007 — *Демьянков В. З.* Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сб. статей в честь акад. Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. М.: Азбуковник, 2007.
- Демьянков 2010 — *Демьянков В. З.* О методах контрастивной лингвистики в политологии // Вопр. филологии. М., 2010. № 1.
- Денисов, Морковкин 1983 — Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. Н. П. Денисова, В. В. Морковкина. М., 1983.
- Дмитровская 1988 — *Дмитровская М. А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
- Дмитровская 1988а — *Дмитровская М. А.* Знание и достоверность // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Дмитровская 1990 — *Дмитровская М. А.* «Переживание жизни»: о некоторых особенностях языка А. Платонова // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Дмитровская 1991 — *Дмитровская М. А.* Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Дмитровская 2000 — *Дмитровская М. А.* «Стрела, попавшая в цель» (телеология Набокова и Газданова) // Газданов и мировая культура. Калининград, 2000.
- Добжиньская 1990 — *Добжиньская Т.* Метафорическое высказывание в прямой и косвенной речи // Теория метафоры. М., 1990.
- Добренко 2008 — *Добренко Е.* Музей революции. Советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: НЛЮ, 2008.

- Добровольский 2001 — *Добровольский Д. О.* К динамике узуса. (Язык Пушкина и современное словоупотребление) // Русский язык в научном освещении. №1. 2001. С. 161—178.
- Добровольский 2003 — *Добровольский Д. О.* Лексическая сочетаемость в диахронии (к динамике узуальных норм) // Русский язык сегодня. 2. Активные языковые процессы конца XX в. М., 2003. С. 125—138.
- Добровольский 2005 — *Добровольский Д. О.* Факторы сочетаемости: семантика, прагматика, узус // Русский язык в научном освещении. №10. 2005. С. 43—86.
- Добрушина, Пайар 2001 — *Добрушина Е. Р., Пайар Д.* Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы // *Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д.* Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.
- Друк 2009 — *Друк В.* Автор 2.0: Новые вызовы и возможности // Новое литературное обозрение. 2009. № 100 (6).
- Егоров 2002 — *Егоров О. Г.* Дневники русских писателей XIX века. Исследование. М., 2002.
- Егоров 2003 — *Егоров О. Г.* Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. М., 2003.
- Ермакова 2003 — *Ермакова О. П.* Концепт «безумие» с точки зрения языка // Логический анализ языка. Космос и хаос. М., 2003.
- Ермакова, Земская 1993 — *Ермакова О. П., Земская Е. А.* К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Еськова 1999 — *Еськова Н. А.* Хорошо ли мы знаем Пушкина? М.: Русские словари, 1999.
- Ефремова 1996 — *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.
- Женетт 1972 — *Женетт Ж.* Фигуры: В 2 т. М., 1972.
- Зализняк 1983 — *Зализняк Анна А.* Семантика глагола *бояться* в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 1.
- Зализняк 1985 — *Зализняк Анна А.* Знание как единица семантического языка // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар «Кутаиси-85»: Тезисы докл. М., 1985.
- Зализняк 1987 — *Зализняк Анна А.* О типах взаимодействия семантических признаков // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.
- Зализняк 1988а — *Зализняк Анна А.* О семантике сожаления // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

- Зализняк 1988б — Зализняк Анна А. О понятии имплицативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом) // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
- Зализняк 1990а — Зализняк Анна А. Наречие *напрасно*: семантика и сочетаемость // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990.
- Зализняк 1990б — Зализняк Анна А. Концепт «говорить»: семантические свидетельства семиотической природы языка // Концептуальный анализ: методы, результаты, перспективы: Тезисы конф. М., 1990.
- Зализняк 1991 — Зализняк Анна А. *Считать* и *думать*: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты, М., 1991.
- Зализняк 1991а — Зализняк Анна А. Словарная статья глагола *говорить* // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
- Зализняк 1992 — Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния // *Slavistische Beiträge*. Bd 298. München: Otto Sagner, 1992.
- Зализняк 1994 — Зализняк Анна А. Праздник жизни проходит мимо (Заметки о неоднозначности некоторых русских слов) // *Wiener Slavistischer Almanach*. Bd 34. 1994.
- Зализняк 1995 — Зализняк Анна А. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // *Russian Linguistics*. Vol. 19. 1995.
- Зализняк 1996 — Зализняк Анна А. The Case for Surface Case reopened, или Еще раз о значении русского творительного падежа // *Die Welt der Slaven*. 41. 1996.
- Зализняк 1998 — Зализняк Анна А. О месте внутренней формы слова в семантическом моделировании // Труды международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998.
- Зализняк 1999а — Зализняк Анна А. Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999.
- Зализняк 1999б — Зализняк Анна А. Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имен (в связи с романом М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия») // *Festschrift Anna Wierzbicka / Ed. by J. L. Mey. RASK № 9/10, Odense University Press, March 1999*.
- Зализняк 2000а — Зализняк Анна А. Преодоление пространства в русской языковой картине мира: глагол *добираться* // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Зализняк 2000б — Зализняк Анна А. О семантике щепетильности (*обидно, совестно* и *неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.
- Зализняк 2000в — Зализняк Анна А. Заметки о метафоре // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.

- Зализняк 2000г — *Зализняк Анна А.* Глагол *говорить*: три этюда к словесному портрету // *Язык о языке*. М., 2000.
- Зализняк 2001а — *Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // *Вопр. языкознания*. 2001. № 2.
- Зализняк 2001б — *Зализняк Анна А.* Глагол *добратся/добираться*: аспектуальная семантика и семантическая эволюция // *Русский язык: пересекая границы*. Дубна, 2001.
- Зализняк 2001в — *Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в значении приставки *у-* // *Глагольные префиксы и префиксальные глаголы*. Московский лингвистический журнал. М.: РГГУ, 2001. № 5.
- Зализняк 2003 — *Зализняк Анна А.* *Счастье и наслаждение* в русской языковой картине мира // *Русский язык в научном освещении*. 2003. № 5.
- Зализняк 2004 — *Зализняк Анна А.* Реконструкция «истинного смысла» реплик в конфликтном диалоге: постановка проблемы // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Труды Междунар. конф. Диалог'2004. («Верхневолжский», 2—7 июня 2004). М., 2004.
- Зализняк 2006 — *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Зализняк 2006а — *Зализняк Анна А.* Русские культурные концепты в европейской лингвистической перспективе: слово *проблема* // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Труды Междунар. конф. Диалог'2006. Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006.
- Зализняк 2007а — *Зализняк Анна А.* *Юмор и остроумие* в европейской культурной перспективе // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма*. М., 2007.
- Зализняк 2007б — *Зализняк Анна А.* Предикаты ошибочного мнения в свете семантической типологии: глагол *мнить* // *Логический анализ языка. Между ложью и фантазией*. М.: Индрик, 2007.
- Зализняк 2007в — *Зализняк Анна А.* Семантика кавычек // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Труды Междунар. конф. Диалог'2007. Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007. М., 2007.
- Зализняк 2008 — *Зализняк Анна А.* Концептуализация *памяти* и *забвения* в русском языке // *Когнитивные исследования*. Вып. 2 / Ред. В. Д. Соловьев, Т. В. Черниговская, М.: Институт психологии РАН, 2008.
- Зализняк 2008а — *Зализняк Анна А.* Тексты А. Платонова как лингвистический источник // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Труды Международной конференции Диалог'2008. М., 2008.
- Зализняк 2009а — *Зализняк Анна А.* Об эволюции концепта *отдыхать* в русском языке // «Слово — чистое веселье...»: Сб. статей в честь А. Б. Пеньковско-го. / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Языки славянской культуры, 2009.

- Зализняк 2009б — *Зализняк Анна А. Гости puralia tantum в современном русском языке // Berger T., Giger M., Kurt S., Mendoza I. (Hrsg.). Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern — Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zum Politsprache. Festschrift Daniel Weiss zum 60. Geburtstag. Wiener Slavistischer Almanach. SBd 73. München; Wien, 2009.*
- Зализняк 2009в — *Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог'2009. Бекасово, 27—31 мая 2009. М., 2009.*
- Зализняк 2009г — *Зализняк Анна А. О семантике непонимания // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., Индрик, 2009.*
- Зализняк 2010 — *Зализняк Анна А. Культурно отдыхаем // Русский язык и культура речи. ИРЯ РАН. М.: АСТ-Пресс, 2010.*
- Зализняк 2010б — *Зализняк Анна А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106 (6).*
- Зализняк 2012а — *Об эффе́кте ближней семантической эволюции // PHILOLOGICA Двухязычный журнал по русской и теоретической филологии / Под ред. И. А. Пильщикова, М. И. Шапира. Т. 9. 2012. № 21/23.*
- Зализняк 2012б — *Зализняк Анна А. Второе лицо: семантика, грамматика, нарратология // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М.: Индрик, 2012.*
- Зализняк 2013а — *Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. К вопросу о термине «языковая картина мира» // Russian Linguistics. Vol. 37. 2013. Issue 1.*
- Зализняк 2013б — *Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2.*
- Зализняк, Левонтина 1996 — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: Anna Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y., Oxford, Oxford Univ. Press, 1992) // Russian Linguistics. Vol. 20. 1996.*
- Зализняк, Левонтина 1997 — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. С любимыми не расставайтесь // Логический анализ языка. Образ человека в языке и культуре. М., 1997.*
- Зализняк и др. 2005 — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.*
- Зализняк и др. 2012 — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. Москва: Языки славянской культуры, 2012.*
- Зализняк, Микаэлян 1988 — *Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. Об одном способе разрешения неоднозначности в глаголах пропозициональной установки //*

- Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар «Боржоми-88»: Тезисы докл. М., 1988.
- Зализняк, Микаэлян 2005 — *Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л.* Русский союз *a* как лингвоспецифичное слово // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конф. Диалог-2005. (Звенигород, 1—6 июня 2005). М., 2005.
- Зализняк, Микаэлян 2006а — *Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л.* Переписка по электронной почте как особый коммуникативный жанр // *Le texte dans la Russie contemporaine. Chroniques slaves*. 2006. № 2.
- Зализняк, Микаэлян 2006б — *Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л.* Переписка по электронной почте как лингвистический объект // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конф. Диалог'2006. Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006. М., 2006.
- Зализняк, Падучева 1987 — *Зализняк Анна А., Падучева Е. В.* О семантике вводного употребления глаголов // Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории. М., 1987.
- Зализняк, Падучева 1989 — *Зализняк Анна А., Падучева Е. В.* Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
- Зализняк, Шмелев 2000 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Зализняк, Шмелев 2001 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Типы видовой связи // Труды междунар. семинара Диалог-2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Аксаково, 2001.
- Зализняк, Шмелев 2002 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Семантика 'начала' с аспектологической точки зрения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Зализняк, Шмелев 2003 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Компактность *VS.* рассеяние в метафорическом пространстве русского языка // Логический анализ языка. Хаос и космос. М., 2003.
- Зализняк, Шмелев 2003а — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Homo jubilans // *Rusistika. Slavistika. Lingvistika. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag / Hrsg. von S. Kempgen, U. Schweier, T. Berger (Die Welt der Slaven, Sammelbände. Bd 19)*. München: Otto Sagner Verlag, 2003.
- Зализняк, Шмелев 2004 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: *быт, пошлость, вранье* // Логический анализ языка. Языки эстетики. М., 2004.
- Зализняк, Шмелев 2008 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* *Льстить*: семантическая эволюция и актуальная полисемия // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М.: Индрик, 2008.

- Зализняк, Шмелев 2010 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Вздор: слово и дело // Логический анализ языка. Монолог, диалог, полилог. М.: Индрик, 2010.*
- Зализняк, Шмелев 2012 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Русское разочарование в европейском контексте: история и современность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог'2012. Бекасово, 30 июня — 3 июля 2012. М., 2012. С. 684-695.*
- Зализняк А. А. 1964 — *Зализняк А. А. Синхронное описание и внутренняя реконструкция // Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия: Тезисы докл. М., 1964.*
- Зализняк А. А. 1967 — *Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.*
- Зализняк А. А. 1990 — *Зализняк А. А. Об одном употреблении презенса совершенного вида («презент напрасного ожидания») // Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990.*
- Зализняк А. А. 2000 — *Зализняк А. А. Лингвистика по Фоменко // История и антиистория. М., 2000.*
- Зализняк А. А. 2004 — *Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.*
- Зализняк А. А. и др. 2005 — *Зализняк А. А., Торопова Е. В., Янин В. Л. Берестяные грамоты из раскопок 2004 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2005. № 3.*
- Засорина (ред.) 1977 — *Засорина Л. Н. (ред.). Частотный словарь русского языка. М., 1977.*
- Захарьин 2005 — *Захарьин Д. Антропология и генеалогия интимности // Grigor'eva N., Schahadat Sch., Smirnov I. (eds.). Nähe Schaffen, Abstand halten. Zur Geschichte der Intimität in der Russischen Kultur. Wiener Slawistischer Almanach. SBd 62. Wien; München, 2005.*
- Звегинцев 1957 — *Звегинцев В. А. Семасиология. М., 1957.*
- Зевахина 1985 — *Зевахина Т. С. К вопросу об универсалиях в области полисемии // Лингвистическая типология. М.: Наука, 1985.*
- Земская (ред.) 1973 — *Земская Е. А. (ред.) Русская разговорная речь. М., 1973.*
- Золотова 1988 — *Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.*
- Иванов 1975 — *Иванов Вяч. Вс. К типологическому анализу внутренней формы праслав. *čelověкъ // Этимология. 1973. М., 1975.*
- Иванов 1995 — *Иванов Вяч. Вс. Нечет и чет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1995.*

- Иванов 1999 — *Иванов Вяч. Вс.* Структура гомеровских текстов, описывающих внутренние состояния // Из работ Московского семиотического круга. М., 1999.
- Иванова 1991 — *Иванова С. А.* Словарная статья глагола *расстраивать* // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
- Иванчикова 1984 — *Иванчикова Е. А.* Частица *декадь* в контексте чужой речи // Сборник Матице серпске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1984—1985.
- Изард 1980 — *Изард К.* Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980.
- Иомдин 2006 — *Иомдин Б. Л.* Языковая модель понимания // *Апресян Ю. Д.* (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Иорданская 1967 — *Иорданская Л. Н.* Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1967. № 5.
- Иорданская 1970 — *Иорданская Л. Н.* Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1970.
- Иорданская 1984 — *Иорданская Л. Н.* *Бояться* // *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь русского языка. Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 14. Wien, 1984.
- Иорданская 1992 — *Иорданская Л. Н.* Перформативные глаголы и риторические союзы // Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 33. Wien, 1992. Sbd.
- Иорданская и др. 1984 — *Иорданская Л. Н., Жолковский А. К., Мельчук И. А.* *Чувство* // *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь русского языка. Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 14. Wien, 1984.
- Иссерс 2002 — *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2002.
- Йокояма 1990 — *Йокояма О.* К анализу русских сочинительных союзов // Логический анализ языка // Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Капанадзе 2001 — *Капанадзе Л. А.* Структура и тенденции развития электронных жанров // Жизнь языка: Сб. статей к 80-летию М. В. Панова. М., 2001.
- Карасик и др. 2005 — *Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубков Я. В., Грабарова Э. В.* Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005.
- Кельнер, Новикова 2005 — *Кельнер В. Е., Новикова О. П.* Инскрипты литераторов и литературоведов в фондах Российской национальной библиотеки // Новое литературное обозрение. 2005. № 74.
- Кибрик 1980 — *Кибрик А. Е.* Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Изв. АН СССР Р. Сер. лит. и языка. 1980. Т. 39. № 4.

- Кибрик 1987 — *Кибрик А. Е.* Семантика и синтаксис глаголов *хотеть* и *бояться* (типологические наблюдения) // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте: Тезисы докл. рабочего совещания. М., 1987.
- Кибрик 1996 — *Кибрик А. Е.* О «невыполненных обещаниях» лингвистики 50—60-х годов // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. Спорное в лингвистике. М., 1996.
- Киселева, Пайар 1998 — *Киселева К. Л., Пайар Д.* Дискурсивные слова как объект лингвистического описания // *Киселева К. Л., Пайар Д.* (ред.). Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998.
- Князев 2007 — *Князев Ю. П.* Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Князев 2008 — *Князев Ю. П.* Адресатное и обобщенно-личное значение форм 2-го лица // Динамические модели. Слово, предложение, текст: Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Кобзарева 2005 — *Кобзарева Т. Ю.* Омонимия и синонимия знаков препинания в русском тексте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. Диалог — 2005. М., 2005.
- Кобозева 1993 — *Кобозева И. М.* Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Кобозева 2000 — *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Кобозева, Лауфер 1988 — *Кобозева И. М., Лауфер Н. И.* Об одном способе косвенного информирования // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. № 5.
- Кобозева, Лауфер 1990 — *Кобозева И. М., Лауфер Н. И.* Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Кобозева, Лауфер 1994 — *Кобозева И. М., Лауфер Н. И.* Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- Кобрин 2003 — *Кобрин К.* «Похвала дневнику» // Новое литературное обозрение. 2003. № 61 (3).
- Козинцев 2005 — *Козинцев А. Г.* Эмоции, язык, культура (заметки о невербальной семиотике) // Радловские чтения 2005: Тезисы докл. СПб.: МАЭ РАН, 2005.
- Козинцева 1981 — *Козинцева Л. М.* Конструкции с глаголами речи, мысли, чувственного восприятия, эмоционального отношения и оценки // Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами. Материалы Всесоюзной конф. «Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков». Л., 1981.
- Копчевская, Рахилина 1999 — *Копчевская М., Рахилина Е. В.* С самыми теплыми чувствами. (По горячим следам Стокгольмской экспедиции) // Типология и теория языка. От описания к объяснению: К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999.

- Корнилов 2011 — *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011.
- Кор-Шаин, Рахилина 2009 — *Кор-Шаин И., Рахилина Е. В.* Чего не хватает глаголу *хватать*? // *Арутюнова Н. Д.* (ред.). Логический анализ языка: Ассерция и негация. М.: Индрик, 2009.
- Кошелев 1991 — *Кошелев А. Д.* К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Красухин 1997 — *Красухин К. Г.* Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
- Крейдлин 1975 — *Крейдлин Г. Е.* Лексема *даже* // Семиотика и информатика. Вып. 6. М., 1975.
- Крейдлин, Падучева 1974а — *Крейдлин Г. И., Падучева Е. В.* Значение и синтаксические свойства союза *а* // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1974. № 9.
- Крейдлин, Падучева 1974б — *Крейдлин Г. И., Падучева Е. В.* Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а* // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1974. № 10.
- Крейдлин, Рахилина 1981 — *Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В.* Денотативный статус отглагольных имен. I // Научно-техническая информация. 1981. № 12.
- Кронгауз 1991 — *Кронгауз М. А.* Словарная статья существительного *жена* // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
- Кронгауз 1998 — *Кронгауз М. А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Кронгауз 2009 — *Кронгауз М. А.* Публичная интимность // Знамя. 2009. № 12.
- Кружков 1999 — *Кружков С.* Заграница как личный опыт // Знамя. 1999. № 2.
- Крылова 2004 — *Крылова Т. В.* Метафора «веревки» в словах, характеризующих поведение человека в обществе // Сокровенные смыслы: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004.
- Крысин 1998 — *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
- Крысин 2002 — *Крысин Л. П.* Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопр. языкознания. 2002. № 6.
- Крысин 2004 — *Крысин Л. П.* Русское слово, свое и чужое. М., 2004.
- Крысько 1997 — *Крысько В. Б.* *Verba pretii* в истории русского и других славянских языков // Вопр. языкознания. 1997. № 2.
- Кубрякова 1991 — *Кубрякова Е. С.* Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Кубрякова 2004 — *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Курилович 1962 — *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.

- Курицын 2001 — *Курицын В.* Русский литературный постмодернизм. М., 2001.
- Кустова 2000 — *Кустова Г. И.* Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // *Вопр. языкознания.* 2000. № 4.
- Кустова 2002 — *Кустова Г. И.* О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой // *Вопр. языкознания.* 2002. № 2.
- Кустова 2004 — *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Кустова и др. 2005 — *Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Падучева Е. В., Рахилина Е. В.* Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: современное состояние и перспективы // *Национальный корпус русского языка: 2003—2005.* М.: Индрик, 2005.
- Кустова, Падучева 1994 — *Кустова Г. И., Падучева Е. В.* Словарь как лексическая база данных // *Вопр. языкознания.* 1994. № 4.
- Кучинский 1988 — *Кучинский Г. М.* Психология внутреннего диалога. Минск, 1988.
- Лакофф, Джонсон 2004 — *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- Лаптева 2003 — *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. 2-е изд. М.: УРСС, 2003.
- Лаптева 2004 — *Лаптева О. А.* Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований (статья вторая) // *Вопр. языкознания.* 2004. № 5.
- Ларина 2009 — *Ларина Т.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Лауфер 1993 — *Лауфер Н. И.* Уверен и убежден: два типа эпистемических состояний // *Логический анализ языка. Ментальные действия.* М., 1993.
- Лауфер 2000 — *Лауфер Н. И.* Пасынок ментального поля, или Сотворение мнения // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология.* 2000. № 3.
- Леви 1989 — *Леви В.* Нестандартный ребенок. М., 1989.
- Левин 1970/98 — *Левин Ю. И.* Об одной группе союзов русского языка // *Левин Ю. И. Избранные труды.* М., 1998.
- Левин 1990/98 — *Левин Ю. И.* От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) // *Семиотика и информатика.* М., 1990. Вып. 30. (То же в книге: *Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семантика.* М., 1998.)
- Левин 1998а — *Левин Ю. И.* О «Машеньке» Вл. Набокова // *Левин Ю. И. Избранные труды.* М., 1998.
- Левин 1998б — *Левин Ю. И.* О. Манделъштам. Разбор шести стихотворений // *Левин Ю. И. Избранные труды.* М., 1998.

- Левонтина 1997а — *Левонтина И. Б.* Жалость, сочувствие 1, сострадание, участие 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997.
- Левонтина 1997б — *Левонтина И. Б.* Собираться, намереваться, планировать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Левонтина 2004 — *Левонтина И. Б.* Заранее, заблаговременно, загодя, наперед, заблаговременно // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2004.
- Левонтина 2004а — *Левонтина И. Б.* Гостеприимный, хлебосольный, радушный // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М., 2004.
- Левонтина 2007 — *Левонтина И. Б.* Культура и отдых // URL: интернет-ссылка <http://www.stengazeta.net/>
- Левонтина 2010 — *Левонтина И. Б.* Русский со словарем. Москва: Азбуковник, 2010.
- Левонтина, Шмелев 1996 — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Русское «заодно» как выражение жизненной позиции // Русская речь. 1996. № 2.
- Левонтина, Шмелев 1999 — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира. М., 1999.
- Левонтина, Шмелев 2000а — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Родные просторы // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Левонтина, Шмелев 2000б — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* «За справедливостью пустой» // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.
- ван Лейвен-Турновцева 1999 — *ван Лейвен-Турновцева Й.* Динамическое и статическое на фоне противопоставления иррационального и рационального // Логический анализ языка. Языки динамического мира. М., 1999.
- Лотман 1970 — *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970.
- Лотман 1996 — *Лотман Ю. М.* Три функции текста // *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996.
- Лотман 2000 — *Лотман Ю. М.* Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000.
- Лотман 2008 — *Лотман Ю. М.* Комментарии к «Евгению Онегину». М., 2008.
- Лотман, Успенский 1994 — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. 1. М., 1994.

- Лукин 1996 — *Лукин В. А.* Слово *противоречие*, одноименное семантическое поле и концепт противоречия в русском языке // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Ляшевская, Рахилина 2005 — *Ляшевская О. Н., Рахилина Е. В.* Многозначность сквозь призму дискурса // Четвертая типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21—28 сентября 2005 г. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2005.
- Майсак 2005 — *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- Майсак, Рахилина (ред.) 2007 — *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Макеева 2000 — *Макеева И. И.* Языковые концепты в истории русского языка // Язык о языке. М., 2000.
- Маковский 1989 — *Маковский М. М.* Удивительный мир слов и значений. М., 1989.
- Маляр, Селиверстова 1998 — *Маляр Т. Н., Селиверстова О. Н.* Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках // *Slawistische Beitrage. Bd 362.* Munchen: Otto Sagner, 1998.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999.
- Маслов 1984 — *Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984. (или: Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1948. Т. 7. Вып. 4)
- Маслов 1998 — *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. 3-е изд. М., 1998.
- Меерсон 1997 — *Меерсон О.* «Свободная вещь». Поэтика неостранения у Андрея Платонова. Berkeley Slavic Specialities, 1997.
- Меерсон 2009 — *Меерсон О.* Персонализм как поэтика. СПб.: «Пушкинский дом», 2009.
- Мелерович, Мокиенко 1997 — *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 1997.
- Мельникова 2003 — *Мельникова А. А.* Язык и национальный характер. СПб.: Речь, 2003.
- Мельчук 1974/99 — *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
- Мельчук 1997 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. 1. М., 1997.
- Мельчук, Жолковский 1984 — *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь русского языка. Wiener Slawistischer Almanach. SBd. 14. Wien, 1984.

- Михайлова 2000 — *Михайлова Н. И.* «Мой дядя самых честных правил» (Из наблюдений над текстом первой строфы «Евгения Онегина») // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59. № 3.
- Михеев 1999 — *Михеев М. Ю.* Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
- Михеев 2003 — *Михеев М. Ю.* В мир А.Платонова через его язык. М., 2003.
- Михеев 2007 — *Михеев М. Ю.* Дневник как эго-текст. М., 2007.
- Михеев 2010 — *Михеев М. Ю.* Средства выделения слова: повтор, кавычки, курсив («Преступление и наказание» Достоевского) // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М.: Индрик, 2010.
- Михельсон 1994 — *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: В 2 т. М., 1994.
- Мразек 1964 — *Мразек Р.* Синтаксис русского творительного. Прага, 1964.
- Мур 1984 — *Мур Дж.* Принципы этики. М.: Прогресс, 1984.
- Нещименко 2005 — *Нещименко Г. П.* К вопросу о лингвистическом статусе языка компьютерных диалогов // Язык. Личность. Текст: Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005.
- Никитина 1996 — *Никитина С. Е.* Паронимическая аттракция или народная этимология? // Язык как творчество: К 70-летию В. П. Григорьева. М., 1996.
- Никитина 2006 — *Никитина Е. С.* Автокоммуникация как риторическая проблема // Классическое лингвистическое образование в современном мультикультурном пространстве-2: Материалы Междунар. науч. конф. Ч. 1. М.; Пятигорск, 2006.
- Николаева 1988 — *Николаева Т. М.* «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Николаева 1997а — *Николаева Т. М.* «Слово о полку Игореве»: Поэтика и лингвистика текста // «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М., 1997.
- Николаева 1997б — *Николаева Т. М.* *А мы швейцару: «Отворите двери!»* (в развитие идей Дмитрия Николаевича Шмелева о цельности семантики лексем) // Облик слова: Сб. статей памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997.
- Николаева 2000 — *Николаева Т. М.* О возможном влиянии одного текста О. Бальзака на судьбы русских поэтов (Пушкин и Лермонтов) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59. № 3.
- Николаева 2002 — *Николаева Т. М.* «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопр. языкознания. 2002. № 4.
- Николаева 2004 — *Николаева Т. М.* Сочинительные союзы *а, но, и*: история, сходства и различия // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. М., 2004.

- Николз 1985 — *Николз Дж.* Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М., 1985.
- НКРЯ-2009 — Национальный корпус русского языка. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009.
- НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М., 2004.
- Ожегов, Шведова 1998 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1998.
- Павиленис 1983 — *Павиленис Р.* Проблема смысла. М.: Мысль, 1983.
- Павиленис 1986 — *Павиленис Р.* Язык, смысл, понимание // Язык, наука, философия. Вильнюс, 1986.
- Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева 1979 — *Падучева Е. В.* Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения. // НТИ, 1979, № 9.
- Падучева 1980 — *Падучева Е. В.* Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 20. М., 1980.
- Падучева 1982 — *Падучева Е. В.* Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982.
- Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева 1985а — *Падучева Е. В.* Семантические типы ситуаций и значение *всегда* // Семиотика и информатика. Вып. 24. М., 1985. № 6.
- Падучева 1986 — *Падучева Е. В.* О референции языковых выражений с непредметным значением // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1986. № 1.
- Падучева 1992 — *Падучева Е. В.* Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Падучева 1993а — *Падучева Е. В.* Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. № 3.
- Падучева 1993б — *Падучева Е. В.* К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Падучева 1994 — *Падучева Е. В.* Вид и время перформативного глагола // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- Падучева 1995 — *Падучева Е. В.* В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Изв. РАН, сер. лит. и яз. Т. 54. 1995. № 3.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.

- Падучева 1997 — *Падучева Е. В.* Эгоцентрическая семантика союзов А и НО // Славянские сочинительные союзы. М., 1997.
- Падучева 1997а — *Падучева Е. В.* Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопр. языкознания. 1997. № 2.
- Падучева 1997б — *Падучева Е. В.* Давно и долго // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
- Падучева 1997в — *Падучева Е. В.* Кто же вышел из «Шинели» Гоголя? (о подразумеваемых субъектах неопределенных местоимений) // Изв. РАН. 1997. № 2.
- Падучева 1998а — *Падучева Е. В.* Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопр. языкознания. 1998. № 5.
- Падучева 1998б — *Падучева Е. В.* О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык в его функционировании. Третьи Шмелевские чтения, 22—24 февраля 1998: Тезисы докл. междунар. конф. М., 1998.
- Падучева 1999 — *Падучева Е. В.* Глаголы движения и их стативные дериваты // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999.
- Падучева 2000 — *Падучева Е. В.* О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. М., 2000.
- Падучева 2001 — *Падучева Е. В.* Русский литературный язык до и после Пушкина // G.Ressel (ed.). A.S.Puškin und die kulturelle Identität Russlands. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. S. 97—108.
- Падучева 2002 — *Падучева Е. В.* О параметрах лексического значения глагола: таксономический класс участника // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3).
- Падучева 2004 — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева 2007 — *Падучева Е. В.* [рец. на:] *Т. Б. Радбиль.* Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: МПГУ, 2006 // Русский язык в научном освещении. 2007. № 14.
- Падучева 2013 — *Падучева Е. В.* Эгоцентрические единицы языка и режимы интерпретации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конф. Диалог'2013. М., 2013.
- Пайар 1997 — *Пайар Д.* Формальное представление приставки *от-* // Глагольная префиксация в русском языке: Сб. статей / Сост. М. Кронгауз, Д. Пайар. М., 1997.
- Панов 1990 — *Панов М. В.* О позиционном чередовании грамматических значений // Типология и грамматика. М., 1990.
- Панов 1992 — *Панов М. В.* Предсказуемость алломорфа // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.

- Паперная и др. 1927/1990 — *Паперная Э. С., Розенберг А. Г., Финкель А. М.* Парнас дыбом. Харьков: Космос, 1927 (переизд.: М.: Художественная литература, 1990).
- Паршин 1996 — *Паршин П. Б.* Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // *Вопр. языкознания.* 1996. № 2.
- Пауль 1960 — *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
- Пеньковский 1991 — *Пеньковский А. Б.* *Радость и удовольствие* в представлении русского языка // *Логический анализ языка. Культурные концепты.* М., 1991.
- Пеньковский 1999 — *Пеньковский А. Б.* Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 1999.
- Пеньковский 2004 — *Пеньковский А. Б.* Тезисы о тимиологии и тимиологических оценках // *Пеньковский А. Б.* Очерки по семантике. М., 2004.
- Пеньковский 2005 — *Пеньковский А. Б.* Загадки пушкинского текста и словаря. Опыт филологической герменевтики. М., 2005.
- Перцов 1994 — *Перцов Н. В.* Лингвистические заметки о поэме А. С. Пушкина «Домик в Коломне» // *Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике. Памяти А. Н. Журина.* М., 1994.
- Перцов 1996 — *Перцов Н. В.* О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // *Московский лингвистический альманах.* Вып. 1. М., 1996.
- Перцов 2000 — *Перцов Н. В.* О последнем сонете Пушкина // *Логический анализ языка. Языки этики.* М., 2000.
- Перцов 2000а — *Перцов Н. В.* О неоднозначности в поэтическом языке // *Вопр. языкознания.* 2000. № 3.
- Перцов 2000б — *Перцов Н. В.* Загадка начала «Евгения Онегина» // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 2000. Т. 59. № 3.
- Перцов 2001 — *Перцов Н. В.* Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Перцов 2009 — *Перцов Н. В.* Размышления о лексической семантике пушкинской поры и об одном ее «культурном мифе» (над книгой А. Б. Пеньковского «Нина...») // «Слово — чистое веселье...»: Сб. статей в честь А. Б. Пеньковского. / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Языки славянской культуры, 2009.
- Перцова 1988 — *Перцова Н. Н.* Формализация толкования слова. М., 1988.
- Перцова 1990 — *Перцова Н. Н.* К понятию «вещной коннотации» // *Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка.* М., 1990.
- Петровский 1996 — Петровский В. А. Личность в психологии. Парадигма субъектности.* Ростов-на-Дону, 1996.
- Пешковский 1938 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М.: Учпедгиз, 1938.

- Пигров 1998 — *Пигров К. С.* Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации. // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. СПб., 1998.
- Пизани 2001 — *Пизани В.* Этимология. М., 2001.
- Пирогова 2000 — *Пирогова Ю. К.* Языковая игра в коммерческой рекламе // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000.
- Плунгян 1991 — *Плунгян В. А.* К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимание в языке догон) // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Плунгян 1998 — *Плунгян В. А.* Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Плунгян 2000 — *Плунгян В. А.* 'Быстро' в грамматике русского и других языков // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- Плунгян 2001a — *Плунгян В. А.* Приставка *под-* в русском языке: к описанию семантической сети // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. М., 2001.
- Плунгян 2001б — *Плунгян В. А.* Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. 1. Глагольные категории. М., 2001.
- Плунгян 2004 — *Плунгян В. А.* Конструкция с *успеть* и *не успеть* в русском языке XIX-XX вв.: корпусное исследование // Русский язык XIX века: Проблемы изучения и лексикографического описания. СПб.: Наука, 2004. С.112-115.
- Плунгян 2011 — *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Плунгян, Рахилина 1990 — *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Сирконстанты в толковании? // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich.* Białystok, 1990.
- Плунгян, Рахилина 1993 — *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Безумие как лексикографическая проблема // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Плунгян, Рахилина 1996 — *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Полисемия служебных слов: предлоги *через* и *сквозь* // Русистика сегодня. 1996. № 3.
- Плунгян, Рахилина 2000 — *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* По поводу «локалистской» концепции значения: предлог *под* // Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
- Покровский 1959 — *Покровский М. М.* Соображения по поводу изменения значений слов // *Покровский М. М.* Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
- Попова, Стернин 2003 — *Попова З. Д., Стернин И. А.* Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2003.

- Потапова 2006 — *Потапова Т. Ю.* Способы пунктуационного оформления чужой речи в произведениях Татьяны Толстой // Язык и мы. Мы и язык: Сб. статей памяти Бориса Самойловича Шварцкофа. М., 2006.
- Потебня 1888 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Ч. 1—2. Харьков, 1888.
- Потебня 1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.
- Потебня 1976 — *Потебня А. А.* Мысль и язык // *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Потебня 1989 — *Потебня А. А.* Слово и миф. М., 1989.
- Почепцов 1986 — *Почепцов Г. Г.* О коммуникативной типологии адресата // Речевые акты в лингвистике и методике. Пятигорск, Изд-во ПГПИИЯ. 1986.
- Протасова 2006 — *Протасова Е.* Какого вкуса обида? // *Нечипорец-Такигава Г.* (ред.). *Integrum: точные методы и гуманитарные науки.* М.: «Летний сад», 2006.
- Правила 1956 — Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.
- Прайор 1981 — *Прайор А. Н.* Временная логика и непрерывность времени // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981.
- Радбиль 2006 — *Радбиль Т. Б.* Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: МПГУ, 2006
- Радбиль 2007 — *Радбиль Т. Б.* «Парадоксы неконвенциональности» и язык Андрея Платонова // *Die Welt der Slaven.* LII. 2007.
- Радзиевская 1988 — *Радзиевская Т. В.* Ведение дневника как вид коммуникативной деятельности // Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
- Радзиевская 2005 — *Радзиевская Т. В.* Некоторые наблюдения над функционально-семантическими и стилистическими особенностями дневников // *Стил.* Белград. 2005. № 3.
- Рахилина 2000а — *Рахилина Е. В.* О тенденциях в развитии когнитивной семантики // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 2000. Т. 59. № 3.
- Рахилина 2000б — *Рахилина Е. В.* «Без конца и без края» // *Пайар Д., Селиверстова О. Н.* (ред.). *Исследования по семантике предлогов.* М., 2000.
- Рахилина 2000в — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Рахилина (ред.) 2010 — *Рахилина Е. В.* (ред.). *Лингвистика конструкций.* М.: Азбуковник, 2010.
- Рахилина и др. 2009 — *Рахилина Е. В., Карпова О. С., Резникова Т. И.* Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие // *Компьютерная лингвистика и*

- интеллектуальные технологии. Труды конф. Диалог'2009. Бекасово, 27—31 мая 2009. М., 2009.
- Рахилина и др. 2010а — *Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Карпова О. С.* Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // *Рахилина Е. В.* (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.
- Рахилина и др. 2010б — *Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Бонч-Осмоловская А. А.* Типология преобразования конструкций: предикаты боли // *Рахилина Е. В.* (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.
- Рахилина, Плунгян 2007 — *Рахилина Е. В., Плунгян В. А.* О лексико-семантической типологии // *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Реформатский 1960 — *Реформатский А. А.* Транслитерация русских текстов латинскими буквами // *Вопр. языкознания.* 1960. № 5.
- Рогинская 2005 — *Рогинская О.* Авторские предисловия в эпистолярном романе // *Grigor'eva N., Schahadat Sch., Smirnov I.* (eds.). Nähe Schaffen, Abstand halten. Zur Geschichte der Intimität in der Russischen Kultur. Wiener Slawistischer Almanach. SBd 62. Wien; München, 2005.
- Розина 1999а — *Розина Р. И.* Концептуальные структуры и языковые правила порождения значений: глаголы движения вниз // *Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г. О. Винокура и современность.* М., 1999.
- Розина 1999б — *Розина Р. И.* Движение в физическом и ментальном пространстве // *Логический анализ языка. Языки динамического мира.* Дубна, 1999.
- Розина 2000 — *Розина Р. И.* От происшествий к действиям (семантическая деривация как способ пополнения общего жаргона) // *Русский язык сегодня.* М., 2000.
- Розина 2002 — *Розина Р. И.* Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // *Вопр. языкознания.* 2002. № 2.
- Розина 2005 — *Розина Р. И.* Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М., 2005.
- Русаков 2000 — *Русаков В. Г.* Концепт счастья в романах «Машенька» Набокова и «Вечер у Клэр» Газданова // *Газданов и мировая культура.* Калининград, 2000.
- Руссо 2012 — *Руссо М. М.* Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» // *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сб. науч. статей (электронное науч. изд.).* Вып. 4. 2012 (http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/9.pdf)
- Рябцева 1999 — *Рябцева Н. К.* Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве // *Логический анализ языка. Языки динамического мира.* Дубна, 1999.

- Савкина 2001 — *Савкина И.* «Пишу себя»: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX в. Tampere: Univ. of Tampere, 2001.
- Савкина 2008 — *Савкина И.* Теории и практики автобиографического письма // Новое литературное обозрение. 2008. № 92 (4).
- Савкина 2009 — *Савкина И.* Дневник советской девушки (1968—1970): приватное и идеологическое // *Cahiers du Monde russe.* 50/1, janvier—mars 2009.
- Санников 1989 — *Санников В. З.* Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М., 1989.
- Санников 1999 — *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Санников 2006 — *Санников А. В.* Понятия достоинства и смирения // *Апресьян Ю. Д.* (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Сарнов 2002 — *Сарнов Б.* Наш советский новояз. М., 2002.
- Сахно 1991 — *Сахно С. Л.* «Свое — чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Сахно 2001 — *Сахно С. Л.* Семантическое описание русской лексики и проблема соотношения синхронии и диахронии // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001.
- Сведицкая 1997 — *Сведицкая И.* Некоторые аспекты методики исследования русских приставочных глаголов (на примере глаголов с приставкой *вы-*) // Глагольная префиксация в русском языке: Сб. статей / Сост. М. Кронгауз, Д. Пайар. М., 1997.
- Седакова 2005 — *Седакова О. А.* Церковнославянско-русские паронимы: Материалы к учебнику церковнославянского языка. М., 2005.
- Секерина 1996 — *Секерина И. А.* Американские теории синтаксического анализа в процессе понимания // *Вопр. языкознания.* 1996. № 3.
- Селезнев 1988 — *Селезнев М. Г.* Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Серль 1999 — *Серль Дж.* Логический статус художественного дискурса // *Логос.* 1999. № 13.
- Серль, Вандервекен 1986 — *Серль Дж., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. М., 1986.
- Сидорова 2006 — *Сидорова М. Ю.* Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. М., 2006.
- Синявский 2001 — *Синявский А. Д.* Иван-дурак. М., 2001.
- Словарь синонимов — Словарь синонимов русского языка / Под ред А. П. Евгеньевой: В 2 т. М., 1971.

- Сметанина 2002 — *Сметанина С. И.* Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб., 2002.
- Смирницкая 2000 — *Смирницкая О. А.* Александр Иванович Смирницкий. М., 2000.
- Смирнов 2004 — *Смирнов Ф. О.* Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004.
- Солженицын 1990 — *Солженицын А. И.* Русский словарь языкового расширения. М., 1990.
- Солсо 1995 — *Солсо Р.* Когнитивная психология. М., 1995.
- Сорокин 1965 — *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского языка в 30-е — 90е годы XIX в. М.; Л., 1965.
- Спиноза 1957 — *Спиноза Б.* Избранные произведения. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1957.
- Спиридонова 1999 — *Спиридонова Н. Ф.* Русские диминутивы: проблемы образования и значения // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т. 58. 1999. № 2.
- Срезневский 1989 — *Срезневский И. И.* Материалы к словарю древнерусского языка: В 3 т. М., 1989.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965.
- СРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1975—.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука, 1984—.
- Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.
- Стернин 1999 — *Стернин И. А.* «Язык смысла» Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 13. Воронеж, 1999.
- Столнейкер 1985 — *Столнейкер Р. С.* Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- СЯП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1959.
- Телия 1994 — *Телия В. Н.* «Говорить» в зеркале обиходного сознания // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- Тихоненкова 2005 — *Тихоненкова Т. В.* Инскрипты литераторов в фонде Отдела редких книг Тульской областной библиотеки // Новое литературное обозрение. 2005. № 71 (1).
- Тихонов 1970 — *Тихонов А. Н.* Множественность словообразовательной структуры слова в русском языке // Русский язык в школе. 1970. № 4.
- Тихонов 1985 — *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.
- Толстая 2000 — *Толстая С. М.* Славянские параллели к русским *verba* и *nomina dicendi* // Язык о языке. М., 2000.

- Толстая 2002 — *Толстая С. М.* Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3).
- Толстая 2008 — *Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Толстой 1997 — *Толстой Н. И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // *Толстой Н. И.* Избранные труды. Т. 1. М., 1997.
- Топоров 1986 — *Топоров В. Н.* О некоторых теоретических аспектах этимологии // *Этимология* 1984. М., 1986.
- Топорова 1994 — *Топорова Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994.
- Трофимова 2005 — *Трофимова Г. Н.* Языковой вкус Интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты): Монография // URL: интернет-ссылка <http://planeta.gramota.ru/gnt.html>, 2005.
- Трубачев 1964 — *Трубачев О. Н.* 'Молчать' и 'таять'. О необходимости семасиологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.
- Трубачев 1976 — *Трубачев О. Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Трубачев 1980 — *Трубачев О. Н.* Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. 1980. № 3.
- Трубачев 1988 — *Трубачев О. Н.* Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., Наука, 1988.
- Трубачев 2004 — *Трубачев О. Н.* К сравнительно-этимологической характеристике союза *a* и сочетаний с ним в праславянском // *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии. Т. 2. М., 2004.
- Туровский 1985 — *Туровский В. В.* О соотношении значений многозначного слова // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1985.
- Туровский 1988 — *Туровский В. В.* Как, похож, напоминать, творительный сравнения: толкования для группы квазисинонимов // Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
- Туровский 1991a — *Туровский В. В.* Память в наивной картине мира: *забыть, вспомнить, помнить* // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Туровский 1991б — *Туровский В. В.* Словарная статья глагола *напоминать* // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.

- Тюпа 2001 — Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь, 2001. (<http://www.poetics.nm.ru/#lvt>) [Приложение к серийному изд. «Литературный текст: проблемы и методы исследования». Сер. «Лекции в Твери».]
- Ульман 1970 — Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970.
- Урысон 1997а — Урысон Е. В. Мысль, идея // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Урысон 1997б — Урысон Е. В. Несостоявшаяся полисемия. (Типы толкований с союзом 'или') // Облик слова: Сб. статей памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997.
- Урысон 1997в — Урысон Е. В. Предчувствие, чувство, ощущение // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Урысон 1997г — Урысон Е. В. Страх, боязнь, испуг, ужас, паника // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Урысон 1997д — Урысон Е. В. Ум, разум, рассудок, интеллект // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Урысон 1998а — Урысон Е. В. «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Урысон 1998б — Урысон Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопр. языкознания. 1998. № 2.
- Урысон 2000а — Урысон Е. В. Друг, товарищ, приятель // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000.
- Урысон 2000б — Урысон Е. В. Русский союз и частица *и*: структура значения // Вопр. языкознания. 2000. № 3.
- Урысон 2003 — Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. М., 2003.
- Урысон 2004а — Урысон Е. В. Союзы *А* и *НО* и фигура говорящего // Вопр. языкознания. 2004. № 6.
- Урысон 2004б — Урысон Е. В. Некоторые значения союза *А* в свете современной семантической теории // Русский язык в научном освещении. 2004. №2 (8).
- Успенский 1967/2002 — Успенский В. А. К проблеме транслитерации русских текстов латинскими буквами // Успенский В. А. Труды по нематематике. Т. 1. М., 2002 (1967).
- Успенский 1970/95 — Успенский В. А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970 (также в книге: Успенский В. А. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995.)
- Успенский 1979 — Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. М.: ВИНТИ, 1979.
- Успенский 1987 — Успенский В. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. М., 1987.

- Успенский 1994а — *Успенский Б. А.* История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. 1. М., 1994.
- Успенский 1994б — *Успенский Б. А.* Анатомия метафоры у Мандельштама // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. 2. М., 1994.
- Успенский 1996/2002 — *Успенский В. А.* Невтон — Ньюто́н — Нью́тон, или Сколько сторон имеет языковой знак? // Труды по нематематике. Т. 1. М., 2002 (перв. изд.: 1996).
- Успенский 2007 — *Успенский Б. А.* Ego loquens. Язык и коммуникационное пространство. М.: РГГУ, 2007.
- Успенский 2011 — *Успенский Б. А.* Дейксис и вторичный семиозис в языке // *Вопр. языкознания.* 2011. № 2.
- Уфимцева 1996 — *Уфимцева Н. В.* Русские: опыт еще одного самопознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания.* М., 1996.
- Фасмер 1996 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996.
- Филипенко 2000 — *Филипенко М. В.* Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) // *Исследования по семантике предлогов.* М., 2000.
- Флоренский 1973 — *Флоренский П.* Строение слова // *Контекст 1972.* М., 1973.
- Фоллесдаль 1986 — *Фоллесдаль Д.* Понимание и рациональность // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 18. М., 1986.
- фон Вригт 1979 — *Вригт Г. Х. фон.* Диахронические и синхронические модальности // II Советско-финский коллоквиум «Интенциональные логики и логический анализ естественных языков»: Докл. финских участников. М., 1979.
- Формановская 2002 — *Формановская Н. И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., Русский язык, 2002.
- Фужерон 2004 — *Фужерон И.* Еще раз к вопросу о сочинительных союзах // *Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей.* М., 2004.
- Ханина 2004 — *Ханина О.В.* Желание: когнитивно-функциональный портрет // *Вопросы языкознания,* 2004, № 4.
- Харрис 2001 — *Харрис Т. Э.* Я — о'кей, ты — о'кей. М., 2001.
- Херберман 1999 — *Херберман К.-П.* Компаративные конструкции в сравнении. К вопросу об отношении грамматики к этимологии и языковой типологии // *Вопр. языкознания.* 1999. № 2.
- Хилпинен 1986 — *Хилпинен Р.* Семантика императивов и деонтическая логика // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 18. М., 1986.
- Хинтиikka 1980 — *Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980.

- Цветков 1983 — *Цветков А. П.* Язык А.Платонова (*Tsvetkov A. P. The language of A. Platonov. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Slavic Languages and Literatures) in the University of Michigan*), 1983 (unpublished) // URL: интернет-ссылка: http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/ind_res1.htm
- Цейтлин 1996 — *Цейтлин Р. М.* Сравнительная лексикология славянских языков. М.: Наука, 1996.
- Цейтлин 2000 — *Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Черных 1994 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.
- Шайкевич 1996 — *Шайкевич А. Я.* Оковы слова (или поиски дискретности в семантике) // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Шатуновский 1993 — *Шатуновский И. Б.* *Думать и считать*: еще раз о видах мнения // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Шатуновский 1996 — *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и нерелевантные слова. М., 1996.
- Шварцкопф 1967 — *Шварцкопф Б. С.* Внимание: кавычки! // Русская речь. 1967. № 4.
- Шварцкопф 1970а — *Шварцкопф Б. С.* О некоторых лингвистических проблемах, связанных с цитацией // *Sign, Language, Culture. The Hague; Paris*, 1970.
- Шварцкопф 1970б — *Шварцкопф Б. С.* Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
- Шварцкопф 1997 — *Шварцкопф Б. С.* «Я поставил кавычки потому, что...» // Облик слова: Сб. статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М., 1997.
- Шведова, Лопатин 1989 — *Шведова Н. Ю., Лопатин В. В.* (ред.). Краткая русская грамматика. М., 1989.
- Шимчук 1991 — *Шимчук Э. Г.* Из истории лексики, связанной с духовным миром человека (др.-русская *тъска* и его окружение) // Историко-культурный аспект лексикологического описания. Ч. 1. М., 1991.
- Широкова 1982 — *Широкова Е. Г.* Частица *-таки*: семантика и условия употребления // Семиотика и информатика. Вып. 19. М., 1982.
- Шишков 1824 — *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. Ч. 2. СПб., 1824.
- Шмелев Д. 1964а — *Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Шмелев Д. 1964б — *Шмелев Д. Н.* Несколько случаев лексико-семантической контаминации // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1964. Вып. 3.

- Шмелев Д. 1973 — *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973.
- Шмелев 1996 — *Шмелев А. Д.* Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Русский язык в школе. 1996. № 3.
- Шмелев 1997а — *Шмелев А. Д.* Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Шмелев 1997б — *Шмелев А. Д.* *Дух, душа и тело* в свете данных русского языка // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Шмелев 2001 — *Шмелев А. Д.* Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (на всякий случай, если что, вдруг) // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001.
- Шмелев 2002а — *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира. Опыт словаря. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Шмелев 2002б — *Шмелев А. Д.* Из пункта А в пункт В // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Шмелев 2004 — *Шмелев А. Д.* *Дружба* в русской языковой картине мира // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Шмелев 2006 — *Шмелев А. Д.* Скобки у Солженицына // Язык и мы. Мы и язык: Сб. статей памяти Бориса Самойловича Шварцкопфа. М., 2006.
- Шмелев 2009 — *Шмелев А. Д.* «Незначашее» и «невыраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., Индрик, 2009.
- Шмелев 2010 — *Шмелев А. Д.* Русская языковая картина мира // Россия. Русистика. Россиеведение. Кн. 1. Язык. История. Культура. Москва: РГГУ, 2010.
- Шмелев 2011 — *Шмелев А. Д.* Можно ли изучать русский язык? // Toronto Slavic Quaterly. 2011. № 31 (http://www.utoronto.ca/tsq/31/tsq31_disput_shmelev.pdf).
- Шмелева, Шмелев 2006 — *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Библиейские мотивы в русских анекдотах // Сборник статей в честь В. Г. Гака. М., 2006.
- Шмерлина 2007 — *Шмерлина И.* Свободное время — навязанное пространство жизни? // Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений. 2007. № 8.
- Шмид 2003 — *Шмид В.* Нарратология. М., 2003.
- Шпет 1927 — *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова. М., 1927.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974.
- Юревич 1999 — *Юревич А. В.* Психологические особенности российской науки // Вопр. философии. 1999. № 4.

- Яворская 1992 — *Яворская Г. М.* Лексико-семантическая типология в синхронии и диахронии. Киев, 1992.
- Якобсон Г. 1965 — *Якобсон Г.* Этимология и семантика на примере нескольких русских слов // *Этимология* 1964. М., 1965.
- Якобсон 1936/1985 — *Якобсон Р.* К общему учению о падеже // *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон 1958/1985 — *Якобсон Р.* Морфологические наблюдения над славянским склонением // *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон 1965 — *Якобсон Р.* О латинизации международных телеграмм на русском языке // *Вопр. языкознания*. 1965. № 1.
- Якобсон 1975 — *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против»*. М., 1975.
- Якобсон 1987 — *Якобсон Р.* Заметки на полях лирики Пушкина // *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.
- Яковлева 1998 — *Яковлева Е. С.* О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // *Вопр. языкознания*. 1998. № 3.
- Янко 1990 — *Янко Т. Е.* Еще раз о союзах *А* и *НО* // *Противоречивость и аномальность текста*. М., 1990.
- Яновский 1803 — *Яновский Н. М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: Разные в Российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины. Часть 1. СПб., 1803.
- Anderegg 1973 — *Anderegg J.* Fiktion und Kommunikation. Ein Beitrag zur Theorie der Prosa. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1973.
- Apresjan 1995 — *Apresjan V.* Emotions: Linguistic representation and cultural conceptualization: PhD Dissertation. Los Angeles: USC, 1995.
- Attardo 1994 — *Attardo S.* Linguistic theory of humor. Berlin; New York, 1994.
- Augell, Brent 1993 — *Augell D., Brent H.* The Elements of E-mail Style. Communicate Effectively via Electronic Mail, 1993.
- Barrett 1995 — *Barrett M.* Early Lexical Development // *Fletcher P., MacWinney B.* (eds). *Child Language*. Oxford (UK): Basil Blackwell, 1995.
- Berne 1964 — *Berne E.* Games People Play. New York: Oxford Univ. Press, 1964.
- Blank 2000 — *Blank A.* Polysemy in the Lexicon // *Eckarolt R., Heusinger K. von* (eds). *Meaning change — meaning variation*. Workshop held at Konstanz, Feb. 1999. Konstanz, 2000.
- Blank, Koch 2000 — *Blank A., Koch P.* La conceptualisation du corps humain et la lexicologie diachronique romane // *Hiltraud D.-E., Montibus M.-J.* (eds). *La lexicalisation des structures conceptuelles: Actes du colloque international EUROSEM 1998 (Recherches en linguistique et psychologie cognitive 13)*. Reims: Presses Universitaires de Reims. 2000.

- Blank et al. 2000 — *A.Blank, P.Koch, P.Gevaudan*. Onomasiologie, semasiologie et l'etymologie de langues romanes: esquisse d'un projet. // A.Englebert, M.Pierrard, L.Rosier, D.Van Raemdonck (eds.) Actes du XXIIe Congres International de Linguistique et de Philologie Romanes, Bruxelles, 23-29 juillet 1998. IV: Des mots aux dictionnaires. Tubingen. 2000.
- Bonheim 1983 — *Bonheim H.* Narration in the Second Person // Recherches Anglaises et Americaines (RANAM). Bd. 16. 1983.
- Brock 1996 — *Brock S.* The Christology of the Church of the East // Традиции и наследие Христианского Востока. М.: Индрик, 1996.
- Brown 2001 — *Brown C.* Lexical typology from an anthropological point of view // *Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W.* (eds). Language Typology and Language Universals. An International Handbook. Vol. 2. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2001.
- Brown, Witkowski 1983 — *Brown C. H., Witkowski S. R.* Polysemy, lexical change and cultural importance // *Man*. 1983. 18.
- Buck 1949/71 — *Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principle Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas. Chicago, 1971.
- Bybee et al. 1994 — *Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Bybee 2010 — *Bybee J.L.* Language, Usage and Cognition. Cambridge, 2010.
- Chafe 1970 — *Chafe W. L.* Meaning and the structure of language. Chicago; London, 1970.
- Chisholm 1966 — *Chisholm R.* Theory of knowledge. Prentice-Hall, 1966.
- Cienki 1998 — *Cienki A.* Slavic Roots for 'Straight' and 'Bent': Experiential Gestalts, Conceptual Metaphors, and Cultural Models as Factors in Semantic Change // *Timberlake A.* (ed.). Contributions to the 12th International Congress of Slavists. Bloomington (Indiana), 1998.
- Clair, Raffler-Engel (eds) 1982 — *Clair Robert N. St., Raffler-Engel W. von* (eds.). Language and cognitive styles. Patterns of neurolinguistic and psycholinguistic development. Lisse: Swets & Zeitlinger, 1982.
- Cohn 1999 — *Cohn D.* The Destinction of Fiction. Baltimore: The John Hopkins Univ. Press, 1999.
- Croft 1990/2003 — *Croft W.* Typology and universals. 2-nd ed. Cambridge: Cambridge Univ.Press, 2003.
- Culley 1998 — *Culley M.* Introduction to a Day at a Time: Diary Literature of American Women from 1764 to 1985 // *Sidonie S., Watson J.* (eds). Women, Autobiography, Theory: A reader. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1998.
- Dauzat 1938 — *Dauzat A.* Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris: Larousse, 1938.

- Deane 1988 — *Deane P.* Polysemy and cognition // *Lingua*. Vol. 75. 1988.
- Descartes 1919 — *Descartes R.* Oeuvres de Descartes / Publié par Ch. Adam, P. Tannery. Paris, 1919.
- Dewell 1994 — *Dewell R.* Over again: Image-schema transformations in semantic analysis // *Cognitive linguistics*. 1994. № 5.
- Dhooge 2007 — *Dhooge B.* Творческое преобразование языка и авторская концептуализация мира у А. П. Платонова. Gent, 2007.
- Dik 1972 — *Dik S. C.* The semantic representation of manner adverbials // *Linguistics in the Netherlands*. 1972.
- Dik 1979 — *Dik S. C.* Functional grammar. Amsterdam; New York; Oxford, 1979.
- Dirven 1985 — *Dirven R.* Metaphor and polysemy // *La polysemie: lexicographie et cognition*. Cabay. Louvain-la-Neuve, 1985.
- Dobrovolskij 2006 — *Dobrovolskij D.* Zur kontrastiven Analyse kulturspezifischer Konzepte // *Breuer U., Hyvärinen I.* (Hrsg.). Wörter-Verbindungen. Festschrift Jarmo Korhonen zum 60. Geburtstag. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006.
- Dubois et al. 1971 — *Dictionnaire du français contemporain / Par J. Dubois et autres.* Paris, 1971.
- Duden-2007 — *Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache*. 3. Auflage. Duden. Bd 7. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2007.
- Eco 1962 — *Eco U.* Opera aperta. (Forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee). Milano: Bompiani, 1962.
- Eco 1990 — *Eco U.* I limiti dell'interpretazione. Milano: Bompiani, 1990.
- Empson 1963 — *Empson W.* Seven types of ambiguity. New York, 1963.
- Ertelt-Vieth 2005 — *Ertelt-Vieth A.* Interkulturelle Kommunikation und kultureller Wandel. Eine empirische Studie zum russisch-deutschen Schüleraustausch. Tübingen: Günter Narr, 2005.
- Evans 2011 — *Evans N.* Semantic typology // *Jae Jung Song* (ed.). *The Oxford Handbook of Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Evans, Wilkins 2000 — *Evans N., Wilkins D.* In the mind's ear: the semantic extension of perception verbs in Australian languages // *Language*. 2000. Vol. 76 (3).
- Fillmore 1968 — *Fillmore Ch. J.* The case for case // *Bach E., Harms R. T.* (eds). *Universals in linguistic theory*. New York; Chicago; San Francisco, 1968.
- Fillmore 1971 — *Fillmore Ch.* Types of lexical information // *Steinberg D. D., Jacobovits L. A.* (eds). *Semantics*. Cambridge, 1971.
- Fillmore 1977 — *Fillmore Ch.* The case for case reopened // *Syntax and semantics*. Vol. 8: Grammatical relations / Ed. P. Cole, J. Sadok. New York et al., 1977.
- Flier 1984 — *Flier M.* Syntagmatic constraints on the Russian prefix *pere-* // *Issues in Russian Morphosyntax*. 1984.
- Freud 1901 — *Freud S.* Zur Psychopathologie des Alltagslebens. Wien, 1901.

- Freud 2004a — *Freud S.* Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2004.
- Freud 2004b — *Freud S.* Der Humor. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2004.
- Gallant 1979 — *Gallant J.* Russian Verbal Prefixation and Semantic Features: An Analysis of the Prefix VZ- // Slavistische Beiträge. München: Otto Sagner Verlag, 1979. Bd 135.
- Geeraerts 1983 — *Geeraerts D.* Reclassifying semantic change // Quaderni di Semantica. Vol. 4. 1983. № 2.
- Geeraerts 1985 — *Geeraerts D.* Polysemization and Humboldt's principle // La polysemie et cognition. Cahiers de l'Institut de linguistique de Louvain. Louvain-la-Neuve, 1985.
- Geeraerts 1993 — *Geeraerts D.* Vagueness's puzzles, polysemy's vagaries // Cognitive Linguistics. 1993. 4.
- Geis, Zwicky 1971 — *Geis M., Zwicky A. M.* On invited inference // Linguistic Inquiry. 1971. Vol. 36.
- Gévaudan 2007 — *Gévaudan P.* Typologie des lexikalischen Wandels: Bedeutungswandel, Wortbildung und Entlehnung am Beispiel der romanischen Sprachen. Tübingen: Stauffenburg, 2007.
- Gévaudan et al. 2003 — *Gévaudan P., Koch P., Neu A.* Hundert Jahre nach Zauner: Die romanischen Namen der Körperteile im DECOLAR // Romanische Forschungen. 2003. Bd 115 (1).
- Gévaudan, Wiebel 2004 — *Gévaudan P., Wiebel D.* Dynamic lexicographic data modeling: A diachronic dictionary // Proceedings of the Fourth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'04) [<http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2004/pdf/471.pdf>]
- Givón 1975 — *Givón T.* Cause and control: on the semantics of interpersonal manipulation // Syntax and Semantics. Vol. 4 / Ed. by J. P. Kimball. New York et al., 1975.
- Goddard 1998 — *Goddard C.* Semantic Analysis. New York: Oxford Univ. Press, 1998.
- Goddard 2003 — *Goddard C.* A «lexicographic portrait» of *forgetting* // Workshop on the Semantics of Memory in a Crosslinguistic perspective, UNSW, 22 November 2003 (hand-out).
- Goddard, Wierzbicka (eds.) 1994 — *C. Goddard, A. Wierzbicka* (eds.). Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
- Greenberg 1957 — *Greenberg J. H.* The nature and uses of linguistic typologies // International Journal of American Linguistics. 1957. 23.
- Grice 1975 — *Grice H. P.* Logic and conversation // Syntax and Semantics. V. 3 / Ed. by P. Cole, J. L. Morgan. N. Y.: Acad. Press, 1975. (Русск. пер.: Грэйс Г. П. Ло-

- гика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.)
- Grzegorzczkova 1990 — *Grzegorzczkova R.* Pojęcie językowego obrazu świata // *Bartmiński J.* (red.). Językowy obraz świata. Lublin, 1990.
- Gugel 1967 — *Gugel H.* Catull, Carmen 8. // *Athenaeum. Studi periodici di Letteratura e Storia dell' Anticità.* Università di Pavia. Nuova serie, vol. XLV, 1967, pp. 278-293.
- Guiraud-Weber 1984 — *Guiraud-Weber M.* Les propositions sans nominatif en russe moderne. Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1984.
- Guiraud-Weber 1993a — *Guiraud-Weber M.* La méthode bisynchrone dans la description de l'adjectif attribut en russe moderne // *Revue des études slaves.* Paris. 65. 1993. № 1.
- Guiraud-Weber 1993b — *Guiraud-Weber M.* Le prverbe *po-* en russe moderne // *La revue russe.* Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1993. № 5.
- Guiraud-Weber 1994 — *Guiraud-Weber M.* A propos du substantif attribut en russe moderne: peut-on encore parler d'une opposition sémantique? // *Revue des études slaves.* Paris, 1994. 66. № 3.
- Günther, Wyss 1996 — *Günther U., Wyss E.* E-Mail-Briefe — eine neue Textsorte zwischen Mündlichkeit und Schriftlichkeit // *Hess-Lüttich E.* (Hrsg.). Textstrukturen im Medienwandel. Frankfurt am Main: Lang, 1996.
- Hajičová 1974 — *Hajičová E.* Meaning, presupposition, and allegation // *Philologica Pragensia.* 1974. № 1.
- Handler 1994 — *Handler P.* There is a message in the wire. Stilistische Annäherungen an das Phänomen E-mail // *Computer und Unterricht.* 1994.
- Haser 2000 — *Haser V.* Metaphor in semantic change // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective /* Ed. by A. Barcelona. *Topics in English Linguistics.* 30. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Haspelmith 2003 — *Haspelmith M.* The geometry of grammatical meaning: Semantic map and cross-linguistic comparison // *Tomasello M.* (ed.). *The new psychology of language.* Vol. 2. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum, 2003.
- Havlová 1965 — *Havlová E.* O potřebě slovníku sémantických změn // *Jazykovědná actuality.* 1965. № 4.
- Heine, Kuteva 2002 — *Heine B., Kuteva T.* *World Lexicon of Grammaticalization.* Cambridge Univ. Press, 2002.
- Hénault-Sakhno, Sakhno 2001 — *Hénault-Sakhno Ch., Sakhno S.* Typologie des langues et sémantique diachronique: le problème des universaux // *LINX.* 2001. 45.
- Hénault-Sakhno, Sakhno 2005 — *Hénault-Sakhno Ch., Sakhno S.* Typologie sémantique lexicale: problèmes de systématisation // *Moyse-Faurie C., Lazard G.* (eds.). *Typologie linguistique.* Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du septentrion, 2005.

- Hentschel 1991 — *Hentschel G.* Der pradikative Instrumental beim russischen Substantiv als redundantes Signal in Kopulasätzen // *Grochowski M., Weiss D.* (eds.). Words are physicians for an ailing mind. Munchen: Otto Sagner, 1991.
- Holthusen 1976 — *Holthusen J.* Zu den Funktionen des Erzählens in der zweiten Person // *Die Welt der Slaven.* 1976. Bd. 21.
- Iordanskaja, Mel'čuk 1990 — *Iordanskaja L., Mel'čuk I.* Semantics of two emotion verbs in Russian: *bojat'sja* «to be afraid» and *nadejat'sja* «to hope» // *Australian Journal of Linguistics.* 1990. Vol. 10. № 2.
- Jakobson 1955 — *Jakobson R.* On linguistic aspects of translation // *Brower R. A.* (ed.). On translation. Cambridge (Mass.), 1955.
- James, Jongeward 1978 — *James M., Jongeward D.* Born to Win. New York, 1978.
- Janda 1986 — *Janda L.* A semantic analysis of the Russian verbal prefixes *za-*, *pere-*, *do-*, and *ot-* // *Slawistische Beiträge.* München, 1986. Bd. 192.
- Janda 1993 — *Janda L.* A Geography of Case Semantics. The Czech Dative and the Russian Instrumental. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1993.
- Johnson 1987 — *Johnson M.* The Body in the Mind: the Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1987.
- Johnson-Laird, Oatley 1989 — *Johnson-Laird P. N., Oatley K.* The language of emotions: an analysis of a semantic field // *Cognition and Emotion.* 1989. 3 (2).
- Kardela, Kleparski 1990 — *Kardela H., Kleparski G.* Approaching diachronic semantics: the componential vs. cognitive account. Umea, 1990.
- Karttunen 1972 — *Karttunen L.* Possible and must // *Syntax and Semantics.* Vol. 1 / Ed. J. P. Kimball. New York; London, 1972.
- Keller 1992 — *Keller H. H.* Measuring Russian Prefixal Polysemy: The 53 Most Frequent ZA Verbs Matched Against 20 Meaning Headings for ZA- // *Russian Language Journal.* 1992. Vol. 46.
- Kerbrat-Orecchioni 1980 — *Kerbrat-Orecchioni C.* L'Enonciation. Paris: Armand Colin, 1980.
- Kilby 1986 — *Kilby D.* The instrumental in Russian: on establishing a consensus // *Brecht R. D., Levine J. S.* (eds.). Case in Slavic. Columbus (Ohio), 1986.
- Kleparski 1986 — *Kleparski G.* Semantic change and componential analysis; an inquiry into pejorative development in English // *Eichstatter Materialien.* Bd 9. Abteilung Sprache und Literatur 4. Regensburg, 1986.
- Kleparski 1990 — *Kleparski G.* Semantic change in English. A Study of evaluative development in the domain of 'humans'. Lublin, 1990.
- Koch 2000 — *Koch P.* Pour une approche cognitive du changement semantique lexical: aspect onomasiologique // *Memoires de la Societe de linguistique de Paris.* Nouvelle serie, tome IX. Theories contemporaine du changement semantique. Peeters, 2000. P.75-95.

- Koch 2001 — *Koch P.* Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view // *Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W.* (eds.). *Language typology and language universals: An international handbook*. Vol. 2. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2001.
- Koch 2004 — *Koch P.* Diachronic onomasiology and semantic reconstruction // *Mihatsch W., Steinberg R.* (eds.). *Lexical Data and Universals of Semantic Change*. Tübingen: Stauffenburg, 2004.
- Koch 2008 — *Koch P.* Cognitive onomasiology and lexical change. Around the eye // *Vanhove M.* (ed.). *From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. Amsterdam: John Benjamins, 2008.
- Koch, Marzo 2007 — *Koch P., Marzo D.* A two-dimensional approach to the study of motivation in lexical typology and its first application to French high-frequency vocabulary // *Studies in Language*. Vol. 31. 2007. 2.
- Koptjevskaja-Tamm 2008 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Approaching lexical typology // *Vanhove M.* (ed.). *From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. Amsterdam: John Benjamins, 2008. [Studies in Language Companion series. 106.]
- Koptjevskaja-Tamm 2012 — *Koptjevskaja-Tamm M.* New directions in lexical typology // *Koptjevskaja-Tamm M., Vanhove M.* (eds.). *Linguistics* 50–3, 2012.
- Kövecses 1990 — *Kövecses Z.* *Emotion concepts*. Frankfurt am M., 1990.
- Kozarzewska 1988 — *Kozarzewska E.* Szkic struktury semantycznej czasownika *mówić* // *Polono-slavica Varsoviensia*. Warszawa, 1988.
- Kundera 1987 — *Kundera M.* Fictive lightness, fictive weight (Two interviews with Kundera) // *Salmagundi: A quarterley of the humanities & social sciences*. New York, 1987. № 73
- Lachman 2005 — *Lachman R.* Intimität: Rhetorik und literarischer Diskurs // *Grigor'eva N., Schahadat Sch., Smirnov I.* (eds.). *Nähe Schaffen, Abstand halten. Zur Geschichte der Intimität in der Russischen Kultur*. Wiener Slawistischer Almanach. SBd 62. Wien; München, 2005.
- Lakoff 1987 — *Lakoff G.* *Women, fire, and dangerous things*. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1987.
- Lakoff, Johnson 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By*. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1980.
- Langacker 2002 — *Langacker R.* *Concept, image, and symbol*. 2nd ed. Berlin; New York, 2002.
- Larousse 1989 — *Petit Larousse illustré* 1989. Paris, Librairie Larousse, 1989.
- Leech 1971 — *Leech G.* *Meaning and the English verb*. London, 1971.
- Leemans 2005 — *Leemans M.* De la sémantique lexicale à la typologie sémantique. Dossier présenté dans le cadre de l'habilitation à diriger des recherches. Université Lille 3. 2005. (http://perso.univ-lille3.fr/~mlemmens/docspdf/HDR_MLeemans.PDF)

- Lehmann 1990 — *Lehmann C.* Towards lexical Typology // *Croft W., Denning K., Kemmer S.* (eds.). *Studies in Typology and Diachrony. Papers presented to Joseph H. Greenberg on his 75th Birthday.* Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Lehrer 1992 — *Lehrer A.* A theory of vocabulary structure: Retrospectives and prospectives // *Putz M.* (ed.). *Thirty years of linguistic evolution. Studies in Honor of René Dirven on the occasion of his sixtieth Birthday.* Amsterdam: John Benjamins, 1992.
- Leibniz 1975 — *Leibniz G. W.* *Tabulae definitiorum//Słownikisemantyka.Definicjese-mantyczne.* Wrocław etc.: Ossolineuin, 1975.
- Leiris 1958/80 — *Leiris M.* Le réalisme mythologique de Michel Butor // *Butor M.* *La Modification, suivi de «Le réalisme mythologique» par M. Leiris.* Paris: Les Éditions de Minuit 1980. («Critique». 1958. № 129.)
- Lejeune 1989 — *Lejeune Ph.* *Cher cahier: temoignages sur le journal personnel recueillis et presentes par Philippe Lejeune.* P.: Gaillimard, 1989.
- Lejeune 2000 — *Lejeune Ph.* *Cher écran.* P.: Gaillimard, 2000.
- Lerot 1985 — *Lerot.* Les archetypes valenciens et le problème de la polysémie // *La polysemie et cognition. Cahiers de l'Institut de linguistique de Louvain. Louvain-la-Neuve,* 1985.
- Leslie 1993 — *Leslie J.* *Mail-Bounding: E-mail Is Creating A New Oral Culture // Wired.* 1993.
- Levinson 1983 — *Levinson S. C.* *Pragmatics.* London etc.: Cambridge Univ. Press, 1983.
- Lindner 1983 — *Lindner S.* *A lexico-semantic analysis of English verb particle constructions with OUT and UP.* Blumington: Indiana Univ. Linguistics Club, 1983.
- Littré 1882 — *Dictionnaire de la langue française,* par E. Littré, Paris, 1882.
- Luckmann 1976 — *Luckmann Th.* *Kulturkreis und Wandel der Intimsphäre // Schlemmer J.* (ed.). *Verlust der Intimität.* München, 1976.
- Lyons 1982 — *Lyons J.* *Deixis and Subjectivity: Loquor, ergo sum? // Jarvella R. I., Klein W.* (eds.). *Speech, Place, and Action.* Chichester: John Wiley & Sons, 1982.
- Malchukov 2004 — *Malchukov A.* *Towards a Semantic Typology of Adversative and Contrast Marking // Journal of Semantics.* 2004. 21.
- Malcolm 1976 — *Malcolm N.* *Knowledge and belief // Knowledge and belief.* Oxford: Oxford Univ. Press, 1976.
- Marzo 2009 — *Marzo D.* *Polysemie als Verfahren lexikalischer Motivation. Theorie und Empirie am Beispiel von Metonymie und Metapher im Französischen und Italienischen.* Tübingen, 2009.
- Mayenowa 1979 — *Mayenowa R. M.* *Poetyka teoretyczna.* Wrocław, 1979.

- Mel'čuk 1987 — *Mel'čuk I.* Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne // *Revue des Études Slaves*. 1987. Vol. 59. (или: *Мельчук И. А.* Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». М., 1995. Гл. 11).
- Mel'čuk 1995 — *Mel'čuk I.* On a class of Russian verbs that can introduce direct speech: lexical polysemy or semantic syntax? // *Мельчук И. А.* Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». (Wiener Slawistischer Almanach. SBd 39). М.; Вена, 1995.
- Mel'čuk 2007 — *Mel'čuk I.* Lexical functions // *Burger H., Dobrovolskij D., Kühn P., Norrick Neal R.* (eds.). *Phraseologie / Phraseology*, Berlin: De Gruyter, 2007.
- Mel'čuk, Wanner 1996 — *Mel'čuk I., Wanner L.* Lexical Functions and lexical Inheritance for Emotion Lexemes in German // *Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing*. Studies in Language Companion Series. Vol. 31 / Ed. L. Wanner. Amsterdam, 1996.
- Mikaelian, Zalizniak 2005 — *Mikaelian I., Zalizniak Anna A.* The Russian conjunction *a* revisited. // *Восток—Запад: Вторая междунар. конф. по модели «Смысл ⇔ Текст»*. М., 2005.
- Morrisette 1965 — *Morrisette B.* Narrative You in Contemporary Literature // *Comparative Literature Studies*. Bd. 2. 1965.
- Němcová Banerjee 1990 — *Němcová Banerjee M.* Terminal Paradox. The Novels of Milan Kundera. New York; Grove, Weidenfeld, 1990.
- Nerlich, Clarke 2004 — *Nerlich B., Clarke D.* Polysemy and flexibility: introduction and overview // *Zazie T, Vimala H., Clarke D. D.* (eds.). *Polysemy: Flexible patterns of meaning in mind and language*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004.
- Nussbaum 1988 — *Nussbaum F. A.* Towards Conceptualizing Diary // *Olney J.* (ed.). *Studies in Autobiography*. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1988.
- OED — *Shorter Oxford English dictionary*. 5-th ed. 2002. Vol. 1—2.
- Paducheva 2007 — *Paducheva E. V.* Nouns of social occasion as a linguistically relevant class // *Concept Types and Frames in Language, Cognition and Science*. Duesseldorf, August 20—22, 2007. (www.lexicograph.ru/files/duesseldorf.pdf)
- Panagl 1980 — *Panagl O.* Zur Problematik semantischer Rekonstruktion in der Etymologie // *Lautgeschichte und Etymologie*. Akten der 6. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Wien. 24—29 September 1978. Wien, 1980.
- Pansegrau 1997 — *Pansegrau P.* Dialogizität und Degrammatikalisierung in E-mails // *Sprachwandel durch Computer*. Opladen: Westd. Verlag, 1997.
- Paperno 2009 — *Paperno I.* Stories of the Soviet Experience. Memoirs, Diaries, Dreams. Itaka; London: Cornell Univ. Press, 2009.
- Partee 1973 — *Partee B. H.* The semantics of belief-sentences // *Hintikka J., Moravčšik J., Suppes P.* (eds.). *Approaches to natural languages*. Dordrecht: Reidel, 1973.

- Pawłowska 1981 — *Pawłowska R.* Znaczenie i użycie czasownika *myśleć* // Polonica. VII. Wrocław, 1981.
- Pleteršnik 1894 — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894 (reprint 1974).
- Pokorny 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. München, 1959.
- Postal 1970 — *Postal P.* On the surface verb *Remind* // Linguistic Inquiry. 1970. 1.
- Pottier 1999 — *Pottier B.* Pour une typologie sémantique // LINX. Typologie des langues, universaux linguistiques. Paris: Université Paris X, 1999.
- Price 1976 — *Price H. H.* Some considerations about belief // Knowledge and belief. Oxford: Oxford Univ. Press, 1976.
- Pritchard 1976 — *Pritchard H. A.* Knowing and believing // Knowledge and belief. Oxford: Oxford Univ. Press, 1976.
- Robert historique — Dictionnaire historique de la langue française / Sous la dir. de A. Rey. Paris, 2000.
- Rudzka-Ostyn 1993 — *Rudzka-Ostyn B.* Conceptualizations and Mental Processing in Language / Ed. by R. A. Geiger, B. Rudzka-Ostyn. Berlin; New York, 1993.
- Russell 1991 — *Russell J.* Culture and the Categorization of Emotions // Psychological bulletin. 1991. Vol. 110.
- Rytel 1982 — *Rytel D.* Leksykalne środki wyrażania modalności w języku czeskim i polskim. Wrocław etc., 1982.
- Sakhno 1998 — *Sakhno S.* La mémoire des mots: surprises du vocabulaire russe (Problèmes de sémantique historique comparée) // Slovo. 1998. 20—21.
- Sakhno 1998a — *Sakhno S.* A propos du preverbe russe RAZ- // Essais sur le discours de l'Europe Eclatée. Revue du Centre d'études slaves contemporaines, Université Stendhal. Grenoble, 1998. № 14.
- Sakhno 1999 — *Sakhno S.* Typologie des parallèles lexicaux russes-français dans une perspective sémantico-historique // Slovo. 22—23. Paris: INALCO, 1999.
- Sakhno 2001 — *Sakhno S.* Dictionnaire russe-français d'étymologie comparée. Correspondances lexicales historiques. Paris: L'Harmattan, 2001.
- Sanders 1965 — *Sanders W.* Glück. Zur Herkunft und Bedeutungsentwicklung eines mittel-alterlichen Schicksalsbegriffs. Köln; Graz, 1965.
- Saronne 1988 — *Saronne T.* Il cantare di Igor' / A cura di Edgardo T. Saronne. Parma: Pratiche Editrice, 1988.
- Schröpfer 1956 — *Schröpfer J.* Wozu ein vergleichendes Wörterbuch des Sinnwandels? // Proceedings of the seventh International Congress of Linguists (London 1952). London: Clarendon Press, 1956.
- Schröpfer 1979 — *Schröpfer J.* Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie. Bd I. Heidelberg, 1979.

- Schuster-Ševc 1975 — *Schuster-Ševc H.* Modellierung semantischer Prozesse und Etymologie. Slavische Wortstudien. Bautzen, 1975.
- Searle 1983 — *Searle J. R.* Intentionality: An essay in the philosophy of mind. Cambridge etc.: Cambridge Univ. Press, 1983.
- Smith 1999 — *Smith M. B.* Conceptual impermanence, irrealis and the Russian instrumental // 6th International Cognitive Linguistics Conference. Stockholm University. July 10—16, 1999.
- Spencer, Zaretskaja 1998a — *Spencer A., Zaretskaja M.* Verb prefixation in Russian as lexical subordination // *Linguistics. An interdisciplinary journal of the language sciences*. Vol. 36. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998.
- Spencer, Zaretskaja 1998b — *Spencer A., Zaretskaja M.* Pri-prefixation in Russian // *Journal of Slavic linguistics*. 1998. 6 (1).
- Stern 1931 — *Stern G.* Meaning and Change of Meaning. Göteborg, 1931.
- Swadesh 1972 — *Swadesh M.* The Origin and Diversification of Language. Chicago; New York, 1972.
- Sweetser 1990 — *Sweetser E. E.* From etymology to pragmatics // *Cambridge studies in linguistics*. 54. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
- Talmy 1985/2007 — *Talmy L.* *Lexical typologies. Language Typology and Syntactic Description, Vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon. 2-nd edition / Ed. T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.*
- Talmy 2000 — *Talmy L.* *Toward a Cognitive Semantics*. Cambridge (Mass.); London (England): MIT Press, 2000.
- Tamm, Rakhilina 2006 — *Tamm M., Rakhilina E.* «Some like it hot»: on semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish // *Giannouloupoulou G., Leuschner T. (eds.). STUF (Sprachtypologie und Universalienforschung), a special issue on Lexicon in a Typological and Contrastive Perspective. (<http://www.olderbourg-link.com/doi/abs/10.1524/stuf.2006.59.3.253>), 2006.*
- Taylor 2004 — *Taylor J.* Cognitive models of polysemy // *Zazie T., Vimala H., Clarke David D. (eds.). Polysemy: Flexible patterns of meaning in mind and language*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004.
- Toker 2007 — *Toker L.* Testimony and Doubt: Shalamov's «How It Began» and «Handwriting» // *Lehtimäki M., Leisti S., Rytönen M. (eds.). Real Stories: Imagined Realities: Fictionality and Non-fictionality in Literary Constructs and Historical Contexts*. Tampere: Tampere Univ. Press, 2007.
- Townshend 1997 — *Townshend K.* E-mail: Using Electronic Communication // *Foreign Language Teaching*. London: CILT, 1997.
- Traugott, Dasher 2002 — *Traugott E. C., Dasher R. B.* Regularities in semantic change. Cambridge Univ. Press, 2002.
- Uffelman 2005 — *Uffelman D.* «S(k)lavenseele». Pavel Josef Šafarik am Übergang vom Hetero- zum Autostereotyp' // *Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen*. Bd 11: *Berwanger K., Kosta P. (Hrsg.). Stereotyp und*

- Geschichtsmythos in Kunst und Sprache. Peter Lang: Frankfurt am Main etc., 2005.
- Ulmann 1963 — *Ulmann S.* Semantic Universals // Universals of language. Cambridge (Mass.); London, 1963.
- Unbegaun 1932 — *Unbegaun B.* Le calque dans les langues slaves litteraires // Revue des Etudes slaves. Vol. 12. 1932. Fasc. 1—2.
- Ungerer, Schmid 1996 — *Ungerer F., Schmid H.-J.* An introduction to cognitive linguistics. London; New York: Longman, 1996.
- Van Valin, Wilkins 1993 — *Van Valin R. D., Wilkins D.* Predicting syntactic structure from semantic representation: Remember in English and its equivalents in Mparntwe Arrente // *Van Valin R. D.* (ed.). Advances in Role and Reference Grammar. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Vanhove (ed.) 2008 — *Vanhove M.* (ed.). From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations. Amsterdam: John Benjamins, 2008. [Studies in Language Companion series. 106.]
- Vendler 1967 — *Vendler Z.* Linguistics in philosophy. New York: Cornell Univ. Press, 1967.
- Vendler 1972 — *Vendler Z.* Res Cogitans. Ithaca (N. Y.): Cornell Univ. Press, 1972.
- Voyles 1973 — *Voyles J. B.* Accounting for semantic change // *Lingua*. 1973. Vol. 31.
- Waldron 1967 — *Waldron R. A.* Sense and sense development. London, 1967.
- Weisgerber 1930 — *Weisgerber L.* Die Zusammenhänge zwischen Muttersprache, Denken und Handeln // *Zeitschrift für deutsche Bildung*. 1930. 6.
- Werth 1974 — *Werth P.* Accounting for semantic change in current linguistic theory // *Anderson J. M., Jones C.* (eds). Historical Linguistics. Amsterdam, 1974.
- Wierzbicka 1969 — *Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wrocław: Ossolineum, 1969.
- Wierzbicka 1972 — *Wierzbicka A.* Semantic primitives // *Linguistische Forschungen*. Bd 22. Frankfurt am Main, 1972.
- Wierzbicka 1980a — *Wierzbicka A.* *Lingua mentalis*. The semantics of natural language. Sydney etc.: Acad. Press, 1980.
- Wierzbicka 1980b — *Wierzbicka A.* The case for surface case // *Linguistica extranea*. Studia. 9. Karoma Publishers, 1980.
- Wierzbicka 1987a — *Wierzbicka A.* English speech act verbs. A semantic dictionary. Sydney et. al.: Acad. Press Australia, 1987.
- Wierzbicka 1987b — *Wierzbicka A.* The semantics of modality // *Folia linguistica*. 1987. T. 21. № 1.
- Wierzbicka 1987c — *Wierzbicka A.* Boys will be boys: 'radical semantics' vs. 'radical pragma-tics' // *Language*. 1987. Vol. 63. № 1.
- Wierzbicka 1988 — *Wierzbicka A.* The Semantics of Grammar. Amsterdam, 1988.

- Wierzbicka 1992a — *Wierzbicka A.* Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1992.
- Wierzbicka 1992b — *Wierzbicka A.* Defining Emotion Concepts // *Cognitivescience*. 1992. № 16.
- Wierzbicka 1992c — *Wierzbicka A.* Talking about Emotions: Semantics, culture, and cognition // *Cognition and emotion*. 1992. 6 (3/4).
- Wierzbicka 1996 — *Wierzbicka A.* Semantics: primes and universals. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
- Wierzbicka 1997 — *Wierzbicka A.* Understanding cultures through their Key words. New York: Oxford Univ. Press, 1997.
- Wierzbicka 1998 — *Wierzbicka A.* A culturally salient Polish emotion: *przykro* // *Parrott J., Harre R.* (eds). Special issue of *World Psychology*. 1998. 8 (5).
- Wierzbicka 1999 — *Wierzbicka A.* Emotions across Languages and Cultures. Paris: Edition de la Maison des Sciences de l'homme; Cambridge Univ. Press, 1999.
- Wierzbicka 2007 — *Wierzbicka A.* Is «remember» a universal human concept? «Memory» and culture // *Amberber M.* (ed.). *The Language of Memory in a Crosslinguistic Perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2007.
- Wilkins 1996 — *Wilkins D. P.* Natural tendencies of semantic change and the search for cognates // *Durie M., Ross M.* (eds). *The comparative method reviewed. Regularity and irregularity in language change*. N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
- Wittgenstein 1953 — *Wittgenstein L.* *Philosophical investigations*. Oxford: Blackwell, 1953.
- Zalizniak 1991 — *Zalizniak Anna A.* De la nature du regret // *Bulletin de la Société de linguistique generale et appliquée*. Universite de Besancon, 1991/92. № 17.
- Zalizniak 2005 — *Zalizniak Anna A.* The Russian word *problema* in a Cross-Linguistic Perspective // *ICCEES VII World Congress*. «Europe — Our Common Home?» Berlin, July 25—30, 2005.
- Zalizniak 2008 — *Zalizniak Anna A.* A Catalogue of Semantic Shifts: towards a Typology of Semantic Derivation // *Vanhove M.* (ed.). *From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. Amsterdam: John Benjamins, 2008. [Studies in Language Companion series. 106.]
- Zalizniak 2012 — *Zalizniak Anna A.* On the lexicographic interpretation of the meaning of a verb in its bound use // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты*. Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012.
- Zalizniak et al. 2012 — *Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M.* The Catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic Typology // *M. Koptjevskaja-Tamm, M. Vanhove* (eds). *New directions in lexical typology*. A special issue of *Linguistics*. 2012. Vol. 50. № 3.

УКАЗАТЕЛИ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ *

А

- абстрактная сущность, абстрактное значение 21, 32, 33, 38, 44, 51—60
абстрактное пространство 49, 50, 219
абстрактное состояние (generic state) 257
автоадресатное значение местоимения 2-го л. 525
автодокументальный текст 513, 520—521
автокоммуникация 514, 526
автор 147, 301, 310, 477, 496, 511, 513
автор высказывания 145—149
авторский замысел 304, 435, 519, 521
агентивность vs. неагентивность 108, 186, 187, 342
адресат 512—518
адресат высказывания 145, 153
аккузатив 92, 98
акцент (логический) 129, 136, 157, 198—203, 217, 250—251, 281—282, 342—343, 365
аллюзия 20, 307
анаколуф 506
аномалия, аномальное [словосочетание, предложение] 28, 75, 131, 131—134, 228, 251, 340, 435, 472, 503—508, 557, 563—564, 570, 573, 581
антитеза 319, 323
антропоним 45, 491
ассерция, ассертивный семантический компонент 38, 67—70, 75—77, 85, 92, 98—100, 107—109, 112—116, 121—124, 129—130, 165, 190, 195, 204—208, 274, 282, 326

* В Указатель не включены наиболее часто встречающиеся в книге термины — такие как *значение, глагол, вид, время, действие, событие, состояние, знание, мнение* и др.; для некоторых терминов указаны лишь наиболее существенные вхождения.

Б

безличная конструкция, безличное предложение 241, 270, 292, 342—343
безличные глаголы/предикативы 64, 174, 250, 533
ближняя семантическая эволюция 300, 304, 310, 319
буквальный смысл 20—22, 149, 151, 301, 308, 406, 423, 461, 471—472, 475, 484

В

вероятность, вероятностная оценка 28, 69—77, 83, 143, 203, 207, 226, 376
верифицируемое *vs.* неверифицируемое [суждение, пропозиция] 44, 63, 169—177, 350, 358, 359, 444, 480
вещная коннотация 51, 54, 58
видовая коррелятивность 62, 361, 362, 503
видовая пара 107, 145, 212
винительный падеж 75, 90, 97—98, 156, 214, 363, 490
внутренний мир 21, 59, 219, 220, 227, 237
внутренняя точка зрения, внутренняя фокализация 519, 536, 537, 539
внутренняя форма слова 21, 32, 41—50, 154, 223, 321, 232, 405
воспроизводимое *vs.* порождаемое 40
возможный мир 82—87, 100, 144, 235, 457
выводимость [значения] 20, 31
«высокое» *vs.* «низкое» 227—232, 236, 238, 240, 262, 361, 408

Г

генерализация 254, 526, 528, 532
генитив 91—92, 98, 267
градуальность 16—17, 35, 450
грамматикализация 385, 411—413, 419

Д

дарственная надпись 515
дательный падеж, датив 51, 187, 202, 342, 363
двусмысленность 29, 72, 79, 119, 221, 324, 435, 439
девичий альбом 518
делимитативный способ действия 257, 323
денотативный статус [именной группы] 76—77, 164
детская речь 38—39, 153
диалог 357—358, 468
диалогическая цитация 151
диахрония, диахронический 387—400, 410—416
дискретность 16—17, 28, 94, 100, 208, 420, 447, 450, 545
дискурсивная война 477
диффузность значения 16, 29
дневник, дневниковый текст 509—523, 530

Ж

жанр [коммуникативный] 485—488, 494, 512, 520—522

З

заимствование, заимствованные единицы 46—47, 167, 259—261, 275, 281, 286, 290, 293—294, 305, 345, 361, 367, 402, 405—408, 412, 423, 501
знаки препинания 495

И

игра слов 161, 221, 276, 280, 437
игры [коммуникативные, по Э.Берну] 470—471
идиоматическое отрицание 478
именительный падеж 489
императив 74, 192, 326. 516, 524—527
имперфектив, имперфективация 43, 62—64, 126, 180, 214, 315, 329, 339, 503
импликатура 22, 117, 122, 198, 349—352, 468, 472—473
импликация 38, 150, 230, 260, 269, 274, 279, 299, 323, 326, 333, 374, 546
имплицитность, имплицитные компоненты значения 149, 185, 207, 248, 258, 264, 269, 273—275, 389, 468, 472—475, 489, 505
инвариантное значение, семантический инвариант 24—26, 34—37, 41, 49—50, 117, 144, 447—448, 495—496
иносказание 20—21
Интернет-коммуникация 485, 510
инференция 22, 191, 468, 472—473
инфинитив 134, 138, 141, 186—187, 192—195, 204, 218, 241, 251, 332—335, 507—508
ирония, иронический эффект 103, 151, 187, 193, 207, 213—214, 233—234, 242, 277, 280, 306, 382, 496, 498
искажение смысла/замысла говорящего 148-149, 173, 303—304, 310, 439, 489, 505, 556
истинность, истинностная оценка 85, 130, 143, 170—173, 177, 281, 348, 359—352, 479—480
истинный смысл [высказывания] 309—310, 468—478

К

кавычки 150, 217, 232, 276, 280—281, 446, 488—489, 495—501
каламбур 23—29, 101, 324, 331, 356, 408, 482, 494
калька [морфологическая], калькирование 44, 46, 154, 240, 287, 292—296, 377
картина мира [индивидуальная] 272, 324, 380—381, 547
категориальный сдвиг 452, 454
кинематография 462—463
когнаты 275, 400—401, 412—413, 422
колексификация 418, 421

- комическое, комический эффект 28, 161, 290, 294—296, 435
- коммуникативная война 475
- коммуникативная неудача, коммуникативный провал 19, 20, 22, 33, 366, 468, 473, 475, 478
- коммуникативная революция 509, 523
- коммуникативный акт 514—514
- коммуникативный статус [семантического компонента] 36, 38, 99—100, 122, 126, 129, 247, 505, 546
- коммуникация [речевая, языковая] 22—23, 244, 373, 468—476
- конативность 213, 339
- коннотация 54, 229, 259—262, 273, 275
— отрицательная 64, 222, 259, 277—281, 365, 408
— положительная 143, 262
- контраст 265-268
- контроль, контролируемость [ситуации] 20, 72—77, 80—92, 108—111, 249, 252, 270, 365, 503, 507—508
- конфликтный диалог 468—476, 478
- концепт vs. понятие 272
- концептуальная конфигурация 12, 31, 57, 100, 178, 185—186, 209, 224, 227, 251, 272, 299, 545—546
- концептуальная схема 11, 12, 33—35, **36**—40, 49, 67, 77, 88, 100, 125, 190, 422, 546
- косвенная номинация ситуации **172**—174, 207, 291, 324
- косвенный адресат 513—518, 524
- культурная антропология 226—227
- культурный концепт 272, 293, 367, 376—377
- культурный сценарий/скрипт 185, 257—258
- курсив 489, 487, 500—501

Л

- латиница 486, 491
- лексема 15
- лингвистическая демагогия 478
- лингвоспецифичность, лингвоспецифичные слова 32, 175, 177, 185, 190, 209, 219—221, 231—232, 248, 252, 258, 263, 270, 275, 279, 291, 294, 29, 343
- линия развития событий 82
- лирическая поэзия, лирическая повествовательная форма 22, 515, 518, 520, 524, 526
- лицо [грамматическое] 103, 480
— второе 516, 134, 140, 524—535
— первое 102—103, 131, 134, 140, 516, 525, 527, 532, 536, 539—542
— третье 102—103, 140—141, 171, 516, 538—540
- ложные друзья переводчика 301, 400—401

М

- межкультурная коммуникация 271, 282, 547
метаморфоза 30, 458—461
метафора 38—39, 51—67, 127—128, 224, 228, 287—288, 330—334, 392, 450—458
метафоризация 45, 228, 231, 422
метасемантизация [исходного текста] 462—463
метонимия 51, 89, 166, 368, 373, 393, 461, 481, 507
«мещанский эвфемизм» 261
мнение-предположение *vs.* мнение-оценка 44, 112, 169, 170—171, 175, 181, 350, 352, 479
множественная семантическая деривация 320
модальность, модальные слова 77, 131—142, 158, 174—175, 402, 482, 496
морфологическая деривация 400, 412, 424—425
мотив 465, 466
мотивация, мотивационная модель 31, 41, 274, 388, 395, 425
мультфильм 462

Н

- наблюдатель 124, 519, 537—538
наивная лингвистика 279
наивная семиотика 494
наивная этика 223
намек 197, 472—473, 543
народная этимология 46—48, 223, 311, 546—547
нарратив 496, 531, 531, 536—537
— аукториальный 538—542
— перволичный 531—532, 540, 541
нарративный прием, нарративная техника 525, 531, 535, 537
нарушение [ограничений сочетаемости, языковых правил/конвенций] 103, 166, 233, 434, 504—508
недискретность 16—17, 40, 420, 450
неконтролируемое стечение обстоятельств 268
неконтролируемость, неконтролируемая ситуация 72—80, 102, 108, 110, 139—141, 187, 195, 205, 270, 315, 342, 354—355, 365, 507
неоднозначность 18—23, 78—79, 111, 115, 119, 140, 156, 251, 267, 461
непонимание 477—484
непредсказуемость 216, 219, 226—227, 230, 264, 269, 355
несобственно-адресатные значения формы 2-го лица 525, 532
несобственно-прямая речь 102, 110, 149
неустойчивый семантический компонент 125

О

- обобщенно-личное значение формы 2-го л. 526—530, 532
омонимия 24, 47, 62, 72, 125, 330, 390, 401, 403, 421
орфография 39, 180, 486, 491, 495, 510, 523
«открытость» художественного произведения 461, 477, 511
отрицание 28—29, 69—70, 78, 85, 89, 96, 105, 108, 116, 121, 130—131, 136—137, 158, 200, 204—206, 214, 265, 395, 435—436, 478—482
отрицательный императив 74
отрицательная оценка 79, 84, 91, 100, 125, 143, 152, 193, 206—208, 222, 229, 239, 269, 277—278, 382, 442, 482, 484, 479
отрицательные эмоции 262, 380—381, 442

П

- паронимическая аттракция 279, 324
паронимия, паронимы 24, 47, 301, 401
пердуративный способ действия 257, 323
переводимость 193, 208, 249, 258—259, 264, 268
передаваемый смысл 20, 151, 162, 470—471
персонификация 459
перформатив, перформативное употребление глагола 102—103, 133, 143, 152, 200, 259, 362
повествование от 1-го лица, Ich-Erzählung 531—532, 538
повествование от 2-го лица, Du-Erzählung 531—534
повествователь 519, 531, 541
— всеведущий 536, 537, 539, 540
— диегетический 536, 540
— экзегетическим (= недиегетический) 536, 540—543
повествовательная форма 515, 538—540
подобие 450—461
подстановка 506
подъем отрицания 116, 130
поздравительный адрес 518
полисемия 15—18, 28, 33, 58, 165, 169, 179, 218, 275, 325, 361, 388, 390,—399, 411—413, 421—425, 481
понимание 477—484
порождение речи 489
постмодернизм 491, 509—511
поэтический мир 235, 503—508
поэтический текст 20—23, 461, 529
предикаты внутреннего состояния 134, 190, 539
предикаты пропозициональной установки 29, 77, 170, 178, 478
презумптивный семантический компонент, презумптивная зона значения 67, 69, 112—116, 121, 204, 229, 247
презумпция 38, 98, 130, 171, 185, 195, 197, 231, 273—274, 281, 287, 328, 475, 478, 480, 503, 514, 524, 539

пресуппозиция 44, 156, 260, 269, 408, 500
пропозициональный акт/объект 88, 171, 337
процессное значение [глагола несов. вида] 126, 188, 192, 212, 214, 217, 395, 340—341
прямая речь 145—149, 156, 158, 161, 497, 526
прием [поэтический, демагогический] 29, 23, 29, 221, 343, 363, 508—508, 520—521, 525, 531, 536—537, 540, 542
психотерапия 470, 534
публичная интимность 509, 523
пунктуация 488, 495

Р

разговорный язык, разговорная речь 45, 47, 90, 105, 109, 150—151, 164, 180, 188—189, 219, 229, 257, 261, 263, 286—287, 299, 324, 346, 351, 368—369, 424, 456, 482, 488—490
рассогласование категориальных признаков 53, 508
реализация семантического перехода **411**—412
регулярная многозначность 33, 37—38, 387, 414
реклама, рекламный текст 23, 210, 239, 296, 324
ресемантизация идиомы 506
рецептивная эстетика/поэтика 477, 505
родительный падеж 75, 90—91, 98, 286, 436

С

свободный косвенный дискурс 539
связка 455—457
семантическая деривация 387, 414
семантическая доминанта 87, 271, 510
семантическая калька, семантическое калькирование 63, 104, 167, 256, 275—276, 282, 290—291, 295, 382—383, 402, 405—408, 423
семантическая параллель 393, 411, 415, 417
семантическая реконструкция 389, 391—393
семантическая система языка 271—273
семантическая эволюция 29, 218, 231, 306, 323—325, 345, 361, 400, **411**—413
семантические примитивы 33, 59, 82, 86, 165, 171, 258, 272, 335, 338, 417, 435, 448, 481
семантический критерий реконструкции 394, 396, 427
семантический переход 31, 57, 191, 239, **275**—282, 297, 320, 325, 393—410, **411**—427
семантический универсум русского языка 11, 186, 26, 271
семейное сходство 447
семельфактивный способ действия, суффикс 257, 322
семиотика, семиотический 151, 162, 309, 368, 372—374, 406, 441, 449, 456—457, 463, 491, 495—496, 500, 510—512, 519

семиотический акт 181, 369, 372, 501
семиотический объект 162—164, 166—168, 181, 457, 48, 505
сетевой дневник 509, 522
синекдоха 43
синестетический сдвиг 402
синкретизм 28, 30, 38, 127, 324, 372, 421, 437, 439
склеивание [значений] 25
склеивание [конструкций] 506
словообразование 43, 47, 152, 154, 187, 249, 297, 383, 389, 400, 406
словообразовательная калька 383, 405
словообразовательная лакуна 500
словообразовательная модель 186—187, 212, 279, 321, 330—331, 354, 401, 426
словообразовательная семантика 211—212, 426
словообразовательное гнездо 47, 84, 275, 328, 352
совмещение значений 24—30, 78—81, 88—89, 94—96, 166, 298, 315, 331, 364, 414—415, 421
сопоставление 264-267
сочетаемостьная аномалия 506
союз 71—72, 120, 149, 200, 294, 260, 263—270, 338—339, 343, 349, 382, 413, 489
спонтанная письменная речь 486—494
сравнение 55, 267, 298, 450—461, 496
— ценностное 35, 84, 88
статив, стативное значение [глагола несов. вида] 62—64, 139, 192, 334, 341, 378, 382, 403
сходство 54, 56—57, 265—268, 345, 452—453, 461

Т

тавтология 30, 191, 472
творительный падеж 292, 447—461
типология грамматическая 395, 416, 418
— лексическая 410—422
— семантическая 154, 274—275, 345, 545, 395—396, 406—407, 410—422
тире 399, 489
тождество 39, 450—461
топоним 45, 491, 492
точка зрения 516, 519, 533, 536, 537
транзактный анализ 526
транслитерация 491—494
троп 450, 453

У

уподобление 52, 53, 57-59, 63, 98, 191, 436

Ф

фактивность, фактивная презумпция 85, 100, 166, 479—480, 539
фиктивный персонаж 538
фикциональность vs. нефикциональность [текста] 519, 521—522, 541
фокализация 536, 539
фразовое ударение 29, 77, 118—122, 125—130, 352

Х

художественный текст 519— 522, 530

Ц

циркумфикс 187, 211—214, 223
цитирование, цитация, цитата 148, 487, 492, 496—499

Ч

частные значения падежей 447
читатель 25, 300—307, 210, 312, 319, 460, 477, 499, 502, 505, 513, 518, 521—524,
531—533, 537
чужая речь 150, 496, 501
чужое высказывание 145—146, 150—152, 171
чужое слово 489, 495—498, 497, 500
чужой смысл 150, 498

Э

эвфемизм 225, 325, 261
экранизация 462—463
экспансия именительного падежа 489
электронная почта, электронная переписка 485—494
эпидигматические связи 43—44, 48, 232, 275, 380, 387, 405—408
эпистолярный жанр, эпистолярное общение 485—486, 524
эпитафия 517—518
этимология, этимологический 41—42, 45—48, 58, 197, 232, 243, 263, 322, 328, 353,
381, 413, 415, 425, 459, 546

Ю

юмор 294—297

Я

- языковая игра 23, 27, 29, 80, 191, 296, 318, 389, 408, 500, 508
 языковая картина мира 42, **185**—188, 192, 205, 220—224, **226**—231, 235—241, 252, 257, 262, 264, **271**—282, 290, 292, 312—313, 355, 407—408, 411, 427, 440
 языковая коммуникация 468—477
 языковая концептуализация 32—33, 59, 185, 272, 275, 285, 288, 327—329, 339, 343—344, 415—416, 427, 505, 547
- achievement 143
 ambiguity 19—20
 discours indirect libre 149
 Du-Erzählung 531—534
 ergon vs. energieia 16
 figura ethymologica 454
 Ich-Erzählung 531—532
 image schema 31, 33
 innere Sprachform 42
 intentio auctoris 477, 503—504
 intentio lectoris 477, 503, 505
 intentio operis 503, 504
 invited inference 468
 lingua mentalis 39
 nationeller Sprachsin 42
 not being in control 270
 Past Perfect 269
 positive vs. negative stroke 475
 rapprochement sémantique 414
 semantic associations 416
 semantic change 413, 468
 semantic extension 413
 semantic generality 421
 semantic shift 413
 sprachliche Weltansicht 42, 286
 vagueness 20, 28, 421
 Weltbild der Sprache 273
 windowing of attention 33

УКАЗАТЕЛЬ ЛЕКСЕМ

А

а [союз] 263—270
а вдруг 226, 270
авось 195, 217, 226, 230
авторитет 52—53
аппетит 239, 285
аудитория 25
афера 277—278

Б

барыш 277
без ума <от кого-то/чего-то> 229
бездушный 229
бездыханный 312
безрассудный, безрассудство 229
безумие 229
безумный, безумно 229, 262
бережно 303
беседовать 152, 162
беспокоиться 382
беспокойство 58
благо 179, 227
благополучно 216
блаженный 227
близкий 61
блуд 223, 509
блудити, *др.—русск.* 404, 405
блудить 404—405, 421
блуждать 404—405
бог даст 216
болван 148
больно 58

больно жирно 222
бордель 23
бороться <с кем-либо> 28
бояться 28—29, 36, 67—78, 112—113,
131, 141—146, 382, 442
брак 22, 35
братъ 211
братъ за душу 59
бросить 242, 423
бросить взгляд 423—424
бывать 64, 128, 262, 455
быль 331
былье 331
быльем поросло 331, 344
быстротекущий 398
быстрый, быстро 153, 303
быть в 24, 49, 54
бѣдити, *др.—русск.* 243

В

в гости, в гостях 368
в кавычках 280
важно 174
вдохновение 312
ведать 59
везет <кому-то> 60, 203—205, 231
велеть 55, 159
великолепно 116
верить 112, 131, 134, 175, 230
вернуться/возвращаться 213, 455, 461
вести/водить 61—64
ветеран 306

- вечеринка 367
 вз- 330, 354—358
 взбаламутиться 354
 взбалмошный 354
 взбелениться 354
 взбеситься 354
 взвиться 354
 вздор 179, 308, 353—360
 вздорный 353, 359
 вздохнуть 302, 311—312
 вздремнуть 323
 взобратся 211
 взорваться 354
 взять (на работу) <кого-то кем-то> 456
 взять в жены 368
 видеть 27, 45, 345
 видеть <кого-то каким-то> 456
 видится <кому-то что-то> 345
 відчинити, *укр.* 48
 вкус 260, 407
 вкушать 407
 влияние 44, 406
 возводить <что-то к чему-то> 60, 61
 возмущаться 58, 152
 возмущение 58, 260
 возражать 114, 507
 возраст 401
 возраст, *ц.-слав.* 401
 вокруг 503, 504
 волнение 44
 волноваться 113, 382
 волосы 418
 воля 220
 воображаемый 351
 воображать 112, 114, 130
 вообразить 132, 456, 457, 479
 вообразить себе <кого-то кем-то> 456
 вообразить себя <принцессой> 457
 воскреснути, *ц.-слав.* 401
 воскреснуть 401
 воспитание 43
 воспитать <кого-то каким-то> 456
 воспоминания 54, 235
 воспрянуть духом 56
 восторгаться 115
 восхищаться, восхищение 152, 261
 восходить <к XIV веку> 61, 62
 впасть в заблуждение 60
 впечатление 44, 59, 406
 впечатлять 382
 впустую 394
 врать 153
 время 52, 399, 402
 всеобщее счастье 235
 вскинуться 354
 вскипеть 354
 всплакнуть 323
 вспомнить/вспоминать 327—329, 335,
 339—341, 507
 вспомниться 327, 329, 339, 343
 вспомнать 328
 вспылчивый 59, 354
 вспылить 354
 вспыхнуть 354
 встречать <кого-то каким-то> 456
 входить 62, 403
 въздирати <на кого-то>, *др.-русск.* 355
 вы- 49—50, 217, 422
 выбрать <кого-то кем-то> 456
 выбратся <откуда-то> 217
 выбратся/выбираться <куда-то> или
 <к кому-то> 193, 211, 217
 вывести <из к.-то состояния> 56, 57,
 64
 вывести <тараканов vs. новую породу
 кроликов> 422
 вывести из себя 57
 вывод 44, 53, 59, 63—64
 выворачивать душу наизнанку 236
 выглядеть 456
 выговаривать <кому-то> 154
 выговорить <что-то> 154
 выгода, выгодный 277
 выиграть 172
 выйти 49, 57, 62—64, 291, 219, 318,
 368
 выйти в генералы 219, 368
 выйти в отставку 49
 выйти замуж 49
 выйти из себя 57, 64
 выйти из строя 49, 57
 выказать 155

вылетело из головы 329
 вылечить 107
 выражение 59
 вырасти <эгоистом> 456
 вырваться 212
 высказать 155
 высокий 231, 405
 высокий 405
 выть волком 454
 выходит <что ты был прав> 61—62,
 201
 выходить 61—63
 вышло 62, 199, 201—202, 268, 270
 выяснение отношений 258

Г

гадать 59
 гешефт 277
 глава 401
 глазок 43
 глубокий 53, 54
 говорить 55, 114, 145—168, 224, 397,
 403
 говорить комплименты 160, 166
 говорить тост 166
 голова 401, 411
 голос 153, 154
 голос совести 53, 55
 голый 397
 горе 53—58
 горевать 507
 гореть <чем-то> 58
 город 508
 горький, горько 53, 56, 58
 горячий 59
 гости 366—375
 гость 368
 грех 286, 330
 грех смеяться 296
 грех тебе жаловаться 241
 грубый 59
 грызть 55, 252
 губить 108
 гулять 325

Д

давить 47, 59
 давление 47, 402
 давно 192, 507
 даже 119, 445
 дать 281—282, 408
 дать отпор 172
 двусмысленный, двусмысленность 23
 де 150
 деверь 417
 дело 357
 дескать 150, 167
 детский сад 298
 до- 211—214
 до-...-ся 212—214
 добиться 172, 211—212
 добираться, добраться 193, 210—219,
 270
 добираться на перекладных 217
 добиться успеха 172
 добраться до сути 53, 242
 добро 227
 добудиться 214
 довелось <кому-то что-то сделать> 64,
 186—187, 202—206
 доверять 132
 довести/доводить 64, 424
 довлететь 47, 59, 311, 491, 401—402
 довод 59
 доводиться <кому-то кем-то> 64
 доволен 237—239
 догадываться, догадаться 112, 133,
 214
 договориться 154, 214
 доедать 213
 доехать 213, 216, 217
 доживать 213
 дожидаться, дожждаться 240, 560
 дозвониться 211
 доиграться 214
 дойти/доходить 23, 60, 63, 211, 213
 докладывать 156
 докопаться <до истины> 211
 докричаться <до кого-то> 211, 214

докупаться <до воспаления легких>
 214
 долг 177, 227
 долго 63, 192, 217, 339, 341
 должен 135, 175, 402
 доля 205
 домик 43, 426
 допустить 143
 дорваться <до чего-то> 212
 досада, досадовать 249
 досадно 206, 242
 досиживать 213
 доставлять 233
 достать 415
 достучаться 214
 досуг 324
 дотягивать 213
 дохлый 426
 дохнѹть 322
 дѳхнуть 313, 322, 426
 драка 354
 драть 353
 драться 354
 друг 256, 408
 думать 59, 112, 116, 159—180, 187,
 328, 345—352, 403, 507
 дурак 179, 230—232, 244, 456
 дуракам везет 231
 дуракам счастье 231
 дурно <кому-то> 58
 дух 56, 227, 262, 295, 312
 духота 322
 душа 52, 57—63, 185, 227—234,
 256—257, 262, 275, 295, 312
 душевная боль 56
 душевная черствость 56
 душевные раны 56
 душеспипательный 58
 душить 322
 душный 322
 дым отечества 311
 дыхание 312
 дышать 312
 дядя 417

Е

еле 216
единокровный 417
единоутробный 417
 если получится 194—195
 если что 226, 270

Ж

жажда удовольствий 228
 жалеть 79—103, 110, 113, 382
 жалко 32, 79—103, 110, 186, 242,
 250—251
 жалование 42
 жаловаться 115, 152
 жалость 57—58, 97, 241, 440—442
 жаль 79—103
 ждать 32, 376, 382
 желчь 302
 жена 35, 393, 425
 жениться <молодым> 456
 женолюб 425
 женоненавистник 425
 женоподобный 425
 женский 425
 женщина 425
 жесткий 59
 жить 508
 житье-бытье 331

З

за- 181, 330—331
 за-...-ся 187
 заблудиться 404, 405
 заблуждаться 404, 405, 539
 забывать 327, 332—334
 забывчивый 244
 забыть 327—335
 завезти <детей в детский сад по дороге
 на работу> 193
 завербоваться <юнгой на корабль>
 456
 завидовать 113, 539
 загодя 507, 508
 заделаться <болельщиком> 456

задираться 353
 задор 353—354
 задуть <свечу vs. дому> 422
 заездить 62
 заехать/заезжать 62
 зажигать 500
 зажечь 331
 зорно 241
 зайти <за хлебом по дороге с работы>
 193
 зайти <за угол, в самую чашу> 43
 зайти <к приятелю> 193
 закон 274
 залечить <рану vs. человека> 401, 422
 замолить <грех> 330
 занести <приятелю книгу> 193
 заодно 186, 193
 запомнить 327, 331
 записать 331
 записаться <добровольцем> 456
 запить <горе вином> 330
 заплакать 503
 заподозрить 143
 запомнить 327, 335, 401, 422
 запустить 23
 заработать 187
 заранее 508
 заработать 187
 зарости травой 332
 засидеться <в гостях> 187
 заспать беду 331
 заставлять 159
 засудить 274
 насыпать <яму песком> 330
 затворить 48
 затекать 392
 захлопать <в ладоши vs. выступающе-
 го> 330—331
 заходить (НСВ к *зайти*) vs. заходить
 <по комнате> 43, 62
 зачислить <студентом> 456
 зачитаться 187
 заштопать <дырку> 330
 заявлять 156
 звать <жену киской> 456
 здоровье 239

здравствуй 239
 злиться 113
 зло 398
 злой 398
 знать 30, 32, 170, 336—338, 456
 значительный 151
 значить 151, 309
 золотоискатель 405
 зря 105—114, 158

И

и [союз] 120, 263, 269
 идея 285, 294
 идиот 285, 407
 избегать <чего-л.> 60
 избежать 32
 избыть <горе, обиду> 331
 известись/изводиться 64
 извиниться 229
 изводить 64
 издохнуть 313, 321
 изображать 403
 изобразить <кого-то кем-то> 456
 изойти 63
 изрядно 148
 изумиться, изумительный 229
 инвалид 305—307
 интеллект 295
 интерес 285, 294
 искать 329
 искренне 103
 искупаться 261
 испортить 172
 испить горькую чашу 56
 испытывать <к.-то чувство> 69, 112,
 228, 233—234, 260—261, 380
 испытывать терпение 56—57
 иссякнуть 56
 истина 227
 истинное наслаждение 238
 истинное счастье 231
 истинный 231, 351
 истомить душу 56
 исходить <из чего-то> 59, 61, 63

К

к сожалению 103
 к счастью 116, 236
 казати, *укр.* 167, 397
 казать 167
 казаться <кем-то> 456
 казаться 112, 130, 155, 455—456
 как 338, 452
 как будто 55, 233, 434, 438, 469, 514
 как бы 35, 177, 496, 499
 как-нибудь 193, 216—217, 270
 как тебе не совестно 252
 как тебе не стыдно 252
 как ты ко мне относишься 258
 какая жалость 97
 какая обида 242
 какое счастье 231, 236
 калека 307
 камень с души свалился 59
 капля 56, 459
 капля терпения 56
 катастрофа 285, 294
 клеветать, оклеветать 114, 155
 кое-как 216
 козел 185, 449—459, 454, 458, 461
 колоземица 409
 колючий 59
 конец 508
 контакт 256
 коммуникация 256
 контактировать 256
 користь, *укр.* 277
 корпоратив 367
 корысть 277
 красивый 424
 красный 412, 424
 красьныи, *др.-русск.* 412
 круг 38
 кузнец своего счастья 235
 культурный отдых, культурно отды-
 хать 323, 325
 купец 372
 купить 278, 281, 408
 купиться <на что-то> 281

Л

лгать 153
 легко на душе 56
 лестный, лестно 362—365
 лесть 351, 362
 лететь 53, 57
 лето 412
 либо 413
 ловкосилие 409
 лопнуть 52, 56
 лучше 35, 85, 88, 95, 116, 174, 528, 533
 льстец 361—362
 льстить 348, 361—365
 любить 431—439, 472, 478, 479
 любовь 59, 128, 185, 258—261,
 431—439
 любовь зла, полюбишь и козла 185
 любой 413
 лютый 241
 лѣто, *др.-русск.* 412

М

мгновенный 303
 меня (*в безл. констр.*) 187, 205, 207,
 383
 меня не будет завтра на работе 227
 мероприятие 405
 место 412
 метаморфоза 458—461
 мешкать 397—398
 мещанское счастье 232
 мимо 118—130
 мимолетный 128
 миновать 124, 128, 129
 минуту 128
 мне (*в безл. констр.*) 187, 202—205,
 241, 250, 363, 415, 434, 479
 мне не работается 227
 мне помнится 442
 мне пришла в голову идея 61
 мнение 59, 345
 мнимый 351—352
 мнительность 352
 мнить 345—352
 могу понять 132, 481—482

мол 150
 моральное разложение 225
 моужь, *др.-русск.* 404
 мочь 131—144, 175, 196, 481—482
 муж 404, 418, 425
 мужчина 404, 418, 425
 мучиться 507
 мысль 59—60
 мягкий 59

Н

на всякий случай 226, 270
 на крыльях любви 458
 на свете счастья нет 226
 наверное 348
 наостриться 148
 надеяться 112, 132, 382, 442
 надлежать 59
 надо же 206, 208, 269
 нажива, наживаться 277
 назвать/называть <кого-то каким-то именем> 114, 456
 назваться <кем-то> 456
 назначить <кого-то кем-то> 456
 найти 63, 329
 наконец 216
 налетчик 393
 намекать 472
 намереваться, намерен 186—190
 наняться <кем-то> 456
 наобщаться вдоволь 257
 напала тоска 53
 напомнить 328
 напрасно 32, 37, 67, 70—71, 98, 101, 105—117, 158, 250, 340, 349, 358
 напрасный 117
 народ безмолвствует 311
 нарядиться <кем-то> 456—457
 наслаждаться 282
 наслаждение 222, 238—239
 насмешка 298
 настаивать 158
 настоящий 130, 351
 наступить 53, 233
 натрудить ногу 423
 натура 285, 294
 находить <что...> 59—60, 63, 329, 345, 397, 406, 423
 находиться <где-то> 507
 не знать 110, 330
 не интересоваться 110
 не казать носу <куда-то> 167
 не любить 116, 204, 435—436, 478
 не нравиться 204, 479
 не обидеться 247
 не подобает 241
 не положено 241
 не помнить обид 246
 не понимать 477—484
 не принято 241
 не пристало 241
 не проблема 292
 не разбираться 110
 не соберусь 189—192, 218
 не считается 176, 178
 не хочется 479
 небось 217
 невестка 152
 невместно 241
 недоверие 258
 неизбежный 32
 нелестный, нелестно 365
 неловко 241
 неметь, онеметь 392
 ненавидеть 302, 304, 310
 ненависть 261
 ненароком 74
 необходимо 174, 405, 406
 неплохо 478
 неприлично 241
 несерьезно 298
 несчастлив 290
 нет проблем 292
 неудобно 241, 252, 254
 неуместно 241
 нехорошо 478
 но 71, 263, 268—270
 нравиться 382, 434, 478

О

- о том, что 148
 обвесить 243
 обвинять 70, 115—116, 348
 обделить 243
 обзывать 456
 обида 186, 241—251, 260—261
 обидеть 241—244
 обидеться 143, 241—245
 обидно 186, 206, 241—251
 обидный 241
 обидчивый 244
 обижать, обижаться 113, 115, 244
 обиженный, обижен 241
 облом, обломаться 422
 обломилось <кому-то что-то> 422
 обманчивый 244
 обнести <кого-то угощением> 45,
 422—243
 обожать 434
 обойдется 198, 270
 обольстить/обольщать 365
 оборотиться <кем-то> 456
 образ 59, 425
 образование 425
 образуется 198, 209
 общаться 256, 366
 общение 256—257
 общнуться 257
 объяснять 152
 обязанность 227
 овладевать 262
 огорчить/огорчать 78,
 огорчиться/огорчаться 113, 333
 огорчен 363, 378, 381
 одеться <кем-то> 456
 одолжить 281, 282, 372, 408
 ожидать 112
 означать 151
 оказать (давление, сопротивление)
 155
 оказаться <кем-то> 63, 455—456
 омерзение 58
 опоздать 172
 оригинальный 412
 оскорбить/оскорблять 115, 153,
 247—248
 оскорбление 247—248
 острога 295
 остроумие, остроумный 294—296
 острый 294
 осуждать 70, 113
 от- 321—322
 от-...-ся 321
 отвечать 156
 отворить 47—48
 отвращение 112
 отдаваться чувству 262
 отдать 281—282
 отдать под суд 274
 отдых 323—325
 отдыхать, отдохнуть 261, 304,
 312—326
 отдыхающие 323
 отдышаться 321
 отзвенеть 322
 отмучиться 322
 относиться 27, 258
 отношение 44, 257
 отношения <между двумя людьми>
 257—258
 отозваться <о ком-то как-то> 365
 отоспаться 321
 отредактировать 321
 отремонтировать 321
 отрицать 59, 114, 155
 оттаять 321
 отхожее место 412
 отцвести 322
 отчитывать 152
 отшлифовать 321
 отъестся 321
 охватывать 233, 262
 очевидный, очевидно 63, 348
 ошибиться 141
 ощущение 127, 233, 481
 ощущение счастья 233, 311

П

- память 327, 329—330, 343
 пелена 454—455
 пере- 422
 перевод 307—310
 переводить 308
 передо́хнуть 426
 переживать, переживание 399
 переизбрать 422
 переодеться <кем-то> 456
 переписать 426
 плавать на экзамене 392
 плавить 390
 плакать 503
 планировать 187
 плоть 227
 плохо 154, 478
 плыть/плавать 390—392
 по- 92
 победить 243
 побояться <что-то сделать> 92, 208
 повезло 203—205
 поверить 134, 143
 повиноваться чувству 262
 погибнуть <героем> 456
 погреб 390
 погребение 390
 погренути, *др.-русск.* 390
 погрузиться в раздумья 423
 подавленность 56
 подарить 281—282, 408
 подарок 282
 поддерживать 23
 поднять настроение 56
 подозревать 112, 142, 382, 539
 подозрение 376
 подохнуть 426
 подумать 143
 подходить, подойти <кому-то> 64
 пожалеть 90—102
 пожертвовать <чем-то> 172
 позволить себе 223
 пойти 63
 пойти в солдаты 368
 пойти на компромисс 423
 показаться 28, 129—130, 155, 345, 348
 покупать 372
 полагать 59, 112, 158, 345
 полениться <что-то сделать> 92, 208
 получается 200
 получилось 199, 202, 270
 польстить 353, 364
 польщенный, польщен 362—364
 помимо своей воли 74
 помнится 327, 342—343
 помнить 327, 334—341
 помнить <кого-то каким-то> 456
 помыться 261
 помянуть 328
 понести 424
 понимать 479—484
 понять 143, 397
 пообщаться полчаса 257
 поползновение 21
 попрек 186
 попытаться 185—186, 193—195
 порадовать 382—383
 поразить 58
 послышаться 348
 посмешище 298
 поставить <кого-то кем-то> 456
 постараться 185—186, 193—195
 постесняться <что-то сделать> 92,
 209
 постичи, *др.-русск.* 397
 постичь 397
 постылый 59
 посчастливилось 203
 потерпеть неудачу (крах, поражение)
 172
 потерять 329
 поторопиться <что-то сделать> 208
 потрясение 56
 потрясенный 21
 потрясти, потрясающий 58
 походить <на кого-то> 64
 похож 452
 похоже 345
 похудеть 334
 почесть 180—181
 починить 334

почитать 180
 почтение 258
 пояти, *др.-русск.* 397
 правда 227, 274, 357
 правильно 174
 предать <кого-то> 172, 279
 предложить 133
 предполагать, предположение 44, 59, 288
 предпосылка 59
 председатель 406
 представить <кого-то каким-то> 456
 представить себе <кого-то кем-то> 456
 представление 59
 предъявлять 424
 прекрасный 412
 презрение 258
 прелесть 365
 прельстить/прельщать 365
 преступный 21
 при- 213
 привиделось 345
 пригласить 282, 408
 придираться 353
 прийти <к выводу> 53, 60, 423
 прийти/приходиться 64
 прикорнуть 323
 принять (на работу) <кого-то кем-то> 456
 присутствовать 507
 притворить 48
 притвориться <кем-то> 48, 456
притворство 48
 про- 124, 181
 пробежать глазами 424
 проблема 285—292
 прогнозировать 152
 прогореть 279
 продавать себя 281
 продаваться 279, 280
 продажный 279
 продать/продавать 278—280, 372
 продаться 279
 продвигаться в решении задачи 172
 проехать остановку 125

проиграть 172, 279
 произойти 233
 пройти 124, 128
 пройти мимо 124, 126
 пронесет 270
 прообщаться весь вечер 257
 пропадать 108
 пропить деньги 279
 просить 159, 258—259
 прослушать вопрос 125
 проспаться лекцию 125
 простить 246, 276, 425
 проститься 276, 425
 просьба 259—260
 противоречить 59
 профуфукать свою жизнь 279
 процесс мышления 59
 прочесть 180—181
 проясниться 63
 пустой 397
 пыл 58
 пытаться 193—195

Р

работать <кем-то> 456
 рад 238
 радовать 382
 радоваться 113
 радость 227—228, 231, 257, 261
 раз- 220, 223—225, 331
 раз-...-ива-/-ва-/-а- 223
 разбираться 225
 разборка 225
 развернуться/разворачиваться 213
 развезать <по ветру> 224, 331
 разврат 220—225
 развратить/развращать 221
 развратный, развратник 221
 развращенный 221
 разгул 220
 разгуливать 224
 раздор 353
 разлеживать 223
 различить 136
 разложение 224—225

разложить по полочкам 225
разлука 185, 506—507
размах 220
разобрать 132, 255
разобраться 225
разочарован 377—383
разочарование 376—383
разочаровать 376—383
разочароваться 376
разочаровывать 378—383
разъесть 223
ранить 56
раскаиваться 67, 92—93, 143, 255, 382
распад личности 224
распевать 224
распекать 152
распивать <чай> 223
распустить <вязание, собрание> 224,
331
распутный 223
распутство 223
распущенность 223, 224, 262
рассекать 500
рассердиться 143
рассеяться 224
рассиживать 223
рассказывать 156
рассматривать 345
рассмотреть 132
расставание 506—507
расстаться <друзьями> 456, 507
расстроен 381
рассчитывать 112
рассыпаться 224
растворить 48
расти <каким-то> 456
расхаживать 224
расходиться 64
ревностный 425
ревность 412, 425
рекомендовать 159
решить 143, 191, 213
родиться <каким-то> 456
роптать 115
ругать 115, 152, 456

С

с [предлог] 292
сажать 23
самомнение 352
сборы 220
свекровь 417
свет 63
свобода 223
сводный брат 417
сдается мне 351
сделать <кого-то кем-то> 456
делка 277—278
сдохнуть 426
сейчас 334, 488
секретничать 152
сердиться 113
сердце 308, 309
сестра 148, 152
симпатия 258
синяк 425
сиречь 167
сказать 155, 168, 397, 406, 424
сказаться <кем-то> 456
скандал 285, 294
скорый 303
сладкий 222, 239
сладостный 222
сладострастие 222, 240
сластолюбие 222, 249
сластотерпие 240
следовать 60
сложилось 186—187, 199— 202, 219,
270
служить <кем-то> 456
случайно 74
случиться 187, 199, 202, 217, 233, 465,
537
слушать 425
слушаться 75, 425
смехотворный 298
смешной, смешно 296—298
смотреть 107, 131, 345
смотреть за <кем-то> 426
смочь 195—195, 202
смутно 503

сникнуть 56
 собираться <где-то> 367, 373
 собираться <что-то сделать> 36,
 186—192, 217, 270, 276, 413
 собор 220
 соборный 220
 собраться 191—192, 217
 совершить предательство (измену)
 172
 совместно 186, 241, 248, 252—255
 совесть 52—53, 55, 57, 67, 253, 277
 советовать 159
 содержание 59
 содрогание 21
 сожаление 35, 67, 80, 84, 87—93, 96,
 99, 101, 250—251, 376, 445
 сожалеть 33, 36, 67, 79—104, 113, 116,
 131, 250, 255, 381, 442
 сожитель 408
 сойти с ума 229
 сомневаться 59, 112, 158
 сомнение 376, 459
 соответствовать 59
 сортир 412
 соснуть 323
 состояние 59
 сострадание 97, 443—445
 сочувствие 97, 443—446
 сочувствовать 442
 спешка 197
 сплетничать 152
 спокойствие 58
 справедливость 185, 253, 261
 справиться со своими обязанностями
 172
 спросить/спрашивать 152, 156, 258
 стараться 193—195, 270,
 стареть, старение 402
 стать ('остановиться') 398
 стерлось из памяти 330
 стесняться 58, 92, 253
 стоит <+инф.> 174
 стоить 398
 столкнуться с проблемой 423
 сторона 401
 стояти/стати, *др.-русск.* 398

страда 423
 страдник, *др.-русск.* 423
 страна 401
 страх 69
 стрый, *др.-русск.* 417
 стыд 261
 стыдиться 92
 стыдно 186, 252—255
 стяжатель 277
 судить 59, 274, 424
 судьба 185, 205, 424
 сухой 59
 схватить/схватывать 397
 сходство 48
 счастлив 231, 236, 237—240, 464
 счастливый 88, 93, 231—232, 290
 счастливый случай 231, 465
 счастье 128, 185, 219, 227, 231—239,
 327, 376, 464, 481
 честь 180—181
 считать 112, 142, 158, 169—181, 345,
 349—352, 397, 398, 480
 считать <за честь, за счастье> 179
 считать <кого-то кем-то> 456
 считать возможным 116
 считаться 176—179, 455
 сыр 421, 425
 сырник 422, 425

Т

так вышло 268
 так и быть 300
 так называемый 496, 501
 так получилось 102, 199, 251
 так сказать 496, 501
 тварь 48
 творение 48
 творчество 48
 творог 421
 тело 227, 262, 295
 теплый 59
 терпеть, терпение 402
 терпкий 392
 терять 108, 329, 334
 тетка 148

тегушка 152
течи, *др.-русск.* 398
течь 398—399
теща 417
тлетворное влияние Запада 225
топить 390—391
торговаться 278
торговля 278
тоска 47, 51, 53, 185, 220, 302, 376, 394, 459
тоска гложет 459
тоска заела 51
тоска тщетности 47
точка зрения 59
трогать 405
трогательный 58
тронуть 56
труд 423
тщетно 503
тщетный 397
тяжело на душе 56

У

у меня (*в безл. констр.*) 141, 187, 201—202, 233, 260, 287—292, 329, 392, 442, 483
у меня проблема 288
у- 181, 213
убедить/убеждать 107, 243
уважать 113
уважение 258
увариться 401
уверен, быть уверенным 70, 112
уверенно 154
увидеть 107, 133, 181
уговаривать 106, 152
угораздило 187, 205—208, 251, 270
угрызения совести 55, 252—253
удалось 120, 171, 187, 195—197, 200, 202, 206, 208, 215—216
удаль 220
удар 56
удача 232
удел 426
удивлять 382—283

удовлетворен 237
удовольствие 221, 227—228, 231, 237—240, 257, 262, 477
уй, *др.-русск.* 417
указать 397, 424
укол ревности 458
укол совести 55
укор совести 55
уловить 133, 161, 181, 397
ум 228—229
ума не приложу 482
умереть <каким-то> 456
умничать 229
умом Россию не понять 230
умствовать 229
уму не постижимо 482
умудриться 187, 205—208
упадок духа 45
упомянуть 328
упрек 445
упрекать 115
услышать 181
усматривать 345
успеется 198, 270
успеть 196—198, 304
успех 197
успокаивать 383
уста 412
устье 412
устроиться (на работу) <кем-то> 456
утверждать 114, 158, 348
участь 58, 95, 295, 426
учесть 180—181
учуять 181
уют 220

Х

хаять 115
хвалить 115
хвастаться 152
хватать 415, 420
хватить 420
хлебнуть горя 56
ход мысли 59
холодный, холоден, холодок 59

хорошо 154, 174, 478
 хотеть 191, 413, 478
 хотеть сказать 151, 167, 244
 хотя 388, 413

Ц

цирк 23

Ч

часть 426
 человекъ, *др.-русск.* 404
 червь сомнения 458
 черная работа 275
 чернить 426
 чернорабочий 275
 черный 426, 275—276
 черствый 59
 чисти, *др.-русск.* 180
 чистый 397
 читать 180—181
 что 72, 93, 180, 204, 260, 338, 352, 382
 чувства 261
 чувство 233, 260—262
 чувство вины 260
 чувство голода 260
 чувство долга 261
 чувство меры 261
 чувство неприязни 260
 чувство облегчения 260
 чувство опасности 261
 чувство превосходства 260
 чувство прекрасного 261
 чувство реальности 261
 чувство самосохранения 261
 чувство собственного достоинства
 261
 чувство тошноты 260
 чувство юмора 261, 296
 чувство юмора
 чувствовать 234, 260—261
 чувствовать себя <каким-то> 456
 чувственный 261
 чудом 216
 чужая душа потемки 63

Ш

шерсть 418
 широка страна моя родная 226
 широта 220
 шурин 417
 шутка 295

Э

эмоции 261—262
 эмоциональный 261
 эмоция 58, 260—262
 эстетическое наслаждение 238

Ю

юмор 285, 293—296
 юродивый 227

Я

я этого не понимаю 477—478
 являться 455
 явный 63

А

aber, *нем.* 263
 abholen, *нем.* 408
 absagen, *нем.* 155
 Absicht, *нем.* 189
 affaire, *фр.* 277
 aimer, *фр.* 434, 439
 alcanzar, *исп.* 415
 aller, *фр.* 413
 amare, *ит.* 436, 439
 amare, *лат.* 47, 437
 ami, *фр.* 408
 amicus, *лат.* 47
 атог, *лат.* 19, 47, 118
 amore, *ит.* 118, 436—439
 amour, *фр.* 96, 147, 297, 436, 439
 and, *англ.* 263, 269

angoisse, *фр.* 58
 Angst, *нем.* 58
 angustia, *лат.* 58
 annum, *лат.* 42
 anrufen, *нем.* 412
 ansagen, *нем.* 155
 arriver, *фр.* 217, 218
 at, *лат.* 263
 atidaryti, *лит.* 48
 attendre, *фр.* 30
 aufmachen, *нем.* 48
 ausgehen <von etwas>, *нем.* 63
 aussagen, *нем.* 155
 aussprechen, *нем.* 154—155
 avere intenzione, *ит.* 189
 avoir, *фр.* 413
 avoir honte, *фр.* 252
 avoir l'intention, *фр.* 189
 avoir peur, *фр.* 77

В

back, *англ.* 413
 bar, *нем.* 394, 397
 barfuß, *нем.* 394, 397
 Bargeld, *нем.* 394, 397
 beabsichtigen, *нем.* 189
 beggar, *англ.* 259
 begreifen, *нем.* 45, 394, 397
 beleidigen, *нем.* 247
 Beleidigung, *нем.* 247
 belief, *англ.* 79, 170
 belle-mère, *фр.* 417
 bene velle, *лат.* 437
 Bild, *нем.* 425
 Bildung, *нем.* 425
 bitten, *нем.* 258
 black, *англ.* 426
 black market, *англ.* 275
 bliss, *англ.* 237
 body, *англ.* 229, 295
 bon appétit, *фр.* 239
 bonheur, *фр.* 237
 bonjour, *фр.* 239
 böse, *нем.* 398
 boyfriend, *англ.* 256, 408

Brust, *нем.* 46
 but, *англ.* 263, 268

C

can, *англ.* 135, 139
 capello, *ит.* 418
 capillus, *лат.* 418
 capire, *ит.* 394, 397
 capitulum, *лат.* 412
 captivus, *лат.* 398
 caput, *лат.* 412
 cattivo, *ит.* 398
 celo, *исп.* 412
 celos, *исп.* 412
 c'est dommage, *фр.* 251
 chef, *фр.* 412
 chétif, *фр.* 398
 cheveu, *фр.* 418
 choquer, *фр.* 58
 cit, *чешск.* 442
 comique, *фр.* 297
 communication, *англ.* 256
 compassion, *англ.* 440—444
 comprehendere, *лат.* 424
 comprehendere, *лат.* 45, 397, 424
 comprendre, *фр.* 45, 397, 424
 compter, *фр.* 398
 computo, *лат.* 398, 425
 concipere, *лат.* 394
 constare, *лат.* 398
 contare, *ит.* 398, 425
 content, *фр.* 238
 contradictio, *лат.* 154
 convertere, *лат.* 397, 400
 craindre, *фр.* 77, 413
 crème fraîche, *фр.* 418
 croire, *фр.* 175

D

de peur de, *фр.* 77
 déception, *фр.* 377
 delight, *англ.* 239
 demeurer, *фр.* 397, 420
 demogari, *лат.* 397, 420

denken, *нем.* 178, 328
 Denkmal, *нем.* 328
 derisoire, *фр.* 297
 désenchantement, *фр.* 377
 dicere, *лат.* 397, 398, 406
 diligere, *лат.* 437
 dire, *фр.* 151, 397, 398, 406
 disappointment, *англ.* 377—381
 doch, *нем.* 264
 donner, *фр.* 282
 drôle, *фр.* 297
 ducere, *лат.* 64
 dusėti, *лит.* 322
 dust, *лтш.* 322

E

e [союз], *ит.* 263
 effrayer, *фр.* 77
 elated, *англ.* 237
 emotion, *англ.* 58
 émotion, *фр.* 58, 261
 emovere, *лат.* 58
 en attendant, *фр.* 413
 enjoy, *англ.* 239, 240, 282, 291, 293
 entender, *исп.* 398, 400
 entendre, *фр.* 398, 400
 entsagen, *нем.* 155,
 Enttäuschung, *нем.* 377
 ergreifen, *нем.* 45
 Erlebniss, *нем.* 399
 errare, *лат.* 404, 405, 421
 erreichen, *нем.* 415
 es scheint mir *нем.* 345
 esperar, *исп.* 398, 400, 412
 espérer, *фр.* 398, 400, 412
 esprit, *фр.* 229, 294, 295
 et, *фр.* 263
 étude, *фр.* 400
 être blessé, *фр.* 247

F

faire peur, *фр.* 77
 fassen, *нем.* 45
 femme, *фр.* 393, 397

fertig, *нем.* 397, 420
 fier, *фр.* 96
 finden, *нем.* 398, 406, 423
 float, *англ.* 421
 forget, *англ.* 328, 332, 335
 formation, *фр.* 425
 forme, *фр.* 425
 fragen, *нем.* 258
 frapper, *фр.* 58
 Frau, *нем.* 397
 Freund, *нем.* 408
 friend, *англ.* 256, 373
 fromage 421

G

gage, *фр.* 42
 Gang, *нем.* 43
 gaudere, *лат.* 240
 gaudia, *лат.* 240
 Geist, *нем.* 295
 gekränkt sein, *нем.* 247
 geniessbar, *нем.* 240
 geniessen, *нем.* 240
 Geschäft, *нем.* 277
 Gewissensbisse, *нем.* 252
 glücklich, *нем.* 237
 glauben; *нем.* 175
 Glück, *нем.* 237
 godere, *ит.* 240
 Goldsucher, *нем.* 405
 goût, *фр.* 407
 guten Tag, *нем.* 239

H

Haar, *нем.* 418
 habe Probleme, *нем.* 287
 habere, *лат.* 413
 hair, *англ.* 418
 happiness, *англ.* 235—237
 happy, *англ.* 235—240, 290, 291
 haut, *фр.* 405
 heißen, *нем.* 309
 heureux, *фр.* 237, 238
 Hochzeit, *нем.* 409

homme, *фр.* 404
 hôte, *фр.* 372
 humeur, *фр.* 293—294
 humor, *англ.* 293, 296
 humor, *лат.* 293
 Humor, *нем.* 294, 296
 husband, *англ.* 404

I

imagine, *англ.* 441
 instead, *англ.* 264
 invalide, *фр.* 306, 307
 invece, *ит.* 254
 inviter, *фр.* 408
 it's a pity, *англ.* 251

J

jaceo, *лат.* 46
 jacio, *лат.* 46
 je me félicite, *фр.* 442
 joie, *фр.* 240
 jouir, *фр.* 240
 jouissance, *фр.* 240
 joy, *англ.* 240

K

kaufen, *нем.* 279, 372
 käuflich, *нем.* 279
 kazati, *слов.* 168
 kochać, *польск.* 439
 kochanie, *польск.* 439
 komisch, *нем.* 297, 299
 Kopf, *нем.* 399, 407
 korzysć, *польск.* 277

L

láska, *чешск.* 439
 labor, *лат.* 423
 lächerlich, *нем.* 297
 laine, *фр.* 418
 lana, *ит.* 418
 lana, *лат.* 418

legere, *лат.* 181
 Liebe, *нем.* 297, 439
 lieben, *нем.* 439
 life jacket, *англ.* 43
 like, *англ.* 436
 lítost, *чешск.* 241
 love, *англ.* 258, 433, 436, 439, 442, 443,
 438, 439

M

mówić, *польск.* 165
 ma, *ит.* 263
 mais, *фр.* 263
 malo, *исп.* 398
 man, *англ.* 404
 Mann, *нем.* 404, 418, 425
 människa, *шведск.* 404
 marché noir, *фр.* 275
 mari, *фр.* 404
 marito, *ит.* 404
 may, *англ.* 139, 141, 534
 Maßnahme, *нем.* 405
 mean, *англ.* 309
 medkänsla, *шведск.*
 Mensch, *нем.* 404, 425
 miasto, *польск.* 412
 mieszkać, *польск.* 397
 mieszkanie, *польск.* 397
 mieten, *нем.* 372
 miłość, *польск.* 439
 milování, *чешск.* 439
 milovat, *чешск.* 439
 mind, *англ.* 228—229, 295
 mitfühlen, *нем.* 441
 Mitgefühl, *нем.* 443
 Mitleid, *нем.* 443
 mother-in-law, *англ.* 417

O

objectum, *лат.* 46
 offence, *англ.* 45, 247, 248
 offended, *англ.* 248
 offense, *фр.* 247
 offenser, *фр.* 247

offrir, фр. 282
 ОК, *англ.* 291
 original, *нем.* 412

P

pagauti, *лит.* 45
 par crainte de, фр. 77, 413
 parti, фр. 424
 partie, фр. 424
 party, *англ.* 366—375
 passio, *лат.* 441
 peccato, *ит.* 251
 pelo, *ит.* 418
 penser, фр. 178, 400
 pensio, *лат.* 42
 picula, *лат.* 47
 pietà, *ит.* 441
 pilus, *лат.* 418
 pitié, фр. 441
 pix, *лат.* 47
 posiąg, *польск.* 399
 podmiot, *польск.* 46
 poenitentia, *лат.* 80, 86
 poil, фр. 418
 pojmować, *польск.* 45
 pourtant, фр. 264
 praesidens, *лат.* 406
 prasmè, *лит.* 45
 prêter, фр. 282
 pridaryti, *лит.* 54
 profiter, фр. 277
 profiteur, фр. 277
 proposition, фр. 288
 przedmiot, *польск.* 46, 286
 przykro, *польск.* 248, 252
 puto, *лат.* 180, 398, 425

Q

quälen, *нем.* 58
 quiere decir, *исп.* 151

R

raccontare, *ит.* 425

rather, *англ.* 264
 ready, *англ.* 397, 420, 470
 redouter, фр. 77
 regret, *англ.* 79, 103
 regret, фр. 80
 regretter, фр. 80, 85, 88, 96, 104
 reichen, *нем.* 415
 remember, *англ.* 328, 335, 338, 341
 remembering, *англ.* 329
 remords, фр. 252
 resolve the problem, *англ.* 287
 resoudre le problème, фр. 287
 retenir, фр. 329
 ridicule, фр. 297
 rigolo, фр. 297
 risible, фр. 297
 rufen, *нем.* 412

S

s'aimer, фр. 438
 Sachwort, *нем.* 409
 sagen, *нем.* 397
 sail, *англ.* 421
 saisir, фр. 45
 sans doute, фр. 348
 sauere Sahne, *нем.* 418
 schade, *нем.* 251
 Scherz, *нем.* 296
 Schuld, *нем.* 229
 Schwarzarbeit, *нем.* 275
 Schwarzarbeiter, *нем.* 276
 Schwarzfahrer, *нем.* 275
 Schwarzähler, *нем.* 275
 Schwarzkäufer, *нем.* 275
 Schwarzmarkt, *нем.* 275
 Schwimmweste, *нем.* 43
 se repentir, фр. 80
 se souvenir, фр. 343
 sens, фр. 45
 sense of humor, *англ.* 293, 296
 sich aussprechen, *нем.* 155
 sich besprechen, *нем.* 154
 sich brüsten, *нем.* 46
 sich entschuldigen, *нем.* 229
 sich erinnern, *нем.* 343

sich lossagen, *нем.* 155
 sich schämen, *нем.* 252
 sich versprechen, *нем.* 155
 similis, *лат.* 345
 skil, *др.-исл.* 45
 skilinn, *др.-исл.* 45
 solvere, *лат.* 287
 sondern, *нем.* 263
 sortir, *фр.* 412
 soucit, *чешск.* 431, 433, 440, 441—445
 soul, *англ.* 30, 229
 sperare, *лат.* 412
 stare, *лат.* 398
 studium, *лат.* 400
 subjectum, *лат.* 46
 suprastī, *лит.* 45
 svendere, *ит.* 279
 swim, *англ.* 421

Т

take to court, *англ.* 274
 tchnąć, *польск.* 322
 temps, *фр.* 398, 402
 tenderness, *англ.* 432
 tenir, *фр.* 413
 ter, *порт.* 413
 testa, *лат.* 399, 497
 tęsknić, *польск.* 186
 tête, *фр.* 399
 to ask, *англ.* 30, 259
 to be ashamed, *англ.* 252
 to be going to, *англ.* 189
 to be hurt, *англ.* 247, 249
 to beg, *англ.* 259
 to believe; *англ.* 175, 178
 to blacken, *англ.* 426
 to catch, *англ.* 45, 394, 397
 to communicate, *англ.* 256
 to contact, *англ.* 256
 to disappoint 377—383
 to find, *англ.* 178, 398, 406, 423
 to follow, *англ.* 45
 to intend, *англ.* 189
 to know, *англ.* 175
 to look after <smb.>, *англ.* 426

to offend, *англ.* 247, 248
 to regret, *англ.* 79, 80, 85, 539
 to seize, *англ.* 45
 to sell, *англ.* 279, 280
 to sell out, *англ.* 279
 to tell, *англ.* 30, 167
 to turn, *англ.* 394, 397
 to understand, *англ.* 45
 torpere, *лат.* 392
 toucher, *фр.* 405
 trabajo, *исп.* 423
 train, *фр.* 406
 trainer, *фр.* 406
 travail noir, *фр.* 276
 trouver, *фр.* 398, 406, 423
 trovare, *ит.* 398, 406, 423

U

und, *нем.* 263
 unhappy, *англ.* 290
 unumgänglich, *нем.* 405
 uomo, *ит.* 404
 uri, *лат.* 437
 uždaryti, *лит.* 48

V

valeur, *фр.* 151
 vanum, *лат.* 394, 397
 vellus, *лат.* 418
 venal, *фр.* 279
 vendere, *ит.* 279
 ventana, *исп.* 412
 verduwen, *нидерл.* 47
 verkaufen, *нем.* 279, 372
 verkäuflich, *нем.* 279
 vermieten, *нем.* 372
 versprechen, *нем.* 155
 verstehen, *нем.* 45
 vertere, *лат.* 394, 397, 400
 veut dire, *фр.* 151, 309, 406
 videri, *лат.* 345
 viento, *исп.* 412
 vlak, *чешск.* 399, 406
 voler, *фр.* 30, 389, 393

voler bene, *ит.* 436
 voler, *фр.* 30
 vor Gericht stellen, *нем.* 274
 vorhaben, *нем.* 44, 189
 vorhersagen, *нем.* 155
 vorsagen, *нем.* 155
 Vorsitzender, *нем.* 406
 vrime, *сербохорв.* 398, 402
 vuol dire, *ит.* 151, 309

W

wahrnehmen, *нем.* 409
 wahrscheinlich, *нем.* 348
 werden, *нем.* 394, 397
 while, *англ.* 264
 widersprechen, *нем.* 155
 Widerspruch, *нем.* 154
 wissen, *нем.* 335
 Witz, *нем.* 295
 Wolle, *нем.* 418
 wool, *англ.* 418
 wspólczucie, *польск.* 441

Y

yet, *англ.* 264

Z

zählen *нем.* 398
 zapomnieć, *польск.* 401, 422
 Zeitwort, *нем.* 409
 zucca, *ит.* 425
 zucchini, *ит.* 425
 Zug, *нем.* 399, 406, 424
 zumachen, *нем.* 48
 zusagen, *нем.* 155

ἄγω, *др.-греч.* 64
 δείκνυμι, *др.-греч.* 406, 498
 ἔτυμος, *др.-греч.* 46
 ἠδυσπάθεια, *др.-греч.* 240
 ἴδιος, *др.-греч.* 408
 ιδιώτης, *др.-греч.* 407—408
 καθίστημι, *др.-греч.* 398
 καθολικός, *др.-греч.* 220
 κενός, *др.-греч.* 397
 λέγω, *др.-греч.* 181
 προβάλλω, *др.-греч.* 286
 ὑποκείμενον, *др.-греч.* 45
 φρένες, *др.-греч.* 38

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	11
------------------------	----

Глава I **ФЕНОМЕН МНОГОЗНАЧНОСТИ**

1. Многозначность как центральная проблема семантики	15
2. Внутренняя форма слова	41
3. Метафора как источник многозначности	51

Глава II **РУССКАЯ СЕМАНТИКА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

1. Семантика глагола <i>бояться</i> в русском языке	68
2. О семантике сожаления	79
3. Наречие <i>напрасно</i> : семантика и сочетаемость	105
4. Праздник жизни проходит мимо	118
5. Глагол <i>мочь</i>	131
6. Глагол <i>говорить</i>	145
7. Глагол <i>считать</i>	169

Глава III **ФРАГМЕНТЫ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**

1. Отражение «национального характера» в лексике русского языка	185
2. Преодоление пространства в русской языковой картине мира	210
3. <i>Компактность vs. рассеяние</i> в метафорическом пространстве русского языка	220
4. <i>Счастье и наслаждение</i> в русской языковой картине мира	226
5. О семантике щепетильности: <i>обидно, совестно и неудобно</i>	241
6. К семантике межличностного взаимодействия	256

7. Русский союз <i>a</i> как лингвоспецифичное слово	263
8. Русская семантика в типологической перспективе (к вопросу о термине «языковая картина мира»)	271

Глава IV

РУССКАЯ СЕМАНТИКА В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

1. Русские культурные концепты в европейской лингвистической перспективе: слово <i>проблема</i>	285
2. <i>Юмор</i> и <i>остроумие</i> в европейской культурной перспективе	293
3. Об эффекте ближней семантической эволюции	300
4. Константы и переменные семантики глагола <i>отдыхать</i>	312
5. Концептуализация <i>памяти</i> и <i>забвения</i> в русском языке	327
6. Предикаты ошибочного мнения в свете семантической типологии: глагол <i>мнить</i>	345
7. <i>Вздор</i> : слово и дело	353
8. <i>Льстить</i> : семантическая эволюция и актуальная полисемия	361
9. Общение между людьми в межкультурной перспективе: <i>гости</i> vs. <i>party</i>	366
10. Русское <i>разочарование</i> в европейском контексте: история и современность ..	376

Глава V

ТИПОЛОГИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ

1. Семантическая деривация в синхронии и диахронии	387
2. Проект «Каталога семантических переходов»	397
3. Семантический переход как объект типологии	410

Глава VI

ГРАНИЦЫ СЕМАНТИКИ: ПОЭТИКА, СЕМИОТИКА, ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

1. К проблеме универсальности чувств и переводимости их имен: <i>любовь</i> и <i>сочувствие</i> в романе Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» ..	431
2. Тожество и подобие в значении русского творительного падежа	447
3. Метасемантизация исходного текста в советских мультфильмах- экранизациях 40—50-х годов	462
4. Реконструкция «истинного смысла» реплик в конфликтном диалоге	468
5. О семантике непонимания	477
6. Переписка по электронной почте как лингвистический объект	485
7. Семантика кавычек	495
8. Тексты А. Платонова как лингвистический источник	502

ОГЛАВЛЕНИЕ	635
9. Дневник: к определению жанра	509
10. Второе лицо: семантика, грамматика, нарратология	524
11. Об одной гибридной повествовательной форме современной прозы	536
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	545
<i>Литература</i>	551
<i>Предметный указатель</i>	603
<i>Указатель лексем</i>	613

Анна Андреевна Зализняк

РУССКАЯ СЕМАНТИКА
В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Оператор Е. Зуева
Корректор Г. Эрли
Оригинал-макет подготовлен Е. Андреевой
Художественное оформление переплета И. Богатыревой

Подписано в печать 27.11.2013. Формат 70х100/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 51,6. Тираж 700. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры»
№ госрегистрации 1037739118449
Phone: 8 (495) 95-95-260 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: 8 (499) 255-77-57, тел.: 8 (499) 793-57-01, e-mail: gnozis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, ул. Бутлерова, д. 17 «Б», офис 313

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

ЯЗЫК И КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ

- Бикертон Дерек.* Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей. 2012.
- Веннер А., Уэллс П.* Анатомия научного противостояния. Есть ли «язык» у пчел? / Пер. с англ. Е. Н. Панова. 2011.
- Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия / Ред. М. В. Фаликман. 2012.
- Дифференционно-интеграционная парадигма теории развития. Т. 2 / Сост. Н. И. Чуприкова. 2011.
- Кравченко А. В.* От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. 2013. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
- Кубрякова Е. С.* Когнитивные исследования языка: Поиски сущности языка. 2012.
- Панов Е. Н.* Парадокс непрерывности: Языковой рубикон. О непроходимой пропасти между сигнальными системами животных и языком человека. 2012
- Риццолатти Дж., Синигалья К.* Зеркало в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. 2012.
- Русакова М. В.* Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. 2013. *Прилагается CD.*
- Томаселло М.* Истоки человеческого общения / Пер. с англ. 2011.

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 6 (вал I — вершóк IV) / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. 2012.
- Бабаев К. В.* Нигеро-конголезский праязык: личные местоимения. 2013. (Studia philologica).

- Войкова М. Д.* Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. 2011.
- Зельдович Г. М.* Прагматика грамматики. 2012.
- Путь в язык: Одноязычие и двуязычие. Сб. статей / Отв. ред. С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева. 2012.
- Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2013. (Studia philologica).
- Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. ст. в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука / Под ред. Ю. Д. Апресяна, И. М. Богуславского, Л. Ваннера и др. 2012. (Studia philologica).
- Старостин Г. С.* Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. 1: Методология. Койсанские языки. 2013.
- Якубович И. С.* Новое в согдийской этимологии / Отв. ред. С. А. Бурлак. 2013. (Studia philologica).

ПОЭТИКА И ПОЭЗИЯ

- Гаспаров М. Л.* Избранные труды. Том IV: Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации. 2012.
- Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Э. М. Жиликова, А. С. Янушкевич (гл. редактор) и др. Т. 9: Дон Кишот Ламанхский. Сочинение Серванта. Переведено с Флорианова французского перевода В. Жуковским / Ред. И. А. Айзикова. 2012.
- Игошева Т. В.* Ранняя лирика А. А. Блока (1898—1904): поэтика религиозного символизма. 2013. (Studia philologica).
- Козлов В. И.* Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. 2013.
- Пискунова С. И.* От Пушкина до «Пушкинского Дома»: очерки исторической поэтики русского романа. 2013. (Studia philologica).

ЛИТЕРАТУРА, КУЛЬТУРА, МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

- Вопросы культуры речи. Вып. 11 / Отв. ред. А. Д. Шмелев. 2012.
- Дементьев В. В.* Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. 2013. (Studia philologica).
- Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г., Подосинов А. В.* Imagines mundi: античность и средневековье. 2013. (Studia historica. Series minor).
- Кириллин В. М.* О книжности, литературе, образе жизни Древней Руси. 2013. (Studia philologica).
- Ларина Т. В.* Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. 2012.
- Михайлов А. Д.* Поэтика Пруста / Изд. подгот. Т. М. Николаевой. 2012.

Михайлова Т. А. Ирландия от викингов до норманнов: Язык, культура, история. 2012.

Ратмайр Р. Русская речь и рынок: Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. 2013. (Studia philologica).

Сендерович С. Я. Фигура сокрытия: Избранные работы. Т. 2: О прозе и драме. 2012. Славянский стих. Т. IX.: Лингвистика и структура стиха / Под ред. А. В. Прохорова, Т. В. Скулачевой. 2012. (Studia poetica).

Степанян К. А. Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени. 2013. (Studia philologica).

Тюрина Г. А. Из истории изучения греческих рукописей в Европе в XVIII — начале XIX в.: Христиан Фридрих Маттеи (1744—1811) / Отв. редактор Б. Л. Фонкич. 2012. (Монфокоп. Вып. 2).

Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. 2012. (Studia philologica).

Латухинская степенная книга. 1676 год / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, А. В. Сиренов; отв. ред. Н. Н. Покровский. 2012.

Оксфордское руководство по философской теологии / Сост. Томас П. Флинт, Майкл К. Рей; ред. М. О. Кедрова. Ин-т философии РАН. 2013.

Анна Андреевна Зализняк — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания Российской Академии наук.

Родилась в Москве, окончила Отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. В 90-е годы преподавала русскую лингвистику в университетах Парижа, Экс-ан-Прованса, Флоренции, Мюнхена. Автор более 150 научных трудов, в том числе: «Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния». München: Otto Sagner Verlag, 1992; «Введение в русскую аспектологию» (в соавторстве с А. Д. Шмелевым). М.: Языки русской культуры, 2000; «Ключевые слова русской языковой картины мира» (в соавторстве с И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелевым). М.: Языки славянской культуры, 2005; «Многозначность в языке и способы ее представления». М.: Языки русской культуры, 2006, «Константы и переменные русской языковой картины мира» (в соавторстве с И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелевым). М.: Языки славянской культуры, 2012.

ISBN 978-5-9551-0692-2

9 785955 106922 >